

РОССИЯ
XX ВЕК

БОЛЬШАЯ ЦЕНЗУРА

ПИСАТЕЛИ И ЖУРНАЛИСТЫ В СТРАНЕ СОВЕТОВ 1917–1956

ДОКУМЕНТЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
«ДЕМОКРАТИЯ»
(Фонд Александра Н. Яковлева)

ДОКУМЕНТЫ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1997 ГОДУ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА А.Н. ЯКОВЛЕВА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД «**ДЕМОКРАТИЯ**», МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «**МАТЕРИК**», МОСКВА

РОССИЯ.
XX ВЕК

ДОКУМЕНТЫ

БОЛЬШАЯ ЦЕНЗУРА

ПИСАТЕЛИ И ЖУРНАЛИСТЫ В СТРАНЕ СОВЕТОВ 1917–1956

СОСТАВИТЕЛЬ:
Л.В. Максименков

МОСКВА 2005

ББК 66.61 (2)
Б79

Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) выражает благодарность Фонду Б. Ельцина за поддержку данного издания

Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов.
Б79 1917–1956 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. Л. В. Максименков. – М.: МФД: Материк, 2005. – 752 с. – (Россия. XX век. Документы).

ISBN 5-85646-145-2

В сборнике представлена документальная хроника создания и функционирования жесткой системы тотального контроля за содержанием и направлением всех видов печати и литературного творчества. Этот всеобъемлющий контроль и прямое управление творческим процессом распространялись не только на всю печать, но и на личные судьбы писателей и журналистов вплоть до решения вопроса об их жизни и смерти. Устроителями системы были Ленин, Троцкий и Сталин. Затем Сталин в течение тридцати лет оставался главным цензором, редактором, критиком и «образцовым» автором Страны Советов.

ББК 66.61 (2)

ISBN 5-85646-145-2

ВВЕДЕНИЕ

В докладе Седьмому конгрессу Коминтерна (1935) Георгий Димитров дал определение фашизма в его марксистско-классовой интерпретации: «Фашизм у власти есть, товарищи, как правильно его охарактеризовал XIII пленум Исполкома Коммунистического интернационала, открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. Самая реакционная разновидность фашизма — это фашизм германского типа. Он нагло именует себя национал-социализмом, не имея ничего общего с социализмом. Германский фашизм — это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран»*.

В применении к политике и практике большевизма и его сталинского подвида этот тезис можно гипотетически перефразировать следующим образом. Сталинизм у власти (а без аппарата власти сталинизма не было) — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных и шовинистических элементов российского деклассированного мещанства и люмпен-пролетариата. Его именование себя социализмом и интернационалистская демагогия скрывали воинственный великодержавный шовинизм (как во внутренней, так и во внешней политике), государственную политику политического бандитизма, изощренную систему провокаций, пыток в отношении рабочего класса, крестьянства и прежде всего интеллигенции. Сталинизм — это воплощение на территории бывшей Российской империи «средневекового варварства и зверства» со специфическим дополнением в виде возрожденного полукрепостнического рабства (с его системой трудовых резервов, паспортов, прописок, регистраций).

После разгрома нацистской Германии на Нюрнбергском процессе против руководящих деятелей Третьего рейха в 1945–1946 гг. Международный военный трибунал построил свое обвинение в адрес главных нацистских преступников на доказательстве наличия «заговора» со стороны Гитлера и его партии с целью захвата власти, а затем развязывания агрессивных войн и уничтожения целых народов. Тезис о заговоре не нашел полного подтверждения в обвинительном приговоре, а преступной организацией была признана только нацистская партия и ее структуры, но не правительственный кабинет фашистской Германии, не Генеральный штаб и высшее командование германских вооруженных сил.

---

* Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма // 7 конгресс Коминтерна и борьба против фашизма и войны: Сб. документов. М.: Издательство политической литературы, 1975. С. 120–121.

Однако в речах обвинителей и в заключениях об индивидуальной ответственности некоторых подсудимых ключевым элементом заговора была признана нацистская пропаганда внутри страны и за рубежом – как по содержанию и ее форме, так и по изощренности системы партийных, государственных и полицейских учреждений гитлеровского агитпропа.

В документе о личной ответственности начальника Отдела германской печати при министерстве пропаганды Ганса Фриче, в частности, указывалось, что Фриче «подстрекал и побуждал к совершению военных преступлений путем преднамеренной фальсификации информации, в целях возбуждения у германского народа тех инстинктов, которые привели бы его к совершению зверств»*. (Фриче был оправдан.) В разделе об ответственности заведующего Управлением внешней политики партии и заместителя Гитлера по вопросам идеологической подготовки Альфреда Розенберга он был назван официальным, «признанным идеологом партии», который «развивал и распространял нацистские доктрины в редактировавшихся им газетах... а также в многочисленных книгах, которые были им написаны» (там же, с. 674). Доктрины Розенберга означали «упадок нравственности и насаждение извращенной национал-социалистской мечты о мировом господстве в умах германского народа, превратив его, таким образом, в орудие заговора, добровольного помощника в проведении в жизнь преступного заговора» (том 6, с. 142). (Розенберг приговорен к смертной казни через повешение.)

Цитирование документов Нюрнберга можно продолжать и при этом находить строгое соответствие должностям Фриче, Розенберга, Функа, Геббельса и десятков других нацистских руководящих деятелей – в советских партийно-государственных структурах, которые во всем мире печально известны под названием Агитпроп**. Гитлер говорил на одном из совещаний с главнокомандующими: «Строительство наших вооруженных сил стало возможным только в связи с идеологическим воспитанием германского народа со стороны партии». Эта мысль очевидна для большинства тоталитарных и военно-фашистских диктатур XX века (Муссолини в Италии, Франко в Испании, Ким Ир Сена в Северной Корее, Салазара в Португалии, Мао Цзэдуна в Китае, Пиночета в Чили, генералов в Аргентине, Кастро на Кубе и т. д.). В наши дни нюрнбергские документы не потеряли актуальности еще и потому, что аналогичной, юридически выверенной методологии, позволяющей беспристрастно оценить преступления против мира и человечности большевистского режима и клонированных режимов в других «социалистических» странах, к сожалению, даже в неосоветское время еще не появилось.

Предлагаемый вниманию отечественного читателя сборник документов содержит в подавляющем большинстве документы из коллекций Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

---

* Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. / Сост. д. ист. н. Н. С. Лебедева. Т. 8. М.: Юридическая литература, 1999. С. 717.

** Для удобства читателей в комментариях к документам сборника вместо несколько раз менявшейся аббревиатуры названия главного штаба партийно-пропагандистского диктата большевистской партии в области культуры (АППО, АПО, Культпроп, Культпрос, УПА и т. д.) используется слово Агитпроп.

Сборник представляет собой хронологическое документальное повествование о большевистском заговоре, направленном на установление тотального контроля над словом (устным и печатным), над интеллигенцией (главном носителе слова), над СМИ, культурой и искусством (специфических областях интеллектуальной деятельности, при которой главным элементом передачи информации является слово). Иллюстрируется использование перечисленных категорий в качестве одного из главных инструментов для достижения целей террористической диктатуры.

Имена руководителей заговора, его конкретных исполнителей (работники Агитпропа, редакторы партийных, советских, комсомольских, профсоюзных газет, общественно-политических журналов, руководители издательств, Всесоюзного радиокомитета, Комитета по делам искусств и республиканских управлений, творческих союзов, общесоюзных и местных ведомств), вольных или невольных участников заговора, добровольных подручных, жертв будут меняться от раздела книги к разделу, от документа к документу. Эта череда персонажей оживает на страницах сборника в виде руководителей и исполнителей конкретных одноразовых акций, спланированных провокаций, масштабных многомесячных кампаний и т. д. Палачи становятся жертвами, жертвы — лагерной пылью, полуграмотные выдвиженцы делаются сановниками, а всесильные вельможи и начальники предаются полному забвению в официальной истории или исчезают в номенклатурное небытие... Только политика диктата и тотального контроля остается неизменной.

Хронологически сборник охватывает период от большевистского переворота (триумфа заговора) в ноябре 1917 г. до празднования сороковой годовщины этого события, названного «главным» в XX в. (октябрь 1957 г.), когда произошла существенная перестройка сталинского режима. В сборнике пять разделов: «Ленин с нами» (1917 — январь 1924)», «Сталин — это Ленин сегодня» (1924—1929)», «Великий перелом» (1930 — сентябрь 1939)», «Мир, война и мир (сентябрь 1939 — март 1953)», «Ранняя «оттепель» (март 1953 — 1956)».

Они соответствуют пяти периодам в истории Советского государства этого сорокалетия и ставятся в контекст развития беспрецедентного в российской истории (а быть может, и в мировой) культа личности руководителя страны — Иосифа Виссарионовича Джугашвили-Сталина. В итоге культ видится важнейшим атрибутом заговора и своеобразной целью и средством «Большой цензуры».

С одной стороны, предлагаемый сборник является продолжением исследований коллег-историков, литературоведов, архивистов, филологов. С другой — может показаться, что речь идет о нескольких сборниках, помещенных под одной обложкой, построенных по итогам сбора информации принципиально нового уровня.

По хронологии первая сюжетная линия подбора документов — это ленинский период «Большой цензуры» (1917—1923). Во внимание принималась необходимость тотальной ревизии сегодняшнего положения дел с ленинским наследием послеоктябрьского периода. На протяжении почти семи десятилетий Институт Ленина, Институт Маркса — Энгельса — Ленина, Институт

марксизма-ленинизма при ЦК КПСС настаивали на академическом характере своих архивно-документальных публикаций (речь идет о четырех изданиях Собрания сочинений Ленина, о Полном (пятом) собрании сочинений (ПСС), о «Ленинских сборниках» и о двенадцатитомной «Биографической хронике» (в сборнике ссылки на нее даются как на «Биохронику»). Академичность подразумевала отсутствие цензорских купюр в опубликованных текстах и цензуры комментариев к ним. Сегодня запоздалое знакомство с подлинниками протоколов Политбюро позволяет подвергнуть сомнению справедливость подобных методологических утверждений. Если о цензурных выемках фрагментов из *опубликованных* ленинских текстов говорить действительно не приходится (вопрос о неизданном или сокрытом Ленине – особый), то личные инициативы Ленина по обсуждению многих вопросов карательной, цензурной политики на заседаниях Политбюро (фамилия инициатора обычно стояла в скобках после названия пункта протокола) и принятие решений, буквально повторяющих ленинские предложения, систематически утаивались.

Ленинский и сталинский периоды большевистского заговора иллюстрированы новым типом и уровнем историко-архивной информации. Речь идет о коллекции документов под названием «Подлинники протоколов заседаний Политбюро и материалы к ним» (1919 – октябрь 1952 г.), переданной в 1995–1996 гг. из Архива Президента РФ в фонды РГАСПИ (фонд № 17, опись № 163; всего около одной тысячи шестисот дел). Сброшюрованные в конце 1960-х гг. в Общем отделе ЦК КПСС, эти архивные дела (в каждом из них от десяти до трехсот листов) отчасти собраны воедино из так называемых тематических папок архива Политбюро. В случае если подлинные подписи голосовавших или протокольные отметки о голосовании ставились на инициирующем документе, то он автоматически включался в опись № 163 вслед за текстом решения.

В законодательных инициативах Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова «переходного» (от Ленина к Сталину) периода 1922–1928 гг. просматривается тенденция к вариативности и альтернативности сталинскому руководству большевистской партией и страной во время болезни и после смерти первого «вождя Октября». Литературный фронт стал продолжением острой внутрипартийной политической борьбы и в какой-то степени ее сублимацией.

Теоретическое обоснование цензуры, ее практические действия, конкретные метаморфозы контроля и взаимодействия Агитпропа (партийного органа), Главлита (государственной цензуры), Особого сектора ЦК (святая святых режима – личной «имперской канцелярии» Сталина), Министерства культуры (как бы оно ни называлось: Наркомпрос или Комитет по делам искусств) прежде всего увязываются с главным действующим лицом режима, истинным центром большевистского иконостаса – Сталиным. В этой связи систематизированно используются документы из фонда № 558, опись № 11 (так называемый Личный архив Сталина, всего около одной тысячи дел), переданного по ходатайству Международного фонда «Демократия» в 1997 г. из Президентского архива на государственное хранение. Сталиниана – важная сюжетная линия сборника. Сталин – главный персонаж (одновременно автор, актер, режиссер, художник, музыкальный оформитель) этой грандиозной пьесы. Метаморфозы заговора ради достижения диктатуры над Словом показаны через призму зарождения, развития, апофеоза и молниеносного заката персонального культа

главного начальника Страны Советов. В результате возникает художественно-мистический образ «вождя», создававшийся десятилетиями и к формированию которого Джугашвили-Сталин имел самое непосредственное отношение.

Этот блок документов в строго хронологическом порядке представляют письма Сталина, шифротелеграммы, его резолюции, конкретная редакторская работа, неизвестные выступления и беседы с иностранными писателями-попутчиками (Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер), интервью с западными корреспондентами и оценка их публикаций, бюрократическая переписка пятого отделения Особого сектора ЦК с Агитпропом и издательствами и т. д. Пятое отделение занималось исключительно государственным строительством культа Сталина (подготовкой к изданию собрания сочинений, утверждением журнальных и газетных статей со сведениями о жизни и деятельности Сталина, художественной литературы по сталиниане и т. д.).

Таким образом, при отборе материалов приоритет отдан опубликованию решений Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и документов, которые вызвали данное решение, а также сталинских документов.

Некоторые документы позволяют восстановить подоплеку тех или иных действий или заявлений Сталина и развязанных им политических кампаний: например, материалы, непосредственно вызвавшие историческую статью «Головокружение от успехов» (март 1930 г.), правка передовой статьи о миролюбивых декларациях Гитлера (октябрь 1939 г.), об убийстве Троцкого (август 1940 г.), о коллаборационисте генерале Власове (лето 1943 г.), речь Сталина по вопросу о ленинградских журналах (август 1946 г.) и т. д.

При отсутствии инициирующей записки в комментариях (а для удобства пользователей они располагаются непосредственно после каждого документа) по мере возможности указывается на наличие в момент принятия решения подобного документа, который, вероятно, «отложился» в тематических папках к решениям Политбюро, хранящихся в АП РФ.

Часто на подлиннике решения Политбюро (формальной картонной карточке или на рукописном листе из блокнота, тетради) стоит пометка «м. нет». Это означает, что материала к данной резолюции нет, а вопрос был внесен на рассмотрение спонтанно, в подавляющем числе случаев – лично Сталиным (во время его отпуска количество пометок «м. нет» резко уменьшалось, а их заменяли указания на шифровки Сталина).

Следующий уровень публикуемых материалов относится к решениям Оргбюро и Секретариата ЦК и материалов к ним, которые не были включены в сборники коллег-архивистов (РГАСПИ, фонд 17, описи 112, 113, 114, 116, 117, 118). Он представлен выборочно по причине огромного количества источников, связанных с цензурно-идеологической сферой. По возможности указывается номер протокола заседания и пункт повестки дня. По этим параметрам студенты, аспиранты и коллеги смогут провести поиск инициирующих, сопроводительных и справочных материалов по методике исследования документов Политбюро.

Публикуемые архивные тексты, связанные с жизнью, деятельностью и именем Сталина, требуют некоторого разъяснения.

Будущий главный цензор страны буквально с первых послеоктябрьских дней контролировал машину, которая со временем станет всемогущим Агитпропом.

Со временем последствия вмешательства вождя в издательскую, газетно-журнальную, цензурную, театральную, художественную, кинополитику станут приобретать тотальный характер, а его личные вкусы и пожелания законодателя мод и стилей – непререкаемым руководством к действию и трафаретным рецептом для принятия аналогичных решений по всей вертикали власти, как в центре, так и на местах, в том числе в национальных республиках Советского Союза.

Сергей Владимирович Кудрявцев (издатель, друг и коллега составителя сборника), просмотрев первый вариант рукописи «Большая цензура» (тогда она называлась «Издательство «Кремль»), предложил новое название, которое напоминало бы заголовок классического труда Роберта Конквеста о сталинизме «Большой террор», и справедливо заметил, что режим интересовало прежде всего установление тотального господства над литературой и искусством с формальной стороны как над сферой производственной деятельности и машиной управления, т. е. создание механизма контроля с его системой принуждения и поощрений.

Конкретное наполнение литературного текста и содержания конечного продукта, по мнению Сталина и Кремля, оставалось предметом обсуждения и решений директивных органов. На каждом новом этапе оно могло оказаться диаметрально противоположным предыдущему содержанию. Троцкий был в состоянии объявить футуризм и супрематизм главными творческими методами советского искусства. Бухарин предпочитал акмеистическую поэзию. Сталин сделал выбор в пользу социалистического реализма (по сути, романтической псевдоутопии), а главным в искусстве он считал театр и пьесы.

Содержание идеологического пакета и директивных указаний цензуре и СМИ постоянно варьировались в том числе и по внешнеполитическим конъюнктурным соображениям.

Документы по «Большой цензуре» демонстрируют то, что «секрет» сталинской и большевистской школы управления и власти, похоже, заключался именно в отсутствии самого механизма принятия решений (вместо него был «волюнтаризм и субъективизм» Сталина), но одновременно – в налаженности механизма по их реализации (репрессивные органы, комиссии партийного и советского контроля, профсоюзы, комсомол, творческие союзы, цензура, миллионная армия доносчиков, «непартийные большевики» и т. д.). Разгадка силы и смертельной опасности подобного бесконтрольного и, по сути дела, анархического типа управления огромной многонациональной и многоукладной страной как для внутренней, так и для внешней политики таилась и таится в факторе непредсказуемости, в постоянных метаморфозах, в демагогической мимикрии и во всесильном и не менее беспринципном бюрократическом аппарате, который мгновенно может быть перестроен на проведение диаметрально противоположной политики.

На кремлевском уровне, и это иллюстрируется в предлагаемом сборнике, СМИ рассматривались едва ли не главным инструментом в достижении «консенсуса» в стране путем создания атмосферы ажиотажа, истерии, национальной, религиозной и классовой ксенофобии, а затем послушания, единомыслия, безоговорочной поддержки на каждом новом витке очередного эпизода

заговора. Будь то сворачивание новой экономической политики, разгром Русской православной церкви, преступная коллективизация и геноцид крестьянства времен раскулачивания, уничтожение миллионов «врагов народа», общенациональная деморализация общества во время двухлетия «холодного мира» с Гитлером, депортация северокавказских народов, послевоенная антисемитская кампания, преступное «Ленинградское дело», вакханалия борьбы с «колорадским жуком», «дело врачей» и т. д.

Особый жанр сталинианы – письма к Сталину его соратников, а также писателей, журналистов, деятелей искусства, их родных и близких, просто незнакомых людей и реакция вождя на весьма мизерную часть этих обращений (односложная или в форме мотивированного ответа).

На страницах переписки советского руководства в порядке обсуждения общеполитических и внутрипартийных проблем время от времени поднимались и литературные вопросы. В начале тридцатых годов Николай Бухарин сообщал Сталину: «Перед отъездом посылаю тебе роман Левина «Юноша», о котором говорил, когда был у тебя. Под именем Владимира там выведен Фадеев, Авербах фигурирует как Борис Фиттингоф. Все сии персонажи появляются во второй половине книги»*.

В сборник включены письма, о которых с высокой степенью вероятности можно сказать, что с ними был ознакомлен или знал об их существовании Сталин. В Особом секторе ЦК ВКП(б) с начала двадцатых годов составлялись ежемесячные сводки с перечнем наиболее важных (двадцати – тридцати) писем на имя Сталина. Эта практика сохранилась вплоть до смерти вождя. Не все отобранные письма подавались вождю. Они проходили дополнительную сортировку и часто переадресовывались членам высшего руководства (Жданову, Маленкову и т. д.). Тем не менее факт включения письма в сводку, фамилия автора, его номенклатурная или профессиональная принадлежность, а также лаконичное изложение содержания реляции заносились машинописью в типографские бланки: «включено в сводку», «направлено т. Жданову» или «КПК. Т. Шкирятову».

Согласно сводке за март – апрель 1946 г. вдова Алексея Толстого жаловалась Сталину на то, что ей предложили «срочно освободить дачу в Барвихе». Просила дачу ей оставить. Письмо направляется Маленкову. Антрополог и скульптор Михаил Герасимов просил Сталина «вскрыть захороненных исторических деятелей Москвы в Архангельском соборе Кремля для воспроизведения». Кремль находился в ведении Берии. Ходатайство пересылается на Лубянку. Композитор Василий Золотарев просит разрешения посвятить Сталину свою шестую симфонию «Моя Родина». Вопрос передан в ведомство министра культуры Михаила Храпченко**. В майской сводке за тот же год сообщалось, что письмо члена ССП и кинодраматурга Георгия Мунблита направлено Жданову. Автор хотел бы получить «оценку либретто его кинокомедии «Го-

---

* РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 708. Л. 5. Борис Левин (1898—1940) работал в сатирических журналах. Роман «Юноша» вышел в 1933 г. Герой — молодой художник — «находится в плену индивидуалистических настроений» (КЛЭ). Сам Левин погибнет на финском фронте во время «зимней» войны, успев написать совместно с Петром Павленко сценарий к фильму «Яков Свердлов».

** РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 4, 6, 34.

рестная жизнь плута» и ответить ему, нужно ли работать над комедийным жанром»*. Ответ Сталина и Жданова прозвучит в сентябре того же года в виде погромного решения ЦК о второй серии кинофильма «Большая жизнь». В этой сводке сообщается о письме жены писателя Федора Панферова (давнего автора писем к Сталину): «Пишет, что ее муж бросил после 25-летней совместной жизни и отказывает поддерживать материально». Просит воздействовать на Панферова. Письмо направляется в КПК Матвею Шкирятову. В июле Елена Булгакова просит вождя издать сочинения Булгакова. Поэт Василий Каменский также что-то просит**. Список можно продолжать и продолжать.

Когда вновь публикуются хрестоматийно известные документы Сталина (например, предисловие к брошюре молодой журналистки Елены Микулиной «Соревнование масс» (1929), включенное в Сочинения Сталина), то они воспроизводятся в контексте связанных с ними неопубликованных текстов (воспоминания самой журналистки о встрече, протесты коллег-журналистов с обвинениями автора в халтуре, оправдательная записка начальника Главискусства Феликса Кона). Если в очередной раз упоминается письмо Сталина Константину Станиславскому по поводу пьесы «Самоубийца» Николая Эрдмана (1932), то одновременно печатается заключение Главреперткома о пьесе, на которое ссылается Сталин, а также вызвавшая это расследование записка начальника Агитпропа Стецкого. Сводится воедино полемика 1928 – конца 1929 г. о «пролетарском театре», о РАПП, о попутчиках из театра «буржуазного». При появлении новых звеньев выстраиваются в более логическую цепь публикации коллег-историков. При этом неразгаданными остаются некоторые старые вопросы и неизбежно появятся новые.

Письмо писателя к Сталину нередко могло оказаться поводом для принятия директивного политического решения. 23 апреля 1933 г. Политбюро заслушало сообщение Сталина «О Вешенском районе». Его выступление, а также решение, принятое Политбюро, появилось после двух писем Михаила Шолохова о положении дел на Дону (в подлиннике протокола Политбюро так и записано: «Материал – письмо т. Шолохова»). Решение по данному вопросу – характерный пример влияния писем выдающихся писателей страны на принятие сталинским режимом рекламно-пропагандистских политических решений: «Командировать т. Шкирятова в Вешенский район для обследования на месте причин тех недопустимых перегибов по линии хлебозаготовок, которые были допущены (*зачеркнуто:* «произошли») местными районными работниками (*зачеркнуто:* «органами») и представителями краевых органов». Страстное послание Шолохова произвело впечатление на вождя***.

В более или менее систематизированном виде в научный оборот вводится переписка Сталина с главным «пролетарским» поэтом Демьяном Бедным, письма вождю одного из первых советских писателей-деревенщиков-колхозников Федора Панферова, часть переписки с главным «пролетарским» драматургом и главарем Российской ассоциации пролетарских писателей Владимиром Киршоном, а также с видным интеллектуалом большевиком Н. Осинским.

---

* РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 868. Л. 3.

** Там же. Д. 869. Л. 5–6.

*** Решение направить своего верного соратника Сталин сообщает Шолохову 6 мая (хотя было принято оно 23 апреля): «Для разбора дела прибудет к вам, в Вешенский район, т. Шкирятов, которому — очень прошу Вас — оказать помощь» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 979. Л. 16).

Жанры писем многообразны. Это бесконечные просьбы писателей о материальной помощи (Анатолий Виноградов и др.), о поездке «на лечение» или в творческую командировку за границу, с семьей или без семьи (Всеволод Иванов, Эренбург, Панферов, Пильняк и др.), о помиловании и прощении (Демьян Бедный, Войтинская, Киршон), это благодарности за полученные квартиры, дачи, автомашины, просьбы о предоставлении квартиры, дачи или автомашины. Особый жанр составляют обращения «плакальщиц» – жен (Михальцева-Соболева, супруга Вишневского Вишневецкая, законная жена Демьяна Бедного – Вера Руфовна Придворова, подруга Маяковского – Лиля Брик и др.). Немало покаянных или самокритичных писем поступало как от кураторов идеологического фронта (Лев Мехлис, Алексей Стецкий), так и от литературных сотрудников этого фронта (Владимир Киршон). Есть и доносы полицейского или эстетического содержания (Федор Панферов).

Бесконечны просьбы ознакомиться с романами, драмами, киносценариями, поэтическими произведениями, с текстами газетных и журнальных статей.

Много письменных просьб-ходатайств к Сталину прийти в театр на пьесу того или иного автора. Можно встретить обязательства писателей закончить работу в срок. Тот же Киршон – Сталину: «Т. СТАЛИН! Я хочу в ближайшее время это сделать. Мне осталась еще маленькая доработка. В. КИРШОН». Ответ Сталина трафаретно-директивен, то есть применим к любой сфере партийно-государственной деятельности: «Когда именно сдадите в печать? Что значит – «в ближайшее время»?»*. Публикуются дневниковые фрагменты Щербакова с заметками о его работе в ССП по указаниям Сталина и Жданова**.

Следует учитывать тот факт, что так называемый Личный архив формировался самим Сталиным. В него не попадали нежелательные для посмертной славы вождя и учителя документы. Если не принимать во внимание этой сознательной автоцензуры и своеобразной фальсификации, то у читателя невольно может возникнуть иллюзия о созидательной и бескорыстной роли Сталина в истории советской культуры. О том, что это далеко не так, можно судить по датам смерти многих действующих лиц сборника в помещенном в конце тома указателе.

Одним из итогов отбора документов оказался факт парадоксальной и непропорционально малой доли директив «Инстанции» (так называли Политбюро) и «Хозяина» (т. е. Сталина), регулирующих культуру, искусство, СМИ союзных республик. По концентрации географических мест за Москвой и Петроградом-Ленинградом сохраняется беспрецедентное первенство. Руководители компартий союзных республик брали трафаретные решения Политбюро за первооснову для действий на местах.

Отдельные документы могут показаться не связанными с заявленной темой сборника. Например, приводятся материалы о «Доме на набережной» в Москве (1933). Но в доме, который сделает всемирно известным Юрий Трифонов, жили: разведенная супруга Демьяна Бедного Вера Руфовна Придворова, поэт-эмигрант Лахути, немало номенклатурных писателей (Ванда Василев-

* РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 36. Машинописная копия. Л. 37. Рукописный подлинник. Л. 37 об. Вопрос Сталина – автограф. На подлиннике характерная пометка: «Поступило из НКВД 17.9.1938 г.», иными словами, документ находился в архиве Киршона, конфискован во время его ареста НКВД и затем передан в Особый сектор ЦК.

** РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1494.

ская, Борис Лавренев и т. д.) и еще больше генералов Агитпропа, уничтоженных в крематорских печах, захороненных на полях Бутовского полигона, совхоза «Коммунарка» или сгинувших на сибирских островах ГУЛАГа (Н. Н. Рабичев, А. И. Стецкий, Б. М. Таль, А. Б. Халатов, В. Г. Сорин и др.). Символично, что название улице, на которой расположен этот архитектурный мамонт, было дано по имени жителя «Дома» Александра Серафимовича, а не по одному из переживших чистки и террор старых или новых большевиков. Включение подобных документов в корпус сборника становится объяснимым.

Сборник документов составлен по хронологическому принципу. В некоторых документах были допущены незначительные сокращения, которые отмечены отточиями в угловых скобках. Не публикуются отдельные приложения, в частности вырезки из газетных и журнальных публикаций, сопроводительные письма, меморандумы, справки. Сокращенные слова по мере необходимости восстанавливаются в квадратных скобках. Документы снабжены редакционными заголовками, которые дают представление о содержании текста. Тексты печатаются с сохранением лексических и грамматических особенностей стиля, отличавшего общественно-политическую, литературно-журналистскую деятельность авторов и специфику институтов власти, в недрах которых эти документы создавались. Явные орфографические и иные ошибки, опечатки, противоречия в текстах, как правило исправляются без оговорок. Особое внимание уделяется воспроизведению резолюций на документах, отметок о голосовании и пометок, принадлежащих Ленину, Сталину, Троцкому, членам и кандидатам в члены Политбюро, Оргбюро, секретарям ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, руководителя Агитпропа ЦК и членам правительства. Это поможет воссоздать делопроизводственную и историческую судьбу каждого действия, эпизода, позиций и конфликтов действующих лиц истории большой советской цензуры. Сохранены указания на фиксирование в специальных альбомах резолюций Сталина (например: № 649/9.8.35 г.), поскольку сталинским резолюциям придавался статус государственных решений.

В конце сборника помещен краткий именной указатель. Помимо даты рождения и смерти, а также лаконичной номенклатурной или профессиональной принадлежности действующих лиц по возможности полностью расшифровываются их имена и отчества. Это оживляет, очеловечивает бездушное канцелярское перечисление аббревиатур сотен фамилий и одновременно может помочь нерусскоязычному читателю иметь более полное представление о героях документов. При составлении комментариев к именному указателю неоценимую помощь оказали два уникальных издания: справочник Соломона Ефимовича Кипниса «Новодевичий мемориал» и «Расстрельные списки», издаваемые обществом «Мемориал»*. После указателя следует перечень упоминаемых печатных изданий, а также список сокращений.

* Кипнис С. Е. Новодевичий мемориал: Некрополь монастыря и кладбища. 2-е изд., испр. и доп. М.: АРТ-бизнесцентр, 1998. Издания научно-информационного и просветительского центра общества «Мемориал»: Расстрельные списки. М., 2002; «Коммунарка», Бутово: Книга памяти жертв политических репрессий / Под ред. Л. С. Ереминой и А. Б. Рогинского. М.: Мемориал: Звенья, 2002; Донское кладбище, 1934—1940. М., 1993; Ваганьковское кладбище, 1926—1936. М., 1995.

В ходе десятилетней работы над сборником многое изменилось в стране и в мире. Некоторые документы, доступные в 1992—1995 гг., оказались вновь засекреченными*. Другие, хотя и «объективно» рассекреченные, реально остаются недоступными для читателей по «субъективным» причинам (отсутствие страхового фонда, ксерокопий, первых публикаций, в том числе на английском языке). Третьи давно опубликованы за океаном на английском, но неизвестны на родине. Четвертые благополучно расположены на интернет-сайте видного диссидента советских времен Владимира Буковского. При публикации мы исходили из положений федерального закона РФ «О государственной тайне».

Напомним, что статья седьмая закона от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (с изменениями от 6 октября 1997 г.) говорит следующее: к «сведениям, не подлежащим отнесению к государственной тайне и засекречиванию» отнесены данные о «состоянии экологии, здравоохранения, санитарии, демографии, образования, культуры, сельского хозяйства, а также о состоянии преступности; о привилегиях, компенсациях и льготах, предоставляемых государством гражданам, должностным лицам, предприятиям, учреждениям и организациям; о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина... о состоянии здоровья высших должностных лиц Российской Федерации; о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами. Должностные лица, принявшие решение о засекречивании перечисленных сведений либо о включении их в этих целях в носители сведений, составляющих государственную тайну, несут уголовную, административную или дисциплинарную ответственность в зависимости от причиненного обществу, государству и гражданам материального и морального ущерба. Граждане вправе обжаловать такие решения в суд».

Эти благородные положения российского закона могли бы стать эпиграфом к сборнику «Большая цензура».

Л. Максименков

Москва
11 июля 2005 г.

---

* См.: Афиани В. Ю. Дискуссионные вопросы археографической культуры документальных изданий 90-х годов // Проблемы публикации документов по истории России XX века: Материалы Всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. Москва, 1—2 июня 1999 г. М.: РОССПЭН, 2001. С. 71—81. См. также: Безопасность архивов и архивных фондов. Доклады и сообщения на Всероссийской научно-практической конференции 30 ноября — 1 декабря 1999 г. М.: Росархив: Российское общество историков-архивистов, 2000.

Раздел первый

«ЛЕНИН С НАМИ»

(1917 — январь 1924)

№ 1
О ВЫСТУПЛЕНИИ СТАЛИНА НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК ПО ВОПРОСУ ОБ АРЕСТОВАННЫХ И О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ

6 ноября 1917 г.

[ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА С. Р. и С. Д. 6 НОЯБРЯ 1917 ГОДА][1]

Товарищ Сталин вносит дополнение в сообщение Карелина: меньшевики требовали освобождения всех арестованных и свободы не только для социалистической, но и для буржуазной печати.

Ввиду этого товарищ Сталин предлагает принять следующую резолюцию:

Заслушав доклад комиссии, ЦИК постановляет:

Предварительные условия для переговоров о соглашении, изложенные на известном заседании согласительной комиссии Абрамовичем и повторенные во вчерашнем номере «Рабочей газеты»[2], а именно: освобождение всех без исключения арестованных по политическим делам и свобода печати (всей печати) — эти условия неприемлемы.

ЦИК считает нужным, тем не менее, продолжить переговоры на почве принятых уже ЦИК резолюций о соглашении без дополнительных предварительных условий.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 937. Л. 6. Печатается по тексту протоколов. Типографские гранки.

Опубликовано: Протоколы заседаний ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. М., 1918 г.

[1] Заголовок дан составителями Собрания сочинений Сталина.

[2] «Рабочая газета» — центральный орган партии РСДРП (меньшевиков). Издавалась с 7 марта 1917 г. Вскоре после Октябрьской революции была закрыта.

№ 2
ИЗ ПРОТОКОЛА ВЕЧЕРНЕГО ЗАСЕДАНИЯ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

22 ноября 1917 г.

Слушали: звонили о печатающихся и распростран[яющихся] прокламац[иях] контрреволюц[ионного] характ[ера] к населению от городск[ой] думы.

Постановлено: поручается т[ов]. ... (пропуск в подлиннике. — *Сост.*) комис[сару] по делам печати конфисковать [прокламации].

Постанов[лено]: поручить т[ов]. Быдзану по соглашению с комис[саром] по делам печати конфисковать и газеты.

Слушали: для закрытия предполагаемых газет нужны люди и автомобиль.

Постановлено: предложить Садовск[ому] выясн[ить] возможность удовлетвор[ить] эту нужду.

Тов. Сталин предлагает напечата[ть], что закрыт[ию] предшествов[ало] предупрежден[ие].

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1100. Л. 89. Машинописная копия.

Опубликовано: Документы Великой пролетарской революции. Т. 1. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского Совета 1917 года. М.: ОГИЗ, 1938. С. 286—287.

№ 3

ПРИКАЗ «К ВОЙСКАМ, ОБОРОНЯЮЩИМ ПЕТРОГРАД»

Июль 1919 г. (начало)

К ВОЙСКАМ, ОБОРОНЯЮЩИМ ПЕТРОГРАД

Буржуи и помещики прибегают к новой хитрости. В решительную минуту на боевом участке появляется обыкновенно какой-нибудь наймит белогвардейцев. Этот негодяй начинает кричать: «Вас обошли, вы окружены, сдавайтесь, а то всех перебьем!»

Бывает и так, что среди наших советских войск найдется паршивая овца, которая хочет перепортить все стадо. Бывает так, что некоторые иуды — предатели идут в Красную Армию для того, чтобы предать нас.

Настоящим объявляется:

Семьи всех перешедших на сторону белых немедленно будут арестовываться, где бы они ни находились.

Земля у таких изменников будет немедленно отбираться безвозвратно.

Все имущество изменников конфисковывается.

Изменникам пощады не будет. По всей Республике отдан приказ расстреливать их на месте.

Семейства всех командиров, изменивших делу рабочих и крестьян, берутся в качестве заложников.

Только немедленное возвращение на сторону рабоче-крестьянской Советской России и сдача оружия избавит перебежчиков от беспощадной кары.

Кто за рабоче-крестьянскую Россию, кто против предателей России, тот должен быть в рядах Красной Армии, тот должен сражаться с белыми до полного их истребления.

Солдаты Красной Армии! Вы защищаете свою землю, вы защищаете власть рабочих и крестьян, вы защищаете вашу родную рабоче-крестьянскую Россию. Белые хотят вернуть царя и рабство, белые подкуплены английскими, французскими, немецкими и финскими буржуями, врагами рабоче-крестьянской России.

Белых надо истребить всех до единого. Без этого мира не будет.

Кто сделает хоть один шаг в сторону белых, тому смерть на месте.

Прочитать во всех ротах.

По уполномочию Совета Обороны Республики.

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 937. Л. 258—259.

Опубликовано: Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году. М., 1941. Печатается по тексту этого сборника.

Текст приказа исключен Сталиным из макета тома его Сочинений.

№ 4
ИЗ ПРОТОКОЛА № 13 ЗАСЕДАНИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ГОСИЗДАТА ОБ ИЗДАНИИ СБОРНИКА К ЮБИЛЕЮ ЛЕНИНА

4 сентября 1919 г.

Слушали:

П. 9. Доклад Н. И. Бухарина об издании сборника к юбилею В. И. Ленина 10-го апреля 1920 г.

Постановили:

П. 9. Издать один научный сборник, поручив организацию его В. В. Воровскому.

Издать популярную биографию В. И. Ленина, которая должна быть такой, чтобы ее можно было перевести на иностранные языки, поручив это дело тов. Каменеву.

Относительно издания полного собрания сочинений наметить т.т. Воровского, Бонч-Бруевич, Ольминского, Карпинского и Каменева; окончательный список этой Комиссии после переговоров с В. И. Лениным представить на утверждение ЦК РКП.

Агитационно-Пропагандистскому отделу по этому вопросу ничего не предпринимать.

Секретарь П. ИОФФЕ

С подлинным верно.

Выписки посланы для сведения: Ленину, Бонч-Бруевичу, Ольминскому, Карпинскому, в Агитпроп.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2738. Л. 1. Машинописный подлинник на бланке.

№ 5
ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО О ЦЕНЗУРЕ МАТЕРИАЛОВ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

27 декабря 1919 г.

Слушали:

5. Заявление т. Чичерина о том, что Петроградское отделение «Росты» опубликовало сообщение военного характера, могущее быть понято Антантой и Финляндией как намерение Советской России начать наступление против Финляндии.

Постановили:

5. Не входя в обсуждение данного конкретного случая, разъяснить, что принятые Оргбюро правила цензурирования газет и «Роста» распространяются и на петроградские газеты, и на петроградское отделение «Роста».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 24. Л. 1 об. Подлинник протокола.

Вопрос о цензуре информации на внешнеполитические темы будет постоянной темой для обсуждений и принятия соответствующих решений Политбюро. 7 марта 1929 г. Политбюро рассмотрит «Заявление т. Литвинова». Постановление: «а) Предложить Наркомпросу объявить выговор Главлиту за помещение в журнале «Чудак» необоснованной и оскорбительной заметки о польском представителе и за опубликование в «Вечерней Москве» заметки о японском морском атташе. б) Объявить выговор редакциям «Чудака» и «Вечерней Москвы» за опубликование без согласования и вопреки указаниям НКИД заметок, касающихся личного состава дипломатического корпуса. в) Поручить тт. Криницкому и Литвинову принять решительные меры для обеспечения согласования с НКИД публикуемых в газетах и журналах статей, заметок, карикатур и т. п., касающихся личного состава дипломатического корпуса» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 772. Л. 13).

№ 6
ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК О ЦЕНЗУРЕ МАТЕРИАЛОВ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

31 декабря 1919 г.

Копия
31/12
Вх. 13623

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК

На главных редакторов каждой газеты и на ответственного редактора «Роста» возлагается обязанность цензурирования всего, касающегося внешней политики, кроме материалов Инороста и Радио-Вестника, подлежащих цензуре НКИД.

Наиболее строгою должна быть цензура речей известных советских деятелей и передовиц.

Инструкции для цензурирования сообщаются устно Народным Комиссаром Иностранных Дел.

Редактора газет и ответственный редактор «Роста», если желают, могут присылать материалы на просмотр НКИД, и в таком случае с них снимается ответственность за цензурирование.

ЦК обращает особое внимание на необходимость осторожности в разъяснении задач нашей политики на Востоке.

Созвать совещание Чичерина со Стекловым, Бухариным и Керженцевым для выработки способов, мер и линии цензуры партийных изданий (все неловкое с точки зрения мира с Антантой либо вычеркивать, либо из ответственных речей и статей переносить в не ответственные, напр. псевдоним сказал; статья под новым псевдонимом и т. п.).

Вызвать из Питера на воскресенье для совещания с Чичериным редактора «Петроградской правды»[1].

Секретарь ЦК

Подлинный напечатан на машинке; орфография сохранена в точности.
С подлинным верно: *Сотр. Арх. Окт. Рев. А. Будницкая.*
Подлинный передан в Институт В. И. Ленина.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 24. Л. 4, 4 об. Машинописная копия.

[1] «Биохроника» (Т. 8. М., 1978. С. 153—154) удостоверяет, что последние два абзаца резолюции принадлежат Ленину. 26 апреля 1919 г. Чичерин сообщал в ЦК о том, что 25 апреля на коллегии НКИД были распределены обязанности между наркомом и его заместителями. Литвинов «будет следить за получаемыми из-за границы радио, передавая в Инороста предназначенные для публикации. Т. Литвинов будет также следить за выпускаемыми Иноростой бюллетенями» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 313. Л. 1). 16 декабря 1919 г. Чичерин пишет Ленину о цензуре: «Мне и тов. Карахану брать на себя всю цензуру нет физической возможности, а компетентных цензоров мы не имеем. Сами ответственные редактора несомненно компетентнее тех лиц, которых можно было бы найти в качестве цензоров. Вопрос о цензуре встанет лишь при появлении не коммунистических органов. С товарищеским приветом Георгий Чичерин. Н. К. по Ин. Д.» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 313. Л. 3, 3 об.). Сохранились пометки Ленина на тексте «Проекта устных инструкций газетам и РОСТА» от 8 декабря 1919 г. Ленин: «Этого не надо утверждать от ЦЕКА. Чичерин устно передаст. ЦЕКА принял к сведению». «О державах Антанты давать характеристику, вытекающую из нашего миросозерцания, но избегать поверхностных вульгарных бранных слов. Воздержаться от простых оскорблений их министров» (РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 214. Л. 3).

№ 7
НАРКОМИНДЕЛ ЧИЧЕРИН — ПРЕДСЕДАТЕЛЮ РЕВТРИБУНАЛА РЕСПУБЛИКИ О ФРАНЦУЗСКОМ ЖУРНАЛИСТЕ МАРСИЛЬЯКЕ

19 июля 1920 г.

Председателю Ревтрибунала Республики
Копии тт. Менжинскому, Склянскому, Троцкому,
Ленину, Крестинскому, Калинину
19 июля 1920 г.
1/139

ПО ПОВОДУ ПОЧТОТЕЛЕФОНОГРАММЫ ПРЕДРЕВВОЕНСОВЕТА
Тов. ТРОЦКОГО № 709 от 19 июля

Марсильяк был пропущен на основании выданного тов. Литвиновым пропуска в тот период, когда во французском парламенте была произнесена речь Барту за примирение с советской Россией и французская пресса, по словам тов. Литвинова, искала поводов для новой ориентации в российском вопросе[1]. Марсильяка лично тов. Литвинов немного знал по Лондону, но не это было решающим моментом, ибо он указывал, что французские корреспонденты немного отличаются один от другого. Дело заключалось в общем искании новой ориентации французской прессой. После этого, однако, произошла новая перемена вследствие польского наступления, на которое Франция стала возлагать величайшие надежды. Этой переменой настроения во Франции объяс-

няется перемена способа писания Марсильяка. Он был допущен на самое короткое время и уехал после двухнедельного пребывания в Москве. К нему были приставлены специальные агенты от Особого отдела ВЧК, которые от него не отходили ни на одну минуту. Ему показывали только то, что разрешал показывать Особый отдел через своих агентов, так что были, несомненно, достаточные основания для ознакомления его с тем заводом, куда его повели. Он посещал достопримечательности вместе с английскими делегатами, среди которых были совершенно несомненные и не любительские, а действительные агенты английского правительства[2]. То, что было показываемо этим делегатам, было заранее определено ЦК партии. Особая комиссия из т.т. Каменева, Радека и Лозовского вырабатывала детали. Марсильяку уже было показано далеко не все то, что показывалось английским делегатам.

Период приглашения многочисленных журналистов кончился вместе с переменой международной конъюнктуры. Было принято решение о прекращении доступа для буржуазных журналистов к нам, а несколько позднее Наркоминдел и Особый отдел ВЧК приняли сообща решение о полном прекращении разрешений иностранцам въезда в Россию за исключением особых случаев, подлежащих каждый раз строжайшему разбору, за исключением едущих сюда партийных товарищей.

Период широкого использования нами буржуазных журналистов имел в свое время громадное положительное значение, и отрицательная роль каких-нибудь статей Марсильяка совершенно стушевывается перед впечатлением, произведенным статьями не только Лансбери[3], но и буржуазных журналистов, как Коппинг и Ламберт.

Наркоминдел

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 343. Фотокопия. Машинописный текст. Имеется неразборчивая пометка Ленина.

[1] В январе 1920 г. Барту был избран председателем Комиссии по иностранным делам палаты депутатов. На одном из первых заседаний заявил, что является противником тайной дипломатии, политики «королевских секретов».

[2] Делегация английских тред-юнионов и лейбористов путешествовала по России с 11 мая по 16 июня 1920 г. Она посетила Петроград, Москву, Нижний Новгород, Самару, Саратов и другие города.

[3] Джордж Лансбери — в 1925 г. вместе с другими видными интеллектуалами своего времени подпишет Манифест против воинской повинности.

№ 8
КРЕМЛЕВСКАЯ ПЕРЕПИСКА В СВЯЗИ С ЖЕЛАНИЕМ ПИСАТЕЛЯ АРЦИБАШЕВА ВЫЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ

20—22 июля 1920 г.

№ 11257

ФОТИЕВА – КСЕНОФОНТОВУ

Т. Ксенофонтов,

Посылаю Вам, по поручению В. И-ча, на заключение письмо Арцибашева.

С приветом *Л. ФОТИЕВА*

КСЕНОФОНТОВ – ЛЕНИНУ

Уважаемый Владимир Ильич!

Президиум ВЧК находит нецелесообразным разрешать Арцибашеву выезд заграницу.

21/7 *Подпись*

ФОТИЕВА – КРЕСТИНСКОМУ

22/7 1920 г.

Николай Николаевич,

Посылаю при сем письмо Арцибашева и отзыв Ксенофонтова. Не знаю, в какой форме и от имени какого учреждения послать отказ. М. б., Вы ответите от ЦК? Имейте в виду, что имеется еще письмо – аналогичная просьба Вячеслава Иванова, которая, по-видимому, будет удовлетворена.

С приветом *Л. ФОТИЕВА*

КРЕСТИНСКИЙ – ФОТИЕВОЙ

По-моему, нужно ответить от имени Вл. Ил. или Управ. Делами, сославшись на заключение Ксенофонтова. От ЦК считаю неудобным.

22/7-20 г. *Н. КР[ЕСТИНСКИЙ]*

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 472. Л. 1—2 с об. Рукописные подлинники. Письмо писателя Арцибашева в деле отсутствует.

10 июня 1921 г. советский полпред в Италии Воровский из Рима обращается к чекисту Менжинскому: «Кстати, из другой оперы: из Москвы была выпущена семья композитора Рахманинова (читал в газете). А известно Вам, что Рахманинов один из самых злостных контрреволюционеров и ненавистников большевизма... О Бальмонте и говорить нечего. Несколько дней тому назад он поместил в пражской «Воле России» злопыхательский фельетон под загл. Кровавые лжецы, где обливает вонючими помоями советскую власть. Надо быть поосторожнее с несчастными литераторами, а в частности, рекомендациями некоторых наркомов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 227. Л. 34).

№ 9
МЕНЖИНСКИЙ – ЛЕНИНУ О ЗАДЕРЖКЕ РАЗРЕШЕНИЯ НА ВЫЕЗД ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ДОЧЕРИ КРОПОТКИНА

1 сентября 1920 г.

Уважаемый Товарищ!

Получив постановление ЦК, которое я приветствовал, т. к. мы с Радеком пришли к убеждению, что Кропоткина здесь нам вреднее, чем заграницей, я просил Крестинского разрешить мне задержать ее отъезд на несколько недель.

Мне важно выяснить, откуда пойдут провалы делегатов Коминтерна – изнутри съезда или из окружающей среды.

Если же выпустить всех подозрительных лиц, которые терлись вокруг Интернационала, тогда окончательно запутаешься.

Кроме того, ни в коем случае нельзя давать Кропоткиной мандата от Наркомпроса.

С т. приветом

В. МЕНЖИНСКИЙ

1.9.20 г.

P. S. Кропоткина может обвинить меня в проворстве, а никак не в волоките.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 408. Л. 1—2. Рукописный подлинник. Пометка Ленина (автограф): «в архив (по делу дочери Кропоткина) (от Менжинского)».

Не ранее 10 августа Ленин читает письмо по вопросу о выезде за границу А. П. Кропоткиной и пишет распоряжение секретарю: «Напомнить мне через несколько дней» (Биохроника. Т. 9. С. 171).

11 февраля 1921 г. Политбюро примет лаконичное решение: «О похоронах тов. Кропоткина». Постановили: «Возложить венок с надписью «одному из наиболее преследуемых русским царизмом и международной буржуазией, революционеру Кропоткину». Секретарь ЦК» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 118. Л. 20).

№ 10
ТРОЦКИЙ — БУХАРИНУ ОБ АГИТПРОПОВСКИХ МАТЕРИАЛАХ ДЛЯ «ПРАВДЫ»

23 ноября 1920 г.

Копия
23/11-20 г.
№ 5071

Товарищу Бухарину.

Согласно стенограммы тов. Троцкого: «посылаю Вам копию старого письма Врангеля к Деникину и вполне свежий дневник бывшего Донецкого наказного атамана генерала Богаевского, убитого несколько недель тому назад во время рейда нашей 5-ой Кавдивизии[1]. В обоих документах есть кое-что, что можно использовать для статей и даже для радио. По использовании прошу дневник передать в соответственное хранилище. Троцкий».

Управ. Канц. Пред. РВС Респ. (без подписи).
Из дела № 48 «разная переписка» с 12/X по 31/12-20 г. Ч. 6-я стр. 581.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 483. Л. 32. Машинописная копия.

[1] Троцкий ошибается. Донской атаман генерал-лейтенант Африкан Петрович Богаевский (1872—1935) не погиб при штурме Красной Армией Крыма. Он сумел покинуть Россию и умер в эмиграции (составитель благодарен за эту справку профессору Герману Сергеевичу Ермолаеву).

№ 11
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО «О ПОЛОЖЕНИИ В МОСКВЕ»

28 февраля 1921 г.

О ПОЛОЖЕНИИ В МОСКВЕ

а) Назначить т. Троцкого председателем комиссии обороны г. Москвы. (Вопрос переносится по требованию т. Троцкого на Пленум ЦК).

б) Поручить т. Ленину поставить во главу угла оценку положения сегодняшнего сообщения т. Зиновьева о листках, найденных в Петрограде и обнаруживающих характер контрреволюционной агитации.

в) Поручить т. Троцкому сделать извлечение для сообщения в печати об убийствах в Москве, а равно проект письменных директив печати.

г) Меньшевиков не освобождать, поручить ЧК усилить аресты среди меньшевиков и с.р., не исключая одиночек рабочих, особенно в тех случаях, когда они выдаются своей активностью.

д) Срочно запросить ВЧК о деятельности анархистов и других несоветских партий в связи с теперешними контрреволюционными выступлениями.

е) Вызвать немедленно т. Дзержинского в Москву.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 117. Л. 4. Машинописный подлинник протокола.

На подлиннике протокольного решения сохранилось указание о выписках: «а) Троцк. б) Троцк. г) Секретно Менжин. д) Секретно Менжин. е) Телеграмм Дзержин. Поручить т. Троцкому составить сообщение о событиях в Петрогр. и Москве». «Биохроника» (Т. 10. М., 1979. С. 169) не конкретизирует участия Ленина в принятии решения Политбюро «О положении в Москве», равно как не расшифровывает содержания пунктов постановления и не упоминает имен Троцкого, Зиновьева, Менжинского, Дзержинского. Это еще один классический пример большевистско-советской цензуры информации о деятельности Ленина. Следующим пунктом в протоколе Политбюро Муралов был назначен командующим войсками Московского военного округа.

№ 12
УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛИТБЮРО ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИССИИ О «ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

29 марта 1921 г.

1) Отдел «Всемирная литература» является составной частью Государств. Издательства.

2) Во главе этого отдела стоит А. М. Горький, который является ответственным перед ЦК за направление и ход работ отдела.

3) А. М. Горький может образовать при отделе рабочую коллегию по своему выбору (лишь доводя о составе ее до сведения центральной коллегии Госиздата).

4) В основу работ отдела «Всемирной литературы» кладется существующий уже утвержденный план издания. В случае дополнения этого плана эта последняя работа производится в контакте с коллегией Госиздата. Измененный план утверждается Центр. коллегией Госиздата.

4) В деле выполнения утвержденного плана отдел «Всемирной литературы» работает самостоятельно и автономно.

5) Коллегия Госиздата может просить отдел «Всемирная литература» выполнить те или иные поручения.

6) Все издания «Всемирной литературы» редактируются как с художественной, так и с политической стороны А. М. Горьким, который и несет за них полную ответственность.

7) Передача рукописей отдела «Всем. Литературы» к изданию производится Госиздатом, который определяет порядок издания, дает бумагу и т. п.

8) Весь хозяйственно-технический аппарат, осуществляющий работы отдела Всем. литератур. находится в заведовании этого отдела.

9) На изданиях «Всемирной литературы» ставятся подпись и марка «Госуд. издательства» и с другой стороны оставляется подпись «Всемирная литература».

Л. КАМЕНЕВ
Г. ЗИНОВЬЕВ
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 66. Л. 12, 13, 13 об. Рукописный подлинник. Нумерация пунктов нарушена: в тексте два пункта 4. В пункте 5 зачеркнуто: «Отдел «Всемирная литература» может согласиться или отказаться произвести...»

Л. Каменев переслал постановление комиссии на бланке председателя Моссовета в Политбюро. Оно утверждено Политбюро 29 марта 1921 г. «Слушали: п. 9. Доклад к[оми]ссии о выработке положения об издании «Всемирной литературы». Постановили: п. 9. Одобрить достигнутое в к[оми]ссии соглашение». Пометка неизвестного: «Серебрякову. Крестинскому. т. Каменеву (затребовать от него подписанное Серебряковым, Крестинским и Зиновьевым соглашение)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 126. Л. 12). 2 сентября 1920 г. «Всемирной литературе» уже было выдано два с половиной миллиона германских марок согласно постановлению НКВТ заимообразно в виде оборотных средств (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 179. Л. 2).

№ 13
ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО «О КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ КРОНШТАДТСКИХ СОБЫТИЙ»

6 апреля 1921 г.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК
ОТ 6 АПРЕЛЯ 1921 Г.

3. О комиссии по изучению Кронштадтских событий.

3. а) Поручить т.т. Зиновьеву, Радеку и Воронскому написать брошюры о кронштадтских событиях, сговорившись между собой о теме и характере брошюрок. Корректуры брошюр должны быть представлены в Политбюро.

б) Организовать комиссию в партийном порядке из ответственных партийных товарищей по одному от ПУРа, ВЧК и ЦК РКП для изучения кронштадтских событий. Поручить Оргбюро наметить кандидатов и представить на утверждение Политбюро. Поручить, кроме того, Оргбюро сформулировать точно задания этой комиссии.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 130. Л. 21.

Опубликовано: Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы: В 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1999. С. 45—46.

№ 14
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ОБ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ГРЖЕБИНА

27 апреля 1921 г.

О ГРЖЕБИНЕ

а) Утвердить постановление к-ссии по делу о договоре с Гржебиным.

б) Поручить Гос. Изд. представить через неделю в Политбюро доклад об исполнении т. Мещерякову — специальный доклад о составе вошедших в список изданий Гржебина книг.

[ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИССИИ ПО ДЕЛУ О ДОГОВОРЕ]

1. Организовать собственное издательство заграницей и вести его (*нрзб.*) *поглощения этим нашим издательством* издат. Гржебина. Самому Гржебину предложить вступить на советскую службу, обеспечив ему крупную ставку.

2. Предложить Горькому заняться исключительно идейной стороной работы издательства (привлечения *нрзб.*). Сделать это в порядке абсолютно приватном (*нрзб.*) внушения.

3. Принять 8 пунктов комиссии Рыкова вступления в переговоры с Горьким по поводу тех пунктов, которые им оспариваются.

4. Поставить официально на вид Заксу полную недопустимость его обращения с Горьким.

5. Все сношения с видными литераторами и серьезными издательствами должны вестись комиссией Госиздательства или по меньшей мере в присутствии одного члена коллегии.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 138. Л. 19. Л. 20, 20 об. Рукописный подлинник. Имеется штамп секретного архива ЦК № 59. В пункте 1 выделенное курсивом исправлено на «с тем, чтоб это наше издательство поглотило». Пункт 5 зачеркнут.

№ 15
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ПО ДОКЛАДУ ТРОЦКОГО О РАБОТЕ КОМИССИИ ПО ПЕЧАТИ

4 мая 1921 г.

Слушали: П. 11. Доклад т. Троцкого о работе к-ссии по печати.

Постановили: П. 11) а) Утвердить план комиссии общего и территориального по группам населения распределения газет.

б) Поручить Наркомпросу разработать ряд законопроектов, ведущих к переходу к общественному пользованию книгами и газетами; в частности разработать законопроект о том, чтобы газеты давались, как общее правило, только в читальни, которые должны предоставлять газеты широким массам населения.

При разработке этих проектов использовать данные о фактическом распределении газет, особенно тех, которые будут предоставлены комиссией, посланной в Орловскую губернию.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 141. Л. 13. Рукописный подлинник протокола.

№ 16
ЛЕНИН — МОЛОТОВУ О НЕОБХОДИМОСТИ СЛЕЖКИ ЗА АМЕРИКАНЦАМИ ИЗ КОМИССИИ ГУВЕРА

23 августа 1921 г.

Копия
Пометка т. Молотова «В повестку ПБ В. М. 23/8».

ЗАПИСКА, НАПИСАННАЯ РУКОЮ тов. ЛЕНИНА

Секретно т. Молотову. 23/8 т. Молотов. В виду договора с амер[иканцем] Гувером[1] предстоит приезд массы американцев. Надо позаботиться о надзоре и осведомлении.

Предлагаю П[олит]бюро постановить:

Создать к[омис]сию с заданием подготовить, разработать и провести через ВЧК и др. органы усиление надзора и осведомления за иностранцами.

Состав к[омис]сии: Молотов, Уншлихт, Чичерин.

Право замены лишь членами партии и очень ответственными, с согласия Молотова.

К[омис]сия может создавать подк[омис]сии по спец[иальным] в[опро]сам.

Главное: учесть и мобилизовать максимум знающих англ[ийский] язык коммунистов для введения в к[омис]сию Гувера и для других видов надзора и осведомления.

Решение к[омис]сии утвердить через Оргбюро.

23/8

ЛЕНИН[2]

Верно: *Чечулин.*

Подлинник из дела изъят и передан в Институт Ленина.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 177. Л. 5. Машинописная копия.

[1] Герберт Гувер в 1919—1923 гг. руководил американской организацией АРА (ARA — American Relief Administration — Американская администрация помощи), созданной для оказания помощи европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне. В 1921 г. в связи с голодом в Поволжье деятельность комиссии Гувера была разрешена в РСФСР.

[2] «Биохроника» (Т. 11. С. 235) сообщает о том, что Ленин принял участие в обсуждении на Политбюро вопроса «О надзоре за комиссией Гувера» (см. также: ПСС. Т. 54. С. 443). Заседание ПБ 25 августа в «Биохронике» упоминается вскользь. В постановлении, которое поручало принять предложение Ленина, также указывалось: «в) поручить Агитотделу ЦК, редакциям всех газет и Главполитпросвету обратить особое внимание на создание самой широкой агитации в русском и международном масштабе по поводу назначения в международный комитет пом. голод. со стороны Франции По, Нуланса и Жиро».

№ 17
ЧЕРТКОВ И БУЛГАКОВ — В ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ОБ ИЗДАНИИ СБОРНИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО

7 сентября 1921 г.

Комитет имени Л. Н. Толстого
по оказанию помощи голодающим
Сентября 7 дня 1921 г.
В Государственное издательство

Комитет имени Л. Н. Толстого по оказанию помощи голодающим предпринимает издание сборника под редакцией В. Ф. Булгакова и В. Г. Черткова из неизданных произведений Л. Н. Толстого и неопубликованных материалов о нем следующего содержания:

1) Последняя статья Л. Н. Толстого.

2) Неизданная пьеса Л. Н. Толстого «Аггей».

3) Юношеское произведение Л. Толстого – «Путешествие по Швейцарии».

4) Неизданные письма Л. Н. Толстого к разным лицам.

5) В. Г. Чертков – «Уход Л. Н. Толстого».

6) А. Б. Гольденвейзер – «Яснополянский дневник за 1910 г.».

7) С. Н. Эверлинг – «Воспоминания о Л. Н. Толстом».

8) В. Ф. Булгаков – «Корни веры Льва Толстого (Очерки духовной эволюции Л. Н. Толстого)».

9) Два портрета Л. Н. Толстого.

Размер сборника – 10 лист. Тираж 20000 экз.

Комитет просит Вас выдать разрешение на издание этого Сборника и предоставить для него бумагу (450 стоп, разм. 16 × 24 и 2800 листов картона для портретов).

ВЕСЬ СБОР ПОСТУПИТ В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХ.

25 процентов тиража будут переданы Центропечати по себестоимости для распределения по библиотекам и прочим культ.-просветительным организациям.

Председатель Комитета В. ЧЕРТКОВ
Член Президиума В. БУЛГАКОВ
Секретарь ЖДАНОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2124. Машинописный подлинник. Подписи — автографы. Резолюция Сталина — автограф. Имеется печать комитета и регистрационный номер поступления в Государственное издательство 8 сентября 1921 г. На обороте написан телефон библиотекаря Ленина Манучарьянц 52274.

Резолюция Сталина: «В Агитпропотд. ЦК. Т. Соловьеву. Прямо не отказывать, а поставить в последнюю очередь так, чтобы вышел факт[ический] отказ. Сталин».

№ 18

УНШЛИХТ – ЛЕНИНУ. СПРАВКА АГРАНОВА ПО ДЕЛУ ПЕТРОГРАДСКОГО ЗАГОВОРА И ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ ТАГАНЦЕВА О МАКСИМЕ ГОРЬКОМ

(от 27 августа 1921 г.)

8 сентября 1921 г.

036

Т. Ленину

1. Прилагаю показания Таганцева по делам: 1. Названова. 2. Бызова. 3. Погребова и 4. Бутова.

После окончания, через несколько дней, следствия заключение будет Вам подано дополнительно.

Одновременно посылаю показания Таганцева о А. М. Горьком.

С ком. прив.

8.9.21. *УНШЛИХТ*

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 865. Л. 2. Рукописный подлинник. На конверте автограф Ленина: «в архив (секретно) (показания В. Таганцева о Названове и др. 8.1921)». Позднее 8 сентября 1921 г.

Т. Ленину

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ТАГАНЦЕВА

8) Об информации от А. М. ГОРЬКОГО. Летом 1920 года, когда я скрывался от засады у меня на квартире, я обратился к ГОРЬКОМУ за советом по поводу моих родных, оставшихся в засаде. Я рассказал ГОРЬКОМУ, что я скрываюсь от засады, он предложил дать мне письмо к МЕНЖИНСКОМУ, но я счел это неудобным, ввиду невыясненности характера обвинения. Тогда он обещал оказать мне содействие в возможном скорейшем снятии засады и об устройстве питания моих родных. После первой встречи я раза три был у него на квартире, обыкновенно в связи с хлопотами об арестованных, преимущественно военных. Во время этих встреч затрагивались беседы на разные политические темы, из коих я узнавал о трагическом взгляде ЛЕНИНА на русский народ, который является, по мнению ЛЕНИНА, чрезвычайно податливым на всякое насилие и мало пригоден для государственного строительства. ГОРЬКИЙ рассказывал о своих встречах с представителями церкви и о религиозных настроениях, часто говорил о крестьянской опасности. После моего печального случая с шантажом (о даче мной 650 тысяч рублей выкупа за мое освобождение инспектору уголовного розыска, арестовавшего меня на улице) ГОРЬКИЙ, которому я рассказывал это, советовал уехать заграницу, где я буду иметь возможность заняться научной работой. Он спрашивал у меня, имею ли я возможность переправиться надежным способом через границу. Я сказал, что могу вполне надежным способом. Он просил известить его о сроке моего отъезда и захватить с собой Марию Игнатьевну БЕНКЕНДОРФ, которая пять раз пробовала перейти границу, но каждый раз неудачно, и он не хотел больше рисковать с ее отправкой. По моим сведениям, Мария Игнатьевна была однажды в Финляндии, но вынуждена была оттуда уехать, и вопрос о возможности ее выезда туда по полученной мной справке (кажется, от Ю. Германа) был весьма сомнителен. Я ГОРЬКОМУ рассказывал, что принимал участие в контрреволюционных организациях и что за мной много грехов числится. Я его мог только успокоить в лояльных отношениях к Советской России во время войны с Польшей. Разговор с БЕНКЕНДОРФ и возможности ее отъезда при моем посредстве происходили в половине августа 1920 года. ГОРЬКИЙ указывал мне имена и фамилии тех лиц, которые находятся в качестве осведомителей в Чрезвычайной Комиссии — Николая Рябушинского, одного из сыновей Саввы МОРОЗОВА, ГЕЛЬЦЕР, одной московской портнихи (известной) и известной модистки (фамилии забыл), б. лицеиста ЖЕРВЕЙ и одного из ВОНЛЯРЛЯРСКИХ. Этот список он назвал мне при обычном нашем разговоре.

В.Н. ТАГАНЦЕВ

27/8 1921 г.

Допросил: *Я. Агранов.*

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 865. Л. 7. Машинописный подлинник. Подписи Таганцева и Агранова — автографы.

Из справки ЧК на профессора В. Н. Таганцева: «руководитель Петроградской организации, Ответственный работник Сапропелового комитета. Обвинялся в том, что его группа хотела в том числе взорвать памятник Володарскому и распространяла иностранные газеты» (РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 865. Л. 3).

№ 19
КРЕСТИНСКИЙ – В ПОЛИТБЮРО О МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАНИЙ ГРУППЫ «СМЕНА ВЕХ»

15 ноября 1921 г.

Берлин 15-го ноября
Политбюро ЦК[1]

Уважаемые товарищи,

Я получил записку постановления Политбюро, коей Берлину поручается связаться с группой «Смена Вех»[2], причем ЦК высказывается против выпуска этой группой газеты и предлагает оказывать им помощь в издании брошюр[3].

Еще до получения этого письма группа приступила к изданию на деньги, полученные из Лондона небольшого еженедельника «Смена Вех».

Могу ли я считать, что издание еженедельника не противоречит постановлению Ц.К. о помощи в издании брошюр, или я должен принять меры к прекращению выпуска этого еженедельника.

Еженедельник выходит пока в Париже, но самой группой возбужден вопрос о переносе его печатания в целях удешевления в Берлин[4].

Если это произойдет, то хотя редакция останется в Париже, фактически возможен будет более детальный контроль[5].

С товарищеским приветом

Н. КР[ЕСТИНСКИЙ]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 216. Л. 8. Машинописный подлинник на бланке полпредства. Подпись Крестинского — автограф.

[1] Проект резолюции – автограф Молотова: «На голоса ПБ. Предложение: Считать поддержку еженедельника «Смены вех» столь же приемлемой, как и поддержку брошюр той же группы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 216. Л. 7). Имеется протокольная запись об итогах голосования 22 ноября 1921 г. Отметки о голосовавших: «т. Каменев. Согласен Ленин. Согласен Троцкий. Тов. Молотов за. Сталин поддерживает». Решение: «Признать необходимым поддержку».

[2] 27 октября 1921 г. Политбюро постановило: «П. 16. Об издательстве русской группы «Сменовеховцев» (Мещеряков). 16. Поручить т. Мещерякову взять письменное предложение ходатайства Гредескула, Тань и др. и снабдить его в случае надобности, своим кратким примечанием. Послать в Секретариат ЦК для ознакомления всех членов Политбюро» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 206. Л. 19).

[3] 27 октября 1921 г. Политбюро приняло постановление «О директивах т. Крестинскому по поводу известной ему группы». Выписки посланы Уншлихту и Красину: «п. 5. а) Поручить т. Крестинскому сосредоточить все дела по руководству и финансированию известной ему группы в своих руках исключительно с тем, чтобы ни в Лондоне, ни в других городах не могут быть проводимы никакие денежные выдачи и не было осуществляемо никакого руководства указанной группой. б) Сообщить копию этого решения секретно т. Красину. в) По вопросу о газетах, издаваемых этой группой, признать издание таких газет нецелесообразным и поручить т. Крестинскому дать директиву, чтобы субсидии оказывались группе только для издания отдельных брошюр» (протокольная запись. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 206. Л. 9).

[4] 13 марта 1922 г. Политбюро возвратится к рассмотрению вопроса о субсидировании газеты группы «Смена вех». Заслушав вопрос «О финансировании новой берлинской газеты» (предложение т. Крестинского), на берлинскую газету по предложению Крестинского будет выделено два миллиона германских марок. «Предложить НКФ и НКВТ выплачивать переводимые суммы в марках по действительному курсу, не умень-

шая переводимых сумм никакими отчислениями». Выписки посланы Крестинскому, Сокольникову, Красину (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 263. Л. 2).

[5] Субсидии зарубежным изданиям будут одним из постоянных видов деятельности экспортного Агитпропа. В сентябре 1928 г. Литвинов сообщит Молотову для ПБ о предложении немецкого социал-демократа, преподавателя высшей школы политических наук и редактора газеты «Ост экспресс» Унгерна-Штернберга издавать журнал с критикой социал-демократии Литвинов: «3. Унгерн-Штернберг известен нашему полпредству в Берлине, как человек действительно дружественно к нам относящийся. При жизни Парвуса он сотрудничал в журнале «Ди Глокке», защищая в нем наше дело. В свое время он также оказывал благотворное влияние в отношении русской политики на покойного Ратенау». Просит спецассигнование 2400 руб. в год. Политбюро постановило: «принять предложение» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 747. Л. 8).

№ 20
СТАЛИН — ЛЕНИНУ О КОНФЛИКТЕ ВОКРУГ АГИТПРОПА

26 ноября 1921 г.

Т. Ленин!

Мы имеем дело либо с недоразумением, либо с легкомыслием.

1) Неверно, что «партия в лице агитотдела создает орган в 185 чел.». По штатам, мною просмотренным и подлежащим утверждению Оргбюро, должно быть не 185, а 106 человек (из них нацмен 58 чел.).

2) Неверно, что за вычетом нацмен остается 87 чел., которые «будут разрушать» и пр. По тем же штатам остается не 87, а 48 чел. на работу по агитации, пропаганде и печати.

Т. Крупская читала проект Соловьева, мною не просмотренный и Оргбюро не утвержденный, и решила «что создают новый комиссариат». Т. Крупская поторопилась.

3) Из 48 чел. 6 ч. обслуживают центральный аппарат агитпропа (заведующий, зам. и технич. работники), 6 ч. — подотдел пропаганды (с таким же соотношением между техническими и руководящ. работниками), 11 ч. — подотдел агитации и 25 ч. — подотдел провинциальной печати плюс редакции «Вестника агит.», «Известий ЦК», библиотеку, распределение специальной литературы для губкомов. Остальные 58 ч. работают в 8 нацменсекциях, обслуживающих не менее 30 тыс. коммунистов (поляки, финны, евреи, татары и пр.), оставшихся вне республик (и плохо или вовсе не говорящих на русск. языке). Таков тот «новый комиссариат», который так напугал «видавшего виды» Луначарского (должен сказать, что я сократил нацмен ровно вдвое, ввиду чего общее количество работников Агитпропа не увеличилось, а уменьшилось в сравнении с прежним количеством).

4) По «положению» Агитпропа, мною на днях просмотренному и подлежащему утверждению Оргбюро, Агитпроп: а) руководит агитпропработой партийных организаций, собирает и обобщает их опыт, б) контролирует агитпропработу советских и проф. учреждений. Крики о «разрушении» Главполитпросвета — сущие пустяки. Суть в том, что ограничить работу агитпропа посылкой в Главполитпросвет члена ЦК нельзя, ибо тогда выбрасываются за борт обобщение опыта местных парторганизаций и руководство их агитпропработой, что недопустимо, вредно.

Корень недоразумения в том, что т. Крупская (и Луначарский) читала «положение» (проект), принятый в основном комиссией Оргбюро, но мной еще

не просмотренный и Оргбюро не утвержденный (он будет утвержден в понедельник). Она опять поторопилась.

5) Сегодняшнюю записку вашу на мое имя (в П. Бюро) я понял так, что вы ставите вопрос о моем уходе из Агитпропа. Вы помните, что работу в Агитпропе мне навязали (я сам не стремился к ней). Из этого следует, что я не должен возражать против ухода. Но если вы поставите вопрос именно теперь, в связи с очерченными выше недоразумениями, то вы поставите в неловкое положение и себя, и меня (Троцкий и другие подумают, что вы делаете это «из-за Крупской», что вы требуете «жертву», что я согласен быть «жертвой» и пр.), что нежелательно[1].

Я думаю, что если Оргбюро включит в свою комиссию т. Крупскую и меня (может быть, и Луначарского), то там в комиссии можно будет выяснить все недоразумения и рассеять их или договориться на чем-нибудь. Не испытав эту меру, не следует ставить вопрос в Оргбюро.

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5193 Л. 1, 1 об., 2. Рукописный подлинник на бланке РКИ.

Опубликовано: Исторический архив. 1994. № 2. С. 219 (публикатор Э. Б. Ершова).

[1] 24 августа 1921 г. Политбюро утвердило постановление Оргбюро ЦК от 22 августа 1921 г. «О работе Агитотдела ЦК»: «1. Возложить на тов. Сталина наблюдение и общее руководство отделом Агитпропаганды ЦК и связанными с ним отраслями партийно-советской работы. 2. Предложить тов. Сталину уделять этой работе 1—2 часа ежедневно». Пометка неизвестного: «тов. Троцкий воздерживается». На обороте другая пометка о несогласии Сталина с этим назначением: «Сталин воздерживается» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 176. Л. 8). 13 сентября Политбюро возратилось к вопросу «О работе т. Сталина»: «Обязать т. Сталина около трех четвертей своего времени уделять партийной работе, причем не менее $1^1/_2$ часа Агитпропотделу; из остального времени большую часть посвятить Рабкрину» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 184. Л. 22).

24 ноября, за несколько дней до написания письма Ленину, Политбюро рассмотрело просьбу Сталина освободить его от должности наркомнаца. Решено: «Отклонить». (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 217. Л. 10). Тактика заявлений об отставке была постоянной среди ленинского руководства. 21 июня 1923 г., в дни обострения борьбы внутри большевистского руководства на фоне ухудшения состояния здоровья Ленина, Политбюро рассмотрит принципиальное «Заявление т. Сталина по вопросу о разделении труда между членами Политбюро». Сталин, ставший к тому времени генеральным секретарем ЦК РКП(б), на время снизит степень своего контроля за советской культурой. Решено: «Принять предложение т. Сталина; поручить подготовку материалов по Наркомпросу т. Зиновьеву, освободив от этой обязанности т. Сталина» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 344. Л. 20).

№ 21
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО «О СОВЕТСКИХ ГАЗЕТАХ ЗАГРАНИЦЕЙ»
(предложение Ленина)

1 декабря 1921 г.

П. 7. О советских газетах заграницей (Ленин).

7. Дать т. Крестинскому следующую директиву: «Политбюро считает в принципе необходимым уничтожение советских газет заграницей, поскольку они прямо организованы органами советского правительства. ПБ просит Вас не-

медленно подсчитать все газеты такого рода, обсудить, нельзя ли оставить только одну, с гарантией того, что она будет вполне удовлетворительной, а также обсудить вопрос о возможности оставления только журнала «Смена вех» и об упорядочении регулярного получения московских советских газет. ЦК предлагает представить об этом точный доклад в Политбюро».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 222. Л. 5. Рукописный подлинник протокола заседания Политбюро.

«Биохроника» (Т. 12. М., 1982. С. 4), подробно перечисляя пункты повестки дня вечернего заседания ПБ (18 ч. 30 мин.), упоминает этот пункт, но не расшифровывает его, решение не пересказывается и не комментируется. Иносказательно говорится, что «Ленин выступает докладчиком по двум пунктам повестки дня: о советских газетах заграницей...».

№ 22
ТРОЦКИЙ — В ПОЛИТБЮРО ПО ПОВОДУ ДВУСТИШИЯ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

2 декабря 1921 г.

С. Секретно
Почтотелефонограмма № 241
Всем членам политбюро

Обращаю внимание членов Политбюро на совершенно недопустимое двустишье Демьяна Бедного в сегодняшнем номере «Правды»:

Что «настеклит», то сам и тиснет,
Ах, брань стекловская на вороту не виснет!

«Известия», как, вероятно, знает и редакция «Правды» — является официальным государственным органом. «Брань» «Известий» направлена против врагов Советской Республики. Говорить, что она «на вороту не виснет», значит бросить словечки, которые безусловно обойдут всю белогвардейскую печать. Началось с шуток по поводу Страдивариуса, а закончилось почти что публичным скандалом.

Предлагаю: Поставить редакции «Правды» на вид неуместность такого рода выходок[1].

ТРОЦКИЙ

2/ XII-21 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 222. Л. 2. Машинописный текст. Пометка Молотова: «Опросом Чл. ПБ. 2/12 (В. Мол.)».

[1] «За» голосуют Ленин и Каменев. Сталин воздерживается, Зиновьев предлагает поставить на вид обоим редакциям. «Биохроника» (Т. 12. С. 16) не указывает, что предложение принадлежит Троцкому. Также не сообщается о том, кто как голосовал по этому вопросу. Расшифровка результатов голосования показывает, что монолитного единства между Сталиным и Лениным не только не было, но что по идеологическим вопросам они нередко голосовали один против другого или Сталин воздерживался. Отношение Троцкого к творчеству Демьяна Бедного было неоднозначным. Эпизоды неприятия и критики сменялись директивными предложениями активнее использовать в большевистской печати его бесценный агитационно-пропагандистский опыт. 7 декабря 1922 г. Троцкий обратится к Бухарину со следующим предложением: «Тов. Бухарину. Как Вы знаете, на конференции по разоружению борьба заостряется вокруг ло-

зунгов: моральное разоружение или материальное разоружение. С пропагандистской точки зрения этот вопрос имеет крупное значение ввиду того, что болтовня о моральном разоружении довольно широко распространена. Я думаю, что «Правде» следует взять очень издевательский тон по отношению к моральному разоружению. Тут были бы очень уместны и карикатуры, и стихи Демьяна Бедного... Ваш Л. Троцкий» (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 480. Л. 201).

№ 23
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО О ДВУСТИШИИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

3 декабря 1921 г.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП
от 3/XII-21 г. № 82/а

Слушали:

П. 1 Предложение т. Троцкого по поводу двустишия Демьяна Бедного о т. Стеклове в газете «Правда».

Постановили:

П. 1. Поставить редакции «Правды» на вид неуместность такого рода выходок[1].

Секретарь ЦК В. МОЛОТОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 223. Машинописный текст на бланке постановления, подпись Молотова — автограф. Пометка Молотова: «Правде и т. Троцкому В. Мол.».

[1] Политбюро с первых месяцев своего существования выполняло роль третейского судьи и арбитра в спорах большевистских литераторов и дозировало температуру полемики на страницах советской и партийной печати. Ср. выписку из протокола заседания ЦКК РКП от 26/2-21 г. № 50. «П. 11. Слушали: Открытое письмо т. Серафимовича помещ. в «Правде» 18/2». «П. 11. Постановили: Обратить внимание редакции «Правды» на недопустимость помещения подобных открытых писем резких, полемических, личного характера обвинений. Секретарь комиссии» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 175. Л. 8).

№ 24
ШВЕДЧИКОВ — В ПОЛИТБЮРО ПО ПОВОДУ ПОКУПКИ БУМАГИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

8 декабря 1921 г.

РСФСР
Чрезвычайный уполномоченный
Совета Народных Комиссаров
По делам
Бумажной промышленности и печати
8 декабря 1921 г.
№ 529
Весьма срочно
В Полит. Бюро ЦК РКП

Вчера, 7-го декабря, по докладу комиссии СТО по золотому фонду Совет труда и обороны постановил: «Ассигновать Наркомвнешторгу в распоряжение Бумбюро на закупку бумаги за границей в течение 1922 г. 12 миллионов рублей золотом».

Ввиду того, что на указанную сумму я не в состоянии купить необходимого количества бумаги, чтобы удовлетворить по голодной норме самые насущные нужды Советской России, и ввиду того, что Комиссия по золотому фонду и Сов. труда и обороны рассматривали вопрос не по существу, а формально, простым поднятием рук, руководствуясь одним соображением: «следует урезать», прошу вопрос срочно пересмотреть и вызвать меня для дачи объяснений по этому вопросу.

Я просил 15 миллионов рублей на 5 миллионов пудов бумаги — голодная норма — вместо 16 миллионов пудов на сумму 48 миллионов рублей золотом.

С товарищ. приветом

К. ШВЕДЧИКОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 225. Л. 15, 15 об. Машинописный подлинник на бланке. Подпись — автограф.

Политбюро постановило: «Вопрос отложить, предложив комиссии пересмотреть весь вопрос о выписке заграничной литературы, с тем чтобы ввести выписку в пределы ведомственных смет» (там же, л. 14—15).

№ 25
КРЕСТИНСКИЙ — ЛЕНИНУ О СМЕНОВЕХОВЦЕ ЛЬВОВЕ

10 декабря 1921 г.

Берлин 10 декабря 1921 г.
НР 115
Тов. Ленину, копия тов. Каменеву

Многоуважаемый Владимир Ильич,

Третьего дня приехал из Парижа В. Н. Львов (Смена Вех). Он разошелся с веховцами из-за их отказа печатать без изменений его более левые (*подчеркнуто Лениным и проставлен знак вопроса*) статьи и отчеты о его докладах. По его словам, его положение среди парижской эмиграции и вообще в Париже стало совершенно невозможным, и он предпочел приехать сюда, чтобы открыто предложить свои услуги нам. Заявляет, что считает себя по своим политическим и социальным условиям большевиком, хотя остается глубоко религиозным человеком (*подчеркнуто Лениным и прокомментировано*: «Ха-ха!»). Хотел бы поехать в Россию для того, чтобы, во-первых, пропагандировать среди интеллигентских и обывательских кругов в России, еще не проделавших той эволюции, которую проделал он, необходимость признания и поддержки Советской Власти и, во-вторых, работать в области той или другой советской работы, хотя бы в деле укрепления свободы совести и проведения полного отделения церкви от государства (*отчеркнуто Лениным на полях и проставлен знак вопроса*).

Решите вопрос: нужен ли он в России, и напишите или телеграфируйте. Сидит он, конечно, без денег, маленькую помощь мы ему здесь как-нибудь окажем, но надолго он здесь не нужен. По-моему, он, как и остальные сменовеховцы, могут больше пользы принести в России, в которой шире и благодарнее поле для их работы[1].

С товарищеским приветом

Н. КРЕСТИНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 226. Л. 33. Машинописный текст. Приписка: «Подлинник передан в институт Ленина. Пометки синим карандашом сделаны на основании подлинника, в котором это сделано рукою тов. Ленина».

[1] Характерный комментарий на это письмо можно найти в «Биохронике» (Т. 12. С. 43): Ленин читает 15 декабря это письмо и «на обороте пишет записку членам Политбюро ЦК РКП(б) с предложением ознакомиться с письмом и не решать этого вопроса до приезда Крестинского в Москву». На самом деле Ленин написал записку Вячеславу Молотову для Политбюро. Содержание записки не было лаконичным, а давало субъективную характеристику всей ситуации: «15/12 т. Молотов. Прошу пустить вкруговую членам ПБ. Это – самый глупый из сменовеховцев, боюсь, не поможет, а навредит нам. Отложить до приезда Крестинского. Ленин». С предложением Ленина согласны Троцкий, Зиновьев, Сталин и Каменев. Постановление Политбюро принято 21 декабря.

№ 26

ФОТИЕВА — КРЕСТИНСКОМУ. КРАСИН И ЛУНАЧАРСКИЙ — КРЕСТИНСКОМУ. О ПЕРЕВОДЕ ГОРЬКОГО НА ГОСУДАРСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ

9 января — 28 февраля 1922 г.

ФОТИЕВА – КРЕСТИНСКОМУ

№ 8015
9/1
Т. Крестинскому

Николай Николаевич!

Горький в письме к Владимиру Ильичу пишет между прочим: «жить очень дорого». По этому поводу Владимир Ильич поручил мне узнать у Вас, улажен ли вопрос о переводе Горького на госснабжение.

Л. ФОТИЕВА

27 февраля 1922 г.

КРАСИН И ЛУНАЧАРСКИЙ – ПОЛПРЕДУ КРЕСТИНСКОМУ В БЕРЛИН

Телеграмма. Клером

Полпред. Берлин. Копия Старкову. Состоялось решение поручить Наркомпросу приобрести у Горького авторские права на его сочинения, поручив Берлинскому отделению Наркомвнешторга совместно с Крестинским немедленно оформить эту сделку и немедленно начать финансирование Горького. Просим немедленно начать оказывать Горькому необходимую финансовую поддержку, отложив заключение формального договора до возвращения Стомонякова, который выедет не позже начала будущей недели. 27 февраля.

КРАСИН
ЛУНАЧАРСКИЙ

Пр 165092

Верно: (*подпись*).

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 492. Л. 2, 4. Машинописная копия, заверенная Гляссер. Дата 28 февраля 1922 г. Пометка рукой неизвестного: «Т. Ленину для сведения. «Молотову». По пост. ПБ от 25 февраля 1922 г. Пр. 103, п. 10. Штамп «Архив т. Ленина»: дело по порядку № 937.

№ 27
ТРОЦКИЙ — В ПОЛИТБЮРО С ПРОСЬБОЙ О ПОЛУЧЕНИИ ГОНОРАРОВ ЗА СВОИ СТАТЬИ

13 января 1922 г.

В политбюро

Литературную работу я веду через свой военный секретариат, который при очень скромной плате — завален работой. Не встретило бы Политбюро возражений, если я за статьи и книжки буду брать гонорар в пользу своих стенографов и переписчиков?

ТРОЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 235. Л. 10. Подлинник на бланке председателя РВСР и НКВоенмор. Пометка Молотова: «Опросить 13/1».

Первоначальный проект решения ПБ по этому вопросу звучал так: «5. О гонораре за литературные работы т. Троцкого (предлож[ение] т. Троцкого). Постановили: не возражать». На тексте этого проекта Троцкий проставил знаки вопроса. Пометка Троцкого: «Кто это так удачно формулировал вопрос и ответ? Прошу придать постановлению формулировку, отвечающую действительному существу дела. Троцкий. Мое предложение таково: «Разрешить т. Троцкому получать за его статьи гонорар в пользу стенографов и переписчиков. Троцкий» (там же, л. 11). 14 января 1922 г. Политбюро приняло постановление, текстуально идентичное проекту Троцкого (там же, л. 9).

№ 28
ТРОЦКИЙ — В ПОЛИТБЮРО О ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ»

17 января 1922 г.

Политбюро

Чем больше будет развиваться новая экономическая политика, тем больше будет тяготение к созданию «информационных», «объективных» беспартийных советских газет[1]. Думаю, что с этим течением надо считаться в том смысле, чтобы ИЗВЕСТИЯМ придать в гораздо большей мере, чем ныне, советско-строительный, а не партийно-политический характер, как можно больше привлекать беспартийных спецов по разным отраслям деятельности; завести правильные еженедельные обзоры, хотя бы и самые краткие, — разных областей хозяйственной, культурной и художественно-эстетической деятельности; предоставлять больше места объективной, деловой — не только коммунистической — критике. Думаю, что кого-нибудь из наиболее для этого пригодных представителей течения «Смены Вех» в России следовало бы привлечь к постоянному сотрудничеству в газете. Может быть, кто-нибудь из заграничных «сменовеховцев» мог бы быть привлечен к корреспондированию?

Такую постановку можно будет расширять до желательного предела. Это даст нам хорошую информацию и ориентировку относительно тех кругов, откуда идут голоса в пользу независимых советских газет[2].

Л. ТРОЦКИЙ

17/1-22 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 263. Л. 5. Машинописный подлинник. Подпись Троцкого — автограф. Имеется пометка Молотова: «(приложить к протоколу). В. Молотов».

[1] 18 ноября 1921 г. Политбюро отклонило просьбу заведующего политотделом Госиздата Мещерякова, поддержавшего ходатайство группы литераторов об издании беспартийной газеты. В то же время Политбюро, рассмотрев вторую просьбу Мещерякова дать директиву о принципах работы политотдела, приняло либеральное решение: «Указать т. Мещерякову, как директиву, что он ни в коем случае не должен ограничивать допущение к печатанию книг теми, которые сочувствуют марксизму, Коминтерну и т. п., но в то же время не допускать изданий явно реакционных направлений, к каковым причисляются книги религиозные, мистические, антинаучные, политически враждебные и т. п.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 215. Л. 15).

[2] Политбюро согласилось с предложением Троцкого и особым пунктом постановления отметило: «Обратить внимание т. Стеклова на необходимость выполнения постановления Политбюро от 20/1 22 г. (Протокол № 91, п. 9) об изменении характера газеты «Известия». Письмо Троцкого приложено к протоколу заседания Политбюро. В подлиннике есть указание на записку редактора «Известий» Ю. Стеклова (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 263. Л. 5). К концу 1922 г., когда в связи с болезнью Ленина и обострением борьбы за власть вновь усложнится внутриполитическая обстановка в стране, Политбюро в очередной раз скорректирует свою позицию в вопросе о «беспартийной» газете. 2 ноября 1922 г. Политбюро принимает постановление: «Запретить всякие разговоры о беспартийной коммунистической газете, признав мысль неправильной. Поручить т. Троцкому собрать редакторов и администраторов московских газет и выбрать из состава их комиссию для перевода не менее одной московской газеты на вечернюю и для общего соображения о возможности приближения газет к самоокупаемости» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 303. Л. 10).

№ 29
ТРОЦКИЙ — В ПОЛИТБЮРО О БОРЬБЕ С «МЕНЬШЕВИСТСКОЙ И ПРОЧЕЙ АГИТАЦИЕЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ»

24 января 1922 г.

П-т № 74
Политбюро

Взаимоотношения специальной комиссии ЦК (по борьбе с меньшевистской и пр. агитацией заграницей) и комиссии Коминтерна представляются мне в следующем виде:

Фактическое руководство работой естественно сосредоточивается в комиссии ЦК: она собирает материалы, текущую информацию, пишет или заказывает брошюры, статьи, воззвания и пр.

Комиссия Коминтерна является передаточным аппаратом для распространения всех этих материалов, информации, заметок (*дописано*: «об эс-эрах, м[еньшеви]ках, анарх[истах]») и пр. заграницей и для своевременного их распределения в заграничной печати.

В то же время комиссия при Коминтерне под интересующим нас углом зрения следит за заграничной печатью (делает вырезки из иностранных изданий, касающихся русских меньшевиков, анархистов, синдикалистов, Грузии

и пр. и пр.), группирует этот материал и, если найдет нужным, со своими комментариями передает специальной комиссии ЦК.

Время от времени Комиссия ЦК может устраивать совместные заседания с комиссией Коминтерна для обсуждения общих вопросов нашей контрагитации, для выработки ее методов, приемов и пр.[1]

В частности, комиссия ЦК (*«ЦК» исправлено*: «Коминтерна») должна обеспечить русскую советскую печать заграницей соответственной информацией и статьями.

Примечание. Настоящие замечания относятся к протоколу заседания специальной комиссии ЦК от 24-го января.

Л. ТРОЦКИЙ

24/1 22

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 240. Л. 21. Машинописный подлинник. Подпись и правка — автограф Троцкого.

[1] Исправлено: «Председателем комиссии предварить т. Стеклова. Рабочей тройкой, руководящей всей работой и собирающейся не реже 2 раз в неделю, является следующий состав: Стеклов, Яковлев, Кардин». 26 января 1922 г. принято постановление Политбюро: «п. 27. Утвердить предложение т. Троцкого с поправками (списать поправки)».

№ 30
МАНУЧАРЬЯНЦ — ЛЕНИНУ О ЖУРНАЛЕ «СМЕНА ВЕХ» И О БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

27 января 1922 г.

РСФСР
Государственное издательство
Секретарь редакционной коллегии
Тел 1-51-02, 5-22-74
27/1 1922 г.
№...
Москва, М. Никитская, 6

Владимир Ильич,

Госиздат не получает никакой белогвардейской литературы.

№№ 8 и 9 «Смены вех» я Вам прислала от т. Воровского. Вообще, регулярное получение белогвардейской литературы у нас не налажено. Нет такого учреждения (кроме ВЧК), где бы все имелось и аккуратно получалось.

По Вашему поручению я говорила с т. Зиновьевым. Ему посылает новинки Миров из Берлина, но также очень неаккуратно и далеко не все[1]. Тов. Каменев тоже получает их нерегулярно: только то, что ему привозят случайные приезжие из-за границы. Т. Крестинский обещал наладить регулярную посылку новинок, но до сих пор еще ничего нет.

Тов. Уншлихт мне не сообщил, через кого он получает новинки, но предлагает Вам их доставлять, так как ВЧК получает регулярно. Но ему необходимо

указать конкретно, какая литература Вам нужна, нужна ли, кроме русской, иностранная, и какая именно? Это единственная возможность наладить своевременное получение для Вас литературы.

Я в Берлин писала не раз; все зависящее от меня было сделано.

Узнала и другой путь – это просить И. П. Ладыжникова высылать все, но считаю, что через ВЧК это будет быстрее и регулярнее.

Жду Вашего ответа, чтобы передать т. Уншлихту.

Библиотекарша Ш. МАНУЧАРЬЯНЦ

P. S. Вышли следующие новинки:
Шульгин 1920 г.
Экономист № 1 (журнал).

27/1-922 г.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 492. Л. 1. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Штамп «Архив т. Ленина» за 11 марта 1922 г.: дело по порядку 1307/13.

[1] 12 декабря 1922 г. Ш. Манучарьянц направит А. Мирову письмо с просьбой сообщить, вышел ли третий том книги Н. Суханова «Записки о революции» (Биохроника. Т. 12. С. 535).

№ 31
СЕМАШКО – В ПОЛИТБЮРО О ПЕЧАТАНИИ СООБЩЕНИЙ ИЗ ГОЛОДНЫХ МЕСТ О «ЛЮДОЕДСТВЕ»

27 января 1922 г.

Р. С. Ф. С. Р.
Народный Комиссар
Здравоохранения

Дорогие тов[арищ]и! Я позволю себе обратить Ваше внимание на тот «пересол», который допускает наша печать в противоголодной кампании, в особенности на умножающиеся с каждым днем сообщения якобы о растущем «людоедстве». В одном только наугад взятом нынешнем № «Правды» (от 27/1) мы имеем сообщение о массовом людоедстве («на манер древних индусов, индейцев и дикарей северного края») в Бузулукском у[езде][1]; в № «Известий» от того же числа о «массовом людоедстве» в Уфимской губернии, со всеми подробными якобы достоверными описаниями[2].

Принимая во внимание: 1) что многие из этих описаний явно неправдоподобны (пример, в «Известиях» сообщается, что крестьянин села Сиктермы оставил «труп своей жены, успев съесть легкие и печень», между тем всякий знает, какое отвратительное место представляют легкие мертвеца, и конечно, голодающий съел бы скорее мясо, «нашли при обыске гниющую кость зарезанного брата» – между тем, кости, как известно, не гниют и т. д.), 2) белогвардейская печать усиленно смакует «ужасы людоедства в Советской России», 3) что вообще в своей агитации мы должны бить не на нервы чувствительных субъектов, а на чувство солидарности и организованности трудящихся – я предлагаю в партийном порядке предписать нашим органам: 1) строже от-

носиться к печатанию сенсационных сообщений из голодных мест, 2) прекратить печатание рассказов о всяком «массовом людоедстве»[3].

С коммун[истическим] прив[етом]

Н. СЕМАШКО

27/1-22 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 241. Л. 9, 9 об. Рукописный подлинник на бланке наркома здравоохранения.

[1] На с. 4. газеты «Правда» в разделе «По России. В голодных местах» за подписью «Яр-в» опубликовано сообщение «Людоеды», помеченное Самарой, 14 января. Автор заметки указывал: «В богатых степных уездах Самарской губернии, изобиловавших хлебом и мясом, творятся кошмары, наблюдается небывалое явление повального людоедства».

[2] В «Известиях» 27 января на с. 2. опубликовано краткое сообщение без подписи «Ужасы голода», в котором приводятся слова мальчика Рахматдина Абдурахманова, жителя села Старо-Суминск Белебеевского уезда Уфимской губернии. Он засвидетельствовал, что «в их крыше и сейчас гниет кость зарезанного брата».

[3] Итоги голосования: «Совершенно согласен. Троцкий». «Согласен. Л. Каменев». «Сталин». «За. В. Молотов». 30 января 1922 г. Политбюро принимает постановление: «П. 5. О печатании сообщений из голодных мест о «людоедстве» (предлож. т. Семашко). П. 5. Принять предложение т. Семашко: 1. Строже относиться к печатанию сенсационных сообщений из голодных мест; 2. Прекратить печатание рассказов о всяком «людоедстве». Секретарь ЦК В. Молотов». За месяц до этого решения, 27 декабря 1920 г., в Москву из Самары поступила шифровка о случаях людоедства в губернии: «Женщина зарезала свою дочь, часть съела», «людоеды агрессивны» и т. д. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 231. Л. 10). 30 декабря 1921 г. при обсуждении этой проблемы имела место полемика среди членов Политбюро о том, как в судебной практике квалифицировать случаи людоедства. Накануне заведующий бюро Секретариата ЦК Н. Смирнов разослал Троцкому, Сталину, Каменеву и Калинину вкруговую по поручению Молотова запрос Верховного трибунала республики о директивах по вопросу о возбуждении судебного дела «о людоедстве и убийстве с целью людоедства» (в контексте самарского случая). Мнения большевистского руководства разошлись. Троцкий: «Совершенно очевидно, что людоедство возникает на почве голодного психоза. Тут не суд нужен, а предупредительные меры, как в отношении буйнопомешанных. Троцкий» (там же, л. 14). Сталин не согласился с такой постановкой вопроса: «Не отрицая наличия элементов психоза в людоедстве, вместе с тем считаю вероятным, что в случае безнаказанности этого рода преступлений (особенно убийства с целью людоедства) будет расти число случаев злоупотребления использования этого рода «психоза» в целях наживы, мести и пр. Поэтому предлагаю: признать уголовно-наказуемым людоедство и убийство с целью людоедства, поручить НКЮ выработать соответствующий проект декрета или циркуляра. Сталин» (там же, л. 12). Калинин: «Не судить, а изолировать как больных, без суда. М. Калинин». «За» Молотов и Каменев (там же, л. 13). Итоговое решение Политбюро приняло формулировку Калинина: «Не судить, а изолировать, как больных, без суда» (там же, л. 8). 13 апреля 1922 г. Политбюро рассмотрит вопрос «О лозунгах к празднованию 1-го мая (постановление Секретариата ЦК от 11/4 с.г.)». «Срочно всем членам ПБ. Предложить всем членам Политбюро прислать в Секретариат ЦК свои поправки до 8-ми часов вечера сегодня. Если к этому сроку не будет прислано поправок, считать постановление Секретариата утвержденным». Лозунги подписаны Сталиным, им же написаны два последних лозунга. Сталин зачеркивает лозунг: «Не тот людоед, кто людей, обезумев от голода, ест — тот людоед, кто не отдает голодным церковных ценностей» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 271. Л. 28). 11 апреля 1922 г. текст лозунгов был завизирован А. Яковлевым (там же, л. 33 об.).

№ 32
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО «О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЕ ГПУ»

22 марта 1922 г.

П. 9. Слушали:

«О военно-политической цензуре ГПУ» (Уншлихт, Мещеряков, Луначарский, Яковлев).

П. 9. Постановили:

а) признать необходимым объединение всех видов цензуры в одном центре (при Наркомпросе) с выделением и оставлением под руководством ГПУ наблюдение за типографиями.

б) Во главе всей цензуры должно стоять одно лицо, назначаемое Наркомпросом, с помощниками от военного ведомства и ГПУ.

в) Поручить комиссии в составе т.т. Луначарского, Рыкова, Уншлихта и представителя Воен[ного] Вед[омства] разработать на основании вышеуказанного проект положения в недельный срок и провести решение в советском порядке. Созыв комиссии за т. Рыковым.

г) Принять предложение т. Мещерякова и коллегии Агитпроп отдела ЦК об освобождении от цензуры Госиздата, партийно-советской печати, Главполитпросвета, ЦК РКП и Коминтерна.

д) Поручить тт. Уншлихту и Рыкову выяснить вопрос с появлением в заграничной печати отчетов о секретных заседаниях РВСР.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 267. Л. 11. Подлинник протокола заседания Политбюро.

№ 33
ТРОЦКИЙ — В ПОЛИТБЮРО О ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ СОБЫТИЙ В ГРУЗИИ И ПРОЦЕССА НАД ЭСЕРАМИ В МОСКВЕ

9 апреля 1922 г.

В Политбюро

Чичерин затребовал из НКИД в спешном порядке документы о Грузии. Вопрос о Грузии вошел в официальную декларацию трех Интернационалов.

Таким образом, подтверждается целиком, что по этому именно вопросу (наряду с процессом эсеров) предстоит еще бой в международном масштабе.

На 20-ое апреля (с возможной отсрочкой до 1-го мая) назначена международная манифестация по поводу Генуи. Нам нужно воспользоваться этим случаем для энергичной концентрированной кампании, в связи с Грузией и с процессом эсеров.

Лозунг манифестации и первомайского праздника на Кавказе должен быть: империалисты протягивают свои руки к Кавказу; международные социал-демократы пролагают им путь; трудящиеся Кавказа и красноармейцы, берегите Кавказ.

1. Нужно попытаться провести в этом духе кампанию по всей Грузии. Нужно, чтобы в губерниях, уездах, селах выносились резолюции, поддерживаю-

щие воззвания последнего съезда советов и клеймящие новое покушение на Грузию со стороны меньшевиков и империалистов. Эти документы за подписями должны отправляться в исполнительное бюро трех Интернационалов через нашу делегацию. Руководство проведением этой кампании нужно возложить на т. Орджоникидзе.

2. Нужно воззвание советов Грузии издать заграницей в сотнях тысячах или миллионах экземпляров на всех европейских языках и распространить через коммунистические организации и коммунистические ячейки в профессиональных союзах, разослать во все редакции политических газет, депутатам и пр. и пр.

3. Нужно издать на всех европейских языках извлечения из книги Чайкина, распространив их как можно шире.

4. Нужно добиться, чтобы моя книжка о Грузии вышла, наконец, на европейских языках и была надлежащим образом распространена.

5. Наблюдение за действительным выполнением указанной выше работы заграницей возложить на т. Крестинского.

6. Связать празднование 1-го мая в РСФСР с чествованием памяти иностранных и русских коммунистов, погибших за эти годы от руки империалистов, меньшевиков, эсеров и пр.

Освежить в памяти трудящихся судьбу Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Лео Иогихес и пр. и пр. Шаумяна, Джапаридзе, Володарского, Урицкого и пр. и пр.

7. Составить краткие их биографии, хотя бы в газетном масштабе. Спешно перевести на иностранные языки и как можно шире распространить в Европе.

8. Одним из лозунгов 1-го мая выдвинуть: международный пролетариат, не забывай твоих погибших от руки палачей героев; ты должен добиться суда над убийцами.

9. От имени партийных организаций, профсоюзов и пр. Грузии, Азербайджана, Армении адресовать британской рабочей партии, британским тред-юнионам и в бюро трех Интернационалов требование расследования об убийстве 26 бакинских комиссаров (Шаумян и др.).

10. Чтобы давать европейской коммунистической печати своевременно соответственный материал, отвечать на обвинения, особенно в связи с процессом эсеров и пр., следовало бы, может быть, т. Сосновского поселить в Берлине, при т. Крестинском.

Л. ТРОЦКИЙ

9/IV-22 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 271. Л. 40. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

Общая резолюция Сталина: «Вкруговую для голосования. И. Сталин. 9/IV». Напротив пп. 6—8 пометка Сталина: «Оргбюро», напротив п. 10 проставлен крестик и пометка Сталина: «Крестинскому». В решении «О Грузии» Политбюро постановило: «Предложение Троцкого. Принять». «Оргбюро пп. 6—8. Крестинскому — п. 10». «Предложение т. Троцкого поддерживаю. И. Сталин». Томский, Калинин также проголосовали «за». «Поддерживаю. Необходимо по пунктам 6, 7 указать ответственных. Л.Каменев». «Согласен. В. Молотов» (там же, л. 39).

№ 34
КАРАХАН — В ПОЛИТБЮРО, СТАЛИНУ О ВЫСЫЛКЕ ИЗ РОССИИ КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОГО АГЕНТСТВА ЮНАЙТЕД ПРЕСС В МОСКВЕ

6 мая 1922 г.

Народный комиссариат
Иностранных дел
6 мая 1922
№ 71/30
г. Москва
В Политбюро
1. Тов. Сталину
2. Копии всем членам Политбюро

С некоторого времени, особенно за период Генуэзской конференции, представитель Американского телеграфного агентства «Юнайтед Пресс» в Москве гр-н Гуллингер стал посылать заграницу телеграммы, тенденциозно изображающие события в России. Особенно это сказалось в его телеграммах об изъятии церковных имуществ и в телеграммах, предвосхищавших «единый фронт» Германии и России на Генуэзской конференции. Мы неоднократно обращали его внимание на извращение фактов, допускаемое им в его телеграммах, некоторые из его телеграмм не пропустили, а в других вычеркнули особенно тенденциозные места, которые могли послужить основанием для распространения ложных слухов о России заграницей. В ответ на это гр-н Гуллингер стал вкрапливать в свои телеграммы фразы об усилении цензуры в Москве. 26-го апреля он принес для отправки прилагаемую при сем в копии телеграмму. Телеграмма эта не была пропущена, тем не менее, Гуллингер отправил ее, по-видимому, через какую-то миссию, о чем мы узнали из ответа, полученного им на его предложение[1].

Я считаю, что позволить таким проходимцам жить в Москве и продолжать делать пакости — недопустимо. Предлагаю немедленно выслать.

Я запросил по этому вопросу Геную и получил ответ, что они против высылки Гуллингера не возражают.

Так как выслать его необходимо немедленно, я просил бы вопрос решить до четверга путем созванивания. (Копия настоящего письма разослана всем членам Политбюро.)

С коммунистическим приветом

Л. КАРАХАН

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 275. Л. 50. Машинописный подлинник на бланке. Подпись — автограф. «За предложение т. Карахана. И. Сталин». «За» — Ленин, Томский, Рыков, Молотов, Каменев, Троцкий и Зиновьев.

[1] Телеграмма представителя американского телеграфного агентства Юнайтед Пресс гр-на Гуллингера, не пропущенная НКИД и отправленная им, очевидно, через посредство одной из иностранных миссий в Москве:

«По англорусскому кабелю
Ванделия Лондон

26171 Кин рекомендую представителю Юнайтед Пресс в Генуе попытаться поднять там вопрос о свободе печати для иностранных корреспондентов в России. Сне-

ситесь по этому поводу с Ридделем или американским неофициальным представителем. Я уверен что одновременным нажимом здесь и там можно добиться отмены цензуры которая усилилась с середины марта. Подчеркните необходимость полной свободы для корреспондентов в деле посылки ими корреспонденции если мировое доверие к России в самом деле должно быть восстановлено. Подтвердите пожалуйста получение этой служебной телеграммы, содержащей 69 слов, включая адрес и подпись

Гуллингер».

Подтверждение получения этой телеграммы представителем Юнайтед Пресс в Лондоне:

«Из Лондона
Гуллингеру Наркоминдел Москва.
28113 Получил 26171 Хорошее предложение *Кин*» (там же, л. 52).

9 мая 1922 г. Политбюро рассмотрело этот вопрос. «П. 25. Слушали: О высылке представителя американского Агентства Юнай Тед Пресс гр. Гуллингера (предложение тов. Карахана). П. 25. Постановили: Согласиться с тов. Караханом. Секретарь Цека И. Сталин». Подлинник, машинопись (там же, л. 49).

№ 35
ШМИДТ — В ПОЛИТБЮРО О РАБОТЕ ГОСИЗДАТА

13 мая 1922 г.

В Политбюро ЦК РКП

Госиздат стоит на перепутье. Сейчас аппарат вчерне построен, месячная продукция в 5 раз превосходит прошлогоднюю. Нам нужна директива: продолжать ли развитие тем же темпом или сократиться до размеров чисто партийного издательства, предоставив остальную литературу всецело частным издательствам и будущим концессионерам. Если ставить дело широко, то необходимо выполнение ряда условий.

Мы просим Политбюро принять решение по этому вопросу и со своей стороны предлагаем следующий проект постановления.

1. Предложить Госиздату, как перешедшему на хозяйственный расчет, издавать разнообразную серьезную литературу, сообразуясь с потребностями рынка, причем первая очередь остается за марксистскими изданиями.

2. Предложить Госиздату вести активную политику по отношению к частным издательствам, привлекая их и подчиняя своему влиянию путем экономических мер: кредита, заказов и т. п. В первую очередь поддержать близкие нам издательства, не выходя, однако, за пределы хозяйственного расчета.

3. Создать для Госиздата техническую базу, передав ему 1—2 крупнейших типографий в Москве и столько же в Петрограде.

4. Предложить Наркомфину целиком и в указанные сроки выдать Госиздату оборотный капитал, установленный Совнаркомом, из расчета стоимости 6-месячного производства.

5. Предложить Госбанку для развития книжной торговли кредитовать книжные магазины в более широких размерах или же учитывать векселя магазинов, предъявляемые Госиздатом.

6. Для удешевления книги предложить Главбуму и Внешторгу передавать Госиздату заграничную бумагу без пошлины и начислений, по себестоимости.

7. Предложить СНК обсудить вопрос о предоставлении Госиздату особой долгосрочной ссуды на изготовление капитальных многотомных изданий, требующих длительного времени для окончания и распространения (собрание сочинений Маркса, Ленина, Плеханова, словарь Граната и т. п.).

8. Признать необходимым удешевление политических книг, взяв половину стоимости их производства на счет ЦК. Предложить комиссии из одного члена Секретариата и т. О. Шмидта установить точно потребную сумму и способ ее расходования и контроля.

9. Признать необходимым создание архивного фонда при ЦК для приобретения от Госиздата и хранения в количестве неск. тысяч экземпляров сочинений Ленина, изданий Истпарта и т. п. литературы, предложив Госиздату печатать их в количестве, превышающем непосредственную рыночную потребность, на размер заказа ЦК.

Заведующий Госиздатом О. ШМИДТ

13 мая 1922 г.

Приложение: Докладная записка по вопросу о тресте Моспечать.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 177. Л. 3, 3 об. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы. Приложение не приводится. Пометка рукой неизвестного: «Копия. Т. Ленину лично». Штамп «В политбюро ЦК РКП. Архив т. Ленина».

№ 36
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО «О БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

26 мая 1922 г.

П. 13. О белогвардейской литературе (предложение т. Дзержинского).

П. 13. а) Принять следующее предложение т. Дзержинского (списать).

б) Поручить комиссии в составе т. Мещерякова, Агранова и Бубнова выработать предварительно план распределения книг среди отдельных членов Политбюро и технической рассылки книг и разослать всем членам политбюро.

ДЗЕРЖИНСКИЙ – СТАЛИНУ

Т. Сталину

Прошу поставить на завтрашнем заседании Политбюро предложение Владимира Ильича[1]:

Обязать членов Политбюро уделять 2—3 часа в неделю на просмотр ряда некоммунистич[еских] (*зачеркнуто*: «белогвардейских») изданий и книг и проверять исполнение, требуя письменных отзывов и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммун[истических] изданий.

Кроме того, сообщаю в Политбюро, что для руководства всей работой в ГПУ по операции и собиранию сведений назначен нами т. Агранов.

Ф. ДЗЕРЖИНСКИЙ

24.V-22 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 277. Л. 20—21. Рукописный подлинник на бланке председателя ВЧК.

[1] В «Биохронике» этот факт не отражен. На записке отсутствует отметка о ее передаче в институт Ленина. Указано, что выписка «о белогвардейской литературе» послана Ленину (*Биохроника*. Т. 12. С. 350). Ранее, 18 апреля, Секретариат ЦК решил снабжать губкомы эмигрантской периодической литературой. В решении в скобках указывалось направление и принадлежность газет: «Время» (суворинское), «Руль» (правокадетский), «Последние новости» (милюковские), «Голос России» (черновский), «Накануне» (сменовеховский), «Социалистический вестник» (меньшевиков) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 272. Л. 29). 25—27 мая случился первый острый приступ болезни Ленина (*Биохроника*. Т. 12. С. 349).

№ 37
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО О ЖУРНАЛЕ «НОВАЯ РОССИЯ»

26 мая 1922 г.

7. Слушали:

«О журнале «Новая Россия» (предложение т. Ленина).

7. Постановили:

а) Предложить т. Мещерякову (Гл[авное] Упр[авление] по делам печати) в качестве высшей инстанции, разрешить дальнейший выход журнала «Новая Россия», отменив постановление Питерского исполкома об его закрытии.

б) Поручить т. Мещерякову по соглашению с т. Троцким разослать по цензурным органам на местах циркуляр в связи с фактом закрытия «Новой России».

Выписки: а — Мещерякову, Ленину[1].

б — ПБ, Троцкому.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 277. Л. 12. Рукописный подлинник протокола Политбюро.

[1] В «Биохронике» (Т. 12. С. 350) говорится, что «на заседании Политбюро ЦК РКП(б), на котором Ленин не присутствует, обсуждаются его предложения о составе ВЦИК и о журнале «Новая Россия». Письмо Ленина Дзержинскому от 19 мая 1922 г.: «Новая Россия» № 2. Закрыта питерскими товарищами. Не рано ли закрыта?» Ленин спрашивает, кто такой Лежнев. «Нельзя ли о нем собрать сведения?» (там же, с. 489). 23 мая Сталин — членам Политбюро на голосование (по Секретариату ЦК): «Тов. Ленин предлагает всем членам Политбюро в 3-дневный срок прочесть № 2 журнала «Новая Россия», закрытого петербургскими товарищами, и голосовать след[ующее] его предложение: «Отменить закрытие, найдя удобную форму отмены, и выждать еще пары номеров, а о Лежневе собрать подробные сведения. Секретарь Цека Сталин» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2347).

№ 38
ЗИНОВЬЕВ — СТАЛИНУ О ЖУРНАЛЕ «НОВАЯ РОССИЯ»

30 мая 1922 г.

Копия
30-го мая 1922 г.
В Политбюро
Т. Сталину

Убедительно прошу о пересмотре в Политбюро решения по вопросу о новом открытии в СПБ журнала «Новая Россия».

Мотивы следующие:

1. Соответствующее решение было принято Пленумом Цека (хотя и не запротоколировано). Вряд ли удобно без крайней надобности отменять решение Пленума.

2. Т. Мещеряков, согласно его собств[енному] заявл[ению] мне, по существ[ующему] положению, не может отменять решен[ий] Губисполкомов. Это может только Президиум ВЦИК.

3. Вопрос имеет крайне важное политическое значение для Питера. При рассмотрении вопросов, касающихся мельчайших ведомств, Политбюро по правилу вызывает и выслушивает представителей этих ведомств. А здесь отменили решение Пленума, поставили СПБ Совет в глупое положение, даже не вызвавши, даже не предупредивши ни меня, инициатора дела, ни Петросовет. Против этого решительно протестую. Если такой порядок упрочится, работать будет невозможно.

4. И это главное. Мы собрали новые факты относительно группы «Нов[ая] Рос[сия]», которые, я надеюсь, убедят Политбюро в ошибочности его последнего решения по существу.

С коммун[истическим] приветом

Г. ЗИНОВЬЕВ

Верно: *М. Буракова.*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 279. Л. 9—10. Машинописная копия.

№ 39
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО О ЖУРНАЛЕ «НОВАЯ РОССИЯ»

1 июня 1922 г.

П. 8. О пересмотре решения Политбюро от 26/5 с.г. по вопросу о «Новой России» (Зиновьев).

П. 8. Предложить Президиуму ВЦИК немедленно провести в жизнь решение Политбюро от 26/5 с. г., вызвав представителей Петр[оградского] Исполкома. Вместе с тем, принять меры к тому, чтобы меньшевиков в журнале «Новая Россия» не было.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 279. Л. 8. Рукописный подлинник протокола.

№ 40
МЕЩЕРЯКОВ — В СЕКРЕТАРИАТ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП О ЖУРНАЛЕ «НОВАЯ РОССИЯ»

7 июня 1922 г.

Бюро секретариата ЦК РКП
13.6-22 г. вх № 6513/с
Секретно
В Секретариат Политбюро ЦК РКП

Получив директиву Политбюро от 26/5-1922 г. по вопросу о журнале «Новая Россия», я счел нужным лично поехать в Петербург, чтобы путем переговоров уладить дело. В Петербурге я убедился, что редакция издательства «Но-

вая Россия» вполне удовлетворяется, если взамен «Новой России» им будет разрешено новое издание и если конфискованный № 2 журнала (из которого статья «Эмансипация Советов» была уже перед этим вырезана) разрешить им выпустить в виде сборника, переменив только обложку и заменив вырезанную статью новой.

К этому способу решения я и прибег по соглашению с т. Зиновьевым, ибо это казалось мне лучшим исходом, чем отмена уже состоявшегося и объявленного постановления Петербургского Губисполкома относительно закрытия журнала «Новая Россия» и конфискации № 2 этого журнала; ибо это вызвало бы столкновение с Губисполкомом, т. к. формального права на отмену его решения я не имел. Принятое мною решение удовлетворило и издателей «Новой России», и петербургских товарищей.

Заведующий политотделом Госиздата Н. МЕЩЕРЯКОВ

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 54. Заверенная машинописная копия.

8 июня Президиум ВЦИК, «заслушав объяснения тов. Мещерякова», признал их удовлетворительными и вопрос о журнале «Новая Россия» счел исчерпанным (там же, л. 55).

№ 41
МЕЩЕРЯКОВ — В ПОЛИТБЮРО О ВОЗОБНОВЛЕНИИ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА «НИВА»

15 июня 1922 г.

В Политбюро ЦК РКП

Согласно директивы Политбюро посылаю отчет о моих переговорах с Ключниковым относительно возобновления им издания журнала «Нива».

Еще до отъезда тов. Шмидта в Берлин я обменялся с ним соображениями относительно коммерческой стороны издания. Мы оба пришли к выводу, что лучше всего будет, если издание журнала «Нива» будет находиться в руках Товарищества, в состав которого войдут несколько старых издательских фирм и Государственное издательство, при условии, что один из Членов Правления будет от Госиздата. Это условие я и передал Ключникову при переговорах. Из разговора выяснилось, что такую же организацию дела имел в виду и он, а также и Сытин, который еще раньше вел об этом переговоры с Ключниковым и мельком затрагивал вопрос со мною, ибо Сытин хочет стать одним из пайщиков. Лично от себя считаю нужным добавить, что член Правления от Госиздата должен обладать правом вето, причем опротестованное им решение должно подлежать окончательному решению в Правлении Госиздата. Мнение тов. Шмидта по вопросу об вето я не знаю.

Труднее организовать редакционную сторону. Ключникову хотелось бы, чтобы редакция была всецело в его руках, а пропуск материала в печать производился через цензуру. Я лично думаю, что это неудобно, т. к. цензура может запретить рукопись к печати только в случае довольно явного несоответствия ее линии советской власти; нам же нужно в лице «Нивы» приобрести орган, который, не будучи коммунистическим, мог бы стать средством могучей пропаганды советских идей в гуще обывателей. Для этого в журнале должны быть не только терпимые нами статьи, но и желательные для нас, а это достижимо

только путем введения представителя Редакционной коллегии Госиздата в состав редакции «Нивы», хотя бы в качестве не работающего редактора, а только консультирующего. Это, по моему мнению, последняя степень уступчивости. Ключников на такую организацию согласия пока не дал, и, по-видимому, вряд ли даст. Было бы желательно получить указания – должен ли я передать рассмотрение вопроса в Редакционную коллегию Госиздата и могу ли я идти на дальнейшие уступки в редакционном отношении.

Председатель редакционной коллегии Госиздата

Н. МЕЩЕРЯКОВ

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 67. Заверенная машинописная копия. Пометка рукой неизвестного: «НКПрос» и штамп «Архив т. Ленина».

№ 42
ТРОЦКИЙ – МЕЩЕРЯКОВУ ОБ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ

25 июня 1922 г.

С. Секретно.
Госиздат товарищу Мещерякову
Копия Секретариат ЦК

1. Крупнейшее значение приобретает сейчас художественная литература. Чуть не ежедневно выходят книжки стихов и литературной критики. 99% этих изданий пропитаны антипролетарскими настроениями и антисоветскими по существу тенденциями. Художественная литература и литературная критика представляют собой теперь наиболее доступный канал для влияния буржуазной мысли не только на интеллигенцию, но и на пролетарскую молодежь. Крупных событий, которые оформляли бы революционное сознание, нет в данный момент ни у нас, ни в Европе, а буржуазно индивидуалистическая литература, высокая по технике, влияет на рабочую молодежь и отравляет ее.

Нам необходимо обратить больше внимания на вопросы литературной критики и поэзии не только в смысле цензурном, но и в смысле издательском. Нужно выпускать в большем количестве и скорее те художественные произведения, которые проникнуты нашим духом.

2. В связи с этим, я думаю, следовало бы использовать для литературно-художественной пропаганды в нашем духе будущую «Ниву». Полагаю, что наилучшим редактором литературно-художественного отдела был бы Брюсов. Большое имя, большая школа и в то же время Брюсов совершенно искренно предан делу рабочего класса. Полагаю, что можно было бы Ключникову подсказать эту мысль в том смысле, что можно было бы завоевать для этого предприятия Брюсова, что сразу подняло бы художественный авторитет издания.

25 июня 1922 г.

№ 404 *Л. ТРОЦКИЙ*

Верно: *Буракова.*

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 180. Машинописная копия. Пометка рукой неизвестного: «НКПрос». Штамп «Архив т. Ленина».

№ 43
МЕЩЕРЯКОВ — В ПОЛИТБЮРО ОБ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА «НИВА»

28 июня 1922 г.

Государственное издательство
Председатель Редакционной Коллегии
28/ 6-1922 г.
№ 23
В Политбюро ЦК РКП

Применяя полученные директивы Политбюро, я возобновил ускоренным темпом переговоры об издании журнала «Нива»[1].

Переговоры с Ключниковым о составе Редакционной коллегии закончились очень быстро и легко. Он сразу согласился на мое предложение, что единоличным ответственным редактором будет он — Ключников, а при нем будет коллегия с совещательным голосом из двух лиц, один из которых будет назначен редакционной коллегией Госиздата (вторым он предлагает Ю. Н. Потехина).

Труднее организовать коммерческую сторону. По этому вопросу Ключников указал на И. Д. Сытина и Ермолаева, как лиц, которые хотели бы принять участие в издательском деле, — но у обоих этих лиц своих денег нет. Сытин надеется привлечь к делу Стинеса. Ключников имеет в виду предложение чешских капиталистов. Сытин на устроенном мною собрании заявил, что он не знает, согласится ли Стинес войти в комбинацию с Государственным издательством. Он срочно об этом запросит Стинеса. Нам хотелось бы противопоставить Стинеса чехам, а также и русским капиталистам, если последние войдут в комбинацию. Сытин надеется получить ответ Стинеса к 8-му июля. К этому же времени он выработает проект сметы. С другой стороны, Ключников уехал в Петербург и вернется тоже к 8-му, к тому же времени вернется и О. Ю. Шмидт из Берлина.

В виду этого следующее собрание нельзя было бы назначить ранее 8-го июля.

По предварительным подсчетам издание «Нивы», которое надо будет налаживать совершенно заново, обойдется довольно дорого. По мнению Сытина, весь первый год будет убыточен, и Госиздату, все средства которого направляются, главным образом, на издание учебников, придется просить на это дело специальную субсидию. После 8-го июля Ключников и Потехин уезжают с лекциями в провинцию. По мнению Сытина и Ключникова, организация дела потребует много времени и первый № удастся выпустить не ранее Октября.

Председатель редакционной коллегии Госиздата Н. МЕЩЕРЯКОВА
Секретарь П. СУХАНОВА

Верно: *Буракова.*

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 181. Машинописная копия. Штамп «Архив т. Ленина».

[1] См. комментарий к документу № 48.

№ 44
ТРОЦКИЙ — СТАЛИНУ И КАМЕНЕВУ ПО ПОВОДУ АЛЬМАНАХА «АВАНГАРД»

4 августа 1922 г.

Копия
Тов. Сталину
Тов. Каменеву Л. Б.

В Москве начал выходить альманах «Авангард» с участием партийных товарищей под редакцией Оскара Блюма. Что это значит? Неужели же он на свободе и имеет возможность даже редактировать сборники? Он неизбежно станет источником величайшей заразы. Полагаю, что тут нужно принять решительные меры[1].

4/8-22 г.

№ 440

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 480. Л. 158. Машинописная копия. Пометка: «Из дела «отпуска исходящих бумаг за 1922 г.», ч. 2.

[1] 19 октября 1922 г. Троцкий вновь обратится по поводу Оскара Блюма, на этот раз в Секретариат ЦК:

«Копия
Сов. Секретно
№ 495
В Секретариат Ц.К.

Я получил от Оскара Блюма прилагаемое при сем письмо. Мое мнение такое, что литературную деятельность ему разрешить нельзя: его «сочувствие» коммунистической партии может иметь только отрицательный вес. Полагаю, что он убежит заграницу. *19/X-22 г.»* (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 480. Л. 185).

№ 45
СОКОЛЬНИКОВ — В ПОЛИТБЮРО ОБ ОБЪЯВЛЕНИЯХ В ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ»

10 августа 1922 г. (не позднее)

В Политбюро ЦК РКП

На первой странице «Известий ВЦИК», которые являются официальным органом правительства, неизменно красуются объявления «вина», «бега», «гоп-са-са» и т. п.[1] Полагаю, что любая степень коммерциализации советского центрального органа должна оставлять достаточную дистанцию между программной статьей официоза пролетарского правительства и программой московских увеселений, предлагаю обязать «Известия» снять все коммерческие объявления с первой страницы[2].

Г. СОКОЛЬНИКОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 289. Л. 8. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] 27 января 1922 г. на первой странице «Правды» было опубликовано извещение об открытии приема объявлений в газету: «Цена за строчку нонпарели 1 руб. довоен. времени (на янв. 100.000 руб.) Объявления театров, концертов, лекций и предложения труда принимаются по общему тарифу».

[2] «Поддерживаю. Сталин». «За» голосовали Молотов, Рыков, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Томский. Решение Политбюро принято 10 августа (там же). В условиях НЭПа вопрос о «коммерциализации» советской печати рассматривался неоднократно. Нарком внутренних дел Сапронов в мае — июне 1921 г. обращался в Политбюро с протестом по поводу разгула нэпмановской пропаганды: «В политбюро. Прилагая при сем копию приглашения администрации Казино, считаю, что подобный разврат совершенно недопустим. Меня удивляет, что эти безобразия творятся с разрешения Петроградского исполкома. Я не знаю взгляд Политбюро на эти вещи, с своей стороны предлагаю Политбюро обсудить этот вопрос и поставить какие-нибудь рамки разгулявшемуся Нэпу. Т. Сапронов». Сапронов приложил к своей записке объявление, напечатанное одним из петроградских казино: «Администрация Казино «Сплэндид Палас», Караванная 12, просит Вас пожаловать в субботу, сего 27 мая, в 6 часов вечера, на банкет по случаю открытия казино. В Зимнем саду, организованном по типу европейских Казино, будет происходить игра в рулетку, макао, баккара и железную дорогу. При Казино первоклассный буфет ресторана «Донон». Кабинеты, биллиарды, вино. Оригинальное германское пиво. Дирекция». Был ли поставлен вопрос о питерском казино в повестку дня заседаний Политбюро, установить не удалось (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 41. Л. 61). 31 декабря 1921 г. Политбюро заслушало вопрос: «О допустимости принятия объявлений редакцией «Правда» (Бухарин). Проект (зачеркнут): «3. Недопустимо заводить конкуренцию «Правде» с «Известиями» в деле ловли объявлений. Кредиты на «Правду» можно другим путем отпускать». Рукой Молотова — новое лаконичное постановление: «Признать нежелательным. Секретарь Цека В. М.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 231. Л. 5). 19 декабря 1921 г. по поручению Молотова был разослан запрос «Правды» Троцкому, Сталину и Каменеву. Проект решения — это резолюция Троцкого (там же, л. 6). Копия запроса редакции «Правды» — оригинал плохого качества (там же, л. 7).

№ 46
ТРОЦКИЙ — ГОРОДЕЦКОМУ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ПИСАТЕЛЕЙ

21 августа 1922 г.

Копия. Товарищу Городецкому

Уважаемый товарищ,

1. Насколько понимаю, дело идет у Вас об объединении писателей, являющихся или добросовестно считающих себя коммунистами, независимо от того, к какой литературной школе или традиции они примыкают. С этой точки зрения первое недоумение вызывает подпункт В пятого пункта. Почему Брюсов, коммунист и, если не ошибаюсь, член партии, отнесен к одной группе с Бальмонтом и Соллогубом?* Стало быть, у Вас допускается отвод по прошлой деятельности. Сомнительная постановка вопроса. Указание на то, будто Брюсов отразил преимущественно бунтарско-анархические силы первых дней революции, кажется мне сомнительным в двояком смысле:

1) Вы здесь устанавливаете некоторый предварительный критерий, исключающий тех или других писателей-коммунистов; но достаточно ли в таком

* Правильно: Сологуб.

случае проверена художественная деятельность всех остальных с точки зрения их соответствия коммунистическому пониманию революции и не открываете ли Вы таким путем дверей кружковому произволу?

2) Думаю и по существу, что Брюсов с его алгебраическим складом ума вряд ли может быть причислен к революционным «стихийникам».

Я останавливаюсь так подробно на вопросе о Брюсове ради принципиальной стороны дела. Немотивированное ограничение, имеющее место в отношении такого выдающегося лица, как Брюсов, может сказаться в отношении менее известных писателей. Если же допускаете ограничительный критерий по отношению к художникам-коммунистам (что, конечно, вполне возможно, поскольку дело идет о чисто художественной группировке), – тогда нужно дать критерий, т. е. манифест художественной школы.

2. Вы делите, под политическим углом зрения, всех писателей на четыре группы: пролетарских, середняцких, интеллигентских и белых. Против такой широкой априорной классификации возражать не приходится, так как она соответствует общественной реальности. Но весь вопрос в том, кого и в какую группу Вы зачисляете, так как только с этого момента начинается активная политика в отношении искусства. В этом отношении у Вас, однако, чрезвычайные пробелы. Названы персонально Брюсов, Бальмонт, Соллогуб, Пильняк; названы Серапионовы братья, Иваново-Вознесенцы, Кузница и пр. Но совершенно ничего не сказано о футуристах. Куда вы их относите? Может ли Маяковский быть членом вашего объединения или нет? Вопрос немаловажный с точки зрения направления политики нашей организации.

3. В подпункте Г пятого пункта вы говорите, что от контакта со сменовеховцами Вы в порядке диспута не отказываетесь. Для читателей, однако, гораздо важнее, в каком Вы «контакте» с Серапионами или Пильняком на страницах печати. И этот читатель видит Вас рядом на страницах «Красной нови» и вовсе не в порядке диспута, а в порядке сотрудничества.

В намечающейся самостоятельной литературной организации «сменовеховцев», о которой вы говорите в том же пункте (издательство Круг?) секретарем является т. Воронский, если не ошибаюсь. Следовательно, определять взаимоотношения с этой группой только как «диспут» по меньшей мере односторонне.

4. Вы ставите «вопрос» о пределах применения диалектики в коммунистическом искусстве. Это темновато. Что вы хотите этим сказать? Это все равно, что поставить вопрос о пределах применения формальной логики в искусстве. Диалектика, как и ее падчерица, формальная логика, отражает в категориях нашего мышления известные соотношения между телами, явлениями, процессами. В этом смысле формальная логика и диалектика распространяются на все существующее, в том числе и на искусство. Но совершенно очевидно, что они объемлют искусство в порядке познания, оценки и разъяснения, а не в порядке самого художественного творчества.

Можно, разумеется, сказать, и это безусловно верно, что художник, овладевший диалектикой, станет проницательнее в общественном и даже индивидуальном психологическом отношении, что не сможет не отразиться на его творчестве. Но отсюда до «пределов применения диалектики в искусстве» еще очень далеко. Тут нужна ясность да ясность.

5. В седьмом пункте Вы намереваетесь «ввиду крайней расшатанности литературного быта и нравов» завести строгую товарищескую дисциплину. И это неясно. Коммунисты во всей своей деятельности подлежат «довольно строгой дисциплине» своей партии. Собираетесь ли Вы заводить еще какую-то цеховую дисциплину коммунистов-писателей? В какой области? Ведь Вы не партия и не профсоюз. О какой же дисциплине «литературного быта и нравов» Вы говорите? Это невразумительно и требует объяснения.

Вот те предварительные замечания, какие я могу сделать на присланные мне тезисы.

С товарищеским приветом.

21 августа 1922 г.
№ 453

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 480. Л. 159—160. Машинописная копия из дела «Отпуска исходящих бумаг за 1922 г.», ч. 2.

№ 47
КРЕСТИНСКИЙ — СТАЛИНУ О КОНФЛИКТЕ В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «НАКАНУНЕ»

23 августа 1922 г.

Берлин 23 августа 1922 г.
Тов. Сталину,
Копии: т.т. Карахану и Уншлихту

Уважаемый товарищ,

Давно подготовлявшийся в недрах «Накануне» раскол между Ключниковым и Потехиным — с одной стороны, и всеми остальными более левыми членами редакции — раскол, наконец, стал фактом. Я всячески задерживал этот разрыв, желая, чтобы он произошел не в то время, когда Ключников и Потехин находились в России, а лишь после того, когда они вернутся и приступят к работе. В этом случае они не могли бы говорить, да и другие не могли бы кричать, что, столкнувшись с Российской действительностью, они разочаровались и поправели. Но сдержать разрыв после того, как Ключников в своем интервью в Моск. Известиях отмежевался от остальной редакции «Накануне» и обвинил их в слишком грубой официозности, я не мог. Газета от этого разрыва несомненно только выиграет.

Думаю, что собирающиеся перебраться окончательно в Россию Ключников и Потехин никакого особенного скандала здесь не подымут. Да им было бы и трудно сделать, так как ни в Руль, ни в Голос России, ни в Последн. Новости они не пойдут, а стало быть, им негде будет шуметь. Максимально, что они могут сделать, — это письмо в «Накануне», которое новая редакция поместит лишь в том случае, если оно будет достаточно прилично по содержанию и, конечно, с соответствующим ответом редакции.

Прилагаю № 114 «Накануне» с заявлением от редакции и программной передовицей.

С товарищеским приветом

Н. КРЕСТИНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 294. Л. 39. Машинописный подлинник на бланке полпредства. Подпись — автограф. Резолюции — автографы Сталина, Томского, Зиновьева и др.

Вопрос обсуждался на Политбюро. Предложение Сталина: «Чл. Пб. Думаю, что «полевение» газеты будет для нас минусом (оттолкнет нейтральных эмигрантов, замедлит расслоение эмиграции, превратит самое газету в подделку под директор). Крестинский повел, по-моему, неправильную линию. Если не поздно, предлагаю «повернуть руль» и вернуть в газету Потехина — Ключникова, вышибив «левых». И. Сталин». Итоги голосования: «Согласен со Сталиным. М. Томский». «За предложение Сталина. Т. Крестинскому взять на себя роль посредника. Г. Зиновьев». «Согласен со Сталиным. М. Калинин» (там же).

№ 48
ТРОЦКИЙ — В ПОЛИТБЮРО О ПРЕДЛОЖЕНИИ СТАЛИНА ПО ПОВОДУ КОНФЛИКТА В БЕРЛИНСКОЙ ГАЗЕТЕ «НАКАНУНЕ»

29 августа 1922 г.

Секретно
Членам Политбюро (по поводу предложения т. Сталина).

Не думаю, чтобы возможно было повернуть руль назад в отношении «Накануне». За их позицию в эсеровском вопросе мы на них жестоко нападали, точно так же и за их позицию в поповском вопросе. Совершенно естественно, если такие нападки дают перевес левому крылу. С другой стороны, остается ведь возможность издания Ключниковым журнала в России[1].

29/8

№ 463 *Л. ТРОЦКИЙ*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 294. Л. 40. Машинописный подлинник. Подпись Троцкого — факсимиле. Резолюции — автографы Каменева и Рыкова.

[1] Голосование по поводу предложения Сталина продолжилось. Каменев: «Я согласен со Сталиным. Возможна форма «поворота руля»: соглашение группы Ключникова с нынешней редакцией. Л. Каменев». Мнение Рыкова: «1) После того, что было напечатано в № 114 «Накануне», соглашение на ближайшее время очень затруднено. 2) Нажим для «поворота руля» может оттолкнуть от нас и правых и левых. 3) Не исключена возможность попытки объединения части высылаемых заграницу интеллигентов вокруг Ключникова и Потехина. Я против директивы т. Сталина при этих условиях. А. И. Рыков» (там же). 8 июня 1922 г. Политбюро приняло постановление: «п. 15. О предложении Ключникова издавать «Ниву» (Троцкий). 15. Поручить т.т. Мещерякову и Шмидту О. Ю. в случае, если Ключников поднимет вопрос об издании «Нивы», вести с ним переговоры, держа в курсе Политбюро» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 279. Л. 16). 22 июня 1922 г. Политбюро вновь рассмотрело вопрос о журнале «Нива». «П. 18. Об издании журнала «Нива» (пост. ПБюро от 8/6 с.г. Пр. № 10. п. 15). (Мещеряков). Постановили: П. 18. а) Поручить О. Ю. Шмидту выяснить хозяйственно-финансовую организацию дела, обеспечив при этом интересы Республики. б) Согласиться с тем, чтобы ответственным редактором «Нивы» был Ключников с совещательной коллегией при нем (*Сталин дописал*: «с участием коммуниста»). в) Поручить т. Мещерякову в недельный срок представить проект договора, а в 2-недельный срок дать возможность сдать в типографию первый номер журнала» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 282. Л. 23).

№ 49
ТРОЦКИЙ — МАЯКОВСКОМУ О ФУТУРИЗМЕ

30 августа 1922 г.

Лг.
П-т № 3417
Тов. Маяковскому

Уважаемый товарищ,

Я с большим вниманием ознакомился со всеми материалами, которые Вы мне так любезно передали. К сожалению, я нигде не нашел определения футуризма вообще или только русского футуризма. Был ли у футуристов какой-либо манифест? Есть ли основные документы школы? Есть ли капитальная критическая статья, в которой выясняются основные поэтические черты футуризма? Не могли ли бы Вы сами, в нескольких словах, если не охарактеризовать, то просто перечислить основные черты футуризма?

Есть ли у футуристов проза? Если нет, то чем вы это объясните?

С товарищеским приветом

ТРОЦКИЙ

30/8-22 года

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 504. Л. 1. Машинописный текст.

Ответ Маяковского без указания адресата (от 1 сентября 1922 г. вх. № 6605 в канцелярии Предреввоенсовета республики) был опубликован Р. А. Лавровым в статье «Маяковский о футуризме» в 65-м томе «Литературного наследства» («Новое о Маяковском») (М.: Издательство Академии наук, 1958. С. 174—175). Лавров указывает, что письмо Маяковского о футуризме от 1 сентября 1922 г. недавно поступило в архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

№ 50
ВОРОНСКИЙ — КАМЕНЕВУ О СЛИЯНИИ ИЗДАТЕЛЬСТВ «КРУГ» И «КУЗНИЦА»

4 сентября 1922 г.

№ 292
4/9-22 г.

Тов. Каменев.

В связи с организацией «Круга» среди пролетарских писателей — имею в виду прежде всего «Кузницу» — возникло недовольство и ряд недоуменных вопросов. Недовольство это имеет законнейшие основания. Не возражая против «Круга» как издательства и организации писателей, имеющих своей целью, так сказать, «осоветить» промежуточную колеблющуюся публику, тов. из «Кузницы» вместе с тем указывают на ненормальное положение, в силу которого такие писатели, как Пильняк и пр., получают возможность издаваться, в то время как «Кузница» влачит поистине жалкое существование. Они не имеют денег, чтобы издаваться. «Круг» может и будет издавать их, но это не то, что им нужно. Им нужно выявить свое лицо, а это можно сделать, только имея свое издательство, свой журнал, свою организацию, свой центр. Они голодают, и это тяжело отзывается на их душевном состоянии и на произведениях.

«Кузница» подает заявление в ЦК с просьбой дать им гос. субсидию на свое издательство. В качестве зам. Председателя Ред. коллегии Госиздата и человека, приставленного к литературным делам, всецело поддерживаю эту просьбу.

«Кузница» — наш пасынок. У партии есть большая недооценка ее работы. «Кузница» наиболее близка и родственна партии. Ее положительное значение не подлежит сомнению. Может быть, «Кузнице» следует шире раскрыть свои двери, но это уже вопросы иного порядка. Во всяком случае, мне в «Круге» будет нестерпимо тяжко работать, если «Кузница» будет находиться в положении пасынка.

«Кузница» должна давить на «Круг», в «Кузницу» я должен передавать молодых писателей, по мере их идейной переплавки — хотя бы не всех, но части.

По силе сказанного очень прошу Вас в ЦК оказать им нужное содействие.

Берусь за это дело еще и потому, что в качестве ходоков, администраторов тов. из «Кузницы» не ахти какие дельцы.

С тов. приветом

А. ВОРОНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 505. Л. 2, 2 об. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 51
КАМЕНЕВ — ТРОЦКОМУ О СЛИЯНИИ ИЗДАТЕЛЬСТВ «КРУГ» И «КУЗНИЦА»

6 сентября 1922 г.

6/9 1922 г.
На № 3499
Т. Троцкому

1. По поводу письма т. Кириллова я пересылаю Вам сообщение Воронского. Думаю, он прав. Слить Круг и Кузницу — нецелесообразно, да и просто не выйдет. Надо дать Кузнице возможность жить по-своему, идя к фактическому федерированию Круга и Кузницы впоследствии для начала в области техники. Если вы согласитесь с этой точкой зрения, я готов внести в ЦК вопрос о поддержке Кузницы.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 505. Л. 1. Рукописный подлинник на бланке председателя Моссовета.

№ 52
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО О КОНФЛИКТЕ В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «НАКАНУНЕ»

7 сентября 1922 г.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП
от 7.IX г. № 25

Слушали:
П. 26. О «Накануне» (письмо т. Крестинского).
Постановили:
П. 26. Принять следующее предложение т. Сталина.

1. Цека считает, что полевение «Накануне» является минусом для нас, ибо оно замедляет процесс расслоения эмиграции, отталкивает нейтральных, а самое газету превращает в подделку под коморган.

2. Цека предлагает вмешаться в дело в пользу группы Ключникова — Потехина, обеспечив последней преобладание в газете либо в порядке соглашения между обеими группами, либо, если этот путь окажется неосуществимым — в порядке принудительной отставки всей группы левых.

Секретарь ЦК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 294. Л. 41. Подлинник на бланке.

№ 53
ТРОЦКИЙ — ВОРОНСКОМУ И ГОРОДЕЦКОМУ С ВОПРОСАМИ О ПИСАТЕЛЯХ И ПОЭТАХ

10 сентября 1922 г.

Лично
Т. Воронскому
Т. Городецкому

Уважаемый товарищ.

Не сможете ли Вы дать мне справку по следующим вопросам:

1. Верно ли, что Дон Аминадо[1], автор «Сына без отечества» — Иван Бунин?

2. К какой группировке принадлежит О. Мандельштам, Лидин и каково их отношение к Замятину?

3. Что это за группа — Островитяне, Тихонов, Алпатьев и пр.? Каково их идейное происхождение? Куда они сейчас устремляются?

С тов. приветом

ТРОЦКИЙ

10 сентября 1922 г.
№ 3541

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 505. Л. 3. Машинописная копия. Подпись и фамилии адресатов — автограф. Пометки рукой неизвестного: «2-71-60 1-й дом 207».

[1] Дон-Аминадо — псевдоним русского писателя Амината Петровича Шполянского (1888—1957, с 1920 г. в эмиграции). Ему принадлежит произведение «Дым без отечества» — Париж, 1921.

№ 54
ТРОЦКИЙ — ВОРОНСКОМУ С ЗАПРОСОМ О ПЕЧАТАНИИ РОМАНА ПИЛЬНЯКА

11 сентября 1922 г.

Телефонограмма № 207
Тов. Воронскому

Прошу сообщить, печатается ли произведение Пильняка «Мать-Мачеха» без изменений или с изменениями против того текста, который я читал в рукописи. Мне это нужно знать для ссылок на эту книгу.

С товарищеским приветом

ТРОЦКИЙ

Передала: *Каминская.*
Приняла: *секр. Дорабухина.*

11/9-22 г. 14 час. 50 мин.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 505. Л. 4. Машинописная копия.

№ 55
ВОРОНСКИЙ — ТРОЦКОМУ С ОТВЕТОМ НА ЗАПРОС О РУССКИХ ПИСАТЕЛЯХ И ПОЭТАХ

11 сентября 1922 г.

Тов. Троцкий!

Отвечаю на Ваши вопросы:

1) Настоящая фамилия Дон-Аминадо – ШПОЛЯНСКИЙ. Раньше сотрудничал в «Сатириконе» и других изданиях. Никакого отношения этот псевдоним к Ив. Бунину не имеет.

2) О. Мандельштам ни к какой группировке сейчас не принадлежит. Начинал с акмеистами. Охотно сотрудничает в Сов. изданиях. Настроен к нам положительно. Пользуется большим весом как хороший знаток стиха, талантлив. Стихи индивидуалистичны. К Замятину никакого отношения не имеет.

3) Лидин – состоит членом правления Всероссийского Союза Писателей. К определенным литературным группировкам тоже не принадлежит. Год тому назад боялся участвовать в Сов. изданиях. Теперь идет охотно.

В литературных настроениях замечается тоже перелом: советский быт в последних вещах («Ковыль Скифский», «Мышиные будни», – еще не напечатанные) выглядит приемлемо. Раньше писал под Бунина, теперь копирует Пильняка. К Замятину тоже отношения, по-моему, не имеет и, кажется, его не любит.

4) «Островитяне» – небольшое издательство в Петрограде. Ник. Тихонов – серапионовец. Был в красных гусарах. Ему 23 года. Чрезвычайно талантлив (книга стихов «Орда», поэма о Ленине «Сами» в «Красной Нови»). Об Алпатьеве сведений не имею. Полагаю, что «Островитяне» просто небольшое и недоходное издательство.

С тов. приветом

А. ВОРОНСКИЙ

11/9-22 г.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 505. Л. 5. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 56
ВОРОНСКИЙ — ТРОЦКОМУ С ОТВЕТОМ НА ЗАПРОС О РОМАНЕ «МАТЬ-МАЧЕХА»

11 сентября 1922 г.

«Мать-Мачеха» Б. Пильняка мною задержана и пока в набор не сдается. Пильняк обещал написать к ней предисловие и сделать кое-какие сокращения, но до сих пор их не сделал, так как уехал в Коломну. Ссылки, тов. Троцкий, можно будет проверить потом, когда В/статья или книга будет набрана (по гранкам). Пусть мне потом позвонят и покажут гранки.

С тов. приветом

А. ВОРОНСКИЙ

11/9 22 г.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 505. Л. 6. Рукописный подлинник.

№ 57
ТРОЦКИЙ — В ПОЛИТБЮРО ПО ПОВОДУ ПИСЬМА КРЕСТИНСКОГО О БЕРЛИНСКОЙ ГАЗЕТЕ «НАКАНУНЕ»

15 сентября 1922 г.

Копия
Секретно

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА Т. КРЕСТИНСКОГО О «НАКАНУНЕ»

Первое решение Политбюро по вопросу о «Накануне» считаю ошибочным. Я тогда же высказывался по этому [поводу] надписью на предложении т. Сталина. Не знаю, было ли мое мнение доведено своевременно до сведения членов Политбюро. Настаивать на проведении в жизнь решения Политбюро о новом изменении редакции значило бы либо окончательно дезорганизовать все дело, либо действительно превратить Ключникова — после переворота — в действительно независимого хозяина.

Нам нужна газета, которая, проявляя «независимость» в тех или других частных вопросах и в подходе ко всем вопросам, т. е. в мотивировке, — в основных вопросах и особенно в трудные минуты, поддерживала бы нас тем более энергично и решительно. Ключников же держался противоположной тактики: поддерживая советскую республику в общем и целом, он в решительный момент (эсеры, попы) нас предавал. Иметь его редактором в Москве гораздо лучше, чем в Берлине.

Предлагаю принять предложение т. Крестинского.

15 сентября 1922 г.
№ 480

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 480. Л. 172. Машинописная копия.

№ 58
ЛЮБОВИЧ — СТАЛИНУ О ПОЧТОВОЙ ЦЕНЗУРЕ

16 сентября 1922 г.

Народный Комиссариат
Почт и Телеграфов
16 сентября 1922 г.
№ 096/н
Секретарю ЦК РКП
Тов. Сталину

Уважаемый товарищ,

В последнее время остро стоит вопрос с нашей цензурой. Мы нарываемся на международные скандалы; цензура же внутренняя так неумело, так грубо работает, что всякие дельцы и контрреволюционеры знают ее хорошо и пользуются широко начинающей развиваться частной нелегальной почтой (ж.-д. кондукторами и проч.) Убивая почту, цензура убивает неумелостью и самое себя, не желая научиться и провести те технические приемы, которые сделали бы цензуру более действительной, а на развитие почты не влияли бы так пагубно, как сейчас.

Прошу этот вопрос поставить на Политбюро, вызвав меня и тов. Николаева, а также т. Уншлихта[1].

Все попытки НКПТ совместными с ГПУ инструкциями добиться положительных результатов ни к чему не привели.

С коммунистическим приветом

Замнаркомпочтель ЛЮБОВИЧ

Верно: *Е. Шерман.*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 296. Л. 12. Машинописная копия. Штамп «Хранить в секретном архиве». Штамп Бюро Секретариата ЦК от 23 сентября. Пометка рукой неизвестного: «сняты 3 копии: для В. И., справ. прот.».

[1] 21 сентября 1922 г. Политбюро рассмотрело этот вопрос с приглашением Любовича, Николаева и Ягоды и создало комиссию в составе перечисленных лиц и под председательством Яковлевой. Срок работы комиссии — одна неделя. В меморандуме Любовича в Политбюро «Об отказе некоторых иностранных государств принимать и пересылать корреспонденцию, отправляемую из СССР» говорилось, что, хотя Советская Россия вступила во Всемирный почтовый союз, образованный в Мадриде 30 ноября 1920 г., «конспиративный характер нашей военно-политической цензуры не дает возможность нашим почтовым учреждениям делать на процензурированной международной корреспонденции отметки о том, что таковая подвергалась цензурному осмотру и что этим именно фактом объясняются имеющиеся на ней следы вскрытия» (там же, л. 14). 12 октября 1922 г. принято постановление Политбюро о цензуре международной корреспонденции (№ 31/22). «О почте (доклад комиссии Политбюро) (Яковлева, Николаев) Утвердить решение комиссии. Постановили: 1. Легализацию цензуры международной корреспонденции — признать нежелательной. 2. Признать, что обследование Московского отделения ВПЦ заставляет считать технику и постановку с внешней стороны в общем удовлетворительной, хотя и в этом отношении необходимо повысить качество и тщательность работы. В этих целях считать необходимым привлечь старых специалистов. 3. Признать личный состав ВПЦ малоразвитым и малосоответствующим по своему политическому уровню». Также было решено, что «в целях уменьшения механичности работы признать желательным, чтобы ГПУ приняло меры к некоторому сокращению объема просматриваемой корреспонденции, прибегая к массовым осмотрам в исключительных случаях» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 300. Л. 28, 29).

№ 59
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО О ГАЗЕТЕ «НАКАНУНЕ»

21 сентября 1922 г.

Постановление Политбюро. № 27/19
21 сентября 1922 г.

О «НАКАНУНЕ» (ПИСЬМО Т. КРЕСТИНСКОГО)

Принять предложение т. Сталина.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 296. Л. 33.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ Т. СТАЛИНА ПО ВОПРОСУ О «НАКАНУНЕ»

Политически Полит. бюро (*зачеркнуто первоначально написанное слово* «цека») считает минусом потерю Ключникова и Потехина для «Накануне», тем не менее ввиду непреодолимых препятствий к возвращению их в редакцию «На-

кануне», установленных в письме т. Крестинского, Полит. бюро (*зачеркнуто*: «цека») не настаивает на своем решении и оставляет создавшееся положение без изменений. Вместе с тем Полит. бюро предлагает т. Крестинскому принять все меры к тому, чтобы впредь Цека не ставился перед фактом серьезных изменений в составе редакции «Накануне».

СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 296. Л. 34—36. Рукописный подлинник на бланке секретаря Центрального комитета И. В. Сталина. На л. 34 пометка рукой неизвестного: «20/9. Исх 7034/с — для ознакомления».

№ 60

УСТИНОВ — ЧЛЕНАМ ЦК РКП(б) О РАЗНОГЛАСИЯХ В РЕДАКЦИИ «НАКАНУНЕ» И ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ КЛЮЧНИКОВА ИЗ СОСТАВА КОМИТЕТА «СМЕНА ВЕХ»

21 сентября 1922 г.

Берлин, 21-го сентября 1922 г.
Членам ЦК: Сталину, Ленину, Троцкому, Каменеву,
Зиновьеву, Рыкову, Томскому, Радеку и Бухарину
Товарищам: Чичерину, Уншлихту, Степанову

Уважаемые товарищи,

Прилагая при сем памятную записку нынешней редакции «Накануне», могу дополнить ее теми данными, которые относятся ко времени, истекшему со дня ее составления.

19-го имело место в Берлине публичное выступление Ключникова и Потехина перед аудиторией в тысячу с лишком человек. Они поделились своими впечатлениями о поездке в Россию. Доклад был в общем чрезвычайно благоприятным для нас в оценке современной Совроссии, коммунистической партии кадился фимиам, в особенности Ключниковым, и многие отметили их «полевение», которое казалось шедшим в этом направлении дальше, чем ныне занимаемая газетой «Накануне» позиция. С мест не раз кричали обоим, что они более «коммунисты», чем сами коммунисты. Имел место и мало кем замеченный выпад Ключникова против настоящей редакции газеты, в котором он мимоходом заметил, что за его отсутствие редакция «злоупотребила оставленной им доверенностью». Потехин реагировал на это заявление письмом в редакцию, в котором он отмежевался от своего коллеги, считая его выступление бестактным и не оправдываемым действительным положением дела.

Что касается имевших место между Ключниковым и Потехиным с одной стороны и нынешней редакцией — с другой, переговоров, то они пока что не привели ни к чему: редакция согласилась на помещение декларации, которая бы снимала с двух бывших редакторов ответственность за направление газеты в дальнейшем, но отказалась от изменения названия газеты, кроме того, редакция не отказалась считать их обоих своими сотрудниками. Это — максимум, на который редакция считает себя вправе идти при создавшемся положении.

Необходимо отметить, что Потехин чем дальше, тем больше отходит от Ключникова, который и без того уже очутился в полном одиночестве. Мало того, комитет «Смены Вех», которого Ключников был председателем, факти-

чески исключил его на основании своей «конституции» из своего состава, продолжая существовать как таковой (в этот комитет входят кроме Ключникова еще Бобрищев-Пушкин, Лукьянов и Садыкер). Мне все же удалось удержать членов этого комитета от решительной акции и формального исключения Ключникова, полагая, что это нецелесообразно со всех точек зрения: им нечего создавать шумихи вокруг Ключникова, благо о нем никто не говорит, и он ни для кого не интересен; для нас это было бы неприемлемо, пока мы не имеем решения ЦК по вопросу о «Накануне».

Ключников и Потехин готовятся к отъезду в Москву, и этим, вероятно, весь инцидент будет исчерпан. Почвы у Ключникова и Потехина для учинения «скандала» не имеется. Сам Потехин на это при своих новых настроениях и как человек более политически честный, нежели Ключников, никогда бы и не пошел.

С товарищеским приветом

УСТИНОВ

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 309. Л. 1—2. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Штамп «Архив т. Ленина», дело № 14, по порядку № 4877/132.

В памятной записке редакции берлинской газеты «Накануне», в частности, отмечалось, что «в редакции нет единомыслия как по настроениям, так и по тактическим вопросам». После выхода № 6 Ключников выехал в Геную на международную конференцию. Из Генуи, где он пробыл пять недель, послал две «незначительные полубеллетристические корреспонденции». Ключникова отличают «личные эгоизм и эгоцентризм», «газета — это он и только он». Требует: «братания» с крайне правыми элементами, с целью их «заглатывания», «отказа от полемики с ними», «уважительного отношения» к представителям «правого миросозерцания». Со стороны редакции эта линия встречает категорический отказ привлекать махровых реакционеров и монархистов. В связи с активизацией Врангеля газета хотела активизировать кампанию разоблачения белогвардейских авантюр. «При известных обстоятельствах возникла мысль командировать Ключникова в Россию в качестве специального корреспондента на процессе эсеров». 23 мая Радек сделал подобное предложение Ключникову. 31 мая он вместе с Потехиным выехал в Москву. В данных условиях к работе в редакции были привлечены: профессор С. С. Чахотин, Кирдецов и Дюшен из парижского крыла сменовеховцев. За три месяца Ключников и Потехин прислали из России четыре корреспонденции. Из выступлений в России «о газете в России сложилось представление как об органе реакционно-нэпманского характера». В Доме литераторов в Питере Ключников отмежевался от газеты за «грубость ее поддержки советской власти». Газета не уделила достаточно места его поездке в Россию. В данных условиях Ключников устроил свои дела, заняв кафедру в МГУ, а Потехин — получив работу в ВСНХ. Ключников становится во главе крупного коммерческого издательства и «собственной газеты» при нем. 5 августа послали короткое заявление: «В связи с многочисленными обращенными к нам вопросами настоящим сообщаем, что с момента нашего выезда из Берлина в Россию 31-го мая мы не принимали никакого фактического участия в редактировании «Накануне». Приписка: «Поместить без всяких комментариев или примечаний в правом нижнем углу на первой странице и черным шрифтом». Не напечатали. Угрозы. В «Известиях» № 1623 опубликовано интервью Ключникова. Отклики «на это выступление Ключникова в эмигрантской печати сводились к тому, что вот даже Ключников, побывав в России и наглядевшись на ее пакости, отрезвел, не стерпел, и его стошнило от сотрудничества с «прислужниками палачей». У газеты — «совершенно исключительное влияние среди средних слоев интеллигенции в России и среди поколебленных кругов трудовой части эмиграции и беженства». Ключников протестует против реорга-

низации товарищества на вере «Накануне» в акционерное общество. Акционирование произошло в июле в отсутствие Ключникова, тем самым «раз навсегда пресечена возможность захвата дела случайным «хозяином». На публичной лекции 19 сентября Ключников грозился всех разоблачить. «Название газеты, ее марка, есть капитал, крупнейшая ценность в деле, принадлежащая акционерам, без постановления которых никто не правомочен в угоду нэпманскому издательству ее аннулировать». Это заключение коллегии было принято в Берлине 17 сентября 1922 (7 л.). «Известия» от 17 августа опубликовали интервью Ключникова о размежевании: «С сего числа в редколлегии ни Ключников, ни Потехин не состоят. Редактирование отныне осуществляет коллегия: Б. В. Дюшен, Г. Л. Кирдецов, С. С. Лукьянов, П. А. Садыкер, С. С. Чахотин. Частичное изменение персонального состава редакции Накануне, таким образом, отнюдь не знаменует какого-либо сдвига ни в нашей коллективной политической линии, ни в нашей идеологии» (там же, л. 13).

№ 61
ФОТИЕВА — СЕКРЕТАРЮ ЗИНОВЬЕВА Ф. МУЗЫКЕ О ВОПРОСАХ ЛЕНИНА ПО ПОВОДУ ПЛАНА ИЗДАНИЯ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ В США ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «БРАТЬЯ ХАРПЕР»

24 октября 1922 г.

№ 8512
24 X 22

Тов. Музыка.

Прошу Вас сообщить корреспонденту книгоиздательства «Бр. Гарпер», что тов. Ленин, не предлагая пока своих условий, желает знать:

1. Условия «Бр. Гарпер» по двум вариантам, о которых говорится в письме, т. е. полная продажа или частичная уплата и процентное отчисление;

2. Какие именно его сочинения желают купить «Бр. Гарпер» или по годам (все за такой-то год), или по названиям.

3. Будут ли гарантии и какие, что книги будут не только куплены, но и напечатаны[1].

Секретарь СНК

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 700. Л. 1. Машинописный текст.

[1] Фотиева — Ленину: «Предложение крупнейшего книгоиздательства в Америке «бр. Гарпер» о приобретении Ваших книг периода до войны и после заключения мира (передано через корреспондента). Вам сообщил Каменев» (машинопись). Пометка Ленина: «либо по соч. либо по годам» (там же, л. 3).

20 октября Ф. Музыка переслал Фотиевой для доклада Ленину письмо Джорджа Сельдес (George Seldes) из газеты «Чикаго трибюн» с изложением предложения Ленину. «Предварительные переговоры вам известны» (там же, л. 3). Сельдес на бланке «Чикаго трибюн» сообщал, что речь идет о серии книг мировых лидеров. «Первой полученной книгой были мемуары бывшего германского Кайзера Вильгельма. Несколько недель назад получены мемуары от Ллойд Джорджа. Переговоры идут с месье Viviani and Sg. Orlando. Книга публикуется сначала в выдержках в газетах, а затем полностью как написана. В контракте издательства с Кайзером оговорено, что ни одной запятой изменено не будет» (там же, л. 5). Перевод письма в секретариате Каменева, штамп за 18 октября. Машинопись на английском: «Предпочтительнее была бы автобиографическая нарратива о русской революции. Пропаганда нас не волнует. «Личная история Ленина, рассказанная о русской революции» (Lenin's own story of the Russian revolution. The

organization of the Bolsheviki). Если у Ленина нет времени для книги, то нам нужна серия из 10—12 статей. Мы готовы заплатить от 10 до 20 тысяч долларов в зависимости от материала. Но нам предпочтительнее была бы книга. Господин Альберт Бони, европейский представитель Харперс, лично знаком Ленину, и он гарантирует, что все будет опубликовано без изменений. Адрес журналиста в Москве: комната 126, гостиница Савой» (там же, л. 7—9).

№ 62
ЯКОВЛЕВ — В ПОЛИТБЮРО ОБ ИМПОРТЕ В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

15 ноября 1922 г.

В Политбюро ЦК РКП
15-го ноября 1922 года

Прошу принять следующее постановление Комиссии по отделению церкви от Государства от 14-го ноября с. года по вопросу о религиозной литературе:

«1. Ввоз всякой религиозной литературы из заграницы воспрещается как правило.

2. В виде исключения могут быть даны разрешения от случая к случаю Главлитом со взысканием установленных пошлин.

3. Главлиту предоставить право допуска ввоза религиозной литературы только с разрешения комиссии по отделению церкви от государства при агитпропе ЦК РКП.

4. Ввезенные евангелия и библии с разрешения НКВТ для кооперативного общества «слово истины» разрешить к выдаче на указанных в п. 2 правила.

5. Печатание религиозной литературы в России свести до минимума и исключительно с разрешения Главлита».

Зам. завагитпропом ЦК РКП
А. ЯКОВЛЕВ

15/11-22 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 306. Л. 26. Машинописный подлинник. Подпись — автограф Яковлева. Имеется подпись Красикова и нрзб. Слова «Евангелие» и «Библия» в тексте написаны со строчной буквы, Государство — с прописной.

23 ноября предложение комиссии было принято Политбюро: «Поручить комиссии строго различать каноническую церковную литературу (молитвенники, библию и пр.) от литературы религиозно-пропагандистской, мистической». В «Биохронике» (Т. 12. С. 493) этот пункт протокола Политбюро зашифрован как вопрос «о религиозной литературе» вместо действительного названия — «о ввозе религиозной литературы».

№ 63
СТАЛИН — ОТВЕТСТВЕННЫМ РЕДАКТОРАМ ГАЗЕТ О ЗАПРЕТЕ НА ПУБЛИКАЦИЮ КУРСА ТОВАРНОГО РУБЛЯ

7 декабря 1922 г.

Телефонограмма

Ответственным редакторам «Правды», «Известия ВЦИК», «Экон. жизни» и «Торгово-Промышлен. газеты» и начальнику роста т. Долецкому.

Сообщается для неуклонного исполнения, что бюллетени курса товарного рубля ни в коем случае не подлежат публикации, равно как статьи, трактующие вопрос о курсе товарного рубля; публикации подлежат лишь бюллетени котировальной комиссии и сообщение о курсе банкнот.

7 декабря 1922 г.

Секретарь ЦК И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 310. Л. 10. Машинописный подлинник. Подпись — факсимиле.

№ 64
УНШЛИХТ И ПИЛЛЯР — В ПОЛИТБЮРО, СТАЛИНУ О ПОСТАНОВКЕ ДЕЛА ДЕЗИНФОРМАЦИИ

22 декабря 1922 г.

РСФСР
НКВД
Государственное политическое управление
22 декабря 1922 г.
№ 26723/с
Москва, Б. Лубянка, 2
Телеф. ГПУ Коммутатор
Отдел Контрразведывательный
С. Секретно
В Политбюро ЦК РКП
Тов. Сталину
Копия тов. Троцкому

С переходом нашей Республики на мирное положение, с открытием границ для иностранцев разведывательные органы буржуазных государств, пользуясь открывшимися для них возможностями, усилили свою работу. Поскольку в военный период вражеские разведки главным образом интересовались расположением и состоянием нашей Красной Армии, постольку теперь свое внимание они направляют по преимуществу на освещение состояния нашей промышленности, на добывание сведений о политической работе наших партийных и советских органов, на работу НКИД и т. д.

Для Республики в данный период передышки, в период дипломатических переговоров с капиталистическими государствами, является чрезвычайно важным дезориентировать своих противников, ввести их в заблуждение.

Умелое, систематическое окружение наших противников сетью дезинформации позволит нам оказывать некоторое влияние в желательном для нас смысле на их политику, позволит нам заставить их строить практические выводы на неверных расчетах. Помимо этого, дезинформация помогает нам в непосредственной борьбе с иностранными разведками, облегчает проникновение в разведывательные органы буржуазных государств наших агентов и т. п.

В целях постановки систематической дезинформационной работы ГПУ предлагает создать при нем особое бюро из представителей наиболее заинтересованных в этой работе ведомств — Разведупра, НКИД и ГПУ.

В задачи бюро должно входить:

1) Учет поступающих как в ГПУ, так и в Разведупр и другие учреждения сведений о степени осведомленности иностранных разведок о России.

2) Учет характера сведений, интересующих противника.

3) Выяснение степени осведомленности противника о нас.

4) Составление и техническое изготовление целого ряда ложных сведений и документов, дающих неправильное представление противникам о внутреннем положении России, об организации и состоянии Красной Армии, о политической работе, о руководящих партийных и советских органах, о работе НКИД и т. д.

5) Снабжение противника вышеуказанным материалом и документами через соответствующие органы ГПУ и Разведупра.

6) Разработка ряда статей и заметок для периодической прессы, подготовляющих почву для выпуска в обращение разного рода фиктивных материалов.

ГПУ просит Политбюро ЦК РКП дать свое принципиальное согласие на ведение дезинформационной работы и на создание вышеупомянутого бюро.

Зампред. ОГПУ УНШЛИХТ
Нач. КРО ГПУ ПИЛЛЯР

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 312. Л. 19, 19 об. Машинописный подлинник. Подписи — автографы. Имеется штамп ОГПУ НКВД.

Имеются резолюции — автографы. Сталин: «Вкруговую Чл. П-Бюро. Ст.»; «Не возражаю. Ст.» (там же, л. 18). 11 января 1923 г. ПБ утвердит решение «О дезинформации», приняв предложение Уншлихта и добавив в п. 6 условие: «с предоставлением их в каждом отдельном случае на рассмотрение одного из секретарей ЦК». Голосование сопровождалось спорами. Томский: «В возможности осуществления — сомневаюсь, а потому воздерживаюсь». Каменев: «Не возражаю». Троцкий: «При условии очень тщательной работы за личной ответственностью тов. Уншлихта или другого ответственного товарища». Рыков: «Согласно п. 6 мы введем в заблуждение через нашу печать и наши партийные и советские круги. Предлагаю действие п. 6 ограничить решением Секретариата ЦК РКП с уведомлением о каждом решении Секретариата Политбюро. В остальном согласен». Калинин: «Я думаю, ничего из этого плана не выйдет, фальсификация быстро распознается и ее провал основательно дискредитирует наши органы». Молотов: «Не возражаю, при условии, что личный состав тройки (или лица) будет утвержден Политбюро ЦК». Письмо Уншлихта без результатов голосования членов Политбюро опубликовано в сборнике документов «Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД» (М., 2003. С. 72—73).

№ 65
ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ — БУБНОВУ О ФАКТЕ ИЗДАНИЯ МУЗЫКИ ЦАРСКОГО ГИМНА

14 февраля 1923 г.

С. Секретно
В агитпроп Ц. К. РКП
тов. Бубнову

Сборник «Octaven Etuden» выпущен в 1921 году, когда никакой цензуры не существововало. Думаю, что он печатался в таком же виде и в последующие годы в силу технических условий печатания нот. Тов. ШУЛЬГИН, который ведает нотным издательством, приходил ко мне весной 1922 г. и спрашивал,

можно ли печатать ноты русского гимна без слов. Я ответил отрицательно, но он держался мнения, что можно, и, будучи нашим уполномоченным, не сообщил нам о факте распространения им такого издания.

Дело передано на рассмотрение прокурора тов. ШЕВЕРДИНА, а тов. ШУЛЬГИН уволен от занимаемой должности цензора музыкальных произведений[1].

Заведующий Главлитом ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 413. Л. 65. Машинописный подлинник на бланке «РСФСР. НКП. Главное управление по делам издательств (Главлит) 14 февраля 1923 г. № 566. Москва, Сретенский бульвар. № 6». Имеется пометка: «На совещание зав. А. Бубнов».

[1] 22 февраля данный вопрос был рассмотрен на заседании Секретариата. Докладывал Бубнов. «П. 11. Слушали: об издании к-р [контрреволюционных] музыкальных произведений (т. Бубнов). Постановили: Ввиду заявления Главлита об увольнении цензора нотных изданий Шульгина считать вопрос исчерпанным» (там же, л. 63).

№ 66
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО «ОБ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ГРЖЕБИНА»

29 марта 1923 г.

ПРОТОКОЛ № 59 ПУНКТ 8 ЗАСЕД. ПБ от 29/3-1923

Слушали: 8. Об издательстве Гржебина (т.т. Троцкий, О. Шмидт, Мещеряков).

Постановили:

8. а) Предложить т. Шмидту принять меры к ликвидации договора с Гржебиным с наименьшим денежным ущербом для РСФСР и с наибольшим финансовым и торговым бойкотом этого издательства. Поручить т. Шмидту во исполнение данного решения немедленно вступить в переговоры с соответствующими учреждениями (таможнями и т. п.).

б) Поручить т. Каменеву провести это решение в соответствующей форме в советском порядке.

в) Поручить Секретариату ЦК договориться с товарищем, взявшим на себя обязательство перед издательством Гржебина, о ликвидации этих отношений.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 328. Л. 11, 11 об. Рукописный подлинник протокола заседания Политбюро.

№ 67
КРЕСТИНСКИЙ — СТАЛИНУ О ГАЗЕТЕ И АКЦИОНЕРНОМ ОБЩЕСТВЕ «НАКАНУНЕ»

29 апреля 1923 г.

Москва. 29 апреля 1923 г.
Секретарю ЦК РКП тов. Сталину
Копии тт. Бухарину, Зиновьеву, Каменеву, Рыкову,
Томскому, Троцкому, Радеку, Уншлихту, Литвинову

Уважаемый товарищ,

Из прилагаемой докладной записки директора-распорядителя акционерного общества «Накануне» П. А. Садыкера Вы увидите, как обстоят материаль-

ные дела акционерного общества[1]. За истекшие 13 мес. существования газеты акционерное общество превратилось в солидное коммерческое предприятие с рядом доходных отделов (книгоиздательский, типографский, кинематографический), частично покрывающих неизбежный дефицит газеты. Актив акц. о-ва представляет собой уже довольно значительную ценность, но еще не может быть речи о том, чтобы о-во могло за счет доходов от своих предприятий содержать газету. Мало того, условия издания газеты в Германии настолько ухудшились (повышение расходов при длительной стабилизации марки), что отпущенная Центральным Комитетом сумма израсходована в более короткий срок, чем предполагалось. Учитывая опыт последних месяцев прошлого года, когда непрерывное падение марки фактически удешевляло издание газеты, мы (я и редакция «Накануне»), полагали, что на первое полугодие 23 г. будет достаточно 20.000 рублей. Оказалось, однако, что условия изменились коренным образом, что только январь месяц был таким же, как последние месяцы прошлого года, а в феврале, марте и апреле расходы по газете увеличились в 2, 3 и более раз. 20.000 рублей израсходованы поэтому не в 6, а в 4 мес. Необходимо или новое ассигнование, или придется приступить к ликвидации газеты.

Лично я высказываюсь за то, чтобы газету не прекращать. Ее политический удельный вес довольно значителен, с ее закрытием мы лишимся единственного более или менее влиятельного советофильского органа за границей. Обходится нам газета, в общем, недорого. По мнению редакции, на 3 мес. до конца года потребуется доплата не более 15 тысяч долларов, т. е. 30 тысяч золотых рублей. Если подобные предприятия будут успешно развиваться, удастся ограничиться меньшей суммой. Так как деньги выделяются акц. о-ву «Накануне» не сразу, а по частям, в таком случае возможно будет приостановить выдачу и сохранить часть ассигнованной суммы. Отказ в дальнейшем ассигновании и вызванный этим крах газеты произведет очень дурное политическое впечатление. В этом последнем случае необходимо ассигновать некоторую сумму на ликвидационные расходы.

Решение необходимо принять в ближайшие дни, так как сейчас газета переживает как раз самые критические дни.

С товарищеским приветом.

Н. КРЕСТИНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 334. Л. 17—18. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Штамп делопроизводственного оприходования документа за 16 мая 1923 г. 10 мая Политбюро лаконично «приняло предложение т. Крестинского».

[1] Из справки Садыкера о положении АО «Накануне»: «Работа Акц. О-ва «Накануне» направлена была все время на создание прочной экономической базы для газеты «Накануне», которая была и остается основной и главной целью общества. Редакционная коллегия считает, что поставленная ею себе задача еще не выполнена, хотя выполняется с непрерывно возрастающим успехом: газета стала крупным политико-общественным органом, завоевавшим влиятельное положение за границей, как среди русских, так и в кругах европейской общественности. Ее цитируют постоянно в европейской прессе, представители редакции приглашаются на всевозможные собрания, посвященные вопросам сближения с Россией. В ней ищут и находят правильную информацию о России, на нее «ориентируются» общественные, политические и экономические группы Германии, Франции, Чехии, Болгарии и Сербии, стремящиеся порвать с пе-

чальным опытом блокады и интервенции. Но, несмотря на все растущий успех газеты, на стабилизацию ее тиража, на бережливо-хозяйственное ведение дела, она не смогла дойти до самоокупаемости. Объясняется это исключительно ненормальной общей экономической конъюнктурой Германии, особенно ухудшившейся в 1923 году. Достаточно обратить внимание на огромное количество — 2320 газет и журналов, из коих многие существовали сотни и десятки лет, закрывшихся в Германии в 1922—23 гг., чтоб уяснить себе, что новому органу, да еще иностранному, достичь самоокупаемости, конечно, невозможно...» Киноотдел общества «Накануне» «ставит себе целью снабжение России хорошими художественными и научными фильмами. Действуя в Германии как германское акционерное общество, мы имеем возможность получать фильмы от производителей их, без посредников, можем пользоваться кредитом и благодаря этому можем помешать спекулятивному вздуванию цен на фильмы, покупаемые для России. Вся работа киноотдела рассчитана на четкую согласованность с Госкино. Киноотделом приобретена с лицензом на всю Россию лучшая художественная картина 1923 г. «Стакан воды», которая уже передана по договору Госкино» (там же, л. 19—24).

№ 68
КАМЕНЕВ — СТАЛИНУ, БУХАРИНУ, ДЗЕРЖИНСКОМУ О ЗАКРЫТИИ ЖУРНАЛА «БЕЗБОЖНИК»

7 мая 1923 г.

Безбожник пользуется громадным влиянием. Я знаю, что в самых глухих уездах работницы увлекаются и ждут №№ с нетерпением. Он здорово, видимо, будоражит. Просто закрыть его нельзя. Надо постепенно переходить от необходимого на первых порах «ерничества», которое своей остротой привлекало внимание, к более «приличному» тону[1].

Л. КАМЕНЕВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 333. Л. 20. Рукописный подлинник.

[1] «Согласен. Сталин». «Закрыть нельзя. Смягчить, Бухарин». «Не закрывать, а смягчить теперъ же. В. Молотов». Политбюро согласилось с предложениями Каменева о необходимости изменения характера журнала «Безбожник» в сторону смягчения тона журнала.

В 1923 г. появился журнал «Безбожник у станка», просуществовавший до 1931 г. В 1925—1941 гг. выходил журнал «Безбожник», в 1924—1925 гг. — «Безбожный крокодил», в 1923 г. в Киеве — «Богомор», в 1923 г. в Смоленске — «Долой богов», в 1924 г. в Ташкенте — «Наше пасхальное яичко».

Раздел второй

«СТАЛИН — ЭТО ЛЕНИН СЕГОДНЯ»

(1924—1929)

№ 69
КОМИССИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН ЛЕНИНА О КИНОСЪЕМКЕ ТРАУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ, О ПРОГРАММЕ И СОДЕРЖАНИИ СЪЕМОК

22 января 1924 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИССИИ
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН В. И. ЛЕНИНА

1. Возложить на Госкино и соответствующие организации производство фотокиносъемок процесса похорон Владимира Ильича Ленина с момента выноса тела из «Горок».

2. Поручить тов. Кадомцеву[1] немедленно созвать специальное совещание из представителей всех организаций фотокинодела и подробно обсудить порядок организации и производства съемки с тем, чтобы к 10-ти часам вечера 22-го января представить окончательный распорядок на утверждение комиссии.

3. Обязать т. Кадомцева в первую очередь направить необходимых работников для фотокиносъемки в помещении «Горки» и процесса по прохождению от «Горок» до станции.

Поручить комиссии обеспечить проезд до «Горок».

4. Обязать тов. Луначарского принять участие в совещании по обсуждению программы съемки.

За председателя (подпись)

22/1-24 г.

РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 82. Л. 1. Машинописный экземпляр.

[1] Э. С. Кадомцев в январе 1924 г. — заведующий Госкино.

ПРОГРАММА КИНО- И ФОТОСЪЕМОК
ПОХОРОН ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА

1. Общий вид «Горок».

2. Места, где проводил время больной Владимир Ильич: дом, усадьба, сад, скотный двор, внутренность дома, его вещи, которые его окружали.

3. Люди, которые его окружали. Семья, крестьяне, если он с ними виделся.

4. Тело в комнате в «Горках», почетный караул.

5. Вынос тела из дома.

6. Процессия на пути к станции «Герасимовка», овраг, тропинки.

7. На станции. Демонстрация. Установка гроба в вагон. Отход поезда со станции «Герасимовка».

8. Поезд в пути. На промежуточных станциях.

9. Перед приходом поезда в Москву. Площадь перед вокзалом.

10. Приход поезда в Москву.

11. На станции. Вынос гроба из вагона. Процессия на пути к Дому Союзов. Несколько моментов процессии на улицах Москвы у Дома Союзов.

12. В зале Дома Союзов. Почетный караул.

13. Депутации у гроба во все дни похорон.

14. Похороны. Вынос тела из Дома Союзов. Процессия до могилы. Опускание гроба в могилу. Массовые сцены.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СЪЕМКИ
В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ В. И. ЛЕНИНА

1. 22 января наиболее значительные из 22-х организуемых митингов.

2. Сцены на улицах в дни похорон, на территории Москвы вне пути процессии, имеющие связь с событием. Толпа у газетных киосков. Характерные сцены отношения населения.

3. Митинги и демонстрации, посвященные событию в Москве и по возможности по территории СССР, где имеются отделения киноорганизации.

4. Открытие памятника в Богородске 22 января.

5. Съемка объявлений и изданий, вышедших в эти дни.

Примечание:

1. Все моменты должны быть зафиксированы, как для кино, так и для фото.

2. Если будут организованы не предвиденные настоящей программой заседания и пр., то необходимо включить в программу и эти моменты, для чего установить получение постоянной информации.

РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 82. Л. 5. Машинописный текст.

№ 70
ТРОЦКИЙ — ЛЕОПОЛЬДУ АВЕРБАХУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ

28 марта 1924 г.

Дорогой товарищ,

Спасибо за письмо. Огорчения, какие Вам пришлось перенести, огорчили и меня. Но Вы напрасно пишете, что не писали мне, чтобы меня «не тревожить». Я всегда буду рад получить от Вас весть.

Если подготовка книги по Коминтерну закончена, то лучше было бы, на мой взгляд, не дожидаться моего приезда. До моего возвращения пройдет все-таки недели три. По приезде я должен буду в первую голову заняться всякими другими неотложными делами, а это повело бы к дальнейшей отсрочке выпуска книги. Лучше, мне кажется, сдать ее в набор теперь же. Если бы понадобились какие-либо поправки или дополнения, я мог бы их внести в виде какого-либо предисловия или послесловия. Сдать книгу в печать можно через т. Глазмана или через т. Познанского.

В связи с Вашим новым документом, посвященным литературе, я размышлял над тем, в чем психологический гвоздь наших разногласий. Думается мне, что я его нашел. Молодые беллетристы, поэты и критики-коммунисты воспринимают искусство как некоторое самодовлеющее, замкнутое в себе целое. Это может показаться на первый взгляд парадоксом, ибо ведь именно сторонники пролетарской литературы выдвигают на первый план социальный кри-

терий. Тем не менее, в утверждении моем никакого парадокса нет. Вы и Ваша группа относились к литературе так, как если бы она была единственным самодовлеющим и законченным средством коммунистического воспитания. На самом же деле литература является одним из средств воспитания и действует параллельно с другими средствами, а потому и оцениваться должна самостоятельно. Коммунистический характер произведений Горького более чем сомнителен. В них много анархо-индивидуализма, обывательской ограниченности, открытой мистики и пр. Это было бы опасно и заставило бы нас поставить крест на Горьком, если бы воспитание пролетариата определялось целиком или главным образом литературой. Но на самом деле это не так. К литературе приобщается пробужденный или пробуждающийся рабочий. И он берет из литературы то, чего ему не хватает, то, чего он не может получить другими путями. Литература прежде всего расширяет поле его зрения и лишь отчасти и далеко не всегда воздействует на угол его зрения. Надо твердо и ясно помнить, что художественная литература не есть микрокосм, а есть часть макрокосма.

– Но в таком случае, – скажете Вы, – исчезает различие между коммунистами-литераторами, попутчиками и белыми?

Ни в каком случае не исчезает, но подход к этим группировкам значительно меняется. Что касается белых, то они не способны расширить поле зрения, обогатить нас образным познанием жизни, ибо они вышли в тираж. Все, что они пишут, это – перепевы старого. Они не прибавили ни одной свежей строки.

Что касается попутчиков, то здесь дело обстоит иначе. Они не повернулись спиной к революции, они глядят на нее, хотя бы и косым взглядом. Они видят многое, чего мы не видим, и показывают нам это. В отношении футуристов Вы сами это признали, хотя и с явной осторожностью.

Конечно, было бы великолепно, если бы мы имели художественную литературу, захватывающую все поле и художественно освещающую его под коммунистическим углом зрения. Но ведь такого рода программа выполняется на 0,001%, а этого маловато, и этим микрокосма никак не сделаешь. Надо поэтому подходить к литературе как к части макрокосма. Да пролетариат фактически так и подходит к ней. Пробужденный рабочий относится к литературе активно, вторгается в нее, берет то, что ему нужно, т. е. то, чего он не находит в других областях своей духовной жизни. От того, например, попутчик, хоть сколько-нибудь расширяющий поле нашего зрения, более ценен, чем художник-коммунист, который ничего не прибавляет к тому, что мы сознали и прочувствовали до него и без него. В этом, мне кажется, суть дела.

Вы предлагаете мне написать о Я. М. Свердлове[1]. Я бы очень хотел это сделать, но не уверен, выйдет ли. Дело в том, что я знал Я. М. достаточно, чтобы полюбить его, понять его огромное значение, но недостаточно много встречался с ним, чтобы иметь возможность многое прибавить к тому, что мне пришлось уже в несколько приемов рассказать о Свердлове[2]. Я познакомился с Я. М. только летом 1917 г., причем первые годы революции я больше провел в разъездах, чем в Москве. Вот почему я мог дать лишь общую оценку этой замечательной фигуры, но мало могу доставить фактического материала для его биографии. Однако это не отказ. Я еще подумаю, и может быть, удастся дать несколько страниц, которые не были бы простым повторением уже сказанного.

28/III/24

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 522. Л. 53—54. Машинописная копия. Пометка неизвестного: «Т. Л. Авербах».

[1] 21 июня 1924 г. заместитель заведующего Истпартом Савельев и секретарь Истпарта М. Бош сообщают Сталину о составлении и редактировании сборника памяти Якова Свердлова. Работа ведется комиссией при Истпарте в составе: К. Т. Новгородцевой, И. Н. Смирнова, Л. Авербаха и под общей редакцией М. С. Ольминского. «Истпарт просит Вас дать для этого сборника Ваши воспоминании, статьи или заметки, относящиеся к жизни и деятельности Я. М.». Адрес Истпарта: Старая площадь, Ипатьевский проезд, д. № 4. 2 августа 1924 г. Сталин закончит составление заметок «О Я. М. Свердлове» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 960. Л. 5—7).

[2] Вопросы канонизации образа Якова Свердлова и при других обстоятельствах были предметом обсуждения на Политбюро в год смерти Ленина. 30 октября 1924 г. Д. Сулимов обратится в Политбюро по вопросу о переименовании города Екатеринбурга:

«На Урале давно уже обсуждается вопрос о переименовании Екатеринбурга.

Основываясь на многочисленных постановлениях рабочих собраний и профессиональных и партийных организаций, прошу разрешить переименование Екатеринбурга и присвоение ему имени Свердловск.

Мотивировать политическую целесообразность переименования едва ли в данном случае нужно. Рабочие массы вполне осознали, что Екатеринбургу, крупному рабочему центру, одной из цитаделей большевизма, не к лицу носить имя Екатерины. Тов. Свердлов был одним из первых организаторов пролетарских масс Урала. Революционное прошлое Урала крепко связано с именем Як. Мих. Свердлова — вот почему пролетарский Урал так единодушно остановился на этом имени.

Соответствующее ходатайство перед ВЦИКом нами возбуждено.

Нам желательно приурочить переименование Екатеринбурга к предстоящей седьмой годовщине Октябрьской революции». «За» — Сталин, Каменев, Зиновьев, Троцкий. Воздержался Молотов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 459. Л. 50—51 об.).

№ 71
ИОНОВ — ЗИНОВЬЕВУ О ВОЗВРАЩЕНИИ ИЛЬИ РЕПИНА В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ

22 мая 1924 г.

Тов. Зиновьеву

Ко мне два раза обращался писатель Корней Чуковский с просьбой устроить разрешение на въезд в Россию художника Ильи Ефимовича Репина, проживающего в Финляндии. Репин, по словам Чуковского, сам изъявил желание приехать в Россию. Не найдете ли Вы возможность устроить ему такое разрешение[1].

И. ИОНОВ

22/5-24.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 424. Л. 24, 24 об. Рукописный подлинник.

[1] Резолюция Зиновьева: «Членам П. Бюро. Предлагаю постановить: 1. Разрешить Репину вернуться в Россию. 2. Поручить Луначарскому и Ионову принять соответствующие меры».

«За» проголосовали Троцкий, Сталин, Бухарин, Каменев и Томский. Слово «Россия» исправлено на «СССР». Выписки посланы Луначарскому, Ионову, Менжинскому и Зиновьеву как инициатору записки.

№ 72
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО О ГАЗЕТЕ «НАКАНУНЕ»

3 июня 1924 г.

Слушали: Вопросы НКИД. О «Накануне» (т.т. Крестинский, Чичерин, Литвинов).

Постановили:

а) Предрешить закрытие «Накануне» согласно решения от 26 /3-24 г., но новой газеты взамен «Накануне» в Берлине не открывать.

б) поручить т.т. Степанову и Крестинскому подготовить издание в Париже полуофициоза (не коммунистической газеты, но со строго обеспеченным советским характером[1]).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 428. Л. 13. Протокол № 1. Рукописный подлинник на бланке Политбюро.

[1] 28 августа 1924 г. Политбюро рассмотрит вопрос «Об издании газеты в Париже». Докладывали Чичерин и Канатчиков. Утверждены предложения Агитпропа: «1. Ответственным политическим руководителем газеты утвердить т. Волина Бориса. 2. Поручить комиссии в составе т.т. Канатчикова, Брюханова, Волина и Ротштейна в срочном порядке изыскать и определить средства и подобрать совместно с оргераспредом необходимых сотрудников» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 447. Л. 11). 4 сентября 1924 г. (т. е. через неделю) Политбюро по докладу Чичерина и Ротштейна рассмотрит вопрос об издании советского еженедельника в Берлине. Постановили: «а) Считать желательным издание советской еженедельной газеты в Берлине, согласно предложения НКИД. б) Поручить отделу печати ЦК РКП, с привлечением НКИД, обсудить и наметить такой состав редакции и сотрудников, который гарантировал бы коммунистическое направление газеты без официального провозглашения ее партийности с внесением своих предложений на утверждение Политбюро» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 448). 1 июня 1925 г. Политбюро примет предложение т.т. Молотова и Зорина об откомандировании т. Зорина в Париж для ответственной работы в «Парижском вестнике» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 492. Л. 11).

№ 73
ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ — В ПОЛИТБЮРО О ЖУРНАЛЕ «БЕСЕДА» МАКСИМА ГОРЬКОГО

10 июня 1924 г. (не ранее)

В Политбюро ЦК РКП(б)

В Главлит было прислано решение Политбюро о беспрепятственном пропуске в СССР журнала «Беседа», в числе редакторов которого числится М. Горький[1].

Так как Главлит по этому вопросу не был запрошен и решение обуславливалось, очевидно, настойчивостью Горького, сообщаю: Журнал «Беседа» принадлежит Берлинскому издательству «Эпоха»[2]. Издательство «Эпоха» принадлежит меньшевикам, и доходы от него идут на партийные цели. Во главе издательства стоят Дан, Лидия Канцель[3], Далин и Каплун-Сумский.

Административно-хозяйственной частью ведает Далин и Каплун-Сумский[4].

Пропуская в СССР «Беседу», Главлит будет способствовать улучшению состояния кассы ЦК меньшевиков, да и самый журнал носит неприятный идеологический уклон, теософско-мистический; на его страницах помещают статьи наши ярые враги и рекламируется вся белогвардейская и меньшевистская литература[5].

Главлит просит Политбюро прежнее свое решение отменить: журнал «Беседу» в СССР по указанным выше причинам не пускать[6].

Заведующий Главлитом ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 431. Л. 57. Машинописный подлинник на бланке Главлита.

[1] В 1921 г. Горький выехал из Петрограда в Гельсингфорс, затем в Берлин. В 1923 г. он в Праге, с 1924 г. живет в Сорренто (Италия). Печатается в журнале «Беседа» (Берлин, Издательство «Эпоха»).

[2] В 1922 г. находившемуся в Берлине Виктору Шкловскому «пришла идея» организовать политически нейтральный журнал, в котором могли бы участвовать авторы, живущие по обе стороны границы. Горький и Ходасевич его поддержали. Базой для журнала выбрали издательство «Эпоха», совместными владельцами которого были меньшевики С. Г. Каплун-Сумский и Д. К. Далин (с 1923 г. — только первый из них). См. письмо М. Горького к Ф. Г. Ласковой от 10 января 1923 г.: «Мы — В. Ходасевич, Виктор Шкловский и я — затеваем здесь большой научно-литературный — без политики — журнал «Эпоха».

[3] 20 ноября 1924 г. Политбюро по докладу Каменева рассмотрит вопрос о выдаче разрешения на въезд в СССР Л. О. Канцель (сестры Мартова). Решение: «Не возражать против въезда в СССР на три месяца Л. О. Канцель на условиях, кои вырабатывает т. Дзержинский». Каменев — Дзержинскому: «Я готов — по долгу службы — ради получения 10-ка писем Вл. Ил. пустить в Россию не только сестру Мартова, но самого черта. Но можно ли? Нет ли у Вас возражений? Если бы Вы были согласны, я пущу на запрос в Пбюро. Л. Каменев». Дзержинский: «Мы согласны, но с тем, чтобы она не занималась здесь партийными делами. Ф. Д.». «За» проголосовали Сталин, Каменев, Рыков, Зиновьев, Молотов, Томский (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 463. Л. 34—35).

[4] Каплун (Сумский) Соломон Гитманович (1891—1940) — заведующий издательством «Эпоха», видный член партии меньшевиков.

[5] Финансовые субсидии для издательских проектов Горького от данного демарша не пострадают. 13 августа 1925 г. по докладу Ионова о «Собеседнике» Политбюро постановит: «Разрешить Ленгизу взять на себя издание «Собеседника» с тем, чтобы состав редакции был установлен по соглашению Ленгиза и М. Горького с представлением на утверждение Политбюро» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 502. Л. 49). 14 декабря 1925 г. Политбюро заслушает телеграмму советского полпреда в Италии Керженцева. Постановят: «а) послать Максиму Горькому 5 тыс. долларов в счет 20, причитающихся ему по договору с Берлинским Торгпредством, ассигновав деньги немедля из резервного фонда СНК СССР. б) Поручить СНК определить порядок покрытия этого расхода» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 521. Л. 55).

[6] Пометка неизвестного: «На п/б с вызовом Полянского». Резолюция Молотова: «Хорошо бы отменить решение о «Беседе» Горького, ведь теперь есть «Русск[ий] соврем[енник]». Новое обстоятельство! В. Молотов». «Если верны факты, приводимые Полянским, то отменить. Поручить Менжинскому проверить и войти в П/б. ГЗ» (Григорий Зиновьев). «Проверить факты. «Русск. совр.» весьма гнусен. Бухарин». «Воздерживаюсь. М. Калинин».

№ 74
ЦИРКУЛЯР ОГПУ РЕДАКТОРАМ ГАЗЕТ И РУКОВОДИТЕЛЮ РОСТА

20 июня 1924 г. (не позднее)

Копия
Проект
Совершенно секретно
Циркулярно
Всем редакторам партийных, советских, кооперативных, профессиональных и т. п. периодических изданий, ответственному руководителю РОСТА
Копия: Зав. Главлитом

1. За последнее время в местной прессе (журналах и газетах) печатались сведения, заранее указывающие маршруты из центра, остановки, места выступления (съезды, конференции, митинги), места лечения, как равно и пути обратного следования членов Правительства СССР, РСФСР и членов ЦК РКП(б).

2. Некоторыми редакторами посылались без ведома ОГПУ не только репортеры, но и фотографы, производившие целые засъемки мест пребывания указанных в п. 1-м товарищей.

3. Появление заранее этих сведений в печати облегчало работу всякого рода шпионов и крайне затрудняло работу по охране членов правительства и т. п.

4. Считая, что такого рода сенсации, появлявшиеся в печати, могут в любое время привести к печальным последствиям, ОГПУ предлагает:

а) все сведения, согласно п. 1-го данного циркуляра, касательно членов Правительства и ЦК впредь до согласования их с ОГПУ (Отдел Политконтроля) в печать не давать, за исключением сведений, когда поездка совершается публично с агитационными целями.

Примечание. Сообщения об агитпоездках могут помещаться без ведома ОГПУ только в тех случаях, когда в них не указывается заранее точно место и время выбытия и прибытия, как равно и самый маршрут данного лица.

б) Согласование с ОГПУ упомянутых сведений редакциями должно происходить заранее до передачи материалов в набор.

в) Всякая посылка репортеров, фотографов и им подобных работников вслед за отъезжающими членами Правительства, как равно и места пребывания их вне Москвы, без специальной визы ОГПУ (Отдел Политконтроля) запрещается.

Примечание. Редакции, посылающие своих работников без визы ОГПУ, будут подвергаться штрафу, а репортеры, фотографы и проч. — аресту.

г) Репортеры, фотографы и т. п., работающие в Москве в указанном п. 1-м циркуляра смысле независимо от их партийности, должны иметь на руках удостоверение ОГПУ (ОПК), дающее им право заниматься этой работой.

Примечание. Удостоверения будут выдаваться: Отдел Политконтроля (Б. Лубянка, 14) при предоставлении заявки редакции с приложением фотографической карточки лица, получающего разрешение.

Зампред. ОГПУ ЯГОДА[1]

Верно: *Лепешинская.*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 432. Л. 55—56. Машинописная копия. Результаты голосования (автографы): «За. Молотов», «Не возраж. ГЗ» (Зиновьев), «За. Н. Бух.» (Бухарин). Циркуляр утвержден опросом членов Политбюро 20 июня 1924 г.

[1] Ягода нередко проявлял интерес к положению дел на литературном фронте, особенно когда затрагивались интересы самого «компетентного» из всех советских органов. В 1925 г. на одном из своих заседаний Политбюро рассмотрит письмо Ягоды «О «Красной нови». Решено: «Признать ошибкой помещение рассказа «Григорий Пугачев» в «Красной Нови», рекомендовать редакции «К. Н.» более осторожное отношение к темам, касающимся работы ГПУ» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 501. Л. 35).

№ 75
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ О СВОЕМ ОТДЫХЕ В ЕССЕНТУКАХ

26 июня 1924 г.

Ессентуки
26 июня 1924

Иосиф Виссарионыч, родной!

Очень здесь хорошо. Я в первый раз в своей жизни почувствовал, что, в сущности, я же никогда так не отдыхал. Даже не имел представления, как можно отдыхать. Мозг похож на воду источника, из которого я пью: прозрачный, с легенькими пузырьками[1].

Говорю это к тому, что имею намерение сагитировть вас приехать сюда хоть на один месяц, если нельзя на больший срок[2]. Отдохнете, и ваша ясная голова станет еще яснее и заиграет этакими свежими пузырьками.

Не дураки буржуи были, что ездили сюда стаями ежегодно[3]. Известный вам сторож Григорий рассказывает мне преинтересные вещи, хоть записывай. Он тут с 1900 года. Насмотрелся.

Присматриваюсь к нынешней публике и я. Какая смесь одежд и лиц. Контрасты. Приметил я одного рабочего. Парализованные ноги иксом. Полуволочатся. Руки тоже вертятся как у Ларина[4]. Но кое-как ходит. И много ходит. Потом можно видеть нэпманочку поразительной красоты и несравненного изящества. Я ее мысленно прозвал «мировая скорбь», потому что она вечно хнычет, стонет, заламывает ручки: «зачем люди рождаются, если надо умирать», «зачем в жизни так много жестокого» и т. п. А позавчера, когда я в парке около полдня грелся на солнышке и полудремал, меня разбудило чье-то веселое мурлыканье на непонятном языке. Что-то вроде бесконечного «чум-бара, чу-чу-чум-бара...». Оглянулся. Кто поет? Оказалось, вот этот самый полупарализованный рабочий. Поет, едри его мать, хоть бы что!! Никакой тебе скорби, ни мировой, ни иной. Меня даже, знаете, вроде электрическим током вдарило. Нет меры пролетарской силе, сказывающейся в его нутряном, несокрушимом оптимизме. — «Живе-е-ем!!»

Вчера вечером видел у источника картиночку: очередь человек двести. Сзади всех стоит с кружечкой Атарбеков[5]. Знаменитый, по вечекистским якобы жестокостям, Атарбеков. Перед ним линия затылков и нэпманских нарядов. Получив свою воду, Атарбеков подошел ко мне, явно расстроенный.

— Вижу, Демьяша, не чисто я работал. Вон того видишь. Я его должен был вывести в расход. А теперь стой за ним в очереди. Дай ему, сукиному сыну, брюшко прополоскать[6].

Рабочие, те не церемонятся:

— Куда, нэпман, прешь? Не видишь, очередь!

Нэпман покорно становится в очередь, боясь даже поворчать. На всяком месте политграмота.

Вчера же, когда мы разговаривали с Атарбековым, мимо нас по аллее прошло строем около двухсот работниц молодых и пожилых. Идут весело по трое. Мы решили, что с какого-либо собрания. Но представьте мой ужас, когда я, вернувшись к своему флигелю, увидал, что весь дворик запружен этими самыми работницами. Как увидали меня, такое подняли, беда! «Кричали женщины ура и в воздух чепчики бросали»[7]. Ораторша мне заявила, намекая на проволоку вокруг флигеля, что нет таких проволочных заграждений, которых бы не атаковали работницы, желая повидать и приветствовать своего любимца. Поднесли цветы. Я со вкусом лобызался, отвечая на приветствия, еле-еле удерживался, чтоб не заплакать самым идиотским образом. Нервы стали паршивые. А потом и трогательны очень эти работницы. Чистосердечно вам скажу: при нынешних спорах о «партлинии в литературе и искусстве» — мне эти розы от простых банщиц и поломоек дороже всего на свете, и нет такого иезуитско-талмудического аргумента, который бы в моих глазах мог противостоять простым словам нехитрого привета: — «любим мы тебе очень»!

И больше ничего. Да большего и быть не может.

Все это очень хорошо. Я очень рад возможности поделиться с вами моим радостным настроением. Вот только не знал, как быть дальше. «Заявок» тут сделано на меня без числа. И обидеть боюсь, и лечиться надо. А от водников телеграмма, видимо, под впечатлением моего фельетона о Евпаторийском железнодорожнике: чтобы я с курорта возвращался непременно через Баку — Каспий — Волга и описал также житье водников[8]. Этого я сделать, к сожалению, не могу.

Разболтался я в этом вашем веселом флигельке. Не обессудьте. Главное-то ведь в том, что я вам настоятельно советую побывать здесь.

Говорят, вы здесь лечились не ахти как аккуратно[9]. Я о себе не могу этого сказать. Питаюсь скудно и все такое, как мне предписано. Увидим, что выйдет. Пока успеха не заметно[10]. Должно быть, крепко запущена эта проклятущая подагра.

Газеты получаю решительно все и аккуратно. Амнистионные нотки вашего «доклада секретарям укомов» не без лукавства[11]. К сожалению, не на ком проверить впечатления. Оппозиция ведь преимущественно центрально-городская штучка.

На сем месте точка. До встречи... если не случится чего глупого, потому что в Ессентуках изрядно «шалят». В вагоне у меня задержано и передано в уголовку двое[12]. Каждую ночь, что я здесь, где-либо происходит сюрприз с ограблением. А так как при мне жена и дочурка, то страхи к ночи принимают ощутительные размеры.

На счастье, я глух на одно ухо, и когда этим ухом сплю, то другое все равно ничего не слышит.

Ну, всего!

Крепко вас любящий

ДЕМЬЯН

P. S. У вас там от жары собаки бесятся, а у нас здесь все время с прохладцей. А не слишком ли будет жарко зимой... если урожай подведет. Ненадежный это товарищ, Урожай. Нестойкий, сукин сын. Почистить бы его. Скажите там Ярославскому. Он мужик «старательный». В парт[ийные] «кулаки» метит.

(см. на обороте).

P. P. S. Смеялся очень, читая разъяснения Раковского о прахе Маркса, насчет которого, де, не хлопотали. Вспомнил я новый анекдот будто «англичане согласились выдать нам прах Маркса в обмен на... прах Зиновьева!» Остроумные черти![13]

— Слушайте, приезжайте. А потом мы будем «на Типлис гулялся».

Легкомысленный ДЕМЬЯН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 2—3 об. Машинописный подлинник. Подпись и постскриптум — автограф. На первой странице пометка рукой Сталина: «В лич. арх. И. Ст». Проставлен номер 42/с.

[1] Из воспоминаний Н. Н. Накорякова (1881—1970) о Демьяне в Ессентуках в 1924 г.: «Со стеклянной трубочкой в руках он нагревал на плитке воду до положенных градусов и весело беседовал с «сестричкой», приставленной к этой медицинской процедуре» (Воспоминания о Демьяне Бедном. М.: Советский писатель, 1966. С. 54).

[2] В 1924 г. Сталин отдыхал на Кавказе.

[3] Бальнеологический и грязевой курорт в районе реки Подкумок на Северном Кавказе основан в 1798 г., а как курорт Ессентуки развивался с 1839 г.

[4] Ю. Ларин (М. А. Лурье) (1882—1932), член большевистской партии с августа 1917 г. С ноября 1921 г. — заместитель председателя Госплана.

[5] Через год чекист Атарбеков (Атарбегов) погибнет в авиационной катастрофе. 23 марта 1925 г. «Трудовая Абхазия» опубликует «Правительственное сообщение»: «Вследствие аварии Юнкерса 22 марта погибли Мясников, Председатель Закчека Соломон Григорьевич Могилевский и зам Нарком РКИ ЗСФСР и уполномоченный Наркомпочтеля Георгий Александрович Атарбеков». Сталин сообщит Серго Орджоникидзе в Тифлис: «1) Говорят, что гибель Мясникова, Могилевского, Атарбегова не случайна, а подстроена по мотивам мести двум чекистам за расстрелы и Мясникову как армянину. Надо обязательно расследовать, дело серьезное. 2) Нужно строжайше запретить ответработникам полеты» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 33. Л. 60). В бумагах Троцкого, который находился в то время в Сухуми, сохранилась записка: «Тов. Каспарова могла дать кое-какие сведения о Мясникове. Атарбекова она знает лишь как чекиста в тот первый момент, когда даже в сознании партийцев ЧК была каким-то пугалом. Атарбеков был одним из основателей ЧК, ее духовным отцом...» (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 530. Л. 23, 25).

[6] В своих воспоминаниях Накоряков приводит слова Демьяна, сказанные во время отдыха в Ессентуках в 1924 г.: «Живу в своем вагоне на станции, столуюсь в диетической столовой и начал принимать «роскошные» грязевые ванны. Но нэпманы и нэпманки выводят меня из себя, боюсь, что долго не выдержу, какую-нибудь разжиревшую тварь прикончу!..» (Воспоминания о Демьяне Бедном. С. 55). Накоряков рассказывает еще об одном эпизоде из общения Демьяна с нэпманами: «На грязи мы с Демьяном ходили почти всегда вместе. И вот однажды стряслась с нами такая беда: положили нас на топчаны рядом с одним ярко выраженным нэпманом. Все шло обычным порядком, приближался конец процедуры. Как на грех, зашла молодая девушка, стажер-врач. Она была хорошим врачом, больные ее любили. Она смерила в грязи температуру, прощупала пульс у каждого и вышла... В этот момент нэпман по ее адресу отпустил грязную похабщину. Как мощной пружиной это подняло Демьяна с топчана. Он сбросил с себя кучу одеял и грязи и громоподобно взревел: «Я тебя, гниду, утоплю в твоей грязи! Забью твою глотку!» Некоторые больные тоже начали вскаки-

вать и угрожать ему... Демьян с каким-то звенящим горем в голосе почти взвыл: — Это подлое и мерзкое семя смеет срамить наших врачей — вечных борцов за народное здоровье!» (Воспоминания о Демьяне Бедном. С. 57).

[7] Слова Чацкого из монолога «А судьи кто?» (второе действие, явление пятое «Горе от ума» Александра Грибоедова). О Москве: «Когда из гвардии, иные от двора / Сюда на время приезжали, — / Кричали женщины: ура! / И в воздух чепчики бросали!»

[8] Речь идет о фельетоне Д. Бедного «Тяга» о работнике вокзала в Евпатории Емельяне Димитренко, зарплата которого составляла девять рублей в месяц. Из этой зарплаты рабочий платил взносы в профсоюз, МОПР, Воздухофлот и т. д. Впервые опубликовано в «Правде» 15 июня 1924 г. (см.: Бедный Д. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. С. 143—148).

[9] Первый пленум ЦК РКП(б), избранный XII съездом в апреле 1923 г., постановил рассмотреть вопрос об отпуске Сталина. Решение было принято 3 мая. Срок отпуска — один месяц (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1481. Л. 11). В письме от 8 сентября 1923 г. Сталин рассказывал Зиновьеву о том, как он принимает грязевые ванны в Ессентуках и добавил: «Если поднимем Ильича, я готов стать религиозным человеком, поверить в чудо и... перебить нерусских врачей. Которые до смерти напугали нас своими резолюциями, будь они трижды прокляты» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 734. Л. 49).

[10] 22 июля 1925 г. председатель Петроградского губернского Совета Г. Е. Евдокимов сообщал из Кисловодска своему начальнику «Дорогому тов. Зиновьеву!»: «Я начал здесь принимать мацестинские ванны. На ноги ванны оказывают великолепное действие. Хотел принять ванн двадцать <...> Место это для легочных никуда не годится. Все время ветры, а нынешним летом вдобавок еще дожди <...> Здесь живет Сталин. Был я у него вчера. «Деловых» разговоров не было. Так, поговорили о здоровье, о ванной, о китайцах, англичанах, урожае и т. п.». Адрес дачи: «Сочи. Верещагинский подрайон. Санатория имени Сталина» (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 539. Л. 13—14).

[11] Сталин подчеркнул эту фразу в письме Демьяна. 17 июня 1924 г. он выступил на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) с докладом «Об итогах 13 съезда РКП(б)». Доклад опубликован в шестом томе Сочинений Сталина (с. 234—260).

[12] По Советскому Союзу Демьян путешествовал в собственном вагоне. Он часто рассказывал об этом в своих стихотворениях. Например, в «Тяге» о вокзале в Евпатории: «на припеке на три изнурительных дня / Приютивший в вагоне меня» (Собрание сочинений. Т. 5. С. 144), «Рано утром я высунул нос из вагона, Посмотрел» (там же, с. 148). Из воспоминаний Накорякова: «Тут я узнал от Демьяна, что из Москвы он уехал в свою обычную поездку по воинским частям в присвоенном ему «синем» вагоне, а медицинские власти заставили его заехать на ессентукский замечательный курорт и «по пути» полечиться тоже замечательными ваннами от появившихся у него признаков диабета» (Воспоминания о Демьяне Бедном. С. 54—55; см. также документ № 91).

[13] Вопрос о перевозе праха Карла Маркса из Лондона в Москву при Сталине будет обсуждаться несколько раз. 2 сентября 1935 г. директор ИМЭЛ В. В. Адоратский, находившийся в конспиративной командировке в Париже, сообщит в Москву Кагановичу (тот замещал Сталина), о том, что корреспондент «Правды» Михайлов беседовал с Николаевским, тот «вопреки ожиданиям» захотел восстановить отношения с институтом и предлагает французскому правительству наполеоновские документы в обмен на документы Маркса и Энгельса. О беседе с Анри Ролланом — посредником при покупке документов классиков марксизма-ленинизма: «Роллан производит на меня впечатление жуликоватого маклера, который всячески набивает цену». Родственник Маркса — Лонге — также «человек очень самомнительный». Хотел бы «поехать в Союз вместе с прахом Маркса, т. е. с помпой, торжеством и прочим. Запросите мнение инстанции по вопросу о перевозе могилы Маркса в Москву». Адоратский добавляет: «Поездка Лонге имеет громадное политическое значение, и поэтому нужны точные директивы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1078. Л. 16). 9 сентября состоится решение Политбюро продлить заграничную командировку Адоратского на сентябрь.

В тексте письма Демьяна Бедного Сталин подчеркнул четыре фразы: «И обидеть боюсь, и лечиться надо», «амнистионные нотки вашего «доклада», «урожай подведет» и приглашение: «приезжайте». Ответ Сталина помечен 15 июля 1924 г. Он начинается в стиле партийной резолюции с обсуждения момента «радостного настроения» и «мировой скорби» (эти места в тексте письма не отмечены). При публикации ответа Сталина в Сочинениях (Т. 6. С. 273—276) исключена последняя фраза письма: «Привет тов. Атарбегову». На конверте, в котором было отослано ответное письмо, указано: «Строго секретно. Эссентуки, Директорский павильон. Демьяну Бедному От т. Сталина. Для отправки адресату получено 16 июля 1924 г.» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 24).

№ 76
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО О ГАЗЕТЕ «НАКАНУНЕ»

14 августа 1924 г.

О «НАКАНУНЕ» (ПБ от 3/6) (т.т. ЧИЧЕРИН, БУХАРИН)

а) Поручить т. Крестинскому окончательно ликвидировать коммерческие отношения с газетой «Накануне» с наименьшими расходами денежных средств и со взятием всех активов газеты.

б) Поручить секретарям разослать всем членам Политбюро справку о положении дела с изданием газеты в Париже во исполнение пост. Пбюро от 3.6.24 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 445. Л. 7. Рукописный подлинник на бланке Политбюро.

№ 77
ЯРОСЛАВСКИЙ — В ПОЛИТБЮРО О ТИРАЖЕ «ПРАВДЫ»

14 августа 1924 г. (не позднее).

Членам Политбюро ЦК РКП(б)

Шведчиков предупредил контору и ред[акцию] «Правды», что вследствие недостатка бумаги и невозможности ее в ближайшее время закупать на иностран[ном] рынке (все закупили будто бы САСШ для избират[ельной] кампании) мы должны сократить теперь же размеры «Правды» до 6-ти полос, а затем до 4-х. Я считаю, что размер «Правды» есть не технический, а политический вопрос и никак не может быть поставлен в зависимость от избирательной кампании в Америке.

Прошу П/бюро обратить на этот серьезный вопрос особое внимание, чтобы обеспечить Ц.О. партии бесперебойный выпуск в том размере, в каком этого требуют интересы РКП[1].

Сейчас тираж превышает 360.000 и все время растет, хотя обычно летние тиражи падают. Необходимо учесть новые кадры читателей — ленинский набор, учительство и особенно развертывание кампаний по отношению к деревне.

ЯРОСЛАВСКИЙ

Верно: *Т. Словатинская.*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 445. Л. 42. Машинописный подлинник. Резолюции — автографы членов Политбюро.

[1] Окончательная резолюция — автограф Мехлиса: «Постановили. а) Размер «Правды» не сокращать. б) Поручить т.т. Дзержинскому, Аванесову, Шведчикову обеспечить «Правду» необходимым количеством бумаги». Троцкий: «Желательно не сокращать, если есть техническая возможность. Л. Троцкий». Сталин: «Против сокращения. И. Ст.». Каменев: «Я думаю: 6 полос для «Правды» достаточно. 8 полос — невыносимо для нашего читателя. ЛК». Зиновьев: «Сокращать нельзя. Предлагаю поручить т. Шведчикову обеспечить «Правду» полностью. Г. Зин.». Бухарин: «По-моему, сокращать нельзя, т. к. теперь нужно крайне усилить деревенский отдел, организовать корреспонденции из деревни, etc. Н. Бухарин».

№ 78
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ О СТАТЬЕ ЗИНОВЬЕВА О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

27 августа 1924 г.

Родной!

Я не могу похвалиться, что знаю вас «вдоль и поперек». Да это, пожалуй, и неосуществимо. Чего бы вы тогда стоили? Но до какой-то, наивозможной степени «постижение Сталина» должно дойти, и быть мне без этого никак нельзя, поскольку вы для меня «стержневой», «осевой» друг[1]. Во всех смыслах.

И вот на этом пути не может не оказаться у меня той или иной рюхи. Последний мой разговор с вами, между прочим, отложился в моей памяти вашими словами о том, как много и долго надо что-либо передумать, чтобы это стало ясно тебе самому, а через тебя и другим. Думать, думать, думать...

Думать можно по-разному. Но почему я мог допустить хоть на момент, что вы можете «думать вслух», это мне самому сейчас не понятно. А между тем, такая рюха у меня получилась: очень понравившуюся мне анонимную статью «К вопросу о диктатуре пролетариата» я немедленно приписал вам[2]. Сомневался, но приписывал. «Думает вслух». Не совсем уверен, что продумал и не подписал.

Сейчас для меня ясно, что это не вы «думали». Это было бы похоже, как если бы я ни с того, ни с сего выступил в защиту «попутчиков» и Воронского[3]. Сразу: нате!

И вот я теперь — в полном одиночестве — занимаюсь второй день теорией. Я — и теория. Это горестное зрелище. Теоретик я никакой. Я волевой человек, апеллирующий посредством художественных образов к массовой воле. Я не создаю теории, а впитываю ее в себя, и впитываю тоже «до полной ясности». Иначе не агитнешь.

Раньше эта ясность давалась легко. Теперь не то. Как ни хочется «верить», а надо и «проверить». Последнее очень трудно. Как и большинству членов партии, избалованных раньше «верой».

И вот я сижу. Слева «О Ленине и ленинизме» и брошюра «Об итогах 13 съезда»[4], а справа вышеупомянутая анонимная статья. И должен я, дьявол его возьми, вырешить для себя: так как же? «Диктатура» — анонимная статья подкована со всех сторон выдержками из Ильича и написана — надо это признать — со сталинской ясностью, что уже само по себе способно порождать недоразумения. Учатся люди писать.

«Советы осуществляют диктатуру, а партия руководит «Советами — ссылаетесь вы на Ильича. Анонимка берет цитату из Ильича: «Партия — непосредственно правящий авангард пролетариата». И т. д.

В чем, однако, дело? Что зашифровано — в этом разногласии? Слова ведь часто ничего не говорят, т. е. не говорят самого главного. О человеке, бегущем на противника с криком «вперед», можно сказать, что он либо храбрец, либо дурак, — как о другом человеке, командующем «назад!», можно сказать, что он либо трус, либо хитрец. Смотря по обстоятельствам, по обстановке, правильно ли эта обстановка учтена. Ильич мог, например, сказать так и этак: и размежевать советский и партийный аппарат, и — наоборот — сказать: «почему бы в самом деле не соединить то и другое, если это требуется интересами дела».

«ЕСЛИ» подчеркиваю я, а не анонимка, приведшая эту цитату. А в этом «ЕСЛИ», на мой взгляд, самое главное. Привыкши к гибкой стратегии Ильича, как часто, слушая его, говорил я: куда он гнет? Все мы так говорили. Теперь нет ничего легче, как выдергивать из него цитаты на сей и на оный случай. Но я бы хотел уловить: кто гнет и куда гнет? Какое теоретическое построение «ТРЕБУЕТСЯ ИНТЕРЕСАМИ ДЕЛА»?

Такой вопрос может задать только такой «теоретик», как я. Мне важна «цель». А путей к «цели» — на наше счастье — несколько. Но, вынужденные взять то или иное направление, мы бываем вынуждены также «интересами дела» утверждать, что этот путь и есть самый правильный. И вот когда путь только прощупывается, «все слова лгут».

Но так как я вам уже открыто сказал, что больше всего полагаюсь на ваше «чутье» и подхожу к вам «обнаженно», то и пишу сие. Потому что все-таки думаю: мужика мы на словах, но объедем, и он хорошо знает, чья диктатура, и ему, собственно, не так важно, кто диктатурит, а важно, как его ублаготворяют.

Ну и точка. Если далеко заедете на Кавказе, то привезите мне кабардиночку.

Жму руку,

Ваш ДЕМЬЯН

27/8.24

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 9, 9 об. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы.

[1] Едва ли не первое упоминание в русской литературе советского периода геометрических метафор в применении к образу Сталина. Геометрию образа до совершенства доведет Осип Мандельштам в «Оде» (январь — февраль 1937 г.): «Я б рассказал о том, кто сдвинул мира ось», «и я хотел бы стрелкой указать на твердость рта», «ловить лишь сходства ось», «ворочается счастье стержневое» (см.: Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература. Т. 1. 1990. С. 311—313).

[2] Автором «Анонимной статьи «К вопросу о диктатуре пролетариата» был Григорий Зиновьев. На бланке секретариата председателя ИККИ № 229/с 16 августа 1924 г. по поручению Зиновьева посылается Сталину рукопись предполагаемой статьи (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 734. Л. 79). Статья была озаглавлена «К вопросу о диктатуре пролетариата и диктатуре партии». Уже заголовок вызвал вопрос Сталина: «Можно ли назвать «руководство» диктатурой?» (там же, л. 80). На перечне ленинских цитат, который предваряет основной текст статьи, Сталин дважды написал разными — красным и простым — карандашами свое мнение — комментарии на выбранные цитаты. Из «Детской болезни» — цитата Ленина: «Одна уже постановка вопроса: «дикта-

тура партии или диктатура класса»... свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли». Сталин: «Но нельзя также говорить и диктатура класса, и диктатура партии. Что-нибудь одно». Цитата Ленина из «Лучше меньше, да лучше»: «Как можно соединить учреждения партийные с советскими? Нет ли тут чего-либо недопустимого... Почему бы в самом деле не соединить те или другие, если это требуется интересом дела?» Сталин: «Можно ли сказать, что у нас есть диктатура компартии вообще? Нет. Что же у нас есть? Диктатура пролетариата, т. е. Советская власть, руководимая компартией». Раздел первый «Учение о роли партии. Как важнейшая составная часть ленинизма» (там же, л. 84). «Диктатура пролетариата невозможна без диктатуры его авангарда, т. е. без диктатуры пролетарской партии; по крайней мере, победоносная и прочная диктатура пролетариата невозможна без диктатуры пролетарской партии. Это показал и опыт Парижской коммуны. Диктатура партии есть функция диктатуры пролетариата» (последняя фраза подчеркнута Сталиным, и на полях проставлен знак вопроса). Сталин на полях: «Что это: две диктатуры?» (там же, л. 88). «Эти два понятия (диктатура партии и диктатура класса. — *Сост.*) нельзя противопоставлять друг другу. Одно есть дополнение и выражение другого — вот в чем гвоздь». Сталин: «А отождествлять можно? Есть между ними различие? Есть» (там же, л. 95). В статье «Ревизия ленинизма» («Правда», 15 апреля 1923 г.) Л. Каменев «от имени большинства ЦК» утверждал: «Случайно ли, что ныне у нас растут настроения в пользу ослабления партийной диктатуры, в пользу большей «независимости» хоз. и соворганов от партии». Подчеркнуто Сталиным и откомментировано на полях: «Тут нужна не диктатура, а руководство». В апреле 1926 г. Сталин напишет в «семерку» Политбюро по поводу редакционной статьи о диктатуре пролетариата и партии: «Видимо, авторы статьи сами чувствуют неловкость проведения знака равенства между понятием диктатура пролетариата и диктатура партии. Это неправильно. В своей статье постараюсь обосновать эти свои замечания» (там же, л. 156).

[3] Постановлением Оргбюро ЦК от 22 июля 1921 г. Воронский был откомандирован для работы в «Правде» «на началах совместительства с ВЧК» (протокол № 52, п. 33).

[4] Книга Сталина «О Ленине и ленинизме» вышла в свет к маю 1924 г. 23 мая он подарил экземпляр этой книги С. М. Кирову с надписью: «Другу моему и брату любимому от автора. И. Сталин» (Сочинения. Т. 6. С. 422). 17 июня 1924 г. Сталин выступил на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) с докладом «Об итогах 13 съезда РКП(б)» (там же, л. 423). Доклад опубликован в том же томе «Сочинений» (С. 234—260).

№ 79
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА И ДИКТАТУРЕ ПАРТИИ

28 августа 1924 г.

Родной!

Вместо кабардиночки Вы огрели меня трактатом. Это уже подлинные «мысли вслух». Я оказался в лестной и приятной для меня роли о с е л к а, на котором Вы оттачиваете свой кинжал. Что этот стальной кинжал, приобретя блеск и остроту, будет потом всажен, куда следует, в этом я ни на минутку не сомневаюсь. Пока Вы рекомендуете мне «не размножать, не копировать, не кричать». Считаю необходимым по этому случаю оттенить раз и навсегда, что в моих встречах и разговорах тема «я и Сталин» абсолютно исключена из обращения, как тема личная, интимная, как то «нутряное», к чему я отношусь особенно бережно. Не зря же я — сам свой переписчик. Я очень скрытен, как это ни странно прозвучало бы для всех, кто привык видеть мою широкую, «от-

крытую» физиомордию. Наедине с собою я хмур. «Андрон Хмурый» — это я сам[1]. Но об этом много говорить. Обратимся к делу.

То, что я «липовый» теоретик — в данном случае не является бедой, так как с такой «липой» в большинстве-то случаев подлинным теоретикам приходится иметь дело. От хорошей «липы» требуется одно: уметь разбираться в том, что ей преподносится, выбирая из преподношений самое пользительное. Трактат Ваш я обсасывал и так, и этак. Поерзал опять по анониму. А потом подошел к теме уже не Вашим и не «анонимным» путем, а своим, привычным, испытанным, тем путем, каким я подхожу к разрабатываемой мною художественной — и вместе агитационной — теме. На этом пути — могу гордиться — у меня «рюх» не бывало и «ноздря» моя меня не подводила[2]. Я всегда не только чувствую, но вижу своего читателя: как он морщится, как плюется, как ухмыляется, как умиляется. И я знаю, какие слова нужны в каждом отдельном случае. Однажды Владимир Ильич прощупывал меня: чем, дескать, объясняется «колдовство» моего языка, трогающего сердце под серой шинелью. А болел тогда — в начале 1919 года — Владимир Ильич одним вопросом: будут ли наши мужики воевать с белогвардейцами или сплошают? И какими словами убеждать их, возбуждать, заражать боевым пылом? И трогательно теперь вспомнить, как цепко ухватился Ильич за книгу, которую я ему подсунул: «Причитания северного края», собранные Барсовым[3], часть вторая. ПЛАЧИ ЗАВОЕВАННЫЕ, РЕКРУТСКИЕ И СОЛДАТСКИЕ». Один уже вид второго тома — сравнительно с первым, — показывает, что, книга не просто у Ильича полежала на столе. Ильич говорил мне, ознакомившись с «Завоенными плачами»: «не любит наш мужик воевать. Вон сколько наплакал. Одначе, нельзя ли его этим же языком расшевелить? Нападая на старую солдатчину, так оплаканную, ВЕСЕЛО писать о новой армии?»[4]

Ильич уловил секрет? Именно так, ВЕСЕЛО я и писал все свои фронтовые вещи. Революция наша была голодная, но веселая. Вера была.

И вот еще какой был случай у меня. Но уже с Зиновьевым, зимою, во время профдискуссии в Екатеринбурге[5]. Зиновьев увидал группку красноармейцев, уставившихся на вокзале в большую доску, на котором плакатно было выведено четверостишие, гласившее примерно то, что наша советская страна будет такой,

Где мироедам места нет,
А труженикам — рай.

Точно не помню. Было что-нибудь поскладнее. Зиновьеву стихи не понравились: «тоже рай нашел! И какой это дурак писал?» «Да я же писал!» — пришлось мне ответить: «это мои стихи».

Зиновьеву не понравился «рай». А дощатый плакат на холодном перроне холодного Екатеринбурга холодных и голодных людей убеждал, что будет «рай». И люди верили. Иначе бы у нас ни черта не вышло[6].

Интуитивно я протаптываю какие-то свои пути. Мышление мое агитационное. О чем бы я ни думал и что бы я ни читал, я прежде всего улавливаю агитационную, побеждающую, убеждающую будущность. И этим чаще всего определяются мои оценки. С таким вот «нетеоретическим» мерилом я подхожу теперь к Вашему «трактату» и к анонимке. То есть: как бы «вольготно» я чувствовал себя, агитируя за эту или за другую формулировку? Что будет звучать убедительнее: «диктатура пролетариата» или «диктатура партии»? Обсо-

савши трактат и анонимку, и обнюхавши даже их, я должен сыскать с в о и агитационно-убедительные слова в пользу одной из формулировок. Я ищу. А в голове уже играет ироническое слово:

п а р т ч в а н с т в о.

И этим решается все. На эту тему я мог бы много и превесело писать, но вы, мой хороший друг, такая умница, что в этом не нуждаетесь. Самое сильное у анонима – это цитаты из Ильича, которые не одного меня ошарашили. После Вашего письма эти цитаты, особенно те, что подверглись у анонима талмудическому «обрезанию»[7], выглядят иначе. Ваша цитата – «получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий, сравнительно широкий, весьма могучий пролетарский аппарат, посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса» – эта цитата имеет решающий характер и в моих глазах представляется опорным пунктом[8].

Ильич о диктатуре пролетариата говорил еще, что она «есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества».

При каких же условиях партия, руководящая рабочим классом, может вести успешно эту борьбу? Только в том случае, говорит Ильич, когда партия «пользуется д о в е р и е м всего честного в данном классе и умеет с л е д и т ь з а н а с т р о е н и е м массы и влиять на него». Это не quos ego! «вот я вас»! И хорош «диктатор», который должен добиваться доверия и «следить з а настроением»... подлинного, конечно, диктатора.

В качестве «оселка» я бы мог Вам принести большую, чем ныне, пользу, если бы чего не понял в Вашем письме или с чем не согласился. Этого, «к сожалению», нет. И понятно, и согласен, и благодарен. Есть над чем подумать. И надо думать, потому что после Вашего письма я довольно-таки ясно представляю себе, какая бы получилась война, если бы она не ограничилась тем, что было до сих пор сказано. Это почище спора о «демократии», который является только одной производной частью нынешнего разногласия. На беду, это вопрос, при своей широте, и крайне острый. Можно сделать «перегиб» в сторону умаления партии. Ведь острота споров и заключается в «перегибах». И в «третьем радующемся». Если самые лучшие муж и жена круто заспорят, хотя бы распринципиально, спор может кончиться тем, что либо муж кого-то вы[ебе]т, либо у него жену у[е]бут. Я уверен, что мы с вами и от чужого не откажемся, и своего не упустим, а если упустим, так потому, что – «она блядь». Хотя бы и увешанная цитатами[9].

Интересно все-таки.

Жму руку.

ДЕМЬЯН

28/ 8 24 г. Кремль

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 30—31. Машинописный подлинник. Подпись, дата и фраза «Хотя бы и увешанная цитатами» — автографы.

[1] «Андрон Хмурый» — произведение Демьяна Бедного.

[2] Ср.: «Во времена оны, / Читая мои боевые фельетоны, / Ильич сказал (должно быть не зря): / — «У нашего Демьяна хорошая ноздря!» / — «Вот что значит чутье/ Или ноздря по ильичевскому выражению» (Бедный Д. Чья «Правда» правдистее // Правда. 1924. 11 янв. С. 3).

[3] Е. В. Барсов (1836–1917) — фольклорист, этнограф, исследователь древнерусской письменности.

[4] В предисловии к книге Л. Войтоловского «По следам войны» Демьян Бедный рассказал об этом эпизоде, но расставил совершенно другие акценты. Разговор был отнесен к 1918 г. Вывод Ленина о том, что русский мужик «неохоч воевать», сделан не после чтения книги, а присутствовал у вождя изначально. В результате совет Ленина, согласно Демьяну, звучал ура-патриотически: дать старым песням новое содержание, «злодейку — службу царскую» поменять на службу рабоче-крестьянскому правительству и послать крестьянских рекрутов на бойню за Советское государство. Иными словами, провести типичный сталинский фокус — дать старой песне новое содержание.

[5] Об этой поездке Д. Бедный вспомнит в дискуссионном фельетоне накануне XV съезда ВКП(б) осенью 1927 г. — съезда, на котором Сталин и его окружение дадут последний и решительный бой объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции. Демьян: «Уральскую парт. верхушку тогда изображали Мрачковский и Воробьев <...> повели себя как враги. Открытые. Злые». Они конфисковали брошюру Ленина, которую привез Демьян: «...я привез тюки / Ленинской литературы! / Раззудилась у старика / Богатырская рука» (Правда. 1927. 20 окт.). Характерно, что уже летом 1924 г., когда партией фактически руководил триумвират Сталина, Зиновьева и Каменева, исключительным политико-поэтическим чутьем Бедный подспудно в пересказе этого эпизода громит Зиновьева.

[6] Здесь в примитивной форме выражено основное эстетическое кредо социалистического реализма — главного творческого метода советской литературы: показать действительность не такой, какая она есть, а такой, какой она должна быть в ее диалектическом развитии на пути к светлому будущему.

[7] Умеренный и дозированный антисемитизм Демьяна в обращениях к Сталину был одной из постоянных тем и мотивов переписки. «Партийному чванству» советских вельмож-феодалов (Троцкого, Зиновьева, Каменева и др.) приписывается однозначная отрицательная категория: «талмудическое обрезание».

[8] В 1938 г. после окончания кровавой чистки именно этот аппарат Сталин и будет именовать «интеллигенцией».

[9] Этот образ, равно как и слова о «третьем радующемся», можно интерпретировать как намек на Троцкого.

№ 80
СЕКРЕТАРЬ ЗИНОВЬЕВА — КАМЕНЕВУ О ПОХОРОНАХ БРЮСОВА

9 октября 1924 г.

С ответом

Л. Б!

Некоторые организации предлагают, чтобы похороны тов. Брюсова В. Я. взял на себя Моссовет или ВЦИК, прошу дать ответ[1].

9.Х.24 г. *МУЗЫКА*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 454. Л. 63. Рукописный подлинник.

[1] Резолюция Каменева. Подписи: Зиновьева, Бухарина, Молотова и Рудзутака (?) Пометка Молотова: «Сообщите сейчас же Музыке и в НКПРос». Постановление Политбюро: «п. 27. «О похоронах В. Я. Брюсова (т. Каменев)». Поручить организацию похорон В. Я. Брюсова Моссовету и Наркомпросу. Выписки: Рогову. Луначарскому. П 27/ 36 от 9.Х.24 г.» (там же, л. 62).

№ 81
ТРОЦКИЙ — ЕНУКИДЗЕ С ЗАПРОСОМ О БАКИНСКИХ ПРОКЛАМАЦИЯХ 1905 г.

30 октября 1924 г.

Тов. Енукидзе

Дорогой Авель Софронович,

В связи с подготовкой к печати моей книги «1905» возник вопрос о прокламациях и пр., которые печатались в бакинской типографии ЦК[1]. Все попытки разыскать эти издания полностью до сих пор не удались. Может быть, Вам известно, существуют ли где-либо полные комплекты бакинских изданий, и где именно?

С коммунистическим приветом

Л. ТРОЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 17. Л. 112. Рукописный подлинник на бланке предреввоенсовета СССР. 30-X 1924. № 03240. Пометка рукой Енукидзе: «Арх. Ответ послан 4/11-24 АЕ».

[1] В предисловии «От редакции» ко второму тому первой серии Сочинений Троцкого («Историческое подготовление Октября»), озаглавленному «Наша первая революция» (Госиздат, 1925) и подписанному именем автора 19 марта 1925 г., указывалось, что, «несмотря на все предпринятые меры, не удалось разыскать» «многочисленные прокламации, вышедшие в издании Петербургской группы и ЦК РСДРП. Для этой цели пришлось просмотреть груду материалов: периодических изданий, воспоминаний и т. д.» (с. VIII).

№ 82
ЕНУКИДЗЕ — ТРОЦКОМУ О СУДЬБЕ БАКИНСКИХ ПРОКЛАМАЦИЙ

4 ноября 1924 г.

Тов. ТРОЦКОМУ

Дорогой Лев Давидович,

В большой типографии ЦК в Баку, если память мне не изменяет, было напечатано несколько Ваших вещей: «Класс против класса», «О всенародном учредительном собрании», «В единении сила» и еще что-то (простите, если путаю, ведь это было ровно 20 лет тому назад).

Все издания этой типографии были переплетены в один альбом, который в конце 1905 г. мы послали Л. Б. Красину в Питер, а тот отдал одному товарищу на хранение, у которого его отобрали при аресте весной 1906 г. Этот замечательный альбом, наверное, хранится где-то, если не сгорел при пожаре Питерской охранки.

Я недели две тому назад просил музей Революции снестись с Ленинградом, об этом альбоме, быть может, он найдется где-нибудь.

Кроме того, я в 1906 году в одном из ноябрьских номеров «Новой жизни» поместил, в виде отчета, список изданий бакинской типографии. По тому списку точно можно восстановить, какие Ваши вещи мы напечатали, и это облегчит Вам разыскать их. (*Первоначально было написано*: «в других хранилищах найти».)

Лев Давидович, я забыл, назывались ли Вы уже в те годы (1903— 1905) Тахоцким или нет.

Хотя в трудных условиях приходилось в старое время нам всем работать, но часто теперь упрекаю себя, что почти не заботился о сохранении многих ценных документов и воспоминаний.

Непростительная беззаботность.

С искренним приветом.

А. ЕНУКИДЗЕ

4/11-24 г.

0358

Верно: *(подпись нрзб.).*

РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 17. Л. 121—123. Рукописный подлинник и машинописная копия. Оригинал ответа помечен 3/11.

№ 83

СТАЛИН О РАБОТЕ ГОСИЗДАТА. НА ЗАСЕДАНИИ ОРГБЮРО ЦК РКП(б)

10 ноября 1924 г.

Сталин. Мой первый вопрос касается того, что, несмотря на стесненность материального положения, Госиздат отложил недавно 20 тысяч рублей к празднику какого-то театрального юбилея. Говорили это люди, близкие к Госиздату.

Второй вопрос. Я уже говорил с тов. Шмидтом, в связи с жалобами, поступившими в ЦК, о том, что распространение сочинений В. И. Ленина тормозится из-за какого-то договора Госиздата, состоящего в том, что тот, кто хочет получать сочинения В. И. Ленина, оказывается, должен обязательно подписаться и на сочинения Троцкого, иначе он не может получить сочинений В. И. Ленина[1]. Такие условия ставит, оказывается, распространительский аппарат Госиздата. В ЦК имеются две письменные жалобы на этот счет. Я об этом спрашивал тов. Шмидта, и он обещал проверить. Я хотел, чтобы здесь было сказано ясно и отчетливо, в чем дело.

Затем ЦК совершенно случайно узнал о том, что вышло предисловие тов. Троцкого к первой части третьего тома его сочинений. Мы узнали об этом совершенно случайно. Партия раз уже обвиняла ЦК во время дискуссии в прошлом году, что ЦК не должен был допустить печатание известного письма тов. Троцкого от 8 октября 23 г., послужившего сигналом к новой борьбе в партии. Мы в тот момент не имели возможности предупредить появление этого письма, т. к. письмо было передано тов. Троцким в районы без ведома ЦК. Но теперь другое дело[2]. В настоящее время ЦК мог бы принять предупредительные меры, если бы Госиздат сообщил об этом предисловии, ибо ЦК в предвидении того, что появление такого предисловия ухудшит положение внутри партии, может быть, вошел бы в переговоры с тов. Троцким о том, чтобы это предисловие было отложено, изменено и пр. Но ЦК оказался лишенным этой возможности по вине Госиздата, выпустившего предисловие тов. Троцкого без ведома ЦК. На вопрос о том, кто же прочел и пустил в печать это предисловие, мы никакого ответа не могли получить, если не считать ответом ответ тов. Шмидта о том, что предисловие вышло как-то само собой. Я бы хотел получить разъяснение и по этому вопросу.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1103. Л. 143. Типографский текст. Стенограмма с правкой Сталина.

[1] Вопрос об издании сочинений членов Политбюро вообще и произведений Троцкого в частности к осени 1924 г. стал важным элементом борьбы за власть в кремлевском руководстве. 18 октября 1924 г. заместитель заведующего Госиздатом А. Бердников направил секретарю ЦК Молотову и заведующему Отделом печати ЦК Канатчикову докладную записку «О выпуске и распространении 3 тома сочинений Л. Д. Троцкого». Сообщалось, что 12 октября в «Правде» было помещено большое объявление с указанием на наличие «специального введения, написанного для данного тома». Извещение было прислано секретариатом Троцкого — Ленцером. Книга реально поступила в распространение 17 октября «почти целиком по предварительной подписке, и в первую очередь через Агитпроп ЦК РКП(б) для Губкомов и Укомов». В записке отмечаются «чересчур стремительные действия редакционно-технического аппарата секретариата Л. Д. Троцкого, которые принимают самое ближайшее участие в выпуске и специальном авторском анонсировании произведений Л. Д. Троцкого, минуя иной раз даже Госиздат, при сдаче материала в типографию» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 975. Л. 29—30). Через несколько дней Бердников сообщает Молотову о том, что курсы уездных партработников при ЦК попросили у Госиздата абонировать 350 комплектов полного Собрания сочинений Ленина: «По сообщению агента Госиздата тов. Дубровского необходимое количество комплектов полного собрания сочинений В. И. Ленина может быть дано курсам лишь при условии подписки на такое же количество комплектов сочинений Троцкого». Приказ Молотова Бердникову: «Необходимо немедленно устранить эти явно недопустимые действия представителей Госиздата» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 975. Л. 34). 13 ноября ушедший в отставку с поста завотделом печати ЦК РКП(б) Канатчиков рассказывает Зиновьеву о причинах своего ухода из отдела: «Ц. О. «Правда» превратилась в какой-то «Мюр и Мерилиз». Большевистской она бывает тогда, когда в ней появляются статьи большевиков <...> А вот тов. ТРОЦКИЙ в любой момент может изнасиловать редакцию «Правды» и заставить печатать свои рекламные речи». В частности, бухаринская молодежь из ИКП монополизировала отдел библиографии (РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 540. Л. 30—31). В материалах к протоколу заседания ПБ № 36 (Особая папка) за 21 ноября указывается, что Политбюро «считает необходимым сообщить ЦК РКП(б), что отсутствие в книжных магазинах книги Троцкого «1917-й год» создает слухи о запрещении ЦК этой книги, тем более, что об этом сообщают якобы продавцы магазинов». 27 ноября секретарь ЦК КП(б) Украины Квиринг сообщает из Харькова в Москву, ЦК: «К протоколу Политбюро № 36 от 21 ноября 24 года (особая папка). <...> Политбюро ЦК КП(б)У считает целесообразным поставить вопрос о напечатании брошюры Троцкого отд. изданием, чтобы прекратить эти разговоры». Ответ Сталина рукой Мехлиса и с факсимильной подписью вождя: «Шифром. Харьков. ЦК КПУ. Ваш 124 тчк Квирингу. Вышла из печати на днях тридцать тысяч штук 1-й части 3-го тома сочинений Троцкого с предисловием зпт скоро получите. И. Сталин» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 63. Л. 14). Выход тома с предисловием Троцкого «Уроки Октября» стал началом новой жестокой схватки между Троцким и сталинистами в большевистском руководстве.

[2] После изгнания оппозиционеров из партии на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. вопрос о публикации сочинений лидеров оппозиции возникнет с новой силой. Например, Каменев попросит Бухарина не выгонять их из ЦИКа. Жестом реального человеколюбия и лояльности к бывшим соратникам Бухарин обращается к Сталину: «Нельзя ли сказать Халат[ову], что мы обещали не чинить препятст[вий] выходу их некоторых томов». Мелкие вопросы: «3) (лично и конфиденциально). Каменев просит, нельзя ли оставить О[льгу] Д[авыдовну Каменеву] — просит ей не говорить, — на ее месте: она ни в чем не замешана, работает, будет крайне тяжело и физ. и морально. Это все. Твой Ник.» (записка без даты) (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 708. Л. 4). Родная сестра Троцкого — Ольга Каменева — руководила ВОКСом. 8 апреля 1928 г. (не позднее). Резолюция — указание Сталина для директора Госиздата Халатова: «Халатову

сказать: Можно помаленьку издавать сочинения Зиновьева и Каменева (антитроцкистского характера) и платить им гонорар тоже помаленьку. Сталин». Молотов: «За, но без убытка для сов. власти. В. Молотов». «С восторгом за. Н. Бухарин». «Без восторга за. А. И. Рыков». 8.4.28 г.» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 5).

№ 84
ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ И МОРДВИНКИН — В КОМИССИЮ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ ЛЕНИНА О КОНТРОЛЕ НАД ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ВОЖДЯ

14 ноября 1924 г.

В Исполнительную тройку по увековечению памяти В. И. Ленина

На основании постановления Президиума ЦИК СССР от 27/IV-24 г., установившего обязательный предварительный просмотр Комиссией по увековечению памяти В. И. Ленина всякого рода изображений вождя революции, Главлит каждый раз при представлении ему редакциями, типографиями рукописей с рисунками, изображающими В. И. Ленина (за исключением фотографических), требует одновременного представления ему Вашей визы. Такой порядок на практике несколько раз приводил уже к значительным неудобствам, так как вызывал иногда продолжительную задержку выхода в свет журналов и книг.

Главлит полагает, что в целях практического упрощения работы желательно на будущее время установить следующий порядок. Комиссия, при приеме на просмотр рисунков, требует их в таком количестве, чтобы один экземпляр затем регулярно присылался в Главлит с соответствующим решением комиссии. Это даст нам возможность создать архив разрешенных и запрещенных рисунков, на основании которых, в случаях повторных перепечаток, будет избегнута излишняя переписка, загрузка комиссии ненужной работой и задержка печатанием книг и журналов.

Заведующий Главлитом ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ
Заведующий отделом русской литературы В. МОРДВИНКИН
Секретарь БОРИСОВ

РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 710. Л. 23. Машинописный подлинник на бланке Главлита Наркомпроса № 3096, Москва, Сретенский бульвар.

№ 85
СТАЛИН — ВОЕННОМУ МОРЯКУ ИВАНУ ЗЕНУШКИНУ ПО ПОВОДУ РУССКОГО ПЕРЕВОДА КНИГИ ДЖОНА РИДА «ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР»

1 декабря 1924 г.

1 декабря 24 г.

Здравствуйте, тов. Зенушкин.

Письмо Ваше получил[1]. Хотя и мало у меня времени, однако постараюсь коротко ответить.

1) Джон Рид, конечно, не знал и не мог знать обстановки заседания ЦК от 16-го октября. Заседание происходило ночью, строго конспиративно, вдали от центра города. Конспиративность эта диктовалась не только условиями слежки

вообще, но и особым положением Ленина, находившегося тогда в подполье и служившего объектом отчаянной охоты ищеек Керенского. Уже из этого видно, что никто из нечленов ЦК не мог присутствовать на этом заседнии. И действительно, на заседании присутствовали только перечисленные в протоколе 12 человек. Фраза Джона Рида о рабочем, ворвавшемся на заседание ЦК, есть позаимствованная у сплетников фантазия американского социалиста, падкого на сенсацию. Советую обратиться с письмом к тов. Троцкому (или товарищам Бубнову, Ломову и т. д.) с вопросом сообщить правду об этой сплетне. Вы увидите, что все эти товарищи подтвердят Вам фантастичность сообщения Джон Рида.

Как могло случиться, что тов. Ленин дал предисловие к книге Джона Рида без всяких оговорок насчет некоторых неверных сообщений?[2] Я думаю, что Ленин не читал всю книгу Рида и дал предисловие лишь для того, чтобы содействовать распространению книги ввиду наличия в ней других очень важных качеств. Дело в том, что на другой день после победы Ильич и другие товарищи интересовались не отдельными фантастическими местами книги Джона Рида, а тем, чтобы противопоставить общее описание хода нашей революции в книге Джона Рида, в основном безусловно правдивое, той лжи и клевете, которую тогда распространяла западная европейская печать[3]. В этом был центр тяжести, а не в отдельных частных искажениях, допущенных в книге Джона Рида.

Почему тов. Крупская согласилась дать предисловие? Спросите тов. Крупскую, она, как знаете, жива и сумеет ответить.

2) Разговоры о том, что тов. Троцкий организовал Красную Армию и победу над Колчаком и Деникиным, преувеличены втрое, если не вчетверо. Вы ссылаетесь на политсловарь, который будто бы собрал сведения о т. Троцком из ЦК. Должен Вам сказать, что, во-первых, авторы словаря не пользовались ни одним документом из ЦК (они изложили в словаре свое мнение), во-вторых, если бы они обратились в ЦК за документами, то они убедились бы, что дифирамбы, воспеваемые тов. Троцкому, лишены почвы. Нам некогда было разрушать легенду о т. Троцком или о ком бы то ни было другом из «вождей», тем более, что легенды эти не представляли опасности для партии. Но теперь, когда на легендах стараются строить атаку на партию, мы, члены ЦК, в частности я, поставили перед собой целью бороться и с легендами. Это, пожалуй, не понравится кой-кому из товарищей, ищущих себе царя и услаждающих себя красивыми легендами. Но что поделаешь, — правду все же надо восстановить.

Советую Вам обратиться к тов. Троцкому и спросить его: правду ли я сообщил в своей речи о Деникине и Колчаке.

3) Что касается т.т. Каменева и Зиновьева, то я нисколько не отрицаю их ошибок. Но я должен сказать, что их ошибки менее серьезны, чем ошибки тов. Троцкого до Октябрьской революции и после 17-го года. Мы не могли бы победить в Октябре, если бы у нас не было готовой сплоченной партии, скованной за период царизма от 1903 до 1917 года. Заслуга т.т. Зиновьева и Каменева состоит в том, между прочим, что они строили (конечно, вместе с другими лидерами) большевистскую партию в продолжение 15-ти лет. Тяжкий грех т. Троцкого состоит в том, что он разрушал в продолжение того же периода нашу большевистскую партию. Забывать эту разницу нельзя. Я уже не говорю о

разногласиях по Брестскому миру и профдискуссии, когда тов. Каменев и Зиновьев стояли в одних рядах с Лениным против тов. Троцкого.

Вот почему я отношусь по-разному к ошибкам тов. Троцкого с одной стороны и т.т. Каменева и Зиновьева с другой стороны.

С коммунистическим приветом

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 735. Л. 36—38. Машинописный подлинник. Подпись — факсимиле. Имеется штамп: «Личный архив Ген. Секретаря Цека Р.К.П. т. Сталина».

[1] 26 ноября 1924 г. Вопросы к Сталину у моряка Зенушкина, старшины электриков из электролизной школы в Кронштадте, возникли при чтении речи Сталина на пленуме ВЦСПС 19 ноября. Зенушкин: «Вы выдвигаете положения, противоречащие некоторым словам Ильича, а также взглядам пролетариата на тов. Троцкого <...> Сравнение тов. Троцкого с левоэсерами у Вас, как мне кажется, не совсем удачно: Троцкий не делал взрыва в Леонтьевском пер. и не устраивал Ярославского восстания, тогда как левые эсеры делали и то, и другое». Зенушкин цитирует «Популярный политсловарь» (издание ГПП, 1924 г.): Троцкий «организовал и руководил восстанием 25 октября... организатор Красной Армии... Организовал победу над Колчаком, Деникиным <...>. Откуда брал эти сведения Главполитпросвет, разве не из ЦК партии, или это автономная республика какая? Я думаю, в обязанности ГПП не входит извращение действительности в пользу Троцкого <...> В течение 7-ми лет Троцкий был в глазах всего пролетариата не только вождем партии, а и вождем Армии <...> Троцкистом себя не считаю, Троцкого не поддерживаю». Автограф письма Зенушкина (там же, л. 39—41). Рукопись письма Сталина — автограф Мехлиса. 19 сентября 1936 г. бывший матрос Зенушкин напишет объяснительное заявление по поводу этого письма Сталина и отправит его на имя Никитина и Мехлиса: «От тогдашних мимолетных сомнений у меня не оставалось и следа. Мне и в голову не приходило рассказывать где-либо (на чистке, на проверке парт. документов) об этом письме. Для меня во всем этом эпизоде главное было одно: мне писал Сталин» (там же, л. 42).

[2] Предисловие Ленина к книге Дж. Рида было написано в конце 1919 г. Ленин, в частности, писал: «Прочитав с громаднейшим интересом и неослабевающим вниманием книгу Джона Рида <...> я от всей души рекомендую это сочинение рабочим всех стран. Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки...» (Ленин и книга. М.: Издательство политической литературы, 1964. С. 83).

[3] После смерти Джона Рида его вдова активно поддерживала советскую власть. 10 августа 1921 г. Чичерин сообщал Каменеву: «Вдова тов. Рида, известная вам Луиза Брайант, телеграфирует через Берлин с просьбой посылать ей телеграммы по адресу Берлин Отель Адлон Интерньюс для Брайант. Телеграммы будут ей пересылаться в Нью-Йорк. Она обещает, что будет непрерывно бороться на нашей стороне и будет перед нами ответственна за удачное использование наших сообщений. Обращаю на это Ваше внимание» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2064. Л. 1).

№ 86
ТАРАСОВ-РОДИОНОВ — СТАЛИНУ О СВОЕЙ ПОВЕСТИ «ШОКОЛАД»

15 марта 1925 г.

Товарищ Сталин,

Я у вас работал. И поэтому Вы меня знаете: и достоинства мои, и недостатки. После прочтения моих ренегатских писем 17-го года вы глубоко преду-

беждены против меня, и это естественно. Поэтому я ни с чем не обращался к вам, несмотря на то, что искренне люблю вас и вам предан, поскольку близко узнал вас за время совместной работы. Если я о чем и жалею, так это о том, что практические уроки коммунизма, которые вы мне давали, — были слишком коротки.

Климент Ефремович передавал мне как-то, что у вас был общий разговор о моей повести «Шоколад», которую вы не читали и которую я написал три года тому назад[1].

В настоящее время я, после двухлетней политической работы на заводе, которую я сейчас веду, — снова кандидат партии. Я политически руковожу другими и сам нуждаюсь иной раз в соответствующем руководстве. И вот, поскольку повесть моя «Шоколад» — явление общественное и мне пришлось выслушать о ней в свое время самые разноречивейшие мнения, начиная от восторгов и кончая проклятьями, — причем и то, и другое из авторитетных партийных кругов, — мне хотелось бы знать о ней ваше ценнейшее для меня мнение.

Я посылаю вам эту повесть в том виде, в каком она была напечатана в 1922 году. Никаких переизданий ее не было. Я посылаю ее вам со всеми ее недостатками идеологического характера, которые она безусловно имеет и которые были мною вскоре же осознаны, а теперь радикально устранены переработкой на случай, если бы эту вещь стоило переиздавать[2].

Ваше мнение о повести важно мне, конечно, независимо от вашего положения Генерального секретаря партии, а потому что вы никогда политически не ошибались и ваше мнение является для меня голосом партийной совести[3].

С коммунистическим приветом

А. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ

Москва 15.3.25 г.

Адрес: Через редакцию журнала «Октябрь». Тверской бульвар, д. 25. Телефон: 3-04-59.

Приложение отдельным пакетом: Книга журнала «Молодая гвардия» № 6—7 за 1922 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 818. Л. 57, 57 об. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Пометка рукой неизвестного: «Личн. Арх.».

[1] «В ней затронута тема о вредном влиянии буржуазной идеологии, но вместе с тем писатель ошибочно утверждал мысль о несовместимости личных интересов и общественного долга» (Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7. Стб. 387—388). Тарасов будет расстрелян в 1938 г.

[2] 27 декабря 1927 г. Тарасов-Родионов посвятит Сталину экземпляр романа-хроники «Февраль» (Госиздат): «Дорогому товарищу и учителю Иосифу Виссарионовичу Сталину на память о героических днях, в огне которых закалялся большевизм и сгорали болотные мечтания мелкобуржуазной стихии. С коммунистическим приветом А. Тарасов-Родионов. 29 XII 27 г.». Книга из коллекции Государственной общественно-политической библиотеки Министерства культуры РФ (ГОПБ МК РФ) была представлена в марте 2003 г. на выставке «Дорогому товарищу Сталину...» (книги, подаренные И. В. Сталину с автографами авторов)». На титуле штамп «Б-ка И. В. Сталина».

[3] Оценка творчества писателя менялась еще при его жизни. В 1930 г. Малая советская энциклопедия приводила положительную анкетную иноформацию о происхождении Тарасова-Родионова (из семьи землемера), о его членстве в ВКП(б) и РАППе. В то же время в директивно-безапелляционном духе отмечалось то, что «в творчестве Тарасова-Родионова отражено мировосприятие мелкобуржуазного революционера, вовлеченного в революционную борьбу пролетариата» (Т. 8. С. 683). О творчестве Тарасова также писал Леопольд Авербах.

№ 87
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ ПРОЛЕТКИНО — ЦК РКП(б) С ПРОСЬБОЙ РАЗРЕШИТЬ САВИНКОВУ НАПИСАТЬ СЦЕНАРИЙ ФИЛЬМА

6 мая [1925 г.]

Акц. О-во ПРОЛЕТАРСКОЕ КИНО
ПРОЛЕТКИНО[1]
Секретно
В ЦК РКП

Настоящим Правление Пролеткино просит Вашего разрешения на обращение к Борису Савинкову с заказом на сценарий «Конь вороной» (по его книге того же названия).

Не приходится говорить, какое огромное агитационное значение имела бы такого рода фильма не только в нашем Советском Союзе, но и среди рабочих других стран[2].

С ком. приветом

Председатель правления БУРСАК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 812. Л. 105. Машинописный подлинник на бланке Пролеткино. Подпись — автограф.

На документе имеются резолюции: «Поставим на голосование. Я сумневаюсь. С.» (возможно, Смирнов), а также: «С. П. Ваше мнение? Я думаю, можно не возражать. Ведь Госиздат напечатал уже «Коня вороного». А картина обещает быть занятной и прибыльной».

[1] На официальном бланке раскрывается содержание деятельности «Пролеткино»: АКЦ. О-во ПРОЛЕТАРСКОЕ КИНО ПРОЛЕТКИНО. Москва, Тверская 34. Телефоны: Общий 5-94-68. Произв. конт. 5-04-74. Правление — 5-78-62. Прокат — 5-45-44. ОТДЕЛЕНИЯ: Ленинград, Минск, Самара, Саратов, Тифлис, Ростов н/д., Омск, Ташкент. УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ВО ВСЕХ ГУБЕРНСКИХ ГОРОДАХ СССР И ВО ВСЕХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ Европы и Америки. ПРОЛЕТКИНО СТАВИТ СВОЕЙ Задачей Производство Советской Фильмы; ОБСЛУЖИВАЕТ ПАРТ., ПРОФ., СОВ., ХОЗ. КРАСНОАРМЕЙСК. ОРГАН. ПРОИЗВОДИТ ОБОРУДОВАНИЕ КИНОПЕРЕДВИЖЕК, ПРОИЗВОДИТ РЕКЛАМНЫЕ И ПРОИЗВОДСТВЕН. съемки на льготных условиях; цена акции 15 червонцев. Допускается рассрочка и коллектив. подписка.

[2] На следующий день после этого обращения Савинков покончил жизнь самоубийством в здании ОГПУ на Лубянке. 12 мая 1925 г. Политбюро (по сообщению Ягоды по телефону) дает согласие на опубликование «письма на имя т. Дзержинского» Б. Савинкова вместе с заметкой о его самоубийстве (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 490. Л. 21).

№ 88
СТАЛИН — В БЮРО КИРГИЗСКОГО КРАЙКОМА ПО ПОВОДУ ГАЗЕТЫ «АК-ЖОЛ»

29 мая 1925 г.

Г. Москва, 29 мая 1925 г.
Всем членам Бюро Киркрайкома
(Копия т. Варейкису)

Дорогие товарищи!

1. Я имел возможность на днях познакомиться с журналом «Ак-Жол»[1]. Я вспомнил в связи с этим некоторые статьи небезызвестного ЧОКАЕВА[2] в белогвардейской печати и к ужасу своему открыл некоторое, так сказать, духовное «единство» между этими статьями и журналом «Ак-Жол». Невероятно, но факт. «Ак-Жол», конечно, помимо своей воли дает громадный материал Чокаеву. Чокаев далеко не помимо своей воли обобщает эти материалы и преподносит публике. Я понимаю критику, я вполне осознаю, что критиковать деятельность коммунистов можно и нужно. Но критика злорадная и злобствующая, это не наша критика. Такой критике не должно быть места в советской стране. Такая критика может представлять лишь орудие в руках буржуазии против коммунизма, против Советов, против всего того, чем живет и дышит Советский союз. Ввиду этого я считаю своим долгом просить Вас принять меры к тому, чтобы немедля реорганизовать в корне журнал «Ак-Жол», изгнав из него беспартийных интеллигентов и сделать его органом коммунистической пропаганды.

2. Я целиком за привлечение беспартийных интеллигентов к советской работе. Наркомзем, СНХ, кооперация и проч. Хозяйственные органы должны всемерно использовать этих людей, исподволь советизируя их. Я также за то, чтобы безпартийные интеллигенты были привлечены к делу насаждения киргизской культуры. Составление учебников на киргизском языке — главное поприще, на котором должны быть использованы эти люди в области культуры. Но я решительно против того, чтобы беспартийные интеллигенты были допущены к делу борьбы на политическом и идеологическом фронте. Я против того, чтобы беспартийные интеллигенты занимались политическим и идеологическим воспитанием киргизской молодежи[3]. Не для того мы брали власть, чтобы политическое и идеологическое воспитание молодежи предоставить буржуазным беспартийным интеллигентам. Этот фронт должен быть оставлен целиком и без остатка за коммунистами. Иначе победа Чокаевых может стать в Киргизии делом неизбежным. А это равняется идеологическому и политическому краху коммунизма в Киргизии[4].

Очень бы просил Вас сообщить Ваше мнение по этому вопросу.

С комприветом:

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 133. Л. 65—67. Машинописный текст. Подпись Сталина — факсимиле. На л. 65 пометка рукой Мехлиса: «П. Б. лич. ар. т. Сталина. М».

[1] 2 июня 1925 г. Варейкис направил Сталину докладную записку по поводу газеты «Ак-жол». Около десяти раз в письме подчеркивалась политическая «невыдержанность» газеты, которая не раз отмечалась комиссиями ЦК. 2 марта 1925 г. уже была принята резолюция Секретариата ЦК «О состоянии кирпечати и о мерах по ее улучшению». Варейкис делает вывод о том, что «невыдержанность газеты из подвальных статей и рассказов переходит в передовую». 10 июня 1925 г. бюро Киргизского крайкома рассмотрело вопрос о письме Сталина. Решено «указания тов. Сталина принять к сведению и руководству» (там же, л. 73).

[2] Мустафа Чокаев — член мусульманской фракции Государственной думы, создатель организации «Туркестанское единство». Родился 7 января 1890 г. в местечке Аулие-Тарангыл, в Сырдарьинском районе Кзыл-Ординской области. Родом из кипчаков. Еще до Февральской революции у него зародилась идея «Туркестанского союза», для чего он выезжает в 1916 г. в Казань и создает организацию под названием «Туркестанское единство». В ее руководство вошли пять человек, безусловным лидером которых был Мустафа. 27 декабря 1917 г. все политические течения и партии, собравшиеся на Всетуркестанский конгресс, объявили о создании Кокандской автономии, избрав ее первым президентом Тынышпаева, а после его ухода единогласно М. Чокаева. Затем он стал эмигрантом. В 1940 г. «Немцы после окружения Парижа арестовали Чокаева, затем отправили в Берлин. Затем его с приставленными к нему фон Менде и Вали-Каюмом отправили для ознакомления с положением военнопленных в Польше и на Украине. Во время этой поездки Мустафа приложил усилия для облегчения положения выходцев из Востока в смысле быта и устройства их на работу. Заразившись тифом, Чокаев проходил лечение в больнице, где и скончался 27 декабря 1941 г. Объявление о создании «Туркестанского легиона» последовало в апреле 1942 г., т. е. почти четыре месяца спустя после смерти Мустафы Чокаева».

[3] 18 мая 1926 г. Сталин даст несколько иную трактовку вопроса об отношении к интеллигенции национальных советских республик. В письме Сталина, написанном «по поручению Секретариата ЦК» и направленном Зеленскому, Иванову, Икрамову, указывалось: «8. Наконец, мы не можем согласиться с некоторыми положениями в статье «Еще об интеллигенции» за подписью Акмени Икрамова*, помещенной в газете «Фергана». Говоря об интеллигенции и идеологическом фронте, Икрамов уверяет, что «наша цель — уничтожить всех сопротивляющихся нам». Вы должны согласиться, что этакое грозное обещание интеллигенции хуже, чем огульный арест отдельных интеллигентов. На идеологическом фронте необходимы более сложные и гибкие методы борьбы» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 735. Л. 29—30).

[4] Ср. одну из версий разгрома казахской газеты «Ак-жол»: «Наконец долгожданная поддержка сверху получена. 7 апреля 1925 года ЦК РКП(б) с подачи Ежова выносит решение о закрытии казахской газеты «Ак-Жол» якобы за ее националистическую направленность. Разгоняется ее редакция. Вскоре ее члены будут арестованы и расстреляны. Ж. Аймаутов, М. Дулатов, И. Тахтабаев, Ж. Акпаев падут первыми жертвами террора в Казахстане. В борьбе с «правыми национал-уклонистами» Ежов добивается высылки из Казахстана С. Ходжанова в начале 1926 г. За этим последовали другие отставки и устранение из политической жизни республики видных деятелей, таких как М. Тунганчин, С. Садвокасов, Н. Байдильдин, А. Кенжин и др. «Левые» и «правые» одинаково стали объектами инсинуаций Ежова. В это вылилась его тактика «баланса сил». Теперь и особенно в последующие годы, когда он возвысится, пощады не будет никому» (Джагфаров Н., Осипов В., Чиликова Е. Н. Ежов: хроника преступлений. Алма-Ата: Простор. 2002. № 6).

---

* Правильно: Акмаль Икрамов.

№ 89
СТАЛИН — ТОВСТУХЕ О СВОЕЙ БРОШЮРЕ «ИЮНЬСКИЕ ДНИ 1917 г.»

[1 августа] 1925 г.[1]

Т. Товстуха!

1. Получил брошюру «Июньские дни 1917 г. Ленин и Сталин». Перепечатаны статьи и речи мои с первого издания книжки «На путях к Октябрю» с массой ошибок. Безобразие. Неужели Харьковский «Пролетарий» не знал, что существует второе исправленное издание. Надо следить за тем, чтобы впредь такое безобразие не повторялось.

2. Я послал Вам неделю назад письмо на имя Андреева. Застало ли оно Андреева в Москве, получил ли он его реально?

3. Мануильский совершил пакость, сдав в печать первоначальный проект статьи Троцкого. Это безобразие. Я пишу Молотову, чтобы поставил вопрос об этом куда следует.

4. Как Ваши дела?

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 68. Л. 36—36 об. Рукописный подлинник.

[1] Датируется на основании шифровки Сталина Молотову и Бухарину: «Требую расследования и осуждения виновных. Надо положить конец мошенничеству. Подробности получите письмом в среду. Обязательно надо опубликовать в русской печати статьи Троцкого и Крупской об Истмене» (там же, л. 33). См. также письмо Демьяна Бедного Сталину от 10 октября 1925 г.

№ 90
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

10 октября 1925 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Пробыл я в Москве, можно сказать, «проездом» несколько дней, и не удалось мне повидать вас и поговорить с вами: заел вас пленум[1]. (Впрочем, я не знаю точно, кто кого заел.)

На переселенческой суетне в Конюшенном корпусе я узнал, что вы из больших палат вернулись в ремонтированный знаменитый «флигель с вестибюлем»[2]. Будем уповать, что он вторично не провалится. Во всяком случае, я отнесся к вашему возвращению во флигель с некоторым внутренним одобрением, вспомнив по сему случаю ценное изречение Бёрне, что «горе тому общественному деятелю, у которого завелись фарфоровые чашки»[3].

Будем пить из простых, но крепких, и надежных, и не бросающихся в глаза[4].

Вернулся я в Москву в настроении довольно сумрачном. Краем уха услыхавши о пленумских дебатах по крестьянскому вопросу[5], был на себя раздосадован до последней степени за то, что еще не написал на тему, гвоздившую мне голову с весны, о «тройке», на которой мы едем[6]. Теперь писать поздно, потому что сочтут, что я излагаю уже не свое, а готовое, бесспорное. Острейшую тему потерял. Промазал. А с пустяков начинать работу нет желания, тем более, что в голове еще есть кое-что не совсем пустяшное, за что я и примуся,

никуда, даже к вам, не показываясь до удовлетворительного окончания работы. А хочется поспеть к «Октябрьским дням»[7].

Нашел у себя на столе целых три книги разных авторов «О Демьяне Бедном». Выходит на днях четвертая[8]. И это все, как гвозди, как веревки, приколачивающие меня и связывающие. Ощущение такое, что тебе уже нельзя с прежней озорной безоглядностью писать с налету: кто-то смотрит внимательно, взвешивает, расценивает, читает между строк...

Ничто меня так не пугает, как «уважение». Значит, старость? Дряблость? Значит, пора писать поэму в 25.000 строк? Воспоминания? Черт знает что такое! Беда, как кисло становится ото всего этого.

Чувствую определенно, что предстоящая зима связана будет для меня с каким-то переломом или чем-то в этом роде. Все время хочется быть одному, «не толкаться», закупориться и писать, писать, писать... И в то же время не пишется. То есть ужасно как трудно пишется.

А в голову лезет такое...

Был час назад на Ярославском вокзале. На перроне густо несет карболкой. «Почему надушились?» — спрашиваю.

— Пьяные заблевали.

Большая идет блевотина. Сколько на всю Расею[9] керболки понадобится? Описался. «Керболки». Смешно. М-да-с!

Будьте здоровы.

До встречи!

Ваш ДЕМЬЯН

10/X-1925

P. S. Ухмылялся я, читая переписку по Истменскому делу[10]. Я бы мог уподобиться дурашливому мальцу и болтнуть: «а я сто-то знаю, это дядя Лева[11] в касу насцал». Даже в переводе видел знакомый стиль. А вы хотите, чтоб дядя Лева сам эту кашу ел!

Дело ясное. И для характеристики дяди — убийственное. А характерец еще приведет.

ДБ.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 32, 32 об. Машинописный подлинник. Подпись, дата и постскриптум — автографы. Пометка рукой Мехлиса: «ПБ. лич. ар. 2/XI-25 г. М.». Пометка рукой неизвестного: «получ. в архив 9/XI-25 г.».

[1] Пленум ЦК РКП(б) проходил в Москве с 3 по 10 октября 1925 г. На Пленуме кроме вопросов внешней торговли и работы профсоюзов обсуждался вопрос «О работе партии среди деревенской бедноты».

[2] С. В. Оболенская (дочь Н. Осинского) вспоминала об очередном ремонте в Кремле в 1932 г.: «В связи с этой перестройкой из «Детской половины» всех переселили в другие здания. Отец получил очень большую квартиру в Потешном дворце, справа от входа в Кремль через Троицкие ворота. Странное было у нас соседство! В соседнем подъезде была квартира Сталина. А из окон нашей столовой были видны находившиеся под углом к нам окна квартиры Бухарина» (Оболенская С. В. Из воспоминаний // Вечерний Гондольер. № 106 (Интернет-версия).

[3] Карл Людвиг Бёрне (Börne) (1786 — 12 февраля 1837 г., Париж) — немецкий публицист и критик, выросший в семье состоятельного франкфуртского еврея. Бёрне не знал жизни в гетто. Он говорил: «Счастье быть одновременно и немцем, и евреем».

Его идеи легли в основу идеологии «Молодой Германии». Сталин будет рассуждать о Бёрне в беседе с Л. Фейхтвангером в 1937 г. (см. документ № 327).

[4] «Почему бы не взять посуду без царских побрякушек?» — авторитетно спросит Сталин Молотова в середине тридцатых годов, когда ему сообщат, что во время дипломатических приемов в представительском особняке НКИД на ул. Спиридоновка, д. 17, в Москве гостям подают еду на царских сервизах (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 983. Л. 31).

[5] Пленум ЦК осудил «уклоны, наметившиеся в крестьянском вопросе: «правый», выразившийся в недооценке роста кулацких элементов, и левый — «антисередняцкий» (КПСС в резолюциях и решениях. 9-е изд. Т. 3. С. 406).

[6] Возможно, Д. Бедный намекает на окончательно развалившийся «триумвират» в составе Сталина, Зиновьева и Каменева или на сменившую его «тройку» Сталина, Бухарина и Рыкова. На XX съезде КПСС в тексте исторического доклада о культе личности Н. С. Хрущева будет сказано: «серьезно принижалась роль Политбюро ЦК, дезорганизовывалась его работа созданием различных комиссий внутри Политбюро, образованием так называемых «пятерок», «шестерок», «семерок», «девяток». В отредактированный текст доклада Хрущев вставил свой комментарий: «Что это за терминология картежника?» Затем Хрущев добавил и отметку о реакции «зала» на его юмор: «Смех в зале».

[7] 7 ноября 1925 г. в «Правде» будет опубликовано большое стихотворение-басня Демьяна Бедного «Разгадка». Это очередная антимонархическая притча о глупых царях и умных Иванушках-дурачках. «В том господская беда, не разгадали господа», что за «мужицкой дурью» скрывалась народная мудрость.

[8] Войтоловский Л. Демьян Бедный. М., 1925; Медведев П. Демьян Бедный, Л., 1925; Фатов Н. Демьян Бедный. М., 1922 (второе, дополненное издание вышло в 1926 г.). В 1926 г. выйдет книга секретаря поэта А. Ефремина — «Демьян Бедный в школе».

[9] В 1922 г. друг и ментор Демьяна, бывший руководитель Агитпропа ЦК, журналист Л. Сосновский выпустил брошюру под названием «Расея» (Главный политико-просветительный комитет Республики, серия «Агитационно-художественная. № 11. Госиздат, 1922 г. Тираж 5 тыс. экз.). Сосновский утверждал, что «путь от деревни Язва» до села «Роза Люксембург» Расея прошла в 4 года». Примеры некоторых замечаний Сосновского: «Калинин *крыл* густо на одном сходе в Калужской области». Крестьяне отреагировали: «Вот это по-нашему! Это — власть». Делегацию Леонида Красина в Лондоне народ окрестил «буржуями»: «Ах, вы, сволочи! *Матросиков* бы вам сюда из Чека... Они бы вам показали фраки...» Один личный совет Сосновский дал русским эмигрантам: «Я хочу предсказать князю Голицыну его судьбу. Он подохнет где-нибудь на чужбине под забором, проев остатки средств, брошенный даже своими детьми» (там же, с. 17). В знаменитом письме Демьяну в декабре 1930 г. Сталин обвинит поэта в том, что он способен, «находясь в состоянии истерики, договориться до таких антипартийных гнусностей. Недаром, читая Ваше письмо, я вспомнил Сосновского...».

[10] Макс Истмен (1883—1969) (Max Eastmen) — американский журналист и редактор. Издал много книг по современной ему советской литературе и по истории большевистской России. К наиболее известным книгам Истмена относятся «Лев Троцкий. Портрет молодого человека» (Leon Trotsky, the portrait of a youth) (Нью-Йорк, 1925), «С тех пор, как умер Ленин» (Since Lenin died) (Нью-Йорк, 1925). «Артисты в военных формах. Исследование литературы и бюрократизма» (Artists in uniform; a study of literature and bureaucratism) (Нью-Йорк, 1934). В 1925 г. книга Истмена «С тех пор, как умер Ленин» заворожила внимание Политбюро на весь летне-осенний сезон. Этому свидетельству о смерти Ленина, обстоятельствам его появления на свет и последствиям были посвящены директивные решения Политбюро. Еще больше документов осталось за кадром истории в виде переписки Сталина с соратниками, справок, лихорадочных проектов постановлений, черновиков статей — ответов Крупской и Троцкого,

переводов этих книг, согласований между ведомствами, координаций полушпионских акций со стороны ОГПУ, военной разведки и коминтерновской агентуры, ажиотажа партийной полиции. Смертный грех Макса Истмена заключался в том, что он процитировал прощальные письма и статьи Ленина (так называемое завещание). Сталин заподозрил Троцкого в передаче этих документов американскому журналисту. 17 июля 1925 г. в шифровке на имя сотрудника Особого сектора ЦК Льва Мехлиса Сталин просит прислать ему книгу Макса Истмена на русском и на английском языках (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 68. Л. 7). 25 июля в записке на имя Бухарина Сталин спрашивает: «какова судьба статьи Надежды Кон-ны об Истмене, — сообщи если не лень» (там же, л. 14). 31 июля Рыков пишет в ЦК: «В связи с моим отъездом в отпуск, прошу начиная с 1-го августа белогвардейские газеты посылать в ГПУ — тов. Беленькому, который мною инструктирован и будет доставлять мне их по месту моего пребывания». 1 августа Сталин в письме к Молотову и Бухарину дает следующее указание: «Обязательно надо опубликовать в русской печати статью Троцкого и Крупской об Истмене» (там же, л. 33). В архиве Сталина сохранилась записка без даты на бланке «К заседанию Политбюро»: «Расследовать обязательно нужно. Об этом поговоримте во вторник. Меня больше всего интересует то, чтобы определить отношение Троцкого к делу о брошюре Истмена и поставить вопрос об открытом отмежевании Троцкого от Истмена и его «труда». Я думаю, что брошюра написана с ведома (а может быть, даже по директиве) Троцкого» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 130. Л. 176).

[11] Намек на Троцкого.

№ 91
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ О «ПРОТЕКЦИОННОМ» ВАГОНЕ

4 декабря 1925 г.

В ЦК РКП(б)
Тов. СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В конце минувшего ноября месяца мне из ЦКК[1] было сообщено, что состоится специальное заседание президиума ЦКК для обсуждения вопроса о протекционных вагонах, а в частности, и о моем вагоне и что мое присутствие на означенном заседании необходимо[2].

Я сообщил, что предпочту, чтобы вопрос о моем вагоне решался без меня. Мне казалось, что вопрос об оставлении в моем распоряжении вагона не может возбудить никаких сомнений, так как целесообразность такой привилегии доказана семилетней практикой.

На днях я получил нижеследующую выписку из протокола № 118 заседания президиума ЦКК от 23 XI с. г.[3]

СЛУШАЛИ:

О протекционных вагонах и пользовании протекционным вагоном тов. Демьяном Бедным.

ПОСТАНОВИЛИ:

4. Не возражать против оставления за Демьяном Бедным протекционного вагона с тем, чтобы он был использован исключительно для деловых поездок по разовым мандатам (Прин[ято] 3 голосами против 2-х).

ОСОБОЕ МНЕНИЕ т.т. Ярославского и Чуцкаева. «Считать, что в интересах поддержки престижа тов. Д. Бедного, как коммуниста и как пролетарского

поэта, необходимо отменить расход на содержание протекционного вагона» (превышающий 10.000 рублей в год)[4].

Итак: постановление об оставлении в моем распоряжении вагона прошло всего большинством одного голоса: три против двух. Эти два — авторитетные товарищи и члены президиума ЦКК, т.т. Ярославский и Чуцкаев. Могу ли я пренебречь их «особым мнением».

Я сделал естественный вывод, что при таком расхождении мнений в составе Президиума ЦКК я не могу дальше пользоваться протекционным вагоном без особого постановления Центрального Ком. партии, подтверждающего несомненную, установленную фактами, целесообразность такого пользования.

Аргументировать лично в пользу такого постановления ЦК я не в состоянии по той же самой причине, по какой я отказался это делать перед президиумом ЦКК. Мне пришлось бы давать самому себе оценку, разъяснять методы моей работы и их своеобразие, ссылаться на ту исключительно важную роль, какую вагон играл в моей работе в фронтовое и последующее время, говорить о плодотворности того контакта в любой момент с любым местом, какой создается наличием «всегда готового», оборудованного для моей работы вагона, и т. д. и т. д.[5]

Уже самая необходимость в такого рода с моей стороны аргументации доказывала бы, что во мнении если не всей руководящей части партии, то значительной ее группы произошло явное снижение оценки моей работы. Тогда о чем говорить? Надо будет сделать дальнейший вывод — и только. А у поэтов, как известно, выводы делаются сами собою:

Их голос сорванный дрожит
От незаслуженной обиды.

Нельзя, однако, не отметить странности «особого мнения». Вагон надо отобрать у меня для поддержки моего «престижа». Стало быть, я целых семь лет, пользуясь вагоном, непрерывно ронял свой престиж. Товарищу Ярославскому полезно было бы проделать со мною одну, не дутую, не прорекламированную в газетах, поездку в любой провинциальный город и убедиться, насколько «уронен» мой престиж. Он с удивлением убедился бы в том, что не только благодаря вагону престиж не уронен, но сам злополучный вагон превратился в сюжет трогательной легенды: «тов. Ленин дал Демьяну Бедному вагон, чтобы Демьян ездил по России да смотрел, хорошо ли народ живет» (см. журн[ал] «Печ[ать] и револ[юция]» за тек[ущий] год)[6].

«Дал Ленин». Разве это не верно? «Ленин» мне много дал, ничего не отбирая. Нужно ли, чтобы легенда о вагоне приобрела внезапный конец: — «умер Ленин, и вот у Демьяна...», или «Проштрафился Демьян, и вот у него...». Пользы от обоих вариантов мало.

«Особое мнение»! Было время, вы помните его, Иосиф Виссарионович, так как вам пришлось тогда ратовать за меня — было время, когда меня чуть политически не угробила таким вот «а-ля Ярославский» подходом покойная Конкордия Самойлова[7]. Сколько усилий было сделано Владимиром Ильичем, чтобы вернуть меня в старую «Правду»[8]. Противодействие Самойловой и ее группы было сломлено. Самойловой пришлось уйти. Теперь через двенадцать лет — можно взвесить, много ли бы выиграла партия, если бы победила «элементарность» Самойловой. («И пишет в «Правде» по складам элементарная

мадам».) Такой ли уж это несущественный пустяк – вышвырнуть из арсенала партии мои десять томов, десять снарядов со взрывчатой начинкой!.. Самойлова была по-своему честной. Но она меня «ела». Будь она теперь членом президиума ЦКК – а это могло быть так, она, вне всякого сомнения, осталась бы тоже при «особом мнении». Элементарность.

Я больше скажу, раз уж мне волей-неволей пришлось писать это письмо, которое останется в партархиве и попадет на глаза нашим партпотомкам, я считаю, что я окреп и существую, как «Демьян Бедный», имея потенциально «против себя» громаднейшую часть, «подавляющее большинство» нашей, более меня старой, верхушечной партинтеллигенции, в оформлении революционного сознания и воли которой я не участвовал и потому кажусь ей «явлением десятого разряда». Ольминский пишет (Эпоха «Звезды» и «Правды»), что на меня, нового пришельца, «старики косились»[9]. Это мягко сказано. Меня чуть не погубили! Дальше было не легче. «Подавляющее» большинство меня не подавило только потому, что не оно решало целиком дело. Были читатели. Был Ильич и еще кое-кто. И я сам не из навоза сделан: упорствовал. Не скрою: я тоже интеллигентщину недолюбливал. Она труслива. Прихорашивается. «Упрощается».

– Ах, как бы чего мужик или рабочий не сказал!

– Ах, как бы он чего не подумал!

Маскарад прежде бывших добрых старых народолюбцев. Кому он был нужен? Мужик, скажем, барина нюхом берет. Его не обманешь. Страх твой он уловит. У меня этого страху никогда не было и быть не могло. «Вот я – таков, каков уж есть, мужик и сверху и с изнанки. С отцом родным беседу весть я не могу без перебранки». И разве я не перебранивался с мужиками? Натурально. В Калуге, напр., был случай на крестьянском совещании: осердившись, я стал «крыть» мужиков. А они с криками: «Крой! Тебе можно!» – бросились ко мне и чуть не задушили своей лаской. Этой потехе был свидетель тов. Л. Сосновский[10].

А вот у т. Ярославского есть страх. Он боится за меня. Думает, что меня надо «прихорашивать». «Поддержать престиж»... отнятием вагона. Недавно другой интеллигент, тоже член ЦКК, тов. Смидович, пошел еще дальше в желании «поддержать» мой престиж: он настоятельно рекомендовал мне, отдыхая на солнышке в Сочи, чтобы я надел лапти, взял посох и ушел на несколько лет в странничество[11]. Какой это стариной пахнет! И каким незнанием народа! В этом отношении насколько трезв М. И. Калинин. Когда заграничные, уже чужие, враждебные, интеллигенты стали в газетах подхихикивать тоже насчет вагона, Калинин резонно ответил: «очевидно, они иначе не мыслят: если ты крестьянин или рабочий, то, какую бы ты обязанность ни исполнял, можешь продвигаться по святой Руси на крыше вагона или пешком, с посохом в руках на манер деревенских юродивых, на посмешище врагов рабочих и крестьян» («За эти годы», стр. 9)[12].

Но в отношении меня т. Смидович – а он для меня лицо собирательное, обобщенное – договорился прямо до чудовищных вещей: «Ничего б я вам так не пожелал, Демьян, как того, чтобы на вас обрушилось какое-либо ужасное несчастье. Тогда ваш талант засверкал бы новыми красками. Мы могли бы насладиться дивными стихами...» и т. д.

Крайне своеобразное мнение тов. Смидовича напомнило мне о существовании в прежние блаженные времена особых, тонких ценителей соловьиного пения, которые придерживались того мнения, что для того, чтобы соловей запел исключительно хорошо, надо, чтобы на него тоже «обрушилось ужасное несчастье»: надо ему выколоть глаза, ослепить его.

В применении ко мне можно сказать, что я без вагона в изрядной таки мере «ослепну», но чтоб я лучше от этого запел, сомнительно.

Вот к чему может привести, ничем худым не вызванная, «поддержка» моего престижа.

«Худое», впрочем, как можно догадаться, заключается в том, что я ездил лечиться в вагоне. Правда, я не только лечился, но и работал, так как при мне было все, что мне было нужно. Работаю-то я все-таки как целое «учреждение», как добрый «цех поэтов»[13]. Это же неоспоримо? Если бы я, как было условлено с тов. Орджоникидзе, сделал поездку по Кавказу, то отпал бы «личный» момент в пользовании вагоном? Разве не было лучше то, что он, вагон, был бы под рукой, а не вызывать его из Москвы. К чему ж создавать неудобства ради «формы»? Но, к сожалению, у меня так сложились обстоятельства, что мне пришлось ехать скорей в Москву. И не по личным делам. У меня их нет: я весь в своей работе. Даже когда я ковыряю пальцем в носу, то это не значит, что я только этим и занят, а не обдумываю, скажем, ответ на «особое мнение»[14].

В постановлении ЦКК, как знак недоверия ко мне по вагонной части, предложено мне пользоваться вагоном только по «разовым мандатам». Против этого я категорически протестую, так как этим создается ненужная, формальная, отнимающая много времени, обременительная канитель. У меня секретарей нет гонять каждый раз за мандатами. Да и вопрос о доверии не пустяк. Если ЦК утвердит вагон за мной, я просил бы об оставлении прежнего порядка пользования вагоном по постоянному персональному, на мое имя, мандату НКПСа. Иначе мне пользоваться им, в сущности, невозможно. Я никогда не буду гарантирован, что мой вагон «всегда готов», а не угнан в какую-либо поездку. «Постоянный» вагон с «разовыми» мандатами — это какой-то нонсенс[15].

С товарищеским приветом

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

4/XII-25

P. S. Я прошу извинения, что я все-таки был пространен в письме, тогда как я мог в качестве ответа на «особое мнение» ограничиться просто ссылкой на нижеследующую давнюю мою басню, как будто специально написанную в предвидении казуса с вагоном.

КОНЬ И ВСАДНИК

Какой-то всадник благородный,
Покамест был он на войне,
Не чаял, кажется, души в своем Коне:
Сам по три дня сидит, случалося, голодный,
А для Коня добудет и сенца,
И овсеца,
Накормит вовремя и вовремя напоит!

Но кончилась война, и честь Коню не та:
Товарищ боевой двух добрых слов не стоит,
Иль стоит... доброго кнута!
Насчет овса уж нет помину:
Кормили вьючную скотину
Соломой жесткой и сухой,
А то и попросту трухой.
В работе черной Конь в погоду, в непогоду
То тащит кладь, то возит воду...
Но подошла опять война,
И тощему Коню вновь почесть воздана:
Оседлан пышно Конь, причищен и приглажен.
Однако же когда, суров и важен,
В доспехи бранные наряжен,
Сел Всадник на Коня, Конь повалился с ног
И, как ни силился, подняться уж не мог.
— Хозяин! — молвил он, вздохнув: — по доброй воле
Ты обратил Коня в забитого осла, —
Так не ищи ж во мне ты прежней прыти боле:
Нет прыти у меня: СОЛОМА УНЕСЛА!

1914 г.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ[16]

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 33—35. Машинописный текст. Подпись и дата — автографы.

[1] В задачи парткоплегии ЦКК ВКП(б), подтвержденные постановлением Президиума ЦКК и коллегии НК РКИ от 22 февраля 1928 г., входили в том числе «решительная борьба против проявлений бюрократизма в партийном аппарате», «борьба с недостойными членов ВКП(б) поступками, как пьянство, шкурничество, хозяйственное обрастание», а также «изучение болезненных явлений в партии» (с идеологической стороны) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 395. Л. 9).

[2] Первоначально этот вопрос был поставлен на заседании Секретариата ЦКК РКП(б) (а не Президиума, как утверждает Демьян) 16 ноября 1925 г. (протокол № 116, п. 13. «О пользовании протекционным вагоном т. Демьяном Бедным», докладывал вопрос Янсон). Секретариат в составе Янсона, Ярославского, Шкирятова и Чуцкаева постановил: «Перенести на очередное заседание С-та ЦКК, поставив его первым вопросом повестки дня» (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 27. Л. 139).

[3] Заседание началось в 10 ч. 10 мин. и окончилось в 15 ч. 40 мин. Вопрос о вагоне Демьяна стоял в повестке дня первым. На заседании присутствовали члены Секретариата ЦКК Гусев, Чуцкаев, Шкирятов, Ярославский и Янсон.

[4] В решении подчеркнуты слова «коммунист» и «пролетарский». Бедному была послана только выписка из п. 4 решения, Молотову и Енукидзе — все. Фракции ЦИК СССР было предложено сократить до минимума парк своих протекционных вагонов и предоставлять их исключительно для служебных командировок группы лиц. Практику годовых билетов решено было оставить прежней. «3. Просить ЦК РКП(б) сократить количество протекционных вагонов и установить порядок, при котором необходимость пользования этими вагонами определяется одним из секретарей ЦК РКП(б) совместно с секретарем ЦИК СССР» (РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 27).

[5] Даже на отдых и лечение (в пределах СССР) Демьян ездил в собственном вагоне. Накоряков вспоминал об отдыхе Демьяна в Ессентуках в 1924 г.: «В «синем» вагоне

он, оказывается, путешествовал с собственной «лабораторией» — у него была часть его библиотеки с неизменными филологическими словарями и энциклопедией Брокгауза — Ефрона, десяток папок с собственными произведениями в рукописях и в печатном виде, наконец, его старенькая машинка «Ундервуд», на которой, кажется, только он один мог работать с неподражаемой скоростью» (Воспоминания о Демьяне Бедном. М.: Советский писатель, 1966. С. 55).

[6] Демьян Бедный делает библиографическую сноску на статью Л. Войтоловского «Демьян Бедный», опубликованную в журнале «Печать и революция» (1925. № 4. С. 23—47). В первоисточнике (возможно, инспирированном самим поэтом) история имеет несколько двусмысленное звучание (если иметь в виду легенды о происхождении самого поэта). Фрагмент приводится полностью: «На одном из перегонов польского фронта при отступлении из Полесья застрял в тупике вагон Демьяна Бедного. Осень. Холодный дождик. Кучками бродят красноармейцы. Кто-то заинтересовался вагоном:

— Чей такой? Что за комиссар?

— Не комиссар. Демьян Бедный.

— Какой Бедный?

— Дурак ты! Бедного Демьяна не знаешь?

— Кто такой? Говори.

— Был такой в царское время барин... хваткий, богач всесветный. Чего только, чего нету!.. Было у него 12 ахтомобилей и 10 пудов золота. Не нравились ему царские порядки. Как революция пришла, пробрался он к Ленину и говорит:

— Вот тебе золота 10 пудов и все 12 ахтомобилей. Ничего мне теперь не нужно. Дай ты мне только один вагон, чтобы мог я по фронту ездить. Погляжу, как народ за правду воюет.

Обрадовался Ленин, дал ему вагон из царского поезда, и ездит тот человек по всему фронту в своем вагоне... Был барин, а теперь в другом образе: Демьян Бедный — с бедными, значит, заодно... День сухарем живет, а ночью песней... Демьяна Бедного песни вся дивизия знает».

Слава Демьяна Бедного достигла поистине легендарных размеров» (там же, с. 42).

[7] Конкордия Николаевна Самойлова (1876—1921). Ольминский на вопрос о том, кто же действительно работал, кто создал физиономию «Правды» как газеты, в числе прочих называет Самойлову (Ольминский М. С. Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911—1914). Пг.: Прибой, 1924. С. 33). Секретарем редакции тогда был Федор Раскольников, «очень моложавый, деловитый и серьезный, с приветливым лицом», который «внушал к себе невольное уважение и симпатию». Был скоро арестован. Его место занял В. М. Скрябин (Молотов), арестован 15 октября 1912 г., а после него — Самойлова «неутомимая в работе (подписывала свои статьи псевдонимом Н. Сибирский)» (там же).

[8] «Таким образом, время существования старой «Правды» (в противоположность новой «Правде» 1917 года) нужно считать с 22 апреля 1912 года по 8 июля 1914 года», (Ольминский М. С. Указ. соч. С. 42).

[9] Ольминский пишет, что «из новых, молодых сил, которые стала формировать «Звезда», особенно стоит отметить Ф. Раскольникова, Демьяна Бедного и В. М. Скрябина (А. Рябина)». «Демьян Бедный не был новичком в печати. Его стихотворения за подписью «Е. Придворов» появлялись в народнических и кадетских изданиях. Он не был марксистом, но внутренне тяготел к наиболее левым течениям. И когда стала выходить «Звезда» чисто большевистского характера, он почувствовал к ней особую симпатию: сначала стали получаться по почте его стихи, а затем явился и сам автор. Вскоре он стал посещать ночную редакцию (в типографии) чуть ли не ежедневно. Здесь, в дружеских беседах, среди ночной газетной сутолоки, проявилась в Е. Придворове потребность в боевых литературных выступлениях, и родился на свет баснописец Демьян Бедный. Его очень быстро стал ценить т. Н. Ленин, тогда как многие товарищи долго еще косились на пришельца» (там же, с. 19).

[10] Пожалуй, это был один из последних моментов, когда Бедный мог вспомнить Сосновского в объективно положительном контексте и с приложением партийного ярлыка «товарищ». В дни XIV съезда ВКП(б) произойдет организационное оформление раскола сталинского большинства с левой оппозицией Зиновьева — Каменева. Судьба троцкиста Сосновского, левака, редактора первого многотомного собрания сочинений Демьяна будет в глазах истории объективно решена.

[11] П. Г. Смидович (Василий Иванович) (1874—1935) — социал-демократ, сторонник «Искры», после II съезда РСДРП — большевик.

[12] «Калинин резонно ответил» в статье «Разговор по душам (русской эмиграции)», напечатанной в «Известиях» 8 июля 1923 г. Речь в ней шла об эмигрантском обвинении двух «искусственных мужиков» (Калинина и Петровского) в пристрастии к привилегиям: «Они путешествуют в удобных вагонах, в их обязанности входит «по-простецки», «по душам» потолковать с крестьянством». Калинин признает, что в поездке по Казанской губернии в 1919 г. он ездил в «удобных вагонах». А четыре года спустя «из-за границы делают донос, что Калинин и Петровский ездят в удобных вагонах. Очевидно, высокопросвещенные сотрудники «Дня» иначе не мыслят». Далее следует текст, приведенный в письме Демьяна Сталину (см.: Калинин М. И. За эти годы. Кн. первая. Л.: Госиздат, 1926).

[13] «Цех поэтов» — название трех поэтических объединений, существовавших в Петербурге-Петрограде в 1911—1922 г. Первый цех был основан Николаем Гумилевым.

[14] Эта история с вагоном нашла отражение в мемуарном свидетельстве поэта Александра Жарова. Поэт относит эпизод к 1929 г. Хотя по ситуативному контексту и проблемному содержанию история эта может служить постскриптумом к решению ЦКК: «В 1929 году Мария Ильинична еще работала в «Правде», но уже выполняла и новые обязанности по линии партконтроля. Я однажды вошел в ее редакционный кабинет в момент, когда она звонила по телефону Сталину. Я хотел выйти. Но Мария Ильинична остановила меня кивком головы.

Разговор был о том, что вагон, в котором с разрешения Ленина разъезжал по фронтам во время гражданской войны Демьян Бедный, теперь ему не нужен. Вагон стоит без действия где-то в тупике. И Марии Ильиничне поручено спросить у Сталина: согласен ли он с тем, чтобы демьяновский вагон был передан кому-то другому, кто в нем нуждается.

Мария Ильинична говорила спокойно. Вдруг голос ее дрогнул. Сталин, видимо, оборвал ее, произнес какую-то фразу и положил трубку...

Я смутился, когда Мария Ильинична посмотрела на меня: Садитесь, Жаров... Вы слышали, что он сказал? Нет.

— Он сказал: «Согласен. Пусть отберут вагон у Демьяна Бедного и отдадут ему мой вагон». После этого никто, конечно, не покушался на демьяновский вагон, хотя обладатель его сам был не прочь расстаться с ним» (Воспоминания о Демьяне Бедном. С. 235).

[15] Кампания за упорядочение пользования железнодорожными билетами не была направлена против Демьяна Бедного персонально. В письме Сталину от 31 мая 1926 г. старейший российский пролетарский писатель Серафимович также сетовал на то, что не может получить льготного железнодорожного билета. Наркомпрос просьбу не поддерживает, Наркомат путей сообщения говорит об отсутствии формального права. Серафимович просил Сталина приравнять его к членам ЦИКа в области транспорта (Бабиченко Д. Счастье литературы. М., 1997. С. 26—27). С годами система билетного нормирования будет усовершенствована. Но даже Серафимович (и менее влиятельные вельможи советской литературы) постоянно должны были подтверждать свое право на такой бесплатный билет. 16 мая 1935 г. Серафимович обратится к Сталину: «До сих пор я пользовался Циковским жел.-дорожным билетом. Отняли. Для моей работы это — драгоценность. Теперь тяжело» (см. документ № 278).

[16] В «Избранных произведениях в двух томах» в разделе «Басни Эзопа» басня помечена 1914—1916 гг. (см.: т. 1, с. 198). В восьмитомнике (т. 2, с. 68) сообщается, что басня посылалась Горькому для публикации в «Современнике», вероятно, по цензурным соображениями не была опубликована (там же, с. 290). Пророческое стихотворение предсказало судьбу самого поэта: опалу, гнев вождя в 1937—1941 гг. и возвращение в номенклатурную советскую поэзию с началом Великой Отечественной войны. Примечательно и обращение Демьяна-коня к всаднику-Сталину: «Хозяин», которым близкий сталинский круг одаривал самого вождя.

№ 92
КУЙБЫШЕВ И ШМИДТ — В ПОЛИТБЮРО ОБ ИЗДАНИИ БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

5 февраля 1926 г. (не ранее)

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Большая Советская Энциклопедия, предпринятая по постановлению Политбюро[1], находится сейчас в следующем положении:

1-й том в печати, выйдет в конце февраля,

2-й том набирается, выйдет в конце апреля,

3-й — в 1926 г.

4-й — и далее по 5 томов в год (всего 30 томов). Подробная характеристика издания с образцами находится в розданном членам XIV съезда отчете Энциклопедии.

Редакции приходилось преодолевать большие трудности, так как и авторы, и типографии отвыкли от столь тщательной и планомерной работы. Эти трудности несколько затянули предварительный период. Тем не менее, Редакция ставит своей целью наиболее тщательную проработку материала, гораздо более тщательную даже, чем в прежних словарях Брокгауза и Граната, как с фактической стороны, так и со стороны идеологии. В процессе работы удалось подобрать авторов не только компетентных, но и пригодных для словарной работы (в том числе лучших специалистов-профессоров и академиков), а типография, после ряда проб, доказала возможность технически безукоризненного исполнения советскими силами и на советской бумаге, не прибегая к загранице.

Организацию распространения издания по подписке взяло на себя Государственное издательство по договору с Акционерным Об-вом «Советская Энциклопедия», созданным для осуществления издания.

Работа Редакции протекает под руководством утвержденной Политбюро Коллегии (Президиум Редакции): О. Ю. Шмидт — Главный редактор и непосредственный руководитель редакционного аппарата, члены Президиума — В. В. Куйбышев, М. Н. Покровский, Л. Н. Крицман, Н. Л. Мещеряков, В. П. Милютин, И. И. Скворцов-Степанов, М. Ю. Ларин и Г. М. Кржижановский. Последние двое пока не смогли принять участия, остальные работают регулярно, отдавая довольно значительное время.

В связи с предстоящим выходом 1-го тома и ускорением работы над остальными томами Президиум Редакции считает необходимым расширение своего состава. Особенно желательно привлечение следующих лиц:

Г. И. Бройдо

Е. А. Преображенский

К. Радек

В. В. Осинский,

согласие которых на работу получено (кроме отсутствующего т. Осинского).

Редакция Большой Советской Энциклопедии просит Политбюро произвести это пополнение редакции[2].

В. КУЙБЫШЕВ

О. ШМИДТ[3]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 546. Л. 60, 60 об. Машинописный подлинник.

[1] 17 апреля 1924 г. Политбюро рассмотрело этот вопрос. Постановили: «1. Одобрить создание Большой советской энциклопедии. 2. Утвердить т. Шмидта О. Ю. главным редактором энциклопедии. 3. Поручить тов. Куйбышеву общее политическое руководство изданием». «За» голосовали Каменев, Зиновьев, Рудзутак, Калинин, Сталин. Молотов воздержался по второму пункту (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 416. Л. 57).

[2] Постановление датируется по дате резолюции Политбюро. Отметки о голосовании — автографы: «Добавить т. Бухарина. Рыков». «Не возр. И. Сталин». «Т. Троцкий согласен. С. Чечулин». По докладу Куйбышева, редакция БСЭ пополнена Бухариным, Радеком, Преображенским, Осинским и Бройдо. 4 февраля Куйбышев торопит Сталина: «...срочность объясняется тем, что первый том оканчивается печатанием, а состав редакции надо напечатать уже в первом томе» (там же, л. 57).

[3] 8 июля 1937 г. Отто Шмидт обратится к Сталину, Андрееву, Молотову с вопросом о втором издании БСЭ, подчеркнув, что в энциклопедии «имеется также немало биографий различных деятелей, которых в свете позднейших разоблачений правильнее было бы вовсе не помещать в энциклопедии или уже упомянуть о них кратко и в совершенно ином стиле». Предлагает «выпускать тома не вшитыми в переплет, а скрепленными под переплетом металлической пружиной, позволяющей мгновенно вынуть любую страницу и заменить ее другой. Редакция должна будет при этом непрерывно следить как за изменением фактических данных (особенно цифровых), так и за отражением последних директив ЦК». «Как только какая-нибудь статья устареет или окажется ошибочной, редакция будет обязана перепечатать соответствующие страницы с новым текстом, разослать их подписчикам и потребовать немедленного возврата старых страниц под угрозой прекращения подписки <...> ошибочные статьи не будут оставаться в библиотеках и на книжных полках и перестанут оказывать свое несомненно вредное действие» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 981. Л. 30).

№ 93
ДОЛЕЦКИЙ — СТАЛИНУ О СООБЩЕНИЯХ ПЕЧАТИ О ЖЕЛАНИИ КРУПСКОЙ ЭМИГРИРОВАТЬ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ

23 февраля 1926 г.

Ответственный руководитель ТАСС
Февраля 23 дня 1926 г.
№ 418
Тов. Сталину
копия — тов. Чичерину

Уважаемый товарищ.

В бюллетене «Не для печати» от 16-го февраля с. г. нами передано сообщение из Лондона о прениях в Палате общин по вопросу о ходатайстве тов. Крупской относительно разрешения эмигрировать в Англию. Агентство не

реагировало на эту телеграмму, считая, что кампания этим одним фактом прений ограничится. Между тем, сегодня получена новая телеграмма из Лондона, согласно которой английские газеты обсуждают этот вопрос. Телеграмма гласит: «Газеты считают просьбу Крупской о выдаче ей визы для въезда в Англию дальнейшим доказательством преследований, которым подвергаются со стороны Политбюро члены оппозиции на последнем съезде РКП».

Я полагал бы необходимым опубликовать краткое, но очень резкое заявление тов. Крупской по этому поводу в английской печати и в центральной московской. Прошу указаний относительно получения агентством подобного заявления и опубликования его в прессе[1].

С коммунистическим приветом

Я. ДОЛЕЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 550. Л. 47. Машинописный подлинник на бланке ТАСС. Подпись — автограф. Пометка рукой Сталина: «Членам ПБ». Штамп текущего делопроизводства Секретариата Политбюро от 5 марта.

[1] Резолюция Сталина: «Я считал бы целесообразным, чтобы т. Крупская дала соответствующее заявление в печать, в противном случае ее молчание будет истолковано как подтверждение слухов о т. наз. просьбе т. Крупской насчет въезда в Англию. И. Ст.». 4 марта Политбюро рассмотрит письмо Долецкого. Выступит Крупская. Постановили разослать всем членам Политбюро интервью английского коммуниста о т. Крупской с пояснением: «Проверить, появилось ли оно в печати. Если нет, то принять меры к скорейшему его опубликованию». Сталин дописал пред началом всего постановления: «предложить т. Зиновьеву» (там же, л. 46). Следует отметить, что решение об образовании директивного информационного агентства типа ТАСС было принято Политбюро 11 декабря 1924 г. в том числе и для цензурной координации потока информации из и в Советский Союз: «Считать необходимым создание единого общесоюзного телеграфного агентства для направления всей газетной (*Сталин исправил*: «иностранной») информации в общесоюзном масштабе» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 467. Л. 8).

№ 94
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО О ЗАКРЫТИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НОВАЯ РОССИЯ» И О РАБОТЕ СРЕДИ «ИНТЕЛЛИГЕНТСКИХ АНТИСОВЕТСКИХ ГРУППИРОВОК»

7 июня 1926 г.

Слушали:

П. 11. Предложения Комиссии тов. Гусева[1] (ПБ 3 июня, № 30/12) (тт. Гусев, Ягода).

Постановили:

а) Признать, что экономическая поддержка и содействие, оказываемые до сих пор нашими органами издательству «Новая Россия», впредь не вызываются интересами дела[2].

б) Предложить Главлиту не допускать впредь публичных лекций, рефератов и выступлений сменовеховцев, подобных реферату Ключникова.

в) Предложить ОГПУ представить в Политбюро не позже 1 июля с. г. доклад об антисоветских группировках в стране, в первую очередь среди интеллигенции. Письменный доклад ограничить самым необходимым минимумом, обеспечив полную конспиративность как при его составлении, так и при оз-

накомлении с ним. Обязать ОГПУ, если не окажется возможным представить к 1 июля общий доклад, закончить работу в отношении интеллигентских антисоветских группировок.

г) Предложить Отделу печати ЦК представить в Политбюро краткую справку с характеристикой существующих частных издательств.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 569. Л. 18, 18 об. Рукописный подлинник. Часть «слушали» отпечатана на машинке. Имеются отметки о наличии материалов в делах: № 42, 19, 20 и 7. Выписки Гусеву и Ягоде — все.

[1] 4 марта 1926 г. с особым мнением против назначения Сергея Ивановича Гусева завотделом печати ЦК при обсуждении этого вопроса на Политбюро выступил Троцкий: «Полагаю, что т. Гусев будет руководить печатью в духе разжигания внутрипартийных разногласий и создания новых затруднений согласованной работы партруководства. Голосую против. Троцкий». Зиновьев пока не возражал: «Не возраж[аю] против назначения т. Гусева. Г. Зиновьев» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 550. Л. 100).

10 мая 1927 г. видный большевистский идеолог и культуролог Ваганян жаловался Бухарину на «превращение театра в трибуну для проповеди чистейшего национализма и звериного шовинизма <...> Внешняя картина благополучия и велелепия <...> Колоссальное накопление антикоммунистических и антиинтернационалистских настроений». Виновными в этом отходе от постулатов Октябрьской революции в области культуры он посчитал троих руководителей советского Агитпропа: Кнорина («прирожденный реакционер» считает, что левые провоцируют классовую войну в театре, его отличает «грубость, сногсшибательная быстрота, с которой наш чиновник превращается в Держиморду — процесс закономерный»), Луначарского («чистейший идейный и идеологический банкрот») и руководителя Агитпропа Гусева («душит самокритику на Старой площади и цинично, лицемерно глаголет о самокритике на Тверской, 48. Иными словами в аппарате ЦК на Старой площади проводит одну политику, а в редакции «Правды» на Тверской занимается демагогией» (РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 1. Л. 18—26).

[2] 6 мая 1926 г. Политбюро уже принимало решение «О журнале «Новая Россия» (докладывал Молотов). Решено: «а) Принять предложение т. Молотова о закрытии журнала «Новая Россия» и высылке заграницу Лежнева (*зачеркнуто*: «и Пешехонова»). б) Поручить ОГПУ внести в Политбюро в 3-дневный срок проект дальнейших мер, вытекающих из этого постановления. в) Просить ЦКК в связи с делом «Новой России» рассмотреть вопрос о Главлите» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 561. Л. 21).

№ 95
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ О ДНЕВНИКЕ, ОПУБЛИКОВАННОМ В ЖУРНАЛЕ «30 ДНЕЙ»

5 августа 1926 г.

Августа 5 дня 1926 г.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Москва Кремль

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Прочтите в журнальчике «30 ДНЕЙ»[1] дневник — подлинный дневник подлинного рабочего — и скажите, есть ли «дух жив» в редакции газеты, которая могла пренебречь таким исключительно ценным и с бытовой, и с художественной, и с политической стороны материалом?

После такого казуса естественно, что у меня отпала всякая охота соваться в «Правду». Уж лучше в любую провинциальную, но более чуткую и близкую к массовому читателю газетку![2]

То, что вы похварываете, очень и очень меня огорчает и беспокоит.

Сердечный привет!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 36. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы на бланке поэта.

[1] Журнал «Тридцать дней» — ежемесячный художественно-литературный, общественный и научно-популярный иллюстрированный журнал. Выходил в Москве с 1925 по июнь 1941 г.

[2] Вскоре после этого письма в «Правде» 5 сентября 1926 г. была опубликована «Легенда о мировом Октябре» Демьяна Бедного.

№ 96
СТАЛИН — ПРОФЕССОРУ КЛЮЧНИКОВУ ОБ ИДЕЕ БЕСПАРТИЙНОЙ ГАЗЕТЫ

20 августа 1926 г.

Милостивый государь.

Прошу прощения за поздний ответ, — страшно перегружен, хвораю к тому же, и не было возможности ни написать Вам подробное письмо, ни побеседовать с Вами лично[1]. Сегодня уезжаю на юг (по предписанию врачей) и решил написать Вам два слова.

Я думаю, что с газетой не выйдет ничего, не добьетесь цели. Дело не в намерениях, а в логике вещей. Беспартийная газета в наших условиях, в данный момент, обязательно должна превратиться либо в трибуну антисоветских настроений, либо в ухудшенную копию коммунистических газет, — все равно, хочет этого редакция или не хочет. В первом случае — газета нежелательна, во втором случае — она умрет бесславно.

Это мое личное мнение.

Попробуйте поговорить с Бухариным.

Я готов побеседовать с Вами на эту тему, но не сейчас, а после отпуска, т. е. в октябре.

Желаю Вам всего хорошего.

И. СТАЛИН

20.8.26 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 73. Машинописный текст. Пометка: «Личный архив». Послано 20/ VIII 26».

[1] В письме, помеченном маем — июнем 1926 г., Ключников писал Сталину: «Вот уже три года, как я, «сменовеховец» и бывший эмигрант, живу в СССР. Усиленно работаю научно, печатая книгу за книгой и статью за статьей. Преподаю. Слежу за ходом нашего строительства <...> Я со всей прямотой поставил перед Вами вопрос и жду того или иного ответа на него. Более всего я был [бы] благодарен Вам, если [бы] Вы уделили мне время для личной беседы, так как никакое письмо не передаст верно всей мысли человека и так как при устной беседе мне было бы возможно, я вполне уверен в этом, [разрешить] некоторые неизбежные Ваши сомнения» (там же, л. 62, 72). Письмо переслал Сталину Демьян Бедный со стихотворным комментарием.

№ 97
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ. ЭПИГРАММА НА ТРОЦКОГО «В ЧЕМ ДЕЛО?!»

8 октября 1926 г.

Демьян БЕДНЫЙ
Москва Кремль
8/X 1926 г.

Иосиф Виссарионович!

Посылаю — для дальнейшего направления — эпиграмму, которая так или иначе должна стать партийным достоянием. Мне эта хуёвина с чувствительными запевами — «зачем ты Троцкого?!..» надоела. Равноправие так равноправие! Демократия так демократия![1]

Но именно те, кто визжит (и не из оппозиции только!), выявляют свою семитическую чувствительность.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Рукопись на кремлевском бланке Демьяна Бедного.

В ЧЕМ ДЕЛО?!

Эпиграмма

Скажу — (Куда я правду дену?) —
Язык мой мне врагов плодит.
А коль я Троцкого задену,
Вся оппозиция галдит.

———

В чем дело, пламенная клака?[2]
Уж растолкуй ты мне добром:
Ударю Шляпникова — д р а к а!
Заеду Троцкому — п о г р о м![3]

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 37—38. Машинописный текст.

[1] В октябре 1926 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) освободил Троцкого от обязанностей члена Политбюро за «фракционную деятельность». За несколько недель до этого Сталин предупредил Молотова о Троцком: «Вполне возможно, что он вылетит из ПБ теперь же, — это зависит от его поведения» (Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг.: Сб. документов. М.: Россия молодая, 1996. С. 93).

[2] Клака — небольшая часть публики в театре, хлопающая своему любимцу. — *Примеч. Д. Бедного.*

[3] Демьян был, по-видимому, посвящен в план дальнейших действий сталинской группы по изоляции лидеров «новой» оппозиции. Октябрьский Пленум ЦК, который состоится чрез две недели после этой эпиграммы (23 и 26 октября 1926 г.), выведет Троцкого из состава Политбюро и одновременно подвергнет осуждению бывших лидеров «рабочей оппозиции» А. Г. Шляпникова и Медведева за «антипартийную деятельность». Из решения Пленума, подтвержденного Пятнадцатой партийной конференцией: «3) Ввиду руководящей фракционной деятельности тт. Троцкого и Каменева за период после июльского пленума ЦК и ЦКК пленум ЦК и ЦКК постановляет ос-

вободить т. Троцкого от обязанностей члена Политбюро ЦК, а тов. Каменева — от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК. В связи со смертью тов. Дзержинского пленум постановил ввести в состав ЦК первого кандидата в члены ЦК тов. Орахелашвили» (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях. 8-е изд. Т. 3: 1924—1927. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 361—362).

№ 98
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — ВОРОШИЛОВУ ОБ ИНЦИДЕНТЕ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

21 ноября 1926 г.

21/ 11. 1926 г.
ПРЕДРЕВВОЕНСОВЕТА т. ВОРОШИЛОВУ

Довожу до вашего сведения нижеследующее: вечером 15 сего ноября, следуя через Ростов/Д[ону] Туапсинским поездом, я передал коменданту станции записку, в которой сообщил ему, что по пути был встречный эшелон, пассажиры которого вели себя до крайности хулигански, забавляясь вышибанием окон у встречных поездов, и что в моем вагоне тоже выбито окно. В моем заявлении было указано точно, в какое время и на каком перегоне была эта приятная встреча.

Явившийся ко мне дежурный по комендатуре сообщил мне, что хулиганил эшелон с новобранцами и что начальнику эшелона будет немедленно послана на ст. Тихорецкую телеграмма.

Если по сему поводу будет произведено расследование и установлено, кто хулиганил и какие за это понес репрессии, я бы просил разрешения на использование мною результатов расследования в качестве материала для агитационного стихотв[орения] против хулиганства.

С тов. приветом

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 298. Л. 1. Машинописный подлинник на бланке Демьяна Бедного. Подпись — автограф. Резолюция Ворошилова: «Сообщить, что предпринято. В.» — автограф.

№ 99
ФРАГМЕНТЫ БАСНИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО «ЛЕСНЫЕ ЗВЕРИ»

1926 г.

ЛЕСНЫЕ ЗВЕРИ

Басня

Однажды летом
В лесу — (в каком лесу, не важно: суть не в этом)
Был нелегальный сход зверей,
Сошлись районщики из дебрей, пустырей, —
Кто был с решающим, кто с гостевым билетом,
Но без билетов — ни-ни-ни!
Порядок. Боже сохрани!

. . . .

Чтоб избежать опасных драк,
Зверье, как я уже сказал первоначально,
На фракции свои, кто в лес, кто в буерак,
Сбегалися тайком, украдкой, нелегально.
В дискуссиях прошли, не знаю я, года,
Иль месяцы, или недели,
Но только звери вдруг смекнули: «Ай, беда!
Да мы же в зеркало ни разу не глядели
И не видали до сих пор
Того, что в жизни нам должно служить опорой,
То бишь, картины той святой, из-за которой
У нас ведется лютый спор!»
Сообразив свою оплошку, звери
Пошли к коту стучаться в двери.
Пришли и стали в хвост.

. . . .

А сзади всех зверей и маленьких зверушек
Рычал, от споров ошалев,
Косматый Лев.
Во времена царей Саула и Давида
Львы были страшные и страшен львиный гнев.
А этот Лев был трепаного вида
И промышлял себе он корм
Не силою обычаев старинных,
А в качестве защитника звериных
Демократических реформ.
И потому теперь — демократизма ради —
Пустив осла вперед, он сам топтался сзади.
Осел, вошедши в дом, во-первых, наследил
А во-вторых, к картине ставши задом,
Он чуть ее не повредил,
Покамест в зеркало вперялся мутным взглядом.
Свершив такой осмотр, осел вскричал на крик,
Сколь он в политике велик, —
Ведь в зеркале тому видал он подтвержденье:
«Вот перед чьим умом должно благоговеть!»

. . . .

Что приключилося с сановным демократом!
Забыв высокие слова,
Зверей стал крыть он богоматом:
«Вот ваша правда какова!
Не видеть в зеркале, что вещею картиной
Законы все и все права
Осуществляются одной лишь волей львиной,
А не какой-нибудь другой?
Демократических моих... когтей вам мало?!»
Тут зарычал он так до исступленья шало
И стал показывать демократизм такой,
Что звери все — куда попало!

* * *

Мораль? Что ж, на мораль, обычно, я не скуп.
Но басня так проста, как пуп.
Ей — особливо же у нас, в стране советской, —
Прямое место в книге детской.
Мне могут возразить. Хоть знаю я и сам,
Что в басне важные опущены моменты.
Но не охоч я — бить направо по усам
И тут же отпускать налево комплименты.
Где драться надобно, там я драчун лихой,
Но комплиментщик я — плохой![1]

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 71—75. Машинописная копия.

[1] «Лесные звери» — басня или поэма — пародия на события, которые последовали за смертью Ленина. Склока триумвирата Сталина — Зиновьева — Каменева с Троцким, а затем — конфликт новой тройки Сталина — Бухарина — Рыкова с Зиновьевым и Каменевым создавали атмосферу перманентной политической борьбы. Поэтическое пророчество Демьяна оказалось на столе у Сталина. Басня вызвала резкое неприятие идущего к вершинам власти вождя и его когорты «верных» ленинцев. Басня была пущена «вкруговую на голосование» среди членов Политбюро. Эта неформальная процедура письменного фиксирования мнения была языческим ритуалом круговой поруки. Такие списки голосующих и резкие, но откровенные комментарии становились отметками о вехах принятия важных государственных решений. Возможно, текст басни был размножен и циркулярно пущен среди членов Политбюро. На данной машинописной копии сохранилось авторитетное мнение главного советского специалиста по внутренней и внешней торговле Анастаса Ивановича Микояна: «Голосую за свободу печати для сов[етских] поэтов. А. Микоян» (там же, л. 75 об.). Ирония Микояна была двусмысленной и соответствовала стилю сталинских резолюций в тех случаях, когда вождь хотел поиграть с мнениями своих соратников и при этом высказывал суждения, поддающиеся нескольким интерпретациям. Политическая философия Демьяна требует уточнительного комментария. 11 января 1924 г. в стихотворении, опубликованном в «Правде» за десять дней до смерти Ленина, Бедный провозгласил свое кредо безоговорочной поддержки Сталина в неминуемо приближающейся роковой схватке за власть. Формально стихотворение «Чья «Правда» правдистее» (с. 3) было связано с «Бюллетенем о состоянии здоровья т. Л. Д. Троцкого» (Правда. 1924. 8 янв. С. 3). 5 января 1924 г. Политбюро приняло постановление о двухмесячном отпуске Троцкому для лечения в Сухуми («согласно его желания и заключения консилиума»). По докладу наркомздрава Семашко принято решение: «разрешить напечатать заключение в газетах (кроме слова «в Сухуми»)» (протокол № 60, п. 1. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 391. Л. 2). Д. Бедный в условиях отсутствия претендента на трон разразился фельетоном-гимном сталинскому руководству:

Игра обогащена новой фигурою
Этакого, скажем, львиного наименования,
Впадать в панику нет основания:
Стальной слон нашего фронта единого
Не задрожит от рычания львиного,
Как не дрожал он до 17 года,
Когда фигуры этого рода,
Большевистской игре не особенно мирволя,
Пребывали вне шахматного поля.

Здесь видны зоометафоры будущих «Лесных зверей». Стихотворение дает представление о той степени контроля, которую имел Сталин над партийной печатью в последний год жизни Ленина. В те дни в Москве начинала свою работу XIII конференция РКП(б). Требуемый антитроцкистский запал становился тем более явственным, что Бедный играл на расово-национальных чувствах великорусских и славянских делегатов. «Партийные старозаконники расплодили идолопоклонников. Талмудисты и фарисеи». Примечательно и то, что Демьян в полном соответствии со сталинской теорией и тактикой подкреплял свои мысли, высказанные вслух, апелляцией к вождю, умирающему в Горках под Москвой:

Во времена оны,
Читая мои боевые фельетоны,
Ильич сказал (должно быть, не зря):
«У нашего Демьяна хорошая ноздря!»

Через два года басня «Лесные звери» вызвала неоднозначную реакцию сталинского руководства. 12 сентября 1926 г. Молотов сообщал Сталину, который отдыхал на юге: «3. Посылаю тебе, по настойчивой просьбе Демьяна, его новое «стихоплетенье». Ждет твоего отзыва — печатать ли? От себя скажу, что мне оно не нравится, что-то гниловато, претенциозно, а главное мутно-мутно. Чего-то он, видимо, ищет, где-то изучает новую почву (см. и сегодняшнее стих[отворение] в «Правде» — «Неизвестно почему»). Есть в этом на мой нюх дурной привкус. Найду его — выругаюсь. Как ты скажешь?» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 766. Л. 139—142). 20 сентября Молотов возвратился к этому вопросу: «Еще о басне Демьяна. Не знаю, что ты писал ему. Мне ты пишешь, что эта «басня — худосочная штука». Сие плохо понимаю. Мне кажется, что Д[емьян] описал в этой басне историю с завещанием Ильича. Заметь, что как ни прикрыты начала и концы, а, в конце концов, в зеркало смотрится не больше и не меньше как шесть (6) зверей, а Лев пускает «впереди» себя осла и т. п. Я спрашивал ряд наших товарищей о смысле басни. Обычный ответ — «не понятно». То же сказал и Бухарин сначала, а когда я высказал свое предположение, Бух[арин] сказал, что абсолютно согласен с этим. Говорил об этом еще (и в первую голову) только Демьяну. Он, конечно, отпирается. Мне кажется, для Демьяна эта басня — плохой симптом, как ты думаешь?» (там же, л. 147).

№ 100
СТАЛИН — РЕДАКЦИЯМ «ПРАВДЫ», «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ» И «РАБОЧЕЙ МОСКВЫ» О НЕВОЗМОЖНОСТИ ПЕЧАТАТЬ ПОДЛИННЫЙ ТЕКСТ ЕГО РЕЧИ ОТ 1 МАРТА

2 марта 1927 г.

В редакции газет:
«Правда»,
«Рабочая газета»,
«Рабочая Москва»

Дорогие товарищи!

Я очень извиняюсь, что мне пришлось задержать вчера печатание речи. Но вы должны понять, что мною руководили лишь интересы дела. Я говорил на собрании совершенно откровенно. Я поступил так потому, что не было на собрании стенографисток, и знал, что моя речь не будет записываться. Я хотел хоть раз, хоть на одном большом собрании сказать все откровенно об одном из важнейших вопросов нашей международной политики. Ваши корреспонденты записали речь с совершенной полнотой и добросовестностью. Но имен-

но поэтому нельзя ее печатать в таком виде, если мы хотим избегнуть возможных недоразумений и, может быть, даже осложнений во внешнем мире. Поэтому я решил максимально завуалировать речь, сократить ее елико возможно и в таком виде пустить в печать.

С ком. приветом.

И. СТАЛИН

2.III.27 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1003. Л. 1. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

1 марта 1927 г. Сталин выступает на собрании рабочих Сталинских железнодорожных мастерских Октябрьской дороги. 2 марта — пометка Товстухи: «Запись под диктовку т. Сталина». Записана речь на том же листе бумаги сразу же после письма в редакции газет. Автограф Товстухи. 3 марта речь в изложении опубликована в «Правде». Текст материала, составленного журналистами редакций центральных газет, в деле отсутствует (см.: Сочинения. Т. 9. С. 170—175. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1003. Л. 1, 7).

№ 101
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО «О ПОЛЬЗОВАНИИ СЕКРЕТНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ»

5 мая 1927 г.

Приложение № 1
к п. 5 Пр. ПБ № 100

О ПОЛЬЗОВАНИИ СЕКРЕТНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ
(Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 5/V-27 г.)

Исходя из старого испытанного принципа, что секретные дела должны быть известны лишь тем, кому это абсолютно необходимо знать, и в целях обеспечения максимальной конспиративности в сношениях и в пользовании секретными материалами, считать необходимым:

А. В отношении шифропереписки.

1. НКИД, ОГПУ, ИККИ присылают шифровки, шифрованные письма и докладные записки (политического характера) в 2-х экземплярах в Секретариат ЦК, который обязывается немедленно знакомить членов Политбюро и Пред[седателя] ЦКК путем размножения или в случае особой секретности в порядке кругового осведомления, доставляя их членам Политбюро, кандидатам в члены Политбюро, проживающим и находящимся в Москве и Пред. ЦКК через специальных лиц.

2. В аппарате НКИД все шифровки НКИД особо секретного политического характера рассылаются только Наркому и двум заместителям Наркома.

Члены Коллегии НКИД получают те шифровки, которые относятся к области их работы за исключением особо секретных, с которыми они знакомятся по экземплярам Наркома и Замов Наркома.

3. Один экземпляр всех шифровок посылается Председателю ОГПУ.

4. Все остальные учреждения (Разведупр, НКТорг и др.) рассылают свои шифровки только в исключительных случаях максимально ограниченному кругу лиц, по указанию руководителя учреждения.

5. Лично адресованные в совершенно секретном порядке шифровки, как правило, для проработки третьим лицам не передаются; необходимые по ним распоряжения даются устно или письменно в измененной редакции.

6. В каждое учреждение соответствующая шифровка может быть посылаема только в одном экземпляре руководителю учреждения, вне зависимости от числа адресатов.

7. Установить срок возврата шифровок в соответствующие шифрчасти в 48 часов.

8. В заграничных представительствах (Полпредства, Торгпредства) получаемые шифровки печатаются только в одном экземпляре, которые читаются соответственно Полпредом (или одним ближайшим его помощником), Торгпредом (и его замом). Распоряжения по этим шифровкам даются отдельно.

9. Подтвердить правило о запрещении учреждениями (и отдельными лицами) размножения шифровок из других учреждений без их разрешения.

10. Подтвердить запрещение цитирования в документах, а также и по телефону (в том числе и по автомату) шифровок.

11. Обязать НКИД для особо секретных сношений пользоваться особо секретным шифром.

12. Всем организациям и лицам предложить обзавестись наряду с шифром и кодом.

13. Считать желательным максимальное сокращение шифровок, заменив их письмом.

Б. В отношении рассылки конспиративных документов.

[1.] С выписками из протоколов Политбюро могут знакомиться только товарищи, которым они адресованы (в одно учреждение может посылаться только одна выписка с указанием всех адресатов, находящихся в данном учреждении).

2. Установить срок возврата протоколов Политбюро и Пленумов ЦК не более, чем 3 дневный со дня получения.

3. Выписки из протоколов Политбюро подлежат возврату не позже, чем в семидневный срок. Выписки из особой папки подлежат возврату в течение 24-х часов.

Примечание: НКИД, Военведу, ОГПУ, ИККИ разрешить оставление материалов на более продолжительный срок под личную ответственность руководителя учреждения.

4. Подтвердить, что особо секретные документы должны рассылаться не на адрес учреждения, а персонально (с надписью на конверте: «только лично»).

5. Одинаковые директивы, направляемые учреждениям и на места посылаются только в один адрес.

6. Подтвердить обязательность нумерации экземпляров рассылаемых материалов.

7. Шифровки и материалы Политбюро с надписью «лично» вскрываются только адресатом.

Примечание: Поручить тов. Товстухе урегулировать технику вручения материалов.

8. Обязать руководителей учреждений организовать особо строгий и тщательный контроль за своевременным возвратом и уничтожением рассылаемого конспиративного материала.

9. Установить, как правило, что материалы к заседаниям междуведомственных и других комиссий, обсуждающих секретные вопросы, полностью рассылаются только тем членам комиссии, которые должны знать вопрос в целом. Представителям же различных ведомств и учреждений посылается лишь та часть материалов, которая непосредственно их касается.

10. Установить возвращение разосланных по повестке дня комиссий секретных материалов Председателю комиссии немедленно после принятия решения по соответствующему вопросу.

11. Предложить всем учреждениям, равно и комиссиям обсуждать наиболее секретные вопросы в закрытых заседаниях без секретарей и докладчиков, с ведением протокола самим председательствующим.

12. Считать необходимым сократить до минимума количество рассылаемого информационного материала, каковой рассылать только товарищам, которым он необходим для работы.

В. В отношении хранения, обращения и пересылки конспиративных материалов.

1. Подтвердить правило о хранении конспиративных документов на квартире и в учреждениях.

2. Подтвердить правило о запрещении пересылки и перевозки секретных документов ЦК, ОГПУ, НКИД и ИККИ помимо диппочты и фельдкорпуса.

Примечание: По решению Секретариата ЦК могут быть сделаны исключения из этого правила.

3. Категорически воспретить хранение секретных материалов ЦК, ОГПУ, НКИД и ИККИ на правах личных архивов. Обязать Секретный Отдел ЦК в 2-месячный срок затребовать от всех товарищей имеющиеся у них секретные материалы ЦК.

Г. В отношении заграничных архивов и диппочты.

1. Обязать Полпредства и все организации, находящиеся заграницей, не накоплять архивы секретных материалов. Секретные материалы должны быть в месячный срок или уничтожены, или отправлены в Москву, за исключением необходимых для текущей работы.

2. Секретные материалы всех ведомств заграницей должны быть сконцентрированы в Полпредствах в одном месте, и около них круглые сутки должно быть установлено дежурство, чтобы они в любой момент могли быть уничтожены. На весь секретный архив должна быть составлена опись и храниться лично у Полпреда.

Примечание: Список Полпредств, где необходимо установить дежурство (круглые сутки), определить Секретариату ЦК и НКИД с вызовом тов. Бокия.

3. Признать необходимым наиболее секретные документы при пересылке их диппочтой зашифровать или писать тайнописью.

4. Материалы, посылаемые Полпредством в Москву, подлежат размножению в Москве и доставляются в Москву в одном экземпляре.

5. Воспретить Наркоминделу рассылку секретных материалов, докладов и писем Полпредов по заграничным учреждениям, предложив ему всю необходимую для Полпредов информацию выделять в особые бюллетени и сводки, составляемые с должной конспиративной осторожностью.

6. Воспретить Полпредам обмениваться между собой секретными материалами, документами и докладами.

7. См. особую папку.

8. Помимо правил, установленных настоящим постановлением, возложить ответственность на руководителей соответствующих ведомств принимать в каждом отдельном случае дополнительные меры, обеспечивающие, в зависимости от обстоятельств, максимальную конспиративность работы.

Д. О заседаниях Ц.К.

1. Считать необходимым вопросы НКИД, ИККИ, Военведа и ОГПУ слушать в Политбюро, как правило, в закрытых заседаниях.

2. Поручить Оргбюро максимально сократить количество присутствующих на заседаниях Оргбюро и Секретариата ЦК.

Е. О сотрудниках, ведущих секретную работу.

В отношении преступлений по секретным делам все сотрудники учреждений и организаций, ведущие секретную работу, подлежат ответственности во внесудебном порядке.

Ж. О порядке проведения в жизнь настоящих мероприятий.

1. Обязать всех руководителей учреждений в срочном порядке провести все вышеуказанные мероприятия. В дальнейшем обратить особо тщательное внимание на порядок хранения, рассылки и контроля возврата и пользования конспиративными документами.

2. Поручить ОГПУ (тов. Бокию) наблюдать за правильным пользованием учреждениями и лицами имеющихся у них шифров.

3. Возложить на ОГПУ (тов. Бокия) контроль за проведением вышеуказанных решений в жизнь, предложив представить в Политбюро через полтора месяца доклад о проведении в жизнь настоящего постановления.

4. Просить ЦКК повести решительную борьбу с товарищами, распространяющими секретные решения и всякого рода политического характера слухи, сплетни и т. п.

Верно: *Словатинская.*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 732. Л. 35—40. Машинописный подлинник. Материал к протоколу № 121 заседания Секретариата ЦК от 24 мая 1927 г.

№ 102
ГОРБУНОВ — РЫКОВУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ РЕШЕНИЯ ПОЛИТБЮРО О ЛИШЕНИИ ШАЛЯПИНА ЗВАНИЯ НАРОДНОГО АРТИСТА РСФСР

10 июня 1927 г.

С. Секретно

Алексей Иванович,

Сейчас звонил т. Молотов по поводу решения, принятого о Шаляпине, и просил передать Вам запиской следующее:

1) По сведениям, полученным от Б. Б. Красина, Шаляпин дал ему и еще некоторым другим лицам обещание приехать в СССР к 10-летней годовщине революции;

2) Имеется предположение, что заграницей сейчас ведется усиленная агитация за то, чтобы сорвать приезд Шаляпина и обострить наши отношения с ним; возможна провокация и сообщение неверных сведений.

В связи с этим т. Молотов вносит предложение — задержать исполнение решения Политбюро до проверки указанных сведений.

Если Вы согласны — он проведет это опросом[1].

ГОРБУНОВ

10.6-27 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 648. Л. 32. Машинописный подлинник. Резолюция Рыкова: «Не возражаю» — автограф.

[1] 11 июня 1927 г. Политбюро принимает постановление: «П. 25. Предложение тт. Бухарина, Молотова и Рыкова. Постановили: Решение Политбюро от 9.6 с. г. (пр. № 110, п. 15) о Шаляпине оформлением отложить». Голосовали Рудзутак, Рыков, Ворошилов, Калинин. На бланке Политбюро (там же, л. 31).

№ 103
СТАЛИН — СТЕЦКОМУ ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ «ФАКТЫ И ЦИФРЫ»

11 октября 1927 г.

Тов. Стецкому

Читал брошюру АПО ЛК «Факты и цифры». Брошюра составлена местами довольно неряшливо. Видно, что писали наспех. По существу вопроса брошюра неплохая, но по ряду пунктов она не дает должного удара по оппозиции, несмотря на то, что такой удар можно и нужно было бы дать. Брошюра легализует «платформу» оппозиции, приводя из нее цифры с указанием источника. Это минус. Следовало бы привести цитаты, не называя «платформы», а препровождая каждую цитату словами «оппозиция говорит», причем не ставить цитаты в кавычки[1]. Торопились, видно, для того, чтобы сохранить за собой первенство (инициативу). В стремлении сохранить за собой первенство нет, конечно, ничего плохого. Наоборот, мы охотно признаем и признали бы за вами первенство в этом деле. За вычетом указанных минусов брошюра

все же представляет ценный справочник для партийного середняка. Поэтому мы решили взять у вас тысяч пять экземпляров и распространить по организациям. Желаю вашему АПО и впредь побольше инициативы, только без ненужной торопливости.

И. СТАЛИН

11.X.27 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 805. Л. 21. Машинописный подлинник. Подпись — факсимиле.

[1] Первоначально было написано: «нет никакой необходимости ставить цифры в кавычки» (рукописный автограф; там же, л. 22).

№ 104

СТАЛИН — ХАЛАТОВУ О ДЕНЬГАХ «ВМЕСТО ГОНОРАРА»

3 января 1928 г.

Тов. Халатов!

Я очень нуждаюсь в деньгах. Не могли бы прислать 200 руб. (вместо гонорара) для меня? Хорошо бы прислать столько же (т. е. 200 р.) для Товстухи за труд по редактированию. Хотя Товстуха брыкается, но он врет, — ему деньги нужны дозарезу.

И. СТАЛИН

3.1.28 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 3. Рукописный подлинник. Пометка: «Из НКВД 21.9.1938 г.» (л. 4 об.).

№ 105

ХАЛАТОВ — СТАЛИНУ О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «ОППОЗИЦИОННЫХ АВТОРОВ ТРОЦКОГО, ЗИНОВЬЕВА И КАМЕНЕВА»

4 января 1928 г. (не позднее)

Т. Сталин!

Могу рассчитывать попасть в среду очередную к Вам. Есть несколько вопросов. Кстати, оппозиц[ионные] авторы Троцкий, Зиновьев, Каменев — оставили ГИЗу наследство своей литературы, примерно, на сумму до 1.600.000 рублей по номиналу, а по себестоимости около 500 т. — 600 т. = здорово.

Арт. ХАЛАТОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 20. Машинописный текст на бланке ГИЗа. Подпись и резолюция Сталина — автографы.

Непосредственно через несколько недель после окончания XV съезда ВКП(б), который исключил оппозиционеров из партии, Сталин проявлял пристальный интерес в том числе и к вопросам, затронутым в записке Халатова. Сталин отвечает характерным многозначным, но односложным словом: «Можно». Двусмысленна и цифра, приводимая

Халатовым: «500 т. — 600 т.». Она может означать «500 тысяч рублей» (по себестоимости) или «500 тонн бумаги», т. е. макулатуры. В данном случае подразумевается ходатайство на разрешение пустить это количество макулатуры под нож. Наконец, «можно», вероятно, означает и согласие Сталина официально принять Халатова. Пометка на тексте «Документ поступил из НКВД 27 августа 1938 года» свидетельствует о том, что он был конфискован у арестованного Артема Халатова и по существовавшим строгим правилам приема и сдачи документов репрессированных руководителей и лиц переправлен в личный архив Сталина в Особом секторе ЦК. Халатов в должности руководителя Госиздата был принят Сталиным 4 января 1928 г. (см.: Исторический архив. 1998. № 4. С. 181).

№ 106
СТАЛИН — РЫКОВУ, МОЛОТОВУ, ПЕТРОВСКОМУ, МИКОЯНУ О БЕСЕДЕ С ГОРЬКИМ

6 июня 1928 г.

Шифром
Рыкову, Молотову, Петровскому, Микояну

Беседовал с Горьким. Предлагает разрешить федерации писателей издание еженедельной общественно-литературной непартийной газеты[1], при условии, что фактически руководство[2] будет находиться в наших руках, а официальным редактором будет непартийный[3]. Горький не прочь связать с такой газетой свое имя. Цель газеты — подцепить новые молодые писательские силы и привести их к нам. Халатов приветствует появление такой газеты. Лично я возражений не имею. Ваше мнение?[4] Второе. Горький думает издать двухмесячный журнал с превращением его потом в ежемесячный. Задача журнала — отражать наши достижения во всех областях работы[5]. Горький не прочь быть редактором такого журнала. Цель такого журнала понятна сама собой, особенно с точки зрения популяризации наших успехов вне СССР.

Думаю, что следовало бы разрешить Горькому издание такого журнала. Ваше мнение?

СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 36. Л. 72. Машинописный подлинник.
Там же. Л. 73. Рукописный подлинник.

[1] Далее зачеркнуто в оригинале: «со специальной задачей отражать наши достижения во всех областях работы» (л. 73).

[2] Зачеркнуто: «Должно будет протекать по линии партии советской власти».

[3] Зачеркнуто: «Горький не прочь, видимо, взять на себя руководство газетой».

[4] 26 июля 1928 г. Политбюро утверждает решение ОБ от 23 июля 1928 г. (пр. № 51, п. 6) о «Литературной газете ФСП»: «Издание литературной еженедельной газеты Федерации советских писателей разрешить, причем с ее выходом издание газеты Госиздата «Читатель и писатель» прекратить» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 740. Л. 83).

[5] До 1 июля 1928 г. Горький и Халатов составили докладную записку о журнале «Наши достижения» (см.: М. Горький и советская печать: Архив А. М. Горького. Т. 10. М.: Наука, 1964. С. 117).

№ 107
СТАЛИН — В РЕДАКЦИЮ «ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРАВДЫ». ДВА ПИСЬМА ПО ПОВОДУ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО СОКРАЩЕНИЯ СТАТЬИ СТАЛИНА «НА ХЛЕБНОМ ФРОНТЕ»

6 и 8 июня 1928 г.

Копия
В Редакцию «Ленинградской правды»
тов. Петровскому
Копии: АПО тов. Стецкому и
Секретарю Обкома т. Кирову

В «Ленинградской Правде» появилась перепечатка (из Московской «Правды») статьи т. Сталина «На хлебном фронте» с некоторыми сокращениями, но без оговорки о том, что статья идет не в полном виде. Как выяснилось, сокращение произведено не в ТАСС, а в редакции «Ленинградской Правды». Я понимаю, что редакция иногда бывает вынуждена печатать те или другие статьи в сокращенном виде по соображениям, скажем, технического характера. Но в таких случаях совершенно обязательна редакционная оговорка о том, что статья печатается не в полном виде. Иначе может получиться невольная фальсификация статей и некоторый обман читателей. Я говорил уже об этом по телефону с т. Петровским, который также думает, что редакцией «Ленинградской Правды» допущена ошибка. Сообщая обо всем этом, прошу принять к сведению, что статьи и речи вообще, членов ЦК в особенности, могут печататься с сокращениями лишь при условии, что будет обязательно дана соответствующая редакционная оговорка насчет произведенного сокращения[1].

И. СТАЛИН

6.VI.28 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 746. Л. 82—84. Машинописная копия.

[1] 8 марта 1932 г. в постановлении Политбюро «Об обзоре печати в «Правде» от 3. III-32 г. (телеграмма т. Эйхе)» по докладу Сталина было решено: «а) Признать, что «Правда» поступила опрометчиво, опубликовав часть речи т. Эйхе на 17 партконференции, как цитату из обычной статьи в «Советской Сибири»...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 932. Л. 2).

8 июня 1928 г.
В редакцию «Ленинградской правды»
Тов. Петровскому.
Копии АПО т. Стецкому и
Секретарю Обкома т. Кирову

Ваше письмо от 7 июня получил.

Принимаю «к сведению», что из статьи т. Сталина выброшены редакцией строчек 40—50 «по причинам технического свойства». Я не знаю другого аналогичного случая в отношении статей или речей членов Политбюро. Тем не менее, я готов принять «к сведению» Ваше заявление. Немного странно, что из статьи выброшено наиболее яркое место о крестьянстве как о «последнем капиталистическом классе» (Ленин), причем есть опасность, что кое-кто из

читателей могут расценить эту «техническую» операцию как попытку редакции смазать Ленина. Тем не менее, если редакция решила облегчить газету вычеркиванием 40—50 строчек во имя «техники», то приходится считаться с мнением редакции насчет преимущества техники перед политикой.

Я знаю, что некоторые газеты не крупного масштаба получили статью от ТАСС в сильно сокращенном виде (к числу этих газет «Ленинградская Правда» не относится). Не трудно понять, что эти газеты не могут нести моральной ответственности за сокращение. Я знаю, что «Ленинградская Правда» проявила большое великодушие, не сократив статью втрое. Вы не можете представить себе, как я Вам обязан за проявленный Вами либерализм. Я готов даже принести Вам благодарность за великодушие.

Я все же не могу согласиться с Вами насчет того, что можно печатать статьи и речи тех или иных ораторов (не только членов ЦК) без редакционной оговорки о произведенном сокращении. Я думаю, что такая оговорка диктуется элементарной порядочностью редакции, не желающей вводить читателей в заблуждение или фальсифицировать статью. Ваша ссылка на практику не может иметь силу доказательства.

И. СТАЛИН

8.VI.28 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 746. Л. 82—84. Машинописная копия.

№ 108
СТАЛИН — В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА» О ДОПУСТИМОСТИ ПУБЛИКАЦИИ РЕЦЕНЗИЙ

18 июня 1928 г.

В редакцию журнала «Революция и культура»

Уважаемый т. Сапожников!

В постановлении ЦК о дискуссии по вопросам философии не предусмотрено недопущение печатания рецензий[1]. Из этого следует, что рецензии могут печататься по усмотрению редакции, с тем, однако, чтобы редакция не прибегла при этом к расширительному толкованию понятия «рецензия»[2].

С комм. приветом

И. СТАЛИН

18.6.28 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 803. Л. 4. Машинописный текст. Подпись — факсимиле.

[1] 14 июня 1928 г. Политбюро рассмотрело сообщение Скворцова-Степанова о дискуссии по философии. Решение: «1. Воспретить дискуссию на страницах «Правды» и «Известий» по философским вопросам» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 734. Л. 24).

[2] Запрос Сапожникова был связан с получением в редакции журнала «Революция и культура» статьи Тарана с критикой основных положений сталинской теории о национальном вопросе. Как проверяли адресатов Сталина — кандидатов на получение ответов вождя? 20 сентября 1928 г. Аллилуева обратилась к Товстухе на бланке журнала «Революция и культура»: «тов. Товстуха. Сталин из Сочи в письме к Сапожникову запрашивал характеристику автора статьи «Критические заметки о национальной

культуре» (Е. Таран-Дубровина), посылаю полученную характеристику от КПбУкр» (там же, л. 31). От имени Харьковского окружкома сообщалось, что Илья Григорьевич Дубровин был членом партии с 1926 г. «Мнение бюро ячейки: как партиец на хорошем счету, никакой оппозиционной работы и сочувствия к оппозиции не замечалось».

№ 109
ЗАПИСКА СТАЛИНА И ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО «О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ тов. ДЕМЬЯНА БЕДНОГО»

19 июля 1928 г.

СТАЛИН – В ПОЛИТБЮРО

Членам П. Б.

Демьян Бедный в опаснейшем положении: у него открыли 7% сахара, он слепнет, он потерял $^1/_2$ пуда веса в несколько дней, его жизни угрожает прямая опасность. По мнению врачей, нужно его отправить поскорее заграницу, если думаем спасти его. Демьян говорит, что придется взять с собой жену и одного сопровождающего, знающего немецкий язык. Я думаю, что надо удовлетворить его.

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 739. Л. 40. Рукописный подлинник.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО

П. 32. Слушали: О состоянии здоровья тов. Демьяна Бедного.

П. 32. Постановили:

Немедленно направить тов. Демьяна Бедного для лечения заграницу с двумя сопровождающими (*после правки Сталина*: «...с женой и одним сопровождающим, знающим немецкий язык»).

2. Справиться с врачами о дне отправки и обязать тт. Менжинского и Карахана устроить дело отправки инкогнито» (*добавлено:* «тт.»).

СТ.

Выписки: Самсонову, Демьяну Бедному, Чичерину, Менжинскому (*было*: «Трилиссеру»).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 739. Л. 39. Проект решения на бланке Политбюро. Машинописный текст. Пометка: «Дело 55-Д».

Итоги голосования: «За» — Рыков, Рудзутак, Молотов, Бухарин, Томский, Калинин, Куйбышев, Ворошилов.

№ 110
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ. ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ НА ЛЕЧЕНИЕ В ГЕРМАНИЮ

20 сентября 1928 г.

Дорогой мой, хороший друг.

После девятинедельного отсутствия я снова дома[1]. Вы меня не узнаете, до чего я стал «элегантен». Здорово меня немцы отшлифовали. Был у меня вчера

Молотов, и я ему красочно изобразил, какова разница между немецкими врачами и нашими партачами. Молотов прямо руками разводил. Разведете и Вы, когда я повторю Вам то же самое.

До Берлина я доехал в плохом состоянии. В Берлине меня нагнал проф. Фромгольдт, и мы втроем: я, сопровождающий от ГПУ и Фромгольдт, махнули во Франкфурт-на-Майне к этому самому знаменитому проф.Ноордену[2].

Немецкая знаменитость оказалась не дутою. У него, у Ноордена, знаете, тоже ясная голова. Все его приемы чертовски просты, методы ясны ребенку, а повторить их никто не может с такой четкостью и с такими результатами. Сахар в моче у меня исчез и два месяца не обнаруживается, хотя исследования производились трижды в день. Кровь имела у меня вместо предельной нормы в 120 — ровно вдвое: 237—240. Да еще ацетоны роковые! Ацетоны исчезли вместе с мочевым сахаром. Сахар в крови — «блютцуккер» — сдавался не сразу. Задержался на 175. Потом дошел до 147. Потом дал 123. Потом опять к 147. Было предположение, что здесь будет моя диабетическая точка. И вдруг сахар сорвался и полетел к 115. Старый Ноорден, несмотря на свою выдержанность, крякнул: «гленценд». Блестяще. После этого меня переправили в Баден-Баден к сыну Ноордена в санаторию. В Б[аден]-Б[аде]не шлянье по горам, ванны, массаж и т д. Блютцуккер пошел еще ниже и заболтался между 90 и 100. В таком положении вернулся я во Франкфурт «на проверку». Неделя проверки показала, что кровь у меня «ганц нормаль» и что я могу ехать домой. Ехать, однако, с тем, чтобы ровно через полгода вернуться снова к старому Ноордену для того, как пишет в аттестате Ноорден, «чтобы блестящий результат зафиксировать на долгое время». Жить эти полгода я должен по Нoорденовскому расписанию: питаться тем, что он указал, и так, чтобы не прибавлять и не терять веса. Потеряно больше пуда, и опасно сразу терять больше. При повторном лечении я должен буду потерять еще полпуда для того, чтобы иметь свой совершенно нормальный — по моему росту — вес.

Как трудно самому работать под Ноордена, показал первый московский день. Вчера утром я стал на весы, так как должен был держать Ноорденовский «овощной день». Сегодня проверился: два фунта с четвертью потери в один день. Небывалая штука. Я должен, значит, что-то делать, чтобы таких падений не было. Предстоит, словом, несколько надоедливая самовозня. Но что поделаешь. Самочувствие же у меня распрекрасное и настроение тоже.

В «неметчину» я приехал немым. Меня это так озлобило, что я с азартом стал усваивать немецкий язык[3]. Азарт в чтении был такой, что Ноордены меня пробовали осаживать. Тем не менее, я арендовал немку и два часа в день насиловал ее своими «немецкими» разговорами. Пускался в разговоры, где только было можно и с кем угодно. Нахальство было большое. А результат еще больший. Газеты я читаю свободно, и книги — трудные — почти свободно, а обыкновенные читаю легко. Предвидятся дальнейшие успехи, так как я прикупил немецких книжонок и очень даже замечательных книжонок, которые читаю запоем: книги политические, касающиеся современного положения Германии, или такие, как вышедшие на днях дневники пресловутого генерала Гофмана, которые мною будут весьма использованы, как и многое другое[4]. В моих будущих писаниях неметчина займет большое место. С немцами нам придется расхлебывать сообща политич[ескую] кашу. Хорошие в общем люди.

Точней: много там хороших людей, набирающихся понемногу ума-разума, и с каждым днем их делается больше. Некуда им податься.

Да, так это я о чтении. Но я и насобачился в разговоре настолько, что никакой беглейтер «для разговора» мне больше не нужен. Разве для чего другого. Все эти полгода буду два часа ежедневно тренироваться в разговоре с немкой. Во вторичную поездку поеду достаточно мобилизованным, чтобы нахвататься еще больше впечатлений, чем теперь. Хотя и теперь их — на большую книгу. Попробую, что выйдет. Накануне отъезда из Берлина мне знакомый приказчик в книжном магазине преподнес многословную рекламу о выходящей на днях книге «Ди вирклихе ляге ин Руссляնд» Автор — «Лео Троцки»[5]. Согласно извещению «из этой книги мир впервые узнает истину относительно борьбы между «Троцки» и... одним моим приятелем, опирающимся на «коммунистише бюрократии». «Мит цальрейшен документарищен Бевейзен» «страдальчески жалобный голос» «лейденшафтлихь анклягенде Штимме» Троцкого известит мир, что «унтер дем гегенвертиге Режиме дер Большевизмус ейне рашес Энде ентгегентрейбт»![6] «При современном режиме большевизм идет к скорому концу»! Что и требовалось доказать! Предвидится «ди публицистише сенсацион»! А я буду иметь еще одну книжицу для упражнений в немецком языке! Она мною заказана и будет получена с первой почтой[7].

Даже на основании того, что я мог увидеть за такой короткий срок и при таких не совсем благоприятных условиях для наблюдений — я все же пришел к непоколебимому выводу, что если что и идет к концу, то не нынешний, ненавистный Троцкому большевизм. Для этого совсем не нужно пользоваться аргументом «буржуазия разлагается». Наоборот, внешне все сверкает и ошарашивает. Но надо быть совершенно слепым, или абсолютно глупым, или в корне нечестным человеком, чтобы не увидеть, не уразуметь и не признать, что в Европе старый порядок не идет, а неудержимо летит к концу. Потеряна ориентация. И пропал здоровый инстинкт, как он пропадает у существ, которые обречены на гибель. В сущности, это могло бы быть ясно самим обреченным, что дело их конченое. Моментами того или другого из современных горе-политиков «осеняет»: погибаем. Но каждый погибающий — как я со своим диабетом — внезапно испугавшись, спешит успокоить себя надеждами, которые тем обольстительнее, чем они несбыточнее.

Мне очень хочется оформить печатно свои впечатления, но я боюсь, не будет ли моя работа скороспелой и не верней ли будет взяться серьезно за такую книжицу после второй поездки. Я знаю, я чувствую, что кое-что я увидел «по-своему». Но боюсь, поторопившись, сделаться смешным. А мне уже это не пристало. Посмотрим, увидим. Но пока я полон замыслов и желания скорее взяться за работу. Я имел достаточный досуг и соответствующую обстановку, чтобы немного пораздумать о себе, о своей бывшей работе, чтобы без излишней, неискренней скромности сказать самому себе: многое я мог бы сделать лучше, но и то, что сделано, сделано не плохо, и никто другой моей работы пока сделать не может. И скромность тут ни при чем, если я скажу, что чертовски недостает немецким коммунистам вот такого немудрого писателя, как я: немецкий Д. Б[едны]й мог бы иметь еще большее значение, так как в Германии почти все грамотны. Столько материалу для высмеивания и разжигания. И грубый юмор так немецкое простонародье любит!

Дописался я до саморасхваливанья. Это потому, что крепко соскучился по всём родном, по вас, и... по самом себе. Заграницей я был чужой.

Подумал я было махнуть к Вам туда, в Сочи, да передумал, лучше пошлю письмо сначала. Может, Вы так скоро вернетесь, что уж лучше Вас здесь дождаться, а кроме того, тяжело мне будет глядеть — на зажаренного барашка и прочую приятную остроту, к чему нельзя и прикоснуться. Такая досада!!

Баба моя влюбилась в Европу. Вот чистота! Вот порядок! Вот!.. Вот!.. Вот!..

И на это пальцем ткнет, и на это. Димочке, и Светику, и Тамарочке, и Сусанночке!.. Детей много, и каждому есть что взять, а взять не на что. Измучилась бедная женщина. Станет у иного магазинного окна и умирает, умирает. Оттащишь, а она в следующее окно уставится. Глаза мутные, изо рта слюни.

Вот до чего была смешная и жалкая! У нее, наверное, появится тоже диабет. Потому что эта болезнь, оказывается, есть результат «перекалки», «перерасхода» своей энергии, организм «отказывается» работать, а сильные волнения именно и дают такую перекалку. И сам теперь буду изображать «цацу», которую нельзя волновать, на которую нельзя наседать, которая, вообще, уже ни к черту не годится, но еще пытается шевелить лапками.

Впрочем, Ноорден в ответ на мое скептическое замечание, что я все равно долго не протяну, ответил остроумно и не без лукавства: «у Вас еще будет достаточно времени, чтобы сделать много справедливого и... несправедливого».

Умный старик.

А кончу я свое «коротенькое» письмо одним пожеланием: не болезни ради, а ради иных результатов, побывать бы Вам под шапкой-невидимкой месяц-другой заграницей. Ай-ай-ай, как бы это, представляю я, было хорошо. Ай, как хорошо. Этак с трубочкой в зубах сощурились бы Вы, да поглядели, да усмехнулись, да крякнули, да дернули бы привычно плечом, а потом бы сказали: «во-первых... во-вторых... в-третьих...»

Коротко и ясно[8].

Ясная вы голова. Нежный человек. И я Вас крепко люблю.

Ваш ДЕМЬЯН

20 сент[ября] 1928 г.

Кремль[9]

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 43—45. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Пометка рукой неизвестного: «Пост[упило] 13.X.1941 г.».

[1] См. документ № 109.

[2] Ноорден пользовал консультациями советскую элиту вплоть до рокового 1937 г. 3 февраля 1937 г. Политбюро рассмотрит вопрос о приглашении в Москву профессора Ноордена. См. также решение Политбюро «О т. Косиоре И. В.» от 17 февраля 1937 г.: «...т. Косиора в Вену к профессору Ноордену для лечения, в сопровождении жены, ассигновав на это две тысячи ам. долларов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 983).

[3] Сталин на протяжении многих лет с переменной настойчивостью заставлял своих соратников учить иностранные языки. В июле 1929 г., находясь инкогнито в Германии, Лазарь Каганович отчитывался перед Сталиным: «P. S. По приезде хотя работы много, но указание Ваше выполняю: немецкий язык продолжаю изучать. Л. К.» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 738. Л. 93). На закате своего жизненного пути Сталин продолжал уделять этому навыку и лингвистическим способностям подчиненных особое внимание, особенно когда это касалось работы советских дипломатов за границей. 8 июня

1950 г. заместитель министра иностранных дел Зорин докладывал Маленкову: «Тов. Маленкову Г. М. Направляю согласно Вашему указанию проект постановления ЦК ВКП(б) относительно изучения мною иностранных языков. В. Зорин. 8 июня 1950». На мидовской желтой бумаге из стопки Вышинского стоит пометка о том, что материала к этому вопросу нет. Это означало только одну вещь: «указание» Маленкова на самом деле было указанием Сталина. 9 июня было принято соответствующее решение Политбюро. Название дописано при оформлении: «Об изучении т. Зориным иностранных языков». Имеется правка, сделанная Сталиным. «Обязать т. Зорина В. А.: а) к январю (*было*: «к 1 января») 1951 года восстановить знание немецкого языка, а к концу (*было*: «31 декабря») 1951 года закончить изучение английского языка с тем, чтобы обеспечить свободное пользование обоими языками в разговорной речи». Сталин дописал пункт «б»: «По истечении указанных сроков сдать соответствующие экзамены» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1551. Л. 79—80).

[4] Макс Гофман (1869—1927) немецкий генерал, который внес вклад в победу кайзеровской армии над генералом Самсоновым. Участвовал в переговорах о мире с Советской Россией в Брест-Литовске. В 1925 г. в Москве в переводе на русский язык была опубликована его книга «Война упущенных возможностей», а в 1929 г. в Берлине вышел двухтомник мемуаров.

[5] «Нынешняя ситуация в России» (нем.). При переиздании английского перевода воспоминаний Троцкого «Моя жизнь» в 1960 г. издатели в предисловии рассказали об истории публикации этой книги. Книга была написана Троцким в 1929 г. на Принцевых островах недалеко от Стамбула (Турция) по предложению немецкого издательства Fischer Verlag. Это первое крупное произведение, написанное одним из вождей Октябрьской революции в изгнании. Переиздание 1960 г. (Leon Trotsky, «My Life», Grosset & Dunlap) будет осуществлено по соглашению с госпожой Наталией Троцкой-Седовой, а репринт 1970 г. будет согласован с Естебаном Волковым (внуком и наследником Леона Троцкого).

[6] «С многочисленными документальными доказательствами» (нем.) «страдальчески жалобный голос» «страстно обвиняющий голоса» (нем.) Троцкого известит мир, что «при нынешнем режиме большевизм идет к быстрому концу» (нем.).

[7] В стихотворении «Вятка» (1930) Демьян так охарактеризовал мемуары Троцкого «Майн Лебен» («Моя жизнь»): «Написана книга в том пошлом настрое / В каком пишет пошлость о пошлом герое» (Бедный Д. Полное собр. соч. М.; Л., 1925—1933. Т. 17. С. 145). Копия письма Радека (из ссылки в Воронеже) Сталину от 3 апреля 1930 г. о произведениях Троцкого: «О автобиографии надо, по-моему, дать в «Красной нови» или «Нов. Мире» статью памфлетного характера. Стихи Д. Б. разожгли интерес, и люди думают, что, видно, нечем было крыть полчасти книги. Привет и пожелания всего доброго» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 789. Л. 20).

[8] Демьян имитирует характерный стиль сталинской логики. Он был, пожалуй, единственным литератором, которому уже в двадцатые годы позволялось использовать подобный стилистический прием. В письме военачальнику Василию Блюхеру по поводу своего известного стихотворения — песни «Нас побить, побить хотели» (1929) — Демьян указывал: «Получив ваше задание, я обратился за советом к весьма осведомленному и авторитетному товарищу, к которому обычно обращаюсь в подобных — или деликатных, или ударных, я бы сказал, — случаях: «Что главное должно зазвучать в нашей «дальневосточной песенке»? На это, ухмыльнувшись и вынув изо рта свою неизменную трубку, означенный товарищ ответил народной частушкой: «нас побить, побить хотели», вот той самой частушкой, которую вы встретите в прилагаемой при сем песенке» (Бедный Д. Полное собр. соч. Т. 17. С. 76). В этом фрагменте четко прослеживается функция Демьяна как своеобразного передатчика сталинских мыслей и законодателя канонизации вкусов вождя. С другой стороны, Сталин рисуется знатоком русского фольклора, создается образ народного вождя.

[9] Согласно описи № 16 документов, 21 сентября 1928 г. письмо было переслано Сталину на юг.

№ 111
БУХАРИН — СТАЛИНУ И МОЛОТОВУ ПО ПОВОДУ ПЬЕСЫ БАБЕЛЯ «ЗАКАТ»

Октябрь 1928 г.

Сталину и Молотову

Мне говорили, что среди писателей разгорается большой совершенно исключительный скандал. Репертком запретил (вернее, вычеркнул целую сцену) пьесы Бабеля «Закат», в местах, где на улице говорят «жид», вычеркнул и заменил «евреем» (что лишено всякого смысла), с другой стороны вычеркнул сцену в синагоге и т. д. Сама по себе пьеса, говорят, приличная. Но в связи со всем этим назревает «возмущение» и т. д.

Б[ыть] м[ожет], у нас и впрямь в реперткоме уж очень бестактные люди сидят.

Б[УХАРИН]

Надо проверить дело с пьесой Бабеля.

М[ОЛОТОВ]

Бухарин выражается очень мягко. В реперткоме сидят безусловно ограниченные люди. Нужно его «освежить».

СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 708. Л. 170—170 об. Рукописный подлинник. Пометка рукой неизвестного: «С зас. ПБ — окт. 28 г.».

Там же. Л. 169. Машинописная копия.

Опубликовано: Вопросы литературы. 2003. Сентябрь — октябрь. С. 295.

№ 112
ВОРОШИЛОВ — СТАЛИНУ ОБ ОСВЕЩЕНИИ В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ «ДЕЛА» САВЕЛИЯ ЛИТВИНОВА

29 декабря 1928 г.

Совершенно секретно
Тов. Сталину

Судя по секретным телеграммам ТАССа, дело Савелия Л. принимает скандальный характер. Свистопляска печати, сенсационные разоблачения, всякие вымыслы и инсинуации окрашивают это дело в яркий колорит.

Все это несомненно просочится и к нам (через иностранную прессу, через ТАСС и другие каналы). Я полагаю, что мы должны осветить это дело в наших партийных и советских газетах. Надо толково и подробно изложить махинацию Савелия Л. и его сообщников, чтобы пресечь всякие кривотолки и слухи, которые неизбежно у нас начнут циркулировать[1].

К. ВОРОШИЛОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 763. Л. 8—9. Машинописный подлинник на бланке наркома. Подпись — автограф.

[1] Резолюция — автограф Сталина: «Правильно. И. Сталин». Зачеркнута вторая резолюция Сталина: «Надо в нашей печати осветить: 1) о Литвинове. 2) О КВЖД». Политбюро приняло постановление «О С. Л.» (тт. Сталин, Ворошилов): «Поручено Кага-

новичу сегодня же переговорить с Литвиновым и Микояном» (отметка в деле: «Германия — подделка векселей») (там же, л. 8). 29 января 1930 г. Политбюро принимает предложение Сталина и Молотова об опубликовании заметки о процессе Савелия Литвинова. Сталин дописал: «Брюссель (от собственного корреспондента)» (29.1.30 г.). Из заметки: «Даже прокурор сказал, что «советское правительство оплачивает пропаганду заграницей не поддельными векселями, а наличной валютой» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 821. Л. 79).

№ 113
ГРУППА «ПРОЛЕТАРСКИЙ ТЕАТР» — КРИНИЦКОМУ О ПОЛОЖЕНИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ДРАМАТУРГОВ

19 января 1929 г.

КОПИЯ – тов. СТАЛИНУ
Заведующему АППО ЦК ВКП(б) тов. Криницкому

Уважаемый товарищ!

Группа «Пролетарский Театр», включающая ряд пролетарских драматургов, режиссеров и литераторов, обращается к Вам с просьбой обратить внимание на отношение к пролетарской драматургии со стороны руководства РАПП.

Актив группы «Пролетарский Театр» недавно вышел из этой организации (РАПП), побуждаемый принципиальными расхождениями и недопустимым режимом командования и пренебрежения мнением целых коллективов, царящим в РАПП.

Ушедшая из РАПП группа была единственным органом РАПП, практически работавшим над вопросами театра. Ее работа (лишенная всякой поддержки со стороны руководства РАПП, упорно игнорируемая им) была отмечена в № 8 органа АППО «Коммунистическая Революция» (за пр[ошлый] год), как «начинание, которое необходимо поддержать и [ни] в коем случае не дать ему заглохнуть».

Уйдя из РАПП, вследствие разногласий, группа не сделала ни одного шага, который мог бы дискредитировать пролетарскую литературную организацию.

Между тем, руководство РАПП, несмотря на наше единственное желание — работать без его докучного командования и вмешательства — открыло против группы кампанию, начав ее с совершенно возмутительного выпада в № 20—21 «На лит. посту» против члена группы, известного драматурга-пролетария, тов. Билль-Белоцерковского, окрестив его «деклассированным люмпеном», «врагом пролетарской литературы», «неучем, страдающим бездной чванливого бескультурья». Категорически приписывая себе (и только себе!) «стопроцентную классовую выдержанность», «ленинскую страстность», «большевистскую непримиримость» и т. п., т. Авербах общественно дискредитирует тов. Билль-Белоцерковского.

Этот поступок особенно нетерпим, так как тов. Билль-Белоцерковский, имея за собой десятки лет тяжелого пролетарского стажа и революционной борьбы, заслуженно пользуется широчайшей популярностью у рабочего зрителя, горячо приветствующего его пьесы («Эхо», «Шторм» и др. вплоть до последней — «Голос недр»).

Руководство «На лит. посту» (персонально т. Авербах и особенно Киршон) не останавливаются перед дискредитацией не только ставшего им неугодным Билль-Белоцерковского (прежде восхваляемого «как драматур-

га рабочего класса»), но и его новой пьесы, полной подлинным пролетарским пафосом борьбы за уголь.

Тов. Киршон, помимо демонстрации своего презрительного отношения к спектаклю на общественном просмотре в зале театра МГСПС, счел допустимым выступить на беспартийном (в большинстве своем) заседании в театре им. Вахтангова с дискредитацией пьесы Билль-Белоцерковского и выпадами по адресу группы «Пролетарский Театр».

Открытый редакцией «На лит. посту» («органа марксистской критики»!) поход немедленно был подхвачен всеми тайными и явными врагами пролетарской литературы, которые поняли это как сигнал к тому, чтобы обрушиться на пролетарского драматурга. Недопустимость выступлений «налитпостовцев» именно в данной обстановке, когда явственны правая опасность на театре и напор чуждых элементов, — мы подчеркиваем с особенной резкостью.

Тов. Билль-Белоцерковский, в личном порядке, обратился к Вам по поводу выступления «На лит. посту». Вы его успокоили, дав соответствующее распоряжение тов. Керженцеву.

Насколько тов. Керженцев сумел повлиять на руководство РАПП, говорят сами по себе приведенные факты, в числе которых можно назвать такой, как активное участие ближайшего сотрудника тов. Керженцева, т. Розенталь (инструктора АППО и по совместительству руководителя Театрального Отдела «Вечерней Москвы» в травле Билль-Белоцерковского этой газетой (факт, отмеченный в «Известиях»). Художественный Отдел «Вечерней Москвы», руководимый Розенталем, сознательно отклонил, как нам стало известно, положительный отзыв о пьесе «Голос недр» тов. Бескина, заменив его отрицательным — т. Ашмарина, при параллельном восхвалении тут же еще не показанной пьесы Киршона. Тов. Керженцев обещал выступить в печати с соответствующей отповедью критическим приемам т. Авербаха «На лит. Посту» и пр., но не сдержал и этого своего обещания. Возмутительный по своей форме и существу выпад редактора «На лит. Посту» остался общественно ненаказанным и видимо поощряет Рапповцев и следующих за ними к дальнейшим упражнениям в том же роде.

По нашим сведениям, руководством РАПП предполагается развитие этой кампании с рядом инсинуаций и нечистоплотностей против других членов группы «Пролетарский Театр».

Группа, отнюдь не желая новой литературной склоки и не начиная ее, все же вынуждена будет обороняться. Между тем наше единственное желание: иметь возможность сосредоточиться на творческой и аналитической работе, которую мы ведем, не отрываясь на распри Авербах-Киршоновского характера.

Мы просим Вас положить конец подобным методам литературной борьбы, как этого требовал в последнем инциденте М. Горький, Астров и другие товарищи.

Довольно превращать принципиальные, серьезные споры о путях пролетарского искусства в базарную перебранку. Должен же когда-нибудь прийти этому конец! Все эти дрязги особенно разлагающе влияют на рядовую массу членов пролетарских художественных организаций, занятых большой творческой работой и ни в какой степени не солидарных с литературной демагогией Авербаха и др. Рабочие, начинающие работать в области искусства, в праве требовать к себе более вдумчивого и бережного отношения, чем генеральские окрики, «ор и лай», по меткому выражению М. Горького.

К нашему пожеланию – ПРИЗВАТЬ «ВОЖДЕЙ» РАППа К ПОРЯДКУ присоединяется ряд коллективов, резолюции которых против травли Билль-Белоцерковского мы прилагаем.

Группа «ПРОЛЕТАРСКИЙ ТЕАТР»

Москва, 19/1-29 г.

№ 13

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 780. Л. 22—24. Машинописный текст. В тексте — пометки рукой неизвестного. Есть подчеркивания.

Приложение

ИЗ ЖУРНАЛА «НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОСТУ»,
№№ 20—21, 1928 г.

...Пролетписательство нуждается в уверенном, упорном, но спокойном продвижении вперед, наступлении на противника, в подтягивании к себе друзей, союзников и спутников...

В таком наступлении мы имеем своими врагами не только правых и примиренцев. Это – главные враги. У нас уже имеются напостовские традиции борьбы с ними. Вспомним наши дискуссии с Осинским, Троцким, Воронским, Слепковым, Поповым, Астровым, Ваганяном и др.! Мы имеем своими противниками и людей типа Билля-Белоцерковского, к примеру. В недавней дискуссии о Чехове и Мейерхольде он писал: «Говоря откровенно, языком класса, я приветствую отъезд Чехова и Мейерхольда за границу. Рабочий класс ничего от этой поездки не потеряет. Можно даже с уверенностью сказать, что не Чехов и Мейерхольд уезжают, а, наоборот, советская общественность «их уезжает»... Что это? «Голос класса» или вопль деклассированного люмпена? Чехова и Мейерхольда советская общественность «уехала». Что означает подобное заявление: глупость, невежество, повторение заявлений эмигрантской печати? Какая бездна чванливого безкультурья! Какая напыщенная мещанская декламация! С пролетарским наступлением на культурном фронте не имеют ничего общего заявления, подобные приведенным выше. Наиболее возмутительно во всем заявлении В. Билля-Белоцерковского («Новый Зритель», № 39, стр. 6) щеголянье пролетарским тоном, классовой «ортодоксией», козырянье «массой» и пр.

№ 114
ОСИНСКИЙ — СТАЛИНУ О ПЬЕСЕ БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКОГО «ГОЛОС НЕДР»

21 января 1929 г.

Копия
В. В. ОБОЛЕНСКИЙ-ОСИНСКИЙ[1]
21 января 1929 г.

Многоуважаемый тов. Сталин!

По просьбе т. Билль-Белоцерковского обращаю Ваше внимание на прилагаемый документ, а в пояснение сообщаю нижеследующее:

Говорят, Вы были на постановке «ГОЛОС НЕДР» (о шахт[инском] деле) в театре МГСПС. Не знаю как Вам, а мне эта постановка весьма понравилась, и я дал

о ней в «Известиях» одобрительный отзыв. Не говоря о том, что в пьесе нет (кроме мелких промашек) никаких политически-фальшивых нот (что естественно, т. к. автор-коммунист, б. американский эмигрант и рабочий), но эта пьеса — уже настоящая пьеса. Билль-Белоцерковский научается писать, становится писателем; это уже потому ценно, что драматургов у нас раз, два, да и обчелся (и пролетарских, и не пролетарских), а Билль-Белоцерковский один из этих немногих драматургов.

Каково же было мое удивление, когда положительная моя рецензия 1) вызвала качание головами и кислые мины у других наших «театроспецов», 2) контррецензию некоего т. Ашмарина в «Веч. Москве», 3) Заявление мне «напостовца» Киршона, что против меня за это готовится статья и 4) горячую благодарность Билля-Белоцерковского, заявлявшего, что я нечаянно вытащил его из провальной ситуации.

Оказалось следующее. Билль-Белоцерковский весной поссорился с «напостовцами» на почве того, что он не соглашался с их политикой деляческих блоков по принципу «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку», в частности с их блоком с Мейерхольдом. За это Биллю была объявлена война. Билль вышел из РАППа, и с ним ушли все те 1,5 драматурга, каких мы еще имеем. РАПП (Авербах, Либединский, Киршон) объявили им всем войну.

Обстоятельства таковы, что напостовцы как народ ловкий и специально сидящий на литературных делах, имеют нынче большой вес у рядовых наших рецензентов: с ними боятся связываться (особенно ежели рецензент беспартийный) и ежели они кого начнут клевать, то рецензенты либо подпевают, либо молчат; не менее ловкий и специализовавшийся на литер[атурных] делах народ г. г. «лефовцы» (Маяковский, Мейерхольд, Брик и пр.), с коими напостовцы в блоке. Ежели они возьмутся вдвоем кого травить — плохо дело.

Самое же в нынешних обстоятельствах существенное — это то, что мой приятель П. М. Керженцев, заведующий в аппарате ЦК искусством, есть стародавний и последовательный сторонник «левого искусства» (т. е. футуризма и близких к нему течений) и один из основателей старого «Пролеткульта», откуда и вышли собственно напостовцы.

При такой расстановке сил понятно, что блок двух «школок», Рапповской и Лефовской, у нас прямо-таки получил засилье и все их боятся. И Вам теперь понятно, почему я, оказывается, выручил Билля-Белоцерковского. И понятно, например, почему (как мне рассказывал Б. Б.), чтобы добиться постановки «Голоса недр» в Ленинграде, пришлось его читать на чуть ли не 50 заводах и собирать резолюции в пользу постановки: сидящий в Ленинграде Либединский (он послан туда Раппом) запугивает театры и критиков, и они боятся брать пьесу — еще попадешь под обстрел напостовцев и «ЛЕФа», а также в немилость у ЦК.

Мне думается, что нужно вообще что-то предпринять против подобных нравов. В данном же случае, мне кажется, надо бы одернуть солидно «напостовцев» за их ругню против Б. Б., как ЦК уже сделал в отношении «полемики» Полонский — Рязанов. Соответствующее постановление сразу отрезвит мно-

гих, как напостовцев, так и им подпевающих, приучит последних ценить писателей и их работы по внутренним заслугам, а не потому, с каким из юрких напостовцев они в ссоре или не в ссоре.

С тов. приветом —

ОСИНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 780. Л. 20, 20 об. Заверенная машинописная копия с подписью Суховой. В нижнем левом углу — автограф — виньетка рукой Сталина. Есть подчеркивания.

Там же. Л. 21, 21 об. Оригинал на бланке кремлевской обители Осинского. Пометка «переп.» (для последующего использования или для облегченного чтения вождем).

[1] Н. Осинский — псевдоним Валериана Валериановича Оболенского.

№ 115
СТАЛИН — ОСИНСКОМУ О БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКОМ

25 января 1929 г.

Тов. Осинский!

Вполне присоединяюсь к Вашей оценке пьесы «Голос недр». Мне кажется, что т. Билль-Белоцерковский — один из способнейших (наших) драматургов. Обещаю сделать все возможное для ограждения т. Белоцерковского от нападок.

С ком. приветом

И. СТАЛИН

25.1-29 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 780. Л. 28. Факсимильно заверенный машинописный текст.

№ 116
ОСИНСКИЙ — СТАЛИНУ О БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКОМ

26 января 1929 г.

В. В. ОБОЛЕНСКИЙ-ОСИНСКИЙ
Кремль, Детская половина
Москва, СССР

Уважаемый тов. Сталин,

в качестве живой иллюстрации к моему письму о Билле-Белоцерковском обращаю ваше внимание на прилагаемую заметку в «Комсомольской Правде». Я припечатал в «Известиях» Ашмарина из «Веч. Москвы» за тенденциозную «контр-рецензию», охаивающую пьесу. Поэтому автор заметки старается не выдать себя, не показать, что пишет по заданию. Он называет Билля-Белоцерковского «талантливым», он хвалит игру актеров.

Но по существу он разругивает пьесу на все сто процентов. Он пишет, что «Шторм» был лучше, между тем как всякому ясно, что «Шторм» был еще довольно-таки наивной первой пробой автора. Он просто врет насчет того, что «образы малокровны», «материал сухой» и даже пробует намекать, что пьеса и политически плоха.

Не менее характерно, что он ругает так называемое «оформление» спектакля. Тут все дело просто в том, что авторы этого оформления, так же как Билль-Белоцерковский, входят в т. н. группу «Пролетарский Театр» (туда входят не только писатели-драматурги, но и вообще театральные работники), с которой Авербах и Киршон не в ладах. Крайне характерно также и то, что эта заметка появляется через три недели после всех остальных рецензий; при таком запоздании обычно рецензии уже не печатают. Но видимо, лица, ведущие кампанию, ухватились за еще одну газету, которую можно использовать. Не находите ли вы, что все это является неприличным интриганством, которое совершенно недопустимо в коммунистической прессе?

С товарищеским приветом

ОСИНСКИЙ

26.1.29

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 780. Л.30. Машинописный подлинник на личном бланке Осинского. Подпись и дата — автографы. Пометка рукой неизвестного: «Архив т. Сталина АП». Есть подчеркивания.

№ 117
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ О КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»

7 марта 1929 г.

В. Срочно

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Письмо сие, так сказать, официальное. Дело вот в чем: «ПРАВДА» есть наш центральный боевой орган. Я — довольно-таки боевой писатель-агитатор. В «Правде» публикуется бесподобный, ни с чем не сравнимый по важности производственно-трудовой вызов «Красного Выборжца». Я, как агитатор, чувствую, что тут под ногами горит. Сам горю. Подхватываю тему, гоню в «боевую» газету боевой фельетон — в триста строк. Объясняю, что производственная вялость, «порча рабочего нрава» у нас потому, что в рабоч[ую] среду «просочилась мужичья отрава». Заканчиваю громадный фельетон патетически:

Да кто же, черт побери:
Богатыри
Или блохи,
Недостойные нашей эпохи?
Трудовой мы класс иль озорное охлёстье?
Пролетарский авангард иль мужицкое охвостье?
Неужто у нас — ни классовой гордости,
Ни классовой твердости?
Неужто мы, дьявол возьми,
Все забывши, что Ленин и Маркс втолковывали нам,
Осрамимся пред своими детьми,
Подведем их к развалинам
И скажем им: «Вот
Тут был дом, тут — завод,

Тут — школа... лишь стены осталися...
Тут мы что-то воздвигнуть пыталися...
Так и осталось оно под лесами...
Достраивайте сами...
Потому что революционный порыв наш зачах,
Потому что мы оказались — банкроты:
Не вынесли на своих плечах
Героической работы!![1]

Что же? Появляется в «Правде» этот фельетон на следующий день? Усиливает самонужнейшую кампанию? Нет. Нашлось место для громаднейшего фельетона какого-то Ляндау о какой-то обиженной учительнице. Неотложно нужно было утешить учительшу эту[2]. А о том, что у нас имеются «банкроты», у которых с «революц[ионным] порывом» обстоит плохо, надо было помолчать. На следующий день фельетон стынет помаленечку, маринуется. Взволнованный такой несообразностью, запрашиваю Макса Савельева. Савельев таращит глаза: понятия не имеет, что маринуется такой фельетон. Справляюсь у Крумина: того чище! Слыхом не слыхал о таком фельетоне и что его почему-либо надо задерживать[3].

Я СПРАШИВАЮ:

КТО ЖЕ РЕДАКТИРУЕТ «ПРАВДУ»? ГДЕ ПОДЛИННАЯ ЕЕ РЕДАКЦИЯ? УКАЖИТЕ ЕЕ АДРЕС, И Я БУДУ СРАЗУ ТУДА ОТСЫЛАТЬ НАПИСАННОЕ, а не справляться у людей, которые видят только то, что им преподносится в просеянном виде и в сроки, какие кому-то заблагорассудится?[4]

Я хочу знать: кто одобряет или кто не одобряет мои фельетоны прежде, чем они попадаются на глаза двум вышеназванным, искренне — (мне от этого не легче) — удивленным товарищам, собирающимся сегодня «поднять скандал», «выяснять» и т. д.

Это меня мало успокаивает, так как я, буквально, изматываю себе нервы при продвижении в «Правде» почти каждого мало-мальски острого фельетона. Этим — и только этим — объясняется никому не нужное мое газетное «двурушничество», то есть вынужденное обращение в «Известия», где моему материалу рады, и случая не было, чтобы не пущенный «Правдой», а напечатанный в «Известиях» материал оказался недоброкачественным.

Скорее наоборот[5].

Очень прошу проверить это на том материале, который сейчас застыл в «Правде», на фельетоне: «Кто же мы?». Тут и узнаем: «Кто же редакция»?[6]

С сердечным приветом

Д. БЕДНЫЙ

7/3-29

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 46—47. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы.

[1] Фельетон «Спасительный сигнал» Демьяна Бедного был ответом на заметку «Вызов Красного выборжца», напечатанную в главной профсоюзной газете «Труд» 3 марта 1929 г. В этом обращении клеймились позором отсутствие трудовой дисциплины, прогулы, опоздания на работу, пьянство, хулиганство, бесхозяйственность. В «вызове» «Выборжца» предлагалось бороться с этими отрицательными явлениями, а также с браком

на производстве, простоями и прогулами. Все это должно было привести к снижению себестоимости в квартале на 7%. «Да кто же мы, черт побери: Богатыри или блохи?» — этот вопрос Демьян будет повторять как навязчивую идею на протяжении многих лет. 5 февраля 1930 г. в стихотворении «Закалка» Демьян нарисует портрет спящего богатыря: «Храп «богатырский» постоянный, / На неоглядный весь пустырь! Спал беспробудно-деревянный / Российский горе-богатырь». «Лежало дрыхало такое, / Хвалясь дурацкой похвальбой». Из этой картины поэт сделал неутешительный вывод: «Глядь, богатырь насквозь гнилой! / Гнилая жизнь, гнилые нравы, / Грунт — помесь плесени с золой!» (Бедный Д. Полное собр. соч. Т. 17. С. 59). В 1936 г. вопрос станет центральным в пьесе Демьяна «Богатыри», поставленной А. Таировым на сцене Камерного театра в Москве. Пьеса вызовет погромное постановление Политбюро, оформленное в виде приказа Комитета по делам искусств. После запрета «Богатырей» карьера Демьяна начнет неумолимый путь к своему закату (см. документ № 320).

[2] В среду 6 марта 1929 г. в «Правде» был опубликован очерк А. Ландау «Не по Ленину» (с. 6). В нем рассказывалось о том, что когда «учительница Критская приняла Дорскую сельскую школу, она нашла там только выбитые стекла...». Крестьяне обвинили учительницу «в якшании с антисоветскими элементами, потому что она за плату помылась в бане разорившегося кулака Карпа». Учительницу выгнали с работы. Вывод Ландау однозначен: «учительницу Критскую необходимо вернуть в деревню Дорки, в родную ей школу, к рабочим и крестьянским детям».

[3] 5 февраля 1931 г. Политбюро в очередной раз обсудит вопрос о публикациях в советской печати. Слушали: «О передовице «Известий» от 4—2 с. г.» (т. Сталин). Постановили: «Поставить на вид т. Крумину небрежное отношение к своим обязанностям как ответственного редактора «Известий».

[4] Вопросы Демьяна: кто редактирует «Правду», где подлинная редакция и по какому адресу она находится, были не праздным любопытством. Сталин постоянно жонглировал организационной структурой руководства главного СМИ страны. Он вводил институт ответственного редактора, затем заменял его коллективным руководством — редколлегией, затем возвращался к старой форме, оставаясь при этом главным фактическим редактором, цензором и автором газеты. 9 февраля 1928 г. Политбюро принимает решение ввести в состав редакции «Правды» Ярославского. Записка Бухарина: «Вкруговую членам ПБ. Ввиду необходимости для ред[акции] «Правды» держать связь с ЦКК и Рабкр[ином], хотя нам и не дали бумаги для [дискуссионного] «Листка», предлагаю ввести дополнительно в ред. «Правды» тов. Ярославского. Он согласен. Серго тоже» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 714. Л. 43—44). Решение окажется роковым, поскольку Емельян Ярославский станет главным рупором Сталина в газете. В начале марта 1929 г., когда было написано письмо Демьяна Сталину, Политбюро разбирало несколько конфликтных ситуаций, связанных с «Правдой» и запутанной схемой руководства газеты. 1 марта Политбюро утверждает лозунги к десятой годовщине Коминтерна. В подлиннике протоколов пометка рукой неизвестного: «Бухарин заявил, что в общем он против лозунгов не возражает, но свои отдельные замечания он считает излишним давать, потому что вчера в «Правде» были опубликованы тезисы АППО ИККИ и ЦК, которые предварительно согласованы не были». Сталин не голосует. Рыков воздерживается («не имеет времени просмотреть») (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 772. Л. 59). 7 марта Политбюро по представлению Сталина рассматривает вопрос «О Троцком». Решено: «В дополнение к постановлению Политбюро от 4.III опубликовать статью т. Ярославского о Троцком, кроме «Большевика», также и в «Правде». Сталин — Политбюро: «Всем членам ПБ. Статью Ярославского о Троцком читал и думаю, что она вышла у него удачная. Прошлый раз я единственный, кажется, возражал против помещения статьи о Троцком в «Правде». Теперь, однако, учитывая хорошие качества статьи Ярославского, думаю, что можно было бы напечатать статью не только в «Большевике», но и в «Правде». Сталин». Голосование и комментарии членов Политбюро: «Статьи еще не читал. А. И. Рыков». «Начал читать, но не дочитал, однако

не возражаю. М. Томский». «За» Куйбышев, Микоян, Каганович (там же, л. 66—68). Тем не менее Сталин в целом был недоволен работой газеты. 10 июня решением Политбюро упразднен институт ответственного редактора «Правды», устранена вся редколлегия, а для решения текущих вопросов выделено «Бюро редакции» (там же, д. 789, л. 35). 6 сентября Политбюро принимает ответ на письма Рыкова и других по поводу состава редколлегии «Правды»: «Протест т. Рыкова против замены единоличного редактора «Правды» редакционной коллегией насквозь фальшив». Отмечается «факт начавшегося было летом 1928 г. хозяйничанья в редакции «Правды» группы молодых, совершенно партийно невыдержанных и отнюдь не авторитетных товарищей: Слепкова, Марецкого, Е. Цейтлина (личного секретаря т. Бухарина)» (там же, д. 801, л. 79). Закрывая эту номенклатурную главу в истории газеты, 12 января 1931 г. Сталин напишет постановление Политбюро «О «Правде»: «1) В целях установления ясности и точной ответственности в редактировании (*зачеркнуто:* «работе») «Правды» установить институт ответственного редактора. 2. Ответственным редактором утвердить т. Савельева. 3. Заместителем отв-го ред-ра утвердить т. Попова Н. Н. 4. Секретарем редакции утвердить т. Мехлиса. 5. Редакцию «Правды» утвердить в следующем составе: т.т. Савельев, Попов Н. Н., Ярославский, Стецкий, Мехлис, Мальцева, Попова, Дубовский, Вершинина (?). 6. Бюро редакции «Правды» упразднить» (там же, д. 863, л. 133). Так на горизонте партийной печати появился Лев Мехлис. Мехлис сыграет в истории журналистского коллектива «Правды» и советской журналистики в целом роль Ягоды, Ежова и Берии в одном лице.

[5] Только в первые месяцы 1929 г. в «Известиях» были опубликованы фельетоны «Процветанье» (в подборке «Стрелы»), «Красноармеец в колхозе».

[6] На следующий день после этого письма весь подвал восьмой страницы «Правды» был отведен фельетону Демьяна «Кто же мы?». Фельетон не вошел в собрания сочинений Демьяна пятидесятых — шестидесятых годов.

№ 118
СТАЛИН — КОРРЕСПОНДЕНТУ «СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОГО ГАЗЕТНОГО АЛЬЯНСА» ЧОЛЕРТОНУ О СТАТЬЯХ ТРОЦКОГО

22 марта 1929 г.

Милостивый государь!

Ваше письмо от 20.3.29 г. получил. С тем же вопросом обращались ко мне через директора ТАСС Долецкого представители североамериканских газетных трестов, прося дать отповедь на статьи г-на Троцкого. Я им ответил через Долецкого, что у меня нет времени заниматься пустяками. То же самое должен Вам сказать, г. Чолертон, в ответ на ваше письмо: у меня нет ни времени, ни желания заняться пустяковыми сплетнями, распространяемыми Троцким. Великий русский писатель Писарев говорил: «слова и иллюзии гибнут, а факты остаются». То же самое можно было бы сказать в данном случае: «болтовня и сплетни погибнут, а факты останутся». Факты же состоят в том, что СССР идет на всех парах по пути индустриализации и социалистического преобразования. Какое значение могут иметь сплетнические статьи г-на Троцкого в сравнении с этим огромным фактом[1].

С уважением

И. СТАЛИН

22.III-29 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1159. Л. 90—91. Машинописный подлинник. Подпись — факсимиле.

[1] Сухова завизировала 42 экземпляра письма корреспондента в Москве «Североамериканского газетного альянса» А. Т. Чолертона и ответа Сталина. 26 марта 1929 г. по поручению Сталина оно рассылается «для сведения» в качестве официального документа Политбюро членам и кандидатам в члены Политбюро, членам Президиума ЦИК и членам ЦК. По указанию своего начальства Чолертон доводит до сведения Сталина, что «широкие массы населения в других странах весьма затронуты публикациями мистера Троцкого и хотят услышать выражение Вашего мнения». Заявление Сталина может «показаться пустяковым для Вас», но оно «имеет величайшую важность момента для мирового мнения, которое не поймет, почему такие утверждения, как сделанные мистером Троцким, остались неуничтоженными» («left undemolished») (там же, л. 88).

№ 119
ОСИНСКИЙ — СТАЛИНУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЕ В «ИЗВЕСТИЯХ»

26 апреля 1929 г.

Уважаемый тов. Сталин,

пишу вам опять по литературному делу, на этот раз затрагивающему лично и меня, и имеющему общее значение.

Вам известно, что я долгое время писал театральные рецензии, на что меня подбил впервые покойный т. Скворцов; времени это отымает очень мало, в театр ходим мы все, и я охотно это делал между делом. Никаких недоразумений с «Известиями», пока был жив Скворцов, никогда у меня не было. Точно так же не вызывали мои рецензии нареканий и со стороны партийных товарищей. Вы их читали иногда и, вероятно, согласитесь, что по линии идеологической они с партийным курсом вполне совпадали, по линии же конкретных художественных оценок, кажется, не отклонялись от здорового художественного вкуса и здравого смысла, хотя в данной сфере различие мнений и оценок почти неизбежно: «на вкус и цвет товарищей нет».

После смерти Скворцова первое время также не было недоразумений. Но после того, как в редакцию «Известий» была введена т. Л. Полонская, почти немедленно возник первый инцидент[1]. Рецензия моя о «Клопе» Маяковского была сдана в редакцию, но в течение нескольких дней не появлялась в печати. Когда я стал узнавать, в чем дело, оказалось, что она задержана Полонской, поставлена на рассмотрение в редакционной коллегии «Известий» и что Полонская настаивает на том, чтобы ее не печатать, потому что, по ее мнению, и пьеса слаба, и со стороны Мейерхольда эта постановка еще не знаменует возвращения на путь истины. Поэтому можно, дескать, и вовсе промолчать о спектакле. К вашему сведению (если вы этой рецензии не читали), я оценивал пьесу как слабую, но все же более предпочтительную, чем изнасилованные постановки Гоголя и Грибоедова. Мейерхольда я не хвалил, но высказывал надежду, что это, может быть, знаменует начало его «отмерзания» от эстетско-трюкового застывания.

Я заявил «Известиям», что если из-за малого расхождения в оценке какой-нибудь постановки с одним из членов редакционной коллегии «Известий» рецензии задерживаются, ставятся на рассмотрение редакционной коллегии (совершенно небывалая вещь и совершенно невозможная, напр., в «Правде»: такие дела решаются, конечно, только между заведующим театральным отделом и рецензентом, раз редакция им доверяет), то работать будет невозможно; я настаивал на помещении рецензии. Она и была помещена полностью и ничьих возражений не встретила.

Однако вскорости возник второй инцидент. «Известия» просили меня написать рецензию о «Заговоре чувств» (Вахтанговский театр)[2]. Я отказывался, т. к. в свое время был введен в худ. совет этого театра и вообще считаю неудобным для себя о нем писать. Наконец, я взялся это сделать по предложению Гронского. Однако и эта рецензия была задержана, не печаталась долгое время; впоследствии выяснилось, что чуть ли не вся коллегия «Известий» ходила смотреть пьесу и проверять меня, а когда я спросил, в чем дело, мне сказал Гронский, что коллегии хотелось бы добавить в начале рецензии фразу о том, что в пьесе есть элемент достоевщины. Между прочим, в рецензии об этом было сказано другими словами («мещанское подполье») и вообще все мелкобуржуазные черты Олеши подчеркнуты весьма определенно. Как хороший товарищ и понимая, что на Гронского, видимо, наскакивает Полонская (которой он боится как сестры своего брата и которая претендует на звание ценителя искусств и театрального рецензента), я сказал Гронскому: «Ну ладно, вставьте такую фразу, в любой вашей формулировке, но кончайте это безобразие и имейте в виду, что я последний раз с вами кончаю миром». В конце концов они напечатали рецензию полностью, без всяких вставок, и опять-таки она ничьих возражений не встретила.

В понедельник я сдал «Известиям» рецензию на «Город ветров» (пьеса Киршона в МГСПС). Я ее при сем прилагаю. До четверга рецензия не появилась. В четверг я узнал, что рецензия опять находится на рассмотрении в редколлегии «Известий», и вновь выяснил, что коллегия ходит в театр меня проверять (не находит дела поумнее). Тогда я заявил «Известиям», чтобы рецензию не печатали и что я прекращаю у них писать. Тем не менее зав. театральным отделом т. Баранчиков пытался меня уговаривать внести какие-то поправки в рецензию и от них не уходить.

Прочтите, пожалуйста, рецензию. Не знаю, видели ли вы «Город ветров»[3]. Эта пьеса, по-моему, весьма неудачная и отнюдь не соответствует тому, что надо написать о Шаумяне и его товарищах. Так как автор свой, пролетарский писатель, я старался написать отзыв возможно мягче. Что касается постановки, то она плоха, и на первый план вылезли «экзотические» фигуры, а большевики какие-то мертвые. Однако я не стал бранить и театр (весьма к нам близкий), смягчил и здесь отрицательный отзыв.

Как я мог понять, редакция «Известий», однако, боится, как бы чего не вышло, и ей хочется (после инспекционной меня проверки) еще «смазать» отзыв. Впрочем, чего ей хочется, меня больше не интересует, т. к. писать у них я при нынешних обстоятельствах считаю невозможным.

И вот на какой общий вопрос я и хотел бы обратить ваше внимание. «Известия» чахнут и зачахнут совсем (все серьезные сотрудники оттуда разбегутся), если вы не урегулируете положения в редакции. Туда немедленно надо назначить настоящего ответственного редактора. Невозможно, чтобы взбалмошная женщина с большими претензиями, но с недостаточными данными фактически командовала над замредактором. Невозможно, чтобы там воцарялись такие порядки, когда вся редакция читает театральные рецензии и ходит проверять рецензента в театр. Невозможно, чтобы вся эта редакция боялась шаг ступить — как, дескать, посмотрят на это в ЦК и что расскажет Полонская своему брату.

Что же касается лично меня, то я перестаю писать теарецензии (ущерб для меня небольшой) пока новый редактор «Известий» не вернет меня к сему важному занятию и если он того захочет.

С тов. приветом

ОСИНСКИЙ

26.4.29

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 780. Л. 35—36. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы. В левом верхнем углу — пометка рукой Сталина: «Личн. арх.».

[1] 17 января 1929 г. Политбюро удовлетворило просьбу «Известий» об утверждении Л. Г. Полонской членом редколлегии и секретарем редакции «Известий ЦИК» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 765. Л. 114).

[2] «Заговор чувств» — так назвал Юрий Олеша свою пьесу по повести «Зависть». Идеей этой пьесы был тезис о том, что последовательной «культурной политикой» советской власти была организация заговора против чувств. В 1929 г. состоялась премьера этой пьесы в театре им. Евг. Вахтангова. Режиссер — А. Попов, художник — Н. Акимов; в 1930 г. состоится постановка «Трех толстяков» Олеши во МХАТе под художественным руководством В. И. Немировича-Данченко и И. Москвина, художник — Б. Эрдман.

[3] В письме к Сталину 2 марта 1936 г. Киршон напишет: «...по указанию тов. Хрущева в театре МОСПС снята и запрещена к постановке моя пьеса «Город ветров», которая в свое время уже шла в этом театре и других театрах Союза» (см.: Я оказался политическим слепцом: Письма В. М. Киршона И. В. Сталину / Пуб. А. Чернева // Источник. 2000. № 1. С. 81).

№ 120
МИКУЛИНА О ВСТРЕЧЕ СО СТАЛИНЫМ

8—11 мая 1929 г. (не ранее)

ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О СТАЛИНЕ

Москва 8—11 мая 1929 года

Как пришла мне в голову дерзкая мысль послать свой сборник очерков о социалистическом соревновании тов. Сталину — я сама не знаю. Я не могу точно уловить момента ее возникновения и того исходного пункта, от которого она могла зародиться.

Я знаю только то, что, когда я написала большую половину книги, утром, лежа в постели, я перебирала в уме написанное, и у меня вдруг явилась необыкновенная уверенность в важности и правдивости очерка. И показалось очень простым отдать их прочесть Сталину. Именно ему, потому что никому из вождей недорога так индустриализация, как ему. От этой мысли я закончила книгу в четыре дня. На меня напала какая-то лихорадка творчества. Я больше волновалась, чем писала.

Но вот книга была написана. Я понесла ее в ГИЗ к своему издателю Файбышеву. Перелистывая брошюру, он поморщился: «Как бы мне не попало за эту книгу. Сектор ведь у меня крестьянский, а в книге больше говорится о рабочих». Мне стало страшно за судьбу книги. Неужели никто не узнает, как

действительно проходит на фабриках соревнование? Я сказала ему: «Знаете что? Я снесу ее в ЦО Работниц на отзыв». В тот момент, когда я говорила с ЦО Работниц, у меня снова возникла мысль отнести книжку Сталину. Но как, как это сделать? На другой день, сразу решившись и не давая себе времени на размышления, я позвонила в ЦК — кабинет секретаря тов. Сталина. Чей-то голос ответил:

— Я слушаю.

— Я хочу передать тов. Сталину материал о том, как проходит соревнование на предприятиях, — говорю я, чувствуя, что от волнения у меня замирает сердце.

Голос отвечает:

— Ну, что же, пожалуйста, пришлите.

— Но я хочу видеть лично, — возражаю я, собрав последний остаток своих сил.

— Приходите и принесите. Трубка вешается.

Принесите. Это легче сказать, чем сделать. Я не могу решиться на это. И опять внезапно как в холодную воду. Не давая себе времени для раздумья, я 8-го, выходя из редакции «Коммунистки», резко повернулась на площадку и вошла в приемную секретарей ЦК. Там сидело несколько человек, но я не могу вспомнить их лиц. Я только помню полную женщину в белой блузке, окруженную телефонами.

Эта женщина задавала мне бесчисленные вопросы: кто я, откуда, зачем, советовала не записываться и, наконец, сказала: «позвоните завтра — будет прием или нет?»

Я вышла близкая к обмороку. На другой день по телефону эта же самая женщина мне сказала, что прием отменен. Я написала дома письмо и приколола его к копии материала, отнесла в ЦК. Второй раз я видела эту женщину и почувствовала к ней ненависть. Оглядывая меня с ног до головы, она повертела в руках конверт.

— Вы в письме что-нибудь пишете? — Мне хотелось крикнуть ей: нет, наверное, там пустая бумага. Но я пересилила себя и сказала: да, пишу. Это было в среду, 8-го мая.

Я никогда не забуду этого дня, потому что он был днем чудес. В тот же день совершенно неожиданно меня позвали к телефону. Я, конечно, не ждала ответа из ЦК, а, лежа на кровати, смотрела, как по потолку ползет первая муха. В телефоне голос, как будто знакомый.

— Мне нужна Микулина.

— Это и есть Микулина, я сама.

— Ну, так слушайте, товарищ. С Вами будет говорить сейчас Сталин.

— Кто? — переспросила я. — Сталин?

— Да, с Вами будет говорить Сталин, не отходите от телефона. — Ту секунду, что я стояла у молчавшей трубки, я вспоминаю, как бешено вертящийся хаос. Уши у меня горели холодным огнем, а по животу ползли мурашки. Наконец трубка ожила и незабываемый, и теперь самый любимый из всех голосов на свете, — голос спросил:

— Вы хотели со мной говорить? — От того чудесного, что на меня накатилось, я могла только ответить:

— Да.

Трубка снова говорила:

– Я согласен дать Вам предисловие к Вашей книжке.

– Правда? – закричала я, забыв о страхе. – Вы ее прочли? Всю? Она вам понравилась?

– Да, я ее прочел, – отвечает Сталин. – Это – прекрасная, правдивая книга. Надо дать ее в «Правду» вместо фельетона.

– Но мой ГИЗ? Мой договор с ним? Хотя если Вы хотите, я его разорву, – кричу я.

– Нет, – сказал Сталин, – я не хочу, чтобы Вы материально пострадали. Мы сделаем лучше так: мы дадим отрывки из книги. Это будет Вам хорошо для тиража.

Я готова была влезть в трубку, чтобы увидеть Сталина ближе. И охваченная этим желанием, забыв обо всем, я заорала в трубку:

– Я хочу Вас увидеть, хоть одним краешком глаза, хоть на минутку.

В ответ послышался хохот.

– Зачем же одним глазком, можно – двумя. Вы можете прийти в пятницу в два часа?

– Могу ли я, вот вопрос. Конечно, могу, – закричала я. И добавила: – Ой, я умираю, я не могу. Неужели, это Вы действительно со мной говорите? Нет, я должна умереть.

Трубка опять захохотала.

– Нет, не умирайте, товарищ. Надо писать побольше правдивых рассказов. А простите, разрешите задать Вам один нескромный вопрос: Вы партийная?

– Нет, беспартийная.

– Еще один нескромный вопрос: сколько Вам лет?

– Много, – вырвалось у меня. Но тотчас же я спохватилась: – Не знаю – много или нет – 24 года.

– Вы, – говорит, – дочь Алексеевой? – продолжается сладкий допрос.

– Да.

– Это правда?

– Конечно.

– А где Алексеева сейчас?

– Работает в Нарпите директором...

– Ну, ладно, товарищ, так Вы договоритесь с ГИЗом – не возражает ли он об опубликовании в «Правде» части книги. И приходите в пятницу.

– Если не умру от счастья, – крикнула я.

– Нет, не умирайте. До свидания.

На мой отчаянный визг, когда я положила трубку, по коридору открылись все двери. Я с размаху, открыв дверь в свой номер, – стукнула дверью по голове мать и докторшу........... (*пропуск, возможно, вымарано имя*), которые стояли за дверью.

– Ты с ума сошла, – крикнула мать и, держась одной рукой за сердце, другой больно стукнула меня по голове.

Но, бросившись на диван, продолжала кричать: – и-и-и-а-а-а-а-а...

– Да что ты, блаженная, что с тобой, – бросилась мать... И докторша от испуга открыла, как бублик, рот, а я все качалась на диване и выла...

Сестренка для компании тоже завыла. Мать закричала и схватилась за голову. Наконец, я выдавила:

– Со мной по телефону говорил Сталин...

Комната по той тишине, которая восстановилась, напомнила пустую церковь...

Потом, через несколько секунд, мать переспросила: Сталин?

— Да, Сталин.

— Почему? — Мать сидела истуканом в кресле все время, пока я ей рассказала, все как было.

Наконец встала и торжественно поцеловала меня в обе щеки.

— Я тебя поздравляю.

Докторша........... (*пропуск, возможно, вымарано имя*) всегда меня недолюбливавшая, скривила лицо в улыбку и выдавила: «Вы можете занять мою комнату, пока я буду в командировке на Северном Кавказе — 6 месяцев».

Но разве могла испортить мое настроение зависть маленькой гадинки, которой была всегда для меня докторша.

Я подошла к зеркалу. На меня глянуло лицо, которое я не узнала, это было мое лицо, но такое чужое. На скулах, на лбу, на щеках горели яркие пятна с неровными краями, а глаза? Глаза были дико вытаращены и смотрели совершенно непонимающим взглядом.

Схватив пальто, я помчалась на улицу... Боже, что со мной делалось. Такая радость наполнила меня, переливалась через края. Я шла вприпрыжку... Какой-то прохожий удивленно свистнул мне в след.

А я шла, шла, и мне хотелось обнять всех, и внутри меня все кричало, пело — на разные голоса... Со мной говорил Сталин. Я увижу Сталина... Я слышала его голос, и он смеялся в телефонную трубку...

Если б я увидела его в тот вечер, я бросилась бы к нему на шею...

Всего этого было слишком много для меня, мое сердце разрывалось на части...

Ни эту ночь — со среды на четверг, — ни последующую я не могла спать, я не могла есть. Я не могла пить, я могла только бесконечное количество раз представлять встречу с ним и вспоминать разговор.

В пятницу с утра меня охватил страх, что я не увижу Сталина, он, наверное, забыл, что я приду? Он будет занят, и я его не увижу... думала, поднимаясь по лестнице ЦК ровно 40 минут второго.

В приемной секретарей та же самая женщина удивленно посмотрела на меня, когда я молча села в кресло.

— Вам что надо, товарищ?

Стараясь говорить как можно незаметнее, я ей сказала:

— Меня к двум часам вызвал Сталин.

Я видела, как недоверчиво скривились у нее губы, и тот момент, что бралась она за телефонную трубку к секретарю Сталина, — был для меня похож на минуту перед казнью. Вдруг оттуда ответят: принять не могут.

Мне хотелось броситься на нее, вырвать трубку, чтобы оттянуть решающий момент, но она уже говорила:

— Ко мне пришла тов. Микулина из...

То, что ее длинное лицо стало еще длиннее и она не договорила фразы, положила трубку, сказало мне, еще до ее слов: «можете, товарищ, идти», что меня примут.

— Вы найдете дорогу, товарищ? Комната 521, по коридору налево, — голос у нее сладкий-сладкий...

Я шла по толстой полотняной дорожке, стараясь ступать на носки, но туфли отчаянно скрипели. Дверь поддалась упруго и мягко. В большой комнате за конторкой, обставленной телефонами, сидел человек.

– Вы Микулина?

Я утвердительно кивнула головой. Из двери, которая направо, вышел очень худой и длинный человек с лохматой головой. Это был Товстуха, секретарь Сталина. Он посмотрел на меня и сказал, показывая рукой на дверь налево:

– Идите к Сталину.

– Одна? – Более глупого сказать, конечно, было нельзя, но у меня был такой испуганный, жалкий вид, что Товстуха добавил:

– Да не бойтесь Вы так.

Еще один шаг через порог, и я в кабинете. Я не увидела ничего: ни обстановки, ни комнаты, ничего, кроме фигуры в темном костюме, идущей спиной ко мне по дорожке к столу. Еще секунда, и фигура, сделав три шага, обернулась и пошла ко мне навстречу. Я увидела не то резкое, строгое, лицо, которое стоит у каждого из нас на столе и которое смотрит со всех витрин в городе. Нет, я увидела бесконечно добрые глаза и незабываемую улыбку. И все лицо было мягче, округлей и окружено пеплом волос. И густые волосы, зачесанные кверху, и усы, все было пепельное от седины. И первая мысль, мелькнувшая у меня, была: Сталин поседел. И от этого он стал удивительно близким.

Улыбающееся лицо наклонилось ко мне:

– Это Вы – Микулина? Вы написали книгу? Ну, здравствуйте.

Крепкое, сильное пожатие горячей сухой руки, и я вся, красная от смущения, сижу в кресле у стола.

А через стол на меня смотрит все время в улыбку сталинское лицо и такие умные глаза, видящие насквозь все самое сокровенное.

– Вы хотели мне что-то сказать?

– Я ничего не скажу, потому что я страшно боюсь, и совсем обалдела, – пролепетала я.

– Ха-ха-ха, – засмеялся Сталин. И в смехе показались зубы. И все лицо, усеянное крупными рябинами, тоже засмеялось.

– Боитесь? Не надо бояться. Расскажите, почему Вы написали эту брошюру?

– А как Вы ее находите? – это я говорю.

Он похлопал рукой по моей рукописи, лежавшей у него на столе.

– Правдивая книга, в ней действительно показана жизнь фабрики. А откуда Вы знаете производство? В книге затронуты специальные вопросы, – спрашивает Сталин.

– Я жила в текстильных районах, и потом, я знаю некоторые производства.

– А что Вы думаете делать дальше?

– А я хотела Вас спросить, о чем теперь надо писать.

– А Вы бы что хотели?

– Я бы хотела поехать в Казакстан (так в тексте – *Сост.*). Там проводится первая железная дорога, которая свяжет Казакстан с Сибирью[1]. Там новая система земледелия. – Я увлеклась и заговорила, размахивая руками, совершенно забыв, что передо мной Сталин, который все это знает наверное лучше, чем кто-либо другой. Но он выслушал и сказал по-прежнему, не спуская с лица улыбки:

– Вы немного ошибаетесь, товарищ, с Казакстаном дело обстоит вот как: железная дорога будет проложена не так еще скоро, да и вокруг самой дороги

даже среди местных коммунистов есть расхождения, не говоря уже о других. Одни говорят, что дорога означает завладение страной русскими и что это угонит кочевые народы дальше в глубь страны. Другие говорят, что, наоборот, железная дорога — это благополучие страны, так как она заставит туземцев обосноваться по линии ее, и это будет моментом преобразования страны из кочевой в оседлую. Что касается новой плантационной системы, то это еще долго. Туда надо ехать через год-два, когда уже образуются эти населенные пункты. А сейчас, если Вы поедете туда, я боюсь, что Вы разочаруетесь.

— А куда же ехать? — спросила я.

— Вы в Ленинграде не бывали? Нет? Ну, как же это так? Вот там действительно подъем. Там рабочие еще более сознательные, чем в Москве. Знаете, Ленинград всегда и в старое время показывал себя как революционный город. Или в Донбасс.

— О, — перебила я, — в Донбассе я была, там я знаю все.

— Из Донбасса у меня позавчера были делегаты, — продолжал Сталин, — хорошие старики, рабочие-забойщики[2]. А вот что, Вы лучше всего езжайте на совхозы, там люди захвачены соревнованием так, что буквально ночами не спят.

— А куда в совхозы? — опять влезла я.

— Есть саратовские, есть на Кавказе, есть в Сибири, но лучше всего ехать в саратовский. Вот поезжайте и пишите правдивые вещи. Нет ли у Вас еще таких, как Вы, чтоб поехать сразу в разные места.

— Нет, у меня нет подруг, я одна.

— Ну, как же это Вы одна? Надо собирать вокруг себя людей.

— Вот Вы говорили по телефону насчет очерков в «Правду» из книги, может быть, они уже устарели, — спросила я.

— Нет, ведь только очень немногие знают тонкости о соревновании, а вся масса этого не знает. И потом, в наших газетах о соревновании пишут очень сухо. Дают вызовы, условия, предпосылки соревнования, а живого слова о том, что делается на фабриках, — нет. По нашим газетам, через десяток лет нельзя будет восстановить лица страны. Наши газеты стали страшно бюрократическими. В них нет живого слова. Нет, мы Ваши очерки дадим, они написаны сочно. А Вы давно пишете?

— Нет, всего четыре месяца. Раньше я работала в яслях.

— А что? — И он ближе наклоняется ко мне, и глаза смеются, смеются без конца. — В партию не берут?

Я заражаюсь его весельем и отвечаю, улыбаясь: нет не берут.

— Говорят, небось, буржуазный элемент?

Мне хочется его расцеловать, расцеловать каждую рябиночку, и я, улыбаясь во весь рот, повторяю за ним: буржуазный элемент.

— А как с комсомолом?

Я коротенько говорю о мужьях-коммунистах, у которых жены-комсомолки постепенно превращаются в домашних хозяек.

На минуту лицо его сереет и делается строгим.

— Да, в быту коммунисты часто бывают плохими учителями. Ну, ничего это изживется. — И он снова смеется, и, вставая, говорит: — Езжайте в совхоз, пишите правдивую книгу и собирайте людей. Ну, а что Вы теперь, не боитесь меня?

— Нет, отвечаю я. — Разве можно бояться человека, который 20 минут подряд улыбался. А как же я буду собирать людей, я такая маленькая, — поднимаю я на него глаза.

— Маленькая, — говорит он с укором. — Раньше царей на престол сажали в 16 лет, а Вам уже 24, а Вы все маленькая. 24 года — это достаточный возраст. До свиданья, товарищ, я предисловие Вам дам на днях. Пишите, работайте, до свидания.

— А кто меня пошлет в совхоз?

— После этой книжки Вам дорога открыта.

Опять моя рука растворяется в его сильном пожатии, и я выхожу. На пороге оглянулась. Сталин стоял, улыбаясь, подняв руку к усам. И вот таким улыбающимся, бесконечно добрым и ласковым я унесла его образ с собой.

Как прекрасно то, что в великих людях, до невозможного занятых работой, под кажущейся строгостью и резкостью скрыта такая бесконечная нежность, внимание и чуткость к людям.

Это трогает, это делает вождей, которых мы любим за их дела, делает их страшно близкими, родными, делает их живыми для нас...

А Сталин... Именно он, про грозность которого ходят легенды, — кто знал, что он сможет уделить столько внимания к начинающей писать девчонке, не побоявшейся обратиться к нему? Это лишний раз показывает то величие человека, умеющего находить слова от тех, которые потрясают мир, до тех, которые наполняют счастьем, несказанной радостью сейчас меня[3].

МИКУЛИНА

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1493. Л. 4—13. Машинописный текст. Не заверен. Пометка рукой неизвестного: «Пост. 14 X 1941».

[1] Железная дорога Турксиб (Туркестано-Сибирская железная дорога) была построена в годы первой пятилетки в 1929—1932 гг. Проходит по территории Казахстана, соединяет районы Сибири с республиками Средней Азии.

[2] 4 мая 1929 г. (не ранее) Сталин редактирует сообщение для печати «Делегация горняков Донбасса у т. Сталина». Добавляет, что в делегации было 170 рабочих. Беседа длилась два с половиной часа в помещении ЦК партии. Сталин ответил на вопросы о международном положении, о пятилетке, о правой опасности и примиренчестве, о соцсоревновании, о сельском хозяйстве (колхозы и совхозы). Сталин полностью переписал финальный абзац сообщения для печати. Было: «Рабочие благодарили т. Сталина за беседу и дали обещание выполнить полностью поставленные перед ними пятилеткой задачи. Прощаясь, рабочие просили т. Сталина посетить Донбасс и познакомиться лично с условиями их работы». Стало: «По окончании беседы делегация дала обещание т. Сталину выполнить полностью задачи, поставленные перед горняками Советской властью в плане пятилетнего строительства» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1159. Л. 93. Опубликовано в «Правде» 8 мая 1929 г., с. 5). После беседы, 4 мая, делегация в полном составе отбыла из Москвы в Донбасс. На машинописи вопросов, заданных рабочей делегацией, Сталин делает пометки. Вопрос: «Где корни правой опасности и методы борьбы с ним? Что такое примиренчество?» Сталин написал: «И в ЦК» (там же, л. 95). Из перечня вопросов в «Правду» не попали два последних: «№ 6. Донбасс переживает затруднения в снабжении продовольствием и товарами первой необходимости. Имеются ли данные для улучшения положения в ближайшее время и каковы перспективы для полной ликвидации этих затруднений?», а также «№ 7. Рабочие Донбасса находятся в тяжелых материально-бытовых условиях: острый жилищ-

ный кризис, неблагоустроенность поселков, отсутствие воды, недостаток школ и клубов влияют на культурные и бытовые условия рабочих. Апрельский пленум ЦК ВКП(б) на это указывал, но пока реально мало положение изменилось. Что ЦК ВКП(б) делает для реализации апрельского Пленума?». Сталин на полях: «Быт. (клубы, прачечные, ясли)» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1159. Л. 94—96).

[3] Из состоявшейся через много лет беседы журналиста Виктора Кожемяко с Е. Микулиной: «*В. К.* А разговор со Сталиным чем запомнился больше всего? *Е. М.* Уважительностью, с которой отнесся он ко мне, совсем зеленой журналистке. И доверием. Его предложение поехать в совхозы, зерновые фабрики, создававшиеся в Заволжье, свидетельствовало ведь о том, что он мне доверяет! Гораздо позже, после войны, старый работник сельхозотдела «Правды» рассказывал мне, что Сталин звонил потом в редакцию, интересовался, что пишет Микулина из командировки».

№ 121
МИКУЛИНА — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ НАПИСАТЬ ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «СОРЕВНОВАНИЕ МАСС»

10 мая 1929 г. (не ранее)

Т. Сталину

Правда, это невероятная дерзость просить Вас написать предисловие к моей брошюре.

Но я Вас невероятно прошу.

Это первая книга о соревновании, где собраны подлинные факты рабочего энтузиазма.

И я старалась в ней отразить проведение соревнования на фабриках.

Многие страдают недоверием к тому, что соревнование идет из масс и захватывает рабочих небывалым подъемом.

Материал в моей книге может убедить кого угодно в том, что это неверно, и что именно рабочие на фабриках переживают соревнование как что-то близкое, родное.

Хорошо, что меня не приняли, т. к. я испугалась бы Вас и не сказала того, что нужно.

Я знаю, что Вы страшно, до невозможного заняты, но попробуйте только начать читать, и Вас захватит этот материал.

Мне самой делается страшно, что я написала Вам письмо. Но эту книгу должны прочесть все.

Она плохо написана, потому что это моя почти первая вещь, но главное — это подлинные факты, которые в ней собраны[1].

Е. МИКУЛИНА

Тел. 2-38-03 ком. 53
Москва. Красная площадь. Ленинская гостиница, ком. 53.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 111. Д. 1047. Л. 48—49. Рукописный подлинник. Подчеркивания — авторские.

[1] Сталин принял Микулину 10 мая 1929 г. (см.: Исторический архив. 1998. № 4. С. 123).

№ 122
«СОРЕВНОВАНИЕ И ТРУДОВОЙ ПОДЪЕМ МАСС». ПРЕДИСЛОВИЕ СТАЛИНА К БРОШЮРЕ МИКУЛИНОЙ «СОРЕВНОВАНИЕ МАСС»

11 мая 1929 г.

Едва ли можно сомневаться, что одним из самых важных фактов, если не самым важным фактом, нашего строительства является в данный момент широко развертывающееся соревнование миллионных масс рабочих. Соревнование целых фабрик и заводов в самых разнообразных углах нашей необъятной страны; соревнование между рабочими и крестьянами; соревнование между колхозами и совхозами; закрепление этой массовой производственной переклички в специальных договорах трудящихся, — все это такие факты, которые не оставляют сомнения в том, что социалистическое соревнование масс уже вступило в силу.

Могучий производственный подъем трудящихся масс начался.

Это вынуждены теперь признать даже самые отчаянные скептики.

«Социализм, — говорит Ленин, — не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами»...

...«Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин является только теперь»... ибо «впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность **работы на себя**»...

...«Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти, — организовать соревнование».

Из этих положений Ленина исходила XVI конференция ВКП(б), когда она издала специальное обращение к рабочим и трудящимся о соревновании.

Некоторые «товарищи» из бюрократов думают, что соревнование есть очередная мода большевиков и, как таковая, должна заглохнуть по окончании «сезона». «Товарищи» из бюрократов, конечно, ошибаются. На самом деле соревнование есть **коммунистический метод строительства социализма** на основе максимальной активности миллионных масс трудящихся. На самом деле соревнование есть тот **рычаг**, при помощи которого рабочий класс призван перевернуть всю хозяйственную и культурную жизнь страны на базе социализма.

Другие «товарищи» из бюрократов, будучи напуганы могучей волной соревнования, пытаются создать для него искусственные рамки, вогнать его в берега, «централизовать» дело соревнования, сузить его размах и лишить его, таким образом, самого важного в нем — **инициативы** масс. Нечего и говорить, что расчеты бюрократов не оправдаются. Во всяком случае, партия примет все меры к тому, чтобы превратить их в щепки.

Социалистическое соревнование нельзя рассматривать как канцелярское дело. Социалистическое соревнование есть выражение деловой революционной **самокритики** масс, опирающейся на творческую **инициативу** миллионов

трудящихся. Всякий, кто стесняет, сознательно или бессознательно, эту самокритику и эту творческую инициативу масс, должен быть отброшен прочь с дороги как тормоз нашего великого дела.

Опасность бюрократизма выражается конкретно, прежде всего, в том, что он связывает энергию, инициативу и самодеятельность масс, он держит под спудом колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя, в недрах рабочего класса и крестьянства, он не дает использовать эти резервы в борьбе с нашими классовыми врагами. Задача социалистического соревнования состоит в том, чтобы разбить эти бюрократические путы, открыть широкое поприще для развертывания энергии и творческой инициативы масс, выявить колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя, и бросить их на чашку весов в борьбе с нашими классовыми врагами как внутри, так и вне нашей страны.

Иногда социалистическое соревнование смешивают с конкуренцией. Это большая ошибка. Социалистическое соревнование и конкуренция представляют два совершенно различных принципа.

Принцип конкуренции: **поражение и смерть одних**, победа и господство других.

Принцип социалистического соревнования: товарищеская **помощь** отставшим со стороны передовых, с тем, чтобы добиться общего подъема.

Конкуренция говорит: **добивай отставших**, чтобы утвердить свое господство.

Социалистическое соревнование говорит: одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше, — **догоняй лучших** и добейся **общего подъема**.

Этим, собственно, и объясняется тот небывалый производственный энтузиазм, который охватил миллионные массы трудящихся в результате социалистического соревнования. Нечего и говорить, что конкуренция никогда не может вызвать чего-либо похожего на подобный энтузиазм масс.

В последнее время участились в нашей печати статьи и заметки о соревновании. Пишут о философии соревнования, о корнях соревнования, о возможных результатах соревнования и т. д. Но редко можно встретить такие заметки, которые изображали бы сколько-нибудь связно картину того, **как** проводится соревнование **самими массами**, картину того, **что переживают** миллионные массы рабочих, осуществляя соревнование и подписывая договоры, картину того, что массы рабочих считают дело соревнования **своим собственным, родным делом**. А между тем, эта сторона дела представляет для нас в высшей степени важную сторону соревнования.

Я думаю, что брошюра т. Е. Микулиной является первой попыткой дать связное изложение материалов из **практики** соревнования, демонстрирующее дело соревнования как дело самих трудящихся масс. Достоинство этой брошюры состоит в том, что она представляет простой и правдивый рассказ о тех глубинных процессах великого трудового подъема, которые составляют внутреннюю пружину социалистического соревнования.

11 мая 1929 г.

И. СТАЛИН

Правда. 1929 г. 22 мая. № 114.
Печатается: Сочинения. Т. 12. С. 108—111.

№ 123
ЛУНАЧАРСКИЙ — В СЕКРЕТАРИАТ ЦК ВКП(б) ОБ ОШИБКЕ, ДОПУЩЕННОЙ В ЖУРНАЛЕ «ИСКУССТВО»

18 мая 1929 г.

Копия
Совершенно секретно

Уважаемые товарищи.

Во время моего продолжительного отсутствия за границей для участия в заседаниях Женевской комиссии по подготовке разоружения вышли объединенные первые два номера журнала «Искусство», являющегося органом главискусства при НКП.

Как только номер этот был мне представлен, я сейчас же отметил бестактность, сказавшуюся в репродукции лубка, изображающего беседу тов. Сталина с женщинами-нацменками. Надо заметить, что сам АХХР, выпуская этот лубок, конечно, имел наилучшие намерения и желал популяризовать подобными лубками наших вождей. Однако лубок сразу был отмечен общественным мнением как нелепый. Автор статьи в журнале «Искусство» воспроизвел его именно как пример таких безвкусных и слащавых стараний создать политический лубок при самых лучших желаниях, но без достаточного вкуса и сознательности.

Таким образом, у автора статьи и при напечатании статьи, и при комментарии, неуклюже составленном, были самые лучшие намерения, что, однако, не ослабляет неуместности и репродукции, и комментария. Вследствие этого я распорядился конфисковать все находящиеся еще в нашем распоряжении номера этого журнала и внес вопрос на ближайшее заседание коллегии, имевшее место вчера, 17/5, где и было принято постановление, мною при сем прилагаемое[1].

Это, разумеется, все, что я мог со своей стороны предпринять.

Заведующий Агитпропом ЦК ВКП(б) тов. Криницкий сообщил мне сегодня по телефону, что он считает меня (и тов. Свидерского) ответственным за напечатание вышеупомянутых нелепостей. Прежде всего, я категорически должен заявить, что с точки зрения существа вопроса я, конечно, нести ответственности за этот номер никак не могу[2]. Вообще мои функции редактора сводятся к появлению редакторских статей, разрешению разных спорных вопросов. Просмотр всего материала я по перегруженности моей в других отраслях просвещения взять на себя не мог. Это дело было поручено тов. Равичу под контролем тов. Свидерского. Но помимо того моя заграничная командировка уже совершенно лишила меня всякой возможности проследить за составом номера. Однако я нисколько не снимаю с себя ответственности чисто формальной. Как глава ведомства и как лицо, имя которого стоит на обложке журнала в качестве его ответственного редактора, я, разумеется, формальную ответственность несу, и является делом секретариата, на рассмотрение которого, по словам тов. Криницкого, поступает это дело, сделать те или иные выводы[3]. Я, однако, считаю особенно нужным подчеркнуть, что, разумеется, ни с моей стороны, ни со стороны в самом деле появления лубка и комментария к нему более виновных по существу лиц, т. е. автора и фактического редактора Равича, при этом не могло быть проявлено ни малейшего злого умысла, ни малейшей склонности относиться непочтительно к Генеральному Секретарю

партии. Мне, на мой взгляд, нельзя инкриминировать ничего, кроме разве того, что коммунисты, которым было поручено ближайшее наблюдение за журналом (редактор отдела изобразительного искусства тов. Курелла и фактический редактор тов. Равич) были одобрены мною для этой работы и в данном случае проявили недостаточную чуткость. Но и им, и тов. Свидерскому, и, наконец, самому автору статьи можно вменить только ту или другую степень недосмотра, неловкости, а никак не отсутствие должного уважения к заслуженным вождям нашей партии.

Нарком по просвещению А. ЛУНАЧАРСКИЙ

Верно: *(подпись).*

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 760. Л.162. Машинописная копия.

[1] Постановление коллегии Наркомпроса принимало к сведению заявление Луначарского о данном им распоряжении конфисковать все оставшиеся на складе экземпляры этого журнала. «2. Ввиду проявленной тов. Равичем, единственным ответственным редактором журнала во время отсутствия тт. Луначарского и Свидерского, небрежности, сказавшейся в помещении репродукции с недопустимого лубка и неуклюжего комментария к нему, снять его со всякой редакторской работы» (там же, л. 161).

[2] 21 июня Луначарский послал Молотову в Секретариат ЦК партии более короткую объяснительную № 71/сс. Молотов переслал ее Сталину (там же, л. 160).

[3] Речь идет о Секретариате ЦК ВКП(б), который разбирал эту проблему. Из постановления Секретариата № 120/31гс от 17 мая 1929 г. по докладу Керженцева о помещении в № 1 журнала «Искусство» лубка АХРР «Сталин среди делегаток». «Постановили: а) Указать Главлиту на недопустимость разрешения печатания в журнале конфискованного лубка. б) Объявить выговор редакции журнала «Искусство» (т.т. Луначарскому и Свидерскому) за напечатание в журнале конфискованного лубка в сопровождении текста пасквильного характера» (там же, л. 163).

№ 124
МИКУЛИНА — СТАЛИНУ. АВТОГРАФ НА БРОШЮРЕ «СОРЕВНОВАНИЕ МАСС»

22 мая 1929 г. (не ранее)

Т. Сталину

Не могу я сказать Вам, как сильно Вас люблю.

Но все, что я когда-нибудь напишу, — будет только для Вас.

Глупо так говорить, но я знаю, что те 20 минут, что была я у Вас в кабинете, останутся для меня незабываемыми.

Вся моя жизнь и творчество теперь напитаны Вами, и от этого я счастлива.

P. S. Так, конечно, не пишут автографы, но, право, я иначе не умею!

Е. МИКУЛИНА

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1047. Л. 19. Рукописный подлинник.

Предисловие Сталина к брошюре Е. Микулиной «Соревнование масс» помечено 11 мая 1929 г. Оно опубликовано в «Правде» 22 мая 1929 г. (см. документ № 122). После этого Госиздат издал брошюру тиражом сто тысяч экземпляров. Послание Микулиной Сталину написано на форзаце этой брошюры.

№ 125
СТАЛИН — ФЕЛИКСУ КОНУ О РЕЦЕНЗИИ НА БРОШЮРУ МИКУЛИНОЙ

9 июля 1929 г.

Тов. Феликсу Кон
Копия секретарю областного бюро ЦК
Иваново-Вознесенской области
т. Колотилову

Тов. Кон!

Заметку т. Руссовой о брошюре т. Микулиной («Соревнование масс») получил. Мои замечания на этот счет:

1) Рецензия т. Руссовой производит впечатление слишком односторонней и пристрастной заметки. Я допускаю, что прядилки Бардиной нет в природе и в Зарядье нет прядильной. Допускаю также, что Зарядьевская фабрика «убирается еженедельно». Можно признать, что т. Микулина, может быть, будучи введена в заблуждение кем-либо из рассказчиков, допустила ряд грубых неточностей, и это, конечно, нехорошо и непростительно. Но разве в этом дело? Разве ценность брошюры определяется отдельными частностями, а не ее общим направлением? Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтёлкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — никуда не годная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?

В чем состоит достоинство брошюры т. Микулиной? В том, что она **популяризирует** идею соревнования и заражает читателя духом соревнования. В этом суть, а не в отдельных частных ошибках.

2) Возможно, что в связи с моим предисловием к брошюре т. Микулиной критики ждали от этой брошюры слишком многого и чего-то необыкновенного и теперь, разочаровавшись в своих ожиданиях, решили наказать за это автора брошюры. Но это неправильно и несправедливо. Брошюра т. Микулиной, конечно, не является научным произведением. Брошюра т. Микулиной есть рассказ о делах соревнования масс, о практике соревнования. И только. Не вина т. Микулиной, если мое предисловие создало слишком преувеличенное мнение об ее, по сути дела, очень скромной, брошюрке. Нельзя за это наказывать автора брошюры, а также читателей брошюры, изъятием брошюры из продажи. Изымать из продажи можно лишь произведения не советского направления, произведения антипартийные, антипролетарские. Ничего антипартийного и несоветского в брошюре т. Микулиной нет.

3) Т. Руссова особенно возмущена тем, что т. Микулина «ввела в заблуждение тов. Сталина». Нельзя не ценить заботу о тов. Сталине, проявленную в данном случае т. Руссовой. Но она, эта забота, мне кажется, не вызывается необходимостью.

Во-первых, не так-то легко «вводить в заблуждение тов. Сталина».

Во-вторых, я нисколько не каюсь в том, что предпослал предисловие к **незначительной** брошюре **неизвестного** в литературном мире человека, ибо я ду-

маю, что брошюра т. Микулиной, несмотря на ее отдельные и, может быть, грубые ошибки, принесет рабочим массам большую пользу.

В-третьих, я решительно против того, чтобы давать предисловия только к брошюрам и книгам литературных «вельмож», литературных «имен», «корифеев» и т. п. Я думаю, что нам пора отрешиться от этой **барской** привычки выдвигать и без того выдвинутых литературных «вельмож», от «величия» которых стоном стонут наши молодые, никому не известные и всеми забытые литературные силы.

У нас имеются сотни и тысячи молодых способных людей, которые всеми силами стараются пробиться снизу вверх, для того, чтобы внести свою лепту в общую сокровищницу нашего строительства. Но их попытки часто остаются тщетными, так как их сплошь и рядом заглушают самомнение литературных «имен», бюрократизм и бездушие некоторых наших организаций, наконец, зависть (которая еще не перешла в соревнование) сверстников и сверстниц. Одна из наших задач состоит в том, чтобы пробить эту глухую стену и дать выход молодым силам, имя которым легион. Мое предисловие к незначительной брошюре неизвестного в литературном мире автора является попыткой сделать шаг в сторону разрешения этой задачи. Я и впредь буду давать предисловия только к простым и некричащим брошюрам простых и неизвестных авторов из молодых сил. Возможно, что кой-кому из чинопочитателей не понравится подобная манера. Но какое мне до этого дело? Я вообще не любитель чинопочитателей...[1]

4) Я думаю, что следовало бы товарищам иваново-вознесенцам призвать т. Микулину в Иваново-Вознесенск и «надрать ей уши» за те ошибки, которые она допустила. Я отнюдь не против того, чтобы пробрали хорошенько в прессе т. Микулину за ее ошибки. Но я решительно против того, чтобы толкнуть ко дну и поставить крест над этой безусловно способной писательницей.

Что касается изъятия брошюры т. Микулиной из продажи, то эту дикую мысль следовало бы, по-моему, оставить «без последствий».

С комм. приветом

И. СТАЛИН

9 июля 1929 г.

Впервые опубликовано: Сочинения. Т. 12. С. 112—115.

[1] С этим письмом перекликаются и другие эпистолярные документы Сталина. Например, 6 августа 1926 г. Сталин датирует «Ответ товарищам Алыпову, Чебуракову, Передерий». Из письма Сталина:

«Извиняюсь за поздний ответ.

Книжку тов. Стукова, до выхода ее в свет, я действительно читал. Тов. Стуков спрашивал меня — стоит ли ее печатать? Я сказал, что стоит, и даже похвалил в общем книжку. Но я читал бегло, имея в виду общую оценку плана книжки и общую ее ценность на нашем книжном рынке по вопросам стратегии и тактики пролетариата в 1923 г. Но я не знал, что тов. Стуков препроводит свою книжку замечанием о том, что она «подверглась предварительному просмотру последним», т. е. Сталиным. Во всяком случае, я согласия на это не давал ему. Если бы я знал о таком намерении автора, я ни в коем случае не дал бы согласия на такое заявление. Не дал бы согласия, так как я не имел возможности просмотреть книжку подробно и, вообще, не хотел, так сказать, приложить к книжке свою печать. Поэтому я не могу взять на себя ответственности за отдельные ошибки, имеющиеся в книжке» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 131.

Л. 46). К письму Сталина приложена информационная записка: «Справка. Алыпов Степан Акимович, 1898 г. рожд., член ВКП(б) с 1920 г., бывший заведующий Культпросветотдела Крайкома ВКП(б) Восточно-Сибирского Края, арестован в Москве по материалам УНКВД Восточно-сибирской области, как активный участник антисоветской организации правых в Восточной Сибири. Лично осуществлял связь организации правых с троцкистской организацией через БЯЛОГО, арестованного в Иркутске. АЛЫПОВ направляется усиленным конвоем в распоряжение УНКВД Восточно-Сибирской обл.» (там же, л. 50). Такие справки на адресатов писем Сталина использовались во время подготовки к изданию Собрания сочинений вождя. К моменту выхода в свет сочинений многие из корреспондентов были объявлены врагами народа, и их письма, равно как и письма в их адрес, как правило, не публиковались (см. также документы № 146—148, 150, 154).

№ 126
ФЕЛИКС КОН — СТАЛИНУ В ОТВЕТ НА ЕГО ПИСЬМО

10 июля 1929 г.

Тов. Сталину

Дорогой товарищ!

Заметку Руссовой я Вам переслал, полагая, что обязан поставить Вас в известность об обвинениях, выдвигаемых против т. Микулиной, независимо от того, разделяю ли взгляды т. Руссовой или нет.

С комприветом

ФЕЛИКС КОН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1047. Л. 62. Машинописный подлинник на бланке редакции.

См. документы № 120—122, 124, 128.

№ 127
ЛУНАЧАРСКИЙ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПЕРЕВОДЕ НА РАБОТУ В НАРКОМИНДЕЛ

Лето 1929 г.

Дорогой товарищ Иосиф Виссарионович!

Уже две недели я жду ответа на мое письмо к Вам.

Его нет.

Решаюсь напомнить Вам мою просьбу об ознакомлении меня с теми письмами, которые, по словам Авеля Сафроновича, послужили причиной постигшего меня удара[1].

Но кроме того, я просил Вас о коротком разговоре.

Я хотел обратиться через Вас к ЦК с просьбой. Мне кажется вряд ли полезным удерживать меня на работе в ученом комитете ЦИКС[2]. Когда я был членом президиума ЦИКС, у комитета начал создаваться авторитет. Верили, что лицо возглавляющее может похлопотать и т. п. Сейчас этой веры нет. Комитет не имеет большого доверия к себе своих учреждений, стремительно упало настроение сотрудников. Конечно, оставить здесь — буду работать, как только могу, но не лучше ли изменить положение?

Мне кажется, я мог бы быть полезнее в рамках Наркоминдела. Я знаю некоторые языки, некоторые европейские страны, приобрел кое-какой навык. Особенно удовлетворила бы меня возможность такой работы в самой Москве в коллегии Наркоминдела. Я думаю, что т. Литвинов не возражал бы против этого. Я приложил бы все старания оказаться на месте[3].

Кроме того, я хотел просить через Вас, Иосиф Виссарионович, ЦК о небольшом отпуске. Может быть, это стыдно, но мое здоровье заметно пошатнулось в результате знака недоверия ко мне партии[4].

Буду ждать Вашего ответа.

С коммунистическим приветом –

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 760. Л. 166—167. Рукописный подлинник на бланке Луначарского.

Там же. Л. 165. Машинописная незаверенная копия.

[1] О каких письмах идет речь, с точностью установить не удалось. 14 июля 1929 г. Политбюро при рассмотрении вопроса «О школе имени ВЦИКа (*дописано*: «военной»)» заслушало доклад Енукидзе. Постановили: «а) Утвердить решение совещания замов. б) Признать письмо т. Луначарского на имя т. Калинина антикоммунистическим по духу и совершенно непристойным по тону» (выписки: Рудзутаку, Горбунову (а), Луначарскому – все. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 792. Л. 12). Очевидно, что после подобной формулировки, в которой нарком расценивался как автор «антикоммунистического по духу и совершенно непристойного по тону» письма, он не мог оставаться на высшем государственном посту в области культуры и просвещения.

[2] 15 июля Политбюро принимает постановление «О т. Луначарском»: «а) Предрешить освобождение т. Луначарского, согласно его просьбы, от обязанностей Наркома просвещения и предложить т. Молотову в недельный срок представить кандидатуру на пост наркома просвещения» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 794. Л. 84). 22 июля Политбюро постановляет предрешить назначение т. Бубнова народным комиссаром просвещения РСФСР, поручив т. Молотову снестись по этому вопросу с т. Бубновым. Следующим пунктом: «Утвердить т. Луначарского председателем ученого комитета при ЦИКе СССР, с освобождением от этой работы т. Стеклова» (там же, д. 795, л. 73—74). 29 июля Бубнов будет окончательно утвержден в должности наркомпроса.

[3] Это станет одной из постоянных просьб Луначарского после его отставки с поста наркомпроса. 1 сентября 1932 г., рассмотрев по докладу Сталина очередной вопрос «О продлении отпуска т. Луначарскому», Политбюро отдельным пунктом постановления запишет: «б. Предложение т. Луначарского о назначении его послом в одну из стран Европы отклонить, имея в виду, что он может принести гораздо больше пользы в СССР» (*было*: «внутри СССР») (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 955. Л. 14).

[4] Вопрос об отпуске Луначарского будет решен Политбюро положительно. 8 июля Политбюро примет соответствующее постановление: «Обеспечить т. Луначарскому лечение заграницей. Признать ненужным поездку жены т. Луначарского заграницу». (Выписки: Луначарскому, Трилиссиру, Семенову. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 793. Л. 37). 14 декабря 1931 г. полпред Хинчук сообщит Молотову из Берлина: «Луначарский для выезда в Москву нуждается [в] одной тысяче марок. Задержка отпуска денег ежедневно увеличивает сумму. Срочите (так! — *Сост.*) как быть» (Сталин «за» — АП). (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 921. Л. 68). 28 мая 1932 г. Луначарский вновь обратится к Енукидзе из Женевы: «Не знаю, как благодарить соответственную инстанцию и лично Иосифа Виссарионовича за необыкновенно быстрое и благоприятное разрешение моей просьбы об отпуске для лечения» (РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 17. Л. 77).

№ 128
АЛЕКСЕЙ МИЛЬРУД — СТАЛИНУ О БРОШЮРЕ МИКУЛИНОЙ

19 сентября 1929 г.

Товарищ Сталин!

Мне пришлось столкнуться с резко отрицательными отзывами о брошюре Микулиной «Соревнование масс».

Внимательно прочитав брошюру и ознакомившись с материалами, я убедился в справедливости этих отзывов. Так как книжка Микулиной издана тиражом в 100.000 экз. и снабжена Вашим предисловием, — она имеет широчайшее распространение среди рабочих. Между тем, влияние творчества Микулиной — отрицательное. Это побудило меня написать рецензию, которую я передал в «Правду» около двух недель тому назад. Ответа до сих пор нет. Боюсь, как бы товарищ, к которому в «Правде» попала рецензия, не отклонил ее из-за неправильной оценки возможных результатов появления рецензии в печати. Надо помимо всего прочего учесть, что с этой брошюрой (из-за имени автора) связываются неприятные разговоры, имеющие значительное распространение среди рабочих Иваново-Вознесенска и Москвы.

Посылаю Вам копию рецензии. Считаете ли Вы ее правильной? И считаете ли Вы целесообразным ее печатанье?

19/9-29

С коммунистическим приветом

А. МИЛЬРУД

Ярославль, редакция «Северного рабочего».

РЕЦЕНЗИЯ СОТРУДНИКА «СЕВЕРНОГО РАБОЧЕГО» (ЯРОСЛАВЛЬ) А. МИЛЬРУДА, ПОСЛАННАЯ В «ПРАВДУ»

Тиражом в 100.000 экземпляров Госиздат этим летом выпустил брошюру Е. Микулиной «Соревнование масс». И тема, и марка ГИЗ, и тираж — все это заставляет предполагать, что мы имеем дело с хорошей агитационной книжкой, рассчитанной на огромные массы рабочих читателей, с книжкой, которая хотя бы в некоторой степени соответствует великому делу социалистического соревнования.

Брошюре предпослана статья тов. И. Сталина о могучем производственном подъеме трудящихся масс. В последнем абзаце статьи говорится о том, что брошюра является «первой попыткой дать связное изложение материалов из практики соревнования». Нужно сказать, что эту первую попытку постигла неудача.

И неудача столь сокрушительная, что брошюру на тех предприятиях, о которых в ней идет речь, считают вредной, дискредитирующей соревнование.

У книжки два порока, разъедающие ее от первой до последней страницы: первый — небрежность автора, вызвавшая громадное количество ошибок и извращений, и второй, — недопустимый, безобразный сусальный тон.

Отдельные главки посвящены Московскому Электрозаводу, Иваново-Вознесенской фабрике «Зарядье», заводу «Красный Богатырь» и другим пред-

приятиям. Везде брошюра получила самую резкую, отрицательную оценку. Конференция фабричных библиотекарей в Иваново-Вознесенске приняла следующее решение:

«Эта книга не соответствует действительности и как халтурное произведение должна быть изъята из продажи по Иваново-Вознесенскому району».

На Электрозаводе по предложению производственной комиссии брошюра снята с витрины заводской библиотеки, изъята из парткабинета и вычеркнута из рекомендательных списков.

Нет возможности в газетной рецензии перечислить хотя бы десятую часть всех ошибок Микулиной. Отметим некоторые из них. О «Зарядье» она пишет: «Это – комбинат. Здесь и прядильная, и ткацкая, и красильная». Прядильная появилась на «Зарядье» лишь по мановению авторской руки: не было и нет прядильной на «Зарядье». Микулина сообщает: «Электрозавод вырабатывает электрические лампочки... Тот отдел, который сделает лампочек больше, чем намечено программой, получает премию». Здесь – наоборот. Как раз электрозавод представляет собой комбинат. Там существует электроламповый, трансформаторный, аппаратный и другие отделы. Соревнование между ними заключается, конечно, не в том, кто «сделает больше лампочек».

Микулина о «Красном богатыре» пишет: «Каждый конвейер выпускает в день тысячу пар галош», – а конвейер выпускал тогда 1.600 пар. Заведующим галошной мастерской Микулина называет тов. Иванова вместо т. Личмана. Микулина объясняет: «Трансформатор – машина для измерения электрических токов», а трансформатор, как известно, служит для изменения напряжения. И т. д. и т. д. – бесконечная цепь ошибок.

Они свидетельствуют, что автор не знает того, о чем взялся писать. Они привели к тому, что рабочие встречают брошюру издевательским смехом. И что бы потом Микулина ни писала, все это кажется читателям легковесным, как шарики из бузины: доверие к автору потеряно, его агитация обращается против того дела, которому он хочет помочь.

«Небрежность» Микулиной дошла до того, что она в свою брошюру, без всякой ссылки, вставляет целые страницы, дословно перепечатанные с газет. Например, страницы 31–32 буквально повторяют отчет о собрании из № 85 газеты «Рабочий край».

Но гораздо серьезнее всех этих ошибок исключительный по своей приторности стиль брошюры, ее невозможное сюсюканье. Библиотечные работники Иваново-Вознесенска пишут в областной комитет партии: «Протестуя против искажения фактов, против слащаво-благополучного стиля, мы, библиотечные работники, обращаем ваше внимание, что работа с такой книжкой среди Иваново-Вознесенских рабочих ни в коем случае не может служить на пользу социалистического соревнования».

Услужливый, но халтурный автор оказался опаснее врага.

Вот как фальшиво Микулина рассказывает о собрании на «Зарядье».

«– Вот что, бабочки, – окончила она, – а если нас ткацкая вызывать вздумала – так это еще неизвестно, кто кого обгонит. Пусть ткачихи нос не дерут перед нами. Я думаю, бабочки, что мы так возьмемся, так очень просто можем даже их обогнать.

А в зале что делается, прямо беда. Чуть не дерутся ткачихи с прядилками. (Как мы уже говорили, прядильщиц на «Зарядье» – нет).

— Мы вас обгоним, — кричат ткачихи.

— Нет, мы, — не уступают прядилки.

— Ну, а когда так, — заявил Григорьев, раклист печатного отдела ситцевой фабрики, — то мы тоже будем соревноваться и для начала наша печатная машина вызывает брызгалки и ширилки.

Председатель фабричного комитета даже подпрыгнул на стуле» (стр. 46).

Или вот:

«В воскресенье собрались ткачихи фабрику мыть. Первый раз узнали стены, что такое мочалка и мыло. (Это тоже не соответствует действительности.) Вымыли двери, полы, станки хорошенько обтерли. Обтирали станки этак бережно да любезно, словно дитя родное.

А Марья, ткачиха, так прямо в голос:

— Ах, станочек, ты мой родименький, кормилец-батюшка» (стр. 41).

Но, описывая ход соревнования на «Зарядье», Микулина совершает также две политических ошибки. Вот как изображает она работу фабрики до соревнования:

«Жили до сих пор на фабрике тихо, спокойно. Отработали 8 часов, и ладно. Все работницы работали на двух-трех станках. Заправят нитку — пустят мотор и сядут, сложа руки на животе. А кто помоложе — газетку почитывает» (стр. 40).

Работницы «Зарядья» буквально негодовали, читая такое возмутительно-лживое описание работы на фабрике, где уже давно проведено уплотнение. После соревнования, по словам Микулиной, картина резко изменилась. Почему? Она объясняет:

«До соревнования ткачихи, случалось, и не особенно интересовались тем, стоит станок или нет. На «Зарядье» получали они поденно, а как поставили на сдельную выручку, тут им каждая минута дорога» (стр. 43).

Очевидно, автор брошюры совершенно не понимает, что означает это объяснение. Выходит вовсе, что не соревнование, а сдельщина создала трудовой подъем на предприятии. Это утверждение либо глупость, либо какое-то непонятное искажение действительной обстановки.

А вот как Микулина изображает организацию бригад на «Красном богатыре»:

«Комсомолки — те сразу отделились. Заняли себе отдельный стол.

Ну, старухи, которые по 10—15 лет работают, тоже выделились.

И так это подобрались бабочки, словно солдаты перед боем» (стр. 21).

О «Богатыре» Микулина пишет: «Работницы все 8 часов своей смены сидят в помещении, окутанном едким паром. За годы работы на заводе работницы пропитываются бензином и скипидаром. Недавно в заводских детских яслях брали на исследование молоко матерей. И нашли в нем бензин. От вредных условий работницы на заводе все малокровные, бледные, раздраженные» (стр. 17).

Это — прямая клевета. На «Богатыре» во вредных цехах введен сокращенный рабочий день, за последние годы осуществлен целый ряд мероприятий в области охраны труда, и работницы находятся там не в худших условиях, чем на других предприятиях. Что же касается бензина в молоке матерей, то мы сами не беремся судить об этом сообщении с научно-медицинской точки зрения. Но запрошенные нами врачи говорят, что это совершенно невозможно.

В заключение приведем еще одну сценку — на Электрозаводе:

«В перерыве рабочие шли в кабинет директора, вставали плотной стеной вокруг стола и настойчиво требовали ответа.

– Ты что это, в газете написал о 15 процентах экономии. Ты нам русским языком скажи – сколько это будет?» (стр. 13).

Достаточно побыть на любом советском предприятии один час, чтобы убедиться в пошлости этой надуманной сценки. Квалифицированные рабочие Электрозавода, не знающие, что такое 15 процентов экономии. Плотная стена вокруг директорского стола. Недостает только кулаков, стучащих об этот самый стол.

Это – пища для обывателей, сборник анекдотов, все что угодно, только не брошюра для рабочих о социалистическом соревновании.

Член общезаводской производственной комиссии Электрозавода т. Мартынов так охарактеризовал брошюру Микулиной:

– Книжка вредная. Лживая книжка. Нам приходится все время преодолевать сопротивление отдельных рабочих, каждый шаг вперед достигается ценой большого трудового напряжения передовой массы рабочих, а у Микулиной выходит, что у нас сыр в масле катается...

Эта меткая оценка лучше всего определяет труд Е. Микулиной. Жаль только, что из-за этой брошюры, с которой отказываются работать библиотекари фабрик и заводов, пропадает прекрасная статья т. Сталина, по явному недоразумению помещенная в одной обложке с столь постыдной брошюрой.

АЛЕКСЕЙ МИЛЬРУД

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1047. Л. 51—55. Машинописный подлинник. Подпись под письмом и под рецензией — автограф. Штамп о поступлении в ЦК 21 сентября 1929 г. Подчеркивания рукой неизвестного.

№ 129
МОЛОТОВ – СТАЛИНУ О СТАТЬЕ ШЛЯПНИКОВА, РОМАНЕ РЕМАРКА И ДРУГИХ ВОПРОСАХ

21 декабря 1929 г.

21.12.[1929 г.]

Здравствуй, Коба!

Надеюсь, что прошлое мое письмо ты получил.

1. Послал тебе вчера тел[еграм]му о статье Шл[япнико]ва. Надо его жульничество разоблачить. Жаль, что наши редактора не умеют беречь «Правду»[1].

2. Прочитал заявление Фрумкина. Тоже нельзя на него не реагировать. Беспринципность, обывательщина и замазанный нехитрыми словами правый уклон прет из него. У него не хватает честности признать свои шатания правыми и вообще хватает «смелости» не «касаться» вопроса о линии или, вернее, о линиях. Даже письмо Фр[умкина] в «Пр[авде]» (скромное! маленькое!) нельзя было, по-моему, печатать без критики со стороны редакции.

3. Читал и речь Бух[арина]. Пыжится, бедняга, но получается что-то вроде набора «пышных» слов.

4. Пишу сегодня записку Стецкому о книге Ремарка «На западе без перемен»[2]. Я решительно против массового распространения этой тупой буржуазно-пацифистской литературы. Пошленькое предисловие Радека достойно этого «левого» полубуржуазного журналиста. Прочти эту книжку, в ней есть и

яркие страницы о фронтовых людях, рассматриваемых автором архиограниченно — только как полуживотных и полумещан (всех сплошь!).

5. Прочел еще роман Горбунова «Ледолом». Недурная книжка, хотя автор здорово отстал от жизни (видно, роман написал год-полтора назад).

Ну, о книгах довольно.

6. Читал решение о Кирове и др. Насчет такого оборота дела (участие в грязном деле Десова, Комарова и др.) очень неожиданно, но все же не удивлен. Кого же в Лен[ингра]д? Для Лен[ингра]да, думаю, будет польза. Обновление там назрело.

Пока все.

Жму твою руку, пятидесятилетнего! Ко всему прочему должен добавить по-честному, что в своей работе, развитии и пр[очее] многим обязан тебе, твоей помощи.

Привет

В. МОЛОТОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 768. Л. 134—137. Рукописный подлинник.

[1] 21 декабря 1929 г. (не ранее) Сталин из Москвы послал отдыхавшему в Гагре Молотову шифровку: «Молотову. Копия Крумину. В «Правде» вообще не все обстоит благополучно. Я не читал статью Шляпникова. Из «Правды» сказали мне, что хотят напечатать «покаянное» письмо Шляпникова. Я им посоветовал почистить письмо до корней и только после этого пустить в печать. А они вместо этого напечатали гнусное письмо в его гнусном виде» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 63. Л. 54).

19 февраля 1932 г. на волне кампании по проведению в жизнь установок Сталина по трактовке истории большевистской партии будет принято постановление Оргбюро ЦК об исторических произведениях Шляпникова: «Ввиду того, что тов. Шляпников не только не признает этих своих ошибок, а продолжает настаивать на своих клеветнических, против Ленина и его партии, измышлениях, ЦК постановляет: 1. Прекратить печатание и распространение «исторических» работ т. Шляпникова («1917 год», «Канун 1917 года»). 2. Предложить т. Шляпникову признать свои ошибки и отказаться от них в печати. В случае же отказа со стороны т. Шляпникова выполнить пункт второй — исключить его из рядов ВКП(б)» (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 77. Л. 6).

[2] Книга Э. М. Ремарка из-за предисловия Радека после 1937 г. попала в «Спецхран». В издании 1959 г. (пер. Ю. Афонькина) роман назван «На Западном фронте без перемен».

№ 130
СЫРЦОВ — СТАЛИНУ ПО ПОВОДУ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СИБИРСКОГО КРАЙКОМА О М. ГОРЬКОМ

25 декабря 1929 г. (не ранее)

Тов. Сталин!

Мне не удалось, как хотел, поговорить с Вами о конкретном фактическом материале в связи с вопросом о полемике Горького и сибирских литераторов[1].

Я опасаюсь, что совершенно правильный удар по недопустимым выпадам против Горького (от которых к настоящему времени отмежевались основные Сибирские органы) попадет не совсем по адресу и частично окрылит в Сиби-

ри не наши элементы. Заслужил ли Сиб. Крайком такой удар, — а это будет несомненно для него сильным ударом. Персонально для Эйхе[2].

Резонанс эта резолюция получит очень широкий, не исключена возможность расширенной интерпретации этой резолюции («В Сибири Сталин начал один поворот, не с Сибири ли начинается другой?»).

Я ни в чем не хочу ломать линии и вносить диссонанс, но об этих сомнениях я хотел бы поговорить с Вами лично хотя бы post-factum. Т. Каганович, видимо, не совсем полно представляет себе это дело.

СЫРЦОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 816. Л. 68—69. Рукописный подлинник.

[1] Зачеркнуто: «Горький с чужих слов двух».

[2] 15 декабря по докладу Сталина Политбюро рассмотрело вопрос «О Горьком». Постановили: «Поручить комиссии в составе т.т. Кагановича, Стецкого и Сырцова в недельный срок рассмотреть проект постановления Политбюро в связи с кампанией против Горького в сибирских газетах и журналах. Созыв комиссии за т.....» (*дописано*: «Кагановичем») (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 814. Л. 16). Проект постановления Политбюро «о выступлениях части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького» (там же, л. 66—68) был подписан Кагановичем и Стецким. Постановление было проголосовано опросом. «За» высказались Сталин и далее по списку: Рудзутак, Ворошилов, Куйбышев, Томский, Микоян, Калинин и Сырцов.

Раздел третий

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ»

(1930 — сентябрь 1939)

№ 131
ШИФРОВКА СТАЛИНА КОСИОРУ И ЧУБАРЮ О СУДЕ НАД «КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ»

2 января 1930 г.

Харьков – Косиору и Чубарю

Когда предполагается суд над Ефремовыми и другими? Мы здесь думаем, что на суде надо развернуть не только повстанческие и террористические дела обвиняемых, но и медицинские фокусы, имевшие своей целью убийство ответственных работников. Нам нечего скрывать перед рабочими грехи своих врагов. Кроме того, пусть знает так называемая «Европа», что репрессии против контрреволюционной части спецов, пытающихся отравить и зарезать коммунистов-пациентов, имеют полное «оправдание» и по сути дела бледнеют перед преступной деятельностью этих контрреволюционных мерзавцев. Наша просьба согласовать с Москвой план ведения дела на суде.

№ 8/ш
2.1.30 г. 16-45

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 38. Л. 5. Машинописная копия, заверенная Суховой. Там же. Л. 6. Рукописный подлинник. Последняя фраза дописана Сталиным после окончания текста.

№ 132
ЗАЯВЛЕНИЕ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО В ЦК ПО ИТОГАМ КОМАНДИРОВКИ В ВЯТКУ

8 января 1930 г.

Копия.
В ЦК ВКП(б)

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

Довожу до сведения ЦК:

4 января я бросил неотложные работы и помчался в Вятку, так как получил из Вятки – направленную мне через ЦК партии – настоятельную телеграмму о том, что я должнен быть во что бы то ни стало 6 января в Вятке на вечере, начинающем неделю культурного творчества, что я молчу на сделанное ранее приглашение и что «рабочие-кожевники возмущены молчанием».

Надо было ехать. Приехал. Торжественности хоть отбавляй. То есть я таки и отбавил: отменил два торжественных вечера в клубе имени Д. Бедного с речами и декламациями в честь моей персоны, а встреча колоннами, объявленная в газете, не состоялась, к счастью, так как поезд опоздал и я приехал по-

здно ночью. НЕНУЖНОГО было до излишества намечено. НУЖНОГО — ничего! Бросилось в глаза, что ни от окружкома, ни от исполкома не явилось ни одной живой собаки. На мои вопросы встречавшим меня журналистам: что же мы будем делать? Что вы мне покажете из местных достижений? Ответа не было. Некому было отвечать. Седьмого января, не зная, что делать, я после полудня — по чьему-то случайному предложению: вот съездили бы в Ленинский район к кожевникам, — поехал в этот район по невозможной дороге верст за 25 от Вятки, поехал для того, чтобы — после встречи с оркестром и приветствиями — посмотреть на завод, который нужно при первой возможности подпалить с четырех сторон, такая гадость. Вернувшись в Вятку, я держал большую речь в клубе своего имени. После речи, горячо встреченной, раздались шумные требования: чтобы я подольше побыл в Вятке, познакомился с нею. В ответ я заявил, что нет смысла мне в Вятке задерживаться, так как никто мне ничего не показывает, я не вижу здесь фанатиков нового строительства, которые желали бы похвалиться своими достижениями, я вижу пьяную, богомольную Вятку, справляющую звериным пьянством старый рождественский сочельник.

Казалось бы, после этого-то хоть кто-либо должен был вынырнуть из окружкома или исполкома. Никого! После этого я в течение этого же вечера имел два выступления, на другой день тоже три больших выступления, измотался, охрип. Но и в этот день партийно-советская верхушка играла на вятский манер пьесу «Заговор молчания». На третий день, перед отъездом из Вятки, я послал в окружком нижеследующее письмо:

СЕКРЕТАРЮ ВЯТСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)

Уважаемый товарищ,

Вот уже третий день, как я в Вятке. Через несколько часов я уезжаю. С чем я уезжаю отсюда? С чувством горечи и недоумения. Вы задолго знали о моем приезде. Вы должны были также знать, что я приеду не для того, чтобы меня встречали на вокзале колоннами, читали в клубе стишки в мою честь и показывали примитивные клубные постановки. Во всяком случае, не это составляло цель моего приезда.

Главное должно было состоять в том, что мне в Вятке что-то покажут, чем-то похвалятся, приведут примеры творческого пролетарского соревнования, обнаружат, словом, что-то советски-ценное и вместе с тем свое, вятское, о чем такая громкая глотка, как моя, должна прокричать на весь Союз[1].

Случилось же с моим приездом в Вятку нечто в моей практике небывалое: окружком и окрисполком проявили демонстративное невнимание к моему приезду, как будто мой приезд — моя личная прогулка, а не работа по заданию партии.

Я уезжаю из Вятки, не видав Вятки. Мне пришлось выступать на шести собраниях, говорить много и до хрипоты, говорить «вообще», не имея возможности коснуться специально местных достижений и недочетов, так как я был абсолютно не информирован, и встречал загадочные пожимания плечами. Эта загадка должна быть разрешена. Настоящее мое письмо в копии передается в ЦК партии для полного выяснения всего происшедшего — точнее: не происшедшего — в Вятке во время моего приезда.

Если мне будет разрешено, я вятскому партийно-советскому аппаратному поведению дам надлежащее освещение в центральном органе партии. Если та-

кое пренебрежение партийной гласностью, такое укрывательство от «печатного глаза», такое нежелание воспользоваться не каждый день бывающим случаем показать себя с хорошей стороны перед всеми трудящимися Союза, читающими партийный орган, где должны появиться мои вятские впечатления, если все это, говорю я, есть наиболее похвальная и своеобразная черта вятского партийно-советского руководства, то эта черта должна быть прославлена.

С очень грустным приветом

8 января 1930 *ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ*

После такого письма – только после него! – заметили меня секретарь окружкома и предокрисполкома, оба явились ко мне в сопровождении предс[едателя] К[онтрольной] К[омиссии]. Это было за полчаса до отхода поезда, но беседа наша продлилась всего минут 15, так как не о чем было говорить. И секретарь, и председатель – скажу прямо – произвели на меня отвратное впечатление всей своей изворотливой, непрямой, неискренней, несвойственной хорошему большевику манерой говорить. Очень симпатичен председатель КК. Я так говорю о нем, несмотря на то, что он пытался выгородить своих компатриотов и отражал в изрядной степени их же настроение, имеющее, по-видимому, объективные основания, не сознаваемые ими самими. Я хочу сказать, что неприязненность ко мне носила не личный характер, судя хотя бы по тому, что, уходя, самый симпатичный все же ворчал: «Пропишете нас, зна-а-аем!.. Зна-а-аем как вы пишете!.. Мастера-а-а-а!» Я отвечал: «как бы я ни писал, но я никогда не вру. Прятаться от меня незачем».

Такова Вятка сверху. Какова она снизу, я напишу в фельетоне[2].

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

10.1.30 г.

Верно: *12.1.30 г.*[3]

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 701. Л. 48—51. Машинописная копия.

[1] Положение в городе не менялось на всем протяжении тридцатых годов. На реальные условия жизни не повлияло и присвоение городу имени Сергея Кирова. 5 августа 1936 г. секретарь Кировского крайкома Столяр и предкрайисполкома Бобков направили Сталину, Молотову шифровку (№ 978/ш) с мольбой о выделении денег на строительство водопровода: «В связи с фактическим отсутствием водопровода г. Киров переживает серьезные эпидемические кишечные заболевания и находится под постоянной угрозой пожара» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1118. Л. 38).

[2] Демьян откликнется на эту поездку через два месяца в стихотворении «Вятка»:

Попал я в тихие заводи Вятки
В православные святки.
Вятичи по улицам праздно шаталися,
На бойких лошадях каталися.
Попы со звездою
Прихожан навещали,
А те не водою
Попов угощали.
Гудели торжественно колокола.
Вятка пила!
— Ну, дела!..

Через десять лет после злой и саркастически уничижительной инспекции Демьяна в Вятку, 9 сентября 1940 г., будет принято постановление ОБ, утвержденное Политбюро о неудовлетворительном руководстве Пензенского обкома ВКП(б) торговлей и городским хозяйством г. Пензы. Вятка, Пенза, Пермь были сравнимыми величинами по шкале оценок достижений советского строя в поднятии жизненного уровня бывших крепостных окраин. Из постановления: «Крайне неудовлетворительно ведется хозяйство города. Город запущен, захламлен и завален мусором и нечистотами. Бани, из-за отсутствия топлива, работают нерегулярно, в то время как вокруг города Пензы топливо имеется в изобилии. Запущено состояние жилищ города. Средства, ассигнованные на капитальный ремонт жилых домов, не используются. Квартирная плата своевременно не собирается» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1277. Л. 55).

[3] 12 января 1930 г. по поручению секретаря ЦК ВКП(б) Молотова машинописная копия письма была разослана его помощником Могильным Сталину, Кагановичу, Смирнову, Бауману, Москвину, Бубнову и Артюхиной. Резолюция Сталина: «Письмо нехорошее. И. Сталин». Пометка рукой Сталина: «Личн. Арх.».

№ 133
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ДОНЕЦКОГО ОКРУЖНОГО ИСПОЛКОМА И ДИРЕКТИВА УПОЛНОМОЧЕННОГО (СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ)

16 февраля 1930 г. (не ранее)

Обязательное постановление
Донецкого окружного Исполнительного Комитета Севкрая
16 февраля 1930 г. № 7. г. Миллерово

О ЗАПРЕЩЕНИИ УБОЯ ПТИЦЫ

На местах наблюдается хищническое истребление птицы населением.

Птицеводство в условиях обобществленного хозяйства должно играть особо важное значение, как средство повышения общей доходности и устойчивости колхозного хозяйства.

В целях сохранения птичьего стада и возможности быстрого развития птицеводства, а также в целях усиления хозяйственной мощи колхозов, на основании «а» 6 положения об издании местными исполнительными комитетами обязательных постановлений (С. У. 26 г. № 39 ст. 304) Донецкий окружной Исполнительный комитет постановляет:

1. Обязать правления колхозов, а в отношении населения не вступившего в колхозы — сельсоветы в трехдневный срок учесть поголовье каждого хозяйства.

2. Хищническое истребление птицы рассматривать как преступный срыв правильного развития сельского хозяйства и повышения благосостояния бедняцко-середняцких масс.

3. Предложить правлениям колхозов в отношении таких хозяйств принимать решительные меры воздействия (дисциплинарные взыскания, денежные штрафы) вплоть до исключения из состава колхоза.

4. Лица, не вошедшие в колхозы и нарушившие настоящее обязательное постановление, подвергаются следующему административному взысканию: а) предупреждение. б) штраф не свыше 25 руб. или принудительные работы до 2-х недель.

5. Настоящее обязательное постановление входит в силу с момента его опубликования по телеграфу.

6. Наблюдение за исполнением настоящего постановления возлагается на милицию, сельсоветы, уполномоченных земельных обществ, вет[еринарных] уполномоченных, ветеринарный и агрономический персонал Правления колхозов.

Зампредокрисполкома ЩАТЛОВ
Секретарь КРАСИКОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1049. Л. 49. Машинописный текст.

ДИРЕКТИВА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЕЛЬСОВЕТА И СЕКРЕТАРЮ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЯЧЕЙКИ
(Северный Кавказ)

Копия
Председателю совета Артели т. Яковенко
и секретарю производ[ственной] ячейки т. Герешенко

Для восстановления хотя бы приблизительного порядка и чтобы отразить происходящие исторически важные [перемены], необходимо:

1. Немедленно приобрести весы для кладовых и разъездных (на всякие потребности).

2. Приобрести кладовые ведомости (несколько рублевых книг).

3. То же несколько книг обозных дворов.

4. Несколько тетрадей для канцелярий по временному учету требуемых учетных данных.

5. Несколько книг амбаров, семматериала и сем[енного] фонда.

6. Строго распределить обязанности между рабочим составом.

7. Дать перечень обязанностей всем ответственным завам с условием ведения по необходимым формам порученной им работы.

8. В установленные сроки, потребностью вышестоящих органов, требовать обязательной личной явки для дачи сведений с записей по книгам и ведомостями.

9. Устранить имеющиеся правые уклоны по вовлечению всей массы в общественную работу боевого организационного периода.

10. Для приведения беспорядочной массы колхозников в крепкие боевые колонны произвести разбивку на команды и назначить командиров, вменив в обязанность последним ежедневно или в 2–3 дня один раз являться в установленный час для информации и получения заданий. Означенная работа командира в команде, куда попадут и не колхозники, будет психически отражаться и на них.

11. Руководящему составу артели занять командные высоты, связаться телефонами и ординарцами и твердо командовать социалистическим боем, не покидая постов. Во все прорывы для восстановления положения срочно высылать боевиков-активистов из имеющихся резервов. (*Сталин*: «Ха-ха».)

12. Строго требовать от низшего комсостава полной ответственности за порученных людей и имущество, создав атмосферу действительного боя, а не мирного строительства. Нужен энтузиазм. Без энтузиазма и жертв со стороны лучших трудящихся мы не выйдем победителями. Для этого проводить периодически зарядку.

13. В минуты затишья командир объезжает боевые участки, заслуженных похвалить, нерадивых поругать и по всем категориям на выдающихся составить соответствующие представления. (*Сталин*: «Ха-ха».)

14. Командирам труд[овой] армии обзавестись большими тетрадями блокнотами при информации командиров все случаи, предусмотренные кодексами закона требовать письменных материалов (установленных) по распорядку же боя, все исторические моменты вписывать в тетрадь*. Быстро на них реагировать через личное распоряжение или блокнот и делать в записи пометку.

Более сложные вопросы разрешаются Советом. Дальнейшее будет вытекать из практических применений и разрешается Советом.

15. Первым необходимым в штабе Армии является учитывающий все количественные изменения в колоннах трудящихся, в колоннах живого и мертвого инвентаря, запасов и трофей — это бухгалтер.

16. Вторым должен быть начальник штаба — это секретарь.

Верно: *(подпись).*

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1049. Л. 50. Машинописный текст. Пометки Сталина — автограф.

Эти документы использованы Сталиным при написании статьи «Головокружение от успехов» (Сочинения. Т. 12. С. 198).

№ 134

ХАЛАТОВ — СТАЛИНУ ОБ ИЗДАНИИ ТОМА СОЧИНЕНИЙ ГОРЬКОГО С ОЧЕРКОМ «В. И. ЛЕНИН». ПРОЕКТ ПИСЬМА ХАЛАТОВА ГОРЬКОМУ

28 февраля 1930 г.

Дорогой товарищ Сталин!

Прошу Вас ознакомиться с прилагаемым проектом моего письма к т. Горькому по вопросу 22 тома его собрания сочинений, в котором содержится статья о В. И. Ленине, по моему мнению, нуждающаяся в серьезном пересмотре со стороны автора.

Я считаю необходимым поставить Вас в известность об этом моем обращении к Алексею Максимовичу, и если у Вас будут какие-либо указания, то я их учту при окончательной редакции письма.

С ком. приветом

Арт. ХАЛАТОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 7. Машинописный подлинник на бланке Халатова. Подпись — автограф.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Без даты)

Дорогой Алексей Максимович!

Сдали мы по Госиздату в набор 23 тома Ваших произведений, за исключением 22-го тома, включающего воспоминания и заметки о Чехове, Л. Толс-

* Так в тексте.

том, Л. Андрееве, Короленко, Ленине, Красине и др. По поводу этого тома мы решили предварительно с Вами посоветоваться, так как он вызывает у нас некоторые сомнения.

Больше всего нас тревожат Ваши воспоминания о Ленине. Ведь собрание Ваших сочинений является изданием массовым: оно идет стотысячным тиражом к рабочему читателю. К Вашему слову этот читатель прислушивается с особым вниманием. Это не слова: Вы имели возможность в этом лично убедиться во время Вашего пребывания в СССР. Учитывая это обстоятельство, нужно ли, например, Ваше свидетельство об отношении Ленина к Троцкому («...а вот показали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов...»). За время, истекшее с момента написания Вами этих строк, произошло так много перемен. Мы не хотели бы в массовом издании дать материал, используя который тайные и явные троцкисты получили бы возможность прикрывать свои позиции Вашим именем.

Мы, конечно, знаем, что у очень больших людей свои «слабости». Но еще так мало времени прошло со дня смерти Ленина; еще не пришло время писать о нем все, и особенно писать в массовом издании. Еще так мало у нас культуры, подлинного интернационализма в рабочей среде — и тут могут быть ложно истолкованы сделанные вами вскользь такие замечания: «был он насквозь русский человек», с «хитрецой Василия Шуйского, с железной волей протопопа Аввакума, с необходимой революционеру прямолинейностью Петра Великого», или слова Ленина: «русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови». Антисемитизма у нас еще много. Наши взаимоотношения с национальностями очень сложны и трудны — и всякие подчеркивания Вами в Ленине черты «гордости Россией и русскими», несомненно, будут использованы антиленинцами. Мы не хотели бы также Вашими устами утверждать в рабочем читателе мнения, что Ленин был «типичным русским интеллигентом», что «Ленин понимал драму бытия несколько упрощенно». Еще труднее нам приводить Ваши опасения, «что и любовь к Ленину у многих — только темная вера измученных и отчаявшихся в чудотворца...». Это, конечно, не так.

Вашей статьей о Ленине мы очень дорожим. Но мы просим Вас ее пересмотреть и проредактировать, учтя наши замечания. Вы знаете, как осторожно мы относимся к каждому слову о Ленине, и Вы не осудите нас за то, что мы вынуждены обратиться к Вам с этой настоятельной просьбой.

Поскольку Вам придется заняться пересмотром 22 тома «Воспоминаний и заметок», не найдете ли Вы возможным попутно перечитать и свои статьи о Толстом. Приходится иметь в виду, что в массах еще есть немало колеблющихся и что толстовцы и др. сектанты ведут у нас широкую пропаганду антиреволюционных идей, прикрываясь толстовским авторитетом. Поэтому необходимо, чтобы Ваши высказывания о нем не были поняты как поддержка взглядов Толстого и его учения.

Я убежден, дорогой Алексей Максимович, что Вы меня поймете и потратите время на просмотр 22-го тома.

Сделайте это поскорее, чтобы не задержать издание, которое мы спешим закончить.

Крепко жму руку.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 8—9. Машинописный текст.

№ 135
ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ЦК ВКП(б) О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Без даты)

1. Развернутое наступление социализма по всему фронту находит свое выражение и в области культурного строительства.

Культурная революция приобретает все больший размах, поднимая новые и новые пласты трудящихся, ускоряя со вступлением их в период социализма свой поступательный ход (культурный рост деревни на основе коллективизации), охватывая все области культуры (всеобуч, политехнизация школы, массовое просвещение и массовая культурная работа, печать, подготовка технических кадров и проч.). Одновременно происходит решительное вытеснение буржуазных и мелкобуржуазных теорий и внедрение марксистско-ленинского метода во все отрасли знания и культуры.

Художественная литература, как один из важнейших участков культуры, усиливает в связи с этим свое значение и роль: литература выросла количественно и качественно: она оказывает все большее влияние на массы; увеличилась читаемость художественных произведений, выросли тиражи, количество изданий и журналов.

Литературное движение становится подлинно массовым. Литература устанавливает новые связи с читателем. Создается и новый тип писателя, выходящего из заводов и колхозов и непосредственно связанного с массами.

2. За последние годы изменилось резко положение на литературном фронте, и по-новому встают вопросы литературной политики.

Пролетарская литература добилась несомненных и крупных успехов: она завоевывает своей продукцией массового читателя, выдвинув наиболее актуальную тематику, повышая свое идейное и художественное качество; она расширяет свои ряды притоком рабочих ударников в литературу. Вопреки как троцкистам, отрицающим самую возможность пролетарской литературы, так и правым оппортунистам, отрывающим пролетарскую культуру от культурной революции и не признающим культурной гегемонии пролетариата в отношении крестьянства, — пролетарская литература не только стала важнейшей частью советской литературы, но и все более осуществляет свою ведущую роль по отношению к другим отрядам художественной литературы.

Сплошная коллективизация деревни, ликвидация на ее основе кулачества как класса, культурный подъем колхозников и рабочих совхозов по-новому ставят вопросы крестьянской литературы. Писатели-колхозники становятся ближайшим и все растущим резервом пролетарского литературного движения.

Успехи социалистического строительства и обострение классовой борьбы в стране усилили дифференциацию в среде писателей-попутчиков. Часть бывших попутчиков, воспринимавших НЭП как форму перехода к буржуазной демократии, в результате краха сменовеховских иллюзий перешла на позиции активной борьбы против социализма; вместе с тем, растут ряды писателей-попутчиков, переходящих на сторону пролетариата и стремящихся активно участвовать в великой социалистической стройке.

Вступление СССР в период социализма, культурная революция — подъем активности масс и рост новых кадров писателей — все это создает условия для

величайшего расцвета искусства в Советском Союзе, и прежде всего художественной литературы, искусства, которое становится подлинно массовым, социалистическим и которое теперь уже создаст выдающиеся произведения.

3. Как и во всех областях политики и культуры, пролетариат, завоевавший власть и ведущий трудящихся к коммунизму, должен осуществлять свою руководящую роль и в области художественной литературы.

Эта руководящая роль может быть обеспечена, прежде всего, соответствующим идейным уровнем, высоким художественным качеством пролетарской литературы и влиянием ее как на массы читателей, так и на всю советскую литературу.

Пролетарским писателям необходимо преодолеть враждебные влияния, проникающие в художественное творчество и находящие свое отражение иногда и в произведениях пролетарских писателей. К этим влияниям, препятствующим развитию пролетарской литературы, относятся: теория независимости художественного творчества от классовой борьбы, пассивно созерцательный подход к жизни, увлечение бергсонианством (теория т. н. «непосредственных впечатлений») и фрейдизмом (выдвижение на первый план т. н. «области подсознательности»), слепое подражание мастерам прошлого, игнорирование ведущей роли мировоззрения.

Лишь на основе идей Маркса и Ленина, применяя в своем творчестве их метод, пролетарские писатели могут осуществлять свою ведущую роль и создать литературу, достойную великого класса.

Пролетарские писатели должны упорно работать над качеством своих произведений, тщательно изучая и подготовляя материал, добиваясь совершенства языка, формы и глубины содержания художественных произведений вне зависимости от того, будет ли это большой роман или так называемые «малые формы» (повесть, очерк).

Пролетарские писатели сами должны показать пример беспощадной борьбы с халтурой, торопливостью, неряшливостью в художественном творчестве.

Необходимо отвергнуть со всей решительностью «левацкие» теории, которые под флагом борьбы с отставанием литературы от жизни пытаются свести художественную литературу к очерку, т. е. одному из ее видов, игнорируют проблему качества, отказываются, по существу, от воспроизводства в художественном творчестве всей сложности, противоречивости общественных отношений и всей глубины их перестройки, т. е. ведут к ликвидации художественной литературы как особого вида искусства (платформа группы «Литфронт»).

Эпоха социалистических революций, вступление СССР в период социализма, переход основной массы крестьянства к общественному хозяйству, героика строительства и классовой борьбы пролетариата дают исключительный материал для творчества и подъема художественной литературы на новые высоты. Пролетарские писатели должны встать в своем творчестве в уровень с эпохой и художественным творчеством участвовать в деле строительства нового общества и социалистической культуры.

4. Одним из важнейших условий роста художественной литературы, в первую очередь пролетарской, охвата ею современной тематики является усвоение писателями и применение в художественном творчестве метода материалистической диалектики.

Только на основе этого метода пролетарские писатели смогут воспроизвести в художественных образах всю сложность эпохи, многообразие классовой борьбы, показать не только противоречия действительности, но и разрешение их, отобразить рост новых социалистических отношений, новых людей — героев социалистической стройки, и создать произведения высокого художественного значения.

Метод материалистической диалектики не мирится с пассивно созерцательным отношением к действительности: он требует от художника уменья найти основные тенденции развития, в сегодняшней действительности видеть ее завтрашний день.

Это овладение методом материалистической диалектики может быть осуществлено пролетарскими писателями лишь в результате упорного труда и учебы, конкретного разбора и изучения художественных произведений, выявления того ценного, что уже создано на основе этого метода, а не путем деклараций и общих дискуссий.

ЦК ВКП(б) подчеркивает, что должна быть обеспечена полная возможность соревнования в области стиля и форм художественного творчества, а также возможность соревнования творческих течений внутри пролетарской литературы.

5. Социалистическое переустройство сельского хозяйства, и культурная революция в деревне вызывает к жизни новые кадры писателей из передовых колхозников в рабочих совхозов. Создаются необходимые условия для того, чтобы это литературное движение, которое раньше находило свое выражение, главным образом, в крестьянской литературе, стало массовым и все более сблизилось с пролетарской литературой.

Пролетарско-колхозные писатели должны перестроить свои организации, превратив их в подлинно массовые, стремясь охватить своими ячейками передовых колхозников и рабочих совхозов, поднимающихся к литературе, и тесно связаться с селькоровским движением.

Пролетарско-колхозным писателям необходимо добиваться повышения качества и идейного уровня своих произведений, показать в этих произведениях перестройку общественных отношений в деревне, борьбу с кулачеством, преодоление на основе коллективизации вековой темноты, предрассудков, «идиотизма» деревенской жизни.

Критика и пролетарские литературные организации должны помочь пролетарско-колхозным писателям освободиться от мелкобуржуазной ограниченности и кулацких влияний, еще встречающихся в творчестве колхозных писателей; необходимо всячески содействовать скорейшему усвоению писателями-колхозниками коммунистической идеологии. ЦК ВКП(б) констатирует, что пролетарское литературное движение до сих пор не оказывало нужной поддержки колхозным писателям; РАПП должен найти соответствующие организационные формы, чтобы обеспечить действительную помощь колхозным писателям и руководство ими.

6. Успешный ход социалистического строительства и разоблачение агентуры классовых врагов в СССР (процесс «Промпартии» и меньшевиков, СВУ и друг.) убеждают все более значительные слои интеллигенции в победе коммунизма. Растут ряды писателей-попутчиков, которые стремятся активно участвовать в социалистическом строительстве и отображать его в своем творчест-

ве, которые преодолевают ограниченность и колебания, свойственные мелкобуржуазной интеллигенции переходят на сторону пролетариата. Эти писатели становятся близкими союзниками рабочего класса и одним из резервов пролетарской литературы.

По отношению к этим писателям «общей директивой должна здесь быть директива тактичного и бережного отношения к ним» (резолюция ЦК ВКП(б) от 18 июня 1925 г.), т. е. такого подхода, который обеспечивал бы все условия для возможно более быстрого и полного усвоения ими коммунистической идеологии.

Критика и пролетарские литературные организации должны установить тесную товарищескую связь с этой частью писателей, содействуй их приближению к рабочему классу и его партии, втягивая их в совместную работу, товарищески критикуя вместе с тем их ошибки, колебания, элементы буржуазных влияний, еще встречающиеся у писателей-попутчиков. Необходимо всемерно развивать выдвигаемые писателями новые формы писательского труда (литературные бригады, связь писателей с заводами и колхозами и пр.). Необходимо развивать и новые формы связи писателей с массовым читателем (литературные вечера, вечера рабочей критики и проч.).

Должна быть усилена борьба с элементами бюрократизма в литературных организациях: необходим решительный отпор всяким попыткам подмены писательской общественности администрированием руководящих центров этих организаций.

7. Не имея в условиях диктатуры пролетариата легальных возможностей для политической деятельности, классовый враг особенно упорно стремится овладеть трибуной искусства. Устанавливается прямая связь буржуазной литературы в СССР с зарубежным фашизмом и белой эмиграцией (СВУ, литературная агентура националистической контрреволюции в Белоруссии, Узбекистане, Кондратьевская группировка, «цех индустриалов» в РСФСР и др.). Апология буржуазной системы, пропаганда капиталистического пути развития советской страны, клеветническое опошление социалистического строительства, противопоставление города деревне, защита кулачества, «гуманизм», антисемитизм и буржуазный национализм, ставка на внутрипартийные разногласия и прямая поддержка сил, выступающих против генеральной линии партии, — таковы важнейшие формы проявления буржуазной идеологии в литературе.

Марксистская критика, печать и издательства не всегда своевременно и не всегда глубоко разоблачали чаще всего замаскированные вылазки классового врага.

Необходимо, вскрывая все проявления буржуазной литературы, разоблачая ее перед советской общественностью и отрывая от буржуазных писателей писателей-попутчиков, добиться полного разгрома буржуазной литературы, этого рупора классовых врагов.

8. Подчеркивая, что развитие национальной по форме и пролетарской по содержанию культуры вытекает из существа культурной революции пролетариата и является условием привлечения всех национальностей СССР к строительству социализма, партия ставит перед советской литературой, и прежде всего перед пролетарскими писателями, задачу решительной борьбы со всеми проявлениями великодержавного шовинизма и местного национализма в те-

ориях культурной революции, художественном творчестве и практике работы писательских и издательских организаций.

Идеологи отживающих классов стремятся задержать культурное наступление пролетариата, ломающие все рамки национальной ограниченности, создавая теории «борьбы национальных культур», пытаясь вкладывать в национально-культурное строительство феодально-буржуазное содержание и противопоставляя лозунгу социалистической культурной революции — лозунг равнения на культуру буржуазного Запада или буржуазно-феодального Востока.

Критическую переработку дореволюционного наследства они пытаются подменить его канонизацией.

Проявления местного национализма, далеко не изжитые в творчестве попутнических, крестьянских и даже некоторых пролетарских писателей, в значительной мере питаются и усиливаются тенденциями великодержавного шовинизма, представляющего при разрешении национального вопроса главную опасность и находящего свое выражение в художественной литературе.

Ведя борьбу с буржуазным влиянием в национальных литературах, пролетарские писатели должны на деле закрепить теснейшее сотрудничество национальных литератур: следует систематически переводить на языки народов Союза главнейшие художественные произведения, усиливать живой обмен писательскими делегациями, укреплять интернациональные писательские организации.

9. Марксистская критика еще далеко не достаточно выполняет роль теоретического авангарда пролетарского литературного движения. Ее кадры малочисленны, особенно в национальных республиках и областях. Не используя в достаточной степени огромный опыт марксистско-ленинской теоретической мысли, она по большей части отстает от творческой практики литературного движения и оказывает совершенно недостаточную теоретическую помощь крестьянской и попутнической литературе.

Литературная критика должна давать отпор не только открытым проявлениям буржуазной идеологии, как в художественном творчестве, так и в области теории, но и вылазкам классового врага под маской марксизма. Такая фальсификация марксизма не всегда встречает достаточно резкий и своевременный отпор.

Опыт переверзевщины в литературоведении, равно как рубинщины в политэкономии и других проявлений классово-враждебной идеологии на различных участках, требует от теоретических кадров партийцев большей зоркости и принципиальной непримиримости в борьбе за марксизм-ленинизм. Еще окончательно не разоблачены правооппортунистические элементы критики, играющие роль прямого орудия буржуазной литературы, равно как «левые» теоретики ликвидации искусства, подменяющие идейное руководство литературой бюрократическими окриками.

«Ни на минуту не сдавая позиций коммунизма, не отступая ни на йоту от пролетарской идеологии, вскрывая объективный классовый смысл различных литературных произведений, коммунистическая критика должна беспощадно бороться против контрреволюционных проявлений в литературе, раскрывать сменовеховский либерализм и т. д. и в то же время обнаруживать величайший такт, осторожность, терпимость по отношению ко всем тем литературным прослойкам, которые могут пойти с пролетариатом и пойдут с ним. Коммунистическая критика должна изгнать из своего обихода тон литературной ко-

манды. Только тогда она, эта критика, будет иметь глубокое воспитательное значение, когда она будет опираться на свое идейное превосходство. Марксистская критика должна изгонять из своей среды всякое претенциозное, полуграмотное и самодовольное комчванство. Марксистская критика должна поставить перед собой лозунг – учиться и должна давать отпор всякой макулатуре и отсебятине в своей собственной среде» (Рез[олюция] ЦК ВКП(б) от 18 июня 1925 г.).

Марксистская критика должна решительно повернуться лицом к художественной практике, помогая писателям, их творческому росту, преодолению ими ошибок и слабых сторон их творчества, прежде всего, на основе конкретного анализа художественных произведений.

Комакадемия, литературно-критические журналы должны всячески содействовать выдвижению и воспитанию новых кадров марксистской критики.

10. Объединение пролетарских писателей РАПП и ВОАПП в основном проводило верную линию и стало опорным пунктом литературной политики.

Следует отметить, однако, недостаточное развитие самокритики внутри РАППа, наличие элементов администрирования, частое игнорирование на практике того основного положения, что РАПП является литературно-воспитательной, а не государственно-административной организацией.

ЦК ВКП(б) не сомневается, что Ассоциация пролетарских писателей сумеет преодолеть эти недостатки, обеспечить самокритику и создаст внутри РАПП товарищескую атмосферу для отдельных творческих течений и роста новых кадров пролетарской литературы.

Зав. Отделом культуры и пропаганды А. СТЕЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 232. Л. 214—223. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Фрагмент десятого пункта постановления впечатан под копирку в текст документа.

№ 136
АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ – СТАЛИНУ О КРИТИКЕ СВОЕГО ТВОРЧЕСТВА «НАЛИТПОСТОВЦАМИ»

19 марта 1930 г. (не ранее)

Копия

Дорогой товарищ Сталин!

Если бы вопрос шел о простой травле, я бы к Вам не обратился. Правда, довольно странно и больно оказаться человеком, обнаружившим «объективно» философскую концепцию контрреволюционера. Однако можно это признать логическим завершением четырехлетней внутриорганизационной травли и творческой дискредитации со стороны товарищей «налитпостовцев». Мне нисколько не удивителен тот факт, что они, встретив восторженными кликами пьесу «Выстрел», умудрились в течение десяти месяцев ни слова о ней не написать, а ныне обрушивают против нее громовые статьи, крича о мелкобуржуазной «левизне». Очевидно, присвоение мне философской концепции контрреволюционера должно увенчать здание моего отхода от пролетариата.

Но мне кажется, что все это имеет высоко принципиальное значение. Если проследить за теоретическими корнями пропаганды творческого метода психологического реализма, предписывающего отправляться от отображения индивидуальной психологии; если припомнить, что эта пропаганда сопровождалась замалчиванием или прямой травлей всякого проявления политического жанра в литературе, то немудрено понять заботу тов. Сутырина о воспевании человеческой личности в противовес воспеванию коллектива. Простите меня, но, при всей моей скромности, я осмеливаюсь утверждать, что если по отношению к моей поэме «День нашей жизни» можно ставить вопрос о моем стремлении «уничтожить личность» и моем представлении о социализме как о «социализме середняков», то это обнаруживает чью-то болезнь: или мою, или тов. Сутырина[1].

Госиздат хотел просить у вас предисловия к массовому изданию пьесы «Выстрел»[2]. Я отсоветовал ему, ибо знаю Ваше законное нежелание давать предисловия к произведениям уже выявившихся литераторов. Но кто знает? Может, мне надо было еще заявить, что Вы не можете давать предисловия к мелкобуржуазным пьесам. Я со всем творческим азартом писал поэму «День нашей жизни». Но, может, действительно мой творческий пыл оборачивается объективным лицом контрреволюционной концепции... Не скажу, чтобы это меня не волновало. В моей творческой и человеческой судьбе это имеет немаловажное значение — особенно Ваше мнение, Ваш ответ. Он мне нужен как хлеб, как воздух, ибо я хочу работать, а лучше уж ничего не делать, чем работать не на дело партии.

Но все же мне гораздо важнее вопрос о болезнях пролетарской литературы, как-то выявившихся из мотивировок полемики тов. Сутырина против поэмы, против политического жанра и т. д. Я прошу Вас ответить на мои вопросы, ибо все-таки уверен, что я Вам не безразличен, как писатель, и безгранично уверен в Вашей искренней любви к пролетарской литературе. Вы можете обнаружить неправоту обеих или одной точек зрения на творческие пути пролетарской литературы, а это будет иметь необычайное значение, так как сейчас пролетарская литература должна же перевооружиться, чтобы наилучшим образом выполнить задачи реконструктивного периода.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Вчера мне сказали в «Правде», что в статье тов. Ермилова, которая пойдет в литстранице, есть место, что поэма «День нашей жизни» есть также проявление комсомольского авангардизма. Если это не пришивание уклона, то что же это такое?

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1049. Л. 62. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

Там же. Л. 60—61. Машинописная копия.

[1] Реконструкция описываемых событий: 4 марта 1930 г. в Колонном зале Госиздат и РАПП организовали литературный вечер. Открыл его Халатов. Сутырин выступил с докладом, в котором, в частности, сказал, что «только тогда писатель отобразит сегодня, если будет работать методом диамата». В прениях выступил Безыменский, который полемизировал с психологическим реализмом и потребовал вынести вопрос о творческом методе на обсуждение широких пролетарских масс. В прениях также выступили Бруно Ясенский, Тарасов-Родионов, Луговской. Безыменский прочитал поэму «День нашей жизни».

[2] Безыменский выступал с резкими нападками на «Дни Турбиных», а его пьеса «Выстрел» (1929) пародировала это булгаковское произведение.

Судьба «бородатого комсомольца» Безыменского не сложилась трагически. 9 ноября 1937 г. Ставский запросит санкцию Андреева и Мехлиса на вывод Безыменского из редколлегии журнала «Новый мир»: «Дело его находится в настоящее время в Краснопресненском райкоме ВКП(б)». 17 ноября Мехлис повышает степень политической преступности поэта, докладывая Сталину и секретарям ЦК о его исключении: «В редакцию журнала «Новый мир» входит А. Безыменский, исключенный парторганизацией Союза советских писателей из партии за долголетнюю связь с троцкистами и принадлежность к троцкистам». Но даже в годы борьбы с космополитизмом Безыменский будет защищен от проработок и чисток. К своему пятидесятилетию он не без согласия Сталина награжден вторым в престижной иерархии советским орденом Трудового Красного Знамени. 8 февраля 1948 г. Политбюро утвердит решение Секретариата ЦК (№ 338/201, 2 февраля) о награждении «писателя» Безыменского (не «поэта» и не «литератора», а именно «писателя»). В решении отсутствовали формулировки и конкретизация заслуг: «Принять предложение ЦК ВЛКСМ и ССП о награждении писателя А. И. Безыменского, в связи с 50-летием со дня рождения, орденом Трудового красного знамени». Это решение завизировал Сталин (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1509. Л. 45).

№ 137
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» ТРОИЦКИЙ — СТАЛИНУ

24 марта 1930 г.

24 марта 1930 г.
Тов. Сталину

Я Вам направил 23/III с. г. телеграмму от нашего корреспондента из Минска (копию прилагаю)[1].

Редакция считала бы целесообразным послать в данный район бригаду с тем, чтобы на примере Шкловского или Кричевского района ударить по упорствующим в перегибах и по паникерам и добиться там смены партийного, комсомольского и другого руководства (если, конечно, подтвердится картина, даваемая нашим корреспондентом)[2].

Мы очень просили бы Вас, т. Сталин, указать нам, во-первых, целесообразен ли такой удар вообще, во-вторых, целесообразно ли такой удар дать по указанным районам, имея в виду их близость к границе.

Отв. редактор «К. П.» А. ТРОИЦКИЙ

П. С. Попутно очень бы просил вас побеседовать со мной, а еще лучше — со всей редакцией. У нас имеется целая группа как общеполитического, так и практического порядка вопросов, связанных с работой «Комс. правды».

А. ТРОИЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1049. Л. 51. Машинописный текст на бланке редакции «Комсомольская правда». Адрес: Малый Черкасский, д. 3/4. Пометка рукой Сталина: «Личн. арх. Ст.».

[1] Текст телеграммы:

«Минск, 22 (Наш. корр.). В связи с опубликованием статьи т. Сталина отдельные райкомы партии и комсомола Белоруссии проявляют растерянность, неумение и нежелание выправить допущенные искажения и перегибы партийной линии в коллективизации.

В Могилевском округе Шкловского райкома специальным постановлением признано считать статью Сталина неправильной и ошибочной. Окружком недостаточно реагирует на антипартийное троцкистское постановление бюро Шкловского райпарткома. На партактиве Кричевского района, того же округа, коммунисты выступили против статьи Сталина. Окружком только вынес выговор бюро Кричковского (так в тексте. — *Сост.*) райкома и вызвал для объяснений бюро Шкловского райкома.

Считаем недостаточным и требуем решительно оздоровить руководство Кричевского и Шкловского районов. В частности, немедленно снять с работы троцкистов в бюро Шкловского райкома и проверить комсомольское руководство Шкловского района, не реагировавшее на антипартийное троцкистское постановление бюро райкома партии. Токарчук» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1049. Л.51—52).

[2] 23 марта 1930 г. (не ранее) Сталину сообщают об аресте рабочего Епифана Феня за чтение брошюры Сталина «Головокружение от успехов» в селе Андреевка, а также об арестах в Сель-Рады Софиевского района Запорожского округа. «Гражданина Фень арестовали, брошюры приложили к протоколу как вещественное доказательность, продержав его под арестом три дня. Я же, с большим испугом отнесся к принятым мерам к рабочему Фень, постарался сбежать из с/с, решил было со своей женой сжечь эти брошюры, но после одумался и ночью, чтобы никто не заметил, сбежал на Днепрострой» (из признательного заявления Лисуненко) (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1049. Л. 53, 53 об.).

№ 138
СТАЛИН — ХАЛАТОВУ. ОТВЕТ НА ПИСЬМО ОТ 28 ФЕВРАЛЯ 1930 г.

27 марта 1930 г.

Тов. Халатов!

Было бы хорошо, если бы т. Горький согласился внести в указанные Вами статьи соответствующие изменения. Но если т. Горький проявит сомнения или — тем более — не согласится внести изменения (а он может проявить сомнения, т. к. внесение изменений представляет для него некоторое неудобство), статьи придется издать без каких бы то ни было изменений.

С ком. приветом

И. СТАЛИН

27.III-30 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 822. Л. 10. Машинописный подлинник. Подпись — факсимиле.

В конце 1957 г. на волне антисталинских разоблачений XX съезда КПСС в ИМЛ было проведено внутреннее расследование обстоятельств появления второй редакции очерка Горького, который на десятилетия станет каноническим образцом трактовки фигуры Ленина и войдет в обязательный список школьной программы по советской литературе. 21 октября 1957 г. сотрудник института Либерзон в письме на имя заместителя директора ИМЛ А. А. Струнова свидетельствовал: «В июне 1930 г. был получен ответ Горького, в котором он писал, что после прочтения биографии Троцкого он, Горький, убедился, что Троцкий относился к Ленину безукоризненно, — и поэтому абзац о Троцком он вычеркивать не станет <...> Этим ответом Горького руководство Госиздата было поставлено в тупик. Решили выпустить другой том Собрания сочинений Горького, а выпуск тома очерков немного задержать. Тем временем Халатов информировал И. В. Сталина об ответе Горького и просил указать, как поступить. Отчетливо помню,

что в своем ответе И. В. Сталин указывал, что «старика не следует волновать и печатать так, как хочет Горький» (РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 474. Л. 29—30). Тем не менее Горький внес требуемые изменения в очерк, которые существенно изменили текст по сравнению с первым изданием, вышедшим в Берлине в 1925 г. в издательстве «Книга» (см. также документы № 134 и 145).

№ 139
«НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КИН»[1] — СТАЛИНУ С КРИТИКОЙ СТАТЬИ СТАЛИНА «ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХОВ»

2 апреля 1930 г.

7 апр.
Вх. № 88619

Тов. С Т А Л И Н!

Прочитавши Вашу статью, помещенную в «Правде», «Головокружение от успехов», я считаю, что эта статья распространяется также и на Вас, ибо у вас в первую очередь получилось головокружение от успехов, примером может служить то, что крайкомы, областкомы и окружкомы объявляют свои районы сплошной коллективизации, а ЦК под руководством вас утверждает постановления, не учитывая возможностей. Возьмем для примера Херсонский округ. 13 декабря 1929 года постановляют: провести сплошную коллективизацию округа до 1-го марта 1931 г., затем это решение отменяется и выносится новое, в январе 1930 г., провести коллективизацию до 1-го марта 1930 г., даются директивы районам, посылаются рабочие и студенческие бригады, посылаются члены партии для проведения работы, и в каждом районе было сотни людей, а по округу тысячи. Можно представить, во что это обошлось государству, в целых округах провести сплошную коллективизацию в течение двух месяцев, это является полнейшим абсурдом. О чем это говорит, это говорит о том, что наш ЦК партии, особенно т. Сталин, стали близорукими, не дальновидными, не знают настроения масс, а слепо верят низовым партийным организациям, которые стараются представить свои округа в радужных красках, а когда у вас, т. Сталин, головокружение прошло, вы пишете статью, выпускаете новый устав и т. д.

Спрашивается, а где вы были раньше, почему нельзя было раньше выпустить новый устав, почему нельзя было дать точной установки сразу и своевременно проверять работу, о чем это говорит, это лишний раз подтверждает о вашем головокружении, о том, что у вас узкий кругозор и не можете учитывать настроения масс и немного от них оторвались, — и вот результаты по Херсонскому округу сплошной коллективизации: на 31 марта отсеялось из колхозов 25% хозяйств, а некоторые колхозы совсем развалились, а после окончания посевкампании нужно еще ожидать отсева процентов на 25—30. Я считаю, что Херсонский округ проводил коллективизацию на добровольных началах, но беда в том, что короткий срок проведения работы не давал положительных результатов, окружные организации стали нажимать на работников, выносить выговора, снимать с работы, отдавать под суд, а отсюда, как следствие, получалось искривление линии партии, администрирование, запугивание и т. д., лишь бы не отстать от других районов, а другая причина — это то, что слиш-

ком много кампаний в одно время: примерно, коллективизация, сбор посев. зерна, сбор паевых и вступительных взносов, пай в кооператив, задолженность с.-х. т[оварищест]ву, задатки на трактора, а пользы от этой работы мало, и вот начинают выносить друг другу доганы (т. е. выговора), прямо стало модно получить выговор, и вы думаете, что окружные организации не знали об искривлениях? Знали, но молчали, боясь получить выговор от ЦК, а ЦК жал, давай — и кончено, не считаясь ни с чем. При мобилизации посев. зерна я как раз был в Снигиревском районе, Эрштмайского с/совета, Херсонского округа, это переселенческие еврейские колонии, там делали раскладку так: считали, что у Рабиновича или у Когана должны быть деньги и он может дать 100 пудов зерна, а определять по посев. зерну там нельзя было, так как они почти его не имеют, в этом я сам убедился, и верных 75% хозяйств продавали свои подушки, кровати, мебель и т. п. на базаре и покупали зерно и сдавали, и когда была объявлена последняя ударная трехдневка по сбору посевзерна, то мы в последнюю ночь не давали спать и три раза за ночь приходили под окна и стучали, говорили: собирайся на базар за посевзерном — и многие крестьяне-евреи впоследствии побросали свои хозяйства и уехали в города, т. к. им нечего было есть. У некоторых даже позабирали последние 5 пуд. муки, а ведь на них затратили большие средства для переселения.

Теперь немного относительно раскулачивания. Кулака-то мы ликвидируем, а нищету и беспризорность развиваем, выбрасываем детей кулаков, ни в чем неповинных, на улицу. С одной стороны, боремся с беспризорностью, эпидемией и преступностью, тратим большие деньги на это дело, а с другой стороны — разводим. Об этом необходимо подумать. Теперь в отношении роста материального положения рабочих; до 1928 г. материальное положение с каждым годом росло и крепло, укреплялся авторитет нашей партии и совласти не только внутри страны, но и заграницей, а теперь мы дошли до того, что уже есть нечего, в кооперативе пусто, на базаре дорого, очереди в кооперативе растут, проклинают все на свете. Я уже не думаю о взрослых, но надо же подумать о детях наших, которые не доедают и не допивают, растет поколение больное и хилое. Всякие налоги на рабочих растут неимоверно, как-то: квартирная плата, паи в рабкоп в размере месячного заработка, вклады, госзаймы, лотереи и прочие отчисления, так что не успеваешь поворачиваться, и когда приходит получка, то тебе причитается 20–25 руб., и приходится отказывать не только себе, но и своим детям. Так что жизнь стала каторжная, так что мы перещеголяли иностранного рабочего в отношении всяких налогов. Мы в несколько раз живем хуже их, и народ от такой жизни стал настоящим дикарем и озверел до невозможности. Газеты писали, что реальная зарплата рабочего в 1929 г., увеличилась на 3%, но ведь это же сущая брехня, когда сельхозпродукты первой необходимости вздорожали в два раза и даже промтовары и те подорожали, хотя не все. Так что зарплата реальная рабочего намного понизилась. Рабочему не нужно говорить, а ему нужно дать почувствовать на деле. И авторитет партии и совласти падает. Прав т. Калинин, когда он сказал, кажется, на Московском съезде советов, что политика без мяса и молока и овощей пустышка и что политика должна быть подкреплена материальной базой, а мы требуем, чтобы полуголодный рабочий поднимал производительность, платил всякие налоги, отрывая от своего бюджета. При

росте народного хозяйства безусловно должны быть трудности, но из этого вовсе не следует, что мы должны идти к нищете. Вдумайтесь хорошенько в этот вопрос, побывайте в рабочих массах, особенно среди женщин, послушайте, что они говорят, послушайте, что говорят рядовые партийцы-рабочие, говоря, что если бы Ленин был жив, то этого бы не было и что Ленин мог работать коллективно со всеми старыми членами партии, а Сталин их всех разогнал. Если бы сейчас началась война, конечно, я этого не хочу, но так предположим, то большинство крестьян было бы в бандах, настолько оно недовольно на соввласть. Вы можете подумать, что я сам из крестьян и даже, может быть, кулак, так я вам заявляю, что я рабочий, работал с 1911 по 1929 г. в Константиновке, Артемовского округа на зеркальном заводе фацетчиком, а отец мой и по настоящее время работает на зеркальном заводе, и в данное время я работаю в Херсоне, провожу посевкампанию. Адрес мой: гор. Херсон, Комсомольская ул. Д. 10, кв. 7.

КИН Николай Иванович

2.4.30

Верно.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 753. Л. 114—117. Машинописная копия.
Там же. Л. 118—20. Рукописный подлинник с пометкой неизвестного: «Архив (копия т. Сталина)». Письмо Кина зарегистрировано в ЦК 7 апреля 1930 г.

[1] См. документ № 142.

№ 140
СТАЛИН — «НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ КИНУ»

22 апреля 1930 г.

Тов. Кин!

Письмо Ваше получил. Если бы Вы могли отдать себе отчет в том, о чем Вы пишете в своем письме, Вы поняли бы без труда, что Ваши нападки несправедливы. Пройдет время, горячка отойдет, и Вы поймете, что Вы неправы от начала до конца. Поэтому я не берусь разубеждать Вас, коль скоро бабьи переговоры на базаре успели уже растрепать Ваши чувства, пусть время поработает над Вами.

Хотелось бы дать только один совет: не кичитесь тем, что Вы рабочий зеркального завода. Среди рабочих бывают всякие люди, и хорошие, и дурные. Я знаю старых рабочих с большим производственным стажем, которые все еще плетутся в хвосте за меньшевиками и до сих пор не могут освободиться от тоски по старым хозяевам-капиталистам. Да, т. Кин, всякие бывают на свете рабочие.

И. СТАЛИН

22.4.1930 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 753. Л. 123. Рукописный подлинник.
Там же. Л. 122. Машинописный подлинник. Подпись — факсимиле.

№ 141
ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО О ПОЛОЖЕНИИ ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

5 мая 1930 г.

Проект постановления

ОБ ИНКОРАХ
(*исправлено на*: «О положении иностранных корреспондентов»)[1]

1. Обязать народных комиссаров: Инодел, Внешн[ей] и внутр[енней] торговли, Земледелия, Финансов, Почты и Телеграфа, Председ. ВСНХ, Пред. Госплана СССР, Наркомов просвещения и Здравоохранения РСФСР, и их заместителей, а также пред. Правления Госбанка и пред. Главного Концесскома выступать время от времени по соглашению с НКИД со специальными сообщениями для информации инкоров. Устраивать эти выступления в соответственных наркоматах или учреждениях или же во время периодических чайных приемов, организуемых для инкоров НКИД не реже одного раза в месяц. Наблюдение за осуществлением этого пункта возложить на НКИД.

2. (*Зачеркнуто*: «В целях обеспечения правильности и своевременного снабжения инкоров».) При снабжении инкоров необходимой с точки зрения НКИД информацией установить такой порядок, при котором (*зачеркнуто*: «внутренняя») эта информация передавалась бы инкорам с таким расчетом, чтобы они могли отправлять ее своим газетам лишь немного позже отсылки тех же сведений заграницу ТАССом.

3. Расширить практику приглашения инкоров для осмотра существующих и вновь открываемых крупных технических, хозяйственных и культурных предприятий (*зачеркнуто*: «предоставляя им жел.-дор. льготы»).

4. Обязать НКПрос РСФСР обеспечить приглашение инкоров на генеральные репетиции или премьеры новых пьес.

5. Распространить на инкоров все льготы, устанавливаемые для других категорий иностранцев (*дописано*: «с установленными ограничениями») (спец. по оказанию технической помощи и др.) в получении из заграницы продовольственных посылок.

6. Облегчить обслуживание инкоров советскими гражданами и гражданками в качестве секретарей, переводчиков, машинисток, гидов, прислуги и т. д.

7. Принять меры к устранению поводов для справедливых жалоб инкоров на стеснительные меры цензурирования как в смысле техники, так и в других отношениях (*пункт вычеркнут*).

О ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ МИССИЯХ И ИНКОРАХ

7[2]. Председ. ЦИК Союза ССР и пред. Совнаркома СССР устраивать время от времени, но не реже двух раз в год, приемы (с соответственным угощением) для глав дипломатических миссий с обязательным участием наркомов СССР.

8. Обязать наркомов и других ответственных советских работников посещать приемы, устраиваемые для дипломатов и инкоров Наркоминделом.

9. Не препятствовать (*было*: «способствовать») общению дипломатов и инкоров с представителями советской общественности (художниками, актерами, учеными, представит[елями] либеральных профессий и т. д.).

10. Устранить препятствия к обслуживанию дипломатов и инкоров представителями либеральных профессий (врачами, ветеринарами), кустарями, ремесленниками и домашними работниками.

11. Разрешить и облегчить иностранцам создание спортивных клубов и площадок.

12. Предоставить в распоряжение НКИД один из загородных домов отдыха для устройства приемов в летнее время для дипломатов, возложив осуществление на т. Енукидзе и хозяйственное управление ВЦИКа. (*Пункт вычеркнут.*)

12. Обязать Московский совет выделить некоторое количество дач для представления их за плату инкорам и дипломатам.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 830. Л. 19—18. Машинописный подлинник. Правка рукой неизвестного.

[1] По этому вопросу докладывали Литвинов, Ворошилов, Долецкий и Менжинский (прот. № 124, п. 6. Утверждено с поправками).

[2] Так в тексте документа.

№ 142
ТОВСТУХА — СЕКРЕТАРЮ ХЕРСОНСКОГО ОКРУЖКОМА МАКЕЕВУ С ЗАПРОСОМ О «НИКОЛАЕ КИНЕ»

29 мая 1930 г.

29 мая 30
Секретарю Херсонского окружкома
тов. Макееву

На имя т. Сталина было получено прилагаемое при сем письмо некоего Н. И. Кина.

Посланный тов. Сталиным ответ Н. И. Кину был возвращен почтой, в виду ненахождения Кина по указанному в его письме адресу.

По поручению т. Сталина прошу Вас проверить, есть ли вообще в г. Херсоне такой Н. И. Кин или это вымышленные фамилия и адрес.

Пом. секретаря ЦК ТОВСТУХА

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 753. Л. 121. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 143
КИРШОН — СТАЛИНУ О ПЬЕСЕ «ХЛЕБ»

21 июня 1930 г. (?)

Дорогой тов. Сталин!

Я закончил пьесу, о которой Вам рассказывал. Она называется «Хлеб». Это первая пьеса задуманной мною трилогии. Эта относится к зиме 29 года, остальные будут посвящены непосредственно проблеме коллективизации.

До постановки пройдет еще много месяцев, и я смогу еще исправить пьесу. Очень прошу Вас указать мне ее недостатки.

Я очень жалею, что не мог закончить пьесу раньше, чтобы она могла быть показана съезду или хотя бы напечатана. Но, помня Ваш совет не торопиться, я не счел возможным ускорять работу в ущерб качеству.

Однако я не могу не послать Вам пьесу перед съездом[1], когда все члены партии отчитываются в своей работе, потому что так же, как и все мы, рассматриваю свое творчество как одну из форм участия в борьбе за линию партии.

С ком. приветом

В. КИРШОН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 1. Рукописный подлинник.
Там же. Л. 2. Машинописная копия.

[1] Речь идет о XVI съезде ВКП(б), на котором Киршон выступит с большой речью — отчетом от имени советских пролетарских писателей. Съезд проходил в Москве с 26 июня по 13 июля 1930 г.

№ 144
ВСЕВОЛОД ИВАНОВ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ РАЗРЕШИТЬ ОТПУСК В ИТАЛИИ С СЕМЬЕЙ

21 июля 1930 г. (не ранее)

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович,

Сей документ, не в пример тому, который я направил Вам полгода тому назад, будет касаться только меня лично.

Отягощенный долгами (коих у меня 14 тысяч), семьей и прочими грехами, накопил я страсть сколько материалов для того, чтобы написать какую-то большую и современную вещь. За оную вещь приняться мне сейчас трудно, так как вынужден я писать рассказики для того, чтобы питать семью, финансового инспектора и сглаживать прочие несуразности нашей писательской жизни. Давно уже А. М. Горький зовет меня и звал поехать в Италию для того, чтобы там посидеть в тени соответствующих деревьев и камней и написать кое-что посолиднее. Сейчас я к нему обратился с просьбой, чтобы он поддержал мое ходатайство перед Союзным Правительством о разрешении мне выехать на полгода с семьей (3 штуки ребят и жена) в Италию и чтобы мне разрешили и выдали валюты на 1000 долларов[1]. С такой же просьбой я обращаюсь к Вам. Я сам понимаю, что деньги сейчас — валюта куда как нужны для Республики, но в Америке и в Японии идет моя пьеса «Бронепоезд» в больших и хороших театрах, я думаю, что заграницей мне будет легче заставить эти театры заплатить мне авторские и из этих авторских я берусь возвратить ту сумму, которую мне даст Наркомфин. Кроме того, у меня заключен договор с крупнейшим издательством в Европе «Ульштейн» на тот роман, который я думаю закончить в Италии, и, реализовав этот роман, я тоже смогу вернуть деньги. Полагаю, что трудами своими в пользу Республики я заслужил некоего доверия.

Второе, почему я обратился к вам, — таково: после знаменитой истории с Б. Пильняком у советской общественности создалось к попутчикам некое настороженное внимание, и наряду с Евг. Замятиным и другими довольно часто упоминалось мое имя как упадочника и даже мистика[2]. Заявления эти остаются на совести наших критиков, и вызваны они были книгой моей «Тайное тайных» и некоторыми рассказами, от стиля которых я сам теперь отказался и

мотивы коих были вытянуты к жизни из моих, чисто личных, плохих настроений. Теперь я и сам с удовольствием бы от них отказался, но что написано пером — да и вдобавок «вечным», — того не вырубишь топором. Сейчас я побывал во многих местах России, съездил с писательской бригадой по Средней Азии — в самой отсталой Советской республике Туркмении — и сам я чувствую и другие говорят, что дух мой стал крепче. Но, — известная тень правого попутчика еще лежит на мне густо, и я думаю, что, если бы я подал просьбу о паспорте, где будет указано, что [о]ный писатель намерен уехать с женой, с детьми, не исключена возможность, что некоторые органы отнеслись бы к этому с иронией и подумали б «куда это он едет. Не лучше бы ему посидеть на месте» и прочее, а что касательно денег, то их бы и без иронии не выдали б, так что, даже и получив паспорт, я бы не смог выехать.

Года три тому назад я уже был в Европе, но видал только Европу внешне, поверхностно и не написал об Европе ничего. Теперь, после того, как я закончу свою работу в Италии, я думаю, отправив семью обратно, самому поехать в Рур и металлургические районы Германии с тем, чтобы посмотреть, как и чем живут европейские рабочие. Необходимо мне это для того, чтобы с весны будущего года можно было б уехать мне в сердце Донбасса и попытаться написать роман о советских горняках — «Углекопы» некоторым образом, в котором хотелось бы мне провести параллель между европейскими и советскими горняками, а не посмотрев на быт и нужды европейских рабочих, проделать это трудно.

Я понимаю, что задачи, которые я ставлю себе, очень трудны и ответственны, но я полагаю, что за ту любовь и прекрасное отношение, которое я встретил с начала моей литературной деятельности со стороны советской общественности, обязают (так в тексте. — *Сост.*) меня выплатить мой общественный долг перед советским искусством и выплатить его по-настоящему и по-хорошему. Этот долг можно выплатить только крупными и с широким охватом работами, в которых отразилась бы эпоха и люди, ее творящие. Я пишу это не для бахвальства, а потому что каждый должен веровать и с этой верой в свое дарование работать. А если не выйдет: катись под откос и я согласен скатиться под этот откос, не зажмуривая глаз на полном ходу курьерского поезда.

Вот почему я решился написать Вам это письмо, и, оканчивая его, я еще раз повторяю, что поеду в Европу не праздношатающимся туристом и соглядатаем — эти годы уже минули и не вернутся, — я поеду писателем, который обязан и должен сравнить эти два мира, противопоставленные друг другу и которым, может быть, очень скоро придется встретиться с оружием в руках друг против друга. Я люблю свою страну, я ее слуга и ее оружие — мое оружие.

Желаю Вам всего доброго в исполнении той мировой и ответственнейшей роли, которая выпала Вам на долю.

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Адрес мой: Москва, Первая Мещанская, дом № 6, кв. 2.
Или журнал «Красная новь», Ильинка, Старо-Панский, дом 4.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 718. Л. 43—45. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

Опубликовано: Источник. 1994. № 6.

[1] 21 июля 1930 г. Горький из Сорренто отправил телеграмму Сталину: «Убедительно прошу разрешить Всеволоду Иванову выехать с его семьей ко мне в Сорренто и дать ему тысячу долларов. Горький». На телеграмме надпись: «т. Каганович — за» (там же, л. 42). 24 июля Оргбюро приняло решение: «О тов. Иванове Всеволоде. Разрешить тов. Иванову Всеволоду с семьей выехать заграницу (в Сорренто) с выдачей ему тысячи долларов» (там же, л. 46). 30 июля Сталин, отдыхавший на юге, спрашивает Поскребышева: «т. Поскребышев. 1) В «письмах и заявлениях на имя Сталина» сказано, что письмо Всеволода Иванова «прилагается», а в материалах не оказалось письма Вс. Иванова. В чем дело? Забыли «приложить»? Скажите Молотову, что просьбу Вс. Иванова, по-моему, надо обязательно поддержать» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 107). О лояльности Вс. Иванова советской власти, большевистской партии и лично товарищу Сталину говорит тот факт, что 28 ноября 1927 г. Политбюро приняло предложение редакции «Красной нови» о включении в состав редакции Всев. Иванова (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 675. Л. 39).

С точки зрения кадрового вопроса это была качественно новая редакция главного советского «толстого» литературного журнала. 10 октября опросом Воронский был освобожден от обязанностей члена редакционной коллегии «Красной нови». По строгой бюрократической схеме получалось, что Вс. Иванов заменял в редакции самого Воронского (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 666. Л. 154).

[2] Ответы Евгения Замятина на эти обвинения см. в его интервью и заметках в сборнике: Замятин Евг. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / Сост. и коммент. А. Ю. Галушкина. М.: Наследие, 1999. С. 266—267. О рапповцах Замятин говорил: «Часто без какой-либо на то причины они клеймили книги «попутчиков» как «антиреволюционные». Последствия такой политики не были очень хорошими».

№ 145
ХАЛАТОВ — СТАЛИНУ О НОВОЙ РЕДАКЦИИ ОЧЕРКА ГОРЬКОГО «В. И. ЛЕНИН»

19 ноября 1930 г.

Дорогой товарищ,

При этом препровождаю для ознакомления:

а) Вновь отредактированную М. Горьким статью — биографию Ильича[1].

Обращаю Ваше внимание на вновь написанную главу о Лондонском съезде;

б) Статью М. Горького «13 лет Октября», предназначенную для очередной книжки журнала «Наши достижения»[2].

С коммунист. приветом

Арт. ХАЛАТОВ

П. С. Одновременно посылаю вам шестую книгу ж-ла «Наши достижения», в которой напечатана интересная статья Горького «О селитере», прочесть которую, может быть, Вам в свое время не удалось.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 718. Л. 47. Машинописный подлинник на бланке ГИЗ. Подпись — автограф.

[1] Из новой редакции 1930 г. статьи-биографии Ленина авторства Горького:

«Усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного, но говорил: — Грубоват. Идет за читателем, а надо бы немножко впереди.

К Маяковскому относился недоверчиво и даже раздраженно:

— Кричит, выдумывает какие-то кривые слова, и все у него не то, по-моему, не то и мало понятно. Рассыпано все, трудно читать. Талантлив? Даже очень? Гм-гм, посмотрим!..» (там же, л. 65). На очерке проставлена дата: июнь 1930 г.

20 мая 1930 г. (пять недель после смерти Маяковского) А. М. Пешков жаловался Бухарину: «А тут еще Маяковский. Нашел время! Знал я этого человека и — не верил ему» (РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 4. Л. 61).

[2] Статья «13 лет» впервые напечатана в виде редакционной в журнале «Наши достижения» (1930, № 10—11, октябрь — ноябрь). В авторизованные сборники не включалась. См.: Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 25. М.: ГИХЛ, 1953. С. 212—217.

№ 146
ПИСАТЕЛЬ РОЖКОВ — СТАЛИНУ О ПОЛОЖЕНИИ «В ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

6 декабря 1930 г. (дата поступления)

Тов. СТАЛИН!

Зная, что у Вас слишком много дел, я, тем не менее, обращаюсь к Вам с этой запиской, потому, что судьбы и значение пролетарской литературы достойны того, чтобы на нее обратить внимание.

Положение в пролетарской литературе такое, которое дальше выносить нельзя, оставаясь коммунистом. Я, как состоявший в группе «Литфронт», знаю те ошибки, которые были нами сделаны, ошибки, позволившие пролезть в эту организацию Гальпериным и т. п. Оценка этих ошибок нами дана в ряде документов. Но я не могу далее выносить такого положения, когда люди спекулируют на этом, и факт роспуска «Литфронта» самими коммунистами (в нем состоявшими) хотят представить не только как крах организационный, но как крах той критики немарксистских творческих взглядов, которая велась со стороны товарищей, состоявших в «Литфронте».

Из информации тов. Авербаха на Секретариате РАПП мне известно (через тов. Кина), что Вы сказали делегации рапповского руководства о том, что «Литфронт» оказался «созвучным» блоку Сырцова и Ломинадзе[1]. Не споря против этой квалификации по существу всем известных фактов, я стою за ее уточнение: надо ясно сказать, в чем «Литфронт» оказался созвучным. Ибо можно ведь дело представить и таким образом (и представляли товарищи налитпостовцы в своих статьях), что сами творческие взгляды товарищей, состоявших в «Литфронте», оказались созвучными, оказались причудливым сочетанием правого и «левого» оппортунизма». (См. «Творч. письмо РАПП» «Литгазета» от 4 октября, разд. «Правая и левая опасность в пролетлит-ре». Против последней интерпретации (имея в виду взгляды свои, Беспалова, Безыменского, Гельфанда, Кина, Камегулова[2]) я вынужден категорически восстать.

Потому, что дело обстоит как раз наоборот: товарищеские взгляды налитпостовцев представляют собой компромисс между Коммунистической и буржуазной идеологией. Я прилагаю к этой записке выдержку из белогвардейского журнала «Воля России», в которой классовый враг дает точную характеристику взглядам налитпостовцев. Свидетельство классового врага надо принимать во внимание: оно говорит о созвучии.

Для того, чтобы Вы лучше поняли свидетельство белогвардейцев «Воли России», я прилагаю специальную статью, в которой я доказываю, что творческие взгляды налитпостовцев представляют из себя воронщину и толстовщину — т. е. враждебную нам методологию.

Вы, тов. Сталин, разрешили налитпостовцам напечатать в «Правде» ответ фракции Секретариата РАПП по поводу Ермилова. («Правда» от 21 ноября с. г.)

В этом ответе коммунисты — руководители РАПП берут целиком Ермилова под защиту, а именно они пишут: «обвинять линию тов. Ермилова в родстве с воронщиной является такой же демагогией, как и обвинение в родстве с переверзевщиной»; ошибки тов. Ермилова допускались при общей правильной, большевистски-выдержанной линии, проводившейся им». Я заявляю, что это величайшая клевета на большевизм, ибо линия Ермилова — это самая обнаженная воронщина, т. е. слюнтявый гуманизм по отношению к классовому врагу, это вульгарная теория «живого человека» и др. Но почему именно рапповское руководство взяло Ермилова под защиту — это Вам станет ясно из прилагаемой статьи.

Положение сейчас невыносимо потому, что нельзя вести действительную и непримиримую борьбу с воронщиной и толстовщиной, ибо вся печать монополизирована налитпостовцами (все журналы в их руках, а которые еще не в их — доживают последние дни).

Мы почти не можем сейчас что-нибудь напечатать. Я написал брошюру, разоблачающую воронщину и толстовщину, но вот уже около 7 месяцев, как не могу ее издать. Около $2^1/_2$ месяца она лежит в ГИЗе и не издается. Думаю, что не случайно: люди трусят: не попадут ли они в уклон за напечатание книжки бывш. литфронтовца.

Если вы, тов. Сталин, разрешили напечатать в «Правде» ответ фракции РАПП о Ермилове, совершенно недопустимо берущий его под защиту, то я прошу Вас разрешить напечатать также в «Правде» прилагаемую статью. Она целиком основана на документах. Впрочем, Вы сами увидите.

Положение еще невыносимо потому, что люди трусят: думают, что критика ошибок РАППа — это защита «Литфронта» и, следовательно, антипартийное дело. Я (по докладу Авербаха) выступил в ячейке ЛИЯ (Институт литературы и языка Комакадемии) с критикой ошибок Авербаха, Фадеева и др. Авербах назвал меня «мелким жуликом», но критику не опроверг. Бюро же ячейки нажимает на меня, чтоб я признал ошибку: не там сделал ударение, не нужно было критиковать Авербаха.

Я хочу узнать, тов. Сталин, можно ли критиковать Авербаха и других, а если можно, то какие к тому реальные предпосылки? Ведь печать монополизирована налитпостовцами, а выступление на собраниях подводится под «агентуру Литфронта», а Литфронт подводится под Сырцова и Ломинадзе.

* * * * * *

Если потребуются личные объяснения, я их могу дать[3].
Бил. № 0048683

П. РОЖКОВ

Кратко о себе:
В литературе человек новый. Из Красной армии на рабфак, затем партработа, затем — подготовительное отделение ИКП и 2-й год на литер. отделении.

ПРИЛОЖЕНИЕ: В выдержке из «Воли России» говорится, что расхождение у нас с налитпостовцами «коренное».

Налитпостовцы сами этого не скрывают: Так в статье «Литер. газета» от 19 декабря тов. Селивановский пишет: «Когда мы вели борьбу с «Литфронтом» в

целом, мы знали, что перед нами идейный противник». (Ст. «Уроки Закавказск. Событий»).

Итак, противники мы, тов. Сталин, идейные (по линии творческого метода), а какой из идейных противников созвучен классовому врагу в постановке методологических вопросов творчества, — об этом выдержка из белогвардейского журнала говорит решительно и недвусмысленно.

П. С. По существу, прилагаемая статья направлена против «теории стихийности» в пролетарск. литературе. Против той теории, которую разоблачал Ленин и Вы, тов. Сталин, в своей работе «Вопросы ленинизма».

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 718. Л. 51–59. Рукописный подлинник.

[1] Сырцов недолго проработал председателем Совета Народных Комиссаров РСФСР. Занял позицию против сталинского курса на ускоренную индустриализацию, он также выступал против усиления режима личной власти Сталина. Сырцов был освобожден от должности главы правительства Советской России. Сырцов вступил в открытую конфронтацию с партийным руководством, заявив, что Политбюро фактически исполняет распоряжения Сталина вместо коллективной работы. Деятельность «право-«левацкого» блока Сырцова — Ломинадзе» подверглась осуждению высших партийных органов. 1 декабря 1930 г. Сырцов путем опроса был выведен из состава Политбюро и ЦК ВКП(б) за «фракционную деятельность».

[2] Анатолий Дмитриевич Камегулов (1900—1937) — русский советский литературный критик, в 1930—1931 гг. — заместитель ответственного редактора «Литературной учебы», участник РАППа.

[3] 8 июня 1934 г. П. Рожков направит Сталину копию своей книги «Нужна ли нам романтика» (М.: Советская литература, 1934). В дарственной надписи сказано: «Дорогой тов. Сталин! Эта книжка «издавалась» почти два года и увидела свет только после Вашего вмешательства. Я посылаю Вам этот экземпляр в благодарность за оказанную поддержку и в надежде на поддержку в будущем. Может быть, Вам удастся просмотреть брошюру как материал к всесоюзному съезду, поскольку в ней затрагивается один из коренных вопросов развития советской литературы. Автор. 8/VI-34». Книга из коллекции Государственной общественно-политической библиотеки Министерства культуры РФ (ГОПБ МК РФ).

№ 147
ВСЕВОЛОД ИВАНОВ И ЛЕОНИД ЛЕОНОВ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

Конец 1930 г. — начало 1931 г.

Дорогой и уважаемый
Иосиф Виссарионович,

Нам очень хотелось бы получить возможность повидать Вас и поговорить по поводу современной советской литературы.

Ваши высказывания по целому ряду вопросов, связанных с экономикой промышленности, сельского хозяйства и пр. внесли огромную ясность в разрешение многих сложнейших проблем нашего строительства. Отсутствие такой же четкой партийной установки в делах литературы вообще заставляет нас очень просить Вас уделить нам хотя бы самое краткое время для такой беседы, тем более, что нам хорошо известно Ваше постоянное внимание к этой области искусства.

В случае Вашего согласия просим Вас сделать распоряжение Секретариату позвонить по любому из телефонов (т. Всеволод Иванов 81-02, т. Леонид Леонов – 69-31).

С товарищеским приветом

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ
ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 737. Л.79. Машинописный текст. Пометка рукой неизвестного «Конец 1930 или начало 1931 г.».

№ 148
СТЕЦКИЙ – СТАЛИНУ ПО ПОВОДУ БЕЗЫМЕНСКОГО И «ЛИТФРОНТА»

9 января 1931 г.

Уважаемый тов. Сталин!

Болезнь меня вывела из строя на несколько дней, и я не смог своевременно ответить по поводу письма т. Безыменского.

Безыменский пишет иногда великолепные вещи. Но его выступления в области литературной политики, где он пытается тоже задавать тон, – крайне неудачны.

К сожалению, он не внимает никаким убеждениям. Еще весной, когда начинал складываться «Литфронт», я его убеждал, что ничего хорошего из этого дела не выйдет, так как они собрали там людей самых разнообразных политических тонов и так как их творческая платформа неправильна.

«Литфронт» оскандалился. Безыменский и Ко формально его распустили. Однако проповедь своих взглядов они продолжают с прежним жаром и, надо сказать, находят довольно широкий отклик. А каковы эти взгляды?

По существу – это своеобразное ликвидаторство в литературной области под флагом левой фразы. Достаточно прочесть программную статью Б. Кушнера «Причины отставания» в № 11 «Красной Нови». Литература отстает от жизни, художник должен идти быстрее, а потому долой психологию, долой «вынашивание» произведения, – да здравствует очерк, моментальная фотография. Такова суть этой программной статьи, которая к сожалению, была напечатана и в «Правде», без всяких примечаний. В резолюции Секретариата РАПП есть отдельные крикливые фразы, но она правильно оценивает «Литфронт».

Тов. Сталин, очень прошу дать возможность переговорить с Вами как по этим вопросам, так и по следующим:

1) об историках, где дело осложнилось теперь в связи, главным образом, с ролью т. Ярославского;

2) дискуссия у востоковедов, в этих делях я мало понимаю и могу напутать;

3) в комакадемии;

4) О «Правде» и «Известиях».

С ком. приветом

А. СТЕЦКИЙ

9.1.31 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 805. Л. 34—35. Машинописный текст. Незаверенный экземпляр.

№ 149
ЛИЛЯ БРИК – СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ НАПИСАТЬ ПРЕДИСЛОВИЕ К ТОМУ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ МАЯКОВСКОГО

21 января 1931 г.

21 января 1931 г.

Уважаемый тов. Сталин,

Год тому назад, в день памяти Ленина, в Большом театре В. В. Маяковский читал последнюю часть своей поэмы «Ленин», и Вы при этом присутствовали.

Сейчас мы готовим к печати тот том Академического издания Маяковского, в который входит эта поэма. Мы хотим отметить это выступление с политической и художественной стороны. Поэтому обращаемся к Вам с просьбой написать несколько слов о Вашем впечатлении. Том должен быть сдан в печать 1 февраля – поэтому очень просим не задержать ответом.

Л. БРИК (подпись)
Л. Ю. БРИК

Таганка, Гендриков пер. 15, кв. 5
Тел. 2-35-79

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 850. Л. 32. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.
Опубликовано: Вопросы литературы. 2003. Сентябрь — октябрь. С. 253.

№ 150
КОНСТАНТИН ТРЕНЕВ – СТАЛИНУ В СВЯЗИ С ОБЫСКОМ В ЕГО КРЫМСКОМ ДОМЕ

19 марта 1931 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Я, драматург К. Тренев, обращаюсь к Вам в тяжелый момент своей жизни.

По состоянию здоровья своего и семьи я уже свыше двадцати лет живу в Крыму, в г. Симферополе, лишь по временам выезжая, в связи с постановкой моих пьес, в Москву. В данное время я в течение нескольких месяцев работаю над постановкой в Малом театре моей новой пьесы на тему колхозного строительства.

К несчастью, в высшей степени напряженная и ответственная моя работа нарушена тяжелым сообщением моей семьи из Крыма: по неизвестным мне причинам в доме у меня произведен обыск. При обыске абсолютно ничего не взято, но предложено мне по приезде в Симферополь явиться в Г. П. У.

Прежде чем просить Вас, Иосиф Виссарионович, о чем бы то ни было, я считаю нужным дать Вам честное слово советского гражданина и писателя, что политическая совесть моя чиста. С первых же дней советской власти в Крыму и до сей минуты я все силы и литературные способности отдал на

честное служение ей. Результатом моих работ была сначала «Пугачевщина» в МХАТ-е 1-м, потом «Любовь Яровая» в Малом театре. Я надеюсь, что и готовящаяся в Малом театре новая моя пьеса послужит делу социалистического строительства, изображая его с тем же воодушевлением и напряжением творческих сил моих, с каким я стремился отразить великие моменты гражданской войны.

Я уже не молод, здоровье мое серьезно подорвано. В данный момент после исключительно напряженной работы, связанной с пьесой, я по заявлению врачей, нуждаюсь в немедленном, чуть ли не в постельном лечении и моральном покое, хотя ударная работа над пьесой требует и моего участия.

Прошу Вас, глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович, извинить меня за беспокойство, но я уже имел счастливый случай убедиться в Вашем внимании и доверии ко мне и уверен, что оправдаю его[1]. В настоящее же время я позволяю обратиться к Вам с просьбой облегчить мою жизнь и работу, оградив меня и семью мою от незаслуженных тревог и волнений.

С искренним и глубоким уважением

Драматург К. ТРЕНЕВ

19-3-31

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 818. Л. 75. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Третий абзац в тексте («к несчастью» и т. д.) полностью подчеркнут рукой неизвестного.

[1] 3 октября 1928 г. Сталин и Горький смотрели спектакль «Любовь Яровая». С ними были К. А. Тренев, Е. П. Пешкова и другие (см.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 3. М., 1959. С. 669).

№ 151

СТЕЦКИЙ — ГРОНСКОМУ ПО ПОВОДУ ПОМЕЩЕНИЯ В «ИЗВЕСТИЯХ» СТИХОТВОРЕНИЯ Д. БЕДНОГО «ОБРЕЧЕННЫЙ ЮБИЛЯР»

21 марта 1931 г.

Зам. ответредактора «Известий ЦИК» — т. ГРОНСКОМУ
КОПИЯ т. Д. БЕДНОМУ

Считаю политической ошибкой помещение Вами сегодня в «Известиях» стихотворения Д. Бедного «Обреченный Юбиляр»[1].

Образ нэпа — новой экономической политики — находится в резком контрасте со всеми теми характеристиками, которые даются партией, даются сегодня всей печатью, в том числе «Известиями» — в передовой[2].

Тов. Д. Бедный представляет НЭП просто-напросто в образе нэпмана.

Нужно ли разъяснять, что этот «образ», эта характеристика существа нэпа ни в коей мере не соответствует ни действительному существу новой экономической политики (см. определение т. т. Ленина и Сталина), ни содержанию того периода, который мы прошли, ни тем классовым отношениям, которые существовали и изменились за этот период.

«На самом деле нэп есть политика партии, допускающая борьбу социалистических и капиталистических элементов и рассчитанная на победу социалистических элементов над элементами капиталистическими»[3].

У т. же Демьяна получилось кривое, политически неверное отображение нэпа.

С коммприветом

А. СТЕЦКИЙ

21/3

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 58. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы. Пометка рукой Стецкого: «Копия т. Сталину». Пометка рукой неизвестного: «Молотову, Постышеву»[4].

[1] Из стихотворения по случаю десятилетия провозглашения новой экономической политики: «НЭП выступал так горделиво. Смотрел так нагло и блудливо: Купец — политик — дипломат». «Иль хватит НЭП параличом, иль он убьет себя наркозом». «Что я скажу ему? Солгу? Ничем утешить не могу. Совсем иному сердце радо: В МАГНИТОГОРСК СЛЕТАТЬ БЫ НАДО». Другое, менее резкое стихотворение Демьяна «Юбиляр» было опубликовано в «Комсомольской правде» 21 марта 1931 г. вместе с карикатурой художника Васильева, рисующей «унылую фигуру нэпмана на торчащем из воды носу лодки». О НЭПе: «Плыл на юг, а вышло Нордкап! Лед, заторы, погода свирепа. Одним словом — последний этап НЭПа!» «Последний этап — на пути в... Соловки!» Стихотворение из «Известий» в восьмитомник сочинений Д. Бедного не вошло.

[2] Передовая статья в «Известиях» от 21 марта 1931 г. называлась «Путь борьбы и побед».

[3] Без упоминания авторства Сталина Стецкий цитирует половину приведенной в передовой «Известий» цитаты. Начало цитаты он процитировать не решился: «НЭП — есть капитализм, — говорит оппозиция. НЭП — есть отступление, — говорит тов. Зиновьев. Все это, конечно, неверно. На самом деле...» (далее по тексту). Причина цензурирования ясна.

[4] 23 марта письмо было разослано заведующим секретным отделом ЦК по поручению Сталина.

№ 152
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО О ГАЗЕТЕ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ»

8 апреля 1931 г.

(тт. Микоян, Вайсберг, Стецкий)

а) Объявить выговор редакции «Экономической жизни» за то, что правильную и нужную критику работы наркоматов она превратила в клевету на советские органы в статьях о Наркомснабе и Госплане, помещенные в номере газеты от 24 марта с. г.

б) Предложить т. Стецкому рассмотреть вопрос о возможности сокращения формата газеты и представить свои предложения в Политбюро в 5-дневный срок.

в) Возложить на ответственных редакторов газет персональную ответственность за недопущение печатания в газетах статей и материалов, которые хотя бы косвенным образом раскрывали наши планы ввоза и вывоза[1].

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 872. Л. 2, 2 об. Рукописный подлинник на бланке Политбюро.

[1] Цензура информации о реальном экономическом положении страны была одним из главных приоритетов советского руководства. Вскоре после заключения советско-

германского пакта и начала советской агрессии против Польши будет принято утвержденное Политбюро постановление Экономического совета: «Прекратить начиная с 11 сентября 1939 г. публикацию в печати данных о работе черной и цветной металлургии, добыче угля, нефти, торфа, выработке электроэнергии и химических продуктов, выпуске автомашин, тракторов, вагонов, шарикоподшипников, цемента, бумаги и целлюлозы, пищевых, мясомолочных и рыбных продуктов, а также перевозках железнодорожного и водного транспорта». 13 сентября согласно поправке Микояна с визой Поскребышева вычеркнуто упоминание о «пищевых продуктах» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1235. Л. 124—125).

№ 153
ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО О ЗАМЕТКЕ «КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ВЫЛАЗКА КУЛАКОВ»

20 апреля 1931 г.

Постановление Политбюро

Слушали: О заметке «Контрреволюционная вылазка кулаков» («Правда» от 19 апреля 31 г.).

Постановили: а) Признать вынесение приговора с высшей мерой наказания по делу кулаков Ефремовского района Московской области грубо-ошибочным, по существу, со стороны Московского областного суда, а помещение в «Правде» заметки об этом приговоре — недопустимым.

б) Предложить ВЦИК заменить высшую меру наказания по этому делу десятью годами заключения, о чем опубликовать в отделе хроники.

в) Категорически подтвердить прежнее решение ЦК о том, что вынесение приговоров по политическим делам с высшей мерой наказания не должны выноситься прокуратурой, Верховным судом, краевыми и областными парткомитетами без санкции ЦК (*дописано*: «и указать Верхсуду и Верх. прокуратуре на их обязанность строго соблюдать этот порядок»).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 876. Л. 75, 75 об. Первоначальный проект решения, написанный на карточке. Зачеркнут пункт «б»). Зачеркивание и правка Молотова. Отметка о приобщении к делу вырезки из «Правды», объяснения Савельева и корреспондента центрального партийного органа.

№ 154
РЕДАКЦИЯ «ПРАВДЫ» — В ПОЛИТБЮРО О СТАТЬЕ БУХАРИНА О ТВОРЧЕСТВЕ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

4 мая 1931 г.

Членам П. Б.

О СТАТЬЕ БУХАРИНА

Редакция «Правды» считает нецелесообразным напечатание статьи т. Н. И. Бухарина по следующим мотивам:

1) Статья носит специфически литературно-исторический характер и совершенно не увязана с современными проблемами.

2) Статья недостаточно останавливается на революционной стороне поэзии Гейне, излишне выпячивая антикоммунистические моменты миросозерцания и литературной деятельности Гейне.

3) Некоторые формулировки статьи, особенно в ее конце, создают впечатление неправильной оценки т. Бухариным нынешнего периода социалистического строительства (комментарий к цитате Маркса о грубом коммунизме, рассуждения об однобоких специалистах; неудачное в контексте статьи место о строительстве гигантов, дающее повод противопоставлять вопрос темпов индустриализации удовлетворению материальных и культурных потребностей трудящихся и т. п.)[1].

4) Кроме того, размеры статьи (около трех четвертей полосы) слишком велики для «Правды».

Редакция «Правды»

4/ V-31 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 709. Л. 80. Машинописный подлинник. Имеется резолюция Сталина: «Можно напечатать в Большевике. И. Сталин»[2]. Вслед за Сталиным голосовали Калинин, Ворошилов, Молотов, Каганович, Андреев, Куйбышев, Орджоникидзе, Рудзутак. Подписи — автографы.

[1] Бухарин указывал: «Коммунизм уничтожает профессиональное калечение людей, сужение их опыта, разделение их на однобоких специалистов, их уродскую односторонность».

[2] Статья Н. Бухарина «Гейне и коммунизм. К 75-летней годовщине смерти поэта» была опубликована в политико-академическом двухнедельнике ЦК ВКП(б) — журнале «Большевик» (1931. 15 мая. № 9. С. 51—60). Статья представляла собой доклад, прочитанный на торжественном публичном заседании в Академии наук СССР 29 апреля.

№ 155
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОРГБЮРО ЦК «О РАЗНОГЛАСИЯХ МЕЖДУ РЕДАКЦИЕЙ «ПРАВДЫ» И ФРАКЦИЕЙ СЕКРЕТАРИАТА РАПП»

6 мая 1931 г.

Постановление Оргбюро
ОБ 54/104-гс
Тов. Мехлису
6.5.1

О РАЗНОГЛАСИЯХ МЕЖДУ РЕДАКЦИЕЙ «ПРАВДЫ» И ФРАКЦИЕЙ СЕКРЕТАРИАТА РАПП

Считать ошибочным со стороны редакции «Правды» помещение статей Б. Кушнера[1] и редакционной статьи «О действительных противниках и мнимых»[2].

Считать ошибочным, что редакция «Правды» не дала развернутой критики «Литфронта».

Принять к сведению постановление редакции «Правда» о том, что она подвергает развернутой критике на страницах газеты ошибочные меньшевистские установки Попова-Дубовского в его работах по литературным вопросам,

а равно позиции литфронтовцев, что начато уже в статье «За пролетарскую литературу» от 19 апреля 1931 года[3].

Признать недостаточной поддержку со стороны редакции «Правды» РАППу как основной организации, проводящей линию партии в вопросах литературы, а также международному объединению пролетарских писателей. Предложить редакции «Правды» усилить эту поддержку, что отнюдь не исключает, а, наоборот, предполагает критику отдельных ошибок в рапповском движении.

Отметить недостаточное развитие самокритики внутри РАППа, наличие элементов администрирования, частое игнорирование на практике того основного положения, что РАПП является литературно-воспитательной, а не государственно-административной организацией.

Предложить фракции секретариата РАПП выправить эти недочеты. В частности, признать необходимой развернутую критику на страницах рапповской печати, оппортунистических ошибок, допущенных отдельными членами РАППа, а также немарксистских взглядов Гроссмана-Рощина. Считать необходимым создание внутри РАППа товарищеской атмосферы для работы отдельных творческих течений, в частности, течения, возглавляемого т. Панферовым.

Просить ЦКК расследовать дело о помещении в 1930 г. на страницах «На литпосту» статей Лелевича, в то время исключенного из партии троцкиста.

Секретарь ЦК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 232. Л. 194, 194 об. Машинописный подлинник.

[1] В статье (без подписи) «Художественная литература на службе обороны страны (К расширенному пленуму Центрального совета ЛОКАФ)» (Правда. 1931. 5 апр. С. 3) подчеркивалось, что «необходимо указать на ошибочность попыток, как это делает Б. Кушнер (Правда. 1930. 4 окт. № 274), объяснить отставание пролетарской литературы только вопросами формы и творческого метода и не видеть влияния враждебных классов на отдельных участках пролетарской литературы». «Правда» констатировала, что перестройка РАППа идет недостаточным темпом.

[2] Статья без подписи «О противниках выдуманных и действительных» была опубликована в «Правде» 28 марта 1931 г. (с. 4). В ней содержалась отповедь тому, что в журнале «На литературном посту» наряду с Воронским и «двурушником» Зониным критиковались статьи, помещенные в «Правде» и «Большевике», ответственного работника «Правды», старого большевика тов. Попова-Дубовского. Налитпостовцы зачислили Попова в число «противников генеральной линии пролетарского литературного движения». «Правда» делает вывод: «Постоянно разоблачать противников пролетарского литературного движения дело нужное, но надо разоблачать действительных противников, а не выдумывать их». Статейка о Воронском «очень слабая». К воронщине причисляются Горбов, Лежнев. «Правда» задает вопрос: «Ну, а внутри РАПП нет уж никакой опасности воронщины? Нельзя ограничиваться только киванием на Петра». «Правде» не понравилась и загадочно-угрожающая фраза из «На лит. посту»: «Борьба с несуществующим противником мстит за себя».

[3] В статье без подписи «За пролетарскую литературу» (Правда. 1931. 19 апр. С. 2.) «Литфронт» был увязан с группой Сырцова — Ломинадзе. Упомянута осенняя 1930 г. статья Кушнера, в которой отразились взгляды «Литфронта», а также ошибочность помещения статьи «О действительных противниках и мнимых» (№ 83), в которой не критиковались взгляды Попова-Дубовского и его требование к пролетарскому писателю писать «исключительно для рабочих». Взгляды эти также были высказаны

в статьях 1922—1924 гг. («уже давно»). «Правда» указывала, что литература должна перевоспитывать, перетягивать, переделывать, подтягивать, убеждать. Жизнь классов не стихийный процесс. Диктатура пролетариата «тем и сильна, что она организует жизнь своего класса, направляет деятельность его по плановому руслу (пятилетка!)». Ошибки допустил и Вл. Ермилов, который сказал, что лозунг «грабь награбленное» был выражением буржуазного характера Октябрьской революции.

№ 156
КИРШОН — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

18 мая 1931 г.

Дорогой товарищ Сталин,

Я очень прошу Вас принять меня. Из-за болезни я не смог быть на совещании в ЦК, однако я считаю себя обязанным сообщить Вам ряд положений, характеризующих обстановку внутри РАПП[1].

Мне необходимо также получить Ваши указания по поводу новой вещи, над которой я работаю.

С ком. приветом.

В. КИРШОН

18.5.31

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 3. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы. Подчеркивание рукой неизвестного.

[1] Возможно, речь идет о заседании Оргбюро ЦК 6 мая. См. документ № 155.

№ 157
ХАЛАТОВ — СТАЛИНУ ОБ ИТОГАХ ПОЕЗДКИ В ИТАЛИЮ

19 мая 1931 г.

ГИЗ
Мая 19 дня 1931 г.
№ 100/3
Лично
Тов. Сталину

Дорогой товарищ!

В связи с моей поездкой в Италию мы имели ряд совещаний в Сорренто с М. Горьким по литературным и издательским вопросам. В результате этих совещаний был намечен ряд решений. Поскольку эти решения представляют определенный интерес, я считаю необходимым препроводить их Вам для ознакомления[1].

Зав. ОГИЗ Арт. ХАЛАТОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 718. Л. 107. Машинописный подлинник на бланке ГИЗ. Подпись — автограф. Резолюция Сталина: «Секретарям ЦК и Стецкому. И. Ст.» — автограф. Пометка рукой неизвестного: «Послано».

[1] 19 мая 1931 г. Сталин разослал секретарям ЦК и Стецкому записку Халатова по итогам встречи в Сорренто с Горьким. Из записки: «20. О совещаниях с писателями. Признать необходимым периодический созыв совещаний наиболее творчески актив-

ной и ценной группы писателей с участием руководящих товарищей, с целью обсуждения основных текущих вопросов литературы и приближения литературного творчества к очередным задачам социалистической стройки. Организацию таких совещаний возложить на ОГИЗ с тем, чтобы первое совещание созвать вскоре по приезде в Москву».

№ 158
СТАЛИН — МАРИЭТТЕ ШАГИНЯН ПО ПОВОДУ ЕЕ КНИГИ «ГИДРОЦЕНТРАЛЬ»

20 мая 1931 г.

Уважаемый тов. Шагинян!

Должен извиниться перед Вами, что в настоящее время не имею возможности прочесть Ваш труд и дать предисловие. Месяца три назад я еще смог бы исполнить Вашу просьбу (исполнил бы ее с удовольствием), но теперь — поверьте — лишен возможности исполнить ее, ввиду сверхсметной перегруженности текущей практической работой.

Что касается того, чтобы ускорить выход «Гидроцентрали» в свет и оградить Вас от наскоков со стороны не в меру «критической» критики, — то это я сделаю обязательно. Вы только скажите конкретно, на кого я должен нажать, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки.

20.V-31г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 830. Л. 1. Машинописный текст. Подпись — факсимиле.

См. также документ № 450.

№ 159
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — В СЕКРЕТАРИАТ ЦК ВКП(б) О ПРОБЛЕМНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С РЕДКОЛЛЕГИЕЙ «ПРАВДЫ»

14 июня 1931 г.

Т.т. СТАЛИНУ, Кагановичу

По поручению тов. Постышева посылаю письмо т. Демьяна Бедного от 14.VI с. г.

Пом. Секретаря ЦК Ан. МАРЧЕНКО

14 июня 1931 г.

В Секретариат ЦК ВКП(б)

Уважаемые товарищи!

Совокупностью обстоятельств созданы условия, которые требуют от всех партийцев, и от меня в том числе, величайшего напряжения сил в работе. Я лично напрягаю, несомненно, последние свои силы для того, чтобы конец моей работы не был слабее ее начала. Личный момент в моей работе отсутствует. Форма начатых мною агитационных поездок определяется их целью. Эта цель: создать своим приездом и выступлениями в рабочих рядах празднично-торжественное, бодрое, боевое настроение, укрепить уверенность в наших силах, внушить внутреннее убеждение, что героическое дело выполняется подлинными героями. И в Магнитогорске, и на Кузнецкстрое я выступал на

рабочих собраниях «до последней нотки голоса», т. е. до срыва голоса[1]. Успех выступлений может быть проверен. На Кузнецкстрое он был — могу смело это сказать — совершенно исключительным по эффективности, и это во мне самом укрепило веру в свои агитационные возможности.

А в настоящий момент моя актуальность подорвана, и я нахожусь в изрядной растерянности. Похоже, как будто я приезжал на новостройки в качестве обманщика, Хлестакова: шумел, не имея на это права, и только вводил рабочих в заблуждение. Растерянность моя вызвана систематическим замалчиванием моих агитпоездок «Правдой». «Правда» выбросила Магнитогорск даже из первомайской сводки, чтобы не отметить, что праздник прошел при моем участии[2]. Все телеграммы из Кузнецкстроя о том грандиозном подъеме, какой был там в связи с моим приездом и бесконечными выступлениями на площади, в театре, в мастерских, на рельсах, все эти сообщения собствен. корреспондентов «Правды» попали в редакционную корзину. Талантливейший пролетписатель Парфенов[3], увлеченный формой моих выступлений, поклялся, что напишет об этом особый очерк: какова роль подобной работы и насколько она поучительна для молодых писателей[4]. Разве это не нужно для дела? Теперь — после загадочного (точней, совсем не загадочного) молчания «Правды» не один только Парфенов будет раздумывать: — «эге, вот оно что! Дали же мы тут маху с Демьяном! «Правда» лучше знает, о ком и о чем предпочтительней помолчать!» Как я теперь могу выполнить мое обещание Кузстроевцам — приехать на пуск домен? Приеду, и у них будет такая растерянность, как сейчас у меня: я уж не соображаю, надо ли мне продолжать мои поездки или не надо? Делаю ли я то, что нужно и так как нужно, или мне следует спросить: что и как мне делать, чтобы это было дело, заслуживающее правдинской, хотя бы регистрационной, отметки: там-то и там-то сделано Д. Бедным такое-то партийное дело.

Я считаю, что если в «Правде» не появится парфеновской или чьей угодно заметки о положительном характере моей поездки на Кузстрой*, то мне уже неудобно будет соваться туда вторично. Правильно ли я рассуждаю или нет?[5]

Я нуждаюсь в указаниях.

С товарищ[еским] приветом —

Д. БЕДНЫЙ

Верно: *Ан. Марченко.*

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 59—61. Машинописная копия. Подчеркивания в тексте рукой неизвестного. Фамилия Сталина подчеркнута в рассылке.

[1] «Это было в конце апреля 1931 года. В «Магнитогорском рабочем» опубликовано сообщение, что из Москвы выехал в Магнитку Демьян Бедный во главе делегации Государственного издательства художественной литературы» (Карташов Н. На Урал за песнями // Воспоминания о Демьяне Бедном. М.: Советский писатель, 1966. С. 179). Поездка была организована «Известиями». Встреча происходила в недавно построенном деревянном театре. Перед отъездом поэт написал стихотворение «Новые времена — новые песни»: «На Урал! Там зреет чудо / Под Магнитною горой! / В первомайский день не худо / Повидать Магнитострой!» (там же). 1 мая в редакции «Магнитогорского рабочего» состоялась беседа Демьяна с литкружком «Буксир» и рабкорами «Рабочего» и «Магнитогорского комсомольца», а на Кузнецкстрой он прибыл в середине мая.

[2] В конце мая 1931 г. стихотворение Д. Бедного «Вытянем» было опубликовано в местной газете «Магнитогорский рабочий», а не в «Правде».

---

* И в Новосибирск тоже, где я выступал на Сибкомбайне[6]. — *Примеч. Д. Бедного.*

[3] Так в тексте. Должно быть: Панферов (Федор Иванович).

[4] Из воспоминаний очевидца: «Придя на коксовые батареи, где работала бригада Шидека, Демьян Бедный опознал там в брезентовых спецовках своих собратьев по перу Федора Ивановича Панферова и Василия Павловича Ильенкова. Они на Кузнецкстрое старались быть незаметными. Нигде не выступали, никому, за исключением Шидека и работников горкома партии, не представлялись» (Владимиров Е. На Кузнецкстрое // Воспоминания о Демьяне Бедном. С. 189). Панферов был одним из молодых писателей, к которому благоволил Сталин. Упоминание имени автора монументально-крестьянско-колхозных «Брусков» было правильным шагом со стороны Бедного. Поэт редко вспоминал собратьев по цеху, предпочитая действовать в антигрупповом одиночестве непререкаемого авторитета главного советского поэта. 14 августа 1928 г. Молотов докладывал Сталину об обязательстве выполнить его указание: «6. «Бруски» прочту; меры по использованию романа в печати, кино и пр. примем. Если не ошибаюсь, в «Пр[авде]» с месяц назад была статья («подвал») Лунач[арского]го о Панферове. Не читал, но тоже прочту» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 103). Встреча Демьяна с рабочими проходила в здании заводоуправления.

[5] По партийной традиции подобные письма рассылались высшему руководству для зондирования почвы на предмет возможного принятия решения директивными органами, одной из высших «инстанций» (Политбюро, Оргбюро или Секретариатом). В данном случае секретарь ЦК Павел Постышев разослал эту заметку для возможного принятия решения Секретариатом ЦК. Поскольку Демьян был членом партии и речь шла о главной партийной газете, это было сугубо внутрипартийное дело, которое не требовало никаких материальных затрат, равно как и координаций действий с советскими или творческими организациями. Демьян, возможно, мог не знать, что 28 апреля в «Правде» была помещена статья, требовавшая смены руководства райкома на Кузнецкстрое. В шифротелеграмме на имя Кагановича из Новосибирска председатель сибирского крайисполкома Роберт Эйхе 9 мая от имени крайкома счел эту статью «неправильной, тенденциозно освещающей факты». Эйхе писал: «Обвиняется в зажиме самокритики секретарь райкома Станкин, для этого приводится единственный пример о собрании комсомола, причем нами установлено, что на этом собрании Станкин даже не присутствовал. <...> Статья сталкивает лбами хозяйственное и партийное руководство, выставляя Франкфурта почти единственно обспечивающим большевистские темпы работника <...> Смена руководства в разгар развертывания работ, по нашему убеждению, крайне нежелательна, но крайком может быть поставлен перед фактом, если продолжится неправильная критика». Демьян оказался опять в деликатной ситуации в проблематичном месте в неподходящее время. Власти Кузнецка могли увидеть в нем разведчика из Москвы, приехавшего со спецзаданием найти компромат на местных феодалов. Как логичный результат, со стороны местного руководства мог последовать запрет корреспонденту на передачу о нем информации в Москву. Да и в «Правде» в условиях сбора компромата на кузнецкстроевскую верхушку могли счесть нежелательными Демьяновы восторги. Сталин, однако, расценил иначе: «Т. Мехлису. Просьба принять к руководству указания т. Эйхе» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 63. Л. 82). 13 мая Станислав Косиор доложил Сталину и Кагановичу о посещении Кузнецкстроя: «Однако я расхожусь с крайкомом по поводу секретаря райкома Станкина и считаю, что он не справляется с руководством. Станкин не только не авторитет для хозруководства, но и для комсомола, редакции и кооперации, что осложняет его положение. Вместо твердого руководства много заседаний, мало дела, поэтому я считаю, что Станкина надо освободить. Франкфурт допустил в отношении райкома ряд шагов, подрывающих авторитет, на что в резкой форме мной было указано Франкфурту». Сталин после повторной телеграммы дает указание противоположное предыдущему. «Предложить Эйхе наметить другого...» (там же, л. 86).

[6] Затем этот завод назывался «Сибсельмаш». 8 июня Бедный выступил с речью на краевом съезде по культурному строительству. Речь опубликована в журнале «Сибирские огни» (1931. № 6).

№ 160
КИРШОН — В ЦК С ПРОСЬБОЙ РАЗРЕШИТЬ ПОЕЗДКУ В ГЕРМАНИЮ

21 июня 1931 г.

В ЦК ВКП(б)

Дорогие товарищи,

Очередную драматургическую работу я предполагаю посвятить давно разрабатываемой мною теме — революционному движению на Западе. Местом действия я хочу взять Германию в период кризиса и нарастания революционных событий. Мне кажется, что пьеса такого рода нужна и нам (в советском репертуаре таких пьес нет), и для заграницы, где эта пьеса может быть поставлена.

Для работы над пьесой мне необходимо выехать осенью на 3 месяца в Германию, ибо 15 дней, которые я пробыл в 28-м году в Берлине, не дают мне возможности написать серьезно проработанное произведение[1].

Я потому ставлю этот вопрос заблаговременно, что в случае, если ЦК согласится с моим предложением, я все время до осени посвящу укреплению знания немецкого языка и работе над материалами по революционному движению в Германии[2].

С коммунистическим приветом

В. КИРШОН

21.6.1931

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 247. Л. 161. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] 14 апреля 1928 г. Политбюро рассмотрело вопрос «Об участии советских драматургов на предварительном международном совещании обществ драматических писателей в Берлине» (предварительно утверждено ОБ 13 апреля, прот. № 29, п. 1). Постановили: «Согласиться и послать от Ленинградского и Московского обществ единую делегацию. Киршон, В. Г. Зак — от Москвы, Танин Г. М. — оба беспартийные. Расходы за счет об-ва драматических писателей». Голосование: «т. Бухарин за посылку Киршона, и против Зака и Танина («абсолютно неизвестные люди, можно найти и поавторитетнее. Нужно было пораньше обсудить это»).

«Т. Рыков считает, что делегация очень молодая. Если стоит вопрос о защите авторских прав и если из драматургов некого посылать, то хотя бы под видом драматургов нужно послать людей, разбирающихся в международных правах. 14.4. Тараманян» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 726. Л. 43).

[2] Резолюция неизвестного: «На С-т ЦК с предлож[ением] разрешить Киршону выезд заграницу. 28. 6. 31». 21 июля Секретариат разрешил выезд. Из объяснительной записки, подписанной завкультпропотделом Рабичевым: «Выезд тов. В. Киршона в Германию необходим, в связи с разрабатываемой им новой драмой на тему революционного движения на Западе» (далее следовал пересказ письма Киршона). «Культпроп поддерживает просьбу тов. В. Киршона» (там же, л. 160 об.).

№ 161
КИРШОН — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ЗАГРАНИЧНОЙ ПОЕЗДКЕ

28 июня 1931 г.

Дорогой тов. Сталин,

Мне хочется написать заграничную пьесу. Думаю, что напишу ее лучше, и она будет поэтому ценнее, чем продолжение «Хлеба», к которому сейчас у меня, как говорят, «не лежит сердце»[1].

Однако, возможно, я не сумел учесть, что нужнее в первую очередь. Если Вы сочтете более целесообразным, чтобы я продолжал «Хлеб», я приступлю к этой работе.

С коммунистическим приветом

В. КИРШОН

28.6.1931

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 4. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы. На листе — автографы Сталина: «Сталин», «Игнатов — Игнатьев», «Игнатиев». «Д».

[1] Речь идет о задуманной драматургом пьесе «Суд». См. документы № 191, 192.

№ 162

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) О «РЕФОРМЕ» РУССКОГО АЛФАВИТА

21 июля 1931 г.

Ввиду продолжающихся попыток «реформы» русского алфавита (см. извещение об итогах всесоюзного совещания орфографистов в «Вечерней газете» от 29 июня), создающих угрозу бесплодной и пустой растраты сил и средств государства, (*было*) предлагаю принять следующее решение (*стало*: «ЦК ВКП(б) постановляет»):

Воспретить всякую «реформу» и «дискуссию» о «реформе» русского алфавита.

Возложить на НКПрос РСФСР т. Бубнова ответственность за исполнение этого постановления.

М. нет.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 888. Л. 122. Машинописный текст. Правка рукой неизвестного. Пометка рукой Сталина: «Не для публикации». Пометка рукой Поскребышева: «Вып. Т. Бубнов и его замам, редакциям газет с надписью «не для печати».

№ 163

СТЕЦКИЙ — СТАЛИНУ О ПЬЕСЕ ЭРДМАНА

5 сентября 1931 г.

5 сентября 1931 г.

Тов. Сталин,

пьеса «Самоубийца» Эрдмана сделана талантливо и остро. Но она — искусственна и двусмысленна.

Любой режиссер может ее целиком повернуть против нас. Поэтому эту пьесу, ее постановку можно разрешить в каждом отдельном случае, в зависимости от того, какой театр и какой режиссер ее ставит.

С ком[мунистическим] прив[етом]

А. СТЕЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 803. Л. 37. Рукописный подлинник на бланке ЦК ВКП(б). Имеется пометка: «пьеса послана т. Гандурину (Главрепертком) по распоряжению т. Поскребышева».

№ 164
ОТЗЫВ ГАНДУРИНА (ГЛАВРЕПЕРТКОМ) О ПЬЕСЕ ЭРДМАНА «САМОУБИЙЦА», ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ СТАЛИНУ

5 ноября 1931 г.

Копия

ОТЗЫВ О ПЬЕСЕ Н. ЭРДМАНА «САМОУБИЙЦА»

Главное действующее лицо пьесы Эрдмана «Самоубийца» – Федя Петунин.

О нем говорят в течение всей пьесы, но он ни разу на сцену не появляется.

Петунин единственный положительный персонаж пьесы (писатель, прозрачный намек на Маяковского) кончает самоубийством и оставляет записку: «Подсекальников прав, жить не стоит».

В развитие и доказательство смысла этого финала, по сути дела, и построена вся пьеса в весьма остроумной форме (повторяя «Мандат» того же автора), излагающая анекдотический случай с обывателем мещанином Подсекальниковым, в силу целого ряда житейских обстоятельств симулирующего самоубийство.

Пьеса полна двусмысленных ситуаций. Она, как будто, стремится дать сатиру на обывателей, мещан, внутри эмигрантствующих интеллигентов, но построена таким образом, что антисоветские сентенции и реплики, вложенные в уста отрицательных персонажей (а отрицательные персонажи все действующие лица), звучат развернутым идеологическим и политическим протестом субъективного индивидуализма и идеализма против коллектива, массы, пролетарской идеологии, «35 тыс. курьеров», – невежественных Егорушек, желающих навязать интеллигенции свои вкусы.

Подсекальников выведен в смешном виде, но изрекает с точки зрения классового врага вовсе не смешные вещи. Он ходячий сборник (точно как и другие действующие лица) антисоветских анекдотов, словечек и афоризмов. Эти крылатые фразы пронизывают всю пьесу, и убрать их купюрами нельзя, не разрушая органической ткани всей пьесы.

Мораль пьесы: в столь жалких условиях, когда приходится приглушать все свои чувства и мысли, когда необходимо в течение многих лет «играть туш гостям», «туш хозяевам», когда «искусство – красная рабыня в гареме пролетариата», – жить не стоит.

С другой стороны, пьеса, возможно, помимо субъективной воли автора, требуя для интеллигенции «права на шепот» – этим самым наносит ей типичный эмигрантский удар, как интеллигенции в советских условиях, способной <u>только</u> на шепот. С третьей стороны пьеса представляет собой гуманистический призыв оставить в покое, не трогать всех этих Аристархов и им подобных, никому не мешающих и «безобидных» людей, а на деле – классовых врагов.

Пьесу в ее нынешнем виде можно без единой помарки ставить на эмигрантских сценах. Ибо вместо осмеяний внутренней эмигрантщины и обывательщины она выражает, хотя и в завуалированной форме, эмигрантский протест против советской действительности. В таком виде отрицательный эффект постановки пьесы Эрдмана был бы во много раз больше, чем от постановки «Натальи Тарповой», «Партбилета», «Багрового острова»[1] и др. им подобных пьес, которые пришлось снимать с величайшими скандалами после первых же спектаклей.

Пьеса была запрещена ГРК в начале сентября 1930 г. Она была также отклонена театром им. Вахтангова. После читки ее на Худполитсовете театра им. Мейерхольда она получила резко отрицательную оценку в ряде московских газет. Своевременно она была направлена в прошлом году в Культпроп тов. Рабичеву по его просьбе.

Предс. ГРК –

ГАНДУРИН[2]

5/XI.31 г.

Верно: (*подпись*).

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5374. Л. 2—3. Машинописная копия.

[1] «Наталья Тарпова» — драма С. А. Семенова, написанная по мотивам одноименного романа, шла на сцене Дома печати в 1930—1931 гг. Пьеса А. И. Завалишина «Партбилет» в 1931 г. была поставлена на сцене Московского театра Революции. Премьера «Багрового острова» М. А. Булгакова состоялась в Московском камерном театре 11 декабря 1928 г. В начале июня 1929 г. спектакль был снят с репертуара.

[2] К. Гандурин был автором пьесы «Минувшее». Пьеса в пяти действиях (коопер. изд-во «Жизнь и Знание». 2-е изд. М., 1923). Из современной аннотации (печатается по тексту из Интернета): «К. Гандурин, как рабочий писатель-драматург, достаточно известен рабочим массам. Его пьесы «Перед бурей» и «Очарованная кузница» были премированы на Всероссийском конкурсе Госиздата и Тео в 1920 г., и первая из них, как наиболее доступная для небольших сцен, неоднократно ставилась и ставится в целом ряде провинциальных театров и рабочих клубов. В пьесе «Минувшее» автор развертывает драматические моменты из жизни ссыльной интеллигенции и рабочих дореволюционного времени: сначала порывы, служение народу, потом полная апатия, безверие <...> Язык пьесы образный, сильный. Автор хорошо знаком с психологией интеллигенции «Минувшего». К недостатку пьесы можно отнести некоторую медленность развития отдельных картин. В общем, пьеса удачная и ее можно рекомендовать для постановок в рабочих клубах. Издана книжка сравнительно хорошо».

№ 165
МЕХЛИС — СТАЛИНУ О ПОСЫЛКЕ КОРРЕСПОНДЕНТА НА КВЖД И РЕЗОЛЮЦИЯ СТАЛИНА

10 ноября 1931 г.

10 ноября 1931 г.
Тов. Сталину

Мы считали бы целесообразным послать корреспондента на КВЖД для более полного освещения вопросов в «Правде». Для этой поездки намечаем тов. Изакова, работника редакции. Просим Вашего согласия.

Л. МЕХЛИС

Т. Мехлис! Не согласен. Пошлите лучше корреспондентов на Волгу, Казакстан, на Урал, в Западную Сибирь, Дальвост по хлебозаготовкам, особенно по линии совхозов, а также колхозов. Это будет лучше.

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 773. Л. 87. Рукописный подлинник на бланке секретаря редакции «Правды». № 171/с.

№ 166
НАЗАРЕТЯН — СТАЛИНУ ОБ ИЗДАНИИ СБОРНИКОВ ВОСПОМИНАНИЙ ИНОСТРАНЦЕВ О ПОЕЗДКАХ В СССР

3 декабря 1931 г.

Копия
Тов. Сталину (лично)

За последние два года в СССР побывало огромное количество иностранных делегаций, уехавших от нас с хорошими впечатлениями. Имеется большое количество выступлений, речей, отзывов их об СССР и социалистическом плановом хозяйстве. Выступления, речи, отзывы исходят не только от иностранных рабочих делегаций, но и писателей, специалистов, научных деятелей и т. д. Все это, однако, рассыпано по странам, по отдельным журналам, газетам.

Я думаю, что было бы очень ценно для популяризации СССР и нашего грандиозного социалистического строительства поручить соответствующей организации собрать этот огромный материал об СССР в один хорошо изданный иллюстрированный сборник и издать его на иностранных и русских языках и показать всем СССР по отзывам самих иностранцев.

С коммунистическим приветом

НАЗАРЕТЯН

3.12.31 г.

Верно.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 920. Л. 126. Машинописный текст. Резолюция Сталина — автограф.

Резолюция Сталина: «Правильно. В ПБ». 6 декабря Политбюро приняло предложение Назаретяна. Из постановления: «Предложить Культпропу ЦК представить в Секретариат план издания».

№ 167
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОРГБЮРО ЦК ВКП(б) «О ЖУРНАЛАХ»

5 января 1932 г.

О ЖУРНАЛАХ
(Пост. ОБ от 17.12.31 г. Пр. 87. п. 3)
(т.т. Стецкий, Гусев, Волин, Панферов, Фадеев)

а) ЦК констатирует, что в журнале «Новый мир» неоднократно отмечался ряд фактов, когда на страницах журнала печатались произведения, протаскивающие классово-враждебную идеологию[1].

Исходя из этого, ЦК постановляет сменить редакцию журнала, сняв Полонского В. с поста ответ[ственного] редактора «Нового мира». Назначить редактором «Нового мира» т. Гронского И. М.[2]

Обязать новый состав редакции поднять журнал «Новый мир» на высоту поставленных пред ним задач, обеспечив проведение партийной линии.

б) Поручить Культпропу ЦК (т.т. Стецкому и Гусеву) дать редакциям журналов «Красная новь», «Звезда», «Ленинград», «Пролетарский авангард», «Октябрь», «Молодая гвардия», «Земля советская» — соответствующие указания в духе решений ЦК об исправлении допущенных ими ошибок, с тем, чтобы в дальнейшем в этих журналах не появлялись идеологически чуждые произведения.

Поручить Культпропу ЦК обеспечить в дальнейшем систематическое инструктирование и проверку работы редколлегий этих журналов и своевременно указывать им на их ошибки.

Поручить Культпропу ЦК представить на рассмотрение Секретариата ЦК предложения об укреплении работниками литературных журналов.

Секретарь ЦК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 275. Л. 83, 83 об. Машинописный подлинник.

[1] 23 октября 1924 г. по докладу Стеклова, Луначарского и Канатчикова Политбюро разрешило Стеклову и Луначарскому издание «журнала «Новый мир» в виде приложения к «Красной нови» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 457. Л. 44).

[2] В документе, составленном в годы большого террора под названием «Краткие биографические справки и списки на руководящих работников по кадрам отделов науки и научно-технических изобретений, культпросветработы, пропаганды и агитации, печати и издательств, школ, имевших партвзыскания и примыкавших к оппозиции», о Гронском сообщается: Иван Михайлович Гронский, в 1912—1917 гг. был эсером-максималистом, с 1917 по август 1918 г. — левый эсер (интернационалист), остался в тылу у войск Колчака по собственному желанию. В мае 1929 г. партийная тройка ЦКК вынесла ему выговор «за получение крупного аванса, высоких расценок своих заметок, неуплате членских взносов за 5 месяцев». Тогда же Гронскому было указано на неправильность его действий и предложено в течение года погасить задолженность. В октябре 1935 г. КПК при ЦК вынесет Гронскому очередной выговор за «допущение к опубликованию материала с грубыми искажениями приводящихся в тексте высказываний В. И. Ленина» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 46. Л. 32—33).

№ 168
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА КУЛЬТПРОПА В АДРЕС ОРГБЮРО ЦК ВКП(б) О СОСТОЯНИИ СОВЕТСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛОВ

1 января 1932 г.

Оргбюро ЦК ВКП(б)

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА КУЛЬТПРОПА О СОСТОЯНИИ ОСНОВНЫХ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ

«КРАСНАЯ НОВЬ» — Орган ФОСП, художественно и научно-публицистический журнал[1]. Редколлегия: А. Фадеев (отв. редактор), Сутырин, Горохов, Л. Леонов и В. Иванов.

Журнал должен являться основным органом, представляющим творческое лицо наиболее близких попутнических кругов литературы. Рассчитан на партийный и советский актив и пролетарскую интеллигенцию. Поставленных задач в должной степени журнал не реализовал.

Отдел прозы (романы, повести) в значительной части заполнен произведениями правооппортунистических и необуржуазных авторов (Платонов —

«Бедняцкая хроника», «Впрок», № 3, Пастернак — «Охранная грамота», № 4—5—6, Эренбург — «Фабрика снов», № 5—6—7, И. Евдокимов — «Дорога» № 8, А. Толстой и П. Сухотких — «Записки Мосолова» — № 5, 6, 7, 8, Сергеев-Ценский — «Поэт и поэт», № 10—11), Буданцев «Повесть о страданиях ума», Ассанов — приспособленец из (*нрзб.*).

В этом отделе по существу не отведено места произведениям попутчиков, переходящих на рельсы союзничества, привлечено незначительное количество попутчиков в собственном смысле этого слова. За год напечатано: пьеса Ю. Олеши «Список благодеяний» № 8, роман Дмитриева и Новака «Вход с Арбата» № 2—3, водевиль Катаева «Миллион терзаний» и рассказы Лидина, Габриловича, В. Катаева, Апоева и друг.

Плохо журнал выдвигает новые авторские кадры. За год появилось на страницах журнала всего несколько новых имен: А. Долгих — рассказ «Корнеплоды», Шабалин — рассказ «Нос», Бессонов — рассказ «Красный Треугольник».

В отделе поэзии по-прежнему находят себе приют певцы кулацкой контрреволюции Клычков и Орешин, правые Б. Пастернак и Антокольский и так называемые констромольцы Митрейкин и Цвелев.

Тематика журнала не только крайне далека от современных задач социалистического строительства, но порой направлена против них, проблемы, выдвинутые третьим решающим годом пятилетки, не нашли своего художественного отражения в журнале. «Красная Новь» не откликнулась ни на одно из важнейших партийных решений. Буржуазные и правооппортунистические элементы пытаются выразить через журнал свое отношение к революции и получают трибуну для высказывания своих политических, философских, эстетических воззрений. Вот примеры из практики работы журнала: Сергеев-Ценский — писатель, настроенный явно враждебно к советской действительности, пишет повесть («Поэт и поэт») из жизни Пушкина и Лермонтова, Буданцев в «Повести о страданиях ума» разрабатывает на материале 70—80 годов прошлого столетия взаимоотношения между биологическим и социальным и решает эту проблему идеалистически, Б. Пастернак в «Охранной грамоте» рассказывает о своей жизни до революции и в дни революции, протаскивая идеалистический хлам, замаскированно подчеркивает то, что говорил Троцкий о причинах смерти Маяковского. Эренбург в «Фабрике снов» старательно описывает механизм капиталистической кинематографии, описывает «королей» киноиндустрии.

Там же, где попутчик пытается отразить наши дни, он дает их как необходимый фон и на этом фоне часто извращенно, тягуче и нудно рисует «глубинные» психологические переживания коммунистов, рабочих, колхозников, деформируя действительность, представляя ее в болезненно-фантастическом виде. (Роман Дмитриева и Новака «Вход с Арбата», Юр. Олеша — «Список благодеяний», В. Катаев, «На полях романа» и др.)

Содержание журнала за год богато идеологическими провалами. Если тематика в значительной степени не соответствует современным вопросам и аполитична, то помещаемый материал свидетельствует о наличии откровенно враждебных произведений: «Бедняцкая хроника» Платонова («Впрок») — кулацкая издевка над коллективизацией и политикой партии в деревне. Редакции не могло быть не известно политическое лицо писателя Платонова, опуб-

ликовавшего кулацкий рассказ в журнале «Октябрь» — «Усумнившийся Макар». Мы уже упомянули выше произведения Буданцева, Пастернака, поэтов Клычкова, Орешина, Сельвинского, из которых, например, последний описывает в «Электрозаводской газете» факт поголовного обыска рабочих, производимого по инициативе ОГПУ и под руководством парткома. Следует еще отметить роман Мугуева «Три жизни», где автор отрицательно изображает большевиков и идеализирует белогвардейщину; повесть Левина, в идеализированных тонах изображающую контрразведку, и т. д. и т. п.

В критическом отделе, который, вообще говоря, составляется случайно, также налицо крупнейшие ошибки (статьи Айхенвальда, Дивильковского и пр.).

Журнал, в таком виде как он есть, не обеспечил на протяжении 1931 г. осуществления поставленных перед ним задач и не только не сумел организовать союзнические и попутнические кадры писателей и воспитывать их, а сам в ряде случаев стал трибуной для реакционных, классово-чуждых нам выступлений. Редакция журнала, несмотря на прямые указания ЦК партии (по поводу «Впрок»), не подвергла критике ни одного враждебного, чуждого произведения, печатавшегося на страницах «Красной нови», и не перестроила своей работы. Недостаточная большевистская бдительность, либеральное отношение к попыткам и случаям протаскивания в литературу вредной, чуждой нам идеологии, неумение подчинить содержание журнала задачам социалистического строительства на данном этапе приводит к выводу о необходимости смены руководства.

«НОВЫЙ МИР». Редактор В. Полонский, члены редколлегии Гронский, В. М. Соловьев[2].

Журнал в основном держал курс на писателей необуржуазных и попутчиков, скатывающихся с позиций попутничества вправо, — А. Толстой, Сергеев-Ценский, Буданцев, Пильняк, Мандельштам, Пастернак, Приблудный и др.

Если в отношении других журналов, наприм. «Красная новь», мы говорим о значительных политических срывах, о грубых ошибках, то в отношении «Нового мира» нужно сказать, что политические срывы и ошибки носят характер системы.

«Новый мир» является каналом и рупором для чуждой идеологии.

В журнале помещен роман А.Толстого «Черное золото», который был квалифицирован как красная халтура. Однако в нем определенная чуждая нам направленность. Под флагом «авантюрности» автор проводит мысль, что революционное настроение французских рабочих обусловлено тем, что «мимо их носа» уплыли военные прибыли, что в окопах французская буржуазия дралась наравне с рабочими. Русские белогвардейцы выведены истерзанными и измученными, стремящимися лишь к покою людьми и т. д.

Главы из романа «Повороты» Яковлева беззастенчиво извращают историческую действительность. На Путиловском заводе, по автору, весть о русско-японской войне была принята восторженно и недовольство началось только после поражения. Рабочий-большевик — вождь рабочих на Урале, одушевлен единственной идеей — местью царю за убитую девятого января дочь. Автор с полным сочувствием и жалостью описывает последние дни царя Романова.

Романы Воронского и Аросева выводят коммунистов как типично мелкобуржуазных интеллигентов[3].

Буданцев в рассказе «Дом с выходом в мир» развивает теорию, что революция лишила интеллигенцию представлявшегося ей буржуазией права «рисковать и ошибаться» (т. е. мыслить). Буданцев прямо издевается над ленинским положением о критическом преодолении буржуазного наследства: «Новый быт повесил пыльные гардины сухих елочных ветвей вдоль зала, поперек — красные полотнища, он еще не успел «критически преодолеть наследство» и заштукатурил целомудренным маслом критические красоты»[4].

В журнале неоднократно помещались реакционные произведения Сергеева-Ценского — писателя явно враждебного.

В крайне путаной повести А. Веселого «Коммунист» («Россия, кровью умытая») имя Ленина сопоставляется с именем Корнилова, Керенского и Троцкого как кандидатов на повешение.

В романе перевальца Н. Зарудина «Неизвестный камыш» проводится теория «навоза» истории. Автор в замаскированном виде утверждает, что в угоду генеральной линии, ведущей к счастью людей в будущем, вымирают, страдают, уничтожаются как «камыш» вполне современные поколения[5].

Фашистская, по существу, повесть Рыкачева «Величие и падение Андрея Полозова» утверждает, что «молодой российский капитализм погиб без времени, в расцвете сил и упований» (т. е., другими словами, Октябрьская революция была преждевременна)[6]. Падение Полозова (представителя безвременно погибшего капитализма, подвизающегося на поприще критики) обусловлено его случайной неосторожностью, ибо, по мнению автора, марксистской критикой можно и даже наиболее удобнее заниматься, не обладая ни знанием Маркса, ни коммунистическим мировоззрением, а обладая лишь беспринципностью.

В повести Малеева (перевалец) труд в нашу эпоху объявляется проклятием и унижением человека[7].

Очерк, отражающий наше социалистическое строительство, в журнале в значительной части представлен такими, ставшими одиозными писателями, как Хаджи Мурат Мугуев, Изгоев, Буданцев, Пильняк и т. д. Изгоев, например, обобщая отдельные ошибки и искривления местных организаций на Востоке, приходит к выводу, что Советская власть продолжает колонизаторскую политику царизма. В. Лебедев, описывая строительство коммуны, подчеркивает полное отсутствие помощи города и объясняет: «ведь коммуны — это фактически выселки. И люди, начинавшие коммуны, живут на положении отверженных, они идут в коммуну как на голод, на смерть». И. Катаев отрицает участие сектантов в классовой борьбе. Мугуев изображает трудящихся горцев бездельниками.

Общую линию художественной прозы продолжает и поэзия. Стихи Приблудного, Прокофьева, Пастернака, Мандельштама, Сельвинского дополняют картину. Сельвинский пишет, что в Биробиджане евреи обрели «новую Палестину»[8], Мандельштам идеализирует старую Армению с ее экзотикой и нищетой. Прокофьев пишет, что у нас на земле узколобые избы и шахты «и дорога твоя обусловлена ныне никчемной повесткой от жакта»[9].

Критический отдел журнала также неблагополучен. Это яркий образец беспринципности и грубого эклектизма. Редактор Полонский, якобы борясь с воронщиной, на самом деле повторяет ее зады. Выступая против утверждения

Воронского, что творческий акт — явление бессознательное, Полонский пишет: «разница между актом сознания, происходящим на периферии, и актом центральным не в том, что центральные — сознательные, а периферийные — бессознательны, сознательны и те, и другие... Разница в том, что центральный акт в момент своего совершения подотчетен сознанию, а периферический неподотчетен». Выступая против отрицания пролетарской литературы, Полонский с другого конца приходит к теории «единого потока» в литературе, наделяя одинаковыми свойствами и пролетарского писателя, и попутчика, не видя никакой разницы между попутчиками от Пильняка до Маяковского. Взгляды Полонского, являющиеся противопоставлением линии партии в художественной литературе, в конкретной критике осуществляются А. Глаголевым. Аксельрод-Ортодокс протаскивает в своих высказываниях контрабанду меньшевиствующего идеализма и т. д.

Все это подтверждает выводы, сделанные в начале, что журнал является трибуной для антисоветских, реакционных выступлений в художественной литературе и критике.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». Состав редколлегии: А. Безыменский, М. Бирюлин, А. Караваева (отв. редактор), М. Колосов (зам. отв. редактора), Г. Киш, А. Салтанов.

Прежний состав редколлегии (до июня 31 г.): А. Безыменский, Г. Грин, Г. Гавахидзе, М. Колосов, С. Кругликов, Н. Огнев, Н. Рузер-Нирова.

Журнал преимущественно опирается на кадры пролетарских писателей. За последнее время в журнале выдвинулся ряд новых комсомольских писателей: Г. Грин, Боровой, Днепропетровский, Анучин, Шмерлинг, Железнов; критики: Бровман, Жак, Левин, и др. Слабо представлены попутчики: Бабель, Люб. Копылова, Луговской, Дементьев.

Состав авторов, печатавшихся в журнале за 1931 г., имеет большую партийную прослойку.

За 1931 г. в журнале дан ряд актуальных по тематике литературно-художественных вещей. Но значительная часть этой продукции имеет большие недостатки, как с идейно-политической, так и художественной стороны.

Наличие прорывов говорит о недостаточной большевистской бдительности руководства журналом и слабой работе с кадрами авторов.

В этом отношении показательно ведущее в журнале произведение — роман Г. Бутковского (член ВКП(б)) «Девятьсот тридцатый», полный «левацкой» практики, извращения линии партии по коллективизации, художественного смакования злоупотреблений при раскулачивании. Герой романа коммунист Ветров, не находя никакого выхода, кончает жизнь самоубийством.

В рассказе Я. Шведова «Два окна» на тему о переделке быта мрачными красками описывается рабочее общежитие. По рассказу получается, что за годы революции в быту ничего не изменилось[10]. Рассказ клеветнический. Факт напечатания рассказа в журнале есть проявление со стороны редакции гнилого либерализма.

Рассказ М. Гаева «Двое» (№ 5 и 6) — приспособленческая, политически враждебная, безграмотная, антихудожественная халтура.

Стихотворение В. Глебова «Мой девятьсот одиннадцатый год» пропитано вредной иронией к гражданской войне.

За 1931 г. в журнале был напечатан ряд интересных и ценных художественных произведений (рассказ Борового «Отпуск», Нейкран — «Веддинг на баррикадах» и др.), но редакции необходимо:

Перестроить работу журнала применительно к запросам широких комсомольских масс, усилить идейно-политическую бдительность и требовательность к авторам. Наладить воспитательную работу с авторами, обратив особое внимание на воспитание творческого актива, шире и глубже отображать историю партии и комсомола, воспитывая на ней молодые комсомольские кадры. Полнее освещать вопросы интернационального воспитания. Значительно расширить отдел библиографии.

«ЗВЕЗДА» — орган Лен[инградского] ФОСПа. Редактор, редколлегия, ответ. редактор — Белицкий.

Задачи журнала те же, что и «Красной Нови», но журнал не осуществляет этих задач.

Группируя вокруг себя наиболее правых попутчиков и необуржуазных писателей, журнал не только не сумел воздействовать на них в нужном направлении, но сам в значительной мере очутился у них в идеологическом плену. В текущем году ведущее место было занято в журнале правооппортунистическими писателями, которым редакция обеспечила возможность враждебных выступлений.

Свою деятельность в 1931 г. журнал начал с опубликования повести Тынянова «Восковая фигура»[11], в которой писатель идеализирует петровскую эпоху. Даже после смерти Петра его восковая персона стережет ореол самодержавия, которое не плохо, а плох двор, окружающий царя.

В журнале опубликована повесть Воронского «Глаза урагана» — повесть слюнтяйская, размагниченная, упадочническая, где пошлое изображение февральских и октябрьских событий являются фоном для банальной истории с некоей демонической женщиной.

Каверин в «Путевых рассказах» клеветнически пишет о зерносовхозе, где работают авантюристы, где нет коллектива. Это — обычная латифундия, где мастера гонят на работу, а рабочие при удобном случае свертывают голову мастеру. Автор утверждает, что совхоз отобрал киргизские земли, и киргизам ничего не осталось.

Этого же писателя (Каверина) была помещена повесть «Художник не известен», в котором защищаются идеалистические взгляды на искусство. Проводится идея, что художник стоит вне классовой борьбы, его не волнуют житейские бури, он творит вечное и прекрасное.

Ольга Форш в реакционном произведении «Сумасшедший корабль» открыто защищает реакционную буржуазную интеллигенцию.

Савин в рассказе «Сон наяву» клевещет на наше культурное строительство.

Чистяков в романе «Задворки» допускает грубые ошибки в показе коллективизации. В нем говорится, что крестьяне и колхозники считают коллективизацию чуть ли не стихийным бедствием и демонстрируют свой протест чуть ли не повальным пьянством. Культурная антирелигиозная работа в колхозе изображается как хулиганство.

В отделе поэзии такое же положение, как в прозе. Пастернак, например, пишет, что вакансия поэта бесполезна, а может быть, и вредна[12]. Комиссарова считает, что если бы не было героики прошлого, то поэзия шаталась бы впус-

тую по равнинам скучной действительности. Борис Корнилов в № 6 печатает хулиганские стихи («Баллада о Билле Окинсе»)[13]. В его стихах сквозь густой чубаровский мат[14] доносятся нотки определенного любования красотами заморских стран. Б. Эрлих помещает упадочнические и клеветнические стихи, в которых говорит, что советская действительность не дает возможности высказываться, и он «вбивает в глотку кляп» и молчит.

Критический отдел журнала стоит не выше других отделов. Ни одно произведение, напечатанное за год, не было разобрано в отделе критики. Критик Малахов разбирает причины отставания тех, кто явно перешел на другую сторону баррикад (Гумилев, Ахматова), но молчит о произведениях тех, кому нужно помочь перестроиться при помощи большевистской критики.

Журнал поместил доклад Ю. Либединского, где развернут лозунг «одемьянивания» поэзии[15]. Стихотворение Д. Бедного «Слезай с печки» объявляется образцом диалектического метода. Речи на дискуссии писателей-попутчиков напечатаны без всякой оценки редакции. Библиографии в журнале отводится незначительное место.

Тематика журнала явно отстала от современных задач социалистического строительства на данном этапе. «Звезда», по существу, прошла мимо жгучих вопросов партийно-советской жизни.

Все это позволяет сделать вывод, что журнал, его руководство заняло «отражательскую» в отношении настроений попутчиков позицию, не сумев организовать, как это необходимо, попутчиков и направить их творчество в русло социалистического строительства. Не журнал руководил попутническими кадрами и их перестройкой, а, наоборот, попутчики правого крыла (преимущественно) с их старой идеологией оказались хозяевами в журнале.

«ПРОЛЕТАРСКИЙ АВАНГАРД»: орган творческой группы «Кузница». Ред. коллегия: Бахметьев (ответ. редактор), Вадецкий, Касимов, Ляшко, Максимов, Обрадович, Саннинков.

В 1931 г. журнал декларативно поставил перед собой задачу строить материал «под знаком политических, хозяйственных и культурных задач третьего решающего года пятилетки».

Журнал с этой задачей абсолютно не справился. Подавляющее большинство вещей отмечено печатью политической пошлости, вульгаризации основных проблем нашей эпохи, они стоят на уровне обывательского мировоззрения. Так, художественная разработка тематики крайне поверхностна и примитивна. Социалистическое соревнование и ударничество представляются иногда в виде какого-то нездорового спорта, не показываются массы, роль партии и комсомола. В этом отношении характерен рассказ П. Воробьева «Чугунная любовь», в котором соц. соревнование сводится к соревнованию между отцом и сыном, рабочие массы в рассказе не показаны. Психологизм, интеллигентское самоковыряние свойственны и другим повестям и рассказам, в особенности на семейно-бытовые темы. Последние проблемы разрешаются в духе «Рождения героя» Либединского (см. «Повесть о дружелюбе» Н. Ляшко в № 1 и 2 журнала). В том же номере помещен пошлейший рассказ А. Карцева «Отдых» на тему о любовных приключениях на пароходе. Глупейший рассказ помещен также и в № 4 В. Шишкова «Поединок» из «Повести о Касьяне», в котором показано соц. соревнование... человека с машиной.

Критический и библиографический отдел журнала почти отсутствуют. Низкое идеологическое и художественное качество материала в значительной мере объясняется тем, что журнал до сих пор не сумел объединить вокруг себя новых пролетарских творческих кадров и продолжает вариться в своем собственном соку. Из номера в номер мелькают одни и те же фамилии (Ляшко, Воробьев, Карцев, Валецкий, Касимов). Журнал до сих пор не имеет своего лица, формально ориентируясь на передовые читательские кадры рабочих, колхозного крестьянства, трудовой интеллигенции и молодежи. Редакция по существу не обслуживает ни одну из этих групп.

Журнал показал свою полную нежизненность, его никчемность очевидна. Его необходимо закрыть.

«ЛЕНИНГРАД». Орган Ленинградск. Ассоц. Пролетарск. Писат. (с 7-го номера). Ответ. редактор Е. Добин.

В руководстве журналом царит полнейшая обезличка. Журнал работает без установки на определенные читательские кадры, без плана, без твердого руководства, жил и живет за счет «самотека». Продукция журнала, за редким исключением, слаба, малоактуальна и для широкого советского читателя абсолютно не интересна. Значительная часть напечатанного материала явно реакционна. Отсюда не случайно появление на страницах его таких контрреволюционных, открыто кулацких произведений, как «Гугенот из Териберки» Правдухина, образцов попутнической публицистики (Казакова «Человек и его дело»), левацкой клеветы на партийное руководство колхозным строительством (Михайлов «Колхоз рождается в муках», Адалина и друг.).

Эти произведения искажают нашу действительность.

Библиография и критика в «Ленинграде» носят беспринципный характер. Нередко идеалистические и формалистические лозунги утверждаются на страницах журнала (статья Саянова, посвященная творчеству формалиста Тынянова, где методы Тынянова ставятся в образец пролетарским писателям).

Журнал, являющийся органом ЛАППа, был фактически представлен руководству Казакова – приспособленца, который использовал журнал для распространения в отдельных случаях реакционных произведений.

Журнал необходимо превратить в массовый популярный, рассчитанный на широкие кадры пролетарской молодежи орган, занимающийся выдвижением и подготовкой новых творческих кадров из среды ударников, призванных в литературу, и пр.

«ОКТЯБРЬ».

Литературно-художественный и публицистический журнал[16]. Орган РАППа.

Редколлегия: Ермилов, Ильенков, Исбах, Макарьев, Панферов (отв. редактор), Платошкин, Речиков, Ставский, Суриков, Шолохов[17].

Журнал является центральным творческим и литературно-политическим органом РАППа и в этом смысле должен рассматриваться как ведущий орган пролетарской литературы, работающий на основе указаний и требований, предъявляемых к последней партией и рабочим классом.

Наряду с отдельными значительными по тематике и идейному уровню произведениями («Хлеб» Киршона, повести и очерки Панферова, Исбаха, Ильенкова, Ставского и друг.) журнал все же не охватил круга основных политических вопросов как творческим, так и внехудожественным материалом.

Особенно недопустимой является крайняя бедность отделов критики и публицистики, в частности, почти полное исчезновение в журнале библиографии. Совершенно неудовлетворительна работа писателя в отношении борьбы за центральные проблемы культурной революции, призыва рабочих ударников на борьбу с новобуржуазной, классово-враждебной агентурой в художественной литературе, в деле выдвижения новых творческих кадров.

Одновременно редакция не обеспечила журнал и от политико-идеологических срывов, наиболее значительными из которых являются помещенные в № 5 журнала антипартийного, повторяющего троцкистскую клевету о «перерождении» партии очерка Киша «Подкоп» и статьи Чарного о процессе меньшевистского ЦК, извращающей политическое содержание процесса, и не с большевистских позиций рисующего физиономии главных его участников. Ошибочным является также помещение троцкистской по своей основной концепции повести К. Левина «Жили два товарища», А. Митрофанова «Июнь — Июль», Шведова «Повести о волчьем братстве» — политически неверно трактующей нашу концессионную политику — и пр.

Журнал не развернул широкой критики грубейших ошибок и политических провалов, имевших место в ряде литературных журналов, не освоил и не осуществлял задач, связанных с руководством попутническими кадрами, принимал совершенно недостаточное участие в развертывании творческой дискуссии РАПП.

«ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ».

Орган Российской ассоциации пролетарско-колхозных писателей — РОПКП. Ставит своей задачей отображение основных процессов социалистического переустройства деревни, а также идейно-политическое руководство пролетарско-колхозными писателями, выдвижение новых кадров, перевод на рельсы пролетарской идеологии писателей из колхозников.

Как художественный материал, так и критический, помещенный в журнале за 1931 г., свидетельствует о явном неблагополучии.

В течение года на страницах журнала в той или иной степени были представлены основные кадры пролетар. колхозных писателей: Батрак, А. Завалишин, Демидов, Ряховский, Журба, Субботин, Егорашвили, Острогорский, А. Молчанов, Исаковский, Наскобин, Шухов и др. и почти не отводилось места новым писателям, ударникам полей, призванным в литературу.

Тематика не отражает социалистического переустройства деревни. Зачастую в произведениях старое преобладает над новым, зачастую сюжетом служат отрицательные стороны деревенской и колхозной действительности. Произведений, берущих объектом показа ударников-героев труда, колхозные и совхозные достижения в журнале, совершенно недостаточно.

Писатель И. Никитин в «Записках литературного бригадира» прямо говорит: «Когда я прибыл в Поляны, то меня интересовали не столько Полянские колхозы, сколько Полянская церковь и ее служители: поп Василий и дьякон Савватий», или: «ведь я искал литературные сюжеты, литературного героя. Галкин — разве это не герой: человек со шнурами до колен. Председатель сельсовета, подкулачник, классовый враг, пролезший в сельсовет, лучшего не придумать?»

Грубые идеологические срывы в журнале налицо. Тот же писатель И. Никитин в том же произведении клевещет на нашу действительность, утверждая,

что до вчерашнего дня за последние 15 лет ничего не изменилось в образе жизни крестьян, теперь вступивших в колхоз.

Брыкин в «Стальном Мамае» дает трибуну белогвардейцу. Это — контрреволюционное произведение. Это записки полковника Ладоги, работающего в колхозе счетоводом. Ладога — объективно летописец Нестор. Он пишет, например: «Принципиальный противник социалистических экспериментов, которые кроме лишений, тягот русскому народу ничего не дадут, я остаюсь в роли простого очевидца, беспристрастного летописца. Мое дело — правдиво передать потомкам, что творится на родине, реально политой слезами и кровью русского народа». Приводя Ладогу к самоубийству, автор как бы снимает вопрос о борьбе с ним[18].

Редакция поместила это произведение с примечанием о своем несогласии с автором по ряду положений и обещала дать критику, но своего обещания не сдержала.

«Рейд «Черного жука» Макарова — произведение вредное, в котором искаженно показывается советская действительность.

Галяу в «Пятилетке в действии» рисует под маркой нового человека правого оппортуниста, выступающего против планов строительства. Когда автору на дискуссии указали, что его новый человек — оппортунист, он ответил, что в начале — это был разложившийся человек, потом редакция переделала его на нового человека.

В 1930 г. журнал напечатал антипартийную сугубо клеветническую повесть Тарасова «Ортодоксы».

Халтура и приспособленчество выступают в повести Р. Акульшина «Повесть об одном колхозе».

В подборе художественных произведений «Земля Советская» господствовал самотек, не было организованного подбора художественных и идейно лучших произведений.

Поэзия в «Земле Советской» за некоторым исключением отличается тематической отвлеченностью и бессодержательностью.

Критико-библиографический отдел не отражал борьбы за ленинский этап в литературоведении, не заострял внимания на борьбе против меньшевиствующего идеализма, против механизма, не выражал линии партии в области теории.

Журнал печатал статьи А. Ревякина — механиста, переверзианца, защитника кулачества, считающего, что кулацкая литература сама по себе сдает позиции[19], формалистов и эклектиков Шашкевича, Войчевского, Брайнина, М. Беккер и др., печатал литфронтовские статьи Красильникова, Амурского, Козлова, статьи Острогорского, который защищал Ревякина, выступая против партийности литературы, заявляя, что партийность не главное, а главное — смена сомневающегося середняка образом колхозника в нашей литературе. Отдел критико-библиографический по существу замалчивал пролетлитературу. Вся линия его была линией гнилого либерализма.

Теоретик Ассоциации т. Карпинский в сборнике Ц.С. РОПКП «Наши позиции» совершает ряд грубейших ошибок. Он приписывает революционную роль буржуазным партиям не только во время буржуазной, но даже во время пролетарской революции, превращает ее в революцию, защищавшую интересы мелкого буржуа и т. д.

Руководство журналом не обеспечило необходимой большевистской бдительности в борьбе с большими идеологическими прорывами, необходимо работу журнала коренным образом перестроить, пересмотрев состав редколлегии.

Зам. зав. Культпропом ЦК А. ГУСЕВ

3.1-32 г.

отп. 3 экз.[20]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 275. Л. 83—97. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] 27 октября 1922 г. было принято постановление Секретариата ЦК о журнале «Красная новь», по вопросу о котором докладывал Бубнов. Из решения: «Основным общественно-политическим и литературно-критическим журналом является «Красная новь». На «Красной нови» лежит главная тяжесть борьбы с возрождающейся буржуазной идеологией. Она должна быть строго выдержанным органом революционно-марксистской мысли». Зачеркнуто: «Руководящим принципом подбора художественных произведений должно быть принятие Октябрьской революции» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 382. Л. 126).

[2] В номере № 11 (ноябрь 1931 г.) в составе редакции «Нового мира» числились И. М. Гронский, А. Г. Малышкин, В. П. Полонский и В. И. Соловьев. Ответственным редактором был Полонский. В номере № 12 фамилия Полонского уже отсутствовала.

[3] В февральской книге журнала за 1931 г. были опубликованы «Героические новеллы» Воронского. Не роман, но воспоминания Аросева «На боевых путях» печатались на страницах «Нового мира» в январе — марте 1931 г.

[4] В тексте рассказа: «Новый быт повесил пыльные гирлянды сухих елочных ветвей вдоль зала...» (Новый мир. 1931. Янв. С. 27). В рассказе речь идет о докладе иностранного специалиста на тему «Новое в химии строительных растворов». Абзац кончается контрастным противопоставлением: «Вместо кресел и стульев стояли скамьи».

[5] В действительности «Неизвестный камыш» Николая Зарудина — рассказ (Новый мир. 1931. Янв.).

[6] Повесть Як. Рыкачева «Величие и падение Андрея Полозова» (с подзаголовком «Повесть без диалогов») была опубликована в пятом номере «Нового мира» за 1931 г.

[7] Рассказ Иг. Малеева «Кукла Пантагрюэля» был опубликован в четвертом номере «Нового мира» за 1931 г.

[8] Программное стихотворение И. Сельвинского «От Палестины до Биробиджана» (1930) опубликовано в мартовском номере «Нового мира» за 1931 г. Заключительные слова: «Спасаясь от всех врагов, / История твоя пробежала / Соленою, рыдающей рекой / От Палестины до Биробиджана».

[9] Два стихотворения из цикла «Перечень профессий» Александра Прокофьева («Авиатор» и «Определение профессии») были опубликованы в девятом номере «Нового мира» за 1931 г. В меморандуме Гусева приводится цитата из стихотворения «Авиатор»: «Что у нас на земле? / Узколобые избы и шахты. / Но приходит закон притяженья. / И дорога твоя / Обусловлена ныне никчемной повесткой от жакта, / И письмом с иностранными штемпелями, / И причудами бытия» (с. 63).

[10] В первой половине 1937 г. КПК будет разбираться в том числе с запиской уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Челябинской области Заликина — Якову Аркадьевичу Яковлеву и Матвею Федоровичу Шкирятову «О политико-воспитательной работе комсомола среди молодежи». Отдельные факты говорили о средневеково-крепостническом положении дел в уральских молодежных общежитиях: «Вождей т. Сталина, т. Кагановича, т. Молотова, т. Орджоникидзе не знают. В кино за 1936 г. ни разу не были, на постановки тоже не ходят, газет не читают <...> Рабочий клуб закрыт, молодежь ходит с гармоникой по поселку и поет похабные песни. Современных песен

молодежь не поет...» В Верхнеуральске «пропускная способность культучреждений театр-кино в январе 1937 г. выразилась в количестве 8618 человек, на сумму 13.442 руб., а продажа алкогольных напитков, табаку и папирос в этом же месяце выразилась в сумме — 168.925 руб. Библиотека с 1912 г. не ремонтировалась. 300 человек в комсомольской организации, а в библиотеке числится 8 человек. Клуб не отапливается, скамейки поломаны, окна закрыты, стены ободраны. Висит лозунг «Производительно работать, культурно жить». В общежитиях — холодно, ноль градусов. Спят в верхнем белье и под пальто. Часть студентов четыре месяца не мылась в бане, потому что цены — высокие. Отдельные комсомолки на глазах райкома комсомола разлагаются. Комсомолка и инструктор по дошкольному воспитанию вбежала в дежурный магазин и требовала вина: «если не верите в возврате денег, я заложу комсомольский билет» (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 1. Д. 72. Л. 46—63. Прот. № 44 заседания Бюро КПК от 20 апреля 1937 г.).

[11] Так в тексте. Правильно: «Восковая персона».

[12] В искаженном виде и раскавыченно приводится цитата из стихотворения «Борису Пильняку» Пастернака. Последняя строфа звучит так:

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.

(Пастернак Б. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1989. С. 226). Полицейско-цензорское внимание руководителя Агитпропа в действительности мог привлечь факт посвящения стихотворения критикуемому правому попутчику Пильняку. Большевистские культуртрегеры везде искали групповщину и оппозиционные заговоры.

[13] 3 декабря 1931 г. Оргбюро приняло лаконичное постановление «О стихах т. Корнилова в «Звезде» № 6 за 1931 г.»: «Признать стихи «Баллада об оккупанте Билле Окинсе» тов. Корнилова в № 6 «Звезды» (за 1931 г.) грубо неприличными, роняющими достоинство коммунистического журнала. Предложить редакции исправить ошибку» (материала к постановлению в деле нет. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 270. Л. 18. Прот. № 85, п. 76).

[14] В августе 1926 г. страну потрясло так называемое «чубаровское дело» о групповом изнасиловании работницы пуговичной фабрики в саду завода «Кооператор» близ Чубарова переулка в Ленинграде. Тогда были задержаны, а позднее расстреляны несколько преступников. Это громкое дело нашло отклик на страницах «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова: «...Где пишут? — закричал секретарь. — Я не читал. — Завтра всюду появится, а мы опять опоздаем. — А когда вам поручили чубаровское дело, вы что писали? Строки от вас нельзя было получить. Я знаю. Вы писали о чубаровцах в вечерку» (Ильф И. Петров Евг. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1994. С. 202, 516).

[15] В № 1 журнала «На литературном посту» за 1931 г. была опубликована статья Ю. Н. Либединского «Задача одемьянивания». В связи с этим Луначарский говорит о «лозунге, который выставляет РАПП об «одемьянивании» нашей литературы» (Луначарский А. В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1964. С. 502). Луначарский имеет в виду: партийность, массовость и художественность творчества поэта. «Надо не так ставить, чтобы Центральный комитет писал лозунги, а мы подыскивали иллюстрацию, а так, чтобы Сталин, Центральный комитет среди других информационных материалов, которые они получают со всех сторон, читали и писателей и получали импульсы для своих постановлений и лозунгов»; «...такие старатели писатели, такие искатели золотоносных жил нам особенно нужны <...> Если бы он на крестьянском языке говорил то, что Клюев и Клычков, которые тоже хорошо знают русский язык, — это одно. Если же он на крестьянском языке говорит то, что говорил Ленин, это уже другое дело» (там же, с. 507).

[16] На обложке первого номера журнала «Октябрь» за 1931 г. стоял следующий подзаголовок: «Литературно-художественный и общественно-политический журнал Всероссийской и Московской Ассоциаций пролетписателей». Тираж журнала — 12 тыс. экземпляров.

[17] 6 мая 1931 г. Секретариат ЦК ВКП(б) рассмотрел просьбу фракции РАППа утвердить редактором журнала «Октябрь» тов. Панферова Ф. И. Утвердили (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 232. Л. 188). 14 апреля Н. Рабичев представил проект решения по кадровому составу редколлегий всех журналов РАППа: «Октября», «Пролетарской литературы», «На литературном посту». Докладывали Стецкий, Хавинсон, Кирпотин и Авербах. По «Октябрю» редактором намечался Панферов, заместителями редактора Ильенков и Макарьев. Рукой Рабичева дописаны фамилии Шолохова и Афиногенова (там же, л. 189). Прилагались справки на номенклатурных кандидатов, заверенные помощницей завкультпропом ЦК Дубинской. Помимо дежурных биографических данных, особое внимание уделялось партийному прошлому литературных чиновников, наличию выговоров и проступков. Авербах Л. Л. — рождения 1903 г., служащий из буржуазной семьи. В партии с 1919 г. (с 1917 г. в ВЛКСМ — так в тексте). В других партиях не был. МКК поставила на вид за помещение статьи против Батманова. Партколлегия ЦКК вынесла выговор за опубликование заметки против «Литфронта». Работает в настоящее время секретарем РАПП. Работа в прошлом: 1918—1919 гг. — Москва, Союз учащихся коммунистов — секретарь МК, председатель ЦК. 1919 г. — ЦК ВЛКСМ, член ЦК. 1919—1920 гг. — Московский комитет ВЛКСМ, член президиума, секретарь, редактор «Юношеской правды». 1920—1921 гг. — Главполитпросвет, начальник отдела по работе среди молодежи. 1921—1922 гг. — Берлин, бюро КИМ, член бюро. С 1922 г. — на литературной работе.

Ф. И. Панферов (1896—1960), вышел из крестьянской семьи. В партии с 1926 г. В начале Февральской революции был 2—3 месяца в партии левых эсеров. В 1918—1921 гг. состоял членом ВКП(б), но в 1921 г. был исключен на три года «как интеллигент, долженствующий перевариться в пролетарском котле». Партвзысканий не имеет. Ответредактор «Октября». Трудовая деятельность: в Вольске в 1917 г. — учительская семинария. В 1918—1919 гг. — комиссар продовольствия и внутренних дел. В 1920 г. — редактор газеты. 1920—1921 гг. — Центропечать, заведующий. 1921 г. — зав. УОНО. 1922—1923 гг. Саратов — редакция газеты, зав. деревенским отделом. 1924—1925 гг. Вольск, уком — школа-передвижка. 1926—1930 гг. «Крестьянская газета», редактор «Крестьянского журнала».

Самая лаконичная характеристика — на М. А. Шолохова: «рожд. 1905 г., кандидат в члены ВКП(б) с 1930 г., писатель, автор романа «Тихий Дон».

А. Н. Афиногенов (1904—1941), служащий, в партии с 1922 г., в ВЛКСМ с 1919 г., в других партиях не был. В 1923 г. МКК вынесла строгий выговор за отрыв от партийной работы. В 1929 г. проверочной комиссией объявлен выговор. В настоящее время находится в заграничной командировке. 1919 г. — секретарь горкома комсомола в Рязани. 1925 г. — замредактора газеты в Ярославле. 1926—1930 гг. — зав. репертуарной частью Промкульта в Москве. 1930 г., до поездки за границу — писал (там же, л. 189).

Д. М. Мазнин, в Петрокоммуне работал извозчиком. В 1931 г. в РАППе — завсектором работы с ударниками.

Б. М. Буачидзе (1905—?), служащий, сын священника. В 1922 г. отец снял сан. В партии с 1928 г. Был в партии левых федералистов. ЦКК Грузии вынесло в 1932 г. выговор за допущенные федералистические ошибки во время своей работы в ГАПП (был руководителем ГАПП) и за замазывание своего федералистского прошлого. Работа в прошлом: в 1917 г. учился в гимназии в Кутаиси. Разносчик газет. 1919—1920 гг. рабочий на Кибульских копях. Корректор ГИЗ в Тифлисе. 1926—1931 гг. АПП Грузии и Закавказья — секретарь.

[18] В октябре 1931 г. Брыкин был освобожден от обязанностей ответственного секретаря Ленинградского отделения ВОКП, «ему приписывались антирапповские на-

строения, а также примиренческое отношение к классовому врагу, якобы проявившееся в его книге «Стальной Мамай» (см.: Муромский В. П. Литературные объединения 1917—1932 гг. в России: Проблемы изучения // Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1910—1930-х годов: Исследования и материалы. Кн. 1. Санкт-Петербург: Наука, 2002. С. 24).

[19] В своем исследовании о РОПКП А. И. Михайлов пишет: «Известный функционер ВОКП и теоретик пролетарско-колхозной литературы А. Ревякин назывался представителем и «деборинщины», и «воинствующего меньшевизма», и «механицизма», и «переверзевщины». А итоговая формула гласила: «меньшевистский переверзевец механист Ревякин» (см.: Михайлов А. И. Ленинградское отделение Российской организации пролетарско-колхозных писателей (1931—1932 гг.) // Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1917—1930-х годов. Кн. 1. СПб., 2002. С. 335).

[20] Многочисленные подчеркивания, имеющиеся в машинописном оригинале, при публикации не приводятся. Проект постановления Оргбюро о состоянии основных литературно-художественных журналов, внесенный Культпропом, и сопроводительная записка Гусева отложились в материалах к повестке дня заседания Оргбюро ЦК от 5 января 1932 г.

№ 169
ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОРГБЮРО ЦК ВКП(б) ПО ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ОСНОВНЫХ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ

5 января 1932 г. (не позднее)

1. ЦК отмечает грубые идеологические прорывы в ряде литературно-художественных журналов, которые указывают на совершенно недостаточную большевистскую бдительность их редакций. Отсутствие бдительности привело к тому, что отдельные журналы («Новый Мир», «Красная новь», «Звезда», «Ленинград»), вместо того, чтобы являться проводниками литературной политики партии, в ряде случаев стали трибуной для классово-чуждых выступлений, рупором антисоветски настроенных элементов.

Редакции ряда журналов не сумели превратить последние в подлинное боевое оружие партии в деле социалистического строительства на данном этапе, неудовлетворительно осуществляли задачи руководства и воспитания писательских кадров и выдвижения новых кадров из рабочих и колхозников.

2. ЦК ставит перед литературно-художественными журналами задачу немедленной перестройки и ликвидации отставания от современных проблем социалистического строительства, превратив журналы в подлинно творческие центры, выдвигая новые кадры писателей из рабочих и колхозников, помогая писателям-попутчикам включиться в практику социалистического строительства, перейти на позиции попутничества, на позиции союзников пролетариата.

3. Журналы обязаны организовать участие лучших кадров писателей в показе руководящей роли партии во всем строительстве СССР, в показе героев пятилетки, в истории заводов и гражданской войны, обеспечить на своих страницах критический разбор печатаемых произведений в целях борьбы с классово чуждой идеологией, за показ развернутого социалистического наступления на высоком художественном уровне.

4. Повысить политическую ответственность и бдительность редакций. Ликвидировать обезличку, установив, что ответственный редактор является

фактическим, а не формальным руководителем журнала, а члены редколлегии, неся ответственность за весь журнал, непосредственно руководят его отдельными частями.

5. Ликвидировать практику самотека литературных произведений и встать на путь организованного подбора материала, обеспечить постоянную помощь автору в процессе его работы над произведением.

6. Предложить редакциям журналов обеспечить в ближайших номерах развернутую критику и самокритику допущенных в 1931 г. ошибок.

ЦК ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

По журналу «КРАСНАЯ НОВЬ»

1. За недостаточную большевистскую бдительность, грубые идеологические прорывы, слабость работы с писательскими кадрами, редколлегии журнала «Красная Новь» — объявить выговор.

2. Удовлетворить просьбу тов. Фадеева об освобождении его от обязанностей ответственного редактора.

3. Редколлегию журнала утвердить в составе т.т.........................

4. Редактором журнала утвердить тов...........................

5. Предложить редакции журнала укрепить руководство критическим и библиографическим отделами, обеспечить развернутую критику помещенных на страницах журнала идеологически вредных и ошибочных произведений.

По журналу «НОВЫЙ МИР»

1. За допущение на страницах журнала классово чуждых произведений, отсутствие большевистской бдительности, игнорирование задач по руководству, воспитанию и выдвижению кадров писателей редколлегии журнала «Новый Мир» — объявить строгий выговор.

2. Ответственного редактора В. Полонского, как не обеспечившего в журнале линии партии с работы снять.

3. Вывести из состава редколлегии В. И. Соловьева.

4. Редколлегию утвердить в составе т.т..............

5. Редактором журнала утвердить тов.................

По журналу «ЗВЕЗДА»

1. За грубые извращения, допущенные в журнале, выразившиеся в помещении ряда идеологически вредных произведений редактора тов. Белицкого, фактически в журнале не работающего, а формально штемпелевавшего эти идеологически вредные произведения, с работы снять.

2. Предложить Ленинградскому Обкому укрепить руководство журналом и обеспечить поворот его к современным задачам социалистического строительства.

По журналу «ЛЕНИНГРАД»

1. Указать Фракции ЛАППа на недопустимость такого положения, когда единственный журнал организации предоставлен руководству беспартийных, использующих его для распространения в отдельных случаях реакционных и контрреволюционных произведений.

2. Предложить Ленинградскому Обкому укрепить руководство журналом и превратить его в массовый, популярный орган, занимающийся выдвижением и подготовкой новых творческих кадров.

По журналу «ПРОЛЕТАРСКИЙ АВАНГАРД»

Журнал «Пролетарский авангард» изданием прекратить.

По журналу «ОКТЯБРЬ»

1. Отметить, что редакция до сих пор не ликвидировала отставание журнала от современных задач социалистического строительства и не обеспечила его от политических срывов и ошибок и извращений как в своем, так и в ряде других литературно-художественных журналов, не осуществляя влияния и руководства попутническими и союзническими кадрами писателей, не развернула необходимой работы в связи с творческой дискуссией в РАППе.

2. Указать редакции на необходимость укрепления и значительного расширения критического и библиографического отделов журнала.

3. Предложить редакции как одну из основных, поставить перед собой задачу качественного улучшения литературной продукции и борьбы с протаскиванием в печать классово чуждых влияний.

По журналу «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1. Предложить редакции обеспечить перестройку журнала, превратив его в массовый популярный орган, рассчитанный на широкие кадры выросшего комсомольского актива.

2. Указать редакции на необходимость усиления большевистской бдительности и борьбы с попытками протащить в литературу чуждую идеологию.

3. Обеспечить развертывание воспитательной работы с творческим активом журнала, бороться за качество творческой продукции, обеспечив постоянную помощь начинающим писателям в процессе их работы над произведениями.

4. На страницах журнала шире и глубже отражать историю партии и комсомола, воспитывая на ней молодые комсомольские кадры, полнее освещать вопросы интернационального воспитания.

По журналу «ЗЕМЛЯ СОВЕТСКАЯ»

1. Отметить, что редакция не сумела обеспечить в своей работе необходимой большевистской бдительности и настороженности, допустила проникновение на страницы журнала чуждых настроений и клеветы под видом высказываний от лица врага («Стальной Мамай» и т. д.).

2. За допущенные ошибки редакции поставить на вид.

3. Предложить редакции отводить значительно большее место произведениям начинающих писателей из ударников полей, призванных в литературу, решительно борясь с недооценкой воспитания и выдвижения новых кадров.

Зав. Культпропом ЦК СТЕЦКИЙ

Зам. зав. Культпропом ЦК А. ГУСЕВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 275. Л. 84—88. Машинописный подлинник. Подписи — автографы.

№ 170
ТИХОМИРНОВ — МОЛОТОВУ О ПЕРВОМ ТОМЕ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

20 января 1932 г.

Дорогой Вячеслав,

Я говорил тебе о найденных письмах Федосеева. До сих пор мне не удается их получить. Академик Волгин не отказывается их передать, когда они будут опубликованы в их издании (с каких это пор Академии Наук разрешено хра-

нение и использование историко-партийных документов?!) Как они используются — видно по прилагаемым листам еще не вышедшего № 1 «Литературного наследства». Буш, который их публикует, — кандидат партии — секретарь ИНЛИ при Академии наук.

Я ставил вопрос у нас на дирекции, говорил с т. Адоратским, но определенного ответа не добился.

Письма Федосеева, хотя и в отрывках, как ты увидишь, представляют громаднейший интерес. По поводу этих писем Ленин вел переписку с Федосеевым.

Мне кажется, что следовало бы задержать издание и потребовать категорически передачи этих документов в Инст. Маркса, Энгельса и Ленина. М. б., нужно внести вопрос в ЦК. М. б., ты поможешь в этом деле.

С приветом

ГЕРМАН

(*Сталин дописал*: «Тихомирнов»)

20.1.32 г.[1]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 926. Л. 58. Машинописный текст. Резолюции — автографы.

Резолюция Сталина: «За предложение. Молотову. И. Сталин». Резолюция Молотова: «Членам Пбюро. Это письмо т. Г. Тихомирнова — заведующего архивом Инст. Маркса — Ленина. По-моему, переписка (письма) Федосеева исключительно интересные для истории марксизма в России документы. Предлагаю предложения т. Тихомирнова принять. В. Молотов».

[1] 23 января Молотов докладывает о письмах Федосеева на Политбюро. Постановили: передать письма в ИМЭЛ, задержав их издание в «Литературном наследстве». Выписки: Стецкому, Адоратскому, Волгину.

См. также документы № 171 и 172.

№ 171
АВЕРБАХ — МОЛОТОВУ ОБ ОШИБКАХ, ДОПУЩЕННЫХ В ПЕРВОМ ТОМЕ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

11 февраля 1932 г.

Тов. В. Молотову

В ноябре прошлого года редакция «Литературного наследства» приняла к печати статью В. Буша (член ВКП(б), работник Академии Наук СССР), содержащую ряд доселе неизвестных и считавшихся потерянными писем марксистов 90-х годов — в первую очередь Н. Е. Федосеева — к Михайловскому. Придавая большое политическое значение факту нахождения указанных писем, редакция обратилась тогда же в Дирекцию ИМЭЛ с докладной запиской, в которой подробно описывались эти материалы (см. приложение*). Одновременно редакция включила эту статью в первую книгу журнала, хотя в ней приводились лишь отрывки из указанных писем; к сожалению, В. Буш отказался предоставить редакции всю переписку в целом.

29 декабря редакция получила разрешение Главлита на печатание указанных материалов. 29 января нам была выдана карточка Главлита на выпуск в

* Не публикуется.

свет первой книги «Литературного наследства». До этого времени листы сборника были просмотрены руководящими работниками ИМЭЛ, которые внесли в них некоторые исправления: так, по их указанию была снята неудачная фотография Ленина.

После того как книга была полностью отпечатана, фактически вышла в свет, состоялось постановление ЦК о передаче писем Федосеева, которым посвящена большая часть публикации, из Академии Наук, где они хранились, в распоряжение ИМЭЛ и о приостановке печатания писем, о чем, однако, редакция своевременно не была поставлена в известность. В настоящее время весь тираж книги (5.000) в переплетенном и готовом к выпуску в свет виде задержан в типографии, где лежит уже вторую неделю. Объявления о первой книжке числом до 100 обошли всю советскую печать. Таким образом, содержание номера слишком широко известно, чтобы можно было изменить состав книжки.

Изъять уже напечатанную статью из книги представляется технически невозможным. Это повлекло бы за собой столь сложную перепечатку, что фактически равнялось бы уничтожению издания. Не говоря уже о значительном (свыше 30.000 р.) материальном убытке, это равносильно закрытию всего издания, т. к. без первого номера не может выйти в свет уже подписанная к печати вторая книга журнала.

Учитывая большое политическое значение первой книги «Литературного наследства», являющегося первым опытом партийного историко-литературного журнала, а также и то, что напечатание отрывков из писем Федосеева до опубликования всей переписки отнюдь и ни в коей степени не наносит вреда интересам партии, редакция просит разрешить выпуск в свет отпечатанной книги журнала.

Редакция журнала «Литературное наследство»
Л. АВЕРБАХ, И. ИППОЛИТ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 283. Л. 23. Машинописный подлинник на бланке редакции «Литературного наследства». Подписи — автографы. Резолюция Молотова — автограф.

Резолюция Молотова: «По-моему, это следовало бы решить в Секретариате ЦК с вызовом т. Адоратского (т. Товстуха). В. Молотов. 20/2».

5 марта 1932 г. будет принято постановление Оргбюро ЦК «О выпуске первого сборника «Литературного наследства».

№ 172
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОРГБЮРО ЦК ВКП(б) «О ВЫПУСКЕ ПЕРВОГО СБОРНИКА «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

5 марта 1932 г.

Т.т. Стецкому, Адоратскому, Авербаху, Волину, Волгину

О ВЫПУСКЕ ПЕРВОГО СБОРНИКА «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

а) Предложить редакции сборника «Литературное наследство» изъять статью «Марксисты 90-х годов в письмах к Н. К. Михайловскому» и заменить другим материалом.

Указать редакции сборника «Литературное наследство» на недопустимость печатания ответственного материала по истории марксизма в России в недостаточно серьезной обработке[1].

Предложить редакции впредь согласовывать опубликование подобного рода материалов с ИМЭЛ.

б) Предложить т. Волгину В. П. (непременному секретарю Академии наук) немедленно передать ИМЭЛ все письма марксистов.

Секретарь ЦК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 283. Л. 23. Машинописный подлинник.

[1] Сталин держал под постоянным личным контролем вопросы издания произведений Маркса, и особенно рукописей неизданных произведений. 7 января 1937 г. (не ранее) помечена записка Владимира Сорина «Краткая запись беседы с тов. Сталиным» (имя написано отдельно синей ручкой): «7-го января 1937 г. около 3-х часов дня, по телефону. Напомнил, что несколько месяцев тому назад ему послали брошюру Маркса в русском переводе (перевод ИМЭЛ) о внешней политике России или о дипломатической истории России. Выразил сомнение в том, что вся эта работа в целом принадлежит Марксу. Элеонора и ее муж под именем Маркса выпустили эти заметки, которые, вероятно, вырваны из общей связи. Авторитет Элеоноры слишком мал, она не имеет никакого авторитета. Появление брошюры очень подозрительно: здесь выполнялся социальный заказ буржуазии, который заключался в том, чтобы обелить политику Англии, изолировать Россию. Не допускает, чтобы Маркс держался таких взглядов. В брошюре отсутствуют элементарные вещи. Элеонора и ее муж в неприглядном виде. Много чепухи, среди которых есть зернышки бриллиантов. Надо выяснить, что принадлежит Марксу, выделить для этого специальную группу. Не торопиться с изданием. «Имя Маркса надо беречь». Подпись Владимира Сорина и дата: 7 января 1937 г. (РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 568).

№ 173
ПИЛЬНЯК — СТАЛИНУ О СВОЕЙ КНИГЕ ПО ИТОГАМ ПОЕЗДКИ В США

28 января 1932 г.

Москва 40
2-ая ул. Ямского Поля, 2а, 21
тел. ДЗ 77 12
28 янв. 1932

Дорогой и глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Я должен был бы написать Вам сейчас же после возвращения из Америки, чтобы благодарить Вас за данную мне возможность быть заграницей[1]. Я хотел это сделать, приложить к письму ту книгу, которую я сейчас заканчиваю, об Америке[2]. Но мои обстоятельства сейчас складываются так, что я, кажется, теряю возможность не только что-либо издавать, но и вообще считаться советским гражданином, хотя вины я за собою не чувствую.

Ваше письмо, Иосиф Виссарионович, которое Вы прислали мне в связи с моею поездкой, накладывало на меня обязательства, которые я нес с гордостью. Я уверен, что НКИД подтвердит, что моя поездка, равно как и мои выступления, были полезны для СССР[3]. Я десятка два раз выступал публично, на рабочих собраниях Германии, Америки, в Сорбоннском университете и

т. д. Везде я отождествлял судьбу советской литературы с судьбою коммунизма, утверждал, что будущее только у нас. В Нью-Йоркском Таймсе, в частности, было однажды напечатано: «Пильняк предрекает гибель капитализма в Америке». У меня дома хранится около восьмисот газетных и журнальных вырезок – только американских, – связанных с моею поездкой, как с поездкой советского писателя, – т. е. моя поездка была замечена хорошо.

Должен сказать, что я вернулся с утроенными, с удесятеренными революционными настроениями. Вернувшись, я сел за книгу об Америке.

За месяцы моей поездки обо мне в советской прессе появилось несколько заметок. Ни одной из них не было такой, которая, говоря по существу, не паскудила б меня. В качестве примера разрешите привести эпизод. Зимой 30–31 годов в Известиях печатались мои очерки о Таджикистане, которые впоследствии вышли отдельными книгами, как по-русски, так и на иностранных языках. Прежде, чем печатать эти очерки, я давал их на просмотр председателю Тадж. Совнаркома тов. Ходжибаеву[4]. По поводу этих очерков была только одна заметка в Литературной Газете от 10 июня 31 г., подписанная некими краеведами. Меня не было тогда в СССР. Заметка эта была так несправедлива, что тов. Ходжибаев нашел необходимым ее опровергнуть. Тов. Ходжибаев говорил мне, что все те три краеведа, подписавшие эту заметку, поименно отказались от написанного обо мне. Об этом нигде не напечатано. Таких примеров я могу привести много. Но это одна лишь и не главная сторона дела.

Вернувшись, я получил от нескольких товарищей и организаций предложения и поручения прочитать лекции об Америке. Такое предложение я получил, в частности, от Дома Печати, и в начале ноября, по предложению Правления, я говорил там об американских журналистических и писательских нравах. Без малого через два месяца, после того, в Правде от 25-го декабря 31 г. появилась резолюция ячейки Правды под заглавием «За большевистскую бдительность на фронте печати». Эта резолюция была посвящена выступлению Левидова. Но она коснулась и меня, в традициях, установившихся по отношению ко мне, двумя фразами:

«...проявления гнилого либерализма со стороны руководства Дома Печати, предоставившего трибуну Левидовым, а еще ранее, Борису Пильняку».

«...Фракция признала также политической ошибкой постановку в ДП доклада Пильняка об Америке»[5].

Этими фразами все, касающееся меня, и ограничено. Как видите, оценки того, что я говорил, не имеется, но получается по прямому смыслу обеих этих фраз, что ошибочно вообще давать мне право выступать вне зависимости от того, что я говорю, т. е. ошибочно, если я нахожусь в рядах советской общественности.

Я имел две открытые лекции в Политехническом музее – об них нигде отзывов не было.

Но заметку Правды наша общественность так и расценила, что я выкинут из ее рядов. Случайно совпало, что того же 25-го декабря я был направлен в Тулу с докладом. Я был свидетелем в Туле, как на мою лекцию собирались люди и расходились с нее, ибо доклад мой был экстренно отменен именно в связи с заметкой «Правды». Заметка «Правды» оказалась тою каплей, которая количество статей обо мне превратила в качество. Но не только о моих выступлениях не может быть сейчас и речи, но со мною порван договор на изда-

ние моих книг, которые начиная от «Голого года» переиздавались и Главлитом запрещаемы не были, равно как не запрещены и сейчас. Договор расторгнут 27 января, и я не знаю, где я могу теперь издавать мои книги. На издание моей книги об Америке у меня есть предложения из ряда стран, даже от американских издателей, хотя они и знают, что эта книга будет скандальна для Америки, — и мне неизвестно, как мне издать эту книгу только в СССР.

Я написал в «Правду», прося реабилитировать меня. «Правда», за подписью тов. Мехлиса, ответила мне на мое имя письмом, где, в частности, сообщается:

«Само собою разумеется, что помещение в «Правде» матерьяла о вашем докладе не означает, что вы не можете выступать с лекцией о вашей поездке по Америке».

Матерьяла, как видно из приведенных выше выписок, о моем докладе в «Правде» не печаталось. Дело сейчас опирается уже не только в лекции об Америке, но о моем положении в советской общественности. Не приклеивать же мне письмо тов. Мехлиса себе на лоб, чтобы от меня не отворачивались.

Я просил редакцию «Правды» высказаться по этому поводу на своих страницах. Ответа я не получил до сих пор.

Эта ж заметка «Правды», расценивающая политической ошибкой мое выступление среди товарищей по профессии в Доме Печати, не только оставляет меня вне рядов советской общественности, но сводит насмарку всю мою поездку заграницу, ибо она ставит меня в положение самозванца и явно уже ставит в положение политической бестактности мои выступления заграницей, где, с одной стороны, я был гостем наших полпредств, но где иной раз мне приходилось выступать не среди товарищей, но среди врагов.

Нет труднее отталкиваемому человеку — оправдываться, когда он не чувствует себя виновным. В таких условиях легче вообще бросить заниматься литературным трудом, тем паче, что такие условия могут грозить и голодом. Но работать — я хочу, и моя судьба навсегда связана с нашей революцией и ее генеральной линией.

Я прошу Вашей помощи, Иосиф Виссарионович[6]. Я хочу чувствовать себя советским гражданином и работать в нормальных для советского писателя условиях. Я прошу Вас помочь мне восстановить права советского гражданина и писателя.

Разрешите заранее благодарить Вас, Иосиф Виссарионович[7].

Ваш БОРИС ПИЛЬНЯК

К этому письму я прилагаю «Таджикистан» на русском и французском языках. Я очень просил бы Вас просмотреть их*.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 52—53. Машинописный подлинник. Есть пометки рукой неизвестного.

[1] См. документы № 230, 231.

[2] Речь идет о романе «О кей», который в следующем, 1933 г. выйдет в трех издательствах: ГИХЛ, «Советская литература» и «Федерация». Книга называлась по-разному в процессе ее написания. Гронский (со слов Вячеслава Нечаева) вспоминал о та-

* Пометка: «не было».

ком названии, как «Страна, в которой бандиты условились хорошо жить». По воспоминаниям Гронского, Пильняк читал этот роман у себя на квартире Радеку, Воронскому, Осинскому, и корреспонденту «Нью-Йорк таймс» в Москве Вальтеру Дюранти. (Нечаев Вяч. Минувшее. Т. 16. С. 107).

[3] В черновике письма Кагановичу эта фраза звучит по-иному: «Я уверен, что Наркоминдел и ГПУ подтвердят» (далее по тексту).

[4] Через полтора года поддержка Ходжибаева окажется отягчающим вину Пильняка обстоятельством. 5 декабря 1933 г. Политбюро утвердит «Постановление ЦК ВКП(б) о председателе ЦИК СССР и ЦИКа Таджикской ССР Максуме и Пред. СНК Тад. ССР Ходжибаеве», в котором, в частности, будет говориться: «т.т. Максум и Хаджибаев в своей работе во многих случаях не проводили политики партии и советской власти, не заботились об улучшении положения дехкан-бедняков и середняков, не помогали им в подъеме их хозяйства, как колхозного, так и единоличного, поддерживали (*Сталин зачеркнул*: «тесную») связь с кулацкими элементами и бывшими чиновниками бухарского эмира, нередко защищали кулаков от бедняцко-середняцкого крестьянства и от их революционных представителей в местных советах» и т. д. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 996. Л. 217–220).

[5] 25 декабря 1931 г. в «Правде» была опубликована заметка «За большевистскую бдительность на фронте печати». Подзаголовок: «Из резолюции бюро ячейки ВКП(б) редакции «Правды» совместно с партактивом, принятой 21 декабря 1931 года, по докладу тов. Богового». Характерно начало этой резолюции: «Наглейшую контрреволюционную вылазку троцкистские контрабандисты сделали на диспуте «Пропал фельетон» в Московском доме печати». Левидов («бывший работник буржуазной печати») заявил, что со страниц советской печати исчез обличительный сатирический фельетон. На волне этого решения 22 декабря состоялось заседание фракции ВКП(б) правления Московского дома печати. Творчество Левидова уже было предметом разбирательства в высшей инстанции партийной полиции (ЦКК). 31 декабря 1927 г. на заседании парткоплегии ЦКК было принято постановление, посланное на согласование Сталину и Молотову. Решение Политбюро состоится 16 февраля. О разглашении постановления ПБ относительно пьесы Левидова «Заговор равных»: «Указать т. Луначарскому, что разглашение постановления Политбюро ЦК ВКП(б) стало возможным потому, что о предстоящем просмотре пьесы членами комиссии Политбюро он сообщил работникам театра» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 713. Л. 93, 52).

[6] Гронский также вспоминал о том, что «в одной из бесед со мной Сталин очень интересовался материальными условиями, жизнью Пильняка. Сталин даже просил оказывать ему всевозможную поддержку» (см.: Нечаев Вяч. Указ. соч. С. 107).

[7] В черновике письма, обращенного к Кагановичу говорится: «Я не пишу сейчас ничего Иосифу Виссарионовичу, потому что мне хотелось бы, вместо жалоб, послать ему мою книгу об Америке, которую я написал, потому что Иосиф Виссарионович дал мне возможность поехать заграницу, и которую я писал с сознанием всей ответственности литератора Советского Союза».

№ 174
СТАЛИН — КОЛЛЕКТИВУ ИЗОГИЗА О РИСУНКАХ ДЕНИСОВСКОГО

10 февраля 1932 г.

Дорогие тов[ари]щи из «Огиз» — «Изогиза»!

Для чего и для кого издаете Вы этот странный плод странной художествен[ной] фантазии Денисовского?[1] Кому нужны эти небрежные наброски теней, долженствующих изображать живых людей? Неужели не понимаете, что ничего нельзя понять в этих «картинах» без специальных надписей? А ведь

надписи — самое интересное из того, что может привлечь внимание в этом ворохе небрежных набросков. «Се лев, а не собака», так, что ли, дорогие тов-щи из «Огиз-Изогиза»?

Дела...

10/II 32 *И. СТАЛИН*

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 202. Л. 2. Рукописный подлинник.

[1] Н. Ф. Денисовский — один из организаторов Объединения революционных плакатистов, художник «Окон РОСТА». В 1919 г. в Москве вместе с группой художников, учившихся в ГСХМ (А. И. Замошкин, В. А. и Г. А. Стенберги и др.), организовал Общество молодых художников (Обмоху) — производственно-творческое объединение. В выставках объединения участвовали также А. В. Лентулов, А. М. Родченко, Г. Б. Якулов и др. Для членов Обмоху были характерны абстрактно-технические, фактурные и цветовые эксперименты с разнородными материалами (дерево, железо, холст, стекло и т. п.). Наряду со станковыми композициями художники создавали трафареты для изготовления плакатов, значков, участвовали в оформлении улиц и площадей, театральных постановок. Обмоху организовало четыре выставки (1919, 1920, 1921, 1923). Распалось в 1923 г. Денисовский также оформлял и спектакли.

№ 175
ПАНФЕРОВ — ПОСКРЕБЫШЕВУ О ВЫСТУПЛЕНИИ ФАДЕЕВА НА БЮРО ФРАКЦИИ РАПП

10 февраля 1932 г.

Из выступлений т. Фадеева на фракции бюро РАПП 8 февраля стало известно, что вы как-то позвонили Фадееву, спрашивая его, как могло появиться в печати такое произведение, как «Ловцы сомнений» Овалова[1].

Тов. Фадеев причисляет (и упорно это делает) тов. Овалова к нашей творческой группировке. Я принужден дать следующие справки.

Первое. «Ловцы сомнений» начали печататься в журнале «Октябрь» летом 1930 г.[2], а наша творческая группа организовалась (что видно из прилагаемой справки) в конце октября 1930 года. Овалов в это время вступил к нам в группу и через 2 месяца выбыл.

Второе, «Ловцы сомнений» тов. Киршоном в своем выступлении на 16-м партийном съезде были включены в рапорт съезду как достижение пролетарской литературы[3].

Третье. «Ловцы сомнений» были редактированы и одобрены в печати в журнале «Октябрь» тов. Фадеевым. Мы были против печатания «Ловцов сомнений», в частности, я тогда же написал Овалову резкое письмо, в котором указывал на то, что произведение «Ловцы сомнений» печатать нельзя и тот, кто рекомендует печатать это произведение, потом угробит его же, Овалова (у Овалова есть мое письмо и письмо Фадеева)[4].

Таким образом, мы, как творческая группа, ответственности за «Ловцы сомнений» не несем. Это абсолютно не значит, что мы, несмотря на то, что были против печатания этого произведения, не несем за него ответственности, как члены РАПП или защищаем его. Мы считаем, что Овалов, автор такой хорошей вещи, как повесть «Болтовня», в «Ловцах сомнений» объективно встал на позицию троцкистских контрабандистов[5].

Тов. Фадеев утверждает, что он напечатал «Ловцы сомнений» в «Октябре» только потому, что не хотел ссориться с нашей творческой группировкой. Если это так, то, стало быть, Фадеев проявил тут самые отвратительные черты групповщины. Но такое утверждение – липовое, ибо в то время, когда «Ловцы сомнений» печатались в «Октябре» и рапортовались съезду Киршоном, нашей творческой группы не существовало. Фадеев просто вывертывается. Верно. Моя ошибка тогда заключалась в том, что я только в письме к Овалову и устно высказывался против напечатания «Ловцов сомнений», не высказав своих соображений в печати. Я тогда думал так, что Овалов член партии и у него есть такое хорошее произведение, как «Болтовня», что его надо воспитывать, не ударяя через печать. Тут была моя ошибка.

В нашей творческой группе состоят два писателя-коммуниста: Исбах и Горбатов. Исбах написал роман «Крушение», взяв основной темой «борьба с троцкизмом» и не сумев в должной мере вскрыть социальные корни оппозиции, этим самым совершил политическую ошибку. Горбатов в романе «Наш город», взяв основной темой артемовщину, тоже не смог в должной мере вскрыть корни разложения. Ошибки этих произведений идут от недостаточного овладения методом диалектического материализма в области художественной литературы и от того, что авторы подпали под влияние лозунга «живой человек» в толковании Ермилова. Расплата за этот лозунг началась с «Рождения героя» Либединского. Фадеев и его группа ответственность за «Крушение» и «Наш город» тоже возлагают на нашу творческую группировку, намеренно забывая о том, что эти произведения в печати появились весной 1930 года, были тов. Киршоном представлены в рапорте съезду партии, т. е. в то время, когда нашей творческой группы не существовало. Тов. Исбах и Горбатов потому и пришли в нашу творческую группу, что осознали ошибочность того творческого метода, которым они владели, когда писали вышеуказанные произведения, и теперь работают над новыми произведениями в совершенно ином плане.

Тов. Фадеев все вышеизложенное прекрасно знает и все-таки продолжает утверждать, что мы из групповых соображений не критиковали этих произведений, и этим самым навешивает на нашу группу политическое обвинение, компрометируя ее в глазах общественного мнения. Мы эти произведения критиковали и критикуем.

Нам вполне понятно такое поведение т. Фадеева. Фадеев напечатал, редактировал такие произведения, как «Усомнившийся Макар», «Впрок» Платонова, «Три смерти» Хаджи-Мурата[6], «Жили два товарища» и «Ревматизм» Левина, «Июнь» и «Июль» Митрофанова, «Рождение героя» Либединского (в роман-газете), «Ловцы сомнений» Овалова и ряд других, мягко выражаясь, политически ошибочных произведений. Теперь Фадеев ищет мальчика для битья, чтобы снять с себя ответственность за напечатание этих произведений и скомпрометировать нашу творческую группу.

Я прошу вас информировать т. Сталина о содержании моего письма

Привет,

Ф. ПАНФЕРОВ

10 февраля 1932 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 781. Л. 7—9. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы.

[1] Пролетарский писатель. Член ВКП(б) с 1920 г. (см.: Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 8. С. 217—218). В энциклопедии (статья Л. Бать) указано, что в романе «дан политически неверный ответ» на проблему «громадной важности» — вопросы «партийной оппозиции и разоблачения единой сущности правого и левого уклонов».

[2] Роман печатался в «Октябре» (1930. № 5—7).

[3] Киршон упомянул три произведения Овалова: «Болтовня», «Красное и черное» и «Ловцы сомнений» (XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.: Государственное издательство, 1930. С. 277—282).

[4] Из записки Панферова Фадееву: «У меня нет слов таких, какими бы я мог тебя покрыть за то, что ты начал печатать «Ловцы сомнений» в «Октябре» <...> Я ругаюсь, и пойми — откровенно и искренне потому, что я тебя ценю, люблю, надеюсь, что из тебя выработается передовой писатель пролетариата, а ты наговнял. Надо — пусть пройдет в журнале (это — непоправимая беда), но не давать в таком виде книгой. Иначе тебя сбросят завистники в помойку. Горячий привет. Федор» (Ук. архивное дело. Л. 5).

[5] «Литгазета» 29 октября 1930 г. сообщала, что секретариат РАПП, рассмотрев заявление Панферова о создании напостовской творческой группы на основе литературно-политической линии РАПП, приветствует создание группы, реализующей «лозунг РАПП о творческом соревновании на основе общей борьбы за диалектико-материалистический лозунг». МАПП зарегистрировал группу Панферова наряду с «Напостовской сменой», «Коммуной поэтов». В духе съезда ВАПП и пленума РАПП. 28 января 1932 г. «Литгазета» (орган ФОСП РСФСР) сообщала о первом производственном совещании критиков РАПП. Из прозвучавших заявлений: книга Овалова — «контрреволюционная троцкистская клевета на партию». «Крушение» опошляет борьбу партии с троцкизмом. «Наш город» — по-левацки ставит вопрос о парткадрах. Директор института ЛИЯ ЛО Комакадемии Кирпотин сделал доклад на тему «Письмо т. Сталина и задачи борьбы за ленинское литературоведение и критику») (см. также: Овалов Л. Не «Ловцы сомений», а предатели революции // Комсомольская правда. 1932. № 23 (28 янв.). Секретариат РАПП 14 января 1932 г. объявил Фадееву выговор и поручил «организовать бригады критиков-коммунистов по глубокому разбору произведений о партии». Существует также письмо Овалова Кагановичу от 30 января 1932 г., в котором он просит секретаря ЦК дать указание работникам РАПП прекратить травлю.

[6] Видимо, имеется в виду писатель Хаджи-Мурат Мугуев.

Резолюция Сталина: «Молотов. Прочти-ка, если будет время, — не лишено некоторого интереса. И. Ст.» и Молотова («Читал. Мол».). Пометка неизвестного: «от Панферова. О книге Овалова «Ловцы сомнений».

№ 176
КИРШОН — СТАЛИНУ ИЗ БЕРЛИНА С ПРОСЬБОЙ О ПРОДЛЕНИИ КОМАНДИРОВКИ

22 февраля 1932 г. (не позднее)

Берлин

Дорогой тов. Сталин!

Когда я сказал Вам, что предполагаю пробыть за границей 3 месяца, Вы сказали — «это недостаточно». Теперь я убедился, что Ваше замечание подтвердилось.

Я не управлюсь в 3 месяца, главным образом, по двум причинам. Во-первых, незнание языка и необходимость работать с переводчиком отнимает у

меня в два раза больше времени и, во-вторых, болезнь моя (хроническое заражение крови), кладут меня часто в постель. Из 2-х месяцев 16 дней я болен.

Я прошу разрешения дополнительно пробыть тут еще два месяца с тем, чтобы пробыть в Германии острейший период президентских выборов и провести потом 2 недели — во Франции и в Англии. Визы уже есть.

В Германии я работаю полным темпом и с результатами очень положительными для моей цели.

При помощи полпредства и других товарищей я получил возможность самых разнообразных наблюдений и встреч. Я встречался с фаш[истами], соц.-демократами, капиталистами, я бывал на очень многих собраниях и заседаниях не только в Берлине, но и по всей Германии.

Если Вас в какой-нибудь мере интересует моя информация, я могу прислать ее Вам вместе с наиболее интересными разговорами, записанными мной.

Прошу Вас поручить сообщить решение о моей дальнейшей работе т. Авербаху. У него мой адрес.

С ком. приветом

В. КИРШОН

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 385, Л. 187, 187 об., 188. Рукописный подлинник.

Резолюция Сталина: «В Сек-т ЦК. За. И. Сталин». 25 февраля 1932 г. это решение было оформлено без протокола. Выписки направлены Стецкому, Гринько, Авербаху, Артузову: «Продлить т. Киршону на 3 мес. пребывание за границей, с выдачей необходимых средств». Киршон (равно как и Афиногенов, Киршон, Бела Иллеш) будет отсутствовать в ключевой и решающий момент ликвидации РАППа. Его отсутствие в Москве лишало ОГПУ возможности более эффективно повлиять на этот процесс и самортизировать удар, нанесенный сталинским руководством РАППу. О связях Киршона с ОГПУ — НКВД см. сборник «Генрих Ягода» (Казань, 1997. С. 185).

№ 177
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОРГБЮРО ЦК О ПОМЕЩЕНИИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «НЕВРОПАТОЛОГИЯ И ПСИХИАТРИЯ» АНТИСОВЕТСКОЙ СТАТЬИ[1]

25 февраля 1932 г.

ОБ 96/53-с
25 февраля 1932 г.

О ПОМЕЩЕНИИ В № 3 ЖУРНАЛА «НЕВРОПАТОЛОГИЯ И ПСИХИАТРИЯ» ЗА 1931 г. АНТИСОВЕТСКОЙ СТАТЬИ Т. КУНЯВСКОЙ

а) Исключить из партии автора статьи т. Кунявскую.

б) Поставить на вид бывшему ответственному редактору журнала «Невропатология и психиатрия» т. Сенину за помещение работы т. Кунявской, без личного ознакомления со статьей <...>

д) Поручить культпропу ЦК утвердить новый состав редакции журнала «Невропатология и психиатрия».

е) Обязать Главлит наложить взыскание на сотрудников Главлита, виновных в пропуске в печать статьи Кунявской[2].

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 282. Л. 157. Машинописный подлинник.

[1] Поводом для принятия этого постановления послужило письмо старого большевика и наркома здравоохранения в ленинском Совнаркоме Н. А. Семашко (там же, л. 159):

«Н. А. Семашко
МК тов. Л. М. Каганович

Дорогой Лазарь Моисеевич!

Посылаю Вам № 3 журнала Невропатологии как образец того, до какой неряшливости у нас доходят писания и редактирования. Не знаешь, где кончается головотяпство и где начинается злостная антисоветская агитация. Ведь этот журнал читает масса беспартийных врачей, он расходится по буржуазным странам. Какие узоры на этой канве распишут белогвардейцы.

С коммунистическим приветом

Н. Семашко».

[2] 19 февраля 1932 г. приказом по Главлиту (№ 65) за пропуск в журнале статьи «Случай комбинации симптоматической эпилепсии и шизофренического процесса», содержавшей запись «бреда сумасшедшей о т. Семашко и других наркомах» «политредактору Главлита при Медгизе, члену ВКП(б) т. Гладштейну объявить строгий выговор, немедленно снять с работы и просить ячейку ВКП(б), в которой он состоит, обсудить о нем вопрос» (там же, л. 160).

№ 178
СТИХОТВОРЕНИЕ АЛЕКСАНДРА БЕЗЫМЕНСКОГО «ПЕСНЯ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ»

6 марта 1932 года (не ранее)

ПЕСНЯ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ*

Сроки гнева на истёке,
Зорче взгляд, большевики!
Вновь маячат на востоке
Белой армии штыки.

...Наш Союз врагов осилит!
Нас никак не упрекнуть,
Если пуля, выбрав путь,
Грянет белым прямо в грудь
И, пробив ее навылет,
Попадет в кого-нибудь.

. . . .

Мы окрепли. Мы спокойны,
Мы сильны как никогда.
Не нужны Союзу войны.
Дорог мир стране труда.

Если ж вдруг на пятилетку
Нападут враги страны,
Испытают нашу меткость
Поджигатели войны!

---

* Печатается в сокращении.

Наш Союз врагов осилит!
Нас никак не упрекнуть,
Если пуля, выбрав путь,
Грянет белым прямо в грудь
И, пробив ее навылет,
Попадет... в кого-нибудь.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 202. Л. 45—46. Машинописный текст.

Пометка на тексте стихотворения: № 614/с «Т. Сталину. Время ли печатать? 6/3. Л. Мехлис». Резолюция Сталина: «Прекрасная вещь. Но печатать сейчас не следует. Ст.». Пометка Мехлиса: «Т. Поскребышеву (в лич. архив). М.».

№ 179
БЕЛА ИЛЛЕШ — КАГАНОВИЧУ
С ПРОСЬБОЙ РАЗРЕШИТЬ ЗАРУБЕЖНУЮ ПОЕЗДКУ

16 марта 1932 г.

16 марта 1932

Уважаемый товарищ Каганович!

Во время недавнего пребывания в Берлине товарища Авербаха внутри германского Союза революционных писателей выявились серьезные принципиальные разногласия. Товарищ Авербах переговорил по этому вопросу с ЦК КПГ и добился вынесения соответствующей резолюции. Тем не менее, было бы крайне важно, чтобы я лично съездил сейчас дня на два в Берлин и окончательно урегулировал все возникшие вопросы. Одновременно я имел бы таким образом возможность переговорить лично с целым рядом лево-буржуазных писателей и повлиять на них, чтобы они приняли участие в кампании защиты Советского Союза и Китая.

Товарищ Авербах выдвинул предложение, чтобы поездку мою использовать для моей личной встречи с Ромен Ролланом. Тесные дружеские отношения, которые завязались в последнее время между нами и Ромен Ролланом, завершились недавним вступлением его в ред. совет нашего центрального органа. В ответ на телеграмму, которую я отправил недели две тому назад, Ромен Роллан ответил нам известным воззванием в защиту СССР и против империалистической войны. Однако до сих пор никто из наших товарищей не переговорил еще ни разу с Ромен Ролланом лично, а целый ряд вопросов трудно затронуть и осветить в переписке.

Мы думаем, что в результате личных обстоятельных переговоров есть возможность повлиять на Ромен Роллана, чтобы он взял на себя инициативу организации всех крупных писателей мира, симпатизирующих Советскому Союзу для совместной широкой кампании против раздела Китая и в защиту СССР. Поскольку Ромен Роллан знает меня как писателя и в своих письмах положительно отзывается о моих произведениях, мне думается, что наши личные переговоры могут увенчаться успехом.

Товарищ Халатов заявил, что ОГИЗ готов финансировать полностью мою поездку.

Очень прошу вас дать заключение по затронутому вопросу и сообщить — считаете ли вы мою поездку целесообразной[1].

С коммунистическим приветом

БЕЛА ИЛЛЕШ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 385. Л. 223, 223 об. Рукописный подлинник на бланке МОРП. Подпись — автограф.

[1] 7 ноября 1931 г. Бела Иллеш уже обращался к Кагановичу: «Ввиду того, что я был выслан из Австрии как политически неблагонадежный, то мне дадут разрешение въехать в Вену как больному на лечение. Очень прошу Вашего распоряжения о выдаче мне паспорта, достать визу, а также валюту, необходимую для моей поездки». Цель и обоснование поездки: дописать третью книгу «Тисса горит» и «переговорить с несколькими товарищами о литературных делах» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 383. Л. 215).

Положительное решение Секретариата ЦК ВКП(б) (без протокола) от 1 апреля 1932 г. № ОБ 103/6 гс. Выписки Стецкому, Халатову, Артузову.

№ 180
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ ПО ПОВОДУ ПОКАЗА ЕГО ПЬЕСЫ «КАК 14-я ДИВИЗИЯ В РАЙ ШЛА» В МОСКОВСКОМ МЮЗИК-ХОЛЛЕ

16 апреля 1932 г.

16 апреля 1932 г.

Глубокоув[ажаемый] Иос[иф] Виссарионович.

При создавшихся — совершенно катастрофических для меня — обстоятельствах мне не остается другого выхода, как обращения к Вам. Прошу я немногого: организации в Мюзик-Холле ЗАКРЫТОГО показа моей «Дивизии», на котором могли бы присутствовать и Вы. Дело идет вовсе не о пустяке. Гениальный анекдот давно влек меня к себе и послужил темой для брошюры. Теперь он мною инсценирован. Задача, которая была поставлена мною и разрешалась в содружестве с совершенно исключительными по талантливости мастерами (режис[сер] Каверин[1] и худож[ник] Сапегин[2]) была: положить начало театру НАРОДНЫХ ЗРЕЛИЩ[3]. Кто знает историю таких «зрелищ», тот в оценке спектакля не впадет в ту ошибку, в которую впадают некоторые товарищи, стыдливо опускающие свои целомудренные глаза при показе некоторых моментов спектакля. Народное зрелище есть народное зрелище. Ему присуща некоторая грубоватость — чисто внешняя, ядреность, сочность. На сцене не припудренные развратные маркизы, а здоровые деревенские девки. Нет зализанной пошлости, есть здоровая откровенность живой непосредственности. Зритель первых рядов, который брезгливо подожмет губы, должен проверить себя: не говорит ли в нем остаток наследственного или нажитого БАРСТВА, сомнительного эстетства и трусости. Спектакль должен быть проверен прежде всего на рабочем зрителе. Но до этого зрителя пьеса дойдет уже будучи обкорнанной, зализанной, изуродованной. Мною и Кавериным принимаются во внимание многие дельные указания, но не все. Есть сцены (напр., полицейского архангела с девушкой), удаление которых для нас непе-

реносимо. Мы просим строгого и окончательного просмотра пьесы, которая — на что у нас имеются данные — будет иметь успех именно у того нерафинированного зрителя, для которого мы создавали и оформляли пьесу, и будет первым шагом к созданию театра народных зрелищ, театра феерии, мелодрам, патетических представлений, балаганных площадок, словом, всех тех форм, которые наиболее доходчивы к массовому зрителю. Как агитатор, я видел перед собою новое широкое поле, новые способы воздействия зрительно-агитационного.

Новизна и смелость моего первого «художественного балагана», вызвав восторги одних, приводит в раздражение других. Орудуют активно — последние. Вокруг пьесы образуется нездоровая атмосфера. Я уже видел 180-градусные повороты в оценке: «великолепно, но, знаете...» И — оглядка. Не будет ли какой установки. Пока явная установка — на свистопляску. По инерции. Я, еле державшийся от работы и треволнения на ногах, вчера свалился. Ушел из театра, махнув рукой на все. Спектакль отложен снова на несколько дней. По городу ползут слухи.

Убийство пьесы — в связи с рядом других тяжелых обстоятельств — приобретает для меня значение полнейшей творческой катастрофы в момент, когда я весь ушел в работу по созданию оперы к 15-летию окт[ября], и пантомимы об электрификации Волги. Масса планов[4]. И все это рушится.

Вы видите, что мне ничего не оставалось, как писать это письмо. Придите, посмотрите и судите[5].

Д. БЕДНЫЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 66, 66 об. Машинописный подлинник на бланке «Демьян Бедный. Москва. Кремль». Подпись — автограф. Имеется штамп: «Прот. П. Б. № 97. п. 25/2». Есть подчеркивания.

[1] Федор Николаевич Каверин (псевдоним К. Федоров) (1897—1957) — режиссер Малого театра.

[2] Художник Михаил Сапегин в 1925 г. был автором декораций постановки «Мадам Баттерфляй» в Московском экспериментальном театре.

[3] Александр Алексеевич Вадимов-Маркелов (псевдоним Алли-Вад) (1895—1967) участвовал в постановке пьесы Демьяна. «По ходу пьесы сатана приглашает бога посмотреть «адский мюзик-холл» с участием чудотворца Алли-Вада, где был использован этот же трюк: бог залезал в сундук, чтобы проверить, нет ли в нем каких-нибудь приспособлений, и, конечно, исчезал. В свите архангелов начиналась паника: бога нет!» Сюжетная связь с «Мастером и Маргаритой» и булгаковским «Мюзик-холлом» очевидна. Театр народных зрелищ, комедия дель арте (словарь) прижилась в революционной России в Петрограде благодаря стараниям Сергея Радлова (1892—1958).

[4] За день до этого письма, 15 апреля 1932 г., наркомпрос Александр Бубнов направил Кагановичу в ЦК темы для художественных кинокартин, а к ним фамилии режиссеров и сценаристов. В группу «хозяйственные темы» вошли четыре подгруппы: «Путешествие в СССР (комедия, дать видовые картины)», «Наши достижения (индустриализация, социалистическая переделка сельского хозяйства и т. д.)», «О социалистической промышленности», «О социалистической переделке сельского хозяйства». Список утвержденных сценаристов в количестве двадцати человек возглавил Демьян Бедный. В таком строго иерархическом обществе, каким была Советская Россия, лидирующее номенклатурное положение Демьяна в дни накануне принятия «исторического» постановления ЦК о перестройке деятельности литературных организа-

ций представляется исключительно важным как для показа статуса поэта, так и для выстраивания номенклатурной пирамиды. За Демьяном в списке шли: «2. Панферов. 3. Фадеев. 4. Шолохов. 5. Гладков. 6. Шагинян М. 7. Леонов. 8. Катаев В. 9. Безыменский. 10. Ставский. 11. Чумандрин. 12. Рыклин. 13. Аграновский. 14. Кольцов М. 15. Авербах. 16. Любченко Арк. 17. Александровский. 18. Погодин Н. 19. Кукрыниксы. 20. Бруно Ясенский» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 296. Л. 5—6).

[5] 17 апреля Политбюро постановило: выездной комиссии в составе Ворошилова, Енукидзе, А. П. Смирнова и Шмидта присутствовать на спектакле и «дать свою оценку» (см.: Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. С. 172). 19 апреля Политбюро опросом постановило принять предложение комиссии пяти о разрешении постановки пьесы Д. Бедного (там же, с. 754). Выездная четверка Политбюро под председательством друга Демьяна — Климента Ворошилова после просмотра спектакля 18 апреля немедленно представила свое разрешительное заключение на суд полного состава Политбюро. Оперативность в принятии этого решения (два дня!) завидна для истории советской культуры. Назначение Ворошилова руководить комиссией изначально гарантировало победу ходатайства Демьяна. Первый красный офицер благосклонно относился к поэту. Наоборот, делегирование Авеля Енукидзе могло бы ознаменовать поражение Демьяна. Эстетствующий и сибаритствующий секретарь Президиума ЦИК тяготился народно-балаганного искусства. Его вотчиной были академические театры со строгими канонами оперных жанров и классических балетов и цензурированным литературным русским языком. Неслучайно, что он оставил свое особое мнение при подаче разрешительного решения в Политбюро (см. документ № 181).

№ 181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ ПО ПЬЕСЕ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО «КАК 14-я ДИВИЗИЯ В РАЙ ШЛА» И ОСОБОЕ МНЕНИЕ АВЕЛЯ ЕНУКИДЗЕ

19 апреля 1932 г.

Тт. Бубнову, Смирнову, Енукидзе, Шмидту

Посылаю набросанное заключение о пьесе Д. Бедного. Если нет возражений, подпишите, если не согласны, сделайте свои оговорки.

С прив.

ВОРОШИЛОВ

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)
тов. Сталину

По поручению ЦК мы просмотрели сегодня в театре «Мюзик-Холл» пьесу Демьяна Бедного «Как 14-я дивизия в рай шла». Пьеса наполнена острым антирелигиозным содержанием, смотрится легко и с большим интересом, вызывает массу здорового смеха. Ничего предосудительного пьеса не содержит.

Думаем, что эта пьеса, к тому же прекрасно оформленная, займет не последнее место в текущем театральном сезоне и будет пользоваться несомненным и большим успехом у рабочего зрителя. Все мы единодушного мнения: пьесу надо немедленно разрешить к постановке, без всяких дальнейших урезок, в том тексте, в каком она была показана нам 18 апреля.

ВОРОШИЛОВ
ШМИДТ
А. БУБНОВ
и А. СМИРНОВ

Я два раза смотрел эту постановку. На этот раз она несколько сокращена, но все же осталось там несколько мест, котор. с пользой для пьесы можно было бы исключить. С оценкой Кл[имента] Еф[ремовича Ворошилова] не вполне согласен. Оформление пьесы хорошее. Против постановки ее на сцене «Мюзик-Холла» не возражаю.

А. ЕНУКИДЗЕ

19.IV.32

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 404. Л. 19. Машинописный подлинник. Подписи — автографы. Записка Ворошилова членам комиссии — автограф.

№ 182
ПРОЕКТЫ № 1 И № 2 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б) «О ПЕРЕСТРОЙКЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ»

23 апреля 1932 г. (не позднее)

№ 1

На основе роста социалистического строительства, развертывания культурной революции усиливается значение и рост художественной литературы.

Литературное движение становится подлинно массовым, художественная литература выросла количественно и качественно; она оказывает все большее влияние на массы; само литературное движение становится подлинно массовым, выдвигая новых писателей из заводов, фабрик, колхозов.

Ассоциация пролетарских писателей (РАПП и ВОАПП) провела большую работу, собирая силы пролетарских писателей, воспитывая их, борясь с буржуазными и мелкобуржуазными течениям в советской литературе, буржуазным и мелкобуржуазным влиянием на пролетарскую литературную среду.

За последние годы кадры пролетарской литературы значительно выросли. Пролетарские писатели создали значительный ряд художественных произведений. Пролетарская литература все более осуществляет свою ведущую роль в отношении других отрядов художественной литературы.

Успехи социалистического строительства и ход классовой борьбы, разоблачение агентуры врагов СССР (процессы Промпартии, меньшевиков, СВУ) убеждают все более значительные слои советских писателей в победе коммунизма. Растут ряды писателей-попутчиков, которые стремятся активно участвовать в социалистическом строительстве и отображать его в своем творчестве, которые преодолевают ограниченность и колебания, свойственные мелкобуржуазной интеллигенции и переходят на сторону пролетариата.

Ввиду этих новых условий, создавшихся в области литературы, ЦК ВКП(б) считает в настоящее время нецелесообразным обособленное существование Ассоциации пролетарских писателей, организации колхозно-пролетарских писателей и Союза писателей, объединяющего значительную часть советских писателей.

ЦК ВКП(б) считает, что необходимо объединение этих организаций в единую Ассоциацию советских писателей, где должны быть созданы условия для совместной работы писателей-коммунистов и близких пролетариату беспартийных писателей.

Ассоциация советских писателей должна обратить особое внимание на выдвижение и воспитание новых писателей, особенно писателей, вырастающих из среды рабочего класса и колхозников.

Основной задачей Ассоциации является подъем творческой работы писателей, борьба за качество литературных произведений, за совершенство их формы и языка, глубины содержания, против халтуры, торопливости, неряшливости в художественном творчестве, против буржуазных тенденций и влияний в художественной литературе.

Эпоха социалистических революций, вступление СССР в период социализма, переход основной массы крестьянства к социалистическому хозяйству, героика социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата дают исключительный материал для творчества и подъема художественной литературы на новые высоты.

Советские писатели в своих произведениях должны подняться на уровень эпохи и своим творчеством участвовать в деле построения социалистического общества и его культуры[1].

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 232. Л. 195—196. Машинописный подлинник.

№ 2

1. ЦК констатирует, что за последние годы на основе значительных успехов социалистического строительства имеется большой как количественный, так и качественный рост художественной литературы и всех других видов искусств и все большее влияние их на массы.

Размах социалистического строительства, рост в связи с этим активности трудящихся, повышение их культурного уровня требуют соответствующей перестройки литературно-художественных организаций.

Несколько лет тому назад, когда еще влияние чуждых элементов, особенно оживившихся в первые годы нэпа, было достаточно сильно, партия всемерно помогала созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы и других видов искусств в целях укрепления позиций пролетарской литературы и искусства и содействия росту кадров пролетарских писателей и художников.

В настоящее время выросли кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов. Пролетарские писатели создали ряд значительных художественных произведений.

Однако рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАПП, РАПП, РАПМ и др.) стали узкими и мешают большому размаху литературного движения, превратившись из организаций, способствующих наибольшей мобилизации действительно советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в кружково-замкнутые организации, отставание их от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству и готовых его поддержать.

2. Ввиду этих новых условий, создавшихся в области литературы, ЦК ВКП(б) считает в настоящее время нецелесообразным обособленное существование: а) Ассоциаций пролетарских писателей, б) организации колхозно-пролетарских писателей, в) Союза Писателей и признает необходимым

объединение этих организаций в единый Союз (Ассоциацию) советских писателей (т. е. стоящих за политику советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве).

3. Признать необходимым проведение аналогичного объединения музыкантов, композиторов, художников, архитекторов и т. п. организаций.

4. Поручить Оргбюро разработать практические меры по проведению этого решения, в том числе и по работе фракции коммунистов в этих организациях.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 232. Л. 198—199. Машинописный подлинник.

[1] Данный проект постановления ЦК претерпел правку Кагановича. Он не только применил классическую сталинскую классификацию (нумерация разделов постановления, перечисление «а», «б», «в»), но также назвал будущее объединение писателей «Союзом», а не «Ассоциацией» (как предлагалось в проекте) (см. документ № 9, раздел третий в сборнике «Власть и художественная интеллигенция» — М., 1999).

№ 183
ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК «О СОРОКАЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАКСИМА ГОРЬКОГО»[1]

29 апреля 1932 г.

106/57
Т.т. Стецкому. Бубнову

О СОРОКАЛЕТНЕМ ЮБИЛЕЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАКСИМА ГОРЬКОГО

П. 57. а) Признать необходимым в ознаменование 40-летнего юбилея создать литературный ВУЗ имени Максима Горького. Поручить т. Стецкому договориться с т. Бубновым[2] по практическим вопросам, связанным с организацией этого ВУЗа, в частности, о предоставлении для него временного помещения. К постройке специального здания для ВУЗа приступить в 1933 г.

б) Поручить т. Стецкому в декадный срок разработать мероприятия по подготовке и проведению 40-летнего юбилея лит. деятельности М. Горького и представить их на утверждение секретариата ЦК.

Секретарь ЦК

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 294. Л. 169. Машинописный подлинник.

[1] 19 января 1928 г. накануне первого, триумфального приезда Горького в Страну Советов после его выезда за границу Политбюро уже рассматривало персональный состав юбилейной комиссии (созданной тогда в связи с шестидесятилетием писателя). Была отклонена просьба руководителя советских профсоюзов Михаила Томского об освобождении его от участия в Комиссии Политбюро по устройству юбилея Горького (решение ПБ 17 ноября 1927 г.). Томский «вкруговую» направил объяснение членам Политбюро: «Комиссия эта будет носить (*зачеркнуто*: «неизбежно») длительный характер. Ее заседания (*зачеркнуто*: «происходят») страшно трудно согласовать с моим свободным временем <...> Вести работу по телефону я не могу, как равно не могу и принять на себя хоть малейшую ответственность за ее работу». Куйбышев: «Против. Надо, чтобы Томский был в комиссии, это важно и для дела, и для Горького, который, конечно, будет знать о составе комиссии и по ее составу будет судить о степени внимания к себе

партии». После этого замечания «против» освобождения Томского проголосовали Калинин и Косиор. «За» — Рудзутак. «Воздержался» Ворошилов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 711. Л. 140).

[2] Бубнов без энтузиазма отнесся к поручению ЦК. 19 сентября 1932 г. этот нарком, находясь в отпуске в Гагре, пошлет телеграмму Сталину: «Мск Кремль Сталину. Прошу освободить выступления юбилее Горького ввиду нахождения Гаграх не имею никакой возможности подготовиться ответственной речи Бубнов» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 44. Л. 116). Сталин позволит себе не согласиться с подобной постановкой вопроса. В тот же день из Москвы отправлена ответная телеграмма: «Сочи Райком. Гагры. Бубнову. Боимся, что Ваше отсутствие будет дурно истолковано. ЦК просит Вас обязательно прибыть Москву к 23 сентября. По окончании юбилея можете уехать отпуск, а потерянные дни будут возмещены. № 5/с-1707/ш. Сталин» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 44. Л. 114).

№ 184
АНТАЛ ГИДАШ — СТАЛИНУ О ЖЕЛАНИИ НАПИСАТЬ ПОЭМУ О ВОЖДЕ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

2 сентября 1932 г.

Международное Объединение Революционных Писателей
2.IX.32 г.

Тов. Сталин,

Издательство «Молодая Гвардия» поручило мне написать поэму о Вас для молодежи. Я пересмотрел почти все материалы, написанные о Вас в порядке воспоминаний, но среди них почти не нашлось того специфического материала, который нужен художнику, — т. е. ряда данных о Вашей личности, Вашем детстве и юности, о человеке-партработнике, о человеке-вожде. По моему плану, я постараюсь написать свою поэму в составе двух-трех песен так просто, чтобы ее можно было использовать не только молодежи для детей, но и для рабочего класса Советского Союза и, в переводе, для международного движения.

12 числа я уезжаю в Грузию, где хочу ознакомиться с теми местами, где Вы жили, и поговорить с товарищами, работавшими совместно с Вами в подполье.

Я думаю, что лишнее говорить Вам, что поэма о Вас не будет делом личного порядка, но войдет в тот художественный материал, который помогает нам бороться за наше общее дело.

Прошу Вас принять меня и, если можно, до моего отъезда, до 12-го сентября.

С коммунистическим приветом —

А. ГИДАШ

Посылаю Вам для ознакомления с моим творчеством мою последнюю книжку «Работы и хлеба».

Верно: *(подпись).*

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 725. Л. 130. Машинописная копия.

№ 185
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ – СТАЛИНУ О ВЫСЕЛЕНИИ ИЗ КРЕМЛЯ

3 сентября 1932 г.

Демьян Бедный
Москва, Кремль
3 сентября 1932 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Моя личная жизнь, загаженная эгоистичным, жадным, злым, лживым, коварным и мстительным мещанством, была гнусна. Я сделал болезненную, запоздалую попытку вырваться из грязных лап такой жизни. Это – мое личное. Пусть оно будет вынесено за стены Кремля – личное. Я умоляю ЦК, умоляю Вас: не смешивайте меня с личным, размежуйте меня с личным, отделите меня от него, сохраните меня, как испытанную и не отработанную еще рабочую силу. Мне через семь месяцев – 50 лет. Насколько меня – при надорванном здоровье – еще хватит, я бы хотел еще поработать, поработать крепко, чтобы достойно завершить свою революционную службу.

Я прошу об одном: не разрушать того изумительного аппарата, какой мною за мой почти четвертьвековый писательский век создан. Мой рабочий кабинет и моя библиотека представляют нечто в своем роде единственное. Это сложная писательская ротационка[1]. Книги – не только моя слабость, но и сила. Это – неотделимая и существеннейшая часть моего писательского организма, мой творческий – специально налаженный – инвентарь. Без моего «аппарата» я не могу жить, не могу работать. Вам надо посмотреть на этот стройный, упорядоченный, крепкий и грандиозный аппарат, чтобы убедиться: сорвать его с места, не разломав его, не погубив его нельзя. Это – симфония книжная, слагавшаяся в Кремле 15 лет. Это – продолжение моего мозга. Разрушение этого аппарата опустошит меня, разобьет, парализует. Я – не научный работник, могущий во время работы бегать по библиотекам за справками. Я – поэт. И мой инструмент, каким я его создал, должен быть во время работы под руками. Я и он – одно.

Я прошу сохранить меня в писательски-организованном виде (*подчеркнуто в тексте Бедным*) в чистом виде, как Д. Бедного только. Я прошу сохранить в Кремле мой творческий «бест»[2], оставив мне из покидаемой квартиры ровно столько помещения, сколько займут книги и кабинет (*подчеркнуто Сталиным*). Личное будет за пределами этого беста. Здесь будут только – письменный стол и книги, письменный стол и книги, и ничего больше. Здесь я буду нести свою службу, приходить сюда для спокойной, ничем не замутненной работы, живя лично вне Кремля.

Я прошу не о личном. Я прошу о сохранении того общественно-ценного, что во мне есть и что еще партии не может не пригодиться. Удаленный из Кремля, вырванный с корнем из того места, которое связано живыми нитями со всем Союзом, я усохну, погибну[3]. Мне горько и страшно не только говорить об этом, но подумать только. Сказать это, однако, я должен хотя бы уже для того, чтобы после нельзя было меня же упрекнуть: – зачем не сказал?

Самый искренний привет

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 68. Машинописный подлинник на бланке «Демьян Бедный. Москва. Кремль». Подпись — автограф. Пометка рукой Сталина: «В архив. Ст.».

[1] В просторечии и на специальном жаргоне так называлась типографская ротационная машина.

[2] От персидского «best» — «место, дающее убежище всякому преследуемому властью».

[3] 1 сентября 1932 г. по докладу Ворошилова Политбюро рассмотрело вопрос «О Демьяне Бедном» (п. 14). Постановили: «Предложить ЦКК вызвать т. Демьяна Бедного и разрешить вопрос совместно с ним в духе обмена мнений в Политбюро» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 955. Л. 15. Прот. № 114, п. 14). Как и в случае с положительным решением вопроса о разрешении пьесы Демьяна «Дивизия» в Мюзик-холле, активное участие наркома обороны и предреввоенсовета республики Ворошилова могло помочь положительно решить кремлевско-квартирную проблему в жизни пролетарского поэта. Долгие годы Демьян и Ворошилов, Демьян и Сталин были соседями по кремлевскому коридору. В 1964 г. в устных реминисценциях (запись сделана Акшинским) престарелый и полуопальный маршал будет вспоминать, что он виделся с Демьяном «почти ежедневно, а иногда и по несколько раз в день». (Ворошилов при редактировании записи заменит утверждение «почти ежедневно» на «довольно часто».) Климента Ефремовича поражали эрудиция и колоссальная память поэта. Демьян читал на память множество стихов и басен (своих, а также Пушкина и Некрасова). Маршал особенно запомнил библиотеку, все полки которой были забиты книгами. Демьян часто говорил: «Я люблю свою библиотеку <...> Каждый томик здесь я знаю, как свои пять пальцев». Ворошилов играл с ним, вытаскивая наобум любую книгу или брошюру. Демьян не только угадывал их авторов и название, но и излагал содержание (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 197. Л. 21). Далее из дневниковой записи Михаила Презента за 28 июня 1928 г., сделанной после встречи Демьяна с Максимом Горьким. Прощаясь с Горьким, Бедный предложил ему посмотреть свою библиотеку. Горький сказал, что он о ней много слышал. «У меня, — говорит Бедный, — есть книжка, которую Вы разыскивали, — «Непридуманные приключения нижегородского мещанина купца Баранчикова». — «Да что Вы!» — «Да. И даже два экземпляра». — «Дайте мне один. У Вас какое издание? С портретом или без него? Если можно, дайте мне без портрета». — «Я, когда узнал, что Вы ищете эту книжку, забрал две, чтоб потом дать Вам одну или не дать». — «Дайте, Е. А., обязательно». Другая запись из дневника Презента за 8 июня 1929 г.: «И Демьян начал показывать свою последнюю покупку — партию иностранных книг, за которые дал 450 р. — Казанову, 1001 ночь и пр. — с прекрасными по технике печатными гравюрами».

В 1932 г. на повестку дня встал вопрос о выселении «лишнего» элемента из Кремля. Если в случае с Демьяном причиной для выселения были его скандалы и семейные дебоши, то, например, в отношении Осинского решающую роль сыграло его оппозиционное прошлое и конфликтное настоящее: Осинский бесконечно апеллировал к Сталину по поводу своего проживания в Кремле. Проблема квартирных вселений и выселений постоянно обсуждалась на Политбюро. 9 апреля 1935 г. распределение престижных номенклатурных квартир будет возложено на секретаря ЦИК Ивана Акулова (наследника Енукидзе на парламентско-бюджетном хозяйстве). Ремонт и оборудование квартир в Кремле поручались хозотделу ЦИК и персонально управделами ЦИК Пахомову (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1059. Л. 80). Окончательное выселение старых большевиков из Кремля совпадет с вершиной большого террора. Экспроприация экспроприаторов приведет к перераспределению жилищной собственности репрессированных, арестованных, расстрелянных москвичей и членов их семей, в том числе и вселенных в 1932—1933 гг. в легендарный «Дом на набережной».

№ 186
СТАЛИН — ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ ПО ПОВОДУ ЕГО ПИСЬМА О ВЫСЕЛЕНИИ ИЗ КРЕМЛЯ

4 сентября 1932 г.

4.IX.32 г.

Товарищ Д е м ь я н!

Само собой понятно, что помещение для книг и кабинет нужно оставить за Вами. Что касается личной стороны дела и связанного с нею переезда из Кремля, то это вызвано необходимостью не допускать скандалов (вызываемых, конечно, не Вами), которых не должно быть в стенах Кремля.

Странно было бы рассматривать переезд из Кремля как попытку «оторвать» Вас или «отдалить» от партии, от дела. Сами знаете, что сотни ответственных и уважаемых товарищей живут вне Кремля (в том числе М. Горький), что, однако, не вызывает ни у кого сомнения насчет их близости к партии, к Кремлю[1].

Привет!

И. СТАЛИН

РГАСПИ, Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 68. Машинописный текст.

[1] В конечном счете речь шла о близости к Сталину. Максим Горький после возвращения в СССР поселился в бывшем особняке С. Рябушинского, построенном в стиле модерн Ф. Шехтелем (угол М. Никитской и Спиридоновки в Москве, дом № 6/2). Далее начнется эпопея Демьяна с поиском квартиры или дома. Ничего подобного аристократической усадьбе Максима Горького ему не предложат.

№ 187
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ В ОТВЕТ НА ЕГО ПИСЬМО

5 сентября 1932 г.

Демьян Бедный
Москва, Кремль 5 сентября 1932

Дорогой Иосиф Виссарионович!

За мною последнее слово, слово безграничной благодарности. Особенно я тронут тем обстоятельством, что не меня Вы признаете источником той мути, которая, надеюсь, теперь уляжется.

Поскольку моя рабочая обстановка, мое святое святых, остается в сохранности и неприкосновенности, мне больше желать нечего. Можно будет уверенно и спокойно работать.

Ваш ответ меня утешил, ободрил, оживил. Внутреннее страдание часто является источником надломленного творчества. Источник заражающе-бодрого творчества — внутреннее ликование: оно должно ко мне вернуться. Вместе с окрепшей верой, что партии я нужен и партия меня, временами большого дурака, бережет.

Сердечный, благодарный привет!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 70. Машинописный подлинник на бланке «Демьян Бедный. Москва. Кремль». Подпись — автограф. Пометка рукой Сталина: «В архив».

№ 188
МАРКОВ — ГОРЬКОМУ О ПЬЕСЕ ЭРДМАНА «САМОУБИЙЦА»

7 сентября 1932 г.

Москва 7-го сентября 1932 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Только настоятельная необходимость заставляет меня беспокоить Вас так экстренно от имени Театра. Как Вы знаете, мы при Вашем содействии получили разрешение работать пьесу Эрдмана «САМОУБИЙЦА». Эти работы мы начали вести, из-за задержки «МЕРТВЫХ ДУШ», довольно медленным темпом, и потому пьеса оказалась у нас не готовой к предполагаемому сроку: в настоящее время она у нас только вчерне разобрана.

Между тем параллельно с нашим Театром такую же работу начал вести и Театр Мейерхольда, несмотря на запрещение, полученное им от Наркомпроса. 15-го августа состоялся просмотр «САМОУБИЙЦЫ» в этом Театре, на который были приглашены Каганович, Постышев, Стецкий и ряд других ответственных, партийных товарищей. Спектакль был показан в черновом виде, и притом начиная только с 3-го акта. Результат этого просмотра вылился в резко отрицательную оценку самой пьесы смотревшими товарищами и в запрещении Мейерхольду дальнейшей работы над пьесой.

Совершенно естественно, слух об этом показе и о его печальных результатах донесся и до МХАТ. По дошедшим до нас сведениям, результат нашего показа, в свою очередь, предрешен в отрицательном смысле. Перед Театром стоит вопрос — продолжать ли дальнейшую работу над пьесой. Сложность вопроса заключена в том, что отмена нашей работы над пьесой означает окончательную невозможность появления «САМОУБИЙЦЫ» на какой-либо сцене вообще. С другой стороны, невозможно затрачивать работу и силу актеров на заведомо бесплодное предприятие. Мы решились увидеться со Стецким для того, чтобы обсудить с ним создавшееся положение, но до этого мы обращаемся с просьбой к Вам помочь нам разобраться в создавшемся положении и в свою очередь или переговорить со Стецким, или организовать совместное совещание, в котором приняли бы участие Вы, он и представители Театра. С нашей точки зрения, вопрос судьбы «САМОУБИЙЦЫ» очень важен, и потому мы очень надеемся на Вашу обычную к нашему Театру отзывчивость.

Хотелось бы с Вами увидеться также и по поводу работы над Вашим «Вечером». Со дня приезда мы усиленно над ним работаем и думаем показать его в декабре месяце с. г. Мы Вам очень благодарны за тот дополнительный материал, который Вы прислали для 3-го акта и на основе которого мы целиком переработали все начало 3-го акта, но обо всех этапах, связанных с этой работой и с толкованием актерских образов хотелось бы обменяться мнениями в живой беседе. Этим заинтересованы не только руководители постановки, но и все участвующие в пьесе. Может быть, Вы все-таки нашли бы время для встречи с Труппой Театра.

С любовью и уважением

П. МАРКОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 718. Л. 60—60 об. Рукописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 189
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — ВОРОШИЛОВУ
О СУДЬБЕ ПЬЕСЫ «КАК 14-я ДИВИЗИЯ В РАЙ ШЛА»

3 октября 1932 г.

Октября 3 дня 1932 г.

Дорогой Клим!

О моем больном письме ты забудь. Это к нему трезвая концовка[1].

Я все думал, как это сделать, чтобы ты просмотрел вторично дивизию — она ведь сильно переделана в конце — и чтобы, если удастся показать дивизию Сталину, вы бы оба смотрели ее из партера[2]. Это сделать можно великолепно, если вы оба придете на спектакль, когда его будет смотреть наша красноармейская братва. Предвидится ряд спектаклей, закупленных войсковыми частями исключительно. Ты представляешь, что для вас тогда будет. И условие для оценки пьесы исключительное, так как вы будете видеть не только спектакль, но и тех зрителей, на которых автор более всего рассчитывал, прибегая к форме художественного балагана[3].

Сидеть вам в партере — в окружении наших красноармейских ребятишек — это ли не удовольствие? Я лично, когда спектакль принимает весело аудитория своя, рабочая или красноармейская, испытываю чувство такого удовлетворения, что и сказать нельзя.

Сердечный привет!

ДЕМЬЯН

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 298. Л. 2. Машинописный подлинник на бланке «Демьян Бедный. Москва. Кремль». Подпись — автограф.

[1] Возможно, речь идет о выселении Д. Бедного из Кремля. Письмо не найдено.

[2] Эпопея со спектаклем-мюзиклом Демьяна о походе дивизии в рай продолжалась. 7 июня 1932 г. Сталин сообщал с отдыха на юге Кагановичу: «1. Удалось, наконец, прочесть пьесу Демьяна Бедного «Как 14 дивизия в рай шла». По-моему, пьеса вышла неважная, посредственная, грубоватая, отдает кабацким духом, изобилует трактирными остротами. Если она и имеет воспитательное значение, то скорее всего отрицательное». Далее Сталин фактически дезавуирует и отменяет решение Политбюро от 19 апреля (принятое накануне либерального апрельского постановления о перестройке литературных организаций). Он пишет: «Мы ошиблись, приложив к этой плоской и нехудожественной штуке печать ПБ. Это нам урок. Впредь будем осторожны, в особенности в отношении произведений Демьяна Бедного» (Письмо № 108 // Сталин и Каганович: Переписка. 1931—1936. С. 149). Каганович в своем ответе от 12 июня вторит Сталину: «Для того, чтобы быть народным, пролетарским писателем, вовсе не требуется приспособленчества к отрицательным сторонам наших масс, как это сделал Демьян Бедный. Я удивляюсь прямо, как Ворошилов мог быть в восторге от этой вещи, тем более, что у Демьяна в пьесе много двусмысленностей» (Письмо № 122, там же, с. 164). По-видимому, Демьян не знал об отрицательной реакции Сталина на переработанный текст этой пьесы. Хотя Сталин не настаивал на снятии пьесы с репертуара, ни о каком посещении спектакля вождем речи уже идти не могло.

[3] Московский мюзик-холл входил в число театров, разрешенных для посещения высшей сталинской элитой. Это обусловливалось не только репертуаром театра-варьете, но и чисто полицейско-техническими условиями. В театре имелась «директорская» (читай: специально оборудованная для Сталина ложа). Ср. записку Буб-

нова Ворошилову без даты: «Кл. Ефр. завтра (24-2) в Мюзик-Холле сектором искусства организуется концерт, где будут показаны молодые худож[ественные] силы (музыканты, певцы, балет). Приходи, пожалуйста (в директорскую ложу). А. Бубнов» (РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 4. Д. 40. Л. 107). Имеется в виду «сектор искусств» Наркомпроса РСФСР.

№ 190
ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ СТАЛИНА С АНРИ БАРБЮСОМ

5 октября 1932 г.

Напечатано в 3-х экз.
Совершенно секретно

СВИДАНИЕ ТОВ. СТАЛИНА С ТОВ. АНРИ БАРБЮСОМ
5/X-32 г. в 11 часов утра в Кремле

Тов. БАРБЮС. Выражает т. СТАЛИНУ большую признательность за то, что тов. СТАЛИН, несмотря на свою чрезвычайную занятость, уделил т. БАРБЮСУ время для приема.

Тов. СТАЛИН. – Я не так уже занят, чтобы не иметь возможности побеседовать с т. БАРБЮСОМ.

Тов. БАРБЮС. Выразив удовлетворение видеть т. СТАЛИНА здоровым, он говорит, что, по его мнению, т. Сталин, несомненно, должен проявлять большой интерес к вопросам, вытекающим из результатов работ Амстердамского Конгресса[1].

Тов. СТАЛИН. Подтверждает это.

Тов. БАРБЮС. Дав краткую характеристику работы Конгресса и достигнутых к настоящему моменту результатов, говорит, что Конгресс имеет особое значение по двум причинам: 1) Конгресс подчеркнул вопросы опасности войны и нападения на СССР и 2) Конгресс внес в ряды европейской с. д. несомненное разложение. Чрезвычайно важным результатом Конгресса является тот факт, что достигнуто было полное единодушие и энтузиазм в столь различном по своему составу собрании (1041 беспартийных, 830 коммунистов и 291 с.д.) по вопросу о принятии единодушной формулы борьбы против войны, – формулы определенно реальной и положительной и по существу своему носящей социалистический и даже революционный характер. Этот единый фронт привел к расколу в рядах социалистов различных стран и изолировал (оторвал) массы от их вождей, сгруппировав эти массы вокруг идеи практической борьбы против войны.

Тов. СТАЛИН. Отмечает, что это единодушие происходит оттого, что работа Амстердамского Конгресса глубоко всколыхнула массы, ибо рабочие массы, независимо от партийной принадлежности их, чувствуют, что они находятся под угрозой войны[2].

Тов. БАРБЮС. – Все зависит теперь от той активности, какую мы сейчас проявим. В результате Амстердамского Конгресса возник Общий Комитет численностью в 130 чел., а также Интернациональное Исполнительное Бюро, состоящее из 22 чел., и, наконец, Секретариат.

Тов. СТАЛИН. – Каков состав Секретариата и входите ли Вы сами в него?

Тов. БАРБЮС. – Секретариат состоит из меня, ГЮИ ЖЕРРАМА – члена партии, бывшего военного, входящего в «АРАК» (Ассоциация бывших участ-

ников войны) и М-ме ДЮШЕН, влиятельного лица из женской Лиги Защиты Мира и Свободы – Лиги, в которой имеются различного рода течения. М-ме ДЮШЕН принадлежит к наиболее близкому нам течению. Кроме того, в Секретариат входит также ФРАНСИ ЖУРДЕН (казначей). Мы намерены привлечь к работе – и об этом есть договоренность с т. МАНУИЛЬСКИМ и ПЯТНИЦКИМ – еще одно нейтральное, но активное и работоспособное лицо, которое взяло бы на себя определенные отрасли работы[3].

Кроме того, Секретариату придан, негласно, один товарищ, специально предназначенный для связи с СССР. До сих пор эту функцию выполнял ЖИБАРТИ. Но т. МАНУИЛЬСКИЙ и т. ПЯТНИЦКИЙ заняты подысканием сотрудника (или сотрудников), которых надлежало бы выделить для этой работы вместе с ЖИБАРТИ или без него.

Нашей первой задачей является реорганизация 35 национальных комитетов и множества местных комитетов, которые до того были органами содействия организации Конгресса. Перед своим отъездом я сделал соответствующие указания и разослал серию циркуляров.

В данное время мы заняты также вопросом организации некоторого количества дополнительных комитетов или Бюро, целью которых является согласованная работа с Интернациональным Исполнительным Бюро и вообще работа по указанию центра, например, – Бюро колониальной Информации и различные другие с определенными задачами и функциями.

Тов. СТАЛИН. – Спрашивает, будут ли эти дополнительные комитеты организованы по странам[4].

Тов. БАРБЮС. – Отчасти они будут построены по признаку национальному, отчасти по отраслевому признаку работы (например: врачи, писатели, женщины и т. д.).

Центр находится в Париже. В полном соответствии с мнением товарищей из Коминтерна, с которыми я беседовал, предполагается, что журнал «Монд» явится органом всей дальнейшей работы, вытекающей из Амстердамского Конгресса[5].

Тов. СТАЛИН. Одобряет это[6].

Тов. БАРБЮС. – В общих чертах задачи Центра заключаются в следующем: 1) в распространении всей относящейся к Конгрессу литературы (отчеты, издания некоторых речей, в частности, в виде особых брошюр двух непроизнесенных речей т. т. Горького и Шверника и т. п.)[7]; 2) в проведении кампаний, путем устройства митингов, помещения в прессе специальных статей по вопросам империалистического вооружения и закулисных сторон империалистической политики и т. д. Чтобы придать этим выступлениям более конкретный характер, необходимо, по-моему, сделать особенный упор на японском вопросе, а также на вопросе о войне между Боливией и Парагваем[8].

Тов. СТАЛИН. Считает, что по этому поводу целесообразно было бы издать специальный манифест.

Тов. БАРБЮС. – Совершенно согласен. Он добавляет, что третьей задачей работы Центра является организация ячеек на предприятиях, в виде специальных комитетов на фабриках, которые необходимо организовать, как особые звенья, главным образом в военной и химической промышленности и на транспорте. С таким расчетом, чтобы ячейки эти могли бы на случай

объявления войны или усиленной подготовки к ней явиться организаторами бойкота и стачек, как в отношении производства, так и транспорта оружия и амуниции.

Тов. БАРБЮС. Спрашивает т. Сталина, согласен ли он с этими установками?

Тов. СТАЛИН. Отвечает, что он предпочитает выслушать до конца т. БАРБЮСА, а затем он в свою очередь задаст т. БАРБЮСУ некоторые вопросы и выскажется сам.

Тов. БАРБЮС. Сообщает, что в 20-х числах ноября в Страсбурге состоится пленум Исполнительного Бюро[9], порядок дня которого сводится к вопросам, изложенным уже выше и главным образом к организации кампаний по поводу войны в Маньчжурии. Мы полагаем, что было бы хорошо направить в Маньчжурию 3-х специальных товарищей, которые на месте могли бы изучить положение и собрать точные факты, которые могли бы послужить материалом для пропаганды. Мы также хотели бы, чтобы ближайший пленум состоялся в марте или апреле в Шанхае, где жена Сун-Ят-Сена могла бы связать членов пленума с активными деятелями Дальнего Востока[10]. Пленум займется также и внутриорганизационными вопросами и вопросами организации заводских комитетов.

Тов. СТАЛИН. Спрашивает – производится ли работа в армии.

Тов. БАРБЮС. Отвечает, что работа ведется во Франции с чрезвычайной осторожностью, так как в силу местных условий работа там очень затруднена. Он подчеркивает ту активность, которую проявляет в этой области пропаганды Республиканский Союз бывших участников войны, и в частности ГЮИ ЖИРАМ.

Тов. БАРБЮС. Далее касается финансового вопроса, который также будет стоять в порядке дня Страсбургского пленума. Он рассказывает, что во время Амстердамского Конгресса розданы были подписные листы, и в частности во Франции собраны были значительные суммы (45 тыс. франков), которые составились из небольших индивидуальных взносов рабочих и интеллигенции.

Тов. СТАЛИН. Спрашивает тов. БАРБЮСА, получил ли он несколько сот тысяч франков, собранных советскими рабочими во время митингов по поводу Амстердамского Конгресса, на которых присутствовало 300 тыс. человек. Тов. СТАЛИН спрашивает далее, говорила ли ему об этом тов. СТАСОВА.

Тов. БАРБЮС. Отвечает, что он не получил этой суммы[11].

Тов. СТАЛИН. Показывает и передает т. БАРБЮСУ некоторые номера газет, в которых помещены резолюции рабочих. Он обещает заняться урегулированием финансового вопроса.

Тов. БАРБЮС. Говорит, что руководители комитета считают необходимым перейти на «хозяйственный расчет», т. е. снова прибегнуть к системе добровольных подписок. Но в настоящее время необходима еще финансовая поддержка. Он говорит, что товарищи из Коминтерна постановили в течение 3-х месяцев выдавать Центру по 15 тыс. франков в м-ц., а также принять на свой счет расходы по проведению Страсбургского пленума.

Тов. СТАЛИН. Одобряет это и считает, что на первое время необходимо оказать финансовую поддержку организации, борющейся против войны и что в будущем придется рассчитывать на поддержку советских рабочих, так как рабочие капиталистических стран находятся под ударом свирепствующего кризиса[12].

Тов. БАРБЮС. Говорит, что это приблизительно все, что он хотел доложить тов. СТАЛИНУ, и просит т. СТАЛИНА высказать свои соображения.

Тов. СТАЛИН. Начинает с того, что Всесоюзная Коммунистическая Партия придает чрезвычайное значение Амстердамскому Конгрессу. Тов. СТАЛИН полагает, что значение Конгресса, может быть, в должной мере еще и не оценено. Несомненной причиной того единения и единодушия, какое было у членов Конгресса, по его мнению, является тот факт, что вопрос о войне назрел. Рабочие массы отдают себе полный отчет в истинном положении вещей и в той реальной опасности, какой они подвергаются. Борьба классов достигла своего апогея.

Для того, чтобы борьба против войны дала большие результаты, необходимо, чтобы органы, возглавляющие эту борьбу, не носили характера инструмента или представителей коммунистических партий. Необходимо, чтобы во всех комитетах были не только коммунисты, но и беспартийные — просто честные люди с чистой совестью и имеющие ясное представление о современном положении. Тов. СТАЛИН особенно подчеркивает, что необходимо, чтобы руководящий Комитет вел пропаганду не исключительно по вопросу о защите СССР, так как опасность войны существует повсюду. Комитет должен иметь повсюду своих надежных представителей и, главным образом, во всех тех пунктах, где возникновение войны наиболее вероятно. В этом отношении тов. СТАЛИН всецело разделяет идею т. БАРБЮСА о необходимости поддержания тесной связи с Маньчжурией, а также о необходимости созыва следующего пленума в Шанхае.

Тов. СТАЛИН. Далее говорит, что в настоящее время мировое положение вещей таково, что оно образует как бы единое, компактное целое. В случае образования трещины в какой-либо части этого целого — война может вспыхнуть в любом пункте. Ошибочно поэтому было бы рассматривать такие события, как конфликт между Боливией и Парагваем как событие второстепенного значения. Всякое событие может оказаться сейчас поводом для войны.

Тов. БАРБЮС. Касается дискуссии, какую он имел с Альбертом Эйнштейном как раз по вопросу об упоре, который делался организаторами Амстердамского Конгресса в отношении советского вопроса. Если организаторами Амстердамского Конгресса на первый план выдвигались вопросы поведения Японии и Маньчжурский вопрос, то это не потому только, что они исключительно являются сторонниками СССР, а в силу того очевидного факта, что два вопроса: поведение Японии и Маньчжурский вопрос — могут послужить причиной возникновения новой империалистической войны.

Тов. СТАЛИН. Соглашается с этим, однако он не рекомендует придавать русскому и японскому вопросам предпочтительного характера, так как может сложиться представление, что Комитет желает заниматься исключительно интересами одной страны. По мнению тов. СТАЛИНА, некоторые необузданные элементы могут попытаться направить амстердамское движение по линии подпольной и заговорщической работы. На этот путь ни в коем случае не следует становиться. Вся работа Исполнительного бюро должна вестись открыто. Только тогда она будет сильна и значительна, если пропаганда будет основываться на методах легальной и общественной работы. В этом смысле последующая работа должна заключаться, по мнению тов. СТАЛИНА, глав-

ным образом, в широкой агитации, направленной к разъяснению массам сущности империализма и к своевременному разоблачению истинных организаторов войны.

Тов. СТАЛИН. Говорит еще раз о важности иметь повсюду доверенных людей и даже посылать специальных эмиссаров (также в Японию), если это только представляется возможным. Касаясь вопроса о пропаганде в армии, тов. СТАЛИН рекомендует чрезвычайную осторожность и считает, что среди солдат лучше вести пропаганду в легальной прессе, не прибегая к нелегальным листовкам.

Тов. СТАЛИН. Останавливается далее на вопросе о необходимости привлечения к работе беспартийных для того, чтобы у широких масс не создалось недоверия к работе органов Конгресса как к узкопартийным организациям. К широким беспартийным массам следует подходить особенно тактично.

Тов. БАРБЮС. Говорит, что после Харьковского съезда, когда южная группа революционных писателей, сформировавшаяся на этом конгрессе, действовала слишком непримиримо и не гибко, среди французских писателей произошел некоторый раскол[13]. В настоящее время можно считать, что работа среди революционных писателей будет протекать нормально. Во время личных бесед тов. БАРБЮСА в Коминтерне с французскими и русскими товарищами достигнуто полное единство взглядов.

Тов. СТАЛИН. Замечает, что действия группы южных товарищей носили несколько сектантский характер.

Тов. СТАЛИН. Еще раз подчеркивает важность создания печатного органа, для обслуживания всех тех организаций, какие образовались в связи с Амстердамским Конгрессом.

Тов. БАРБЮС. Говорит, что для больших статей по основным вопросам намечается использование «Монда»[14], а для популяризации решений Комитета и для конкретных и практических вопросов целесообразно издание информационного бюллетеня на иностранных языках (немецком, английском и французском).

Тов. СТАЛИН. Рекомендует сделать издание бюллетеня периодическим.

Тов. БАРБЮС. Согласен с этим и в свою очередь предлагает выпускать ежемесячники, на что потребуются известные расходы.

Тов. СТАЛИН. Отвечает, что некоторую помощь, по крайней мере, на первых порах, можно будет оказать, а в дальнейшем бюллетень должен будет себя окупать.

В конце беседы тов. СТАЛИН спрашивает у т. БАРБЮСА, нет ли у него каких-либо особенных личных желаний и не нуждается ли он в чем-нибудь?

Тов. БАРБЮС. Отвечает, что его так здесь приняли и так чрезвычайно внимательно отнеслись к нему, что ему буквально нечего больше желать. Он еще раз сердечно благодарит тов. СТАЛИНА за дружескую и милую беседу. Он считает своим долгом доложить тов. СТАЛИНУ, что он поражен тем гигантским размахом работ и теми достижениями, какие он сейчас констатирует, после своего последнего приезда в СССР, 3 года тому назад.

Тов. СТАЛИН. Указывает, что: «Находясь под гнетом царизма, мы на 300 лет отстали от Европы. Мы считаем, что нам нужно еще очень многое сделать. Мы не можем удовлетвориться достигнутым. Но кое-что мы все же сделали».

Тов. БАРБЮС. Вторично выражает свой восторг всем виденным в СССР. Сейчас перед ним еще рельефнее выступила вся ложь, какую распространяет западная буржуазия о Советском Союзе и, в частности, о самом тов. СТАЛИНЕ, который на деле оказывается таким сердечным человеком.

На прощание тов. СТАЛИН еще раз обещает выяснить вопрос о собранных советскими рабочими деньгах и выражает пожелание, чтобы именно у тов. БАРБЮСА был мандат на получение этих денег[15].

Тов. СТАЛИН. Осведомляется, когда тов. БАРБЮС думает возвратиться из поездки на Днепрострой, и выражает надежду, что к его приезду ему удастся выяснить финансовый вопрос.

Тов. СТАЛИН. Просит тов. БАРБЮСА непременно дать ему знать, хотя бы по телефону, о времени возвращения в Москву с Днепростроя.

Пожелав всего лучшего т. БАРБЮСУ, тов. СТАЛИН сердечно распрощался с ним.

Количество написанных экземпляров три.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 35—42, 43—51. Машинописный текст. Пометка зам. пред. ВОКС Е. Лернера: «Перевод с французского записей, сделанных т. Анри Барбюсом и переводчиком. Проверен и проредактирован мною. 5 октября 32 г.». Машинопись в одном экземпляре отредактирована, особенно в части реплик Барбюса.

[1] Амстердамский конгресс в защиту мира и культуры.

[2] 29 августа 1932 г. в 16 часов 15 минут ЦК ВКП(б) направил Ленинградскому, Ивановскому, Уральскому обкомам, на Украину, Нижкрайкому, Севзапкрайкому, Закрайкому и Средазбюро телеграмму «О значении амстердамского конгресса». Из проекта телеграммы вычеркнута оценка конгресса «как протеста передовой честной интеллигенции капиталистических стран и трудящихся всего мира против империалистических войн и милитаристского разгула правящих капиталистических классов». Предлагалось 30 августа организовать митинги и принимать на них резолюции в поддержку конгресса. На митингах — обеспечить выступления научных работников, писателей, инженерно-технических работников, рабочих фабрик и заводов. Из текста телеграммы: «Резолюции должны быть кратки и популярны и за подписями членов президиумов митингов адресоваться Горькому и Барбюсу для конгресса». В то же время Сталин вычеркнул ключевой абзац, который в духе историософской партийной риторики Циммервальда и Кинталя давал указания о том, какими должны быть резолюции: «...поддержать антивоенный конгресс и действия его организаторов и участников — представителей той части передовой честной интеллигенции, которая не в пример интеллигенции в 1914 году, поддавшейся шовинистскому и милитаристскому угару, сейчас стремится честно и правильно бороться рука об руку с сознательными рабочими и трудящимися всего мира против империалистических войн и готовящегося империалистического нападения на СССР. В резолюции также должна быть подчеркнута мирная политика СССР и ее принципиальная враждебность против империалистических войн» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 44. Л. 89).

[3] В черновике беседы зачеркнута фраза в скобках: «Переводивший беседу т. Пахитонов говорит, что Барбюс говорил о коллективном лице, т. е. о нескольких лицах» (там же, л. 44). Там же пометка неизвестного: «Имена писать большими буквами».

[4] 30 октября 1933 г. будет помечено предложение Молотова и Кагановича, обращенное к Сталину на юг с просьбой сообщить свое мнение по составу Антивоенного комитета СССР. Предлагался состав: Горький, Стасова, Шверник, Колотилов, председатель ЦК Рабис Боярский, академик Бах, академик Палладин, академик Марр,

академик Лукин, Адоратский, историк Панкратова, Косарев, Шабуров (агитмассовый отдел ЦК), Алексеев П. А. — Ленинград, Позерн Б. П., Феликс Кон, Лозовский, Юдин — от оргкомитета Союза советских писателей, Гладков — писатель, Бела Иллеш — писатель, Виноградов И. И. — предзавкома Электрокомбината в Москве («член партии с 1924 года» — *зачеркнуто*), Кузнецов А. С. — предзавкома Сталинградского тракторного завода (*зачеркнуто*: «член партии с 1924 года»), Мялова В. Н. — ткачиха (*зачеркнуто*: «фабрики имени рабочего Федора Зиновьева, член партии с 1917 года, награждена орденом Трудового красного знамени»), Первухин — (*зачеркнуто*: «член общества старых большевиков») — председатель Московской областной организации МОПР, Шевелева — заместитель председателя ЦК МОПР СССР (*зачеркнуто*: «член партии с 1919 года»), Иванов А. А. — (*зачеркнуто*: «член ЦКК»), Председатель ЦК МОПР УССР, Комиссарова — работница Трехгорки, Член ЦК МОПР СССР» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 48. Л. 48). Сначала шли престижные номенклатурные лица, затем по нисходящей лестнице советской иерархии — второсортной группой следовали представители рабочего класса.

[5] «Монд» — ежемесячный журнал, который выходил в Париже с 1930 по 1934 г. под руководством Анри Барбюса. Вышло 55 номеров. В декабре 1930 г. был напечатан специальный номер под названием «Баланс всемирного кризиса». В оформлении номера участвовали художники Гросс, Гроппер, Матулка, Энсор и др.

[6] На самом деле, Сталин был посвящен именно в такой план работы Амстердамского комитета еще до начала его заседаний. 22 августа 1932 г. Каганович сообщил отдыхавшему на юге Сталину о необходимости принятия целесообразного, по мнению Коминтерна и Литвинова, предложения об избрании на антивоенном конгрессе в Амстердаме Международного комитета по борьбе с военной опасностью. Такие же комитеты могли быть образованы в отдельных странах и связаны с Международным комитетом. Они могли бы издавать литературу, «проводить собрания, митинги, издавать воззвания, организовывать бойкот воюющих сторон и т. д., а в случае нужды созывать антивоенные конгрессы в отдельных странах и в международном масштабе» (телеграмма послана на юг шифром Борисом Двинским. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 44. Л. 81).

[7] «Делегатам антивоенного конгресса. Речь, которая не была произнесена» была напечатана в «Правде» и «Известиях» 5 сентября 1932 г. Эту речь Горькой предполагал произнести на антивоенном конгрессе в Амстердаме (см.: Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 26. М., 1953. С. 341—350). Горькому и Швернику, равно как и остальным членам советской делегации, было отказано в голландских визах, необходимых для участия в Конгрессе. 16 августа 1932 г., когда вопрос с поездкой еще не был окончательно решен, Политбюро в специальном решении «Об антивоенном Конгрессе» отметило: «г) Поручить Санупру Кремля выяснить, нужно ли, чтобы с тов. Горьким поехал в Амстердам врач. Не возражать против поездки с тов. Горьким его секретаря т. Крючкова» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 65).

[8] В 1929—1932 гг. участок границы между Парагваем и Боливией в районе Гран-Чако стал ареной многочисленных вооруженных инцидентов. Демаркации границы не проводилось, и в 1932 г. Боливия напала на Парагвай — и вспыхнула война. Она продолжалась до 1935 г., когда было достигнуто перемирие. В 1938 г. будет подписан мирный договор и создана арбитражная комиссия. В результате ее работы к Парагваю отойдут почти три четверти спорной территории.

[9] 5 декабря 1932 г. Политбюро разрешит поездку в Париж на пленум Амстердамского антивоенного комитета Стасовой и Швернику. 26 ноября Мануильский запросит Секретариат ЦК (весьма срочно): «Политсекретариат ИККИ просит разрешить вопрос о поездке в Париж на пленум». Заседание намечается на 5—10 декабря (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 967. Л. 32—33).

[10] Вдова Сунь Ятсена — Сунн Цилин. В наши дни в шанхайской резиденции Сунь Ятсена открыт музей в особняке европейского стиля, где вождь китайской революции

и партии Гоминьдан жил с 1918 по 1924 г. Его вдова выступила против Гоминьдана. В 1927—1929 гг. жила в СССР. В 1932 г. стала основательницей Китайской лиги защиты прав человека. В 1949—1954 гг. после победы народной революции стала заместителем председателя Центрального народного правительственного совета КНР. В 1959—1976 гг. зампредседатель КНР. Лауреат Международной Сталинской премии 1951 г. С 1954 г. — председатель Общества советско-китайской дружбы.

[11] Далее в черновике зачеркнуто: «Переводчик тов. Пахитонов добавляет, что т. БАРБЮС сказал, что ни СТАСОВА, ни кто-либо другой ему об этом не говорили». (там же, л. 46—47).

[12] 22 февраля 1932 г. Назаретян внес предложение о создании «Фонда защиты страны социализма СССР» и об обязательном участии в нем «в качестве закона нашей страны». Участие в фонде — долг, а организуется он впредь «до окончательной победы мирового пролетариата». Взнос в размере 10 рублей ежегодно производится к 1 мая. Сталин: «Членам С-та ЦК. По-моему, пока рано говорить о фонде защиты СССР. Ст.». С этим мнением соглашаются Постышев и Каганович (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 776. Л. 3).

[13] Еще 19 января 1927 г. Луначарский сообщал Бухарину: «Во время моего пребывания во Франции буквально вся прогрессивная литература, а она украшена во Франции громкими именами, все оттенки левого фронта от коммуниста Барбюса до умеренного Виктора Марганира обратились ко мне с просьбой положить начало европейской организации революционных писателей для борьбы с быстро наступающей средневековой тьмой католицизма, мистики, футуризма и т. д., с одной стороны, и необычайно развратной дадаистической литературой, представляющей собою яркое вырождение (*нрзб.*) разложение европейского буржуазного общества, сознательно стремящегося распространиться тлетворно на все его классы». Луначарский просит бюджета в 500—600 руб. в месяц: «иметь организацию, которая не в состоянии послать письма по почте, издать бюллетеня, оплатить хотя одного технического работника — значит издеваться над самим собой». Луначарский становится председателем бюро интернациональных писателей при Коммунистическом интернационале (РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 1. Л. 191—192).

[14] Субсидирование журнала «Монд» из советского государственного бюджета продолжится и в 1933 г. 4 августа 1933 г. Политбюро примет решение «О т. Б.», помещенное делопроизводителями в «Особую папку». Решено отпустить «т. Б.»: «455 т. франков в валюте т. Барбюсу для антивоенного комитета, как помощь антивоенному движению со стороны профсоюзов СССР» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 23).

[15] См. документы № 193, 195.

№ 191
КИРШОН — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ ПРОЧИТАТЬ СВОЮ ПЬЕСУ («СУД»)

9 октября 1932 г.

Дорогой товарищ Сталин!

Посылаю Вам свою пьесу, задуманную давно и окончательно оформившуюся во время поездки за границу.

Очень прошу Вас прочесть ее и дать мне указания.

С коммунистическим приветом.

В. КИРШОН

9.X.1932

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 22. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 192
СТАЛИН — КИРШОНУ О ПРОЧИТАННОЙ ПЬЕСЕ («СУД»)

15 октября 1932 г.

Тов. Киршон!

Пьеса вышла у Вас неплохая. Хорошо бы пустить в дело немедля[1].

И. СТАЛИН

15.X.32.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 22. Рукописный подлинник. Ответ Сталина написан на том же листе, что и записка Киршона (см. документ № 191). На обороте пометка: «Поступило из НКВД 17.9.1938 г.».

[1] Речь идет об интернационально-коминтерновской по тематике пьесе «Суд» Киршона, написанной под впечатлением поездки драматурга в Германию и Францию. В 1933 г. она будет поставлена одновременно в трех крупных театрах: МХАТ-2, Ленинградском драматическом театре и в Киевском театре имени Франко (см.: Бородина О. К. Владимир Киршон. Очерк жизни и творчества. Киев: Издательство киевского университета, 1964. С. 81). «Драма посвящена рабочему движению на Западе, борьбе немецких коммунистов против социал-демократических предателей» (там же, с. 82).

№ 193
АНРИ БАРБЮС — СТАЛИНУ О ПОЛУЧЕНИИ ДЕНЕГ ДЛЯ АМСТЕРДАМСКОГО ДВИЖЕНИЯ

12 октября 1932 г.

Москва, 12 октября 1932 г.

Дорогой товарищ Сталин,

Как Вы дали мне понять, два товарища, Е. Стасова и Шверник, привезли мне деньги, собранные по подписке советскими рабочими для амстердамского движения. Эта значительная сумма, которая составляет около 385.000 франков, будет передана в Париж Наркоминделом, и я получу ее в посольстве.

Я хочу Вам сказать, насколько я счастлив и тронут этим великолепным жестом рабочего класса СССР. Эта общественная подписка представляет для нашей работы в настоящее время и в будущем не только огромную действительную помощь, но и бесценное поощрение. Она представляется мне солидарностью и волей победившего рабочего государства. Я попросил тов. Шверника сообщить советским рабочим, когда для этого представится возможность, все те чувства, которые меня воодушевляют, и все те обязанности, которые на меня возлагаются таким мощным материальным и моральным сотрудничеством, которое они оказывают нашему делу, и я говорю это также Вам, их вождю и другу.

Я благодарю Вас от всего сердца, дорогой и великий товарищ, за великолепный прием, который был мне здесь оказан и который является для меня такой гордостью. Трудно оказаться достойным его, но я попытаюсь это сделать.

Братски Ваш

АНРИ БАРБЮС

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 52. Л. 53—54. Машинописный текст перевода. Рукописный подлинник на французском языке. Пометка рукой Сталина: «В мой архив. И. Ст.». Пометка рукой Стасовой: «Верно».

№ 194
БУХАРИН – СТАЛИНУ О СВОЕЙ СТАТЬЕ

16 октября 1932 г.

Здравствуй, Коба!

Прошу тебя «споспешествовать» помещению прилагаемой статьи[1] в «Правде».

А[лексей] Максимыч ее читал и, как говорится где-то у Тургенева, «содержание оной весьма одобрил».

Ярославский мне, разумеется, ничего до сих пор не показывал.

Привет!

Н. БУХАРИН

16 окт. 1932 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 709. Л. 90. Рукописный подлинник. Пометка рукой неизвестного: «Статья не поступала».

[1] Статья – «подвал» Николая Бухарина «Новое человечество (запоздалая статья к юбилею М. Горького)» опубликована в «Правде» 17 октября 1932 г. Из заключительной части статьи: «Идет большой Человек, железный и добрый, борец и нежная душа, воин и пророк, солдат и учитель. Идет вперед большой исторической дорогой, великим трактом, к новому миру».

№ 195
ЗАВЕДУЮЩИЙ ТРЕТЬИМ ЗАПАДНЫМ ОТДЕЛОМ НКИД ГЕЛЬФАНД – ПОСКРЕБЫШЕВУ ОБ ИЗЪЯТИИ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ БАРБЮСА СО СТАЛИНЫМ

17 октября 1932 г.

Сов. Секретно
Зав. Секретным отделом ЦК ВКП(б)
тов. Поскребышеву

Согласно телефонным переговорам, посылаю при сем экземпляр беседы Барбюса с т. Сталиным, который я изъял из документов, подлежащих пересылке Барбюсу в Париж.

Ввиду того, что, как выяснилось, имеющаяся при документах опись составлена не Барбюсом, а ВОКСом, я ее уничтожаю и посылаю все материалы (мною просмотренные и совершенно безобидные) диппочтой через Полпредство для Барбюса.

Я условился с т. Лернер (зам. пред. ВОКСа), что если Барбюс, установив отсутствие записи беседы с т. Сталиным, обратится с запросом в ВОКС, то редакция ответного ему письма будет предварительно согласована с нами и представлена на Ваше одобрение.

В отсылаемой Вам записи беседы обращаю Ваше внимание на отмеченные на стр. 3 места[1].

С товарищеским приветом

ГЕЛЬФАНД

2 экз. вр.
1 ад-ту
1 в дело.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 55. Л. 56—59. Машинописный подлинник на бланке НКИД. Подпись — автограф.

[1] В тексте беседы на французском языке на папиросной бумаге отмечено упоминание о сумме триста тысяч французских франков.

№ 196
РЕЧЬ СТАЛИНА НА СОБРАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ-КОММУНИСТОВ НА КВАРТИРЕ ГОРЬКОГО

20 октября 1932 г.

СТАЛИН. Чтобы понять по-настоящему смысл и значение апрельского решения ЦК о перестройке литературных организаций, необходимо остановиться на том положении литературного фронта, которое существовало до этого решения. Что тогда было? Тогда было множество литературных группировок[1]. Поднялись и выросли новые массы молодых и талантливых писателей из низов. Всеми этими огромными писательскими массами нужно было руководить. Их творчество нужно было направлять к тем целям, которые ставила перед собой партия. А что мы имели? Мы имели: с одной стороны борьбу литературных групп, с другой стороны грызню между собой коммунистов, работавших в этих литературных группах.

В этой грызне рапповцы играли не последнюю роль. Рапповцы в этой грызне были в первых рядах[2]. Ведь что вы делали? Вы выдвигали и расхваливали своих, выдвигали подчас не в меру и не по заслугам, замалчивали и травили писателей, не принадлежащих к вашей группе, и, тем самым, отталкивали их от себя, вместо того чтобы привлекать их в вашу организацию и помогать их росту. Что вы сделали, например, с Никифоровым[3]! Ведь Никифорова буквально раздели и смешали с грязью. Да, да, смешали с грязью. Между тем это неплохой писатель. А вот вы его затоптали в грязь.

Кому это нужно? Партии это не нужно. Значит, с одной стороны, у вас была грызня и травля неугодных вам писателей. С другой стороны, тут же рядом с вами росло и множилось море беспартийных писателей, которыми никто не руководил, которым никто не помогал, которые были беспризорными. А между тем партия поставила вас в такое положение, которое обязывало вас не только заниматься собиранием литературных сил, но вы должны были руководить всей массой писателей.

Ведь по сути дела вы были центральной, руководящей группой. Но вместо руководства у этой центральной группы было декретирование, администрирование и зазнайство. Теперь я вижу, что ЦК со своим решением о ликвидации РАПП и о перестройке всех литературных организаций опоздал по крайней мере на год[4]. Еще год тому назад ясно было, что монополия в литературе одной группы ничего хорошего не принесет. Монопольную группу надо было давно ликвидировать.

В свое время, на известном историческом этапе РАПП, как организация, притягивающая и собирающая литературные силы, была нужна. Но, сделав необходимое историческое дело, став группой, занимающей монопольное положение, эта группа закостенела. Рапповцы не поняли следующего исторического этапа, не разглядели известного поворота к нам широких слоев

интеллигенции и гигантского роста литературно-писательских сил. Став монопольной группой, вы не разглядели, что литература была уже не группой, а морем, океаном.

Каковы наши задачи на литературном фронте? Вы должны были создать единую сплоченную коммунистическую фракцию, чтобы перед лицом этого океана беспартийных писателей фракция выступила единым сплоченным фронтом, единым крепким коллективом, направляя вместе с ними литературу к тем целям, которые ставит перед собой партия[5].

А цель у всех у нас одна: строительство социализма. Конечно, этим не снимается и не уничтожается все многообразие форм и оттенков литературного творчества. Наоборот. Только при социализме, только у нас могут и должны расти и расширяться самые разнообразные формы искусства; вся полнота и многогранность форм; все многообразие оттенков всякого рода творчества, в том числе, конечно, и многогранность форм и оттенков литературного творчества.

Руководство РАПП не разглядело вовремя всех этих процессов. В РАПП не нашлось людей, способных разглядеть и понять новую обстановку, способных повести организацию по новому руслу. Сделав полезное историческое дело, вы не сумели продвинуться дальше, вперед. Вы закостенели. Партия не могла терпеть группировщины. Группировщина на новом этапе литературного развития становилась тормозом. Раз имеется налицо новая струя в литературном движении, надо было этой струей овладеть. А вы, монополизировав литературу, овладев почти всеми средствами воздействия на океан беспартийных писателей, не сумели повести их за собой, не сумели объединить их вокруг себя.

Вы не сумели объединить даже коммунистов-писателей. Вы не сумели овладеть новой струей в литературе и не сумели направить литературное движение в нужное русло. Надо прямо сказать: и после решения ЦК о ликвидации РАПП и о перестройке литературных организаций вы слишком медленно перестраивались.

После апрельского решения ЦК у вас был большой период раздумья. Это раздумье, по-видимому, и сейчас еще налицо. Между тем после решения ЦК обстановка на литературном фронте была не менее ответственная. Коммунисты-писатели должны были это понять.

Ведь ни для кого не секрет, что различные писательские группировки по-разному встретили и расценили постановление ЦК. Часть писателей, вроде Пильняка, поняли наше постановление так, что теперь, мол, сняты все оковы и нам все дозволено. Мы знаем, что этой части писателей не все понятно из того, что происходит в стране строящегося социализма; им трудно еще понять все это; они медленно поворачиваются в сторону рабочего класса; но они поворачиваются. Надо было вовремя и терпеливо помочь им в перестройке. А у вас была к ним нетерпимость.

Между тем вы часто действовали под маркой ЦК, афишируя свои действия как действия, проводимые от имени партии. Надо сказать, что среди коммунистов-писателей была часть и таких товарищей, которые думали примерно так: «Раз ликвидировали РАПП, значит, теперь вместо РАПП будем мы». Эти товарищи не поняли того, что мы ликвидировали не РАПП, а главным образом ликвидировали групповщину. Но необходимо признать, что из всего этого получилось меньше того, что мы ожидали.

Ликвидировав РАПП и создав новую литературную организацию, мы стремились привлечь в эту организацию представителей от всех литературных группировок в надежде, что на первых порах, быть может, эти представители и подерутся немного, но в конце концов все перетрется и будет создан единый союз, в котором объединятся все и в котором будет единая руководящая фракция коммунистов. Но теперь мы видим, что страсти не затихают, а вновь разгораются. Мы видим, что достижения в части объединения писателей невелики. Но ведь у нас другого выхода не было.

Я смотрю на Оргкомитет как на временный орган, который должен подготовить Всесоюзный съезд[6]. И только. Большей работы мы от Оргкомитета и не ждали. Но надо признать, что и в части подготовки съезда результаты малые. Значит, Оргкомитет не сумел ликвидировать группировщину, не сумел в должной мере объединить писателей и ему не удалось подготовить созыв съезда в ближайшее время. Май месяц — слишком отдаленная дата съезда.

Взаимные обвинения тоже остались. Между прочим, вы, рапповцы, не можете отрицать, что в вашей группе были и, по-видимому, остаются еще известные колебания, не политические колебания, а колебания литературно-теоретического порядка, например, по вопросам культуры и по другим вопросам. Вам надо изжить это. Если вам не дают писать и отвечать на выдвинутые против вас обвинения, надо это ликвидировать. К работе вас надо привлечь. Но вы должны самым решительным образом отказаться от группировщины.

В свое время вы умели всех здорово критиковать. Теперь будут вас критиковать. К этой критике вы должны относиться терпеливо. Умели бить других — теперь потерпите сами и не рассматривайте всякую критику ваших действий, ваших ошибок как травлю. Фадеев[7] безусловно прав, когда он говорит о необходимости решительной перестройки бывшего руководства РАПП, о необходимости решительной ликвидации группировщины. Но он безусловно не прав когда заявляет, что не будет работать с Авербахом.

Что это значит? Как может отказаться коммунист работать с другим коммунистом, когда они работают в одной организации? Заявление Фадеева в этой части неверно, это тоже надо изжить.

Несколько слов о том, что сейчас надо писать? Я считаю, что сейчас нам нужны, главным образом, пьесы. Этим я совсем не хочу сказать, что нам не нужны романы, повести, рассказы и очерки; все эти виды литературы, так же как и пьесы, имеют огромное значение и также нужны нам. Но мы должны понять, что пьеса, театр — совсем особый вид художественного воздействия на человека.

Ни роман, ни повесть, ни рассказ, ни очерк не будут так действовать на восприятие читателя, как будет действовать на зрителя пьеса, поставленная в театре. Кроме того, при ограниченных бумажных ресурсах книга не может охватить всех желающих ее прочесть, и, наконец, после восьмичасового рабочего дня не всякий трудящийся может прочесть хорошую, но большую книгу. А ведь мы заинтересованы в том, чтобы хорошее художественное произведение, помогающее строительству социализма, помогающее переделке человеческой психики в сторону социализма было доступно миллионам трудящихся.

Книга не может еще обслужить эти миллионы. А пьеса, театр — могут. У театра эти возможности неограничены. Европейская буржуазия на первых порах своего господства не зря выдвинула на первое место театр. Шекспир не

случайно избрал нормой своего творчества пьесу. Он прекрасно понимал, что пьеса будет иметь больший круг воздействия на людей, чем роман или повесть. Точно так же и нам надо создать такую форму художественного и идейного воздействия на человека, которая позволила бы охватить многие миллионы людей. Такой формой является пьеса, театр.

Писатели должны дать нам нужные пьесы. Пьес требуют сами массы. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести один-два примера. Посмотрите, что делают рабочие, когда узнают, что в том или ином нашем театре идет интересная пьеса. Тульские рабочие арендуют театр сразу на тридцать дней, едут в Москву группами в течение месяца; едут с женами, с ребятишками; едут целыми семьями, чтобы всем пересмотреть эту пьесу. Московские служащие делают то же самое: скупают места в театре на целый месяц. Я не хочу сказать, что писатели должны сосредоточить все свое творческое внимание на пьесах, что этим снимается задача создания высокохудожественных романов, рассказов, очерков. Такие произведения, как «Бруски»[8], «Поднятая целина», имеют огромное значение — как средство идейно-художественного воздействия на огромное количество людей. Но эти произведения будут прочтены ограниченным числом людей, особенно при наших бумажных ресурсах. В то время как пьеса может иметь неограниченный контингент зрителей, пьесу можно ставить и повторять несчетное количество раз в городе и в деревне.

Возьмите пьесу «Страх»[9]. Ведь эту пьесу за короткий сравнительно период времени посмотрели уже миллионы зрителей. Роман за этот промежуток времени не мог бы охватить такого количества людей. Все это говорит за то, что писатели должны давать нам больше пьес, чем было до сих пор.

Мне хотелось бы сказать несколько слов о романтизме и о диалектическом методе[10]. У меня была на эту тему беседа с Авербахом, и у меня создалось впечатление, что эти проблемы вы ставите и пробуете разрешать неправильно.

Почему вы требуете от беспартийного писателя обязательного знания законов диалектики? Почему этот писатель должен писать диалектическим методом? И что такое: писать диалектическим методом? Толстой, Сервантес, Шекспир не были диалектиками, но это не помешало быть им большими художниками. Они были большими художниками и в своих произведениях, каждый по своему, неплохо сумели отразить свою эпоху. А ведь если стать на вашу точку зрения, надо признать, что они не могли быть большими и хорошими художниками слова, потому что не были диалектиками, т. е. не знали законов диалектики.

Ваши неправильные установки в этих вопросах вы так вдолбили в головы писателей, что буквально сбиваете их с толку. Леонов, например, просил меня сказать: нет ли, не знаю ли я такой книги о диалектическом методе, по прочтении которой сразу можно было бы овладеть этим методом. Вот до чего вы забили головы писателям вашим неправильным схоластическим толкованием применения законов диалектики к творчеству писателя. Вы забыли, что знание этих законов дается не сразу и в применении к творчеству художественных произведений не всегда было обязательно.

Этим я не хочу сказать, что знание законов диалектики для писателя вообще не обязательно. Наоборот, только овладев диалектическим методом мышления, писатель сможет по-настоящему распознать и осмыслить происходя-

щие вокруг него явления и события; только после этого он сумеет достичь в своем творчестве и высокой художественности, соответствующей революционно-социалистической идейной насыщенности. Но такие знания даются не сразу.

В свое время я был тоже беспартийным, не знал законов диалектики и во многом не разбирался. Но старшие товарищи не оттолкнули меня из-за этого, а научили, как овладеть диалектическим методом. Научился я этому тоже не сразу. А вы в этих вопросах при подходе к беспартийным писателям проявили нетерпимость и полное неумение. Вы не понимали, что нельзя требовать от беспартийного писателя, чтобы он сразу стал диалектиком. Ваше понимание диалектического метода в применении к художественному творчеству было вульгаризаторством этого метода.

Вы не понимали, что писателю надо учиться не только у Маркса, Энгельса, Ленина, но и у классиков литературы. Октав Мирбо не был диалектиком, но художником он был, кое-чему можно поучиться и у него[11]. А у вас, в ваших статьях часто сквозили такие утверждения, что старое литературное наследство можно, мол, все к черту. Конечно, это не верно.

Ильич учил нас, что без знания и сохранения всего старого культурного опыта человечества мы не построим своей новой социалистической культуры[12]. Вот если бы вы сумели писателям объяснить и внушить такую элементарную мысль, как мысль о том, что диалектика предполагает не только отрицание старого, но и сохранение его, это было бы не плохо. Надо писателю сказать, что литературному мастерству можно учиться и у контрреволюционных писателей — мастеров художественного слова[13]. Но таких статей, к сожалению, я не читал у вас. Если бы обо всех этих вещах писали в таком разрезе, вы помогли бы и уяснению места романизма в литературе.

Что такое романтизм? Романтизм (*буква «т» в этих словах в печатном тексте вставлена от руки*) есть идеализация, приукрашение действительности. Но надо знать: идеализация какой действительности? Конечно, Шиллер — романтик. Но Шиллер был из романтиков, ибо его романтизм был насыщен дворянско-буржуазным идеализмом. Шиллеровский идеалистический романтизм современному писателю не нужен. У Шекспира тоже много романтизма. Но это романтизм другого порядка.

В первый период творчества Горького в его произведениях тоже много было романтизма. Но горьковский романтизм был романтизмом нового класса, поднимающегося к борьбе за власть. Идеализация Горьким человека была идеализацией нового будущего человека, идеализацией нового будущего общественного строя. Такой романтизм писателю нужен. Нам нужен такой романтизм, который двигал бы нас вперед. Этим я не хочу противопоставить романтизм революционному реализму.

Революционный социалистический реализм для нашей эпохи должен быть главным, основным течением в литературе. Но этим не исключается использование писателем и метода романтической школы. Надо только знать — когда, к чему и как применить тот или иной метод.

Маркс читал и изучал не только Шекспира, но и Дюма[14]. Надо знать — когда, при каких условиях, почему, зачем Маркс читал этих писателей? Надо понять: зачем ему нужно было знание творчества этих писателей. Не надо пугать Марксом. Надо понять его жизнь, его работу, его метод. Тогда будут по-

нятны и законы диалектики, и их применение. Тогда будут понятны и романтизм, и революционный социалистический реализм; будет понятно и их применение.

У вас многие товарищи этих простых истин не понимают. У вас много буквоедов. Буквоедство мешало вам разглядеть и понять многих современных писателей. Почему, например, вы ругаете Белоцерковского[15]? Ведь Белоцерковский писатель-коммунист. Он дал несколько нужных пьес. А вы его ругали, травили[16].

Это свидетельствует о вашем непонимании, о групповщине, о замкнутости, администрировании и косности. И если вы не изживете всего этого, можно вперед сказать: у вас ничего не выйдет. Только тогда у нас будет победа на литературном фронте, когда вы изживете все эти болячки.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1116. Л. 20—27. Заверенная машинописная копия. Незначительная орфографическая правка чернилами.

Опубликовано: Новая модель. 2002. № 3. 5 ноября. С. 40—41 (фрагмент); Вопросы литературы. 2003. Июль — август. С. 224—234.

[1] Постановление ЦК от 23 апреля 1932 г. ликвидировало ассоциации пролетарских литературных и музыкальных деятелей. Предлагалось создать единый Союз советских писателей, а также союзы «по линии других видов искусства». Выполнение постановления затянулось на десятилетия. Судя по поданным Кагановичу и Сталину спискам кандидатов в члены СПП, писатели-коммунисты, помимо рапповцев, были в то время поделены на пять групп: не входящие в РАПП (такие как Бедный, Павленко, Михаил Кольцов), группа «Кузница» (Гладков, Березовский и др.), «стоящие особняком в РАПП» (Безыменский, Жаров, Билль-Белоцерковский), группа Панферова (Серафимович, Ставский и др.) и группа Международного объединения революционных писателей (МОРП) — коминтерновского эквивалента РАПП (Бруно Ясенский, Гидаш и др.). Кроме этого, была выделена группа пролетарско-колхозных писателей и группа «Перевал». Беспартийные писатели перечислялись без групповых характеристик.

[2] Российская ассоциация пролетарских писателей (1925—1932) фактически была органом ЦК в художественной литературе и эффективным рупором Сталина.

[3] Георгий Константинович Никифоров (1884—1939) — писатель, член компартии с 1917 г. Входил в пролетарские литобъединения «Кузница» и «Октябрь». Согласно Краткой литературной энциклопедии (1968), «разоблачал врагов пролетариата — обюрократившихся аппаратчиков, приспособленцев, стяжателей». Это не спасло его от расстрела в годы сталинских чисток.

[4] Тезис об «опоздании» — одна из классических формул сталинского стиля руководства. Самокритика по поводу запоздалости принятия правильных решений особое значение приобретет осенью 1936 г., когда при смещении Ягоды с поста наркома НКВД Сталин в знаменитой инструкции Кагановичу и Молотову напишет о том, что чекисты опоздали на несколько лет в «деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока». Однако в случае с РАПП Сталин слукавил. Постановление готовилось несколько лет. Готовили его сами рапповцы, и в первую очередь Леопольд Авербах. Эпохальное решение оказалось направленным именно против его авторов и разработчиков.

[5] В постановлении от 23 апреля 1932 г. было сказано: «Объединить всех писателей, стоящих за политику советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем». Парадокс апрельского постановления заключался в том, что часть разогнанных коммунистов из РАПП тут же воскресла в комфракции оргкомитета Союза писателей. Другая часть, и прежде всего Леопольд Авербах, были отстранены.

Иных коммунистов-писателей у Сталина не было. Фракционная борьба и склока немедленно возобновились уже в новом союзе. Этот кризис и вызвал комментарий Сталина. «Коммунистические фракции» в творческих союзах в поздние годы станут «парткомами».

[6] Первый съезд советских писателей созывался дольше, чем предполагалось. Первоначально его должны были провести в Москве в июне 1933 г., но собрался он в августе 1934 г. Оргкомитет писателей РСФСР создан не был, а Первый съезд писателей Советской России будет созван только через двадцать пять лет.

[7] Александр Александрович Фадеев (1901—1956) — в 1926—1932 гг. один из руководителей РАПП. Быстро перестроился и стал заместителем председателя оргкомитета ССП, затем последовательно: членом президиума, правления, секретарем ССП, генеральным секретарем, председателем правления Союза писателей. Покончил жизнь самоубийством через три месяца после исторического XX съезда КПСС.

[8] «Бруски» — роман в четырех частях Федора Ивановича Панферова — публиковался в 1927—1937 гг. Последняя часть подверглась определенной цензуре, особенно в части трактовки образа Сталина и его взаимоотношений с Лениным в последние годы его жизни (см. документы № 331, 349)

[9] «Страх» — пьеса Александра Николаевича Афиногенова — поставлена в 1930 г. в Ленинградском академическом театре драмы и во МХАТе. Его следующая пьеса — «Ложь», которая будет посвящена классовой борьбе внутри большевистской партии, а также теме идейного перевоспитания старых и формирования молодых партийцев, вызовет резкое неприятие Сталина (май 1933 г.) и запрет пьесы. Позднее, осенью 1933 г., Сталин отвергнет и ее второй вариант.

[10] Вопрос о названии главного метода советской литературы в партийном делопроизводстве обсуждался долго. В предварительном проекте резолюции ЦК по художественной литературе, представленном Кагановичу еще в марте 1930 г., этот метод назывался «диалектико-материалистическим»: «задача овладения методом материалистической диалектики должна быть поставлена во главу угла своей творческой работы». Каганович уточнил: «поставлена пролетарскими писателями» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 232. Л. 225 об.). В январе 1931 г. это требование еще больше конкретизировалось: «метод материалистической диалектики не мирится с пассивно-созерцательным отношением к действительности, он требует от художников уменья найти основные тенденции развития, в сегодняшней действительности видеть ее завтрашний день» (там же, л. 216). Согласно далеко не полному дневнику посещений кабинета Сталина, Авербах встречался со Сталиным 19 ноября 1930 г., 2 июня и 6 декабря 1931 г. и 11 мая 1932 г. Примерно этими датами и помечены проекты постановления ЦК по литературным организациям и по художественной литературе.

[11] Октав Мирбо — французский писатель (1848—1917). В конце XIX — начале XX в. широко переводился в России.

[12] 2 октября 1920 г. в речи на III съезде комсомола Ленин, в частности, сказал: «Мы можем строить коммунизм только из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества <...> Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием» (Ленин о молодежи. М., 1974. С. 406—409).

[13] Этот тезис спустя несколько лет будет развит до масштаба философского учения венгерским философом, литературоведом и эстетиком Дьёрдем Лукачем (1885—1971). Лукач, с 1929 по 1945 г. живший в эмиграции в Москве, опубликовал «Исторический роман» (1937) и «Историю реализма» (1939). В этих фундаментальных исследованиях на сотнях страниц и на многих примерах иллюстрируется именно этот сталинский тезис, за что в 1940 г. Лукач и его редактор и ментор Михаил Лифшиц навлекли на себя грозное постановление ЦК и изгнание со страниц литературоведческих журналов. Вдобавок были закрыты и журналы, где они печатались.

[14] Из воспоминаний П. Лафарга о Марксе: «По временам Маркс ложился на диван и читал романы, причем иногда начинал сразу несколько книг, читая их попеременно». Читал Филдинга, Поля де Кока, Чарлза Левера, Александра Дюма-отца, Вальтера Скотта («роман которого «Пуритане» он считал образцовым произведением») (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. 2. М., 1983. С. 534).

[15] Владимир Билль-Белоцерковский (1885—1970) — русский писатель и драматург. В пьесе «Шторм» (1926) впервые на советской сцене показана ведущая роль ВКП(б). Пьеса «Голос недр» (1929) посвящена восстановлению Донбасса, «Жизнь зовет» (1934) — формированию советской научной интеллигенции. Билль-Белоцерковский будет в центре литературно-партийной дискуссии зимой 1928—1929 гг., окажется героем и адресатом нескольких писем Сталина.

[16] В конце 1920-х гг. Сталин с завидным упорством защищал Билль-Белоцерковского. Из письма Осинскому: «Вполне присоединяюсь к Вашей оценке пьесы «Голос недр». Мне кажется, что т. Билль-Белоцерковский — один из способнейших (наших) драматургов. Обещаю сделать все возможное для ограждения т. Белоцерковского от нападок. С ком. приветом И. Сталин. 25.1-29 г.» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп.11. Д. 780. Л. 28). Но к году 1933-му вождь разочаровался в писателе, заподозрив его в бездарности. Сталин прочитал компетентное заключение на его пьесу «На гребне жизни», в котором были такие выводы: «Пьеса ничему не учит. Написать ее не стоило особых усилий для человека, владеющего пером. Потуги на «проблемность» оказались не реализованными ни в действии, ни в слове. Если бы термин «коммунист» не употреблялся на каждой странице, то пьесу вполне можно было бы отнести на век назад и назвать так, как такие пьесы назывались: «Мещанская драма». Сам автор, посылая пьесу вождю, считал по-иному: «пьеса эта — трагедия, является новым словом в советской драматургии» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 711. Л. 73—75).

№ 197
КИРШОН — СТАЛИНУ О СТАТЬЕ ДЛЯ «ПРАВДЫ» И РЕЗОЛЮЦИЯ СТАЛИНА

20 октября 1932 г.

Дорогой товарищ Сталин!

Посылаю Вам статью в «Правду», о которой мы вчера с Вами говорили.

С коммунистическим приветом

В. КИРШОН

20 октября 1932 г.

Т. Мехлис!

Нужно немедля опубликовать.

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 24. Машинописный подлинник. Подпись Киршона — автограф. Резолюция Сталина — автограф.

В субботу, 22 октября, в «Правде» была помещена статья В. Киршона «За развернутую самокритику». Приведем заключительные слова статьи, помещенной накануне исторических встреч Сталина с советскими писателями в особняке Горького в Москве: «Нет оснований сомневаться в том, что, исправляя свои ошибки, каждый из бывш. руководящих работников РАПП будет в новых условиях бороться за линию партии и под ее руководством». В примечании-послесловии «От редакции» отмечалось, что редакция «Правды» с удовлетворением отмечает заявление т. Киршона о том, что после исторического апрельского постановления некоторые товарищи из бывшего руководства РАПП «не сумели понять этого постановления».

№ 198
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — АВЕЛЮ ЕНУКИДЗЕ О ПОЛУЧЕНИИ КВАРТИРЫ НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ БУЛЬВАРЕ В МОСКВЕ

19 ноября 1932 г.

Демьян Бедный
Москва, Кремль
Ноября 19, 1932

Дорогой Авель,

Петерсоном[1] мне показана квартира на Рожд[ественском] бульваре, где должна протекать моя «личная жизнь»[2]. При капитальном ремонте получится обитель в три больших комнаты с вестибюлем. Сейчас это — крысиный сарай с фанерными перегородками, точнее — загаженная задница барского особняка. Я в нее полезу, и куда угодно полезу, поскольку это касается моей «личной жизни». Но мне почему-то эту задницу величают все время «особняком» и дают понять, что сюда переволокут не только мою «личную жизнь», но и творчески-рабочую. Что сей сон значит? Я не говорю о том, что и думать не приходится о размещении в этом «особняке» моей библиотеки, но в нем нет даже возможности просто работать. Абсолютно. Творчество — не бухгалтерия. Много не натворишь, когда под окном гремят улица и двор. Да еще полумрак. Да несомненная холодина этого сарая. Что тут говорить!

Положение такое: жить в эту чертовщину я полезу. Спасибо и за это. А что касается работы, то есть того, чем красна и ценна моя жизнь, — то, пока я не получу документа, которым будет аннулирована столь тронувшая меня сталинская записка[3] о ненарушимости моей библиотеки и кабинета, я ни одного листка бумаги в этот задник особняка не перенесу. А если бы — паче всякого чаяния — такая катастрофа приключилась, то так и надо понимать, что это катастрофа, что я ее не избежал и что библиотека будет мною пущена с молотка. Больше мне ничего не останется делать. А о дальнейшем я уж и не думаю. Противно.

Д. БЕДНЫЙ

P. S. Так как «особняцкая» задница не решает вопроса о моем полном выдворении из Кремля, то вместо нее достаточно отвести мне в центре в какой-либо надстройке небольшую квартирку. В тесноте, да не в обиде. И быстро, без канители решится вопрос о «личной» жизни. По личной линии со мною все можно сделать. А по части работы — имейте капельку уважения к моей работе, не срывайте ее. Кому это нужно?

Д. Б.

РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 18. Л. 6. Машинописный подлинник на бланке «Демьян Бедный. Москва. Кремль». Подпись и инициалы — автографы.

[1] До 9 апреля 1935 г. Петерсон исполнял обязанности коменданта Кремля. После скандального и выдуманного «кремлевского дела», которое будет стоить карьеры Енукидзе, он направлен в распоряжение Наркомата обороны, а затем погибнет в годы чистки (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1059. Л. 110).

[2] По московскому адресу Рождественский бульвар, д. 15, кв. 2, Демьян Бедный официально будет проживать с 1932 по 1944 г., когда переедет в свою последнюю обитель на ул. Горького, в дом напротив Моссовета.

[3] См. документ № 186.

№ 199
ГРИНЬКО — СТАЛИНУ О ГАЗЕТЕ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ»

25 ноября 1932 г.

Т. Сталину

В июле т. г. было решение П/б о передаче НКФ, Госбанку СССР и банкам долгосрочных вложений газеты «Экономическая жизнь». По протесту т. Куйбышева это решение приостановлено.

Нам для оперативной работы до крайности нужна газета. Очень просим окончательно решить этот вопрос[1].

ГРИНЬКО

25/11

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 964. Л. 42. Рукописный подлинник.

[1] Резолюция Сталина стала одновременно решением Политбюро в день подачи ходатайства: «За передачу «Экон. жизни» НКФину. Госплан не нуждается в ежедн[евной] газете. И. Сталин». Молотов: «Не возражаю, но можно бы оставить как и есть. Молотов». «За предл. Т. Сталина. Каганович». «За предложение т. Сталина А. Микоян».

№ 200
РАБИЧЕВ — В СЕКРЕТАРИАТ СТАЛИНА О ЖЕЛАНИИ БАРБЮСА НАПИСАТЬ БИОГРАФИЮ СТАЛИНА

8 декабря 1932 г.

Сов. секретно
В СЕКРЕТАРИАТ тов. СТАЛИНА

В связи с письмом Анри Барбюса, посланным Вам ранее, Культпроп ЦК вносит следующее предложение.

Рекомендовать т. Мюнценберг принять предложение Анри Барбюса о написании последним биографии т. Сталина.

Предрешить, что предварительный просмотр работы т. Барбюса должен быть возложен на т. Товстуха.

Рекомендовать т. Мюнценбергу непосредственно связаться с т. Товстуха. Последнему определить материалы, которые можно дать А. Барбюсу.

Обязать т. Мюнценберга обусловить предварительный просмотр и редакцию всей работы т. Товстуха.

Желательна была бы встреча А. Барбюса с т. Товстуха.

Мы специально спрашивали мнение т. Мануильского, в частности, в связи с тем, что в «Монде» вокруг А. Барбюса группировались троцкистские элементы. Тов. Мануильский считает, что А. Барбюсу это дело поручить можно и стоит, он напишет то, что ему посоветует, в частности, о борьбе с троцкизмом. Будучи в Москве, А. Барбюс говорил, что хочет порвать со своим «Мондовским» окружением.

Тов. Мануильский сообщил, что т. Мюнценберг в ближайшее время будет в Москве, тогда можно было бы договориться с т. Мюнценбергом детально.

Н. РАБИЧЕВ

8.12.32 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 61. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы. Есть подчеркивания.

№ 201
АНРИ БАРБЮС — МЮНЦЕНБЕРГУ О ЖЕЛАНИИ НАПИСАТЬ КНИГУ О СТАЛИНЕ

(Без даты)

Мой Дорогой Мюнценберг!

Договорено, что я займусь книгой о Сталине, о которой мы с вами говорили. Я буду очень счастлив посвятить все мои усилия к тому, чтобы нарисовать эту великую фигуру, которая выполняет сейчас такую гигантскую роль и которая действительно воплощает, как я мог убедиться при моей поездке по всей территории Союза, творческий энтузиазм революции. Но и я не могу взяться за такое большое дело, если я не буду аккуратно получать, с другой стороны документов о политической деятельности Сталина с самого начала его деятельности. То, что мне об этом известно, мне кажется недостаточным. Я прошу Вас, поэтому, принять необходимые шаги перед советскими товарищами, чтобы мне была дана такая документация и чтобы из этих документов были отобраны наиболее важные. Я хотел бы также получить все труды, написанные на французском языке специально о Сталине.

Я рассчитываю на Вас, мой дорогой друг.

Сердечно Ваш

АНРИ БАРБЮС

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 62. Машинописный текст.

Там же. Л. 63—63 об. Рукописный автограф письма на французском языке. Написан на бланке берлинской гостиницы «Hotel Russischer Hof (Grand Hotel de Russie)».

№ 202
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО «О РАБОТЕ ЦУНХУ»[1]

16 декабря 1932 г.

1. ЦК констатирует, что ЦУНХУ допустило в своей работе ряд грубейших политических ошибок, выразившихся в следующем:

а) ЦУНХУ представило неправильные тенденциозно-преуменьшенные цифры о рабочем питании при полном игнорировании широко развернувшегося за последние годы общественного питания;

б) ЦУНХУ опубликовало в бюллетене ЦУНХУ совершенно тенденциозные преуменьшенные данные об урожайности 1932 года, оказав тем самым помощь кулацким антисоветским элементам в их борьбе против выполнения плана хлебозаготовок и развязав вакханалию воровства и надувательства со стороны антиобщественных элементов колхозов, отдельных совхозов и индивидуальных крестьян;

в) ЦУНХУ издало ошибочную брошюру с тенденциозными цифрами об итогах пятилетки. В брошюре, например, не включены цифры продукции ряда новых отраслей промышленности, которые не были предусмотрены пятилетним планом, а в введении (*Сталин дописал*: «подписанном т. Минаевым») совершенно обойдены политические итоги пятилетки (*Сталин зачеркнул*: «ликвидация кулачества как класса» *и дописал*: «окончательное поражение ка-

пит. элементов в промышленности, разгром кулачества как класса», *зачеркнул*: «колхозное движение», *написал*: «победа колхозного движения»), победа социалистических форм хозяйства (*Сталин зачеркнул*: «над капиталистическими элементами»).

2. ЦК констатирует, что этими ошибками ЦУНХУ нанесло вред советской власти. ЦК считает, что эти ошибки неслучайны, они свидетельствуют о наличии в аппарате ЦУНХУ буржуазных стремлений (*Сталин исправил*: «тенденций, прикрывающихся») флагом «объективной» статистики (*Сталин зачеркнул*: «а на деле тенденциозными статистическими цифрами подорвать» *и написал*: «и рассчитанной на подрыв и развенчание») великого значения победоносно – завершаемой пятилетки в 4 года.

3. Руководство ЦУНХУ не только не учло неоднократных указаний (*Сталин дописал*: «и предупреждений») ЦК и Совнаркома, (*Сталин зачеркнул*: «но и своим слабым руководством», *исправлено*: «а наоборот»), своим бездействием потворствовало дальнейшему совершению ошибок не только средними, но и руководящими работниками ЦУНХУ.

Исходя из (*Сталин зачеркнул*: «всего этого», *исправил*: «сказанное»), ЦК постановляет:

1. Объявить выговор начальнику ЦУНХУ тов. Осинскому, обязав его в дальнейшем строго следить за работой его ближайших помощников и аппарата ЦУНХУ, впредь не допуская подобных ошибок и, тем более, не допуская публикации тенденциозных итоговых данных по важнейшим вопросам[2].

2. Объявить строгий выговор заместителю начальника ЦУНХУ тов. Минаеву, непосредственно и лично допустившему публикацию вышеуказанных тенденциозных данных и снять его с работы в ЦУНХУ как не справившегося с порученным ему (*Сталин зачеркнул*: «заданием», *исправил*: «делом), направив его на низовую местную работу.

3. Объявить строгий выговор с предупреждением редактору бюллетеня ЦУНХУ тов. Мендельсону, опубликовавшему ложные данные об урожайности 1932 года.

4. Объявить строгий выговор зам. начальника сельскохозяйственного сектора ЦУНХУ тов. Балашову, давшему для публикации тенденциозные данные об урожайности в 1932 г.

5. Поручить т.т. Межлауку, Антипову и Ежову в месячный срок проверить личный состав всего аппарата ЦУНХУ СССР, РСФСР и УССР и очистить его от чуждых советской власти элементов.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 968. Л. 23—24. Машинописный подлинник. Правка Сталина — автограф. Голосовали Каганович и Молотов.

[1] Старое название постановления «О мерах взыскания в отношении руководителей ЦУНХУ, опубликовавших без ведома ЦК и СНК цифры об урожайности» Сталин исправил на «О работе ЦУНХУ».

[2] 23 февраля 1933 г. Осинский докладывает Сталину о ходе выполнения данного постановления о придании секретности материалам Госплана и ЦУНХУ. Осинский: «в изданиях как ЦУНХУ, так и Госплана были приняты самые решительные меры не только к тому, чтобы данные о размерах нашего поголовья не были напечатаны в подлинном своем виде, но чтобы они не могли быть выведены также и косвенным порядком, путем пересчета из абсолютных цифр по социалистическому сектору сельского

хозяйства и процентных показателей отношения этих цифр к общей сумме». Например, немцы вычислили, что за три года убой составил 60% поголовья скота в Советской стране (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 341. Л. 103). 22 марта 1933 г. Оргбюро рассмотрит вопрос о проверке личного состава аппарата ЦУНХУ. Снято с работы 45 человек. Уволено 16. Те же репрессивные меры предложено провести обкомам и местным органам: «очистить их от чуждых партии и соввласти элементов» (там же, л. 11).

№ 203
БОРОВИЧ — ПОСКРЕБЫШЕВУ О КНИГЕ АМЕРИКАНСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО МАГНАТА КЭМПБЕЛЛА

3 января 1933 г.

Секретно

Уважаемый товарищ Поскребышев!

По поводу книги Кэмпбелла[1].

Книга особого интереса не представляет. Это довольно бесцветное описание двух поездок автора в 1929 и 1930 г. и его наблюдений в Москве и в совхозах, изложение общих данных о сель[ском] хоз[яйстве] и коллективизации и рассуждения по поводу советского строя. Никаких особых оценок с.х., как специалист, Кэмпбелл не дает. Написана книга в доброжелательных тонах. Выводы — с СССР надо торговать. Оценка положения — большевики добьются своих целей, но советские методы пригодны только для России.

Более подробно содержание книги с наиболее интересными местами на 8-й стр. посылаю.

Посылаю дополнение к беседе — начало и конец и одну поправку неточности французского текста (с которого сделан наш перевод)[2].

Отв. секретарь БМИ[3] БОРОВИЧ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1062. Л. 66—67. Машинописный подлинник на бланке ЦК.

[1] Книга американского сельскохозяйственного магната Томаса Кэмпбелла «Россия: рынок или угроза» («Russia: Market or Menace?») вышла на английском языке в издательстве «Longmans, Greenand Co» (London, New York, Toronto) в 1932 г.

[2] В 13 часов 28 января 1929 г. состоялась беседа Сталина с Кэмпбеллом. Запись велась переводчиком В. Яроцким. 1 февраля 1929 г. технический секретарь Сталина Сухова размножила 25 экземпляров машинописного текста беседы, и в тот же день материал был разослан членам Политбюро. В окончательном тексте беседы Сталин дописал слова о том, что «Сталин благодарит г-на Кемпбела за беседу», а до этого он существенно отредактировал неправленую запись. Например, свои собственные слова: «Разница между прежними и новыми работниками в России заключается в том, что старые работники рассматривали отсталость страны как положительную черту ее, видя в ней «национальную особенность», тогда как новые работники борются с ней. Конечно, в этом залог нашего успеха». Этот пассаж стал звучать по-другому: «Разница между прежними и новыми деятелями в России заключается, между прочим, в том, что старые деятели рассматривали отсталость страны как положительную черту ее, видя в ней «национальную особенность», «национальную гордость», тогда как новые люди, советские люди борются с ней, с этой отсталостью, как со злом, которое нужно искоренять. В этом — залог нашего успеха». Далее был такой тезис: «Немцы кричат везде, что положение советской власти непрочно и что поэтому не следует открывать

Советскому правительству долгосрочных кредитов. В то же время они пытаются монополизировать торговые сношения с СССР». Стало: «Немцы кричат везде и всюду, что положение советской власти непрочно и что поэтому не следует открывать советским хозяйственным организациям серьезных кредитов. В то же время они пытаются монополизировать торговые сношения с СССР, открывая ему кредиты». Кроме того, Сталин вычеркнул два ключевых фрагмента с анализом различий в поведении англичан и немцев: «Когда я встретился с Купером, я ему рассказал все это. Он много смеялся и сказал, что немцы занимают у американцев деньги, затем дают их нам взаймы и собирают обильную жатву. Если есть какая-либо потребность в торговых связях с какой-либо страной, то я предлагал бы установить твердые сношения именно с Америкой. Мы считаем, что американская наука и техника стоят выше всякой иной. Кроме того, мы легче находим общий язык. Когда наши уезжают за границу, англичане встречают их прямо враждебно, немцы вежливо «по-европейски», но дают нам мало материала, тогда как американцы открывают перед нами все двери. Учитывая высоту экономического развития, доверие и гостеприимство, так сказать, американцев — мы предпочитаем иметь дело с ними. Ввиду происходящей борьбы за наш рынок, мы должны оказать предпочтение САСШ». Вместо этого появился новый, более нейтральный абзац: «А между тем, для меня ясно, что САСШ имеют больше оснований для обширных деловых связей с СССР...» Касаясь вопроса о предложении английских банкиров о займе, Кэмпбелл спросил: «Могу ли я передать об этому [президенту США] Гуверу?» Сталин ответил: «Конечно, когда я говорю «строго конфиденциально», это означает, что ничто не должно попасть в печать, ибо это произвело бы плохое впечатление». В официальной версии остались слова: «Конечно, но не в печать» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1062. Л. 19, 27, 28, 36, 37, 42. Репринт в Сочинениях: Т. 13. С. 154). Иными словами, две записи давали почву для различных интерпретаций и разночтений.

В СССР беседа не была опубликована, и о ней забыли до осени 1932 г.. Затем, не ранее середины ноября месяца 1932 г., в № 32 троцкистского «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)» была опубликована передовая статья «Обеими руками. Сталинская бюрократия и Соединенные Штаты». Речь в ней шла о книге Кэмпбелла о поездках в СССР, в которой говорилось о беседе бизнесмена со Сталиным. Сталин читает и комментирует статью в «Бюллетене», оставляет свои характерные пометки типа «Ха-ха». Кэмпбелл (опять-таки по информации «Бюллетеня») якобы рассказывал на страницах книги: «Беседа продолжалась долго после наступления ночи, до зари, очень ранней на севере страны. Расставаясь со мной, он сказал мне, что переводчик передаст мне переписанный на машинке текст нашей беседы. И я действительно получил его две недели спустя в Лондоне, с подписью «И. Сталин» и с примечанием: «Сохраните эту памятку, она станет когда-нибудь важным историческим документом». Сталин на полях: «Ха-ха» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1062. Л. 64).

Можно предположить, что в итоге именно статья в «Бюллетене оппозиции» стала первоисточником, давшим импульс для гневного ответа-отповеди Сталина, озаглавленного «Господин Кэмпбелл привирает». Примечательно, что Сталин отвечает развернутой статьей на непроверенную информацию в троцкистском издании; не на саму книгу, а на сообщение о ней в весьма необъективном, антисталинском источнике. 23 ноября 1932 г. Сталин ставит дату на статье «Господин Кэмпбелл привирает», которая будет опубликована в журнале «Большевик» (1932. № 22. 30 ноября; см. также: Сочинения. Т. 13. С. 146—157). Из предисловия Сталина: «В Америке появилась недавно книга побывавшего в СССР известного сельскохозяйственного деятеля г. Кэмпбелла под названием «Россия — рынок или угроза?». В этой книге г. Кэмпбелл излагает между прочим «интервью» со Сталиным, имевшее место в январе 1929 г. «Интервью» это замечательно тем, что в нем что ни фраза — то небылица или сенсационная передержка, имеющие целью создать рекламу для книги и его автора». Сталин: «Запись переслал Кэмпбеллу переводчик т. Яроцкий без какой бы то ни было приписки». Беседа «не имела никакого отношения к вопросу о Троцком, и имя Троц-

кого не упоминалось вовсе во время беседы» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1062. Л. 17—18). Примечательно и другое: ответ написан через десять дней после похорон жены Сталина...

Только после этой первоначальной реакции, архивных поисков оригинала статьи трехлетней давности, ответа вождя, опубликованного в «Большевике», участники акции в Кремле задались вопросом: а что же действительно напечатано в книге Кэмпбелла? Этот вопрос и вызвал исследовательскую работу, проделанную Бюро международной информации, которым руководил Карл Радек. К своему (в целом положительному) ответу Борович приложил фрагмент из книги Кэмпбелла, который, по сути, оказывался панегириком Сталину: «М-р Сталин немедленно поднялся, как только я вошел в комнату, и пошел мне навстречу с сердечной улыбкой и открытым выражением лица. Это был стройный, подвижный человек, одетый в русский костюм, состоящий из сапог, бриджей и белой русской рубашки навыпуск с черным поясом. Он крепко пожал мне руку и проявил все признаки дружелюбия». После четырехчасовой беседы с этим «всемогущим» вождем, американский сельскохозяйственный магнат понял, что Сталин — «это действительно подлинный вождь, которые хочет сделать что-нибудь поистине великое для своей страны и своего народа». Бюро международной информации в конце концов установило источник недоразумения: «Во французском тексте (с которого сделан наш перевод), а также в переводе в «Бюллетене оппозиции» имеется неточность. В переводе сказано, что беседа «продолжалась долго после наступления ночи, до зари», между тем как в английском оригинале говорится: «Беседа продолжалась долго после наступления темноты, так как солнце садится рано в северной стране». Далее в тексте Кэмпбелл указывает, что беседа продолжалась четыре часа» (там же, л. 78).

История с книгой Кэмпбелла «Россия — рынок или угроза?» и реакция Сталина на появление информации о ее выходе в свет иллюстрируют то, как нередко функционировал Кремль, особенно в тех случаях, когда в конфликтной ситуации оказывались задействованы такие факторы, как «имя вождя», события из его реальной политической биографии, иностранные авторы, журналисты, а также политические противники и враги. В данном случае речь шла о реальной беседе Сталина с Кэмпбеллом в 1929 г., о его книге о поездке в СССР, увидевшей свет в 1932 г., о комментариях по поводу французского перевода этой книги, появившегося на страницах троцкистского «Бюллетеня оппозиции». Комбинация этих условных раздражителей вызвала гневную публичную отповедь Сталина, принявшую форму саркастического ответа, опубликованного на страницах главного теоретического журнала ВКП(б) — «Большевика» и публикацию интервью — беседы трехлетней давности. Только после этой цепочки событий проводится ведомственное расследование инцидента по линии Бюро международной информации ЦК, которое и должно было ответить на вопрос, чем была книга Кэмпбелла по существу. В итоге вывод был сделан о книге как о «бесцветном описании» поездок в СССР. Скандал оказался неэффективной тратой энергии. История с книгой Кэмпбелла продемонстрировала наличие тревожного и опасного механизма принятия идеологических решений Сталиным и его ближайшим окружением. В данном случае по непроверенному сигналу при наличии недостоверной информации был принят ряд громких и непропорционально непродуктивных контрмер.

[3] Бюро международной информации (БМИ) — засекреченная аналитическая структура ЦК, подчинявшаяся Особому сектору и связанная с внешнеполитической и военной разведками. 16 мая 1932 г. Политбюро приняло предложения Стецкого и Радека «о задачах информационного бюро». Последний пункт постановления указывал: «БМИ не выступает официально, а ведет свою работу как секретную» (см.: Адибеков Г. М. и др. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа: Решения «Особой папки» (1923—1939). М.: РОССПЭН, 2001. С. 281—283). 13 августа 1933 г. Радек обратится к Сталину: «6. Не считаете ли вы, что стоит дать в «Большевике» доклад БМИ о герм. польских отношениях (вытравив все конспиративное, основанное на материалах 4 упр[авления]). Наша общественность очень мало знает об этом, а вопрос очень важен». Сталин:

«Следовало бы» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 790. Л. 81). Правила обращения с секретными докладами и сообщениями БМИ будут утверждены ЦК 31 июля 1934 г. согласно законам большевистской конспирации: «Товарищи, получающие доклады и сообщения БМИ, могут знакомить с их содержанием лишь узкий круг работников — членов ВКП(б), которым это необходимо по характеру работы», «хранить доклады и сообщения БМИ в личных архивах воспрещается» (там же, д. 793, л. 18). В перечне решений Политбюро факт принятия данных правил не обнаружен. 11 ноября 1935 г. Радек — Сталину: «Прошу свидания с Вами еще для выяснения положения БМИ. Я два года не имею от Вас указаний насчет бюро» (там же, л. 59). Бюро вскоре будет разогнано, а Радек арестован, предан суду и погибнет в сталинских застенках.

№ 204
ПРИВЕТСТВИЕ ЦК СЕРАФИМОВИЧУ С ПРАВКОЙ СТАЛИНА

19 января 1933 г.

Приветствие ЦК ВКП(б)
Товарищу Серафимовичу А. С.

ЦК ВКП(б) горячо приветствует (*Сталин дописывает*: «пролетарского писателя») тов. Серафимовича А. С. в день его семидесятилетия.

Коммунистическая партия (*Сталин зачеркивает*: «Советская власть и рабочий класс») высоко ценят тов. Серафимовича как пролетарского (*Сталин зачеркивает*: «поэта» *и пишет*: «писателя») — революционера, творца классического произведения «Железный поток».

ЦК ВКП(б) желает т. (*Сталин*: «тов.») Серафимовичу здоровья и сил (*Сталин зачеркивает*: «на долгие, долгие годы»), на дело служения рабочему классу (*Сталин зачеркивает*: «заветам Ленина»), на дело полного торжества социализма.

ЦК ВКП(б)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 971. Л. 55. Машинописный подлинник. Правка Сталина — автограф.

19 января 1933 г. ПБ утверждает текст приветствия тов. Серафимовичу и решает опубликовать его в печати 20 января.

№ 205
ПРЕДЛОЖЕНИЯ «КОМИССИИ ПО РУКОВОДСТВУ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ТЕАТРАМИ» О ПОСТАНОВКЕ ПЬЕСЫ «ИНОСТРАННАЯ КОЛЛЕГИЯ»

19 февраля 1933 г.

В ПБ ЦК т. Сталину

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КОМИССИИ ПО РУКОВОДСТВУ ГАБТ ПО ВОПРОСУ О ПОСТАНОВКЕ ТЕАТРОМ им. ВАХТАНГОВА ПЬЕСЫ Л. СЛАВИНА «ИНОСТРАННАЯ КОЛЛЕГИЯ»

Разрешить театру Вахтангова постановку пьесы Л. Славина «Иностранная коллегия» при соблюдении следующих условий:

а) Изменить название пьесы: вместо «Иностранная коллегия» назвать «Интервенция», что соответствует содержанию пьесы.

б) действующее лицо «фельдмаршала Франше-де-Эспере» назвать просто Генералом и не французской армии, а «генерал войск, или армии Антанты».

в) выкинуть из сцены во французской контрразведке:

1) Получение взяток начальником контр-разведки (обязательно) и

2) получение Ксидиас-матерью денег на выдачу коммунистов (это на усмотрение театра, т. к. здесь ничего политического не содержится).

г) Начальника партизанского отряда Бондаренко следует подтянуть, придав ему больше военной выправки и выдержанности. (Бондаренко — матрос, командующий революционными войсками, наступающими на Одессу, чересчур расхлябан.)

В речи Бондаренко места о французской армии и французском командовании заменить «Антантой». Почистить отдельные фразы и в других местах пьесы, заменив всюду фразы о Франции и французской армии — Антантой.

д) речь Селестена на трапе парохода сократить раза в три в части агит.-пропагандистской и выбросить упоминания из нее Франции, заменив Антантой.

ЕНУКИДЗЕ
ВОРОШИЛОВ
А. БУБНОВ

№ 3055
19/2-33

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 973. Л. 59. Машинописный подлинник. Подписи — автографы. Результаты голосования: «За. И. Сталин. Молотов за (АП)».

1 марта Политбюро приняло опросом решение не возражать против постановки пьесы Л. Славина с поправками, внесенными «Театральной комиссией ЦК» (первоначальный вариант), исправлено на «комиссией по руководству государственными театрами» (там же, л. 57).

№ 206
МЕХЛИС — СТАЛИНУ. СООБЩЕНИЕ КОРРЕСПОНДЕНТА «ПРАВДЫ» ИЗ ЛОНДОНА О ГЕРИНГЕ

2 марта 1933 г.

«Т. Сталину. Получено из Лондона от нашего корреспондента. Стоит ли печатать? Л. Мехлис. 2/III-33 г.»[1].
«Правда».
Лист №.....
Сводка оперативной информации местной сети «Правды»
По телефону
По телеграфу

«Дейли геральд» печатает на первой странице любопытное сообщение своего Стокгольмского корреспондента о том, что в бытность в Швеции Геринг содержался там длительное время сперва в частной больнице для умалишенных, а потом в коммунальном сумасшедшем доме.

«Я видел, — пишет корреспондент, — фотографию регистрационной карточки из архива стокгольмского сумасшедшего дома, показывающую, что капитан Вильгельм Герман Геринг был по приказу полиции отвезен в сумасшед-

ший дом в больничной карете 1 сентября 1925 г. и содержался там до 29 ноября 1925 г. Перед тем, как быть перевезенным в коммунальный сумасшедший дом в Лангборо, он подвергался уходу в одной стокгольмской частной больнице. Там главная сестра больницы сообщила мне, что он стал таким опасным и угрожающим, что не мог быть оставлен в больнице, и они были вынуждены отправить его в сумасшедший дом.

Из хорошо осведомленных источников я узнал, что, находясь в сумасшедшее доме в Лангборо, Геринг схватил железный прут и нанес страшный удар одному из служителей.

По другим сообщениям, он был сперва помещен в частную больницу, потому что начал стрелять из револьвера на одной стокгольмской улице.

Геринг стал наркоманом в течение войны, когда являлся членом известной воздушной эскадрильи Рихтгофена. Сообщают, что он подделывал врачебные рецепты, чтобы получать наркотики, и что его лечили в качестве наркомана в одной стокгольмской больнице вплоть до 1927 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 260. Л. 72—73. Машинописный подлинник. Записка Мехлиса — автограф. Резолюция Сталина — автограф.

[1] Резолюция Сталина: «Не печатать. Ст.».

После прихода Гитлера к власти и до начала советско-германской войны в июне 1941 г. сталинское руководство в директивно-приказном порядке неоднократно запрещало советской печати выступать с личными нападками на вождей Третьего рейха. 8 октября 1933 г. Политбюро установит правило, что в радиопередачах на немецком языке можно допускать «информацию о Лейпцигском процессе по ТАСС, без личных нападок на членов германского правительства» (см.: Адибеков Г. М. и др. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа: Решения «Особой папки» (1923—1939)». М., 2001. С. 294).

№ 207
САВЕЛЬЕВ, ГРОНСКИЙ — СТАЛИНУ О ПОСЕЩЕНИИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО НАКАНУНЕ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ

3 апреля 1933 г. (не ранее)

Сов. секретно
Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. И. В. Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Вчера вечером были у т. Демьяна Бедного[1].

Когда мы пришли, т. Д. Бедный переписывал свой фельетон «Утиль-богатырь», и, естественно, разговор зашел об этом фельетоне, о важности сбора утильсырья и т. д. Только спустя некоторое время разговор перешел на юбилей Демьяна, и в этом разговоре мы передали ему содержание выступлений на Политбюро[2].

Информацию Демьян выслушал сравнительно спокойно, хотя и перебивал нас репликами, в которых пытался опровергнуть те или иные утверждения о его настроениях и фактах непартийного поведения. В длительной беседе Демьян пытался доказать, что у него никогда не было отхода от линии партии, что у него не было даже шатаний и сомнений. Мы в свою очередь напоминали

ему разговоры и споры, которые были между нами и Демьяном в 1929—1931 годах. В частности, мы указывали на неправильность его позиции по вопросу о таких произведениях, как «Слезай с печки» и т. д., а затем напомнили разговор о колхозном движении, имевший место в конце 1931 г., когда на вопрос Гронского о том, почему Демьян не пишет о колхозах, он ответил: «Вы вот все говорите о колхозах, об успехах, а народ голодает. Надо еще посмотреть, что даст нам колхозное движение». Этих своих высказываний, носящих правооппортунистический характер, Демьян во вчерашней беседе не отрицал, но объяснил их «особой чувствительностью поэта».

Затем мы остановились на его позиции за последнее время и его стремлении изолироваться от партии, и на том, что он молчал и не выступал на ряде партийных собраний и т. д. На это Демьян давал явно неудовлетворительные ответы (болезнь, семейные неприятности и пр.).

И, наконец, по вопросу о дневниках Презента[3]. Демьян сначала пытался отрицать какую-либо свою причастность к этим дневникам и даже в реплике бросил, что это есть какая-то «провокаторская штука» т. Прокофьева, и только в конце концов все же признал, что вина за дневники лежит на нем[4]. «Я, — говорил Демьян, — возился с этой сволочью (т. е. Презентом), близко подпустил его к себе и кое-что лишнее при нем, вероятно, болтал»[5].

Во время разговора Демьян усиленно подчеркивал, что он не отойдет от партии, будет работать по заданиям партии и под ее руководством.

Во время беседы Демьян спрашивал, как ему поступить? Он решил написать письмо в ЦК, с чем мы согласились, причем он просил нас остаться, чтоб прослушать то, что он напишет в ЦК. Демьян сел за машинку и через полчаса прочитал нам письмо на имя тов. Сталина. Письмо это мы раскритиковали. Указали Демьяну на то, что он отделывается общими фразами, когда надо признать свою вину за совершенно конкретные поступки и осудить свое шатание в труднейшее для партии время. Демьян пытался переработать письмо, но из этого у него ничего не получилось.

Сегодня утром Демьян позвонил по телефону Гронскому и прочитал новый текст письма, которое, как он заявил, будет немедленно отослано в ЦК.

Пересылаем Вам для сведения взятый нами у Демьяна черновик его первого письма на имя т. Сталина[6].

С ком. приветом.

М. САВЕЛЬЕВ

И. ГРОНСКИЙ

П. С. Считаю нужным отметить, что беседа с т. Демьяном мне показала, что им еще не изжиты его колебания и отчужденность от партийной среды.

М. САВЕЛЬЕВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 76—77. Машинописный подлинник. Подписи — автографы. На первой страницы письма — пометка карандашом: «от т.т. Гронского и Савельева». Этим же карандашом сделаны пометки в тексте. Без даты.

[1] И. М. Гронский (1894—1985) был ответственным секретарем оргкомитета Союза советских писателей и редактором «Известий», а М. Савельев — руководящим работником в «Правде». Таким высоким номенклатурным статусом объясняется официальный характер визита этой делегации к Демьяну Бедному.

[2] 4 апреля 1933 г. состоялось заседание Политбюро, на котором согласно официальному протоколу, обсуждалось 12 вопросов. Последним стоял пункт «О юбилее Бубнова». Возможно, вопросы о пятидесятилетии со дня рождения Демьяна Бедного и фактическое поручение Гронскому и Савельеву довести «содержание выступлений на Политбюро» до сведения юбиляра были согласованы беспротокольно (см.: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. 2. С. 409—410). На заседании запротоколировано, что присутствовал Савельев, а Гронский, не будучи членом ЦК, мог присутствовать в качестве редактора «Известий» (см.: Сталинское политбюро в 30-е годы. С. 226).

[3] Загадочная история с дневниками Михаила Презента, которые цитировались в комментариях к данному сборнику документов, — одна из иллюстраций неоднозначности и загадочности сталинской эпохи. Копия страниц части дневника из линованной тетради представляет собой фрагменты записей рукописного текста. Валентин Скорятин, который ввел фрагменты дневника в общественно-политический и научный оборот, в одной из первых публикаций писал о дневниках: «Когда в начале 35-го года Презент был арестован по «кремлевскому делу», в руки «органов» пошли и все его дневниковые тетради» («Сретенка, Малый Головин, 12...» // Журналист. 1993. № 7. С. 50—53). Скарятин считал, что «Дневники» были обнаружены в январе — феврале 1935 г. С учетом ставшей доступной позднее информации можно составить несколько иную хронологию путешествия дневников по коридорам и лабиринтам большевистского безвластия. Имеющийся в РГАСПИ экземпляр рукописных страниц из тетради, который подходит под определение «днёвник», обрывается сентябрем 1930 г. Судя по протоколам допроса, проведенного в феврале 1935 г. с арестованным по «кремлевскому делу» Презентом, примерно тогда прошел первый обыск в квартире у Михаила Павловича (жил он рядом с «Гранд Отелем» на Театральной площади). Тогда же и были конфискованы его дневники. Тем не менее Презент при этом не был репрессирован, а продолжил свою работу в Секретариате ЦИК Союза ССР. Непонятно, почему тема дневников на уровне Политбюро была поднята только в апреле 1933 г. в связи с обсуждением вопроса о награждении Демьяна по случаю его юбилея. Эта временная задержка, прием отложенного решения по важному вопросу, была одной из характерных черт сталинского стиля руководства. Советская практика предусматривала во всех случаях награждений проводить оперативную проверку кандидатов на награждение по линии ЧК — ОГПУ — НКВД. В апреле 1933 г. Демьян оказался вынужденным давать объяснения по поводу отражения своего собственного образа на мемуарных страницах Презента, к тому времени поменявшего работу в ЦИКе Союза ССР на Госиздат. Между тем часть дневников продолжала оставаться на хранении в ОГПУ. Лишь в феврале 1935 г. нарком внутренних дел Генрих Ягода переслал их в архив Особого сектора ЦК. Именно тогда окончился жизненный путь их автора — Михаила Яковлевича Презента. Что касается вероятного знакомства Сталина с содержанием дневников в период с сентября 1930 г. по апрель 1933 г., то оно, вероятно, было одной из подспудных, реальных, но не названных по имени причин декабрьского (1930) скандала вокруг фельетонов Демьяна, некорректному и непочтительному отношению к нему в 1931 г., выселению из Кремля в непрестижную квартиру на Рождественском бульваре осенью 1932 г. Высочайшее прощение наступит только в апреле 1933 г. в связи с пятидесятым днем рождения поэта и награждением его высшим советским орденом — орденом Ленина. До него этот орден из поэтов не получал никто, а из литераторов был награжден лишь живой патриарх и основоположник советской литературы — Максим Горький.

[4] Это явный намек на возможную провокаторскую деятельность Михаила Презента в интересах ОГПУ. Г. Е. Прокофьев (1895—1937) в начале тридцатых годов руководил Московским ОГПУ, был зампредом союзного ОГПУ и начальником московской милиции. Его некомпетентность всего лишь через год послужит поводом для смещения с новой должности — начальника всесоюзной милиции. 3 января 1934 г. Политбюро обсудит вопрос «О начальнике главного управления рабоче-крестьянской мили-

ции при ОГПУ». Это рутинное назначение станет проявлением симптомов серьезного кризиса в работе органов госбезопасности режима. На бланке ОГПУ 1 января 1934 г. Ягода ходатайствует перед Сталиным: «ЦК ВКП (б) — тов. С Т А Л И Н У. Прошу освободить тов. ПРОКОФЬЕВА от обязанностей Начальника Главного Управления Рабоче-Крестьянской Милиции при ОГПУ, назначив на эту должность тов. БЕЛЬСКОГО Л. Н. ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОГПУ: Г. Ягода». Ответ Сталина: «Членам ПБ. Голосую за. Обязать ОГПУ представить в ЦК конкретную программу деятельности Глав. Упр. милиции и паспортного стола на 1934, так как, — видно, — предыдущий нач. Глав. Упр. Милиции т. Прокофьев не имел никакой программы. И. Стал.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 999. Л. 55). Прокофьев будет изгнан из органов одновременно с Ягодой осенью 1936 г.

[5] В докладе на июньском (1935) Пленуме ЦК, посвященном «разбору полетов» в «кремлевском деле», Николай Ежов назовет арестованного и ликвидированного к тому времени Презента человеком, которому «особенно покровительствовал т. Енукидзе» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 547. Л. 28 об.).

[6] В сталинской практике черновики, фрагменты писем, обрывки документов широко привлекались как серьезные свидетельства и вещественные доказательства при фабрикации следствий по реальным и вымышленным политическим делам. Они даже извлекались из мусорных ведер. Из письма Молотова Сталину в июле 1927 г.: «Читал ли ты письмо Альского к Тр[оцкому]? Оно принесено мне одной коммунисткой (сестрой Вегера), живущей в одной квартире с Альским, и было найдено мелко разорванным в квартире — в мусорном ведре. ЦКК вызвало Альского. Тот с колебаниями в начале, и теперь решительно отрекается от письма. Между тем (???) оно написано от руки, и экспертиза и показания принесшей не вызывают сомнения, что это дело Альск[ого]. Мы хотим опубликовать это письмо в «Правде» с исключением Альск[ого] из партии и вообще сделать его ударно-политическим, чего оно по существу и по всей обстановке безусловно заслуживает. 5) Как думаешь? Прошу по последним вопросам (об опубликовании оппоз[иционных] документов и о письме А[льского]) ответить кратко тел[еграм]мой» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 767. Л. 21—22).

№ 208
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ НАКАНУНЕ СВОЕГО ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ (ЧЕРНОВИК ПИСЬМА)

4 апреля 1933 г.

Демьян Бедный
Москва, Кремль
Апреля 4 1933 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Товарищи Гронский и Савельев, находящиеся в данный момент у меня, сочли полезным для меня знать существо обмена мнений обо мне, происходившего в заседании политбюро. Не совсем уясняю, следует ли мне в связи с этим писать Вам, так как я своих писем боюсь как огня: не даются мне письма, и мало их останется после меня. Мало, да и те неважные. Но у меня сейчас непреодолимая потребность сказать о себе основное.

Самая возможность происходившего обмена мнений уже показывает, что восхищаться собою мне не приходится. Умудрился-таки я создать для себя обстановочку. Тут и мое несчастье, и моя вина. И я не пытался никого убеждать, что в своем несчастье я неповинен. Вины хоть отбавляй, а глупости и того

больше. Чего уж тут! Но все-таки я убежден, что мне было с чего и малость поумнеть. Если этого со стороны не видно, опять моя беда.

Я ни в малой степени не собираюсь опровергать даже такие мнения обо мне, которые мне представляются не совсем точными. Зачем мне оправдываться в частности, если я не прав в общем? Некоторые суждения обо мне я объясняю тем, что меня истолковывают по тем или иным фактам. Могли быть иные суждения, если бы меня знали. Но и тут мне пенять не на кого, кроме как на самого себя. Ведь я сам-то себя с настоящей и лучшей стороны узнал только тогда, когда увидел, с какой твердостью я могу переносить то, что мне казалось непереносимым. Я впервые почувствовал, насколько основное в моей жизни – служение тому делу, которому я отдал все лучшее, что во мне было. Отдал, отдаю и отдам. И тут никаких сомнений быть не может. Самое важное, что в этом не сомневаюсь я. И самое больное для меня, что я как будто дал возможность сомневаться в этом партруководству. Сомнения эти базируются на том, что у меня были замечены колебания. Признаю свою вину в том, что сам я своих колебаний не заметил. Все время думал, что на меня-то партия при всех обстоятельствах может положиться, как на каменную гору. Такая внутренняя уверенность во мне была. Была и остается. И все свои силы я как раз и прилагаю к тому, чтобы ни в ком не возникло мысли, что у меня выпал мой большевистский стержень. Быть этого не может. Ни при каких обстоятельствах.

Поднесла нелегкая мое пятидесятилетие. Разве я этому рад вообще, а сейчас особенно? И разве от той или иной расцветки этого «юбилея» может зависеть моя безоговорочная, упорная работа, которой будет посвящен остаток моей жизни?

Это я говорю прямо и честно, зная, что уже само неполучение «ордена Ленина» даст повод к истолкованию этого как «лишения ордена»[1]. Насколько я теперь себя знаю, я знаю, что ничего непереносимого для меня нет, кроме одного: невозможности работать по причине, главным образом, поистине сомнительного здоровья.

Если б можно было как-либо отвести от меня «юбилей», чего бы лучше. Настоящий праздник будет для меня тогда, когда я сумею доказать, что ко мне можно партии обратиться с самым дорогим для меня словом: «мы в тебе не сомневаемся, мы тебе верим!»

Заканчиваю письмо одной просьбой: поверить искренности этого письма и тому, что я писал его, руководствуясь менее всего личными мотивами.

Вне моей литературно-партийной работы у меня – в основном – никакой другой жизни нет и быть не может.

С искренним приветом

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 78, 78 об. Машинописный подлинник на бланке «Демьян Бедный. Москва, Кремль». Без подписи.

[1] По-видимому, из разговора с Ярославским и Гронским Демьян узнал, что на Политбюро обсуждался вопрос о награждении его орденом Ленина, учрежденным в 1930 г. и ставшим с тех пор высшей советской наградой. К апрелю 1933 г. этим орденом были награждены считанные лица, а среди деятелей советской культуры – лишь Максим Горький и Александр Серафимович. Награждение орденом Демьяна стало бы одним из атрибутов на пути возможной канонизации его как главного, талантливейшего поэта нашей советской эпохи.

№ 209
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ НАКАНУНЕ СВОЕГО ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ (ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ПИСЬМА)

5 апреля 1933 г.

№ П5068
Копия
Секретно

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Ничего я так не боюсь, как своих собственных писем. И особенно писем к Вам. Но... Вчера навестили меня два товарища — Гронский и Савельев — и кратко ознакомили меня с тем обменом мнений, который — в связи с моей 50-летней датой — происходил вчера в ПБ.

Самая возможность именно такого, а не иного обмена мнений уже показывает, что радоваться мне нечему, а восхищаться собою не приходится и подавно. Умудрился-таки я создать для себя обстановочку. И виноват в этом один я, только я. Отрицать это было бы малодушной глупостью. Что с того, что многие частности я мог без труда опровергнуть? Например, будто я не был на съезде колхозников[1] и не писал о колхозах[2]. И на открытии съезда я был, и открытие съезда приветствовал стихами во всю первую полосу — во всю полосу! — «Комсомолки»[3]. Я собирался не пропустить ни одного заседания, а в газете заявил, что во время съезда дам ежедневные отклики. Но если человеку не везет, так уж не везет; с первого заседания я вернулся больным и полторы недели пролежал в гриппу с ужасной ангиной, что может быть подтверждено лечившим меня кремлевским горловиком[4]. Я потерял не только съезд, но и возможность откликнуться на красноармейский юбилей, что тоже истолковывается не в мою пользу[5]. Или другой пример: я, дескать, написал басню, где «высмеивал товарищей», и эту басню даже напечатал[6]. Насколько я был далек от мысли, не то что намерения, высмеивать друзей, показывает то, что инкриминируемую мне басню я послал в Сочи Вам[7]. Хитрил? Нашел, кого перехитрить! И очень мне это было нужно. Басня вернулась с Вашей пометкой: «вялая». А она просто была неудачная и, как всякая неудачная или недоделанная вещь, искажала подлинные намерения автора: высмеять «лесных заговорщиков». Не одобренная Вами вещь не только нигде не предлагалась к печати, но от нее вряд ли можно сыскать след и в рукописях[8]. Много бы частностей я мог разъяснить и опровергнуть их истолкование, но зачем мне опровергать частности, если невозможно опровергнуть главного: что в целом я кругом виноват? Что с того, что в презентовском «творчестве» на рубль лжи, а на копейку извращенной правды? Я себе и этой копейки простить не могу: она лишила меня Вашего доверия и дружбы, она создала возможность такого обмена мнений как вчерашний обмен. Стану ли я оправдываться тем, что вот Николай первый, осматривая новое помещение академии художеств, увидал — «хорошую казарму», кто что видит — а секретарь Анат[оля] Франса, Брюссон, сочинил такие дневники, что честная критика писала о них: «Брюссон преподнес нам содержание ночного горшка, а не содержание души гениального писателя, — от брюссоновского подношения мы вправе брезгливо отвернуться, об-

ратившись к творениям Франса»[9]. Презентовская бредовая мазня — тоже «стенгазета из ватерклозета». Не в гнойной луже больного, бездарного и завистливого бумагомараки можно найти мое подлинное отображение во весь рост. И все же презентовские измышления я ставлю себе в жестокую вину. Недосмотрел! Поскользнулся в презентовской луже. Хорошо, что в ней не потонул. Но непростительно, что я неосторожно подставил себя такому «фотографу». Мало меня покарали за это. Заслуживаю большей кары. Я сам себя казню за это так, как никто.

Конечно же, все это привело к некоторым изменениям во мне. Савельев сказал: «ты перестал улыбаться». Не до улыбок мне, — и с возрастом, претерпев партийные и личные несчастья, я стал сосредоточеннее.

«Не ищешь встреч со старыми товарищами».

Верно. Я стал замкнутее. Но замкнутость — не отчуждение. Никогда я не буду вам чужим, и не станете вы мне чужими, дорогие мои товарищи! В предстоящих боях — не исключено — многие из вас лягут костьми. Я лягу там, где ляжете вы. И я хотел бы, чтобы лег раньше всех: я с радостью готов такой ценой вернуть к себе нарушенное доверие.

Говорилось о моих «колебаниях». И тут есть моя вина. Вина моя в том, что сам я этих колебаний в себе не приметил. Все время был убежден, даже до озорства, что на меня-то при всех обстоятельствах партия может положиться, как на каменную гору. Только таким убеждением я и мог держаться. В настоящее время оно у меня еще крепче после того, как в положении, представлявшемся мне непереносимым, я обнаружил удивившую меня самого выносливость. Я сам себя узнал лучше. Суждения обо мне некоторых товарищей я объясняю тем, что меня и с т о л к о в ы в а ю т. Я живу надеждой, что меня у з н а ю т. По работе. Работа сейчас для меня — все. Даже в «Комсомолке» я стал писать, помня Ваши слова, Иосиф Виссарионович: «Свяжитесь с молодежью!»[10]

Иосиф Виссарионович! Мне как-то даже совестно, что вот некстати подошла эта возрастная дата и вынудила Политбюро судить и так, и так: и плох Демьян, и сохранить бы его. Твердо, искренне Вам говорю, что мне этот горестный, не во время подкравшийся «юбилей» самому встал поперек горла. Не озабочивайтесь, пожалуйста, какую бы этому юбилею придать расцветку? Не обязательно нужно награждать меня «орденом Ленина», поскольку возникают сомнения, что я его заслуживаю, или опасения, не пришлось бы меня этого ордена лишать[11]. Пусть само ненаграждение будет истолковано уже как лишение, — пусть даже проскользнет самая дата неотмеченной, — все равно, все равно никто не услышит моей жалобы. Улыбаться только мне трудно. И работать будет еще трудней. Но работать я буду. Буду работать в твердой уверенности, что подлинный мой праздник не уйдет, не уйдет от меня. Праздничным днем будет тот день, когда много грязи и шелухи стряхнется, свеется с меня, — когда устранятся все сомнения, и партия, ЦК и Вы, дорогой Иосиф Виссарионович, без колебания скажете мне: «ты — наш, мы тебе верим!»

Всего не скажешь. Об одном прошу: поверьте искренности этого письма и тому, что это не какой-то тактический прием и что никаких л и ч н ы х моментов оно не преследует.

О личном говорить не приходится: оно целиком поглощено тем, что составляет стержень моей жизни: горячо поработать и честно завершить путь, с которого у меня нет и быть не может никакого поворота.

Сердечный привет!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

5.IV.33 г.

Москва
15/лс

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 79—84. Текст на гектографе. Имеется номер официальной нумерации документов Политбюро шестнадцатого созыва за № П5068. Копия заверена Лукьяновой.

[1] Всесоюзный съезд колхозников-ударников открылся в Москве 15 февраля 1933 г. В «Правде» в день открытия съезда была опубликована «Песня съезда ударников-колхозников» Николая Асеева.

[2] По иронии судьбы, Гронский перекладывает на Демьяна обвинения, которые были выдвинуты ему самому фактическим руководителем «Правды» Львом Мехлисом. Принцип эстафетной передачи вины и ответственности — один из основных в истории русской чиновничьей олигархической диктатуры. В письме Сталину, поступившему в архив 13 мая, редактор «Известий» Гронский оправдывался в мелком преступлении — неприсутствии на первом съезде колхозников (см. документ № 216). Гронский был избран в редакционную комиссию съезда, Мехлис — в президиум. Закрылся съезд 19 февраля.

[3] 15 февраля 1933 г. «Комсомольская правда» вышла под шапкой «Ударникам колхозных полей пламенный комсомольский привет!». Половину первой полосы газеты (ее подвал) занимало стихотворение Демьяна «К победам!» с подзаголовком: «Посвящаю первому всесоюзному съезду передовых колхозников-ударников». Заключительные строки стихотворения: «Силы все на весенний ударный отпор / всем колхозным вредителям и дармоедам!» Вторая и третья полосы вышли под шапкой «Нет плохой земли, есть плохие хозяева».

[4] Демьян Бедный, будучи номенклатурным поэтом, был прикреплен к поликлинике Лечебно-санитарного управления Кремля. Отсюда подтверждение «кремлевским горловиком».

[5] 23 февраля 1933 г. исполнилось пятнадцать лет Красной Армии. В «Правде» были опубликованы стихи В. Гусева «Любовь». В Большом театре в Москве состоялось торжественное заседание. 24 февраля в «Правде» появилась «Сивашская битва (соната)» И. Сельвинского.

[6] Пародийная басня — поэма Демьяна Бедного «Лесные звери» (см. документ № 99). Речь в ней идет о смерти Ленина, о склоке между наследниками. Она полна пророческих «видений» о внутрипартийной борьбе. В архиве сохранился машинописный текст басни на тонкой папиросной бумаге. На обороте одной из страниц — пометка Микояна: «Голосую за свободу печати для сов[етских] поэтов» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 71—75).

[7] См. комментарий к документу № 99. Сталин в письме Молотову называл басню «худосочной».

[8] В рукописи она сохранилась. Это предложение косвенно подтверждает предыдущее утверждение Демьяна о том, что он, «дескать», «эту басню даже напечатал». Текст басни, сохранившийся в архиве, по своей папиросной безвоздушности наводит на мысль о том, что он может быть продуктом самиздата конца двадцатых — начала

тридцатых годов, а возможно, экземпляр — конфискованный вместе с дневниками Презента. Пометка Микояна не исключает и возможности упоминания этого текста на заседании Политбюро.

[9] Jean Jacques Brousson. Anatole France en Pantoufles. Paris: Les Editions G. Cres., 1924 («Анатоль Франс в домашних тапочках»). Книга начиналась своеобразным предисловием: «Обед у Лаперуза. Мадам присутствует. Мастер в неважном настроении. Он показывает свое плохое настроение настойчивым молчанием, а также чрезмерной вежливостью». Когда подали десерт, Мадам подала сигнал и Франс начал диалог: «Похоже на то, что вы, мой молодой друг, записываете все, что я говорю. / — Все, что вы говорите, Мастер? / — Что вы усердно записываете вечером все, что вы слышали в течение дня. Мадам: «Это нестерпимо!» Я объясняю: «Я присутствую на банкете, предназначенном для королей. Это — милостыня подобрать крошки для будущего — для тех бедняков, которые собрались снаружи. / На грозовом небе небольшое прояснение голубизны. «Для будущего! Для будущего! Что такое будущее? Это вы. Это я. Это мадам. Мы все — чье-то будущее». «Я делаю для Вас, маэстро, то, что Флорьяне сделал для Вольтера». «Я не Вольтер, но Вы — Флорьяне». Единственное, о чем попросил Франс своего секретаря, не публиковать эти записки при его жизни. Они его поссорят со многими людьми. При жизни записки будут звучать как непочтительность. После смерти — как эрудиция (там же, с. VII—VIII).

[10] Бедный стал регулярно печататься в «Комсомолке» после декабрьского (1930) постановления Секретариата ЦК о его творчестве.

[11] Бедный будет награжден орденом Ленина 11 апреля (прот. № 136, п. 42/18) (опросом). Его письмо, таким образом, становилось официальным документом для награждения. В постановлении Президиума ЦИК отмечались литературные заслуги «выдающегося пролетарского поэта» «перед рабочим классом и трудящимся крестьянством». ЦК приветствовал «пролетарского писателя — поэта». СНК — «поэта пролетарской революции». Газета «Правда» — «поэта-большевика, старого правдиста» (Правда, 1933. 12, 13 апр.). Через месяц поэтические произведения Демьяна снова, после долгого конфликтного перерыва, начнут регулярно публиковаться в «Правде».

Письмо было разослано как официальный документ Политбюро. В сопроводительной записке, подписанной заведующим Секретным отделом Поскребышевым, сообщалось, что это делалось по поручению Сталина «для ознакомления». На оригинале письма стоят характерные пометы Сталина об адресатах документа: Кагановичу, Молотову, Ворошилову, Калинину, Кирову, Андрееву, Косиору, Антипову, Микояну. Отметка: «разослано». Стоит отдельная помета: «В мой архив И. Ст.» и отметка «От Д. Бедного» рукой Поскребышева (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 86—87). Характерно, что это письмо написано не на кремлевском бланке. В это время сталинское руководство занималось вопросами упорядочения награждений. Происходило это в общем контексте наступления на права союзных советских республик и на укрепление роли федерального (московского) центра. 23 апреля по представлению Сталина Политбюро принимает решение о том, что начиная с 23 апреля «ордена за отличия могут выдаваться исключительно ЦИК СССР. За отдельными республиками сохраняется право на представление в ЦИК СССР на награждение орденами». Сталин упорядочивает номенклатуру советских орденов и приводит их к общему знаменателю. Оставлены ордена Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и Трудового Красного Знамени (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 979. Л. 9). Указ о награждении Демьяна Бедного следовал четким формулировкам решения Политбюро, награждавшего «выдающегося пролетарского писателя» товарища Демьяна Бедного орденом Ленина «за его литературные заслуги перед рабочим классом и трудовым крестьянством» (там же, д. 979, л. 117).

№ 210
РАДЕК — СТАЛИНУ ОБ ОСВЕЩЕНИИ ПРОЦЕССА НАД АНГЛИЙСКИМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ

15 апреля 1933 г.

Секретно

Дорогой тов. Сталин!

Я обязан обратить Ваше внимание на дезорганизацию кампании по поводу процесса[1].

1. Организационно.

Ни зав. иностранным отделом «Известий», ни я, несмотря на требования, не имеем даже служебных билетов и лишены поэтому возможности зайти к тов. Стецкому переспросить насчет передаваемых нам инструкций, если они нам неясны, или меняются. Бракуются статьи без того, чтобы нам было известно в чем дело. С того что т. Стецкий назовет мою статью в телефонном разговоре с тов. Ципиным дрянью, и вместо нее появляется статья, уменьшающая значение опасности, я не становлюсь политически умнее.

2. Политическая дезорганизация выражается в том, что после того как 12/IV мне было сообщено, что надо в прессе перейти к решительной контратаке, к разработке фактического материала процесса, и после того как 13/IV появилась моя статья, завизированная тов. Гронским, ее поносят в моем отсутствии на заседаниях комиссии, причем мне не известно, что в ней плохо.

14/IV ввиду того, что англичане обнаглели на суде, тверже чем до сего времени все отрицают, я с утра требую дальнейшего разбора их показаний и контратаки против английской печати. Тов. Гронский просит меня подождать до вечера. Из редакции мне сообщают, что моя статья не будет нужна, так как сам тов. Гронский пишет статью. Статья эта в № от 15/IV не появляется, хотя ночью 14/IV тов. Гронский мне говорит, что ЦК считает кампанию в газете недостаточной, с чем я вполне согласен. Таким образом, через день после того как «Известия» начали наступление, оно оборвалось.

3. Самое важное следующее. 14/IV в первом часу ночи я получаю указание от тов. Гронского написать статью для № от 16/IV об английской «Белой книге». За день до того тов. Стецкий сказал мне, что нужно атаковать подсудимых и прессу, оставляя в стороне правительство. Приказ писать статью о «Белой книге» — это приказ о лобовой атаке. Чтобы не отнимать у Вас времени, я обратился к тов. Литвинову с запросом, называть ли Овия, Саймона, Винзитарда и т. д. Тов. Литвинов ответил мне, что Вами еще не решен вопрос, печатать ли даже запись его разговоров с Овием, что было бы более слабой формой нападения, чем разбор в официозе телеграмм не только формально не отозванного посла, но и телеграмм английского growing мининдела. Зная, что в эти дни Вам придется принимать ответственные решения, которые могут быть затруднены ошибками подчиненных органов, я обращаю Ваше внимание на положение в редакции и в комиссии, которая не дает мне уверенности, что все с Вами согласовано.

Если я не получу от Вас указаний, то я буду считать даваемые мне тов. Гронским указания за согласованные с Вами[2].

С сердечным приветом

К. РАДЕК

P. S. В статье моей, забракованной тов. Стецким, я приводил цитату из книги американского специалиста Рукайзера «На службе у советов», в которой этот американец, работавший у нас 2 года, заявляет:

«Что в России наблюдается в значительной степени умышленный саботаж со стороны элементов, враждебных теперешнему режиму, признает большинство американских специалистов в России, с которым я обсуждал этот вопрос».

«Надо честно признать, что когда ОГПУ наносит удар, это обыкновенно имеет основание. Его обвинения могут быть преувеличены, случай, приведший к аресту, может быть только поводом. Но ОГПУ обвиняет только тогда, когда оно уверено в том, что обвиняемый совершил действия, направленные против государства. Когда ОГПУ бьет, удары верны и тверды».

Угробив эту статью из-за отсутствия в ней достаточного количества иронии, угробили одновременно это важнейшее для нас свидетельство. Не используется совсем большая литература о работе «Секрет сервиз»[3].

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 791. Л. 1—5. Машинописный текст.

[1] В марте 1933 г. шесть англичан — служащих московской конторы английской электротехнической фирмы «Метро-Виккерс» — были привлечены к ответственности по обвинению во «вредительстве на крупных советских электростанциях». Процесс состоялся 12—19 апреля и установил, что арестованные вели шпионскую работу, организовали порчу оборудования, аварии, диверсии — т. е. совершили полный набор действий, наказуемых сталинской параноидальной юстицией. Процесс вызвал резкое обострение советско-английских отношений.

[2] Возвращение Радека в контингент советников Сталина по вопросам внешнеполитической пропаганды, дезинформации, организации крупных идеологических диверсий и провокаций было необычным фактом для кадровой политики режима. 2 марта 1930 г. Радек обратился к Сталину из воронежской ссылки (проживал он там по ул. Дзержинского, дом № 1/29). Письмо было получено в Кремле и 7 марта разослано членам высшего руководства в количестве 23 экземпляров. Радек обращается к «многоуважаемому тов. Сталину» и говорит о необходимости перевода книги по внешней политике, имеющей пропагандистское значение и «громадное практическое значение для руководителей нашей политики» (Ludwell Denny «America conquers Britain»). Она получена из ГИЗа для оценки, и он рекомендует немедленное издание. Нужны 10 переводчиков, «непременно прикажите представить Вам копию перевода на машинке. Прочитаете как роман», «тов. Ярославский говорил мне, что вероятно смогу уже начать писать в Правду. Я телеграфировал ему сегодня, что хочу начать с оценки этой книги» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 789. Л. 14—17). 9 марта Политбюро принимает опросом решение «О книге Денни»: «Предложить т. Ярославскому сообщить Радеку, что ред[акци]я Правды не возражает против помещения время от времени статей т. Радека, особенно статей о книге Денни. Предложить Госиздату перевести и издать «Америка завоевывает Британию» в кратчайший срок» (там же, л. 13). 12 марта Сталин лично сообщает Радеку о состоявшемся решении коллег поддержать предложение Радека и санкционировать его возвращение в «святую святых» советской журналистики — в «Правду»: «Когда думаете прислать в «Правду» статьи о книге Денни» («Дорогой тов. Радек!») (там же, л. 19). Сталин редактировал Радека. Например, посылая на утверждение вождя статью о Японии, Радек просит указаний: «Прошу решить, идет ли статья передовицей или за подписью. К. Радек». Сталин 14 мая 1933 г.: «Можно пропустить статью за подписью т. Радека. И. Ст. P. S. Поправки смотри в тексте». Название, предложенное Радеком: «Начало отрезвления?», не принято Сталиным. Его вариант: «Еще раз об Японии и СССР» (там же, л. 66). Редактор «Известий» Гронский давал технические указания Радеку («Дружище, Карл!»): «Сталину нуж-

но послать хорошо напечатанный и выправленный экземпляр. Жму руку. И. Гронск.» (статья «Четыре года борьбы за мир») (там же, д. 789, л. 136).

[3] Неизвестно, читал ли Сталин это письмо. Отсутствует характерная для представляемых Сталину на просмотр или в сводку шапка документа («От т. Радека»), нет подчеркиваний в тексте, а также следов пометок типа «Л. арх.». Также отсутствует регистрационный номер о поступлении документа в ЦК.

№ 211
РАДЕК — СТАЛИНУ О ПРОЦЕССЕ В МОСКВЕ И О «БЕЛОЙ КНИГЕ» БРИТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

19 апреля 1933 г.

Секретно

Дорогой т. Сталин.

1. Не считаете ли Вы, что после эмбарго надо дать статью, которая покажет, на основе фактов и анализа «Белой книги» и парламентских дебатов, что (*вставка Сталина*: «поведение английских правящих кругов объясняется главным образом не ходом и исходом процесса и не заботой об арестованных, а стремлением использовать ими же раздутый конфликт с СССР в целях проведения оттавской программы») вся история с процессом была только средством облегчить Английскому правительству удар по нам. Тов. Литвинов за такую статью.

2. Не считаете ли Вы полезным, чтобы «Известия» или «Правда» (может быть, лучше «Правда») дали кроме первой общую статью о внешней политике Англии, преследующую цель показать их растерянность. Я бы в этой статье показал, как они мечутся между САСШ и Японией, между Францией и ревизионистским блоком. На этом фоне надо показать их политику по отношению к нам как политику бессилия, а не силы. Показать, что, боясь (*Сталин дописал*: «войны») из-за (*Сталин дописал*: «своей») слабости, они развязывают руки всем военным тенденциям. Статью я написал бы очень спокойно с документацией, имея в виду и наше общественное мнение, и английское.

3. Существует телеграмма русского посла в Берне от 1915 г., в которой сообщается со слов Масарика, что английские дипломатические круги ввиду русских побед в Галиции уже поговаривают о том, что после победы над Германией надо будет создавать блок из Италии, Германии, Франции и Англии против России. Не стоит ли опубликовать эту телеграмму, связав ее с проектом пакта 4-х? Такая статья имела бы влияние на нашу интеллигенцию.

4. Германская пресса за малым исключением печатала телеграммы из Лондона о московском процессе. Это в тот самый момент, когда англичане их били по морде в английском парламенте. Не стоит ли это в небольшой статейке соответственно комментировать.

С сердечным приветом

К. РАДЕК

19 апреля 1933 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 791. Л. 8—10. Машинописный подлинник на бланке ЦК. Подпись — автограф. Комментарии Сталина — автограф. Пункт 4 зачеркнут Сталиным.

№ 212
ЗАВЕДУЮЩИЙ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК» ИОНОВ — ПОСКРЕБЫШЕВУ О КНИГЕ С ПОСВЯЩЕНИЕМ СТАЛИНУ

20 апреля 1933 г.

ВКП(б)
Всесоюзное общество старых большевиков
Издательство «Старый большевик»
Москва, Центр, Мясницкие ворота,
Фокин пер., д. 6
Телефон 2-91-53
Председатель правления
20 апреля 1933 г.
ИИ/ЛН
Тов. Поскребышеву

Изд-во «Старый большевик» выпускает книгу материалов о товарище Камо.

Книга эта собрана и написана т. Бибинейшвили (Барон). Отредактирована она т. Лядовым и просмотрена т. Ярославским. К ней имеется предисловие т. Максима Горького.

Автор этой книги т. Бибинейшвили обратился к нам с просьбой поместить в книге посвящение т. Сталину, текст которого прилагаю к этому письму[1].

Об этом просит также сестра т. Камо Джаваира Хутулашвили.

Без разрешения т. Сталина я не решаюсь исполнить просьбу автора книги и сестры т. Камо. Не найдете ли Вы возможным показать это посвящение т. Сталину и получить просимое разрешение.

Приложение: в[ыше] упомянутое.

Зав. издательством

И. ИОНОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 203. Л. 22. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] В посвящении Сталину, в частности, были такие фразы: «Тому, кто первым вдохновил Камо на беззаветную героическую революционную борьбу», «кто первым назвал его именем Камо», «кто стальной рукой выковал большевистские организации Грузии и Закавказья» и т. д. (там же, л. 21).

№ 213
СТАЛИН — ИОНОВУ ПО ПОВОДУ «ПОСВЯЩЕНИЯ»

21 апреля 1933 г.

21.IV-33 г.

Тов. Ионов!

Я против «посвящения». Я вообще против «посвящений» с воспеванием. Я, тем более, против предложенного текста «посвящения», так как он насилует факты и полон ложноклассического пафоса воспевания. Не нужно доказы-

вать, что никакой я не «теоретик» и, тем более, «гениальный организатор» или «стратег международной революции». Прошу успокоить не на шутку разволновавшегося автора и сообщить ему, что я решительно против «посвящения».

Привет!

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 203. Л. 22. Машинописная копия.

№ 214
ОВАЛОВ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ ВЫСТУПИТЬ ПО РАДИО 1 МАЯ

22 апреля 1933 г.

Товарищ Сталин!

Начав недавно работать редактором художественного радиовещания, я сразу же столкнулся с имеющейся у нас недооценкой радио. В частности, по установившейся и, мне думается, хорошей традиции 1-го мая и 7-го ноября утро в нашей стране начинается с особого приветствия, одновременно передаваемого всеми радиостанциями Советского Союза. Но в то время, когда в Германии, например, утро в этом году начнется речью Гитлера, наше приветствие обычно заказывается какому-нибудь литератору. И, несмотря на всю добросовестность и автора, и редакторов, приветствие не соответствует поставленным перед ним задачам...

Я решаюсь обратиться к Вам с просьбой выступить утром 1-го мая с приветствием ко всем советским гражданам. При той популярности и любви, которыми Вы пользуетесь, значение Вашего выступления было бы неизмеримо глубоко. Услышав утром несколько слов, Вами лично произнесенных, миллионы людей почувствовали бы еще большую бодрость и близость к Вам, с еще большею радостью и энтузиазмом пошли бы на демонстрацию, а на следующий день приступили к работе.

В отношении времени приветствие отняло бы у Вас всего несколько минут, т. к. не представляет никаких трудностей поставить микрофон и в Вашем кабинете, и во всякой другой комнате.

С глубочайшим к Вам уважением

Л. ОВАЛОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1160. Л. 66. Машинописный подлинник. Пометка рукой Сталина: «Архив. Ст.».

№ 215
КИРШОН — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ ПОСМОТРЕТЬ ЕГО ПЬЕСУ «СУД»

11 мая 1933 г.

Дорогой товарищ Сталин!

13-го и 14-го мая — два последних спектакля «Суда», так как после этого театр уезжает на гастроли в провинцию.

Очень прошу Вас посмотреть, как пьеса получилась в театре.

11/V-33 г.

С коммунистическим приветом

В. КИРШОН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 25. Машинописный подлинник. Подпись — факсимиле.

№ 216
ГРОНСКИЙ – СТАЛИНУ О ПЬЯНКАХ И ДРУГИХ НЕЗДОРОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ В СРЕДЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

15 мая 1933 года (не ранее)

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Ваше указание о прекращении т. н. пьянок будет мною проведено точно и неукоснительно. Давая это обещание, я считаю необходимым сообщить Вам некоторые факты о выпивках, и в частности о выпивках с тов. Куйбышевым.

1) У меня довольно часто собирались писатели, художники, артисты, композиторы, инженеры и др. представители интеллигенции. На этих вечеринках (если логично их так назвать) бывало довольно много коммунистов. Цель, которую я ставил перед собой, это посредством общения коммунистов с беспартийными и посредством бесед коммунистов с беспартийными обрабатывать беспартийных в желательном для нас духе, тащить их к партии. Достигал ли я той цели, которую ставил перед собой? Да, достигал. Большое количество беспартийных, колебавшихся в выборе пути, удалось перетащить на нашу сторону, что у писателей, например, отразилось на их произведениях.

Само собой разумеется, что на этих вечеринках мы не только вели разговоры, но и выпивали, не напиваясь, однако, допьяна.

2) С тов. Куйбышевым я встречался нечасто. За вторую половину 1932 года Куйбышев был у меня раз 6–7, не больше, и я у него раза три: один раз был у него дома, в Москве, и два раза на даче. За два месяца и десять дней 33 года т. Куйбышев был у меня три раза и я у него один раз.

Раньше с тов. Куйбышевым я встречался чаще, но, заметив, что он много пьет, решил встречаться реже и при встречах не давать ему много пить. Так, например, когда я приезжал к нему на дачу, старался утащить на волейбол и тем самым отвлечь его от выпивки. Когда он бывал у меня (особенно когда приезжал уже выпившим), я просил товарищей (его близких друзей) не давать ему пить, и нам часто удавалось перевести его или на «Напареули», или на чай. Как видите, Иосиф Виссарионович, это совсем не похоже на спаивание. Говоря это, я отнюдь не хочу сказать, что я безгрешен. Видя, что т. Куйбышев пьет, я должен был, будучи с ним в дружеских отношениях, резко поставить перед ним вопрос о том, чтоб он бросил пить, т. к. это вредит работе. Этого я не сделал, и в этом моя вина как большевика. Я говорил ему обо всем этом в мягкой форме, тогда как нужно было говорить резко, прямо и немного грубовато. Тогда, быть может, это дошло бы до сознания и возымело свое действие.

3) Бывает ли тов. Куйбышев еще где-либо? Да, бывает. Мне известны следующие товарищи, у которых он бывает и вместе с которыми он выпивает, это: a) М. А. Савельев, b) К. Я. Розенталь, c) А. Б. Халатов, d) Б. А. Чуховский, e) Я. Г. Долецкий, f) В. С. Сварог, g) А. Жаров (Этот список *нрзб.* во второй половине 1932 года). Особенно часто бывают у тов. Куйбышева Сварог (художник), Жаров (поэт) и Чуховский. Зная, что эти люди основательно пьют, я в разное время обращался к ним с просьбой о том, чтоб они берегли Куйбышева и не давали ему пить или по крайней мере не давали много пить. Подействовали ли мои просьбы на этих людей? Боюсь, что не подействовали, т. к. т. Куйбышев и ко мне, и к другим товарищам приезжал вместе с кем-либо из них, как правило, всегда в не совсем трезвом виде. Сварога, Жарова и Чух-

новского надо от т. Куйбышева отколоть, надо добиться, чтоб они у него не бывали. Этим делом я займусь, хотя и не уверен, что мне удастся здесь добиться положительных результатов.

4) В заключение я хочу затронуть другой вопрос, связанный с вопросом о так наз. пьянках. Дело в том, что за последние годы я ввязался в большую работу среди интеллигенции, в работу для меня не совсем привычную и чрезвычайно трудную. У меня установились связи с сотнями людей из среды интеллигенции. Многие из них бывают у меня, у многих из них я бываю, все они обращаются ко мне со всякого рода просьбами, приходят посоветоваться, звонят по телефону, пишут письма и т. д. и т. п. Это — своеобразная, большая партийная работа, которая нигде и никем не учитывается, но которая меня буквально выматывает. Я подсчитал как-то телефонные звонки, и получилось, что в день я подхожу в среднем от 100 до 200 раз к телефону. Можно было бы не подходить к телефону, но ведь эта публика страшно обидчивая. Не подойдешь к телефону, не зайдешь в гости к кому-либо или если время от времени не пригласишь к себе, — обидятся эти люди, и обиды эти, к сожалению, очень легко переходят на партию и на советскую власть, не говоря уже о литературных организациях. Кроме того, все они грызутся между собою, интригуют, сплетничают, льстят, пытаются сколотить в своих интересах всякого рода беспринципные группы и группочки. Во всем этом нужно разбираться, быть в курсе всей этой мышиной возни и гнуть, гнуть свою линию, не портя отношений с каждым из писателей и художников, но и не уступая им ни в чем. Я еще никогда не вел такой трудной и такой дьявольски сложной работы. А так как на эту работу я поставлен партией и срыв на этой работе будет в какой-то мере ударом по партии, я делаю все, отдаю все, что имею, не жалея ни здоровья, ничего для того, чтоб это поручение партии выполнить, и выполнить возможно лучше. Я знаю, что на этой работе провалились такие люди, как Воронский, Полонский и рапповцы, специально занимавшиеся литературой и искусством в течение ряда лет. У них были накопленные годами знания в этой области. У меня этих знаний нет. Я вынужден по ходу изучать предмет, знакомиться с текущей литературой и всей этой штукой руководить, имея еще на своих плечах газету и ряд других нагрузок.

Может быть, я плохо выполняю работу среди интеллигенции, может быть, я не гожусь для этой работы, тогда нужно заменить меня другим работником, но работу эту надо вести, т. к. эта работа есть, по сути, борьба за интеллигенцию. Если мы не поведем за собой интеллигенцию, поведет ее за собой враг. Это я чувствую буквально на каждом шагу.

Я прекращу всякие пьянки, но встречаться с представителями интеллигенции я должен и вести работу среди них обязан. Выпивать я не буду совершенно, но уничтожит ли это сплетни, которые создаются буквально на каждом шагу? Думаю, что это сплетни не уничтожит. На сплетни я никогда и никому не жаловался, но, когда они превращаются в метод борьбы, о них нужно сказать.

Вот, например, мне не раз и не два передавали товарищи о сплетнях, которые распускают про меня. С одной стороны т. Мехлис, а с другой быв. руководители РАППа. Чтоб не быть голословным, приведу пару примеров.

А) Во время колхозного съезда происходил пленум Оргкомитета Союза сов. Писателей. Я с 11 утра до 11 ночи регулярно сидел на Пленуме Оргкоми-

тета. Уходил только два раза часа на два-три для того, чтоб подготовиться к выступлению на пленуме. И, однако, из того факта, что я не мог часто бывать на колхозном съезде, некоторые товарищи (Мехлис, в частности) сделали вывод, что я пьянствовал, и эту сплетню довольно широко распространили. Об этом мне говорил т. Цыпин, который слышал все это от Мехлиса и в ЦК.

В) На пленуме Оргкомитета я употребил такое, примерно, выражение: «в Союз сов. Писателей мы будем принимать только тех писателей, которые перешли на позиции советской власти и участвуют в социалистическом строительстве. Писателей, настроенных антисоветски и ведущих борьбу с рабочим классом, будем бить по-большевистски, со всей силой, будем бить оглоблей». Быв. руководители РАППа дело изобразили так, что эта оглобля пущена мною в ход по отношению ко всем писателям. Эта сплетня распространилась настолько широко, что я вынужден был опубликовать стенограмму обоих своих выступлений на пленуме, чтоб парализовать ее действие.

Как видите, Иосиф Виссарионович, работать в этой склочной обстановке довольно тяжело. Бороться с открытым противником легко. Бороться же со сплетнями довольно тяжело.

Вот в этом письме я изложил все, не утаил ничего, не пытался себя выгораживать или оправдываться. Из этого письма вы можете заключить о моей роли в выпивках с т. Куйбышевым. Я уже говорил, что этих выпивок больше не будет, но, так как работу среди интеллигенции вести мне придется дальше, я очень просил бы Вас, Иосиф Виссарионович, если нельзя оградить меня от сплетен, им не особенно доверять или проверить все эти сплетни.

С ком. пр.

И. ГРОНСКИЙ

P. S. Пишу письмо от руки, т. к. не хочу, чтобы о его содержании кто-либо знал.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 725. Л. 49—58. Рукописный подлинник. Каждая страница — на фирменном и типографским способом отпечатанном бланке ответственного секретаря «Известий ЦИК» И. М. Гронского. «Поступило в арх. 13.5.33 г.». Есть подчеркивания рукой неизвестного.

№ 217
РАДЕК — СТАЛИНУ О ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ ОБРАЩЕНИЮ РУЗВЕЛЬТА

17 мая 1933 г.

17 мая 1933 г.
Секретно

Дорогой товарищ Сталин!

Посылаю проект передовицы об обращении Рузвельта. Не знаю, хотите ли Вы, чтобы мы откликнулись.

Сообщите, давать ли ее, а если давать, то имеются ли какие-нибудь поправки.

Вопроса о признании я нарочно не ставлю в связи с этим документом. Если считаете нужным, то надо просто прибавить абзац, что если Америка хочет

сотрудничать с нами в вопросах мира и мировой экономики, то самое простое установить для этого прямые отношения.

Только что получил Ваше указание написать статью о Китае. Будет сделано без «кровавого пса».

С сердечным приветом

К. РАДЕК

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 791. Л. 24. Машинописный подлинник на бланке ЦК. Подпись — автограф. Комментарий Сталина: «Отложить для меня. И. Ст.» — автограф.

№ 218
БОНЧ-БРУЕВИЧ — СТАЛИНУ И ЯГОДЕ ОБ АНОНИМНОЙ ЭПИГРАММЕ НА ГОРЬКОГО

22 мая 1933 г.

БОНЧ-БРУЕВИЧ – СТАЛИНУ
Мая 22 1933 г.
№ 28052
ЦК ВКП(б)
Тов. И. В. Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович,

На днях мне по почте прислали пасквиль на Горького, подлинник которого я отослал при особом письме т. Г. Г. Ягоде. Копию письма т. Ягоде Вам при сем посылаю, так же как и копию этого пасквиля.

Полагаю, что следовало бы сделать самое энергичное распоряжение в ОГПУ для изловления этих негодяев, которые позволяют себе рассылать по нашей почте такие гнусности на Алексея Максимовича.

С коммунистическим приветом

Влад. БОНЧ-БРУЕВИЧ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 718. Л. 121. Машинописный текст на бланке. Резолюция Сталина: «Мой арх. Ст.».

БАРОН ИЗ СОРРЕНТО

В деревне некогда барон
Жил с деревенской простотою.

Дедушка Крылов

В Сорренто некогда барон
Жил с пролетарской простотою:
Хранил он в банке миллион
И поторговывал собою.

Он летом — ярый коммунист;
К зиме ж, как заяц, вдруг белеет.
Зимою — преданный фашист.
А к лету снова багровеет.

Весною здесь, зимою там, —
И всюду денежки сбирает...
Вот у кого учиться нам,
С кого пример брать подобает!..

Примеч.: Супруг баронессы есть, очевидно, барон.

Там же. Л. 123. Машинописный текст. Резолюция Сталина: «Подлец! И. Ст.» — автограф. Пометка рукой Сталина: «Секретно. Читал» — автограф.

БОНЧ-БРУЕВИЧ – ЯГОДЕ

Копия
Мая 22 33
№ 28051
ОГПУ т. Г. Г. Ягоде

Дорогой Генрих Григорьевич,

Посылаю Вам копию пасквиля на Горького, который мне прислали в конверте 16-го мая 1933 г. Значит, есть у нас в Москве какие-то пакостники, которые позволяют себе не только печатать на машинке, но и распространять такие гнусности и гадости. Было бы очень хорошо эту публику взять под жабры. Я посылаю Вам подлинник этого письма, который, может быть, Вам поможет по машинке определить, где это стряпается; также и конверт, на котором есть штемпель, а потому можно определить тот район, где опускалось это письмо.

С коммунистическим приветом

Влад. БОНЧ-БРУЕВИЧ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 718. Л. 122. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 219
ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ — СТАЛИНУ О СВОЕМ РОМАНЕ «СОБСТВЕННОСТЬ»

27 мая 1933 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

К вождям принято обращаться только с просьбами. У меня к Вам нет никакой просьбы, но есть горячая потребность написать Вам, как чувствует себя писатель после постановления 23-го апреля.

За последние годы (30 и 31) мое творчество совершенно прекратилось, я, как попутчик и Пантелеймон Романов, был отделен от живой жизни непроницаемой стеной. Я мог изучать и изображать только мир обывателей, далеких от творческого нерва страны и поневоле мог давать только вещи, разоблачающие обывательщину. И критика меня преследовала за то, что я не даю положительных и героических образов, свойственных нашей эпохе.

Откуда бы я их взял, когда я не имел доступа ни на один завод.

Первый отнесся ко мне с чутким доверием И. М. Гронский и послал меня на строительство. Я уже писал в «Известиях», как это на меня подействовало. А после 23-го апреля я почувствовал, что с меня снято какое-то позорное

клеймо, исчезли все следы недоверия ко мне, я ушел, как равноправный член, во все поры общественной жизни.

Это так повлияло на меня, что в восемь месяцев (вместо обычных трех лет) написал большой роман «Собственность» на тему постановления 23-го апреля. Роман написан в тоне такого подъема, юмора и бодрости, какие раньше совершенно отсутствовали в моем творчестве. ГИХЛ сейчас спешно, в течение 25 дней, выпускает этот роман, и он будет готов к 20-му июня.

В нем дан анализ изживания мелкособственнических инстинктов в прямой связи с постановлением 23-го апреля.

Я пишу Вам не затем, чтобы выразить вполне понятные чувства, какие сейчас переживают все советские писатели. Мне хочется показать Вам конкретный результат постановления, сказавшийся на мне, как на писателе, с такой необычайной быстротой и плодотворностью.

Я счастлив тем, что в подъеме, охватившем меня, я нашел тон, в котором без всякой натяжки могу и в дальнейшем изобретать такие черты нашей жизни, какие раньше мне совершенно не давались.

Роман, если разрешите, я пришлю Вам тотчас по выходе. Я считаю, что Вы являетесь причиной его[1].

ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ

Москва 27 мая 33 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 801. Л. 63, 63 об. Машинописный подлинник. Есть подчеркивания рукой неизвестного. Подпись и дата — автографы.

[1] В 1934 г. Пантелеймон Романов напишет Сталину следующую дарственную надпись на экземпляре романа «Собственность» издания 1933 г.: «Великому Сталину. Пантелеймон Романов. 1934». Книга из коллекции ГОПБ МК РФ.

№ 220
ПИЛЬНЯК — СТАЛИНУ ПО ПОВОДУ ИЗДАНИЯ СВОЕГО РОМАНА О ЯПОНИИ

6 июля 1933 г.

Москва, 40
2-ая ул. Ямского поля, 1/2, 21
6-го июля 933

Дорогой и глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович.

В прошлом году, по инициативе тов. Карахана, я ездил в Японию[1]. Вернувшись, я написал книгу о Японии, текст которой я сейчас посылаю Вам. Эту мою книгу, равно как и поездку, я считаю не только советским, но и партийным делом. Именно поэтому, понимая ответственность темы, я передал рукопись для просмотра и для решения вопроса о целесообразности ее печатания восточникам в НКИД и ГПУ. В НКИД книгу читал Л. М. Карахан. И. М. Гронский мне показывал письмо тов. Карахана, где была фраза — «это хорошая и очень нужная нам книга», — и тов. Карахан просил скорее ее печатать. Книга была принята Гронским, и первая часть ее появилась в 4 № «Нового мира».

Но в день отъезда Гронского из Москвы, за несколько дней до выхода пятой книги «Нового мира», где дальнейший текст моей работы был уже заверстан, мне сообщили из редакции, что печатание моей работы запрещается Главлитом. Я обратился в Главлит и выяснил, что Главлитом книга не запрещается. Тогда я вновь обратился в редакцию «Нового мира» и к тов. Стецкому. Гладков, врид редактор, не дал мне никаких объяснений, сказав лишь, что книга печататься не будет и что «к этому есть веские причины, которые я сообщить не могу». Товарищ Стецкий меня не принял, хотя я звонил ему много раз за эти три недели. Пятая книга вышла без продолжения моей работы.

Так обстоит официальная сторона дела, состоящая из отказов разговаривать со мной.

Можно предположить, что книга не печатается потому, что в ней большой процент цитат из моей старой книги о Японии, написанной в 26-ом году, изданной в свое время ГИЗом. Но эти цитаты необходимы были, чтобы я мог отказаться от старых своих утверждений, от написанного мною же и известного советскому читателю — дабы показать и рост советского писателя, и то, каким образом возникают ошибки в суждениях о Японии: совершенно естественно, если человек считает нужным отказаться от своих ошибок, он должен показать свои ошибки, чтобы опровергнуть их[2].

И до меня дошли слухи, что моя работа не печатается дальше вовсе не по принципиальным и политическим соображениям, но потому что на меня и, должно быть, на тов. Гронского, принявшего ее к печати, — обиделась группа писателей за абзацы о советской литературе на стр. 35–36 4-го № «Нового мира» (я подчеркнул их красным карандашом). И именно она, эта группа, через фракцию редакции «Нового мира», в отсутствие Гронского, задержала печатание, считая, надо полагать, наказать меня этаким образом за непочтение. Если это есть действительная причина, а на это похоже, — то, оказывается, обывательщина, склока и групповщина никак не изжиты в нашей литературе, — и для меня это выглядит уже не непочтением, а неуважением к советскому читателю, к советским журналам и издевательством над советским писателем. Вместе с поездкой к японцам, никак не приятной, и с собиранием материала я работал над книгой около года, чтобы получить пощечину.

Меня утешали, что работа не будет напечатана в «Новом мире», но, раз она разрешена Главлитом, ее можно издать сразу отдельным изданием. Пощечина от этого не меньше. Для меня закрываются двери «Нового мира» — последнего журнала, где я печатался.

По тем политическим настроениям, которые у меня сейчас, я не отделяю себя от партии. Если непечатание моей работы целесообразно после того, как она начала печататься, — я хотел бы знать хотя бы причины этого. Но я нахожу нужным эту вещь напечатать, ибо о Японии у нас мало знают и фетиши ее надо разрушить[3].

И я прошу Вас, Иосиф Виссарионович, помочь мне допечатать мою работу.

Мне очень жаль, что я отрываю Вас от вашей громадной работы полуличным делом. Мне очень хотелось бы встретиться с Вами, чтобы поговорить об общих советских литературных делах. Этот эпизод со мной — лишь эпи-

зод, и, если бы у Вас нашлось время, я счастлив был бы поговорить с вами о литературных делах, по поводу которых мне кажется необходимым поговорить с вами.

Позвольте выразить Вам глубочайшее мое уважение и глубочайшую мою благодарность.

Ваш БОРИС ПИЛЬНЯК

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 54—55. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Пометка рукой неизвестного: «печ.» (т. е. указание перепечатать на машинке).

Вариант этого письма опубликован: Простор. 2002. № 6.

[1] В тексте, опубликованном в сборнике «Мне выпала горькая слава...», эта фраза звучит несколько по-иному: «В прошлом году с одобрения товарища Карахана я ездил в Японию».

[2] Данный абзац отсутствует в черновике и в сборнике.

[3] Данный и предыдущий абзац также отсутствуют в варианте письма, опубликованном в сборнике.

№ 221
АНРИ БАРБЮС — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

28 июля 1933 г.

Перевод
Гостиница «Савой»
Комната № 16
28 июля 1933 г.

С сегодняшнего утра я в Москве. Я хотел бы Вас повидать, чтобы поговорить с Вами от имени всех наших товарищей о движении и о больших вопросах, которые стоят перед нами. В этих целях я приехал сюда. Я прошу Вас не отказать назначить мне свидание с Вами.

Поверьте моей преданности и братским чувствам.

АНРИ БАРБЮС

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 64. Рукописный подлинник.

№ 222
КИРШОН — СТАЛИНУ И КАГАНОВИЧУ О НЕВКЛЮЧЕНИИ ЕГО В СОСТАВ СЕКРЕТАРИАТА ССП

13 августа 1933 г.

Тов. СТАЛИНУ
Тов. КАГАНОВИЧУ

Дорогие товарищи!

На заседании фракции Оргкомитета в культпропе ЦК 8-го августа тов. Стецкий, информируя о совещании секретарей ЦК по литературным вопросам, сообщил о решении ввести меня в состав Секретариата. Сегодня вновь собрав фракцию, тов. Стецкий огласил новый состав, в который я не включен.

Тов. Стецкий на этом широком собрании коммунистов-писателей не объяснил причин моего исключения, а так как из всех ранее намеченных товарищей выведен я один, предо мной стал вопрос, не является ли это выражением недоверия по отношению ко мне.

Самое тяжелое для меня было бы лишиться доверия ЦК. Может быть, я допустил в своей работе такие ошибки, которые мешают относиться ко мне с прежним доверием. Я очень прошу Вас указать мне на эти ошибки, чтоб я мог их исправить.

С коммунистическим приветом

В. КИРШОН

Москва, 13 августа 1933 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 26. Машинописная копия. Подпись — автограф.

№ 223

ОТВЕТ СТАЛИНА И КАГАНОВИЧА — КИРШОНУ

13 августа 1933 г.

Т. Киршону

Откуда Вы взяли вопрос о доверии? Нельзя же всех членов Оргкомитета ввести в секретариат, а если они не введены, то, значит, ЦК им не доверяет. Вас не ввели потому, что надо Вам дать больше возможностей заниматься творческой работой, что для нас не менее (а более) важно. Прошу верить, что ЦК доволен Вашей работой и доверяет Вам.

И. СТАЛИН

Л. КАГАНОВИЧ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 27. Машинописный подлинник. Резолюция Сталина — автограф, под ним подпись Кагановича. Есть подчеркивания.

№ 224

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО «О ПЕЧАТИ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ О ПОДЖОГЕ РЕЙХСТАГА»

13 сентября 1933 г.

Проект

1. Газеты должны широко использовать материалы «Коричневой книги», материалы международной следственной комиссии (Ромен Роллан, Брантинг и др.), а также данные, появляющиеся в прессе за границей и разоблачающие как фашистскую инсценировку пожара рейхстага, так и фашистскую инсценировку суда над Торглером и болгарскими коммунистами.

При этом «Известия» не печатают материалов в той части, в какой они касаются лично членов германского правительства.

Печать должна разоблачать фашистский суд (*зачеркнуто*: «как инсценировку»), а обвинение против коммунистов как провокационный поклеп фашистов с целью подорвать растущий авторитет германской компартии среди трудящихся и рост ее активности в борьбе с фашизмом.

2. Утвердить комиссию по руководству печатью в составе: тт. Стецкого (*дописано*: «предс.»), Пятницкого, Литвинова, Долецкого, Мехлиса и Гронского (*последние две фамилии дописаны Кагановичем*).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 990. Л. 208. Машинописный подлинник.

Записка подготовлена Стецким. Кагановичем оставлен лишь второй пункт постановления, перенумерованный на первый. Решение принято 13 сентября.

23 сентября Политбюро решило выразить протест немецкому правительству по поводу запрета на освещение процесса советскими корреспондентами и факта их ареста и обыска. Политбюро выдвинуло ультиматум: «не останемся в долгу и вышлем немецких корреспондентов и отзовем своих». Затем конфликт будет улажен, а 25 октября Политбюро сочтет «целесообразной остановку т. Литвинова в Берлине», и «если пожелает Гитлер», то его встречу с Литвиновым (см.: Адибеков Г. М. и др. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП (б) и Европа. М., 2001. С. 293—295).

№ 225
О ТРАГЕДИИ БИЛЛЬ-БЕЛОЦЕРКОВСКОГО «НА ГРЕБНЕ ЖИЗНИ»

4 ноября 1933 г. (не позднее)

Билль-Белоцерковский считает, что его «трагедия является новым словом в советской драматургии».

Это утверждение т. Билль-Белоцерковского является самохвальством. Никакого «нового слова» его сочинение не представляет. Пьеса слабая как со стороны тех изобразительных средств, которыми автор пользуется, так и со стороны сюжета.

Сюжет таков. Коммунист Никитин, бывший грузчик, снят с поста за скверную постройку образцового поселка вследствие того, что не сумел из-за своего слабого развития доглядеть за вредителями. Он тяжело переживает свое наказание, пробует учиться, но спивается. Его тесть Чадов, старый профессор, выдвигает идею отепления холодных местностей путем использования для этих целей теплых морских течений; вследствие волнений старика разбивает паралич. Товарищ Никитин-Окунев, тоже бывший грузчик, а потом красный профессор, изображен как некий сверх-коммунист, парт. Мефистофель, для которого человеческая личность сама по себе не имеет никакой ценности, если, с его точки зрения, эта личность не приносит или не сможет принести какую-либо пользу. В прошлом он убил человека из сострадания к его страданиям (неизлечимая рана); он подталкивает старика Чадова на научное выступление, не считаясь с тем, что волнение может убить старика (так и вышло). Жена Никитина — Галина увлекается Окуневым и хочет уйти от мужа. Но этого не хочет Окунев, не желая расстраивать жизнь товарища. Никитин стреляется, не столько от ревности, сколько от злоупотребления алкоголем.

Вся эта претендующая на «проблемность» пьеса разыгрывается между пятью лицами. «Действие» с успехом может проходить в одной комнате. Язык персонажей бледен, бескрасочен, столкновения их носят сугубо личный характер, хотя автору хотелось показать коллизию общественного с личным, причем общественное побеждает хотя бы и ценой двух жизней. Но показ не удался, впечатление получается очень тусклое, вряд ли зритель, уходя со спектакля, задумается над «идейностью» пьесы, скорее всего запомнится старая как мир канва: муж — слабый, пьяница; жена — вопреки воли автора, весьма пустая: «верю в то, что будет. С меня

этого хватит. Пусть ломают головы профессора», и потому не удивительно, что с первой встречи она влюбляется в Окунева. Друг — герой, коммунистический сверхчеловек, ясно с самого начала, что за «ним» «она» и пойдет. В конце концов, все воспримется как обычная любовная драма интеллигентов (из рабочих, по автору, но, кроме утверждения автора, этого ниоткуда больше не видать).

Пьеса ничему не учит. Написать ее не стоило особых усилий для человека, владеющего пером. Потуги на «проблемность» оказались не реализованными ни в действии, ни в слове. Если бы термин «коммунист» не употреблялся на каждой странице, то пьесу вполне можно было бы отнести на век назад и назвать так, как такие пьесы назывались: «Мещанская драма».

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 711. Л. 74—75. Машинописный подлинник. Последний и два первых абзаца подчеркнуты рукой неизвестного.

Отзыв является ответом (внутренней рецензией) на посланную Билль-Белоцерковским на имя Сталина трагедию в четырех действиях «На гребне жизни». В письме на имя вождя автор «очень хотел бы иметь» суждение о ней Сталина, «так как пьеса эта — трагедия, является новым словом в советской драматургии. Наряду с этим просил бы уделить мне время, чтобы поговорить с вами по волнующим меня вопросам» (там же, л. 73).

№ 226
КИРШОН — СТАЛИНУ О СВОЕЙ НОВОЙ ПЬЕСЕ. ОТВЕТ СТАЛИНА

КИРШОН — СТАЛИНУ

3 декабря 1933 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Посылаю Вам новую пьесу[1].

Я ставил своей задачей дать веселую, бодрую, оптимистическую комедию, в которой борьба за наше мироощущение проводилась бы при помощи юмора, шутки. Нашу молодежь подчас упрекают в сухости, рационалистичности и т. п. Мне кажется, нужно было показать наших замечательных ребят, которые, отдавая себя целиком делу партии, работе, учебе, вместе с тем молоды, веселы, жизнерадостны, постоянно ощущают счастье жить в наше время и в нашей стране.

Очень прошу прочесть пьесу и дать мне указания.

С коммунистическим приветом

В. КИРШОН

Москва 3 декабря 1933 г.

СТАЛИН — КИРШОНУ

3 декабря 1933 (не ранее)

Т-щу Киршону

Читал Вашу пьесу без названия. Хорошая вещица. Пустите ее в ход.

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 28—29, 29 об. Машинописный текст. Подпись Киршона — автограф. Резолюция Сталина — автограф. Имеется пометка: «Поступило из НКВД 17/9-1938 г.».

[1] Согласно хронологии творчества Владимира Киршона речь, вероятно, идет о пьесе «Чудесный сплав», поставленной во МХАТе и других театрах страны в 1934 г. Пьеса рассказывает о «формировании морального облика советской молодежи» (Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. Стб. 544).

№ 227
КРЕСТИНСКИЙ — СТАЛИНУ О ПОХОРОНАХ ЛУНАЧАРСКОГО

31 декабря 1933 г. (не позднее)

Срочно
5051
Генеральному Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину
Копии: т.т. Молотову, Кагановичу

Уважаемый товарищ!

Утром 1-го января в Москву прибывает тело Луначарского[1]. Необходимо срочно организовать Правительственную комиссию по похоронам, которая приступила бы к организационным шагам. Ввиду категорического отказа т.т. Енукидзе и Литвинова взять на себя председательство в этой комиссии, я, по соглашению с ними, предлагаю организовать комиссию в составе: Киселева (председатель), Бубнова, Крестинского, Булганина, Волгина и Петерсона.

Так как, несмотря на два наших телеграфных указания, кремация тела не была произведена и прибывает гроб с телом, встает вопрос: направить ли гроб прямо с вокзала в крематорию и затем выставить в одном из зал только урну (так мы поступили с телом тов. Свидерского) или выставить для прощания тело и кремацию произвести лишь накануне самих похорон.

Проще было бы направить гроб прямо в крематорий, но вероятно против этого будет возражать очень решительно семья, сумевшая настоять на том, чтобы в Москву было доставлено тело, и имевшая, очевидно, в виду возможность представить многочисленным друзьям Луначарского проститься с его телом.

Далее надо решить вопрос, в каком зале выставить гроб или урну, в Доме Союзов или в зале ЦИКСа (бывш. ГУМ). Наконец, нужно решение ПБ о том, что урна должна быть установлена в Кремлевской стене.

Поезд прибывает утром в 9 часов, и на вокзале можно устроить торжественные встречи с участием большинства членов ЦИК (заседание сессии начинается лишь в 11 часов).

Похороны можно будет отсрочить на 2—3 дня и назначить их на следующий за окончанием сессии день[2].

Так как по прибытии урны, если мы хотим обеспечить многолюдность встречи, нужно напечатать в завтрашних газетах, прошу утвердить комиссию по похоронам и дать ей необходимые директивы сегодня же, приняв решение путем опроса[3].

С тов. приветом.

Замнаркома КРЕСТИНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 999. Л. 4—5. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] В 1933 г. Луначарский был назначен полпредом СССР в Испании, но по дороге на место новой службы он тяжело заболел. Лечился в Париже, скончался 26 декабря

1933 г. в Ментоне на юге Франции. ЦК ВКП(б) «с прискорбием» извещал о смерти «старого, заслуженного революционера-большевика, одного из видных строителей социалистической культуры» (см.: Елкин А. Луначарский. М., 1967. С. 295).

[2] Речь идет о сессии ЦИК. Луначарский сообщал Кагановичу в 1933 г.: «Как вы знаете, я не переизбран в ЦИК. Причины для меня неясны. Мне обещали разъяснить их. Я не знаю степени значения моего партийного веса, который проявляется в этом факте. Я очень прошу временно освободить меня от полит. поручений по путевкам МК, в том числе от выступления 23 в (*нрзб.* МХТ?), Моя партийная совесть чиста. Я надеюсь, что буду реабилитирован, но до тех пор, будучи в неясном положении, я чувствую себя парализованным, я не могу говорить. С тов. приветом А. Луначарский. 20/3 Прошу вас, дорогой товарищ, дать соотв. распоряжение в список докладчиков» (РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 254. Л. 151).

[3] Резолюция Сталина: «Придется выставить тело в Доме Союзов, а урну замуров[ать] в Кремл[евской] стене. И. Сталин». Результаты голосования: «За» — Молотов, Каганович, Калинин (автографы). Остальные — опросом.

№ 228
КИРШОН — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

2 января 1934 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Пьеса пущена в ход; она уже репетируется в Художественном театре.

Я хочу немедленно приступить к работе над антияпонским военным фильмом, по Вашему указанию. В связи с этой работой передо мной возник ряд важнейших вопросов, по которым я прошу Вас дать мне установки.

Очень прошу Вас принять меня[1].

С коммунистическим приветом

В. КИРШОН

Москва, 2 января 1934 года

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 30. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] Резолюция Сталина: «Пока не могу принять, — занят. И. Ст.». Пометка: «Сообщено Киршону. П.».

№ 229
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ ПО ПОВОДУ ПУБЛИКАЦИИ ОЧЕРЕДНОГО ФЕЛЬЕТОНА

13 января 1934 г.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ
МОСКВА КРЕМЛЬ
Января 13 дня 1934 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович,

уделите, прошу Вас, две минуты внимания прилагаемой при сем балладе. Осоавиахим получает то, чего до сих пор не имел: героическую агитку. В «ПРАВДЕ» она валяется пятый день. Тов. Эйдеман, крайне заинтересованный в ее публикации, сообщил мне сегодня, что мало надежды на появление баллады в «ПРАВДЕ»; т. Мехлис разъяснил Эйдеману, что перед съездом у него такая загрузка газеты, что для литературы нет места[1].

Баллада, как мне кажется, одна из наилучших моих боевых агиток. По Мехлису, это — литература. Теперь мне понятно, почему моя работа в «ПРАВДЕ» никак не налаживается, и у меня уже опускаются руки.

Заодно я прилагаю свою агитпоэму «ВКЛАД», пристроенную мною в «Экон[омической] жизни»[2]. Достаточно Вам пробежать в ней только одну часть — «Образцовая семья», чтобы убедиться, какой первосортный — и с художественной, и с агитационной стороны — материал пущен мной в оборот для того, чтобы агитация по наитруднейшему вопросу дошла до широкого читателя. Тему о вкладах я перевел на тему о доверии. Громаднейший охват темы. Работа стоила мне и громаднейшего напряжения. Но я ее и не показывал Мехлису. Дело безнадежное. Как такое положение импульсирует мою работу, можете себе представить[3].

Искренний привет!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 92. Машинописный подлинник на бланке Демьяна Бедного. Подпись — автограф. Есть подчеркивания.

[1] XVII съезд ВКП(б) открылся 26 января 1934 г. в Большом Кремлевском дворце. Завершил свою работу 10 февраля.

[2] Экономическая жизнь. 1934. 2 янв. С. 3—4. На двух полосах газеты были опубликованы главы поэмы: «Вступление», «Образцовая семья», «Кулацкие песни», «Борцы за финплан», «Ай да бабка», «У окошка» и «Под стать эпохе». Последняя часть поэмы посвящена честным работникам советских сберегательных касс.

[3] Результатом этого письма к Сталину была публикация стихотворения «Осо-Богатырь. Баллада» в «Правде» через три дня, 16 января 1934 г.

№ 230
ПИЛЬНЯК — СТАЛИНУ (СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО О ПОСЫЛКЕ СТАТЬИ ИСТМЕНА И ПИСЬМА ФРИМЕНА)

20 февраля 1934 г.

BORIS PILNYAK
Москва 40
2-ая ул. Ямского Поля,1/2,21
20 февр. [1]934

Дорогой и глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

В этом же конверте я направляю Вам статью Макса Истмена обо мне, письмо ко мне Джо Фримена[1] и мой ответ Истмену и Фримену. Поскольку в истменовской статье и в моем ответе говорится о Вас, я находил нужным послать Вам всю эту переписку.

Глубокоуважающий Вас

БОРИС ПИЛЬНЯК

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 56. Машинописный подлинник на бланке Пильняка. Подпись — автограф. Пометка рукой Сталина: «В архив. И. Ст.».

[1] Дж. Фримен (Joseph Freeman) был членом редколлегии журнала «Вестник иностранной литературы» — органа Международного бюро революционной литературы. Выходил в Москве в 1928—1930 гг.

№ 231
ПИЛЬНЯК – ДЖО ФРИМЕНУ О СТАТЬЕ ИСТМЕНА

20 февраля 1934 г.

Джо, дорогой друг! – приветы, братство, рукопожатия!

Получил твою очередную посылку книг и газет, спасибо. И узнал, в частности, что я, оказывается, – «проданный» и «покупаемый»! – Я говорю об истменовских «реляциях»: в истерику от них я не впал.

Истмен пишет:

«Факты, переданные мною, были мне сообщены двумя друзьями Пильняка... Оба этих человека находятся в положении, позволяющем им знать эти факты лучше, чем Фриман», предположим, что и так, – тем не менее, надо полагать, что я знаю факты лучше всех вас троих. Я не знаю, что ты писал обо мне последнее время, – но «друзья» Истмена, которых, по всей вероятности, нет вообще, льют на меня, как на мертвого, хотя я жив, здоров и благодушен. Свидетельствую это обстоятельство.

Дорогой друг, разреши напомнить тебе несколько истин. Первая: самый большой «осел» – это факт, – факты упрямее басенных ослов. Вторая: человек, даже очень хорошего воспитания, сидящий под столом, когда вся остальная компания сидит вокруг стола, видит вещи иначе, чем человек за столом, – много иначе. Вторая истина решающе относится к Истмену. Двадцать седьмая какая-нибудь истина гласит о том, что с людьми из-под стола разговаривать нечего, они люди, а не собаки, зубами за ногу укусить не могут. Тридцатая истина рассказывает, что ссылки на «друзей» в просторечии называются сплетнями, родящими склоки у тех, кто такой аргументацией пользуется. Что касается меня, то я (цитирую цитированное Истменом), «не имея свободного времени для того, чтобы полемизировать с эмигрантами», – в данном случае с эмигрантами от революции, – я б оставил истменовские реляции на месте их возникновения под столом.

Стало быть, если я пишу сейчас об Истмене, то это никак не для него[1]. И (цитирую цитированное Истменом) – «я считаю необходимым остановить внимание читателей, которые уважают судьбы Советского Союза», – ну, хотя бы на том, что только что цитированное было написано мною как раз в разгар истории «Красного дерева», когда и в дни «Красного дерева» я заботился о судьбах Советского Союза – по силам моим и умению советского писателя.

Истмен начал свою реляцию по-американски – с денег. Истмен установил, что мой «доход исчисляется тридцатью тысячами рублей», что я считаюсь одним из самых богатых людей в Союзе». Истмену надо это денежное исчисление не только для американского «стиля», но и для утверждения «истины», что я – и «покупаемый» по моей природе, и купленный по моему советскому положению. Но Истмен рассказывает и следующее, разговор (не только не сплетенный, но просто выдуманный, то есть чистейшее вранье) – разговор мой с редактором «Известий» И. М. Гронским[2]. «Богатейший» Пильняк... робко заговорил о визе.

«Конечно, конечно, – сказал Гронский, – только я не знаю, как ты устроишься с деньгами за границей. Мы (то есть большевики, что ли?) не можем дать тебе валюту!»[3]

(По каким навыкам, в скобках сказать, Истмен полагает, что люди, ездящие по заграницам, должны получать деньги от правительств?!)

«Богатейший» Пильняк не имел денег. Нно... по информации Истмена:

«...здесь эта грустная история озаряется появлением доброй феи... только божественное (?!) американское (!) провидение (!!)... может объяснить прибытие в Москву в этот момент Рей Лонга...[4] Деньги на поездку Пильняка появились, как манна с небес — аванс (американский!) за повесть о Волге»...

«Богатейший» Пильняк на американские деньги поехал в Америку.

«...его чествовали на большом банкете американских деятелей искусств и литературы, ознаменовавшемся обменом комплиментов между Драйзером и Синклером Льюисом... он встретил Ирвинга Тальберга, ожидающего его с пятисотдолларовым жалованием в неделю... собственный автомобиль»...

Одним словом — американский рай, автомобиль и Льюис. Пятьсот долларов в неделю — это двадцать шесть тысяч долларов в год, — это не тридцать тысяч советских рублей, имеющих хождение только в Союзе, — это пятьдесят две тысячи золотых рублей, — американский «бог», доллары, которые по всему миру!..

Пильняк, как доказал Истмен, продаваем и покупаем. Пильняк у себя на родине поставлен «на колени». Гронский устраивал.

«визу для поездки заграницу, где он (Пильняк) оказался бы временно вдали от зубов «советской общественности» и имел бы возможность вести спокойное существование».

Пильняк — продаваем и покупаем. В Америке он «покупался» дороже, чем в СССР. В Америке Пильняку был рай — и Синклер, и обеды, и автомобиль.

И тем не менее, по информации того-ж Истмена (в данном случае правильной), Пильняк, вернувшись в СССР, —

«написал обвинительный акт против американского капитализма, под заглавием О-кэй».

Джо, дорогой друг, дело, оказывается, не в покупной способности рубля! — измерение морали советских писателей монетами с морали советских писателей надо скинуть, оставив ее на совести Истмена. За годы революции я раз двадцать переезжал советскую границу — до «Красного Дерева» и после него: казалось бы, чего ж проще поступить так же, как поступали некие мерзавцы и предатели (и отечества, и революции), — чего проще было б остаться заграницей с автомобилем, обедами и Истменом?!

Я не делал и не сделаю этого потому, что (цитирую цитированное Истменом, написанное мною в дневнике от 23-его года, коего «искренность вряд ли можно оспаривать», по Истменовским комментариям)—

«я признаю, что коммунистическая власть в России предопределена... историческими судьбами России, и, поскольку я хочу следовать этим русским историческим судьбам, я иду вместе с коммунистами».

Эта истина, коей «искренность вряд ли можно оспаривать» даже Истмену, высказанная мною одиннадцать лет тому назад, обязательна для меня и сегодня. В этом — всё, — и судьба «Красного дерева», — и судьба Истмена, в частности. Только что цитированное было высказано одиннадцать лет тому назад. Многие из тех, для кого эта истина тогда была обязательна, ныне оказались под столом. Что касается меня, для меня эта истина росла и прояснялась: теперешние судьбы СССР — это судьба всех народов; судьба коммунизма — это

судьба не только Советского Союза, но – социалистического союза Земного Шара; из советского писателя-попутчика я стал писателем-коммунистом, пусть без партбилета, – и этим – и этими одиннадцатью годами, в частности, когда я, попутчик, складывался в коммуниста – я имею основание лишь гордиться.

У Истмена я узнал, что ежечасно и ежемесячно я «каюсь», «верноподданничаю» и «стою на коленях», – когда? Где? в каком воспаленном мозгу?! Что за клевета?! – или, быть-может, Истмен считает «покаяниями» все мои последние работы, потому что они стали партийнее, чем прежние мои писания? – в таком случае это дело его совести. Он некогда был коммунистом – и перестал быть им. Я некогда был попутчиком – и стал коммунистом. Это дело совести Истмена – считать покаянием то, чему он некогда верил и что он предал. Что касается меня, я никогда не изменял «историческим судьбам». И каяться мне не в чем.

Когда я говорил об «осле» фактов, я подразумевал факт, что первая пятилетка – построена, вторая пятилетка строится, что единственная социалистическая страна на земле – Советский Союз. Это не образы, но – простые факты.

А вот реляции Истмена – не факты, и даже не образы, но – сплетня и ложь, с одной стороны, и домыслы сидящего под столом – с другой. Все разговоры о Гронском, приведенные Истменом, – ложь. Все разговоры Гронского со мной тем самым – «бренной мысли раздраженье» человека из-под стола. Проиллюстрирую самим же Истменом.

В дни «Красного дерева», в «покаянном» моем письме, когда я был и «классовый враг», и «окончательно порвал с социальной революцией» в августе 29-го года, цитированный Истменом, я писал:

«Красное дерево» окончено 15 января 29-го года. 14 февраля я начал писать повесть (теперь я ее заканчиваю), в которую переработанными входят отдельные главы «Красного дерева».

Повесть, о которой идет речь, – «Волга впадает в Каспийское море». Вчерне она была закончена 29-го мая 29-го года, до краснодеревых событий. Но на другой странице Истмен пишет:

«...Пильняк, находясь в крайней нужде (после «бури» «Красного дерева»), пришел к редактору «Известий» Гронскому, прося его заступиться за него перед властями... Гронский рассказал Пильняку историю с профессором Полетикой и советовал ему наново написать «Красное дерево».

В каком месте Истмен врет?

Шумиха, созданная вокруг моего имени «Красным деревом», никакими историческими масштабами, к слову, не обладающая, сделана была РАППовцами, и сделана была неумно. РАПП, по информации Истмена, – «чудовищное детище сталинизма», – оказывается «орудием Сталина в области прессы». Имею сообщить, как это, конечно, знает Истмен, о чем он молчит, что РАПП был распущен – постановлением ЦК ВКП(б): по всем вероятиям, не без участия Иосифа Виссарионовича Сталина.

Революции не делаются в бальных перчатках. Революция класса пролетариев – никак не вегетарианское занятие. Революции побеждают тогда, когда классы, делающие ее, дисциплинированны. В окопах, под пулями противника, митинговать утомительно и бесцельно. Для человека, который принял полностью революцию, дисциплина – естественный элемент революции. Для

человека, который принял революцию «постольку-поскольку», и дисциплина нужна, «постольку» она не мешает их «поскольку». Человек, если он проснулся, стал с утра на голову и не заметил этого, — этому человеку будет казаться, что всё вверх ногами, всё, кроме него самого, — это относится и к людям, засевшим под стол истории. Рассказ Истмена о судьбе «Красного дерева» — это и есть «бренной мысли раздраженье» человека перспектив из-под стола, который не замечает, что не вещи вокруг него и человеческие подошвы начинаются снизу вверх, но он сам их видит вверх ногами. Такие люди — иль дураки, иль мерзавцы. Их надо — иль презирать, иль жалеть. К породе Истмена, то есть к троцкистам, принадлежал в качестве одного из «столпов» Х. Г. Раковский: сегодня, когда я пишу это письмо, в наших газетах напечатана телеграмма Раковского, где он считает

«революционным долгом коммуниста-большевика прекратить полностью и безоговорочно идейную и организационную борьбу против руководства и генеральной линии, установленных партией на ее последних съездах, и подчиниться ее решениям и ее дисциплине».

Повторю еще раз цитированное Истменом, написанное мною в дни «погрома» (Истмен) «Красного дерева»:

«Я хочу и буду работать только для советской литературы, так как такова позиция всякого честного писателя и человека», — по Истмену это называется «покаянием»!

И тем не менее: единственная советская страна — СССР, вождь СССР — Иосиф Виссарионович Сталин. Факты.

Крепко жму твою руку, друг Джо!

БОРИС ПИЛЬНЯК

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 57—59. Машинописный подлинник на бланке Пильняка. Подпись — автограф.

[1] См. комментарий к документу № 90.

[2] В два часа дня 20 февраля 1934 г. (в день, когда было написано письмо Пильняка) в Кремле, в «зале заседаний ЦК» открылось заседание Политбюро. Сталин лично поднял вопрос о редакторе газеты «Известия ЦИК». Решение: освободить Ивана Гронского от должности ответственного редактора «Известий» с оставлением его редактором «Нового мира». «б) Утвердить т. Бухарина Н. И. ответственным редактором «Известий ЦИК» с освобождением его от исполняемой им в настоящее время работы в Наркомтяжпроме». Сталин дописал место работы Бухарина и дважды вставил слово «ответственный» в его новую должность (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1012. Л. 8).

[3] «The humiliation of Boris Pilnyak» by Max Eastman // The Modern Monthly. February 1934. P. 42—47. В письме от 31 января 1934 г. Пильняку Джозеф Фримен сообщал, что Голливуд очень изменился, но ряд людей там спрашивали о Пильняке, его там помнили. Фримен характеризует Истмена как литературного агента Троцкого в США. Фримен уже отвечал Истмену в газете «Дейли уоркер», считая его «профессиональным антисоветским пропагандистом». Предлагал Пильняку написать ответ для «New Masses».

[4] Между Максимом Горьким и Реем Лонгом (изд. Рей Лонг и Ричард Р. Смит, Инк. Нью-Йорк) был заключен договор для издания книги под названием «Правда о СССР», авторизированной и снабженной введением Сталина, отредактированной и собранной Максимом Горьким. По требованию Сталина и согласно решению Политбюро Горький расторгнет контракт с издательством «Рей Лонг» и вернет Лонгу чек на 2500 долларов (см.: Спиридонова Л. М. Горький: диалог с историей. М., 1994. С. 248—249).

№ 232
ПАНФЕРОВ — СТАЛИНУ О ПОЛЕМИКЕ С ГОРЬКИМ

22 февраля 1934 г.

Тов. Сталин!

По Вашему совету (помните на юбилее Горького?) я стряхнулся от всех излишних литературных дел, уехал в ЦЧО и год не вылезал из комнаты, писал третью книгу «Брусков». Лето же целиком потратил на поездки. Был на Челябинском тракторном, на Уралмаше, в Средней Волге, Горьковском Крае и т. д. Я собирал материал для окончания «Брусков» и для нового романа. Так, памятуя Ваши слова, думал работать и дальше, ибо, как утверждали Вы, мы, писатели, должны главным образом писать книги. Но последнее событие окончательно выбило меня из колеи[1].

Я, кажется, использовал все, что можно, чтоб не ссориться с А. М. Горьким: писал ему письма, пробовал с ним говорить, печатал о нем статьи, искренне восхищаясь его творчеством. Однако из этого ничего не вышло: стоило мне где-либо выступить, как Горький начинал меня прорабатывать.

Совсем недавно общественными организациями был проведен диспут о «Брусках»[2]. Меня на этом диспуте основательно критиковали. Потом выступил я и поставил вопрос о языке революции. Смысл моего выступления заключался в следующем: я указал на то, что во Франции до революции было два языка — язык господствующей знати и язык народа. Между этими языками существовала пропасть, язык народа считался «вульгарным» языком и не допускался в верха. Даже Вольтер, выступая против Шекспира, доказывал, что язык его героев шокирует знать и т. д. Потом, после революции, язык народа ворвался в верха и занял господствующее положение. Такое же почти положение было и у нас до революции, примером чего можно судить нападки Тургенева на Лескова, нападки на язык Некрасова и т. д., а во время революции в жизнь ворвался язык революции, который складывался и складывается из языка рабочих, крестьян — язычка образного и их доподлинных революционных вождей. Этот язык, очищаясь от наносов, воспринимая все ценное от языка классиков прошлого, станет впоследствии сам культурным языком. И если ты будешь писать о колхозниках, используя только язык классиков, то вряд ли что толковое напишешь, поэтому надо во что бы то ни стало изучать язык революции, язык народа. Но это абсолютно не значит, что язык классиков надо выбросить за борт.

Вопрос, как будто, бесспорный. Но и тут Горький выступил против меня, свел большой вопрос к мелочам, к отдельным словечкам. Мало этого, Алексей Максимович почему-то начал намеренно коверкать меня, выставляя на посмешище. Например, в своей статье пишет: «Панферов утверждает: я пишу языком миллионов». Никогда и нигде ничего подобного я не говорил, ибо я не нахал и не зазнайка. У меня на первой странице третьей книги написано так: «Притопывая правой ногой, он скакал на левой, не сгибая ее, точно она была костяная». Горький почему-то взял такую выдержку: «Притопывая ногой, точно она была костяная». И издевается надо мной. Ряд подобных же штукенций очень напоминают мне «работку» Авербаха.

Все это, конечно, мелочи, но за этими мелочами скрывается большое дело.

Горький, например, в своей статье пишет:

«Разрешите напомнить вам, что мужицкая сила — сила социально нездоровая... сила эта есть в основе своей не что иное, как инстинкт классовый, инстинкт мелкого собственника, выражаемый, как мы знаем, в формах зоологического озверения»[3].

Вот и весь крестьянин у Горького.

Мне кажется, тут у Горького сказалось его прежнее утверждение, высказанное им в брошюре о Ленине: «Я не верю в разум масс, в разум крестьянства в особенности», что тут сказалась «новожизненская» точка зрения и с этих позиций он подходит к роману «Бруски» и поэтому не случайно пишет в своем открытом письме Серафимовичу:

— Я решительно возражаю против утверждения, что молодежь может чему-то научиться у Панферова, литератора, который плохо знает литературный язык и ВООБЩЕ ПИШЕТ НЕПРОДУМАННО, НЕБРЕЖНО».

Я, конечно, вовсе не считаю свое произведение шедевром и никому не навязываюсь учиться у меня. Наоборот, на каждом диспуте я жестоко критикую себя и дерусь, когда начинают намеренно искажать меня, особенно по идеологической линии. Я вовсе не боюсь критики, наоборот, я всякий раз написанное мною показываю товарищам, прошу их жестоко критиковать написанное, внимательно прислушиваюсь к ним и нередко беру свои вещи обратно из печати. Эту мою черту прекрасно знают работники «Правды», мои сотоварищи по перу, да и это можно проследить и по тому, как я всякий раз перерабатываю «Бруски» при переизданиях (посмотрите первую книгу двадцатого издания, там и начало-то написано заново).

Дело не в этом. Дело в том, что Горький окончательно выкидывает «Бруски» из литературы.

Трудность моя заключается в том, что Алексей Максимович — гигант в литературе и поэтому спорить с ним нелегко. Трудность моя заключается в том, что Алексей Максимович заслуженно является нашим международным капиталом и выступать против него, компрометировать его было бы величайшее преступление. Но в то же время я знаю, что Авербах руками Горького хочет переломить мне хребет.

Хребет, слава богу, у меня крепкий, тертый и битый не раз. И если Алексей Максимович в своем раздражении предлагает мне (особенно в своем личном письме ко мне) громко хлопнуть дверью и покинуть литературный мир, то из этого ничего не выйдет: я не уйду, ибо у меня есть еще силы и есть куда расти.

Но за последнее время упорно распространяются слухи, что статьи Горького согласованы с вами, тов. Сталин, что вы будто бы сказали, что статьи Горького правильны, и этим самым, дескать, подтвердили, что «Бруски» — произведение никуда не годное.

Вот если это правда, то тут мне могут переломить хребет, да переломят еще с треском, с издевкой, с улюлюканьем. Если это правда... Я вот даже не знаю, как вам сказать, что со мной будет: Вы для меня, как для всей нашей партии, являетесь величайшим авторитетом, человеком кристальной чистоты, и сказанное вами является для меня неопровержимой истиной. Вот и затрещит хребет, ибо с трудом, потраченным в течение десяти лет на «Бруски», расстаться весьма нелегко.

Я несколько раз просился к вам на прием. Вам было не до меня. Теперь дело приняло очень крутой оборот и я прошу вас или ответить на письмо, или принять меня.

Привет!

Ф. ПАНФЕРОВ

25/2-34 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 9—13. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Есть подчеркивания рукой неизвестного. Резолюция Сталина: «Пустое... Мой архив. И. Ст.». Пометка рукой неизвестного: «От т. Панферова».

[1] 14 февраля 1934 г. в «Литературной газете» было опубликовано «Открытое письмо А. С. Серафимовичу» Горького. Оно было ответом на статью Серафимовича «О писателях облизанных и необлизанных», в которой он высоко отзывался о творчестве Панферова.

[2] В статье «По поводу одной дискуссии» (Литературная газета. 1934. 28 янв.) Горький цитировал сообщение «Вечерней Москвы» от 19 января о том, что закончилась организованная ГИХЛ дискуссия о «Брусках» (Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. С. 138).

[3] В этих словах — полемика с мнением Серафимовича о Панферове: «Сидит в нем мужицкая сила, и не вырвешь из его сознания. Ну, а если бы он задумал сделать свою вещь «облизанной», ничего не вышло бы, она потеряла бы свою силу, этакую корявую, здоровую, мужичью» (см.: Горький М. Открытое письмо А. С. Серафимовичу // Там же. С. 148). Панферов произвольно купирует мысль Горького. Вместо отточия следуют слова: «и что культурно-политическая, талантливо последовательная работа партии Ленина — Сталина направлена именно к тому, чтоб вытравить из сознания мужика эту его хвалимую Вами «силу», ибо...» (далее по тексту).

№ 233
КИРШОН — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

19 марта 1934 г.

Дорогой товарищ Сталин!

В связи с рядом возникших у меня вопросов во время работы над военной фильмой[1], которую я делаю по Вашему указанию, прошу Вас принять меня.

С коммунистическим приветом

В. КИРШОН

19 марта 1934 г.

Москва

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 31. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Резолюция Сталина: «Некогда. И. Ст.».

[1] Возможно, речь идет о сценарии по пьесе «Большой день». Ср. фрагмент из письма Киршона Сталину от 28 марта 1935 г.: «По Вашему указанию я работаю над «Фантастическими» произведениями (пьеса и сценарий) о будущей войне. Произведения эти должны быть, как Вы сказали, «полезны для нас и поучительны для противника» (см.: «Я оказался политическим слепцом» // Письма В. М. Киршона И. В. Сталину / Публ. Анатолия Чернева // Источник. 2000. № 1. С. 80—81). Киршон входил в группу особо доверенных литераторов, которые допускались к работе над кинофильмами в соответствии

с постановлением Оргбюро ЦК от 7 мая 1932 г. (фактически принятому в развитие исторического апрельского постановления о перестройке литературно-художественных организаций). Киршон возглавлял список авторов по «международной теме»: 1. Киршон. 2. Афиногенов. 3. Бела Иллеш. 4. Бруно Ясенский. 5. Матэ Залка (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 296. Л. 5—6). В 1933 г. вместе с Вс. Пудовкиным в качестве режиссера Киршон был заявлен автором сценария безымянной «оборонной картины» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 364. Л. 47—49).

№ 234
СООБЩЕНИЕ ТАСС ИЗ ЛОНДОНА О СТАТЬЕ КАКАБАДЗЕ В АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЕ «САНДИ ЭКСПРЕСС»

7 апреля 1934 г.

АЯ. 631. Лондон 7/4 (ТАСС). «Сандей Экспресс» опубликовала первую из обещанной серии статей Какабадзе. Статья посвящена главным образом «описанию жизни» Сталина, его «грубому обращению с подчиненными» и «оргиям» в его «личных имениях» в Зубаловке (12.500 гектаров) под Москвой и на «Красных Горках» в Грузии», «где одно время жил Ленин в период своей болезни». Какабадзе приписывает себе сейчас новые должности, а именно «начальника большевистских сил, выступавших на Петроград против Юденича, член ЦИК Грузии, глава Госплана Грузии».

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1540. Л. 33. Машинописный текст.

[1] Статья в «Санди экспресс» будет опубликована на следующий день, 8 апреля (April 8, 1934. Sunday Express «Stalin The Terrible. One of Moscow's Inner Ring Rebels and Speaks». Page 1 Kyryll Kakabadze). По-видимому, лондонское отделение ТАСС составило сообщение на основании предварительной информации. На сообщении стоит штамп: «Задержано — в печать не дано».

№ 235
СПРАВКА ОГПУ О КИРИЛЛЕ КАКАБАДЗЕ

8 апреля 1934 г.

Совершенно секретно

СПРАВКА

КАКАБАДЗЕ Кирилл Дмитриевич, 50 лет, грузин. Происходит из купеческой семьи. До Октябрьской революции занимался торговлей в г. Кони.

После октябрьской революции, в 1917 г., вступил в ком[мунистическую] партию, занимал ряд ответственных должностей в кооперации и в Цекавшири[1], в качестве зам. пред. Правления и в Зак[авказском] союзе в должности пред[седателя] правления, причем в 1925, 1927 и 1929 гг. ездил заграницу на международные кооперативные съезды. Затем КАКАБАДЗЕ был председателем с.х. банка и в последнее время — председателем Госплана и зам. пред. СНК Грузии.

В 1931 г. КАКАБАДЗЕ выехал заграницу в качестве председателя Всесоюзного объединения «Рудоэкспорт» в Германии и там занимал пост директора «Марганэкспорта»[2].

В 1932 г. КАКАБАДЗЕ обвинил главн. директора «Марганэкспорта» РОЗОВА и пред. Правления «Рудоэкспорта» САЛТАНОВА в заключении убыточных договоров. Это дело в ноябре пр. г. разбиралось ЦКК – РКИ. Партколлегия ЦКК – РКИ объявила РОЗОВУ и САЛТАНОВУ выговор, после чего РОЗОВ был вызван из Берлина и назначен на работу в Правление «Марганэкспорт», КАКАБАДЗЕ же выехал на работу в Берлин.

Летом 1933 года КАКАБАДЗЕ объявил себя невозвращенцем, бросив работу – «Марганэкспорт» и не явившись для сдачи дел.

До последнего времени КАКАБАДЗЕ нигде не служил, проживая на накопленные им сбережения.

В Берлине КАКАБАДЗЕ связан с быв. сотрудницей «Марганэкспорта» немкой Эльзой ДИКАУ, близко стоящей к наци, и студентом – грузином меньшевиком ТОДРИА Романом.

24.X-33 г. КАКАБАДЗЕ против т[оргпредст]ва в Берлине возбудил судебный процесс, вчинил иск в 5.000 марок.

На судебном процессе КАКАБАДЗЕ выступил с политической декларацией, указав, что он считает себя не гражданином СССР, а гражданином «свободной национальной Грузии», порабощенной Советами[3].

Решением суда в иске к Торгпредству было отказано.

КАКАБАДЗЕ хорошо знаком с марганцевой промышленностью Союза, с методами нашей внешней торговли и, главным образом, нуждами Союза в импорте.

Верно:

В. ГЕРСОН

8.4.34

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1540. Л. 34—35. Машинописный подлинник. Подпись и пометка Герсона — автографы. Имеется пометка: «т. Поскребышеву. По распоряжению т. Ягоды посылаю. Герсон».

[1] Цекавшири — Центральный союз потребительской кооперации Грузии.

[2] «Рудоэкспорт» организован приказом Наркомтяжпрома 6 февраля 1930 г. 20 февраля для него определена номенклатура экспорта, в которую вошел апатит. 10 февраля «Рудоэкспорт» принимает от Промэкспорта дело реализации апатита за границей. 24 марта «Марганэкспорт» (Берлин) — в письме «Рудоэкспорту» сообщает: «В общем, необходимо констатировать необычайный интерес, проявляемый фосфатной и химической промышленностью к нашим апатитам. В частности, 21-го сего месяца пароход «Андрэ Марти» посетили в полном составе дирекции объединений германской фосфатной промышленности и ряда химических заводов. Вся прибывшая публика живо интересовалась качеством, условиями и возможностью вывоза наших фосфатов».

[3] А. А. Широпаев в статье «Голос Русской Правды. По страницам журнала «Нация» и газеты «Фашист» (Наш марш. 1993. № 4) напоминает: «Со страниц газеты «Фашист» кричат заголовки: «Голод в России. Нашествие голодающих в Москву» (1933. № 1); «На Кубани мрут от голода»; «Голод — сознательное дело; цель — заморить голодом непокорных» — слова невозвращенца Кирилла Какабадзе; «...помощи нет ниоткуда, да, верно, и не будет» — из письма с Северного Кавказа (1934. № 11)». Газета «Фашист» выходила в США как «руководящий орган Всероссийской национал-революционной трудовой и рабоче-крестьянской партии фашистов», возглавлявшейся А. Вонсяцким.

№ 236
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ СПРАВКА ОГПУ О КАКАБАДЗЕ

9 апреля 1934 г.

Совершенно секретно

СПРАВКА

(в дополнение к справке, представленной сегодня же)

Летом 1933 года заведующий кадрами Берлинского торгпредства МИНКИН предложил КАКАБАДЗЕ использовать очередной отпуск в СССР. На это предложение КАКАБАДЗЕ ответил рядом контрреволюционных и антисоветских заявлений. Материал по этому вопросу был переслан парторганизацией Берлинского торгпредства в ЦКК.

23-го сентября 1933 КАКАБАДЗЕ заявил, что в Советский Союз он никогда не поедет и что у него имеются документы, характеризующие мошенническую деятельность торгпредства, которые дадут ему возможность устроиться на работу у Круппа.

В связи с отказом вернуться в Союз и угрозами КАКАБАДЗЕ заняться разоблачениями — 23-го сентября из Берлина в Москву выехал для доклада в ЦК представитель ЦКК тов. КАРПОВ.

КАКАБАДЗЕ выехал на работу в Берлинское торгпредство в июле 1931 года по путевке ЦК ВКП(б) в НКВТ за № 899 от 16 июня 1931 г.

8 апреля 1934

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1540. Л. 36. Машинописный текст. Имеется пометка: «Тов. Поскребышеву. По распоряжению тов. Ягоды — посылаю. В. Герсон. 9.4-34 г.».

№ 237
ДОЛЕЦКИЙ — СТАЛИНУ О СТАТЬЕ НЕВОЗВРАЩЕНЦА КАКАБАДЗЕ В АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЕ

9 апреля 1934 г.

Ответственный руководитель
Телеграфного Агентства
Союза
Советских Социалистических Республик
ТАСС
Секретно
Тов. Сталину

В связи с опубликованием в «Сандей Экспресс» сообщения о статьях Какабадзе с антисоветскими разоблачениями и с помещением в этой газете первой его статьи, необходимо «решить» вопрос, как нам реагировать на новую антисоветскую кампанию.

Тов. Литвинов предлагает дать заграницу опровержение ТАСС, в котором указать имеющиеся у нас данные о Какабадзе как мелком торговом служащем, невозвращенце, и опровергнуть его заявления о том, что он был членом

Ленинградского комитета партии, членом ЦИКа Грузии, комиссаром, и т[аким] о[бразом] опорочить тем самым его статьи как клеветнические.

Мне кажется это нецелесообразным. Гораздо эффектнее будет, выждав получения в Москве газеты с первой статьей[1], в фельетонах в «Правде» и «Известиях», резко ударить по «Сандей Экспрессу», прибегающей в борьбе с влиянием СССР к опубликованию статей проходимца и жулика Какабадзе. Официальное опровержение ТАСС может привлечь еще большее внимание к антисоветским статьям, которые будут перепечатываться иностранной печатью именно вследствие того, что мы создадим большой авторитет их автору своим официальным опровержением.

Прошу дать директиву по этому вопросу.

Я. ДОЛЕЦКИЙ

Отп. 2 экз.
1 – адресату.
1 – в дело СЧ.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1540. Л. 51. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Пометка (возможно, Сталина или Поскребышева): «Напечатать при составлении повестки».

[1] 13 апреля 1934 г. Долецкий пересылает Поскребышеву вырезки со статьями Какабадзе из «Санди экспресс» и перевод на русский язык статьи «Сталин Грозный», опубликованной с подзаголовком «Бунт и разоблачение представителя Московской «руководящей головки». В статье, в частности, говорилось, что Сталин «живет как царь. Обходится в 300 тыс. фунтов стерлингов в год и в 1000 жизней в день». «Сталин же избрал для себя большие апартаменты, которые некогда занимал Иоанн Грозный». О его даче: «У него имеется поместье в 300 тыс. акров за Москвой, именуемое Зубаловкой. Оно отстоит от Кремля на расстоянии более часа езды. Переняв это поместье, он лишил всех крестьян их имущества и послал их на работу в город». «Человек с маленькими обезьяньими глазами». «Веселые вечера с молодыми женщинами. Прежде он вел разгульную жизнь. Он остепенился лишь за последние два или три года». «Его автомобилю предшествуют две большие машины, а следом едут две другие. Каждая из этих четырех машин вместо обычных фонарей имеет прожекторы, а автомобиль Сталина погружен в полную темноту» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1540. Л. 37).

№ 238
ШИФРОТЕЛЕГРАММА ПОЛПРЕДА СССР ИЗ ЛОНДОНА В АДРЕС НКИД (ЛИТВИНОВУ), СТАЛИНУ и др. О СТАТЬЕ НЕВОЗВРАЩЕНЦА КАКАБАДЗЕ В АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЕ

9 апреля 1934 г.

Шифротелеграмма из Лондона № 4363 от 9.4. 22 ч. 1934. Экз. № 9, 8

Вчерашние газеты Биверброка начали печатать серию антисоветских статей невозвращенца Какабадзе. Можете ли сообщить какие-либо данные, компрометирующие Какабадзе, и опровергнуть его утверждения о его прежней близости к нашему партруководству. Эти сведения мы постарались бы передать в прессу.

АСТАХОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1540. Л. 52. Входящая шифротелеграмма СШО НКИД. Имеется штамп «Текущее делопр. С-та ПБ 20.4. № 310-с».

Четырнадцать экземпляров этой телеграммы были разосланы Литвинову, Крестинскому, Карахану, Сокольникову, Стомонякову, Сталину (два экземпляра), Молотову, Ворошилову, Менжинскому, Рубинину, Уманскому и в дело.

№ 239

ШИФРОТЕЛЕГРАММА ПОЛПРЕДА СССР ИЗ ЛОНДОНА В АДРЕС НКИД (ЛИТВИНОВУ), СТАЛИНУ и др. О «БЕРЛИНСКОМ НЕВОЗВРАЩЕНЦЕ» КАКАБАДЗЕ

10 апреля 1934 г.

Шифротелеграмма из Лондона № 4421 от 10.4. 23.30 1934 г. Экз. № 9
Немедленно

Берлинский невозвращенец Какабадзе начал печатание в Бивербруковской «Сандей Экспресс» серию статей, посвященных СССР. Первая статья, озаглавленная «Сталин Грозный» полна гнуснейших клеветнических выпадов и обвинений лично против Сталина, по лживости и низости побивающая рекорд всего того, что до сих пор публиковалось другими невозвращенцами. Подлинник статьи послан вчера ТАСС воздушной почтой. Не считаете ли целесообразным сделать по этому поводу демарш перед Форейн Офис? В случае положительного ответа укажите также, какого рода должен быть демарш (в официальном или частном порядке) и кто персонально должен будет его сделать (я или Астахов). Срочите.

10.4.34 г.

Полпред

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1540. Л. 53. Входящая шифротелеграмма СШО НКИД. Имеется штамп «Текущее делопр. С-та ПБ 14.4.34 г.». На экземпляре стоит штамп: «Сталину».

№ 240

КОРРЕСПОНДЕНТ «ПРАВДЫ» В ГЕРМАНИИ ГОФМАН — В ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ «ПРАВДЫ» О ПЕРЕПЕЧАТКЕ СТАТЬИ КАКАБАДЗЕ В БЕРЛИНСКОЙ ГАЗЕТЕ

11 апреля 1934 г. (не позднее)

Телефонограмма из Берлина в ИНО
Для сведения редакции

Берлинская газета «*12 Ур блат*» перепечатывает из английских газет статьи Какабадзе, полные гнусных измышлений о тов. Сталине. До сих пор германская печать воздерживалась от публикации каких бы то ни было материалов, направленных лично против тов. Сталина, и не перепечатывала их из иностранных газет.

Для того, чтобы объяснить появление подобных материалов, газета делает следующее инспирированное вводное сообщение:

«Ошибка думать, что Сталин является верховным главой русского государства, держащим в руках всю власть. Как неоднократно подчеркивали русские учреждения в сношениях с заграницей, Сталин исключительно является лидером русской компартии. Его, следовательно, нельзя рассматривать как главу

Советского Союза, а исключительно как вождя компартии, как ответственного носителя разрушающей мир большевистской идеи».

При существующих в германской печати порядках, когда каждая газета получает совершенно точные инструкции от министерства пропаганды и министерства иностранных дел относительно публикуемых материалов, в особенности когда они касаются иностранных государств и их деятелей, перепечатка статей Какабадзе и вводное примечание к ним не является случайностью, а сознательным актом ответственных германских учреждений.

ГОФМАН

Приняла *Лазарис* 15.30.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1540. Л. 54. Машинописный подлинник. Пометка рукой Мехлиса: «Тов. Сталину 11/4-34. Л. Мехлис».

№ 241
СТАЛИН — БЕРИИ О «ГРУЗИНСКИХ КУТИЛАХ В МОСКВЕ»

14 апреля 1934 г.

Тифлис Закрайком Берия

Кроме арестованных в московских гостиницах грузинских кутил и безобразников арестована еще большая группа безобразников в Ленинграде. Разнузданность так называемых представителей грузинских хозорганизаций легла позором на Закавказских организациях. Обязываем вас принять срочные меры к ликвидации безобразий, если не хотите, чтобы Закорганизации попали под суд ЦК ВКП(б). О принятых мерах сообщите.

Секретарь ЦК

И. СТАЛИН

17 ч. 20 м.
14.4.34 г.

Верно*: Сухова.*

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 49. Л. 30. Машинописный текст.
Там же. Л. 31, 31 об. Рукописный подлинник.

Сохранилась краткая запись Сталина: «Бивербрук и Какабадзе. Отложить для меня. Ст.». В дело П35 6.36.

№ 242
КИРШОН — СТАЛИНУ И КАГАНОВИЧУ С ЖАЛОБОЙ НА ГАЗЕТНУЮ КРИТИКУ

15 июня 1934 г.

ЦК ВКП(б) т. Сталину
т. Кагановичу

Дорогие товарищи!

Я не люблю жаловаться, и поэтому, несмотря на создавшуюся невероятно тяжелую для меня обстановку скрытой и открытой травли, я не обращался к Вам.

Издевательства в «Литературном Ленинграде» от 8 июня и в «Комсомольской Правде» от 29 мая, в связи с напечатанием в № 4 «Театра и Драматургии» статьи о методах моей творческой работы, в конце концов тоже не новы для меня. К злобному вниманию и политике уколов со стороны некоторых людей и групп я привык (хотя, право, «Комсомольской Правде», например, не стоило так откликаться на пьесу о комсомоле и для комсомола).

Я пишу Вам это письмо в связи с появившейся сегодня, 15 июня, статьей о «Чудесном сплаве» в «Правде»[1]. В этой статье дается оценка спектакля в ТРАМе, и ни слова не упоминается о спектакле в МХАТе, что само по себе ошибочно, — нельзя проходить мимо постановки коммунистических пьес в лучшем театре СССР.

Оценка ЦО[2] партии имеет громадное значение для зрителя, театра и автора. В глазах зрителя она представляет линию партии.

Это прекрасно знает т. Мехлис и печатает рецензию, злостная несправедливость которой состоит в том, что из нее следует, будто вопреки автору, который «дальше сомнительных острот не пошел», театром создан спектакль. Рецензия даже кончается тем, что «проблема чудесного сплава разрешена на совместной работе постановщика с талантливым коллективом».

Автора, как видите, не существует. Это ли не издевка, понятная всем и каждому?

Тов. Мехлис издавна проводит политику преследования тех, кто не считает его достаточно компетентным руководителем литературы и не входит в группу, которую он собрал около себя. Но допустимо ли сводить счеты со страниц «Правды»? Думает ли т. Мехлис, сколько радости доставил он всем, кто ненавидит меня за то, что темы моих пьес — это партия и ее победы на разных участках?

Стыдно обращаться со всем этим в ЦК, но больше обратиться некуда, а состояние такое, что просто нет сил приниматься за следующую работу.

С коммунистическим приветом.

В. КИРШОН

15-VI.34 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 34. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Есть подчеркивания рукой неизвестного.

[1] Статья «Чудесный сплав» (Правда. 1934. 15 июня), опубликованная в разделе «Театр», была написана Д. Заславским. Последняя ее фраза звучала несколько по-иному: «Мхатовец Судаков нашел в коллективе Трама благодарный актерский материал, и на совместной работе талантливого постановщика с талантливым коллективом показана возможность разрешения этой проблемы чудесного сплава». За день до этого в программной статье в «Правде» «О литературных забавах» Максим Горький подверг едкой критике в том числе и бывших рапповцев, сказав, что «ничтожен был идеологический багаж прыгунов». Вполне вероятно, что бывший рапповский вождь Киршон связал две публикации воедино, испугался тенденции нового курса и обратился с жалобным письмом к вождю. В марте 1934 г. Киршон направил Сталину экземпляр пьесы «Чудесный сплав» с дарственной надписью: «Тов. Сталину — самому замечательному человеку нашей эпохи. В. Киршон. Март 1934» (книга из коллекции ГОПБ МК РФ).

[2] Обведено Сталиным и проставлен знак вопроса.

№ 243
СТАЛИН – МЕХЛИСУ И КАГАНОВИЧУ В СВЯЗИ С ПИСЬМОМ КИРШОНА

15 июня 1934 г. (не ранее)

Т.т. Мехлису и Кагановичу

У нас нет «ЦО партии»,– у нас имеется *«Орган ЦК»* «Правда». Это далеко не одно и то же.

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 34. Рукописный подлинник.

№ 244
БРУНО ЯСЕНСКИЙ – СТАЛИНУ О КРИТИКЕ РОМАНА «ЧЕЛОВЕК МЕНЯЕТ КОЖУ»

17 июня 1934 г.

Уважаемый товарищ Сталин!

На происходившем в прошлом месяце в гор. Сталинабаде съезде советских писателей Таджикистана с большой речью о литературе выступил секретарь ЦК КП(б) Тадж[икистана] тов. Бройдо. Часть своего выступления тов. Бройдо посвятил сокрушительной проработке моей и моего романа «Человек меняет кожу», квалифицируя мое произведение как колонизаторское, сиречь антисоветское, как откровенную апологию проституции, и т. д. и т. п. К сожалению, несмотря на все мои старания, я до сих пор никак не могу получить стенограммы речи т. Бройдо. Однако присутствовавшие на съезде писатели, члены возглавляемой мной таджикской бригады Всесоюзного оргкомитета ССП (в том числе т. Лахути) достаточно исчерпывающе передают содержание этого совершенно неожиданного для меня выступления. В литературных кругах Москвы циркулируют уже слухи, что главой партийной организации Таджикистана я обвинен всенародно в создании романа, клевещущего на советскую действительность этой республики, что т. Бройдо категорически запретил Таджиккино постановку фильма по моему роману, что я выгнан из Таджикистана, и т. Бройдо заявил публично якобы [что] больше меня туда не впустят. Подобные обвинения, выдвинутые против меня руководителем республиканской партийной организации, бросают на меня позорное пятно и как на коммуниста, и как на советского писателя. Ввиду специфики вопроса, касающегося политической оценки художественного произведения, я не передал этого дела в Комиссию партийного контроля и решил искать справедливой защиты у Вас – руководителя нашей партии и идейного руководителя всей нашей советской литературы.

Вы, конечно, не обязаны знать ни меня, ни моих произведений[1]. Поэтому вот самые краткие биографические данные:

Литературную деятельность я начал еще в Польше как революционный поэт. Эмигрировав во Францию, я опубликовал там на французском языке в 1929 г. роман «Я жгу Париж», призывавший рабочие массы на защиту СССР от империалистической интервенции. За опубликование этого романа я, как иностранец-коммунист, был арестован и выслан из Франции, несмотря на протест сорока видных левобуржуазных французских писателей.

На этом же основании я был приглашен в СССР, где работаю с тех пор. «Я жгу Париж» был переведен на ряд европейских и японский языки и создал мне литературное имя.

Приехав в СССР, я задал себе целью написать роман об одной из окраинных республик Союза, бывших колоний царизма, роман, который должен был являться художественным воплощением в конкретных образах ленинского тезиса о возможности перехода колониальных стран из феодального уклада в социалистический, минуя капиталистический этап развития. Политическое значение такого произведения не только у нас, но, в первую голову, за пределами СССР, где книги мои переводятся и издаются, — не требует комментариев. Я остановился на Таджикистане, как на республике в этом отношении наиболее характерной. Начиная с 1930 г., в течение четырех лет, я ездил каждый год в Таджикистан, собирал материал и изучал прошлое и настоящее этой республики[2].

В 1931 г. я организовал поездку в Таджикистан интернациональной бригады писателей. В бригаду входили немецкие, французские и американские литераторы. В результате этой поездки заграницей появился ряд книг, переведенных на многие языки и популяризовавших среди широких зарубежных читательских масс социалистическое строительство Таджикистана.

Достаточно вспомнить Э. Э. Киша «Азия основательно изменилась», П. Вайана-Кутюрье «В стране Тамерлана» и др. Возникновением этих книг Таджикистан в некоторой степени обязан мне (хотя я никогда не вменял себе этого в заслугу и считал это своей элементарной партийной обязанностью). Услугами, которые я отдал Таджикистану в деле популяризации его достижений за границей, объяснялось то исключительно хорошее отношение ко мне со стороны прежнего руководства Таджикистана, в лице т.т. Максума и Ходжибаева, которое, очевидно, мне не может простить т. Бройдо.

Сам я, изучая Таджикистан в течение трех лет, не напечатал о нем ни одной строчки, не чувствуя себя еще достаточно компетентным. Таким образом, роман «Человек меняет кожу» является результатом четырехлетней упорной творческой работы.

Роман после его появления был расценен советской печатью и общественностью как «явление большой художественной и политической значимости» (Н. К. Крупская). Ряд критических статей в нашей центральной печати отмечал, что роман справился в основном с задачей, которую перед собой ставил. В короткое время роман был распространен в массовых тиражах (около 200 000 экз.) среди читателей нашего Союза: приобрел очень значительную популярность. На последнем Пленуме Оргкомитета ССП он отмечался в основном докладе в числе пяти-шести лучших произведений литературы за последнее время. На десятках предприятий Москвы тысячи рабочих прорабатывают и обсуждают мою книгу. Со всех концов Союза я получаю на нее десятки и сотни положительных отзывов рабочих читателей. Роман переводится уже на ряд европейских языков. Искаженный его перевод, появившийся в Польше, встретил со стороны классового врага более чем лестную для меня оценку. Известный писатель, академик Ю. Каден-Бандровский, в официозе «Газета Польска» так формулирует тенденцию романа:

«Автор стремился показать, с каким жаром, упорством и самопожертвованием строят советские люди в Азии мир нового технического и социального

порядка... Как будто для того, чтобы подчеркнуть совершенство руководящей идеи, автор допускает у отдельных своих героев наличие изъянов, пороков и срывов. Изъяны эти, однако, абсолютно ничтожны по сравнению с идеологическим совершенством нового строя».

Я привожу этот отзыв матерого фашиста, как убедительный образец того, как расценивают идею моей книги на Западе даже представители классово-враждебного лагеря.

Я не считаю своего романа ни совершенным, ни безупречным. Указать мне его недостатки – задача нашей советской критики. Однако на голословные обвинения в контрреволюции я не могу реагировать самым решительным образом. Если бы меня на улице внезапно оплевал кто-нибудь из прохожих, я в праве так или иначе защищаться от этой напасти. Но когда с трибуны республиканского съезда оплевывает меня, злоупотребляя авторитетом партии, секретарь ЦК республиканской парторганизации, я не вижу иного способа законной самозащиты, как обращение к Вам. Я вынужден реагировать тем решительнее, что мнение секретаря ЦК КП(б)Тадж[икистана] о художественном произведении, посвященном Таджикистану, благодаря тому весу, который придает ему партийный пост, занимаемый т. Бройдо, – достаточно авторитетно, чтобы не только зачеркнуть одним махом всю мою упорную четырехлетнюю работу, но и чтобы покрыть меня трудно смываемым пятном позора перед всей советской и партийной общественностью. В самом деле, – скажет каждый – кто же компетентнее в оценке политических ошибок романа о Таджикистане, если не руководитель таджикистанской партийной организации?

В мое последнее пребывание в Таджикистане (месяца полтора тому назад, накануне съезда) я имел возможность лично беседовать с т. Бройдо о моем романе. Из беседы этой выяснилось, что т. Бройдо не читал моего романа, вернее, читал только часть. Ряд конкретных обвинений, выдвинутых в его выступлении на съезде, свидетельствуют о том, что и впоследствии т. Бройдо так и не удосужился прочесть мой роман. Уже один этот факт можно квалифицировать по меньшей мере как недобросовестность.

Из беседы с т. Бройдо я извлек следующие суммарные указания: 1) что в Таджикистане до приезда его, Бройдо, никакого строительства не было, была лишь сплошная цепь ошибок старого руководства, 2) что, описывая Таджикистан в добройдовский период, я был обязан сделать темой моего романа именно разоблачение этих ошибок старого руководства.

В устах партийного руководителя такое определение политической целеустремленности романа о Таджикистане до 1934 года мне показалось весьма странным и неубедительным. Странными показались мне и взгляды т. Бройдо на национальные формы таджикской культуры: зал заседаний ЦК и ряд предполагаемых новых зданий выполняются по заданию т. Бройдо в мусульманско-мечетском стиле (т. Бройдо даже предложил перевезти в ЦК двери из мечети в Гиссаре, покрытые, надо сказать, изречениями из Корана). Я не утаил скептического отношения к такому пониманию «национальной формы». С загибами такого рода я имел возможность встречаться уже раньше, в других нац. республиках, где давно уже вскрыта реакционная

сущность таких «поисков» национальной формы для нового социалистического содержания. Однако я не позволил себе открытой критики «культурных мероприятий» т. Бройдо, не желая ни в какой мере уронить его авторитет в глазах работников его аппарата.

Пороча меня на съезде советских писателей Таджикистана чудовищными по своей политической весомости обвинениями, убийственными для писателя-революционера и партийца, т. Бройдо не выступил отнюдь в роли литературного критика-любителя, которому свойственно ошибаться, но предавал меня анафеме, как руководитель партийной организации, каждое слово которого должно быть глубоко продумано и взвешено, т. к. оно подкрепляется авторитетом всей парторганизации республики.

Если роман мой — действительно колонизаторский роман, если единственным его содержанием является апология проституции, меня надо немедленно исключить из партии или (в случае смягчающих обстоятельств) указать мне, в чем проявилась классово-враждебная сущность моего произведения, дать мне возможность осознать свою ошибку, чтобы осудить ее публично и исправить на практике. Во всяком случае ясно, что мою книгу надо немедленно изъять из обращения и постараться воспрепятствовать ее переводам на иностранные языки. Надо немедленно прекратить ее проработку и обсуждение рабочими советских предприятий, ибо чем больше популярность классово-враждебного романа, тем больше вред, который он может принести.

Если же обвинения т. Бройдо не соответствуют действительности, если они ложны, голословны и продиктованы соображениями далеко не принципиального порядка, я, как коммунист-писатель, вправе требовать от моей партии, чтобы она реабилитировала меня и защитила от порочащих меня нападок, от которых сам я защититься не в состоянии[3].

Москва, 17 июня

БРУНО ЯСЕНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1030. Л. 61—66. Машинописный подлинник. Резолюция Сталина, подписи членов Политбюро и подпись Бруно Ясенского — автографы. Пометки рукой неизвестного: «От Бруно Ясенского». Зачеркнуто: «к совещ.»; «Изъято из дела: «Писатели — разные вопросы» (1927—1937 гг.) «папка 1».

[1] 10 февраля 1934 г. Бруно Ясенский сделал Сталину дарственную надпись на экземпляре книги «Человек меняет кожу» (Кн. 1. 2-е изд. М.: Советская литература, 1934): «Товарищу Сталину с большевистским приветом. Бруно Ясенский. Москва. 10.2.34» (книга из коллекции ГОПБ МК РФ).

[2] В 1930 г. Бруно Ясенский посетил республику в качестве члена правительственной комиссии по демаркации границы между Таджикистаном и Узбекистаном. В 1931 г. он руководил поездкой в республику группы иностранных писателей. См.: Kolesnikoff Nina. Bruno Jasienski. His Evolution from Futurism to Socialist Realism. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 1982. P. 97.

[3] О трагической судьбе Бруно Ясенского в советском «раю» см.: Jaworski Krzysztof. Bruno Jasienski w sowieckim wiezieniu: aresztowanie, wyrok, Smierc. Kielce: Wyzsza Szkola Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego, 1995.

№ 245
ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО «ОБ ИЗДАНИИ БИОГРАФИЙ ГЕРОЕВ ЭКСПЕДИЦИИ «ЧЕЛЮСКИН» С ПРАВКОЙ СТАЛИНА

22 июня 1934 г. (не позднее)

Проект

ОБ ИЗДАНИИ БИОГРАФИЙ ГЕРОЕВ ЭКСПЕДИЦИИ «ЧЕЛЮСКИН»
(*Сталин исправил название постановления*:
«Об издании книг о летчиках-героях и экспедиции «Челюскин»)

Для ознакомления широких масс трудящихся (*Сталин дописал*: «особенно молодежи») с героической работой по спасению челюскинцев (*Сталин дописывает*: «и выдающимися образцами организованности и дисциплины самих челюскинцев») создать книгу (*Сталин*: «две книги», «первую») о летчиках — героях Советского Союза и (*Сталин*: «вторую») о руководителях экспедиции «Челюскин» (*Сталин продолжает фразу*: «и самом коллективе челюскинцев»).

В этой книге летчики — герои и руководители экспедиции «Челюскин» должны рассказать основные моменты и наиболее важные события своей жизни, учебы и работы, особенно полно и подробно освещая всю свою работу по спасению челюскинцев.

В эту последнюю часть должны войти следующие основные моменты.

1. Организация экспедиции (*Сталин зачеркнул*: «как и откуда отправились в Арктику»).

2. *Было*: «Какими техническими средствами располагал летчик (самолет, приборы и пр.)». *Стало*: «технические средства летчиков».

3. Организация снабжения.

4. Приспособления для полетов в трудных арктических условиях.

5. *Было*: «Предварительное ознакомление с условиями и маршрутом полета (прежний опыт, консультация и пр.). *Стало*: «условия и маршрут полета».

6. Детальное (*зачеркнуто*) описание полета к исходному пункту спасательных работ (Ванкарем, мыс Уэллен).

7. Полеты в лагерь (пребывание в Ванкареме и Уэллене).

8. Полеты в лагерь Шмидта и спасательные работы.

9. Возвращение.

10. Выводы и уроки[1].

2

Издание книг — сборников поручить редакции «Правда», возложив на т.т. Мехлиса и Рабичева организацию стенографических записей рассказов и их литературную обработку.

Общую редакцию возложить на тов. Шмидта О. Ю. (*дописано*: «с заменой т. Баевским»).

Книги — сборники издать к 1 августа 1934 года.

Книги — сборники снабдить портретами и снимками наиболее важных моментов челюскинской и спасательной эпопей.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1028. Л. 77—82. Машинописный подлинник. Правка — автограф Сталина.

[1] В окончательном тексте постановления Сталин переписал пункт десятый. Вместо «Выводы и уроки» стало: «10. Все, что найдут нужным сообщить, кроме всего сказанного, сами авторы. 11. Выводы и уроки».

№ 246
КАМЕНЕВ — СТАЛИНУ О ТЕМАТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ACADEMIA»

29 июня 1934 г.

Издательство «Academia»
Москва 28, Большой Вузовский переулок, 1. Тел 4-80-22
Ленинград 134, Проспект 25 октября, 28. «Дом Книги». Тел. 1-32-44
Тов. Сталину
Копии: тов. Кагановичу
тов. Жданову
тов. Стецкому

Дорогой товарищ Сталин,

Отдел культуры и пропаганды ленинизма прислал мне список книг, которые он предлагает снять с трехлетнего плана издательства «Academia». Список обнимает около 100 книг. Он разослан также секретарям ЦК. Считаю поэтому своей обязанностью как заведующий издательством обратиться к Вам со следующей просьбой.

Список этот кажется мне слишком большим; в него попало некоторое количество неплохих книг, уже законченных печатанием; наконец, несколько книг я хотел бы попытаться отстоять по существу их содержания, напр. книгу Славутинского «Генерал Измайлов и его время»*, представляющую одно из лучших описаний крепостного права в России, или сборник революционной поэзии Германии и Франции эпохи революций 30-ого и 48-ого годов. Прошу поэтому поручить Отделу Культуры пересмотреть разосланный список совместно со мной или назначить для пересмотра списка комиссию, которая выслушала бы мои доводы.

Зав. издательством Л. КАМЕНЕВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1030. Л. 19. Машинописный подлинник на бланке издательства. Подписи Каменева и резолюции Сталина и др. — автографы.

Сталин: «За. И. Ст». За решение Политбюро от 5 июля проголосовали: Молотов, Каганович, Жданов, Орджоникидзе, Куйбышев. Первоначально проект резолюции предлагал «поручить отделу культуры и пропаганды ленинизма пересмотреть разосланный список». Окончательный вариант предусматривает проделать это «совместно с т. Каменевым». 3 мая 1932 г. Каменев был назначен зав. издательством «Академия» по совместительству с работой в Главконцесскоме (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 294. Л. 195).

* Правильно: «Генерал Измайлов и его дворня».

№ 247
БУХАРИН — СТАЛИНУ ОБ АКАДЕМИИ НАУК, НАСЛЕДСТВЕ «ПРАВДЫ» И «ДЕЛЕ» МАНДЕЛЬШТАМА

Июнь 1934 г.

[Без даты]

Дорогой Коба,

На дня четыре-пять я уезжаю в Ленинград, так как должен засесть за бешеную подготовку к съезду писателей, а здесь мне работать не дают: нужно скрыться (адрес: Акад[емия] Наук, кв. 30). В связи с сим я решил тебе написать о нескольких вопросах:

1) Об Академии Наук. Положение становится окончательно нетерпимым. Я получил письмо от секретаря партколлектива т. Кошелева (очень хороший парень, бывший рабочий, прекрасно разбирающийся). Это — сдержанный вопль. Письмо прилагаю. Если бы ты приказал — как ты это умеешь, — все бы завертелось. В добавление скажу еще только, что за 1934 г. Ак[адемия] Н[аук] не получила никакой иностр[анной] литературы — вот тут и следи за наукой!

2) О наследстве «Правды» (типографском). Было решено, что значительная часть этого наследства перейдет нам. На посл[еднем] заседании Оргбюро была выбрана комиссия, которая подвергает пересмотру этот тезис, и мы можем очутиться буквально на мели. Я прошу твоего указания моему другу Стецкому, чтоб нас не обижали. Иначе мы будем далеко выброшены назад. Нам действительно нужно старое оборудование «Правды» и корпуса.

3) О поэте Мандельштаме. Он был недавно арестован и выслан. До ареста он приходил со своей женой ко мне и высказывал свои опасения на сей предмет в связи с тем, что он подрался (!) с А[лексеем] Толстым, которому нанес «символический удар» за то, что тот несправедливо якобы решил его дело, когда другой писатель побил его жену. Я говорил с Аграновым, но он мне ничего конкретного не сказал. Теперь я получаю отчаянные телеграммы от жены М[андельштама], что он психически расстроен, пытался выброситься из окна и т. д. Моя оценка О. Мандельштама: он — первоклассный поэт, но абсолютно несовременен; он — безусловно не совсем нормален; он чувствует себя затравленным и т. д. Т. к. ко мне все время апеллируют, а я не знаю, что он и в чем он «наблудил», то я решил тебе написать и об этом. Прости за длинное письмо. Привет.

Твой НИКОЛАЙ

P. S. О Мандельштаме пишу еще раз (на об[ороте]), потому что Борис Пастернак в полном умопомрачении от ареста М[андельштам]а и никто ничего не знает.

Резолюция Сталина: «Кто дал им право арестовать Мандельштама? Безобразие...»

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 709. Л. 167, 167 об. Рукописный подлинник на типографском бланке ответственного редактора газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» Н. И. Бухарина. Резолюция Сталина — автограф. Пункт третий письма

отмечен красным карандашом. Подчеркивания в тексте — Бухарина. На л. 167 об. пометка рукой неизвестного о том, что документ поступил в июне 1934 г.

Опубликовано: Вопросы литературы. 2003. Июль — август. С. 239—240.

№ 248
БРОЙДО — СТАЛИНУ ПО ПОВОДУ ЗАЯВЛЕНИЯ БРУНО ЯСЕНСКОГО

2 июля 1934 г.

т. Сталину
по поводу заявления т. Бруно Ясенского

Продумав свое выступление на съезде писателей Таджикистана в части, посвященной критике романа т. Бруно Ясенского, я пришел к выводу, что оно было ошибочным.

1. В моей критике были непропорционально освещены положительные и отрицательные стороны книги. Одно дело, когда я изложил т. Ясенскому в беседе с ним недочеты, имеющиеся в его книге, другое дело, когда я повторил их же на съезде без достаточного анализа всей работы в целом. Это не могло привести к односторонней и излишне заостренной критике одних только недочетов.

2. В критике своей я не учел того обстоятельства, что до сих пор нашим литераторам не удавалось охватить в своих работах о социалистическом переустройстве быв. царских колоний все своеобразие конкретно-исторической обстановки, классовых отношений, быта и т. д.

Тем большей заслугой т. Бруно Ясенского явилось (и это следовало особо отметить), что он добросовестно принялся за выполнение этой трудной задачи, имеющей для нашего Союза огромное политическое значение.

3. Безусловно ошибочной с моей стороны является недооценка того значения, какое имеет критика советского литературного произведения, данная руководителем партийной организации, в особенности той республики, края, которому эта книга посвящена.

В то же время я должен указать, что никакого предубеждения против т. Бруно Ясенского и его работы у меня не было и нет, и категорически отвергаю передаваемое со слухов сообщение, будто я квалифицировал роман как контрреволюционный или как апологетику проституции.

Бригаду оргкомитета, в частности т. Бруно Ясенского, я встретил очень радушно, уделял им и их работе большое внимание: непосредственно сам заботился об их бытовом устройстве, совместно с ними прорабатывал порядок дня съезда, тезисы докладов, кандидатуры докладчиков, план работы бригады, совместно обсудили задачи Оргком. Таджикистана; я сделал бригаде подробное сообщение о состоянии Таджикистана, о новых задачах, в частности, на литфронте и т. д.

В одной из моих бесед с т. Бруно Ясенским на его вопрос о его работе я указал ему на недочеты его книги.

Эти же замечания я привел на съезде писателей. Они сводились в основном к следующему:

1. Вахш в романе строят русские и американцы. Таджикских трудящихся почти не видно. Не видно в книге и того Таджикистана, для которого строится Вахш, отношение к нему дехканских масс.

2. Отношение к таджикским трудящимся у ряда персонажей отрицательное. Один из русских рабочих говорит, что их на аркане надо тащить к работе. Об единственном таджике-инженере на протяжении романа создается впечатление у читателей как о вредителе.

3. Отношение к женщине. Выведено несколько русских женщин. Таджичка не показана. А русские женщины выявляют свое отрицательное, подчас даже физиологическое отвращение к таджику. Все выведенные женщины в половом отношении представляют гамму от крайнего легкомыслия до полного разложения (Немировская). И даже лучшую ударницу – работницу Дарью называют в общежитии «шлюхой». Такое отношение к русской трудящейся женщине питает нездоровые тенденции местного национализма.

4. Автор в одном месте сожалеет об уходящей Азии, об азиатском участке в Сталинабаде – ряд чайхан. Об этой уходящей Азии, говорил я, не следует печалиться, так как эти чайханы – это притоны и место переделки краденого в колхозах скота на шашлык и пирожки.

Делая эти замечания, я вместе с тем указал в своем выступлении, что в деле художественного отображения Таджикистана работа Бруно Ясенского является самой крупной и единственно заслуживающей внимания работой. Несколько раз, анализируя те или иные из указанных недочетов, я отмечал, что они отображают отношение к этим вопросам, господствовавшее в Таджикистане при старом руководстве.

Я оставляю без ответа обвинения меня в том, что я будто бы говорил, что до меня никакого строительства не было. В этом же своем выступлении на съезде я высмеивал тех работников, «для которых история республики и края начинается с их приезда». Также оставляю без ответа тем более смешное обвинение меня в мечето-мусульманизме.

Учитывая заявление т. Бруно Ясенского о том, что о моем выступлении на съезде писателей циркулируют в литкругах всяческого рода кривотолки, я считаю необходимым и готов сделать соответствующее выступление в печати и тем ликвидировать всякие попытки недобросовестного использования моего выступления.

БРОЙДО

2/7-34

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1030. Л. 67—69. Машинописный подлинник.

Это развернутое объяснительное заявление Г. И. Бройдо послал на имя Сталина. На машинописи пометка «Читал Каганович» и подпись Молотова.

№ 249
СТАЛИН О ПОЛЕМИКЕ БРОЙДО И БРУНО ЯСЕНСКОГО

8 июля 1934 г. (не позднее)

За несправедливую и совершенно недопустимую выходку т. Бройдо в отношении т. Бруно Ясенского сделать ему (т. Бройдо) предупреждение и обязать его исправить допущенную ошибку, сделав соответствующее заявление в печати[1].

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1030. Л. 61. Рукописный подлинник.

[1] 8 июля формулировка Сталина была принята как решение Политбюро. Выписка послана Бруно Ясенскому. За предложение Сталина проголосовали: Молотов, Каганович, Косиор, Постышев, Орджоникидзе, Ворошилов, Микоян. Пометка неизвестного: «Оф. Вып. Бройдо».

№ 250
БУХАРИН — СТАЛИНУ О ДОКЛАДЕ НА ПИСАТЕЛЬСКОМ СЪЕЗДЕ

Июль — август 1934 г.

Тов. Сталину

Дорогой Коба,

посылаю тебе свой доклад на писательском съезде (вернее к пис. съезду). Я здесь, в Нальчике, его дописывал, предварительно убив время на чтение поэтов. Очень и очень тебя прошу, чтоб не вышло недоразумений, его прочесть. Я сделал его по-серьезному, и да не смутит тебя его первая часть (вернее, 2 первые главы), — потом будет веселее. Одновременно посылаю 2-й экз. своему другу Стецкому. И 3-й — Юдину. Жму руку. Здесь идут ливни все время, но публика работает день и ночь, сегодня сдают все колосовые (первые в Союзе), работают зверски — урожай прекрасный (поливка была изумительная) дадут по $1^1/_2$ п. на трудодень в среднем. Еще раз привет! Здорово дела идут в Европе.

Твой Н. БУХАРИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 709. Л. 169 об. Рукописный подлинник.

Изъято из дела «О Всесоюзном съезде писателей 1932/34 г.». Есть подчеркивания.

№ 251
ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКА ЩЕРБАКОВА

[31 августа — 10 октября 1934 г.]

31/VIII Только приступил к работе — звонок[1]. Кто у телефона? — А кто спрашивает? — А все-таки кто у телефона? — А все-таки кто спрашивает? — Далее в телефонную трубку слышу веселый голос, который, видимо, рядом сидящему говорит: «Не говорит и думает, какой это нахал так со мной дерзко разговаривает». По голосу, наконец, узнаю — со мной говорит Л[азарь] М[оисеевич Каганович]. Затем голос спрашивает: «Это ты, Щербаков?» — «Я, Л. М.». — «Значит, узнал меня?» — «Узнал». — «Ну, заходи сейчас ко мне».

Прихожу. Кроме Л. М. в кабинете А[ндрей] А[лександрович Жданов]. Что, разыграл я вас? — Ловко, говорю, разыграл.

«Вот какое дело: мы вам хотим поручить работу, крайне важную и трудную, вы, вероятно, обалдеете, когда я вам скажу, что это за работа. Мы перебрали десятки людей, прежде чем остановились на вашей кандидатуре».

В чем дело? — думаю. — Куда же я понадобился? Есть работа: Вост[очный] Казахстан, Свердловск, наконец, СНК[2] — но это работа такая, которая не требует такого многозначительного предисловия.

«Мы вас хотим послать секретарем Союза писателей». Тут действительно я обалдел. Несколько минут соображал, что это значит, а затем разразился кас-

кадом «против». Вызвали Стецкого. Сейчас же мне было предложено пойти на съезд, начать знакомиться с писательской публикой.

На съезде был полчаса. Ушел. Тошно. В $4^1/_2$ – только пришел в столовую, сообщают, «звонили из с[екретариа]та Молотова, вас вызывают». Поехал. Немедленно зовут на ПБ. Молотов спрашивает: «Хотите заниматься литературой?» «Я литературой занимаюсь как читатель», – отвечаю. «Нет, как один из руководителей». Очень горячо и взволнованно стал отказываться. Л. М. и А. А. выступили «за». Началась беседа – кто я, что я. Ну так как же, голосовать? Голосовать[3]. Судьба моя была решена. В тот же день вечером с А. А. поехали к Горькому. Ал. Мак. встретил хорошо, но настороженно. С прошлым руководством у него не выходило. Кстати, был крайне раздражен историей, когда задержали его статью в «Правде», полемикой с Варейкисом и пр.[4] Подавал в отставку. Уговорили. (*Зачеркнуто:* «Масло в огонь под...»)

1/IX Были у него с Ждан[овым] и Стецким вторично. Взбешен тем, что провалили Зазубрина и в «Октябре» напечатали выступление Варейкиса.

2/IX Состоялись выборы.

3/IX По приглашению А.М. был у него. Опять разговор о Зазубрине и немного о работе. Обедали. А. М. немного спокойнее, интересно и увлекательно рассказывал о ВИЭМе[5].

7/IX По приглашению А.М. был у него на даче. Поставил вопрос о реорганизации журналов, о редакциях. В Н[овом] М[ире] предложил назначить вместо Гронского Бухарина[6]. Я решил с ним быть прямым и откровенным. Я заявил: «Надо посоветоваться где следует. Бух[арин] слишком одиозная фигура». Мое возражение встретил спокойно. Остальные предложения его деловые – надо проводить. Ужинали. Горький по обыкновению рассказывал удивительно интересные вещи (о Гоголе, Мамине-Сибиряке).

1/X Уехал в Сочи.

4–5–6–7 Провел у Горького на даче в Крыму.

10/X–28/X Начал работать в Союзе. Хлынула лавина дел и людей. Больше всего обиженных, и обиженных из 10–7. Даже те, кто, казалось бы, удовлетворены полностью, и то чем-нибудь на кого-нибудь обижены. Были Вишневский, Городецкий, Бахметьев и др.[7] Провел ряд организационных совещаний – переводчиков, детских писателей, критиков. У детских писателей обстановка сложная. Идет драка между московской группой и ленинградской. Москвичи горят желанием свергнуть Маршака.

Настроения такие: нет руководства, нет линии. У критиков тоже дело крайне неважно. Единоначалие.

30/X Ездил на дачу к А[ндрею] А[лександровичу]. Сообщил о беседе, которая была среди членов ПБ с т. Ст[алиным][8]. Последний видит три недочета в проведении съезда: 1) Немарксистский доклад Горького (не только труд в истории развития языка и литературы играл роль надстройки, напр. вопросы (*нрзб.*) имели важное место). 2) Заключительное слово Бухарина – истерика. 3) Мало подчеркнуто, особенно у Горького, что решающий момент в успехах литературы – это ликвидация РАПП. У Горького проявляется «пролеткультовский» атавизм. Горький делает ошибки, крупнейшая из них – погром писателей-коммунистов. Не понимает, что тот факт, что попутчики пришли на позиции советской власти, в значительной мере явился результатом того, что коммунисты-писатели сумели их за собой повести и сами как художники стали

значительной силой. Речь Демьяна Бедного была хорошей. Спросил о тактике моей в отношении Г[орького]. Эта тактика сводится к следующему: «Не сдавать и твердо гнуть линию в вопросах принципиальных, в проведении указаний ЦК по любым вопросам. Уступать в мелочах, в частностях». Посоветовал: 1) Заявление Клюева о помиловании разослать секретарям ЦК[9]. 2) Помочь (крепко помочь) национальной литературе, особенно в тех областях и республиках, где плохо дело обстоит (решение ПБ). 3) Организовать критику, используя при этом общепартийные методы развития самокритики. Конкретно: критик должен строить свои выводы в отношении произведения, опираясь на мнение масс. 4) Одобрил действия в отношении создания Альманаха литературы народов СССР и истории литературы XIX и XX века.

«Увлечение Горького фольклором тоже неправильно. Буржуазной культурой надо овладеть и переработать ее». Стремление Горького стать литературным вождем, его «мужицкая» хитрость — тоже должны быть приняты во внимание»[10].

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1494. Л. 13 об. — 18 об. Рукописный подлинник.
Опубликовано: Вопросы литературы. 2003. Сентябрь — октябрь. С. 266—269.

[1] С апреля 1934 г. Александр Щербаков работал заместителем заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) — главного штаба по подбору, расстановке и снятию кадров в партийном аппарате. Это была своего рода партийная контрразведка.

[2] Работая в ОРПО ЦК, Щербаков как никто другой был осведомлен о большинстве вакансий на престижные номенклатурные должности.

[3] В официальных протоколах Политбюро за 31 августа пункт о назначении Щербакова отсутствует. Имя Алексея Стецкого фигурирует в вопросе о предоставлении ему отпуска. Некоторые решения по съезду Политбюро не протоколировало. Делалось это, по-видимому, в целях демонстрирования автономности писательского Союза. По этой же причине не обнаружено формального окончательного решения Политбюро об утверждении повестки дня съезда и списка докладчиков. По другим вопросам решения есть (резолюция по докладу Горького, состав правления и секретариата).

[4] Об угрозе отставки Горького см. письмо Жданова Сталину от 3 сентября 1934 г. По-видимому, речь идет о статье Горького «О литературных забавах», напечатанной в «Правде» 14 июня 1934 г., в которой в числе прочих критиковался Федор Панферов. Первый секретарь Воронежского обкома партии И. М. Варейкис (1894—1938) был близким другом Панферова. Поэтому закономерно, что в культуре литературных патронатов и салонов Варейкис выступил в защиту Панферова, а Горький в свою очередь обрушился на Варейкиса.

[5] Всесоюзный институт экспериментальной медицины при СНК СССР в Ленинграде, один из проектов, лоббируемых Максимом Горьким. 16 октября 1932 г. Политбюро постановило одобрить предложения Сталина, Молотова и Ворошилова об организации ВИЭМа (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 960. Л. 133). В 1934 г. институт переехал в Москву на улицу Обуха, дом 12. 19 июня 1936 г., сразу же после кончины Горького, директор ВИЭМ Л. Н. Федоров обращается к Молотову с просьбой присвоить институту имя Горького: «Исключительная роль в создании ВИЭМа и живой интерес, проявленный к нему Алексеем Максимовичем до последних дней его жизни, дают нам право горячо ходатайствовать об удовлетворении этой просьбы».

[6] Горький стремился к бюрократическим тождествам. Если главный редактор «Известий» Гронский был одновременно главным редактором журнала «Новый мир», издаваемого газетой, то его наследник по «Известиям» Бухарин должен был автоматически получить и руководство журналом.

[7] Драматург Всеволод Витальевич Вишневский (1900—1951) — член правления ССП, прозаик Владимир Бахметьев (1885—1963) — член президиума правления ССП и поэт Сергей Митрофанович Городецкий (1884—1967).

[8] Трудно проверить, идет ли речь о беседе со Сталиным, или эти инструкции были получены при помощи других средств правительственной связи. До 31 октября Сталин не принимал посетителей в своем кремлевском кабинете. Жданов в беседе с Щербаковым повторяет положения письма Сталина от 6 сентября; можно предположить, что Жданов шифровал способ получения информации даже от своего ближайшего подчиненного.

[9] Русский поэт Николай Александрович Клюев (1887—1937) был арестован в 1934 г. В апреле 1932 г. он, подобно Мандельштаму, вошел в негласный список особо ценных номенклатурных литераторов. Тот факт, что его заявление о помиловании предлагалось на рассмотрение Секретариата ЦК (как спустя несколько месяцев произойдет в случае с Павлом Васильевым), еще раз подтверждает существование механизма санкционирования арестов, осуждения и согласования амнистии для видных деятелей советской культуры. Этот механизм, как уже указывалось, был нарушен в случае с Осипом Мандельштамом.

[10] Еще в дни работы съезда, 28 августа, по телеграфному требованию Сталина Политбюро рассмотрело вопрос «О подготовке к Всесоюзному съезду писателей парторганизаций Башкирии, Бурятии <...>». В предложенном на утверждение решении говорилось: «ЦК ВКП(б) надеется, что в дальнейшей работе парторганизации Башкирии, Бурято-Монголии, Якутии и Немцев Поволжья исправят свои провалы». После правки Кагановича «надежда» стала императивным требованием: «ЦК ВКП(б) обязывает обкомы и СНК Башкирии <...> на деле исправить свои ошибки» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1037. Л. 58).

№ 252
ЖДАНОВ — СТАЛИНУ ОБ ИТОГАХ РАБОТЫ ПЕРВОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПО ДРУГИМ ВОПРОСАМ[1]

3 сентября 1934 г.

Дорогой тов. Сталин!

Дела со съездом Советских писателей закончили. Вчера очень единодушно избрали список Президиума и Секретариата правления[2]. Секретариат мы пополнили Лахути и Куликом. Щербакова приняли хорошо[3]. Юдина проводили равнодушно[4].

Горький вчера перед пленумом еще раз пытался покапризничать и навести критику на списки, не однажды с ним согласованные[5]. На этот раз он жаловался на отвод из списков правления во время съезда Зазубрина[6] и на то, что Каменев не вводится в Секретариат[7]. Не хотел ехать на пленум, председательствовать на Пленуме. По-человечески было его жалко, так как он очень устал, говорит о поездке в Крым на отдых. Пришлось нажать на него довольно круто, и пленум провели так, что старик восхищался единодушием в руководстве[8].

Съезд вышел хорош. Это общий отзыв всех писателей и наших, и иностранных, и те и другие в восторге от съезда.

Самые неисправимые скептики, пророчившие неудачу съезду, теперь вынуждены признать его колоссальный успех.

Писатель увидел отношение к себе партии и страны, съезд был поставлен под обстрел требований рабочих и колхозных делегаций, прекрасно выступавших на съезде. Писатель увидел рост нашей литературы и растущую зрелость

коллектива литераторов. Получилась такая обстановка на съезде, что мелкой мышиной возне группировок и рапповских настроений не осталось места на съезде. Съезд прошел мимо этого.

Предупреждение коммунистам, сделанное ЦК перед съездом, как бы их ни ругали за слабые выступления, коммунисты выполнили с честью. Удалось добиться того, что в течение ряда дней «оргвопросы» ушли на задний план, и все внимание было захвачено творческими и идейными вопросами. Были заседания, на которых не бывало перерывов и никто не уходил.

Больше всего шуму было вокруг доклада Бухарина[9], и особенно вокруг заключительного слова. В связи с тем, что поэты-коммунисты Демьян Бедный, Безыменский[10] и др. собрались критиковать его доклад, Бухарин в панике просил вмешаться и предотвратить политические нападки. Мы ему в этом деле пришли на помощь, собрав руководящих работников съезда и давши указания о том, чтобы тов. коммунисты не допускали в критике никаких политических обобщений против Бухарина[11]. Критика, однако, вышла довольно крепкой. В заключительном слове Бухарин расправлялся со своими противниками просто площадным образом[12]. Кроме этого, он представил дело так, что инстанция одобрила все положения его доклада вплоть до квалификаций отдельных поэтов, канонизации Маяковского и т. д., в то время как ему прямо указывалось, что в вопросе о квалификациях поэтического мастерства того или иного поэта он может выступать лишь от себя[13]. Формалист сказался в Бухарине и здесь. В заключительном слове он углубил формалистические ошибки, которые были сделаны в докладе. Кроме того, он свернул своих критиков в бараний рог. Я посылаю Вам неправленую стенограмму заключ[ительного] слова Бухарина, где подчеркнуты отдельные выпады, которые он не имел никакого права делать на съезде[14]. Поэтому мы обязали его сделать заявление на съезде и, кроме того, предложили переработать стенограмму, что им и было сделано[15].

Больше всего труда было с Горьким. В середине съезда он еще раз обратился с заявлением об отставке. Мне было поручено убедить его снять заявление, что я и сделал. Заявление о роли решения ЦК о РАПП, которое он сделал в заключительном слове, Горький сделал нехотя, устно, что он не больно согласен с этим решением, но надо – значит, надо[16]. Все время его подзуживали, по моему глубочайшему убеждению, ко всякого рода выступлениям, вроде отставок, собственных списков руководства и т. д. Все время он говорил о неспособности коммунистов-писателей руководить литературным движением, о неправильных отношениях к Авербаху и т. д. В конце съезда общий подъем захватил и его, сменяясь полосами упадка и скептицизма и стремлением уйти от «склочников» в литературную работу.

Дорогой тов. Сталин, извините, что Вам не писал. Съезд из меня всего душу вымотал, и всякую другую работу я забросил. Теперь, по-видимому, ясно, что дело вышло.

Тов. Сталин. Мы разработали проект структуры НКТорга и НКПищепрома и предложения по составу начальников Управлений, которые посылаю Вам, и просим Ваших указаний[17].

В Наркомторге создаются: Главное управление по продтоварам и Главное управление по промтоварам, к которым переходят функции по снабжению и торговле прод[овольственными] и промтоварами (планы снабжения, завоз, ре-

ализация, товароведение, ассортимент, качество). Создаются на правах управлений отделы регулирования цен, торговой сети, колхозной и базарной торговли[18] и отдел правил и норм торговли. В отношении этих отделов были споры: создать ли Главное управление организации торговой сети и Главное управление регулирования цен или отдел. В ходе обсуждения мы единодушно пришли к выводу о том, что лучше создать отделы на правах Главных управлений и выделить вопросы колхозной торговли и правил и норм торговли в самостоятельные отделы. Затем идет группа главков с предприятиями, подведомственными Наркомторгу, торговая инспекция и, наконец, функциональные отделы и сектора самого наркомата. Кроме того, мы передали НКТоргу из НКСнаба Союзплодовощ, т. е. все заготовки овощей. Что касается Наркомпищепрома, то здесь основным предметом спора были вопросы о передаче в ведение Наркомпищепрома ряда предприятий кондитерской, жировой, парфюмерной и пивоваренной промышленности, которые до сих пор находились в ведении на местах. Мы рассматривали этот вопрос вместе с москвичами и ленинградцами и разрешили его таким образом, что в подчинение НКСнаба передаются наиболее крупные предприятия кондитерской промышленности, Ленжет, ТЭЖЭ, 10 пивоваренных заводов и 20 мыловаренных заводов. Все остальные предприятия этих отраслей промышленности (а их подавляющее большинство: Брынзотрест плюс заводы Союзвинтреста, мелкие бойни) передаются в местную промышленность. Предложения Микояна об отборе в НКПищепром из Центросоюза чаеразвесочной промышленности и хлебопечения мы отклонили, отклонили также предложение Микояна о том, чтобы забрать кооперативную пивную промышленность у МСПО и ЛСПО. Нужно ли Вам прислать списки предприятий?[19] Ленинградцы и москвичи поставили вопрос о том, как быть с местным бюджетом в связи с переходом ряда предприятий в НКСнаб. Наше мнение: прибыли этого года от передаваемых предприятий Наркомпищепрома закрепить за местными бюджетами, а для 1935 года форму компенсации обсудить дополнительно в комиссии. Как Ваше мнение, т. Сталин?

Молотов, Каганович, Чубарь, Микоян сегодня уехали[20]. Остаемся Куйбышев, Андреев, я. Положение трудное и непривычное. Поэтому прошу Вашей помощи и указания, как вести дело. Сердечный привет Вам, т. Сталин.

3/IX 34.

А. ЖДАНОВ

Простите за длинное письмо, не умею.

P.S. Ванаг и Лукин конспекты по новой истории и истории СССР переделывают и на днях представят[21].

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 730. Л. 2—16. Рукописный подлинник. Есть подчеркивания.

Опубликовано: Вопросы литературы. 2003. Сентябрь — октябрь. С. 257—264.

[1] Неоконченный краткий черновик письма, предположительно написанный Ждановым 28 августа, с частичным совпадением нескольких сюжетов о работе первого съезда ССП опубликован в книге: Литературный фронт: История политической цензуры 1932—1946 гг.: Сб. документов / Сост. Д. Бабиченко. М., 1994. С. 12—14.

[2] Список правления Союза советских писателей и состав президиума до 29 августа 1934 года были посланы Сталину в Сочи, где он находился на отдыхе. Жданов и Кага-

нович указывали, что «список пока с Горьким не согласован. Горький выдвигает в состав Пленума и Президиума Каменева, в Пленум Авербаха». Пленумом тогда называли правление. Сталина просили сообщить мнение по этим и другим вопросам (см.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936. М., 2001. С. 462—464). 30 августа в ответной краткой телеграмме Сталин дал конкретные указания о персональном составе руководства ССП и отметил, что «Горький поступил нелояльно в отношении партии, замолчав в докладе решение ЦК о РАПП. Получился доклад не о советской литературе, а о чем-то другом» (там же, с. 466).

[3] 29 августа Жданов и Каганович предложили Сталину на выбор несколько кандидатур на пост секретаря правления ССП: Угарова, Позерна и Николая Попова. «Если эти кандидатуры нереальны, может быть, целесообразно выдвинуть Константина Сергеева из Сибири или Щербакова, зав. Отделом руководящих парторганов ЦК. Сергеева Вы хорошо знаете. Щербаков работник типа Сергеева, хороший организатор и культурный человек» (Сталин и Каганович. Переписка... С. 462). 30 августа Сталин ответил, что секретарем «можно наметить либо Угарова, либо Щербакова. Сергеева и Попова нельзя трогать» (там же, с. 465). Методом исключения и был «избран» Александр Сергеевич Щербаков (1901—1945). В сталинской иерархии он сделает блистательную карьеру. В момент смерти в мае 1945 г. он одновременно будет кандидатом в члены Политбюро ЦК, секретарем ЦК, секретарем Московского городского и областного комитетов партии, начальником Совинформбюро, начальником Главного политуправления Советской армии и генерал-полковником. Это исключительно успешная траектория жизненного пути для бывшего заведующего ОРПО ЦК (традиционной вотчины Николая Ежова) Щербакова — человека молодого, но слабого здоровьем.

[4] 31 августа Каганович и Жданов сообщили Сталину, что «Стецкий просит утвердить Юдина своим замом. Я и Жданов считаем это приемлемым». (Сталин и Каганович. Переписка... С. 468). Алексей Стецкий был заведующим отделом культуры и пропаганды ленинизма (так в начале 30-х годов назывался Агитпроп). В годы большой чистки работа в ЦК часто была расстрельной должностью. Таковой оказалась судьба Стецкого. Его заместителю Павлу Юдину, наоборот, повезло. Ровно через пятнадцать лет после его утверждения в должности заместителя Стецкого, 30 августа 1949 г., начальник внешнеполитической комиссии ЦК Григорьян предложит Сталину «в связи с 50-летием со дня рождения тов. Юдина П. Ф. и принимая во внимание его многолетнюю научную деятельность и работу в области журналистики, наградить члена-корреспондента АН СССР тов. Юдина Павла Федоровича орденом Ленина». Сталин поменяет формулировку: «...и принимая во внимание его заслуги перед рабочим классом и Советским государством» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1530. Л. 85).

[5] 29 августа Каганович и Жданов в письме Сталину утверждали прямо противоположное.

[6] Владимир Яковлевич Зазубрин (1895—1938) — один из основателей и руководителей организации сибирских писателей (1926—1928). В 1928 г. приглашен Горьким в Москву для работы в журнале «Колхозник». Расстрелян в годы ежовщины.

[7] Л. Б. Каменев в 1934 г. работал директором издательства «Academia» и намечался на пост директора Института мировой литературы. Горький смог добиться включения Льва Борисовича в правление (Центральный комитет) ССП, но не в президиум (Политбюро) Союза. См.: Спиридонова Л. А. «Я вас сердечно любил...»: М. Горький и Л. Каменев // М. Горький. Материалы и исследования: Неизданная переписка. Вып. 5. М., 2000. С. 228—274.

[8] Речь Горького на первом пленуме правления ССП была опубликована в «Правде» 5 сентября 1934 г.

[9] Сокращенная стенограмма доклада Николая Бухарина «Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР» была опубликована в «Правде» 30 августа 1934 г. Бухарин, согласно опубликованной версии доклада, в частности, сказал, что «Демьян Бедный — настоящий пролетарский поэт (*Аплодисменты.*)». Несколько позже он от-

метил, что «другой крупнейшей и с поэтической стороны ярко-новаторской фигурой нашей поэзии является Владимир Маяковский (*Бурные аплодисменты. Все встают*)». В византийской иерархии советских нюансов имела огромное политическое значение разница между простыми «аплодисментами» и «бурными аплодисментами. Все встают». Читателям газеты — официального и центрального органа партии — этот нюанс сигнализировал именно о канонизации Маяковского. Такая значительная дистанция не могла не вызвать раздраженной и саркастической реакции со стороны Демьяна Бедного. Его противопоставление Маяковскому было одной из подспудных констант советской литературной политики.

[10] 31 августа в «Правде» была опубликована речь комсомольского поэта Александра Безыменского «Стихи поэта — оружие пролетарской революции». Там же опубликована речь Демьяна Бедного «О поэтах-бойцах». В ее печатной версии было сказано: «Загляните в розданный вам текст печатного бухаринского доклада. Как там обстоит дело со мною! Бухарин взял труп Есенина, положил меня на этот труп и присыпал сверху прахом Маяковского. Точка. Покойся с миром... Я, оказывается, уже не бухаринский современник (*Смех. Аплодисменты.*)».

[11] В черновике письма Жданова сюжет превентивной проработки воинствующих коммунистов передан более подробно: «Группа поэтов-коммунистов (Безыменский и др.) собрались прорабатывать Бухарина на съезде, используя его обычные прегрешения против диалектики, собираясь разгромить и связать с прошлыми ошибками. Мы заявили на комгруппе Президиума, что 1) осуждаем предварительные групповые совещания, 2) что, критикуя отдельные положения в части поэзии, не позволим перенести критику в сферу политических обобщений» (Литературный фронт: История политической цензуры... С. 13).

[12] 2 сентября «Правда» напечатала «Заявление тов. Н. И. Бухарина в президиум съезда писателей». В тексте за подписью Бухарина утверждалось: «Ввиду того, что резкость моего заключительного слова вызвала ряд возмущений и запросов, считаю неизбежным заявить, что я действительно допустил слишком резкие заявления и выпады по адресу некоторых товарищей поэтов». В этом заявлении отмечалось, что «официальная канонизация отдельных авторов точно так же была бы неправильной». «Если кто-либо понял меня так, что оценки отдельных авторов как поэтов давались мной в качестве обязательных директив, то это — явное недоразумение». Рукопись обращения в президиум съезда писателей, сохранившаяся в личном фонде Бухарина в РГАСПИ, существенно отличается от опубликованной в «Правде». Официальная звучит как репетиция большевистского покаяния с признанием вины на будущих показательных процессах. Черновик — вполне спокойное и деловое объяснение:

«В Президиум съезда писателей.

Дорогие товарищи!

Прошу Вас огласить на съезде следующее разъяснение по поводу моего заключительного слова:

Ряд товарищей, а также и других, обращались ко мне с вопросом, не является ли мое заключительное слово определенным курсом на ликвидацию ряда наших поэтов.

На это я могу ответить только так:

1. В моем докладе дана очень высокая оценка творчества таких поэтов, как Д. Бедный. Также дана достаточно высокая оценка творчества Безыменского и ряда других. Мне и в голову не приходило «ликвидировать» этих поэтов. Резкость моего заключительного слова объясняется резкостью нападок и их глубокой, с моей точки зрения, несправедливостью. К сожалению, я допустил здесь в полемическом увлечении некоторые (*нрзб.*) резкие выражения, кои могли послужить поводом для выводов, отнюдь не входивших в мои расчеты.

2. Я вполне согласен с тем, что необходимо творческое соревнование и что наибольшую опасность представляет бюрократизация творческих процессов, о чем говорил на съезде тов. Стецкий. (*Этот фрагмент полностью отсутствует в письме, опубликованном в «Правде».*)

3. Я еще раз подчеркиваю, что в своем докладе и заключительном слове я развиваю мысль о монументальной и синтетической поэзии, отражающей величие эпохи, со всем ее революционным героизмом и пафосом борьбы. Только такое творчество действительно адекватно делу пролетариата, делу Маркса — Энгельса, Ленина — Сталина. Н. Бухарин» (РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 4. Л. 171).

Последний абзац отмечен на полях. В «Правде» только последний абзац не претерпел существенного изменения, хотя и его финалу было придано менее теоретическое и более демагогическое звучание: «Вместе со своими товарищами и пролетарскими поэтами в первую очередь я стремлюсь к тому, чтобы у нас росла и цвела могучая поэзия нашей страны, отражающая...» (далее по тексту черновика). Наконец, апофеозный финал «Дело Маркса — Энгельса, Ленина — Сталина» (в черновике Бухарина) стало в «Правде»: делом «Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина». Характерное орфографическое изменение редактуры.

[13] В весьма одобрительной реакции писательского съезда на слова о Маяковском можно увидеть будущую законодательную оценку Сталиным значения Маяковского как «лучшего», «талантливейшего» поэта «нашей советской эпохи». Отдельно момент канонизации осветил в своей речи на съезде заведующий Культпропом ЦК Стецкий. Он подтвердил, что «Оргкомитет, разумеется, эту программу съезда и докладчиков согласовывал с нашей партией». В то же время он авторитетно заявил, что «у нас нет также никаких решений партии и правительства о том, чтобы давать официальные характеристики и оценки отдельным писателям, выдавать прозаикам и поэтам своего рода «ордена», знаки отличия, знаки поощрения и знаки порицания и хулы разных степеней. Я не знаю также никаких решений партии и правительства о «канонизации» Маяковского. Маяковский — могучий поэт, поэт революции, но у нас нет решений о том, чтобы равнять всю нашу советскую поэзию только по Маяковскому». Речь опубликована в «Правде» 1 сентября под заголовком «Под флагом советов, под флагом социализма». Стецкий говорил о ситуации «проявления величайшего бюрократизма», если бы партия давала каждому поэту знак отличия. «А вы знаете, что нет более непримиримого борца с бюрократизмом, чем наша партия».

[14] Посланная Сталину на юг неправленая стенограмма заключительной речи Бухарина пока не обнаружена. Практика приобщения к делу неправленых стенограмм (тогдашнего эквивалента магнитофонных записей) в качестве вещественных доказательств, наряду с агентурными сообщениями тайной полиции, была широко распространена и приветствовалась Сталиным. 11 сентября 1931 г. один из руководителей Агитпропа Н. Рабичев посылает секретарям ЦК Сталину, Кагановичу и Постышеву неправленую стенограмму речи Радека на заседании фракции общества историков-марксистов. Резолюция Сталина: «Молотову. Прочти-ка, если будет время. Очень слабое и довольно путаное выступление, но все же интересное. И. Ст.». Ответ Молотова: «Прочитал. С оценкой согласен. Радек, при всей своей путанице, сделал шажок вперед. В. Молотов» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 789. Л. 36—47).

[15] 3 сентября 1934 г. в «Правде» было напечатано заключительное слово Бухарина «по обработанной и сокращенной автором стенограмме». Накануне опубликования заявления Бухарин еще раз обратился с мольбой к Андрею Александровичу:

«Тов. Жданову.

Дорогой А. А.!

Ради бога, прочти поскорее. По всему городу идут слухи о «запрещении» «Правды» напечатать мое заявление, которое печатать, по-моему, нужно было бы **лишь тогда**, когда моя речь была бы опубликована так, как я **ее говорил**. Речи Кирсанова, Суркова, Демьяна — все опубликованы. Я выправил все резкие места. Я очень прошу тебя прочесть поскорее, чтоб **обязательно** дать в газету **сегодня**. Иначе — прямо скандал. Привет. Твой Бухарин» (РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 16).

[16] В заключительной речи, опубликованной в «Правде» 2 сентября 1934 г., Горький сказал, что постановлением «осуждены группировки писателей по мотивам, не имею-

шим ничего общего с великими задачами нашей советской литературы в ее целом, но отнюдь не отрицающим объединений по техническим вопросам разнообразной творческой работы».

[17] Абзац отмечен на полях двумя линиями. 28 августа Политбюро утвердило комиссию во главе с Ждановым по разработке структуры Наркомпищепрома и рассмотрению списка предприятий, передаваемых новому наркомату из местного подчинения, а местам — из союзного подчинения (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1037. Л. 57). Под структурой подразумевались главные управления (ГУ) продуктовых магазинов, промтоварных магазинов, местных торговых организаций, столовых, ресторанов и кафе, снабжения курортов и торговли в курортных местностях, Госторговая инспекция.

[18] В окончательном варианте постановления заменено на «отдел колхозной торговли и базаров». «Базарная торговля» несла несколько уничижительную коннотацию.

[19] Подчеркнуто Сталиным, и на полях написано: «Нужно».

[20] 31 августа Политбюро утвердило маршруты поездок руководителей страны на хлебозаготовительные работы. Молотов отправлялся в Западную Сибирь, Каганович — на Украину, Киров — в Казахстан, Ворошилов — в Белоруссию и в Западную область, Микоян — в Курскую и Воронежскую области, Жданов — в Сталинградский край (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1037. Л. 39).

[21] 15 мая 1934 г. Политбюро приняло решение «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Речь шла о «закрытии» школы Покровского: «Нужна историко-хронологическая последовательность, а не формации». Приказано «подготовить к июню 1935 г. следующие новые учебники по истории: а) история древнего мира; б) история средних веков; в) новая история; г) история СССР; д) новая история зависимых и колониальных народов (*Сталин исправил*: «стран»)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1023. Л. 93—98). 15 мая были утверждены группы по составлению новых учебников по истории под председательством соответственно: а) С. И. Ковалева, б) Е. А. Косьминского, в) академика Н. М. Лукина, г) профессора Н. Н. Ванага и д) К. Б. Радека (там же, л. 94). 19 июня нарком просвещения Андрей Бубнов (1884—1938) представил Сталину список группы историков по составлению «учебника элементарной истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории для начальной школы». Образовывались так называемые Московская и Ленинградская группы. «Руководители групп подобраны так, чтобы они были коммунистами и историками и, кроме этого, могли бы организовать работу всей группы по составлению учебников». Обе группы работали над составлением учебника параллельно в порядке соревнования (там же, д. 1030, л. 92—97). 14 августа Политбюро одобрило замечания Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по истории СССР. Письмо было разослано всем членам Политбюро (ПБ), Бубнову, Стецкому, Лукину и Ванагу. Из письма: «Группа Ванага не выполнила задания и даже не поняла задания». Получился конспект русской истории, а не истории СССР. Забыты основополагающие положения о том, что «царизм — тюрьма народов», и о том, что русский царизм — «международный жандарм». В тот же день по тем же адресам рассылаются замечания «тройки» о конспекте другого учебника, по «Новой истории» (там же, д. 1035, л. 190).

№ 253
АВЕЛЬ ЕНУКИДЗЕ — СТАЛИНУ. ИЗ ПИСЬМА ОБ ИТОГАХ СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ И НА ДРУГИЕ ТЕМЫ

5 сентября 1934 г.

<...> Закончился съезд писателей. Съезд будет иметь гигантские последствия для писателей всех наших республик и не меньшее значение он будет иметь для иностранных пролетарских и вообще передовых писателей. Как хорошо ты сделал, что распорядился печатать в газетах доклады и выступления

на съезде. Работа съезда сделалась достоянием миллионов людей. Ты, конечно, все знаешь, что и как было на съезде. Скажу несколько слов о груз. делегации. Доклад Торошелидзе (хорошо, что он вовремя видел тебя перед съездом[1]) по общим отзывам был хорош. Вообще груз. литература пробила себе путь и в РСФСР, и на Украине. Очень много хотят переводить (украинский поэт Кулик читал нам переводы из Ник. Бараташвили. Перевод удался прекрасно). Огромный интерес к Руставели. Ты, наверное, получил новое издание «Витязя в тигровой шкуре»[2] – толстая книга в 729 стр. (37 стр. предисл., 267 стр. текст поэмы и 425 стр. приложения). Текст поэмы полный, проверенный и лучший из всех прежних вариантов. Очень было бы хорошо, если бы ты сказал, чтобы бальмонтовский перевод (неполный) сверили бы с текстом этого издания (издание: «Федерация» – Тифлис. 1934) и дополнили бы и чтобы прозаический перевод сделали бы тоже с этого издания. Также было бы очень хорошо, если бы ты сказал т. Берия или Торошелидзе перестать мучить текст... мудрить над ним всякому бездельнику из грузинских «исследователей» и дело его популяризации и доступных изданий двинуть вперед. А также надо изучать Руставели в Университете грузинском. Я беседовал об этих вопросах с грузинской делегацией и вынес такое впечатление, что твое авторитетное слово в этом деле необходимо. Комитет 750-летия рождения (или смерти?) Руставели приветствую. В 1937 году будет два чествования: Пушкин и Руставели.

На последнем заседании Политбюро я встретился с Винтером. Он был на открытии Ридигеса (???), поднималься[3] вверх по Риону (кажется до Альпаны), затем был на Аджарисцкали[4], на реке Храме, и он в таком восторге от водных ресурсов Закавказья (и в Армении он был), от легкости и удобства устройства там гидростанций, что хочет просить у тебя разрешения поговорить с тобой. Винтер в этом месяце собирается быть в Сочи.

В Москве наступила хорошая осень. Уборка хлебов, посев озимых прошли хорошо. Картофель убирают местами. Картофеля, капусты и кормовой свеклы будет много.

В самом городе работы идут в общем удовлетворительно. Сухарева площадь получилась очень красивая и удобная для большой езды, улица перед ЦК после уборки Китайгородской стены получилась широкая, красивая, весь район изменился к лучшему. Только тротуар перед зданиями (а здания здесь высокие, с хорошими фасадами), к сожалению, не расширили, не смог я переломить москвичей. С остальным уличным благоустройством и ремонтом домов дело обстоит плохо. С дорожно-шоссейным строительством дела идут тоже плохо. Идет только ремонт верхнего покрова шоссе, тонким и узким слоем асфальта или гудрона, что хватит на один год без дренажа, приведения в порядок канав и главное, без замощенных обочин.

Работы по метро идут хорошо. Я был в двух шахтах. Все делается очень прочно, основательно, местами даже с излишними затратами материалов (железо, цемент) и с излишними запасами прочности. Но это не грех в таком деле. Это улучшение качества работ обязано (безусловно) тому, что ты несколько удлинил сроки окончания первой очереди.

В Кремле у нас работы идут более ремонтного характера в этому году, кроме новой двухэтажной столовой, которую мы выстроили во дворе Усп[енского] Собора, с выходом из Георг[иевского] зала (Георг[иевский] зал мы освободим от столовой во время съездов), и капитально перестраиваем кухню. Крем-

левскую стену побелили, красим здания и чиним крыши. Площадь (перед школой) больше чем наполовину уже покрыли дерном. К 15-му сентября кончим. Получается необыкновенно красивое зеленое поле. Работы там было много: пришлось на 20 сантим. снять землю со всей площади (2? га) и вывезти из Кремля. Взамен привезти столько же чернозема, а затем на целый покров дерна. Дерно (*так в тексте*) нашли хорошее в Лосиноостровском районе. Кроме того, устроили на площади подземные водостоки, сеть водопровода для поливки и, если будет решено, для фонтанов.

Сегодня должен был подняться в стратосферу Прокофьев. Погода была прекрасная. К сожалению, сорвалось дело. Тебе, конечно, о причине срыва сообщат подробнее, чем я смогу узнать. Наши разъехались, и у нас стало скучно. Клим рассчитывает быть в Сочи к 15–20 сентября. У меня лично работы теперь порядочно. Готовимся к перевыборам в советы. Готовим литературу, плакаты, инструкции и т. п.

Театры открылись. Публики масса всюду. Москва очень оживленна на улицах, много иностранцев, съезд писателей, много экскурсий, погода хорошая, и на рынках всего вдоволь.

Дети доехали хорошо. Я их видел три раза. Ходят в школу. Кончу, а то будешь ругать за все эти многословные мелочи.

Будь здоров.

Твой А. ЕНУКИДЗЕ

5/IX-34

Был здесь Метелев. Проект театра утвердили, а также распланировку Мацестинской долины и построек на правом берегу.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 728. Л. 52—65. Рукописный подлинник.

[1] Факт не отражен в журнале записи лиц, принятых Сталиным в кремлевском кабинете.
[2] Название поэмы написано по-грузински.
[3] Зачеркнут мягкий знак.
[4] Река в Аджарии, правый приток реки Чорох.

№ 254
СТАЛИН – ЖДАНОВУ. ОТВЕТ НА ПИСЬМО О ЗАВЕРШЕНИИ СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

6 сентября 1934 г.

Т-щу Жданову

1. Спасибо за письмо. Съезд в общем хорошо прошел. Правда: 1) доклад Горького получился несколько бледный с точки зрения советской литературы; 2) Бухарин подгадил, внеся элементы истерики в дискуссию (хорошо и ядовито отбрил его Д. Бедный); а ораторы почему-то не использовали известное решение ЦК о ликвидации РАППа[1], чтобы вскрыть ошибки последней, – но, несмотря на эти три нежелательные явления, съезд все же получился хороший.

2. Насчет наркоматов пищевой [промышленности] и торговли имею след[ующие] замечания. Во-первых, столовые («нарпит») надо передать НКвнуторгу (это надо сказать ясно)[2]. Во-вторых, по линии цен, а также правил и норм торговли потребкооперацию (не государственную организацию) надо

подчинить НКвнуторгу (государственной организации). Это надо сказать либо в положении (более или менее завуалированно), либо в виде отдельного постановления (не замаскированно), либо — и то, и другое. Это совершенно необходимо[3].

Некоторые незначительные поправки (см. в тексте)[4].

Все остальное как будто не вызывает возражений.

Привет!

И. СТАЛИН

6.IX.34 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 730. Л. 18—20. Л. 17. Рукописный подлинник.
Там же. Машинописная копия. Есть подчеркивания.
Опубликовано: Вопросы литературы. 2003. Сентябрь — октябрь. С. 265—266.

[1] Имеется в виду постановление ЦК от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций».

[2] 27 июля 1934 г. Наркомат снабжения СССР был разделен на два наркомата: внутренней торговли и пищевой промышленности. Наркомом внутренней торговли был назначен И. Я. Вейцер, пищепрома — Анастас Микоян. СНК было поручено в двадцатидневный срок дать руководящие указания об организации и круге ведения названных наркоматов, а в трехмесячный срок — положения о наркоматах внести на утверждение законодательных органов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1034. Л. 9). 22 августа, уже в дни работы съезда писателей, Жданову, Микояну и Вейцеру было поручено произвести разделение работников и имущества бывшего Наркомата снабжения. Из НКСнаба Микояну переданы: Главное управление (ГУ) промтоварного снабжения, ГУ продснабжения, главторг, главнарпит, сектор товарооброта, бюро прикрепления, курортснаб, мехторг, инснаб, ГУ снабжения мясом и жирами, плодоовощное управление. 28 августа утверждена комиссия по разработке структуры наркомпищепрома и по рассмотрению списка предприятий, передаваемых Наркомпищепрому из местного подчинения, а местам — из союзного подчинения в составе того же Жданова (председатель), Микояна, Чубаря и др. Поэтика номенклатурного делопроизводства напоминала описи и инвентарные книги амбарных приходно-расходных статей купеческой лавки.

[3] Это указание текстуальной цитатой вошло в постановление Политбюро: «г) Потребительскую кооперацию по линии цен, а также правил и норм торговли подчинить Нарковнуторгу» (там же, д. 1039, л. 68), и стало, таким образом, частью зашифрованного партийного решения, вот почему в обнародованном советском постановлении СНК об этом открыто не говорилось.

[4] Текст не обнаружен.

№ 255
БАРБЮС — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

23 сентября 1934 г.

Перевод
Москва, гост. «Савой», комн. 16
23 сентября 1934 г.

Мой дорогой и высокий товарищ.

Я прибыл в СССР на несколько дней, чтобы повидаться с Вами и поговорить об основных моментах нашей большой современной общественной работы во Франции и других странах и предложить Вашему вниманию несколь-

ко значительных предложений по этому вопросу. Я изложил сущность этой работы и этих предложений в докладе, переведенном на русский язык, который я не премину послать Вам с ближайшей почтой[1].

Я был бы Вам признателен, если бы Вы не отказали мне, несмотря на Вашу занятость и, если это не слишком обеспокоит Вас, назначить мне свидание в том месте, где Вы находитесь в настоящее время и куда я мог бы немедленно прибыть.

Прошу верить моим братским чувствам восхищения.

АНРИ БАРБЮС

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 81. Перевод с французского. Машинописный текст. Подпись — автограф.

[1] 26 сентября Барбюс посылает Сталину доклад «Задачи и средства Амстердамского движения» (там же, л. 85—123). Сталин пересылает его Кагановичу и Жданову (там же, л. 83).

№ 256
СТЕЦКИЙ — БАРБЮСУ О РУКОПИСИ КНИГИ «СТАЛИН»

29 сентября 1934 г.[1]

Сов. Секретно
№ 25705
Перевод с французского
Москва «...» сентября 1934 года

Дорогой товарищ Барбюс,

Я так долго задержал Вашу рукопись не только потому, что чрезвычайно был занят съездом писателей, но прежде всего потому, что хотел наиболее тщательной проверкой рукописи принести Вам максимальную пользу[2].

Помимо уточнения некоторых фактов я позволю себе некоторые соображения общего порядка, которыми я хотел бы поделиться с Вами, разумеется, со всей откровенностью[3].

Прежде всего, я должен сказать Вам, что я восхищен тем, что Вам удалось в такой короткий срок создать книгу подобного масштаба, которая является не просто биографией, а величественной картиной всего нашего движения, написанной с громадным революционным подъемом. На всем протяжении книги ощущается Ваша художественная сила.

Мне кажется, однако, что Вы слишком часто подменяете политические и социальные категории этическими понятиями. Так, например, борьба оппозиции против партии (я имею в виду троцкистскую оппозицию, поскольку Вы лишь изредка и недостаточно упоминаете о других оппозициях) представляется Вам как борьба «темпераментов» Сталина и Троцкого между тем как экономические и социальные корни оппозиции Вами освещаются недостаточно.

Далее, некоторые эпитеты, которые Вы применяете к Сталину, как, например, «человек здравого смысла», «практик», затемняют истинный образ Сталина как величайшего теоретика марксизма после Ленина и делают из него иногда, помимо Вашей воли, какого-то оппортуниста — эмпирика, целиком поглощенного тем, что Вы называете «прикладным марксизмом».

Я должен сказать еще одно замечание, которое мне представляется весьма существенным — по поводу Троцкого. Мне непонятно, почему в книге о Сталине, руководящем строительством социализма, имеется столько полных терпимости рассуждений о «душевных переживаниях» Троцкого, уже много лет тому назад перешедшего в лагерь контрреволюции. Я хотел бы обратить Ваше особое внимание на этот пункт.

Мне кажется далее, что в книге недостаточно дан образ Сталина человека; не показан его стиль в работе, стиль его языка; не выявлены его многообразные связи с массами; не показано, какой любовью окружен Сталин. Вы не нуждаетесь ни в моих комплиментах, ни в моих похвалах, но мне хочется сказать Вам, что именно такой мощный талант, как Вы, призван дать этот величественный образ Сталина[4].

Мне кажется, что предлагаемые мною поправки, если Вы их учтете, могут лишь содействовать приданию всей книге большей идеологической крепости, и от этого только выиграет прекрасная художественная форма.

Прошу извинить этот задержавшийся ответ и вольность моих замечаний.

Шлю Вам, дорогой Барбюс, мой лучший братский прием.

А. СТЕЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 699. Л. 124—125. Машинописный текст. Пометка рукой неизвестного: «От т. Стецкого».

[1] Датируется по штампу Техсекретариата.

[2] 8 мая 1934 г. С. Пахитонов сообщил Вейдеману, что получил письмо от Барбюса за 30 апреля: «Барбюс подтверждает получение им из Парижа 29 апреля с. г. материалов по прилагаемому списку. Не откажите уведомить об этом Алексея Ивановича [Стецкого]. Я же со своей стороны поставлю об этом в известность т. Уманского. Конечно, придется все же послать Барбюсу тот иконографический материал, о котором мы вчера имели разговор у Алексей Ивановича» (там же, л. 72). 11 августа Барбюс посылает Поскребышеву на адрес «Будка Кремля. Поскребышев. Старая Площадь. 4. Москва» телеграмму следующего содержания: «Очень беспокоюсь ожидаю ответа, рукопись. Телеграфируйте непосредственно. Известите секретаря Димитрова» (там же, л. 74). 11 августа телеграмма переслана Стецкому. 29 августа Барбюс шлет повторную телеграмму: «Несмотря на предупреждение, манускрипт не получен. Телеграфируете, если пошлете, положение тревожное» (там же, л. 76). Имеется рукописный ответ Стецкого без даты: «Барбюсу. Рукопись замечательная будет выслана ближайшие пять дней привет Стецкий» (там же, л. 80).

[3] Прилагаются некоторые из конкретных стилистических и смысловых замечаний Стецкого (перевод с французского):

«Стр. 1. «Наполовину воскрешенный» (Ленин в Мавзолее). Не представляется ли Вам это сравнение излишним?

Стр. 4. Я не стал бы на Вашем месте так подробно описывать мебель, меню и т. д. Все это скромно и просто, но не так мрачно.

Стр. 5. Стоит ли давать цифру жалованья и переводить на франки? Можно было бы просто сказать, что Сталин получает скромную зарплату ответственного партийного работника.

Стр. 8. Вы говорите: «Отец был крестьянином, ставшим сапожником». Отец Сталина был сапожником, рабочим обувной фабрики. «Крестьянином» он был только по прописке.

Там же: «О религиозной школе». Разумеется, само собой, что Сталин был отдан в эту школу не в силу какой-либо особой религиозности отца, а потому, что обучение в ней было более доступным и бесплатным.

Стр. 13. Не Ленин, а его брат участвовал в народнических кружках.

Стр. 13. Мне кажется, что содержащееся в первом абзаце определение марксизма требует гораздо более точной разработки и в данной форме может вызвать у читателя недоумение.

Стр. 14. «Очень конспиративная вечеринка». Надо избежать того, чтобы читателю показалось, будто в тот период Ленин конспирировал против народников. Кроме того, не следует забывать, что эта вечеринка была не какой-то первой вехой революционной деятельности Ленина, а лишь эпизодом.

Стр. 15. Надо было бы отметить, что тов. Енукидзе — старый грузинский большевик, активно боровшийся в рядах большевистской партии. Мне кажется недостаточным исчерпать его характеристику эпитетом «высокопоставленная личность».

Стр. 20. Никак не могу согласиться с Вами, что Ленин когда-либо был похож на «нижегородского купца» <...>

Стр. 39. Должно разуметься само собой, что выражения «максималисты» и «минималисты» не является правильным переводом слов «большевики» и «меньшевики», этимологические корни которых, как вы знаете, происходят от «большинства» и «меньшинства». Вы называете Ленина «унитарием». Читателю должно быть уяснено, что Ленин, конечно, был за единство рабочего класса, но не за единство ради единства любой ценой и что он всегда боролся за очищение партии от чужеродных тел, каким бы болезненным это очищение ни казалось, и выступал против чисто внешнего «единства» разнородных групп в одном партийном механизме <...>

Стр. 46. «Эта церемония (т. е. напряженное ожидание оратора — вождя, его нарочитое опоздание и т. д.) казалась мне не излишней, ибо она внушает уважение...» Я высказываюсь решительно за изъятие этой фразы, несовместимой со скромностью Сталина. <...>

Стр. 52. Ни Ленин, ни Сталин никогда не жили по несколько месяцев сряду в Берлине <...>.

Стр. 55—56. Ряд фактических неточностей. О Вологодской ссылке Сталина 1911 года. Арестованный в 1910 г., Сталин бежал в 1911, отправляется в Петербург, там арестовывается, высылается в Вологду в конце того же года, снова бежит в Петербург, избирается членом ЦК на Пражской конференции (январь 1912 года), обследует положение партийных организаций в разных областях России, руководит «Звездой», является одним из основателей «Правды», после расстрела на Лене он снова арестовывается и высылается в Нарым» (и т. д.). <...>

Стр. 58 «У Сталина с этих пор не было личной жизни». Ее у него не было уже с 1898 г.

Стр. 59. Неправильно указано, будто Сталин выселялся в Вятку и Архангельск. <...>

Стр. 118. «Сталин не участвовал в составлении декларации, он являлся ее единственным автором. <...>

Стр. 149 и 183. Вы цитируете Троцкого. Разве нельзя передать ту же мысль цитатой из Ленина или Сталина? <...>

Стр. 159. «Оппортунизм может быть и хорошим...» Согласно тому смыслу, который мы, за всю историю нашей партии, вкладываем в слово оппортунизм, он никогда не может быть «хорошим».

Стр. 175. Речь идет о 8 съезде Советов, а не партии.

Стр. 193. Ваше определение кулака как «богатого крестьянина» недостаточно. Необходимо подчеркнуть его эксплуататорскую роль.

Стр. 200. «ВКП — государственная сила». Не лучше ли уточнить, что партия — авангард пролетариата, руководящий социалистическим государством?

Стр. 201 и др. О роли и личных качествах Троцкого. Хотел бы еще раз обратить Ваше внимание на то, что я пишу выше, в письме, о Вашей исключительной терпи-

мости по отношению к Троцкому, которая приводит Вас к неправильным выводам. Борьба против оппозиции не была борьбой «темпераментов», она была борьбой против влияния контрреволюционной мелкой буржуазии в рядах нашей партии. Дело вовсе не в том, что, как вы пишете, «Троцкому недоставало великой простой грубости творца», а в том, что ему «недоставало» понимания ленинизма, роли рабочего класса как руководителя трудящегося крестьянства, роли партии и т. д. Я рекомендую Вам коренным образом переделать эту главу, которая должна быть также обогащена анализом социальных корней оппозиции.

Стр. 213. Как уже указывалось, поправка внесена была Преображенским.

Стр. 217. «...в России, обладающей всеми сырьевыми ресурсами...» Неподготовленный читатель может подумать, что только в силу этой причины, вне всякой связи с законом неравномерности развития капитализма, ленинизм считает возможным построение социализма в одной стране. Следовало бы уточнить.

Стр. 221. Удачно ли сравнение: «Как святой Павел»?

Стр. 222. Выступление правой оппозиции было не «одновременным», а последовало позже. Мне кажется, что вся история борьбы на два фронта должна быть насыщена большим количеством фактического материала. Так, например, читателю останется непонятным, в чем заключалась оппозиция Зиновьева — Каменева.

Стр. 239. Вы цитируете Бажанова. Это — ничтожество, выброшенное из рядов партии по моральным причинам, выдумало за границей фантастическую историю о своей подрывной работе в Коминтерне, где Бажанов в действительности никогда не работал. Мне, кажется, совершенно излишним делать Бажанову эту невольную рекламу.

Стр. 239. Кэмпбелл лжет. Никогда Сталин не произносил этих слов (о том, что ему «наплевать на мировую революцию»).

Стр. 269. Речь идет о Милюкове, а не о Милютине. Не считаете ли Вы, что следовало бы подробнее изложить нашу программу социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Стр. 282. Бюрократия — «явление кристаллизации»...?

Стр. 285. На 17-ом съезде Сталин говорил не только о первой пятилетке, но и о перспективах.

Стр. 297. «Генеральная идея (фашизма) заключается в том, чтобы организовать неорганизованных, организовать колеблющееся население и потопить в нем рабочий класс...» Не заключается ли, наоборот, главная задача фашизма в том, чтобы дезорганизовать массы (фашизм боится масс, даже не рабочих!) и подавить рабочее движение?

Стр. 308. «Социализм осуществим без нанесения кому-либо какого-либо ущерба и без того, чтобы кому-либо в чем-либо уступать...» Не считаете ли вы, что это утверждение может вызвать у читателя недоумение?» (РГАСПИ. Ф. 558, Оп. 11. Д. 699. Л. 126—135).

[4] В середине тридцатых годов кремлевский проект финансовой и идеологической поддержки написания Барбюсом биографии Сталина не был единственным. 9 февраля 1935 г. полпред СССР в Великобритании Майский сообщает Крестинскому о предложении двух английских журналистов Престона и Эллиса написать и опубликовать в Америке и Англии «правдивую и объективную биографию тов. Сталина». Резолюция Сталина: «погов[орить] с товарищами» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1279. Л. 1, 2). Майский считает целесообразным принять предложение: «О тов. Сталине пишут заграницей много, пишут вкривь и вкось, пишут часто наши заведомые враги. Поэтому было бы в высшей степени целесообразно выпустить хорошую книжку о нем, могущую служить противовесом всякого рода клеветническим измышлениям». Выписка из письма от 9 февраля советника полпредства в Великобритании тов. Астахова заведующему отделом печати НКИД Уманскому: «Недостаток литературы об СССР и наших вождях чувствуется здесь сейчас особенно остро <...> в частности, под влиянием

проводимой у нас избирательной реформы». «Авторы соглашаются подвергнуть предполагаемую брошюру нашей полной цензуре... Авторы хотят привлечь нас к финансовому участию в размере $^1/_3$. Издание, возможно, даст даже некоторую прибыль. Очень просим вас протолкнуть это дело как можно скорее». Хотят приехать в Москву, получить доступ к материалам и лицам и заручиться предисловием «авторитетного учреждения и лиц». В письме авторы предполагаемой биографии о «мистере Сталине» дают обязательство написать «вне обычной сенсационной журналистики», и «сами как старые революционеры и защитники марксистского социализма» считают, что биография окажет большую услугу делу международного пролетариата.

№ 257
СТАЛИН — ЖДАНОВУ, ЯГОДЕ, АКУЛОВУ О МАТРОСЕ-НЕВОЗВРАЩЕНЦЕ

[14 октября 1934 г.] (не позднее)

Т. т. Жданову, Ягоде, Акулову

Недавно стало известно, что один из матросов линкора «Марата» в бытность последнего в Гдыне не вернулся больше в СССР и остался в Польше. Выходит, что этот матрос совершил преступление, предусмотренное последним законом об измене родины[1]. Необходимо узнать и сообщить мне незамедлительно: 1) Арестованы ли члены семьи этого матроса и вообще привлечены ли они к ответственности. 2) Если нет, то кто отвечает за проявленное бездействие власти и наказан ли этот новый преступник, нарушающий таким образом закон об измене родины.

Привет!

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 730. Л. 22. Машинописный текст. Слово «Привет» и подпись Сталина — автографы. В списке адресатов подчеркнута фамилия Ягоды; видимо, экземпляр был направлен ему.

[1] Закон о применении смертной казни к «изменникам Родине» и перебежчикам и о длительных тюремных сроках для членов семей «преступников» был принят в хронологически близкие сроки к так называемому «делу Какабадзе» (см. документы № 233—240). 4 мая 1934 г. утверждено решение Политбюро: «Принять в основе предложение т. Ворошилова о включении в законы СССР статьи, карающей за измену Родине. Составить статью из двух рубрик (*Сталин*: «или две статьи»), различные наказания к «военнообязанным» (*Сталин*: «военным») и гражданским служащим». «Учтя предложение т. Ворошилова о коллективной ответственности семей (*Сталин*: «членов семей») бежавших за границу лиц». «Акулову и Крыленко представить проект статьи». (Сталин: «или статей») (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1020. Л. 17). 26 мая Политбюро окончательно рассмотрело эту законодательную инициативу. Имеется отметка о проектах Акулова и Крыленко о включении в законы СССР статьи, карающей за измену Родине. Предлагалось в основном принять внесенный проект статей и «передать на окончательное редактирование комиссии в составе т.т. Сталина, Куйбышева, Акулова и Крыленко» (там же, д. 1022, л. 62). Навязчивое отношение Сталина к этому типу «преступлений» было не новым. 21 ноября 1929 г. (не позднее) Сталин уже правил проект закона о перебежчиках и предписывал издать его от имени ЦИК СССР за подписями Калинина и Енукидзе. Янсон — Сталину: «5. Исполнение приговора над пойманным, объявленным вне закона изменником возлагается на ближайший возможно низовой орган советской власти (райисполком)» (там же, д. 812, л. 92—96). Томский возражает: «неудо-

бен термин «возвратиться». Лучше употребить: «на вызов соответств. гос. органа явиться в его распоряжение» (там же, л. 95). Сталин вносит концептуальную правку в п. 1 проекта закона: «Отказ гражданина СССР — должностного лица государственного учреждения или предприятия СССР, действующего заграницей, на предложение органа государственной власти вернуться в пределы СССР *рассматривается как перебежка в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и квалифицируется как измена»* (выделенное курсивом написано Сталиным, было: «является государственной изменой»). Сталин вычеркнул подробную процедуру сообщения НКИД прокуратурам: кем было сделано предложение; мотивы отказа явиться; в 24 часа прокуратура входит в суд; судебный приговор в течение трех дней; объявление вне закона и конфискация; расстрел через 24 часа; закон имеет обратную силу и т. д. Светлана Сталина, ставшая перебежчицей в 1967 г., по этому закону должна была бы быть подвергнута расстрелу, а взрослые члены ее семьи — аресту.

№ 258
ЖДАНОВ — СТАЛИНУ. ОТВЕТ НА ШИФРОВКУ О НЕВОЗВРАЩЕНЦАХ

14 октября 1934 г.

Тов. Сталину

Согласно расследованию, произведенному НКВД по получению сообщения о дезертирстве ВОРОНКОВА, у него нет членов семьи, подпадающих под действие закона об измене Родине, так как у него нет ни отца, ни матери, ни жены и детей и вообще проживающих с ним или находившихся на его иждивении членов семьи.

После Вашего письма мы организовали дополнительное расследование на его родине (Башмаковский район Средневолжского края), о результатах которого сообщу Вам незамедлительно.

ЖДАНОВ

Пр 2744/ш.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 86. Л. 105. Шифровка. Машинописный текст.

В начале ноября 1934 г. Политбюро рассмотрит вопрос «О деле краснофлотцев эсминца «Володарский». ОГПУ и Вышинский сообщат Сталину 3 ноября о моряках, предполагавших невозвращение, и о членах их семей (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1046. Л. 39—40). См. обвинительное заключение (там же, л. 41—44).

№ 259
РАДЕК — СТАЛИНУ О ПУБЛИКАЦИИ БЕСЕДЫ УЭЛЛСА СО СТАЛИНЫМ

9 ноября 1934 г.

Дорогой тов. Сталин!

Тов. Литвинов передал мне предложение редакции журнала «Нью-стейтсмен», который напечатал стенограмму Вашего разговора с Уэльсом, написать статью по поводу комментария Уэльса к его разговору с Вами. Тов. Литвинов просит написать эту статью. Так как дело идет о разговоре с Вами и в статье нельзя не комментировать этот разговор, а кроме того, тов. Литвинов просит высмеять Уэльса (и он прав, ибо иначе нельзя ответить на статью

Уэльса), то считаю, что мне нужно получить Ваши указания, как статью писать, на что бить.

Я думаю, что высмеивание должно быть только формой статьи, а центр должен состоять в показе, что является социальным источником глупости Уэльса. Надо показать те буржуазные предрассудки интеллигенции, которые ей мешают понять то, что происходит, и показать значение Вашего разговора с этой интеллигенцией через голову Уэльса, иначе получится только насмешка и ругатня, вызывающая впечатление, что ругаемся потому, что не удалось прельстить девушку.

Прилагаю перевод статьи Уэльса.

С сердечным приветом

К. РАДЕК

9.11.34 г.

P. S. Только что получен номер «Нью-Стейтсмен» со статьями Шоу и Толлера по поводу выступления Уэльса. Шоу местами очень удачно высмеивает Уэльса, а дальше величает Вас как оппортуниста и националиста. Думаю, что первую часть статьи Шоу можно было бы пустить в нашу печать. Завтра вечером получите перевод этой статьи.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 792. Л. 121. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 260
ГАЛИНА СЕРЕБРЯКОВА — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ ОЗНАКОМИТЬСЯ С РУКОПИСЬЮ СВОЕЙ КНИГИ О МАРКСЕ

14 ноября 1934 г.

Дорогой тов. Сталин.

Несколько лет назад я начала работать над Юностью Маркса, пытаясь в художественной форме (роман) воссоздать эпоху и самого юношу Маркса.

Нечего говорить, как трудна и ответственна тема. Чем старше становится Маркс, тем сложнее, противоречивее, гениальнее его облик.

Первая книга — детство и отрочество Маркса, детство и отрочество пролетарских революций — не вызывала во мне столько вопросов, как вторая, над которой работаю теперь.

Огромная ответственность, возлегшая на коммуниста-писателя, посягнувшего на биографию Маркса, побуждает меня обратиться к Вам с просьбой ознакомиться с моей рукописью. Я сама сознаю, что величина темы такова, что вряд ли все в ней мне оказалось под силу. Никто, однако, во всем мире не может помочь мне так, как Вы. Образ Маркса, не только вождя, теоретика, но и человека понятнее, ближе Вам, нежели кому бы то ни было в нашу эпоху.

Могу ли я надеяться на то, что вы найдете для моей книги немного времени. Очень об этом прошу.

С ком. приветом

ГАЛИНА СЕРЕБРЯКОВА

14/XI-34 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 806. Л. 100—101. Рукописный подлинник.

№ 261
И. МИНЦ — В ГЛАВНУЮ РЕДАКЦИЮ «ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ». КОММЕНТАРИИ СТАЛИНА

8 декабря 1934 г.

История Гражданской войны[1]
Москва ул. Горького, 15
Тел. 15-90 доб. 35, 46, 50
8 декабря 1934 г.
В главную редакцию «Истории гражданской войны»

Вопрос: Замечания к 1-му тому.

1. Все заставки и концовки (гравюры по дереву), большая часть рисунков, картины (за исключением четырех) и карты специально сделаны для данного тома. На рисунках участники даны по фотографиям. Место действия восстановлено по указаниям участников и документам[2].

2. В конце тома будут даны:

а) Указатель литературы и архивных данных.

б) Указатель имен.

в) Указатель географических имен.

г) Список иллюстраций и

д) Краткая хроника событий.

3. В томе не хватает:

а) Карты «Установления Советской власти». Разработаны точные данные перехода власти к Советам по всем уездам[3].

б) Карты «Географическое размежевание революции и контрреволюции» (по данным выборов в Учредительное собрание)[4].

в) 3 диаграммы (закабаление царской России — иностранные долги). Цифры проверяются по архивным данным старого Госбанка[5].

4. «Все вклейки пойдут на меловой бумаге. На паспарту идут только 4 картины: «Пятерка», «Ленин на 1-м съезде», «Ленин на 2-м съезде», «Разгром помещичьей экономии»[6].

5. В томе будут даны (в натуральном виде, с сохранением цвета бумаги) декреты о земле и мире, письма Ленина[7], апрельские тезисы[8].

6. Каждая глава будет кончаться на левой стороне листа, а новая начинается с правой стороны. Пример — 60 и 61 стр.

7. Названия картинам будут напечатаны на самих картинах, а не на папиросной бумаге (при утере папиросной вклейки, читатель не будет знать названия картин[9].

Вопросы, требующие разрешения:

1. Цифры примечаний даны при каждой отдельной странице (а не для главы в целом) во избежание больших чисел.

2. Подписка в два месяца достигла цифры, намеченной Главной редакцией, — 200 тысяч. На рынок книга при таком тираже не поступит[10].

3. Утвердить один из прилагаемых макетов.

4. В томе мало портретов. Не нужно ли добавить еще несколько активных работников? Секретариат Главной редакции предполагал давать портреты и материал о ряде активных участников там, где они играли большую роль.

О тов. Кирове на Северном Кавказе, о тов. Орджоникидзе — в четвертом томе, о тов. Кагановиче — во втором томе — Октябрь в Белоруссии[11].

5. Цена тома по подписке 15 рублей, в розничной продаже — 20 руб. Понижение цены вызовет спекуляцию книгой. Предположенная цена тома много ниже по сравнению с самыми дорогими изданиями («Академия», Челюскин).

Секретариат главной редакции
«Истории гражданской войны» И. МИНЦ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3164. Л. 1, 1 об. Машинописный подлинник на бланке. Подпись — автограф. Комментарии Сталина — автографы.

[1] Сталин дописал: «в Советском Союзе».
[2] Сталин о гравюрах по дереву: «Слабы. Снять!»
[3, 4, 5] Сталин: «Важно».
[6] Общее замечание Сталина по картинам: «Картины слабы».
[7] Сталин: «Какие?»
[8] Сталин: «Надо дать еще постановление ЦК больш[евиков] о воруж[енном] восст[ании] в сентябре — окт[ябре]».
[9] Сталин подчеркнул слова в скобках и написал: «Правильно».
[10] Сталин: «Нужно 300 тыс.».
[11] Сталин: «Нужны портреты: Дзержинского, Фрунзе, Урицкого, Володарского, Куйбышева (Самара), Иоффе, Орджоникидзе (он был тогда в Питере и играл большую роль), Слуцкого (+), Антонова-Овсеенко, (*зачеркнуто*: Лашевича). Нужны также портреты (карикат[уры]-шаржи) Мартова, Либера, Гоца. Нужен портрет Троцкого, игравшего роль в Окт. Рев., Каменева, Зиновьева, Лашевича (он играл полож[ительную] роль), Бубнова. Портреты членов ЦК, избранных на апрельской конф[ерен]ции. Портреты членов ЦК партии, избранных на VI съезде партии (в виде группы)».

№ 262
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ КАЗАХСКОГО КРАЙКОМА ВКП(б) МИРЗОЯН — КАГАНОВИЧУ ОБ ОПЕЧАТКЕ В ГАЗЕТЕ «КАЗАХСТАНСКАЯ ПРАВДА»

16 декабря 1934 г.

Шифровка из Алма-Ата отправлена 8-50 16.XII-1934 г.
Поступила в ЦК ВКП(б) на расшифрование 16.XII-1934 г. ч. 12 м. 20
Вх. № 2959/ш

Москва ЦК ВКП(б) тов. Кагановичу

В краевой газете «Каз[ахстанская] Правда» за 8 число в статье с соболезнованием от редакции «Большевик» вместо фразы «Имя т. Кирова войдет на веки в историю великой борьбы пролетариата» набрана следующая фраза: «Имя т. Сталина войдет на веки в историю великой борьбы пролетариата».

За это указание крайкомом еще до моего приезда арестованы наборщик, корректор и линотипщик. Одновременно сняты с работы врид редактора газеты Ростов и секретарь редакции Березский. Позже арестован директор типографии. Ведется следствие.

Недавно приказом Ягода арестован снятый нами с работы врид редактора Ростов, вина которого заключается в том, что он недосмотрел этот номер газеты. Арест Ростова считаем нецелесообразным, ибо он член партии с 19 г.,

работал в качестве редактора областных газет несколько лет и полезен как газетный работник.

Этот номер газеты был конфискован за исключением 5 тыс. экземпляров, проданных в Алма-Ата.

Результаты следствия сообщу.

МИРЗОЯН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 64. Л. 99. Машинописный подлинник на бланке шифротелеграммы. Резолюция Сталина: «Арх.» — автограф.

№ 263
СООБЩЕНИЕ ТАСС О «ВОЗДУШНОМ ШАРЕ С ДВУМЯ ЛЕТЧИКАМИ КРАСНОЙ АРМИИ», ЗАНЕСЕННОМ НА ТЕРРИТОРИЮ ПОЛЬШИ[1]

[1934 г.]

Издающийся в Кракове «Иллюстрованы Курьер Цодзенны» поместил 2 апреля сообщение, что в окрестностях Родошкевичи (Виленское воеводство) 30-го марта *после маневров*[2] опустился занесенный ветром на польскую территорию воздушный шар с двумя летчиками Красной Армии, которые были переданы польским властям.

Специальное выяснение установило[3], что никаких *маневров и никаких*[4] полетов советских воздушных шаров (ни военных, ни гражданских) в пограничной с Польшей полосе не производилось. *Поэтому*[5] Сообщение указанной газеты является сплошным вымыслом.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 206. Л. 66. Машинописный подлинник. Правка Сталина — автограф.

[1] Сталин зачеркнул заголовок и написал: «(«Известия»). В отделе *Хроника*».
[2] Слова, выделенные курсивом, написаны Сталиным.
[3] Слова, выделенные курсивом, вычеркнуты Сталиным, написано: «Как установлено».
[4] Слова, выделенные курсивом, написаны Сталиным.
[5] Зачеркнуто Сталиным.

№ 264
О ПУБЛИКАЦИЯХ В «ПРАВДЕ» МАТЕРИАЛОВ О ТРИДЦАТИЛЕТИИ БАКИНСКОЙ СТАЧКИ И ОБ ОШИБКАХ ЕНУКИДЗЕ

4 января 1935 г.

Подлежит возврату во 2 часть ОС ЦК ВКП(б)
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СТРОГО СЕКРЕТНО
ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков).
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
№ П1415.
6 января 1935 г.
ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ПОЛИТБЮРО: т.т. Андрееву, Ворошилову, Кагановичу, Калинину, Косиору Ст., Куйбышеву, Микояну, Молотову, Орджоникидзе, Петровскому, Постышеву, Рудзутаку, Сталину, Чубарю

Тов. Жданову
Тов. Енукидзе

По поручению т. Сталина посылается Вам для сведения записка т. Мехлиса от 4.1.35 об ошибках в материалах о 30-летии Бакинской стачки 1904 г.

Приложение: Экз. № 23 на 6 листах.

Зав. ОС ЦК ПОСКРЕБЫШЕВ

Редакция Газеты
«Правда»
4.1.35 г.
Копия. Секретно
В ЦК ВКП(б) т. СТАЛИНУ

В связи с материалами о 30-летии бакинской стачки 1904 г. и допущенными в них ошибками исторически-фактического порядка редакция «Правды» попыталась выяснить первоисточники этих ошибок.

Изучение вопроса показало, что основными документами, искажающими историческую действительность, являются: автобиография т. А. Енукидзе, его статьи и воспоминания.

Обратимся к фактам.

1) Когда была основана бакинская социал-демократическая организация?

Тов. Енукидзе связывает зарождение бакинской организации со своим приездом в Баку. В автобиографии (см. энциклопедический словарь Граната) он пишет:

«В сентябре 1898 г. я получил перевод в бакинское депо в качестве помощника паровозного машиниста. В Баку я вскоре завязал связи, кроме железнодорожных рабочих, и с рабочими заводов и промыслов нефтяного района. В то время в Баку никаких с.-д. организаций не существовало, кроме маленькой группы рабочих, высланных туда из Москвы известным Зубатовым. Вместе с ними мне удалось организовать в трех районах Баку кружки из рабочих (в гор. Сабунчах и Балаханах). Таким образом, начало 1899 г. — можно считать началом основания бакинской с.-д. организации».

В Большой Советской Энциклопедии также написано:

«В то время в Баку[1] не было других с.-д. организаций, кроме маленькой группы рабочих, высланных из Москвы Зубатовым. Вместе с этими рабочими Енукидзе в начале 1898 г. сорганизовал в трех районах Баку кружки из рабочих (в гор. Сабунчах и Балаханах); таким образом было положено начало бакинской с.-д. организации»[2].

В этом же духе вопрос освещен в Малой Советской Энциклопедии и в книжке А. Енукидзе «Большевистские нелегальные типографии», вышедшей в 1934 г. 3-м изданием.

В действительности же бакинская с.-д. организация существовала уже в 1896–97 г.г. Енукидзе же прибыл в Баку в конце 1898 г. По одному этому он не имеет оснований утверждать, что в 1898 г. в Баку не было никакой с.-д. организации. По той же причине т. Енукидзе не мог быть основателем бакинской с.-д. организации, как это утверждается в цитируемых документах.

2) Об умалении роли Владимира Кецховели.

Во всех перечисленных документах, несмотря на отдельные оговорки, т. Енукидзе выступает, по роли и удельному весу в партийной организации, как равноценная с Владимиром Кецховели, фигура. Нечего доказывать, что это искажает действительность. Бакинская с.-д. организация, возглавлявшаяся Кецховели, приобрела в 1900–1901 г. г. облик большевистско-«искровской» организации именно благодаря работе последнего. Вл. Кецховели – один из первых (если не первый) большевиков-искровцев в Закавказье среди грузинских с.-д. В этой связи более чем странно звучит заявление т. Енукидзе о том, что он не сомневается в следующем: «Если бы Кецховели удалось дожить до момента раскола: РСДРП, он бы целиком стоял в рядах большевиков». Как будто бы не Кецховели, а кто-то другой разоблачал «экономистов» – будущих меньшевиков и тех, кто примиренчески был настроен к «экономистам» и к группе «Южного рабочего».

Таким образом, роль Кецховели преуменьшена, а роль самого т. Енукидзе явно преувеличена. В действительности же первый был организатором и вождем бакинской с.-д. организации, а второй, в сравнении с Кецховели, ее рядовым работником.

3) Кем была организована первая с.-д. типография в Баку?

В Большой Советской Энциклопедии сказано, что «благодаря главным образом Енукидзе в Баку была оборудована большая нелегальная типография». В книжке «Большевистские нелегальные типографии» т. Енукидзе подробно рассказывает «о своей роли в организации типографии, о своих поездках в Тифлис, где ему сначала якобы отказали в средствах т.т. Сильвестр Джибладзе и Сталин «на том основании, что тифлисская организация желала, чтобы все дело печатания находилось под ее контролем и руководством».

В сборнике «Двадцать пять лет бакинской организации большевиков», изданном в 1924 г.», т. Болквадзе, известный работник нелегальных типографий, сообщает противоположное.

Бакинскую подпольную типографию организовал Владимир Кецховели. После одной забастовки в 1900 г. трамвайных рабочих в Тифлисе, – говорит т. Болквадзе, – Кецховели, как организатор забастовки, вынужден был скрыться в Тифлисе. Он переехал в Баку и здесь достал средства на покупку одной печатной машины. Приобрести шрифты и остальное оборудование помогла тифлисская организация социал-демократической партии, и вскоре типография начала свою работу». «Первоначально, – продолжает т. Болквадзе, – в типографии работало всего двое: Кецховели и я; через некоторое время, когда работы стало много и мы не могли справиться одни, к нам примкнул т. Цуладзе».

Вывод ясен: организатором первой нелегальной типографии в 1900 г. был Вл. Кецховели. Он же был и редактором нелегальной социал-демократической газеты «Брдзола» («Борьба»).

4) О работе типографии после гибели Кецховели и 2 съезда партии.

Тов. Енукидзе очень путано описывает этот период. В своей книжке он пишет: «До весны 1905 года «Искра» считалась центральным органом партии, и типография выполняла не только задания новоискровского направления, но печаталось там все по отдельным указаниям Центрального Комитета партии,

передаваемым нам через своих членов, как раз тех членов ЦК, которые принадлежали к большевистской фракции. Это был покойный товарищ Глебов (Носков), избранный в ЦК на 2 съезде партии, и Л. Б. Красин – член русской группы ЦК».

Здесь т. Енукидзе не вполне искренен. Не мог же он забыть, что и Глебов (Носков), и Л. Б. Красин в тот период скатились на примиренческие к меньшевизму позиции. О Глебове и его меньшевистском поведении во время объезда Закавказья перед III съездом партии подробно говорят Вано Стуруа и другие товарищи в письмах к Ленину[3].

Тов. Енукидзе смазывает значение раскола на II съезде партии, наводя при этом тень на всю бакинскую организацию. Оказывается, лишь к тому моменту[4] уже назревал тот раскол в партии, который наметился на II съезде. Спрашивается, зачем понадобилось т. Енукидзе извращать известные факты о совершившемся на II съезде фактическом расколе? Для того лишь, чтобы оправдать печатание в типографии меньшевистских материалов. («До весны 1905 года «Искра» считалась центральным органом партии, и типография выполняла не только задания новоискровского направления» – Енукидзе.)

Во всем этом и в других высказываниях т. Енукидзе явно проскальзывает его либерализм в отношении меньшевиков. Крайне характерно такое, вскользь оброненное им, замечание о политическом лице работников типографии до III съезда включительно:

«По фракционным настроениям среди нас преобладали большевики, но было и несколько меньшевиков. Наши разногласия абсолютно не отражались на работе» (см. книжку о нелегальных типографиях).

Как это – принципиальные разногласия большевиков с меньшевиками не отражались на работе? Разве безразлично было, какая литература – меньшевистская или большевистская – печатается?! Оказывается, кто-то выступал в роли «примирителя» большевиков с меньшевиками. «За те годы, – пишет там т. Енукидзе, – я так часто улаживал конфликты и примирял товарищей, что эта привычка сделалась теперь для меня отрицательной чертой». В другом месте мы у него читаем: «Несмотря на нарождающиеся у нас разногласия, мы всегда умели, чувствуя огромнейшую ответственность перед партией, изживать наши споры, но ко времени третьего съезда партии и объявления «Пролетария» центральным органом большевиков в типографии остались только сторонники большевистского течения».

Так обстоит дело с работой т. Енукидзе в типографии между 1 и 2 съездами партии.

Наши выводы:

1) В материалах т. Енукидзе совершенно несправедливо умалена роль Владимира Кецховели – вождя бакинской партийной организации в начале девятисотых годов, одного из первых (если не первого) большевиков-«искровцев» в Закавказье среди грузинских социал-демократов. Зато явно преувеличена роль самого т. Енукидзе. Наша печать, находясь под влиянием этих, много раз опубликованных материалов т. Енукидзе, воспринимает ошибочную точку зрения о роли Кецховели и Енукидзе. Эту ошибку надо в кратчайший срок выправить.

2) Книжку т. Енукидзе «Большевистские нелегальные типографии», вышедшую в 1934 г. третьим изданием, нельзя больше в таком виде переиздавать.

Эту книжку, а также другие упоминаемые нами документы, следовало бы подвергнуть критическому разбору на страницах «Правды». Это может сделать редакция «Правды» или же т. Енукидзе, выступив в печати с критикой своих ошибок.

По поручению редакции «Правды»

Л. МЕХЛИС

Верно: *Ксенофонтова.*
30-вм.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 206. Л. 111. Текст на ротапринте. Подчеркивания рукой Сталина.

[1] Речь идет о 1898 г.
[2] Пометка рукой Сталина на полях: «Суть: не было Бак. комитета до 1900—1901 года, но была бак. организация (как и Тифлис.) еще в 1896 г.».
[3] Сталин отмечает весь абзац на полях и пишет: «Ответ на этот вопрос?»
[4] Речь идет о весне 1905 г.

№ 265
ОТВЕТ ЕНУКИДЗЕ НА ОБВИНЕНИЯ, ВЫДВИНУТЫЕ МЕХЛИСОМ

8 января 1935 г.

Подлежит возврату во II часть ОС ЦК ВКП(б).
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СТРОГО СЕКРЕТНО
ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков).
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
№ П1424
8 января 1935 г.
ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ПОЛИТБЮРО: т.т. Андрееву, Ворошилову, Кагановичу, Калинину, Косиору Ст., Куйбышеву, Микояну, Молотову, Орджоникидзе, Петровскому, Постышеву, Рудзутаку, Сталину, Чубарю
Тов. Жданову
Тов. Мехлису

По поручению т. Сталина посылается Вам для сведения письмо тов. Енукидзе от 8.1.35 г. по поводу материалов о бакинской забастовке 1904 г., опубликованных в «Правде» 29 декабря 1934 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ*: экз. № 14 на 11 листах.

Зав. ОС ЦК ПОСКРЕБЫШЕВ

Копия
Секретно
В ЦК ВКП(б) – тов. СТАЛИНУ И. В.

В «Правде» от 29 декабря 1934 года дается описание Бакинской забастовки 1904 года. В этом описании есть прямые ошибки или вымыслы, связанные с моим именем.

---

* Не публикуется.

Во-первых: дана моя фотография с подписью «организатор и активный работник подпольной типографии бакинского комитета партии в 1904 г.». Я не знаю, кто дал редакции[1] эту фотографию и кто сочинил подпись. В 1904 г. я действительно работал в подпольной типографии Центрального Комитета партии, но не бакинского. К этой, последней типографии я не имел никакого отношения. Никогда я о ней не писал и не говорил.

Во-вторых: подпольная типография бакинского комитета действительно была, и она, как указано в «Правде» в столбце «этапа забастовки», провалилась, и там были арестованы не А. Енукидзе и другие, как написано в газете, а Варлаам Енукидзе и указанные там товарищи. Кто дал эту неправильную заметку – не знаю.

Наконец, в-третьих: моя фамилия рядом с фамилией Вл. Кецховели упоминается в статье т. Раевского. Тов. Раевского я не знаю, и надо т. Раевского спросить, почему он называет меня одним из созидателей бакинской организации в 1899 году.

Редакции «Правды» следовало бы, прежде чем печатать все вышеприведенное, спросить меня, хотя бы по телефону, о правильности того, что касалось моего имени (повторяю, что в 1904 г., как и весь 1905 г., я работал в подпольной типографии ЦК и в организации забастовки 1904 г. и бакинской типографии не принимал участия)[2]. Тогда она не была бы вынуждена «исправлять» в «Правде» от 1 января 1935 г. «ошибки историко-фактического порядка».

Сделавшись жертвой своей неряшливости, редакция в своем «исправлении ошибок» (п. 2) вместо того, чтобы честно сознаться в том, что она ошибочно приплела мою фамилию к истории забастовки 1904 г.[3] и подписала под моей фотографией кем-то сочиненную подпись, с перепугу совсем забывает о типографии Бакинского комитета 1904 г. и говорит о типографии, организованной в Баку в 1900 году, беря сведения о ней из моих воспоминаний.

Что касается п. 3 исправления ошибок, то в нем явно для всякого читателя видна развязность[4] запутавшегося «исправителя». Весь пункт направлен против меня. Получается такое впечатление, что будто я сам написал о себе в связи с 30-летием бакинской стачки и ввел редакцию в заблуждение.

По существу же содержания п. 3 заметки редакции «Правды» могу совершенно определенно сказать, что социал-демократической организации, как организации, а не нахождения отдельных социал-демократов в Баку в 1896–97 годах, не было и что начало организации, т. е. объединения отдельных с.-д. кружков под руководством одной группы товарищей или комитета, надо отнести к 1899 году. (Говоря о своей работе в Баку и о своей роли в создании бакинской организации, нигде, никогда не преувеличивал своей работы, нигде и никогда я не оттеснял других и не выпячивал себя.) Что же касается характеристики Вл. Кецховели, данной в заметке от редакции, то она правильна и совершенно совпадает с тем, что я говорил (о Кецховели) в своих воспоминаниях о нелегальных типографиях.

Вот все относительно ошибок в статьях «Правды» от 29 декабря 1934 г. и заметки «от редакции» от 1 января 1935 года. Выходит так: редакция приписала мне небылицы в номере от 29 декабря, в которых я неповинен, а потом сама же шельмует *меня*[5] в своей редакционной заметке от 1 января. Это недостойно редакции органа Центрального Комитета ВКП(б).

Теперь перейду к другому документу.

Сегодня, 7 января, я получил копию письма т. Мехлиса от 4 января, адресованного т. Сталину и разосланного членам и кандидатам Политбюро.

Тов. Мехлис пишет: «В связи с материалами о 30-летии бакинской стачки 1904 г. и допущенными в них ошибками историческо-фактического порядка редакция «Правды» попыталась выяснить первоисточники этих ошибок. Изучение вопроса показало, что основными документами, исказившими историческую действительность, являются автобиография т. Енукидзе, его статьи и воспоминания». Я удивляюсь, как можно такие вещи писать в Политбюро и ровно ничем не обосновать все это и дальше рассказывать совершенно о других вещах и других событиях.

Никогда я ни в своей автобиографии, ни в статьях и воспоминаниях ни одного слова не писал о Бакинской стачке 1904 года[6], ибо я в организации и проведения этой стачки не принимал никакого[7] участия. Каким образом могли мои вышеперечисленные документы являться «основными документами, искажающими историческую действительность», касающуюся стачки 1904 г., когда я о ней не писал, и как можно прийти к такому заключению, если редакция действительно «попыталась выяснить первоисточники ошибок», допущенных в статье о 30-летии бакинской стачки и «изучила» вопрос? Никогда тов. Мехлис не сможет ответить на эти вопросы без самого недобросовестного искажения фактов.

Какие ошибки вкрались в статью о 30-летии бакинской стачки 1904 года («Правда» от 29 декабря 1934 г.)?

По словам самой редакции «Правды» эти ошибки следующие: (см. «Правду» от 1 января, заметку «от редакции»):

1. В число организаторов забастовки и руководителей бакинских большевиков пропущены «по недосмотру» имена четырех товарищей.

2. «О т. А.С. Енукидзе говорится как об организаторе» подпольной типографии в Баку в 1904 году».

Почему редакция тут не пишет «по недосмотру»? Пусть редакция скажет, кто подсунул ей мою фотографию с неверной подписью. Ведь я нигде и никогда не писал, что организовал подпольную типографию в 1904 г. в Баку. Если же редакция «изучила» вопрос, то почему она не исправила эту ошибку упоминанием типографии бакинского комитета, организованной тт. Оболадзе и Варлаамом Енукидзе и арестованной 18 (31) декабря 1904 г., как это указано в той же «Правде» от 23 декабря? Только там вместо А. Енукидзе надо было исправить В. Енукидзе. Редакция просто отмахнулась от этой типографии и пишет: «на самом деле нелегальная типография в Баку была организована в 1900 году Влад. Кецховели»[8], беря эти сведения из моих воспоминаний. В организации этой типографии 1900 года я принимал самое непосредственное и ближайшее участие и никто не сумеет это опровергнуть. Основателем же или организатором этой или других нелегальных типографий, в которых я работал, нигде и никогда я себя не называл. Это я докажу ниже.

В статье Раевского в том же номере «Правды» сказано, что Бакинская партийная организация была создана[9] в 1899 г. т.т. Авелем Енукидзе и Владимиром Кецховели. Это неверно.

Нет, это верно[10], только правильнее было бы переставить фамилии, т. е. Кецховели поставить[11] раньше меня. Напоминаю, что эта статья прислана в

«Правду» из Баку т. Раевским, которого я не видал и не знаю и в упоминании моей фамилии на первом месте я не повинен. Организации же, как партийной с.-д. организации, в Баку до 1899 года не существовало.

Здесь же скажу, что ни в одном своем выступлении, ни статье, ни автобиографии я не говорил, что я создал или основал бакинскую партийную организацию. Я говорил и писал, что я вместе с другими товарищами организовал кружки на разных предприятиях Баку еще до приезда в Баку Вл. Кецховели и что начало бакинской организации я отношу к 1899 году. Это может быть нескромно, но это верно[12]. Тов. Мехлис, желая почему-то опорочить меня, начинает с вопроса: «Когда была организована бакинская с.-д. организация?». Приведя две цитаты из энциклопедических словарей «Гранат» и «Большая Советская», которые основаны на моей автобиографии и которые я считаю совершенно правильными, просто пишет: «в действительности же Бакинская с.-д. организация существовала уже в 1896—97 гг.». На каком основании это утверждает тов. Мехлис — не знаю. Ни в бытность мою в Баку с осени 1898 г., ни после о существовании там с.-д. организации уже в 1896—97 гг. мне не приходилось слышать.

Допустим, что я искажаю факты относительно даты основания бакинской организации, но какое это имеет отношение к ошибкам, допущенным «по недосмотру» редакцией «Правды» в статье о бакинской стачке 1904 года?

«2. Об умалении роли Владимира Кецховели».

В этом вопросе т. Мехлис доходит до прямой наглости[13]. Никогда и нигде я не ставил себя «по роли и удельному весу в партийной организации как равноценная с Вл. Кецховели фигура». Откуда это взял т. Мехлис? Все то хорошее и правильное, что т. Мехлис пишет о Кецховели, взято из моих воспоминаний о нелегальных типографиях, и после этого заключает: «Таким образом роль Кецхвели преуменьшена, а роль самого т. Енукидзе явно преувеличена». Кто знает и помнит мои отношения к Вл. Кецховели — а такие товарищи есть у нас в партии — те поймут, как тяжело мне слышать обвинения в умалении роли Кецховели с моей стороны! И от кого слышать?

«3. Кем была организована первая с.-д. типография в Баку?»

Тов. Мехлис приводит цитату из «Больш. Сов. Энциклопедии», где написано, что «благодаря главным образом Енукидзе в Баку была оборудована большая нелегальная типография. Я не писал этой статьи в словаре и не читал до напечатания. Нигде я не писал и не говорил, что «благодаря главным образом мне»... и т. д.[14]

Лучше всего обратимся к моей брошюре «Большевистские нелегальные типографии» (Издание «Молодая Гвардия» 1934 г.).

Вот как я выставляю себя, преувеличиваю свою роль и умаляю роль Кецховели и других товарищей.

На стр. 9-й: «...я хотел бы с самого начала оговориться, что во всей этой истории мне лично принадлежит если не второстепенное, то во всяком случае не первое место. Главная заслуга организации и работы этих типографий принадлежит другим товарищам, о которых я дальше скажу».

На стр. 10-й: «Самым главным работником в этой области, первым организатором и основателем типографского нелегального дела нашей партии на Кавказе является покойный товарищ Владимир Кецховели. Он не только основал и организовал первую нелегальную типографию, но благодаря его нео-

быкновенной энергии, организаторским способностям под его влиянием и вокруг него выросло целое поколение товарищей, которые отличились впоследствии работой в этой области».

Говоря о т. Кецховели как о работнике партийной организации, на стр. 11-й мною сказано:

«Главная тяжесть работы в кружках — оживление этой работы и расширение ее как в Нефтепромышленном районе, так и в Черном и Белом городах — легла на т. Кецховели. Он, несомненно, и по своим организационным навыкам и знаниям, стоял гораздо выше, чем я и другие товарищи, начавшие и наладившие там до его приезда партийную работу».

На стр.12-й: «Ладо Кецховели был несколько знаком с типографским делом, так как некоторое время заведовал легальной типографией в Тифлисе. Я же до этого времени никакого понятия о технике этого дела не имел. Когда он задавал мне вопросы — как устроить станок, какого размера и т. д., он поражался моим невежеством».

На стр. 16-й: «Тов. Кецховели по своей натуре был такой человек, который не удовлетворялся уже достигнутыми результатами, и через короткое время наш станок его уже не удовлетворял вследствие своей малой производительности. Он говорил: «Я не могу успокоиться, я вижу во сне, как эти листки и брошюры сотнями и тысячами сыплются, откуда-то появляются и распространяются».

«У тов. Кецховели созрел план добыть во что бы то ни стало средства и купить настоящую типографскую машину...»

Далее в моей брошюре рассказывается, как это удалось осуществить Вл. Кецховели.

Говоря о влияниях разных течений в тогдашнем рабочем движении на нашу организацию, на странице 20 сказано:

«...главный состав работников Бакинского комитета и отдельная группа, во главе с товарищем Кецховели, все время и неизменно примыкали к «Искре».

Далее рассказывается в брошюре о роли т. Кецховели в издании нелегального печатного органа, как ему приходилось по этому вопросу бороться с некоторыми тифлисскими меньшевиками. После долгой борьбы т. Кецховели основал в Баку газету на грузинском языке под названием «Борьба». Эта газета, как подробно рассказано в моей брошюре, сыграла огромную роль в тогдашнем рабочем движении... На стран. 23 брошюры я говорю:

«Товарищ Сталин много раз подчеркивал выдающиеся способности покойного товарища Кецховели, который в то время умел правильно ставить вопросы в духе революционного марксизма, Сталин часто вспоминает, что Кецховели еще в тот момент стоял на совершенно правильной большевистской точке зрения».

В первой части брошюры подробно и совершенно правильно рассказана история организации первой нелегальной типографии в Баку, мое участие в этой организации, история наших переговоров с тифлисскими товарищами, о переезде для работы в нелегальной типографии товарищей Ивана Болквадзе и Васо Цуладзе. На стр. 19-й сказано:

«Тифлисская организация прикомандировала в наше распоряжение двух наборщиков, дала достаточное количество шрифта и денег для приобретения бумаги, краски и других материалов».

Все рассказанные мною факты находятся в полном согласии с рассказами об этом периоде тов. Ивана Болквадзе[15] и других участников нелегальной типографии.

Первая глава брошюры, где рассказано об этой истории, о первой нелегальной типографии, организованной в 1900 г. и затем прекратившей свою работу вследствие ареста Кецховели, меня и других товарищей, заканчивается такими строчками:

«Так кончился первый период работы наших нелегальных типографий при непосредственном участии и руководстве Владимира Кецховели».

Мы были арестованы и заключены в Метехский замок. Говоря о тюремной жизни и борьбе мнений между заключенными (тифлисских товарищей, сидевших в Метехе), на стр. 43 сказано:

«Завязалась полемика между группой упомянутых товарищей и тов. Кецховели...» и дальше: «Мы, бакинцы решительно стояли на точке зрения брошюры «Что делать?», и к нам примкнуло огромное большинство товарищей, даже из тех, которые впоследствии стали лидерами грузинского меньшевизма. Тов. Кецховели своей энергией и неутомимостью оживлял всю тюрьму и был величайшим мастером по изысканию способов передачи записок заключенным товарищам...».

«Установленные в тюрьме «правила и порядок» он неизменно нарушал и во многих отношениях приучил тюремную администрацию относиться к его выходкам сквозь пальцы».

Во второй части брошюры рассказывается о другом периоде работы нелегальных типографий. Этот период относится ко времени с лета 1903 г. до января 1906 г., — когда наша нелегальная типография была ликвидирована и перенесена в Питер.

Работая в нелегальной типографии, вся наша группа не имела никакой связи с местной бакинской организацией, и все, что рассказано в моей брошюре о внутренней жизни нашей группы, о разногласиях внутри этой группы и о том, как я улаживал конфликты, возникающие между товарищами, все это относится к внутренней жизни нашей группы и никакого отношения не имеет к характеристике бакинской организации и бакинского комитета, который даже не знал, что в Баку существует нелегальная типография Центрального Комитета.

Всякий, кто захочет поинтересоваться, как мы жили и работали, может об этом прочитать в указанной брошюре, в которой, как я утверждаю, никаких искажений фактов, подлежащих переработке или исправлению, как фактов, совершенно не содержится.

Выводы тов. Мехлиса:

«1. По материалам тов. Енукидзе совершенно несправедливо умалена роль Вл. Кецховели... зато явно преувеличена роль самого т. Енукидзе»... «Наша печать, находящаяся под влиянием много раз опубликованных материалов т. Енукидзе, воспринимает ошибочную точку зрения о роли Кецховели и Енукидзе. Эту ошибку надо в кратчайший срок выправить».

2. Книжку т. Енукидзе «Большевистские нелегальные типографии, вышедшую в 1934 г. третьим, изданием, нельзя больше в таком виде переиздавать»... «Эту книжку, а также другие упомянутые нами документы-следовало бы подвергнуть критическому разбору на страницах «Правды»...

Я нахожу эти выводы совершенно необоснованными и немотивированными. Они написаны под впечатлением того, что редакция «Правды» по недо-

смотру или по нерадивости допустила ошибки в статье о 30-летии бакинской стачки и еще больше по неряшливости «исправила» эти ошибки в своей заметке «от редакции» («Правда» от 1 января 1935 г.).

Пусть члены Политбюро судят об обоснованности письма тов. Мехлиса.

С ком. приветом

А. ЕНУКИДЗЕ

8 января 1935 года

Верно: *Лукьянова.*

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 728. Л. 108—124. Ротапринтный текст. Пометки Сталина — автографы. На л. 108 в верхнем левом углу пометка рукой Сталина: «В мою папку. И. Ст.».

[1, 2] Сталин подчеркнул и написал на полях: «Так».

[3] Подчеркнуто на полях Сталиным и откомментировано: «Она созналась» («она» — редакция «Правды»).

[4] Напротив слова «развязность», подчеркнутого Сталиным, им поставлен знак вопроса, а на полях откомментировано: «Вот как!»

[5] Сталин в тексте: «не тебя, а себя». Подчеркнуто Сталиным, слово — «меня» — дважды.

[6] Подчеркнуто Сталиным и на верхнем поле написан комментарий: «Об этом и нет *речи*».

[7, 8] Подчеркнуто Сталиным.

[9] Подчеркнуто Сталиным и вопрос на полях: «Создана?»

[10] Подчеркнуто Сталиным.

[11] Подчеркнуто и откомментировано Сталиным: «но ведь Кецховели не было еще в Баку».

[12] Подчеркнуто и напротив последних слов предложения комментарий Сталина: «ха-ха.....» Напротив всего абзаца написано: «Как так? Это.....»

[13] Подчеркнуто Сталиным и на полях написано: «Вот как!»

[14] Подчеркнуто и написано: «А после напечатания». Весь абзац отчеркнут двумя прямыми линиями и откомментирован Сталиным: «сравни с выше сказанным».

[15] Подчеркнуто и на полях написано: «Неверно».

№ 266
СТЕЦКИЙ — СТАЛИНУ И КАГАНОВИЧУ ОБ ОШИБКЕ В ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ»

26 января 1935 г.

Секретарям ЦК ВКП(б) — тов. Сталину
тов. Кагановичу

В «Известиях» от 24 января сего года в отчете о заключительном заседании XVI Всероссийского съезда советов — грубейшая политическая ошибка. Напечатано:

«Избрание в члены ВЦИК нового созыва т.т. Сталина, Кагановича, Калинина, Сулимова и героя Советского Союза т. Молокова съезд встречает продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию».

Таким образом, «Известия» пропустили в перечне избранных во ВЦИК председателя Совнаркома СССР т. Молотова и подменили его т. Молоковым, не вошедшим в состав ВЦИК.

Расследованием установлено, что непосредственный виновник ошибки – литсотрудник «Известий» Грейшман А. А., беспартийный. Записал он фамилии «на слух», на самом заседании съезда. Отчет визировал для печати Штерн Э. Г., зав. отделом советского строительства.

Не заметил ошибки и т. Бухарин, читавший газету в сверстанных полосах.

Редакция обнаружила ошибку лишь вечером 24 января, когда был уже отпечатан и разослан почти весь тираж (полтора миллиона). В исправленном виде отпечатана лишь часть московского тиража.

Вношу следующие предложения:

1. За грубую политическую ошибку, допущенную вследствие слабого руководства работой редакционного аппарата на съезде Советов, т. Бухарину поставить на вид.

2. Штерна Э. Г., зав. Отделом Советского Строительства, с работы снять и объявить строгий выговор с предупреждением.

3. Грейшмана А. А. с работы снять и запретить работать в органах печати[1].

Зав. Отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б)
А. СТЕЦКИЙ

26-1-35 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1052. Л. 123—124. Машинописный подлинник.

[1] Сталин зачеркнул третий пункт проекта постановления (о Грейшмане) и после слов «с работы снять» написал: «арестовать». В перечне выписок указано: Ягоде — 3. Сталин также скрупулезно с цифрами от 1 до 9 поменял порядок слов в пункте первом постановления о Бухарине, который стал звучать следующим образом: «Поставить на вид т. Бухарину грубую политическую ошибку, допущенную вследствие слабого руководства работой редакционного аппарата на съезде Советов». Из справки на Эммануила Григорьевича Штерна: родился в 1903 г. Член партии с 1931 г. Комиссией по чистке 1929 г. исключался как сомнительный и случайный элемент. В 1923—1924 гг. работал шофером в Кишиневе. Затем машинистом торгпредства в Чехословакии, референтом и завотделом печати Наркомторга, ответственным секретарем газеты «Экономическая жизнь». В «Известиях» ранее работал заведующим отделом товарооборота и советского строительства. Из справки на Аркадия Александровича Грейшмана (1900 г. р.). В 1919 г. репортер газеты «Коммунар» в Харькове, в 1922—1934 гг. работает в «Экономической жизни». С июня 1934 г. работает в «Известиях» — сначала литературным сотрудником, а в момент этого скандала ведает группой транспорта в экономическом отделе (там же, л. 125).

№ 267
ЗОРИЧ – СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

14 февраля 1935 г.

Дорогой тов. Сталин!

Если это возможно, я бы очень просил Вас принять меня на несколько минут — для разговора по некоторым литературным вопросам, как мне кажется, имеющим большое и особое значение.

Я не отниму у Вас больше 5—10 минут.

Жму Вашу руку.

А. ЗОРИЧ

14.2.35

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 735. Л. 61. Рукописный подлинник на бланке «Известий».

31 марта 1927 г. Политбюро по докладу Молотова о фельетонисте «Известий» Зориче приняло постановление: «а) Признавая, что поступок Зорича является клеветническим и инсинуаторским, имеющим к тому же политический характер, и, считаясь с тем фактом, что Зорич вторично перепечатал свой фельетон после делавшихся ему со стороны ряда товарищей предупреждений, считая, наконец, что в разговоре с т. Молотовым он не проявил никакого желания исправить свою явную ошибку, — признать недопустимым сотрудничество Зорича в центральной партийной и советской ежедневной печати в течение года. б) Просить ЦКК расследовать вопрос об источниках ложной информации Зорича» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 630. Л. 24, 24 об.). В 1935 г. Бухарин обратится по поводу Зорича к Сталину: «Дорогой тов. Сталин! «В «Правде» ошельмовали Зорича как шантажиста. Между тем он, кроме того, что талантливый фельетонист — человек очень скромный, тяжко больной, ходит на костылях». Из зачеркнутого места черновика письма к Сталину: «Вообще вокруг газеты какая-то странная атмосфера...» (РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 6. Л. 56).

«Наряду с М. Кольцовым З. был одним из первых и наиболее видных фельетонистов» (КЛЭ. Т. 2. Стб. 1044). В 1937 г. А. Зорич (настоящее имя — Василий Тимофеевич Локоть) был расстрелян.

№ 268
ЛАХУТИ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

19 февраля 1935 г.

19/2-35 г.

Дорогой товарищ Сталин.

Прошел еще один год бесплодного ожидания возможности увидеться с Вами.

Я не мог бы быть так настойчив, если бы речь шла о личном деле. Хорошо зная цену каждой минуте Вашего времени, я все же еще раз убедительно прошу Вас подарить мне несколько этих минут.

С коммунистическим приветом

ЛАХУТИ[1]

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 760. Л. 1. Рукописный подлинник.

[1] Абольгасем Ахмедзаде Лахути (1887—1957) — иранский поэт, эмигрировал в СССР. Член ВКП(б).

№ 269
МАРИЯ ОСТЕН — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ РАЗРЕШИТЬ НАПЕЧАТАТЬ ФОТОГРАФИЮ ДЕТЕЙ СТАЛИНА

23 февраля 1935 г.

Дорогой товарищ Сталин!

Год назад я взяла, при содействии московских товарищей, немецкого мальчика — пионера из рабочей семьи в Саарской области и перевезла его в СССР. Мальчик, который рос в атмосфере голода и фашистского террора, попал в царство детского счастья. Он побывал в городе и деревне, посмотрел много

советских детских учреждений и учится в советской немецкой школе. Все это описано мною в большой иллюстрированной книге «Путешествие Губерта в страну чудес», выходящей в «Огоньке», с предисловием тов. Димитрова, под редакцией тов. Кольцова. Затем книга выйдет на ряде иностранных языков.

И вот у меня громадная просьба к Вам, товарищ Сталин. Я прошу разрешить напечатать в этой книге портрет Ваш с дочкой. Какую радость это доставит всем маленьким и взрослым читателям моей книги в СССР и во всем мире: какой подъем вызовет у них... Я надеюсь, что Вы, дорогой товарищ Сталин, не лишите их этой радости и удовлетворите мою просьбу.

С коммунистическим приветом

Ваша Maria Osten. МАРИЯ ОСТЕН

23 февраля 1935 г.

М. Остен. Журнально-газетное объединение «Огонек». Страстной бульвар, 11.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 781. Л. 126. Машинописный подлинник. Резолюция Сталина: «Согласен. И. Ст.» — автограф.

№ 270
ЛАХУТИ – СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

4 марта 1935 г.

Дорогой товарищ Сталин.

9 февраля я сломал правую руку. Несчастье. Болезнь. Но против всякой болезни есть средство. Я получил первую помощь, продолжал лечение у врачей. Не будучи удовлетворен ими, обратился к профессору. С его помощью кость срослась успешно, и на днях я снимаю гипс.

Но у меня есть и другая боль – боль душевная. В ней мне уже не могут помочь ни первая помощь, ни те врачи, к каким может обращаться в таких случаях член партии. Я вынужден был обратиться к профессору, квалифицированней и авторитетней которого нет. Этот профессор – т. Сталин, и этот профессор меня не принимает. Даже умирая от боли, я не стал бы обижаться или пенять на него. Но я обманул бы его, если скрыл бы тот факт, что боль моя от этого безмерно усилилась. Тем больнее мне, что лечения этого я добиваюсь не только для себя, но для дела, точно так же как лечу свою руку для того, чтобы писать и работать ею.

С коммунистическим приветом –

[ЛАХУТИ]

4/3-35г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 760. Л. 2. Машинописный экземпляр без подписи. Пометка рукой Сталина: «313 т. ч.». В левом нижнем углу пометка рукой неизвестного: «П. Показано 17/3-35». Последний абзац отчеркнут на полях.

Хронологически и композиционно письмо связано с предыдущим письмом Лахути к Сталину (документ № 268) и последующей заметкой Сталина (документ № 271), по-видимому сделанной во время встречи с писателем в кремлевском кабинете.

№ 271
СТАЛИН О ВСТРЕЧЕ С ЛАХУТИ

(Без даты)

ЛАХУТИ

1. Хочет работать на Персию через КИ = миф. (*слово «миф» взято в кружок*).
2. Хочет, чтобы его (Лахути) снабжали книгами на персидском языке (= валюта нужна).
3. Союз писателей, он секретарь, но ходу не дают, обращаются с ним, как с несовершеннолетним. (Щербакову дать надрание.)
4. Нужна квартира (Пахомова = бить).

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 760. Л. 3. Рукописный подлинник.

№ 272
ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ АЛЕКСАНДРА ЩЕРБАКОВА О ТЕЛЕФОННОМ ЗВОНКЕ СТАЛИНА ПО ПОВОДУ ЛАХУТИ

4 марта 1935 г.

4/III [1935] Во время пленума в помещении правления звонок. «Товарищ Ст[алин]. Здравствуйте. Что у вас делает Лахути?» «Здравствуйте И. Вис. Лахути является одним из секретарей Правления ССП».

Ст[алин]. «Правительство подарило Лахути машину, и он сейчас мучается с ней. Не имеет гаража. Почему бы вам не поставить машину Лахути в свой гараж».

[Щербаков]. «Я давал такое распоряжение 15 дней назад. Но т. Лахути заболел. И я не проверил, поставлена машина в наш гараж или нет».

[Сталин]. «Вот видите, «дал распоряжение». Этого мало. Если будем давать распоряжения и не проверять — плохо нам будет. Имейте в виду: к товарищам надо хорошо относиться. Ради бога относитесь хорошо. К людям надо хорошо относиться, когда они живы. Умрут — поздно писать некрологи. Помогите Лахути. Человек он своеобразный, обидчивый. Это надо учитывать. С ним надо считаться. Отношение к Лахути бывает неровное, его то забудут, то начинают нянчиться как с ребенком. Последнее тоже его обижает».

[Щербаков]. «Разрешите воспользоваться случаем и сказать, что я 4 месяца стараюсь выхлопотать для Лахути квартиру и нам не удается».

[Сталин]. «Через три дня Лахути получит квартиру в 4 комнаты, и будьте уверены, я свои распоряжения выполняю[1]. Еще раз напоминаю: «Ради бога, хорошо относитесь к людям, пока они живы, поздно проявлять хорошее отношение — когда умрут. Привет. До свидания».

[Щербаков]. «До свидания. Спасибо за науку».

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1494. Л. 17 об., 18, 18 об. Рукописный подлинник.

[1] Лахути получил квартиру в «Доме на набережной».

№ 273
КРЫЛЕНКО – СТАЛИНУ О ЗАЯВЛЕНИИ ЛАСКЕРА С ПРОСЬБОЙ РАЗРЕШИТЬ ОСТАТЬСЯ В СССР

11 марта 1935 г.

РСФСР
Народный комиссариат юстиции
Адрес: Москва, Ильинка, № 7/3
11.3. 35 г.
ЦК ВКП(б)
Тов. Сталину
Копия: Председателю ЦИК СССР тов. Калинину

Один из участников международного шахматного турнира, бывший чемпион мира, в течение 26 лет сохранявший за собой это звание, 67-летний старик Эммануил Ласкер на днях обратился ко мне с письмом, копию которого прилагаю и сущность которого заключается в просьбе разрешить ему жить в Советском Союзе, начиная приблизительно с 1 октября, в течение двух лет для окончания его математической работы (он – доктор математики) с сохранением за ним права выезжать за границу для участия в международных шахматных турнирах.

Имя Ласкера известно всему шахматному миру. Это один из наиболее крупных и талантливых художников этого рода художественного творчества. Его партии, несмотря на то, что Ласкеру 67 лет, полны юношеской силы и поражают глубиной замысла и красотой исполнения.

Ласкер находится сейчас в тяжелом положении. Он бежал из Германии, где фашисты разгромили его квартиру, и живет кое-как в Лондоне. По существу, его ссылка на математическую работу – предлог для того, чтобы скрыть обидную правду, что будущее в условиях капиталистического мира не обещает ему ничего, кроме материальной нужды и одинокого конца.

Московский международный шахматный турнир привлек к себе широкое внимание не только советской общественности, но и за границей, причем игра советских мастеров отмечается как особо выдающаяся.

Об этом же свидетельствует такой факт, как восторженная статья о шахматном искусстве в СССР, помещенная в парижских «Последних новостях» нынешним чемпионом мира, белогвардейцем и ренегатом Алехиным[1].

В этих условиях оказание внимание Ласкеру со стороны Советского правительства может послужить лучшим политическим аккордом к завершению международного шахматного турнира и к еще большему поднятию авторитета СССР, хотя бы только в шахматных кругах за границей.

Одновременно это положило бы конец некрасивой истории, которую проделал с Ласкером наш ОГИЗ, который с 1925 г., несмотря на заключенный договор, не выплатил ему за его книги обещанных 3.000 руб. гонорара под тем предлогом, что договор не был заключен в инвалюте.

Я просил бы санкционировать следующие мероприятия в отношении Ласкера:

1. Пойти ему навстречу и разрешить ему остаться в СССР вместе с женой, сколько он хочет.

2. Предложить ЦИК СССР наградить его званием «заслуженного деятеля искусств» с назначением ему пенсии на все время его пребывания в СССР, в 1.000 руб. в месяц.

3. Предложить ОГИЗу немедленно закончить расчеты с Ласкером — в этом последнем случае — в советской валюте и договориться с ним, если Ласкер не останется в СССР, о порядке выплаты указанной задолженности в инвалюте.

Очень прошу Вас соответственно разрешить этот вопрос[2].

С коммунистическим приветом

Н. КРЫЛЕНКО

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1057. Л. 57, 57 об. Машинописный подлинник на бланке НКЮ. Подпись — автограф. Предложения и вся последняя часть письма, начиная со слов «Одновременно» — перечеркнута. Пометка Поскребышева: «Разреш. П.». За разрешение проголосовали Молотов и Каганович. Выписки Крыленко, Ягоде и Броуну.

[1] В 1935 г. в советской печати будет опубликовано приветствие Алехина по случаю годовщины Октябрьской революции. Аналогичное приветствие будет прислано шахматистом и в октябре 1937 г. накануне двадцатилетия Октября: «От души поздравляю шахматистов СССР с 20-летием Великого Октября. Александр Алехин. Амстердам. 27/X-37 г.». 28 октября нарком юстиции Крыленко пересылает эту телеграмму Сталину и Молотову для получения санкции на опубликование: «Аналогичное приветствие Алехина, присланное в 1935 г., было опубликовано в общей и шахматной печати с санкции ЦК ВКП(б)» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 984. Л. 54—55). 3 ноября редактор «Правды» Мехлис дает свое заключение Молотову: «Известный шахматист А. Алехин прислал советским шахматистам поздравление в связи с 20-летием Октябрьской революции. От печатания воздерживаемся (Алехин — невозвращенец). Прошу указаний. Текст поздравления прилагаю». На запросе пометка Молотова: «ЦК». Таким образом, решение было переадресовано Сталину. Вторая пометка: «реш[ено]» (там же, л. 53). Публикация телеграммы на этот раз будет запрещена.

[2] Решение оформлено 19 марта 1935 г. со следующей формулировкой: «Разрешить Эм. Ласкеру остаться в СССР вместе с женой, на срок по его желанию, с сохранением за ним права выезжать за границу для участия в международных шахматных турнирах».

№ 274
СТОМОНЯКОВ — СТАЛИНУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНВЕНЦИИ С ПОЛЬШЕЙ

15 марта 1935 г.

Народный Комиссариат по иностранным делам
Секретно
Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)
Тов. Сталину
Копия — тов. Молотову

Уважаемый товарищ,

Польское посольство предложило НКИД заключить литературную конвенцию между СССР и Польшей.

В пользу заключения соглашения говорят следующие соображения:

1. Баланс расчетов по литературной конвенции с Польшей, по данным, полученным от нашей Книжной палаты, был бы для нас выгоден, так как в Польше переводят и ставят значительно большее количество советских литературных произведений и пьес, нежели у нас польских.

2. Мы вели в свое время переговоры о литературной конвенции с Германией и Францией, причем переговоры были для нас очень трудными вследствие требований, предъявлявшихся нашими контрагентами в переговорах. После прихода Гитлера к власти в Германии стали сжигать советские книги, и переговоры о литературной конвенции, естественно, прекратились. Переговоры с Францией прекратились после ухода Де Монзи, который проявлял особый интерес к этому делу. Заключение конвенции с Польшей усилило бы наши позиции при неизбежных будущих переговорах о литературных конвенциях с другими странами.

Против переговоров говорит возможность использования Польшей заключения литературной конвенции для поддержания иллюзии в Польше и заграницей о нормальном характере польско-советских отношений.

Принимая, однако, во внимание специальный характер этой конвенции и приведенные выше соображения, НКИД полагает, что можно было бы принять предложение польского правительства. В основу переговоров НКИД положил бы типовой проект литературной конвенции, утвержденный в 1927 году СНК СССР и служивший основой аналогичных переговоров с Германией и Францией.

Проект постановления при сем прилагается[1].

С товарищеским приветом.

Б. СТОМОНЯКОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1057. Л. 53—55. Машинописный подлинник на бланке НКИД. Подпись — автограф. «За» проголосовали Сталин, Молотов, Каганович (автографы). 10 экз. разосланы: адресатам, Молотову, Кагановичу, Ворошилову, Орджоникидзе, Литвинову, Крестинскому, Б. С[томонякову].

[1] 19 марта состоялось решение Политбюро: подписать договор на основе типового проекта литконвенции, утвержденной СНК СССР в 1927 г., ставший основой для аналогичных переговоров с Германией и Францией.

№ 275
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ НОВОЙ ДАЧИ

15 апреля 1935 г.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ
МОСКВА
Рождественский бульвар, д. 15, кв. 2
Апреля 15 дня 1935 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Обращаюсь я к Вам, как правило, только тогда, когда мне уже податься некуда, когда — крайность. Еще три дня назад, услыхав мои сетования, Ворошилов посоветовал мне: «Пиши Сталину». Я три дня колебался, так как не хотел

ставить всего на карту, а мое все базируется на созданной для внутреннего подкрепления утешительной мысли, что какая-то часть Вашего расположения ко мне сохранена и что если я обретаюсь порой в очень нерадостном состоянии, то потому что «Сталин же этого не знает». (Словесная формулировка, собственно, моей жены.) А если бы знал...[1]

Речь идет о моем сильно накренившемся здоровье и о возможности так работать, как бы мне хотелось и как бы я мог.

Тяжело отразилось на моем здоровье следующее обстоятельство: с осени 1931 года по сей день я не имею ни зимнего, ни летнего здорового отдыха, томясь безвыездно в городе. У меня нет загородного приюта и нет никакой возможности его создать. Лето 32 года и лето 33 года свелось к тому, что я на своем фордике, когда уже было дышать нечем, уезжал за город, «в кусты», как диктовалось шоферу. Отдышавшись часа три «в кустах», я возвращался обратно[2].

В прошлом 34 году я после долгих мытарств снял в деревне Баковке пол-избы у лесного сторожа[3]. Но тут оказала себя с неожиданной стороны моя популярность: дворик маленький, голый, заборчик тоже реденький, а вокруг заборчика вечная толчея любопытных, вечное заглядывание и осматривание меня, — осматривание это кончилось тем, что меня приняли за самозванца, что я какой-то проходимец, назвавшийся Д. Бедным, который не мог же вот тут рядом с Буденным ютиться в крестьянской полуизбе. Во избежание дальнейших кривотолков мне пришлось смотаться.

Поехал я тогда к Енукидзе, он хозяин дома, где я живу, авось и с дачей что-либо для меня выдумает[4]. Енукидзе начал с того, что стал в подробностях показывать мне свою — действительно, до невозможности великолепную — дачу. Под конец взмыло у меня горькое чувство и я сказал доброму хозяину: «Хорошо живешь, Енукидзе. Что я в сравнении с тобою? Я живу в деревне на сеновале»[5].

Добрый хозяина, улыбаясь, ожег меня, как хлыстом, таким ответом: «И на сеновале можно хорошо и уютно устроиться. Коврами, напр., сено устлать. Вот Аванесов так жил»[6].

Я буквально опешил перед безмерностью такого бесстыдства. Овладев собой, я сказал доброму хозяину иронически: «Для того, чтобы сказать о тебе, что ты пьешь счастье полной чашей, тебе не достает достойной твоего жилья чаши. Я тебе подарю ее»[7].

— Подари, — сказал хозяин.

Чаши я, несмотря на многократные напоминания при встречах, не дарил. Но подарил ему ее совсем недавно, когда ему уже было не до нее, до этой прекрасной чаши. Пусть пьет из нее то, что в нее нальется[8].

В моей жизни это редчайший случай ответа на обиду. Доказательством силы этой обиды служит уже одно то, что я не удержался от того, чтобы вспомнить ее даже в этом письме.

Убедясь, что дачу, воздух и здоровье мне надо добывать самому, я вынужден был сделать попытку — устроить сие при помощи аппарата, строящего недалеко от Баковки и от Буденного писательские дачи[9]. Я исхлопотал себе участок земли, примыкающий к Буденному. Прижался я к такому соседу с умыслом, стройка производится ВЦИКом большая, авось что-либо и мне перепадет, вода, например, и свет, опять же и дорога соседу выложена прекрасная, а я и без того уже добиваю моего заезженного форда.

Получился, однако, двойной просчет. Дача моя еле-еле оформилась в тот сруб, в ту уродину, которая изображена на прилагаемом снимке. Строить дальше ее не из чего и не на что. Я стою, так[им] образ[ом], перед потерей четвертого лета. Дачи нет. А если бы мне удалось это дупло застеклить хотя бы по-летнему, то все равно... подъезда к даче нету. Семен Михайлович твердо усвоил старое мнение, что «сосед мой — враг мой». Поэтому, когда я стал просить его — позволить хотя бы в дурную погоду проскочить на машине через его участок, я получил отказ в самой непристойной форме. Наладить проезд мимо Буденного тоже оказалось мне не под силу. Этот проезд нужен не только мне, а группе колхозов, буквально воющих от созданного Буденным бездорожья. Выход есть только один: у Буденного прихвачено земли и лесу больше 11 гектаров, — участок форму имеет такую: ружье, — в прикладе, далеко от дула и от мушки, дом. Если у самой мушки — на узкой полоске сдвинуть забор влево на 11 саженей, колхозы — и я — получат проезд, прекратится ругань, вой, ржанье лошадей, карабканье пешеходов у буденновского забора.

Вот какое дело, родной Иос[иф] Вис[сарионович]! Теперь «Сталин знает». Я жажду — здоровья и работы. В тираж выходить мне рано. И не нужно это никому, кроме наших врагов. Я удивительно, незаслуженно счастлив поздним счастьем в моем новом, покойном, культурном и скромном домашнем быту. И весь я — по линии творческих замыслов — в бодром, радостном уверенном певучем настроении. Гири — только те, на которые я здесь сетую. Чего бы я хотел? По существу, немногого: чтобы мне сделали то, чего я не имею возможности сделать сам, никакой возможности. В лучшем случае, Хозотдел ВЦИКа мог бы убрать к черту мой нескладный сруб и поставить для меня более пристойную деревянную дачу комнаты в 4—5 с необходимыми жилпостройками. Я почти уверен, что мою «стройку» — так она неудачна — и достраивать умный инженер не захочет.

Дорогой Иосиф Виссарионович, я был бы удручен, если б Вы на секунду подумали, что мое письмо диктуется хоть тенью «личного» интереса. У меня нет тут ничего личного. Это, если хотите, у поэта чисто профессиональная потребность, чуя приток вдохновения, поэт — по Пушкину —

Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы[10]...

Надо ли законность этого доказывать?
Сердечный привет!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

P. S. Прилагаю полученный мною пробный экземпляр моих басен в кукрыниксовском оформлении. Не делаю на нем надписи, так как готовится особо переплетенный экземпляр, который будет подписан автором и художниками.

ДБ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 98—99. Машинописный подлинник. Резолюция Сталина — автограф.

[1] В этом абзаце иллюстрируется канон эпохи с его штампами и легендами об отношении Сталина с подданными: «Сталин не знает. Пиши Сталину. Если бы он только

знал». Это классическое бытовое преломление догматов гегельянства в восприятии «всемирно-исторического гения» (Сталина) глазами русско-советской интеллигенции в тридцатые годы.

[2] Мотив поездки за город и буколического общения с подмосковной природой — одна из повторяющихся на протяжении десятилетий тем в переписке Демьяна. За три месяца до смерти (май 1945 г.) в письме к Молотову он будет просить о прикреплении к номенклатурному гаражу: «На такой машине я мог бы раз в неделю сматываться из города на воздух в Сосны или в юсуповское Архангельское, где я минувшей осенью пользовался месячным ремонтом своего здоровья» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1441. Л. 82).

[3] Поселок Баковка в Одинцовском районе Московской области. С 1927 г. — железнодорожная платформа. Кроме дачи Буденного там находилась дача наркома финансов Сокольникова.

[4] К моменту написания письма Авель Енукидзе был снят с высшего парламентско-государственного поста секретаря ЦИК, в ведении которого находилась не только охрана Кремля, но и распределение огромных по советским масштабам материальных благ. Отправленный в Грузию в ссылку, ставшую кратковременной остановкой на пути на эшафот, он превращался в удобную цель для атак недругов. Д. Бедный умело использует время атаки и выбор ее объекта. Именно в те дни (4 апреля 1935 г). Николай Ежов, выполняя поручение Сталина, послал ему справку о дачах ЦИК, предоставленных в персональное пользование ответственным работникам. Рыков — Горки 1. На Красной Пахре: Элиава, Бадаев. Смирнов и Ярославский — в Серебряном Бору. Шмидт и Томский — в Болшеве. Бубнов — в Кунцеве. Калинин, Молотов и Енукидзе — в Мещерине. Орджоникидзе, Жданов, Чубарь, Смидович — в Волынском. Каганович — в Сосновке, Буденный — в Баковке (РГАСПИ, Ф. 671. Оп. 1. Д. 52. Л. 32). 17 марта 1935 г. (не позднее) Ворошилов обратился к смещенному со всех высших государственных постов Енукидзе по поводу работы комиссий в области культуры: «Авель Софронович, следовало бы решить вопрос о замещении тебя в разн[ых] ком[иссиях] — театральн[ой] ком[иссии], пушкинской и пр. и, самое главное, — кто будет ведать практическими, мелкими, повседневными вопросами б[ольшого] и Х[удожественного] театров, сейчас все эти дела стоят. К. Ворошилов. P.S. Как быть с артистами б/т, получающими по 3 руб. и не работающими уже в театре. КВ» (РГАСПИ. Ф. 667. Оп. 1. Д. 17. Л. 13). Ответом на данное письмо стала записка Енукидзе Ворошилову от 17 марта, опубликованная в сборнике под редакцией А. К. Квашонкина «Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг.» (М: РОССПЭН. 1999. С. 304—305). Енукидзе высказал желание остаться в комиссиях по академическим театрам, в Пушкинском комитете и в Красном Кресте.

[5] 1 февраля 1938 г., в разгар большой чистки, Политбюро по настоянию Сталина примет постановление под названием «О дачах ответственных работников». Рукописный оригинал написан, возможно, рукой Молотова: «Ввиду того, что, во-первых, ряд арестованных бывших вельмож (*переписано*: «заговорщиков») (Рудзутак, Розенгольц, Агранов, Межлаук, Карахан, Ягода и др.) понастроили себе грандиозные дачи-дворцы в 15—20 и более комнат, где они роскошествовали и транжирили народные деньги, демонстрируя этим свое полное бытовое разложение и перерождение, и ввиду того, во-вторых, что желание иметь такие дачи-дворцы все еще живет и даже развивается в некоторых кругах руководящих советских работников, СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют: 1) Все имеющиеся большие дачи-дворцы *(зачеркнуто)*. 1. Установить максимальный размер дач для руководящих советских работников в 7—8 комнат среднего размера (для семейных) и в 4—5 для несемейных» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1182. Л. 60—61). Сходные аргументы с популистскими уравнительными политическими лозунгами о борьбы с бюрократией повсеместно применялись в КНР времен культурной революции.

[6] В. А. Аванесов (1884—1930) — член партии с 1903 г., предшественник Енукидзе на посту секретаря ВЦИК. Сталин относился к своему близкому соратнику Аванесову

без особой симпатии. 16 марта 1930 г. Енукидзе обратился к Товстухе по поводу похорон Аванесова: «Прошу опросом провести следующие мои предложении об Аванесове»: «В 2 ч. 18/3 вынос урны и похороны на Красной площади (замуровать в стену рядом с урной т. Лепсе)». Сталин на полях снизил престижность кладбищенского ритуала: «На Новодевичьем». «5. Провожать будут сотрудники учреждений (ЦИК, ВЦИК, ВСНХ, Наркомторга и др.) и небольшая красноармейская часть и товарищи. Все остальное будет организовано обычно» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 826. Л. 64).

[7] Демьян умело стилизует восточную мудрость и куртуазную форму обращения подданного к вельможе в риторической фигуре, которую в советской поэзии и, в частности, сталиниане мастерски культивировал иранский поэт Лахути и его переводчица Бану.

[8] В эти дни оставалось два месяца до созыва в Москве июньского Пленума ЦК, на котором Енукидзе и его вельможно-клановый стиль жизни будут подвергнуты уничтожительной критике в докладе председателя КПК Николая Ежова.

[9] По соседству с Баковкой, в подмосковном Переделкине, по решению СНК СССР строился городок писательских дач.

[10] Заключительные строки стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827).

На подлиннике письма имеется резолюция Сталина: «Членам ПБ. Просьба ознакомиться. И. Сталин. По-моему, надо помочь Демьяну, т. е. либо достроить старую дачу, либо дать другую. И. Сталин». «За» проголосовали: Молотов, Л. Каганович, Чубарь, К. Ворошилов, М. Калинин и Орджоникидзе (там же, л. 98). Это неформальное решение Политбюро (т.е. не внесенное в протоколы, хотя оно имело все формальные признаки официального документа) было позднее скорректировано Сталиным. Не позднее 26 апреля он предложил: «Предлагаю поручить т. Ежову устроить дело с т. Демьяном, либо дав ему новую дачу, либо достроить старую. И. Сталин». «За» проголосовали Каганович, В. Чубарь, Орджоникидзе, Ворошилов и Молотов. Это решение получило формальный статус: «П1798 от 26.4.35 г.» (там же, л. 97). Остается загадкой, почему решение о даче Демьяну не было выполнено и поэт был отправлен в сарай на ст. Мамонтовка (см. документ № 280).

№ 276
РАДЕК — СТАЛИНУ О СТАТЬЕ НА СМЕРТЬ ПИЛСУДСКОГО

13 мая 1935 г.

Дорогой товарищ Сталин!

Т. Мехлис просил меня написать для «Правды» статью, характеризующую роль Пилсудского в общественном развитии Польши. Я согласился на это, считая, что в «Правде» можно выпячить* эту сторону дела, в «Известиях» же от социальной характеристики воздержаться. Но, раздумывая, пришел к убеждению, что есть в обстановке моменты, на которые хотел бы обратить Ваше внимание.

Смерть Пилсудского вызовет неминуемо борьбу разных групп пилсудчиков. Связующий их обруч — это убеждение о нашей угрозе, особенно после франко-советского соглашения. Не только каждое слово против Пилсудского, являющегося для них национальным героем, будет использовано против нас, но особенно используют его немцы, которые в последнее время издали ряд биографий Пилсудского и очень подкупали пилсудчиков культом Пилсудского. Думаю, что «Правда» должна ограничиться тем, что дала сегодня, «Извес-

---

* Так в тексте.

тия» же должны дать статью, смысл которой должен состоять в объяснении позиции Пилсудского тем, что он переносил на нас ненависть, полностью заслуженную в Польше царизмом, но что СССР теперь, как и раньше, признавала и признает независимость Польши и что пакт о ненападении имеет для нас незыблемое значение. Если вы согласны с такой позицией, то прошу Вас через т. Поскребышева дать мне указания между 4 и 6 часами (до 4-х буду на приеме французских журналистов)[1]. Одновременно необходимо через культпроп дать указания прессе, важно телефонно известить белорусский обком, чтобы польская радиостанция в Минске воздержалась от нападений. (*Пометка Сталина на полях:* «Правильно».)

При громадном потрясении, которое вызовет в Польше смерть Пилсудского, не считаете ли Вы, что было бы правильным послать на похороны т. Тухачевского, которого Пилсудский уважал и к которому имел большой интерес, или, что было бы хорошо в приказе по Красной Армии сказать по поводу смерти Пилсудского об нашем отношении к независимой Польше. Поляки народ – кичливо – «рыцарский» и подобные театральные жесты имеют в Польше большое значение. Я не ожидаю от этих жестов бог знает каких результатов, но так как с поляками предстоят, быть может, тяжелые вещи, то лишняя зацепка в национальном сознании масс не лишена значения. Минимум – это избегнуть нападений. (*Комментарий Сталина на абзац:* «Не нужно».)

С сердечным приветом

К. РАДЕК

13.5.35

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 793. Л. 12—13. Рукописный подлинник.

[1] Сохранилась записка Бухарина Ворошилову (без даты), тематически связанная со смертью Пилсудского: «Дорогой Клим. Сейчас я принимал французских журналистов. Они через одного нашего сотрудника информируют о желании Лаваля посмотреть армию. Дальнейшее могу выспросить. Это обязан передать тебе по принадлежности. У нас был большой прием всех (по просьбе НКИД). Я был вынужден ради французов почтить вставанием Пилсудского (из дипломатич[еской] вежливости, как «соседа» и союзника Франции). Правильно ли? Бух.» (РГАСПИ. Ф. 72. Оп. 4. Д. 40. Л. 139, 139 об).

Резолюция Сталина: «Лучше ограничиться выражением соболезнований». Пометка: «Сообщено т. Радеку Мехлису (написано т. Поскребышевым)». Сталин: «Членам ПБ Ст.». Решение было проведено как голосование членов Политбюро. Голосовали: Орджоникидзе, Каганович, Микоян, Андреев, Чубарь, М. Калинин, Молотов.

№ 277
СОСНОВСКИЙ – СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ВОССТАНОВЛЕНИИ В РЯДАХ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

15 мая 1935 г.

Копия
Секретно

Дорогой товарищ Сталин!

27 февраля 1934 года в газетах было напечатано мое заявление в ЦК. Через несколько месяцев я написал Вам письмо с просьбой о восстановлении меня в правах члена партии. По Вашему поручению тов. Поскребышев мне разъяс-

нил, что, согласно решению съезда партии, рассмотрение таких дел возможно лишь по истечении установленного срока, т. е. через 6 месяцев после подачи заявления.

Сейчас истекло уже около 15 месяцев. До сих пор я не имею возможности войти в жизнь партийного коллектива, что важно не только для меня, но и для моей работы.

Вы, может быть, успели за прошлые годы заметить, что я не из тех людей, которые способны двурушничать. Этим я объясняю себе известное доверие ко мне со стороны ЦК (в частности, назначение на работу в «Известия»).

Но то обстоятельство, что я все же не восстановлен в правах члена партии, делает мое положение несколько двусмысленным и позволяет кое-кому сделать вывод, что все же мне не доверяют. Да и мне самому трудно объяснять товарищам (особенно в провинции), почему же я не восстановлен, несмотря на резкий разрыв со своим прошлым. Это чувствительно мешает работе, не говоря уже о субъективных моментах (невозможность присутствовать на собраниях редакционного парткоппектива и т. п.)

Я с полным убеждением могу Вам заявить, что ЦК никогда не пожалеет об оказанном мне доверии, и прошу ускорить восстановление меня в правах члена партии, чтобы я мог наконец снова дышать воздухом родной партии.

С товарищеским приветом

Л. СОСНОВСКИЙ

15 мая 1935 г.

Новослободская, 67, кв. 71
дом. тел. Д-3-21-27

Верно
25мн

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1063. Л. 172—173. Машинописный текст.

20 мая 1935 г. данное письмо было разослано в качестве официального документа Политбюро (№ П1868) членам и кандидатам Политбюро вместе с резолюцией Сталина для Ежова: «Надо ввести в партию тов. Сосновского». На гектографированном тексте имеются протокольные отметки о голосовании «за» Молотова, Чубаря, Орджоникидзе, Калинина, Андреева, Кагановича и Микояна. 22 мая Политбюро постановило: «Удовлетворить просьбу Сосновского о приеме в ВКП(б)». Выписки посланы Хрущеву и Ежову. 4 ноября 1935 г. при рассмотрении аналогичного по духу заявления Христиана Раковского Сталин сообщил Политбюро: «По-моему, Раковского можно восстановить в партии в том же порядке, в каком восстановили Сосновского» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1085. Л. 44).

№ 278
СЕРАФИМОВИЧ — СТАЛИНУ О СОВЕТСКОЙ МЕДИЦИНЕ И О ДРУГИХ ВОПРОСАХ

16 мая 1935 г.

Тов. Сталин.

Зимою я не могу ездить — простужаюсь, болею. Все теплое время по колхозам, совхозам, новостройкам в поездках. Работаю над мужичком, которого переломило в колхозное состояние. Данного мужичка превосходно изобразил Шоло-

хов. Мне бы хотелось внести какой-то синтез, чтоб не повторяться. А для этого надо понаблюдать много колхозов, присмотреться, биографии*, и в разных местах. Боюсь, не одолею, сорвусь — туго идет. Как бы ни шло, работать нужно.

До сих пор я пользовался ЦИКовским жел[езно-]дорожным билетом. Отняли. Для моей работы это — драгоценность. Теперь тяжело. Дело не в материальной стороне, — я готов оплачивать свои поездки. Драгоценно то, что я в любой момент, в любом направлении, в любом поезде, в любом вагоне, даже переполненном — постоишь в коридоре, — без всяких хлопот, ожиданий, посыла носильщиков, часто без возможности достать билет, я, не теряя времени и сил, еду, куда в данный момент нужно. Был же у меня случай (до получения ЦИКовского билета) — на Тихорецкой провалялся $1^1/_2$ суток. Мимо идут поезда, никак не влезу в переполненные вагоны — кондуктора задом удивительно ловко скидывали со ступенек. В отчаянии нанял двух носильщиков, они вперли меня на площадку, а потом коленками вогнали в вагон, — было сдох. Если возможно, очень бы просил, чтоб мне давали ЦИКовский билет, хотя бы только на теплое полугодие с оплатой поездок.

2. Получил я сведения о травле слоем врачей-туберкулезников д-ра Слободяника (работает в Кремле). Коновод травли — проф. Хольцман, директор Моск[овского] Туберк[улезного] Института, бывший член ЦК меньшевиков, ныне кандидат ВКП(б). Слободяник — прекрасный, знающий врач. Беспартийный. Безупречно честный. Кремлевские больные и тов. Ходоровский наилучшего о нем мнения. Об этой травле я отказывался писать: об отдельных случаях всяких неполадок пусть молодежь пишет. Но, когда познакомился с делом подробно, ахнул, — страшно, тов. Сталин. Ведь это не отдельный случай, это — система. Это — организация, перед которой до сих пор все бессильны. Это — боевая организация старых врачей, пронизывающая все учреждения, наркоматы, общества, редакции, учебные заведения, частные квартиры, — всюду свои агенты. Пусть у организации нет явной структуры, нет устава, все делается в частном порядке, но фактически — это организация.

Молодые врачи в полном подчинении — пикнуть не смеют. Когда с ними говорят о травле в течение 10 лет д-ра Слободяника, они страшно возмущаются, предварительно оглянувшись по сторонам.

— Так почему же вы не протестуете?!

— Ведь мы жить хотим. У нас семьи, дети, и нас точно так же затопчут.

Я написал статью. «Известия» охотно взяли, сейчас же набрали и... Но сейчас же вся организация была оповещена, хольцманисты навалились на Бухарина; он закачался, оказался общественным трусом, стал вилять, оттягивать, послал в НКЗ, а там же хольцманисты дома у себя — зам. наркома Гуревич друг Хольцмана.

Я в «Правду». А там уж хольцманисты, и «Правда» заявляет: «мы с профессурой ссориться не намерены»... «Правда», которая не щадит, если они не правы, наркомов, попятилась перед Хольцманом. Какая же это мощная организация!

Кто же такой Хольцман? Это — «арап», — говорят врачи, которых я опрашивал и которым доверяю. Ловкий, пронырливый, изворотливый, бесконечно наглый, ни перед чем не останавливается. Он пользуется научным именем несоответственно своему научному багажу. Таково мнение врачей независимых.

* Так в тексте.

Привозят в Моск[овский] Туберкулезный Институт тяжело больного старого большевика Анского А. Я. Осмотрел его проф. Хольцман, призывает д-ра Слободяника, который тоже осмотрел и говорит:

– Вы что думаете с этим больным делать?

– Как что! Лечить.

– Бросьте. Ему ничего не поможет, – безнадежен. Хорошо, если протянет недели три, да едва ли. Не мучайте его. Пусть лежит и спокойно умирает. Во имя интересов всего общества надо лечить тех, кого можно вылечить, не растрачивать впустую силы.

Слободяник все-таки взял его в свою палату, стал лечить, тот поправился и до сих пор благополучно работает в Партконтроле ЦК.

Привозят в Институт тяжело больного старого партийца тов. Фирсова. Осмотрели Хольцман, Слободяник. Хольцман говорит:

– Вы что намерены с ним делать?

– Лечить.

– Вы – молодой врач. Вам надо научно расти. Послушайте моего дружеского совета, – не на трупах же вам учиться. Оставьте. Недели 3–4 осталось, да и то едва ли. Пусть лежит и спокойно умирает.

Жене, матери и брату Хольцман заявил, больной безнадежен, надежды никакой, и трех недель не выживет.

Слободяник взял больного в свою палату, стал лечить, больной поправился и благополучно работает в Партконтроле ЦК.

Буквально такая же история повторилась с т. Челяповым. Ему предложили «спокойно умирать», Слободяник его взял в свою палату, вылечил, и он читает сейчас лекции в Комакадемии.

И с тов. Смирновой (жена видного работника Смирнова – работает сейчас в СТО), та же самая история – предложили умирать спокойно, – Слободяник поставил на ноги, и теперь это – хороший работник.

А вот примеры наоборот. Партийка Гумма заболела туберкулезом. Хольцман осмотрел и заявил: «У нее никакого туберкулеза нет». А у нее открылось кровохарканье, каверны. Слободяник поставил на ноги, но в течение нескольких лет процесс возобновляется от времени до времени, запущен и сейчас она сильно больна.

Конечно, врачебные ошибки неизбежны, но когда слагаются в систему – подозрительно.

Хольцман клал в одну палату вместе больных с открытым процессом (в мокроте – палочки) и больных с закрытым (палочек в мокроте нет). Первые для окружающих ядовито-заразительны; вторые – безопасны (и первые заражали вторых и вообще выздоравливающих). Когда Хольцману говорили, что их надо разделить, он отвечал: «нет, ничего, это не опасно», – вопреки основным положениям медицины. И только когда завязалась борьба, он разделил больных.

Хольцман возненавидел Слободяника, возненавидел за то, что тот вылечивал вопреки его указаниям, за то, что указывал на непорядки в Институте (потребовал чистоты в комнате, где накладывается пневмоторакс), за то, что обличил д-ра Фурмана, который подсунул для пневмоторакса аппарат, наполненный гноем (д-р Фурман трясется, что его выкинут из НКВД, где он накладывает пневмоторакс, поэтому особо ненавидит Слободяника). Когда Слободяник написал статью в «Известиях» – «На борьбу с рутиною в лечении

туберкулеза», Хольцман двинул на Слободяника всю свою организацию, и его растоптали. И уже ничто, ничто не могло спасти Слободяника — ни Прокуратура, ни профсоюз, ни печать, ни РКИ, которая выносила постановления в пользу Слободяника, не приводившиеся в исполнение. Шла громада неписаной организации. Она истоптала до 40 изобретений, предложений Слободяника, часто очень ценных.

Хольцман, конечно, выбросил из своего института Слободяника. Его пригласил для научной работы директор Научно-туберкулезного института, старый большевик, тов. Шифман. Он сердечно относится к Слободянику, от всего сердца хочет ему помочь, глубоко возмущенный дикой травлей Слободяника.

Недавно д-р Слободяник приносит ему свое новое изобретение. Тов. Шифман радостно одобрил и говорит:

— Вот что. Хольцмановская организация, конечно, не позволит изобретению осуществиться. Я предлагаю: передать изобретение другому врачу (у меня есть надежный врач-коммунист). Он от своего имени опубликует. А через год, когда изобретение пойдет в ход и сама хольцмановская организация будет его использовать, мы скажем: а это — изобретение Слободяника, которого вы травили. И права его будут переданы тебе. Другого выхода нет!

Да это что же такое, наконец: честный старый коммунист, с прекрасным именем, директор крупного научного института, и молодой даровитый советский врач — должны лезть в подполье!!

Хольцмановская организация обладает громадной силой проникновения, — она пролезла даже в «Правду» в лице фельетониста Аграновского (он — врач), которому редакция поручила ознакомиться с моей статьей и доложить свое мнение. И он доложил, что с профессурой ссориться нельзя, что оставление гноя в аппарате — мелочь, что статья основана на односторонней информации.

Да ведь вся статья основана на документах (я бы очень просил Вас взглянуть на нее — прилагаю) *Пометка архивиста*: «Статья в архив не поступила»). Я опросил товарищей, которым Хольцман предлагал спокойно умирать. Они все подтвердили с великим возмущением. Они еще раньше подали по этому поводу заявления в Сов. Контроль; ведь это же все можно проверить.

Я убедительно, убедительнейше прошу Вас разрешить мне выступить в печати. Я прошу Вас дать указание «Правде» (или «Известиям») поместить мою статью, но целиком, без поправок. А то в редакции шла речь о том, чтоб рассказать о бедненьком д-ре Слободянике, которому никак не удается осуществить свои изобретения, не трогая Хольцмана и хольцманистов.

Ведь если статья будет напечатана, перед Хольцманом и его однокашниками широкая возможность привлечь меня к суду за клевету. И, если я неправ, я буду убит как клеветник, а они будут окружены ореолом. Никакие комиссии, никакие расследования не помогут. Надо начинать с печати. Но этого-то Хольцман как смерти боится.

Я Вам и десятой доли не передал материала, который я имею в этой области, и даю Вам слово, от него становится жутко.

И последнее. Горький чрезвычайно важный вопрос поднял — о языке. Некоторые ошибки в том, что он излишнее внимание уделил словечкам, разным «скокулёзило». От этого легче всего избавиться, и молодежь после статьи Горького избавляется. А вот об углубленном развитии языка литературно-правильного, об этом не говорят. Тут ведь тоже идет революционный трудный процесс.

К сожалению, за это взялись корректоры, редакторы, издатели – все, кто так или иначе прикосновенен к рукописям. И тут удивительные вещи происходят: художественный язык стараются выхолостить, обесцветить, омертвить, сделать его грамматически правильно протокольным; убивают метафоры; сравнения; убивают индивидуальность языка, – все под одинаковый ранжир. Приходится отбиваться, грызться, – это раздражает, отвлекает силы. Молодежь стонет. Если так продолжится, художественному языку грозит опасность. И тем не менее я бы не обратился к Вам (к культпропу в лице т. Юдина бесполезно). Но когда на собрании партактива писателей тов. Волин, делая доклад о работе Главлита, заявил: «мы ставим себе задачей не только следить за политической стороной книги, но и за ее чисто художественной стороной, языком и проч.»...Тут я решил обратиться к Вам. Будь он семи пядей во лбу, Волин, разве он один может разрешать вопросы языка, художественного оформления. Это дело сложнейших дискуссий, дело критики, столкновения мнений, это дело коллектива. В этом чиновничьем подходе большая опасность.

С коммунистическим приветом

А. СЕРАФИМОВИЧ

16.V.35 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 806. Л. 104—111. Машинописная копия. Подчеркивания Серафимовича. Имеются подчеркивания рукой неизвестного и пометка: «Статья в архив не поступила» (там же, л. 104). Пометка рукой Сталина: «Членам ПБ. И. Ст.». 1 июня 1935 г. было размножено 30 экземпляров машинописи письма (подпись Хряпкиной). Материал Политбюро П1911.

Там же. Л. 112, 116 (с оборотами). Рукописный подлинник. Пометка рукой Сталина: «Мой Арх. И. Ст.».

Сталинское руководство благосклонно отнеслось к меморандуму старейшего советского и пролетарского писателя. 28 октября 1935 г. Политбюро примет постановление «О т. Серафимовиче»: «Разрешить т. Серафимовичу заграничную поездку для лечения (Франция) сроком на один месяц, с отпуском 800 рублей в валюте» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 972. Л. 49).

№ 279
АРОСЕВ – СТАЛИНУ О ВПЕЧАТЛЕНИЯХ РОМЕНА РОЛЛАНА ОТ ВСТРЕЧИ С ВОЖДЕМ

29 июня 1935 г.

Сов. Секретно
Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
Москва 56. Большая Грузинская, 17
Адрес для телеграмм: Москва. КУЛЬТСВЯЗЬ
Москва. Июня 29, 1935 года
ЦК ВКП(б)

Дорогой Иосиф Виссарионович.

Не могу удержаться от того, чтобы не рассказать Вам о том впечатлении, какое произвела Ваша беседа на Ромэн Роллана.

Ромэн Роллан, надо прямо сказать, очарован Вами лично. Он мне несколько раз повторял, что он ничего подобного не ожидал и никогда в жизни себе Сталина таким не представлял.

Основная черта Вашей беседы, которая бросилась в глаза этому острому наблюдателю, формулировалась Ромэн Ролланом так: «Он (Сталин) не изрекает безапелляционных формул, а в процессе разговора как бы вводит собеседника в лабораторию своих собственных суждений и делает собеседника участником в формировании определенного мнения по тому или иному вопросу. Мне очень нравится, что с прямотой, которая присуща только очень большим людям, Сталин мне прямо так и говорил: может быть, тут мы не правы, может быть, нужно было бы сделать иначе, в этом отношении прав Ромэн Роллан и т. д. и т. п.».

Когда мы вернулись с ним в его комнату, он от радости готов был меня расцеловать и говорил, что сегодняшним свиданием он сделал главное дело в своей жизни.

На другой день, т. е. сегодня утром, он уже был так бодр, каким он очень давно не был. Поэтому, чувствуя прилив энергии и жизненной бодрости, он решил сегодня один знакомиться с Москвой и ее музеями (конечно, в сопровождении Марии Павловны).

Дорогой Иосиф Виссарионович! Вы обещали мне дать возможность повидать Вас хотя бы ненадолго по некоторым политическим вопросам, из которых два есть весьма срочные, а один, касающийся Американского Института, в особенности, требует срочного сообщения Вам.

Я имею в виду также обменяться с Вами и по делу, которое мне поручено в Париже по части архива Маркса и Энгельса.

Я предполагаю выехать в Париж – 7/VII-35 г. Очень просил бы до этого времени разрешить свидание с Вами.

С товарищеским приветом

А. АРОСЕВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 795. Л. 60—61. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Пометка рукой Сталина: «В мой архив».

№ 280

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ – СТАЛИНУ О ТЕКУЩИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ДЕЛАХ

3 июля 1935 г.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ
Москва (*зачеркнуто*: «Кремль»)
Июля 3 дня 1935 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович,

накопились – существенные для меня – мелочи.

1) Посылаю Вам «СТО БАСЕН», уповая, что книгу Вы водрузите в своей библиотеке на такое место, откуда она могла бы выполнять то дело, которое мною возложено на нее в надписи на ней[1].

2) С Мехлисом – до трогательности изумительным работником – у меня установились сердечные, «нормальные», как говорит Мехлис, отношения. Тем

не менее, я не уверен, что на этот раз он прав, не пустив прилагаемые мои отклики на парад и на Японский пограничный бандитизм. Может, я и ошибаюсь, но разрешите мне бракованные вещи посылать Вам.

Есть в этих «сбоях» для меня тяжелая сторона: я после сбоев, обычно, сникаю и теряю на некоторое время творческий запал.

3) Разрешите «похитрить» в расчете, что Вы, как всегда, сразу раскусите, в чем тут дело. Прежде всего, я хотел бы, чтобы Вас рассмешила прилагаемая сказка «Кисель и ложка». Реальная ее подоплека: т. Ежов на мои вздохи, что дача — «мечта», от которой меня клещами не оторвать, но 40-километровая досягаемость ее для моего разбитого, (а теперь уже ушедшего в капитальный ремонт) Фордика весьма слабовата, сказал мне категорически: ты получишь новую машину. Прошли май, июнь, идет июль. Ежов — по причинам, известным ему, а не мне, — прячется от меня, как черт от ладана: не дозвониться к нему, а на записки — и на прилагаемую сказку — не отвечает. Меня это, старого и пуганого воробья, настораживает, тем более что и «мечта» остается только мечтой, — возбуждает настороженность та подозрительная медленность, с какой — третий месяц! — (*приписка Бедного*: «А работы на $1^{1}/_{2}$ недели!») ищут для нее маляров и все никак не найдут, и будет ли дача готова к концу лета, неизвестно, — а пока я «без киселя и без ложки», живу возле Буденного в сторожке и обретаюсь в состоянии некоторой подавленности. У меня развилась за последние годы тягостная форма мнительности, все мне кажется, не вступил ли я ненароком во что-то слизкое, я все оглядываю свои подметки: «Ежов держит себя в отношении меня явно оскорбительно... Э-э-э-э-э... Не прилипло ли чего опять...» И осматриваю подметки...

Но по-честному: я все же сказку посылаю не только, чтобы Вы улыбнулись. Вы — чтец, дай бог каждому. Я впервые, шутки ради, написал прозаическую сказочку, и она мне самому так со стороны формы понравилась, что я приуныл: дескать, что же это я промазал такую форму раньше, ни разу не использовал ее! А к этому, заметьте, что я вообще сильно стал подумывать о прозе и пообещал «КРАСН. НОВИ» повесть даже — «ВЛАС»[2]. Если Вам покажется, что случайная моя первинка сказочно-прозаическая формально чего-либо стоит, это меня приободрит. Со стихами у меня «сбои». Пора переключаться на другое, если это другое удается.

Хотел бы Вас пореже беспокоить.

Сердечный привет!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

P. S. Какой был парад![3] Как не откликнуться. А у меня «сбой».

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 104, 104 об. Машинописный подлинник на бланке Д. Бедного. На первой странице рукой неизвестного: «От Демьяна Бедного». Последние два предложения отчеркнуты на полях. Подпись и постскриптум — автографы. Приписка рукой неизвестного: «Басни в архив не поступали».

[1] В остатках сталинской библиотеки (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3) этой книги Демьяна Бедного не обнаружено.

[2] Повесть «Влас» Демьяна Бедного в журнале «Красная новь» не публиковалась.

[3] 30 июня 1935 г. состоялся парад физкультурников на Красной площади в Москве. На трибуне Мавзолея Ленина вместе с руководителями страны присутствовали Ромен Роллан и его жена Мария Павловна. 1 июля в «Правде» были опубликованы стихи Виктора Гусева «Красная площадь» и отзыв Максима Горького на парад: «Да здравствует простая, ясная мудрость наших вождей, первых и единственных в мире <...> которые никогда не пошлют народ свой порабощать маньчжуров, абиссинцев, китайцев, индусов». В главном отчете о параде подчеркивалось: «120 тысяч физкультурников — загорелых, мускулистых, стройных и задорных — прошли вчера через Красную площадь, приветствуя родного Сталина, руководителей партии и правительства». Фигурный строй самолетов выписывал на небе фамилию «Сталин».

№ 281
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. СТИХОТВОРЕНИЕ «И. В. СТАЛИНУ. ЗА ВСЁ!»

16 июля 1935 г.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ
МОСКВА КРЕМЛЬ
Июля 16 дня 1935 года

И. В. СТАЛИНУ
ЗА ВСЕ!

Для благодарного поклона
Нужна не только голова.
Чтоб избежать в письме шаблона,
Нужны особые слова.
Я в первый раз пред поворотом —
Еще одним — моей судьбы,
Отерши лоб, покрытый потом,
Себя почувствовал банкротом
В искусстве письменной резьбы.

Есть утомляемость у стали,
И устает крепчайший мозг,
Смеется день, сверкают дали,
Но — после ласки — нервы сдали:
Я превратился в мягкий воск.

Чтоб укрепить себя заметней
Покоем, нужным для души,
Я до конца погоды летней
Дни проведу свои в тиши.

Чтоб, дав потом «Пегасу» шпоры,
Творить в сознаньи, что творю
В тепле уюта, за который
Я нежно Вас благодарю.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 108, 108 об. Машинописный подлинник на бланке Демьяна Бедного. Пометка рукой Сталина: «В мой архив. Ст.».

№ 282
ЭРЕНБУРГ — БУХАРИНУ О ПАРИЖСКОМ КОНГРЕССЕ В ЗАЩИТУ КУЛЬТУРЫ

20 июля 1935 г. (не ранее)

Конгресс

Вы были до некоторой степени свидетелем того, как этот конгресс родился[1]. Частично Вы толкнули меня на это дело. Прибегаю к Вашей помощи: Вы втащили, помогите выйти. Вы наверно знаете, с какими трудностями собрался этот конгресс. Барбюс писал мне письма, обвиняя в «саботаже, измене» и пр. Конгресс родился буквально у меня на квартире, где собирался десяток французских и немецких писателей, его подготовлявших. Я хотел расширить рамки, избегать морповских «земляков». Меня обвиняли в том, что я «интригую» и пр. Москва, несмотря на мои запросы, молчала. Я все же продолжал работу, хотя для меня этот конгресс был бедствием. Я считал своим долгом довести его до конца. Еще накануне за два дня до открытия съезда мне приходилось уговаривать Жида и др., которые в последнюю минуту хотели отказаться. Во время съезда должен был опять-таки удерживать его, да и некоторых других французских писателей, нам дружественных, от прямого или косвенного выступления против нас. Можно сказать, что в итоге конгресс удался. Резонанс его и здесь силен, дело сделано. Я считаю все же необходимым сказать прямо, что Союз мог добиться большего и выше поднять свой престиж.

Наша делегация была очень многочисленна, но большинство писателей, входивших в нее вовсе неизвестно заграницей, в частности во Франции[2]. Когда выяснилось, что Горький и Шолохов не приезжают, наших французских друзей охватила паника[3]. Андре Жид, Мальро и Блок звонили в полпредство. Жид даже хотел идти к Потемкину, чтобы просить о посылке Бабеля и Пастернака. Последний приехал, увы, больным. И он, и Бабель приехали только к последнему дню конгресса. Их выступления были покрыты овациями, но все же можно сказать, что будь Бабель здесь — с его знанием языка и толковостью — с первого дня, можно было бы выпустить совделегата с полемикой, тогда как остальные ограничивались только чтением по бумажке. Если брать таких людей, как Жид, Мальро и пр., то присутствие Бабеля, Пастернака, Тынянова, Федина, Шолохова могло бы с первого дня поставить нашу делегацию в иное, куда более выгодное, положение. Если говорить о тех рабочих, которые читают, то им неизвестен Панферов, но они хорошо знают Гладкова. Мне думается, что следовало бы учесть, так сказать, «экспортный характер» нашей делегации. Впервые мы выступили на Западе рядом с такими писателями, как Жид, Манн, Мальро и пр., и вопрос о качестве вставал все время. После того, как выяснилось, что Горький и Шолохов не приезжают, делегацию составляли:

Кольцов — в газетах писали «redacteur de Pravda» — известный по имени как журналист.

Караваева — здесь неизвестна.

Киршон — здесь известен мало.

Панферов — здесь известен мало[4].

Тихонов — здесь неизвестен (поэзия вообще трудней переходит границы).

Луппол — не писатель.

Щербаков.

Эренбург, который известен как полупарижанин.

Остаются Всеволод Иванов и Толстой — известные как писатели[5].

Итак, на 10 русских только 3—4 известных.

Западных условий, за исключением Луппола и Кольцова, не знал никто[6].

Доклады привезли огромные. Пришлось на месте сокращать. Доклады были канцелярские — не чувствовалось в них за редкими исключениями, что их писали писатели[7]. Всеволоду Иванову предложили прочесть доклад о том, сколько у нас писатели зарабатывают, чем вызвали неприятное изумление конгресса и принизили авторитет этого хорошего писателя. В ряде докладов были чисто политические пассажи, непреломленные через литературу. Было много и чудовищного. В одном из главных докладов значилось, что учителя социалистического реализма: Андре Жид, Барбюс, Генрих Манн и Андерсен-Нексе. В переводе на русский язык это звучит так: учителя социалистического реализма Андрей Белый, Леонид Андреев, Борис Зайцев и Серафимович. Мне стоило большого труда, чтобы отговорить французских писателей от выступления после этого доклада с критикой его вряд ли снисходительной, Андре Жид, Мальро и др. не раз говорили: «Мы защищаем советскую культуру, а потом ваши товарищи выходят и наглядно опровергают то, что мы говорим». Конечно, все спасало, что это советская делегация. Нас слушали, и нам аплодировали за то, что мы представители СССР. Но могло быть иначе: мы могли увеличить наш культурный престиж. То же самое относится к выступлениям национальных литератур. Они были «в загоне». На московском съезде доклад о грузинской литературе был одним из самых блестящих: он показал, что грузинская литература — ценность первостепенная[8]. Здесь же представители национальных литератур говорили только о своем национальном освобождении. У французов создалось впечатление, что это «младшие братья»: вы, мол, русские говорите о поэзии, а они говорят только о начальных школах.

За два месяца до съезда я писал в Москву, что готовится выступление троцкистов о Викторе Серже и что надо подготовить отпор. Это было сделано чрезвычайно слабо. Несмотря на то, что мне самому пришлось вполне импровизованно принять участие в нашей защите, я должен сказать, что она была слаба. Хорошо, что утром мне удалось привлечь к делу Жида и что выступила Зегерс. Очень жалко, что наши вожаки не дали выступить по этому вопросу Лахути, который, благодаря своей биографии и своему положению, мог бы сыграть выигрышную для нас роль.

Дело очень серьезно: поскольку мы заинтересованы в симпатиях французской интеллигенции, мы не должны оттолкнуть от себя Жида, Мальро, Геено и др. Повторяю, несмотря на все, конгресс закончился успехом, и если я описал вам кое-какие слабые стороны, то только потому, что я убежден, что советская делегация могла бы показать себя куда более в выгодном свете. Я никого лично не обвиняю, да и глупо обвинять людей, которые сами хорошо не понимали, перед кем они должны говорить, как говорить, о чем. Я только думаю, что, взвалив на меня огромную часть дела созыва конгресса, можно было бы проявить некоторое доверие ко мне и хотя бы мимоходом спросить моего совета о составе нашей делегации и о характере наших выступлений с точки

зрения наибольшей эффективности этого у Запада. Этого никто не сделал. Не подумайте, что речь идет о самолюбии, просто обидно за наше общее дело.

Во время конгресса моя роль была успокаивать французов и сглаживать наши «гаффы» — роль достаточно неблагодарная. Как и раньше, со мной не советовались: мне объявляли. Все это в порядке вещей, так как я — беспартийный, никакого поста не занимаю, просто писатель Эренбург. Но сейчас я ставлю вопрос о дальнейшем. Меня выбрали в секретариат организации вместе с Кольцовым. Значит, мне придется опять-таки уговаривать французов мириться с нашими своеобразностями (что хорошо) и несообразностями (что хуже). На первом же собрании секретариата наши делегаты выступили с предложениями, о которых я даже не знал. В Москве, может быть, это и привычно, а главное, там все люди свои и сходит все с рук. Здесь это невозможно. Вы знаете, как я попал во всю эту перепалку, помогите мне высвободиться. Я не считаю, что моя работа в таких условиях может быть продуктивной. Это просто меня изведет, а пользы даст весьма мало. Гораздо лучше, если секретариат будет находиться в Москве в виде того же Кольцова и он будет списываться с французами, как американский секретариат находится в Америке, английский в Англии. Во всяком случае, Вы должны помочь мне освободиться от этой «работы», которая при таких условиях не может дать никаких положительных результатов, а меня может доконать. Я жду Вашего скорого и подробного ответа на это письмо: о моей роли в секретариате Международной организации писателей.

Ваш

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 25—29. Машинописный текст.

[1] Это эссе было направлено Эренбургом Бухарину, который переслал его Сталину. Ранним летом 1935 г. Эренбург уже сообщал Бухарину о ходе подготовки к международному съезду писателей в Париже. Вопросом этим во Франции должен был заниматься Барбюс, но он уехал в поместье. Эренбург: «В итоге я очень опасаюсь, что будет мало звезд и много различной богемской сволоты троцкистско-анархического типа — писатели никакие, но поговорить любят. Наша делегация своеобразна: никто не владеет иностранными языками, из 18 душ только 5 хотя бы несколько известны на Западе как писатели. Впрочем, все это к делу не относится — просто мои страхи». Не обошлось без небольшого доноса: «Я слыхал, как К[ольцов] просил у [Жана Ришара] Блока статью для «Правды» (РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 4. Л. 160, 161 об.)

[2] 19 апреля 1935 г. была помечена записка Щербакова в Политбюро о «международном съезде писателей в Париже». Председателем советской делегации намечался Максим Горький, заместителями — Кольцов и Щербаков. Запрашивалась сумма 20 тыс. руб. золотом («Сумму спросить т. Стецкого» П[оскребышев]). Кольцову выехать в мае. Установлено, что в группе будет одиннадцать делегатов от РСФСР плюс три украинских литератора и двое из Закавказья. Писатели-делегаты рассматривали поездку в Париж как возможность еще на некоторое время остаться в Европе (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1059. Л. 186).

[3] 21 мая 1935 г. по записке Щербакова Политбюро постановило: «Освободить от поездки в Париж на международный съезд писателей тов. Шолохова М. согласно его просьбы». Решено включить Панферова и Якуба Коласа от Белорусской ССР (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1063. Л. 131). 27 мая Щербаков сообщит Сталину об отказе Горького ехать в Париж (Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. С. 256—257). Узнав об этом, Сталин и Молотов попытаются переубедить патриарха советской литературы. 31 мая 1935 г. Сталин и Молотов лично обратятся к Горькому,

отдыхавшему в Тессели в Крыму: «Алексею Максимовичу Горькому. Копия: Щербакову. По нашему мнению, Вам обязательно нужно поехать в Париж на съезд писателей, если, конечно, состояние здоровья позволяет. № 790/ш. Сталин. Молотов. 31.5.35 г. 14 ч. 35 м.» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 52. Л. 108. Там же, л. 109. Автограф Сталина). Отказ Шолохова от поездки в Париж не означал, что его высший статус номенклатурной лояльности был под сомнением. За год до этого Политбюро рассмотрело ходатайство писателя о заграничной поездке:

«ЦК ВКП(б)

Прошу разрешить мне поехать в Данию и Англию на месячный срок с выдачей необходимой валюты.

М. Шолохов

Москва
14 июня
1934 г.», (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1027. Л. 105)

Решение Политбюро от 15 июня 1934 г. Сталин проголосовал: «За. И. Ст.». Голосовали Ворошилов, Каганович, Куйбышев, Жданов, Микоян. 28 ноября Шолохов выезжает за границу и посещает Стокгольм, Копенгаген, Лондон и Париж. 22 января он выезжает из Парижа в Москву, т. е. проводит за границей два месяца вместо запрошенного одного (см.: Гура В. В., Абрамов Ф. А. М. А. Шолохов. Семинарий. 2-е изд., доп. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1962. С. 185—186. Благодарен проф. Герману Сергеевичу Ермолаеву, указавшему мне на этот источник).

[4] 13 июня 1935 г. накануне открытия парижского конгресса принято решение Политбюро: «т. Панферову остаться после конгресса писателей на 1,5 месяца во Франции, Италии и Турции». Выписки Панферову, Ягоде, Броуну. Решение стало ответом на личное обращение Панферова к вождю:

«13 июня. Тов. Сталин.

Я за границу еду впервые. Хотелось бы после конгресса месяца на полтора задержаться во Франции, Италии и Турции.

Прошу Вас разрешить мне это.

Крепко жму руку.

Ф. Панферов

3-я Гражданская.
60, кв. 37.
Тел. 1-17-54» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 1065. Л. 151, 151 об.)

В четвертой части романа «Бруски» Панферов обрисовал свои парижские впечатления: «Спокойно колыхалась в гранитных берегах Сена, и непробудным сном спал парижский обыватель. Но не спал голодный, измызганный, изношенный Париж. На лавочках и скверах, сидя, прислонившись друг к другу, спали бездомные старички, шныряли по темным переулкам мелкие воришки, «коты» — организаторы «ночной охоты». Они водили за собой, как егерь — борзых, девушек и напускали их на прохожих» (и т. д.) (см.: Панферов Ф. Бруски. М.: ГИХЛ, 1937. С. 201).

[5] 26 апреля 1935 г. было принято первое решение Политбюро о составе советской делегации на международный съезд писателей, но имени Вс. Иванова там не было. Щербаков и Кольцов обратились к Сталину с просьбой разрешить дополнительно поездку в составе делегации в Париж Всеволода Иванова: «Имея крупное международное имя и представляя в своих вещах высокий художественный уровень советской литературы, Иванов за последнее время соединяет в себе высокую творческую активность с большой общественной работой в Правлении Союза» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1060. Л. 190). Ср. также письмо от 20 апреля по этому поводу от Щербакова к Горькому: «Мне помнится, что в том списке, какой вы мне показывали — Вс. Ива-

нов был. В постановлении его имя не упомянуто. Видимо, это недоразумение, и поэтому мы с М. Кольцовым кому следует заявили просьбу о включении Всеволода в делегацию. Было бы хорошо, если Вы со своей стороны пошлете хозяину телеграмму» (опубликовано: Счастье литературы // Государство и писатели, 1925—1938: Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. С. 188).

[6] Кадровая политика советского режима в вопросе заграничных командировок была одним из самых верных барометров статуса и политического веса данного индивидуума на номенклатурной бирже в конкретный момент. Отказы выездных комиссий удовлетворить зарубежную поездку часто расценивались как клеймо неблагонадежности и верный признак опалы гражданина. Но и поездка не означала, что через год или два счастливца не постигнут трагическая опала, арест или расстрел. Например, 14 июня 1935 г. № 130/сч Уншлихт сообщает Сталину о желательности поездки Луппола после конгресса в Париже в Италию и Англию на 2—3 недели для «ознакомления с аналогичными институту учреждениями». Для этого потребовалось бы 300 золотых рублей (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1066. Л. 35). Позднее в чистке погибнут и Уншлихт, и философ Луппол.

В свете сложной системы согласования зарубежных поездок деятелей советской культуры, например, следовало бы скорректировать историю с несостоявшейся поездкой М. А. Булгакова в Париж вместе с группой актеров МХАТа. Документы свидетельствуют, что на решающем этапе его имя как кандидата на поездку дирекцией МХАТа не упоминалось. 10 мая руководитель комиссии по академическим театрам Енукидзе обращался в Политбюро: «По примеру прошлого года дирекция МХАТ Союза ССР им. Горького возбудила ходатайство о разрешении выехать заграницу в летние месяцы для лечения и в связи с этим о предоставлении на эту цель валюты артистам МХАТ»: Немировичу-Данченко с женой — 2 тысячи, Книппер-Чеховой, Леонидову, Москвину, Шевченко Ф. В., Качалову, — по восемьсот, О. С. Бокшанской — 400 руб., П. А. Лужской и Л. М. Кореневой — по 500 руб. Енукидзе: «Прошу Вашего решения по этому вопросу» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1023. Л. 28). Решение Политбюро принято 14 мая.

[7] Придавая большое дипломатическое и политическое значение цензуре выступлений советских делегатов, Сталин лично проинструктировал Щербакова и советского полпреда во Франции Потемкина:

«Шифром в Париж
Щербакову, Потемкину

Ввиду серьезного значения для СССР выступлений и докладов наших делегатов на съезде писателей считаем, что вы должны согласовывать все доклады и выступления с нашим полпредом Потемкиным.

№ 922/ш *Сталин*
20.6.35 г. 17 ч.» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 52. Л. 114).

В письме Сталину от 28 ноября 1935 г. Эренбург напишет: «Многое пришлось выправлять уже в дни конгресса, и здесь я действовал в контакте и часто по прямым советам т. Потемкина. Мне дорог престиж нашего государства среди интеллигенции Запада <...> Если я работал над созывом конгресса, если теперь я продолжаю работать над организацией писателей, то только потому, что в свое время мне предложил делать это ЦК партии». Под «ЦК партии» подразумевается Сталин (см.: «Я не понимаю литературы равнодушной» // Источник. 1997. № 2. С. 110).

[8] Доклад о грузинской литературе на съезде советских писателей был сделан М. Г. Торошелидзе. См.: Первый всесоюзный съезд советских писателей. 1934. М.: ГИХЛ, 1934 / М.: Советский писатель, 1990. С. 74—103.

Резолюция Сталина на сопроводительном письме Бухарина: «Т. Кагановичу. Обратите внимание на прилагаемые документы и не давайте нашим коммунистам доконать Эренбурга. И. Сталин» (регистрационный номер из альбома резолюций Сталина: № 649/9.8.35 г.).

№ 283
ЩЕРБАКОВ, КОЛЬЦОВ — СТАЛИНУ ОБ ИТОГАХ ПАРИЖСКОГО КОНГРЕССА

21 июля 1935 г.

ЦК ВКП(б)
Тов. Сталину

Состоявшийся в Париже Международный Писательский Конгресс следует считать крупнейшим событием в области консолидации антифашистских сил. Идея конгресса, возникшая в маленькой группе французских интеллигентов, слабо связанных между собой, беспомощных в организационном отношении, совершенно без средств — эта идея оказалась настолько своевременной в нынешней обстановке, что притянула и кристаллизовала все лучшее в западно-европейской и американской литературной интеллигенции. Ни крупные разногласия во французской группе, ни попытки троцкистов сорвать самый созыв конгресса, ни бойкот буржуазной печати (прекратившийся с началом конгресса), ни бездействие ряда французских товарищей (Барбюс, редакция «Юманите»), не воспрепятствовали осуществлению съезда, его возрастающего и в заключение весьма громкого успеха.

Советская делегация, следуя полученным от т. Сталина указаниям, активно добивалась еще в подготовительный период придания конгрессу по его составу физиономии, характера многосторонней антифашистской акции (а не только антигерманской) и устранения признаков чисто франко-советского начинания. Главный удар против германского фашизма был нами направлен из среды самих же немцев, для чего мы организовали наиболее широкое и авторитетное представительство лучших немецких писателей, и это удалось вполне. Однако нам пришлось пойти дальше и, вследствие неорганизованности и споров между участниками конгресса, взять на себя фактическое закулисное руководство и роль арбитра, как между делегациями, так и внутри их.

Тяжелым ударом, почти было сорвавшим конгресс, были внезапная болезнь и неприезд Горького. Часть французов-инициаторов отказались проводить конгресс без Горького; советской делегации стоило громадных усилий уломать их.

Прохождение самого конгресса известно, освещение его в советской печати отражает подлинную его картину. Наиболее важными из ряда выдающихся выступлений следует считать речи Жида, Шамсона, Геэно, представителя католических писателей Мариона, из немцев — Манна, Фейхтвангера, американца Волдо Франка. Это — поворот крупнейших буржуазных писателей к коммунистической культуре. Само собой, коммунизм Жида далек от подлинного марксизма и вряд ли приблизится к нему. Но в тенденциях и симпатиях этот крупнейший писатель Франции тянется к нам и старается служить чем может, вплоть даже до выступлений на рабочих собраниях за советскую власть и коммунизм.

Весьма показательны присутствие на конгрессе и позиция крупнейших английских либеральных писателей Форстера и Гексли, впервые за все годы принявших участие в таком ярко окрашенном начинании и активно выразивших свою открытую враждебность фашизму. Важно участие в конгрессе и крупнейшего французского писателя Бенда, идеалиста по миросозерцанию, но вошедшего в общее политическое русло конгресса.

Так или иначе, конгресс привел к образованию весьма широкого, хотя пока еще некрепкого антифашистского писательского фронта. Это и заставило буржуазную печать, вначале намеревавшуюся замолчать конгресс, наоборот, выступить со множеством больших статей, сигнализирующих «коммунистическую заразу» в рядах лучших мастеров пера современности. Конечно, успех этот нуждается во вдумчивом закреплении, потому что даже наиболее близко подошедшие к нам писатели находятся в плену буржуазных иллюзий или подвержены некоторому политическому авантюризму (Мальро). Надо сказать, что в отношении к Советскому Союзу участники конгресса проявили наибольшее единодушие; но и тут есть шатания (отношение к оборонным пактам, дело Виктора Сержа).

Выступление на конгрессе двух троцкистов следует вполне объективно считать провалившимся и успешно отбитым с нашей стороны. (Характерно, что зарубежная печать не сочла эти выступления заслуживающими хотя бы упоминания.) Следует, однако, каким-нибудь образом урегулировать вопрос о Викторе Серже, так как отсутствие материалов о нем приводит в затруднение наших сторонников, постоянно атакуемых троцкистами.

Немало затруднений в работе доставило нам двусмысленное поведение Эренбурга. Являясь постоянно живущим в Париже советским писателем, он должен был бы быть защитником наших интересов и влиять на французов в затруднительные моменты. Однако, сросшись морально и связавшись материально с парижскими кругами, Эренбург предпочитает роль нейтрального лица между французами и советскими, и нашу делегацию пытался несколько раз запугивать угрозами ухода с конгресса Жида и Мальро (что не соответствовало действительности). При получении известия о неприезде Горького Эренбург заявил секретариату, что не верит в болезнь Горького и считает неприезд его и Шолохова маневром.

Созданная конгрессом ассоциация может стать оплотом антифашистской деятельности писателей на очень широком фронте, но для этого потребуется постоянная, энергичная вдумчивая работа, особенно советской стороны. Надо будет препятствовать возможному использованию ассоциации для мелких, а иногда сомнительных политических поводов, стремясь к накоплению сил и авторитета новой организации.

Для дальнейшей конкретной работы мы предлагаем следующее:

1) Предложить советской делегации в Международной Ассоциации Писателей вести постоянную активную работу в направлении консолидации возможно более широких писательских кругов всех стран для борьбы с фашизмом, войной, защиты культурных ценностей и активной защиты Советского Союза, для чего принимать деятельное ведущее участие в работе президиума, секретариата и бюро ассоциации, а также путем приглашения иностранных писателей в СССР и посещения их стран.

2) Разрешить отпуск 1.200 рублей золотом ежемесячно на покрытие членских взносов советских членов ассоциации.

3) Считать целесообразным ликвидацию находящегося в Москве Международного Объединения Революционных Писателей (МОРП) и его секций, за исключением тех стран, где они являются самостоятельными жизнеспособными организациями (например, Франция, США).

4) Разрешить приглашение Союзом СП ежегодно 10—12 иностранных писателей для ознакомления с СССР. Предложить Интуристу взять на себя материально-бытовое обслуживание писателей и их проезд.

5) Поручить Журнально-газетному объединению регулярный и быстрый выпуск серии иностранной художественной литературы в общедоступном массовом издании, по типу прежней «Универсальной библиотечки».

6) Поручить т. Кольцову организацию небольшого ежемесячного литературно-художественного журнала на немецком языке.

7) Просить ИККИ дать указания «Юманите» занять правильную линию вновь созданной Ассоциации и оказывать ей всяческую поддержку (во время конгресса позиция «Юманите» доставила нам лишние хлопоты. В частности, неправильная линия газеты в отношении Мальро привела в самый ответственный момент конгресса к отказу Мальро войти в Секретариат. Пришлось затратить значительные усилия, чтобы заставить Мальро снять свой отказ)[1].

Мих. КОЛЬЦОВ
А. ЩЕРБАКОВ

21/ VII-35 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 30—34. Машинописный текст. Подписи Кольцова и Щербакова и дата — автографы. На л. 30 пометка рукой неизвестного: «От тт. Кольцова и Щербакова».

[1] См. документ № 297.

№ 284
БУХАРИН — СТАЛИНУ О ПИСЬМЕ, ПОЛУЧЕННОМ ОТ РОМЕНА РОЛЛАНА

Июль 1935 г. (не ранее)

Копия
Тов. И. В.Сталину

Дорогой Коба.

Я получил от Ромэна Роллана письмо, в котором есть место, касающееся его свидания с тобою. Привожу это место в точном переводе целиком:

«Я хотел опубликовать во Франции мои впечатления о поездке и прежде всего мою беседу с т. Сталиным. Текст этой беседы был просмотрен и одобрен как Сталиным, так и мной. Казалось, что не должно было бы возникнуть никаких трудностей. Мы писали уже пять-шесть раз в Москву (Сталину, Горькому, Крючкову и др.), надеясь получить разрешение или узнать по крайней мере, какие именно части беседы могут быть опубликованы. Мы не получили ни одного слова в ответ — за исключением обещания Горького поговорить об этом со Сталиным. Я очень сожалею об этом молчании, которое стесняет меня, так как беседа со Сталиным дала бы блестящий ответ на множество вопросов, которые мне ставят со всех сторон. Газеты и журналы наших парижских друзей — в частности, журнал «Коммуна» просит меня поторопиться с передачей им этого материала. Если у Вас есть возможность получить это разрешение (или по крайней мере ясный ответ на мою просьбу) можно было бы устроить, чтобы эта беседа (полностью или частично) была бы опубликована одно-

временно в Вашей газете и в «Коммуне». Вы должны будете дать мне Ваше слово не журналиста (вы не особенно претендуете на это звание, как вы сказали об этом Марии Павловне), но слово большевика и друга, что вы не опубликуете беседы раньше, чем это не появится по-французски. Если бы беседа была бы напечатана сперва по-русски, то вся европейская печать использовала бы ее прежде, нежели я успел бы дать «Коммуне».

Я очень прошу тебя сказать, что я должен ответить старику Роллану <...>.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 710. Л. 43а, 43б. Машинописная копия. Исключены фрагменты с впечатлениями о поездке на монгольско-советскую границу и об Ойротии.

№ 285
ВОРОШИЛОВ — СТАЛИНУ О ПРЕСТУПЛЕНИИ И САНКЦИИ НА АРЕСТ ВОЕННОГО ЦЕНЗОРА

19 июля 1935 г.

Народный комиссар
Обороны Союза ССР
19 июля 1935 г.
№ 70
Совершенно секретно
Политбюро ЦК ВКП(б)
Тов. Сталину

Гр. Галгут — цензор Московского областного отдела военной цензуры (подчиненного Уполномоченному СНК по охране военной тайны), беспартийный, в РККА не служил, в органах цензуры работает 15 лет, утерял секретный «Перечень сведений, составляющих государственную тайну».

Этот «Перечень» якобы позабыт Галгутом в такси; он был найден сотрудником литовского посольства, который и возвратил его Галгуту. Таким образом, «Перечень» стал известен иностранцам.

Хотя этот документ в его военном разделе перечисляет лишь те войсковые части, военные заводы и пр., о которых разрешается упоминать в печати, тем не менее, по нему можно определить номенклатуру того, что мы засекречиваем. Последнее относится и к экономическому и политическому разделу «Перечня».

Считаю, что за совершенное им преступление цензора Галгута следует предать суду или как-то наказать.

К. ВОРОШИЛОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1073. Л. 154. Машинописный подлинник на бланке НКО. Слова «или как-то наказать» и подпись — автографы Ворошилова.

Результаты голосования: «Тов. Стал. согласен» (запись Поскребышева). «За суд. В. Чубарь», Каганович. 9 августа 1935 г. Политбюро приняло решение «О привлечении к ответственности военного цензора Галгута». Предлагается предать его суду за потерю «секретного документа, который таким образом стал известен иностранцам».

№ 286
А. К. ВИНОГРАДОВ — СТАЛИНУ О ТЯЖЕЛОМ МАТЕРИАЛЬНОМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ

23 июля 1935 г.

23 июля 1935 г.

Дорогой товарищ СТАЛИН.

Если бы речь шла не о гибели советского писателя Виноградова Анатолия Корнелиевича, которого теперь только Вы можете вернуть к жизни, то этого письма не было бы. Как гражданин, писатель, отец хороших детей и единственный кормилец большой семьи, живущий только литературным трудом, я нахожусь в совершенно безвыходном положении. Я затравлен. Я прошу спасти меня от клеветы и преследований. Я не бездарность, я не «классовый враг» — халтурщик (как писал обо мне Ц. Фридлянд — сам повинный в этих пороках, если читать «Правду» 20 июля 1932 года, «Фронт Науки и Техники» № 2, 1934 г. и т. д.). Я человек, растревоживший московских черносотенцев в Румянцевском Музее, из которого я сделал библиотеку СССР им. Ленина. Мстительные люди сошлись во вражде из разных лагерей: академическое черносотенство, маскированный сионизм Эфроса и Фридлянда, союз Невского, Каменева, Ионова, всюду давший щупальцы, а теперь имеющий в Союзе Писателей агентом Ляшкевича и группу «непишущих писателей» в Литгазете — вот мои ненавистники, устроившие так, что я целый год был лишен с семьей обыкновенных хлебно-продуктовых карточек, уже не говоря об остальных формах «лишений», превратившихся в садистскую пытку. Обо всех моих теперешних обстоятельствах я писал В. М. Молотову (не знаю, дошло ли), Н. К. Антипову (результаты мне неизвестны, но материалы в Ком. Сов. контроля посылал я неоднократно) и К. Е. Ворошилову (знаю, что дошло). Я не пишу Горькому, любовь и нелюбовь там регулируется Крючковым, к которому я имею серьезные и большие обвинения. Я старался не быть в тягость Алексею Максимовичу и всячески ему помогал (вся многолетняя его переписка с Ромэном Ролланом мною приведена в порядок, сфотографирована, транскрибирована, переведена и т. д.). Не могу назвать А. М. другом стойким и великодушным. Даже в странах буржуазных избиваемого на улице вырвали бы из рук насильников. Меня буквально растоптали, изранили, довели до страшной болезни сердца, я кричу в Союзе Писателей; как в пробковой комнате гаснет голос и дикую травлю прикрывают «комиссии». Я вышел из Союза, боясь новых заушений и издевательств, отрицание которых тоже стало пыткой. Условия наших издательств (всего 2 из-ва!) чудовищны, зажим невероятен, все перестраховались, и жалобы, как правило, попадают в руки самого преступника. Случайные люди десятками садятся на рукопись, как на корм в качестве «редакторов» — и этот замаскированный вид взятки-корма деморализовал всю среду. Сейчас в 47 лет я оглядываюсь на пройденную жизнь — я работал с любовью и если ошибался, то только от спешки, от огромности напряжения, от трудностей искусственно созданных, от процессов паразитически осложняющих творческую жизнь писателя. Позорно ж, оскорбительно быть жертвой попыток «друзей» дать кривое зеркало моей жизни. Зачем это делают. Мне было бы стыдно среди всех великих явлений нашей любимой Родины вынашивать в сердце столько подленькой злобы и ненависти, сколько в меня бросают.

Я прошу Вас очень серьезно спасти меня для работы, а моих детей от преждевременного сиротства. Невзирая на мою беспартийность прикажите не затирать меня как активиста. Я люблю людей и хочу быть им полезным в полной мере сил и способностей, мне данных. Я не могу добиться даже таких пустяков, чтобы мою концепцию биографии великого Паганини сообщить своим товарищам в Доме Писателя. Много раз мы с Д. Ф. Ойстрахом просили разрешения выступить совместно. Ляшкевич (друг и соратник Бройдо – вредителя, нынешний управдел Союза) проваливал. Не буду говорить о рассыпке набора книг, о растягивании сроков выпуска, о страшном судебном нажиме на больных, усталых писателей, не успевших кончить к бухгалтерскому сроку свою рукопись, о жутких приключениях рукописей, сданных на редактирование. Число чудовищных дел растет, редактора портят книги и людей слишком часто. И слишком много паразитирующих на литературе людей. Они быстро группируются и быстро съедают неугодного писателя, сами не становясь писателями. Эти непишущие «редакторы» не довольствуются правом отзыва (доступным любому читателю по праву), но режут самый замысел писателя. Публика может быть недовольна скрипачом или пилотом, но исправить руку скрипача или штурвал пилота могут только люди, сами умеющие «делать», а не только авторитетно осуждать. Я очень уважаю Луппола и Беспалова, но решительно протестую против сдачи на диктатуру бездарного Ф. М. Левина «Советского Писателя» (Издательство сплошь переиздает!). Я считаю вообще своевременным вопрос об отыскании иных форм общения писателя с миллионным читателем СССР. Коммерческие конторы с любительством бездарных редакторов – это отжившие и мертвые пути писателя в типографии.

Конкретные мои желания сводятся к следующему:

I. Поручить Гослитиздату сейчас начать печатание моего пятитомника: 1) «Три цвета времени», 2) «Черный консул», 3) «Повесть о братьях Тургеневых», 4) «Осуждение Паганини», 5) «Господин Февраль».

II. Дать мне самостоятельную работу по линии издательств.

III. Ввести меня в состав Правления Союза Писателей.

IV. Приказать Литфонду полностью меня с семьей обеспечить медицинским обслуживанием по Сан. упр. Кремля. Дать мне возможность остановить рост болезни сердца.

V. Обеспечить максимальное благоприятствование всем видам моей литературной работы.

VI. Определить линию моего близкого общения с ВКП(б), как человека готового в любую минуту отдать все, не исключая жизни, нашей стране.

А. ВИНОГРАДОВ

ВИНОГРАДОВ Анатолий Корнелиевич
Москва 31. Рождественка, д. 8, кв. 73

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 717. Л. 51—61. Рукописный вариант.
Там же. Л. 47—51. Машинописный текст. Есть подчеркивания.

Дополнением к письму Виноградова могут служить его записки, столь же экзальтированного характера:

«Поставленный в условия полной невозможности литературной работы и доведенный до крайности, я вынужден выйти из состава Союза Писателей. Необходимость содержать большую семью и платить задолженность вынуждает меня просить

все организации, связанные с писательством, не торопить меня резкими мероприятиями взыскания и не выселять меня принудительно.

Мне очень немного осталось жить.

Я писатель труженик, а не вор и растратчик. Я отец.

Я писал Щербакову из Гурзуфа, где первый раз в жизни лечился и куда Литфонд слал судебные повестки. Щербаков не ответил».

Отношение к Виноградову в советских верхах было неоднозначным. Основывалось это отношение и на негативной информации, которая поступала по различным каналам. В начале 1932 г. при обсуждении письма Сталина в редакцию «Пролетарской революции» на заседании правления ОГИЗа Ионов назвал Виноградова и Николая Тихонова двумя «контрреволюционерами и белогвардейцами». В начале 1938 г. видный контролер из Комиссии советского контроля в письме Молотову охарактеризует Виноградова «типом рвача и политического хулигана». Как образец эпистолярного творчества писателя приводилось его письмо Накорякову в Гослитиздат от 21 марта 1937 г.: «Дорогой Николай Никандрович! Придите на помощь писателю, коему СНК СССР разрешил персонально владеть дачей. Необходимо экстренно заведение*». Виноградов просил при этом 6 тысяч рублей, на которые не уплачивались налоги, и получил требуемую сумму в тот же день (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 976. Л. 15, 31—32). 14 сентября 1937 г. Анатолий Виноградов в очередной раз обратится к Сталину: «Горячо любимому Иосифу Виссарионовичу Сталину преданный и любящий А. Виноградов...» (дарственная надпись на экземпляре книги «Мериме в письмах к Дубенской». М., 1937. Книга из коллекции ГОПБ МК РФ). Не достигая номенклатурной вершины, Виноградов был снисходительно лелеен Кремлем. Периодически его одаривали орденами и другими финансово-экономическими побрякушками. 26 декабря 1940 г. постановлением Политбюро в ознаменование «30 лет литературной деятельности Виноградова А. Корн. — орденом Трудового Красного Знамени» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1289. Л. 108).

№ 287
ШИФРОВКА АРОСЕВА И ТИХОМИРНОВА ИЗ ПАРИЖА АНДРЕЕВУ О ПОКУПКЕ АРХИВА МАРКСА И ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

16 августа 1935 г.

Входящая шифротелеграмма.
Из Парижа № 13538 пол. 16.8. 20.25 1935 экз. № 3

Андрееву, копия Адоратскому. Начали переговоры о приобретении архива через хорошо известного полпредству Роллана, бывшего до сих пор близким человеком в МИДе и связанным с Николаевским. Роллан берется [с помощью] французских властей компенсировать наполеоновскими документами, находящимися в Центроархиве, а Николаевского и немецких социал-демократов — деньгами. Опасным конкурентом выступает голландец Постмус, о котором писал в докладе. Он располагает большими средствами, отпущенными Амстердамским муниципалитетом. Цель последнего создать в Голландии центр по изучению марксизма, чтобы сделать возможной работу над Марксом не прибегая к помощи нашего института МЭЛ. Недавно Постмус скупил архив Бунда, сейчас он ведет переговоры о приобретении того же архива, за которым приехали мы. Нам кажется, по нашему мнению, что через Постмуса действует гитлеровская полиция, стремясь скупить документы германских социал-демократов. Постмус располагает возможностью непосредственно и немедленно пла-

* Так в тексте. Возможно, имеется в виду «обзаведение».

тить, поэтому необходимо немедленно перевести на наше имя депозит в наш банк в Париже 20.000, что сделает нас маневроспособнее. Всякая отдельная выплата из депозита с отдельного вашего разрешения. 16.8.35 г.

АРОСЕВ. ТИХОМИРНОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1074. Л. 170. Машинописный подлинник расшифровки.

19 августа Политбюро своим решением «Об архиве Маркса — Энгельса» постановило выделить 20 тыс. руб. золотом на приобретение архива Маркса — Энгельса.

№ 288
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) ОБ ИЗДАНИИ СОЧИНЕНИЙ СТАЛИНА

19 августа 1935 г.

П. 241. Об издании сочинений т. Сталина

а) Воспретить Заккрайкому за личной ответственностью т. Берия переиздание статей и брошюр т. Сталина за период 1905—1910 годов без его санкции.

б) Признать необходимым полное издание сочинений тов. Сталина и поручить Институту Маркса — Энгельса — Ленина совместно с отделом партийной пропаганды и агитации по согласованию с т. Сталиным разработать план издания.

Секретарь ЦК

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 905. Л. 10. Машинописный текст.

Решение принято по телеграмме Сталина: «Воспретить Заккрайкому за личной ответственностью т. Берия переиздание статей и брошюр т. Сталина за период 1905—1910 годов без его санкции» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 905. Л. 6). Выписки посланы Стецкому и Адоратскому, а в Заккрайком — пункт «а». 20 августа Берия посылает ответную шифровку из Тифлиса Кагановичу в Москву: «Постановление ЦК ВКП(б) от 19-го августа принял к руководству и исполнению. Одновременно сообщаю, что Заккрайком не предполагал производить переиздание статей и брошюр Сталина без его ведома и санкции. Берия» (там же, д. 1164, л. 113).

№ 289
КРУПСКАЯ — СТАЛИНУ «ПО РЯДУ ТЕКУЩИХ ВОПРОСОВ КУЛЬТУРНОГО ФРОНТА»

23 августа 1935 г. (не позднее)

ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ!

Я как-то просила Вас поговорить со мной по ряду текущих вопросов культурного фронта.

Вы сказали: «дня через четыре созвонимся».

Но нахлынули на Вас всякие дела, так и не вышло разговора.

Я хотела поговорить по следующим вопросам.

Сейчас мне поручена работа среди взрослых. В последние годы это был заброшенный фронт. Политпросветработа превратилась в нечто аполитичное, сникла, завяла.

Сначала сдали в мое ведение библиотеки. С неимоверным трудом, вникая в каждую мелочь, начали мы их вытаскивать. Сейчас налегаем на село, на научную работу, на воспитание кадров.

С год тому назад отдали под мой надзор и школы взрослых. Часто от органов ОНО слышишь: важна детская школа, школы взрослых подождут. А снизу напирают. Изменился весь жизненный уклад наш. Ломается старое мировоззрение, перестраивается быт, отмирающая мелкособственническая психология рядится в новые одежды и лезет во все щели. Как иссохшая земля жаждет дождя, так жаждут колхозные массы общеобразовательных знаний[1].

Растет техника, внедряется в быт. Чтобы овладеть техникой, массам нужны общеобразовательные знания, их требует современный уровень трудовой культуры. Рабочие напирают: даешь общеобразовательную школу без отрыва от производства.

Молодежь рвется к знанию.

Международное положение требует вооружения масс знаниями.

Целый год топчемся на месте, не можем добиться самого элементарного сдвига. То оказывается, система школ взрослых неясна, то не все согласны, что взрослым надо помочь овладеть не только простой грамотностью, но знаниями в объеме начальной школы, что надо помогать овладевать знаниями в объеме неполной средней школы. Заседаем без конца. А школы взрослых тем временем выбрасываются из помещений, у них отнимаются и те гроши, которые они получали от профсоюзов, не дается бумага на учебники.

Еще хуже с методами работы. В борьбе с левацким уклоном, когда приравнивали ребят к взрослым, шарахнулись в другую сторону и стали приравнивать взрослых к ребятам. Программы взрослых стали буква в букву копировать программы детских школ, со взрослыми рабочими стали обращаться как с малыми детьми, а методкабинет ВКИПа[2] давал руководителям школ взрослых инструкции: «нельзя развивать самодеятельность учащихся, это снижает роль учителя».

На днях заведующий школой взрослых Красно-Пресненского района (школа для рабочих-металлистов, около 1000 чел.) на мое указание, что надо связывать преподавание математики с вопросами, касающимися жизни завода, с ужасом посмотрел на меня: «но ведь это будет комплексный метод». Связь теории с практикой — комплексный метод...

Мы в Отделе школ взрослых подработали вопрос о создании гибкой системы школ взрослых без отрыва от производства — пятигодичной школы с курсом приблизительно неполной средней школы. Этот вопрос уже обсуждался много раз в ряде инстанций. Стоит на подписи тов. Сулимова.

Тов. Бубнов в последнюю минуту выбросил слова — «в объеме приблизительно неполной средней школы».

Второй вопрос. Через секции советов можно проворачивать очень большую культурную работу, вовлекая в нее и инструктируя депутатские группы, весь советский актив, организуя массы на выполнение конкретных заданий. Тут есть уже большой опыт. Нельзя подменять работу секций работой бюро секций. Я написала в «Правду» статью о работе секций. Этот вопрос тесно связан с вопросом советского демократизма, по-моему, вопрос очень важный, как это видно и из постановки вопроса о работе советов Лениным[3].

«Правда» статьи не поместила. Я хотела говорить с Вячеславом Михайловичем. Он направил меня к т. Акулову.

Тов. Акулов нашел мою статью правильной. Статья лежит у меня «на консервации».

* * *

И последний вопрос — о музее Ленина.

Музей — мощное орудие агитации. При ИМЭЛе имеется музей Ленина. Кроме цитат из Ленина на желтой бумаге и фотокарточек, ничего там нет. Жуть одна. Есть еще подаренные ему чайные сервизы, пальто, еще какое-то барахло[4].

Музей ходят смотреть все экскурсии, приезжающие из провинции, ходят смотреть иностранцы. С экскурсий берут деньги — с рабочих экскурсий 10 руб., с экскурсий служащих 15 руб. Экскурсоводы — молодежь, знающая лозунги, но не знающая жизни Ленина, условия, в которых он вел борьбу. Молодежь — славная, но беспомощная.

Уходят с выставки экскурсии с горьким чувством.

В Парке Культуры и Отдыха им. Горького есть филиал — выставка 1905 года и выставка Маркса — Энгельса. Последняя — курам на смех. Неконкретно, никто ничего не может понять, кроме небольшой группы специалистов-философов. Выставку посещают без конца экскурсии рабочих, колхозников, молодежь.

О Ленине есть неплохая выставка в Обществе Старых большевиков. Сделана с большой любовью и заботливостью[5]. Сейчас по случаю ликвидации О.С.В. здание МК передает юным пионерам, а выставку предлагают взять Музею Революции, который не знает, куда ее приткнуть[6]. Для показа живого Ленина, той эпохи, в которой Ленин работал, выставка имеет громадное значение.

Я поставила этот вопрос на Оргбюро, звоню всем на свете, но боюсь, что выставку разорят, расшвыряют зря.

Я думаю, Иосиф Виссарионович, что все эти вопросы:

1. Вопросы вооружения масс рабочих и колхозников знаниями через школы взрослых,
2. Вопрос о работе секций советов,
3. Вопрос о Музее Ленина

я обязана перед Вами поставить[7].

С КОММУНИСТИЧЕСКИМ ПРИВЕТОМ

Н. КРУПСКАЯ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 755. Л. 36—39. Машинописный текст. Есть подчеркивания. Пометки Сталина в тексте — автограф.

[1] На полях пометка Сталина: «Т. Крупская права в вопросе об обучении взрослых. И.Ст.»

[2] *ВКИП* — Высший коммунистический институт просвещения — научно-исследовательское и учебное заведение (1931—1938). Готовил научных работников, преподавателей педагогических дисциплин для вузов, специалистов в сфере управления образованием. Принимались по направлениям партийных органов коммунисты со стажем 7 лет, обладавшие педагогической подготовкой в объеме вуза, опытом преподавательской, культурно-просветительной или партийной, советской и комсомольской работы. В 1932 г. работали четыре отделения: педагогическое, педологическое, организационно-плановое, политехническое. Научная работа осуществлялась по проблемам педаго-

гики, методики (по школьным предметам), истории педагогики, высшего педагогического образования, зарубежной педагогики и др. В 1933 г. при ВКИПе создан Центральный научно-исследовательский институт педагогики (с 1934 г. — самостоятельный статус). В 1937 г. ВКИП ликвидирован. За годы существования состоялось четыре выпуска слушателей.

[3] Сталин на полях: «Правда» должна поместить статьи т. Крупской. И.Ст.».

[4] Пометка Сталина: «Позор для ИМЭЛ! И. Ст.».

[5] Подчеркнуто. Пометка Сталина: «Позор! И. Ст.».

[6] Подчеркнуто. Пометка Сталина на полях: «Можно бы передать ИМЭЛу, а в самом ИМЭЛе поставить дело музея образцово. И.Ст.»

[7] 27 сентября 1935 г. Политбюро принимает решение «О Музее Ленина». Резолюция Сталина: «За» с поправками И. Стал.[ин]»). Из решения: «9. Поручить т.т. Ежову и Стецкому подобрать для Центрального музея Ленина группу квалифицированных партийных работников для постоянной работы в музее, которая смогла бы обеспечить должную постановку этого важнейшего партийного дела». Музей подчинить ИМЭЛ. Создать музей Ленина на базе существующих музеев: ИМЭЛ, Общества старых большевиков, Парка культуры и отдыха, а также сосредоточить экспонаты, разбросанные в Музее революции и Третьяковской галерее. Открыть к 1 января 1936 года». Сталин, отдыхающий на юге, правит проект постановления. Пункт четвертый первоначально звучал так: «Центральный музей Ленина при ИМЭЛ организовать в бывшем здании Московского комитета ВКП(б) по Дмитровке, выселив из него Верховный Суд СССР. Для размещения Верховного суда СССР передать освобождающееся здание Госплана СССР». Стало: организовать в «бывшем здании МСПО. Переоборудование здания под музей Ленина возложить на НКВД СССР». Директором музея предлагалось назначить тов. Стасову, но фамилия старой большевички густо зачеркнута. Стало: «Рабичева» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1081. Л. 43—44).

В. А. Куманев и И. С. Куликова приводят фрагменты из этого письма (без комментариев Сталина), датируя его 15 августа 1935 г. (см.: Противостояние: Крупская — Сталин. М.: Наука, 1994. С. 193—194).

№ 290
СТАЛИН — ЕЖОВУ О ПИСЬМЕ КРУПСКОЙ

23 августа 1935 г.

Копия

Тов. ЕЖОВ!

Прочтите приложенное письмо т. Крупской и двиньте вперед затронутые в нем вопросы. Тов. Крупская права по всем трем вопросам. Посылаю именно Вам это письмо потому, что у Вас обычно слово не расходится с делом, и есть надежда, что мою просьбу выполните, вызовете т. Крупскую, побеседуете с ней и пр.

Привет!

Как Ваше здоровье?

И. СТАЛИН

23.8.35 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 755. Л. 35, 35 об. Машинописный текст. Подпись — факсимиле. Надпись рукой неизвестного: «Письмо Крупской направлено Ежову с запиской Сталина».

Сохранились черновики ответа Ежова на директивную записку Сталина. Ежов, в частности, сообщал: «Стецкий и Адоратский, которых я брал с собой на осмотр подчи-

ненных им музеев, рвали на себе волосы от всех тех безобразий, которые они впервые увидели. Ни Стецкий, ни Адоратский с 1926 года не были в этих музеях. Не были в них также и ответственные работники ИМЭЛ» (там же, л. 78). О здании музея сказано: «москвичи даже считают, что, возможно, это здание не придется ломать, даже когда будет снесен ГУМ» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 52. Л. 48–78).

№ 291
ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б) «ОБ ОТВЕТНОМ ВИЗИТЕ СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ В ЧЕХО-СЛОВАКИЮ»

19 сентября 1935 г.

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б)

Слушали: Об ответном визите советских журналистов в Чехо-Словакию.

Постановили:

а) Послать в начале октября в Чехо-Словакию делегацию советских журналистов и писателей в следующем составе[1]:

1. Михаил Кольцов (председатель делегации).
2. Осинский от «Известий».
3. Боговой от «Правды».
4. Васильковский от «За индустриализацию». (*Каганович заменил:* «Аня Караваева»).
5. Мариэтта Шагинян – писательница от «Литературной газеты».
6. Сейфуллина – писательница (*вычеркнута*).
6. Ковальский – от ТАСС.
7. Таран от «Вісти».
8. Копыленко (Украинский писатель) (*заменен:* «Микитенко»).
9. Янка Купала (Белорусский писатель)
10. Третьяков (писатель, журналист) (*вычеркнут и заменен Кагановичем:* «Алексея Толстого»).
11. Фадеев – писатель.
12. Ковалев от «Рабочей Москвы» (*вычеркнут и двенадцатым номером Кагановичем написана фамилия Миронова*)[2].

б) Отпустить «Жургазу» на расходы по поездке 10 тыс. золотых рублей (*исправлено:* «9.500») и 5 тыс. сов. рублей, из них 3.500 зол. руб. и 5 тыс. сов. рублей в распоряжение т. Кольцова на общие расходы по поездке, в том числе и на железнодорожные билеты, и 6.500 зол. рублей (*исправлено:* «6.000») для выдачи по 500 зол. рублей каждому участнику делегации на его личные расходы.

Б. ТАЛЬ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1079. Л. 60. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] На этом согласование персонального состава делегации не закончилось. 21 сентября 1935 г. Щербаков в отношении на имя Кагановича и Ежова предлагает отклонить просьбу Осинского об освобождении его от поездки в Чехословакию и советует послать Третьякова в помощь делегации. Каганович, не сказав, почему он против рекомендуемого к поездке Леонова, соглашается с идеей отправить Третьякова («Можно бы голосовать за 1-й пункт. Л. Каганович») (текст документа см.: Счастье литературы. С. 196–197).

[2] Имеется записка Ежова: «С тов. Кагановичем говорил. Он сказал, что надо включить в состав делегации т. Миронова. Запрашивать т. Сталина об этом не следует Ежов» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1079. Л. 59). Возможно, что под видом журналиста в состав делегации был включен начальник экономической контрразведки ГУГБ НКВД Л. Г. Миронов. Состав делегации обсуждался Кагановичем и Молотовым со Сталиным, отдыхавшим на юге. Телеграммы от 13, 14 и 17 сентября (см.: Сталин и Каганович. Переписка. С. 566—567, 571).

№ 292
ЮДИН — КАГАНОВИЧУ О СТАТЬЕ ПОЛЛИТА В «ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРАВДЕ»

4 октября 1935 г.

Секретарю ЦК ВКП(б)
Тов. Л. М. Кагановичу

В газете «Ленинградская правда» от 3 октября помещена статья Гарри Поллита (ген. секретаря компартии Англии) под заголовком «Война против Абиссинии и рабочий класс».

Как нами установлено, статья эта заимствована из базельского журнала «Рундшау». Однако газета «Ленинградская правда» на этот источник не ссылается и тем самым дает все основания полагать, что статья организована непосредственно ею.

Статья Г. Поллита сегодня цитируется по «Ленинградской правде» многими иностранными корреспондентами, что вызвало, как нам известно, большое недовольство в НКИД по адресу редакции «Ленинградской правды».

Особое внимание инкоров привлекло то место в статье Г. Поллита, где излагаются требования Компартии Великобритании в связи с итало-абиссинским конфликтом, представляющее, по выражению Поллита, «коммунистическую политику мира». Требования эти формулируются так:

«Приостановка всех военных поставок Италии и отказ от погрузки и разгрузки итальянских судов, находящихся в английских портах, никаких займов Италии; снятие эмбарго на оружие для абиссинского народа, чтобы он мог обороняться от империалистического нападения; закрытие Суэцкого канала для всех итальянских транспортов» и т. д.

Отдел печати и издательств ЦК считает, что редакция «Ленинградской правды» (редактор тов. Белицкий) допустила (*зачеркнуто*: «грубую») ошибку, напечатав эту статью и не сопроводив ее ссылкой на «Рундшау».

Замзав отделом печати и издательств ЦК ВКП(б)
П. ЮДИН

4/X-35 г.

Номер «Л. Пр.» со статьей т. Поллит прилагается. П. Юдин.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1082. Л. 155—156. Машинописный подлинник. Подпись, дата и приписка — автографы. Пометка рукой неизвестного: «От т. Юдина». Резолюция Кагановича: «т. Молотову. Считаю записку т. Юдина правильной. Каганович». Проголосовали: Молотов, Чубарь, Жданов.

Постановление Политбюро от 8 октября 1935 г. «О помещении в «Ленинградской правде» без указания источника статьи т. Гарри Поллита об Абиссинии»: «Указать редактору «Ленинградской правды» т. Белицкому, что редакция газеты допустила ошибку,

напечатав статью т. Гарри Поллита об Абиссинии без указания источника». Редактор Белицкий безответственно отнесся к данному постановлению Политбюро. Менее чем через полгода, 10 марта 1936 г., Политбюро на материале «Ленинградской правды» вновь рассмотрело вопрос «О порядке опубликования иностранной информации». Постановили: «1) За опубликование в газете «Ленинградская правда» письма сына Чан Кай Ши к матери без согласования с НКИД и за неоднократные нарушения директив ЦК о порядке опубликования иностранной информации, — снять с работы главного редактора газеты «Ленинградская правда» т. Белицкого и объявить ему строгий выговор» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 976. Л. 6). В одной из справок времен большого террора указывалось, что Дмитрий Павлович Белицкий был редактором газеты «Ленинградская Правда» с августа 1930 г. Родился в 1894 г. Партстаж с 1919 г. Служащий. Образование незаконченное высшее. Состоял в РСДРП (меньшевиков) с 1915 г. до середины 1918 г. В марте 1936 г. снят с работы с объявлением строгого выговора за допущение ряда грубых ошибок, выразившихся в неоднократном опубликовании непроверенных, а иногда и прямо искажающих факты иностранных информационных материалов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 49. Л. 30).

№ 293
ДВИНСКИЙ — КАГАНОВИЧУ О НЕСАНКЦИОНИРОВАННОМ ОПУБЛИКОВАНИИ В «ИЗВЕСТИЯХ» КАРТИНЫ ЯКОВЛЕВА «ВЫПУСК АКАДЕМИКОВ КРАСНОЙ АРМИИ»

10 октября 1935 г. (не ранее)

Секретарю ЦК ВКП(б)
Л. М. Кагановичу

По установленному порядку опубликование всех фотоснимков с т. Сталиным в газетах и журналах предварительно согласовывается с Особым Сектором. В случае сомнений в целесообразности опубликования того или иного фотоснимка мы спрашиваем т. Сталина или, в его отсутствие, Вас — секретаря ЦК[1].

Несколько дней тому назад из «Правды» в Особый Сектор принесли фотоснимок с картины Яковлева «Выпуск академиков Красной Армии». Я (и другие) счел изображение т. Сталина на снимке с картины не совсем удачным и просил повременить с опубликованием, поработав над снимком в сторону улучшения. «Правда» согласилась с этим, но было выражено опасение, как бы «Известия» не опередили их. Тов. Боговой звонил т. Селиху и передал ему нашу договоренность. Оказывается, опасения были не напрасны. В номере от 10 октября, никого не спрашивая, «Известия» дали этот снимок. Я спросил т. Селиха, почему он так сделал? Ответ был тот, что они подходили к картине в целом, а не с точки зрения отдельной фигуры (?). Насчет того, почему опубликовали без согласования — т. Селих признает, что это — ошибка.

Возможно, что я не прав насчет качества снимка, в таких вопросах возможны разные мнения (прилагаю снимок).

Но во всяком случае — надо было спросить разрешения, подобно тому, как я прошу каждый раз Вашего разрешения на опубликование того или другого обращения к т. Сталину. Спешка «Известий» объясняется только нездоровой газетной конкуренцией — кто даст раньше: они или «Правда». А с указанием т. Сталина о необходимости согласовывания, в «Известиях», как видно, не очень считаются.

Так нельзя.

Прошу Вас, Лазарь Моисеевич, предложить и т. Бухарину, и т. Селиху не допускать таких вещей впредь, не давать другим печатным органам примера в недисциплинированности[2].

Замзав ОС ЦК ВКП(б) Б. ДВИНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 721. Л. 24—25. Материалы к протоколу № 41 заседания Секретариата ЦК от 19 октября — 29 ноября 1935 г. Пункты № 1г-252гс. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] Скандалы и полицейско-правоохранительные конфликты по поводу публикаций иллюстраций, изображений вождя и других советских руководителей были постоянной составляющей работы советских печатных СМИ, документальной кинохроники, художественных иллюстраций и т. д. 27 апреля 1937 г. в «Известиях» была опубликована репродукция с картины художника К. Хуцишвили «Товарищ Сталин — организатор забастовки тбилисских железнодорожных рабочих в 1902 году» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1279. Л. 27). Уже на следующий день в авторитетной поправке «От редакции» «Известия» сообщили, что поместили эту репродукцию по недосмотру редакции, что «допущена ошибка исторического характера». С конца 1901 до февраля 1902 г. Сталин был в Батуми на воле и руководил там партработой. С февраля 1902 до конца 1903 г. — сидел в Батумской и Кутаисской тюрьмах. «Стало быть, т. Сталин не мог быть организатором забастовки в Тбилиси в 1902 году. Запрошенный по этому поводу т. Сталин заявил, что изображение его организатором забастовки железнодорожников в Тбилиси в 1902 году с точки зрения исторической правды является сплошным недоразумением, так как в это время он сидел в тюрьме в Батуми» (там же, л. 28). Тем не менее 28 апреля 1937 г. редактор газеты Б. Таль, посланный в «Известия» для того, чтобы окончательно покончить с бухаринским наследством, пишет Сталину по поводу редакционной поправки «Известий» и приводит многочисленные выдержки из книги Л. Берии, из сборника Партиздата о батумской демонстрации и из рецензии «Правды» на сборник. Вывод Таля: «Приведенные выдержки свидетельствуют о том, что путаница в датах по этому вопросу имеет широкое распространение в различных изданиях, нуждающихся, по-видимому, в исправлениях» (там же, л. 31—33). Резолюция Сталина: «Т-щу Таль. Это верно, что меня арестовали в Батуми, кажется, в феврале, или в конце марта, или в начале апреля 1902 года, но верно и то, что в 1902 году я не мог организовать забастовку в Тбилиси, так как находился в это время в Батуми в тюрьме. И. Сталин». (Таль возвратил письмо с резолюцией Сталина в архив 7 сентября 1937 г., уже после смещения из газеты, с работы в ЦК и накануне ареста.) Разбирательство «ошибки» газеты на этом не окончилось, потому что были затронуты честь и достоинство Лаврентия Берии — автора книги об истории большевистских организаций Закавказья, за которую ему была присуждена Ленинская премия 1935 г. 14 мая 1937 г. Таль препровождает Сталину письмо Берии, в котором оспаривается поправка «Известий» в одной части: «Товарищ Берия указывает, что подтекстовка к картине К. Хуцишвили везде относит ее к 1900 г. и что «никаких подтекстовок к этой картине не давалось». Таль приводит подпись из книги Берии, относящую ее к 1902 г. «Именно из этой книги позаимствовали снимок и подпись к нему «Известия» (там же, л. 54). 7 мая в личном письме Талю в редакцию «Известий» Берия сообщал, что картина Хуцишвили написана по заказу Тбилисского филиала ИМЭЛ на тему: «Товарищ Сталин — организатор забастовки Тбилисских железнодорожных рабочих в 1900 году». Под этим названием она значится со дня открытия выставки художников Грузии «К истории большевистских организаций в Грузии и Закавказье» (там же, л. 55).

[2] Резолюция Кагановича: «т. Андрееву. Правильно! Нужно оформить постановлением Секрет[ариата] Ц. К. Каганович. «Т. Маленкову. Опросом секре[тари]ата Ц. К. Каганович». Затем указание: «Т. Маленкову. Опросом секрет[ари]ата».

№ 294
МАЙСКИЙ – СТАЛИНУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕВЕСТИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК КНИГУ СУПРУГОВ ВЕББ «СОВЕТСКИЙ КОММУНИЗМ: НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

10 ноября 1935 г.

Копия
Секретно
Полпредство СССР
в Великобритании
10.11.35 г.
№ 515/с
Секретарю ЦК ВКП(б)
Тов. Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович.

В конце ноября или в начале декабря в Англии выходит большая работа Сиднея и Беатрисы Вебб, озаглавленная «Советский коммунизм: новая цивилизация?» Книга эта представляет собой явление исключительное в почти безбрежной иностранной литературе об СССР. Мне незачем говорить Вам о политической истории и политической физиономии авторов – это всем очень хорошо известно. Подробное содержание книги прилагаю. В своей работе о «Советском коммунизме» Веббы, конечно, по существу остались тем, чем они были всегда, т. е. классическими представителями английского реформизма. Эта их общая установка сказывается на изображении и оценке целого ряда явлений советской истории и советской действительности. Да иначе и не могло быть, если принять в особенности во внимание то обстоятельство, что Сиднею Веббу сейчас 76, а Беатрисе Вебб – 78 лет. Однако работа Веббов замечательна в двух отношениях:

Во-первых, она написана с присущей авторам солидностью, обстоятельностью и добросовестностью (конечно, в рамках свойственного им мировоззрения). Старики затратили на свою книгу о «Советском коммунизме» почти четыре года чрезвычайно упорного и систематического труда. Они изучили и перечитали для своей работы колоссальное количество материалов всякого рода, как на русском, так и на иностранных языках (не владея сами русским языком, они пользовались услугами переводчика). Для установления точных фактов и цифр они нередко консультировались у меня и других работников Полпредства, Торгпредства, кооперации. Наиболее важные главы они через меня отправляли в Москву, прося, чтобы кто-либо из наших компетентных товарищей ознакомился с ними и выправил вкравшиеся в изложение фактические ошибки. Я старался оказывать Веббам всяческое содействие и, поскольку возможно, в деликатной форме влиять на общее направление их мыслей и настроений. В результате получилась большая двухтомная работа в 1150 страниц, равной которой по серьезности и основательности, конечно, нет во всей мировой литературе о Советском Союзе.

Во-вторых, книга Веббов замечательна тем духом глубокой симпатии к СССР, которая проникает ее всю от начала до конца. Это не симпатия коммуниста, который радуется нашими радостями и болеет нашими трудностями, который идет в бой под нашим же знаменем за создание советского строя в

своей стране. Это симпатия умного и образованного реформиста, который, подводя итог своей долгой «фабианской» жизни, усумнился в абсолютной истинности реформистского символа веры и которому на склоне лет пришла в голову беспокойная мысль: «А ведь, пожалуй, эти молодые варвары из Страны Советов правы! Пожалуй, они как раз указывают человечеству его дальнейшие пути». Сами Веббы мне как-то говорили, что они рассматривают свою работу о «Советском коммунизме» как свое политическое завещание. Симпатия к СССР, разумеется, не исключает того, что целый ряд событий и явлений нашего прошлого и настоящего Веббами неправильно понят и отражен в кривом зеркале их мировоззрения. Но даже в наиболее критических местах книги нигде нет злостности или сознательного желания уколоть.

Весьма небезынтересна сама история книги, о которой идет речь. Я как-то спросил Веббов, почему они решили написать книгу о «Советском коммунизме»? С каких пор они так сильно заинтересовались СССР? Мой вопрос был тем более законен, что в период моего пребывания в Лондоне в 1925—1927 гг., когда я был советником полпредства, Веббы не принадлежали к кругу наших «друзей». Они даже никогда не появлялись в полпредстве. Ответ стариков на поставленный мной вопрос был в высшей степени характерен: они особо заинтересовались Советским Союзом, когда мы стали в широких размерах проводить коллективизацию. И затем они мне следующим образом мотивировали свое поведение: в первые годы Октябрьской революции Веббы не придавали событиям, происходившим в СССР, всемирно-исторического значения. Они считали, что «социалистический город» не сумеет совладеть с индивидуалистической крестьянской стихией. Они были уверены, что рано или поздно, в той или иной форме, индивидуалистическая деревня поглотит и рассосет «социалистический город». История, полагали они, обогатится в результате еще одной неудачной попыткой построения социализма через революцию, но никаких серьезных следов в ходе развития человечества Октябрьская революция не оставит. Социализм везде будет складываться и вырастать в порядке «фабианской» постепенности. Поэтому вплоть до 1929—1930 гг. Веббы не особенно интересовались тем, что происходит в СССР. Лишь когда партия и советское правительство твердо встали на путь массовой коллективизации крестьянства, лишь когда Веббы увидели, что партия и правительство одерживают на этом пути явные и серьезные победы, их настроение изменилось. Они сказали себе: «Это уже совсем иное дело. Это уже очень важно и серьезно. Это первая настоящая попытка построить социализм в большой стране, попытка, имеющая шансы на успех. Надо внимательно изучить то, что происходит в СССР». С этого момента Веббы чрезвычайно заинтересовались Советским Союзом и решили при первой же возможности его посетить. Пока Сидней Вебб был членом лейбористского правительства, поездка в СССР представлялась ему в той обстановке невозможной. Как только, однако, лейбористское правительство пало, Веббы стали усиленно готовиться к путешествию в «Страну Советов», и, переждав холодные месяцы, весной 1932 года, они в первый раз посетили СССР. То, что они увидели во время своей поездки, окончательно убедило их в жизнеспособности СССР как социалистического государства. И тогда они окончательно решили посвятить свой последний крупный труд (Веббы уверены, что больше уже ничего крупного не напишут) «Советскому коммунизму».

Книга Веббов, как Вы можете убедиться из прилагаемого содержания, под их специфическим углом зрения подробнейшим образом описывает структуру и деятельность советского государственного, экономического, политического и культурного организма. В заключительной главе («эпилог») Веббы пытаются подвести итог и приходят к следующему выводу: то, что происходит сейчас в СССР, есть не просто развитие культуры или повышение жизненного уровня 170 млн. населения страны. Нет, это нечто гораздо большее — это рождение «новой цивилизации». Советская цивилизация принципиально отличается от капиталистической цивилизации Запада тем, что она совершенно элиминирует profit making (погоня за прибылью) в качестве основного двигательного мотива человеческих действий и заменяет этот мотив другими гораздо более высокими побуждениями. Имеет ли шансы советская «цивилизация» удержаться. Веббы отвечают: да, шансы выживания в войне или в мире у Советского Союза, по меньшей мере, столь же высоки, как и у всякой другой великой державы. И, наконец, Веббы ставят еще один вопрос: распространится ли эта советская «цивилизация» за пределами СССР? И отвечают: да, она должна распространиться. Однако при этом прибавляют: «Но, как, когда, где, с какими видоизменениями, путем ли насильственной революции, или путем мирного проникновения, или путем сознательного подражания, — на все эти вопросы мы сейчас не можем дать ответа».

Совсем неплохие выводы для людей, которые на протяжении минувшего полувека являлись наиболее ярким олицетворением английского фабианства! Не подлежит сомнению, что книга Веббов будет иметь очень большое влияние на лейбористско-социалистические, профсоюзные и радикально-буржуазные круги не только в Великобритании, но и в других странах. Предварительная подписка на их книгу в Англии идет очень хорошо. Одновременно выходит американское издание работы. У Веббов, естественно, возникает вопрос об опубликовании их труда в СССР. Они уже спрашивали меня о возможности этого. Я пока не дал им никакого определенного ответа. Как только появятся первые экземпляры книги, я вышлю их Вам, и тогда необходимо будет решить, что мы будем делать с работой Веббов. С коммунистическим приветом.

Полномочный представитель СССР в Великобритании
И. МАЙСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1086. Л. 110—114. Текст на гектографе. Оглавление книги не приводится.

29 ноября Сталин разослал текст письма Майского и перевод ее содержания членам Политбюро с сопроводительным комментарием:

«№ П2514. 29 ноября 1935 г. Членам и кандидатам Политбюро <...> Тов. Ежову. Тов. Радеку.

По-моему, следовало бы перевести на русский язык как книгу Вебб, так и книгу Дюранти (последняя выпущена в САСШ).

Сталин

Экз. № 8 На 13 листах» (там же, л. 110).

4 декабря 1935 г. Политбюро оформило постановление «О книге Веббов «Советский коммунизм»: «Перевести на русский язык книгу Веббов «Советский коммунизм». Вып. Радеку (*зачеркнут вопрос*: «Кому еще?») (там же, л. 109). В постановлении не говорится о книге корреспондента газеты «Нью-Йорк таймс» в Москве Вальтера Дюранти.

№ 295
СТЕЦКИЙ О ПЛАНЕ ИЗДАНИЯ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ СТАЛИНА

13 ноября 1935 г.

Проект

Секретно

1. Задачей издания является дать полное собрание трудов товарища Сталина.

Издание должно включать:

а) все опубликованные до сих пор произведения товарища Сталина;

б) некоторые не опубликованные до сих пор материалы: стенограммы речей на заседаниях ОБ, ПБ, пленумов ЦК и другие выступления; письма, записки, телеграммы (в частности, переписку периода гражданской войны); планы, конспекты и др.

Примечание: В издание включаются некоторые документы партийных съездов, конференций, ЦК, составленные товарищем Сталиным, но опубликованные как постановления соответствующих органов.

2. Издание, составляющее 8–10 томов, именуется: «И. В. Сталин. Сочинения».

3. Опубликованные ранее произведения печатаются по подготовленному И. П. Товстуха тексту. Разночтения или варианты рукописей в издании не отмечаются. Исправления в тексте могут быть допущены лишь по указанию автора.

4. В томах все произведения располагаются исключительно в хронологическом порядке написания или произнесения (речей, докладов).

5. Каждый том снабжается научно-вспомогательным аппаратом, состоящим из следующих частей:

а) примечания,

б) указатель имен,

в) предметный указатель,

г) указатель цитированных произведений,

д) основные даты жизни товарища Сталина.

6. Издание должно быть осуществлено в двух видах, наподобие 2-го и 3-го изданий Сочинений Ленина.

7. Одновременно с подготовкой изданий Сочинений товарища Сталина на русском языке должна быть начата работа по подготовке аналогичных изданий на основных иностранных языках и на языках национальностей СССР.

8. Редакция сочинений тов. Сталина:

а) один из секретарей ЦК ВКП(б),

б) Адоратский,

в) Стецкий,

г) Берия.

Отметить подготовителя сочинений тов. Сталина И. Товстуху.

9. Редактора отдельных томов (кандидаты):

Адоратский, Стецкий, Берия, Мехлис, Поскребышев, Поспелов, Кнорин, Таль, Волин, Рабичев, Зеймаль, Юдин, Горохов, Ангаров, Угаров, Хавинсон, Попов Н., Бедия.

10. Организовать в составе ИМЭЛ секретариат редакции издания сочинений тов. Сталина.

Секретарем редакции утвердить (кандидаты):

1) Поспелов,
2) Перчик,
3) Двинский,
4) Назаретян,
5) Хавинсон,
6) Гусев А.
7) Фейгин.

11. Издание начать с 1936 года, с выпуском в год не менее 2-х томов.

12. Редакция должна организовать составление биографии тов. Сталина.

15/2 3 экз.
13.11-1935 г.

А. СТЕЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 905. Л. 11—13. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 296
СТЕЦКИЙ О НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНОМ АППАРАТЕ К СОЧИНЕНИЯМ СТАЛИНА

Ноябрь 1935 г.

Проект

Секретно

О НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНОМ АППАРАТЕ К СОЧИНЕНИЯМ ТОВАРИЩА СТАЛИНА

1. Научно-вспомогательный аппарат должен облегчить читателю изучение Сочинений товарища Сталина.

2. Аппаратом снабжается каждый том издания. Отдельные части аппарата располагаются в следующем порядке: а) список изданий и произведений, в редактировании и составлении которых принимал участие И. В. Сталин; б) указатель цитированных произведений; в) документы и материалы; г) примечания; д) указатель имен; е) предметный указатель; ж) основные даты жизни товарища Сталина.

3. Примечания должны носить строго-справочный (отнюдь не популяризирующий или комментирующий) характер и содержать только самые необходимые сведения, облегчающие читателю понимание соответствующего места текста.

4. Указатель имен дает краткие сведения о лицах, упоминаемых в данном томе: в отношении известных имен необходимо ограничиться датами рождения и смерти; в отношении других имен — приводить только те сведения, которые необходимы читателю для понимания соответствующего места текста.

5. Предметный указатель включает только основные вопросы, затрагиваемые в произведениях данного тома.

6. Основные даты жизни товарища Сталина должны дать читателю основные данные о теоретической и практической революционной деятельности товарища Сталина.

А. СТЕЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 905. Л. 14. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. На л. 14 об. пометка рукой неизвестного: «Поступило 10.11.53 г. с дачи И. В. Сталина».

№ 297
МИХАИЛ КОЛЬЦОВ — СТАЛИНУ
О МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ

10 декабря 1935 г. (не ранее)

Тов. Сталин!

Я просил бы Вас принять меня, по возможности срочно, хоть на четверть часа, по международным писательским делам.

Международная Ассоциация Писателей, созданная по Вашему указанию на Парижском конгрессе защиты культуры, находится в очень трудном положении, ей угрожает тихий развал — после громкого успеха парижского конгресса. Причины — пассивность руководства и полное отсутствие средств — в том числе и тех, которые мы как советские делегаты обещали в качестве своего взноса.

Для книги «День мира», составляемой по инициативе Горького, как первое общее начинание советских писателей с иностранцами — поступило немало рукописей, но нет средств оплатить авторам хотя бы скромный гонорар, на который они рассчитывают. Они не протестуют (пока), но, мне кажется, неудобно сейчас для редакции, возглавляемой Горьким, ничего не платить авторам.

Если вы никак не смогли бы сейчас принять меня — просил бы провести решение, которое я прилагаю.

Ваш Мих. КОЛЬЦОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1087. Л. 54, 54 об. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Пометка рукой неизвестного: «От т. Кольцова».

Проект

О МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ

1. Предложить руководству советской делегации в Международной ассоциации писателей (т.т. А. М. Горький, М. Кольцов) вести постоянную активную работу по консолидации широких писательских кругов всех стран для борьбы с фашизмом, войной, защиты культурных ценностей и активной защиты Советского Союза, для чего принимать деятельное ведущее участие в работе президиума, секретариата и бюро ассоциации, а также путем приглашения иностранных писателей в СССР и посещения их стран[1].

2. Считать целесообразным ликвидацию находящегося в Москве Международного Объединения Революционных Писателей (МОРП) и его секций, за исключением тех стран, где они являются самостоятельными жизнеспособными организациями (Франция, США).

3. Разрешить приглашение Союзом СП ежегодно 10–12 иностранных писателей для ознакомления с СССР. Предложить Интуристу взять на себя материально-бытовое обслуживание писателей и их проезд.

4. Поручить Журнально-газетному объединению регулярный и быстрый выпуск на русском языке новинок иностранной художественной литературы в общедоступном массовом издании, по типу прежней «Универсальной библиотечки»[2].

5. Поручить Жургазу (т. Кольцов) организацию небольшого ежемесячного литературно-художественного журнала на немецком языке.

6. Разрешить отпуск 1500 р. золотом ежемесячно на покрытие членских взносов советских членов ассоциации[3].

7. Отпустить 4000 руб. золотом на оплату гонорара иностранным авторам по сборнику «День мира», выпускаемому по инициативе М. Горького при участии членов Международной Ассоциации писателей.

Там же. Л. 52. Машинописный подлинник.

Окончательный текст опубликован по протоколу Политбюро: Власть и художественная интеллигенция. 1917—1953. М., 1999. С. 279.

[1] Пункт постановления зачеркнут Сталиным, а остальные перенумерованы.
[2] Дописано Сталиным: «на русском языке».
[3] Сталин на полях: «ОП».

Сталин дал резолюцию: «Принять следующие предложения т. Кольцова». Голосовали: Сталин, Молотов, Жданов, Каганович, Микоян, Чубарь, Ворошилов, Андреев (протокольная запись).

№ 298
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО О НЕУМЕСТНОСТИ ПЕРЕВОДА ЧАСОВОЙ СТРЕЛКИ НА ОДИН ЧАС НАЗАД

22 декабря 1935 г.

1. Предложение т. Шур (Начальника Управления Мер и Весов) о переводе на один час назад часовой стрелки с 1 января 1936 года и изменении в связи с этим времени начала и окончания работы в предприятиях и учреждениях — отвергнуть как совершенно несостоятельное; а т. Шуру объявить выговор за дачу в печать сведений об этом неуместном проекте.

2. Указать редакторам газет «Ленинградская Правда», «Труд», «Рабочая Москва» и «Вечерняя Москва» на недопустимость помещения сообщений о проектах решений, внесенных на рассмотрение правительства, но не принятых правительством.

3. Опубликовать в печати следующее сообщение ТАСС: «В газетах «Ленинградская Правда» от 3 декабря с. г., «Труд» — 10 декабря, «Вечерняя Москва» — 9 декабря и «Рабочая Москва» — от 22 декабря появились сообщения о якобы предстоящем с 1 января переводе часовой стрелки на один час назад

и перенесении в связи с этим времени начала и окончания работы предприятий и учреждений на час вперед.

ТАСС уполномочен сообщить, что никакой передвижки часовой стрелки на час назад не предполагается и подобные предложения правительством считаются неуместными».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 974. Л. 11—12. Машинописный подлинник протокола заседания Политбюро.

№ 299
СЕВАСТИЙ ТАЛАКВАДЗЕ — ПОСКРЕБЫШЕВУ О СВОЕЙ КНИГЕ «ПОРТРЕТ ВОЖДЯ»

22 декабря 1935 г.

Дорогой товарищ Поскребышев!

26/XII я возвращаюсь в Тифлис. В случае, если товарищ Сталин найдет нужным дать какие либо указания по поводу моей рукописи «Портрет вождя» (на грузинском языке), находящейся у него, прошу сообщить мне по адресу: Тбилиси, улица Чонкадзе, 11, Севастию Талаквадзе или вызвать меня в Москву.

С этим моим трудом знакомы руководящие товарищи из ЦК Грузии и Закрайкома. В случае одобрения моей работы товарищем Сталиным, я намерен дать рукопись на перевод квалифицированному переводчику в Москве под непосредственным моим руководством.

Я хотел бы издать свою книгу о товарище Сталине для широчайших масс с соответствующими иллюстрациями (у меня эти иллюстрации подобраны). Одновременно со мной прошу поэтому дать указания Заведующему Издательством «Молодая гвардия» т. Полянскому, которому я передал дубликат рукописи и иллюстраций.

С коммунистическим приветом

С. ТАЛАКВАДЗЕ

22/12-35 г.

Врем. адрес: Москва, Гостин[ица] Метрополь, № 440.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 722. Л. 60. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Пометка рукой неизвестного: «7.2».

№ 300
ЩЕРБАКОВ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

8 января 1936 г.

Тов. СТАЛИН И. В.

Горький дважды (по телеграфу и по телефону) приглашал меня приехать к нему в Крым для решения ряда вопросов литературного движения.

На днях от Горького вернулся Крючков и еще раз передал просьбу Горького о выезде к нему.

Я считаю необходимой поездку к Горькому, при этом считаю необходимым ехать к нему с конкретными предложениями.

Если можно — прошу принять меня по этим вопросам.

А. ЩЕРБАКОВ

8.1-36 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 832. Л. 10. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. На письме пометка рукой неизвестного: «13.1».

№ 301

МЕХЛИС — СТАЛИНУ. ПОКАЯННОЕ ПИСЬМО

13 января 1936 г. (не позднее)

Дорогой товарищ Сталин!

Не выдержали нервы. И вел себя не так, как подобает большевику. Особенно больно за реплику о «человеческом разговоре», когда лично Вам и на всю жизнь обязан всем, что есть во мне партийного.

Трудно мне. За последние годы оттянули от нас немало людей. Не спрашивали, конечно, можно ли брать и как это отразится на работе. Руководить приходится в обстановке, когда нет секретаря редакции, нет утвержденного зама, когда сам оказался под конец в положении «выговорного редактора». Но ведь это организованный бедлам, который может съест любого человека. И съел!

Я должен был, — и последние месяцы собирался, — сказать, что нездоров[1]. Сплошная бессонница замучила. Засыпаю в 11—12 утра. Квартира форсировала то, что подготовляли непрерывные газетные ночи[2]. Пора освобождать. Не может руководить «Правдой» человек, который нездоров и пребывает в вечном недосыпании, отстает от жизни, не следит за экономической и художественной литературой, не бывает в театре. Вот это должен был по-человечески рассказать, а вышло глупо, клеветнически.

Простите, дорогой товарищ Сталин, за эту неприятную минуту, которую доставил вам. Для меня сейчас это тяжелая травма[3].

Ваш Л. МЕХЛИС

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 773. Л. 94. Рукописный подлинник. Пометка рукой неизвестного: «13.1.36 г. поступило».

[1] 17 октября 1936 г. Мехлису будет продлен отпуск в Сочи до 1 ноября. Наркомздрав Каминский сообщал Кагановичу о том, что Мехлис в течение трех недель болел фурункулезом (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1126. Л. 102).

[2] Решением Политбюро было предложено редакциям газет «Правда» и «Известия» заканчивать работу по номерам газет каждый день в один-два часа ночи для того, чтобы в два часа ночи «никто из работников «Правды» и «Известий» не оставался в помещении редакции за исключением одного дежурного члена редколлегии» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1137. Л. 13).

[3] К началу большой чистки накопился определенный компромат и на Л. З. Мехлиса. Хотя он и был в рядах большевистской партии с 1918 г., но с 1907 г. был членом ЕСДРП (иными словами, Бунда). В ноябре 1921 ЦКК предлагает Оргбюро отправить его «в распоряжение оргбюро для партийной работы за склоку, в которую была вовлечена ячейка» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 46. Л. 52—53).

№ 302
ЛАХУТИ — СТАЛИНУ. ПОСЛАНИЕ В СТИХАХ (РУБАИ)

29 января 1936 г.

РУБАИ

Ты, Сталин, более великий, чем величье,
Познал сердца людей и душу красоты.
Душа моя поет и сердце громко кличет,
Что Ленина и ЗНАК и путь — все дал мне ты.

29/1-36 г.

Барвиха, санаторий Кремля

ЛАХУТИ
Перевод Бану

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 760. Л. 20. Машинописный подлинник на листе, где каллиграфически выведен текст рубаи на фарси. Подпись Лахути — автограф.

3 июня 1937 г. Керженцев перешлет Поскребышеву (с просьбой передать Сталину) текст стихотворения «Родному Сталину» (машинописный перевод Бану и манускрипт на фарси).

№ 303
КОЛЬЦОВ — СТАЛИНУ, АНДРЕЕВУ, ЕЖОВУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ АНДРЕ МАЛЬРО

3 марта 1936 г.

ЦК ВКП(б)
товарищу СТАЛИНУ
тов. АНДРЕЕВУ
тов. ЕЖОВУ

Сегодня в Москву приехал Андрэ Мальро, являющийся теперь во Франции крупнейшим после Андрэ Жида писателем, работающим с нами. Несмотря на свою молодость, он чрезвычайно популярен и при этом очень активен как оратор и общественник-антифашист. Мальро организационно возглавлял во Франции борьбу за освобождение Димитрова и конгресс защиты культуры. Сейчас он нами выдвигается в качестве генсека Международной ассоциации писателей защиты культуры.

Мальро рассказывает интересные факты об огромной работе гитлеровцев во Франции с затратой большой энергии и средств по обволакиванию общественного мнения, печати, вплоть до толстых журналов и интеллигенции. Он заверяет, что, не будь летом нашего конгресса в защиту культуры нечто в этом роде непременно организовали бы прогитлеровские круги. В данный момент они ведут кампанию с якобы левых пацифистских позиций против Ромен Роллана, за его высказывание в пользу англо-франко-советского сближения.

Мальро пробудет в СССР 10 дней. С ним будут обсуждаться деловые вопросы международной работы среди писателей. Послезавтра мы едем с ним, как было условлено, к Горькому.

Мальро просит свидания:
1) с товарищем СТАЛИНЫМ
2) с тов. АНДРЕЕВЫМ

3) с тов. ДИМИТРОВЫМ (личная встреча)

4) с тов. КОСАРЕВЫМ.

Поддерживаю его просьбу. Кроме того, рекомендовал бы предложить Мальро остаться до съезда комсомола, где его выступление имело бы определенный эффект. Он должен, правда, выступать 18 марта в Париже на диспуте о социалистическом реализме, но тов. КОСАРЕВ мог бы его убедить перенести диспут.

Мих. КОЛЬЦОВ

3 марта 1936 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 77, 77 об. Машинописный подлинник. Есть подчеркивания. Пометка рукой неизвестного: «От т. Кольцова».

№ 304

ТАЛЬ — СТАЛИНУ О ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ О МНР

2 апреля 1936 г.

Тов. Сталину

В связи с последними событиями на Дальнем Востоке и заявлениями о взаимной поддержке СССР и Монгольской Народной Республики проявляется очень большой интерес к Монгольской Народной Республике. На всех собраниях задают о ней массу вопросов.

Между тем мы в газетах почти ничего о МНР не писали. Мне кажется, что в целях разъяснения вопроса было бы целесообразно поместить в наших газетах 1–2 статьи информационного характера о Монгольской Народной Республике, об особенностях ее географического положения, о планах японских империалистов захватить МНР и напасть через МНР на Советский Союз, об упоминавшейся в Вашей беседе с Рой Говардом помощи, которая была оказана нами МНР в 1921 г. и т. п.

Статьи на эти темы можно было бы тщательно проредактировать и согласовать с НКИД.

Первоначально статьи на эти темы (разумеется, различные) можно было бы поместить в «Правде», «Известиях», «Красной звезде», «Комсомольской правде», «За Индустриализацию». Потом в других газетах.

Прошу Ваших указаний.

Б. ТАЛЬ

2/4

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1103. Л. 2. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. «За» проголосовал Сталин, а вслед за ним Молотов, Ворошилов, Андреев, Каганович. Решение Политбюро 4 апреля «Об освещении в печати вопросов МНР».

№ 305

РАДЕК — ПОСКРЕБЫШЕВУ О ПИСЬМЕ РОЖКОВА

10 апреля 1936 г.

Дорогой тов. Поскребышев!

Посылаю Вам письмо к тов. Сталину о состоянии лит. критики, написано т. Рожковым.

Два года тому назад тов. Сталин заинтересовался статьей Рожкова о романтике, к[отор]ая другими была принята в штыки. Рожков писал тов. Сталину о литературных делах. Похоже, что письмо не дошло, и поэтому просил меня Вам вручить прилагаемое.

Парин[1] не уравновешеный, но острый ум. С батраков — лит. критик с хорошим образованием.

Привет

К. РАДЕК

10.4[1936 г.]

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 793. Л. 95. Рукописный подлинник. Орфография сохранена. Подпись — автограф.

[1] То есть парень.

№ 306

КОСАРЕВ — СТАЛИНУ О ПИСЬМЕ М. ГОРЬКОГО. ГОРЬКИЙ — КОСАРЕВУ

14 апреля 1936 г.

14 апреля 1936 г.
№ 02/с
Секретно
Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Сталину И. В.

КОСАРЕВ — СТАЛИНУ

При сем препровождаю Вам полученное мною сегодня письмо от А. М. Горького. Прошу указаний ЦК ВКП(б) для своего ответа.

А. КОСАРЕВ

ГОРЬКИЙ — КОСАРЕВУ

Уважаемый т. Косарев!

Из беседы с т. Трегубом и статьей[1] «КСМ Правды», посвященных вопросам литературы, убеждаюсь, что комсомол намерен решительно взяться за бытовое и культурно-политическое оздоровление литературы: очень хорошее намерение. Давно пора обратить внимание на беспризорное бытие и на безответственную деятельность трех тысяч людей, объединенных в Союзе писателей, трех тысяч, из коих — по крайней мере — две едва ли способны занимать место в литературе, интернациональное значение которой растет и должно расти. Если комсомол возьмет на себя весьма трудное дело помощи росту литературы внутри страны и росту ее значения за рубежом, — комсомол возьмет на себя еще одно героическое дело.

Я далек от намерения говорить комплименты. «Не до жиру, быть бы живу». Я ставлю на усмотрение и критику несколько практических предложений, которые — на мой взгляд — могут облегчить новую работу комсомола: надобно иметь кроме газеты свой журнал, для чего взять «Октябрь» или «Новый мир», — журналы существующие механически, безидейно[1], бездельно. Журнал устанавливает — пропагандирует отношение к литературе как к работе бо-

лее ответственной, чем всякая иная работа. – «Написано пером – не вырубишь топором», ошибку на металле легче поправить, чем ошибку на бумаге, – в книге и т. д. Журнал способствует развитию в Союзе писателей сознания коллективной ответственности пред читателем. Освещает уродливость быта литераторов, – не называя имен; дает место идеологической и технической критике книг, пьес, печатает произведения лит. молодежи и т. д.

Взять на себя наблюдение за всеми серийными изданиями, каковы, напр., «Жизнь замечательных людей», «Исторические романы» и все вообще издания этого типа. Для ясности прилагаю копию письма моего по поводу одного из таких изданий.

Печатает очерки текущей зарубежной литературы и очерки по литературам братских республик, укрепляя понимание советской лит. как единой Всесоюзной.

Подчеркивает интернациональное значение Сов. литературы, сообщая оценки ее левой прессой Европы.

Ставит вопрос о необходимости «чистки» Союза, о сокращении числа его членов.

Спорит против необходимости печатать в журналах длиннейшие – Евдокимовские и прочих сочинителей – романы, которые отнимают место у молодежи. Большие романы можно и не пропускать через журналы, а издавать их отдельно. Кстати, это принудит издательства к более строгой редактуре.

Это уже мелочи, но их – много и в массе своей они – крупная помеха и в быту, и на путях развития мастерства.

Попытаться внести оздоровляющие начала в среду литераторов – социальная обязанность комсомола. Молодежь должна охранять себя от дыма и пыли, которые пускают ей в глаза и которые вполне способны отравить дыхание. Среда писателей всегда была средой растленной, средой наиболее обостренных чувств зависти, ненависти, вражды. Но дворяне – Иван Тургенев и К° – травили дворянина Некрасова по внушению мотивов сословных, по силе логики идей, по тем же причинам, кои внушали Федору Достоевскому злобу на Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, а Льва Толстого заставляли презирать Достоевского и т. д.

В Советской литературе момент классовой вражды писателей не должен бы иметь места. Однако писатели, – мягко говоря, – не питают чувства взаимной дружбы, не пытаются культивировать ее, и не заметно, чтоб они понимали единство цели Советской литературы. Живут, как пауки и барсуки, у каждого – своя паутина, своя нора. Коллективная работа над книгой «Две пятилетки» саботируется, а работа эта ознакомила бы их с огромнейшим материалом.

Раньше чем заниматься решением «проблемы жизни и смерти», как заявил Вишневский, надобно понять, что смешно заниматься этим почтенным делом, не будучи биологом. Единственно, чему научились за последний пяток лет, это – уменью говорить. Ловко говорят, но плохо веришь тому, что говорят.

Мне кажется, что было бы хорошо, если б на место тех полуписателей, которые должны быть устранены из Союза, ЦК Комсомола ввел сплоченную группу – десятка два – наиболее даровитых ребят, которые, разрядив густоту и плотность литмещанства, служили бы непрерывными возбудителями сознания необходимости суровой самокритики и реставрации литературной среды.

Я очень стою за возвращение в литературу Авербаха, человека, который — при всех его недостатках — обладает хорошо развитым качеством поджигателя и организатора.

Пожалуй, не плохо было бы, если б группа комсомолок попробовала воздействовать на жен писателей, убедить их взяться за изменение домашнего быта мужей, создать более тесное общение среди них.

Все это пишется мною наскоро, но хотелось бы, чтоб Вы прочитали это во время работ съезда.

С горячим желаньем успеха работе Вашей и КСМ.

М. ГОРЬКИЙ

Заверенная машинописная копия.

ПИСЬМО ГОРЬКОГО ПО ПОВОДУ СЕРИИ «ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ»

Копия

Дорогой Александр Николаевич![2]

Я прочитал объявление об издании серий исторических романов и нахожу, что если книги будут выходить в порядке опубликованном — значит дело это организовано небрежно и серия не достигнет цели, установленной нами.

Мы условились, что книги необходимо подобрать в последовательности хронологической и снабдить каждую из них маленьким очерком эпохи, о которой рассказывает книга, — таким приемом все книги серии этой будут связаны и дадут читателям некоторое — хотя и поверхностное — представление о ходе истории.

Мало дать интересное чтение, надобно дать это осмысленно.

В опубликованном перечне даны книги различных эпох.

Намечен «Ледник» Иенсена, пропущен «Огонь» — Рони. Мы, если помните, признали допустимым дать роман Тана-Богораза о людях каменного века.

Нужен Эберс, нужно просмотреть библиографию европейских романов о древних греках и римлянах, о борьбе против христианства, — «Ипатия», «Юлиан» и т. д. о становлении феодализма, о паскудной, человеконенавистнической предательской роли Ватикана, об альбигойцах, таборитах, жакерии и т. д. и т. п.

Не забудьте о «Дьяволе» Неймана и, параллельно с ним, об Иване Грозном, Елизавете английской, Людовике XIV — о борьбе королей и буржуазии против феодалов.

Надо взяться за это дело со всей серьезностью, которой оно вполне заслуживает.

А. Г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 720. Л. 101—106. Заверенная машинописная копия. Резолюция Сталина на записке Косарева: «А «Молодая гвардия»?» Ст.». Машинописный подлинник на бланке ЦК ВЛКСМ. Подпись Косарева — автограф.

[1] Так в тексте.

[2] Адресат не установлен.

№ 307
НАЖИВИН — В АКАДЕМИЮ НАУК СССР И ОТКЛИКИ НА ЕГО ОБРАЩЕНИЕ

14 апреля 1936 г.

IVANE NAGIVINE
14 апр. 36
В АКАДЕМИЮ НАУК,
Москва

Лет двадцать тому назад мною были переданы сектантскому отделу Академии — им заведовал тогда В. Бонч-Бруевич — мои материалы по летописи религиозных движений в народе. Мой остальной архив погиб в Москве во время революции. В беженстве я сам уничтожал все архивные материалы: негде было хранить их. Потом мне было предложено сдавать такие материалы Русскому Историческому Архиву в Праге. Переслав ему несколько папок с документами, я вынужден был от дальнейшей работы с ним отказаться: архив не пожелал оплачивать расходы по доставке ему моих материалов, — грошовые, — а кроме того мне было и неприятно передавать документы иностранцам.

Настоящим имею честь предложить Академии все мои текущие материалы по истории моего времени: письма разных лиц ко мне и от меня разным лицам, всякие документы, исповеди, которые я как писатель нередко получаю от своих читателей, книги и пр. Так как чужие тайны я не могу предавать гласности, то Академия обязуется присылаемых мною папок без моего разрешения не вскрывать, а в случае моей смерти они могут быть вскрыты не раньше чем десять лет спустя.

В случае согласия Академии на мое предложение прошу не отказать указать мне лучший способ пересылки материалов отсюда к Вам. Все расходы по пересылке я беру на себя.

Ив. НАЖИВИН

Дополнение.

Может быть, Академия найдет также возможным обсудить следующий вопрос. За мою жизнь я написал больше 80 томов. Большую половину из них я уничтожил. Осталось — 40 томов. Многие из них переведены на иностранные языки. Отзывы иностранной печати ПРЕВОСХОДНЫЕ. Они могут быть высланы Вам для ознакомления. Так как дети мои пошли другими, чем я, дорогами, я затрудняюсь завещать им этот труд моей жизни. Может быть, я мог бы передать для издания все эти 40 томов Академии с тем, чтобы половину доходов она взяла себе на нужды просвещения, а половину передавала бы моим детям по моему указанию. Я отдаю себе ясный отчет, что не все мои тома теперь приемлемы России, но думаю, что времена меняются. Я не принадлежу, однако, ни к какой партии и основной мотив моего творчества — это ВСЕСТОРОННЕЕ РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ. В случае согласия Академии я переслал бы ей на хранение все эти 40 томов. Разумеется, Академии нет надобности самой издавать мои труды — она может передавать их под своим наблюдением издателям.

Вот главнейшие мои романы:

Евангелие от Фомы (жизнь Иисуса).

Иудей — ап. Павел.

Лилии Антиноя — первые церковки.

Достаточно назвать имя Ренана и Льва Толстого, чтобы сразу понять, в каком тоне ведены мною эти исследования.

Во дни Пушкина — 3 тома.

Распутин — 3 тома.

Лотос, расцветший на заре (жизнь Моисея, в. XII до Р. Х.)

Софисты — жизнь Сократа, Периклеса, Аспазии, Алкивиада, Фидия и пр.

Казаки — восстание Степана Разина.

И пр. и пр. и пр.

Н[АЖИВИН]

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1109. Л. 139, 139 об. Машинописная копия. Подлинник протокола № 40 заседания Политбюро.

[КРЖИЖАНОВСКИЙ О ПРЕДЛОЖЕНИИ НАЖИВИНА]

Академией Наук получено от белоэмигранта Ив. Наживина предложение передать Академии все имеющиеся у него текущие материалы по современной истории: переписку его с разными лицами, документы, исповеди и проч. Одновременно он просит передать Академии 40 томов его собственных произведений на предмет хранения.

Ив. Наживин, по наведенным нами справкам, одно время принадлежал к самым лютым и злостным врагам Советской власти, но за последние годы он будто бы порвал с эмигрантскими кругами и изменил свое отношение к Советской власти, эти сведения соответствуют действительности, но независимо от того или иного отношения Наживина к Советскому Союзу мы считали бы необходимым в интересах нашего дела взять у Наживина все, что может быть так или иначе для нас полезно. Его собственные произведения, надо полагать, никакой ценности не представляют, но взять их «на хранение» при условии передачи им документов мы считали бы возможным. Что же касается поставленных им «условий» — не вскрывать без его разрешения папок, а в случае его смерти вскрыть их по истечении десяти лет, — то вряд ли это может служить препятствием к получению документов.

Прилагая при сем копию письма Наживина, просим дать нам соответствующие указания.

Вице-президент Академии наук СССР академик Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ
Академик-секретарь Отделения общественных Наук А. М. ДЕБОРИН

Там же. Л. 138. Рукописный подлинник. Пометки рукой неизвестного. Результаты голосования членов Политбюро. «За» Межлаук (автор резолюции, см. ниже) и Молотов (по линии СНК).

[МЕЖЛАУК – МОЛОТОВУ. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПИСЬМУ ИВАНА НАЖИВИНА]

Т. В. М. Молотову.

Предложения:

1) разрешить Академии принять на хранение от гр. Наживина материалы на условиях, им предложенных.

2) Разрешить Академии Наук принять 40 томов его произведений на хранение, без всякого обязательства по их изданию и каким-либо выплатам.

3) Обязать А. Н. оформить прием этих материалов в порядке, гарантирующем Сов. Правительство от каких-либо материальных претензий Наживина или его наследников и родственников.

В. МЕЖЛАУК

Там же. Л. 138. Машинописный подлинник. Оформлен как пункт П40/126 29 мая 1936 г. постановления Политбюро. Голосовали «за»: Сталин, Молотов, Орджоникидзе, Каганович и Ворошилов. Протокольно: Микоян, Андреев и Калинин.

№ 308
МЕХЛИС — СТАЛИНУ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ГОРЬКОГО

27 мая 1936 г.

«Правда»
Орган ЦК и МК ВКП(б)
Член Бюро редакционной коллегии
Т. Сталину

М. Горький прислал в «Правду» статью по «История молодого человека XIX столетия».

Трактовка ряда философских проблем (например, «насколько полезен и уместен объективизм в эпоху социальных битв» и т. д.) вызывает сомнение.

Просьба прочитать статью.

27/V

Л. МЕХЛИС

P. S. Статья попала и в другие газеты.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Л. 720. Л. 119. Рукописный подлинник на бланке газеты «Правда». Резолюция Сталина: «Т. Мехлис. Печатайте без изменений. И. Сталин» — автограф.

№ 309
Н. ПОПОВ — В ЦК ВКП(б), СТАЛИНУ ОБ ОШИБКЕ В ОСВЕЩЕНИИ ГОДОВЩИНЫ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГОРЬКОГО

1 июня 1936 г.

ЦК ВКП(б)
Тов. Сталину

Мне вместе с тт. Мехлисом и Савельевым в марте 1931 года постановлением политбюро ЦК ВКП(б) вынесен строгий выговор за помещение в «Правде» без согласования с ЦК ВКП(б), без уведомления других газет и в совершенно неудовлетворительном виде материалов к 63-летней годовщине со дня рождения М. Горького[1].

Эта грубая ошибка тогда же по указанию ЦК была редакцией «Правды» исправлена[2].

Теперь прошу, если ЦК найдет возможным, снять с меня строгий выговор[3].

Н. ПОПОВ

1.6.36 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1100. Л. 88. Рукописный подлинник.

[1] В субботу, 28 марта 1931 г., в «Правде» (с. 2) под колофоном «63-летие со дня рождения А. М. Горького» была опубликована подборка материалов: редакционная статья «Голос миллионов», стихотворение Лахути «Максиму Горькому» и статья Арт. Халатова «Наш Горький».

[2] Во вторник, 31 марта 1931 г., в «Правде» две полосы были посвящены Максиму Горькому. «Миллионы откликнулись на 63-летие со дня рождения Максима Горького. Правда Горького колет глаза нашим врагам. Бешеная ненависть буржуазии к Максиму Горькому — это ненависть к миллионам, строящим социализм. Руки прочь от Горького! Руки прочь от страны побеждающего социализма!» и т. д. Программная статья — подвал «Путь пролетарского писателя» была подписана Ем. Ярославским.

[3] 8 июня 1936 г. Политбюро удовлетворило просьбу Попова (прот. № 40, п. 180). Голосовали Сталин, Молотов и Каганович.

№ 310
КЕРЖЕНЦЕВ — СТАЛИНУ И МОЛОТОВУ О ВЫБОРЕ МЕСТА ДЛЯ ПАМЯТНИКА ГОГОЛЮ В МОСКВЕ

7 июня 1936 г.

Секретно
ЦК ВКП(б) — тов. Сталину И. В.
СНК СССР — тов. Молотову В. М.

В связи с поручением Комитету по делам искусств и Моссовету определить место сооружения памятника Н. В. Гоголю, из осмотренных участков могут считаться подходящими для установки этого памятника следующие:

1. Начало бульвара у Петровских ворот между больницей с одной стороны, и Институтом им. Каган-Шабшай, с другой;

2. Площадка, где сейчас находится памятник Гоголю, — начало Гоголевского бульвара.

Для характеристики каждого из предлагаемых участков посылаем фотоснимки.

Ввиду того, что место теперешнего памятника Гоголю находится рядом с Реввоенсоветом и связано с боями Октябрьской революции в Москве, мы считаем для памятника Гоголю более подходящий вариант — у Петровских ворот.

Председатель Всесоюзного комитета по делам искусств КЕРЖЕНЦЕВ
Председатель Моссовета БУЛГАНИН

Отп. 4 экз.
2 — адресатам.7.6-36 г.
2 — в дело.

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 953. Л. 12. Машинописный подлинник. Подписи — автографы. Резолюция Молотова: «На старом месте. Молотов».

№ 311
СТАЛИН, МОЛОТОВ, ВОРОШИЛОВ — ГОРЬКОМУ

18 июня 1936 г. (не позднее)

Алексей Максимович!

Были у Вас в два часа ночи. Пульс у Вас, говорят, отличный (82, больше, меньше). Нам запретили эскулапы зайти к Вам. Пришлось подчиниться. Привет от всех нас, большой привет.

И. СТАЛИН
В. МОЛОТОВ
К. ВОРОШИЛОВ

6/36

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 720. Л. 121. Рукописный подлинник — автограф Сталина. Подписи — автографы.

Опубликовано: Дубинская-Джалилова Т., Чернев А. Переписка М. Горького и И. В. Сталина (1934—1936) // Новое литературное обозрение. № 40 (6/1999). С. 296.

№ 312
КЕРЖЕНЦЕВ — АНДРЕЕВУ И ЕЖОВУ ОБ ИЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

23 июня 1936 г.

Тов. Андрееву А. А.
Тов. Ежову Н. И.
Копия: Культпросветотдел — т. Ангарову
Отдел печати ЦК ВКП(б) — т. Талю

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1. Тов. Сталин обратил внимание т. Серебровского на необходимость прочесть произведения Брет Гарта, прекрасно рисующие первые десятилетия золотой промышленности Америки. И тов. Серебровский пишет, что он из произведений Брет Гарта и Марка Твэна узнал очень много. А наши издательства за все годы советской власти не издали даже избранных произведений этих блестящих писателей Америки. Брет Гарт совсем неизвестен нашему новому читателю. Марка Твэна знают только по его двум детским книгам.

Но это не единственный случай невнимания к лучшим классикам Западной Европы и Америки. Многие художественные произведения, которые дают представление об историческом прошлом или о крупных социальных сдвигах, не переведены или не переизданы. Укажу, например, блестящие социальные романы американского писателя Ф. Норриса, рисующие положение фермеров в капиталистической стране, роли банков и пр., на исторические романы Эберса, на некоторые социальные романы Жорж Занд (никогда на русский не переводившиеся из-за цензурных условий).

«Академия» и другие издательства усиленно издают романы бульварного или эротического характера (например, «Петербургские трущобы» Крестовского, «Записки Франсиона» и т. п.), а романы социального содержания в полном загоне.

2. В таком же загоне произведения русского народного творчества. Позор для наших издательств, что в советское время не переизданы русские сказки

Афанасьева, не говоря уже о других сборниках русских сказок, былин, песен, пословиц и т. д. (например, Рыбникова, Соколова).

Я предлагаю[1]:

1. Предложить Литхудиздату и «Академии» пересмотреть свои планы переводной литературы с тем, чтобы в первую очередь включить издания лучших классиков Европы и Америки, в том числе избранные произведения Брет Гарта и Марка Твэна и серию лучших социальных и исторических романов.

2. Предложить «Гослитиздату» и «Академии» издать в 1936 и 1937 гг. ряд сборников русских сказок, былин, песен, пословиц и т. п. в том числе выпустить до 1-го января 1937 г. собрание русских сказок Афанасьева.

3. Предложить Культпросу и Отделу печати ВКП(б) в 10-дневный срок внести на утверждение Оргбюро новые планы Литхудиздата и «Академии» по указанным разделам.

КЕРЖЕНЦЕВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 950. Л. 211—212. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] Сохранилась записка — автограф Николая Ежова: «Т. Андреев считает, что голосовать это не нужно». При утверждении повестки дня Оргбюро 7 сентября 1936 г. вопрос снят (там же, л. 210).

№ 313
ВЕРА ПРИДВОРОВА — СТАЛИНУ О ПРОБЛЕМАХ В ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ С ДЕМЬЯНОМ БЕДНЫМ

2 июля 1936 г.

Иосиф Виссарионович!

Ваше особое любовное и бережное отношение к человеку дает мне надежду и смелость просить Вас уделить мне несколько минут, чтоб я могла с Вами переговорить о создавшемся положении, в которое я поставлена в продолжение трех лет моей жизни с детьми.

Дело, конечно, не о мне. Но я так за последнее время издергана, что не хотелось бы сделать какой-либо поступок, который Вы могли бы осудить, — не зная, в какие рамки жизни я поставлена в последнее время.

Не будь Придворов — Демьяном, я, конечно, никогда не могла бы Вас беспокоить подобным письмом, но имя Демьяна как агитатора обязывает меня переговорить с Вами о создавшемся положении за последнее время.

Мать детей Демьяна Бедного

ВЕРА РУФОВНА

Я буду Вас просить не о милости, а о справедливости.

В. П.

2.VII.36 г.[1]

Ул. Серафимовича № 2, кв. 35.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 109. Л. 110—111. Рукописный подлинник.

[1] Рукописный оригинал этого письма датирован 2 июля. Пометка Поскребышева на нем: «пер.» (т. е. «перепечатать»). Таким образом, перепечатанное письмо, вероят-

но, попало в сводку писем, подаваемых Сталину. Машинописная копия с пометкой Сталина (?) «На пам[ять]». Рукой неизвестного проставлена дата: «13 августа».

Согласно дневнику посещений, 13 августа 1936 г. состоялась встреча Сталина с Бедным, вернее, официально зарегистрированный прием в кабинете Сталина. Это единственная зафиксированная в доступных на сегодняшний день дневниках посещения кремлевского кабинета Сталина официальная отметка о встречах поэта с вождем.

№ 314
КОЛЬЦОВ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ АНДРЕ ЖИДА

8 июля 1936 г.

Товарищ Сталин,

Андрэ Жид в крайнем напряжении ожидает приема у Вас. (Его отъезд на юг намечен на 10 июля.) Отказ в приеме глубоко омрачит его. Я полагаю, что он действительно заслуживает быть принятым — ибо это и есть тот писатель мирового масштаба и влияния, который сейчас активно возглавляет международную интеллигенцию, преданную СССР.

Если прием невозможен — нельзя ли тогда хотя бы короткую встречу — где-нибудь в театре или в другом месте? Андрэ Жид будет в отчаянии, если так и уедет, не получив личного контакта с Вами.

МИХ. КОЛЬЦОВ

8 июля 1936 года

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л.78. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Отчеркивания на полях рукой неизвестного.

№ 315
МЕЙЕРХОЛЬД — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

14 августа 1936 г. (не позднее)

Дорогой Иосиф Виссарионович,

Мысли мои об объеме и значении Вашей работы всегда останавливали мое долголетнее желание повидаться с Вами. Однако сейчас, когда я знаю, что Вы вплотную стали интересоваться искусством и, в частности, театром, я считаю необходимым просить Вас о свидании для того, чтобы рассказать Вам о своих планах на ближайшие 3—5 лет в связи с возможностью, которая откроется мне с окончанием строительства нового здания.

Передовая «Правды» от 8-го августа («Привить школьникам любовь к классической литературе») заставляет меня и как коммуниста, и как художника чувствовать ответственность мою, и я хочу изложить Вам ряд моих мыслей по этому поводу[1].

Знаю также, что и по линии человеческой — свидание с Вами даст мне зарядку, бодрость, возможность избавиться от депрессии, в которой я нахожусь, как художник, и работать по-новому.

Любящий вас

В. МЕЙЕРХОЛЬД

P. S. 14-го августа в 1 час ночи я еду на Донбасс (гастроли театра), а 24 буду в Москве.

Тел. 5-87-31.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 775. Л. 99. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Пометка рукой Поскребышева: «Сообщить, что сейчас нет т. Сталина. П.». Пометка рукой помощника Сталина Бориса Двинского: «Мейерхольду сказано 31 августа 1936 г. БДв.».

[1] В передовой, в частности, говорилось: «В начальных школах, например, вовсе не читают Пушкина, откладывая ознакомление учащихся с великим русским поэтом до старших классов <...> В восьмом классе на русский язык уделено всего три часа в шестидневку, из которых на литературу — только два часа. Три часа в шестидневку! <...> Среди преподавателей весьма распространены «теории» вульгарных социологов». Третья полоса газеты была целиком посвящена этой теме. Под заголовком «Художественная литература в средней школе. Против вульгарных социологов и их наркомпросовских покровителей» были опубликованы статьи В. Ермилова, В. Шкловского, М. Горького и др.

№ 316
КИРШОН — КАГАНОВИЧУ О СВОЕМ ВЫСТУПЛЕНИИ НА СОБРАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ИТОГАМ МОСКОВСКОГО ПРОЦЕССА

23 августа 1936 г.

Дорогой Лазарь Моисеевич!

21 августа на беспартийном писательском собрании я выступил с речью о фашистских террористах, стенограмму которой (абсолютно неправленую) прилагаю.

22 числа появился отчет в «Известиях», в котором заявляют, что я «с непонятной деликатностью» умолчал о фамилиях писателей, «флиртовавших с оппозицией». Сегодня, 23-го, теми же фразами это повторено в «Комсомольской правде».

О разоблаченных и изгнанных теперь из партии троцкистах говорил подробно на этом собрании тов. Ставский. Я не назвал фамилий писателей, «флиртовавших» с оппозициями, потому что мне нужно было бы назвать целую группу связанных ранее с Воронским и Бухариным имен. Именно о них и о раннем периоде я говорил, что явствует из стенограммы. Называть в этой связи и в данной обстановке имена ряда крупнейших наших беспартийных писателей было бы грубейшей политической ошибкой. Это не только мое личное мнение, но и мнение бюро нашей партгруппы.

Вы, Лазарь Моисеевич, достаточно знаете меня. И знаете, что я не только никогда сам не был ни в каких оппозициях и группировках, но всегда активно и решительно вел борьбу за партию со всеми ее врагами.

Бюро нашей партийной группы вынесено решение по этому поводу, но после уже появилась статья в «Комсомольской правде».

Я прошу Вас, Лазарь Моисеевич, вмешаться, ибо для меня быть несправедливо обвиненным в каком-то «примиренчестве», как это может быть понято из приведенных фраз, нестерпимо тяжело.

С коммунистическим приветом

В. КИРШОН

Москва, 23 августа 1936 г.

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 64. Л. 67. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Пометка рукой Ежова: «Приму. Ежов». Третий и последний абзацы отчеркнуты на полях. Подчеркивания рукой неизвестного.

№ 317
ТАЛЬ – СТАЛИНУ И СЕКРЕТАРЯМ ЦК О РАБОТЕ В «ИЗВЕСТИЯХ» ЖУРНАЛИСТА СОСНОВСКОГО

7 сентября 1936 г.

Секретарям ЦК ВКП(б) – тов. Сталину
тов. Кагановичу
тов. Андрееву
тов. Ежову
тов. Жданову

При проверке работы редакции «Известий» бросается в глаза совершенно исключительное положение и права, которыми пользовался в газете Сосновский. Сосновский получал через «Известия» на свое личное имя тысячи писем, которые никем другим не просматривались, а поступали Сосновскому и совершенно бесконтрольно оставались в его личном архиве. Сосновский стал буквально собирателем контрреволюционных анонимок, гнусных пасквилей на советскую власть, собирателем просьб и жалоб арестованных контрреволюционеров, особенно троцкистов, в том числе и осужденных за участие в террористических делах. Сосновский стяжал себе в «Известиях» славу «защитника» и советчика всех обозленных и недовольных советской властью.

Все письма, получаемые Сосновским, в беспорядке валяются в шкафах и ящиках архивов. Точного учета этих писем вообще нет. Есть все основания предполагать, что масса писем исчезла, расхищены, уничтожены*.

Значительная часть писем, получаемых Сосновским, сопровождается комплиментами по его адресу и восхвалением его достоинств и заслуг. Вот отдельные примеры:

Осужденный на 10 лет в концлагерь по делу трудовой крестьянской партии Сережников, излагая всю историю своей контрреволюционной работы, просит Сосновского ходатайствовать об амнистии. Он пишет: «Я обращаюсь к Вам как к трибуну советской законности, неоднократно разоблачавшему вредные уклоны в советском строе и помогавшему своим словом восстановлению истины и справедливости».

Исключенный из комсомола за принадлежность к троцкистской оппозиции Эльгарт пишет: «Уважаемый тов. Сосновский, знаю, что Вы реагируете на все безобразия, я решал Вам написать письмо и мне помочь как молодому человеку**»...

Бывший торговец, лишенный права голоса: «Тов. Сосновский, пользуясь возможностью широкой демократии в нашей стране Советов, я, может быть и не по существу, все-таки хотел бы с Вами побеседовать посредством настоящей переписки, и, может быть, Вы найдете возможным мне кое-что ответить и посоветовать. Я все время получаю газету «Известия», читаю Ваши статьи и вижу, как Вы часто подаете руку помощи ленинца-большевика»...

Уволенная из советского аппарата обращается к Сосновскому с «анонимным» письмом: «Сейчас прочла Вашу статью «Непоправимая ошибка»! Нескучаев мертв, мертв физически. А знаете ли Вы, сколько духовных мертве-

---

* Так в тексте.
** Так в тексте.

цов, сколько искалеченных, измученных и в конец мертвых душ ходит еще среди живых?!» Письмо заканчивается: «Кто знает — обратись я к Вам тогда, была бы я теперь полноценным членом общества и полноценным человеком... А Вам спасибо, большое, огромное спасибо за всех тех, которых Вы спасли от мук и унижений, и за всех тех, кому Вы еще поможете. Желаю здоровья, сил и счастья».

Некая Такке, осужденная к ссылке за пособничество контрреволюционной террористической организации, махровая контрреволюционерка, объявившая голодовку в тюрьме, просит от Сосновского «немного человеческого участия и товарищеского внимания», а заканчивает свое письмо следующими словами: «Я хочу выжить, помогите мне в этом. Если и Вы не ответите мне, я вынуждена буду думать, что даже Вы боитесь по-человечески отнестись к гражданину, который вез вины виноват. Спасибо за Вашу статью — она мне принесла много радостных мыслей».

Можно немало еще привести примеров такого рода реляций и сентенций по адресу Сосновского со стороны контрреволюционных элементов, врагов партии и советской власти, нашедших в «Известиях» того человека, к которому можно обратиться со всякого рода своими «горестями» и «переживаниями».

В качестве примера приведем некоторые выдержки из отдельных контрреволюционных писем, получаемых Сосновским.

Классовый враг, спрятавшийся под инициалами «А.Н.», пишет Сосновскому: «Хотелось бы, чтобы Вы осветили в Ваших статьях слова Мануильского на XII конгрессе Коминтерна (*так в тексте*): «Только теперь (через 18 лет) мы можем поставить перед собой во всю величину в центре всех наших помыслов и дел заботу о человеке»... Социализм для человека, а не наоборот... Так ли это? Ведь пока все наоборот. Везде такой бюрократизм, такое бездушное, сухое отношение к человеку. Кажется, личность человека, его культурность, моральные качества не имеют никакого значения, наоборот, везде и во всем играет решительную роль «что-либо социальное» или дореволюционное прошлое как человека, так и его родичей по восходящей и нисходящей линии... «Так сказать, чистота арийского происхождения»... Таким образом, оказывается, что новые чудотворцы — это пролетариат по крови пролетарской и плоти... Боже мой, какой ужас!.. Девяносто процентов всего мира не знает еще учения Маркса — Ленина — Сталина. Горькая, горькая участь ждет эти девяносто процентов грешников перед большевистской праведностью в СССР... Они не знают, сколько слез и страданий, унижений, угнетения и позора создает это варварское средневековье, эта фашистско-большевистская чистота арийской крови... Они не знают, что коммунизм — ортодоксальная религия самых бездушных аристократов, чиновников, людей, сочетающих чистоту пролетарской крови с лицемерными живыми богами... Они не знают, что такое лицемерие новых фарисеев, сановно-чванливых праведников!!!»...

Некто Корнеев утверждает, обращаясь к Сосновскому, что «Вы лучше меня (пожалуй) знаете, как трудно в нашей стране добиться справедливости»... «В нашей стране свободомыслящий, подлинный идейный и независимый человек, это — белая ворона»... Я все больше и больше убеждаюсь в том, что

в нашей стране самоубийство является единственным средством реабилитации и разоблачения трубманов».

Служащий Боуден из Днепропетровска: «Мне кажется, что печать имеет право цитировать или пересказывать антисоветские выступления врагов с тем, чтобы этих врагов разоблачать».

Неизвестный контрреволюционер в своем анонимном письме пишет: «В газете от 1 сего июня в заметке «Непоправимая ошибка» Вы задеваете очень большой вопрос. Описанный Вами случай не единственный, в газетах были отмечены несколько других случаев самоубийства затравленных работников. Но в газеты попадают подобные случаи весьма редко, в жизни же их миллион. В каждом месте, на каждом производстве Вы найдете массу затравленных людей. При всем моем уважении к правящей партии и к профсоюзу я должен сказать, что если всех этих деятелей просеять на хорошем аппарате, то останется, может быть, не более десяти процентов здоровых и плодородных зерен, а на девяносто процентов будет совершенно негодный отсев. Кто идет обычно в партию? Идейных людей идет мало, остальные — шкурники. Чем же занимаются эти шкурники? Склокой, шпионажем, сыском, доносами и всякими иными подлыми делами... Во всех учреждениях введены парторги... чем же они занимаются... Они ищут для себя отдушины во всем противоположном. Им надо чем-то оправдать свое существование, и вот они пускаются во всю прыть на всякие гадости... Наши газеты занимаются подхалимством и лакейничанием перед всеми и каждым стоящим у власти. Наша пресса не допускает никакой критики, а исповедует только «самокритику». И дает ее... Здравия желаем!!! Так точно!!!»... «Кошмар, кошмар, великий кошмар!»

Сплошная контрреволюционная галиматья в письме махрового врага советской власти, подписавшегося: «И. Кор». В связи с статьей Сосновского «Непоправимая ошибка» этот его корреспондент пишет: «Эти махровые, пышные цветы подлости, подхалимства отравляют не только жизнь Нескучаевым, но и сотням, тысячам других честных людей у нас в Союзе... Вы безусловно правы. Режим царской России создавал условия для пышного развития исправничества и губернаторства, с их беззаконием и беззастенчивым угнетением широких масс. Но скажите, пожалуйста: на какой основе возникли, живут и благоденствуют «трепачи» уездного, областного и даже всесоюзного — мирового масштаба? Почему здесь Вы говорите, что личности виноваты, а не режим?.. Такими, как Штанько, заполнены все советские учреждения, нет ни одного советского учреждения, где бы не было своих Штанько... Почему же все это существует? И режим этот поголовно, везде, начиная с острова Врангеля и кончая Кремлем... Наши газеты пишут о режиме в Польше, который создал концентрационный лагерь в Картуз-Березе на 5 тыс. человек! О, ужас, срам, позор! Лагерь! На пять тысяч человек! Это — каторжный режим! Ну, а у нас тов. Сосновский, нет этих лагерей? Мы чисты, как голуби: «гром победы раздавайся»! И что значит польский лагерь на пять тысяч человек с вашими мировыми масштабами?»...

Нагло и цинично излагает всю свою контрреволюционную историю осужденный по делу трудовой крестьянской партии Сережников. Этот враг открыто в своем письме позволяет себе гнусные выпады против советской власти и

партии, их руководящих органов, против коллективизации, восхваляет правых оппортунистов и особенно гнусно инсинуирует против НКВД, обвиняя его органы в терроре, пытках и провокации. Вот некоторые выдержки из письма того распоясавшегося врага, осмеливающегося просить своего освобождения у советской власти, как якобы уже искупившего свою вину:

«Ни режим тюремной камеры, ни подвалы ГПУ не заставили меня признаться в том, в чем я не был виновен. Мы уцелели, хотя побуждение покончить с собой было у многих и многих (в том числе и у меня)... Издерганные тюрьмой нервы рисовали картины одна хуже другой... Между тем следователь искусно играл на чувствах»... Описывая процесс признания им необходимости подтвердить свою «мнимую вину», Сережников пишет: «Тут единственный выход – взгляд на прошлое, на минувшие 1928–29 года, когда наше «реорганизованное» крестьянское хозяйство, во вновь разбитых поселковых единицах, выявило перспективы быстрого прогресса и уже являло все черты культурного, мелкопоселкового хозяйства с породистым скотом, правильными севооборотами и т. д.». И следующая ступень размышления: «Партия ищет выхода и оправдания своих ошибок с принудительной коллективизацией и решила пожертвовать рядом спецов, обвинив их в саботаже и вредительстве делу коллективизации»... «Я уже потерял в это время хранившееся до сих пор душевное равновесие, постоянное предложение о сознании со ссылкой на реплику Горького «не сдающегося врага – уничтожать», тяжелое положение семьи и безвыходность положения, с другой стороны – посулы сразу облегчить режим, дать свидание и возбудить ходатайство о выпуске, перспектива спасти семью, пересилили нравственную чистоплотность и привели к тому, что я попросил бумаги и написал признание»... «...в 1925 Рыков А.И. провел свой проект 77 млн. фонда на «реорганизацию крестьянского хозяйства», и этот фонд мы использовали с знанием дела и добросовестно. В два-три года мы заложили очаги культурного крестьянского хозяйства и оно пустило корни и уже показало себя к 1928 г. ... Но вот гром с неба, появление нового курса, шквал принудительной коллективизация на селе, забраковка всего дела нашего, смена руководства (Рыков, Смирнов А.П., Томский и др.), появление на сцене «ТКП» и все последующее»...

Двое сотрудников научно-исследовательского института пище-промышленности Наркомпищепрома СССР Бояркин и Гармаш настоятельно просят Сосновского разоблачить в печати их директора Лосева, обвиняемого в антипартийных проступках. При этом они просят Сосновского опубликовать стихотворение, в котором «все слова соответствуют действительности». Приведем лишь некоторые места из этого контрреволюционного стихотворения:

У Наркомата Пищепрома
Есть птицеводства институт.
Там у директора в хоромах
Дела чудные вопиют...
Там крепостное время в праве,
Людей там купят, продадут.
А кто продаться не захочет,
Законы тотчас подведут...

Необходимо добавить, что письма, которые действительно заслуживают внимания и требовали вмешательства редакции «Известий», как правило, игнорировались и вместе с контрреволюционной перепиской Сосновского сваливались в архив. Злостнейшие контрреволюционные письма не сдавались в НКВД (по установленному порядку), а собирались в папках у Сосновского.

Мне кажется, что в порядке очистки аппарата редакции «Известий» следует освободить Сосновского, который и теперь не нашел ничего лучшего, как представить никуда не годную, жульнически протаскивающую прославление Троцкого статью. Прошу это санкционировать[1].

Б. ТАЛЬ

7/IX

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1125. Л. 22—28. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы.

[1] На л. 22 резолюция Сталина: «Т. Кагановичу». Резолюция Кагановича: «За предложение т. Таля. Каганович». Голосовали: Андреев, Молотов, Ежов, Ворошилов (автографы), голосование Рудзутака — протокольная запись. 5 октября. «О Сосновском. Принять предложение т. Таля об освобождении Сосновского от работы в редакции «Известий» (там же, л. 21). Атака на «Известия» летом — осенью 1936 г. и «дело» Сосновского стали частью кампании сталинского руководства, направленной на дискредитацию и в конечном счете на ликвидацию редактора газеты Бухарина и журналистско-редакционных кадров. 11 августа 1936 г. за несколько дней до отъезда Сталина на юг и до начала показательного процесса против Зиновьева, Каменева и др. Политбюро утвердило кадровые назначения в газете «Известия» (документ написан Кагановичем). Таль стал первым заместителем ответственного редактора, вторым оставлен Селих, третьим (по хозяйственной части) — Медведев. Коллегиальную систему руководства решено ликвидировать и через три дня доложить о результатах. Важным предупреждением звучал последний пункт: «Поручить т.т. Талю, Стецкому, Мехлису и Ежову привести в порядок аппарат «Известий», в частности, секретарский аппарат «Известий» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1118. Л. 73).

17 октября 1936 г. Бухарин еще работает в «Известиях» и пользуется номенклатурными привилегиями спецсвязи, в том числе дипломатической почтой. Он посылает письмо Роллану через полпредство СССР во Франции и просит его написать статью для ноябрьского номера газеты: «У Вас переписка «с мятущимися интеллигентскими душами». Бухарин посылает во Францию закодированный сигнал о помощи: «Сейчас весь мир в столь вулканическом состоянии, что, кажется, чуть ли не все нервы космоса напряжены до крайних пределов» (РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 4. Л. 130). 10 января 1937 г., в дни, когда решалась судьба Бухарина, Ромен Роллан пишет опальному редактору («Дорогой друг и товарищ») с жалобой на то, что после 20—25 декабря не получал ни одной советской газеты. Будет рад получать время от времени от него «Известия». Просит несколько строчек время от времени. На конверте пометка: «От М. и Р. Роллан» (там же, л. 140). 16 января 1937 г., т. е. за несколько дней до начала нового показательного процесса (против Радека, Сокольникова и др.), Бухарин будет окончательно отстранен от работы в газете. Политбюро утвердит написанный рукой Молотова проект решения «Об «Известиях» ЦИК СССР»: «1) Освободить т. Бухарина от обязанностей редактора «Известий». Вопрос о работе т. Бухарина обсудить совместно с т. Бухариным. 2) Принять коллегиальную систему редактирования «Известий» и впредь выпускать «Известия» за подписью «редакционная коллегия». 3) Предложить т. Талю представить на утверждения ЦК состав редколлегии «Известий» (РГАСПИ.

Ф. 17. Оп. 3. Д. 983. Л. 31. Подлинник решения см.: Там же. Оп. 163. Д. 1133. Л. 121). Разгром редакции продолжится и при руководстве газеты Талем. Но в сентябре 1937 г. он будет смещен с партийно-журналистских постов, а 17 декабря по записке Мехлиса Политбюро примет окончательное карательно-погромное постановление «О засоренности аппарата редакции «Известий», в котором, в частности, отмечается, что «1. Аппарат редакции «Известий», в течение ряда лет являвшийся объектом троцкистско-бухаринского вредительства, продолжает находиться в тяжелом состоянии и до конца еще не очищен от радековско-бухаринских и талевских корешков». Будут сняты с работы Кривицкий, Волгин, Копелевич, Логинов. Затем — Д. И. Кутузов-Голенищев (Молотов дописал: «с передачей его дела в НКВД») (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1178. Л. 62).

№ 318
ПРОШЕНИЕ О РАЗРЕШЕНИИ БОРИСУ ПИЛЬНЯКУ ВЫЕХАТЬ В ЗАГРАНИЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

17 октября 1936 г.

СССР
Народный комиссариат водного транспорта
Москва, Петровка 3/6
17 октября 1936
При ответе ссылаться № 1245/с
Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Андрееву А. А.
Зам. завед. транспортным отделом ЦК ВКП(б) тов. Евгеньеву Я. Е.

Наркомвод просит разрешить писателю тов. Вогау-Пильняку Борису Андреевичу выезд в заграничное плавание по мореходной книжке на т[епло]х[оде] «Ян Рудзутак» в один рейс из Одессы и обратно по Ближнему Востоку.

Тов. Вогау-Пильняк[1] входит в авторский коллектив, подготовляющий юбилейное издание о водном транспорте к XX годовщине Октябрьской революции, и во время пребывания на судне он будет собирать материалы к этому изданию.

Зам. народного комиссара водного транспорта
РОЗЕНТАЛЬ Э. Ф.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 786. Л. 42. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] К письму Розенталя прилагалась копия анкеты Пильняка. Национальность: немец-волжанин. Цель поездки на две недели: «изучение быта советского моряка. Командировка наркомвода в связи с юбилейным изданием». Профессия до 7 ноября 1917 г. и после: «Писатель-беллетрист. Учившись в детстве, все остальное время по сие число добываю средства к жизни писательским трудом». Член профсоюза работников издательств с 1926 г. «Никогда под судом не был и не арестовывался». «Рост — выше среднего. Глаза — серые. Нос — обыкновенный. Волосы: были рыжими, седеют». Прочерк в графе «Особые приметы». Поездки за границу: 1922 — Германия. 1923 — Англия. 1925 — Турция. 1926 — Китай и Япония. 1927 — Турция. 1928 — рейс на «Яне Рудзутаке» (Ленинград — Лондон и обратно). 1931 — Европа и Америка. 1932 — Япония. 1934 — Скандинавия. «Паспорта всегда получал в АОМСе» (там же, л. 43, 43 об.).

4 ноября Секретариат ЦК без объяснения причин отклонил просьбу наркомата.

№ 319
ТАЛЬ — СТАЛИНУ И СЕКРЕТАРЯМ ЦК О РАБОТЕ ТАСС

3 ноября 1936 г.

Т. т. Сталину
Кагановичу,
Андрееву,
Жданову,
Ежову

В центральных и местных газетах от 1-го ноября была опубликована телеграмма ТАСС следующего содержания:

«Умер Джон Саймон.

Лондон. 31 октября (ТАСС). Сегодня умер министр внутренних дел Англии сэр Джон Саймон».

«Правда» дала по этому поводу краткий комментарий.

Между тем это сообщение ТАСС, как выяснилось, является сплошным вымыслом. Умер, оказывается, не Саймон, а его мать.

Эта безобразная ошибка была допущена ТАССом при таких обстоятельствах.

ТАСС получил это сообщение не из Лондона, а из Парижа — по радио Гавас. Первое слово радиограммы, где речь шла о матери Саймона, было зашифровано. Ключ же для расшифровки находился в ТАСС. Но его работники (т.т. Долецкий и Изаксон) вообще не сочли нужным проверить в Лондоне правильность этого сообщения, исходящего не из первоисточника и переданного по радио, часто искажающего передачи.

Этот факт свидетельствует о совершенно нетерпимой безответственности в методах работы ТАСС.

Днем раньше, 31 октября, в «Правде» и других газетах была опубликована телеграмма ТАСС о рекордном «трансатлантическом перелете Эми Моллисон».

Эта скандальная путаница говорит о совершенно нетерпимой безответственности в методах работы ТАСС и необходимости радикального укрепления кадров ТАСС выдержанными квалифицированными людьми.

Вношу предложения: 1) За нетерпимую неряшливость и безответственность в работе ТАСС, в результате чего была передана в печать неправленая информация (*дописано:* «о Саймон, о Моллисон»), поставить на вид тов. Долецкому и объявить выговор зам. зав. иностранным отделом ТАСС тов. Изаксону.

2) Поручить ОРПО ЦК ВКП(б) совместно с отделом печати и издательств ЦК в месячный срок подобрать 35—40 кандидатур работников для укрепления центрального аппарата ТАСС и его зарубежных отделений[1].

Зав. Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б)
Б. ТАЛЬ

3/XI

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1128. Л. 165. Машинописная копия. Подпись — автограф.

[1] 22 ноября 1936 г. Политбюро приняло решение «О работе ТАСС», согласившись с предложениями Таля. Визы Сталина, Молотова, Андреева, Микояна, Калинина, Чубаря (там же, л. 166).

№ 320
СТАВСКИЙ — ЕЖОВУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ БЕСЕДЫ С ДЕМЬЯНОМ БЕДНЫМ

17 ноября 1936 г.

ЦК ВКП (б) — тов. Ежову

Сообщаю, что 16.XI этого года мне позвонил Д. Бедный и просил посетить его, чтобы «пока не поздно, рассказать, как произошла история с «Богатырями».

Я заехал к нему; в течение почти двух часов Д. Бедный говорил, — стенограмму его речи прилагаю.

Был он крайне взволнован, говорил бессвязно. Провожая меня, он выразил опасение, что его вышлют из Москвы, что он уже распорядился — как будет жить семья.

С ком. приветом:

Вл. СТАВСКИЙ

17.XI-1936 г.

РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 64. Л. 10. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы.

№ 321
СТЕНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО СО СТАВСКИМ

17 ноября 1936 г.

[Д. БЕДНЫЙ] Начнем с этих замечательных «Богатырей»[1]. Года $2^1/_2$ тому назад пришел ко мне Таиров и принес эту самую знаменитую партитуру «Богатырей», подтекстованную, и говорит: «Ефим Алексеевич, мировое событие — нашли богатырскую музыку, обязательно надо ее реализовать, а кто же, кроме вас, может дать текст». Он даже говорил, что не дать текст, а просто освежить его. «Просмотрите это дело». Я посмотрел. Действительно, текст никудышный. Прежде всего никудышный со стороны сумбурной: композиция непонятна — что и к чему. То ли она была сделана по какой-то старой опере с богатырским сюжетом, берут старые мелодии, а бьют на итальянские мелодии, то ли было другое. Там и свадьба с жертвоприношениями Перуну, и богатыри. И богатыри называются там «чудилами», «купилами» — в общем, не поймешь. Богатыри даны в таком жалком виде, что тут нечего говорить. Это действительно была какая-то тема по богатырям, а им противопоставлялся мужик, Фома. Этот мужичишка — дурак такой придурковатый, сказочный какой-то мужичишка, у которого как в сказках: делает глупо, а осуществляется. Даже этот мужичишка с хлопушкой ходит. А богатырей как ударит хлопушкой, они и падают. Одним словом, чепуха. Я говорю Таирову: «Этот текст я никак не могу освежить, это — белиберда» и отказался.

Прошло несколько месяцев. Он все мне звонил, а я упорно отказывался. Наконец, он призвал меня к себе в театр, и Литовский там был и стал мне говорить, что это гениальная вещь, что ее надо вывести в люди. Опять я не согласился. Уже дорогой, когда я ехал домой, Литовский меня уговаривал. Я говорил: «Что я буду писать, у меня в уме нет сюжета». И музыка — знаешь... вот

у тебя жертвоприношение, вот свадьба. Я решил подумать. Позвал к себе критика Брауде и спрашиваю: «Можно что-нибудь сделать новое на этом сюжете?» Он говорит: «Нет, это невозможно». Я немножко еще подумал и стал выдумывать. Нельзя сказать, как выдумывают. Какая-то экспозиция новая, надо что-то написать. Богатырей, черт их знает, надо выделывать. Всякие там Гостомыслы... Думаю, возьму как я эту пьяную бражку князя Владимира после крещения. Вот они, дескать, после крещения угостились, а потом испугались.

Двоеверие. Ведь известно, что на Руси было двоеверие. Даже в «Слове о полку Игореве» даны языческие образы. Это тоже типично княжеская вещь «Слово о полку Игореве». И там языческие образы. Так что мне не представлялось, что это двоеверие на второй день после крещения не было неправильным. Ведь смешно, что это фарс — оперный фарс. В то же время я хотел, чтобы фарс фарсом, но чтобы походило на историю. Поэтому я черт знает сколько книг прочитал, чтобы овладеть былинной экспозицией. К Перуну я подходил — Перун занимает три партитуры. А с богатырями? Они поют шансонетные мотивы из «Прекрасной Елены». Тут мне показалось, что я нашел гениальный выход: это не богатыри, а разложившаяся часть богатырей. Опять же и в летописях. Я опирался на летописи. Да и былины так мне представлялись. Пересмотрел я былины все. В былинах князь Владимир окарачь ползет. Соловей-Разбойник свистит, и все падают от его свиста. Тут, с моей тогдашней точки зрения, надо было оттенить, что это были не богатыри, а чепуха, «купилы», «чудилы», а не богатыри. А ведь нужно было и героику брать в то же время. Тогда я опять обратился к фольклору. Вот тут я запутался в былинах и в разбойничьих песнях. Думал, что героику я включаю сюда. Тут мне казалось, что это героика всюду в былинах и в русской литературе, и на театре, и везде разбойники представляются художественным героическим пятном. Такая традиция была, и я от нее не ушел. Всякие этакие «выплывают расписные», и опять-таки по летописи умножились разбои на земле русской — жалуется Владимир. И грабили его здорово эти дружинники. Не зря эти разбойники были. Конечно, это не сознание, какое там сознание — стихия была и больше ничего. Это явление, когда смута превращается в новую степень и ведет к Стеньке Разину и Пугачевым. Но средств у меня по фарсу для выявления такой тенденции не было. Можно было их показать в разбойничьем приличном виде. У них отбили трех товарищей — дружина этого Соловья, и они хотят спасать. Так что, по сути дела, сделать их традиционно привлекательными нельзя было. Всю красоту, которую я мог намазать, я приложил: «Или живыми вам не быть, или...» Кто же распутает это? Свадьба. Так что и свадьбу я сочиняю. Только свадьбу наоборот. Он хотел выкрасть невесту и принес Перуну в жертву этих трех разбойников. Начинается интрига фарсовая. Он крадет вместо невесты будущую свою мать. Потом Владимиров народ. Понимаешь, масса людей меня как-то связывает. В партитуре была какая-то чародейка, и мне надо было какую-нибудь чародейку найти. Тогда я строю так, что греческая царевна. А когда начался пир, тогда опять началась путаница. Это я путался в так называемых фарсовых положениях. Я хотел какую-то занятную интригу сделать, потому что ее не было там. Вертелся я, писал-писал, после того, как договорился. Потом бросил. Потом мне показалось, что я нашел кончик. Я отдал Таирову и сказал ему, что эта вещь еще в стадии работы, надо еще над ней посидеть. Он же торопился реализовать как можно скорее. Ста-

щил Литовскому. Литовский одобрил, позвонил мне и говорит, что восхитительная вещь вышла у меня. Потом в процессе постановки я опять взял текст, посмотрел и прошелся по нему с карандашом. Так прошелся, как обычно проходятся — чертей рисуют на полях. Были неудачные выражения, одна-две загадки с намеками на сексуальность. Так что этот цензурированный экземпляр я провел своей цензурой. В таком сильно укороченном виде оно и пошло. (Лапти я там выкинул.) В летописи говорилось о лаптях, и это у меня очень засело в голове. Я даже речь говорил на колхозном съезде в Москве. Говорил, что в летописи есть такие слова, что, дескать, лапотники те, которые в сапогах ходят. Надо искать других. Этот образ мной владел. Я этот образ изгнал из этой пьесы. Потом еще кое-что выкинул, и пошло. И надо правду сказать, что она побывала и у Литовского, и у Керженцева, и у Боярского. Она вообще ползала всюду, эта гадина. И единственно, что я слышал боком, что Керженцев сказал: «Скучно страшно и грубый язык». Я по этой линии в работе актеров менял текст. Ведь текст менялся, главным образом, по сокращениям. Я учитывал это замечание Керженцева, хотя и злился: «Как это я мог скучную вещь написать?» И я думал, как бы это посмешнее написать. В смысле языка, в смысле грубости кое-что выбросил.

Дальше такая штука — не знаю как мне назвать, но какая-то чудная слепота: я настолько был уверен, что пьеса уже так безукоризненна и никакого отношения не имеет ни к каким проблемам, что написал статью и напечатал ее в «Правде». Взял и изложил всю концепцию пьесы. Поместили ее 24-го. Так эта статья и называется: «Богатыри». Я все написал, все учел, что «Руси веселье — есть пити», что крещение приняло вид пьянки, что я не текст богатырей брал, что сам Владимир богатырем не был и ссылался я на сказки. То есть концепция этих богатырей в смысле подачи богатырей ясно показана. Я писал спокойно, и статья появилась в «Правде». Никто ничего не сказал. Бить меня надо было в то время.

Я только показываю на это, как на самое больное место. Главная причина: глупость, и проделана была эта глупость не под шумок, тихонечко, скрываясь, пришел я в «Правду» и прямо сказал. Я потирал руки и хвастался — что я нагородил. Все данные были налицо, чтобы протереть мне глаза. В этой статье вся порочность пьесы выявлена.

На другой день принимают пьесу в Главискусстве — Боярский, Орловский и ряд других т.т. Посмотрел ее и я. Что-то она мне показалась скучной. Думаю, что с ней сделать, что-то она скучна. Мне говорят: «видите ли, на театральном представлении то, что вы написали, отольется в формы, и несколько другие рельефы получатся. Например, богатыри уж так окарикатурены, до излишка. А вот разбойники, разбойники — больше ничего. Правда, такие разбойники могли поколотить, но как-то они бледнеют в сравнении с подачей. Надо их как-то облагородить».

И вот тут я сделал ту основную ошибку, которой у меня раньше не было. После просмотра Главискусством и указаний, что их надо лучше подать, я тут же, в театре, написал 15 строк, надо было оттенить, что этим честным разбойникам жалко, что это — не те богатыри, и я поставил в апофеозе: «Где они, богатыри? Разве такие были богатыри? Вырастим своих богатырей из народа». И няня Владимира говорит: «Не те богатыри». Эту штуку, уж мне, дай им бог здоровья, посоветовали.

Значит, что же получилось? Правда, надо сказать, что у художников «мозги через полосу». Как дойдет до какого-нибудь пятна, могут эти мозги замутиться. Но тут надо сказать, для чего же тогда Мехлис сидит в «Правде»? Ведь приносят ему стихи, он скажет, что это не то, что надо переделать. Голова у меня не вождевая, все-таки художественная голова. Значит, начинаю я эту штуку, делаю ошибку одну – другую – третью – четвертую, а когда их набирается четыре, тогда хочет автор или не хочет автор, а получается тенденция. Ошибки отчетливые, и вот, протираешь глаза и думаешь: «Господи, что со мной случилось?» Так вот: со мной это получилось в классическом виде. Первая ошибка была, что я взялся за эту работу. Эта, прямо сказать, ошибка – корень всего этого дела. Мне за эту работу не надо было браться. Вторая ошибка та, что, как я ни выпутывался – Таиров меня уговорил. Ведь я видел, что чепуха. Меня уговорили, что это фарс, ведь не политисторию помещать в фарсе. Ведь сценический опыт у меня грошовый. Я думал так: что это фарс, это не хроника Шекспировская, а фарс, где богатыри танцуют, Владимир засыпает... Выпутывался я, выпутывался из этой истории и все-таки не выпутался. Оказалось, что крен есть в сторону ущемления богатырей. Когда эта гадюка ползала по всем инстанциям, и никто против этой гадюки не возражал, я думал: «Ну, молодец, значит, справился». А относительно крещения я не думал. Смотря на богатырей как на фарсовую партитуру, я и крещение подал фарсово, я не видел, что к нему нельзя подходить фарсово. Я уже теперь подумал, как же это люди свежекрещеные чего-то... Во мне сказалась, во-первых, старая отрыжка антирелигиозника. Очень я долго на этом деле работать привык. С этой верой обращался непочтительно. И сказались какие-то старые навыки. Я сам не видел, но говорят, лет шесть назад был фарс «Крещение». Вот в области крещения сказался этот навык антирелигиозника, потом также там оказалось, что я действительно был подкреплен (не знаю, как это сказать) сильными знаниями. Потому что я руководствовался таким трудом, как труд проф. Голубинского. Проф. Голубинский был самым выдающимся историком русской церкви. У него замечательный труд. Теперь я готов этот труд сжечь. Он пишет о крещении, об этом выборе веры с прискорбием: «Не могу не сказать, что это – легенда. Такая легенда о приеме и выборе веры была и в других странах». (Напр., Кузари)[2]. Этот авторитет для меня был несокрушимым. Было что-то такое вроде проникновения какой-то культуры. Вообще, крещение, как его историки описывали, считалось в полной мере легендой. Так что я шел по теме легендарной. Вообще же, о крещении у меня не было мысли. Сейчас я думаю, какая у меня была подсознательная подкладка: тут еще могла сказаться традиция, тут могла сказаться злоба, которая часто диктовала моим стихам. Это не тенденция, а злое настроение. Политически я его сознаю, я прекрасно понимаю, когда говорят: «Слезай с печки», а как дойдет до настроения, так и заклокочет. Ведь я десятки лет на этом деле травленный и злоба у меня есть. Если бы я думал об этом, когда писал. Настолько внедрилось мне в голову это православие, самодержавие, народность, что эти три понятия представлялись мне в формах невежественных. Мне это представлялось: «бей жидов, спасай Россию» – славянофильством. Я только бил по этим трем титанам. Ведь я не думал, когда писал, а теперь голову ломаю. Уж очень долго перед моими глазами маячили эти православие, самодержавие и народность. Очень долго. Причем как нечто единое. И вот под впечатлением этого отвратительного впечат-

ления от православия, самодержавия и народничества (*так в тексте, должно быть*: «народности») я и выкинул штуку. И получилась чепуха. Ведь я привык думать, что Византия пришла к нам с крещением. А византизм было страшное для меня слово. Ведь мы с крещением получали византизм, восток. Мы повернулись спиной к Западу. Византия от Рима отошла и дала нам наиболее порочную форму христианства. Как это христианство ни является прогрессивным, но форма была настолько жуткая для нас, что дала и обоготворение царской власти, дала нам московских государей. Эта идеология византизма держала нас до Октября, т. е. если византизм был прогрессивен на тот момент, то потом он стал для нас хуже татарского ига, он отвратил нас на сотни лет от Запада. Даже поляки рыцарство свое создавали, войско создавали, и эти войска били Россию. Византизм этот был обскурантизм. При всех тех культурных явлениях, как, например, грамота, и вообще, учитывая всю культуру, мы говорили не о культуре, которую принес византизм, а больше говорили об ужасах, которые он нам дал. Да и сама конструкция восточного православия была не к укреплению русского государства.

Да что говорить, словом, крещение я проморгал, я теперь только понимаю это. И тут я оглядываюсь на один случай: однажды Сталин сказал мне, ткнувши пальцем в библиотеку: «Это твой классовый враг». Я тогда посмеялся, а смотри, как получается правильно. Я эту библиотеку уничтожу, если уцелею. Ее сжечь надо. Потому, что концепция, которая у меня получилась, как-то традиционно написана.

Ошибкой у меня было то, что, когда я взялся за работу, о крещении я не подумал. С разбойниками... меня просто толкали на это дело. Говорят, украсить надо, я и давай! Но ведь мной владели опять-таки традиции, «разбойников удалых». Удалая красота: «товарищи, не выдадим». И главное, надо окрашивать их в поэтические краски. Поэтического облачения столько, что я его не сумел снять. Вообще, там разбойнички честные, лесные — пожалуйста. Я прямо в театре писал — давай их подпирать. Вот когда получается такая штука, когда автору говорят: «у тебя тенденция», то сначала не понимаешь, а потом ужасаешься и понимаешь.

Текста до настоящего времени еще нет, из театра мне не прислали. То, что пьеса имела успех, меня поразило. Душа у меня к этой пьесе не лежала. Ведь что получилось: «Из мертвой головы гробовая змея, шипя, между тем выползала»[3]. Ведь в этом году я перед всем светом изобразил, что я взбодрился, что я делаю очень много. Тут и «Красноармеец Иванов», и выступления в связи с Уругваем, и «Красный кут», который сам Сталин оценил[4]. Вообще, продукция последнего года была хорошая. Обо мне говорили: «Демьян совершенно помолодел». Такое было ощущение веселья, бодрости, писал почти без промашки, а за спиной эта гадюка была. Я думал, что эта пьеса не моя основная линия. 90% моей работы идет, а где-то сбоку делаются «Богатыри».

Тут что интересно, что эта партитура провалилась у Бородина, провалилась, потому что под богатырями видели каких-то купцов. Вообще, никто этой оперы не принял и ее сняли. У меня тоже получилось, что никто ничего не понял. И вот у меня остается досада. Мы с Мехлисом в хороших отношениях. И вот получается, что один человек сидит, а здесь в неведомой мне области целый аппарат взялся за это дело. Проходит пьеса, и Репертком, и Главискусство — никто не сигнализировал. Ну, вот что Керженцев? Я поздравляю, что у

него такие светлые глаза, но почему он не видел этого год назад? Ведь не было бы тогда моего позора! Думаю, что ему тоже протерли глаза. Если он видел, то почему он мне не сказал? Мог ли Репертком пропустить такое дело? Ведь вообще написана какая-то белиберда, не веришь, что фраза может звучать, а со сцены она звучит, и получается совершенно неожиданный успех. Вот тут-то и зачесалось, и давай налегать на разбойников. И тут целый ряд ошибок: первая, вторая, третья ошибки. Мало того, сам хвастался в «Правде»: «вот какая замечательная концепция».

Я опираюсь на статью в «Правде» в одном отношении. Я сейчас совершенно разбит, и, как говорится, с меня взятки гладки. Но все-таки основное, почему я ссылаюсь на «Правду», — это то, что я не хочу заканчивать свою работу под выкрики, что я обманул партию. Как же я обманул, когда сам прямо говорил: есть какая-нибудь тенденция? Но кто может проводить тенденцию? Враг или дурак. Но я же не могу сказать, что я враг. Откуда же я возьму, что я — враг? Враг не так бы действовал. Враг не выступал бы прямо и не говорил о своих действиях, он бы тоненько это дело проводил. А я ведь сидел в Советах и работал совершенно открыто[5]. Как дурак? Да, но как же я все-таки писал так много хороших вещей? И временами я как будто не дурак. И вот тут мне в голову приходит эта чересполосица. На это и Союз Писателей поставлен, чтобы за этой чересполосицей следить. Ведь у писателя логика — одно, интуиция — другое, и получается... Я все раздумывал, как это могло случиться? Почему я дурак? Где я дурак? Сейчас я не могу совсем смотреть на книги. Вот эти фигуры богатырей стоят: завтра я их продам за три копейки. Ведь подумать только: быть в таком глупом положении. Оправдываться? Да что я буду оправдываться, когда насквозь получилась чепуха. Удивляюсь, как я это написал, удивляюсь, как Керженцев не заметил, как другие инстанции не заметили.

Я не знаю, все ли я сказал, что хотел сказать. Основное, что ошибки налицо, но делались они открыто, причем с полной гарантией того, чтобы кто-то их вовремя заметил.

СТАВСКИЙ. Почему к нам не пошел в Союз?

Д. БЕДНЫЙ. Да ведь давнее дело. Полтора года назад было написано. Да ведь и стыдно было, ведь это же фарс. Ведь я помогал вытащить партитурный текст. Ведь я пострадал из-за специфики самой работы. Если бы я писал пьесу, трагедию, хронику, а то фарс, да ведь это вообще хреновина. Это мне вообще не казалось серьезным делом.

Ну, знаешь, переживать это трудно, так трудно, что даже я не знаю. Просто не знаю. Вот почему я просил, чтобы ты ко мне приехал. Сам я просто не могу вообще выходить. Не могу действовать, просто парализован. Чудовищные мысли в голове бродят. Все-таки за спиной 20 лет работы. Позорить свою работу — это значит позорить всю свою жизнь. Как я себе не говорил, что это — фарс, что другие видели, а все-таки... А кто показал первый? Молотов. Вот кто протер глаза и тому же Керженцеву. А раньше Керженцев не видел. Он теперь видит хорошо, но я теперь лучше Керженцева вижу. Я десять ошибок вижу лучше Керженцева. Как повернешь, хоть глаз не поднимай.

Для меня вопрос такой: если я так оскандалился, то хотя бы спасти ту мою честь революционера. Я имел уже однажды случай, потрясения с «Слезай с печки». Я тоже тяжело переживал этот случай. Я говорил: где был редактор? Почему меня пропустили? Я смотрел на это как на агитку, и на «Богатырей» я

смотрел как на агитку. Я тоже очень тяжело переживал «Слезай с печки». Но потом я собой овладел, потому что ко мне была проявлена максимальная ласковость. Но это были моральные страдания. А в остальном отношении я был обласкан. И все-таки мне было трудно, трудно, трудно. И обидно то, что эта самая гадюка вылезла в тот самый момент, когда я как будто вспорхнул. У меня сейчас нет никаких оснований ожидать беспредельных ласк. Я вообще как-то скис и ничего не понимаю. У меня первая мысль, чтобы не свалиться, не сорваться. Хочется жить, просто из любопытства. Хочется смотреть дальше, как это завершится. Но жить без работы и смотреть, как работают другие, — невозможно. На книги я смотрю с отвращением. Сказать, что я не оправлюсь, не могу, потому что один раз я уже нашел в себе силу оправиться. Я сейчас сильно психически подавлен, ничего не понимаю, но, тем не менее, интерес к жизни у меня настолько велик, что я говорю тебе: что хотя я и опозорил свое перо, но у меня есть руки. Я знаю только библиотечное дело, меня можно было бы использовать в какой-нибудь Книжной палате, от другой работы я отвык, просто профессия была литературная. Но главнее, что я хочу, чтобы не думали, что я обманом протаскивал тенденцию. Ужасно мне интересно из-за разбойников, из-за князя Владимира так влопаться. Это просто мое несчастье и больше ничего, а обмана не было. Глупость была. Я тебе пытался рассказать, как это было, как это все произошло.

СТАВСКИЙ. Мне один вопрос неясен. Вот «Слезай с печки», ведь это же урок. Неужели, когда ты писал «Богатыри», тебе не пришло в голову «Слезай с печки»?

БЕДНЫЙ. Как же, все время об этом думал.

СТАВСКИЙ. Чего хотел Таиров?

БЕДНЫЙ. Я тебе прямо скажу. Он эстет, он увлекся этим сюжетом, ему хотелось свежинки, порадовать, удивить. Ведь у него там музыкальная комедия есть в театре. У него тенденции не было. Это он мне дал мысль, что это — фарс, что это — не фельетон в «Правде» и не пьеса. «Богатыри» должны быть смешными. По экспозиции они смешны. Тут я запутался: с одной стороны, в былинах. Да и в последней книжке говорится: «Князь Владимир ползет окарачь». Я запутался в былинах. Что тут говорить? Ведь знал я. И карабкался. И разбойников делал, и народ делал. Стараний было сколько хочешь, а вот не вышло. Там, где я старался, оказались самые острые углы. Мне показалась опороченной концепция. Нет никакого утешения. У жулика есть хоть такое утешение, что знал, что делал, и поймали. А у меня этого утешения нет. Я усиленно подчеркивал, что не те богатыря, и я не выкарабкался.

Поучительно то, что если ты сделал одну ошибку, сделал вторую, перелезь в третью, четвертую — и получится такая история. И это не потому, что я дурак.

Знаешь, как надо назвать «Богатырей»? «Не в свои сани не садись — черт знает куда приедешь».

У меня бывают тяжелые моменты в смысле здоровья. Я четвертый день сна не вижу, я все хожу, хожу, хожу. Иногда немножко прочухаюсь, а потом опять. Ну, учитывая, что я сахарник на нервной почве, я представляю, что нервы выделывают с этим сахаром[6]. Я не хочу не только вольно, но и невольно дать кому-нибудь повод подумать, что я не выдержу. Не хочу я этих разговоров. Я хочу, получивши премию по заслугам, выйти с веселым видом. Я хочу выдержать.

СТАВСКИЙ. И надо выдержать, и выдержишь.

Д. БЕДНЫЙ. Нет, при всех условиях я чувствую, что у меня кошмарные мысли, и все дома в тревоге, и все ходят за мной по пятам и дежурят.

По крайней мере, ты видел, что нет утайки, что я действовал открыто. Я сам же на себя насыпал, раскрыл картину – дураков всегда бьют. Если признают, что обман – тогда другое дало. Ошибка дурацкая – это одно, а обманывать! В жизни никогда не обманывал. Ты знаешь, эту концепцию надо прорабатывать очень много. Этой концепцией полны целые тома.

СТАВСКИЙ. Что же, в этой статье выражено содержание?

БЕДНЫЙ. Ну да. Я ничего не скрывал. Я все перенесу, но если найдут обман – я этого не перенесу. Кого же я обманывал?

Где же был Керженцев? Ну, Сталин мог не прочесть, но ведь Керженцев должен был прочесть. Еще не протерты были у него глаза. Если бы мне на другой день сказали: «Да что ты, сукин сын...» Я бы был поражен, схватился бы за остатки волос, но дело бы можно было поправить.

Я, может быть, сумбурно говорил, но я боялся, что строфант* перестанет действовать, и я не смогу рассказать тебе всего. Но все-таки, я думаю, что хотя я сформулировал плохо, все же я сказал. Я никуда не хожу, даже к телефону не подхожу.

Основная мысль моя: есть у меня ошибки? Знали об этом сигнальные органы и толкнули меня на украшение разбойников.

СТАВСКИЙ. Разговаривал ты с кем-нибудь?

БЕДНЫЙ. Только с сегодняшнего дня начал разговаривать.

Если не дай бог я помру, это против моего желания. Хочется жить и видеть все, что делается. Черт, тяжело! Так стыдно, что я такой человек, мог быть дураком прямо до ужаса. Меня надо, понимаешь, просто на какую-то работу посадить, чтобы не думать.

Керженцев пишет, что эта тенденция играет на руку кому-то другому. Всю жизнь бьюсь, чтобы не было на руку кому другому. А тут разбойники, богатыри и т. д. Да ведь Керженцев мог закрыть эту пьесу. Я всех звал на первое представление. Ведь я разве враг себе? Ведь приходили люди, как же они не видели? Тут же и не в «Богатырях» дело. Я считаю основной ошибкой – разбойники. В «Богатырях» я не сумел выпутаться из старой партитуры. А тут я усугубил.

Нет, я совершенно потрясен этой чепухой. Мне эти «Богатыри» не были нужны ни в каком смысле. Как сел не в свои сани, так и поехал. А ведь театр не остановишь. Я за месяц до представления говорил: сгорел бы этот театр. Жена мне уж мылила, мылила голову. Просто какое-то предчувствие у меня было, не нравилось мне все это.

Мне только интересно, ведь Керженцев же умный, как же он проглядел? Ну, хорошо, я проглядел. Я ставлю свою голову. Но почему Керженцев не помог? Тут у меня большая обида на контролирующие органы. Таиров мне говорил: ведь это же фарс, чего вы боитесь «Богатырей»? Кто же фарс всерьез принимает?

* Настойка, употребляемая при сердечных болезнях.

Я никогда не претендовал на ясность политического мышления. Ведь не только «Слезай с печки» критиковали, когда в Октябрьские дни народ побежал, так я начал их ругать в печати. А Ленин мне тогда намылил голову и говорит: «Разве Вы не понимаете? Несчастный народ». Если бы я очутился в таком положении, что отошел бы и несколько окреп — я берусь написать сколько угодно поэм и гармонию соблюсти, я накопил материал о героике наших дней. И к съезду думал преподнести[7].

СТАВСКИЙ. И напишешь.

БЕДНЫЙ. Я теперь писать [к] съезду не могу. Я считаю, что надо сказать, что меня, сукина сына, надо в такие дни выкинуть из Москвы. Тут нужен какой-то особый голос. Вот во время процесса троцкистов я думал, вот я вам покажу теперь. Хлестко написал, в стиле насмешки[8]. Меня вызвал Каганович я говорит: «Это здорово, но не такой тон требуется». А я говорю:

«Да ведь я уже написал несколько стихов». И вот тут я пошел домой, обдумал все и надиктовал стихи, которые получились одними из лучших моих стихов[9].

Пусть меня называют дураком, пусть смеются, пусть что хотят делают, но пусть говорят обо мне без той тенденции, что я хотел обмануть. Я буду таскать в кармане «Правду» и говорить: вот, никого я не обманул. Ты знаешь, когда Молотов пришел и посмотрел пьесу и вскипел, только тут я понял: «Мать честная! А мы-то прикрашивали разбойников».

Верно: *Секретарь Культпросветотдела ЦК ВКП(б) Сперанская.*

17.XI.36 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 257. Л. 25—41. Машинописный текст. Подпись — автограф.

[1] 29 октября 1936 г. состоялась премьера оперы-фарс Демьяна Бедного «Богатыри» (на музыку Бородина) в Камерном театре в Москве (Культурная жизнь в СССР. 1928—1941. С. 535).

[2] Цитата из «Истории русской церкви» Голубинского. «Кузари» Иегуды Галеви — классическое толкование иудаизма в форме диалога, написанное в XII в. Диалог происходит между хазарским царем, ищущим истинную веру, и еврейским мудрецом.

[3] Цитата из «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина.

[4] 14 августа 1936 г. в «Правде» 3/4 полосы были отведены фельетону Демьяна «Колхоз «Красный Кут». Сатирическая поэма, на истинном происшествии основанная». Тема — немцы и Россия. Накануне, 13 августа, Сталин принял Демьяна Бедного в своем кремлевском кабинете (Исторический архив. 1998. № 4. С. 27).

[5] В 1922 г. первым из советских писателей Демьян Бедный стал депутатом Моссовета.

[6] См. документ № 109 (постановление Политбюро «О состоянии здоровья тов. Демьяна Бедного» и записка Сталина).

[7] Чрезвычайный VIII съезд Советов СССР состоится в Москве 25 ноября — 5 декабря 1936 г. Созван для рассмотрения и утверждения проекта новой, так называемой сталинской Конституции СССР.

[8] Стихотворение Демьяна «Пощады нет!» о процессе против Зиновьева, Каменева и др. было опубликовано в «Правде» 21 августа 1936 г. В стихотворении были такие строки: «Пей, Левка, за успех!» — «За наше дело, Гришка!» / — За первый, «кировский», бутон. / День будет для меня и светел и хрусталей, / Когда разоблачать

уж нас не сможет Сталин». / На Сталина убийц вели! / Не удалось дойти к нему бандитским рожам. / МЫ СТАЛИНА УБЕРЕГЛИ. / НЕ УБЕРЕЧЬ ЕГО – НЕ МОЖЕМ! / МЫ БЕРЕЖЕМ ЕГО, КАК ГОЛОВУ СВОЮ, / КАК СЕРДЦЕ СОБСТВЕННОЕ НАШЕ!»

[9] 24 августа 1936 г. в «Правде» было опубликовано новое стихотворение Демьяна – «На том стоим!», посвященное итогам московского показательного процесса. Пафос этого стихотворения был направлен против вождей Второго Интернационала Адлера, Ситрина и др., выступивших против жестоких приговоров, вынесенных на судилище в Колонном зале Дома союзов. Поэт призывал: «Мы выявить должны — и покарать — и этих, / Покамест числящихся в нетях, / Всех — потакавших им и помогавшим им / Блудливо – пакостных лжецов, хамелеонов, / Скрывавших замыслы бандитов и шпионов».

[10] 19 ноября 1936 г. Алексей Ангаров послал этот текст Кагановичу. Имеется штамп Техсекретариата Оргбюро ЦК от 14 февраля 1937 г. № 02893.

№ 322
ВОРОШИЛОВ – В ПОЛИТБЮРО, СТАЛИНУ ОБ ЭМИГРАНТЕ С СОВЕТСКИМ ПАСПОРТОМ – ГРАФЕ ИГНАТЬЕВЕ

16 декабря 1936 г.

Народный Комиссар обороны Союза ССР
16 декабря 1936 г.
№ 3150 сс
Совершенно секретно
Политбюро ЦК ВКП(б)
Товарищу СТАЛИНУ

Бывший генерал, граф и «русский военный агент» во Франции, а ныне советский гражданин и служащий Наркомвнешторга в Париже тов. А. А. ИГНАТЬЕВ просит принять его как старого военного специалиста на службу в Красную Армию и дать ему возможность работать в Советском Союзе, а не за его пределами.

А. А. Игнатьев имеет, несомненно, большие заслуги. Находясь во время войны в Париже в качестве русского военного представителя при французском генштабе и ведая миллионными военными заказами царской армии, он сумел после революции не отдать белым ни копейки русских денег, несмотря на то, что их с него требовали не только белогвардейцы, но и французы. Все права на суммы находились в «Банк дэ Франс» и все отчеты по ликвидации военных заказов т. ИГНАТЬЕВ передал первому советскому полпреду тов. КРАСИНУ. С этого же времени он стал советским гражданином и непрерывно работает в Парижском торгпредстве на разных должностях. Тов. ИГНАТЬЕВ несколько раз приезжал в Советский Союз, был в своих прежних имениях, после чего поместил в левобуржуазной прессе восторженные статьи о значении и успехах совхозов и колхозов.

Кроме того, тов. Игнатьев помогал нам и в специальной работе.

Как иллюстрацию к характеристике ИГНАТЬЕВА прилагаю выписку из недавно полученного мною письма от тов. ПОТЕМКИНА.

Предлагаю: удовлетворить просьбу тов. ИГНАТЬЕВА А. А. и принять его на службу в Красную Армию (на нестроевую должность) после окончания порученных ему дел «Международной Книги» и работы, связанной с Парижской выставкой 1937 г.

Прошу утвердить это предложение.

К. ВОРОШИЛОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1128. Л. 168, 169. Машинописный подлинник на бланке НКО. Подпись — автограф. Предпоследний абзац оформлен как пункт постановления Политбюро «О т. Игнатьеве А. А.».

№ 323
ПОТЕМКИН — ВОРОШИЛОВУ ОБ ИГНАТЬЕВЕ

27 ноября 1936 г.

Секретно

ВЫПИСКА ИЗ ПИСЬМА ПОЛПРЕДА СССР В ПАРИЖЕ
тов. ПОТЕМКИНА тов. ВОРОШИЛОВУ (27.11.1936 г.)

За два года моего пребывания в Париже я внимательно присмотрелся к т. ИГНАТЬЕВУ. Это очень порядочный человек, искренне любящий родину и честно служащий СССР уже в течение многих лет. Как известно, ИГНАТЬЕВ занял вполне лояльную позицию в отношении Советского правительства немедленно по установлении в России нашего режима. Когда он начал работать в Торгпредстве, ему пришлось принять на себя неблагодарную роль ответчика перед французским судом по некоторым неприятным для нас делам. Все это ИГНАТЬЕВ выполнял охотно, никогда не жалуясь и всегда добросовестно относясь к поручаемому ему делу. Особенно подходящим человеком он оказывается для организации наших выставок и других начинаний, для которых необходимы широкая и благодушная общительность, умение показать что нужно, опыт надлежащего обхождения с иностранцами. Нужно сказать, что ИГНАТЬЕВ пользуется расположением среди влиятельных кругов Парижа, в чем я сам не раз убеждался, видя, как встречают его представители, так называемого, хорошего парижского общества.

Тов. ИГНАТЬЕВ не раз говорил мне о своем искреннем желании работать в СССР. Больше всего его душа лежит к Красной армии. Думаю, что он может здесь пригодиться как честный и добросовестный человек, обладающий недюжинными организаторскими способностями. Возможно, он пригодился бы и как помощник по сношениям Наркомата с иностранными военными атташе.

Не могу отказать себе в удовольствии рассказать о курьезном разговоре ИГНАТЬЕВА со старым черносотенцем, маршалом ФРАНСУА ДЭСПЕРЭ, который притащился с группой офицеров на наш авиационный стенд в парижском салоне. Разумеется, он узнал ИГНАТЬЕВА, с которым имел дела еще в пору империалистической войны. Не называя его ни графом, ни генералом, он обратился к нему с вопросом: «Ну, что же, и Вы стали красным?» На это ИГНАТЬЕВ спокойно ответил: «Такой, господин маршал, стала вся моя родина». Осмотрев наши экспонаты, маршал насмешливо спросил: «Так вот такие машины вы посылаете в Испанию?» ИГНАТЬЕВ решил на наглость от-

ветить открытой насмешкой: «Что вы, господин маршал, — заявил он, — это немцы и итальянцы отправляют туда подобные аппараты. Мы же даем испанцам кое-что получше». Рассказывают, что старый маршал вытаращил глаза, не зная, что ответить на такую дерзость, а стоявшие сзади его офицеры давились от смеха.

В. ПОТЕМКИН

Верно:

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1138. Л. 169—171. Машинописная копия.

Вопросы о возвращении бывших эмигрантов и белогвардейцев входили в номенклатуру решений Политбюро. 25 февраля 1930 г. на запросе Литвинова и Ягоды о возможном возвращении Прокоповича в СССР Сталин написал: «Никаких переговоров с Прокоповичем не вести. На заданный вопрос...» — далее по тексту подготовленного решения, — ответить Прокоповичу через т. Аросева, что вопрос об его возвращении в СССР может быть поставлен на обсуждение в том случае, если он подаст соответствующее заявление, которое будет опубликовано в печати» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 823. Л. 16).

№ 324
СТАЛИН — МЕХЛИСУ И ТАЛЮ О ПОЛЕМИКЕ В «ПРАВДЕ» ПО ПОВОДУ ДЖАЗА

17 декабря 1936 г.

Т-щу Мехлису, т-щу Талю

Читал в «Правде» в номере от 17 декабря 1936 года статью «Обывательский зуд»[1]. Считаю, что тон критики, взятый «Правдой» в этой статье, неправилен и в корне противоречит товарищеским отношениям между двумя коммунистическими газетами.

Более того, мне кажется, что тон критики в указанной статье является выражением литературного хулиганства. Нельзя говорить, что редакция «Известий» «обманывает своих читателей». Это — литературное хулиганство.

Предлагаю редакции «Правды» прекратить возню с вопросом о «Джазе» и больше не повторять ошибок в деле товарищеской критики родственной коммунистической газеты.

И. СТАЛИН

17 декабря 1936 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 773. Л. 95. Машинописный текст. Подпись — факсимиле.

[1] 10 декабря 1936 г. председатель Комитета по делам искусств (министр культуры) Платон Керженцев опубликовал статью «К полемике о джазе». Эта статья стала репликой на статью А. Берлина и А. Брода, в свою очередь представлявшей ответ на статью заместителя Керженцева по комитету и фактического руководителя советской кинематографией Бориса Шумяцкого «Обывательская болтовня на страницах «Известий». 12 декабря под подписью анонима в «Правде» появилась заметка «Керженцев или Шумяцкий». Полемика проходила на нескольких уровнях, и к джазу она имела косвенное отношение. На первом уровне стояло противопоставление «Правды» (партийного органа) и «Известий» (советского), что само по себе было отголоском отставки Бухарина

и его опалы. На втором уровне стоял постоянный разрушительный конфликт между Керженцевым и Шумяцким за контроль над кинематографом. Наконец, дискуссии о джазе имели место и ранее. Например, в 1934 г. под вопросом было будущее музыкальной комедии «Веселые ребята». В традициях советской полемики с элементами критики и самокритики статьи в «Правде» обсуждались на собраниях в Московском доме кино (см. заметку без подписи «На собрании киноработников» // Правда. 1936. 9 дек.). Дискуссия была прервана личным вмешательством Сталина.

№ 325
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОРГБЮРО ЦК ВКП(б) «О ПЛЕНУМЕ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»

29 декабря 1936 г.

О пленуме правления Союза советских писателей.

1. Удовлетворить просьбу партгруппы правления Союза Советских Писателей о созыве очередного пленума к конце февраля 1937 года.

2. Утвердить повестку дня:

а) доклад «О творчестве Пушкина» — т. Бубнов.

Содоклады: «Пушкин и советская поэзия» — т. Тихонов;

«Проза Пушкина» — т. Тынянов;

«Драма Пушкина» — т. Альтман;

б) доклад «Подготовка ССП к XX летию великой октябрьской революции» — т. Ставский.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 794. Л. 204. Машинописный подлинник. Выписки: т.т. Ангарову, Лахути.

№ 326
АВЕРБАХ — СТАЛИНУ. ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ НА КНИГЕ «СТАХАНОВЦЫ УРАЛМАША»

[1936 г.]

Дорогой тов. Сталин,

моей тяжелой виной было то, что я не сумел быть в литературе настоящим партийным «аппаратчиком», безусловным и полным проводником партийной линии.

Я вам очень благодарен за то, что после литературы я работаю сейчас в партийном аппарате. За 2 с половиной года работы на Уралмаше я старался многому переучиться и многому научиться, чтобы всегда быть беззаветно верным сталинцем.

Ваш Л. АВЕРБАХ

Автограф на титульном листе книги: Стахановцы Уралмаша / Под ред. Л. Авербаха. М.; Свердловск: НКТП, Уральский дом техники, 1936. Книга из коллекции ГОПБ МК РФ.

15 июня 1937 г. Владимир Бонч-Бруевич обратится к Сталину «Секретно в собственные руки». Он сообщит о судьбе своей единственной дочери Елены Владимировны, хирурга-травматолога, работающей в Басманной больнице в Москве: «В ее семье стряслась беда: ее мужа Леопольда Авербаха арестовали <...> Все то, что писала об

Авербахе «Правда», было полной для нее неожиданностью <...> Предложено органами НКВД выехать из Москвы <...> У меня не дрогнет рука привести в НКВД и дочь, и сына, и внука, если они хоть бы одним словом были бы настроены против партии и правительства» (Источник. 1996. № 3. С. 151–152. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 712. Л. 65–66).

№ 327
БЕСЕДА СТАЛИНА С ЛИОНОМ ФЕЙХТВАНГЕРОМ

8 января 1937 г.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ТОВАРИЩА СТАЛИНА С ГЕРМАНСКИМ ПИСАТЕЛЕМ ЛИОНОМ ФЕЙХТВАНГЕРОМ

8 января 1937 года

ФЕЙХТВАНГЕР. Я просил бы Вас подробнее определить функции писателя. Я знаю, что Вы назвали писателей инженерами душ.

СТАЛИН. Писатель, если он улавливает основные нужды широких народных масс в данный момент, может сыграть очень крупную роль в деле развития общества. Он обобщает смутные догадки и неосознанные настроения передовых слоев общества и инстинктивные действия масс делает сознательными.

Он формирует общественное мнение эпохи. Он помогает передовым силам общества осознать свои задачи и бить вернее по цели. Словом, он может быть хорошим служебным элементом общества и передовых устремлений этого общества. Но бывает и другая группа писателей, которая, не поняв новых веяний эпохи, атакует все новое в своих произведениях и обслуживает таким образом реакционные силы общества. Роль такого рода писателей тоже не мала, но с точки зрения баланса истории она отрицательна. Есть третья группа писателей, которая под флагом ложно понятого объективизма старается усидеть между двух стульев, не желает примкнуть ни к передовым слоям общества, ни к реакционным. Такую группу писателей обычно обстреливают с двух сторон: передовые и реакционные силы. Она обычно не играет большой роли в истории развития общества, в истории развития народов, и история ее забывает так же быстро, как забывается прошлогодний снег.

ФЕЙХТВАНГЕР. Я попросил бы Вас разъяснить, как Вы понимаете разницу между призванием научного писателя и писателя-художника, который передает свое мироощущение, самого себя.

СТАЛИН. Научные писатели обычно действуют понятиями, а писатели-беллетристы образами. Они более конкретно, художественными картинами изображают то, что их интересует. Научные писатели пишут для избранных, более квалифицированных людей, а художники для более широких масс. Я бы сказал, что в действиях так называемых научных писателей больше элементов расчета. Писатели-художники – люди более непосредственные, в их деятельности гораздо меньше расчета.

ФЕЙХТВАНГЕР. Хотел бы спросить, что означает Ваше определение интеллигенции, как межклассовой прослойки, в докладе о Конституции СССР[1]. Некоторые думают, что интеллигенция не связана ни с одним классом, имеет

меньше предрассудков, большую свободу суждения, но зато меньше прав. Как говорил Гете — действующий не свободен, свободен только созерцающий.

СТАЛИН. Я изложил обычное марксистское понимание интеллигенции. Ничего нового я не сказал, класс — общественная группа людей, которая занимает определенную стойкую, постоянную позицию в процессе производства. Рабочий класс производит все, не владея средствами производства. Капиталисты — владеют капиталом. Без них, при капиталистическом строе, производство не обходится. Помещики владеют землей — важнейшим средством производства. Крестьяне владеют малыми клочками земли, арендуют ее, но занимают в сельском хозяйстве определенные позиции. Интеллигенция — обслуживающий элемент, не общественный класс. Она сама ничего не производит, не занимает самостоятельного места в процессе производства. Интеллигенция есть на фабриках и заводах — служит капиталистам. Интеллигенция есть в экономиях и имениях — служит помещикам. Как только интеллигенция начинает финтить — ее заменяют другими. Есть такая группа интеллигенции, которая не связана с производством, как литераторы, работники культуры. Они мнят себя «солью земли», командующей силой, стоящей над общественными классами. Но из этого ничего серьезного получиться не может. Была в России в 70-х годах прошлого столетия группа интеллигенции, которая хотела насиловать историю и, не считаясь с тем, что условия для республики не созрели, пыталась втянуть общество в борьбу за республику[2]. Ничего из этого не вышло. Эта группа была разбита — вот вам самостоятельная сила интеллигенции!

Другая группа интеллигенции хотела из русской сельской общины непосредственно развить социализм, минуя капиталистическое развитие[3]. Ничего из этого не вышло. Она была разбита. Таких примеров можно привести много также и из истории Германии, Франции и других стран.

Когда интеллигенция ставит себе самостоятельные цели, не считаясь с интересами общества, пытаясь выполнить какую-то самостоятельную роль — она терпит крах. Она вырождается в утопистов. Известно, как едко Маркс высмеивал утопистов[4]. Всегда, когда интеллигенция пыталась ставить самостоятельные задачи, она терпела фиаско.

Роль интеллигенции — служебная, довольно почетная, но служебная. Чем лучше интеллигенция распознает интересы господствующих классов и чем лучше она их обслуживает, тем большую роль она играет. В этих рамках и на этой базе ее роль серьезная.

Следует ли из всего этого, что у интеллигенции должно быть меньше прав?

В капиталистическом обществе следует. В капиталистическом обществе смотрят на капитал — у кого больше капитала, тот умнее, тот лучше, тот располагает большими правами. Капиталисты говорят: интеллигенция шумит, но капитала не имеет. Поэтому интеллигенция там не равноправна. У нас совершенно иначе.

Если в капиталистическом обществе человек состоит из тела, души и капитала, то у нас человек состоит из души, тела и способностей трудиться. А трудиться может всякий: обладание капиталом у нас привилегий не дает, а даже вызывает некоторое раздражение. Поэтому интеллигенция у нас полностью равноправна с рабочими и крестьянами. Интеллигент может развивать все свои способности, трудиться так же, как рабочий и крестьянин.

ФЕЙХТВАНГЕР. Если я Вас правильно понял, Вы также считаете, что писатель-художник больше апеллирует к инстинкту читателя, а не к его разуму.

Но тогда писатель-художник должен быть более реакционным, чем писатель научный, так как инстинкт более реакционен, чем разум. Как известно, Платон хотел удалить писателей из своего идеального государства.

СТАЛИН. Нельзя играть на слове «инстинкт». Я говорил не только об инстинкте, но и о настроениях, о неосознанных настроениях масс. Это не то же, что инстинкт, это нечто большее. Кроме того, я не считаю инстинкты неизменными, неподвижными. Они меняются.

Сегодня народные массы хотят вести борьбу против угнетателей в религиозной форме, в форме религиозных войн. Так это было в XVII веке и ранее в Германии и Франции[5]. Потом через некоторое время ведут борьбу против угнетателей более осознанную – например, французская революция.

У Платона была рабовладельческая психология. Рабовладельцы нуждались в писателях, но они превращали их в рабов (много писателей было продано в рабство – в истории тому достаточно примеров) или прогоняли их, когда писатели плохо обслуживали нужды рабовладельческого строя.

Что касается нового, советского общества, то здесь роль писателя огромна. Писатель тем ценнее, что он непосредственно, почти без всякого рефлекса отражает новые настроения масс. И если спросить, кто скорее отражает новые настроения и веяния, то это скорее делает художник, чем научный исследователь. Художник находится у самого истока, у самого котла новых настроений. Он может поэтому направить настроения в новую сторону, а научная литература приходит позже. Непонятно, почему писатель-художник должен быть консерватором или реакционером. Это неверно. Этого не оправдывает и история. Первые попытки атаковать феодальное общество ведутся художниками – Вольтер, Мольер раньше атаковали старое общество[6]. Потом пришли энциклопедисты.

В Германии раньше были Гейне, Бьерне (*правильно*: Бёрне), потом пришли Маркс, Энгельс. Нельзя сказать, что роль всех писателей реакционна. Часть писателей может играть реакционную роль, защищая реакционные настроения.

Максим Горький отражал еще смутные революционные настроения и стремления рабочего класса задолго до того, как они вылились в революцию 1905 года.

ФЕЙХТВАНГЕР. В каких пределах возможна в советской литературе критика?[7]

СТАЛИН. Надо различать критику деловую и критику, имеющую целью вести пропаганду против советского строя.

Есть у нас, например, группа писателей, которые не согласны с нашей национальной политикой, с национальным равноправием[8]. Они хотели бы покритиковать нашу национальную политику. Можно раз покритиковать. Но их цель не критика, а пропаганда против нашей политики равноправия наций. Мы не можем допустить пропаганду натравливания одной части населения на другую, одной нации на другую. Мы не можем допустить, чтобы постоянно напоминали, что русские были когда-то господствующей нацией.

Есть группа литераторов, которая не хочет, чтобы мы вели борьбу против фашистских элементов, а такие элементы у нас имеются. Дать право пропаганды за фашизм, против социализма – нецелесообразно[9].

Если элиминировать попытки пропаганды против политики советской власти, пропаганды фашизма и шовинизма, то писатель у нас пользуется самой широкой свободой, более широкой, чем где бы то ни было.

Критику деловую, которая вскрывает недостатки в целях их устранения, мы приветствуем. Мы, руководители, сами проводим и предоставляем самую широкую возможность любой такой критики всем писателям[10].

Но критика, которая хочет опрокинуть советский строй, не встречает у нас сочувствия. Есть у нас такой грех.

ФЕЙХТВАНГЕР. Получилось некоторое недоразумение. Я не считаю, что писатель должен быть обязательно реакционным. Но так как инстинкт отстает, как бы хромает за разумом, то писатель может оказаться реакционным, сам того не желая. Так, у Горького иногда образы убийц, воров вызывают чувство симпатии. И в моих собственных произведениях есть отражение отсталых инстинктов. Может быть, поэтому они читаются с интересом. Как мне кажется, раньше было больше литературных произведений, критикующих те или иные стороны советской жизни. Каковы причины этого?

СТАЛИН. Ваши произведения читаются с интересом и хорошо встречаются в нашей стране не потому, что там есть элементы отставания, а потому, что там правдиво отображается действительность. Хотели ли Вы или не хотели дать толчок революционному развитию Германии, на деле, независимо от Вашего желания, получилось, что вы показали революционные перспективы Германии. Прочитавши Ваши книги, читатель сказал себе: так дальше жить в Германии нельзя.

Идеология всегда немного отстает от действительного развития, в том числе и литература. И Гегель говорил, что сова Минервы вылетает в сумерки[11].

Сначала бывают факты, потом их отображение в голове. Нельзя смешивать вопрос о мировоззрении писателя с его произведениями.

Вот, например, Гоголь и его «Мертвые души». Мировоззрение Гоголя было бесспорно реакционное. Он был мистиком. Он отнюдь не считал, что крепостное право должно пасть. Неверно представление, что Гоголь хотел бороться против крепостного права. Об этом говорит его переписка, полная весьма реакционных взглядов[12]. А между тем, помимо его воли, гоголевские «Мертвые души» своей художественной правдой оказали огромное воздействие на целые поколения революционной интеллигенции сороковых, пятидесятых, шестидесятых годов.

Не следует смешивать мировоззрение писателя с воздействием тех или других его художественных произведений на читателя. Было ли у нас раньше больше критических произведений? Возможно. Я не занимался изучением двух периодов развития русской литературы.

До 1933 года мало кто из писателей верил в то, что крестьянский вопрос может быть разрешен на основе колхозов. Тогда критики было больше.

Факты убеждают. Победила установка советской власти на коллективизацию, которая сомкнула крестьянство с рабочим классом.

Проблема взаимоотношений рабочего класса и крестьянства была важнейшей и доставляла наибольшую заботу революционерам во всех странах.

Она казалась неразрешимой: крестьянство реакционно, связано с частной собственностью, тащит назад, рабочий класс идет вперед. Это противоречие не раз приводило к революции. Так погибла революция во Франции в 1871 го-

ду, так погибла революция в Германии. Не было контакта между рабочим классом и крестьянством.

Мы эту проблему успешно разрешили. Естественно, что после таких побед меньше почвы для критики. Может быть, не следовало добиваться этих успехов, чтобы было больше критики? Мы думаем иначе. Беда не так велика.

ФЕЙХТВАНГЕР. Я здесь всего 4–5 недель[13]. Одно из первых впечатлений: некоторые формы выражения уважения и любви к Вам кажутся мне преувеличенными и безвкусными. Вы производите впечатление человека простого и скромного. Не являются ли эти формы для Вас излишним бременем?

СТАЛИН. Я с вами целиком согласен. Неприятно, когда преувеличивают до гиперболических размеров. В экстаз приходят люди из-за пустяков. Из сотен приветствий я отвечаю только на 1–2, не разрешаю большинство их печатать, совсем не разрешаю печатать слишком восторженные приветствия, как только узнаю о них. В девяти десятых этих приветствий — действительно полная безвкусица. И мне они доставляют неприятные переживания[14].

Я хотел бы не оправдать — оправдать нельзя, а по человечески объяснить, откуда такой безудержный, доходящий до приторности восторг вокруг моей персоны. Видимо, у нас в стране удалось разрешить большую задачу, за которую поколения людей бились целые века — бабувисты, гебертисты, всякие секты французских, английских, германских революционеров[15]. Видимо, разрешение этой задачи (ее лелеяли рабочие и крестьянские массы): освобождение от эксплуатации вызывает огромнейший восторг. Слишком люди рады, что удалось освободиться от эксплуатации. Буквально не знают, куда девать свою радость.

Очень большое дело — освобождение от эксплуатации, и массы это празднуют по-своему. Все это приписывают мне — это, конечно, неверно, что может сделать один человек? Во мне они видят собирательное понятие и разводят вокруг меня костер восторгов телячьих.

ФЕЙХТВАНГЕР. Как человек сочувствующий СССР, я вижу и чувствую, что чувства любви и уважения к Вам совершенно искренни и элементарны. Именно потому, что Вас так любят и уважают, не можете ли Вы прекратить своим словом эти формы проявления восторга, которые смущают некоторых ваших друзей за границей?

СТАЛИН. Я пытался несколько раз это сделать. Но ничего не получается. Говоришь им — нехорошо, не годится это. Люди думают, что это я говорю из ложной скромности.

Хотели по поводу моего 55-летия поднять празднование. Я провел через ЦК ВКП(б) запрещение этого[16]. Стали поступать жалобы, что я мешаю им праздновать, выразить свои чувства, что дело не во мне. Другие говорили, что я ломаюсь. Как воспретить эти проявления восторгов? Силой нельзя. Есть свобода выражения мнений. Можно просить по-дружески[17].

Это проявление известной некультурности. Со временем это надоест. Трудно помешать выражать свою радость. Жалко принимать строгие меры против рабочих и крестьян.

Очень уже велики победы. Раньше помещик и капиталист был демиургом, рабочих и крестьян не считали за людей. Теперь кабала с трудящихся снята. Огромная победа! Помещики и капиталисты изгнаны, рабочие и крестьяне — хозяева жизни. Приходят в телячий восторг.

Народ у нас еще отстает по части общей культурности, поэтому выражение восторга получается такое. Законом, запретом нельзя тут что-либо сделать. Можно попасть в смешное положение. А то, что некоторых людей за границей это огорчает — тут ничего не поделаешь. Культура сразу не достигается. Мы много в этой области делаем: построили, например, за одни только 1935 и 1936 годы в городах свыше двух тыс. новых школ[18]. Всеми мерами стараемся поднять культурность, но результаты скажутся через 5—6 лет. Культурный подъем идет медленно. Восторги растут бурно и некрасиво[19].

ФЕЙХТВАНГЕР. Я говорю не о чувстве любви и уважения со стороны рабочих и крестьянских масс, а о других случаях. Выставляемые в разных местах ваши бюсты — некрасивы, плохо сделаны. На выставке планировки Москвы, где все равно прежде всего думаешь о Вас, — к чему там плохой бюст?[20] На выставке Рембрандта, развернутой с большим вкусом[21], к чему там плохой бюст?

СТАЛИН. Вопрос закономерен[22]. Я имел в виду широкие массы, а не бюрократов из различных учреждений. Что касается бюрократов, то о них нельзя сказать, что у них нет вкуса. Они боятся, если не будет бюста Сталина, то их либо газета, либо начальник обругает, либо посетитель удивится. Это область карьеризма, своеобразная форма «самозащиты» бюрократов: чтобы не трогали, надо бюст Сталина выставить.

Ко всякой партии, которая побеждает, примазываются чуждые элементы, карьеристы. Они стараются защитить себя по принципу мимикрии — бюсты выставляют, лозунги пишут, в которые сами не верят. Что касается плохого качества бюстов, то это делается не только намеренно (я знаю, это бывает), но и по неумению выбрать. Я видел, например, в первомайской демонстрации портреты мои и моих товарищей: похожие на всех чертей. Несут люди с восторгом и не понимают, что портреты не годятся. Нельзя издать приказ, чтобы выставляли хорошие бюсты, — ну их к черту! Некогда заниматься такими вещами, у нас есть другие дела и заботы, на эти бюсты и не смотришь[23].

ФЕЙХТВАНГЕР. Я боюсь, что употребление вами слова «демократия» — я вполне понимаю смысл вашей новой конституции и ее приветствую — не совсем удачно. На Западе 150 лет слово «демократия» понимается как формальная демократия. Не получается ли недоразумение из-за употребления Вами слова «демократия», которому за границей привыкли придавать определенный смысл. Все сводится к слову «демократия». Нельзя ли придумать другое слово?

СТАЛИН. У нас не просто демократия, перенесенная из буржуазных стран[24]. У нас демократия необычная, у нас есть добавка — слово «социалистическая» демократия. Это другое. Без этой добавки путаница будет. С этой добавкой понять можно. Вместе с тем мы не хотим отказываться от слова демократия, потому что мы в известном смысле являемся учениками, продолжателями европейских демократов, такими учениками, которые доказали недостаточность и уродливость формальной демократии и превратили формальную демократию в социалистическую демократию. Мы не хотим скрывать этот исторический факт.

Кроме того, мы не хотим отказываться от слова демократия еще и потому, что сейчас в капиталистическом мире разгорается борьба за остатки демократии против фашизма. В этих условиях мы не хотим отказываться от слова демократия, мы объединяем наш фронт борьбы с фронтом борьбы рабочих,

крестьян, интеллигенции против фашизма за демократию. Сохраняя слово «демократия», мы протягиваем им руку и говорим им, что после победы над фашизмом и укрепления формальной демократии придется еще бороться за высшую форму демократии, за социалистическую демократию.

ФЕЙХТВАНГЕР. Может быть, я как литератор придаю слишком много значения слову и связанным с ним ассоциациям. Мне кажется, что буржуазная критика, основывающаяся на неправильном понимании слова «демократия», приносит вред. Советский Союз создал столько нового, почему бы ему не создать нового слова и здесь?

СТАЛИН. Вы неправы. Положительные стороны от сохранения слова демократия выше, чем недостатки, связанные с буржуазной критикой. Возьмите движение единого фронта во Франции, в Испании. Различные слои объединились для защиты жалких остатков демократии. Единый фронт против фашизма – есть фронт борьбы за демократию[25]. Рабочие, крестьяне, интеллигенция спрашивают: как вы, советские люди, относитесь к нашей борьбе за демократию, правильна ли эта борьба? Мы говорим: «Правильно, боритесь за демократию, которая является низшей ступенью демократии. Мы вас поддерживаем, создав высшую стадию демократии – социалистическую демократию. Мы – наследники старых демократов – французских революционеров, германских революционеров, наследники не оставшиеся на месте, а поднявшие демократию на высшую ступень».

Что касается критиков, то им надо сказать, что демократия придумана не для маленьких групп литераторов, а создана для того, чтобы дать новому классу – буржуазии возможность борьбы против феодализма. Когда феодализм был побежден, рабочий класс захотел воспользоваться демократией, чтобы вести борьбу против буржуазии. Тут для буржуазии демократия стала опасной. Она была хороша для борьбы буржуазии с феодализмом, она стала плоха, когда рабочий класс стал пользоваться ею в борьбе против буржуазии.

Демократия стала опасна, выступил фашизм. Не напрасно некоторые группы буржуазии соглашаются на фашизм, ибо раньше демократия была полезна, а теперь стала опасна.

Демократизм создает рабочему классу возможность пользоваться различными правами для борьбы против буржуазии.

В этом суть демократии, которая создана не для того, чтобы литераторы могли чесать языки в печати.

Если так смотреть на демократию, то у нас трудящиеся пользуются всеми мыслимыми правами. Тут тебе и свобода собраний, печати, слова, союзов и т. д.

Это надо разъяснить и нашим друзьям, которые колеблются. Мы предпочитаем иметь меньше друзей, но стойких друзей. Много друзей, но колеблющихся – это обуза.

Я знаю этих критиков. Некоторые из этих критиков спрашивают: почему мы не легализуем группу или, как они говорят, партию троцкистов. Они говорят: легализуете партию троцкистов – значит у вас демократия, не легализуете – значит нет демократии. А что такое партия троцкистов? Как оказалось – мы это знали давно, – это разведчики, которые вместе с агентами японского и германского фашизма взрывают шахты, мосты, производят железнодорожные крушения. На случай войны против нас они готовились принять все ме-

ры, чтобы организовать наше поражение: взрывать заводы, железные дороги, убивать руководителей и т. д. Нам предлагают легализовать разведчиков, агентов враждебных иностранных государств.

Ни одно буржуазное государство — Америка, Англия, Франция — не легализуют шпионов и разведчиков враждебных иностранных государств.

Почему же это предлагают нам? Мы против такой «демократии».

ФЕЙХТВАНГЕР. Именно потому, что демократия на Западе так уже выщерблена, плохо пахнет, надо было бы отказаться от этого слова.

СТАЛИН. А как же Народный фронт дерется за демократию? А во Франции, в Испании — правительство Народного фронта[26] — люди борются, кровь проливают, это — не за иллюзии, а за то, чтобы был парламент, была свобода забастовок, свобода печати, союзов для рабочих.

Если демократию не отождествлять с правом литераторов таскать друг друга за волосы в печати, а понимать ее как демократию для масс, то тут есть за что бороться.

Мы хотим держать Народный фронт с массами во Франции и др. странах. Мост к этому — демократия, так, как ее понимают массы.

Есть разница между Францией и Германией? Хотели бы германские рабочие иметь снова настоящий парламент, свободу союзов, слова, печати? Конечно, да. Кашен в парламенте, Тельман — в концентрационном лагере, во Франции могут рабочие бастовать, в Германии — нет и т. д.[27]

ФЕЙХТВАНГЕР. Теперь есть три понятия — фашизм, демократизм, социализм. Между социализмом и демократией есть разница.

СТАЛИН. Мы не на острове. Мы, русские марксисты, учились демократизму у социалистов Запада — у Маркса, Энгельса, у Жореса, Геда, Бебеля. Если бы мы создали новое слово — это дало бы больше пищи критикам: русские, мол, отвергают демократию.

ФЕЙХТВАНГЕР. О процессе Зиновьева и др. был издан Протокол[28]. Этот отчет был построен главным образом на признаниях подсудимых. Несомненно есть еще другие материалы по этому процессу. Нельзя ли их также издать?

СТАЛИН. Какие материалы?

ФЕХТВАНГЕР. Результаты предварительного следствия[29]. Все, что доказывает их вину помимо их признаний.

СТАЛИН. Среди юристов есть две школы. Одна считает, что признание подсудимых — наиболее существенное доказательство их вины. Англосаксонская юридическая школа считает, что вещественные элементы — нож, револьвер и т. д. — недостаточны для установления виновников преступления. Признание обвиняемых имеет большее значение.

Есть германская школа, она отдает предпочтение вещественным доказательствам, но и она отдает должное признанию обвиняемых. Непонятно, почему некоторые люди или литераторы за границей не удовлетворяются признанием подсудимых. Киров убит — это факт. Зиновьева, Каменева, Троцкого там не было. Но на них указали люди, совершившие это преступление, как на вдохновителей его. Все они — опытные конспираторы: Троцкий, Зиновьев, Каменев и др. Они в таких делах документов не оставляют. Их уличили на очных ставках их же люди, тогда им пришлось признать свою вину.

Еще факт — в прошлом году произошло крушение воинского поезда на ст. Шумиха в Сибири[30]. Поезд шел на Дальний Восток. Как говорилось на суде,

стрелочница перевела стрелку неверно и направила поезд на другой путь. При крушении были убиты десятки красноармейцев[31]. Стрелочница – молодая девушка – не признала свою вину, она говорила, что ей дали такое указание. Начальник станции, дежурный были арестованы, кое-кто признался в упущениях. Их осудили. Недавно были арестованы несколько человек в этом районе – Богуславский, Дробнис, Князев[32]. Часть арестованных по делу о крушении, но еще не приговоренных, показали, что крушение произведено по заданию троцкистской группы. Князев, который был троцкистом и оказался японским шпионом, показал, что стрелочница не виновата. У них, троцкистов, была договоренность с японскими агентами о том, чтобы устраивать катастрофы. Чтобы замаскировать преступление, использовали стрелочницу как щит и дали ей устный приказ неправильно перевести стрелку. Вещественные доказательства против стрелочницы: она перевела стрелку. Показания людей доказывают, что виновата не она. У нас имеются не только показания подсудимых. Но мы придаем показаниям большое значение. Говорят, что показания дают потому, что обещают подсудимым свободу. Это чепуха. Люди это все опытные, они прекрасно понимают, что значит показать на себя, что влечет за собой признание в таких преступлениях. Скоро будет процесс Пятакова и др.[33] Вы сможете много интересного узнать, если будете присутствовать на этом процессе[34].

ФЕЙХТВАНГЕР. Я написал пьесу из жизни Индии, в которой изображается как лорд Гастингс поступил с противником, который действительно хотел произвести государственный переворот, приписав ему не это, а совершенно другое преступление[35].

Критики заграницей (не я) говорят, что они не понимают психологию подсудимых, почему они не отстаивают своих взглядов, а сознаются.

СТАЛИН. 1-й вопрос – почему они так пали? Надо сказать, что все эти люди – Зиновьев, Каменев, Троцкий, Радек, Смирнов и др. – все они при жизни Ленина вели с ним борьбу. Теперь, после смерти Ленина, они себя именуют большевиками-ленинцами, а при жизни Ленина они с ним боролись.

Ленин еще на Х-м съезде партии в 1921 г., когда он провел резолюцию против фракционности, говорил, что фракционность против партии, особенно если люди на своих ошибках настаивают, должна бросить их против советского строя, в лагерь контрреволюции. Советский строй таков – можно быть за него, можно быть нейтральным, но если начать бороться с ним, то это обязательно приводит к контрреволюции[36].

Эти люди боролись против Ленина, против партии:

Во время Брестского мира в 1918 году.

В 1921 году по вопросу о профсоюзах.

После смерти Ленина в 1924 году они боролись против партии.

Особенно обострили борьбу в 1927 году.

В 1927 году мы произвели референдум среди членов партии. За платформу ЦК ВКП(б) высказалось 800 тысяч членов партии, за платформу Троцкого – 17 тысяч[37].

Эти люди углубили борьбу, создали свою партию. В 1927 г. они устраивали демонстрации против советской власти, ушли в эмиграцию, в подполье.

Осталось у них тысяч 8 или 10 человек.

Они скатывались со ступеньки на ступеньку. Некоторые люди не верят, что Троцкий и Зиновьев сотрудничали с агентами Гестапо. А их сторонников арес-

товывают вместе с агентами Гестапо. Это факт. Вы услышите, что Троцкий заключил союз с Гессом, чтобы взрывать мосты и поезда и т. д., когда Гитлер пойдет на нас войной. Ибо Троцкий не может вернуться без поражения СССР на войне.

Почему они признаются в своих преступлениях? Потому, что изверились в правоте своей позиции, видят успехи всюду и везде. Хотят хотя бы перед смертью или приговором сказать народу правду. Хоть одно доброе дело сделать — помочь народу узнать правду. Эти люди свои старые убеждения бросили. У них есть новые убеждения. Они считают, что построить в нашей стране социализм нельзя. Это дело гиблое.

Они считают, что вся Европа будет охвачена фашизмом, и мы, советские люди, погибнем. Чтобы сторонники Троцкого не погибли вместе с нами, они должны заключить соглашение с наиболее сильными фашистскими государствами, чтобы спасти свои кадры и ту власть, которую они получат при согласии фашистских государств. Я передаю то, что Радек и Пятаков сейчас говорят прямо. Наиболее сильными фашистскими государствами они считали Германию и Японию. Они вели переговоры с Гасом[38] (*так в тексте, должно быть «с Гессом»*) в Берлине и с японским представителем в Берлине. Пришли к выводу, что власть, которую они получат в результате поражения СССР в войне, должна сделать уступки капитализму: Германии уступить территорию Украины или ее часть, Японии — Дальний Восток или его часть, открыть широкий доступ немецкому капиталу в Европейскую часть СССР, японскому — в азиатскую часть, предоставить концессии; распустить большую часть колхозов и дать выход «частной инициативе», как они выражаются; сократить сферу охвата государством промышленности. Часть ее отдать концессионерам. Вот условия соглашения, так они рассказывают. Такой отход от социализма они «оправдывают» указанием, что фашизм, мол, все равно победит, и эти «уступки» должны сохранить максимальное, что может остаться. Этой «концепцией» они стараются оправдать свою деятельность. Идиотская концепция. Их «концепция» навеяна паникой перед фашизмом.

Теперь, когда они все продумали, они считают все это неправильным и хотят перед приговором все рассказать, раскрыть.

ФЕЙХТВАНГЕР. Если у них такие идиотские концепции, не считаете ли Вы, что их надо скорее посадить в сумасшедший дом, чем на скамью подсудимых.

СТАЛИН. Нет. Есть немало людей, говорящих, что фашизм все захватит. Надо пойти против этих людей. Они всегда были паникерами. Они пугались всего, когда мы брали власть в Октябре, во время Бреста, когда мы проводили коллективизацию. Теперь испугались фашизма.

Фашизм — это чепуха, это временное явление. Они в панике и потому создают такие «концепции». Они за поражение СССР в войне против Гитлера и японцев. Именно поэтому, как сторонники поражения СССР, они заслужили внимания гитлеровцев и японцев, которым они посылают информацию о каждом взрыве, о каждом вредительском акте.

ФЕЙХТВАНГЕР. Возвращаясь к старому процессу, хочу сказать, что некоторых удивляет, почему не 1, 2, 3, 4 подсудимых, а все признали свою вину.

СТАЛИН. Как это бывает конкретно? Зиновьева обвиняют. Он отрицает. Ему дают очные ставки с пойманными и уличенными его последователями.

Один, другой, третий уличают его. Тогда он, наконец, вынужден признаться, будучи изобличен на очных ставках своими сторонниками.

ФЕЙХТВАНГЕР. Я сам уверен в том, что они действительно хотели совершить государственный переворот. Но здесь доказывается слишком многое. Не было бы убедительнее, если бы доказывалось меньше.

СТАЛИН. Это не совсем обычные преступники. У них осталось кое-что от совести. Вот возьмите Радека. Мы ему верили[39]. Его оговорили давно Зиновьев и Каменев. Но мы его не трогали. У нас не было других показаний, а в отношении Каменева и Зиновьева можно было думать, что они нарочно оговаривают людей. Однако через некоторое время новые люди, два десятка низовых людей, частью арестованные, частью сами давшие показания, выяснили картину виновности Радека. Его пришлось арестовать. Сначала он упорно все отрицал, написал несколько писем, утверждая, что он чист. Месяц назад он написал длинное письмо, опять доказывая свою невиновность. Но это письмо, очевидно, ему самому показалось неубедительным, и через день он признался в своих преступлениях и изложил многое из того, чего мы не знали. Когда спрашиваешь, почему они сознаются, то общий ответ: «надоело это все, не осталось веры в правоту своего дела, невозможно идти против народа – этого океана. Хотим перед смертью помочь узнать правду, чтобы мы не были такими окаянными, такими иудами».

Это не обычные преступники, не воры, у них осталось кое-что от совести. Ведь Иуда, совершив предательство, потом повесился.

ФЕЙХТВАНГЕР. Об Иуде – это легенда.

СТАЛИН. Это не простая легенда. В эту легенду еврейский народ вложил свою великую народную мудрость.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 820. Л. 3—22. Машинописный текст.

[1] В «Докладе о Конституции СССР» Сталин так расшифровал свое понимание интеллигенции: инженерно-технические работники, работники культурного фронта и «служащие вообще». Говоря о классах в советском обществе, Сталин сказал: «Остался рабочий класс. Остался класс крестьян. Осталась интеллигенция» (Правда. 1936. 26 ноября). В выступлении на Пленуме ЦК ВКП(б) 12 октября 1937 г. Сталин дал четкое указание по предстоящим выборам в Верховный Совет СССР: «Нельзя переполнять Верховный совет трактористами, трактористками, комбайнерами и теребильщиками и забывать, что у нас есть интеллигенция партийная, есть искушенные политики не только в Москве, но и в областях» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1120. Л. 89). В октябре 1938 г. при редактировании лозунгов к очередной годовщине Октябрьской революции в лозунге № 39 предлагалось прославление-здравица: «Советская интеллигенция — это новая интеллигенция, подобной которой не знала еще история человечества!» Сталин снизил степень следовавшей за этим экзальтации: «Да здравствует наша советская, народная интеллигенция!» Из предлагавшегося варианта лозунга: «Больше внимания политическому воспитанию и большевистской закалке советской интеллигенции!» Сталин зачеркнул важное уточнение: «интеллигенции – кадров нашего государственного аппарата» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1203. Л. 89).

[2] «Соль земли» — слова Чернышевского из романа «Что делать?». Сталин имеет в виду народнические группы. К середине тридцатых годов Сталин стал резко отрицательно относиться к деятельности народовольцев, видя в их террористической деятельности, в акте цареубийства недопустимые ассоциации с убийством Кирова, обвинение в котором было предъявлено многим бывшим руководителям большевистской партии на московских показательных процессах.

[3] Сталин имеет в виду социалистическую партию «Земля и воля», основанную в 1876 г. В программу этой организации входила национализация земли, отмена налогов и свободная община. Так как русский народ всегда стремился к идеалу земли и свободы, то аграрный вопрос выдвигался как основной. Раскол в «Земле и воле» привел к созданию двух партий: «Народной воли» и «Черного передела».

[4] Энгельс говорил об упадке сен-симонизма (1843): «Сен-симонизм, который, точно сверкающий метеор, приковал к себе внимание мыслящих людей, исчез затем с социального горизонта... Его время миновало» (Цит.: История философии. Т. 2. М.: Издательство АН СССР, 1957. С. 170). Маркс и Энгельс отмечали в Вильгельме Вейтлинге его склонность быть пророком, который носит в кармане «готовый рецепт осуществления царства небесного на земле» (там же, с. 187).

[5] Имеются в виду религиозные войны во Франции (1562—1594) между католиками и гугенотами, Тридцатилетняя война в Германии (1618—1648) между поддержанными папой князьями и антигабсбургской коалицией протестантских князей.

[6] За девять месяцев до этого Политбюро с санкции Сталина запретило постановку на сцене МХАТа пьесы «Мольер» Михаила Булгакова.

[7] Зачеркнуто: «Как мне кажется, раньше было больше литературных произведений, критиковавших те или иные стороны советской жизни».

[8] Возможно, Сталин имеет в виду Павла Васильева (1909—1937) и ряд крестьянских поэтов и писателей: Николая Клюева (1887—1937), Петра Орешина (1887—1938) и Сергея Клычкова (1889—1937). В данном случае, перед лицом немецкого писателя-антифашиста, Сталин намекает на то, что для его режима приоритетна борьба за «равноправие» наций, то есть борьба против русского великодержавного шовинизма, и сама критика этой борьбы недопустима.

[9] Сталин постоянно классифицирует и группирует. В начале беседы он говорит о трех группах писателей вообще: писатели «за» (подразумевается, что за советскую власть), писатели «против» и «воздержавшиеся». Здесь же он рассуждает о существовании двух групп оппозиционных писателей: русских (подразумевается) националистах и тех, кто не хочет вести борьбу против «фашистских элементов». Возможно, что в последней группе зашифровывается часть бывших руководителей РАППа, которые группировались вокруг спецпайков, квартир и мебели из распределителей ОГПУ — НКВД смещенного наркома внутренних дел Генриха Ягоды. Под «фашизмом» в данном случае подразумевается «троцкизм». Именно обвинения в фашизме предъявят перед расстрелом Владимиру Киршону (1902—1938), Леопольду Авербаху (1903—1938) и другим руководителям бывшего РАППа.

[10] Эту мысль почти дословно Сталин высказал в августе 1934 г. во время беседы с Гербертом Уэллсом: «Это называется у нас, большевиков, «самокритикой». Она широко применяется в СССР».

[11] «Мы диалектику учили не по Гегелю», — сказал Маяковский. Сталин учил Гегеля по Плеханову. В ходе работы над главой о диалектическом и историческом материализме для краткого курса истории ВКП(б) Сталин прочитает (или перечитает) том Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Сталин отметит следующие слова: «Сова Минервы начинает летать только ночью. Когда философия начинает выводить свои серые узоры на сером фоне, когда люди начинают вдумываться в свой собственный общественный строй, вы можете с уверенностью сказать, что этот строй отжил свое время и готовится уступить место новому порядку, истинный характер которого опять станет ясен людям лишь после того, как сыграет свою историческую роль: сова Минервы опять вылетит только ночью. Нечего и говорить, что периодические воздушные путешествия мудрой птицы очень полезны: они даже совершенно необходимы» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 251. С. 67).

[12] Сталин имеет в виду «Выбранные места из переписки с друзьями», которые вызвали гневную отповедь «неистового» Виссариона Белинского в письме к Гоголю.

[13] Фейхтвангер прибыл в Москву 1 декабря 1936 г. «Правда» приветствовала приезд «германского антифашистского писателя» статьей Е. Книпович «Творчество Лиона Фейхтвангера».

[14] В сталинском архиве сохранились документы середины тридцатых годов, которые одновременно подтверждают и опровергают этот тезис. В 1937 г. вождь действительно запретил публикацию нескольких приветствий: работников ИЗОГИЗа, коллектива МХАТа и краснознаменного ансамбля Красной Армии во время гастролей на парижской выставке. В то же время десятки приветствий и рапортов были опубликованы. Например, 10 ноября 1937 г., в разгар «предвыборного» ажиотажа, Мехлис сообщает Сталину: «В «Правде» имеется огромнейшее количество резолюций собраний рабочих, колхозников, служащих о выдвижении кандидатами в Верховный совет членов Политбюро...» Речь идет о письме членов Политбюро с согласием баллотироваться в определенных избирательных округах. Сталин подчеркнул слова «продолжать печатание списков» и написал: «Нужно продолжать печатание. Ст.» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 203. Л. 157). Поток экзальтированных резолюций продолжился.

[15] Бабувисты — последователи Гракха Бабёфа (1760—1797), французского коммуниста-утописта. Гебертисты — в эпоху Французской революции группа единомышленников Жака Рене Гебера (1757—1794), одного из решительных сторонников террора, который вел борьбу с христианством, за культ разума. По настоянию Робеспьера он был казнен.

[16] 19 декабря 1934 г. по заявлению Сталина Политбюро принимает решение: «Уважить просьбу т. Сталина о том, чтобы 21 декабря, в день пятидесятипятилетнего юбилея его рождения, никаких празднеств или торжеств или выступлений в печати или на собраниях не было допущено» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1048. Л. 26). Выписки были посланы в Тифлис, в Киев, в газеты «Правда» и «Известия», в Ташкент, редакторам газет: «Заря Востока» — Григорьяну, «Коммунист» — Попову, «Правда Востока», «Ленинградская правда» и т. д. Сталин по этому вопросу не голосовал. Решение, напечатанное на гектографе в тетрадях протоколов заседаний Политбюро, становилось достоянием местной политической элиты. Данный номенклатурный маневр неофициально мог быть связан с убийством Сергея Кирова в Ленинграде 1 декабря. После похорон Кирова немедленно началась кампания многочасовых партийных активов, которые стали подготовкой к первому этапу массовой чистки. В подобной исторической конъюнктуре празднование 55-летия вождя виделось неуместным. В 1939 г. шестидесятилетие Сталина совпадет с «зимней» советско-финляндской войной», ход которой окажется неблагоприятным для Красной Армии. Торжества также не состоятся. Во время 65-летия Сталина будет идти Вторая мировая война. Логично, что грандиозные празднества смогут быть организованы только в 1949 г., во время семидесятилетия Сталина.

[17] В конспективной записи заведующего Отделом печати ЦК Б. Таля (который выступил на беседе переводчиком, стенографистом, а затем и редактором текста) эта идея передана следующим образом: «Пытался несколько раз, ничего не выходит. Говоришь: нехорошо, неприлично, из скромности. 55-летие праздновать, решение воспретить, жалобы мешают праздновать победу, дело не во мне. Что я ломаюсь. Должно быть приятно, но я ломаюсь».

[18] ТАСС в своем сообщении «Школьные новостройки 1937 года» информировало, что к Седьмому ноября 1936 г. в городах и рабочих поселках были готовы 1025 новых школ. Заканчивались еще 52 постройки. В 1937 г. в Москве собирались дополнительно построить 80 новых школьных зданий (Правда. 1936. 15 ноября). Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) на своем заседании 19—21 мая 1936 г. также рассматривала ход выполнения постановления ЦК и СНК о новых школьных зданиях. Докладывал ревизор области культуры в этом высшем органе партийной полиции Шохин. В отличие от восторженного сообщения ТАСС, ход строительства был признан неудовлетворительным. Как горсоветы, так и наркоматы отставали от графиков.

Строилось 860 школ вместо 912. В Ленинграде из 100 школ не приступили к строительству 26 (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 4. Д. 63. Л. 1).

[19] В конспективной записи Таля этот фрагмент выглядит так: «А то, что заграницей недовольны, что делать? Нельзя сразу сделать людей культурными. 3000 школ. 1000 школ. В одной Москве 250 школ. Ленинград 150 школ. Стараемся поднять культурность. 5—6 лет. Культурный подъем медленно. Бурно и некрасиво».

[20] См.: «Выставка «Архитектура СССР», заметка профессора Д. Аркина (Правда. 1936. 16 дек. С. 6).

[21] Выставка была организована Союзом советских архитекторов и открылась в Московском государственном музее изобразительных искусств 11 ноября 1936 г. На выставке были собраны все работы Рембрандта, имеющиеся в Советском Союзе. На ней были представлены 23 картины из Эрмитажа, 6 картин из Музея изобразительных искусств в Москве. На открытии выступил председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР Платон Керженцев, который сказал: «Рембрандту было тесно в рамках буржуазной Голландии, которая его не признавала» (Правда. 1936. 12 нояб. С. 6).

[22] В записи Таля вопрос писателя зафиксирован следующим пунктиром: «строит. выст. Рембр. выст. Keine Stalin-Büste».

[23] В качестве конкретной иллюстрации передачи беседы Сталина в косвенной форме в книге Фейхтвангера приведем фрагмент из нее. В случае возникшего интереса в сравнительном анализе других фрагментов читатель сможет сам удостовериться в том, как немецкий писатель зашифровал в книге иные сталинские мысли. Шифровка была самым престижным видом литературного творчества большевистской партии, и немецкий писатель не мог не оценить подобного стилистического приема. Фейхтвангер в книге «Москва 1937»:

«Сто тысяч портретов человека с усами.

На мое замечание о безвкусном, преувеличенном преклонении перед его личностью он пожал плечами. Он извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами, — портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты — да еще какие! — в местах, к которым они не имеют никакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. «Подхалимствующий дурак, — сердито сказал Сталин, — приносит больше вреда, чем сотня врагов». Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее устроителям, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция» (Фейхтвангер Л. Москва 1937. М., 2001. С. 62—63).

[24] При подготовке новой программы ВКП(б) в конце тридцатых — первой половине сороковых годов Сталин составил заметки «О буржуазной демократии», в которых, в частности, запечатлел такую глубокую мысль: «2) Буржуазная демократия обанкротилась, она превратилась в политику (*зачеркнуто*: «систематического») демократич[еского] обмана народа: обманывают во всем, по всем вопросам врут: и внешней политики, обманывают насчет мира, обманывают насчет войны, обманывают на выборах, обманывают после выборов, обманывают народ во всем» (заметки Сталина «К программе ВКП(б)». РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 122. Л. 42—43).

[25] Тезис Седьмого конгресса Коминтерна (август 1935 г.). О том, что «вопрос о создании правительства единого фронта станет в порядок дня как непосредственная практическая задача», что вопрос этот «сделается решающим, пробным камнем для политики социал-демократии данной страны», заявил на конгрессе Георгий Димитров (см. его доклад «Наступление фашизма и задачи коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма» в кн.: VII конгресс Коминтерна и борьба против фашизма и войны: Сб. документов. М., 1975. С. 204).

[26] Правительство Народного фронта в Испании пришло к власти в результате победы на выборах в кортесы 16 февраля 1936 г. коалиции коммунистов, социалистов, профсоюзов и левых республиканцев.

[27] Марсель Кашен (Cachin) (1869—1958) — член Политбюро ЦК Французской компартии, член Президиума исполкома Коминтерна. Сыграл значительную роль в организации движения Народного фронта во Франции. Эрнст Тельман (Thälmann) (1886—1944) — председатель ЦК компартии Германии, член Президиума исполкома Коминтерна, 3 марта 1933 г. был арестован гестаповцами и погиб в концлагере Бухенвальд.

[28] Отчет о процессе публиковался в «Правде», а затем, по решению Политбюро, принятому еще до судебного фарса, вышел отдельной книгой. Сталин редактировал некоторые материалы этого процесса. См.: Процесс антисоветского троцкистского центра (23—30 января 1937 года): Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23—30 января 1937 года, по обвинению Пятакова Ю.Л., Радека К.Б., Сокольникова Г.Я. и др. ... М.: НКЮ Союза ССР; Юридическое изд-во, 1937.

[29] С августа 1936 г. до конца года Сталин радикально изменил свое концептуальное отношение к драматургии процесса. В августовские дни Ежов в черновике своего программного письма к вождю утверждал, что «стрелять придется довольно внушительное количество. Лично я думаю, что на это надо пойти и раз навсегда покончить с этой мразью». В то же время он пояснял: «Понятно, что никаких процессов устраивать не надо <...> Очень туго подвигается исполнение вашей директивы по прощупыванию военной линии троцкистов». Почему? Сигналы были в ЧК в 1933 и 1934 гг., «были также сигналы и о существовании блока. Все это, однако, прошло безнаказанно <...> очень хочу вас подробно проинформировать о внутренних делах в ЧК <...> Сейчас, мне кажется, нужно приступить и к кое-каким выводам из всего этого дела для перестройки работы самого наркомвнудела <...> в среде руководящей верхушки чекистов все больше и больше зреют настроения самодовольства, успокоенности и бахвальства <...> люди мечтают теперь только об орденах за раскрытое дело <...> Трудно даже поверить, что люди не поняли, что в конечном счете это не заслуги ЧК, что через пять лет после организации крупного заговора, о котором знали сотни людей, ЧК докопалось до истины» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 52. Л. 188). Однако, став в сентябре 1936 г. наркомом внутренних дел, Ежов по заданию Сталина приступит к рьяной подготовке нового, январского (1937) процесса.

[30] Крушения на советских железных дорогах происходили постоянно. Воинский эшелон на станции Шумиха потерпел крушение 27 октября 1935 г. Во время катастрофы погибли 29 красноармейцев и столько же были ранены. Этот эпизод будет фигурировать на январском (1937) процессе в Москве: «обвиняемый Князев по указанию руководителя диверсионно-вредительской работы на железнодорожном транспорте Лифшица и по прямому заданию агента японской разведки г-на X...», и т. д. 26 октября 1935 г. Политбюро рассмотрело аналогичный вопрос: «О крушении поезда на станции Шимановская». Решено: «а) привлечь к судебной ответственности по делу о крушении на станции Шимановская наряду с другими виновниками начальника второго железнодорожного отделения Кирьянова. б) Исключить из партии и привлечь к судебной ответственности парторга куста Шимановская Бобрик. в) В отношении непосредственного виновника крушения машиниста Ребеко признать необходимым применение высшей меры наказания». Менее чем через десять дней, 5 ноября, следует

новое решение Политбюро «О крушении поезда на ст. Стальной Конь Московско-Курской ж. д.»: «Утвердить приговор выездной сессии линейного суда Московско-Курской железной дороги о расстреле машиниста Ноздрина, главного виновника крушения поезда 6 октября на станции Стальной Конь» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 182, 185). Следует подчеркнуть, что Сталин в разные годы по-разному решал проблемный вопрос о квалификации железнодорожных и иных катастроф. В понимании террористического режима в зависимости от политической целесообразности авария могла быть объявлена чем угодно: несчастным случаем, техногенной катастрофой, итогом саботажа спецов, акцией троцкистов, диверсией террористов, подрывом немецких шпионов и т. д. до бесконечности. Объединяло эти классификации то, что нередко после их применения в судебной практике расстреливали невинных людей.

[31] В двух черновых конспективных записях данные о количестве погибших в железнодорожной катастрофе красноармейцев разнятся: «Убито при крушении 35 красноармейцев»; «убито 25—30». В окончательном варианте стало: «десятки» (там же, л. 50).

[32] М. С. Богуславский, И. А. Князев и Л. Н. Дробнис — фигуранты московского январского процесса «антисоветского троцкистского центра».

[33] Процесс Пятакова и др. начался 23 января 1937 г. В черновике письма Сталину, помеченном 11 августа 1936 г., Ежов докладывал, что вызывал Пятакова и сообщил ему мотивы, по которым отменено решение ЦК о назначении его обвинителем на августовском процессе... Согласно Ежову, Пятаков «виновным себя считает в том, что не обратил внимания на контрреволюционную работу своей бывшей жены и безразлично относился к встречам с ее знакомыми». Ежов добавил, что Пятаков «просит лично расстрелять приговоренных к расстрелу, в том числе и бывшую жену». Вместо этого отдали под суд самого Пятакова, и в числе других он был расстрелян (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 52. Л. 174—175).

[34] В черновой записи последняя реплика Сталина выглядит несколько иначе: «Товарищ Фейхтвангер сможет много интересного узнать, если он сможет присутствовать на этом процессе» (там же, л. 53). Здесь характерно употребление слова «товарищ» по отношению к некоммунистическому писателю, который в самых благоприятных для советской действительности обстоятельствах мог считаться лишь попутчиком. 22 января 1937 г. Политбюро примет решение: «14. Не возражать против присутствия на процессе иностранных писателей Фейхтвангера и Андерсена-Нексе» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 20. Л. 166).

[35] Пьеса «...Калькутта, 4-е мая» была издана массовым тиражом в СССР в 1936 г. в Журнально-газетном объединении (руководителем объединения был Михаил Кольцов).

[36] В заключительном слове по отчету ЦК на X съезде РКП(б) Ленин говорил: «Не надо теперь оппозиции, товарищи, не то время! Либо — тут, либо — там, с винтовкой, а не с оппозицией. Это вытекает из объективного положения, не пеняйте» (Ленин о партийном строительстве. М., 1956. С. 610—611).

[37] В дни накануне XV съезда партии Сталин с дотошной скрупулезностью следил за ходом внутрипартийного голосования. 31 октября 1927 г. в 22 часа 30 мин. (расшифровано 1 ноября в 9 часов утра) секретарь Ленинградского комитета партии Н. К. Антипов (1894—1938) направил шифровку в Москву на имя Сталина: «Сообщение о выводе из Цека Троцкого и Зиновьева было сделано 24 октября на нескольких крупных рабочих коллективах, в том числе на Треугольнике и Красном Выборжце, первом из них из 2000 человек против решений ЦК голосовало 22 и трое воздержалось. Во втором семь против». С целью перепроверить эту информацию Сталин немедленно направляет запрос Кирову (начальнику Антипова в Ленинграде): «Ты сообщил мне ночью, что на Треугольнике было 1500, из коих за оппозицию голосовало 24. Я так и передал в Правду. А сегодня Антипов сообщает, что на Треугольнике было 2000, из них 22 голосовало за оппозицию. Кому верить. Сталин» (№ 5123/ш. 1 ноября. 17 час 10 мин.) (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 63. Л. 29).

[38] Рудольф Гесс (1894–1987) – личный секретарь Гитлера, с 1933 г. – его заместитель по нацистской партии.

[39] В апреле 1935 г. Бухарин уже сообщал Сталину о том, во что обходилась такая «вера» Радеку. «Радек болен и нервно истощен: он опухает, его вдруг одолевает сонливость, покрывается симметрической нервной сыпью». Просит отпустить на шесть недель на юг Франции. Во Францию Радека не отпустили, а Сталин переслал это письмо «на контроль» (как тогда говорили) Николаю Ежову (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 52. Л. 28).

№ 328
СТАЛИН – СТЕЦКОМУ О ЕГО ПИСЬМЕ НА ИМЯ БУХАРИНА

17 января 1937 г.

17.I.37 г.

Тов. Стецкий!

На днях т. Бухарин на очной ставке с арестованным Астровым передал мне Ваше письмо на его имя (кажется, от 1926–7 годов), сделав при этом прозрачный намек на то, что Стецкий не всегда и не во всем бывает чист...

Я не читал письма. Возвращаю его Вам.

С ком. прив.

И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 803. Л. 76. Рукописный подлинник.

Там же. Л. 76 об. Пометка: «Поступило из НКВД (арх. Стецкого) 28/XI-38 г.».

№ 329
СТЕЦКИЙ – СТАЛИНУ О ПОКАЗАНИЯХ БУХАРИНА И О СВОЕМ К НЕМУ ПИСЬМЕ

17 января 1937 г.

Тов. Сталин.

Письмо Ваше я получил и благодарю за Ваше доверие.

Что касается моего письма Бухарину, то оно относится действительно к тому времени, когда я был не всегда и не во всем чист, то есть когда я принадлежал к Бухаринской группе. Теперь мне совестно вспоминать об этом.

Письмо это относится к лету 1928 г., к июлю месяцу, после того, как я выступал фактически как представитель Бухаринской группы на июльском пленуме ЦК. Письмо это свидетельствует и о том, что я тогда был связан групповой дисциплиной.

Но уже в то время назревало мое расхождение с Бухариным: 1) по вопросу о коллективизации; 2) по вопросу о самокритике. По всем этим вопросам я уже после 15-го съезда занимал в этой группе особую позицию и считал линию партии правильной.

Когда же Бухарин выступил и против индустриализации, то я понял, что мне с ними не по дороге. В октябре 1928 г. я пришел к т. Серго и ему заявил, что разрываю с группой Бухарина. То же я сказал и Сергею Мироновичу. Т. к.

Бухарин со мной уже не хотел встречаться, то я передал ему то же через Слепкова, заявив, что я с ними буду бороться.

Дальнейшее Вам известно, и могу Вас заверить, что с той поры никаких отношений с ними у меня не было, и я их рассматривал, как врагов.

Все же, так как письмо Бухарину носит отнюдь не личный, а политический характер и касается Вас, я прошу его просмотреть[1].

С ком. прив.

А. СТЕЦКИЙ

17/I-37 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 803. Л. 77. Машинописный текст. Пометка рукой неизвестного: «Письмо тов. Стецкого» и дата 13.4.

[1] Рукописный подлинник письма Стецкого Бухарину (1928) (там же, л. 80—83 об.).

№ 330
КАУФМАН — АНДРЕЕВУ О КНИГЕ «РАССКАЗЫ О т. СТАЛИНЕ»

16 февраля 1937 г.

Андрей Андреевич!

Книга «Рассказы о т. Сталине» должна дать детям правильное представление о жизни и деятельности товарища Сталина, однако содержание далеко не соответствует этой задаче. Книга открывается лозунгом «Спасибо товарищу Сталину за счастливое и радостное детство», а в тексте нет ни одной статьи, характеризующей заботу, мероприятия партии и лично т. Сталина о детях и молодежи. Совершенно не освещены вопросы совместной работы с т. Лениным, то положение, что на всем протяжении своей борьбы т. Сталин являлся ближайшим и вернейшим соратником, учеником т. Ленина.

Революционная деятельность тов. Сталина до Октябрьской революции освещена в 4—5 статьях, которые говорят об отдельных этапах борьбы до 1905 г., причем совершенно недостаточно разъяснена роль тов. Сталина в борьбе с меньшевиками, в создании большевистских организаций Закавказья. Вся огромная работа по борьбе с оппортунистами, врагами партии выпала из книги.

Мне кажется, абсолютно необходимым, особенно для молодого читателя, наиболее полно подчеркнуть огромное интернациональное значение борьбы нашей партии, роль т. Сталина в правильном разрешении национального вопроса, а в книге об этом ни слова.

Послеоктябрьский период дан в двух разделах «Красный фельдмаршал» и «Хозяйственный стратег», но эти разделы также очень недостаточно разъясняют роль т. Сталина в деле индустриализации страны, победах на фронтах гражданской войны и в укреплении обороноспособности СССР.

Наконец, совершенно обойден вопрос принятия Сталинской конституции как важнейшего итога нашей борьбы.

Таким образом, книга представляет собою неудачный подбор отдельных статей, не связанных между собою, которые не могут оставить яркое, цельное впечатление у читателя.

О жизни и деятельности т. Сталина есть много хороших стихотворений поэтов национальных республик, сказки народов, а дано только одно стихотворение Сулеймана Стальского.

Неправильные места в отдельных статьях мною подчеркнуты и сделаны примечания.

КАУФМАН

16.II-37 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 298. Л. 49—50. Машинописный текст. Подпись — автограф.

№ 331

ПАНФЕРОВ — СТАЛИНУ О ЗАДЕРЖКЕ ИЗДАНИЯ РОМАНА «БРУСКИ»

10 апреля 1937 г.

Тов. Сталин!

Стало очень тяжело. Вот и пишу Вам.

В течение 6—7 месяцев 4-ю кн. «Брусков» рвет главлит. Все хотят подогнать под штампы, под «главлитскую» ясность. В большинстве всем этим руководствуется боязнь «как бы чего не вышло».

Ну, казалось, все прошло. Сегодня получил весть: «Главлит задержал 3-й номер «Октября», где напечатали конец «Брусков». Причина: не показана роль политотделов, преувеличен голод, извращена роль партии.

Дикие обвинения.

Помогите мне, пожалуйста. Сил уж больше нет.

Крепко жму руку

Ф. ПАНФЕРОВ

10 апр. 1937 г.

Посылаю № 2—3 журнала, где целиком опубликованы Бруски. ФП.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 14. Рукописный подлинник на обороте бланка журнала «Октябрь». Адрес: М. Никольская, д. 12, 4 эт. Комната 41. Литературный, художественный и общественно-политический журнал. Пометка «22.8».

№ 332

ДОЛЕЦКИЙ — СТАЛИНУ ОБ АНТИСОВЕТСКОМ СООБЩЕНИИ АГЕНТСТВА РЕЙТЕР

20 апреля 1937 г.

Секретно
Тов. Сталину

ТАССом получена сегодня от Агентства Рейтер следующая телеграмма: «Берлинские сообщения говорят о раскрытии заговора на убийство Сталина с помощью бомбы, положенной под правительственной ложей в Малом театре. Просим кратко телеграфировать факты».

Прошу дать указание, как ответить Рейтеру. Так как прилагаемое сообщение распространялось Берлинской радиостанцией, то ответ целесообразно передать во все другие страны[1].

Приложение. Сообщение Берлинской радиостанции.

Ответственный руководитель ТАСС Я. ДОЛЕЦКИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1542. Л. 13. Машинописный подлинник на бланке ТАСС. Резолюция Сталина: «Нужно опровергнуть как смехотворное измышление. Ст.» — автограф. Пометка рукой Поскребышева: «Сообщено т. Долецкому». Пометка рукой неизвестного: «В «Правде» не было».

[1] ТАСС из Берлина передало: «Берлин. 20/4 ТАСС. Берлинская радиостанция распространяет следующее сообщение из Москвы: «Арест директора Малого театра Лядова по обвинению в троцкистской деятельности вызвал беспокойные слухи. Настойчиво утверждают, что под полом правительственной ложи в Малом театре — часто занимаемой народными комиссарами, а иногда даже Сталиным — был обнаружен ряд адских машин, которые должны были взорваться при первой благоприятной возможности. Немедленно после обнаружения этого Лядов был арестован по обвинению в организации покушения на Сталина» (там же, л. 14).

№ 333
АРКАДЬЕВ — МОЛОТОВУ И СТАЛИНУ О ПРЕДСТОЯЩИХ ГАСТРОЛЯХ МХАТа НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ В ПАРИЖЕ

26 апреля 1937 г.

Секретно

Дорогой Вячеслав Михайлович.

Вопрос о репертуаре Московского Художественного театра во время парижских гастролей — большой политический вопрос.

Поэтому во всех разговорах со мной и Владимиром Ивановичем Немирович-Данченко Вы несколько раз возвращались к нему.

Очевидно, что при определении репертуара необходимо учитывать не только художественную ценность того или иного спектакля, но и целый ряд не менее важных других моментов.

В этом письме я считаю необходимым изложить соображения, по которым я выдвигаю на Ваше утверждение тот или иной спектакль в репертуар гастролей МХАТа.

Мне кажется, что в последнее время очень мало говорят среди работников искусства, может быть, и мало думают о национальной форме социалистического искусства.

И уж совсем не говорят о русской национальной форме искусства. А между тем форма эта существует и не «преодолена», несмотря на формалистические ухищрения многих эстетов театрального и прочих видов искусства.

В этом смысле значение постановки «Анны Карениной», о чем почему-то никто не говорит, заключается в том, что это подлинно русское искусство.

Любые нации могут создать еще более совершенный, значительный спектакль, чем «Анна Каренина», но Художественный театр создал образец рус-

ского национального по форме спектакля, раскрыв в нем подлинного Толстого средствами и методами современного советского художника, и «Анна Каренина», мне кажется, должна быть включена в состав репертуара как образец русского театрального искусства.

По этим же соображениям буду просить утвердить в составе репертуара и «Бориса Годунова» – Пушкина.

Я считаю, что в этой трагедии мы сумеем показать народ достойным своего замечательного сегодня. Мы не будем показывать народ как стадо баранов, которым командуют различные проходимцы, мы не будем раболепно восхвалять пышность и «культуру» польских панов. Это неверно с исторической точки зрения. Подобная точка зрения могла существовать только в прошлом и являлась результатом презрения к своему народу.

В какой степени удастся нам показать это в спектакле – судить будете Вы. Но я прошу не решать этого вопроса отрицательно, не посмотрев спектакля. Для меня этот вопрос очень важен еще и потому, что, если в театре узнают, что постановка не намечается в Париж, темпы работы спадут и восторжествуют некоторые существующие сейчас тенденции о выпуске спектакля в начале будущего сезона.

Немаловажным является также вопрос о показе лучших мастеров театра.

Мне кажется, будет глубоко неправильным, если мы покажем только молодых актеров и не покажем стариков. Это может, кроме всего прочего, вызвать ненужные кривотолки. Поэтому важно при утверждении репертуара иметь в виду, кого из актеров мы показываем в данном спектакле.

Если в «Анне Карениной» мы обеспечиваем блестящий показ Хмелева и Тарасовой, а в «Любови Яровой» – Еланской, Ливанова и Добронравова, – то для стариков в этих пьесах нет места (кроме незначительной и не совсем удачной работы Москвина). В текущем репертуаре Качалов создал замечательные образы в «Воскресении» и «Врагах». Но ни та, ни другая пьесы не дойдут до Парижского зрителя.

Поэтому Качалова мы сможем показать только в «Борисе Годунове», где им уже сейчас, можно сказать, создан замечательный образ Бориса.

В роли Бориса мы можем показать также талантливого молодого актера Болдумана.

Включением в репертуар «Бориса Годунова» разрешается вопрос и о Леонидове, который не занят вовсе в текущем репертуаре театра и который играет в «Борисе Годунове» Пимена.

Хотя Москвин и Тарханов заняты в «Борисе Годунове» (первый играет Варлаама, второй – Шуйского), но обе роли не могут раскрыть в полной мере огромное комедийное мастерство этих актеров. Есть только одна пьеса, в которой это мастерство раскрыто в полной мере, – это комедия Островского «Горячее сердце».

При значительном сокращении пьесы для Парижа, а это абсолютно необходимо по всем пьесам, большинство скабрезных мест будет снято, останется самое главное, наиболее существенное и интересное. Поэтому я считаю, что в репертуар следует включить и «Горячее сердце» Островского.

Остальной репертуар я считал бы неподходящим для Парижа. Я могу его перечислить: «Воскресение», «Гроза», «Царь Федор» (два раза был уже в загра-

ничной поездке), «Мертвые души», «Вишневый сад», «Платон Кречет», «Пиквикский клуб», «На дне», «У врат царства», «Синяя птица».

Что касается «Дней Турбиных», то меня смущает вопрос не о том, можно ли показывать в таком виде белогвардейцев. Если мы 10 лет играли в таком виде «Турбиных», — то, видимо, можно.

Меня смущает, дойдут ли до иностранного зрителя очень тонкие нюансы в подаче и показе образов в «Днях Турбиных», и не воспримет ли он их в превратном смысле.

Как ни старался постановщик быть «объективным» в показе белогвардейцев, на нем, а главное в данном случае на актерах, сказалось влияние нашей эпохи, нашей идеологии. Поэтому спектакль вопреки замыслу постановщика получился тенденциозным в глубоком значении этого слова.

Так он и воспринимается советским зрителем. Но дойдет ли эта тонкость и ажурность работы и самая тема спектакля до иностранного зрителя — не знаю.

С коммунистическим приветом

М. АРКАДЬЕВ

26/4

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 950. Л. 33—35 с оборотами. Машинописный подлинник на бланках директора театра. Подпись — автограф.

Там же. Л. 36—38. Идентичная копия письма Сталину.

На экземпляре Сталина, который начинается словами «Дорогой тов. Сталин», имеется резолюция-автограф: «Молотову. Как быть. Ст.». Ей дана нумерация по регистрационному альбому резолюций: «№1284/ 27.4-37 г.» (там же, л. 36). В тексте письма синим карандашом пронумерованы четыре спектакля: «Анна Каренина», «Борис Годунов», «Любовь Яровая» и «Горячее сердце». Резолюция Молотова — автограф: «т.т. Керженцеву, Аркадьеву и Межлауку И. И. Утвердить к постановке МХАТом в Париже во время Всемирной выставки следующие пьесы: 1. «Любовь Яровая». 2. «Анна Каренина». 3. «Враги». В. Мол.» (там же, л. 38 об.).

№ 334
БОНЧ-БРУЕВИЧ — ЕЖОВУ ПО ПОВОДУ ПОЕЗДКИ ЗА ГРАНИЦУ В. В. ЧЕРТКОВА

14 мая 1937 г.

Дорогой Николай Иванович!

Ко мне поступило заявление сотрудника нашего Государственного Литературного Музея — Владимира Владимировича ЧЕРТКОВА, сына недавно умершего известного друга Л. Н. ТОЛСТОГО — В. Г. ЧЕРТКОВА.

Владимира Владимировича ЧЕРТКОВА я знаю с 8-летнего возраста. Сейчас ему 44 года. Знаю я его с самой лучшей стороны как честного человека и человека слова. По убеждениям он, конечно, воспитан отцом в духе Толстого, но за годы революции и за время работы в наших советских учреждениях он очень сильно перестроился, и можно сказать, из него выработался хороший, вполне сознательный советский служащий и советский гражданин.

Его отец – В. Г. ЧЕРТКОВ завещал ему все свои архивы, состоящие из рукописей, писем и пр. материалов. Огромную часть этих материалов он уже передал к нам в Государственный Литературный Музей, среди которых имеются письма Льва Николаевича Толстого, И. Е. Репина, Гаршина, Лескова, Гончарова, Эртеля и многих, многих других, так как покойный его отец весь был посвящен в литературные дела и литературную работу и у него скопилась колоссальная, крайне интересная переписка.

Мне очень хорошо известно, что заграницей, в Лондоне, где у покойного В. Г. ЧЕРТКОВА был очень маленький участок земли, на котором стоял тот дом, в котором он жил во время эмиграции после высылки его из Петербурга Николаем II, а также там им был построен маленький домик из асбеста, в котором сохранялись все его колоссальные архивы. Большую часть, можно сказать огромную часть этих архивов он безвозмездно передал нашему государству, в этой передаче было несколько тысяч листов рукописей Л. Н. Толстого, его переписка, но часть этих архивов осталась еще в Англии, которую он просто не успел описать и сюда нам переслать. Кроме того, под Парижем у Черткова живут две его двоюродные сестры ПАШКОВЫ, которые были высланы из России еще при Александре III вместе с их знаменитым братом, который был настолько оппозиционен, хотя и находился в чине полковника, что также был выслан Александром III на вечные времена из России. Брат их умер в 1902 году, а эти две младшие его сестры, которым сейчас каждой под 80 лет, так и остались жить под Парижем. Они имеют у себя весьма интересный архив. И вот Владимир Владимирович ЧЕРТКОВ и просится, чтобы его пустили заграницу вместе с его женой для того, чтобы он мог все эти архивы разобрать и привезти сюда к нам в СССР. Он просит, чтобы ему разрешили выехать на четыре месяца.

Я поддерживаю просьбу В. В. Черткова и прошу, если представится законная возможность и со стороны НКВД не будет никаких препятствий, разрешить ему этот выезд, так как дело, за которым он поедет, действительно очень важное в деле собирания архивов и материалов, связанных с именем Л. Н. Толстого и нашей литературой вообще.

Прилагаю при сем подлинное письмо В. В. ЧЕРТКОВА, обращенное на мое имя.

Адрес Владимира Владимировича ЧЕРТКОВА: Москва, 57, поселок «Сокол», ул. Левитана, д. 18/6, тел. Всесвятское (Д) 3-05-60 дом. 1-06, куда и надо сообщить Ваш ответ.

С коммунистическим приветом

Директор Гослитмузея Влад. БОНЧ-БРУЕВИЧ

п/оперуполн. С-та НКВД (*подпись неразборчива*).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1150. Л. 92—93. Машинописная копия.

20 мая 1937 г. народный комиссар внутренних дел и генеральный комиссар государственной безопасности Николай Ежов переслал копию записки Молотову (№ 57388 Ежов — Молотову). Резолюция Молотова («Не возражаю») была поддержана Сталиным, Кагановичем и Ворошиловым. Имеется протокольная отметка о голосовании

Калинина, Чубаря и Микояна. Ежов не вник в суть ходатайства и поддержал идею поездки заграницу «В. Г. Черткова (друга Л. Н. Толстого)», исправление рукой неизвестного: «сына В. Г. Черткова (друга Л. Н. Толстого)». Решение Политбюро п. 352 от 26 мая: «О поездке заграницу В. В. Черткова. Не возражать против поездки в Англию и Францию В. В. Черткову с женой сроком на 4 месяца для разбора и перевозки архива В. Г. Черткова». Выписки: Молотову, Ежову, Потемкину, Андрееву, Гринько.

Письмо В. В. Черткова — Бонч-Бруевичу:

«Копия.
В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ
директору Вл. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧУ

Прошу Вас получить для меня и моей жены (М. П. ЧЕРТКОВОЙ) разрешение на поездку в Англию для разбора в Англии части архива моего покойного отца В. Г. ЧЕРТКОВА и перевозки его в Москву.

Архив моего отца находится на хранении у одного частного лица и требует сортировки и приведения в порядок, раньше чем отправлять его в СССР, что займет около 3 м[есяцев]. Кроме того, мы хотели бы посетить во Франции старушек ПАШКОВЫХ, двоюродных сестер моего отца, с которыми он был очень близок и много переписывался до последних дней его жизни. У этих старушек также имеется большое количество писем отца, которые я надеюсь получить для доставления в Москву.

На всю поездку, включая и мой отпуск, мне необходимо около 4-х месяцев.

Выехать мы хотели бы в июне месяце, так чтобы вернуться в СССР к 20-й годовщине Октября.

Ввиду того, что на получение Английской визы уйдет более месяца времени, нам необходимо получить советские иностранные паспорта как можно скорей.

Жену я беру с собой потому, что она может помочь мне в работе в Англии, а также в приготовлении мне вегетарианской пищи. Кроме того, у нее после продолжительной болезни моего отца и его смерти, которого она очень любила, сильно расшатались нервы, и перемена обстановки укрепит ее здоровье, не говоря уже о том, что очень не хочется, чтобы я уезжал один так далеко в настоящее неопределенное время, которое существует в Западной Европе.

Ст. научный сотрудник Гослитмузея

Там же. Л. 94. Машинописная копия.

№ 335
ШАЛВА ДАДИАНИ — ПОСКРЕБЫШЕВУ

17 мая 1937 г.

Т. Поскребышеву

Уважаемый товарищ! Мною написана пьеса к 20-летию октября и сдана в комитет Искусства. Она одобрена ЦК Грузии. Лаврентий Павлович мне объявил, что в связи с этой пьесой меня примет Иосиф Виссарионович. Прошу об этом доложить вождю и о результатах сообщить мне в Метрополь № 566.

С товарищеским приветом

драматург, народный артист Респ. Грузии
ШАЛВА НИКОЛАЕВИЧ ДАДИАНИ

17.5.37

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 727. Л. 88. Рукописный подлинник.

№ 336
КОЛЬЦОВ — СТАЛИНУ О СОБЫТИЯХ В ИСПАНИИ И О ПОДГОТОВКЕ К АНТИФАШИСТСКОМУ КОНГРЕССУ

23 мая 1937 г.

Из Парижа № 9902 пол. 23.5. 7-30 1937 г. Экз. № 3

Сталину. 1) Говорил с дель Вайо, который едет в Женеву. Дель Вайо, вопреки Кабальеро, полностью поддерживает правительство Негрина и готов в любой момент в него войти. Он говорит, что болезнь помешала Кабальеро выступить против коммунистов со специальным заранее подготовленным документом, в котором он обвиняет компартию в подготовленном перевороте и военной диктатуре во главе с коммунистом генералом Хиака. Дель Вайо отговаривал его от такого пагубного выступления. Он считает, что единственным способом изолировать и обезвредить Кабальеро — это добиться вхождения в правительство двух-трех человек из руководства всеобщего рабочего союза, например, Томаса, Претеля и дель Вайо. Он считает, что Томас и Претель дадут себя уговорить. Новому правительству, по словам дель Вайо, вредит внутри страны кампания за перемирие, начавшаяся за границей. Кабальеро и анархисты используют ее как доказательство примиренческой тенденции Прието и Негрина.

2. Есть немало желающих поехать на конгресс писателей в Испанию, но мы отбираем твердых антифашистов. Жид не поедет, его отговорил Мальро, который встречается и, по-видимому, потихоньку дружит с Жидом (сейчас Мальро в Испании). Эренбург просил меня освободить его от работы по подготовке к конгрессу, ссылаясь на усталость и порчу своих отношений с французами. В чисто личном порядке он мне сказал, что по-прежнему не верит в возможность при нынешнем положении в Испании провести там конгресс, а кроме того, он после истории с Жидом боится второй раз влипнуть. В этих условиях, без Мальро и Эренбурга, руководство подготовкой конгресса из Парижа взяли на себя Арагон и Блок, которые надеются справиться с этим делом. Фейхтвангер несколькими телеграммами потребовал встречи со мной. Я остановлюсь у него по пути в Испанию». 22 мая 37 г. Кольцов (522) № 1167/шш.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 214. Л. 67—68. Входящая шифротелеграмма СШО НКИД.

№ 337
ИЗ ПИСЬМА НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО — МОЛОТОВУ ОБ ОТДЫХЕ И ЛЕЧЕНИИ

30 мая 1937 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Михайлович!

Мне передали, что Вы распорядились заменить мой обычный заграничный отдых и лечение пребыванием на одном из наших курортов.

Разрешите Вам сказать, что для меня это равносильно просто отказу и в лечении, и в настоящем отдыхе...

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1151. Л. 85. Машинописный подлинник на бланке директора МХАТа.

3 июня 1937 г. оформлено следующее постановление Политбюро: «Разрешить Немировичу-Данченко поездку за границу для лечения». «За. Молотов». Проголосовали: Сталин, Чубарь, Каганович и Ворошилов. Выписки: Молотову, Ежову, Потемкину, Андрееву, Гринько. Инициалы БД (Бориса Двинского).

В прошлом Политбюро неоднократно разбирало аналогичные вопросы, связанные с отдыхом и лечением Немировича-Данченко. Например, 26 мая 1933 г. состоялось постановление Политбюро: «Выдать Немировичу-Данченко 1500 долларов при условии обязательного и немедленного возвращения в Москву». Выписки: Бубнову, Ворошилову (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 146).

10 июня 1937 г. Политбюро примет очередное постановление «О лечении работников искусств». В архивном деле сохранилась пометка о том, что материала к постановлению нет. Инициирующими записками, скорее всего, были письма Аркадьева и Немировича-Данченко. Решено направить на лечение за границу: Немировича-Данченко с женой — Франция на два месяца, с выдачей 2.000 долларов (Молотов вычеркнул этот пункт с пометкой: «принято уже»), Москвина и Тарасову в Чехословакию — по семьсот долларов на полтора месяца, Рейзена в Чехословакию — семьсот долларов на полтора месяца и Корчагину-Александровскую в Финляндию на один месяц с пятьюстами долларами. «п. 2. Поручить тов. Каминскому направить в лучшие санатории Союза, независимо от их ведомственной принадлежности, согласно медицинских показаний, следующих лиц»: Пазовского и Держинскую из Большого театра, Гаука — главного дирижера Государственного симфонического оркестра, Садовского из Малого театра (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1152. Л. 56). В этом решении прослеживается наличие двух категорий номенклатурной ценности деятелей искусства в сталинской России: достойных лечения за границей с выдачей валюты и рекомендуемых для отдыха и лечения в «лучших санаториях Союза».

№ 338
КОЛЬЦОВ — СТАВСКОМУ О ХОДЕ ПОДГОТОВКИ МЕЖДУНАРОДНОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОНГРЕССА В ИСПАНИИ

1 июня 1937 г.

Байонна — Тулуза 1.VI.1937 года

Дорогой Владимир!

Спектакль состоится, очевидно, в начале июля[1]. Масса трудностей — и с отдельными участниками, и с гостеприимными хозяевами, и с организаторами. Мальро разъезжает из страны в страну, но по другим делам. Илья Григорьевич, вначале отдыхавший на курорте, прибыв в Париж, просил меня освободить его от работы по подготовке спектакля, — как в Париже, ибо у него портятся отношения с франц. писателями, так и в Валенсии, т. к. у него испортились отношения с испанскими, особенно с Марией Тересой и Альб[ерти] (Марии Тересе, оспаривая ее слишком восторженные оценки Москвы, он сказал: «Ну, теперь в Москве так настроены, что если из Испании приедет даже корова, то ее примут за быка и будут чествовать». Конечно, женщина смертельно обиделась. Об этом случае рассказал мне он сам, объясняя, что эти слова у него вырвались случайно...). Подлинная причина самоустранения И[льи] Г[ригорьевича] — 1) его неверие во все предприятие, 2) боязнь ответственности, особенно после истории с Жидом, 3) недовольство тем, что наши разногласия и конфликты, например, с тем же Жидом, портят его связи и «положение» в Париже, т. е. возможность дружить с французами и издаваться у них.

При этом положении вся тяжесть подготовки легла на Арагона и Блока. Люди они, несомненно, хорошие и честные, но им очень трудно в такой обстановке. Я специально задержался в Париже, чтобы с ними поработать. И отсюда говорю с ними по телефону.

У Фейхт[вангера] я был. Он и Генрих Манн обещают быть, если спектакль будет в июле.

Если не будет новых задержек, то вам выезжать надо будет около 22 июня. (Точно я укажу в телеграмме.) Вероятно, около десяти дней вы будете осматривать выставку, затем будет спектакль[2].

Нужно приготовить речи, примерно распределив их так: соц[иалистический] реализм – Фадеев, пролет[арский] гуманизм и демократия – Ставский, Вишневский, проблемы лит[ературного] творчества – Толстой, Шолохов, нация и культура – Микитенко, писатели, дети и молодежь – Барто. (Мне намечена тема – роль писателя и общество.) М[ожет] б[ыть], Вишневский возьмет тему об индивидуальности? Если не он, то Толстой. Это наметки и пожелания последнего заседания ген[ерального] секретариата. Каждая речь – не больше (лучше меньше) 15 минут! Это строгое правило, особенно для тех, кто будет говорить по-русски, ибо перевод удваивает время. Кельин должен приготовить речь на чисто испанскую тему (желательно, историко-литературного порядка о каком нибудь исп[анском] классике, но не Сервантесе, о котором будут говорить все). Кроме того, надо быть готовыми к маленьким агит[ационным] выступлениям по 5 минут и к полемическим, в случае появления где-нибудь врагов народа.

Вот пока все. Не нервничайте, если от меня не будет некоторое время сообщений. Все указания телеграфно, телефонно и я сам появятся вовремя.

Обнимаю тебя, дорогой Владимир, привет всем, твой и ваш

МИХАИЛ

Речи должны быть непременно заранее написаны. Крайне желателен также готовый перевод на франц. язык, в 2–3 экземплярах. Учтите опыт первого конгресса, не делайте сухих, на газетном языке, выступлений. Учтите, аудитория – Испания! Меньше схемы, больше мыслей, образности.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1153. Л. 30—31. Машинописная копия.

[1] 21 марта 1937 г. Политбюро приняло постановление «О международном антифашистском Конгрессе писателей», заголовок которого написан Сталиным. В постановлении три пункта: «1. Согласиться с предложением испанских антифашистских писателей о созыве в Испании международного антифашистского конгресса в текущем 1937 году. 2. Для организации и созыва конгресса создать организационную комиссию по созыву антифашистского конгресса, состоящую из строго проверенных антифашистских писателей. 3. Предусмотреть введение в состав организационной комиссии от СССР т. т. Кольцова, Эренбурга, Алексея Толстого, и Вишневского» Выписки посланы советским куратором очередного пропагандистского мероприятия всеевропейского масштаба: Андрееву, Ставскому и Талю (зачеркнута фамилия Стецкого) (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1141. Л. 74–75).

[2] 19 апреля Политбюро в очередном решении о международном антифашистском конгрессе писателей в Испании предусмотрело: «Членам делегации выехать по вызову т. Кольцова, в зависимости от точного начала конгресса». В деле отметка о записке Кольцова, Ставского и Таля. Результатов голосования нет (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1146. Л. 34). В письме идет речь о Всемирной выставке в Париже.

17 апреля Политбюро согласилось ассигновать на расходы делегации советских писателей астрономическую по довоенным временам сумму 15 тысяч долларов, по тысяче на каждого члена делегации (включая проезд). Кроме того, выделена щедрая субсидия на проведение мероприятия: «Отпустить в качестве помощи от СССР Международной ассоциации на проведение конгресса и проезд иностранных делегатов — 20.000 долларов». Выписки Андрееву, Кольцову М., Ставскому, Талю, Гринько, Кругликову, Арбузову (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 27).

№ 339
СТАВСКИЙ — СТАЛИНУ, КАГАНОВИЧУ, АНДРЕЕВУ, ЕЖОВУ ОБ АНТИФАШИСТСКОМ КОНГРЕССЕ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

10 июня 1937 г.

Секретно
В ЦК ВКП(б) — тов. Сталину И. В.
Тов. Кагановичу Л. М.
Тов. Андрееву А. А.
Тов. Ежову Н. И.

Сообщаю, что из Парижа в Союз Советских Писателей поступила телеграмма от литераторов Мальро, Шамсона, Блока и Арагона.

Товарищи сообщают, что окончательно установлен срок международного антифашистского конгресса писателей в Испании 2-го июля 1937.

Товарищи считают, что не позднее 30 июня советская делегация должна быть в Париже с тем, чтобы дальше ехать вместе, коллективом.

Сегодня мною получено письмо от тов. Михаила Кольцова из Байонна — Тулузы, датированное 1 июня сего года.

Из этого письма, прилагаемого при этом, вытекает, что

1) срок созыва конгресса — начало июля — подтверждается,

2) на Илью Эренбурга надежда плохая,

3) конгресс готов более или менее, в частности — Фейхтвангер и Генрих Манн участвовать будут — о других участниках тов. Кольцов не сообщает,

4) срок выезда советской делегации тов. М. Кольцов считает около 22 июня;

5) выступления советских делегатов должны быть заранее написанными, тщательно и глубоко продуманными. Соображения т. Кольцова о распределении тем надо принять за основу.

В связи с этим считаю крайне целесообразным:

Выезд части советской делегации (Вишневский, Толстой, Ставский) не позднее 20 июня с. г. с тем, чтобы в Париже провести ряд встреч и бесед с литераторами-антифашистами — участниками конгресса, а также проверить всю подготовку к конгрессу.

Остальная часть советской делегации должна выехать не позднее 25 июня с тем, чтобы побывать на Парижской Выставке.

Сообщаю, что подготовка к выступлениям советских делегатов ведется и они будут подготовлены вовремя, к отъезду. Прошу указаний.

С ком[мунистическим] приветом

ВЛ[АДИМИР] СТАВСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1553. Л. 28—29. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 340
ХАВИНСОН — СТАЛИНУ О КАДРАХ ИНОСТРАННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ ТАСС

19 июня 1937 г.

Тов. СТАЛИНУ
Копии: т. т. МОЛОТОВУ, КАГАНОВИЧУ,
АНДРЕЕВУ, ЖДАНОВУ, ЕЖОВУ

В результате деятельности Долецкого корреспондентская сеть ТАСС за границей находится в исключительно тяжелом положении. Из общего количества работающих в заграничной сети ТАСС 57 человек (включая и технических сотрудников) — 26 подданных иностранных государств.

Конкретно по странам состояние корреспондентской сети выглядит следующим образом:

1) ГЕРМАНИЯ. Заведующий Берлинским отделением Ситковский отстранен от работы по политическим мотивам.

Помощник заведующего отделением Карнит Арнольд Карлович, член ВКП(б), подлежит вызову для серьезной проверки.

Секретарь отделения Шульц — немецкая гражданка, не внушает доверия и должна быть освобождена. Отделение работает крайне плохо.

2) ФРАНЦИЯ. Нет заведующего отделением.

Работающий заместителем заведующего Пальгунов не справляется с работой и должен быть вызван в Союз для партийной проверки.

Референтом отделения работает Луи Газо — член компартии Франции с 1920 г. — нуждается в серьезной проверке.

Секретарем отделения работает Лютерман, немецкая эмигрантка, в настоящее время гражданка Франции. Политически совершенно неблагонадежный элемент. Муж ее, живший в СССР, арестован. Надо срочно заменить.

Работа Парижского отделения абсолютно неудовлетворительна. Отделение не справляется с самыми элементарными заданиями.

3) БРЮССЕЛЬ. В качестве субкорреспондента работает Пулэ Жуль Анри — беспартийный, бельгийский гражданин. Человек безусловно не наш. Должен быть срочно заменен.

4) ЛОНДОН. Нет заведующего отделением.

В отделении работают три английских гражданина: Тейлор Фрейдерик — беспартийный, нуждается в серьезной проверке; Бери — член английской компартии, поставил вопрос об уходе и должен быть отпущен; Филипс Гайдиндин — член английской компартии с 1935 г. Должен быть серьезно проверен.

Отделение работает неудовлетворительно.

5) СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ. В отделении нет ни одного советского гражданина. Заведующий отделением Дюрант Кеннэт работает в ТАСС с 1925 года.

Сотрудники отделения: Фримен, Вейсманс Беси, Мартинес Луи — члены американской компартии, Гарис Джеси — член американского комсомола.

Субкорреспондентом в Вашингтоне работает Тодд — американский гражданин, бывший социалист с 1904 г. по 1921 г.

Фактически аппарат ТАСС не знает этих людей (надо отметить, что отделение располагает большими средствами). За 1936 год отделение израсходовало

50.000 золотых рублей, причем фактически никакого контроля со стороны ТАСС за работой отделения, за расходованием средств нет.

6) ТОКИО. Заведующий отделения является тов. Наги — член ВКП(б) с 1920 г. Наги сам родом из Венгрии. Бывший военнопленный. В Японии работает 6 лет. Есть заявления о том, что Наги скрывает свою принадлежность к троцкистской оппозиции в 1923 г. Надо заменить.

Второй работник Японского отделения — Кудрявцев. Работник несамостоятельный. В настоящее время проводится проверка его.

7) РИМ. Работает корреспондентом Чарный — член ВКП(б) с 1920 г. В связи с имеющимися заявлениями Чарный нуждается в весьма серьезной проверке. Брат Чарного арестован, работает Чарный вяло и в работе допускает серьезные ошибки.

8) ВЕНА. Заведующего отделением нет. В отделении работают два брата Катц — австрийские граждане, члены австрийской компартии. Нуждаются в серьезной проверке.

9) СТОКГОЛЬМ. Работает шведский гражданин Бекстрем Кнут. Необходимо заменить.

10) ГЕЛЬСИНГФОРС (*современное написание*: Хельсинки). В настоящее время корреспондента нет.

11) ШАНХАЙ. Заведующий отделением Сотов А. И. — член ВКП(б). Принимал участие в 1923 г. в троцкистской оппозиции. Необходима срочная замена.

12) БЕЙПИН (*современное написание*: Пекин). Корреспондентом работает Аболтин В.Я. — член ВКП(б) с 1917 г. В 1923 г. примыкал к троцкистской оппозиции. Работает плохо. Необходима немедленная замена.

13) ВАЛЕНСИЯ. Корреспондента нет. До самого последнего времени корреспондентом в Валенсии была Мирова, жена арестованного врага народа Абрамова.

14) СТАМБУЛ. Корреспондентом работает Стоклицкий. Имеется заявление о его связи с расстрелянным шпионом Эйдеманом. Требуется серьезная проверка.

15) ПРАГА. Заведует отделением т. Шембер — член ВКП(б) с 1919 г. Проходит в настоящее время проверку. Помощником его является член ВКП(б) т. Монин — недавно послан на эту работу. (Необходимо отметить, что с 1928 г. до конца 1936 г. в отделении ТАСС в Праге работал Прохаско — быв. член компартии Чехословакии с 1924 г. Как оказалось, Прохаско был видным троцкистом, брат Прохаско, живший в СССР, оказался шпионом.)

В этом же отделении в качестве секретаря работала с 1932 г. по конец 1936 г. некая Куглер Анна Оттовна. Оказалось, что она — немецкая шпионка; отец ее был до революции немецким консулом в Одессе; 2 брата ее — начальники штурмовых фашистских отрядов в Германии; мать — активный член гейнлейновской фашистской партии. Сама Куглер пролезла в ряды чехословацкой компартии, пробралась в аппарат ЦК на техническую работу, была выброшена оттуда как троцкистский элемент.

16) РУМЫНИЯ. Работает т. Бодров, член ВКП(б). Находится в настоящее время в Москве, проходит проверку.

17) РИГА. Работает т. Винтин, член ВКП(б), нуждается в проверке.

18) В Таллине, Каунасе, Афинах и Кабуле работают по совместительству работники полпредств.

19) АМСТЕРДАМ. Корреспондентом работает Ван Мюнстер – член голландский компартии, совершенно непроверенный человек.

Таково состояние корреспондентской сети ТАСС за границей. Необходимо одновременно подчеркнуть, что состояние аппарата ТАСС (по линии международной информации) в Москве крайне неблагополучно. Долгое время в редакции иностранной информации орудовали ныне разоблаченный и исключенный из партии Изаксон, враг народа Гутнер. В ближайшие дни придется освободить от работы в редакции ряд людей, не заслуживающих доверия.

Основная группа редакторов малоквалифицированна и не обеспечивает необходимого качества работы.

Особо остро стоит вопрос с руководством редакции, передающей информацию за границу. Заведующий редакцией Чернов. В настоящее время проводится проверка его. Он был связан с троцкистами (Гутнер, Изаксон, Закс-Гладнев). Жена его арестована и сослана органами НКВД за антисоветскую деятельность. Необходимо освободить от работы в ТАСС.

Заместитель заведующего редакцией Шадито – быв. бундовец и анархист, исключался из партии за отрыв от партийной жизни, политического доверия не внушает.

Инструктором работает Давидович, член ВКП(б). Долгое время был на заграничной секретной работе. Имеются сведения о том, что Давидович был тесно связан с контрреволюционером Артузовым. Необходимо освободить от работы.

Как видно из приведенной справки, необходимо срочно и самым серьезным образом заняться кадрами иностранной информации ТАСС, подобрать проверенных и квалифицированных людей, добиться того, чтобы, как правило, в отделениях ТАСС за границей работали советские граждане. Учитывая остроту и важность вопроса, ТАСС в двухдекадный срок подобрать кадры для сети и центрального аппарата ТАСС.

Я. ХАВИНСОН,
Заместитель ответственного руководителя ТАСС

Отп. 7 экз.
1-т. Сталину, 1-т. Молотову, 1-т. Андрееву, 1-т. Жданову. 1-т. Ежову, 1-в дело. СЧ.

РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 89. Л. 8—10 с оборотами. Машинописный подлинник на бланке ТАСС. Резолюция Молотова: «Просьбу т. Хавинсона поддерживаю. В. Молотов». Подпись Хавинсона и резолюция Молотова — автографы.

[ЗАПИСКА]

Тов. Хавинсон сообщает, что заграничные корреспондентские кадры ТАСС не внушают доверия, и просит тов. Маленкова совместно с Отделом Печати и ТАСС в двухдекадный срок подобрать кадры для сети центрального аппарата[1].

Тов. Молотов просьбу Хавинсона поддерживает.

Там же. Л. 7. Машинописный текст без подписи. Резолюция Сталина: «Тов. Маленкову. Как быть? И. Ст.». Проставлен регистрационный номер в альбоме резолюций Сталина: «1299/26 VI-37 г.».

[1] Чистка и репрессии по отношению к корпусу советских корреспондентов за рубежом оказались тотальными и не ограничились кадрами ТАСС. Пострадали корреспонденты советских газет, работники иностранных отделов органов печати. Например, согласно сводкам партийной полиции, был снят с работы Илья Михайлович Черняк, работавший заведующим отделением ТАСС в Австрии с января 1934 г., партстаж с 1918 г., служащий, образование — высшее. В мае 1937 г. освобожден от работы «за выписывание за границей контрреволюционной троцкистской литературы (бюллетень оппозиции) и скрытие этого от партийной организации — объявлен строгий выговор с предупреждением. Считать нецелесообразным использование т. Черняк И. М. на работе заграницей» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 48. Л. 88). В «Кратких биографиях на работников культурного аппарата, снятых с работы и исключенных из партии по данным на 1 февраля 1937 г.» приводятся данные о том, что в процессе проверки документов как контрреволюционные троцкисты в 1936 г. были арестованы Владимир Георгиевич Ромм — корреспондент «Известий» в Америке с июня 1934 г. (член партии с 1918 г.); Дмитрий Павлович Бухарцев — корреспондент той же газеты в Германии с мая 1934 г. (партстаж с 1920 г.), Владимир Аронович Лосьев (Ровер) — заведующий ино профсоюзной газеты «Труд» с июня 1935 г. (член партии с 1921 г.), в 1913—1920 гг. жил в Чикаго и состоял в Союзе индустриальных рабочих мира, в 1934 г. распространял ложные слухи о «т. Левине», а «в декабре 1935 г. при проверке партдокументов исключен из партии за неясность пребывания заграницей в прошлом с 1919—20 г.» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 49. Л. 22—23). Пострадали: Танхум Пинхусович Танин-Каплан — заведующий ино газеты «За индустриализацию» (был членом Американской социалистической партии, в мае 1936 г. арестован), Наум Израилевич Гайснер — заведующий ино «Крестьянской газеты» (якобы за то, что «в Румынии арестовывался и выдавал коммунистов», в марте 1936 г. исключен и арестован), Иосиф Моисеевич Людин — заведующий ино «Гудок» («за неясность пребывания на подпольной работе за границей») и т. д. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 49. Л. 30). Расистско-антисемитская направленность кадровой политики сталинских сатрапов в данном случае не может вызывать сомнений. Новые кадры ТАСС на десятилетия вперед определят номенклатурное лицо главного телеграфного и информационного агентства страны. В сентябре 1938 г. Иван Филиппович Юдин и Георгий Александрович Баранов назначены работниками отделения ТАСС в Германии. «В Берлине совсем отсутствует руководство отделением ТАСС. Работавший ранее заведующим этого отделения Ситковский разоблачен как враг народа». Юдин — студент ИФЛИ, по совместительству работает в журнале «Партийное строительство» и в качестве заведующего календарной редакцией — в Соцэгизе (в дни и ночи чистки приходилось лихорадочно перелицовывать памятные даты дней рождения и исключать рисунки с образами «врагов народа» на отрывных календарях, которые висели в каждой комнате советской страны). Заместителем руководителя отделения ТАСС в Берлине посылался Баранов — организатор радиовещания при редакции заводской газеты на ЗИСе. Он «активно изучает немецкий язык: сам переводит стихи Гейне на русский язык» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 882. Л. 254—257).

№ 341
ШИФРОВКА СТОЛЯРА — СТАЛИНУ О ЗАМЕТКЕ В ГАЗЕТЕ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» (СВЕРДЛОВСК)

12 июля 1937 г.

Москва ЦК ВКП(б) тов. Сталину

Сообщаю, что сведения об аресте Долецкого и Сольца автором заметки, помещенной в «Уральском рабочем» от 3-го июля, получены от инструктора ТАСС Бочкова, который, проводя по поручению ЦентрТАССа областное совещание корреспондентов, широко информировал о Долецком и Сольце на

этом совещании. Временно исполняющему обязанности редактора газеты, зав. Отделом Пропаганды обкома ВКП(б) Локоткову указано на допущенную ошибку и приняты меры к предотвращению повторения подобных ошибок. Политическое лицо автора заметки Волкова дополнительно выясняем.

СТОЛЯР

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 65 Л. 47. Машинописный подлинник на бланке шифротелеграммы. Пометка рукой Сталина: «Арх. Ст.».

№ 342

МЕХЛИС – СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, ЕЖОВУ О БАСНЕ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО «БОРИСЬ ИЛИ УМИРАЙ»

19 июля 1937 г.

Товарищам СТАЛИНУ
МОЛОТОВУ
ЕЖОВУ

Сегодня в редакцию «Правды» явился Демьян Бедный и принес мне поэму под названием «Борись или умирай». Под заголовком поэмы подпись: «Конрад Роткемпфер. Перевод с немецкого». В конце – перевел Демьян Бедный. В этой поэме ряд мест производит странное впечатление (эти места в прилагаемом экземпляре обведены красным карандашом). Особенно странными кажутся строки: «фашистский рай. Какая тема! Я прохожу среди фашистского эдема, где радость, солнце и цветы...», а также строки: «Кому же верить? Словечко брякнешь невпопад, тебе на хвост насыплют соли». И совсем странны строки заключительной части: «Родина моя, ты у распутья, Твое величие превращено в лоскутья».

Когда я указал Демьяну Бедному на эти и некоторые другие места поэмы – он охотно согласился их вычеркнуть. Он предлагал даже напечатать ее без его подписи – просто как перевод с немецкого. К концу разговора выяснилось, что никакой поэмы Конрада Роткемпфера не существует и самое имя этого якобы автора выдумано. Поэма написана Демьяном Бедным. Как он объяснил, – это своеобразный литературный прием.

Экземпляр этой поэмы прилагаю. Прошу указания.

Л. МЕХЛИС

ЛР/ 4 экз.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 112. Машинописный подлинник на бланке редакции. Подпись — автограф. Пометка рукой Сталина: «В архив. Ст.». Заключительный абзац отчеркнут на полях.

№ 343

СТАЛИН – МЕХЛИСУ О БАСНЕ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО «БОРИСЬ ИЛИ УМИРАЙ»

20 июля 1937 г.

Тов. Мехлис!

На Ваш запрос о басне Демьяна «Борись или умирай» отвечаю письмом на имя Демьяна, которое можете ему зачитать.

Новоявленному Данте, т. е. Конраду, то бишь... Демьяну Бедному.

Басня или поэма «Борись или умирай», по-моему, художественно-посредственная штука. Как критика фашизма, она бледна и неоригинальна. Как критика советского строя (не шутите!), она глупа, хотя и прозрачна.

Так как у нас (у советских людей) литературного хлама и так не мало, то едва ли стоит умножать залежи такого рода литературы еще одной басней, так сказать...

Я, конечно, понимаю, что я обязан извиниться пред Демьяном-Данте за вынужденную откровенность.

С почтением

И. СТАЛИН

20-7-37 г.

РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 130. Л. 100. Машинописная копия.

№ 344
МЕХЛИС — СТАЛИНУ О ПОСЕЩЕНИИ ДЕМЬЯНОМ БЕДНЫМ РЕДАКЦИИ «ПРАВДЫ»

21 июля 1937 г.

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

В ночь на 21 июля в редакцию был приглашен Демьян Бедный в связи с его «поэмой» — «Борись или умирай». Я выполнил поручение ЦК и прочитал ему Ваше письмо.

Прикидываясь дурачком, Демьян говорил:

— Я либо сумасшедший, либо кляча. Стар, не понимаю.

Он всячески пытался представить, что речь в «поэме» идет о конине, хлебе и т. п. вещах, но отнюдь не о чем-либо другом.

— Придется, — говорил он, поехать в деревню, поливать капусту, — выражая этим мысль, что писать ему нельзя.

Демьяна, видимо, кто-то серьезно опутал.

Л. МЕХЛИС

ОШ/2 экз.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 133. Машинописный подлинник на бланке редакции. Подпись и дата — автографы. Заключительный абзац отчеркнут на полях.

Приложение

БОРИСЬ ИЛЬ УМИРАЙ

Конрад Роткемпфер

*Перевод с немецкого**

Как новый Данте, я иду фашистским адом.
Фашисты сбилися с копыт,
Ища меня, фашистский следопыт
Не вторгнется ко мне внезапно на дом:
Я стал кочующим номадом.
Вчерашний мой ночлег сегодня мной забыт.

* Приводится начальная часть и фрагмент заключительной.

Меня зовут Роткемпфером Конрадом
Вразлад с фамилией моею родовой.
Поэт подпольно-боевой,
Я говорю простым, народным, честным складом.
Отмечу в первый же момент,
Что эта речь моя без выпертов и петель,
Что у меня на все иль есть живой свидетель,
Иль самый точный документ.

Я говорю: фашистский ад. Одначе,
Фашистами зовется он иначе.
Они кричат, родной позоря край:
Фашистский рай!
Фашистский рай. Какая тема!
Я прохожу среди фашистского эдема,
Где радость, солнце и цветы.
Где над просторами цветущей ржи, пшеницы,
Перекликаются вечерние зарницы,
Где благоденствуют и люди, и скоты,
И птицы.
Чем не эдем?
Настало житие божественно-благое.
Газеты пишут так. Меж тем,
В народной глубине — там слышится другое...

А речи тайные подслушать у народа —
Все получается как раз наоборот:
Фашистский, дескать, ад пора давно похерить!
Кому же верить?
Словечко вякнешь невпопад,
Тебе на хвост насыплют соли.
Фашистский рай — народный ад?
Так, что ли?..

...Родина моя, ты у распутья.
Твое величие превращено в лоскутья.
Ты перестала быть культурною страной.
Ты вновь стоишь перед войной,
Перед войной фашистски-дикой,
Фашизмом вызванной — к твоей беде великой.
Тебе грозит беда, кровавая беда.
Тебе подносятся смертельные подарки
Ефрейтором австрийской марки:
С культурой мировой звериная вражда,
Война, разгром, позор, бескрайная нужда!
Война сметет твои леса, сады и парки,
Заводы, фабрики, деревни, города, —
Война снесет твои торжественные арки,
Все, чем ты славилась и чем была горда,
Всё, до последнего плода
Культурно-творческой науки
И гениального труда,
Всё, всё, что сделали искуснейшие руки, —

Война твоих детей всех обречет на муки
И превратит тебя в опустошенный край,
Наследство страшное твои получат внуки.
Свобода иль фашизм! Борись иль — умирай!
Сама свой жребий выбирай,
И, выбирая, знай: твой выбор — твой экзамен!
Провалишься — конец. Позорнейший конец!
Так говорит тебе антифашист-боец,
Твой верный сын и твой певец,
Рабочий, коммунист, Конрад Роткемпфер. Амен!

Перевел Демьян Бедный

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 113—121. Машинописный подлинник из редакции «Правды».

Мехлисом сделаны пометки и отчеркивания в поэтическом тексте. Подчеркнуто название, выделен фрагмент «Фашистский рай. Какая тема!» и почти весь заключительный фрагмент, где особенно «прозрачны» аллюзии, т. е. «критика советского строя». Такой редакторский метод прочтения: внимание к заголовку и заключительным аккордам (выводам, итогам) отличал читательские принципы и навыки Сталина при редактировании статей, чтении писем, книг и т. д. Мехлис, проработавший многие годы рядом со Сталиным, знал эти особенности вождя. Басню первоначально правил Лев Мехлис (там же, л. 122—128). Он дал ей название «Фашистский ад», но потом вернулся к первоначальному заголовку. Концовка в первоначальном варианте, на котором сохранился автограф Бедного (примечания), был купирован, но Сталину, похоже, был послан полный вариант.

№ 345
ВЫШИНСКИЙ — СТАЛИНУ И МОЛОТОВУ О ДЕЛЕ ПИСАТЕЛЯ ШУХОВА

3—5 сентября 1937 г.

Секретно
ЦК ВКП(б) — товарищу СТАЛИНУ
СНК СССР — товарищу МОЛОТОВУ

В начале августа с. г. в г. Москве состоялся суд над писателем Иваном ШУХОВЫМ.

Он обвинялся в бытовом разложении, преступном издевательстве над своей женой, третировании и избиении ее по всякому пустяковому поводу и понуждении ее к производству аборта. Кроме того, он обвинялся в хранении огнестрельного оружия без соответствующего разрешения[1].

Московский городской суд признал ШУХОВА виновным во всех этих преступлениях.

Учитывая его чистосердечное признание, искреннее раскаяние и обещание загладить свою вину творческой работой, суд не счел нужным лишать его свободы, а приговорил ШУХОВА к двухгодичному лишению свободы условно.

Верховный суд РСФСР по инициативе тов. Крыленко отменил этот приговор за мягкостью и передал дело на новое рассмотрение в Московский областной суд.

Я считаю нецелесообразной вторичную постановку этого процесса.

Суд над ШУХОВЫМ продолжался 4 дня, процесс широко освещался в печати, и к нему было привлечено внимание общественности. ШУХОВ полностью осознал свою вину. В настоящее время он работает над окончанием книги о гражданской войне и разгроме колчаковщины.

Вряд ли есть какая-либо необходимость заключать ШУХОВА в тюрьму, что должно будет неизбежно последовать после вторичного рассмотрения дела.

Определение Верховного Суда РСФСР об отмене приговора считаю необходимым опротестовать и вновь дела в суде не рассматривать.

Эту мою точку зрения разделяет зав. Отделом печати ЦК ВКП(б) тов. ТАЛЬ.

Прошу Ваших указаний[2].

А. ВЫШИНСКИЙ

3 сентября 1937 г.

№ 317/лс
3/9. ЕЧ. 3 экз.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1163. Л. 121—122. Прот. № 51, п. 912. Машинописный подлинник. Подпись Вышинского и резолюции — автографы.

Протокольная отметка о голосовании Чубаря, Микояна и Калинина.

[1] Пророческим для самого писателя стало начало его романа «Ненависть»: «Два года назад женился кооперативный продавец Аристарх Бутяшкин. <...> На свадьбе загнали двух окатовских жеребцов, и жених, доселе скромный и крайне застенчивый юноша, отсек лопатой правое ухо дружке» (Шухов И. Ненависть. М.: Федерация, 1932. С. 7).

[2] 5 сентября Политбюро приняло постановление под заголовком «Дело Шухова»: «Принять предложение т. Вышинского о нецелесообразности вторичной постановки процесса по делу писателя Шухова». Выписки посланы Вышинскому, Булату, Мехлису, Крыленко (там же, л. 121). Резолюция Сталина — на копии письма Вышинского: «За предлож[ение] т. Вышинского. Ст.». Затем проголосовали Ворошилов и Каганович. Резолюция Молотова: «Согласен с тов. Вышинским. В. Молотов» (там же, л. 122). Вслед за Молотовым проголосовали Андреев и Жданов. То, о чем предупреждал Горький в статье 1934 г. «Литературные забавы», свершилось. Бытовое хулиганство писателей — большевистских выдвиженцев — стало принимать формы уголовных преступлений. Сначала — в случае с Павлом Васильевым, теперь — с Шуховым, через год — с Демьяном Бедным. Но бытовые преступления, вульгарная уголовщина, скандалы, дебоши, семейный беспредел, избиение жен не представляли угроз и вызовов для сталинского режима.

№ 346
НИКИТИН — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПУБЛИКАЦИИ ОТЗЫВА СТАЛИНА НА СТИХОТВОРЕНИЕ ГОРЬКОГО «ДЕВУШКА И СМЕРТЬ»

1 октября 1937 г.

Товарищ Сталин!

1) Мы предполагаем выпустить страницу, посвященную открытию музея А. М. Горького.

Хотелось бы напечатать сказку Горького «Девушка и смерть», с Вашим отзывом, который Вы дали 11 октября 1931 г. Вот текст отзыва:

«Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете (Любовь побеждает смерть). 11/X-31 г. И. Сталин».

Подлинник Вашего отзыва хранится в музее Горького.

Просим разрешения.

2) Исполняется пятнадцатая годовщина изгнания японских интервентов с Дальнего Востока.

Предлагаем отметить эту годовщину.

Посылаем документ, который просим разрешить опубликовать.

Ответственный редактор «Комсомольской правды» НИКИТИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 720. Л. 122. Машинописный подлинник на бланке редакции «Комсомольской правды». Пункт второй письма зачеркнут. Пометка рукой Поскребышева: «Т. Никитину. Можно напечатать отзыв».

№ 347
МЕХЛИС — СТАЛИНУ И МОЛОТОВУ О СТИХОТВОРЕНИИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО «НЕУМИРАЮЩИЙ ПОДВИГ» (ПАМЯТИ КИРОВА)

20 октября 1937 г.

20 октября 1937 г.
№ 1076/сс
ЦК ВКП(б) — товарищу Сталину
Совнарком Союза ССР — товарищу Молотову

Демьян Бедный прислал в «Правду» стихотворение, копию которого Вам посылаю. Странное впечатление производит в стихотворении «увязка» выборов в Верховный Совет с образом покойного С. М. Кирова. Совершенно непонятен заголовок. Стихотворению, в котором идет речь о злодейском убийстве С. М. Кирова, почему-то дан заголовок, «Неумирающий подвиг».

Думаю, что печатать в «Правде» это стихотворение не следует.

Л. МЕХЛИС

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 984. Л. 50. Машинописный подлинник на бланке редакции «Правды». Подпись — автограф.

№ 348
МЕХЛИС — СЕКРЕТАРЯМ ЦК «О РУССКИХ ГАЗЕТАХ НА УКРАИНЕ»

30 октября 1937 г.

Секретарям ЦК ВКП(б) —
т.т. Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Ежову

О РУССКИХ ГАЗЕТАХ НА УКРАИНЕ

Ни в одной союзной и автономной республике русская печать не находится в таком захудалом состоянии, как на Украине. В республиканских центрах всех союзных республик, столицах автономных республик, наряду с национальными газетами, выходят руководящие газеты на русском языке. Тбилиси, Баку, Алма-Ата имеют даже по две-три газеты на русском языке. В Тбилиси, например, газета «Заря Востока», выходящая на русском языке, является

органом ЦК КП(б) Грузии. В Баку выходит на русском языке газета «Бакинский рабочий». В Алма-Ата – русская газета «Казахстанская правда». В Ташкенте – «Правда Востока». Эти русские газеты являются очень влиятельными в местных организациях.

Ничего подобного нет на Украине. Там буржуазные националисты по сути дела ликвидировали русские газеты, несмотря на то, что русского населения на Украине немало. Да и украинское население охотно читает русские газеты.

В Киеве выходит 11 республиканских и областных газет. Основные газеты – «Коммунист» (орган ЦК КП(б)У), «Вісти» (орган ВУЦИК), комсомольская, пионерская, областная «Пролетарская правда» и даже киевская вечерняя газета – выходят на украинском языке. Кроме того, в Киеве издаются газеты на немецком, польском, еврейском, болгарском языках. Нет только ни одной газеты на русском языке, если не считать русского издания армейской газеты «Червона армия».

Спрашивается: неужели Украина нуждается больше в немецкой газете, чем в русской? Действительно ли польский и болгарский языки распространены на Украине больше, чем русский. Отсутствие в Киеве руководящей русской газеты свидетельствует о политической близорукости ЦК КП(б)У.

Ни в одной из 12 областей УССР, кроме Донбасса, не выходит ни одна областная газета на русском языке. В частности, такой крупнейший город, как Одесса, не имеет русской газеты. Не приходится доказывать, что огромнейшая часть населения Одессы говорит на русском языке.

В Донбассе издается на русском языке областная газета «Социалистический Донбасс». Все остальные газеты Донбасса выходят преимущественно смешанными – часть материала на русском языке, другая на украинском. Эти газеты какие-то ублюдочные.

Мы просим ЦК ВКП(б) рассмотреть этот вопрос и принять вносимый нами проект постановления[1].

Зав. Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. МЕХЛИС

30/Х-37 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 829. Л. 135—136. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] Соответствующее решение было принято Оргбюро 17 декабря 1937 г. (там же, л. 133).

№ 349

ПАНФЕРОВ – СТАЛИНУ О СВОЕЙ БОРЬБЕ С «ВРАГАМИ НАРОДА»

4 ноября 1937 г.

Копия

Товарищ С т а л и н!

Поверьте мне, что, если бы у меня хоть чуточку была закапана совесть, я не послал бы Вам это письмо. Дело в том, что сегодня в «Правде» опубликована заметка «Политическое недомыслие или...», в которой вся моя политическая работа, а стало быть, и творческая, ставится под большое сомнение.

Да. Я совершил грубейшую ошибку, что не дал в № 11 журн[ала] «Октябрь» статью о выборах. Да. Мы вообще не печатали в журнале статей общего характера о Конституции. Напечатав Ваш доклад о Конституции, я решил общих статей не печатать, а давать такие статьи, которые иллюстрировали бы Конституцию: о семье, о равноправии, о рабочем классе, о крестьянстве, о труде и так далее, то есть такие статьи, которые служили бы материалом — темой для творчества писателей. Кое-что в этом смысле удалось сделать (статьи Константинова, Перцова), но больше не пишут, людей никак не раскачаешь. Возможно, что я тут ошибаюсь. Но ведь эта ошибка (если ошибка) вытекает вовсе не из моего злостного намерения и во всяком случае не из того, что «журнал «Октябрь», отгороженный от окружающего мира, как бы нарочито проходит мимо кипучей политической жизни страны» («Правда» от 4 ноября). Это неверно, и вообще: кроме критических статей, в журнале были опубликованы и статьи о врагах партии: статья Вышинского и других. Мало статей? Ну, хорошо, я согласен, что статей общего характера мало. Но разве в этом суть работы нашего журнала? Разве это не самое простое дело — заполнить журнал статьями на политические темы общего характера? Разве наша главная задача заключается не в том, чтобы все боевые политические вопросы страны подать не в публицистической форме, а в форме художественной? И разве тут наш журнал можно упрекнуть? Разве не мы выдвинули ряд молодых писателей, в том числе и такого писателя, как Первенцев, роман которого «Кочубей» так тепло расхвалили на страницах «Правды»?

Второе обвинение — нет в № 11 журнала материалов о выборах. Во-первых, журнал уже был сдан в печать, а постановление о дне выборов вышло через несколько дней. Нам же Отделом печати было предложено юбилейный номер журнала выпустить перед праздником. Сдача всякого дополнительного материала непременно задержала бы наш журнал. Во-вторых, не только наш журнал, но и «Литкритик», «Литучеба», «Красная новь», да и многие другие журналы выходили без материалов о выборах, ибо все они находятся в тех же типографских условиях, что и наш журнал. Мы же разработали план № 12 журнала, намереваясь в этом номере дать обильный материал о выборах и опять-таки не статьи общего характера, которые в нашем журнале никто не читает, а художественные портреты людей, которых народ выдвигает в Верховный Совет.

Я вот хожу из угла в угол... и ничего не понимаю.

Да. Я совершил одну крупную политическую ошибку. В прошлом году ко мне под Киев (я там писал 4 кн[игу] «Бруски») приехал Разин и рассказал, что по настоянию секретаря Курского обкома Иванова его — Разина исключили из партии как троцкиста. Я знал Иванова как самодура, как человека весьма недалекого и нечестного. Знал я и Разина и по его литературной борьбе, и по его работе в политотделе совхоза. Мне он представлялся человеком партийным. Я тогда Вам об этом написал письмо. А через некоторое время получил письмо от товарища Ежова, в котором он писал, что «по поручению товарища Сталина дело Разина разобрано, он в партии восстановлен, однако ему указано на его грубую политическую ошибку, которая заключается в том, что он, Разин, принял на работу троцкиста Гельфандта». (Письмо печатаю по памяти.) Мог ли я в этом деле не доверять тов. Ежову, человеку, который гораздо больше меня понимает в политических делах! Но ведь по отношению к Ива-

нову я оказался прав: Иванов ныне разоблачен как враг народа. Этим я ничуть не хочу снять с себя вину за Разина. Хотя, когда я столкнулся с ним на совместной работе, я вдруг увидел, что он какой-то комбинатор, мелкий политикан, чем-то напоминающий мне Авербаха... и дело дошло до того, что я в резкой форме предложил ему оставить работу в журнале. Работал он у нас всего пять-шесть месяцев. И, очевидно, если бы даже его на арестовали, мы изгнали бы его из редакции. Так зачем же писать, что «в редакции журнала ПОД КРЫЛЫШКОМ Панферова долгое время подвизался в качестве зам. редактора враг И. Разин». Разве никому не известно, что Панферов в течение ряда лет боролся с врагами народа Авербахом, Макарьевым, Мазниным, Киршоном, Субоцким и прочей сволочью. Разве меня не пробовали мирить с Авербахом всеми и всяческими способами? Но ведь из этого ничего не вышло, потому, что я знал, видел, что это враги. А тут Разин меня обманул.

Вторая моя ошибка заключается в том, что я не только был знаком с Варейкисом, но и посвятил ему третью книгу «Бруски»[1]. Мне казалось, что Варейкис – преданный партии человек: Варейкис никогда при мне ничего антипартийного не говорил, про Вас рассказывал всегда только самое хорошее. Бухарина ненавидел, как ненавидел и Троцкого. Однако меня всегда удивляло, почему Варейкис – человек умный – окружал себя таким барахлом, как Швер, Алексеев, Косиванов, Иванов, Малинов, Ушеренко и т. д. Люди эти весьма мелкие, пошловатые, блудливые, то есть совсем не коммунисты. И я не раз говорил об этом Варейкису. А он отмалчивался. Мои наблюдения над окружением Варейкиса описаны в 4 кн. «Бруски». (Пикник. Стефа – доподлинная жена Ушеренко.) Я жил тогда в Репном, в доме отдыха, работал над третьей книгой. В конце концов, мое мнение об окружении Варейкиса стало всем известно, и все эти Шверы, Малиновы ополчились против меня. Мне тогда казалось, что они возненавидели меня за то, что я их не люблю. Но теперь стало ясно, что они меня просто выживали, как человека им непригодного. Вот почему я не поехал к Варейкису в Сталинград, куда он меня приглашал. Я тогда уехал под Киев.

Третья моя ошибка – я первую книгу «Бруски» в 1926 году посвятил Яковлеву. Да, тогда он мне очень во многом помог. Но потом я отошел от него. Я разошелся с ними не по вопросам политики, а по вопросам агрономии. Я ему говорил, что теория Тулайкова (особо мелкая пахота) вредна, что по этой теории в былые времена кулаки пахали землю безлошадникам, что надо разработать и проводить в жизнь теорию академика Вильямса. Я сам несколько раз был у Вильямса и всякий раз советовал ему послать письмо Вам. В третьей книге я вывел Вильямса, его теорию, его сторонников, а под фамилией Борисова – организатора кулацкого восстания профессора Тулайкова. А ведь это было годов пять-шесть тому назад, когда Вильямса многие агрономы не признавали, травили. Да я и Яковлева вывел в 4-й книге. Вагон Жаркова, Жарков, его рассуждения. Это мои наблюдения за Яковлевым во время поездки с ним на Хопер в 1932 году. Так что мое знакомство с Яковлевым или Варейкисом ничуть не влияло на мои убеждения, и как художник я инстинктивно чувствовал дырявость этих людей.

Да, тем, что я посвятил первую книгу Яковлеву – я совершил ошибку. Я совершил ошибку и в том, что во время не разгадал Варейкиса. Но, товарищ Сталин, вы же человек умный и понимаете, что из тысячи знакомых (а у меня их

тысячи) могут налететь такие враги, которых скоро и не раскусишь. А иногда просто думаешь, что это все человеческие слабости. Вот, например, Варейкис человек очень самолюбивый, страшно любит похвалу. И я думал, ну что ж — слаб человек. А слабость-то эта его, очевидно, и довела до большого падения.

Товарищ Сталин! В борьбе с Авербахом и со всей дрянью, которая его окружала, я боролся, вдохновленный Вашим вниманием и вашим отзывом о моей творческой работе. Я, борясь с Авербахом, а он ведь меня колотил вон он какими руками — руками А.М. Горького, я всегда думал: как ни тяжело, как ни трудно с ним бороться, я все-таки буду драться с ним, ибо я знаю, в трудную минуту меня поддержит Сталин. Сейчас у меня весьма трудная минута, весьма тяжелая минута. После заметки в «Правде» от меня все отвернулись, даже мои ближайшие друзья, с которыми я работаю уже не первый год. Сегодня со мной уже никто не говорит. Сегодня мне уже срочно предложили расторгнуть договор с «Детфильмом» на сценарий. Я жду — Накоряков приостановит выпуск четвертой книги, Детгиз законсервирует выпуск «Брусков», переработанных мною для детей старшего возраста[2]. Завтра мне нельзя будет никуда из дома выглянуть, тем более поехать куда-либо в колхоз, на стройку: на меня всюду будут коситься, осматривать меня, не доверять мне. Да иначе, после такой заметки, и нельзя относиться к человеку. Ведь читатели «Правды» уже сказали: «А Панферов оказался врагом народа». Иначе как же толковать эту фразу: «Политическое недомыслие или...» Тем более, «у Панферова под крылышком долгое время орудовал враг народа Разин».

Не понимаю, кому все это надо и зачем все это? Разве т. Мехлис не мог вызвать меня и сказать: «Панферов, у тебя в журнале кое-что неладное». Тем более, что арест Разина я ему сам рассказал месяца два тому назад. Однако тогда Мехлис послал меня от редакции в Горький...

Вчера, наконец, я добился телефонного разговора с тов. Мехлисом. Он мне сказал — работай, исправляй ошибки. Но как работать. Да ко мне сейчас ни один писатель не пойдет.

Тяжело все это. Да и не к чему. И без этого нервы так растрепались, что иногда забываешь, как звать самого себя.

Сердечный Вам привет

4 ноября 1937 г. *ПАНФЕРОВ*

Тел.1-17-54

Верно: (*подпись*).

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 15—20. Машинописная копия. На л. 15 пометка рукой неизвестного: «От т. Панферова».

Приложение

«Правда» № 305 от 4.XI.37 г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НЕДОМЫСЛИЕ ИЛИ..?

Есть в Москве толстый ежемесячный журнал «Октябрь», выходящий под редакцией Ф. Панферова. Несмотря на солидный объем журнала, в нем нельзя найти за весь 1937 год ни одной статьи о Сталинской Конституции, ни одной строчки, посвященной выборам в Верховный Совет.

Журнал «Октябрь», отгороженный от окружающего мира, как бы нарочито проходит мимо кипучей политической жизни Советской страны. Журнал «Ок-

тябрь» торжественно именуется литературно-художественным и общественно-политическим. Между тем его «общественно-политическая» деятельность сводится к размазыванию по страницам мелких литературных дрязг.

В редакции журнала под крылышком Панферова долгое время подвизался в качестве зам. редактора враг И. Разин. Понятна поэтому была позиция журнала. Но вот уже несколько номеров выходят под личным руководством Панферова. Однако никаких перемен нет. Даже ноябрьский номер журнала редакция его собиралась выпустить, игнорируя избирательную кампанию.

Что это – политическое недомыслие или..?

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 21.

[1] Закат Варейкиса в роковом 1937 г. можно документировать по его инициирующим обращениям в Политбюро и лично к Сталину. 3 июня 1937 г. шифровка Варейкиса Сталину в духе погромной псевдодемократии образца тотальной чистки: «Сообщаю, что на краевой партконференции при обсуждении кандидатур в состав крайкома 428 голосами отведен Крутов. За оставление в списке голосовали лишь 21 делегат. Считаю, что отвод сделали правильно». Резолюция Сталина относительно бывшего председателя ДВКрайкома Крутова: «Членам ПБ. Ст. Крутова надо арестовать. И. Ст.». Из постановления Политбюро: Крутова вывести из состава членов ЦРК, из партии и передать его дело в Наркомвнудел (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1151. Л. 101–102). 24 августа 1937 г. Варейкис посылает Сталину новую шифровку о преступлениях уполномоченного Комитета заготовок СНК по ДВК Гологудина и управляющего Заготзерном Суровикина: «Допустили большие безобразия и преступления в хранении зерна и порче муки. Они неспособны провести в жизнь указание ЦК и СНК от 11 августа». «За. И. Сталин». Решение 26 августа. «За» — подразумевается арест (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1162. Л. 62).

[2] Четвертая книга «Брусков» («Творчество») была подписана к печати 11 октября 1937 г. в Государственном издательстве художественной литературы. Указанный тираж — 75 тыс. экземпляров. В конце романа стоят даты: 1926—1935 гг. и цепочка географических мест: «Вольск — Москва — Репное — Киев — Москва».

№ 350
КОЛЬЦОВ – СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ ВКЛЮЧИТЬ ЕГО КАНДИДАТУРУ В СПИСКИ ДЕПУТАТОВ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

6 ноября 1937 г.

Дорогой товарищ Сталин!

Пишу Вам издалека, из Мадрида. Позволяю себе обратиться к Вам с просьбой – напомните товарищам и о моей кандидатуре на выборах. Без этого, по-видимому, о ней не вспомнят. А мне казалось бы, что имеет смысл, было бы справедливым после 17 лет активной, на виду у масс, всегда честной работы в большевистской печати, в «Правде» – включить и меня, выдвинуть и мою кандидатуру в коллективный высший орган советской демократии[1].

Обратиться так откровенно за Вашей помощью позволяет мне вовсе не самонадеянность, а только сознание моей глубокой преданности Центральному Комитету, сознание, что я смогу быть как-то полезен партии своей активной общественной и литературно-публицистической работой и сознание, что Вы всегда поддерживаете преданных партии и народу честных работников[2].

Поздравляю Вас, дорогой товарищ Сталин, с двадцатилетием, с плодами Ваших трудов, Вашей мужественной борьбы.

Преданный Вам

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Мадрид, 6 ноября 1937 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 754. Л. 82. Рукописный подлинник. Пометка рукой неизвестного: «пр».

[1] В партийных документах времен большого террора упоминалось о том, что Михаил Кольцов в 1917 г. состоял в партии межрайонцев. Также отмечалось решение Партийной коллегии (ПК) ЦКК: «3 октября 1929 г. парткоплегия ЦКК ВКП(б) постановила: а) признать недопустимым поведение представителей советской печати в лице тов. Кольцова, участвовавших в свидании с руководителями итальянской авиации, имея в виду, что это участие никакими обстоятельствами не вызывалось. б) объявить т. Кольцову строгий выговор с предупреждением за недопустимое поведение во время посадки на аэродроме и запретить выезд заграницу в течение двух лет». 20 августа 1930 г. ПК ЦКК постановил изъять из личного дела выписки из этого постановления (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 46. Л. 52).

[2] Находившийся в «творческой» командировке в Испании Кольцов в 1937 г. не будет выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Однако в 1938 г. его изберут депутатом Верховного Совета Российской Федерации. Биограф Кольцова Глеб Скороходов писал: «Академия Наук делает его своим членом-корреспондентом. Оклеветанный ненавистниками, Кольцов был арестован 12 декабря 1938 года» (Скороходов Г. Михаил Кольцов: Критико-биографический очерк. М.: Советский писатель, 1959. С. 233). Брат журналиста, художник-карикатурист Борис Ефимов, передает в своих воспоминаниях слова Кольцова, сказанные летом 1938 г.: «Только что в редакцию позвонил Маленков и сообщил, что я выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. От города Пензы. Завтра выезжаю на встречу с избирателями» (Михаил Кольцов. Каким он был: Сб. воспоминаний. 2-е изд. М.: Советский писатель, 1989. С. 114).

№ 351
ШАБЛОВСКИЙ И ЮКОВ — КАГАНОВИЧУ И ЕЖОВУ О ПЬЕСЕ ПОГОДИНА «ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ»

15 ноября 1937 г.

Секретарю ЦК ВКП (б) тов. Кагановичу Л. М.
тов. Ежову Н. И.

О ПОКАЗЕ ОБРАЗОВ В. И. ЛЕНИНА И И. В. СТАЛИНА В ПЬЕСЕ «ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ»

13 ноября с. г. в театре им. Вахтангова состоялась премьера пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем». В этой пьесе впервые делается попытка показать на сцене роль В. И. Ленина как вождя и организатора Великой Октябрьской Социалистической революции. Роль В. И. Ленина исполняет народный артист Союза ССР Б. В. Щукин.

Одновременно в спектакле был показан образ И. В. Сталина в исполнении народного артиста СССР Р. Н. Симонова.

Образ В. И. Ленина в исполнении Б. В. Щукина, несмотря на тщательную работу актера и всего коллектива театра, художественно получился еще не достаточно убедительным.

Нужно отметить, что на генеральной репетиции, имевшей место 3-го ноября с. г., актер Б. В. Щукин исполнял образ В. И. Ленина крайне неудовлетворительно. Автор перенес из кино способ и манеру держаться «углом». Эта угловатость была необходима для кино, где это обуславливается ракурсом съемки с одной зрительной точки съемочного аппарата. На экране такая угловатость придает образу портретное сходство с Лениным. Иначе нужно держаться актеру на сцене, где его фигура видна с разных зрительных точек. Здесь необходима такая подача образа В. И. Ленина, чтобы художественная правдивость этого образа сохранялась на сцене для зрителя с различных мест зрительного зала. За две недели работы, после съемок в кино, актеру Б. В. Щукину удалось в значительной мере отойти от приемов, примененных им в кино и неприменимых на сцене.

Однако образ В. И. Ленина в исполнении Б. В. Щукина на сцене театра имеет еще ряд существенных недостатков: излишняя суетливость актера в жесте и в походке; местами неестественная натянутость и позирование. Особо обращает внимание манера Б. В. Щукина набрасывать голову назад, что придает образу В. И. Ленина несвойственное ему выражение высокомерия.

При устранении отмеченной неровности и шероховатостей в актерской игре образ В. И. Ленина в исполнении актера Б. В. Щукина получит наиболее близкое к действительности правдивое выражение.

Другое положение мы имеем с игрой актера Р. Н. Симонова.

Всесоюзный Комитет по делам искусств в лице т. Керженцева П. М. решил ввести в пьесу образ И. В. Сталина за три дня до премьеры. При приемке постановки Отделом культпросветработы ЦК ВКП(б) совместно с тов. Керженцевым 3-го ноября с. г. вопрос о показе образа И. В. Сталина не стоял. Естественно, что за такой короткий срок актер не успел тщательно продумать и глубоко прочувствовать великий образ.

В результате недопустимой спешки актер вышел на сцену неподготовленным, топтался на месте, держался неуверенно.

Тов. Керженцев П. М. отнесся к показу образа И. В. Сталина крайне легкомысленно. Вместо того, чтобы предварительно получить принципиальное согласие тов. Сталина И. В. на показ его образа на сцене, проверить исполнение роли с руководящими товарищами в закрытом спектакле и только после этого решать вопрос о допустимости игры актера Р. Н. Симонова, т. Керженцев произвольно включил в пьесу образ И. В. Сталина и разрешил выход актеру с недоработанным образом в открытом спектакле.

Такие действия т. Керженцева, будучи недопустимыми для театров столицы, кроме того, открывают путь произволу в показе и трактовке образа тов. Сталина И. В. театрами периферии.

Учитывая изложенное, Отдел культпросветработы ЦК ВКП(б) просит просмотреть 16 ноября с. г. второй спектакль «Человек с ружьем» и разрешить вопрос о трактовке образа В. И. Ленина на сцене театра в исполнении Б. В. Щукина, решить вопрос о допустимости показа образа тов. Сталина И. В. на сцене театров; обсудить действия тов. Керженцева П. М.

За Зав. Отделом культпросветработы ЦК ВКП(б) Ф. ШАБЛОВСКИЙ
Зав. сектором искусств К. ЮКОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 256. Л. 161—163. Машинописный подлинник. Подписи — автографы.

№ 352
МЕХЛИС — В ОРГБЮРО, СТАЛИНУ И ДРУГИМ СЕКРЕТАРЯМ ЦК ОБ УТВЕРЖДЕНИИ НОВОЙ РЕДКОЛЛЕГИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

17 ноября 1937 г.[1]

ОБ УТВЕРЖДЕНИИ РЕДКОЛЛЕГИИ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Секретарям ЦК ВКП(б) — т.т. Сталину, Кагановичу,
Андрееву, Жданову, Ежову

Во главе «Литературной газеты» долгое время стояла редакционная коллегия. Наряду с коммунистами в редколлегию входили и беспартийные писатели. Это имело огромное политическое значение — укрепляло связи газеты с беспартийными писателями, поднимало ее авторитет. Неизвестно, почему эта редколлегия была ликвидирована.

Сейчас положение в «Литературной газете» крайне тяжелое. После ареста Суббоцкого газету фактически редактирует заместитель редактора Плиско. Партийная группа Союза Советских Писателей просит отстранить Плиско от работы за допущение им грубейших политических ошибок в газете. Аппарат редакции слаб и засорен сомнительными людьми. Газета ведется на исключительно низком идейно-политическом уровне. Она оторвана от жизни писательских организаций и проходит мимо крупнейших явлений советской литературы. Требуются срочные меры, чтобы выправить положение в газете.

Отдел печати и издательств ЦК считает необходимым вновь образовать редакционную коллегию «Литературной газеты». Обязательно привлечь в нее группу беспартийных писателей. Это поднимет уровень самой газеты, улучшит настроение беспартийных писателей и, несомненно, благоприятно скажется на ее связях с писательской средой.

Редколлегию мы просим утвердить в следующем составе: В. Ставский, Е. Петров, В. Лебедев-Кумач, Н. Погодин и О. Войтинская[2].

Над кандидатурой редактора «Литературной газеты» мы сейчас работаем, проверяем людей и в ближайшее время внесем на утверждение ЦК. В качестве заместителя редактора мы предлагаем сейчас утвердить тов. Войтинскую О. С.

Тов. Войтинская родилась в 1905 году. Член ВКП(б) с 1928 года. В ВЛКСМ состояла с 1921 года. Образование — высшее. С 1933 года т. Войтинская работает в печати как литературный критик. Сейчас т. Войтинская заведует критическим отделом журнала «Октябрь».

Партком ИКП литературы и опрошенные нами коммунисты, знающие т. Войтинскую, дают о ней положительные отзывы.

Кандидатуру тов. Войтинской выдвигает секретарь Союза Советских писателей тов. Ставский.

Тов. Войтинская в отдел Печати и издательств ЦК ВКП(б) вызывалась.

Со стороны органов НКВД замечаний нет.

Зав. Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Л. МЕХЛИС

6—171137—15.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 633. Л. 146—147. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] Датируется по дню утверждения решения Оргбюро ЦК ВКП(б) — 20 ноября 1937 г. — п. 271 г. «О создании редколлегии «Литературной газеты». Членами редколле-

гии утверждены: Ставский, Петров, Лебедев-Кумач, Погодин и Войтинская. Заместителем редактора стала Войтинская. Особо решено «кандидатуру редактора представить на утверждение ЦК Отделом печати» (там же, л. 145).

[2] См. также документ № 366.

№ 353
ПАНФЕРОВ — СТАЛИНУ О СВОИХ ОШИБКАХ

19 ноября 1937 г.

Товарищ Сталин!

Разве изложишь на бумаге то, что творится на душе. А я вот чувствую, понимаю, что на меня надвигается что-то страшное, несправедливое, — и это страшное, несправедливое сломает меня, изуродует и выкинет за борт жизни. А оно — это страшное и несправедливое — ползет на меня со всех сторон. И я бессилен справиться со всем этим один.

На днях было заседание партгруппы при Союзе писателей. Я выступил и рассказал все о своих ошибках[1]. Но все это было воспринято совсем по-другому:

1. Был знаком с Яковлевым[2], посвятил ему книгу, — значит, находился с Яковлевым в политической связи.

2. Был знаком с Варейкисом[3], посвятил ему книгу, — значит, находился с Варейкисом в политической связи.

3. Защищал Разина[4], принял его на работу в журнал, — значит, находился с ним в политической связи.

4. В 1933 году делал доклад о литературе на активе в Куйбышеве. На этом активе выступил и Шубриков[5]. Потом (без моего ведома) доклад мой и речь Шубрикова в Куйбышеве издали отдельной брошюрой, — значит, находился с Шубриковым в политической связи.

5. В 1936 году я прочел книгу Пильняка «Мясо», написанную им по договору и по заказу Наркомпищепрома. Книга на меня произвела отвратительное впечатление. И я сказал: «Я мог бы на материале Наркомпищепрома написать советскую книгу. Я в Астрахани, на взморье, на рыбных промыслах был в 1924 году, затем в 1930 году. И если бы съездить вот теперь — получилась бы хорошая книга. Издательство Наркомпищепрома подхватило эту мысль. Заключило со мной договор на такую книгу. Дало аванс. Кажется, ничего тут преступного нет. Тем более, книгу я писать начал. В Астрахани снова был. Книгу не закончил. Закончу. Казалось, ничего тут преступного нет. Но и тут все перевернули. «Это, слышь, все делишки Разина»[6].

Так с каждым фактом.

А 16 ноября на собрании прозаиков выступил т. Ставский и сказал, что враги народа стремились создать своих «придворных писателей». Так было в Киеве, например, Любченко через Микитенко[7] (Микитенко — враг народа), так же и в Воронеже. Тут расшифровка не требовалась: все прекрасно знают, что в Воронеже «работал» Варейкис, в Воронеже жил Панферов, значит, Микитенко и Панферов одно и то же.

И вот результат: на днях было общее собрание писателей, на котором я председательствовал, и мне поручено было провести выборы семи представи-

телей на районную предвыборную конференцию. Эти семь товарищей перед собранием были выдвинуты и утверждены на партгруппе. Как полагается, на собрании к этим товарищам выдвинули и новые кандидатуры, в том числе и мою кандидатуру. В порядке партийной дисциплины сняли свои кандидатуры под разными предлогами — Вишневский, Березовский, Оськин (секретарь парткома) и др. Когда очередь дошла до меня, то и я заявил: «прошу меня уважить». И только. Но на следующий день меня раздраконила «Литературная газета», а следом за ней и «Комсомольская Правда» сочла мой поступок «безобразнейшим, недостойным советского писателя».

Где же тут справедливость? И почему собственно для избиения выдвинули только меня, хотя отказались, сняли свои кандидатуры и другие товарищи.

Да, я совершил ряд крупнейших политических ошибок. Но ведь эти ошибки вытекают не из моего злого умысла, они вытекают из моей политической неопытности. Ведь я даже подумать не мог, что у меня есть какие-то разногласия с партией: я вижу дела партии в народе и то, что народ воскрес, очистился, стал другим, — это радует меня до слез, это дает мне творческую зарядку.

Ну, вот, написал вам, товарищ Сталин, и стало как-то легче.

19 ноября 1937 г.

Сердечный привет Ф. ПАНФЕРОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 22—23. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Есть подчеркивания на полях рукой неизвестного.

[1] 20 ноября 1937 г. В. П. Ставский сообщал заместителю председателя КПК М. Ф. Шкирятову: «на партгруппе правления ССП у Панферова Ф. были запрошены объяснения о его связях с врагами народа Яковлевым, Варейкисом, Поповым, Шубриковым, Левиным, Разиным (все арестованы) и др.» (см.: Счастье литературы. М., 1997. С. 243—244).

[2] Я. А. Яковлев (1896—1938) был наркомом земледелия, председателем Колхозцентра, заведующим сельхозотделом ЦК. Расстрелян.

[3] И. М. Варейкис (1894—1938) работал первым секретарем Центрально-черноземного, Воронежского и Сталинградского обкомов ВКП(б). Расстрелян. Ставский сообщал: «Так, т. Подобедов из Воронежа сообщает, что в августе 1934 года на банкете в частной квартире Панферов провозглашал Варейкиса гением, утверждал, что Варейкис обязательно должен быть в Политбюро, «в общем усердно стряпал вождя» (там же). Панферов посвятил Варейкису роман «Бруски». См. также документы № 354, 355.

[4] И. М. Разин (1905—1938) работал заместителем редактора газеты «За пищевую индустрию». Расстрелян. Шкирятов сообщает, что Панферов выступал за восстановление в партии «троцкиста» Разина, а в июне 1936 г. взял в редакции под договор на роман «Большая Волга» десять тысяч рублей (там же).

[5] В. П. Шубриков (1895—1937) — первый секретарь Средне-Волжского, Куйбышевского крайкомов ВКП(б). Расстрелян.

[6] Роман Б. Пильняка «Мясо» печатался в 1936 г. в журнале «Новый мир». Речь идет о романе Панферова «Большая Волга» (см. примечание 4).

[7] И. К. Микитенко (1897—1937) — украинский прозаик и драматург. Расстрелян. П. П. Любченко (1897—1937) — председатель СНК Украины. Расстрелян.

№ 354
ПАНФЕРОВ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ ПЕРЕНЕСТИ ЕГО ДЕЛО В КПК

27 ноября 1937 г.

Товарищ Сталин!

Я не хотел было посылать Вам письмо от 19 ноября[1]. Подумал: «У Сталина и без меня дел много». Но события за последние дни настолько сгустились, что я снова решился обратиться к Вам.

Я журнал «Октябрь» редактирую шесть лет[2]. Сколько людей перебывало у меня и сколько рукописей возвращено авторам. И теперь каждый из этих авторов решил: «Долбануть Панферова».

Я с Авербахом начал борьбу еще в 1930 году. Сколько людей тогда, да и впоследствии защищало Авербаха. Теперь они хотя и отвязались от Авербаха, (еще бы), но все равно решили: «Долбануть Панферова».

Я знаю, в некоторых местах решили закрыть журнал «Октябрь» и «долбануть Панферова».

Мне известно, сейчас усиленно развивается кампания под таким лозунгом: «Брускам» незаслуженную славу создали Варейкис и Яковлев. Надо это развенчать». И уже сидят над «Брусками» люди и отыскивают «вражеские вылазки Панферова»[3].

Товарищ Сталин! Я Вам вручаю свою судьбу и прошу Вас помочь мне. Поверьте мне, что это не страх перед ответственностью. Нет. Я за свои ошибки готов отвечать прямо и открыто. Я просто не верю, что в литературной среде к разбору моего дела подойдут объективно. Вот почему я и прошу Вас перенести мое дело в Комиссию Партийного Контроля.

Сердечный привет

Ф. ПАНФЕРОВ

27 ноября 1937 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 24. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Два последних абзаца отчеркнуты на полях рукой неизвестного.

[1] См. документ № 353.

[2] 6 мая 1931 г. Оргбюро ЦК по просьбе фракции РАППа утвердило редактором журнала «Октябрь» Федора Панферова (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 232. Л. 188). 14 апреля заместитель руководителя Культпропа Н. Рабичев представил проект решения по редколлегиям всех журналов РАППа. По «Октябрю» предлагался Панферов, а заместителями редактора — Ильенков и Макарьев. Рукой Рабичева дописаны имена Шолохова и Афиногенова (там же, л. 189). Из справки, заверенной помощником завкультпропом ЦК Дубинской: Панферов Ф. И. — рожд. 1896 г., вышел из крестьянской семьи. В партии с 1926 г. В начале февральской революции был 2—3 месяца в партии левых эсеров. В 1918—1921 г. был членом ВКП(б). В 1921 г. исключен на три года «как интеллигент, долженствующий перевариться в пролетарском котле». Партвзысканий не имеет. Ответственный редактор «Октября». В Вольске в 1917 г. — учительская семинария. В 1918—1919 гг. — комиссар продовольствия и внутренних дел. В 1920 г. — редактор газеты. 1920—1921 гг. — «Центропечать», заведующий. 1921 г. — зав. УОНО. 1922—1923 г. в Саратове — редакция газеты, зав. деревенским отделом. 1924—1925 гг. в Вольском Укоме — школа передвижка. 1926—1930 гг. — «Крестьянская газета», редактор «Крестьянского журнала».

[3] Неудовольствие цензуры вызвал, в частности, следующий фрагмент из рукописи четвертой книги «Брусков» Панферова:

«— А что бы сделал Ленин? — сказал т. Сталин — и он вдруг вспомнил, как однажды Ленин в присутствии всех членов Политбюро, в том числе при Бухарине, Рыкове, Каменеве, Зиновьеве, обратился к нему и сказал:

— А знаете что, Сталин? Чувствую я, что у меня в голове что-то скрипит. Очевидно, плохо кончу... параличом. Поможете мне?

— А чем, товарищ Ленин?

— Если это случится, я не хочу лежать полумертвецом. Ведь всякий имеет право по-своему покинуть мир сей. Лафарги, например... Отравите меня.

— Ну, что вы?

— Трусите?

— Да нет. Мы же ваши ученики, что прикажете, то и сделаю. Только зачем разговор такой? Вы должны быть с нами. Вы наш кормчий, учитель.

Разговор этот тогда принял шуточный характер, и о нем вскоре все забыли. Но случилось то, чего никто не ждал, — Ленин свалился под первым страшным ударом. Он лежал в Горках — могучий, сильный и бездвижный... и звал, искал Сталина. Сталин вошел в комнату навеселе, не по нем развязно и, посмотрев в глаза Ленину, сказал:

— Зачем торопитесь? Вы же нас учили не торопиться. А сами торопитесь. Еще выздоровеете и нас ругать будете.

Тусклые, усталые глаза Ленина засветились: он поверил Сталину и вскоре поднялся с постели, приступил к работе... Но его сразил второй, решительный удар.

— Я долго не являлся к нему, — рассказывал потом Сталин. — Я знал, зачем он меня зовет. Но он звал, и я явился. Доктора мне сказали, да и сам я видел, жизнь его держится на волоске... еще одно движение — и его не будет. Он посмотрел на меня, узнал и перевел глаза на аптечку... и глаза его повелительно требовали, приказывали: «Давай. Ты же обещал». Я хотел было утешить его, но у меня не нашлось слов, и я выбежал из комнаты. Вечером мы этот вопрос поставили на политбюро и решили: «Пусть, если уж суждено, он умрет своей смертью».

Сталин никогда не придавал особого значения этому случаю, и теперь, вспомня, он понял, что Ленин ему, Сталину, единственному человеку, вручал свою жизнь, значит... а он, Ленин, далеко видел, значит, он и страну и свои заветы передал ему — Сталину» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 298. Л. 59—60. На документе стоит отметка о поступлении в Техсекретариат ОБ 28 августа 1937 г.).

№ 355
ПАНФЕРОВ — СТАЛИНУ О ПОКАЗАНИЯХ АРЕСТОВАННОГО [Я. А. ЯКОВЛЕВА]

3 декабря 1937 г.

Товарищ Сталин!

Показания прочитал.

Да, Вы правы: этих мерзавцев надо уничтожать, выжигать без «жалости», как говорят мужики[1]. Если человек в нашей стране в 1937 году заявляет, что он в социализм не верит, то этот человек никогда даже маленьким революционером не был. А Яковлев об этом заявляет в 1937 году, когда социализм можно не только видеть, но и руками пощупать. Это такие мерзавцы (и Яковлев, и Варейкис, и прочие), перед которыми Фуше и Азеф — просто мальчики. Хочется мне сказать Вам теплое слово, да, говорят, Вы теплых слов не любите,

любите хорошее дело. Обещаю Вам хорошее дело: напишу книгу, в которой покажу великую радость народа, то есть социализм.

Сердечный Вам привет

Ф. ПАНФЕРОВ

3 декабря 1937 года

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 25. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Пометка рукой Сталина: «В мой архив. Ст.».

[1] В годы большой чистки был наготове компромат и на самого Федора Панферова, члена партии с 1926 г. В апреле — мае 1917 г. эсер. Состоял в партии с 1918 г. «В 1921 г. губ. Комиссией по чистке был исключен из партии сроком на три года, как долженствующий перевариться в коммунистическом котле» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 46. Л. 52—53).

№ 356
МЕХЛИС — МОЛОТОВУ, КАГАНОВИЧУ, ЖДАНОВУ О ПОЭМЕ СЕЛЬВИНСКОГО «ЧЕЛЮСКИНИАНА»

28 декабря 1937 г.

О ПОЭМЕ СЕЛЬВИНСКОГО

Т.т. Молотову, Кагановичу, Жданову

В связи с запискою поэта Сельвинского на имя тов. Молотова сообщаю следующее[1].

Глава из поэмы «Челюскиниана» посвящена литературному портрету товарища Сталина. В свое время Сельвинский вел переговоры по этой поэме с Боговым. «Правда» не согласилась тогда печатать эту поэму в присланной редакции. То, что сейчас Сельвинский выдает за поэму о товарище Сталине, резко отличается от первоначального текста. Наиболее чудовищные, безграмотные места автор либо выбросил, либо смягчил. Вся вводная часть поэмы написана Сельвинским заново.

Мне трудно привести в письме все то, что исправил Сельвинский, так как это заняло бы огромное место. Приведу только наиболее характерное.

Вот что он, например, писал по поводу появления товарища Сталина в Баку:

Тогда в Баку, а затем в Кутаиси
Появился неизвестный молодой человек,
Которому незачем было таиться.
Безличному, точно прошлый четверг,
Но что-то в нем раздражало, как перец...

Часть, касающаяся описания того, как Сталин проходил сквозь строй, переделана автором кардинально. Не скажу, что она вполне удовлетворительна.

Вот другое место из первого варианта поэмы:

В знаменах и стягах «Динамо» и «Сварза»
Они глядят, как языческий миф,
Музейной губчатью рыжего кварца,
Изрытого временем древних Фив.

И дальше:

И лоб его травлен, как нотная запись,
Но надо ж схватить черты этих линий,
Внутренний их порядок.
Кормчий — его называет Калинин,
Зодчий — зовет его Радек.
А он — поэт!..

Есть вожди — куртизанки народа,
Пустые бубенчики прихотей масс;
Есть вожди — из лицея Нерона,
Обер-диктаторы туш и мяс;
Но есть вожди — диалектики власти...

Или такое место о Сталине:

Он вырос в почти стихийную силу,
В космизм дымящегося ума.

Сельвинский — формалист, он пишет на языке, совершенно непонятном массам. В его стихах много кривлянья, в погоне за хлесткой фразой он совершенно не считается с содержанием.

Даже в последнем варианте поэмы о Сталине, значительно исправленном, он все время величает Сталина Сосо. Он характеризует Сталина в молодости:

И вот — в пропитанной благостью бурсе,
Где салом текли золотые бобрики —
К Энгельсу совершал экскурсии.

Так можно говорить о буржуазных интеллигентах, которые иногда совершали экскурсии к Марксу и Энгельсу. Сталин, как известно, изучал в молодости Маркса и Энгельса. Тов. Сталин рассказывал как-то, что он в молодости переписал от руки все произведение Энгельса «Анти-Дюринг». Хороша экскурсия!

Сталина-подпольщика Сельвинский описывает так:

Глаза горящие из-за углов,
Актерский багаж, чужие манеры
В кафе, музее, повсюду — лов!

О внешнем виде Сталина на первом колхозном съезде он пишет:

Сидит человек с лицом портрета.

Далее повествует:

Тронутое барабанной дробью крупно очерченное лицо.

И, наконец, заключает:

Совсем по-домашнему свисшие книзу
Иронические усы.
И это — абстракция! Точка сил!
Кодекс путей к коммунизму.

В поэме имеются хорошие места, но в целом она написана таким языком, что читать ее чрезвычайно трудно. Многие места не поймет широкий читатель, некоторые носят двусмысленный характер.

Я полагаю, что Сельвинскому надо еще поработать над поэмой, главным образом, в сторону превращения ее в произведение, доступное широкому читателю[2].

Л. МЕХЛИС[3]

28/XII-37

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 984. Л. 72—75. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы. Резолюция Молотова: «Т.т. Кагановичу, Жданову. По меньшей мере это надо сделать, не допуская в печать без переделки «Поэмы» и без новой ее проверки. В. Молотов» — автограф. Пометка рукой неизвестного: «Послан под гриф» 31/12».

[1] Записка И. Сельвинского на имя Молотова была написана 30 ноября 1937 г. Опубликована в книге «Счастье литературы» (М., 1997. С. 263—265).

[2] Согласно Краткой литературной энциклопедии, поэма «Челюскиниана», отрывки которой печатались в 1973—1938 гг., тематически примыкает к пьесе «Умка — Белый медведь» («о величии революции, которая позволяет остальным народам России совершить скачок от родового строя к социализму»). Сельвинский переработал поэму в роман «Арктика» (1934—1956, опубликован в 1957 г.).

[3] По времени это один из последних документов, подписанных Мехлисом в роли главного советского аппаратчика-газетчика (ответственного редактора «Правды» и заведующего отделом печати и издательств ЦК). 31 декабря 1937 г. «Правда» информирует о назначении Мехлиса замнаркома обороны. «Правда» сообщала, что Мехлис закончил курсы марксизма и ИКП. Получил звание доктора экономических наук. С мая 1930 г. — руководитель газеты «Правда». В газете отмечалась его «большая руководящая работа» в РКИ и в аппарате ЦК.

№ 357
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. «БУДЕМ БИТЫ!»*

26 января 1938 г. (не ранее)

Инженер. Советский. Честный.
Он пришел и доложил:
— «Новый случай, вам известный,
Он меня насторожил.

Эти взрывы и пожары...
Растревожен весь Кузбасс...
Столь тревожные удары...
Не вредительство ль у нас?»

. . . .

В кабинете снова двое,
Шу-шу-шу и шу-шу-шу:
— «Дело срочно-боевое...
Порешите!»
— «Порешу!»

* Печатается в сокращении.

То был штаб троцкистский, местный,
У бандита был бандит.
Инженер — советский честный —
Через ночь он был убит.

Чрез неделю снова взрывы...
Жертвы... Дети и отцы...
Для фашистской директивы
Подыскались подлецы.
. . . .

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 134—136. Машинописный подлинник. Резолюция Сталина и пометка Мехлиса — автографы.

Пометка Льва Мехлиса: «Демьян принес стихи. 26/1. Л. Мехлис». Резолюция Сталина: «Слабо. Это не удар по Троцкому, а царапина небольшая. И. Ст.». «Поступило от т. Мехлиса» (там же, л. 136 об.).

№ 358
СТАНИСЛАВСКИЙ — СТАЛИНУ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ВЫСОКУЮ ОЦЕНКУ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЯЗИ С 75-ЛЕТИЕМ

8 февраля 1938 г.

Москва, 8 февраля 1938 года
ЦК ВКП(б)
И. В. Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович,

Меня глубоко тронуло и взволновало то особое внимание, которое оказали мне партия и правительство, столь высоко оценив мою общественную деятельность в связи с исполнившимся 75-летием моей жизни.

Я получал и получаю сейчас огромное количество приветствий, писем и телеграмм со всех концов нашей необъятной социалистической родины, от далекого сурового севера до чудесного солнечного юга.

Это большое количество получаемых мною писем я могу объяснить только одним: великой любовью народа нашей страны к искусству, которому нигде не уделяется столько внимания, как у нас. Где еще можно видеть такую тягу к знанию, к восприятию настоящей культуры? Только у нас.

Вот почему я люблю мою родину. Вот почему я горд за мою родину, за ту страну, где изучают подлинное театральное искусство не только большие режиссеры и актеры, но и рабочие, колхозники, школьники, просящие моих советов.

Только враги или слепые могут не видеть и не ценить того, что сделано у нас за 20 лет. При таком правительстве, как наше, — правительстве, избранном всем народом, состоящем из даровитейших и преданнейших интересам трудящихся людей, руководимом великой коммунистической партией и Вами, дорогой Иосиф Виссарионович, можно быть спокойным за свою родину.

Ваша заботливость о человеке всегда вызывает во мне чувство восхищения.

Вот почему мои мысли бывают так часто с Вами. И теперь, после высокой оценки моей общественной деятельности в связи с исполнившимся 75-летием моей жизни, я благодарю Вас за то особое внимание, которое оказано мне.

Примите мой низкий поклон и большое спасибо за все, что Вы сделали для нашего искусства, для театров и, в частности, лично для меня.

Народный артист Союза ССР
орденоносец К. СТАНИСЛАВСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 806. Л. 124—125. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Штамп о поступлении в Особый сектор ЦК 13 февраля 1938 г. Пометки неизвестного: «Арх. т. Ст.» и «От т. Станиславского».

№ 359

ПИСЬМО СТАЛИНА В ДЕТИЗДАТ ПО ПОВОДУ ГОТОВИВШЕГОСЯ ИЗДАНИЯ КНИГИ «РАССКАЗЫ О ДЕТСТВЕ СТАЛИНА»

16 февраля 1938 г.

Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина».

Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом.

Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личности вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ — говорят эсеры. Народ делает героев — отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку.

И. СТАЛИН

Публикуется: Сталин И. В. Сочинения. Т. 1 [XIV] 1934—1940. Stanford, California: The Hoover Institution on War, Revolution, and Peace, 1967. Ed. by Robert H. McNeal. P. 273.

Опубликовано: Вопросы истории. 1953. № 11.

№ 360

ЕКАТЕРИНА ПЕШКОВА — СТАЛИНУ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ БУХАРИНА, ЯГОДЫ и др.

2 марта 1938 г.

2.III.38 г.

Иосиф Виссарионович!

Ошеломлена чудовищностью преступлений, вскрытых следствием.

Вторично переживается смерть самих близких и дорогих, еще более страшная, чем естественный уход из жизни, когда иссякают силы для борьбы с недугом.

Погиб Максим. Его прямота и благородство, близость его с отцом, его справедливость — мешали людям грязным и низким, им надо было устранить его!

Их же рука поднялась и на Алексея Максимовича.

Помню дни болезни Ал. Мак[симови]ча и Вашу тревогу за правильность его лечения и Ваши слова Крючкову — «не пускать Ягоду».

Помню Ваше внимание во время болезни Максима.

Это не забывается.

Спасибо Вам за внимание и ласку к Марфе теперь.

Никогда не забуду Вашего чуткого внимания к моим близким.

Е. ПЕШКОВА

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 720. Л.123. Машинописный текст. Пометка рукой Сталина: «Арх. Ст.».

Там же. Л. 124. Рукописный подлинник. Пометка рукой неизвестного: «пер.». Штамп о поступлении в Особый сектор ЦК ВКП(б) 7 марта 1938 г.

№ 361
НАДЕЖДА ПЕШКОВА — СТАЛИНУ В СВЯЗИ С ПРОЦЕССОМ БУХАРИНА, ЯГОДЫ и др.

2 марта 1938 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я не могу не выразить Вам благодарность за Ваше внимание и чуткость, проявленную к Марфе в такой страшный момент для моей семьи. Нет слов выразить все, что сейчас у меня на душе.

Заново пережить смерть самых дорогих для меня людей. Алексей Максимович, который так нежно относился ко мне и оберегал меня после смерти Макса... и мог бы еще жить.

Только сейчас поняла я, в каком ложном положении я находилась благодаря своей доверчивости и исключительному отношению к Ягоде и Крючкову. Конечно, это не главное. Главное — это то, что Максим был честный, прямой человек, подлинный большевик. Очень одаренный, с большими возможностями, он не проявил себя достаточно только благодаря очень сложному положению, создавшемуся около Алексея Максимовича. Его надо было убрать... теперь это ясно. Иезуитам, зверю в образе человека Ягоде и Крючкову он мешал. Он мог бы открыть и помешать их делу.

Еще раз благодарю Вас за Ваше теплое внимание, для меня это большая поддержка.

Н. ПЕШКОВА

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 720. Л. 125. Машинописный текст. Пометка рукой Сталина: «Арх. Ст.».

Там же. Л. 126. Рукописный подлинник. Пометка рукой неизвестного: «пер.». Штамп о поступлении в Особый сектор ЦК 7 марта 1938 г.

№ 362
МАРИЭТТА ШАГИНЯН — СТАЛИНУ О РОМАНЕ «БИЛЕТ ПО ИСТОРИИ»

30 мая 1938 г.

Родной Иосиф Виссарионович.

Шлю Вам маленькую книжечку, стоившую мне 2,5 года напряженной работы. Протяните мне руку помощи для ее окончания, иначе, пожалуй, не справлюсь не только потому, что трудно, но и потому, что очень много рогаток и помех от учреждений, которые по сути дела должны бы помочь писателю в такой огромной и ответственной работе. А ведь у меня даже нет до сих пор никакого отзыва на книгу кроме отклика Дм[итрия] Ильича [Ульянова]. Пишу Вам это из больницы — завтра оперируют. Не могу лечь на операцию, не послав Вам свою любовь и преданность. Плохо ли, хорошо ли, ошибаясь и спотыкаясь — всю жизнь я хотела одного: быть верной партии и послужить народу[1].

Ваша МАРИЭТТА ШАГИНЯН

30/5-38 г. Боткинская больница

Коллекция ГОПБ МК РФ. Дарственная надпись автора — автограф на экземпляре книги «Билет по истории. Роман. Часть первая».

[1] К августу 1938 г. вокруг книги Шагинян разразится скандал, который потребует вмешательства Политбюро. Маленков — Молотову: «Считаю, что книгу Мариэтты Шагинян «Билет по истории» как вредную следует изъять и впредь установить порядок, чтобы опубликование каких бы то ни было материалов о Ленине и Сталине производилось только с ведома ЦК ВКП(б). Маленков» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 107. Л. 21).

№ 363
ЛОЗОВСКИЙ — СТАЛИНУ И МОЛОТОВУ О МАРИИ БУТБЕРГ

8 июля 1938 г.

Секретно
Ц.К. ВКП(б)
тов. Сталину И. В.
СОВНАРКОМ СССР
Тов. Молотову В. М.

Приступив к приведению в порядок донельзя запущенного хозяйства Гослитиздата я заинтересовался вопросом, куда идет валюта за печатаемые заграницей произведения Горького.

Из моей беседы с Ладыжниковым выяснилось следующее.

До сих пор в качестве представителя интересов Горького заграницей фигурирует Бутберг, которая получает, по словам Ладыжникова, несколько тысяч фунтов ст[ерлингов] в год. Баронесса Бутберг имеет временную доверенность от февраля мес[яца] 1937 г., выданную Н. А. Пешковой. Ни Ладыжников, ни Н. А. Пешкова не знают, как развязаться с этой баронессой, которая забрала в свои руки представительство интересов Горького заграницей.

Дело идет не только о потере нескольких тысяч фунт[ов] ст[ерлингов], а о том, что баронесса Бутберг заведомо подозрительный тип. После обыска у нее в Сорренто в 1925 г. стало известно, что она является агентом Интеллидженс Сервиса.

У нее на руках несколько сотен писем Горького и некоторые рукописи, которые она припрятала. Теперь эта ловкая баба устроилась в качестве утешительницы при Герберте Уэльсе с явной целью обделывать свои темные дела за спиной этого писателя.

Баронесса Бутберг злоупотребляет своим положением, не сообщает наследникам, сколько от кого она получила денег, не дает отчета, на что она эти деньги расходует, и может своими темными делишками нанести нам ущерб.

Поскольку баронесса Бутберг скрывает свои денежные операции, это значит, что дело не чисто, это значит, что часть денег идет для врагов СССР.

Мне кажется, следует положить конец этому безобразию. Надо развязаться с этой присосавшейся к наследству Горького аристократкой по рождению и шпионкой по профессии.

Наследники могут дать общую доверенность крупному советскому юристу или «Международной Книге», которая, в свою очередь, поручает ведение этих дел соответствующим издательствам, с которыми они ведут дело в Англии, Франции, САСШ и пр.

Я имею еще некоторые предложения в связи с этим вопросом, которые я могу изложить лично той комиссии, которая будет назначена для рассмотрения этого дела.

С товарищеским приветом

ЛОЗОВСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 976. Л. 33, 33 об. Машинописный подлинник на бланке Государственного издательства художественной литературы. Подпись — автограф.

№ 364
КРУПСКАЯ — СТАЛИНУ О СВОЕЙ РАБОТЕ

15 октября 1938 г.

15.X.38 г.

Иосиф Виссарионович,

я хочу уточнить вопросы, по которым мне необходимо поговорить с Вами.

1) О своей работе над высказываниями Ленина по вопросам культуры и просвещения. Я работала над таким сборником все лето. Хотелось создать сборник, где бы эти высказывания давались в тесной связи со всей работой партии по указанным Вами периодам, взять все, что говорил Ильич за каждый период по этим вопросам, и в то же время избежать превращения сборника в простой сборник цитат.

2) О казанском и самарском периоде учебы и деятельности Ильича. Тут очень много интересных моментов. Удалось собрать интересный материал по этому вопросу.

3) О превращении политехнического музея в орган показа основ нашего советского планового хозяйства.

4) О том, как мы должны дать на Нью-Йоркской выставке социалистическую специфику нашей культуры и просвещения.

Вы спрашивали, как у меня распределено время. Утром до $11^1/_2$ часов я работаю дома, потом часов до 5-ти в Наркомпросе, вечером дома, если не надо быть на каком-нибудь собрании.

Очень хотелось бы, чтобы Вы со мной поговорили.

Н. КРУПСКАЯ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 755. Л. 54. Машинописная копия. Пометка рукой Поскребышева (?): «От тов. Крупской».

Там же. Л. 55, 55 об. Рукописный подлинник.

№ 365
АФИНОГЕНОВ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ ПРОЧИТАТЬ НОВУЮ ПЬЕСУ. ОТВЕТ СТАЛИНА

4 декабря 1938 г. — 6 января 1939 г.

4/XII-38

Посылаю Вам свою новую пьесу Москва. Кремль. Буду счастлив, если вы прочтете ее.

С коммунистическим приветом.

А. АФИНОГЕНОВ

Т-щу Афиногенову

Не имею возможность удовлетворить Ваше желание — очень занят текущей работой.

Прошу извинения.

И. СТАЛИН

6.1.39

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5086. Л. 1—2. Рукописные подлинники.

№ 366
ВОЙТИНСКАЯ — СТАЛИНУ. ПОКАЯННОЕ ПИСЬМО И ПРОСЬБА О ПОМОЩИ

30 января 1939 г.
(дата поступления письма в Особый сектор ЦК)

Товарищ Сталин!

Тов. Фадеев на широком заседании информировал о решении ЦК по ряду вопросов, в частности, по вопросу о «Литературной газете»[1]. Опираясь на беседу с Вами, тов. Ждановым и тов. Молотовым, он говорил обо мне как человеке беспринципном, не оправдавшем доверия партии[2]. Он даже сказал, что, мол, в Литгазете в качестве редакторов всегда сидели враги народа, противопоставлявшие себя союзу писателей. И выходило, что я проводила в газете вражескую работу, делала антипартийное дело.

Я не считала возможным давать справки на этом заседании. Прием представителей Союза писателей, такое огромное радостное событие для литера-

туры, что стыдно было говорить о своих делах. Да и судьба моя не имеет значения в таком большом политическом деле. Но меня убивает мысль, что Вам — нашему вождю и учителю — меня представили как антипартийного человека, преследующего какие-то личные цеди. Речь идет о моей чести как коммуниста, о том, как я оправдываю высокое звание члена партии.

В ноябре месяце я была назначена заместителем редактора «Литературной газеты», редактора назначено не было, и я все это время и.о. редактора[3].

Мне было трудно потому, что одновременно я вела разведывательную работу по заданию органов НКВД. Поэтому бывало, что в газете я не имела права выступать против людей, о которых я знала, что они враги.

Как редактор я обязана была выступать против Кольцова. Год тому назад я сообщила в Отдел Печати, что, по моим предположениям, по заданиям Мроцкого ведется вредительская работа по отношению к иностранным писателям. Я предполагала, что Кольцов, Динамов осуществляют план, связанный с убийством Горького.

Мне были известны некоторые политические настроения Кольцова, его морально-бытовое разложение.

Но как работник НКВД я обязана была установить связь с Кольцовым и не могла открыто выступать против него.

Поэтому я сигнализировала Никитину[4] о неблагополучии в Жургазе, но продолжала печатать Кольцова.

Как редактор я обязана была открыто бороться против Никитина, которому я с некоторого времени перестала политически доверять.

Еще в октябре месяце я заявила в НКВД о ряде фактов, характеризующих политическую линию Никитина.

В частности, мне представлялась провокационной вся линия Никитина в отношении «Правды». Никитин был заинтересован в «политической дискредитации «Правды» вместо того, чтобы сигнализировать в ЦК о болезнях в аппарате органа ЦК партии. Можно привести еще ряд серьезных фактов, о которых я сообщала в НКВД. Никитин покровительствовал редакторам, идущим на поводу у врагов народа и травил людей, выступавших против врагов.

В ноябре я передала письменное заявление в НКВД, и мне было предложено вести разведывательную работу. Следовательно, я уже открыто не могла бороться против Никитина и его группы.

Как редактор газеты я обязана была выступать против Инбер, организовавшей антисоветский литературный салон. Однако и это я по приказанию из НКВД делать не могла.

Ведя разведывательную работу, я знала об антисоветских настроениях Федина, об его политически вредной роли в литературе. Однако интересы разведки требовали, чтобы я была в хороших отношениях с Фединым, следовательно, я не могла выступать против него в газете.

Особенно тяжела была история с Панферовым. Я очень хорошо к нему относилась, и день, когда я перестала ему верить, был самым тяжелым в моей жизни. Я говорила Журбенко[5], что за Панферовым стоит или Попов, или Варейкис, или Постышев, и кто-то из них враг[6]. Это было до разоблачения Варейкиса и Постышева. Затем Панферов рассказал мне о дневнике Постышева, направленном против ЦК, затем стала ясной роль Варейкиса.

Как редактор, я, зная это, обязана была выступить против Панферова. Мне было это легче, чем притворяться по отношению к человеку, когда-то мне очень дорогому. Но НКВД требовало разведывательной работы, больше того, одно время требовали, чтобы я стала его любовницей, меня упрекали, что я плохая коммунистка, что для меня личное выше партийного. Я знала, что моя жизнь принадлежит партии, но стать любовницей врага я не могла. Во всяком случае, я не могла выступить против него в печати.

Все это можно проверить в НКВД. Только примеры такого рода могут предъявить мне, обвиняя в нерешительности и непоследовательности, в отсутствии принципиальной линии.

Я старалась, чтобы задания НКВД не мешали моей редакторской работе, я приносила в жертву интересы газеты только тогда, когда речь шла о раскрытии серьезных политических организаций, когда, как мне казалось, этого требовали интересы партии.

Дорогой товарищ Сталин! Эту страшную для меня ночь, эти дни я вновь и вновь проверяла себя — не сделала ли я что-нибудь в моей жизни, недостойное члена партии. И я клянусь Вам, что всегда, во всей моей работе я старалась руководствоваться интересами партии.

Эти годы были для меня суровой школой. По своей работе я непосредственно сталкивалась с врагами, я слышала террористические разговоры, я ощущала их ненависть к нам, ко всему народу, я никогда не забуду разговоров с Франкфуртом, когда я с ним виделась по заданию НКВД[7]. Он говорил о народе, как о стаде баранов, он с ненавистью говорил о ЦК. А я боялась одного, что мой голос, выражение лица выдаст мою ненависть, что я провалю задание.

В НКВД было много ошибок, но я к работе в разведке относилась, как к чему-то священному, как к особому поручению партии.

Мне казалось, что это работа проф. революционера, который идет на все во имя исполнения заданий революции.

В партийной организации, бывало, возникали дела, меня обвиняли в тех или иных связях. Я знала, что НКВД может помочь мне только в самом крайнем случае и что партия знает об этом. Мне бывало трудно, но я гордилась тем, что как бы участвую в войне с врагами и что партия знает об этом.

И вот Фадеев, Павленко — Вам, руководителям партии, говорят о том, что я плохая коммунистка[8].

Я не могу защищаться на собрании, но Вы должны знать правду.

Теперь о работе моей в редколлегии «Литературной газеты».

Фадеев на совещании в Союзе утверждал, что я вела себя как собственник газеты, что я все проводила вопреки членам редколлегии.

Все принципиальные выступления газеты проводились всей редколлегией. Об этом можно узнать у Лебедева-Кумача, у Петрова, у Погодина.

Мы не собирались противопоставлять себя Союзу. На президиуме ни разу не стоял доклад редакции, за все время Фадеев только один раз был на заседании редколлегии, и то по моим настойчивым просьбам.

Мне представляется, что руководство Союза прежде всего осуществляется литературными способами, и я просила членов президиума писать в газету. Для этого у них были все возможности. Однако кроме речи Фадеева об Инбер, речи неправильной, никто из них в газете не писал.

Все это определялось тем, что Фадеев еще очень сильно в плену групповых настроений. Он полагал, что я буду своя, «ручная», что я пришла в его группу. На это я пойти не могла. Газета критиковала президиум только тогда, когда это вызывалось крайней необходимостью, принципиальными интересами литературы.

То, что произошло на собрании драматургов при участии Павленко, было политически вредным делом. Была предоставлена трибуна для антимарксистских высказываний, для прямых выступлений против постановления ЦК.

Безнаказанно шельмовались все крупнейшие драматурги, травился Погодин. Я и сейчас думаю, что мы поступили правильно, выступив по этому вопросу.

То, что проделывалось по отношению ко мне, желая «усмирить», по своим методам напоминает рапповские времена. О подробностях стыдно писать, стыдно за тех, кто это проделывал.

Очень тяжелая атмосфера в литературной среде, трудно даже поверить в возможность существования таких нравов. Сейчас, говоря от Вашего имени, Фадеев пытается расправиться со мной, это не к его чести, так как он знает, что я честная коммунистка.

Мне совершенно понятно, что при создавшихся условиях я работать в «Литературной газете» не могу. Все, что я знаю и думаю об ошибках в руководстве Союза, я сообщала в ЦК. Я не могу лгать Вам, товарищ Сталин. С моей точки зрения, в Союзе продолжают работать рапповскими методами — только более умными и тонкими, чем у Ставского. Так думаю не только я. Очень буду рада, если они под руководством ЦК сумеют выправить свои ошибки.

Я Вас прошу только об одном: поверить мне, предварительно проверив, что я так действовала потому, что мне казалось, что именно этого требуют партийные интересы. Я должна отвечать за все свои ошибки, но я не могу согласиться с тем, что я делала антипартийное дело из-за корыстных интересов.

Если бы я так думала, я бы не жила.

Вся моя жизнь всегда была связана с партией и в самые тяжелые минуты мне давало силу сознание, что я борюсь за дело партии.

Даже во время провокационного исключения меня из партии, даже когда при помощи Молчанова меня объявляли врагом народа[9].

Товарищ Сталин! Если я виновата — я сумею по-партийному встретить любое взыскание. Но я не могу понять, в чем я виновата, и, самое главное, я не могу выдержать мысли, что вы думаете обо мне дурно.

Простите, что пишу бессвязно. Мне очень тяжело.

О. ВОЙТИНСКАЯ

Г-1-79-71 Большая Дорогомиловская, 10. кв. 52.
Поступило в ОС ЦК ВКП(б) 30 января 1939 г.
2-ас

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 354. Л. 17—23. Заверенная машинописная копия.

[1] 25 января 1939 г. Политбюро приняло решения о «Литературной газете», о составе сценарного совета при председателе Комитета по делам кинематографии, о составе президиума правления Союза советских писателей и о пленуме правления, посвященном 125-летию со дня рождения Шевченко. Фадеев был утвержден секретарем президиума правления. См.: Политбюро. Повестки дня заседаний. Т. 2. С. 1021.

[2] Фадеев встречался со Сталиным 25, 27 и 31 января 1939 г. См.: Исторический архив. 1998. № 4. С. 177.

[3] См. также документ № 352.

[4] А. Никитин был заведующим Отделом печати ЦК ВКП(б). 20 февраля 1938 г., сменив на этом посту Льва Мехлиса, он подписывается как заведующий отделом печати ЦК (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1183. Л. 253).

[5] Майор госбезопасности А. С. Журбенко в 1938 г. был начальником секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР. Расстрелян в 1940 г. См.: Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991: Справочник. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. С. 66.

[6] Ликвидированными врагами окажутся все трое: секретарь ЦК КП(б) Украины Попов, первый секретарь Куйбышевского обкома Постышев и секретарь Дальневосточного крайкома Варейкис, они будут расстреляны в 1938—1939 гг.

[7] С. М. Франкфурт был начальником строительства никелевого завода в Монча-Тундре.

[8] П. Павленко участвовал во встрече со Сталиным 27 и 31 января 1939 г. (Исторический архив. 1998. № 4. С. 137).

[9] Г. А. Молчанов — начальник секретно-политического отдела ОГПУ при Менжинском и Ягоде. Снят после прихода в НКВД Ежова и расстрелян в 1937 г. См.: Лубянка. Указ. соч. С. 57, 59, 64.

№ 367
О СТАТЬЕ РОЯ ГОВАРДА

14 апреля 1939 г.

Секретно
Служебный выпуск. 14 апреля 1939, № 84/с

СТАТЬЯ РОЙ ГОВАРД О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

В газете «Нью-Йорк уорлд телеграмм» от 29 марта помещена статья Рой Говарда, посвященная Советскому Союзу[1]. В этой статье, посланной из Парижа, Рой Говард пишет, что «если судить о Советском Союзе по Москве, которая является витриной страны, то он двигается по нисходящей кривой. За последние два года, по общему мнению, тысячи политических, военных и экономических руководителей были расстреляны, сосланы или ликвидированы тем или иным путем. В результате этого наблюдается дезорганизация в военной области и в промышленности, страх, скрытность и чуранье иностранцев в тех кругах, которые были задеты последней чисткой.

Шпионы, осведомители и агенты-провокаторы наводняют Москву до такой степени, что в ней всякий человек является подозрительным. Иностранные посольства содержат специальные штаты электротехников из подданных своих стран. Единственная обязанность этих электротехников заключается в периодических осмотрах всех помещений с целью обнаружения диктографов, устанавливаемых агентами НКВД. Таких диктографов обнаруживают множество[2]. Недоверие, тайна и подозрение окутывают всю обстановку вечным липким туманом. Это, конечно, не ново, но с точки зрения сегодняшнего дня, положение, по-видимому, является наихудшим за последние десять лет.

Выпуск самолетов, по данным иностранной военной разведки, продолжается в количественном отношении в больших масштабах, но качество их очень низкое. До сих пор советские авиационные конструкторы, как и следо-

вало ожидать от народа, который недавно стал заниматься техникой, показали очень мало или даже совсем не показали творческого гения, который необходим для поддержания эффективных военных воздушных сил. Большинство советских самолетов, как заявляют, являются или копиями, или слегка измененными типами самолетов, которые в настоящее время вытеснены более современными типами европейских и американских истребителей и бомбардировщиков[3].

В тяжелой промышленности начался упадок после того, как были предприняты попытки обойтись без иностранных инженеров и руководителей. Производство товаров широкого потребления не достигает и жалкого уровня, если судить по очевидному недостатку таких важнейших предметов, как текстильные изделия, одежда и обувь. Полки в универсальных магазинах почти пусты так же, как несколько лет назад, когда были предприняты попытки различных широко распубликованных планов усиления производства.

Однако наблюдается одно заметное отличие в результате вынужденного возвращения к системе оплаты по труду — необходимая уступка капиталистической практике. Несколько лет назад в СССР не было ни денег, чтобы купить товары, ни товаров, которые можно было бы купить. В настоящее же время у некоторых людей имеются деньги, которые еще имеют покупательную силу в стране. Но в магазинах нет не только предметов удобства и роскоши, но за редким исключением даже самых необходимых товаров.

Некоторое количество товаров еще поступает в магазины, в которые имеет доступ политически влиятельная новая аристократия. То, что остается после них, если что-нибудь только остается, предоставляется менее важным политическим работникам. Некоторый провал советской промышленности в выпуске достаточного количества необходимых товаров, сопровождающийся крахом рубля и прекращением импорта, объясняется неопытностью советских работников и отсутствием способностей к промышленному производству. Отчасти это связано еще и с тем, что огромные усилия сосредоточены на создании мощной Красной армии.

Однако после 20 лет усилий диктатуры один важнейший факт до сих пор остается неизбежным, а именно, налицо неудача попытки коммунистического строя заменить чем-либо личную заинтересованность, которая все же является настойчиво необходимым условием обеспечения успеха в современном промышленном веке.

Эти наблюдения и выводы основаны на самых достоверных и объективных данных, какие только доступны. Данные или высказывания, полученные в самом Советском Союзе, не заслуживают внимания. В стране очень трудно получить факты, на которых бы не отразилось влияние, или выслушать непредубежденное мнение. Советы считают, что советские массы недостаточность информации не беспокоит, а иностранцев это беспокоит. Как то, так и другое Советы устраивает. Вследствие этого даже сообщения о бесспорных фактах, касающиеся деловой жизни правительства СССР, так же редки, как и полная искренность.

Советский Союз является темным пятном на новой европейской карте. Ни одна газета и даже официальное советское агентство ТАСС не дают картины жизни в масштабе всей страны так, как к этому привыкли американские читатели. В СССР факты, касающиеся населения и не касающиеся политики или

правительства, не считаются новостями в американском смысле. Поскольку каждый существует для государства, то действия отдельных лиц не считаются важными, если они не связаны или не задевают государство. Какое-либо событие, имеющее большой интерес для данной местности, освещается местной газетой. Но подробности этого события не сообщаются остальной печати, если только это не содействует славе Союза Советских Социалистических Республик. В результате аккредитованные дипломаты и иностранные корреспонденты выписывают десятки газет, выходящих в городах, разбросанных по всей стране. Из этих газет они выбирают такие единичные факты, какие имеются относительно того, что происходит вне Москвы. С точки зрения газетной информации Москва и Кремль представляют всю Россию. Если в результате этого картина, преподносимая внешнему миру, является неверной, как это часто и происходит, то в этом повинна прежде всего система. До тех пор, пока управляет так или иначе диктаторское правительство, невозможна адекватная информация о том, что происходит среди 175-миллионного населения крупнейшей на земле страны.

Однако независимо от какого бы то ни было нерасположения к русским политическим теориям, все противники фашизма естественно считают, что при настоящем кризисе в Европе русская звезда должна бы быть восходящей. Если это так, то мрак неизвестности, в котором русская бюрократия сейчас нащупывает свою дорогу, в действительности помогает тому, чтобы скрыть этот факт.

После свыше чем 20 лет коммунизма-большевизма, из русского опыта возникло нечто такое, что рассматривается только как сталинизм. В данное время ответом на то, что из себя представляет Россия, что она делает и что думает, является Сталин и то, что он делает и что думает. Даже в Германии Гитлер не имеет такой полной власти, как Сталин. Возможно, что со временем власть Гитлера будет равна власти Сталина в настоящее время. Но это еще под сомнением. Гитлер имеет дело с нацией, культура, образование и умственное развитие которой всегда было выше, независимо от того, кто управляет этой страной. Германия никогда не была склонна мириться с угнетением или тиранией. Сталин же властвует в стране, в которой массы на протяжении столетий не пользовались привилегиями и не образованы. Они, за редкими исключениями, проявляют животную тупость под бичом политических погонщиков.

Итальянцы и немцы принесли свою личную и политическую свободу на алтарь тоталитаризма. Русские никогда не совершали такой глупости, потому что они никогда не пользовались ни личной, ни политической свободой при правительстве, которое было свергнуто. Через 20 с лишком лет после свержения царизма уровень жизни в России еще несравненно ниже, чем в Италии и в Германии. Но если материальное улучшение незначительно к данному времени, то имеется большое духовное перерождение, которое привело к тому, что миллионы людей подняли головы и у них появилась надежда. К несчастью для тысяч людей, они подняли свои головы так высоко, что стали мишенями. Ликвидации стали обычным явлением. Были ликвидированы аристократия, буржуазия и кулаки. За последние два года происходила отвратительная ликвидация ликвидаторов «старых большевиков» — первоначальной революционной группы, которая подняла Сталина до его настоящего высокого положе-

ния. Но наибольшей ликвидацией из всех является та, которая не так эффектна, но которая проводится настойчиво, — это ликвидация самого коммунизма. Коммунизм, как его представляли себе Маркс и Энгельс, больше не существует в Советском Союзе. То, что развилось из складок Красного знамени коммунизма, является восточным военным деспотизмом, железной рукой и безжалостностью. Это — варварский образец государственного социализма, управляемого современной бюрократией. Из этой бюрократии выросла новая политическая иерархия, жадная до власти и хладнокровная в своих казнях, как все, развивающееся из восточного склада мышления. Ни красные знамена, ни марксистские лозунги не являются достаточными, чтобы изменить существо жестокой русской натуры. *(Вторая половина абзаца отчеркнута на полях Сталиным.)*

Что же в действительности представляет собой СССР? Несмотря на громадную армию и огромные по своему количеству воздушные силы, СССР в настоящее время, по мнению иностранных военных наблюдателей, а также французских и английских государственных деятелей, представляет собой потерянную надежду, он сброшен со счетов, как фактор при любой ближайшей комбинации сил против фашизма». *(Абзац отчеркнут двумя линиями на полях Сталиным.)*

ТР. 6293. 14 апреля (ТАСС).

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 207. Л. 36—41. Текст, отпечатанный на гектографе. Резолюция Сталина: «Изгнать представителя этой газеты из Москвы». Подчеркивания и резолюция Сталина — автографы. Отметки о номерной регистрации резолюции Сталина нет, как и о выполнении его приказа.

[1] 16 февраля 1939 г. Политбюро рассмотрело «Вопрос НКИД» и постановило: «Не отказывая Рой Говарду в визе, предупредить его, что он не должен рассчитывать вторично на интервью» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 105). Дело в том, что 1 марта 1936 г. Сталин уже встречался с Говардом и дал ему обширное интервью, опубликованное на многих языках.

[2] 9 января 1937 г. Николай Ежов докладывал Сталину: «Направляю квартирное расписание (дислокация) воинских частей Германской Армии на 1935—36 год. Документ изъят нами 4/I с. г. в несгораемом шкафу германского военного атташе в Москве генерала КЕСТРИНГ, сфотографирован и положен на прежнее место <...> Изъятие и фотографирование документа было проведено лично старшим лейтенантом Государственной Безопасности тов. БИРО Б. Ф., успешно производящим в течение ряда лет выемки в здании Германского Посольства и его военного атташе в Москве. В особых и трудных условиях непосредственного проведения выемок в зданиях Германского посольства и его военного атташе тов. Биро Б. Ф. проявляет инициативу, смелость, находчивость и выдержку...» Ежов предлагает наградить Биро орденом Красной Звезды с формулировкой: «За особые заслуги в деле б[орь]бы с контрреволюцией». Резолюция Сталина: «За» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1134. Л. 73). Уже весной 1937 г. Биро будет арестован НКВД, объявлен участником заговора и позднее расстрелян.

[3] В мае 1939 г. Сталин обратит внимание на сообщение английских газет «Дейли телеграф» и «Морнинг пост» о первомайском параде в Москве. Автор отмечал, что в колоннах демонстрантов отсутствовали карикатуры Чемберлена, а также «неожиданное выступление 81 цельнометаллического двухмоторного бомбовоза. Количество этих самолетов было на этот раз в пять раз больше по сравнению с 7 ноября» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 207. Л. 45).

№ 368
ЛЕОНИД ЛЕОНОВ – СТАЛИНУ О ТВОРЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ

18 мая 1939 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

После романа «Дорога на океан», побитого и уже не издаваемого, я пробовал свои силы в театре. Две мои пьесы «Половчанские сады» и «Волк», отлично принятые театрами и т. Немировичем-Данченко, а после постановки в Художественном и Малом театрах – и советским зрителем, и Комитетом по делам Искусств, сейчас безоговорочно разгромлены в прессе. Повторяется история 1933 г., в тот раз организованная, как это выяснилось, плохими людьми. На глазах у молчащих организаций осмеивается и грязнится вся моя работа последних лет.

Тон статей бранный и издевательский. Не соблюдено даже элементарное уважение к чужому труду. Взгляните хотя бы на заголовок рецензии Б. Розенцвейга в «Комсомольской Правде». («Дорога» писалась 3 года, пьесы – 2.) Уже 18 лет я отдаю все свои силы советской литературе. В Германии сожжены 4 мои книги. А. М. Горький хорошо отзывался о моих работах («Беседа с рабкорами», «Предисловие к французскому изданию «Барсуков» и т. д.). Я выбит из колеи, вынужден оставить новую начатую работу. В эту крайнюю минуту у меня нет иного выхода, кроме обращения к Вам.

Если это отношение ко мне заслужено мною, не лучше ли мне оставить мою профессию и искать других путей быть полезным моему народу. Я представляю на Ваш суд мою писательскую судьбу.

Краткость этого письма диктуется опасением занять Ваше время.

18 мая 1939 г. *Писатель ЛЕОНИД ЛЕОНОВ*

Поступило в О.С.
19 мая 1939
ЦК ВКП(б)

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 761. Л. 49. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 369
ДУКЕЛЬСКИЙ – КУРЬЯНОВУ О ПОПРАВКАХ СТАЛИНА В ВАРИАНТЕ СЦЕНАРИЯ Вс. ВИШНЕВСКОГО «ПЕРВАЯ КОННАЯ»

2 июня 1939 г.

Копия
Тов. Курьянову

Внесите следующие редакционно-стилистические поправки в последний вариант сценария «Первая конная» и дайте мне его на утверждение.

1. Исключить «Давя людей, подводы опрокинули убитых и понеслись дальше».

2. Исключить слова: «Соответствующее отношение к тов. Ворошилову» и заменить словом: «бумагу».

3. Написано: «Значит, получает не так точно», надо написать: «Значит, получается не так точно».

4. Вместо: «Армия и не получила партийного коммунистического пополнения?» Исправить: «Армия не получила партийного пополнения?»

5. В конце фразы исключить: «Таковы оперативные замечания».

6. Вместо: «Отвечающий еще за армию», написать: «Отвечающий за фронт...»

7. Вместо: «Посадить» — «Арестовать!»

8. Вместо: «Товарищи об этой беседе» исправить: «Товарищи обо всем этом...»

9. Вместо: «А ты к чему клонишь?» исправить: «А Вы к чему клоните?»

10. Вместо: «Тебе можно дать, товарищ Петро Таран... на, бей врагов народа, учись...» — исправить: «Вам можно дать, товарищ Петро Таран... нате, бейте врагов народа, учитесь...»

11. Перестроить ремарку таким образом: «За вождями Конной ехали боевые соратники, прославленные начдивы: Тимошенко, Пархоменко, Апанасенко, Городовиков, а также Зотов, Хмельницкий и другие. За Ревсоветом шел его эскадрон в папахах и бурках».

12. Вместо: «Знамя в твердую руку» — исправить: «Знамя в твердые руки».

13. Вместо: «Пойдем и докажем» — «Пойдем и покажем».

14. Вместо: «Ну теперь Польша держись» — исправить: «Ну, теперь держись Польша!..»

15. Исключить из фразы: «...Мобилизовавши все черные силы Германии, Австрии, Венгрии и Румынии. Без поддержки капиталистических стран Польша не смогла бы организовать своего нападения».

Исправить: «...Мобилизовавши все черные силы. Без поддержки капиталистических стран Польша не смогла бы организовать нападения».

16. Вместо: «Все относительно годное...» — исправить: «Все годное...»

17. Дополнить фразу новым текстом и читать ее так: «Следовательно, если не считать некоторых слабых пехотных частей против трех армий Польши и т. д.»

18. Вместо: «Мы обязаны взять ответственность за спасение фронта и государства на себя...» — исправить: «Мы обязаны взять на себя ответственность за спасение фронта».

19. Исключить из фразы слова: «Не считаясь со временем суток».

20. Исключить из фразы слова: «Чтобы превратить Россию в жалкое зависимое государство, оставив, может быть, 3—4 губернии».

21. Вместо: «Пойдем же и теперь, зная, что из нашей борьбы родится новая великая система, коммунизм! Пойдем и победим!»

Исправить: «Пойдем же и теперь на врага! Пойдем и победим!»

22. Вместо: «За происходящими делами» — исправить: «За нашими делами».

23. Дополнить вместо: «Шоб избавиться от панов»... — исправить: «Шоб избавиться от польских панов».

24. Вместо: «Господ не пускайте» — «Панов не пускайте».

25. На ленте вместо: «Благодарю за все, что Вы сделали». Исправить: «Очень хорошо». Там же исключить слова: «Сделал не больше того, что сделал каждый член партии, выполняя поручение Центрального Комитета». Там же: вместо: «Еще раз спасибо» — исправить: «Очень хорошо». Там же исключить: «Обнимаю Вас».

26. Вместо: «Посмотрим, что тут нужно сделать», исправить: «Посмотрим, что тут можно сделать».

С. ДУКЕЛЬСКИЙ

2.VI-39 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 165. Л. 199—201. Машинописная копия. Подпись и дата — автографы.

Раздел четвертый

МИР, ВОЙНА И МИР

(сентябрь 1939 — март 1953)

№ 370
ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ «ИЗВЕСТИЙ» (О РЕЧИ ГИТЛЕРА В РЕЙХСТАГЕ) С ПРАВКОЙ СТАЛИНА

9 октября 1939 г. (не позднее)

МИР ИЛИ ВОЙНА?

Сегодня (*Сталин меняет*: «Теперь уже») никто не может оспаривать, что война в Польше закончилась (*Сталин зачеркивает*: «уже») несколько недель тому назад. Польская армия интернирована или взята в плен. Полностью обанкротившееся правительство Польши бежало за ее пределы. Кроме помещичье-буржуазной верхушки, в шляхетской (*Сталин меняет*: «в панской») Польше не нашлось ни одной общественной силы, которая бы желала сохранить существование лоскутного, искусственно созданного государства, основанного на бесправии и угнетении всех населявших его народов, не исключая и польского народа.

Правительство СССР и правительство Германии поставили перед собой задачу навести мир и порядок на территории бывшей Польши и обеспечить живущим на этой территории народам мирное существование, которое бы соответствовало их национальным особенностям.

Неслыханный по своей быстроте распад государственного организма Польши, являющийся неопровержимым доказательством его нежизнеспособности, устраняет причины для продолжения войны и в Западной Европе. Даже слепые теперь могут видеть, что польское государство в его прежнем виде и на прежней территории не может быть восстановлено. Между тем, война Англии и Франции против Германии ведется под флагом восстановления Польши. (*Сталин дописал*: «Поэтому») дальнейшая война не может быть оправдана ничем и является бессмысленным кровопролитием. Прекращение этой войны отвечало бы интересам народов всех стран.

В своей речи на заседании германского рейхстага 6 октября глава германского правительства Гитлер изложил предложения Германии, направленные на урегулирование вопроса о Польше и на ликвидацию войны. Гитлер предложил созвать конференцию великих держав, которая бы установила определенные гарантии, обеспечивающие в Европе спокойствие и безопасность. В частности, Гитлер внес предложение о создании польского государства в новых (*Сталин дописал*: «этнографических») границах, строение и руководство которого не допускали бы возможности превращения его вновь в очаг военной опасности в Восточной Европе. Гитлер также заявил, что Германия не выдвигает и никогда больше не выдвинет перед Францией каких-либо территориальных требований. В своей внешней политике германское правительство, — по словам Гитлера, — будет исходить из того факта, что Версальский договор

больше не существует, а, следовательно, Германия не имеет никаких причин для какой-либо дальнейшей ревизии, за исключением требования о предоставлении ей соответствующих ее значению колоний, в первую очередь — возвращения бывших германских колоний.

Предложения Гитлера могут быть приняты, отклонены или подвергнуты тем или иным поправкам. Но нельзя не признать того, что, во всяком случае, они могут служить (*Сталин дописал*: «реальной и практической») базой для переговоров, направленных к скорейшему заключению мира. Можно было бы предполагать ввиду этого, что правительства Англии и Франции подчеркивающие в своих декларациях (*зачеркнуто Сталиным*: «что единственное их стремление обеспечить прочный и длительный мир») свое стремление к миру, серьезным и деловым образом отнесутся к возможности быстрой ликвидации войны.

Однако отклики английской и французской прессы на заявление Гитлера пока не свидетельствуют об этом. Большая часть газет требует, чтобы мирные предложения Гитлера были оставлены без всякого рассмотрения и чтобы война продолжалась до полного достижения тех целей, которые Англия и Франция поставили перед собой, вступая в войну. Характерно, что требование восстановления Польши, которое ранее фигурировало как основное, за последнее время в статьях и высказываниях английских и французских журналистов скромно отошли на задний план (*Сталин зачеркнул*: «и редко упоминаются»). В качестве такого основного требования ныне провозглашается «уничтожение гитлеризма» (*кавычки поставлены Сталиным*). Борьба с гитлеровской идеологией, — так изображается цель нынешней войны английскими и французскими (*Сталин зачеркивает*: «обозревателями» *и пишет*: «политическими деятелями»).

Так, газета «Дейли Мейл» в номере от 7 сентября пишет: «Могут ли эти предложения Гитлера служить базой для переговоров с германским правительством, которому мы могли бы доверять? С некоторыми оговорками — да... Что же касается теперешнего германского правительства, то есть Гитлера и его сподручных, то ответ будет — нет!» В таком же плане выступает газета «Таймс», утверждая, что «Гитлер и гитлеризм... являются непреодолимым барьером для переговоров о заключении подлинного мира». Прекращение войны, по мнению «Таймс», было бы лишь на пользу теперешнему правительству Германии.

Высказывания большинства других газет сводится к тому, что «гитлеровский дух» является главным и единственным источником военной опасности не только в Европе, но и во всем мире.

Таким образом, борьба против идеологии гитлеризма выдвигается в качестве основной и даже единственной (*Сталин зачеркнул*: «причины») и цели современной войны. Следует полагать (*зачеркнуто Сталиным и исправлено*: «несомненно»), что эти высказывания (*зачеркнуто*: «в какой-то мере») отражают точку зрения и правительственных кругов Англии и Франции.

Могут ли быть эти аргументы за продолжение войны признаны сколько-нибудь обоснованными и убедительными?

Каждый человек волен выражать свое отношение к той или иной идеологии, имеет право защищать или отвергать ее. Но бессмысленной и нелепой жестокостью является истребление людей из-за того, что кому-то не нравятся

определенные взгляды и мировоззрение. Это сильно отдает мрачными временами средневековья, когда велись опустошительные войны во имя уничтожения еретиков и инаковерующих. Однако история показала, что подобные крестовые походы не приносили их организаторам ни славы, ни пользы. Огнем и мечом нельзя уничтожить никакой идеологии, никакого мировоззрения. (*Начиная со слов* «Это сильно» *Сталин переписал фрагмент и добавил свой вывод*: «Это возвращает нас к мрачным временам средневековья, когда велись опустошительные религиозные войны во имя уничтожения еретиков и инаковерующих. Однако история показала, что подобные идеологические и религиозные походы приводили лишь к истреблению целых поколений и культурному одичанию народов. Огнем и мечом нельзя уничтожить никакой идеологии, никакого мировоззрения. Можно уважать или ненавидеть гитлеризм, как и всякую другую систему политических взглядов. Это дело вкуса. Но затевать войну из-за «уничтожения гитлеризма» — значит допускать в политике преступную глупость»).

До последнего времени правящие классы Англии и Франции отнюдь не были известны своей готовностью проливать кровь, а главное — нести расходы ради каких-либо идейных целей. Факты, известные из истории этих государств, говорят обратное. Обычно декларации о высоких принципах и идеях прикрывали (*Сталин зачеркнул*: «более реальные» *и написал*: «земные») и практические устремления.

Естественно, что и в данном случае напрашивается вопрос, — не маскирует ли (*Сталин вписал слово*: «лозунг») борьбы против «гитлеровского духа», «гитлеровской идеологии» и т. п. иные цели, определяемые (*Сталин зачеркнул*: «империалистическим характером воюющих государств», *вместо этого стало*: «стремлением правящих кругов Англии и Франции укрепить свое мировое господство»).

В этом отношении заслуживает внимания статья Бернарда Шоу, опубликованная в журнале «Нью Стейтсмен энд Нэйшн». «Война в Польше кончилась, — пишет Шоу. — Поскольку дело Польши проиграно, у Англии не остается предлога для продолжения войны. Тогда (*Сталин исправил*: «теперь») мы сбросили маску рыцарства и открыто признали, что нам нет дела до Польши, а мы намерены, исходя из нашего старого принципа сохранения равновесия, обессилить Германию, и теперь называем это — уничтожением гитлеризма. Если мы победим, — продолжает Шоу, — это будет означать новый Версаль, только в худшем издании, и новую войну, которая наступит раньше, чем через 20 лет... Оправдания для войны нельзя найти, сколько бы мы ни болтали относительно свободы, демократии и всего того, что мы упразднили у себя в стране. Наша задача сейчас — это заключить мир с Германией и со всем остальным миром, а не совершать еще большего зла, которое разрушит жизнь нашего народа».

Можно полагать (*Сталин зачеркнул и исправил*: «Следует признать»), что Бернард Шоу во многом прав. Английские и французские правящие круги, судя по всему, очень мало озабочены судьбой Польши или освобождением германского народа от гитлеровского режима. Эти государства сосредоточили в своих руках подавляющее большинство колониальных владений. Британская империя владеет колониями с 450-миллионным населением. Франция также обладает огромной колониальной империей с 65 миллионами жителей. Очевидно, стремление удержать эти гигантские владения против германских

притязаний, сохранить свое безраздельное господство над ними, обеспечивающее бесконтрольную эксплуатацию сотен миллионов колониальных рабов, — является более действенным мотивом заинтересованности правительств Англии и Франции в войне против Германии. Попытка игнорировать мирные предложения Германии (*Сталин зачеркивает*: «отказаться даже от их обсуждения снимает рыцарскую маску с подлинных виновников и поджигателей войны» *и вписывает новый финал статьи*: «значит, взять на себя ответственность за дальнейшее развязывание войны, следовательно, взять на себя ответственность за те колоссальные жертвы, которые связаны с (*было написано*: «неизбежные при продолжении») войной.

Мир или война — так стоит вопрос. Сторонники лозунга «войны до победного конца» стоят за дальнейшее развязывание войны, за войну и против мира. Но кому на пользу эта война, ведомая из-за мирового господства? Во всяком случае, не рабочему классу. Рабочий класс может только пострадать в такой войне.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1123. Л. 32—37. Машинописный подлинник. Правка Сталина — автограф.

Опубликовано: Известия. 1939. № 234. 9 окт.

№ 371

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ В «ПРАВДЕ» (ПО СЛУЧАЮ ПОДПИСАНИЯ «ДОГОВОРА О ВЗАИМОПОМОЩИ И ДРУЖБЕ МЕЖДУ СССР И ФИНЛЯНДСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ») С ПРАВКОЙ СТАЛИНА

4 декабря 1939 г. (не позднее)

НЕСОКРУШИМАЯ ДРУЖБА СОВЕТСКОГО И ФИНЛЯНДСКОГО НАРОДОВ

Свою речь по радио 29 ноября глава Советского Правительства, товарищ Молотов закончил словами:

«Единственной целью наших мероприятий является — обеспечение безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда с его трех с половиной миллионным населением. В современной накаленной войною международной обстановке решение этой жизненной и неотложной задачи государства мы не можем поставить в зависимость от злой воли нынешних финляндских правителей. Эту задачу придется решить усилиями самого Советского Союза в дружественном сотрудничестве с финляндским народом. Мы не сомневаемся, что благоприятное разрешение задачи обеспечения [безопасности] Ленинграда послужит основой нерушимой дружбы между СССР и Финляндией»[1].

С огромным и единодушным подъемом встретил советский народ речь товарища В. М. Молотова, приветствуя решение Советского Правительства положить конец наглой провокации марионеточных финляндских министров и открыть этим путь для дружественных переговоров с подлинными представителями финляндского народа[2].

Прошло два-три дня. Мощный удар доблестной Красной Армии в ответ на провокаторские выходки на советской границе поверг в панику и растерянность обанкротившихся политиков финляндской буржуазии. Одно прави-

тельство кувыркается вслед за другим, тщетно цепляясь за своих иностранных покровителей-подстрекателей. А в освобожденной Финляндии (*Сталин зачеркнул*: «послышался», *исправив*: «раздался») голос подлинного трудового народа. Правительство Финляндской Демократической Республики призвало весь свой народ к совместной с Красной Армией борьбе против (*Сталин зачеркнул*: «бесчестного, продажного правительства помещиков и капиталистов», *исправил*: «поджигателей войны и угнетателей финского народа»)[3].

Дружное сотрудничество Советского Союза с финляндским народом установилось с первых же шагов Красной Армии, разбивающей цепи иностранного империализма, которыми скованы трудящиеся Финляндии. Это сотрудничество закреплено теперь в договоре о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской демократической республикой. (*Сталин зачеркнул*: «Публикуемый сегодня текст этого договора имеет выдающееся историческое значение».)[4]

Господа Каяндеры и Таннеры не могли найти общий язык с Советским правительством, потому что — в угоду своим хозяевам, иностранным правительствам (*Сталин исправил*: «иностранным хозяевам»), они руководились не миром, а враждой (*Сталин исправил*: «не стремлением к миру, а чувством вражды к СССР»). Переговоры тянулись бесплодно. Они были сорваны финляндскими провокаторами (*Сталин дописал*: «войны»). Печать империалистических поджигателей мировой войны, любителей загребать жар чужими руками, поощряла недальновидных политиков финляндской буржуазии (*Сталин дописал*: «к войне против СССР»).

Наоборот, переговоры Советского Правительства с представителями Финляндской Демократической Республики закончились в краткий срок. Общий язык найден был с первого слова, потому что это — язык дружбы и глубокого взаимного доверия. (*Сталин зачеркнул*: «Договор отвечает интересам советского и финляндского народов, сохраняя в полной мере независимость, суверенность договаривающихся сторон».)

Договор открывает новую историческую страницу в отношениях между обоими соседними государствами, навсегда устраняет почву для взаимных опасений (*Сталин исправил*: «взаимного недоверия») и создает основу для прочной, нерушимой дружбы.

Навсегда (*Сталин исправил*: «по этому договору») ликвидируется опаснейший очаг войны, созданный у границ Советского Союза прежней плутократической властью в Финляндии в угоду империалистических держав (*исправил*: «захватчиков»). Граница на Карельском перешейке отодвигается в северном направлении от Ленинграда. (*Сталин продолжил фразу*: «с переходом к Советскому Союзу финской территории в размере 3970 квадратных километров, причем Советский Союз возмещает Финляндии стоимость железнодорожных мостов Финляндии, отходящих к СССР».)

Осуществляются, с другой стороны, вековые чаяния финского народа о воссоединении карельского народа с родственным ему финским народом в едином финляндском государстве. Для этого Советский Союз выражает согласие передать Финляндской Демократической Республике (*Сталин зачеркнул*: «районы Советской Карелии», *исправил*: «советскую территорию») с преобладающим карельским населением — в размере 70.000 квадратных километров.

(*Сталин*: «Далее») договор обеспечивает взаимные интересы Советского Союза и Финляндии в обороне берегов Финского залива, в укреплении безопасности СССР и Финляндии. Советский Союз для создания военно-морской базы, способной охранять от агрессии вход в Финский залив, получает в аренду полуостров Ханко, прилегающее к нему морское пространство и острова. Финляндская Демократическая Республика продает Советскому Союзу лежащие в Финском заливе перечисленные в договоре острова, а также часть полуостровов Рыбачьего и Среднего на побережье Северного Ледовитого океана (*Сталин дописал*: «за общую сумму в 300 миллионов финских марок»).

(*Сталин*: «Наконец») дружба между СССР и Финляндской Демократической Республикой закрепляется взаимными обязательствами не участвовать во враждебных другой стороне союзах и коалициях; развитием экономических связей по торговому договору; обязательством Советского Союза оказывать Финляндской Народной Армии помощь вооружением и прочими военными материалами.

Далее зачеркнуто: «Договор заключен в Москве. Обмен ратификационных актов будет произведен в столице Финляндии – городе Хельсинки. Договор предусматривает, что это последует в возможно более короткий срок».

Таково содержание договора.

Далее зачеркнуто Сталиным несколько страниц машинописного текста: «Он примыкает к тем договорам, которые Советский Союз заключил с Эстонией, Латвией и Литвой в целях обеспечения военных интересов обороны, в интересах укрепления прочного и длительного мира в Европе. Новый договор со всей очевидностью свидетельствует о неизменной советской политике мира, уважения и независимости и суверенитета государств – соседей СССР». (*Пометка Сталина*: «Вставка».)

Далее текст полностью зачеркнут Сталиным:

«Казалось бы, эту политику должны были приветствовать те правительства, которые на весь мир кричат о своем миролюбии, о защите малых народов и т. д. Откуда же тот вой и визг, который подняла империалистическая печать в ряде стран, в том числе и в Соединенных Штатах Америки? Реакционная печать Англии, Франции и США соревнуется в бешеном лае и в грязнейшем вранье. Можно подумать, что буржуазия этих стран мобилизовала всех своих жуликов для «благородного» протеста против действий Советского Правительства, направленных на защиту жизненных интересов нашего государства. Наемные плакальщицы империализма не могут перенести того, что Красная Армия отбросила и еще дальше отбросит разбойничьи банды барона Маннергейма от Ленинграда, что она раз навсегда отобьет охоту у международных авантюристов лезть поближе к советским границам. (*Сталин написал и зачеркнул комментарий*: «Не то».)

Нам знакомы эти гнусные вопли. Советский народ слышал их в 1918–1920 г.г., когда такие же банды того же разбойного барона, одетые в мундиры из американского сукна, с английским оружием в руках подбирались к городу Ленина, к колыбели пролетарской революции. Бандиты были отбиты и разбиты. Но планы использования Финляндии как плацдарма против Советского Союза, как укрепленного района для новой интервенции – эти планы столь же подлые, как и бессмысленные, – они остались, они вынашивались в укромных кабинетах Лондона, Парижа и Вашингтона. Их лелеяли поджигатели

мировой войны, которые прикармливали финляндских провокаторов и тешили своих псов несбыточными надеждами.

Все это разоблачено в первые же дни следования Красной Армии по финляндской территории, которая была превращена империалистами в плацдарм агрессии. Сюда вкладывали немалые деньги капиталисты Англии и США. Здесь прокладывались дорогостоящие стратегические дороги, единственный смысл которых — в войне против Советского Союза. Какое дело было международным авантюристам, поджигателям войны до финляндского народа! Они приносили его жизнь, его безопасность в жертву своим захватническим планами, своей ненасытной, неугасающей ненависти к Советскому Союзу, к государству рабочих и крестьян. Бандиты иностранного империализма показывают это, расправляясь самым варварским и жестоким образом с финляндским населением. Уходя от Красной Армии, негодяи поджигают города и села, гонят перед собой мирное население финляндских деревень, зная, что оно на стороне Красной Армии, на стороне правительства Финляндской Демократической Республики. Тех, кто не хочет уходить, расстреливают. Барон Маннергейм снова проявляет свой «талант» свирепого палача финляндского народа. Начав свою презренную карьеру в Финляндии с убийства десятков тысяч рабочих, крестьян, интеллигентов, старый царский волк заканчивает ее гнусным расстрелом финляндского мирного населения, которому он всегда был чужд и враждебен. (*Напротив абзаца Сталина написал*: «Не то», «По-иному», *а затем зачеркнул собственные комментарии.*)

Продажная, бесчестная печать Англии, Франции и США цинично изобретает мнимые «жестокости» советских войск, врет о бомбардировке городов — и в то же время не только замалчивает массовые убийства мирного населения бандами палача, человека-зверя Маннергейма, а и открыто призывает его к новым преступлениям.

Понятна эта истерическая ложь империалистической печати, это неистовство выдающих себя с головой провокаторов. Финляндия — плацдарм международной контрреволюции и интервенции — более не существует. Финляндия — орудие преступных замыслов против советского народа — сметена самим финляндским народом при дружеской помощи Красной Армии. Есть свободная, независимая Финляндия, которая не позволит прохвостам Таннерам и Каяндерам, продажным агентам иностранного империализма, играть судьбами страны и народа. Есть свободная, независимая Финляндия, которая все трудолюбие своего населения, все способности рабочих, крестьян и интеллигенции направит на процветание своей родины. (*Сталин на полях*: «Не то».)

Эту Финляндию приветствует весь советский народ. В дружбе с этой подлинной Финляндией советский народ уничтожает ту искусственную границу, которую шведские феодалы и русские цари провели по живому телу карельского народа. (*Сталин на полях*: «Не то».) Псы империализма могут лаять сколько им угодно. Это угрожает только их собственным глоткам. Великий советский народ в союзе со свободным финляндским народом доведет до конца начатое историческое дело. Финляндия будет навсегда свободна! Ничья грязная рука не протянется к Ленинграду!

Нерушимая дружба СССР и Финляндской Демократической Республики создает основу для прочного мира на всем севере Европы. От того, что будут навсегда выброшены провокаторы и поджигатели мировой войны, выиграют

все соседи Финляндии и СССР. Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой – это новый неоценимый вклад в дело мира, вносимый твердой и мудрой сталинской политикой Советского Правительства[5].

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1123. Л. 41—51. Машинописный и рукописный подлинники. Правка Сталина — автограф.

На л. 41 пометка рукой неизвестного: «Газ. «Правда». 4 декабря статья опубликована в «Правде» в качестве передовой под названием «Пакт о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской демократической республикой». Вторая половина передовой, после указания Сталина: «вставка» начиная со слов «Не приходится доказывать, что ни одна «демократическая» держава, скажем, Англия, Франция или Соединенные штаты Северной Америки» — до заключительного предложения «Безопасность Ленинграда и подступов к нему нужно считать отныне обеспеченной» написана Сталиным. Автограф с указанием «Вставка к л. 4» (там же, л. 45—48). Сталин также правил передовую статью «Известий», опубликованную 5 декабря 1939 г. (№ 280) под заголовком «Исторический договор». В разделе статьи о поддержке западными демократиями «свергнутых финским народом совместно с Красной армией СССР палачами и эксплуататорами финского народа» вычеркнуты слова: «Сейчас, разумеется, они награждают кровавых палачей финского народа и провокаторов войны против СССР титулами «безупречных демократов» и «убежденных поборников мира». Но горе тем сынам финского народа, которые поверили бы этим лицемерным воплям империалистов! Счастье финского народа в том, что не эти «жалостливые» джентльмены являются его соседями» (там же, л. 59).

[1] Речь по радио Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. Молотова 29 ноября 1939 г. // Правда. 1939. 30 нояб.

[2] В ноте советского правительства Финляндии от 28 ноября подчеркивалось, что «Советское правительство считает себя вынужденным заявить, что с сего числа оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и систематически нарушаемого правительством Финляндии».

[3] 1 декабря ТАСС сообщало из Ленинграда: «Сегодня в гор. Териоки по соглашению представителей ряда левых партий и восставших финских солдат образовалось новое правительство Финляндии». 2 декабря в опубликованной в «Правде» и подписанной Председателем Народного Правительства и министром Иностранных дел Финляндии Отто Куусиненом «Декларации Народного Правительства Финляндии» («Радиоперехват. Перевод с финского») говорилось: «Для быстрейшего выполнения этой задачи Народное Правительство Финляндии приглашает Правительство СССР оказывать Финляндской Демократической республике все необходимое содействие силами Красной Армии».

[4] 2 декабря в Москве состоялись переговоры между Молотовым и Куусиненом, в которых приняли участие Сталин, Ворошилов и Жданов. «Переговоры закончились подписанием договора о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической Республикой». Текст договора из 8 статей опубликован в «Правде» 3 декабря 1939 г.

[5] Существенно переработанная передовая статья под новым названием «Пакт о взаимопомощи и дружбе между СССР и Финляндской Демократической Республикой» была опубликована в «Правде» в понедельник 4 декабря 1939 г. Вторая половина передовицы начиная со слов «Таково содержание договора» была полностью переписана согласно многочисленным указаниям Сталина: «Не то». Все острие пафоса кри-

тики было направлено против западных «демократических» государств. Приводилась цитата из газеты «Таймс» за апрель 1919 г. Был добавлен момент в критике Маннергейма и было четко указано на ограниченный характер советской агрессии против независимой Финляндии: «Но было бы глупо смешивать эту отпетую кампанию провокаторов войны с северо-востоком Европы, т. е. с Финляндией, Швецией, Данией, Норвегией, которым Красная Армия не думала и не намерена угрожать». Итоговые выводы статьи: «Тем самым кладется конец антисоветским махинациям империалистов в этой части Европы. Безопасность Ленинграда и подступов к нему нужно считать отныне обеспеченной».

№ 372
ФАДЕЕВ — ПОСКРЕБЫШЕВУ О ВОСПОМИНАНИЯХ К. ЗЕЛИНСКОГО

7 января 1940 г.

Дорогой товарищ Поскребышев!

Направляю Вам воспоминания К. Зелинского о встрече товарища Сталина с писателями у А. М. Горького в 1932 году. Я на этой встрече присутствовал. Высказывания товарища Сталина записаны Зелинским, разумеется, не полно, но правдиво. Все, касающееся литературы, актуально и сейчас. Вот почему я прошу Вас выяснить возможность напечатания этих воспоминаний в «Литературной газете» и во втором издании сборника «Встречи с товарищем Сталиным»[1].

С коммунистическим приветом

ФАДЕЕВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 720. Л. 124. Машинописный подлинник на бланке правления ССП. Подпись — автограф.

[1] См.: Зелинский К. Одна встреча у Горького // Вопросы литературы. 1991. № 5. С. 144—170.

№ 373
СТАТЬЯ В «ПРАВДЕ» «БЕССЛАВНАЯ СМЕРТЬ ТРОЦКОГО» С ПРАВКОЙ СТАЛИНА

24 августа 1940 г. (не позднее)

БЕССЛАВНАЯ СМЕРТЬ ТРОЦКОГО[1]

Телеграф принес известие о смерти Троцкого[2]. По сообщению американских газет, на Троцкого, проживавшего последние годы в Мексике, было совершено покушение. Покушавшийся — Жак Мортан Вандендрайш — один из ближайших людей и последователей Троцкого.

В могилу сошел человек, чье имя с презрением и проклятием произносят трудящиеся во всем мире, человек, который на протяжении многих лет боролся против дела рабочего класса и его авангарда — большевистской партии (*Сталин зачеркнул*: «против Ленина и Сталина» *и соединил два абзаца*). Господствующие классы капиталистических стран потеряли верного своего слугу. Иностранные разведки лишились долголетнего, матерого агента, не брезгавшего никакими средствами для достижения своих контрреволюционных целей.

Троцкий прошел длинный путь предательства и измены, политического двурушничества и лицемерия. Недаром Ленин еще в 1911 году окрестил Троцкого кличкой «Иудушка». И эта заслуженная кличка навсегда осталась за ним (*Сталин исправил*: «за Троцким»).

Троцкий начал свою политическую деятельность как меньшевик (*Сталин дописал*: «антиреволюционер»). Уже в 1903 году, на втором съезде РСДРП, он яростно выступает против Ленина, отстаивая и поддерживая взгляды Мартова и других (*Сталин дописал*: «антиреволюционных») меньшевистских лидеров. Вскоре, к началу русско-японской войны, Троцкий еще откровеннее показывает свое лицо (*Сталин зачеркивает*: «оппортуниста» *и пишет*: «отступника и антиреволюционера»). Он скатывается на позиции махрового оборончества, то есть защиты «отечества», царя, помещика и капиталистов.

(*Зачеркнуто Сталиным*: «Не веря в силы пролетариата») Троцкий встретил революцию 1905 года пресловутой теорией «перманентной» революции. Это была теория разоружения пролетариата, демобилизации его сил (*Сталин зачеркивает*: «и энергии»). После поражения революции 1905 года Троцкий поддерживает меньшевиков-ликвидаторов. Владимир Ильич Ленин так писал тогда о Троцком: «Троцкий повел себя, как подлейший карьерист и фракционер... Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров». (*Сталин выделил слова Ленина в отдельный абзац.*)

Троцкий явился, как известно, организатором августовского (*Сталин дописал*: «антиреволюционного») блока всех (*Сталин зачеркнул*: «антибольшевистских») групп и течений, выступавших против Ленина.

Начавшуюся в августе 1914 года империалистическую войну Троцкий встретил, как и следовало ожидать, на той стороне баррикад — в стане (*Сталин зачеркнул*: «апологетов и») защитников империалистической бойни. Он прикрывал свою измену пролетариату «левыми» фразами о борьбе с войной, фразами, рассчитанными на обман рабочего класса. По всем важнейшим вопросам войны и социализма Троцкий выступал против Ленина, против большевистской партии.

Всевозрастающую силу влияния большевиков на рабочий класс, на солдатские массы после февральской буржуазно-демократической революции, огромную популярность лозунгов Ленина (*Сталин зачеркнул*: «и Сталина») в народных массах меньшевик Троцкий расценил по-своему. Он (*Сталин зачеркнул*: «вошел» *и написал*: «вступил в нашу партию») в июле 1917 года вместе с группой своих единомышленников (*Сталин продолжил фразу*: «заявив, что он «разоружился» до конца» *и зачеркнул*: «в партию большевиков с целью взорвать нашу партию изнутри»).

Последующие события (*Сталин зачеркнул*: «со всей очевидностью») показали, однако, что меньшевик Троцкий (*Сталин добавляет*: «не разоружился»), ни на минуту не прекратил борьбы против Ленина (*Сталин продолжил*: «и вошел в нашу партию для того, чтобы взорвать ее изнутри»).

Уже через несколько месяцев после Великой октябрьской (*Сталин зачеркнул*: «социалистической») революции весной 1918 года Троцкий вместе с группой так называемых «левых» коммунистов и левых эсеров организует злодейский заговор против Ленина, стремясь арестовать и физически уничтожить вождей пролетариата Ленина, Сталина и Свердлова. Как и всегда, сам Троцкий —

провокатор, организатор убийц, интриган и авантюрист – остается в тени. Его руководящая роль в подготовке этого злодеяния, к счастью неудавшегося, полностью вскрывается лишь через два десятилетия на процессе антисоветского «право-троцкистского блока» в марте 1938 года. Только через двадцать лет грязный клубок преступлений Троцкого и его приспешников был окончательно распутан.

В годы гражданской войны, когда страна Советов отражала натиск многочисленных полчищ белогвардейцев и интервентов, Троцкий своими предательскими действиями и вредительскими приказами всячески ослаблял силу сопротивления Красной Армии, ввиду чего ему было воспрещено Лениным посещать Восточный и Южный фронты. Общеизвестен факт, когда Троцкий, в силу своего враждебного отношения к старым большевистским кадрам, пытался расстрелять целый ряд неугодных ему ответственных коммунистов-фронтовиков, действуя этим на руку врагу.

На том же процессе антисоветского «право-троцкистского блока» был перед всем миром вскрыт весь предательский, изменнический путь Троцкого: подсудимые на этом процессе, ближайшие сподвижники Троцкого, признались, что и они, и вместе с ними и их шеф Троцкий уже с 1921 года были агентами иностранных разведок, были международными шпионами. Они во главе с Троцким ревностно служили разведкам и генеральным штабам Англии, Франции, Германии, Японии.

Когда в 1929 году советское правительство выслало за пределы нашей родины контрреволюционера, изменника Троцкого, – капиталистические круги Европы и Америки приняли его в свои объятья. Это было не случайно. Это было закономерно. Ибо Троцкий уже давным-давно перешел на службу (*Сталин зачеркнул*: «в лагерь угнетателей и эксплуататоров» *и написал*: «эксплуататорам рабочего класса»).

Троцкий запутался в своих собственных сетях, дойдя до предела человеческого падения. Его убили его же сторонники. С ним покончили те, которых он учил (*в «Правде» добавлено*: «убийству из-за угла») предательству и злодеяниям против рабочего класса, против страны Советов. Троцкий, организовавший злодейское убийство Кирова, Куйбышева, М. Горького, стал жертвой своих же собственных интриг, предательств, измен, злодеяний[3].

Со смертью Троцкого с политической арены кап. мира сошла еще одна фигура матерого шпиона и агента, заклятого врага трудящихся (*это предложение Сталин зачеркнул и вписал следующий, финальный абзац*).

Троцкий стал жертвой своих же собственных интриг, предательств, измен. Так бесславно кончил свою жизнь этот презренный человек, сойдя в могилу с печатью международного шпиона[4] на челе.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1124. Л. 63—66. Машинописный подлинник. Правка Сталина — автограф.

[1] Сталин меняет название статьи на «Смерть международного шпиона». 24 августа 1940 г. «Правда» публикует статью без подписи.

[2] 22 августа 1940 г. «Правда» публикует краткое сообщение ТАСС из Нью-Йорка «Покушение на Троцкого»: «По сообщению американских газет, 20 августа было совершено покушение на Троцкого, проживающего в Мексике. Покушавшийся назвал себя Жак Мортан Вандендрайш и принадлежит к числу последователей и ближайших

людей Троцкого». 24 августа «Правда» публикует краткое сообщение ТАСС «Смерть Троцкого» из Лондона за 22 августа: «Лондонское радио сегодня сообщило. В Мексике в больнице умер Троцкий от пролома черепа, полученного во время покушения на него одним из лиц его ближайшего окружения».

[3] Это предложение отсутствовало в машинописном оригинале и в автографе правки Сталина.

[4] В окончательном варианте: «международного шпиона и убийцы на челе».

№ 374
ЧАГИН – ПОСКРЕБЫШЕВУ О КНИГЕ ФЕДОРОВА «КАРТАЛИНСКАЯ ПОВЕСТЬ». ЗАПИСКА СТАЛИНА ЖДАНОВУ

11—14 сентября 1940 г.

Тов. А. Н. Поскребышеву

Посылаю Вам пять экземпляров книги Евг. Федорова «Карталинская повесть», отпечатанной Гослитиздатом, согласно указания Управления Пропаганды ЦК ВКП(б) (тов. П. Н. Поспелова), на правах рукописи с тем, чтобы вопрос об издании книги окончательно решить по ознакомлении с ней.

П. ЧАГИН,
И. о. директора Гослитиздата

Приложение: 5 экзем. книги.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 730. Л. 43. Машинописный подлинник на бланке издательства. Пометка рукой Поскребышева: «Остальные экземпляры находятся в Особом секторе. П.».

СТАЛИН – ЖДАНОВУ

т. Жданов!

Т. Поспелов поступил глупо и неприлично, заказав Федорову книгу обо мне без моего согласия (и ведома).

Книгу Федорова нужно ликвидировать как халтурную, а Поспелову дать надрание.

14.IX-40 г. *И. СТАЛИН*

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 730. Л. 188. Рукописный подлинник.

№ 375
ЧАГИН – ПОСКРЕБЫШЕВУ О КНИГАХ «КАРТАЛИНСКАЯ ПОВЕСТЬ» ФЕДОРОВА И «ДЕТСТВО ВОЖДЯ» ГАМСАХУРДИА

24 сентября 1940 г.

Тов. А. Н. Поскребышеву

Кроме забракованного макета книги «Карталинская повесть» Евг. Федорова в Гослитиздате в состоянии макетирования находится книга грузинского писателя Константина Гамсахурдия «Детство вождя». Она была издана в Тбилиси на грузинском языке к 60-летию товарища Сталина. Редактировал ее секретарь ЦК КП(б) Грузии тов. Тавадзе.

Ознакомившись с книгой К. Гамсахурдиа «Детство вождя» в переводе на русский язык, тов. П. Н. Поспелов дал распоряжение Гослитиздату об изготовлении пробного макета книги. Сейчас она доведена до верстки.

Ставлю Вас об этом в известность и прошу Ваших указаний.

П. ЧАГИН,
и. о. директора Гослитиздата

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 730. Л. 190. Машинописный подлинник на бланке Гослитиздата. Резолюция Сталина — автограф.

Резолюция Сталина: «Т-щу Жданову. Т-щу Поспелову. Прошу воспретить издание книжки Гамсахурдиа на русском языке. № 541/24.IX-40 г. И. Сталин»

№ 376
КОРРЕСПОНДЕНТ АГЕНТСТВА АССОШЭЙТЕД ПРЕСС В МОСКВЕ ГЕНРИ КАССИДИ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ ОБ ИНТЕРВЬЮ

23 октября 1940 г.

От корреспондента Американского Агентства Ассошиэйтед Пресс в Москве Иосифу СТАЛИНУ, генеральному секретарю ЦК ВКП(б)

М[илостивый] г[осударь]!

В качестве Московского корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс, представляющего 1400 газет в США и многие газеты в Южной Америке, я имею честь просить интервью с Вами.

Нельзя отрицать ценности молчания государственного деятеля нейтральной страны во время войны, но вы публично не выступали со времени съезда вашей партии в марте 1939 г., а премьер Молотов не выступал публично с 1 августа[1] — Сессии Верховного Совета, когда он заявил, что он не будет останавливаться на отношениях с Америкой, т. к. «о них нельзя сказать ничего хорошего».

Конечно, теперь могло бы быть сказано большее об отношениях между нашими странами в более благоприятном смысле.

Я могу отметить некоторые доказательства неправильного понимания, возникшего в этот период молчания. Каждый день в мою контору приходит поток запросов дать информацию по поводу сведений, распространяемых за границей относительно Советского Союза. Иногда негативные ответы на эти сообщения даются в виде опровержений ТАСС, но позитивные заявления о советской политике появляются редко.

Одним из свидетельств неправильного понимания является статья, которую я позволяю себе приложить, опубликованная в «Ивнинг Сатэрдей Пост», которую читают миллионы американцев. Статья описывает СССР как «доминион» Германии[2]. Насколько мне известно, на это и на подобные утверждения никогда не последовало ответа с советской стороны.

Как единственный американец по рождению, главный корреспондент американского агентства в Советском Союзе и как представитель ассоциации, сообщения которой никогда не опровергались ТАССом за время, пока я работаю здесь,

тогда как многие другие вызывали опровержение, я приветствовал бы возможность обсудить такие вопросы с Вами и передать Ваши мнения заграницу.

Для справок относительно моей личности и профессиональной квалификации я ссылаюсь на посольство США в Москве и отдел печати Народного Комиссариата Иностранных дел.

Искренне ваш ГЕНРИ КАССИДИ,
руководитель Бюро

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1161. Л. 14—15. Машинописный текст.

[1] Так в тексте. Молотов выступал на заседании Верховного Совета СССР с сообщением «О ратификации советско-германского договора о ненападении» 31 августа 1939 г.

[2] К письму приложена страница из «Сатэрдей ивнинг пост» с фотографией, под которой имеется следующая подпись: «Нефть для германских самолетов. Коммунисты переливают ее в нацистские цистерны в Перемышле, Польша, т. к. железнодорожные колеи их стран различны». На этой же странице имеется начало статьи, озаглавленной «Первый доминион нацистской Германии». Продолжение в архивном деле отсутствует.

№ 377
МИТИН – В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) ОБ ИЗДАНИИ СОЧИНЕНИЙ СТАЛИНА И ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

20 февраля 1941 г.

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Ввиду того, что вопрос об издании Сочинений товарища Сталина крайне назрел и выпуск их является абсолютной необходимостью для всей нашей работы, выражением единодушного желания всей партии, вношу предложение поставить перед XVIII Партийной Конференцией вопрос о том, чтобы в ближайшее время практически приступить к изданию Собрания Сочинений И. В. Сталина.

ИМЭЛом уже проведена подготовительная работа, и первый том Сочинений И. В. Сталина может быть в ближайшее время представлен.

Предварительный проект плана 1-го тома, а также проект постановления Конференции прилагается.

Директор ИМЭЛ МИТИН

20/2-1941 г.

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б) считает, что особенно важное значение для большевистской партии и трудящихся, для всей идейно-политической, пропагандистской и агитационной работы партии, для воспитания наших кадров имеет издание Собрания Сочинений И. В. Сталина.

Конференция поручает Институту Маркса – Энгельса – Ленина приступить к изданию Собрания Сочинений И. В. Сталина.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 905. Л. 18—19. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы.

№ 378
ГЕРАСИМОВ, КОРНЕЙЧУК, ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ И ФАДЕЕВ — СТАЛИНУ И МОЛОТОВУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ НОВОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

5 мая 1941 г. (не позднее)[1]

В ЦК ВКП(б) — товарищу Сталину
В СОВНАРКОМ СССР — товарищу Молотову

Дорогие Иосиф Виссарионович и Вячеслав Михайлович!

Мы обращаемся к Вам с просьбой рассмотреть наше предложение об организации нового издательства для широких народных масс. Этот вопрос мы ставим потому, что существующие издательства художественной литературы не могут удовлетворить даже частично огромного спроса колхозников и рабочих на книгу и народную картину. Существующие издательства художественной литературы в основном ориентируются на широкие круги интеллигенции города.

При новом издательстве нужно объединить лучших писателей и художников, которые дадут небольшие по размеру, подлинно художественные книги, ярко оформленные и иллюстрированные, и подлинно-народные картины. Между материальными возможностями рабочего и колхозника и удовлетворением их культурно-эстетических потребностей существует разрыв.

Особенно в селах жалуются на то, что нет книг, нет картин, которые можно было бы повесить на стену в избе, что стены голые. Такое же положение в рабочих квартирах и общежитиях, и в колхозных клубах. Рабочие и колхозники требуют хорошей цветной картины. Через хорошую цветную картину народ познакомится с нашей богатой страной, с жизнью и бытом нашей многонациональной родины. Колхозникам Таджикистана интересно видеть лучших людей и богатства колхозников Волги, рабочим Сибири — достижения цветущей Украины. Издание таких книг и картин имеет особенное значение для новых советских республик.

Новое издательство должно организовать и направить труд писателя, художника на удовлетворение народных требований и запросов, в соответствии с задачами нашей партии.

Основной и главный раздел в тематике издательства — это создание небольшой, ярко иллюстрированной художественной увлекательной книги о передовых людях нашей современности, воспитанных партией Ленина — Сталина.

По жанру это могут быть художественные биографии, небольшие повести, рассказы, поэмы, песни.

Нужно издать специальную серию художественных книг о крупных большевиках, политических деятелях нашей партии. Книги о героях Красной Армии и Флота должны занять значительное место в тематике издательства.

Наша страна — великая морская держава. Художественной морской литературы у нас почти нет (стоит сравнить с такими странами, как Англия и Америка). Чтобы восполнить этот пробел, при издательстве следует организовать группу писателей и художников-маринистов. Следует также создать группу писателей и художников, которые могли бы дать серию книг и картин о военно-воздушном флоте.

Мы считаем, что это издательство должно издавать небольшие, хорошо и ярко иллюстрированные классические произведения о героической борьбе народов за свою родину, а также все лучшее, что было создано на эту тему со-

ветской литературой. Трудно сейчас в полном объеме очертить весь круг деятельности издательства, но нам кажется, что в план издательства должны входить художественные книги о последних научных достижениях и открытиях, непосредственно связанных с жизнью промышленных предприятий, колхозов и совхозов, книги о профессиях, книги путешествий и приключений.

В работе издательства большое место займут художники. Если в прошлом каждая изба имела красный угол, где висели иконы, а рядом – вид на Афон или портреты Еруслана Лазаревича и Бовы Королевича, то сейчас в избах голые стены. А красные уголки в клубах и избах-читальнях тоже имеют унылый вид, благодаря отсутствию цветной картины и цветного портрета. Политический плакат подается однотонно, схематично, серо и буднично.

Народная картинка, литография, трехцветка, офсетная печать могут многое сделать в деле идейно-политического воспитания масс и украсить быт рабочего и колхозника. В военном и трудовом воспитании огромную роль могут сыграть сюжетные, бытовые (в частности, юмористические) картинки с соответствующим текстом в стихах или прозе.

Для осуществления такого большого издательского плана, издательству должна быть придана мощная полиграфическая база, в особенности для печатания многокрасочных картин, обложек и иллюстраций.

Мы считаем, что Правление этого издательства должно быть небольшим. В него должны входить писатели, художники, представители армии и науки. Возглавить Правление должен крупный политический деятель.

Условия работы в этом издательстве должны быть таковы, чтобы они дали возможность привлечь наиболее квалифицированные творческие силы.

Мы набросали только контуры будущего издательства. Если наше предложение Вы найдете своевременным, то просим Вас его рассмотреть и принять соответствующие решения.

С глубоким уважением

А. ГЕРАСИМОВ
А. КОРНЕЙЧУК
В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ
А. ФАДЕЕВ

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 974. Л. 6—9. Машинописный подлинник. Подписи — автографы.

[1] Датируется по отметке на письме.

№ 379
О ПРИЕМЕ МОСКОВСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА ГЕРМАНСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО БЮРО ШЮЛЕ. ИЗ ДНЕВНИКА ПАЛЬГУНОВА

21 мая 1941 г.

Секретно

ДНЕВНИК

И.о. Зав. отделом печати [НКИД] Пальгунова Н. Г.

Сегодня в 15.10 принял московского корреспондента Германского информационного бюро д-ра Э. Шюле.

Шюле заявил: «Я пришел к Вам с совершенно необычной просьбой — с просьбой сообщить в секретариат Председателя Совета Народных Комиссаров И. В. Сталина о моем горячем желании получить возможность встретиться с ним и услышать от него несколько слов характеристики нынешнего международного положения. Эту свою просьбу я изложил Вам в представляемом мною сейчас письме, к которому я имею добавить следующее:

Для общественного мнения Германии было бы исключительно важно в сложившейся сейчас международной ситуации знать мнение вождя Советского Союза о всем происходящем в мире. Беседа с И. В. Сталиным может быть исключительно полезна для обеих стран.

Я очень просил бы Вас, раньше чем принять какое-либо решение по поводу настоящего моего обращения к Вам, побеседовать об этом обращении с г-ном Вышинским: он меня лично знает и может способствовать положительному решению. Хочу обратить Ваше внимание на одно существенное обстоятельство: я — журналист, представляющий авторитарную державу. Отсюда, если мне будет дано интервью и если это интервью вообще должно будет появиться в печати, то перед опубликованием оно будет предварительно согласовано с Вами.

Прошу Вас выполнить мою просьбу».

Я ответил д-ру Шюле, что, как ему известно, у нас вообще не приняты интервью членов правительства с представителями иностранной печати.

Шюле, тем не менее, с подчеркнутой настойчивостью просил довести об его просьбе до сведения т-ща Вышинского и просил самое просьбу передать т-щу Сталину.

Перед уходом Шюле, сославшись на свой предыдущий визит ко мне, во время которого он рассказывал об организации учебы военных корреспондентов в Германии, вручил мне листы журнала «Дас Райх», на которых помещена статья Геббельса о «пропагандистских ротах».

И. о. зав. отделом печати Н. ПАЛЬГУНОВ

6 экз/ад
1. — т. Сталину
2. — т. Молотову
3. — т. Вышинскому
4. — т. Лозовскому
5. — т. Соболеву
6. — в дело

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1161. Л. 21—22. Машинописный подлинник. Второй и четвертый абзацы отмечены на полях рукой неизвестного.

Резолюция Сталина: «Т. Пальгунов! Скажите от меня г. Шюле, что ввиду занятости, к сожалению, не смогу принять его в настоящее время. И. Сталин». Пометка Пальгунова: «Читал. Н. Пальгунов». Обращение Сталина к пресс-секретарю ведомства советской дипломатии не занесено в альбом его резолюций (отсутствует регистрационный номер и дата). Таким образом, ему не была придана высшая степень законодательной важности.

№ 380
ЩЕРБАКОВ — СТАЛИНУ. ПРОГРАММА ЖУРНАЛА «СЛАВЯНЕ»

21 апреля 1942 г.

Товарищу Сталину И. В.

На состоявшемся 4—5 апреля сего года втором Всеславянском митинге в Москве принято постановление об издании журнала Всеславянского комитета «Славяне»[1].

Прошу утвердить редколлегию журнала «Славяне» в следующем составе:

1. Академик Н. С. Державин.
2. Профессор Зденек Неедлы (чех).
3. Божидар Масларич (серб).
4. Ванда Василевская (полька)[2].
5. Горбунов — ответственный секретарь редакции (Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии по пропаганде).

При сем прилагаю программу журнала.

ЩЕРБАКОВ

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА «СЛАВЯНЕ»

Основной целью журнала «Славяне» как печатного органа Всеславянского комитета является — сплочение славянских народов для борьбы против гитлеровской Германии и ее вассалов.

В осуществлении означенной цели журнал «Славяне» должен:

1. Разоблачать хищническую и разбойничью политику гитлеровского империализма и его человеконенавистническую программу уничтожения славянских народов и их вековой культуры.
2. Публиковать документы о зверствах гитлеровцев над славянами и варварским глумлении их над мирным населением.
3. Освещать национально-освободительную борьбу славянских народов и освободительную роль Красной Армии.
4. Освещать славные страницы исторического прошлого славянских народов в их национально-освободительной борьбе с насильниками национальной свободы, культуры и независимости, освещать вклад славянских народов в культуру мирового человечества.
5. Давать хронику событий общеславянского движения в Америке, Англии по борьбе с гитлеризмом (конгрессы, митинги, выставки, журналы, газеты, освещать работу отдельных организаций и т. д.).
6. Давать библиографические заметки и обзоры антигитлеровской литературы.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1338. Л. 2—3. Машинописный подлинник. Подпись Щербакова — автограф. Резолюция Сталина: «За. И. Сталин» — автограф. Оформлено как решение ПБ (П37/2 от 2 апреля).

[1] Попытки влияния на зарубежное славянство не оставлялись сталинским режимом и в дни мягких отношений с гитлеровцами. 9 октября 1940 г. Политбюро утвердило решение Оргбюро от 13 сентября 1940 г. (№ 52/48гс): издавать литературно-художественный журнал «Новые горизонты» («Нови виднокренги») на польском языке. Редколлегия: Василевская, Дзержинская, Пшибось, Бой-Желенский, Е. Ф. Усиевич. Тираж 10 тысяч экземпляров, объем десять листов и периодичность один раз в месяц (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1280. Л. 14).

[2] 30 декабря 1940 г. Политбюро рассмотрело «Заявление т. Василевской Ванды Львовны о приеме ее в ряды ВКП(б)». Решено: утвердить постановление ЦК КП(б) Украины и принять писательницу в кандидаты. Записка т. Хрущева, постановление Львовского ОК, заявление В. Василевской (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1290. Л. 102).

Председателем Всеславянского комитета был начальник Военно-инженерной академии генерал-лейтенант А. С. Гундоров. Комитет состоял из президиума и шести секций: русской (А. Н. Толстой), украинской (А. Е. Корнейчук), белорусской (Я. Колас), польской (В. Л. Василевская), чешской (З. Неедлы), южнославянской (Б. Масларич); бюро обслуживания славянской прессы за границей, организационно-массового отдела. К концу 1945 г. комитет установил контакты с 130 зарубежными славянскими организациями. Издавал листовки, брошюры, документы митингов, с 1942 г. — журнал «Славяне». В декабре 1946 г. в Белграде создана международная общеславянская организация — Общеславянский комитет. В 1947 г., в условиях нараставшего конфликта Сталина с маршалом Тито, комитет реорганизован в Славянский комитет СССР. Прекратил деятельность в 1962 г. Функции комитета переданы другой структуре — Советскому комитету защиты мира.

№ 381
ЩЕРБАКОВ — СТАЛИНУ О РЕЦЕНЗИИ НА ПЬЕСУ КОРНЕЙЧУКА «ФРОНТ»

11 сентября 1942 г.

Товарищу Сталину И. В.

При сем прилагаю проект рецензии на пьесу А. Корнейчука — «Фронт». Рецензию прошу разрешить напечатать без подписи в газетах — «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и во фронтовых газетах.

А. ЩЕРБАКОВ

11/9-42 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 750. Л. 160. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы.

Сталин отредактировал представленный Щербаковым проект статьи «О пьесе Александра Корнейчука «Фронт». Рецензия опубликована в «Правде» 29 сентября 1942 г. В архиве сохранилась машинопись со сталинской правкой. Сталин вычеркнул два первых абзаца:

«Взоры всего мира прикованы сейчас к советско-германскому фронту, где Красная Армия приняла на себя всю тяжесть удара военной машины немецкого фашизма и его сообщников в Европе. День и ночь идут на фронте ожесточенные бои. Десятки вражеских дивизий тают под ударами воинов Красной Армии. Горят и уничтожаются фашистские танки. Падают сотни сбитых стервятников. Но гитлеровские войска чрез груды трупов своих солдат, по колено в крови под Сталинградом и на юге ползут вперед, вгрызаются в нашу оборону. Героические защитники родины, перемалывая фашистские полки, задают себе вопрос, только ли дело в количественном преимуществе врага?

На вопрос мужественных борцов за родину дает ответ пьеса Александра Корнейчука «Фронт» (там же, л. 161—169).

Советский писатель-патриот «не боится всенародно сказать горькую правду о том, что мешает нашей победе над врагом, о недостатках в руководстве военными операциями многих (*Сталин заменил*: «некоторых») наших командиров» (там же, л. 162).

При упоминании фамилии героя пьесы Горлова Сталин в нескольких местах указывает его имя: «Иван». Было: «Горлов – лично храбрый воин. У Горлова славное прошлое. Он – самородок». Стало: «Иван Горлов – лично храбрый воин. У Горлова – хорошее прошлое. Он – самородок» (там же, л. 163). Фразу о Суворове – «Требование натиска он соединял с требованием «глазомера», строжайшего учета всех условий, определяющих победу», Сталин дополняет: «Всем известны слова Суворова: «воюют не числом, а умением»» (там же, л. 164). (В 1942 г. Сталин ознакомился с текстом ставшей классической советской биографии Суворова писателя Осипова и отредактировал рецензию на эту биографию.) Из рецензии: «Ближайшее окружение Горлова, верхушка его штаба состоит из таких же невежественных людей, как и он сам». Сталин подверг особой правке ключевой фрагмент – оценку назначения генерала Огнева – антипода Горлова – на должность командующего фронтом. Было: «Огнев молод. Он начал воевать полковником. Через три месяца генерал-майора получил, а сейчас – командующий армией». В последней сцене пьесы он командующий фронтом. Это типичная картина выдвижения талантливой молодежи в отечественной войне. Горлов отводит указания самого Огнева на свою молодость: «Сталин говорит, что нужно смелее выдвигать на руководящие должности молодых, талантливых полководцев наряду со старыми полководцами и выдвигать надо таких, которые способны вести войну по-современному, а не по старинке, способны учиться на опыте современной войны, способны расти и двигаться вперед» (там же, л. 167). После правки Сталина фрагмент зазвучал по-иному (его правка выделена курсивом): «Огнев молод. Он начал воевать полковником. Через три месяца генерал-майора получил, а сейчас – командующий армией». В последней сцене пьесы *его назначают* командующим фронтом. Это типичная картина выдвижения талантливой молодежи в отечественной войне. *Огнев смущен и заявляет, что он слишком молод, не сможет справиться с фронтом.* Горлов отводит *возражения* Огнева *в связи с его* молодостью *словами Сталина*: «Сталин говорит, – *сообщает Горлов,* – что нужно смелее выдвигать на руководящие должности молодых, талантливых полководцев наряду со старыми полководцами и выдвигать надо таких, которые способны вести войну по-современному, а не по старинке, способны учиться на опыте современной войны, способны расти и двигаться вперед». Сталин заменяет концовку абзаца: «Конечно, крикуны не понимают, зачем напечатана пьеса Корнейчука. Они кричат теперь, что таких Крикунов не бывает. Но они на то и Крикуны, чтобы всегда кричать. Жизнь неумолимо отбросит людей, не желающих критически смотреть на свою деятельность, не желающих учиться *в ходе войны, бить врага с каждым днем все лучше и крепче*». Стало: «на опыте современной войны» (там же, л. 168).

См. также документ № 391.

№ 382
АЛЕКСАНДРОВ И ЗУЕВА – СЕКРЕТАРЯМ ЦК О РЕЖИМЕ В СОВЕТСКИХ БИБЛИОТЕКАХ. ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК

20 сентября 1942 г. (не позднее)

Секретарям ЦК ВКП(б) – тов. Андрееву А. А.
– тов. Маленкову Г. М.
– тов. Щербакову А. С.

О ПОРЯДКЕ ОБСЛУЖИВАНИЯ БИБЛИОТЕКАМИ ИНОСТРАННЫХ И СОВЕТСКИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

В Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) имеются материалы, свидетельствующие об использовании представителями иностранных миссий и иностранными корреспондентами наших публичных библиотек в разведывательных целях.

Об этом свидетельствует возросшая посещаемость иностранцами библиотек и их повышенный интерес к справочной литературе, к литературе по экономике отдельных районов, областей, республик СССР и т. п. Так, за последнее время увеличилось посещение Куйбышевской областной библиотеки представителями иностранных миссий: английской, американской, китайской, турецкой, чехословацкой, польской, монгольской, греческой и др. Некоторые из них работают в читальном зале по 8—10 часов ежедневно. Иностранцы проявляют большой интерес к подшивкам центральных и областных газет за последние годы, к справочному материалу по экономическим ресурсам Поволжья, к материалам о важнейших объектах и подъездных путях к Москве и Ленинграду. Часто спрашивают энциклопедию. Секретарь английского посольства Бримело Томас затребовал тома энциклопедии со статьями об Украине, Белоруссии, Курске, Смоленске, Крыме, Воронеже, Орле, Ленинграде, Москве, Ростове, Туле. Замечены случаи снятия ими копий с карт и чертежей (в книгах).

Проверка выдачи литературы в читальнях крупных публичных библиотек гор. Москвы показала широкие возможности пользования материалами как для советских, так и для иностранных читателей. Так, в библиотеке им. Ленина широко практикуется выдача читателям подшивок областных и районных газет. Любой читатель библиотеки им. Ленина, систематически следя за областной и районной печатью, может составить полное представление об экономике и других специальных интересующих его вопросах по области или району. В библиотеке Дома Союзов можно свободно получить книги с экономической и краеведческой характеристикой областей Советского Союза, зачастую с полным топографическим описанием местности с картами, маршрутами и т. п.[1] Подобную литературу можно получить в любой библиотеке города Москвы и других городов. Порядок обслуживания читателей в публичных библиотеках открывает широкий доступ ко всем каталогам, по которым можно легко подобрать необходимую литературу об экономике того или иного района или области. Управление пропаганды и агитации предложило всем государственным библиотекам ограничить выдачу подобной литературы.

Главлитом за время войны были даны указания, которые не только не ограничивают получение справочной, экономической и краеведческой литературы, но, наоборот, открывают широкий доступ к ней во всех читальнях публичных библиотек.

Управление пропаганды и агитации просит ЦК ВКП(б) принять решение об упорядочении обслуживания библиотеками иностранных и советских читателей.

Проект постановления прилагается.

Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)
Г. АЛЕКСАНДРОВ

Зав. Отделом кульпросветучреждений
Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Т. ЗУЕВА

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 324. Л. 46—47. Машинописный подлинник. Подписи — автографы.

[1] К географическим картам, как и к любой другой печатной продукции, советское руководство относилось как к подцензурному тексту. В дни, когда разгоралась Сталинградская битва, Политбюро 17 сентября 1942 г. утверждает секретное постановление ЦК и СНК «О показе государственных границ на географических картах»: «В целях упоря-

дочения показа государственных границ на географических картах, издаваемых Главным управлением геодезии и картографии», «Государственную границу СССР показывать по состоянию на 22 июня 1941 года», «снять с географических карт Союза ССР надпись «АССР Немцев Поволжья» и пункты немецких поселений», «Абиссинию, Албанию, Австрию, Чехословакию и Польшу показывать самостоятельными государствами в границах до оккупации их Италией и Германией». 13 сентября проект был послан Молотовым на утверждение Сталина (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1350. Л. 59).

Приложение

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК ВКП(б)

110/ 284гс
20.9.42 г.

О порядке обслуживания библиотеками граждан СССР и иностранцев, находящихся в Советском Союзе

1. ЦК ВКП(б) отмечает, что в результате безответственного отношения Главлита и Наркомпроса РСФСР в читальных залах публичных библиотек практикуется неограниченная выдача советским и иностранным читателям различных справочников, статистико-экономической, технической и краеведческой литературы по СССР, отдельным областям и районам, а также подшивок областных и районных газет, что может нанести серьезный ущерб для обороны СССР[1].

ЦК ВКП(б) обязывает Главлит и Наркомпрос РСФСР разработать и предоставить на рассмотрение в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) порядок выдачи в библиотеках советским и иностранным читателям архивных материалов, справочной, экономической, технической литературы, исключающей возможность разглашения государственной и военной тайны.

2. Предложить Наркомпросу РСФСР организовать специальное обслуживание иностранных граждан в крупных публичных библиотеках Москвы, Куйбышева, Архангельска, Мурманска, Владивостока и Баку[2].

Секретарь ЦК

Там же. Л. 45. Машинописный текст выписки из протокола.

[1] 14 сентября 1940 г. Политбюро утвердило постановление ОБ № 48/6 от 3 сентября «О втором томе Большого советского атласа мира» (Поспелов, Маленков, Андреев), в котором, в частности, говорилось: «ЦК ВКП(б) констатирует, что редакция 2 тома Большого советского атласа мира допустила политическую ошибку, опубликовав во 2 томе Атласа ряд секретных и оборонных материалов: объем продукции оборонной промышленности по некоторым городам, отдельные оборонные новостройки, запрещенные к открытому опубликованию железнодорожные пути, шоссейные и грунтовые дороги, нефтепроводы». Авторы проявили «безответственное отношение к редактированию» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1277. Л. 147).

[2] 14 декабря 1942 г. Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати и начальник Главлита Н. Садчиков (Москва, Смоленский бульвар, дом № 5) сообщил в Управление делами ЦК, что 5 октября 1942 г. Главлитом и Наркомпросом была составлена «Инструкция о порядке выдачи из библиотек читателям и организациям экономической, справочной, краеведческой и географической литературы, местных газет и архивных материалов»: «После согласования в ЦК ВКП(б) с тов. Зуевой Инструкция отпечатана типографским способом и разослана местным органам Главлита для руководства и исполнения». Инструкция предусматривала выделение в библиоте-

ках «закрытого фонда литературы», куда поступали подробные географические и геологические описания СССР, путеводители, адресные книги, списки населенных мест, литература о месторождениях полезных ископаемых, пятилетние и другие планы развития народного хозяйства СССР; «6. Архивные документы, стенограммы, протоколы и отчеты различных местных съездов и конференций, заключающие в себе материалы по вышеперечисленным вопросам»; «каталоги и библиографические картотеки на литературу, а также на делопроизводство закрытого фонда хранятся в запертых шкафах и столах и используются только в помещении закрытого фонда» (там же, л. 50—51).

№ 383
ЛИДИЯ СЕЙФУЛЛИНА — СТАЛИНУ О СУДЬБЕ КОМСОМОЛКИ КРЫЛОВОЙ

17 октября 1942 г.

Глубокоуважаемый и душевно дорогой Иосиф Виссарионович!

С большим сердечным волнением пишу Вам. Ведь самый факт непосредственного, личного обращения к Вам волнует любого гражданина нашей страны. А я обращаюсь еще с просьбой, чуть ли не дерзкой. Пусть извинением послужит мне моя горячая преданность Вам и людям сталинской эпохи. Пишу не о себе.

В 1941 году к Вам обратилась с письмом из Сибири комсомолка Крылова, Вера Петровна. Она открыла ряд злоупотреблений, даже прямого вредительства. За ее мужественную бдительность, девушку преследовали дурные товарищи. По Вашему распоряжению, в Новосибирск приехал для расследования этого дела тов. Андреев, Андрей Андреевич. Крылова была реабилитирована и представлена к награждению орденом Красного Трудового Знамени. Тов. Андреев прибыл в Новосибирск в двадцатых числах июня 1941 г. А 22 июня взволнованный голос т. Молотова сообщил по радио о фашистском вторжении. Крылова попросила для себя второй награды — отправить ее добровольцем на фронт. В Сибири девушка была инспектором районо, но до этого она успела в Донбасе окончить медтехникум. На фронт отправилась военфельдшером. С начала войны — комсомолка Крылова все время в боях, — и в каких боях! Сейчас девушке только 21 год, а она — гвардии капитан. За последнее ранение представлена к третьей награде. Считанных, отмеченных нашивками, у нее четыре ранения. Заживших на поле брани она не считала. За все время войны от ее метких выстрелов полегло немцев близко к тысяче. Наших бойцов спасено, вынесено с поля боя, наверное, не меньше, многие знают военфельдшера Веру Крылову. Под ее командованием, когда убили командира и комиссара, были выведены из окружения остатки дивизии. В письме невозможно рассказать подробно об этой чудесной девушке сталинского племени. Я пишу о ней книги — для взрослых и для детей отдельно[1].

Иосиф Виссарионович, Вы хвалили мою «Виринею» мне лично у Горького и сделали меня счастливой на всю мою писательскую жизнь своим отзывом об этой пьесе в книге почетных посетителей театра Вахтангова. Но вот эта новая героиня, двадцати одного года девушка — гвардии капитан, для меня дороже, чем Виринея. А у этой юной героини одно заветное желание — хоть раз в жизни увидеть Вас лично. Примите ее, товарищ Сталин. Вот моя смелая просьба. В ее личной, отдельной человеческой судьбе Ваше участие сыграло огромную роль. Инженером ее души были Вы. Получив награду, она снова вернется в бой и унесет с собой живой Ваш облик. Еще раз прошу Вас простить мое лич-

ное обращение к Вам по этому делу. Но прямой путь, в большинстве случаев, самый верный. Поэтому я дерзнула обратиться со своей горячей просьбой непосредственно к Вам.

Крылова, Вера Петровна, в Москве живет в Метрополе, комната 332.

Всей душой преданная Вам советская писательница

Л. СЕЙФУЛЛИНА

17 октября 1942 г.
Москва

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 806. Л. 135—136. Л. 137—138 с оборотами. Рукописный подлинник. Пометка рукой Сталина: «Мой архив. Ст.». Пометка рукой неизвестного: «От т. Сейфуллиной» (л. 135). Штамп о поступлении в ОС ЦК 17 октября 1942 г. Пометка: «2 экз.».

[1] В остатках сталинской библиотеки сохранился экземпляр брошюры «Зеленые ленточки» (М.: Детгиз, 1943) Лидии Сейфуллиной, посланный Сталину с дарственной надписью автора 10 сентября 1943 г.: «Иосифу Виссарионовичу Сталину, гениальному маршалу нашей страны от преданной ему всей душой советской писательницы. Автор Л. Сейфуллина. Москва 1943 г. 10-го сентября». Книга из коллекции ГОПБ МК РФ.

№ 384
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО О ЖУРНАЛЕ «ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

18 февраля 1943 г.

Протокол № 39. п. 284
(Секретариат ЦК, № 115/п. 274 от 13 февраля 1943 г.)[1]

1. Прекратить издание журнала «Интернациональная литература» на русском языке.

2. Поручить Гослитиздату выпускать отдельными книгами наиболее ценные в художественном и политическом отношении произведения иностранных писателей.

3. Ввести в практику печатание лучших произведений иностранных писателей в журналах «Октябрь», «Новый мир» и «Знамя».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1361. Л. 19. Машинописный подлинник на бланке.

[1] На заседании Секретариата этот вопрос докладывал Александров. Отметка о записках Александрова и Пузина.

№ 385
МОЛОТОВ, МАЛЕНКОВ И ЩЕРБАКОВ — СТАЛИНУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОКРАЩЕНИЯ ТИРАЖЕЙ ГАЗЕТ

20 февраля 1943 г.

Товарищу Сталину И. В.

За последнее время в стране создалось крайне тяжелое положение с газетной бумагой.

До войны ежемесячно вырабатывалось 18,3 тыс. тонн газетной бумаги. Сейчас среднемесячная выработка газетной бумаги составляет всего 4,6 тыс.

тонн, а ежемесячный расход бумаги составляет 6,9 тыс. тонн. Таким образом, разрыв между производством и потреблением газетной бумаги составляет 2,3 тыс. тонн в месяц.

Вместе с тем, расход газетной бумаги в стране непрерывно увеличивается в связи с возобновлением издания газет в районах, освобождаемых от немецкой оккупации.

В Госрезерве осталось всего 5,2 тыс. тонн газетной бумаги. Если сейчас не принять мер по сокращению потребления бумаги, то уже во втором квартале текущего года создастся реальная угроза массового срыва выхода газет.

В целях сокращения расхода газетной бумаги целесообразно сократить тиражи и периодичность центральных и местных газет.

При проведении намечаемых мероприятий по сокращению периодичности и тиражей газет расход бумаги сократится на 3.177 тн. в квартал, в том числе: сокращение тиража газеты «Правда» на 300 тыс. экз. уменьшит расход бумаги на 630 тн., сокращение количества выходов «Правды» с 7 до 6 раз в неделю уменьшит расход бумаги на 462 тн., сокращение тиража газеты «Известия» на 100 тыс. даст экономию бумаги на 210 тн., сокращение тиража и периодичности местных газет уменьшит расход бумаги на 1873 тн. в квартал[1].

В. МОЛОТОВ
Г. МАЛЕНКОВ
А. ЩЕРБАКОВ

20 февраля 1943 года

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1361. Л. 19. Машинописный подлинник. Подписи — автографы. Напротив фамилии Маленкова стоит «за». Резолюция Сталина: «За» — автограф.

[1] 22 февраля Политбюро санкционировало сокращение тиражей: «Правды» с 1 млн 300 тыс. экз. до 1 млн, «Известий» с 500 тыс. до 400 тыс. экз. Решено не выпускать «Правду» по вторникам. Тиражи всех районных, городских, областных, краевых и республиканских газет сокращались на 10%. Выходы газет сокращаются с 6 до 5 раз в неделю, кроме газет «Московский большевик», «Ленинградская правда» и «Вечерняя Москва». Периодичность всех районных газет установлена один раз в неделю.

№ 386
ЕКАТЕРИНА ПЕШКОВА — СТАЛИНУ О ЕГО СТАТЬЕ О ГОРЬКОМ

23 марта 1943 г.

Сейчас с огромным волнением прослушала Вашу статью об Алексее Максимовиче.

Более ярко, цельно и горячо — невозможно сказать.

Как замечательно в такой краткой форме сумели вы нарисовать образ Алексея Макс.

Как хорошо, что Ваши слова услышат воины наших фронтов, услышит наша молодежь.

Спасибо Вам, дорогой Иосиф Виссарионович!

Крепко жму Вашу руку.

Ек. ПЕШКОВА

23/III-43 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 720. Л. 147. Рукописный подлинник.

№ 387
СТАТЬЯ «КТО ТАКОЙ ВЛАСОВ?» С ПРАВКОЙ СТАЛИНА

6 июля 1943 г. (не позднее)[1]

КТО ТАКОЙ ВЛАСОВ?

(*Сталин меняет заголовок*: «Бывший советский генерал Власов оказался холуем и шпионом немцев».)

Немецко-фашистские жулики трубят на весь мир о том, что у них подвизается (*Сталин зачеркнул*: «некий») генерал Власов, который якобы создает русскую армию на территории, оккупированной немцами[2].

Кто такой Власов?

Власов – подлец и предатель, продавшийся немцам. В 1937–1938 годах Власов участвовал в троцкистском заговоре против народа и вместе с другими врагами народа пытался загубить нашу родину. Власов являлся активным участником контрреволюционной троцкистской организации, которая вела тайные переговоры с немцами и японцами о продаже им советских земель – советского Приморья и Сибири – японцам, советской Украины и Белоруссии – немцам. Когда советским органам стало известно о заговорщической деятельности Власова – он был привлечен к ответу. К этому времени контрреволюционная банда (*Сталин добавляет*: «троцкистов») была раздавлена и уничтожена. Привлеченный к ответу, Власов сделал вид, будто он раскаялся, и вымаливал прощение. Советское правосудие простило Власову его преступления и дало ему возможность искупить свою вину (*Сталин зачеркнул*: «честной борьбой» *и заменил*: «работой») в рядах Красной Армии против немецких захватчиков.

Летом 1941 года обманщик Власов нарушил военную присягу, сдался под Киевом в плен к немцам, пошел в услужение к немецким фашистам, завербовался как шпион и провокатор.

Это было второе тягчайшее преступление Власова перед своей отчизной. Его раскаяние оказалось фальшивым. Двурушник Власов обманул советский народ. Власов был и остался презренным изменником.

Возвратясь по заданию немецкой разведки из-под Киева, шпион Власов объявил, будто бы он вышел из окружения. Ему вновь (*Сталин зачеркнул*: «доверили») дали возможность (*Сталина зачеркнул*: «проявить себя» *и заменил*: «доказать свою невиновность») в боях против немцев на Западном фронте. Боясь, что его уличат как клятвопреступника и предателя, изменник Власов не решался здесь некоторое время вести свою преступную деятельность провокатора и шпиона. Попав позже на Волховский фронт, гитлеровский шпион Власов завел, по заданию немцев, нашу вторую ударную армию (*Щербаков исправил*: «части нашей второй ударной армии») в немецкое окружение, погубил много советских людей, а сам (*Сталин зачеркнул*: «вернулся» *и исправил*: «перебежал») к своим хозяевам – к немцам. С этого времени Власов полностью разоблачил себя как (*Сталин зачеркнул*: «матерый») гитлеровский шпион, предатель и убийца (*Сталин зачеркнул*: «тысяч советских граждан» *и исправил*: «советских людей»).

Злодей Власов продал все – и родину, и честь.

Немцы тысячами и тысячами убивают советских людей, а иуда Власов выдает немецко-фашистских захватчиков за благодетелей.

Немцы уводят тысячи и тысячи наших братьев и сестер на гитлеровскую каторгу, в немецкое рабство (*Сталин зачеркнул*: «в фашистскую неволю»), а предатель Власов называет немцев освободителями.

Немцы заливают кровью и пытаются навечно закабалить Украину, Белоруссию, Молдавию, Литву, Латвию, Эстонию, русские земли, они разрушают культуру наших народов, порабощают советских людей, а негодяй Власов считает немцев друзьями.

Вот почему немцы поднимают на щит Власова и помогают ему сколотить несколько отрядов из таких же негодяев, как он сам, чтобы бросить их против Красной Армии! Вот почему немцы помогают предателю Власову насильно, обманным путем загонять в его отряды граждан оккупированных фашистами советских районов (*Сталин зачеркнул*: «граждан» *и написал:* «кое-кого из военнопленных»), которые не будут воевать против своих братьев и при первом же случае перейдут на сторону Красной Армии!

Как бы ни орали гитлеровцы о своем холуе Власове, как бы ни тужился немецкий шпион Власов, но армии никакой у него нет и не будет. А созданные, при помощи немцев, банды Власова рассыпятся при первом же столкновении с нашими войсками.

Отъявленный негодяй и предатель, прожженный изменник, немецкий шпион, — вот кто такой Власов.

Смерть презренному предателю — Власову, подлому шпиону и агенту людоеда Гитлера[3].

Главное политическое управление Красной Армии

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 204. Л. 46—48. Машинописный подлинник. Правка Сталина — автограф. Подпись «Главное политическое управление» — автограф Щербакова.

[1] Дата опубликования в газете «Сын Родины».

[2] Сохранился черновик телеграммы Жданова по поводу генерала Власова: «Сазанову. Первое. По поручению Ставки Верховного Главнокомандования немедля ответьте, видели ли вы Власова. 2) Передаю приказ СВГ: «СВГ приказала доставить Власова, Афанасьева, Виноградова самолетом, который будет подан по вашему указанию (*переписано*: «требованию») на подобранную вами площадку. Жду немедленного ответа. Жданов» (РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3с. Д. 141. Л. 1). В архиве отложился и второй вариант телеграммы: «По поручению СВГ установите и немедленно ответьте, что вам известно о Власове, жив ли он и видели ли вы его, и какие меры вы приняли к его розыску. Жду немедленного ответа [по этим вопросам]. Жданов» (там же, л. 2).

[3] 23 июля 1946 г. Политбюро рассмотрит «Вопрос МГБ» (пункт 318, Особая папка) об организации процесса по делу «Комитета освобождении народов России» (руководства власовской армии). Из постановления: судебный процесс начать во вторник 30 июля. «3. Всех обвиняемых в соответствии с п. 1 Указа президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. осудить к смертной казни через повешение, а приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы». «4. Ход судебного разбирательства в печати не освещать. По окончании процесса опубликовать в газетах в разделе «Хроника» сообщение о состоявшемся процессе, приговоре суда и приведении его в исполнение» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 81).

№ 388
ФАДЕЕВ – МОЛОТОВУ О НАГРАЖДЕНИИ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

7 июля 1943 г.

Союз Советских писателей СССР
Правление.
Москва, ул. Воровского, д. 52
№ 3684
7 июля 1943 г.
В Совнарком СССР
В. М. Молотову

9.VIII-1943 г. исполняется 40 лет литературной деятельности писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Первое ее произведение было опубликовано 9.VIII н. ст. 1903 г. в газете «Черноморское побережье».

М. С. Шагинян – известная советская писательница, автор романов «Перемена» и «Гидроцентраль». За время Отечественной войны М. С. Шагинян, будучи тесно связана с работой Уральских заводов, написала много очерков и статей в нашу центральную прессу об Уральских заводах как о кузнице оружия и подготовила к печати несколько книг на эту же тему, из которых книга «Люди Урала» имеет серьезное художественное и познавательное значение.

Учитывая заслуги М. С. Шагинян перед советской художественной литературой, Президиум Союза Советских Писателей СССР ходатайствует перед Совнаркомом СССР о награждении писательницы М. С. Шагинян, ранее награжденной орденом Трудового Красного Знамени, – орденом Знак почета в связи с 40-летием ее литературной деятельности.

Секретарь президиума ССП СССР
А. ФАДЕЕВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1371. Л. 142. Машинописный подлинник на бланке правления ССП. Подпись — автограф. Резолюция Молотова: «Т. Сталин согласен. В. Молотов. 8/VIII» — автограф.

№ 389
ОРТЕНБЕРГ (ВАДИМОВ) – СТАЛИНУ ОБ ОЧЕРКАХ АВДЕЕНКО

16 июля 1943 г.

Товарищу Сталину И. В.

Писатель А. Авдеенко, находящийся на Ленинградском фронте, прислал в «Красную звезду» свои очерки. Некоторые из них, по-моему, хорошие.

Тов. Авдеенко является лейтенантом, служил в 131 стрелковой дивизии, участвовал в прорыве блокады Ленинграда. По сообщению корреспондента «Красной звезды», которому я поручил ознакомиться с деятельностью Авдеенко, этот писатель ведет себя на фронте мужественно и пользуется уважением бойцов и командиров.

Считая, что тов. Авдеенко в дни отечественной войны искупил свою прошлую вину[1], прошу разрешения печатать его очерки в «Красной звезде»[2].

Д. ВАДИМОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 717. Л. 101. Машинописный подлинник на бланке центрального органа НКО СССР, ответственного редактора газеты «Красная звезда». Резолюция Сталина — автограф.

[1] В сентябре 1940 г. Авдеенко подвергся жесткой критике Сталина в связи с выходом на экран кинофильма «Закон жизни», снятом по сценарию Авдеенко. На совещении в ЦК по поводу этого фильма Сталин сказал про Авдеенко: «Я думаю, что он человек вражьего охвостья...» (см.: Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. С. 450—455).

[2] Резолюция Сталина: «Т. Поскребышеву. Пусть напечатают: Авдеенко искупил свою вину. Сталин».

№ 390
ПАТРИАРШИЙ МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ СЕРГИЙ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ; АЛЕКСИЙ, МИТРОПОЛИТ ЛЕНИНГРАДСКИЙ; НИКОЛАЙ, МИТРОПОЛИТ КИЕВСКИЙ И ГАЛИЦКИЙ, — СТАЛИНУ

5 сентября 1943 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Исторический день свидания нашего с великим для всей Русской земли Вождем нашего народа, ведущим Родину к славе и процветанию, навсегда останется в глубине сердца нас, служителей церкви[1]. Мы почувствовали в каждом слове, в каждом обращении, в каждом предложении сердце, горящее отеческой любовью ко всем своим детям. Русской Православной Церкви особенно дорого то, что Вы своим сердцем почувствовали, что она действительно живет вместе со всем русским народом общей волей к победе и священной готовностью ко всякой жертве ради спасения Родины.

Русская Церковь никогда не забудет того, что признанный всем миром Вождь не только Сталинской Конституцией, но и личным участием в судьбах Церкви поднял дух всех церковных людей к еще более успешной работе на благо дорогого отечества[2].

От лица Русской Церкви приносим Вам великую благодарность.

Да сохранит Вас Бог на многие лета, дорогой Иосиф Виссарионович!

Патриарший местоблюститель СЕРГИЙ,
митрополит Московский и Коломенский

АЛЕКСИЙ, [митрополит] Ленинградский

НИКОЛАЙ, митрополит Киевский и Галицкий

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 806. Л. 140. Машинописный подлинник. Подписи — автографы. Пометка рукой Сталина: «Мой архив. И. Сталин».

[1] 5 сентября 1943 г. в «Правде» было опубликовано сообщение о приеме и беседе Сталина с иерархами РПЦ: «Во время беседы митрополит Сергий довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах православной церкви имеется

намерение в ближайшее время созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при Патриархе Священного Синода. Глава Правительства тов. И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны Правительства не будет к этому препятствий». На беседе присутствовал Молотов.

[2] 17 мая 1947 г. сменивший почившего патриарха Сергия новый патриарх Алексий пошлет Молотову экземпляр книги «Патриарх Сергий и его духовное наследство»: «На память о почившем Патриархе и о незабываемом приеме церковной делегации И. В. Сталиным в исторический для русской церкви день 4 сентября 1943 г.» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1140. Л. 48).

№ 391
ХРАПЧЕНКО — ЩЕРБАКОВУ О «ПОСТЕПЕННОМ СНЯТИИ С РЕПЕРТУАРА» ПЬЕСЫ «ФРОНТ» КОРНЕЙЧУКА

3 ноября 1943 г.

Комитет по делам искусств
При Совете народных комиссаров Союза СССР
Москва, Пушкинская ул., 24
Тел. 4-02-81
№ СП-777/9
3 ноября 1943 г.
Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Щербакову А.С.

Согласно Вашего указания, направляю справку о спектакле «Фронт» по пьесе А. Е. Корнейчука в Московском Художественном театре и в Малом театре.

В Московском Художественном театре «Фронт» идет в среднем 2—3 раза в месяц. Посещаемость этого спектакля — хорошая, так же как и всех других спектаклей МХАТ. Целый ряд эпизодов и сцен пьесы сейчас воспринимается зрителем в комедийном плане, вызывает смех зрительного зала. Наиболее сильное впечатление у зрителей оставляет сцена в окопе. Считая, что пьеса уже не выполняет своей прежней серьезной воспитательной функции, руководители МХАТа высказывают мнение о целесообразности снятия этого спектакля с репертуара.

В Малом театре пьеса в октябре шла 6 раз, в ноябре намечено 4 спектакля «Фронт». Посещается спектакль хорошо. Так же, как и в МХАТе, пьеса зрителями воспринимается как комедия. Зрители из числа командного состава Красной Армии высказывали мнение, что тема пьесы устарела и отражает уже пройденный Красной Армией этап. Руководители Малого театра высказываются также за постепенное снятие спектакля «Фронт» с репертуара.

Председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР
М. ХРАПЧЕНКО

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 159. Машинописный подлинник на бланке Комитета по делам искусств. Подпись — автограф. Пометка рукой неизвестного: «В архив 1/12».

№ 392
МИХАЛКОВ — СТАЛИНУ О ПОСЫЛКЕ ЕМУ СТИХОТВОРЕНИЯ «БЫЛЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ»

7 февраля 1944 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович, 30 декабря 1943 г. в Большом театре я дал обещание Вам и товарищу В. М. Молотову написать стихи о наших днях.

Посылаю Вам «Быль для детей» [1].

Ваш СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

7.II.44 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 775. Л. 112, 113. Рукописный подлинник. Резолюции Сталина и Молотова — автографы.

Резолюция Сталина: «Молотову. Хорошее стихотворение. Следовало бы сегодня же сдать в «Правду», в какой-либо детский журнал (газету) и, может быть, в «Комс[омольскую] правду». И. Сталин».

Резолюция Молотова: «+4) В «Пионерскую правду». Молотов».

[1] В отдельном письме Молотову Сергей Михалков дал пояснение о стихах: «Они были начаты в 1942-м году, а закончены и переработаны мною после нашей беседы в Большом театре, когда я дал слово Вам и т. Сталину написать по-новому о войне с немцами. Ваш Сергей Михалков». Стихотворение будет опубликовано в «Правде» через четыре дня, 11 февраля 1944 г. Помимо встречи на презентации нового Государственного гимна СССР в Большом театре поэт Михалков и журналист Эль Регистан (авторы слов гимна) встречались со Сталиным 28 октября и 4 ноября 1943 г.

№ 393
СПЕЦСООБЩЕНИЕ ЯЛТИНСКОГО ГОРОДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ НКГБ «ПО ДОМИКУ-МУЗЕЮ А. П. ЧЕХОВА» И ПИСЬМО ЩЕРБАКОВА МОЛОТОВУ О НАГРАЖДЕНИИ МАРИИ ПАВЛОВНЫ ЧЕХОВОЙ

4 июля 1944 г.

Сов. Секретно
Секретарю Ялтинского горкома ВКП(б) тов. Кузнецову
Здесь

СПЕЦСООБЩЕНИЕ «ПО ДОМИКУ-МУЗЕЮ А. П. ЧЕХОВА»

Хранителем домика-музея Антона Павловича Чехова в г. Ялте является сестра писателя — Мария Павловна ЧЕХОВА.

В связи с тем, что М. П. ЧЕХОВА оставалась в оккупированном немцами г. Ялта, где проживала до момента изгнания немцев и проживает по настоящее время, деятельность ее за оккупационный период нами тщательно изучается.

По поступившим данным известно, что в первые дни оккупации города Ялты в домике-музее ЧЕХОВА поселился немецкий офицер — майор БАКИ со своим денщиком, которые, прожив в домике 8—10 дней, выбыли на фронт. После этого со стороны немцев были сделаны попытки заселить домик-музей немецкими солдатами и офицерами, однако энергичные протесты со стороны М. П. ЧЕХОВОЙ этому помешали.

При немцах домик Чехова продолжал функционировать как музей и его штат, состоявший из М. П. Чеховой – заведующая, Е. Ф. Яновой – секретарь, М. Ц. Кащенко – экскурсовод, П. П. Диева – уборщица, А. А. Гаврилова, были приняты на содержание Ялтинской Городской Управой.

Содержание, которое получалось штатом музея, было видимостью, и сотрудники музея при немцах вели полуголодное существование. М.П. ЧЕХОВА вынуждена была обменивать носильные вещи, принадлежавшие Антону Павловичу ЧЕХОВУ, на продукты питания.

Со стороны М. П. ЧЕХОВОЙ никаких антисоветских выступлений за оккупационный период не отмечено. Руководством Горуправы характеризовалась как просоветски настроенное лицо. По этому поводу арестованный нами немецкий пособник КУДЬ показал:

«Зимой 1942– 1943 г.г. очень часто в Горуправу, за помощью для М.П. ЧЕХОВОЙ, обращалась ее сотрудница ЯНОВА, от которой мне было известно, что ЧЕХОВА М. П. очень нуждается и продает свои вещи. В беседе с городским головой я указал ему на возможность оказать материальную помощь М. П. Чеховой продуктами и топливом, но городской голова мне ответил: «Она слишком открыто высказывает антигерманские настроения и оказывать ей помощь опасно, т. к. немцы неблагоприятно относятся к такой помощи».

Арестованный корреспондент фашистской газеты Донской показал:

«В 1942 году я посетил Марию Павловну Чехову, застав ее больной и нуждавшейся. В беседе со мной Мария Павловна ЧЕХОВА рассказала о том, что очень нуждается, в результате чего вынуждена была отдать одной неизвестной женщине костюм Антона Павловича ЧЕХОВА для обмена на продукты питания, однако эта женщина оказалась нечестной, ни костюма, ни продуктов питания обратно не привезла».

Нами установлено также, что М. П. Чехова в оккупационный период скрывала у себя врача ШАПИРО, по национальности еврейку, в результате чего последняя избежала расстрела.

Данными о награждении немецкими властями орденом или медалью же не располагаем.

Начальник Ялтинского ГО НКГБ
подполковник госбезопасности
МУСАТОВ

29 мая 1944 года
Г. Ялта
№ 145

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1441. Л. 22, 22 об. Машинописный подлинник. Последний абзац и подпись — автографы Мусатова.

ЩЕРБАКОВ – МОЛОТОВУ

Тов. Молотову В. М.

Крымский обком ВКП(б) в связи с сорокалетием со дня смерти А.П. Чехова, исполняющимся 15 июля с.г., ходатайствует о награждении заведующей музеем А.П. Чехова в г. Ялте Марии Павловны Чеховой, сестры великого русского писателя, орденом Трудового Красного Знамени.

М. П. Чехова в течение 40 лет бережно сохраняет дом в том виде, в каком он был при жизни писателя, непрерывно работает в музее и энергично собирает все, что относится к памяти А.П. Чехова, обогащая музей новыми материалами, отражающими жизнь и деятельность писателя, издала шесть томов писем А.П. Чехова, неизданные произведения его, много сил отдала делу популяризации творчества великого русского писателя.

Попав в тяжелые условия немецкой оккупации, М.П. Чехова проявила себя мужественной русской патриоткой. По сообщению тов. Мусатова, начальника Ялтинского ГО НКГБ, М. П. Чехова энергично протестовала против попыток немцев заселить музей солдатами и офицерами и, рискуя жизнью, открыто выражала антигерманские настроения.

Благодаря стараниям и самоотверженному труду М. П. Чеховой дом-музей находится в полной сохранности и в настоящее время открыт для посетителей.

С своей стороны поддерживаю ходатайство Крымского обкома ВКП(б) о награждении М. П. Чеховой орденом Трудового Красного Знамени[1].

А. ЩЕРБАКОВ

4.7.44 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1441. Л. 20, 20 об. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы.

[1] 15 июня Бюро Крымского обкома ВКП(б) утвердило ходатайство о награждении М. П. Чеховой орденом. Выписка за подписью секретаря обкома Тюляева (там же, л. 21). Политбюро (прот. № 43, п. 280) утвердило проект указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля о награждении М. П. Чеховой орденом Трудового Красного Знамени (там же, л. 19). Резолюция Молотова: «Т. Сталину. Прошу утвердить 4/VII». Имеются инициалы Сталина. Формулировка указа: «За успешную сорокалетнюю работу по хранению, изучению и изданию литературного наследства великого русского писателя А.П. Чехова наградить Чехову Марию Павловну орденом Трудового Красного Знамени».

№ 394
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — СТАЛИНУ О СВОИХ ЗАСЛУГАХ (ПО СЛУЧАЮ ЮБИЛЕЯ БАСНОПИСЦА КРЫЛОВА)

5 августа 1944 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович,

Вы сами, прочтя это письмо, решите, имел ли я право и необходимость беспокоить Вас. Речь идет о писательском оружии — с л о в е.

Слово писателя должно быть д о х о д ч и в о. Доходчивое слово становится д е й с т в е н н ы м. Два примера доходчивости и действенности я приведу из своей практики.

Первый пример. В 1914 году на петербургских заводах прокатилась волна рабочих возмущений в связи с массовыми отравлениями. Возмущения эти в некоторых случаях подавлялись оружием. Откликом на это были в «ПРАВДЕ» мои четыре строчки:

На фабрике — отрава.
На улице — расправа.
И тут свинец, и там свинец.
Один конец!

Вся динамика в последней строчке: один конец! Вали, ребята! – И ребята валили трамваи, превращая их в баррикады, чем был изрядно испорчен аромат встречи Николая II с Пуанкаре.

Второй пример – через 30 лет, т. е. пример нынешнего года. Помимо работы в газетах я веду в порядке боевой самонагрузки художественно-агитационную (плакатную) работу на заводе «Серп и молот», всячески подбодряя сталеваров. Неприметная работа, но важная. Весной нынешнего года завод очутился в тяжелом положении: угрожала нехватка сырья, а уральские заводы-поставщики туго откликались не только на письма «Серпа и молота», но и на наркоматские понукания. Затревожился и я и обратился лично к заводам-поставщикам с «дружеским письмом», как я озаглавил посланный туда мой пространный плакат-беседу. Эффект был поразительный. На мое имя последовали немедленно два ответа, в копиях при сем прилагаемые. Директор Новотагильского завода заверил меня, что в последующие месяцы выполнение заказов для завода «Серп и молот» нашим заводом будет своевременно», а другой завод трогательно молнировал, что вместо 200 тонн чугуна, которые были отгружены «до получения дружеского письма поэта Демьяна Бедного», отгружено 1015 тонн. Я имел таким образом возможность проверить свое агитационное мастерство: я его не растерял и слово мое доходчиво.

Мастерству этому я учился – и учусь! – у классиков. Первоучителем моим – еще на школьной скамейке – был народнейший из народных писателей, гениальный баснописец И. А. Крылов. Неспроста я обратил на себя внимание и выдвинулся как баснописец. Все знали, что басня как словесное оружие, как одна из труднейших литературных форм, выпав из рук умершего Крылова, никем уж не была поднята, а в учебниках теории поэзии так и отмечалось:

«басня – вымершая литературная форма»[1].

Оброненное Крыловым оружие я бесстрашно поднял и воскресил «вымершую форму», взяв ее, как сказали бы теперь, на вооружение рабочего класса. В радикальной «большой прессе» появился ряд статей обо мне, одна из которых даже была озаглавлена: «Внук дедушки Крылова».

И вот приключился такой казус: в минувшее воскресение был опубликован во всех газетах обширный список лиц, коим поручено организовать столетние поминки дедушки Крылова[2]. Но внука-то на эти поминки и не пригласили.

Я было решил претерпеть и это. Но, к сожалению, сие не прошло незамеченным: в писательской – и не только в писательской – среде пошли кривотолки: с Демьяном все-таки дело обстоит неладно, подальше от него.

В редакциях газет потянуло холодком с примесью самого неприкрытого хамежа, так – в частности – в «Правде» помощник т. Поспелова[3] вернул мне именно басню, лежавшую в запасе и ранее одобренную, а после того, как вчера эта басня появилась в «Труде», вышеозначенный молодой и осторожный человек изрек мне язвительно: – басню-то свою вы все-таки пропихнули! – Оказывается, я уже должен басню «пропихивать». И какой «уважительный» стиль! Это мне-то, у кого за спиной тридцать пять лет литературно-революционной работы и чье словесное мастерство не кто иной, как Горький, неоднократно – до самых своих последних дней – ставил в образец молодым писателям, надо пропихивать!

Я жду дальнейших осложнений. Мне будет все трудней и трудней «пропихивать» свой материал и вообще – работать.

Как мне можно помочь? В поминальную комиссию назначать меня уже неудобно, да и надобности в этом нет[4]. По своему безножию (после «ударчика» еле ползаю) я бы в комиссию и не пошел, а по косноязычию (та же причина) мне в комиссии делать нечего[5]. Но пойдут предюбилейные статьи. Не только Крылов, но и «басня, как таковая», как особый жанр, должна быть освещена: у басни интересная история, Эзоп был рабом. Достаточно упомянуть, что мы басенную форму неплохо использовали, и что в этом основная заслуга – моя, и кривотолки исчезнут, а в редакциях несколько опамятуются и перестанут хамить.

Всего бы этого, конечно, не было, если бы я не обретался в том положении, в каком обретаюсь с 1938 г.[6] Для выхода из партии есть много дверей, и одними из них я удостоился проследовать. Но обратно в партию есть дорога одна: работа, подвиг. Так я смотрю на свою работу. И когда неожиданно возникла ситуация, при которой я могу лишиться работы, это значит, что я лишусь возможности вернуться в партию. В этом главное!

Кончаю письмо приветствием и поздравлением с успехами, равных которым история не знает. Это что-то сказочное.

Желаю Вам доброго, крепкого-крепкого здоровья и долгих, долгих, долгих лет жизни на счастье нашей родины![7]

Демьян БЕДНЫЙ

5/VIII.44

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 702. Л. 142, 142 об. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы. Резолюция Сталина: «В мой архив. И. Сталин. Нужно удовлетворить Дем. Бедного» — автограф. Пометка рукой неизвестного: «От т. Демьяна Бедного».

[1] В Литературной энциклопедии 1929 г. указывалось: «В середине девятнадцатого века жанр басни совершенно замирает и воспринимается лишь пародически. <...> Возрождение басни в наше время, связанное с именем Демьяна Бедного, становится возможным лишь благодаря коренному обновлению ее содержания <...> Формально Демьян Бедный продолжает традицию Крылова» (Т. 1. С. 364).

[2] В «Правде» 30 июля 1944 г. за подписью ТАСС было опубликовано сообщение «К столетию со дня смерти И. А. Крылова». В нем сообщалось о том, что Совнарком СССР учредил Всесоюзный комитет по ознаменованию столетия со дня смерти «великого русского поэта-баснописца Ивана Андреевича Крылова». В состав комитета вошли 35 человек (деятели советской науки, литературы и искусства). Возглавил комитет А. Н. Толстой. Это решение было первоначально принято Оргбюро ЦК ВКП(б) 10 июля и утверждено Политбюро ЦК 15 июля. Выход первого тома собрания сочинений баснописца был назначен на 21 ноября (см.: Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. С. 512–513).

[3] Петр Поспелов (1898–1979) был главным редактором «Правды». В 1955 – начале 1956 г. ему будет поручено написать черновик исторического доклада Хрущева XX съезду «о культе личности и его последствиях».

[4] В «Правде» 9 августа 1944 г. будет опубликовано краткое информационное сообщение под заголовком «К столетию со дня смерти И. А. Крылова». В нем сообщалось, что, во-первых, Совнарком СССР утвердил «т. Демьяна Бедного заместителем председателя Всесоюзного комитета по ознаменованию столетия со дня смерти великого русского поэта-баснописца И. А. Крылова». Во-вторых, СНК постановил издать полное собрание сочинений Крылова под редакцией Д. Бедного.

[5] В письме от 7 февраля 1945 г. к Молотову (за несколько месяцев до своей смерти) Бедный более красноречиво расскажет о своем здоровье: «Здоровье мое с позапрошлого года крахнуло. Я стал походить на покойного Ольминского, который к концу своей жизни еле ползал по Кремлю. Я стал фактически безногим. Из-за этого нигде решительно не бываю» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1441. Л. 82).

[6] Речь идет об исключении Демьяна Бедного из рядов ВКП(б) и из состава членов Союза советских писателей.

[7] 11 ноября 1944 г. заместитель председателя «комитета по ознаменованию столетия со дня смерти Крылова» Демьян Бедный просит Александра Щербакова разрешить провести торжественное заседание по случаю знаменательной даты в Большом театре 21 ноября. Сценарный план и список выступающих четко следовал ритуалу партийно-советского собрания с его логикой иерархической последовательности. Вступительное слово — А. Н. Толстой (корифей советской литературы, в роли патриарха Горького). Доклад — Н. С. Тихонов (номинальный глава, председатель писательского союза). Выступления: Демьян Бедный (все-таки главный поэт и заместитель председателя юбилейного комитета), Рыльский и Исаакян (представители братских литератур союзных республик), А. Сурков и Василий Лебедев-Кумач (от песенников). Затем следовал концерт (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 285. Л. 109, 110).

В ноябре 1963 г. дочь поэта Людмила Придворова свидетельствовала о тех временах, отмечая, что это был конец 1944 г. Людмиле было стыдно и больно за то, что в списке членов комиссии по организации юбилея дедушки Крылова не было имени Демьяна. В тот день Демьян был «взъерошен, но бодр и уверен, что всякой несправедливости бывает предел и что на этот раз его «гробокопатели» будут посрамлены». Согласно этому свидетельству, Демьян якобы уже беседовал с Ворошиловым и тот обещал «напомнить кому надо о роли Демьяновской басни, о том, кто является у нас продолжателем Крылова...». Через несколько дней поэт был назначен председателем комиссии (в действительности он был назначен заместителем). Письмо к Сталину не упоминается. 7 декабря 1963 г. Ворошилов собственноручно завизировал рассказ Л. Придворовой: «Все сказанное выше соответствует истине, я сейчас хорошо помню всю эту «историйку» К. В.» (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 197. Л. 4—5). Людмила вспоминает о статье Демьяна в «Правде», о председательствовании на торжественном собрании в Большом театре и о зачитанном там большом докладе: «Это было его последнее общественное выступление. Все переживания, связанные с культом личности Сталина, и военные невзгоды тяжело отразились на его здоровье. Через полгода Демьяна не стало» (там же). Ворошилов с подачи Придворовой приукрасил этот эпизод. Он якобы приехал к поэту и сказал ему: «Не горюй», «мы еще не раз убедимся в том, кто является у нас подлинным продолжателем Крылова, Эзопа и Лафонтена». Бедный успокоился, повеселел. Маршал в тот же день позвонил Сталину и по телефону «выразил свое возмущение «забвением» Демьяна Бедного». Маршал убавил тон воспоминаний и исправил формулировку «возмущения» на «удивление несправедливостью». Маршал напомнил вождю его собственный неоднократный восторг от творчества Демьяна. «Сталин ответил что-то невнятное и положил трубку» (там же, л. 22—23). Ворошиловские секретари подправили заготовку Людмилы, убрали председательство в комиссии, «доклад» стал «яркой вступительной речью». «Одно время Демьян Бедный был оклеветан, оказался в опале. Ему грозил арест». Ворошилов зачеркнул и об аресте. Об эпизоде на московском промышленном гиганте «Серп и молот» вспоминал и К. П. Черняев в очерке «В рабочем строю»: «О кипучей деятельности Демьяна Бедного в годы великой битвы советского народа с фашизмом рассказано незаслуженно мало. А мне довелось познакомиться с поэтом именно в это незабываемое время. В 1943 году, когда я работал парторгом ЦК партии на московском металлургическом заводе «Серп и молот», мне пришлось встретиться с Ефимом Алексеевичем. На «Серпе», как для краткости любовно называли завод рабочие, выполнялись очень важные заказы фронта. Вся работа заводской партийной организации была направлена на то, чтобы

мобилизовать коллектив на выполнение и перевыполнение чрезвычайно напряженных планов по выпуску металла. Лозунг был один: «Все для фронта, все для победы!» Газета «Московский большевик» принимала самое деятельное участие в жизни «Серпа». На заводе постоянно работала выездная редакция газеты, ежедневно выпускавшая боевой листок «Все для фронта». Однажды ко мне в партком зашел заведующий промышленным отделом «Московского большевика» Борис Фридман. Он сообщил, что Демьян Бедный согласился участвовать в издании «Окон «Московского большевика» на заводе по типу «Окон ТАСС»...» (Воспоминания о Демьяне Бедном. М.: Советский писатель, 1966. С. 391).

№ 395
МАЛЕНКОВ И ЩЕРБАКОВ — В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) ОБ ИЗДАНИИ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ СТАЛИНА И ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО

29 сентября 1944 г.

В Политбюро ЦК ВКП(б)

В Институте Маркса — Энгельса — Ленина собраны почти все работы тов. Сталина, которые могут быть в короткий срок подготовлены к печати. В Институте имеется более 400 произведений тов. Сталина объемом свыше 300 печатных листов. Более 250 произведений совсем не перепечатывались или перепечатывались в изданиях, ныне малодоступных для читателей. До сих пор не опубликована на русском языке работа тов. Сталина «Анархизм или социализм», не переиздавались брошюры: «Вскользь о партийных разногласиях» (1905 г.), «Текущий момент и объединительный съезд рабочей партии» (1906 г.), «Две схватки (по поводу 9 января)». Не перепечатывались статьи товарища Сталина: «Временное революционное правительство и наша тактика» (1905 г.), «Вооруженное восстание и наша тактика» (1905 г.), «Царский манифест и народная революция» (1905 г.), «Временное революционное правительство и социал-демократия» (1905 г.), «Ответ «Социал-демократу» (1905 г.), «Аграрный вопрос» (1906 г.) и многие другие статьи, а также письма и листовки, написанные товарищем Сталиным.

Ориентировочно, собрание сочинений тов. Сталина составит 12 томов:

Том 1	до 1907 г.	— 25 печ. лист.
Том 2	1907—1917 г.г.	— 25 печ. лист.
Том 3	1917 г. и первая половина 1918 г.	— 25 печ. лист.
Том 4	вторая половина 1918 г. и 1920 г.	— 30 печ. лист.
Том 5	1921—1923 г.г.	— 25 печ. лист.
Том 6	1924—1925 г.г.	— 25 печ. лист.
Том 7	1925—1926 г.г.	— 25 печ. лист.
Том 8	1927 г.	— 26 печ. лист.
Том 9	1928—1929 г. г.	— 38 печ. лист.
Том 10	1930—1934 г.г.	— 25 печ. лист.
Том 11	1935—1940 г.г.	— 26 печ. лист.
Том 12	1941—1944 г.г.	— 20 печ. лист.

Первый том сочинений тов. Сталина можно выпустить в декабре 1944 г.; 2, 3 и 4 тома — в течение первого полугодия 1945 г.; 5, 6, 7 и 8 тома — во втором полугодии 1945 г.; 9, 10, 11 и 12 тома — в первом полугодии 1946 г. Таким

образом, вся работа по выпуску в свет собрания сочинений тов. Сталина может быть завершена к августу 1946 года.

Просим принять прилагаемый проект постановления Политбюро.

Приложение:

1) Проект постановления Политбюро «Об издании сочинений И. В. Сталина»,

2) Предварительный план содержания томов сочинений И. В. Сталина*.

29/ 9-44 г.

Г. МАЛЕНКОВ
А. ЩЕРБАКОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 905. Л. 42—43. Машинописный подлинник. На л. 42 в заголовке рукой неизвестного: «От тт. Маленкова, Щербакова». Внизу порядковый номер документа, написанный от руки: «№ М-2406».

ПРОЕКТ
ОБ ИЗДАНИИ СОЧИНЕНИЙ И. В. СТАЛИНА[1]

1. Поручить Институту Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) приступить к изданию собрания сочинений И. В. Сталина.

Собрание сочинений И.В. Сталина издать в 12-ти томах. Установить следующие сроки издания сочинений И. В. Сталина:

1-й том издать в декабре 1944 г.;

2-й, 3-й и 4-й тома – в первой половине 1945г.;

5-й, 6-й,7-й и 8-й тома – во второй половине 1945 г.;

9-й, 10-й, 11-й – 12-й тома – в первой половине 1946 г.

Тираж издания сочинений И. В. Сталина установить 500 тыс. экз.

2. Сочинения И. В.Сталина должны включать все работы товарища Сталина: книги, брошюры, статьи, письма, стенограммы, документы, в том числе и не печатавшиеся ранее произведения, опубликование коих возможно в настоящее время. Произведения И. В. Сталина должны быть расположены в томах в хронологическом порядке.

3. Поручить Директору ИМЭЛ т. Кружкову:

а) К 15 октября 1944 г. представить на утверждение ЦК ВКП(б) проспект издания сочинений И. В. Сталина;

б) к 15 ноября 1944 г. представить на утверждение ЦК ВКП(б) макет 1-го тома сочинений И. В. Сталина.

4. Обязать ИМЭЛ (т. Кружкова) провести со всей научной тщательностью сверку опубликованных произведений с первоисточниками, рукописями товарища Сталина, проверенными и исправленными изданиями, обеспечить точный перевод на русский язык текста произведений товарища Сталина, опубликованных на грузинском языке.

5. Предложить ИМЭЛ (т. Кружкову) дать к томам издания сочинений И. В. Сталина справочный материал в следующем составе: 1) общее предисловие ко всему изданию в 1 томе, 2) краткое предисловие к каждому тому, 3) даты жизни и деятельности товарища Сталина, относящиеся к периоду, охватываемому томом, 4) подстрочные примечания, 5) краткие справочные примечания в конце каждого тома.

---

* Не публикуется.

6. В связи с подготовкой издания сочинений И. В. Сталина обязать все государственные и партийные архивы передать в ИМЭЛ не позднее 15 октября 1944 г. подлинники работ и документов товарища Сталина.

7. Ответственность за выполнение настоящего постановления Политбюро возложить на Секретариат ЦК ВКП(б).

Политбюро ЦК ВКП(б)[2]

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 905. Л. 44—45. Машинописный подлинник. В углу подписи Маленкова и Щербакова и дата: «29/9». На л. 45 об. отметка рукой неизвестного о поступлении в архив: «Поступило 10/11-53 г. с дачи И. В. Сталина».

[1] Этот проект утвержден не будет. 17 января 1946 г. Маленков в очередной раз представит в Политбюро «на рассмотрение и утверждение» проект постановления «Об издании сочинений И. В. Сталина» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1477. Л. 94). Лишь 19 января Политбюро по докладу Маленкова принимает постановление ЦК «Об издании сочинений И. В. Сталина». Решено издать в 1946—1948 гг. Собрание сочинений. «На титульном листе каждого тома обозначить: «Печатается по постановлению Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)». Том 13 — 1930—1933 гг., том 14 — 1934—1940 гг., том 15 — 1938 г. (Краткий курс истории ВКП(б)), том 16 — 1941—1945 гг. Тираж 500 тыс. экз. 80% тиража по индивидуальной подписке, а 20% в розничной продаже. Цена — 6 рублей. Решено 20 января опубликовать сообщение в печати. «8. Обязать главное архивное управление НКВД до июля 1946 г. передать в ИМЭЛ подлинники всех работ И. В. Сталина, хранящихся в государственных архивах СССР» (там же, л. 87—88). Из проекта извещения от имени ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) Сталин зачеркнет упоминание о том, что «пересылка томов по почте производится за счет подписчиков» (там же, л. 89—93).

№ 396
ПАНФЕРОВ — МАЛЕНКОВУ С ПРОСЬБОЙ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ КВАРТИРЫ

26 ноября 1944 г.

Тов. Маленков.

Сын у меня женился (привел жену), дочь вышла замуж (привела мужа), и студенты эти меня буквально вытеснили из квартиры. Я обращался в ряд мест с просьбой дать мне квартиру. Все улыбаются, сочувствуют моему бедственному положению и ничего не дают. До сих пор это еще как-то было терпимо: я писал роман о тыле (Урал) и жил в Челябинской обл[асти][1]. Теперь вторую книгу романа (война) надо писать здесь, в Москве. Кроме того, моя жена Ан[тонина] Коптяева (тоже пишет) ее роман «Фарт» Вам, очевидно, известен.

Очень прошу Вас помочь мне[2].

Простите за беспокойство.

Жму руку.

Ф. ПАНФЕРОВ

26 нояб[ря] 1944 г.

Врем. Адрес: Площадь Журавлева, дом 2/8, кв. 109.
Телеф. Е 1-28-50.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 474. Л. 36. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы.

[1] Речь идет о романе Панферова «Борьба за мир». В заметке «К биографии» (январь 1959 г.) он будет вспоминать: «Я выехал на Урал, в небольшой захолустный городок, заселенный старателями — золотоискателями. Туда эвакуировалось оборудование и рабочие одного из московских заводов <...> Условия для жизни на заводе были ужасные: холодные бараки, столовые работали плохо, в трескучие морозы, обернув руки тряпками (варежек не было), рабочие сгружали с платформ заиндевевшие, седые от мороза станки». См.: Федор Панферов. Воспоминания друзей / Сост. Б. Брайнина и А. Дроздов. М.: Советский писатель, 1964. С. 456—457.

[2] Письмо поступило в Техсекретариат Оргбюро ЦК 16 декабря 1944 г. 25 декабря Секретариат ЦК поручил рассмотреть этот вопрос Г. М. Попову из Моссовета (там же, л. 35). Резолюция т. Астафьева: «Письмо видел. Предоставим помещение, когда будет у нас жилой фонд. Сейчас пока ничего нет» (там же, л. 37).

№ 397
ЩЕРБАКОВ — СТАЛИНУ. ПОЗДРАВЛЕНИЕ С НОВЫМ ГОДОМ

1 января 1945 г.

Дорогой товарищ Сталин!

От всей души и тысячу раз благодарю Вас за Ваши слова привета, сказанные Вами по моему адресу в новогоднюю ночь.

К великому моему огорчению, врач лишил меня возможности лично услышать Ваш голос. Ваши слова для меня — это живая вода. Я быстро поправлюсь и работой наверстаю свое теперешнее безделье.

Еще раз спасибо Вам, товарищ Сталин!

Поздравляю Вас и товарищей с наступившим Новым годом, который будет годом самой полной Сталинской победы.

Преданный Вам А. ЩЕРБАКОВ

1.1.45

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 832. Л. 49—50. Рукописный подлинник.

Там же. Л. 48. Машинописная копия. Резолюция Сталина: «Т. Поскребышеву. В мой архив. И. Стал.» — автограф.

№ 398
ЩЕРБАКОВ — СТАЛИНУ. ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ПАДЕНИЕМ БЕРЛИНА

2 мая 1945 г.

Дорогой товарищ Сталин!

В этот долгожданный и радостный час позвольте мне сердечно поздравить Вас с величайшей победой — падением Берлина под ударами богатырской Красной Армии.

Путь от стен Москвы и руин Сталинграда — был тяжелый путь. Вряд ли история на кого-либо и когда-либо возлагала большие испытания и большую ответственность, чем она возложила на наш советский народ и на Вас, вождя этого народа.

Вы привели народы Советского союза и Красную армию к таким победам, перед которыми бледнеют все войны, победы и события прежних времен и на-

родов. Имя Сталина благославляют миллионы и миллионы людей нашей страны и других стран, избавленных Красной Армией от гитлеровского рабства.

От всей души желаю Вам на многие лета здоровья и бодрости.

За Ваше здоровье, товарищ Сталин!

Преданный Вам А. ЩЕРБАКОВ

2.5.1945 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 832. Л. 51. Рукописный подлинник.

№ 399

ЛАХУТИ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

5 мая 1945 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович.

Некто пожелал обратиться с вопросом к Нилу. Боясь помешать великой жизненосной реке, занятой могучим стремлением вперед, он сел на берегу и молча стал дожидаться, пока Нил хоть на мгновение оторвется от своего державного занятия. Но тщетны были ожидания, благодатные волны продолжали неустанно стремиться вперед, и чудак умер, так и не дождавшись подходящей минуты, чтобы обратиться к Нилу со своим заветным вопросом.

Я годами уподоблялся тому человеку, но не хотел бы уподобиться ему до конца (а ведь я не так уж молод) и потому, перестав дожидаться невозможного, прошу Вас о том, чего не мог бы сделать и Нил, но что можете Вы: среди безбрежного потока великих трудов найти минуту, чтобы выслушать человека, безмерно нуждающегося в Вашем направляющем слове.

ЛАХУТИ

5/5-45

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 760. Л. 40. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Штамп о поступлении в ОС ЦК — 5 мая. У данного штампа Особого сектора нет нумерации.

№ 400

ЧАГИН, ФАДЕЕВ И ДРУГИЕ — СТАЛИНУ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ С ИЗДАНИЕМ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО

6 июня 1945 г.

Председателю Совета Народных Комиссаров Союза ССР
товарищу Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Назначенные постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 27 августа 1939 г. Государственная Редакционная Комиссия и Редакторский Комитет первого полного академического издания собрания сочинений Л. Н. Толстого обращаются к Вам по неотложным нуждам, связанным с этим изданием.

Издание это имеет мировое общекультурное значение.

Завершение предпринятого в связи со столетием со дня рождения Л. Н. Толстого в 1928 году Партией и Правительством дела опубликования огромного, в

большей части еще не напечатанного, литературного наследия Л. Н. Толстого[1] как нельзя более своевременно именно теперь, когда вся страна, победоносно вынесшая на своих плечах тягчайшую из войн, обращает свои силы на мирное, общекультурное строительство.

На протяжении 20-ти лет по академическому изданию сочинений Л. Н. Толстого шесть раз были вынесены Советом народных комиссаров Союза СССР постановления. Кроме того, дважды выносились постановления Советом народных комиссаров РСФСР. Такое исключительное внимание, проявленное правительством к нашему делу, дает нам право вновь обратиться к Вам за руководящими указаниями.

В течение двух десятков лет Редакторским комитетом приготовлено к печати и сдано в издательство 84 тома из 89-ти. Задержка в сдаче оставшихся за редакцией томов произошла вследствие эвакуации рукописей в Томск в 1941 году.

Но из сданных 84-х томов опубликовано пока только 38 томов. Издательскую работу тормозит все время недостаток бумаги и недостаточная для такого сложного издания полиграфия.

Чтобы закончить печатание всех томов необходимо:

1) Выделить из выработки Каменской фабрики для Главной редакции академического издания сочинений Л. Н. Толстого 620 тонн бумаги, определенной для всего издания спецификации: № 1, формата 68×100, плотностью 65 гр. (из них 100 тонн — получить в 1945 году);

2) обеспечить возможность печатания томов в трех типографиях: двух в Москве — 1-ая образцовая и 16-ая и одной в Ленинграде — «Печатный двор»;

3) Установить штат рабочего аппарата Главной Редакции академического издания сочинений Толстого в количестве 5 человек;

4) предоставить Главной редакции соответствующее помещение в 3 комнаты.

При выполнении этих условий будет возможно закончить печатание всех томов, числом 51 в четыре года — к 1 января 1950 г., а 6-ти дополнительных к ним томов с указателями и пр. — после выпуска всех основных, в 1951— 1953 гг.

Таким образом, завершение всего издания первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого приурочивается к юбилейной дате — 125-летию со дня рождения великого писателя — 9 сентября 1953 года.

Подробная объяснительная записка при сем прилагается.

Члены государственной редакционной комиссии:

П. ЧАГИН, А. ФАДЕЕВ

Члены редакторского комитета:

Н. РОДИОНОВ, Н. ПИКСАНОВ, Н. ГУСЕВ, М. ЦЯВЛОВСКИЙ

6 июня 1945 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 636. Л. 134—136. Машинописный подлинник. Подписи — автографы. Штамп Техсекретариата ОБ за 13 июня 1945 г. Пометка рукой Поскребышева: «От Толстовской редакции». Резолюция Поскребышева: «т. Жданову. П.» (№ С-303/6-6-45). Резолюция Жданова: «т. Александрову. На рассмотрение. Жданов. 13/6». Штамп секретариата Жданова 143/ 13-6-45 г.

[1] 29 марта 1928 г. решением Политбюро в состав государственной редакционной комиссии (ГРК) кроме Луначарского, Покровского и Бонч-Бруевича ввели Скворцо-

ва-Степанова, «возложив на редкомиссию общее руководство и ответственность за издание юбилейного собрания сочинений Л. Н. Толстого». Решено «поручить ГРК привлечь к редактированию ПСС Л. Н. Толстого (в первую очередь для детального ознакомления с философско-публицистическими произведениями Л. Н. Толстого и для своевременной критической оценки их) научные марксистские силы по литературоведению и философии» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 722. Л. 19).

№ 401
КАТОЛИКОС И ПАТРИАРХ ВСЕЯ ГРУЗИИ КАЛЛИСТРАТ — СТАЛИНУ

30 июня 1945 г.

Тбилиси, 30.6.45 г.
Москва. Кремль
Иосифу Виссарионовичу Сталину

Исполненные чувством искренней радости достодолжной оценкою многосторонней деятельности Вашей[1], паства, пастыри и архипастыри Грузинского католикосата приносим Вам, родной Иосиф Виссарионович, сердечные поздравления и молимся о жизни подателю, возведшему Вас на вершины славы и величия земных, да ущедрит и милостями небесными, крепостью сил душевных и телесных и многолетием для предлежащих мирных трудов ко благу свободной от опасности нацистской отчизны святой — путь и око церкви христовой.

КАЛЛИСТРАТ,
католикос и патриарх всея Грузии

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1349. Л. 113. Машинописный текст.

[1] Речь идет о присуждении Сталину звания Генералиссимуса Советского Союза. Первоначально проект указа об учреждении высшего воинского звания был готов в январе 1943 г., на волне победы под Сталинградом. Из проекта указа: «установить высшее воинской звание — генералиссимус (*зачеркнуто*: «Советского Союза», *пометка*: «надо»), персонально присваиваемое Президиумом Верховного Совета СССР за особо выдающиеся заслуги перед родиной в деле руководства всеми вооруженными силами государства на время войны» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1452. Л. 118—120). Вероятно, именно Сталин не утвердил это решение, отложив его до окончания войны. 24 июня 1945 г. Жуков, Василевский, Мерецков, Малиновский, Конев, Рокоссовский, Булганин, Еременко, Толбухин, Говоров, Кузнецов, Соколовский, Буденный, Баграмян и Антонов направят рапорт в Политбюро ЦК ВКП(б): «Командующие войсками фронтов, Генеральный штаб Красной Армии, Военно-Морской флот от имени войск Действующей Красной Армии и Военно-Морского флота считают необходимым за выдающееся руководство боевыми операциями действующей армии и Военно-морского флота, которое привело к исторической победе над фашистской Германией в Великой отечественной Войне» наградить Сталина вторым орденом «Победа», присвоить ему звание Героя Советского Союза, учредить воинское звание Генералиссимуса Советского Союза и присвоить его Сталину «в ознаменование особых заслуг товарища Сталина как организатора и вдохновителя побед народов Советского Союза в Великой Отечественной Войне — учредить орден СТАЛИНА» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1329. Л. 25). Орден Сталина учрежден не будет.

№ 402
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ — СТАЛИНУ

(30 июня 1945 г.)

Москва, Кремль
Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

Русская православная церковь, всегда призывающая благословение Божие на Ваши, дорогой Иосиф Виссарионович, необъятные труды во благо нашей страны, вместе со всем народом нашим сердечно приветствует Вас, радуется Вашей всемирной славе и единодушно поет Вам, Великому Генералиссимусу нашей любимой Родины и нашего победоносного воинства, многая, многая лета.

Патриарх Московский и всея Руси АЛЕКСИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1349. Л. 112. Машинописный текст. Дата — автограф неизвестного.

№ 403
СТАЛИН — МОЛОТОВУ И ДРУГИМ ОБ ОШИБКЕ С ОПУБЛИКОВАНИЕМ РЕЧИ ЧЕРЧИЛЛЯ И ДРУГИХ ВОПРОСАХ

10 ноября 1945 г.

Из Сочи поступила в ЦК ВКП(б) на расшифрование...10...XI...1945 г. ч.....11 М........05... Вх. №. 3550/ш

МОСКВА, ЦК ВКП(б)
т.т. МОЛОТОВУ, БЕРИЯ, МАЛЕНКОВУ, МИКОЯНУ

Первое. Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалением России и Сталина[1]. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР, в частности, замаскировать тот факт, что Черчилль и его ученики из партии лейбористов являются организаторами англо-американско-французского блока против СССР. Опубликованием таких речей мы помогаем этим господам. У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов со стороны этих господ. Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами. С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу. Но если мы будем и впредь публиковать подобные речи, мы будем этим насаждать угодничество и низкопоклонство. Я уже не говорю о том, что советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня.

Второе. В Наркомат технических культур не следует включать виноградарство и плодоводство, чтобы не отвлекать внимания Наркомата в сторону от технических культур. Все остальные поименованные в проекте культуры можно включить. Бенедиктов не подходит для роли наркома технических культур. Его лучше оставить в Наркомате земледелия в роли заместителя Андреева, ко-

торый, ввиду болезни, не может долго оставаться наркомом. Наркомом технических культур можно было бы поставить Скворцова.

Третье. Нужно поскорее убрать из Яньаня и районов действия войск Мао Цзе Дуна всех наших офицеров связи и других людей. Гражданская война в Китае принимает серьезный характер, и я опасаюсь, что наших людей в этих районах, которые ничем не руководят, наши враги потом объявят организаторами гражданской войны в Китае. Чем скорее уберем их оттуда, тем лучше.

СТАЛИН

АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 98. Л. 81. Машинописный подлинник шифровки.

Раздел «Первое» опубликован: Сталин и космополитизм. 1945—1953: Документы Агитпропа ЦК / Сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М.: 2005. С. 31.

[1] 9 ноября 1945 г., когда Сталин отдыхал на юге, «Правда» опубликовала сообщение ТАСС из Лондона «Выступление Черчилля в Палате общин». В нем, в частности, сообщалось, что, говоря о товарище Сталине, Черчилль заявил: «Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения, по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правившему судьбой своей страны во времена мира и победоносному защитнику во время войны». Черчилль говорил о «благородном русском народе». Черчилль также сказал, что «всякая мысль о том, что Англия преднамеренно проводит антирусскую политику или устраивает сложные комбинации в ущерб России, полностью противоречит английским идеям и совести». Говоря о 12 пунктах в послании президента Трумэна об атомном оружии, Черчилль сказал: «Если даже все другое рухнет, то в этом — лучший шанс на то, чтобы уцелеть».

11 ноября 1945 г. в покаянной телеграмме, отправленной на юг Сталину, Молотов полностью признал свою ошибку: «Совсекретно. Копия. Шифром. Тов. Сталину. Опубликование сокращенной речи Черчилля было разрешено мною. Считаю это ошибкой, потому что даже в напечатанном у нас виде получилось, что восхваление России и Сталина Черчиллем служит для него маскировкой враждебных Советскому Союзу целей. Во всяком случае ее нельзя было публиковать без твоего согласия. № 1296/ш. Молотов» (там же, л. 100).

№ 404
ПАНФЕРОВ — МАЛЕНКОВУ О ПОЛОЖЕНИИ В ЖУРНАЛЕ «ОКТЯБРЬ»

28 ноября 1945 г.

Товарищу Маленкову

ПОЛОЖЕНИЕ В ЖУРНАЛЕ «ОКТЯБРЬ»

I. Творческая работа

1. Свершилось Величие — победа нашей партии, нашего народа над оголтелым врагом — фашистами, стало быть, в конечном итоге — победа коммунистической идеологии над варварской идеологией — фашизма-капитализма. В это величие нельзя не верить: оно есть исторический факт. Но это Величие надо понять, а нам, литераторам, отобразить в художественных образах. Дело это чрезвычайно сложное и трудное, в одиночку ни один писатель разрешить этот сложный вопрос не сможет. Тут нужна коллективная мысль, то есть нашему писателю (пишет ли он о войне, о колхозах ли, о советском рабочем или о нашей

интеллигенции, о становлении семьи или о молодежи и т. д.) надо помочь в разрешении сложнейших тем путем бесед с представителями философского фронта, аграрниками, представителями рабочего движения, науки, искусства и т. д. Другими словами, редакцию журнала «Октябрь» надо превратить в такое место, где бы писатель нашел не только бережное отношение к себе, своему творчеству, но и получил бы ответы на те вопросы, которые волнуют его, писателя.

2. Товарищ Сталин не раз в беседах говорил нам: «Литература – дело тонкое». «Не администрируйте писателя». «Относитесь к писателю бережно». «Поймите, что писатель иногда видит дальше нас, политиков». «Не торопитесь и не навязывайте писателю марксизм: все равно, изучая действительность, писатель придет к марксизму, ибо марксизм – стена». Вот все это и должно лечь в основу стиля работы редакции журнала «Октябрь».

3. Надо восстановить довоенные традиции журнала «Октябрь» и максимум сил направить на помощь современной советской литературе. Это не значит, что следует отбросить литературу о прошлом. Нет. Надо печатать лучшие произведения из истории нашей партии, рабочего движения и т. д. Однако основное внимание редакции должно быть направлено на создание современной советской литературы.

4. Однажды на совещании у Алексея Максимовича Горького товарищ Сталин сказал:

– Мы вам, писателям, доверяем самое большое – человеческую душу. Если мы ее, душу, воспитаем в коммунистическом духе – мы непобедимы.

Тут кто-то из военных бросил реплику:

– Ну да, но нужна еще пушка.

Товарищ Сталин ответил:

– Это верно, пушка нужна. Но если мы на пушку посадим человека с дрянненькой душой, пушка в нас стрелять будет.

Отечественной войной проверено – пушка стреляла по врагу и «человек на пушке» воспитан в коммунистическом духе: он шел, дрался с врагом, умирал в боях не просто за Родину (территорию или за место своего рождения), он шел, дрался и умирал в боях за Советскую страну, за социалистическую родину, где «социализм в быту» (И. В. Сталин). Это – социализм в быту – является ведущим в нашей стране, это великое, это небывалое в истории человечества. Но ведь наряду с этим великим немало еще и дрянного, отмирающего, немало еще пережитков прошлого – этого цепкого, как репей, вонючего, как болотная тина. И между новым – великим, ведущим и этим старым, дрянным идет борьба не на жизнь, а на смерть. Писатель на имеет права обходить это отмирающее – дрянное. Он обязан (а иначе не может быть и произведения) показать эту борьбу, бичевать это старое, дрянненькое и выявить то великое, могучее, что является ведущим в нашей жизни. Кроме этого, в нашей действительности бывают, если так можно назвать, и «ошибки», что ль. Они идут не от злого умысла. Они идут от того, что все в нашей стране строится заново. Примерно, «головокружение от успехов», увлечение гигантами совхозами, колхозами и т. д. А разве кто хотел, чтобы фашисты вступили на нашу землю и дошли до Сталинграда? Объяснения некоторых, что это было «планомерно», что это просто «изматывали врага» – наивно. И если писатель будет писать про Отечественную войну и отбросит отступление Красной Армии, начав только с победоносного наступления, он не сможет показать всей героики нашей страны. Нам не нужна литература сладенькая, «утешительная»: мы страна

большой, красивой правды и привыкли всему прямо смотреть в глаза. Тут же надо отметить и о той порочной критике, которая почему-то заняла в последнее время господствующее положение – это подчеркивание в художественном произведении отдельных мест, отдельных фраз, и на основе этих отдельных мест и фраз строится заключение о произведении. Надо в произведении видеть ведущее, а не «отдельное».

5. Как-то нам товарищ Сталин сказал: «Наступит время, и молодые писатели пойдут в литературу, как плотва». Положение это в свое время было скомпрометировано врагами народа. Враги народа скомпрометировали это положение тем, что объявили кампанию «призыв ударников в литературу». Примерно, пишет паренек или девушка стихи (а кто их в юные годы не писал?), давай его в литературу. Так по одной Москве было «натаскано» до трех-четырех тысяч юношей и девушек. Конечно, это были вовсе не писатели.

Впоследствии товарищ Сталин повторил свои слова. Но некоторые руководители Союза Писателей дурно поняли мысль товарища Сталина и начали, хотя и в меньшей степени, но так же кампанейски призывать молодых писателей в литературу.

В этом деле, в воспитании молодых писателей, надо категорически отказаться от всяких кампанейских мероприятий. Молодых писателей надо не «вербовать», а тщательно, бережно работать над их произведениями, отбирать таланты не по словам, а по их творчеству, помогать им отыскивать свои литературные жилы, учить их на примерах классиков работать за столом, изучать действительность, болеть за судьбу народа – не спешить с опубликованием произведений молодых писателей, стремиться доводить произведения до совершенства. А уж если опубликовали произведение молодого писателя (стихи или проза), то надо это произведение защищать от нападок халтурщиков всех мастей.

6. Товарищ Сталин определил современное направление литературы, сказав: «социалистический реализм». Странно, но об этом почему-то замолчала наша критика, хотя понятие «социалистического реализма» еще многим и многим не ясно. Одни утверждают, что на основе социалистического реализма можно писать и про Адама, и про Ивана Грозного (иные критики даже Гоголя «закатили» в представители социалистического реализма). Иные утверждают, что произведение социалистического реализма должно быть заполнено только современной, советской действительностью. Третьи – вообще путают кислое с пресным.

На страницах журнала «Октябрь» следует организовать трибуну «Писателя и критика», где начать обсуждение всех острых литературных вопросов, дав возможность писателям и критикам высказываться во весь голос и не лупить писателя или критика в хвост и гриву, если он даже выскажет и ошибочное.

7. Писателю и поэту надо помогать в его творчестве, но не навязывать ему своих утверждений. Писателю и поэту надо предоставить большую самостоятельность, и пусть он сам отвечает за свои произведение перед партией и народом. Надо прекратить это бесконечное редактирование писателя: его произведение редактируют члены редколлегии, редактор, затем главлит, и, наконец, даже корректора.

II. Материальная и организационная сторона редакции.

1. У нас в столице имеется три крупных литературно-художественных журнала, стало быть, весь литературный поток разделен на три части и одну

из этих частей обслуживает журнал «Октябрь». В редакцию идут люди и даровитые, и бездарные, и «старики», и молодые. Настоящие писатели идут в редакцию, как в родное место, где ждут получить помощь не только в своем творчестве, но иногда и помощь материального порядка (нет квартиры, нет дачи, не достанет билет на поезд и т. д.). По сих пор редакция журнала «Октябрь» находится в самом жалком состоянии: нет помещения, редакция ютится в маленьких, грязных комнатках, нет транспорта, жалкие денежные ресурсы.

Нужно:

А. Хорошее помещение, где были бы приличные комнаты не только для работников аппарата редакции, но и комната для писателей (обсуждение творческих вопросов), комнаты для членов редколлегии, где они могли бы принимать писателей.

Б. Нужна одна легковая машина.

В. Надо изыскать средства на оплату работающих членов редколлегии, на оплату лекций, бесед представителей теоретической мысли, надо совещания с писателями проводить не «всухую», а хотя бы за стаканом чая.

III. Структура аппарата.

1. Ответственный редактор журнала.
2. Заместитель ответственного редактора.
3. Ответственный секретарь.
4. Заведующий редакцией.
5. Литературный редактор.
6. Зав. отделом прозы.
7. Зав. отделом поэзии.
8. Зав. отделом критики.
9. Зав. отделом публицистики и науки.
10. Зав. отделом молодых и литконсультацией.
11. Секретарь-машинистка.
12. Курьер.
13. Шофер.

Редколлегия:

1. Ф. Панферов (ответственный редактор журнала).
2. В. Гольцев (зам. отв. редактора и руководство отделом критики).
3. В. Ильенков (руководство отделом прозы).
4. И. Сельвинский (руководство отделом поэзии).
5. С. Щипачев (руководство молодыми поэтами).
6. а) А. Первенцев (руководство отделом молодых и литконсультацией).
б) П.Павленко[1].
7. Б. Полевой (руководство отделом публицистики и науки).

Тираж журнала «Октябрь» следует довести до 70 тыс. экземпляров.

Для связи с общественными литературными организациями следует:

1. Ответственного редактора журнала ввести в Президиум Союза Советских Писателей.

2. Одного члена редколлегии ввести в редколлегию «Литературной газеты» (Ильенков).

3. Одного члена редколлегии журнала ввести в редакционный совет при издательстве «Советский писатель» (Гольцев).

4. Одного члена редколлегии журнала ввести в редакционный совет при Гослитиздате (Первенцев).

Ф. ПАНФЕРОВ

28/XI-45

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 571. Л. 193—199. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Резолюция Маленкова — автограф.

[1] Напротив фамилии Павленко стоит примечание Панферова: «Тов. Павленко не работал и не работает в журнале и вряд ли будет работать, — вот почему лично я высказываюсь против того, чтобы Павленко вводить в редкол. Ф. Панферов». Имеется резолюция Маленкова: «Т. Александрову. Прошу подготовить предложения. Вопрос этот будет обсуждаться на Оргбюро. Г. Маленков. 28/11». В подготовленном для заседания Оргбюро за 30 ноября проекте решения «Вопросы журнала «Октябрь» говорилось: «Поручить комиссии в составе т. Еголина (созыв), Поспелова, Чадаева, Поликарпова рассмотреть письмо редактора журнала «Октябрь» т. Панферова и в оперативном порядке принять необходимые меры по созданию надлежащих условий для работы журнала. Комиссии предусмотреть, в частности, — обеспечение редакции журнала вполне пригодным для работы помещением, необходимое увеличение штата постоянных сотрудников, установление ежемесячной оплаты членов редакционной коллегии журнала, обеспечение редакции автотранспортом. О результатах работы комиссии доложить ЦК ВКП(б) к 10 декабря с.г.» (там же, л. 200). Пометка Еголина от 1 декабря: «Вчера собиралась комиссия. Все вопросы решили. И сегодня я сдаю записку досрочно». Пометка неизвестного: «Ответ Комиссии направлен 13/12-45 г. т. Панферову с рез[олюцией] т. Маленкова: «т. Панферову для сведения» (там же).

№ 405
МАЛЕНКОВ — СТАЛИНУ О МАКЕТЕ ТРЕТЬЕГО ТОМА СОЧИНЕНИЙ СТАЛИНА

5 декабря 1945 г.

Товарищу СТАЛИНУ

Направляю макет третьего тома сочинений И. В. Сталина.

Том содержит 66 произведений, написанных с марта по октябрь 1917 г. (до Октябрьской революции). Объем тома — 22 печ. листа.

К макету тома прилагается справка ИМЭЛ[1].

Г. МАЛЕНКОВ

5.XII-45 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 936. Л. 1. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] В справке, подписанной директором ИМЭЛ Кружковым, сообщалось, что 19 произведений в макете тома подписано «К. Сталин» (по одному имеется рукопись — «Смыкайте ряды»), 3 произведения подписаны псевдонимом И. В. Сталина «К. Ст.». Авторство 38 произведений было подтверждено Сталиным по сборнику статей «На путях к Октябрю». Имеется 6 выступлений и докладов. Кружков отмечал, что «на рассмотрение товарища Сталина прилагается 40 неподписанных статей и заметок и 3 листовки. На основании изучения их содержания и стиля исследовательским путем Институт допускает возможность принадлежности прилагаемых статей, заметок и листовок перу И. В. Сталина. Покойный И. П. Товстуха тоже допускал возможность, что значительная часть прилагаемых материалов написана И. В. Сталиным» (там же, л. 2—9).

№ 406
ТИХОНОВ И ПОЛИКАРПОВ – МОЛОТОВУ О НАГРАЖДЕНИИ ЛЕОНОВА ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

16 февраля 1946 г.

Товарищу Молотову В. М.

В феврале исполнилось 25-летие литературной деятельности известного русского писателя Леонида Максимовича Леонова.

Литературной деятельностью Л. М. Леонов занимается с февраля 1921 года. Первые его произведения были напечатаны в газете 15-й Сивашской Краснознаменной дивизии.

Л. М. Леоновым написаны следующие книги: романы «Барсуки», «Соть», «Скутаревский», «Дорога на океан», пьесы «Унтиловск», «Половчанские сады», «Обыкновенный человек».

Творчество Л. М. Леонова высоко ценил А. М. Горький.

В годы Отечественной войны Л. М. Леонов написал пьесы: «Нашествие» и «Ленушка», а также повесть «Взятие Великошумска».

Л. М. Леонов активно и плодотворно работает как публицист и общественный деятель. Широко известны его яркие статьи и корреспонденции о Бельзенском, Харьковском, Нюрнбергском процессах.

За заслуги в области литературы Л. М. Леонов награжден в 1939 году Орденом Трудового Красного Знамени и в 1945 году Орденом Отечественной войны 1-й степени.

Президиум Союза Советских писателей СССР ходатайствует о награждении Л. М. Леонова орденом Ленина за выдающиеся заслуги в области художественной литературы[1].

Председатель правления Союза советских писателей Н. ТИХОНОВ
Секретарь правления Союза советских писателей Д. ПОЛИКАРПОВ

16 февраля 1946 г.

Исх. № 496

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1479. Л. 66. Машинописный подлинник. Подписи — автографы.

[1] Резолюция Молотова: «Т. Сталину. Прошу утвердить. В. Молотов. 18/2». Решение ПБ оформлено 18 февраля.

№ 407
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) «О ЦЕНЗОРСКОМ КОНТРОЛЕ НАД ИНФОРМАЦИЕЙ, НАПРАВЛЯЕМОЙ ИЗ СССР ИНОСТРАННЫМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ»

25 февраля 1946 г.

1. Изъять из ведения Отдела печати Наркоминдела цензорский контроль над информацией, передаваемой из СССР иностранными корреспондентами, и возложить этот контроль на уполномоченного Совнаркома СССР по охране военных и государственных тайн в печати.

Создать при уполномоченном Совнаркома СССР по охране военных и государственных тайн в печати отдел цензорского контроля над информацией иностранных корреспондентов.

2. Утвердить инструкцию о цензорском контроле над информацией, направляемой из СССР иностранными корреспондентами (приложение).

3. Утвердить:

а) т. Омельченко К. К. – уполномоченным Совнаркома СССР по охране военных и государственных тайн в печати, освободив от этой обязанности т. Садчикова Н. Г.;

б) т. Балашова П. С. – заместителем уполномоченного Совнаркома СССР по охране военных и государственных тайн в печати по вопросам контроля над информацией для заграницы;

в) т. Зорина А. Л. – начальником отдела цензорского контроля над информацией иностранных корреспондентов.

4. Обязать заведующего Отделом печати НКИД СССР т. Зинченко К. Е. в пятидневный срок передать, а уполномоченного СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати т. Омельченко К. К. принять дела, относящиеся к цензуре над информацией иностранных корреспондентов.

Перевести на работу в Отдел цензорского контроля при уполномоченном СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати цензоров Отдела печати НКИД СССР т.т. Соловьева М. Е., Красникова В. К., Задорожного Г. П., Тронову О. Г. Сохранить за цензорами, которые переводятся на работу в отдел цензорского контроля, прежние условия оплаты труда и материального обеспечения.

5. Обязать НКГБ (т. Меркулова) направить на работу в Отдел Цензорского контроля при уполномоченном Совнаркома СССР по охране военных и государственных тайн в печати 3-х цензорских работников, хорошо знающих иностранные языки.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1479. Л. 158—159. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

Приложение

ИНСТРУКЦИЯ
О ЦЕНЗОРСКОМ КОНТРОЛЕ НАД ИНФОРМАЦИЕЙ, НАПРАВЛЯЕМОЙ ИЗ СССР ИНОСТРАННЫМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ

1. Все телеграммы, телефонограммы и радиограммы, передаваемые из СССР за границу иностранными корреспондентами, подлежат цензорскому контролю Уполномоченного Совнаркома СССР по охране военных и государственных тайн в печати.

2. Цензорский контроль над информацией иностранных корреспондентов осуществляется Уполномоченным СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати, его заместителем по вопросам контроля над информацией для заграницы и создаваемым для этой цели отделом цензорского контроля над информацией иностранных корреспондентов.

3. Уполномоченный СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати обязан обеспечить строгий контроль над всей информацией для заграницы и не разрешать передачу:

а) материалов, в которых разглашаются военные, экономические и другие государственные тайны СССР;

б) сообщений иностранных корреспондентов, содержащих выпады против Советского Союза и измышления в отношении его государственных деятелей;

в) информации, дающей извращенное освещение советской политики и жизни Советского Союза;

г) всех других материалов, которые могут нанести ущерб государственным интересам СССР.

4. Отдел цензорского контроля над информацией иностранных корреспондентов работает в помещении Центрального телеграфа Наркомата связи СССР.

5. Отдел цензорского контроля не вступает в непосредственные отношения с иностранными корреспондентами. Все телеграммы, телефонограммы и радиограммы принимаются для передачи за границу Центральным телеграфом Наркомсвязи СССР в 2-х экземплярах. Принятые телеграфом материалы иностранных корреспондентов поступают в отдел цензорского контроля, где производятся все необходимые изъятия и дается разрешение на передачу корреспонденций за границу.

6. Разрешение на передачу за границу сообщений иностранных корреспондентов, а также запрещение передачи этих сообщений или частичное изъятие из них производится Уполномоченным СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати, его заместителем по вопросам контроля над информацией для заграницы или начальником отдела цензорского контроля над информацией иностранных корреспондентов.

7. Иностранные корреспонденты уведомляются о запрещении передачи информации только в тех случаях, когда их телеграмма или телефонограмма задерживается целиком[1].

8. Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати составляет ежедневную сводку о телеграммах, телефонограммах и радиограммах, посылаемых из СССР иностранными корреспондентами, и направляет ее лицам по списку, утвержденному ЦК ВКП(б).

Один экземпляр каждой корреспонденции со всеми внесенными в нее изменениями направляется в Отдел печати НКИД СССР.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1479. Л. 160—161. Машинописный текст. Зачеркнуто: «Утверждено. Постановлением СНК СССР №...... от февраля 1946 г.».

[1] 25 марта 1946 г. Политбюро утвердит пункт седьмой инструкции в новой редакции: «7. Предоставить иностранным корреспондентам возможность до отправки телеграммы за границу ознакомиться с произведенными цензурой изъятиями, в случае несогласия с ними взять свою телеграмму обратно или же получить необходимую справку в центральном аппарате Уполномоченного СНК (*исправлено*: «Совета Министров») по охране военных и государственных тайн в печати». Молотов: «т. Сталину. Прошу утвердить эту поправку. В. Молотов. 23/3» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1481. Л. 105). В деле имеется отметка о записке Омельченко, но сама записка отсутствует.

23 февраля 1946 г. проект послан Маленковым Сталину. «За» проголосовали: Сталин, Молотов и Каганович (автографы). Протокольно — Берия, Микоян, Андреев. 25 февраля Политбюро утвердило постановление и инструкцию. На этом же заседании НК обороны был преобразован в НК Вооруженных сил СССР, а генералиссимус Сталин «назначен» народным комиссаром Вооруженных сил и Верховным главнокомандующим вооруженными силами.

№ 408
НАДЕЖДА ПЕШКОВА — СТАЛИНУ ПО ПОВОДУ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ МАКСИМА ГОРЬКОГО

26 февраля 1946 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Обращаюсь к Вам от себя лично и от семьи Горького с просьбою: 18 июня с. г. исполняется десять лет со дня смерти Алексея Максимовича.

Хотелось бы иметь Ваши указания, чтобы ускорить ряд мероприятий, связанных с этой датой:

1) Открыть музей Алексея Максимовича (в Москве на улице Воровского), который в данный момент недоступен для посетителей, так как здание музея занято штатом Института мировой литературы и служит складочным местом для ящиков с экспонатами Пушкинского музея.

Поставить памятник М. Горькому, — хотя бы в Москве. Если не ошибаюсь, памятник для Москвы, — работы художника Шадра уже до войны был одобрен Комитетом по делам искусств.

3) Установить мемориальные доски: а) в Горках-10, где Алексей Максимович скончался; б) на Малой Никитской, 6; в) в Крыму, в Тессели, и г) в Ленинграде (Кронверкская ул., 23) — где Алексей Максимович провел последние годы своей жизни.

Дом в Горках занят в настоящее время под однодневный дом отдыха Совнаркомом и из всего помещения выделены только две мемориальные комнаты (кабинет и спальня Алексея Максимовича), но даже и относительно их уже не раз высказывались сомнения — следует ли их сохранить.

Хотелось бы внести полную ясность в это дело для сохранения дома и относящейся к нему территории в качестве бытового музея М. Горького.

Простите, что беспокою Вас своей просьбой, но очень бы хотелось, чтоб меры к увековечиванию памяти Алексея Максимовича были приняты своевременно, так как срок остался короткий.

Глубокоуважающая и любящая Вас Н. ПЕШКОВА

26/2-46 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 720. Л. 149. Машинописный подлинник. Последняя фраза и подпись — автографы.

Резолюция Сталина: «т. Жданову. Александрову. Прошу сообщить Ваше мнение. И. Сталин». Резолюция Сталина оприходована в альбоме руководящих решений вождя за № 22/ 26-III-46 г. К письму приложена записка: «ЗАВ. ОСОБЫМ СЕКТОРОМ ЦК ВКП(б) тов. ПОСКРЕБЫШЕВУ А.Н. Возвращается Вам по исполнении письмо т. Пешковой с надписью товарища Сталина. ПОМ. СЕКРЕТАРЯ ЦК ВКП(б)».

№ 409
ПАНФЕРОВ – СТАЛИНУ С ОТЧЕТОМ О ПОЕЗДКЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

26 февраля 1946 г. (не позднее)

Я только что вернулся из Омутнинского избирательного округа (Кировской области). Пробыл там около месяца и, с кем бы я ни встречался, все просили меня передать Вам:

– Большой русский поклон.

Вот этот поклон я Вам и передаю.

Кроме того, я обязался перед избирателями рассказать Вам о них.

Омутнинский избирательный округ – это далекая окраина. Есть села за сто, сто двадцать километров от железной дороги, без керосина, без электричества (жгут лучину). Жители таких сел ложатся с заходом солнышка и встают по солнышку. Москва, очевидно, так жила только во времена Ивана Калиты. В округе два металлургических заводика – древние, седые. Большинство колхозники, лесорубы.

Когда я ехал на лошадке за сто километров от железной дороги, то думал:

– Ну, вот, попаду к чалдонам.

Но при первой же встрече с избирателями я увидел чудесные, умные, советские глаза, такие же глаза, какие я видел в Москве, в Саратове, в Ростове. И когда я попал в село Мухино (очень далеко от железной дороги), то сказал избирателям:

– Я очень много выступал за время войны – в Москве, на Урале, в Поволжье, в Казахстане, на фронте. И когда ехал к Вам сюда, то думал, попаду к чалдонам, – по залу прошел легкий шорох и смех. – Но вот сейчас смотрю на вас и вижу все те же умные, чудесные, советские глаза, как и у москвичей.

И тут вдруг послышались рыдания.

Люди плакали от радости, сознавая, что они действительно умные, что они действительно на своих плечах вынесли тяжесть войны, а от этой тяжести иногда трещали плечи.

В этом, мне кажется, и есть основная заслуга нашей партии, в том, что у нас не стало провинциалов, что по культуре ума (не по знанию) все люди поднялись на невероятную высоту – это, очевидно, и есть социализм.

Это такие люди, Иосиф Виссарионович! Они отдадут за советскую власть все, что попросит партия.

Но я еще обязался перед избирателями рассказать Вам и об их нуждах.

Видимо, торгующие, снабжающие организации еще и до войны мало обращали внимание на такие окраины, как Омутнинский избирательный округ, – вот почему люди оборваны, разуты, носят домотканщину, лапти, деревянные колодки. Особенно плохо одеты ребята. (А ребята хорошие – крупные, с крепкими руками, сильные, как львята.) В отдаленных районах нет ни керосина (даже в школах), ни электричества. Взрослые забыли, что такое сахар, а ребята и понятия о сахаре не имеют. Негде купить даже гребешка, пуговицы, иголки, мыла. Местная промышленность продукцию выпускает отвратительную. Я, например, потерял расческу. И вот обошел все магазины в Кирове. В одном сказали: «Есть расчески, но неважные». «А важные?» – спросил я. «Важных нет». И я купил «неважную». Помните, бывало, говорили: «этот гре-

бешок для мертвецов». Так вот и расческа эта «для мертвецов». Ею никак чесаться нельзя: она дерет, как грабли. (*Зачеркнуто*: «Я ее Вам посылаю».)

Мне кажется:

1. В таких окраинах, как Омутнинский избирательный округ, надо в первую очередь строить районные электростанции. Силы и средства на такие постройки в районах найдутся, а оборудование должна дать Москва.

2. Обуть, одеть надо людей. Особенно ребят.

3. Заставить местную промышленность выпускать доброкачественную продукцию.

И еще один весьма важный жизненный вопрос.

В колхозах после войны осталось много вдов — женщин сильных, цветущих, как много и невест. Им нужен мужик. Я вижу, как Вы улыбаетесь: вот, дескать, со всяким ко мне обращались, а Панферов вон с чем. Но вопрос-то очень серьезный, товарищ Сталин. Грубо говоря, баба в соку, ей хочется поспать. С кем? Она сама найдет мужика, ей только надо сказать: «Рожай. Советская власть тебе спасибо за это скажет». И закон у нас в этом отношении очень хороший: он благословляет на роды. Но на местах районные работники, видимо, не понимают серьезности этого вопроса: столько жеманства, ханжества, филистерства. (Тут и боязнь, что разрушится семья, начнется разврат и т. д.) Они не понимают того, что через пятнадцать — двадцать лет наше государство может оказаться без призывного возраста. Вот поэтому, очевидно, последний закон об охране матери и ребенка они просто «спустили» в загсы. А закон этот надо широко опубликовать и поощрять женщин на рождаемость.

Хотят ли женщины рожать? Да. Когда я на одном колхозном собрании сказал: — Рожать надо! — женщины устроили овацию.

Сердечный вам привет и большой поклон.

Ф. ПАНФЕРОВ

Москва, Саринский проезд, 2, кв. 47.
Тел. Ж-2-58-11.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 26—28. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. На л. 26 пометка рукой неизвестного «От Панферова». 2 экз. 28.4.46 г.». Штамп по поступлению в Особый сектор ЦК 26 февраля 1946 г.

№ 410
С. Л. ТОЛСТОЙ — СТАЛИНУ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ С ИЗДАНИЕМ АКАДЕМИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО

4 марта 1946 г.

Уважаемый Иосиф Виссарионович.

Обращается к Вам старший сын Льва Николаевича Толстого. Мне 82 года. Около 2-х лет назад со мной произошло большое несчастие — я попал под трамвай и лишился ноги, вследствие чего теперь нахожусь безотлучно дома и прикован к кровати. Состояние моего здоровья очень тяжелое. Но ни память, ни сознание у меня не ослабевают. Я всем интересуюсь и особенно, разумеется, интересуюсь всем тем, что связано с именем моего покойного отца.

Я решился Вам написать по поводу одного удручающего меня вопроса. Многие годы я был твердо уверен, что еще при моей жизни выйдет в свет

предпринятое по инициативе В. И. Ленина и утвержденное затем лично Вами первое, 95-томное полное собрание сочинений моего отца, печатающееся Гослитиздатом. Однако прошло уже 20 лет со времени начала этого издания, почти законченного с редакционной стороны, но оно до сих пор не доведено до конца. Вышло 38 томов, приготовлено, но не напечатано свыше 50 томов. С 1939 года издание не двинулось, а со времени войны даже не ведется, главным образом из-за отсутствия средств, и редакторская работа по подготовке к печати как незаконченных томов, так и по составлению необходимых для такого издания пояснительных томов.

Жить мне осталось немного. И я обращаюсь к Вам с моей просьбой о том: 1) чтобы Редакторскому комитету этого издания, утвержденному в 1939 г. Совнаркомом СССР, были отпущены необходимые для окончания его работ средства в размере 500.000 руб. и 2) чтобы Гослитиздат незамедлительно приступил к продолжению издания готовых томов.

Считая своим долгом перед моим отцом содействовать опубликованию, согласно его воле, всего им написанного, я обратился с этим делом к Вам, так как уверен, что Вы найдете возможным удовлетворить мою просьбу.

Искренно желаю Вам всего хорошего.

Преданный Вам Сергей Толстой.

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ ТОЛСТОЙ

4 марта 1946 года

Москва, Арбат, д. 45, кв. 16.
Тел. Г 1-43-56.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 636. Л. 150—151. Машинописный подлинник. Последняя фраза, подпись и дата — автограф. Штамп о поступлении в ОС ЦК 5 марта 1946 г., а в Техсекретариат Оргбюро ЦК — 9 апреля.

№ 411
МИХАЛЬЦЕВА (СОБОЛЕВА) — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ ПОМОЧЬ ЕЕ МУЖУ — СОБОЛЕВУ

21 марта 1946 г.

От Ольги Ивановны Михальцевой-Соболевой,
неизменного друга писателя ЛЕОНИДА СОБОЛЕВА

Товарищ Сталин,

в жизни бывает, когда даже независимый и сильный человек нуждается в моральной поддержке. Оглянувшись вокруг на густо населенный наш огромный и такой крошечный мир, я поняла, что говорить мне сейчас не с кем, слишком значительным представляется вопрос.

И мыслью обратилась к Вам.

Я ни о чем конкретном не прошу Вас, тем все это, быть может, сложнее.

У меня ощущение, что в нашем доме идет четвертый акт пьесы, когда все концы сводятся с концами и впереди лежит лишь неизбежная, закономерная, но все же несколько гадательная развязка пятого акта.

И если от нас она зависит, то мне становится страшно от ответственности, которую я чувствую на себе. Отсюда тоскливая потребность разделить эту непосильную ответственность: ценность объекта перерастает границы личного.

Речь идет о ЛЕОНИДЕ СОБОЛЕВЕ.

Однажды было у него уже такое тяжелое физическое и душевное состояние, которое привело к необходимости решительных мер. Но тогда, три года тому назад, растущие успехи на фронте оказались более действительными, чем санаторный режим, и через 11 дней мы удрали из санатория на южный фронт, и все обошлось.

Сейчас его положение несравнимо серьезнее.

Мир застал нас в Германии. С армией мы вошли в Берлин и оттуда проделали «по Европам» 20.000 километров на машине. Видели неповторимое и незабываемое. Леонид вернулся переполненный драгоценным творческим материалом и сел за стол.

Он просиживал за столом дни и ночи, но реальной работы не получалось. С его точки зрения, ничего не получалось. Он перестал совершенно спать. Нервное истощение дошло до предела. Лучшие врачи, по моему настоянию, смотрели его, говорили с ним. Организм, в основном, оказался здоровым, и я перестала тревожить его этими дополнительными раздражителями.

Леонид потерял волю к действию и становится в тягость самому себе.

Речь Черчилля взорвала его. Он зашагал по комнате. Ему захотелось ответить.

Но все растущая неудовлетворенность своей работой убивает в нем веру в ценность и нужность этой работы. И вспыхнув, он тут же погас.

Мгновенную радость принесло известие, полученное от югославского посла о награждении орденом Братства. Югославию Леонид очень полюбил и от души провел там громадную работу, — ряд предвыборных конференций по всей стране, когда в длительных беседах он рассказывал людям, почему мы победили в этой войне[1].

Возвращение с Тихого Океана сына, которого мы не видели два года, а до этого едва не потеряли, когда он шесть месяцев лежал полумертвый в госпитале, внесло еще одну радость.

Но успокаивая и даже подымая дух, все это действует недолго, как наркотик на очень измученный, травмированный, тяжело больной организм.

Леонид потерял веру в качество того, что он делает, потерял веру в свое творческое «я», следовательно, в свою нужность, потерял интерес к жизни, стал, повторяю, в тягость самому себе.

Он, жизнерадостный, непосредственный, цельный, веселый, большой ребенок, — помрачнел.

Если бы не его исключительный, светлый талант, создавший единственную в своем роде, неувядаемую книгу «Капитальный ремонт», первый том новых «Войны и Мира», которая может и должна быть дописана им, я никогда не посмела бы обращаться к Вам.

Сталкиваясь с самыми разнообразными людьми в самых близких и отдаленных уголках земли, я всякий раз убеждаюсь в том, какая подлинная ценность этой прекрасной советской книги. Ее до сих пор помнят, цитируют, перечитывают и любят.

Во время войны Леонид стал писать новый роман – «Зеленый Луч», о молодом человеке, командире флота. Он написал пять больших глав. Он любит этот роман, возвращается к нему, но роман почти не двигается.

С искренним запалом писал он «Дорогами Побед» – и, вернувшись, думал сразу продолжать их. Но и эта книга не двигается.

Мне кажется, что дело не в этих отдельных задуманных книгах: весь материал о последней войне войдет сам собой в продолжение «Кап[итального] Р[емонта]». Он оживет естественно, органически вплетенный в живую ткань развивающихся биографий героев, и Леонид дорастет до подлинной оценки всего пережитого, вторично пережив это через жизнь своих героев.

Леонид сейчас созрел, как мыслитель и художник, и полон до краев. Нужен маленький и верный толчок, чтобы это богатство вырвалось наружу сквозь мрачную броню недоверия к себе, прорвать которую самому мешает страшная усталость.

Какой должен быть этот толчок... взываю к Вашему великому уму и великому житейскому опыту.

Всем существом знаю, что Леонид может, продолжив «Капит. Ремонт», создать изумительную книгу о нашей эпохе, где на принципе его характерных «параллелей», встанут обе войны, империалистическая и отечественная.

Но развязка нашего пятого акта может быть и трагической. Был момент, когда, быть может, я прибегла к запрещенному приему, чтобы предотвратить ее: я сказала очень зло, что его имя, присоединенное к именам Есенина, Маяковского и Яхонтова, может вызвать слишком много ликований там, где злопыхательства и так хватает.

Он не ожидал такой постановки вопроса, – удар был неожиданный. Он отрезвел, на время.

Но я боюсь за него, очень боюсь.

ОЛЬГА ИВАНОВНА МИХАЛЬЦЕВА-СОБОЛЕВА

Москва. Тверской бульвар 25, кв. 17.
Т. К-136-85.

21 марта 1946 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 867. Л. 25, 25 об. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Пометка рукой Поскребышева: «Сводка».

[1] Через три с половиной года, во время конфликта сталинского режима с титовским руководством Народной Югославии Леониду Соболеву придется вернуть орден Братства советским властям. 1 февраля 1950 г. Политбюро постановило: «Разрешить опубликование текста письма представителей советской общественности, советской армии и работников искусств об их отказе от югославских орденов. В утвержденном Сталиным тексте говорится о «банде югославских фашистских насильников» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1541. Л. 166). 13 марта Вышинский в письме Поскребышеву детализировал процедуру сдачи югославских орденов («одобрено [Сталиным] 7 марта»): «Разрешить МИД СССР принимать от советских граждан на хранение югославские ордена, не возвращая их в Югославию». Одобрить предложение Совета по делам РПЦ при СМ СССР и МИД СССР об опубликовании в «Известиях» письма патриарха Алексия об отказе его и ряда священников от югославских орденов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1543. Л. 210).

№ 412
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО «О ПОЕЗДКЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА СОБРАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА ГАЗЕТНЫХ РЕДАКТОРОВ В г. ВАШИНГТОН»

4 апреля 1946 г.

№ 50/78
(Секретариат ЦК № 254/53, 31 марта 1946 г.)

О ПОЕЗДКЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА СОБРАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА ГАЗЕТНЫХ РЕДАКТОРОВ В г. ВАШИНГТОНЕ

Принять предложение Министерства иностранных дел СССР о посылке в апреле месяце 1946 года советской делегации на собрание Американского общества газетных редакторов в г. Вашингтоне.

Утвердить советскую делегацию в составе т.т. Галактионова М. Р. (руководитель делегации) — от газеты «Правда», Эренбурга И. Г. — от газеты «Известия» и Симонова К. М. — от газеты «Красная звезда».

Секретарь ЦК Г. МАЛЕНКОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1481. Л. 191. Машинописный подлинник на бланке Политбюро. Подпись Маленкова — факсимиле. Подпись Сталина: «И. Сталин» — автограф. Отметка о записке Александрова, записке Лозовского и справках.

Вопросы утверждения кандидатур советских корреспондентов для поездок за границу как на постоянную работу, так и в командировки входили в номенклатуру Политбюро уже со второй половины тридцатых годов. В годы войны этот кадровый контроль только усилился. 29 сентября 1942 г. Политбюро проштамповало решение Оргбюро от 24 сентября: «Утвердить корреспондентами центральных газет за границей: тт. Вишневского В. В. (США) и Викторова Я. З. (Англия) от «Правды»; Кармен Л. Р. (США) и Лидина В. Г. (Англия) от «Известий»; Соболева Л. С. (США) от «Красной звезды». Секретарь ЦК». 1 октября Политбюро это решение аннулировало, подлинник был передан Поскребышеву (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1350. Л. 156).

№ 413
МАЛЕНКОВ, ЖДАНОВ, КУЗНЕЦОВ, ПОПОВ, АЛЕКСАНДРОВ — СТАЛИНУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

13 апреля 1946 г.

Товарищу Сталину

В соответствии с Вашими указаниями представляем проект постановления ЦК ВКП(б) об организации Государственного издательства иностранной литературы.

Проект предусматривает создание специального издательства иностранной литературы, на которое возлагается издание наиболее ценной научной, общественно-политической и художественной литературы.

Директором Государственного издательства иностранной литературы предлагаем утвердить т. Сучкова Б. Л., ныне работающего заместителем заведующего

отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Тов. Сучков, теоретически подготовленный, опытный работник, окончил Институт истории, философии и литературы и аспирантуру при нем. До работы в аппарате ЦК ВКП(б) т. Сучков руководил Издательством литературы на иностранных языках. Последние месяцы он занимался в Управлении пропаганды изучением постановки перевода и издания иностранной литературы в СССР. Тов. Сучков знает немецкий, английский и французский языки.

К проекту прилагается план издания иностранной литературы на 1946–1947 гг. В представляемый план включены: 151 книга по научно-теоретическим вопросам, 169 книг по общественным наукам, 49 литературно-художественных произведений и 12 книг по искусству. План охватывает ценные произведения иностранной литературы, вышедшие главным образом в период 1940– 1945 годов, а также отдельные книги, изданные и в более ранний период, но не переведенные до сих пор на русский язык. Предлагаемый список не является исчерпывающим. В настоящее время продолжается работа по отбору иностранных книг для перевода на русский язык и издания.

Для размещения Издательства иностранной литературы предлагается использовать здание бывшей газеты «За индустриализацию». Это здание строилось для издательских целей, в первом этаже имеются типография, переоборудованная для выпуска книг.

Прилагаем проект постановления ЦК ВКП(б) «Об организации Государственного издательства иностранной литературы».

Г. МАЛЕНКОВ
А. ЖДАНОВ
А. КУЗНЕЦОВ
Г. ПОПОВ
Г. АЛЕКСАНДРОВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1482. Л. 30. Машинописный текст. Сталин переправил наименование адресата («Товарищу Сталину») на «Членам П.Б. ЦК тов. Сталин».

Материал был разослан членам Политбюро 13.4.46 г. за № П23. Текст постановления Политбюро от 4 мая 1946 г. см. в кн.: Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. С. 551–553. В проекте постановления – незначительная правка Сталина. Например, во фразе «Создать при издательстве библиотеку иностранной литературы» Сталин дописал: «с читальнями и кабинетами». Предлагалось издать на русском языке произведения Андерсена-Нексе, Э. Синклера, Г. Фаста, «Обзор века» Г. Манна (рукопись), «Трагическую землю» Э. Колдуэлла и т. д. Следующий пункт повестки дня докладывал Берия: об образовании министерства трудовых резервов. Также на этом пленарном заседании Политбюро были образованы два новых министерства: продовольственных и материальных резервов. Далее по докладам Меркулова, Огольцова и Абакумова была утверждена структура МГБ СССР. Меркулов освобожден, а Абакумов назначен на должность министра государственной безопасности: «Проектом предусматривается организация в системе МГБ СССР новых линий работы и более широкое использование некоторых применяемых сейчас методов». Таким образом, создание «Государственного издательства иностранной литературы» вписывалось в картину масштабной перестройки органов государственной безопасности и усиления разведывательной и подрывной деятельности советского режима на международной арене.

№ 414
ВЫСТУПЛЕНИЕ СТАЛИНА НА ЗАСЕДАНИИ ОРГБЮРО ЦК ПО ВОПРОСУ О ЛЕНИНГРАДСКИХ ЖУРНАЛАХ

9 августа 1946 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА СТАЛИНА НА ЗАСЕДАНИИ ОРГБЮРО ЦК ВКП(Б) 9 АВГУСТА 1946 ГОДА ПО ВОПРОСУ О ЖУРНАЛАХ «ЗВЕЗДА» И «ЛЕНИНГРАД»

Мы, ленинцы, исходим из того, что журналы, являются ли они научными или художественными, все равно, они не могут быть аполитичными. Это я говорю к тому, что многие из писателей, из тех, которые работают в качестве ответственных редакторов, и прочие, думают, что политика — дело правительства, дело ЦК. Не наше, мол, дело политика. Написал человек хорошо, художественно, красиво, — надо пустить в ход, несмотря на то, что там имеются гнилые места, которые дезориентируют нашу молодежь, отравляют ее. В этом у нас расхождения со многими из литераторов и из тех, которые занимают руководящие посты в редакциях. Мы, попросту говоря, требуем, чтобы наши товарищи руководители литературы и пишущие руководствовались тем, без чего советский строй не может быть, т. е. политикой, чтобы нам воспитывать молодежь не наплевистски, безидейно и не воспитывать людей вроде Зощенко, потому что они проповедуют безидейность и говорят: «Ну вас к богу с вашей критикой. Мы хотим отдохнуть, пожить, посмеяться», поэтому они пишут такие бессодержательные, пустенькие вещи, даже не очерки и не рассказы, а какой-то рвотный порошок. Можно ли терпеть таких людей в литературе? Нет, мы не можем держать таких людей, которые должны воспитывать нашу молодежь. И вот вы, товарищи редакторы, члены редакционных коллегий, писатели, считайтесь с этим. Советский строй не может терпеть воспитания нашей молодежи в духе наплевистском, в духе безидейности, поэтому наши товарищи литераторы должны перестроиться. Зощенко пишет. Другие наши люди — заняты и не всегда им дают место, а для Зощенко место дают. Вот это и называется аполитичным отношением к общенародному делу.

Второе. Приятельские отношения, не политический подход к писателю, а приятельские отношения. Это проистекает от аполитичности литераторов, из-за приятельских отношений с людьми, они попросту не критикуют. Это тоже не годится. Здесь либерализм идет за счет интересов государства и за счет интересов правильного воспитания нашей молодежи. Что выше: приятельские отношения или интересы государства? Я считаю, что последнее выше. Приспосабливаются люди. Не надо бояться того, что критикуют. Без критики ничего не выйдет. Скажу больше. Человек, который не способен сам себя критиковать, проверять свою работу, каждый день к исходу дня не задавать себе вопроса: «А как я сегодня работал?» — такой человек, он не может быть советским человеком, такой человек — трус. Скажу больше. У этого человека нет мужества сказать правду о себе. Потому-то многие и не любят, когда их критикуют. А мы приветствуем людей, которые нас критикуют. Неприятно это, но приветствуем, потому что без такой критики может сгнить человек. Когда болезнь организма запущена, болезнь запустит лапы глубже. Чем скорее болезнь будет обнаружена, тем лучше, тем живее, тем скорее будет выздоровление. То же в отношении отдельных деятелей, насчет любого из нас. Критику надо

встречать мужественно, надо иметь самому мужество подводить итоги своей работы каждый день и спрашивать себя, а не мог ли я лучше поработать? Да, у меня есть результаты. А не мог бы получить бо́льшие результаты? Вот только при этих условиях создается обстановка для того, чтобы люди совершенствовались и шли вперед. Этого тоже не хватает нашим руководящим литературным работникам. Из-за приятельских отношений они хотели бы поступиться интересами нашей молодежи, интересами государства. Это невозможно.

Это общие предпосылки. А практически отсюда что вытекает? Мы бы хотели, чтобы наши редактора отличались в журнале. Есть редактора ответственные, есть и безответственные редактора, можно так понять. Это все не то. Надо иметь одного редактора главного, который отвечает перед партией, перед государством, перед народом за направление журнала. При нем редакционная коллегия повышенного типа, заместитель. Но человек должен быть один, который чувствует ответственность за литературную продукцию, который журнал ведет и который способен отвечать перед государством и перед партией. Надо, чтобы в редакции были люди, хотя бы один человек, который имеет моральное право критиковать писателей, печатающих свои произведения. Если поставить не маленького человека, но олуха царя небесного в вопросах литературы, его никто слушаться не будет и он не найдет возможности взять на себя право критиковать. Вот, один авторитетный человек должен быть, знающий литературу. Может быть, сам писал когда-нибудь, может быть, опыт имеет, но одного такого человека надо иметь, который мог бы с полным правом давать замечания авторам. Чтобы он мог сказать: «Я читал это произведение, я считаю, что это лучшее произведение, от этого не уйдешь, а вот если посмотреть, то там есть нехорошие места». Так что в редакции человек, который способен критиковать, помочь молодому писателю, который стоит на правильном пути, должен быть. Если редактора возьмут себе за правило никого не обижать, а будут считаться с тем, что у Ахматовой авторитет былой, а теперь чепуху она пишет, и не могут в лицо ей сказать: «Послушайте, у нас теперь 1946 год, а 30 лет тому назад, может быть, вы писали хорошо для прошлого, а мы — журнал настоящего». Надо иметь мужество сказать.

Разве у нас журналы — частные предприятия, отдельные группы? Конечно, нет. В других странах, там журнал является предприятием вроде фабрики, дающей прибыль. Если он прибыли не дает, его закрывают. Это частные предприятия отдельных групп капиталистов, лордов в Англии. У нас, слава богу, этого порядка нет. Наши журналы есть журналы народа, нашего государства, и никто не имеет права приспосабливаться к вкусам людей, которые не хотят признавать наши задачи и наше развитие. Ахматова и другие — какое нам до этого дело. У нас интересы одни — воспитывать молодежь, отвечать на ее запросы, воспитывать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть любые препятствия. Разве Анна Ахматова таких людей может воспитывать, или тот балаганный рассказчик Зощенко? Какого черта с ними церемонятся!

Вот какие редактора нужны, которые не побоятся сказать правду писателям, которые возьмут себе целью правильно воспитать молодежь большевиками-ленинцами. Если бы мы не так воспитывали молодежь в духе веры в свое дело, мы бы немцев не разбили. Вы же знаете об этом, вам лучше это знать. Поэтому и редактора такого надо подобрать, который способен вести свое де-

ло мужественно, не оглядываясь направо и налево, считаясь только с интересами государства, с интересами правильного воспитания молодежи, — это самое главное.

Теперь что касается журналов конкретно. Много хорошего дал журнал «Звезда». Я бы хотел, чтобы Саянов остался в качестве главного редактора, если он берется, если у него хватит мужества действительно руководить боевым таким журналом. Бывает так, что журнал — это почтовый ящик, все что приносят в почтовый ящик — принимают. Чем отличается журнал от почтового ящика? Тем, что плохое откладывает, а хорошее пускает. Если тов. Саянов способен вести дело так, чтобы «Звезда» не превратилась в почтовый ящик и в складочное место, а чтобы «Звезда» был журналом, руководящим писателями, которые пишут, и давал бы ведущую линию направления, я бы выступил за Саянова. Говорят, что у него характер слабый, воли мало. Верно или нет, я его не знаю, а Зощенко пускать нельзя, ибо не нам же перестраиваться во вкусах. Пусть он перестраивается. Не хочет перестраиваться, пусть убирается ко всем чертям[1].

Другой журнал — «Ленинград». Я вижу, что вообще материала не хватает этим двум журналам, может быть, поэтому иногда и помещают всякую чепуху, что надо выпустить журнал. Не случайно, что двойные номера стали появляться и месяц не указывают, прячут. Вот тов. Саянов молчит, а пусть объяснит, что же это такое, что журнал расходится по всей России и не обозначено, в каком месяце такой-то номер журнала вышел. Не потому ли это происходит, что материала доброкачественного не хватает и иногда они вынуждены пускать в ход товар по принудительному ассортименту. Может быть, лучше было бы и для Ленинграда, и для нашего народного дела иметь один журнал, дать ему больше бумаги, ввести туда лучших писателей. Очень в трагическом свете изображает тов. Вишневский это дело. Никакой трагедии нет[2]. Это называется рационализация. (*В зале смех.*) Будет один журнал, имеющий больше бумаги, имеющий лучшее качество писателей. Пойдет дело, потом путем отпочкования, может быть, три журнала создадутся. Ничего удивительного не будет, если в Ленинграде пять журналов появится, ничего плохого не будет в этом. Но сейчас, видимо, сил не хватает и вы поэтому вынуждены из-за количества поступиться качеством. Я думаю, что лучше иметь один журнал, да хороший, чем два журнала, да хромающих. В «Звезде» последнее время не хватает людей.

Что касается тех, которые с фронтов приезжают и хотят свою лапу наложить на журнал, есть среди них и военные, в чинах, много рангов имеют и проявляют свою настойчивость, вы таких людей не должны пропускать. Мало ли что военный, чинов много имеет, ранги имеет, а если в литературе слаб?[3] Ни в коем случае также пускать их нельзя. Пусть это вас, товарищи редактора, не смущает, если к вам будут приставать наши военные бывшие и настоящие, ставшие литераторами, пусть вас не смущает это, критикуйте их как и других писателей. Пусть вам будет известно, что ЦК вас будет только хвалить, что вы обрели в себе силу критиковать даже таких людей, которые имеют много чинов, много рангов и мало понимают в литературе. Вот об этом Вишневский говорил, что к нему приходил один военный[4]. А если он олух? Так и сказать ему: «Учись, уважать будем, а не научишься, не требуй того, что не следует». А из-за того, что чинов много, ранги имеет — за это награды получил, а литература не должна страдать, интересы воспитания не должны страдать. Эти люди на войне дрались очень хорошо, но вы не думайте, что там не было хны-

кающих людей и писателей, вроде Зощенко. Всякие были. Ведь в армии было 12,5 миллионов человек. Разве можно предположить, что все они были ангелами, настоящими людьми. Разве это возможно? Всякое бывало. Этих людей надо встречать как и всех — хорошо пишешь, почет и уважение, плохо пишешь — учись.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1128. Л. 24—30. Машинописный экземпляр. Сохранена орфография подлинника.

Опубликовано: Вопросы литературы. 2003. Сентябрь — октябрь. С. 289—294.

[1] В первоначальном варианте сказано несколько иначе: «Конечно, никакого Зощенко нельзя туда пускать. Не нам же перестраивать наш быт и наш строй по Зощенко. Если наш быт лучше, пусть он перестраивается. Не хочет перестраиваться, пусть убирается ко всем чертям» (там же, л. 21). Итак, Сталин говорил о «быте и строе», а в окончательном варианте это было исправлено на «вкусы». Понятие, ассоциирующееся с уголовно-подсудной сменой государственного строя, получило эквивалент в эстетическом понятии «вкус» (!) — и оказалось не менее наказуемым.

[2] Вс. Вишневский во время заседания Оргбюро заявил: «Я прошу журнал «Ленинград», бесконечно нам дорогой, оставить, только сделать новый подбор рабочей силы в редколлегии, помочь ему. Это одна из наших первых радостей». Сталин на это ответил: «Если журнала не станет, Ленинград останется» (Литературный фронт. История политической цензуры... С. 207).

[3] В первоначальном варианте: «Мало ли что военные, мало ли что чинов много имеют, а если в литературе слабы?» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1128. Л. 22).

[4] Вишневский на заседании Оргбюро: «А приходят люди интересные. На днях пришел ко мне молодой поэт. Ясные хорошие глаза у него. Я смотрю на него и думаю, что ему нужно? Оказывается, о судьбе молодого поколения он думает, просит разъяснить значение ряда слов, говорит, что был ранен и не попал на Запад и поэтому не мог ощутить победы. Тысячи вопросов ставят люди. Приходится с ними работать, приходится объяснять» (Литературный фронт. История политической цензуры... С. 205).

№ 415
САЯНОВ — СТАЛИНУ С ИЗЪЯВЛЕНИЕМ ЛИЧНОЙ ПРЕДАННОСТИ

15 августа 1946 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович,

Невозможно найти слова, которые достаточно полно выразили бы чувство благодарности Вам, живущие в моем сердце. Добрые Ваши слова — самое большое счастье моей жизни. Я не могу, да и до конца дней моих не смогу, вспоминать о них без радостных слез.

Вы спрашивали у меня, есть ли у меня мужество и воля, чтобы вести дальше редакционную работу. Я так был взволнован на собрании, что ничего не смог ответить на Ваш вопрос. Позвольте же теперь сказать, что силы для выполнения порученного дела я найду и, если это потребуется, всем своим опытом, знаниями и практической черновой работой буду помогать новому редактору «Звезды».

Преданный Вам

В. САЯНОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 803. Л. 68, 68 об. Рукой неизвестного проставлена дата 15 августа.

№ 416
ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ СТАЛИНА С АВТОРАМИ ЕГО БИОГРАФИИ[1]

23 декабря 1946 г.

т. Сталин. О том, что широкие слои трудящихся, простые люди не могут начать изучение марксизма-ленинизма с Сочинений Ленина и Сталина. Начнут с биографии. Биография – очень серьезное дело, она имеет громад[ное] значение для маркс[истского] просвещ[ения] простых людей[2]. Есть ли биография Ленина? (*зачеркнуто*: Керженцева[3] и других (Ярославского)[4] – это не то, что нужно).

т. Алекс[андров]. Есть краткая биография[5].

т. Ст[алин]. А должна быть не краткая, обстоятельная. Авторы должны отвечать, чтобы их могли покритиковать. Когда ИМЭЛ публикует без подписи,– все валят на ЦК, поскольку ИМЭЛ считается отделом ЦК[6]. Почему прячутся авторы, почему боятся ответить? Надо подготовить биографию Ленина [*неразборчиво*]. Керж[енцева] была книжка никуда не годная. Долж[но] быть, списали с Керж[енцева] и Ярославского, ИМЭЛ отдел ЦК. Агит. пропу ЦК поручить подготовить хорошую, обстоятельную биогр[афию] Ленина. Это – верное средство помочь простым людям начать свое маркс[истское] самообразов[ание].

В биографии Сталина

Тон нехороший, эсеровский. («Никто в мире не руководил такими широкими массами».) Учение о пост[оянных] факторах. Учение о победе коммун[изма] в одной стране. Учение о коллект[ивизации], индустриализации. Учение о государстве.

Любой историк войн делит на факторы врем[енные] и постоянно действующие. Учение о победе коммунизма в одной стране – ленинское. Полный социализм – это и есть коммунизм, а Ленин писал о том, что будет полный социализм.

Идолопоклонников воспитываете – вместо того, чтобы у людей сознание будить.

Есть одно учение Маркса – Ленина. Об учениях. Приписывают Сталину различные учения, до 10 учений. Учение об индустриализации, о коллект[ивизации], о пост[оянно] действ[ующих] факт[орах]. Об «идолопоклонниках» – об эсеровском подходе. (Воспитывать надо любовь к партии (которая бессмертна). Биография – исправленн. и дополненная. Подписи нужны. Поруч[ение] Поспелову сговориться. П[оспелов] – те, кто проводил основную работу. Т. Сталин – можно и 6 человек[7].

Добавления и исправ[ления], к[ото]рые сделаны тов. Сталиным ко 2-му изд[анию] крат[кой] биографии.

В Баку руковод[ящих] лиц добавил. Получалось, что приехал и один все сделал. Плеяда людей, их пересчитал, были и русские, и мусульмане. Надо людей было собирать. Собирать кадры.

После смерти Ленина. Не упоминалось о таких людях, как Дзерж[инский], Фрунзе, Куйбышев. Надо было сказать о тех, кто взял знамя Ленина.

Третье добавление по военному периоду (об отечеств[енной] войне). Надо было подобрать способ[ных] людей; люди были, их затирали. Надо было подобрать их. Какие люди собрались вокруг Верхов[ного] Главнокомандования.

О роли женщин — надо было добавить.

Нигде не сказано, что т. Сталин — ученик Ленина. «Считал и считаю себя учеником Ленина» — из беседы с нем[ецким] пис[ателем] Людвигом.

Насчет военн[ого] дела добавил.

Какой тираж? 500 тыс[яч]. Миллион. 1 млн.

РЦХИДНИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54. Л. 23—26. Рукописный подлинник — автограф П. Н. Поспелова.

Опубликовано: Максименков Л. Культ // Свободная мысль. № 10. 1993. С. 35.

[1] 23 декабря 1946 г. на встрече с редакторами второго издания Сталин подробно проанализировал макет второго издания «Краткой биографии» Сталина, затронув теоретические и методологические проблемы этого нового катехизиса. На встрече присутствовали секретари ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов и Н. С. Патоличев, редакторы второго издания биографии: начальник Управления пропаганды и агитации ЦК Г. Ф. Александров, главный редактор «Правды» П. Н. Поспелов, философы П. Н. Федосеев и М. Б. Митин, директор ИМЭЛа при ЦК ВКП(б) В. С. Кружков. В совещании участвовали двое из числа авторов — начальник военного отдела «Правды» генерал-майор М. Р. Галактионов и заведующий кабинетом Сталина в Институте истории СССР В. Д. Мочалов. Среди приглашенных был М. Т. Иовчук.

[2] По имеющейся на сегодняшний день информации, Сталин не имел прямого, документально подтверждаемого редакторского отношения к биографии, опубликованной в «Правде» в декабре 1939 г. Занятый руководством советско-финской «зимней» войной, он устранился от редактирования книги. Первое издание биографии Сталина вышло в свет без указания фамилий авторов и редакторов, под эгидой ИМЭЛа — отдела ЦК ВКП(б). Это был как бы официальный партийный документ, соотносимый по своему номенклатурному статусу с «Кратким курсом» истории ВКП(б). 14 декабря 1939 года, за неделю до шестидесятилетнего юбилея Сталина, на имя вождя был отправлен макет биографии с сопроводительным письмом Митина и Поспелова: «Дорогой товарищ Сталин. Посылаем проект Вашей «Краткой биографии», подготовленной ИМЭЛом совместно с Управлением пропаганды и агитации. Просим просмотреть эту работу и дать Ваши указания о возможности ее публикации». Сталин подчеркнул весь текст сопроводительной записки и написал поперек страницы: «Некогда «просматривать». Вернуть в «ИМЭЛ». И. Сталин» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3226. Л. 1).

[3] Керженцев (Лебедев) П. М. Жизнь Ленина. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.

[4] Ярославский (Губельман) Е. М. Биография Ленина. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1934.

[5] Владимир Ильич Ленин: Краткий очерк жизни и деятельности. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1944.

[6] Накануне этого совещания, 22 декабря 1946 г., Сталин, разговаривая с Поспеловым по телефону, затронул тему макета второго издания его биографии. Поспелов оставил тезисную запись этой беседы, в которой приводятся указания Сталина: «Надо авторов Биографии указать. Нельзя за спиной ЦК, отдела ЦК — ИМЭЛа — скрываться. Сговоритесь. Вы принимали участие в биографии,— назовите 3—4 человек авторов. Не затягивать это дело, завтра позвоните. В проекте биографии есть глупости. И глупости исходят от Александрова (формулировки об учении)» (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54. Л. 22).

[7] На титульном листе биографии напечатано: Александров, Галактионов, Кружков, Митин, Мочалов и Поспелов (в строгом алфавитном порядке). В ноябре 1946 г. в адрес А. Н. Поскребышева была направлена следующая справка за подписью Кружкова: «Краткую биографию И. В. Сталина (прежний текст) готовили: 1) Познер С. М. 2) Черемных П. С. 3) Волин М. С. 4) Мочалов В. Д. Редактировали: 1) Митин М. Б. 2) Александров Г. Ф. 3) Поспелов П. Н. 4) Минц И. И. Добавления к 10-главе, 11 главу и вставки в конце биографии готовили: 1) Сутоцкий С. Б. 2) Галактионов М. Р.

3) Обичкин Г. Д. Редактировали: 1) Александров Г. Ф. 2) Федосеев П. Н. 3) Кружков В. С.» (РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 55. Л. 52). К 1946 г. часть авторов первого издания оказалась в опале (как, например, Волин) и отсутствовала на встрече со Сталиным. Из авторов были приглашены только Мочалов (первое издание) и Галактионов (второе издание). Агитпроп разрешил деликатную проблему с приказом вождя весьма своеобразно: из шести человек только двое были авторами, а четверо — редакторами, цензорами, кураторами.

№ 417
БЕРЕЗОВСКИЙ — СТАЛИНУ
С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА НАГРАЖДЕНИЕ ОРДЕНОМ

18 января 1947 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

За заслуги в области художественной литературы в связи с 70-летием со дня моего рождения Правительство наградило меня орденом Трудового Красного Знамени[1].

Первой мыслью после получения известия об этой награде у меня лично и у всей моей семьи была мысль о благодарности Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, нашей великой Партии, Советскому Правительству.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Это мое награждение, для трех поколений партийцев Березовских, имеет особо важное и радостное значение еще и вот почему.

Пятнадцать лет назад небезызвестный рапповец Иван Макарьев предупредил меня, что, если я не перестану разоблачать троцкистскую работу некоторых руководителей РАПП, мое имя исчезнет со страниц литературы. Как подобает большевику, я не испугался этой угрозы и со всей присущей мне энергией и страстью продолжал бороться против всех и всяческих уклонов и группировок как на общеполитическом фронте, так и на фронте литературы. Но и враги мои в течение этих 15-ти лет не дремали. Они делали все от них зависящее, чтобы привести в исполнение свою подлую угрозу. Пытаясь ввести в заблуждение партийные органы и советскую общественность, они обливали потоками клеветы и грязи меня и мою семью, лишив меня возможности публичной реабилитации. Партия в свое время разобралась в этом деле. Враги же наши получили по их заслугам.

Но я не могу скрыть от Вас, Иосиф Виссарионович, что травля, которой я подвергался, почти на двенадцать лет выбила меня из нормальной творческой колеи и что в течение этих двенадцати лет никто не хотел печатать моих новых работ, которые я, несмотря ни на что, все-таки написал, и ни одно издательство не решалось и до сих пор не решается переиздать мои прежние работы несмотря на то, что книги мои, по мнению авторитетных правительственных органов, имеют определенное воспитательное значение, а книжные фонды моих произведений повсюду в СССР износились и пришли в нечитательное состояние, либо совсем исчезли с библиотечных полок вследствие полной изношенности.

Сегодня, в день величайшей моей радости, в день радости моей жены — партийки и партизанки и моих многочисленных детей — партийцев (а беспартийных детей у меня нет), в день радости моих внуков — партийцев и комсомольцев, я чувствую себя обязанным сказать Вам, дорогой Иосиф Виссарионо-

вич, что в долгие и тяжкие для всех нас годы страданий ни я лично, ни моя многочисленная семья ни на одну секунду не складывали нашего партийного оружия, и каждый на своем посту продолжали борьбу за великие идеи и дела Партии под ее славным знаменем. Ничто не могло вырвать из наших сердец безграничной любви к Вам, дорогой вождь и учитель. А когда грянул гром великой Отечественной войны, дети мои, сразу же после исторической речи Вячеслава Михайловича Молотова, вступили добровольцами в ряды Красной Армии. Вслед за ними ушел на фронт мой внук, офицер. По мере сил и мы с женой помогали Родине ковать победу над лютым врагом, работая в тылу. Один мой сын погиб в боях за Родину. Остальные мои дети и дважды раненный внук вернулись к мирному труду, награжденные орденами и медалями.

Позвольте же заверить Вас, Иосиф Виссарионович, что, хотя мне исполнилось 70 лет, а за плечами у меня смертные приговоры царских палачей и колчаковских сатрапов, Александровский централ, другие тюрьмы, ссылки и 60 лет нелегкого труда, все же я не дряхлый старик, энергии у меня пока достаточно, а голова моя полна творческих замыслов, которые я сейчас претворяю в художественные произведения — во имя моей великой Партии, в честь моего гениального вождя, на благо моей прекрасной социалистической Родины. Я пишу большой роман — о защите социалистического отечества. Уверен, что с Вашей помощью я закончу его и напечатаю.

ФЕОКТИСТ БЕРЕЗОВСКИЙ

18.1.1947 г.

Москва, Лаврушинский, 17, кв. 24. Тел. В-1-68-80.
Поступило в ОС ЦК ВКП(б) 23.1.1947 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 872. Л. 38—40. Рукописный подлинник. Есть пометка о напечатания двух экземпляров. Пометка рукой Поскребышева: «Сводка».

[1] 17 января 1947 г. ССП предложил наградить Ф. А. Березовского за заслуги в области художественной литературы и в связи с 70-летием со дня рождения орденом Трудового Красного Знамени (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1494. Л. 167).

№ 418
ЖУРНАЛ «ЗНАМЯ» ИСПРАШИВАЕТ РАЗРЕШЕНИЯ НА ПУБЛИКАЦИЮ РАССКАЗА О ВЫСТУПЛЕНИИ СТАЛИНА 6 НОЯБРЯ 1941 г.

25 июля 1947 г.

25.7.47 г.
ЦК ВКП(б)
Тов. Поскребышеву А. Н.

Уважаемый Александр Николаевич!

Редакция журнала «Знамя» наметила к напечатанию в № 9 рассказ Вл. Лидина «Москва». В этом рассказе автор касается выступления товарища И. В. Сталина 6 ноября 1941 года.

Редакция просит Вас ознакомиться с рассказом и дать визу на его опубликование.

Главный редактор журнала «Знамя» ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1513. Л. 73. Машинописный подлинник на бланке журнала. Подпись — автограф. Имеется пометка рукой Поскребышева: «т. Александрову».

(Без даты)
Тов. Поскребышеву А. Н.

Главный редактор журнала «Знамя» тов. В. Вишневский представил в ЦК ВКП(б) рассказ В. Лидина «Москва» с просьбой разрешить его напечатать. Рассказ рисует обстановку в Москве в день выступления товарища Сталина И. В. 6 ноября 1941 года и описывает настроения москвичей.

Как сообщил зам. главного редактора тов. Вашенцев, редакция журнала не намерена в настоящее время печатать рассказ В. Лидина «Москва».

Зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. ЕГОЛИН
№ 841.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1513. Л. 73. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 419
ВЫШИНСКИЙ — ПОСКРЕБЫШЕВУ О РУКОПИСИ КНИГИ ЖАНА РИШАРА БЛОКА «СТАЛИН»

5 августа 1947 г.

Секретно. Экз. № 1
5/8 1947 года
№ 527-В
Тов. А. Н. Поскребышеву

Направляю Вам перевод с французского языка рукописи книги Жана-Ришара Блока «Сталин», присланной посольством СССР во Франции.

Рукопись передана Посольству Жаком Дюкло, который обратился с просьбой сообщить, не встретится ли возражений против передачи ее в печать.

Приложение: упомянутое.

А. ВЫШИНСКИЙ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1514. Л. 1. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Имеется пометка: «2-й экз. книги послан т. Жданову С-113/19.1.48 г.». В рукописи — 51 машинописная страница. Переводила Моисеенко, редактировала Е. Чиркова.

№ 420
ПОСПЕЛОВ — ПОСКРЕБЫШЕВУ ОБ ОШИБКЕ, ДОПУЩЕННОЙ РЕДАКЦИЕЙ «ПРАВДЫ»

21 августа 1947 г.

ЦК ВКП(б)
товарищу Поскребышеву А. Н.

Редакция «Правды» совершенно недопустимо запоздала с подготовкой рецензии на 5 том Сочинений И. В. Сталина. В настоящее время статья (автор т. Пономарев) уже подготовлена к печати и будет опубликована в номере «Правды» за 23 августа с. г.

Еще более серьезным упущением и ошибкой редакции я считаю то обстоятельство, что в «Правде» до сих пор не было опубликовано извещение о выходе из печати 5 тома Сочинений И. В. Сталина (хотя рассылка этого тома подписчикам началась уже 15 августа, и в настоящее время разослано 80.000 экземпляров). Извещение о выходе 5 тома Сочинений И. В. Сталина будет опубликовано в номере «Правды» за 22 августа.

Заверяю, что впредь подобных ошибок редакцией «Правды» допускаться не будет.

Если это возможно, прошу Вас разрешить мне получать сигнальный экземпляр (или макет) очередного тома Сочинений И. В. Сталина, чтобы можно было заблаговременно подготовлять рецензии.

П. ПОСПЕЛОВ

21 августа 1947 г.

РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54. Л. 32. Машинописный подлинник на бланке редакции «Правды». Подпись — автограф. Отсутствует регистрационный номер письма в канцелярии «Правды».

№ 421
СТАЛИН — ПОСПЕЛОВУ ОБ УПУЩЕНИИ «ПРАВДЫ»

23 августа 1947 г. (не позднее)

Т-щу Поспелову

Все же крайне странно, что «Культура и жизнь» и «Большевик» давно опубликовали как извещение о выходе из печати 5 тома, так и рецензию, а «Правда», главный печатный орган ЦК, не успела опубликовать даже извещение о выходе 5 тома. Рецензию могла бы «Правда» и вовсе не публиковать ввиду большой своей занятости более важными делами, но опубликовать извещение она должна была во всяком случае не позже «Культуры и жизни» и «Большевика». Это элементарно. Страдает авторитет «Правды».

И. СТАЛИН

2.8.47

РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54. Л. 32. Рукописная резолюция на тексте письма Поспелова — автограф Сталина. Регистрационный номер резолюции помечен 23 августа. Однако в тексте записки Сталиным проставлена другая дата.

№ 422
ОТВЕТ ПОСПЕЛОВА СТАЛИНУ

24 августа 1947 г.

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

Дорогой товарищ Сталин!

Позвольте заверить Вас, что я всей душой переживаю Ваш справедливый упрек и сумею сделать все необходимые выводы из Ваших указаний. Мне крайне стыдно за допущенную ошибку, которая произошла прежде всего из-за неуменья сосредоточить внимание на самом важном, самом главном, и из-за некоторой безрукости, безынициативности.

Еще раз прошу извинить за допущенный промах, который является самым тяжелым из всех, допущенных за время моей работы в «Правде». Подобного отставания «Правды» больше не повторится.

П. ПОСПЕЛОВ

24 августа 1947 г.

РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54. Л. 33. Машинописный текст.

№ 423
ДИРЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА «ДЭР ЭМЕС» Л. СТРОНГИН — В СЕКРЕТАРИАТ СТАЛИНА

13 сентября 1947 г.

ОГИЗ при Совете Министров СССР
Государственное издательство «Дер Эмес» (Правда)
Москва, Старопанский пер. 1
Тел. К-0-31-71
Дир. К-1-20-20
13 сентября 1947 г.
В Секретариат товарища Сталина

Среди книг советских еврейских писателей, выпускаемых Госиздательством «Дер Эмес» по плану 1947 г., издательство подготовило к печати сборник известного писателя А. Кушнирова (члена ВКП(б), участника Великой Отечественной войны, орденоносца). В числе других произведений в сборник входит драматическая поэма «Обыкновенный человек».

Ввиду того, что действующим лицом в драме является И. В. Сталин, мы посылаем Вам подстрочный перевод поэмы (оригинал в стихах) и просим Вашего согласия на печатание этой драматической поэмы[1].

Директор Госиздательства «Дер Эмес» Л. СТРОНГИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1515. Л. 68. Машинописный подлинник на бланке издательства.

[1] См. также документ № 425.

№ 424
СООБЩЕНИЕ ТАСС «ПОСЕЩЕНИЕ ТОВАРИЩЕМ И. В. СТАЛИНЫМ САНАТОРИЯ «КАВКАЗСКАЯ РИВЬЕРА» В гор. СОЧИ»

19 сентября 1947 г. (не ранее)

Сочи, 19 сентября (Спецкор. ТАСС). 18 сентября навсегда останется в памяти отдыхающих и работников санатория «Кавказская Ривьера». В этот день вечером санаторий посетил и провел некоторое время среди отдыхающих И. В. Сталин.

Примерно в 19 час. 30 мин., когда около главного корпуса было особенно многолюдно, к зданию подъехала автомашина ЗИС-110. Неожиданно для всех из машины вышел товарищ И. В. Сталин, за ним сопровождающие его лица. «Сталин! Сталин приехал! Да здравствует Сталин! Ура Сталину!» — такими возгласами и бурными аплодисментами встретили отдыхающие любимого

Сталина. Весть о приезде Иосифа Виссарионовича мгновенно распространилась не только на территории санатория, но и в окрестных домах, где живут трудящиеся города — курорта.

Отовсюду народ торопился приветствовать Великого Сталина. Многочисленная детвора — дети отдыхающих, работников санатория и окрестных жителей, — с детской непринужденностью теснились вокруг Иосифа Виссарионовича. Среди встречавших были и Герои Советского Союза. Товарищ Сталин, обратившись к своим спутникам, произнес: «Давайте остановимся здесь, здесь отдыхают Герои!»

Товарищ Сталин прошел в летнее кафе при санатории и пригласил с собой малышей. Детишки толпой сопровождали товарища Сталина. Одни уселись на плетеных креслах, другие не отходили от Иосифа Виссарионовича, обнимали его, сидели у него на коленях. Товарищ Сталин попросил конфект и предложил своим юным собеседникам угощаться не стесняясь.

Иосиф Виссарионович тепло беседовал с отдыхающими, интересовался, созданы ли условия для отдыха и лечения, каково питание в санатории и т. д. К этому времени на встречу с вождем собралось уже несколько сот человек. Когда товарищ Сталин поднялся, чтобы попрощаться с отдыхающими, снова раздались приветственные возгласы, превратившиеся в бурную овацию, демонстрацию горячей любви и преданности советского народа к своему любимому вождю, горячей любви советских людей к Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Сотни людей провожали товарища Сталина до машины. Машина отбыла под воодушевленные крики «Ура!», под возгласы «Да здравствует товарищ Сталин!», «Спасибо товарищу Сталину! Приезжайте еще! Сталину ура!»

Долго не расходились люди, возбужденно делясь своими впечатлениями, радостные и гордые тем, что встретились с товарищем Сталиным. Ребятишки были в центре всеобщего внимания. Они с гордостью рассказывали о том, как и о чем с ними разговаривал товарищ Сталин. Они всем показывали подарок дедушки Сталина — конфекты. Никто из них не притрагивался к сладостям. «Мы повезем их в Москву. Мы сохраним их на память», — так решили дети.

До ночи не затихал санаторий. День 18 сентября навсегда останется в нашей памяти, — с воодушевлением говорят участники встречи с товарищем Сталиным.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1515. Л. 64—66. Машинописный подлинник. Пометка рукой Поскребышева: «Сообщить, что в печать не нужно давать. Поскр.». Пометка: «Сообщено т. Пальгунову. 21/9».

Материал послан Борисом Штайбом — заведующим иностранной редакцией ТАСС и отдыхающим в санатории «Кавказская Ривьера» в комнате № 69.

№ 425
ПОЛИКАРП ЛЕБЕДЕВ — В 5-ю ЧАСТЬ ОСОБОГО СЕКТОРА ЦК

23 сентября 1947 г.

В 5 часть особого сектора ЦК ВКП(б)

Директор издательства «Дер Эмес» т. Стронгин просит разрешения на издание драматической поэмы А. Кушнирова «Обыкновенный человек», изображающей период первой сибирской ссылки товарища Сталина[1].

Автор не справился с темой, его работа вызывает серьезные замечания. Поэма лишена действия, представляя собой ряд диалогов действующих лиц, сценически плохо связанных. Центральный образ очерчен схематично и неубедительно, обстановка ссылки не передана. Надуманы и нежизненны и образы сибирских крестьян.

Считаем издание этой поэмы нецелесообразным. С т. Стронгиным беседовали, он согласился с нашим заключением, поэма ему возвращена.

Зав. отделом искусства Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)
П. ЛЕБЕДЕВ

23/9-47 г.
На № С-994/16.9.47

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1515. Л. 67. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Штамп о поступлении в ОС 25 сентября 1947 г.

[1] См. документ № 423.

№ 426
РАССКАЗ ИНЖЕНЕРА СМЕЛЯНСКОГО «НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА»

15 октября 1947 г. (не позднее)[1]

18 сентября в погожий по-летнему вечер два комфортабельных лимузина ЗИС-110 затормозили у въезда в сочинский санаторий «Кавказская Ривьера». Из машин вышли товарищ И. В. Сталин, товарищи Поскребышев и Власик. Они прошли в кафе, которое помещается на территории санатория, сели за столик и заказали себе лимонад.

С молниеносной быстротой весть об этом разнеслась по санаторию. Опережая взрослых, к павильону кафе примчались дети. Постепенно сюда собрались все отдыхающие и свободный от работы персонал. Радость светилась на всех лицах. Но «именинниками» оказались ребятишки. Товарищ Сталин собрал их вокруг себя, самого маленького усадил к себе на колени и попросил принести шоколадных конфет. Полная ваза с конфетами мгновенно опустела. Была заказана вторая ваза, третья, четвертая... Иосиф Виссарионович сам наполнял ребятам карманы, кого при этом погладил по головке, кого потрепал за плечо.

Немолодая женщина, одна из отдыхающих в санатории, заметно волнуясь, обратилась к товарищу Сталину:

— Иосиф Виссарионович, — сказала она, — самым счастливым днем своей жизни я считала день, когда мои сыновья-фронтовики с победой вернулись домой. Сейчас я думаю о том, что сегодняшний день не менее счастливый в моей жизни. Спасибо Вам за все, Иосиф Виссарионович!..

Эти слова очень хорошо выразили настроение всех собравшихся. Громкие аплодисменты и крики «Ура» явились ярким тому подтверждением.

Товарищ Сталин пожал руку матери фронтовиков и поблагодарил ее — женщину, воспитавшую отважных воинов.

Но вот все конфеты розданы, лимонад выпит и дорогие гости собрались уезжать. И тут шестилетняя Ляля, стоявшая совсем близко от товарища Сталина, заплакала. Она обронила конфеты, подаренные ей «дядей Сталиным».

Иосиф Виссарионович взял девочку (*было*: «малышку») на колени, стал гладить ее по головке и заказал еще одну вазу с конфетами. Слезы не высохли на густых ресничках, а Ляля уже снова улыбалась.

На этот раз Иосиф Виссарионович поднялся и вместе со своими спутниками направился к машинам...

Долго в этот вечер счастливые детишки не хотели отправляться спать. Впрочем, и взрослые обитатели санатория испытывали радостное возбуждение и в который раз вспоминали малейшую деталь этого чудесного вечера.

Да, это был радостный праздник для всех нас! Мы видели самого родного, самого любимого человека, мы видели товарища Сталина.

(Рассказ инженера А. И. Смелянского)

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1515. Л. 71—72. Машинописный текст.

[1] Датируется по сопроводительной записке из редакции журнала «Огонек» от 15 октября. И.о. главного редактора «Огонька» М. Осипов просит Поскребышева разрешить опубликовать рассказ инженера Смелянского (работающего в Министерстве нефтяной промышленности восточных районов) о посещении Сталиным санатория «Кавказская Ривьера»: «Если вы не возражаете против опубликования этой заметки, я очень просил бы Вас прислать нам один из снимков детей, сделанных тов. Власиком на следующий день — 19 сентября». Поскребышев: «Печатать не разрешено. Поскр[ебышев]». «Сообщено по телефону П[оскребышев]». «Сообщено тов. Осипову 21. X. Логинов» (там же, л. 70).

№ 427
ШЕПИЛОВ — ПОСКРЕБЫШЕВУ О ВЫПУСКЕ ПОЭМЫ МАРКИША «ВОЙНА»

3 декабря 1947 г.

Товарищу Поскребышеву А. Н.

В письме на Ваше имя директор издательства «Дер Эмес» т. Стронгин сообщает, что издательство предполагает выпустить поэму Переца Маркиша «Война» (на еврейском языке); т. Стронгин просит ознакомиться с тремя главами поэмы, содержание которых связано с именем товарища Сталина, и дать разрешение на их опубликование[1].

В одной из глав поэмы (стр. 7—9) описывается беседа товарища Сталина с маршалом Жуковым по поводу контрнаступления советских войск под Москвой зимой 1941 года.

Изображая эту беседу, автор неправомерно придал речи товарища Сталина крайне выспренний, ложно-патетический характер.

По указанию Управления пропаганды поэма была в этой части переработана П. Маркишем, причем весь эпизод, изображающий беседу товарища Сталина с маршалом Жуковым, автор выпустил[2].

После внесенных исправлений можно было разрешить предоставленные главы поэмы к печати.

Д. ШЕПИЛОВ

3.12.47 г.
На № 1209

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1516. Л. 71. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Имеются резолюции: «Т. Шепилов! Согл[асно] тел[ефонному] разг[овору] возвращаю. Поскр.», «т. Еголину для исполнения. Д. Шепилов».

[1] 13 октября 1947 г. Стронгин послал главы поэмы в секретариат Сталина. Из сопроводительного письма: «Поэма «Война», посвященная Великой Отечественной войне, состоит из 4-х частей. Прилагаемые три главы входят во 2-ю часть, в которой автор дает картину разгрома немцев под Москвой». Пометка Логинова: «тов. Александрову» (там же, л. 70).

[2] Приводится выпущенный фрагмент поэмы «Война»:

...В командный пункт тогда
Преобразился Кремль, и, славных дел порукой,
Дыханье Сталина струилось в провода...
Из трубки донеслось: — У аппарата Жуков!
— Да! Сталин говорит! — послышалось ответно.
И, расчищая путь для голоса его,
Дыханье затаив, к земле припали ветры...
— Что слышно нового? Снабженье каково?
Красноармейцы как? Бодры? Тепло одеты? —
Слова текли на фронт и в дальней, дымной мгле
Прощупывали все прожекторами света.
— Подробней обо всем доложите в Кремле! —
А в заоконной мгле гудел бессонный город...
И трудных, длительных, ночных раздумий нить
Вдруг обрела упор в решеньи гордом:
— Эвакуацию заводов — прекратить! —
По линии боев скользнул он полукружной,
И новый замысел обрел и вес и плоть:
— Отходный путь врагу закрыть по флангам нужно
И изнутри его — зажатого — молоть!

(Перевела Л. Руст)

№ 428
ЕГОЛИН — В 5-ю ЧАСТЬ ОСОБОГО СЕКТОРА ЦК О ЗАПРЕЩЕНИИ РАССКАЗА ПОЗДНЕЕВА «В ПОЧЕТНОМ КАРАУЛЕ»

13 декабря 1947 г.

В 5 часть ОС ЦК ВКП(б)

В письме на имя тов. Поскребышева А. Н. редактор журнала «Крестьянка» т. Еремеева просит ознакомиться с рассказом А. Позднеева «В почетном карауле» и разрешить его опубликовать в № 1 журнала за 1948 г.

Основу этого произведения образует рассказ колхозницы Марфы Семеновны[1] о своем сыне Саше, который, служа в войсках МВД, в годы войны принимал участие в эвакуации тела Ленина из Москвы в глубокий тыл, а затем — в возвращении его в Москву. Далее в рассказе описывается такой эпизод: Саша стоял однажды в карауле у Ленинского мавзолея; в это время мавзолей посетил товарищ Сталин, «подошел спокойным шагом своим к возвышению, на котором Ленин лежит, словно уснувший навеки, мельком на Сашу... с отеческой лаской во взоре посмотрел... и тут же взгляд свой на лице Владимира Ильича остановил».

Какой-либо воспитательной ценности произведение А. Позднеева не имеет. Художественный уровень его низок. Встречаются отдельные неудачные

места. Например, Саша говорил о Ленине и Сталине, что «у них между собой уговор был, чтобы завсегда совет друг с другом держать» (?).

Опубликование рассказа «В почетном карауле» представляется нецелесообразным.

Тов. Еремеева поставлена об этом в известность.

Зам. начальника Управления агитации и пропаганды
ЦК ВКП(б) А. ЕГОЛИН

13.12.47 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1516. Л. 116. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Имеется штамп о поступлении в ОС 15 декабря 1947 г.

[1] Автор Александр Позднеев рассказал о встрече в 1942 г. с партизанкой Марфой Семеновной: «первый раз встретил ее в Брянском дремучем бору, в партизанском отряде».

№ 429
КОРРЕСПОНДЕНТ АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС В МОСКВЕ ЭДДИ ГИЛМОР — СТАЛИНУ. ВОПРОСЫ ДЛЯ ИНТЕРВЬЮ

24 января 1948 г.

Перевод с английского
«АССОШЭЙТЕД ПРЕСС ОФ АМЕРИКА»
МОСКОВСКОЕ БЮРО
Отель «Метрополь», комн.265
24 января 1948 г.
Генералиссимусу И. В. Сталину,
Председателю Совета министров
Кремль, Москва

Ваше Превосходительство,

Прошло больше года с тех пор, как Вы сделали публичное заявление корреспонденту по существенным вопросам, представлявшим интерес для всего мира. Сейчас имеется так много вопросов, заслуживающих большого внимания, что Ваши ответы приветствовались бы как никогда раньше. Могу ли я просить Вас рассмотреть нижеследующие вопросы, а также просить Вас о скором ответе на них?

1. Г-н Бевин и Черчилль, оба заявили в британской палате общин, что в мире существует сейчас возможность еще одного конфликта. Согласны ли Вы с этим?

2. В течение последних недель три высокопоставленных члена британского лейбористского правительства, г-н Эттли, г-н Моррисон, а теперь г-н Бевин, возложили тем или иным образом на Советский Союз вину за положение вещей в Европе. Как Вы относитесь к этому?

3. Г-н Бевин в своем выступлении в палате общин заявил, что Советский Союз играет с огнем в международных делах. Как Вы относитесь к этому?

4. Г-н Черчилль заявил, что пришло время «поставить вопрос и притти к соглашению с Советским Союзом, пока еще не слишком поздно». Недавно цитировалось выступление г-на Генри Уоллеса, заявившего, что необходимо

еще одно совещание большой тройки. Рассматривая это заявление вместе с заявлением г-на Черчилля, полагаете ли Вы, что Встреча большой тройки в ближайшем будущем поможет разрешить мировые проблемы; если Вы так полагаете, то будете ли Вы присутствовать на таком совещании?

5. Во многих местах за границей недавно были выдвинуты обвинения в том, что Советский Союз «пытается силой навязать коммунизм». Каково Ваше мнение об этом заявлении?

6. Считаете ли Вы, что настоящая обстановка в Греции содержит в себе какие-либо опасности для мира во всем мире и если да, то какие это опасности?

7. Каково Ваше мнение о программе Маршалла как средстве оказания помощи Европе?

8. Г-н Эттли заявил, что Советский Союз пытается сделать из Болгарии и Югославии «небольшие образцы СССР». Каково Ваше мнение об этой оценке?

9. Г-н Эттли заявил, что страны Восточной Европы игнорируют человеческие права. Что Вы можете сказать об этом?

10. В печати цитировалось заявление г-на Эттли, что коммунизм обращается с призывом к отсталому народу, «который никогда не знал ничего лучшего». Каков Ваш ответ на это?

11. Также цитировалось заявление г-на Эттли, что в области человеческих прав Россия находится на последнем месте. Имеете ли Вы какие-либо замечания в отношении этого утверждения?

12. Учитывая, что Лондонское совещание Совета Министров Иностранных Дел закончилось, не определив дату следующего совещания, считаете ли Вы, что можно что-либо достичь путем созыва еще одного совещания?

13. Считаете ли Вы, что призыв г-на Бевина об объединении Западной Европы действительно означает западный блок?

14. Видите ли Вы какую-либо разницу между планом г-на Бевина и предложением г-на Черчилля о Соединенных Штатах Европы?

15. Полагаете ли Вы, что капиталистические Соединенные Штаты идут к еще одному экономическому кризису?

16. Как Вы думаете может быть теперь осуществлено единство Германии?

17. Какие имеются на сегодняшний день возможности в вопросе торгового соглашения между СССР и Францией?

18. Рассматриваете ли Вы недавние действия Соединенных Штатов в Средиземном море как политику, которая является опасной для мира во всем мире?

19. Считаете ли Вы, что недавно провозглашенное греческое правительство генерала Маркоса заслуживает серьезного внимания?

20. Считаете ли Вы решение Объединенных Наций по вопросу о разделении Палестины осуществимым, имея в виду имевшие там недавно место беспорядки.

Уважающий Вас

ЭДДИ ГИЛЬМОР,
корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс

Перевел: *Потрубач.*
Разослано:
Тт. Сталину,
Молотову,
Берия,

Жданову,
Маленкову,
Микояну,
Вознесенскому,
Вышинскому,
Отдел Печати.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1161. Л. 71—74. Машинописный подлинник на английском языке на бланке агентства (Москва, г-ца «Метрополь», комната № 285). Eddy Gilmore. Ответы Сталина — автограф. В списке рассылки фамилия Сталина подчеркнута.

Сталин на тексте машинописи с переводом на русский язык вопросов Гилмора отвечает на семь из них (о заявлении Черчилля и Бевина в Палате общин, о «вине» СССР за положение дел в Европе (Сталин: «О какой Европе идет речь?»), об игре СССР с огнем в международных делах (Сталин: «Следовало бы прежде всего выяснить — что это за «огонь»?), о заявлении Генри Уоллеса о новом заседании большой тройки (Сталин: «Я думаю, что отказ от вмешательства во внутренние дела других государств и устройства военных баз в Гренландии, в Исландии, во Франции, в Италии, в Турции, в Иране, в Китае и других странах был бы лучшим предварительным условием для налажения дружеского сотрудничества держав». На вопрос о возможности торгового соглашения между СССР и Францией Сталин ответил следующим образом: «Пока не вижу никаких возможностей». Вопрос: «19. Считаете ли Вы, что недавно провозглашенное греческое правительство генерала Маркоса заслуживает серьезного внимания?» Ответ Сталина: «Я думаю, что это обстоятельство может сыграть большую роль в жизни Греции». Вопрос: «20. Считаете ли вы решение ООН по вопросу о разделении Палестины осуществимым, имея в виду имевшие там недавно место беспорядки». Ответ Сталина: «Да, считаю» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1161. Л. 72—73). Таким образом, Сталин не ответил на вопросы о попытках «силой навязать миру коммунизм», об обстановке в Греции, о игнорировании прав человека в Восточной Европе, о возможности еще одного совещания Совета министров иностранных дел, о призыве Бевина об «объединении Западной Европы» в качестве «западного блока», о разнице между планом Бевина и предложением Черчилля о Соединенных Штатах Европы, о единстве Германии, о возможности экономического кризиса, о политике США в Средиземном море. Сталин пытался ответить на вопрос о плане Маршалла: «односторонняя «помощь», но зачеркнул и оставил вопрос без внимания. Следов утверждения текста интервью членами Политбюро и соответственного решения о его публикации не обнаружено. Интервью опубликовано не было.

№ 430
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВОПРОСОВ ФИЛОСОФИИ» — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О СТАТЬЕ ДЛЯ ЖУРНАЛА

20 февраля 1948 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Редакционная коллегия журнала «Вопросы философии» обращается к Вам с большой просьбой выступить на страницах нашего журнала. Очередной (3-й) номер журнала предполагается в значительной его части посвятить 100-летию «Манифеста Коммунистической Партии».

Ваша статья явилась бы для нашего журнала и для всех советских философов таким же программным документом, указывающим пути нашей дальней-

шей философской работы, каким явилась 26 лет тому назад статья Владимира Ильича «О значении воинствующего материализма», написанная для начавшего выходить тогда журнала «Под знаменем марксизма».

Ваше выступление в новом философском журнале вызовет огромный подъем творческих сил среди теоретических кадров нашей страны и поможет нашему журналу лучше выполнять свои задачи, с еще большим воодушевлением и большевистской остротой громить врагов нашей партии и двигать вперед марксистско-ленинскую философию.

От имени десятков тысяч наших читателей мы обращаемся к Вам, Иосиф Виссарионович, с просьбой помочь журналу своим личным участием в нем.

Редакционная коллегия:

Б. КЕДРОВ
А. ВЫШИНСКИЙ
В. КЕМЕНОВ
Ф. КОНСТАНТИНОВ
И. КРЫВЕЛЕВ
М. ЛЕОНОВ
Ц. СТЕПАНЯН
П. ТАВАНЕЦ

20 февраля 1948 года

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1161. Л. 77. Машинописный подлинник. На письме проставлена дата рукой неизвестного «22.4.48 г.».

№ 431

ИЛЬИЧЕВ — ПОСКРЕБЫШЕВУ О ЗАПРЕЩЕНИИ ИЗДАНИЯ НА КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ КНИГИ А. БАРБЮСА «СТАЛИН»

8 апреля 1948 г.

Тов. Поскребышеву А. Н.

В письме в Особый сектор ЦК ВКП(б) директор Казахстанского государственного издательства просит разрешения перевести и издать на казахском языке книгу Анри Барбюса «Сталин».

Следовало бы отклонить эту просьбу. В книге Анри Барбюса часто упоминаются враги народа Енукидзе, Орахелашвили, Лакоба, Бубнов, Радек, Гринько, Рыков, цитируются их высказывания. Книга издана под редакцией и с предисловием Стецкого.

Прошу Вашего согласия сообщить ЦК КП(б) Казахстана, что от перевода книги Анри Барбюса «Сталин» следует воздержаться.

Л. ИЛЬИЧЕВ

8 апреля 1948 г.

На № 303

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1518. Л.137—138. Машинописный подлинник. Имеется резолюция: «Т. Ильичеву. Согласен. П.» № С-359/8.4.48 г. Подпись Ильичева и резолюция Поскребышева — автографы.

К документу приложена справка: «В особый сектор ЦК ВКП(б). Справка на № С-359. Отделом издательств Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) сообщено в ЦК КП(б) Казахстана, что от издания книги Анри Барбюса «Сталин» следует воздержаться. Зав. отделом издательств Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. Морозов. 12 апреля 1948 г.» (там же, л. 137).

№ 432
САЯНОВ ПОСЫЛАЕТ СТАЛИНУ СВОЮ КНИГУ «НЕБО И ЗЕМЛЯ»

Август 1948 г. (не ранее)

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Буду счастлив, если до Вас дойдет прилагаемая к настоящему письму книга, которую я передал через окошко Кремлевской комендатуры.

Два года назад на заседании в ЦК, во время обсуждения вопроса о «Звезде», Вы оказали мне незабываемую моральную поддержку.

Ваши слова были особенно дороги для меня потому, что дали мне возможность работать над завершением трех монументальных романов о нашем времени, которым я отдал почти двадцать пять лет упорного и непрерывного труда.

«Небо и земля» — первый (и самый меньший по объему) из этих трех романов. В ближайшие четыре года я закончу два других романа.

У каждого писателя своя судьба и свои мечты, я же всегда мечтал только об одном — о счастье трудиться в родной литературе, перед которой Вы поставили такие великие цели.

Мне хочется, чтобы Вы знали, что на решение ЦК я ответил так, как ответил бы на моем месте каждый советский человек, — неустанным и напряженным трудом.

С чувством глубочайшей преданности и сердечной благодарности

В. САЯНОВ

15.6.1948 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 803. Л. 69. Рукописный подлинник. Имеется штамп о поступлении в ОС ЦК ВКП(б) 15 августа 1946 г.

№ 433
АНДРЕЙ УПИТ — СТАЛИНУ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ПОДАРЕННЫЙ ЛИМУЗИН

20 декабря 1948 г.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Только что ко мне прибыла своим ходом с автомобильного завода, носящего Ваше имя, прекрасная машина — лимузин. Как мне передали, обладателем этим великолепным и удобным средством передвижения я стал благодаря Вашему личному распоряжению об отпуске для меня автомашины «ЗИС-110».

Разрешите мне от всей души и сердца поблагодарить Вас за эту помощь и выразить пожелание еще долгие Вам годы, в крепком здоровье, направлять наш государственный корабль к светлым берегам обетованной земли — к коммунизму.

Глубоко и искренне уважающий Вас АНДРЕЙ УПИТ

Рига, 20.XII.1948

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 875. Л. 138—139. Машинописный подлинник. Пометка рукой неизвестного: «2 экз». «Сводка».

№ 434
МИХАИЛ ЮДИН — ПОСКРЕБЫШЕВУ О СБОРНИКЕ ВОСПОМИНАНИЙ О ТУРУХАНСКОЙ ССЫЛКЕ СТАЛИНА

19 января 1949 г.

Дорогой товарищ Поскребышев!

Более трех лет я работал директором дома-музея И. В. Сталина в Курейке, домов-музеев Я. М. Свердлова и С. С. Спандаряна в Туруханске. На енисейский север мне пришлось выехать по командировке Союза советских писателей СССР.

В конце 1940 года я писал Вам из Курейки подробное письмо о доме-музее и Вы оказали мне большую помощь в деле улучшения оборудования дома-музея и укреплении курейского колхоза имени И. В. Сталина.

Как директору домов-музеев мне удалось проехать на лошадях, на оленях, пройти пешком от Верхне-Имбатска до Игарки. Пришлось побывать на стоянке Баиха, где отбывал ссылку и погиб Иосиф Федорович Дубровинский (Иннокентий), на станке Костино, где первые шесть месяцев Туруханской ссылки отбывал товарищ Сталин.

Мною записано более полутора десятков рассказов местных жителей-стариков о прошлом Туруханского края и о жизни наших товарищей в условиях туруханской ссылки.

Посылаю Вам небольшой очерк — «Туруханская ссылка» и четыре маленьких рассказа, записанных мной в Туруханском районе. В этой небольшой работе мне хотелось показать постоянную и неразрывную связь создателей и вождей нашей партии с народом.

Убедительно прошу Вас, товарищ Поскребышев, прочитать эту небольшую рукопись и сообщить мне Ваше мнение. Если нельзя рукопись печатать, то можно ли ее читать, как лекцию, для закрытых аудиторий: на партийных и комсомольских активах, в партийных школах и на кружках.

Жду Вашего ответа.

С коммунистическим приветом

МИХАИЛ ЮДИН

19 января 1949 года
Москва

Мой адрес: Москва 93, Большая Полянка, 60, кв. 27. Юдину Михаилу Парамоновичу.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1522. Л. 3—4. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 435
КОНСТАНТИН СИМОНОВ — ПОСКРЕБЫШЕВУ О СВОЕЙ ПЬЕСЕ «ЧУЖАЯ ТЕНЬ»

9 февраля 1949 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Посылаю Вам последний вариант моей пьесы «Чужая тень», над которой я работал, стремясь выполнить указания, которые сделал товарищ Сталин.

Вот указания товарища Сталина, которые я записал:

– В пьесе есть один вопрос, который решен неверно и в котором надо найти правильное решение. Трубников считает, что его лаборатория — это его личная собственность. Это неверная точка зрения. Работники лаборатории считают, что, по праву вложенного ими труда, лаборатория — их собственность. Это тоже неверная точка зрения. Лаборатория является собственностью народа и правительства. В пьесе же правительство не принимает участия там, где идет речь о секрете большой государственной важности. После того, как Макеев едет в Москву, после того, как карьерист Окунев кончает самоубийством, правительство не может не вмешаться в этот вопрос, а оно в пьесе не вмешивается. Это неправильно. Надо в конце сделать так: когда Макеев приезжает из Москвы в институт и разговаривает в присутствии всех с Трубниковым, он должен сказать, что был у министра здравоохранения, что министр докладывал вопрос правительству и правительство обязало его, несмотря на все ошибки Трубникова, сохранить Трубникова в лаборатории и обязало передать Трубникову, что, несмотря на все совершенное им, правительство не сомневается в его честности и в его способности довести до конца начатое им дело.

Выполняя эти указания, я внес в текст пьесы ряд исправлений и переработал конец пьесы, которая передана мною для напечатания в журнал «Знамя».

Глубоко уважающий Вас КОНСТАНТИН СИМОНОВ

9/2/49 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 806. Л. 164. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы. Пометка рукой Поскребышева: «Пьеса послана т. Сталину П. 11/2.».

№ 436
ПРОЕКТ ПИСЬМА МОЛОТОВА, КАГАНОВИЧА И ПОПОВА СТАЛИНУ О МАКЕТЕ ПАМЯТНИКА МАКСИМУ ГОРЬКОМУ В МОСКВЕ

21 марта 1949 г. (не позднее)

Товарищу Сталину И. В.

По Вашему поручению мы ознакомились с памятником А. М. Горькому, выполненному из бронзы в натуральную величину скульпторами Мухиной В. И. и Ивановой З. Г. по эскизу скульптора Шадра. Считаем необходимым сделать по этой скульптуре следующие замечания.

Образ Горького как основоположника пролетарской литературы в основном показан правильно. Однако при исполнении допущены некоторые недостатки,

в результате которых слабо отражены теплота и человечность, присущие Горькому, и значительно снижено художественное качество скульптуры.

В фигуре не пропорциональны соотношения между туловищем и головой, что излишне увеличивает рост фигуры и, в особенности, размеры туловища и ног по длине.

Излишняя приподнятость головы и вытянутая шея усиливают впечатление о недостаточной величине головы и подбородка, а также подчеркивают чрезмерную худобу горла. Излишняя длина волос на надлобной части головы и недостаток волос на затылке, устремленные вперед усы и брови, и резкое изображение мускулов и морщин (*Молотов написал*: «на лбу») — нарушают сходство головы и лица.

Подчеркнутая сутуловатость создает впечатление горба с левой стороны спины.

Плотное прилегание пальто к ногам, поднятое и заостренное правое плечо искажают всю фигуру, придавая ей плоский вид.

Указанные недостатки усугубляются неправильными пропорциями одежды: пиджак короток и обтянут; небрежно положенный воротник рубашки искусственно подчеркивает и без того длинную шею; широкий рукав пальто утрирует толщину правой руки.

К недостаткам скульптуры следует также отнести манеру небрежной авторской обработки бронзовой литой фигуры.

Таким образом, изготовленная фигура памятника А.М.Горького в том виде, как она есть в настоящее время, не может быть установлена[1].

Учитывая, что исправление указанных недостатков данной бронзовой фигуры ввиду сложности выполнения этих работ не гарантирует высокого качества фигуры памятника, считаем наиболее целесообразным поручить Комитету по Делам искусств при Совете Министров СССР и скульпторам Мухиной В. И. и Ивановой З. Г. изготовить вторую фигуру памятника на основе проделанной работы с учетом изложенных замечаний.

В. МОЛОТОВ
Л. КАГАНОВИЧ
Г. ПОПОВ

«...» марта 1949 г.

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 953. Л. 83—84. Машинописный текст. Правка — автограф Молотова.

[1] Письмо датируется по сопроводительной записке Попова. 21 марта 1949 г. Попов пересылает Молотову проект записки для Сталина о памятнике Горькому в Москве за подписью Молотова, Кагановича и Попова (там же, л. 82). Следует отметить, что Фадеев считал, что первопричину недостатков памятника следовало искать в «непреодоленных формалистических пережитках в творчестве Шадра», которые «нарушают требования реалистической правды, того жизненного сходства, которое необходимо для памятника». Мухина в ответ Фадееву парировала в письме к руководителю московских большевиков Попову: «Я поражена содержанием этого письма, так как Фадеев смотрел памятник со мной лично и, сделав лишь одно замечание по поводу усов, высказал положительную оценку. Это мнение Фадеева я передала вчера при Вас Вячеславу Михайловичу».

№ 437
ПАНФЕРОВ — СТАЛИНУ О РАБОТЕ НАД РОМАНОМ «В СТРАНЕ ПОВЕРЖЕННЫХ»

6 апреля 1949 г.

Товарищ Сталин!

Вы не раз помогали мне своими советами в моей литературной работе. Ваши советы я не только свято хранил, но и всегда проводил в жизнь.

За все, за все сердечное Вам спасибо.

Над романом «В стране поверженных» работаю. Постараюсь сделать все, чтобы не краснеть перед Вами... И, во всяком случае, изгоню из романа всякую небрежность.

Глубокий Вам поклон.

Ф. ПАНФЕРОВ

6 апреля 1949 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 29. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. На письме дата: «16.7.49 г.».

№ 438
ФАДЕЕВ — СТАЛИНУ О НЕДОСТАТКАХ В РАБОТЕ КОМИТЕТА ПО СТАЛИНСКИМ ПРЕМИЯМ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

12 апреля [1949 г.] (не позднее)

Копия
Председателю Совета министров СССР
Товарищу Сталину И. В.

О КРУПНЫХ НЕДОСТАТКАХ В РАБОТЕ КОМИТЕТА ПО СТАЛИНСКИМ ПРЕМИЯМ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

Итоги работы Комитета по присуждению Сталинских премий за 1948 год нельзя признать удовлетворительными, несмотря на то, что было выдвинуто много хороших произведений по всем областям искусства и литературы.

Главные недостатки работы Комитета таковы:

1) Комитет плохо знает достижения в различных областях искусств (особенно в области драматического и оперного театров), союзных и автономных республик СССР. Благодаря этому, недостаточно выдвинуто произведений от республик и выдвижения носят более или менее случайный характер.

2) Результаты голосования кандидатур по различным областям искусств, особенно в области живописи, показывают, что в составе Комитета имеются еще люди с непреодоленными буржуазно-эстетскими и формалистическими взглядами на искусство. Этим, в частности, объясняется выдвижение на Сталинскую премию за 1948 год скульптурного портрета А. Н. Островского, выполненного Коненковым и представляющего из себя скорее карикатуру на великого русского драматурга.

3) Комитет в данном его составе лишен чувства нового в советской жизни и в советском искусстве. Это сказалось, в частности, в том, что ряд актуальных произведений в области художественной прозы и поэзии, созданных, главным

образом, новыми молодыми авторами, остался за бортом. Например, в текущем году не представлены к премированию: сборник рассказов Б. Полевого «Мы — советские люди», новые произведения о современной колхозной жизни — повесть Ю. Лаптева «Заря», роман украинского писателя Рябокляча «Золототысячник», поэма Грибачева «Весна в «Победе», сильные и политически острые стихи М. Бажана «Английские впечатления», поэма молодого белорусского поэта А. Кулешова «Новое русло», поэма Я. Коласа «Хата рыбака» о воссоединении Советской Белоруссии — лучшее из того, что написал этот старый народный поэт о нашем времени.

Эти недостатки работы комитета нельзя объяснить только тем, что в этом году не участвовали в работе Комитета его председатель А. Фадеев, по причине отъезда, и П. Лебедев, Председатель Всесоюзного комитета по делам искусств, так как он не входит в состав Комитета.

Причины неудовлетворительной работы Комитета нужно искать в его неудачном составе и в неправильных методах его работы.

1) Комитет громоздок по своему составу. В нем 54 человека. Отдельные области искусств представлены непропорционально. Почему-то наибольшее место занимают композиторы, музыканты и певцы, затем театральные деятели. Такие важные области, как художественная литература, кино, изобразительные искусства, архитектура, взятые вместе, по числу своих представителей составляют меньше половины Комитета. Таким образом, при голосовании кандидатур всегда велик элемент случайности.

2) В Комитете слишком много стариков и почти совсем не представлены новые советские силы, выдвинувшиеся в искусстве и литературе за последние 10—15 лет. Такой состав Комитета не обеспечивает выдвижения новых имен деятелей искусств и литературы на Сталинские премии. Наконец, такой состав Комитета делает его крайне неоперативным: очень мало людей, которые физически способны выезжать в республики и области. Благодаря этому суждения о кандидатурах, выдвинутых в республиках и областях, опираются на посторонние, случайные мнения, чем, собственно, и объясняются недостатки работы Комитета по выдвижению кандидатур от республик и областей.

3) Как правило, Комитет приступает к ознакомлению с художественными произведениями в области искусства и литературы только по истечении года, в процессе работы итоговой сессии Комитета. Это объясняется, главным образом, тем, что всесоюзные творческие организации, а также Советы Министров республик и ЦК нацкомпартий, несмотря на неоднократные просьбы Комитета, выдвигают кандидатуры на соискание Сталинских премий только по истечении года.

4) Комитет крайне стеснен в средствах. Достаточно сказать, что, несмотря на неоднократные просьбы Комитета, Министерство Финансов СССР, поддержанное Бюро Культуры Совета Министров СССР, не отпускает средств на приобретение книг кандидатов на Сталинские премии, и члены Комитета вынуждены приобретать книги за свой счет. Еще хуже обстоит дело со средствами, отпускаемыми на командировки членов Комитета. Как правило, члены Комитета отказываются выезжать в дальние места — в республики Средней Азии, Закавказья, жалуясь на то, что они, будучи на долгое время оторванными от собственной творческой работы и в ряде случаев теряя в это время личный заработок, не могут уложить свои расходы в пределах 26 рублей суточных.

В целях исправления этих крупных недостатков в работе Комитета вношу следующие предложения:

1. Поручить специальной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотреть представленные Комитетом кандидатуры на Сталинские премии за 1948 год.

2. При рассмотрении кандидатур в комиссии и, если возможно, при последующем рассмотрении кандидатур в Политбюро ЦК, привлечь, кроме руководителей заинтересованных Министерств и Комитетов, т.т. Н. Тихонова, К. Симонова и А. Софронова от Союза Советских Писателей, т.т. Хренникова Т. от Союза Советских Композиторов, т. А. Герасимова от Всесоюзной Академии художеств.

3. Поручить этой же Комиссии Политбюро пересмотреть состав Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы с тем, чтобы он не превышал 30–35 человек, чтобы различные области искусства и литературы были представлены более или менее пропорционально их месту и значению. Предусмотреть в новом составе Комитета правильное сочетание старых и новых кадров деятелей искусств и литературы.

4. Для обеспечения государственных интересов в работе Комитета по Сталинским премиям установить, что заместителями Председателя Комитета являются Председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, Министр Кинематографии, Генеральный Секретарь Союза Советских Композиторов и Президент Всесоюзной Академии Художеств.

5. Поручить Бюро Культуры Совета Министров СССР рассмотреть предложения Комитета по Сталинским премиям по улучшению материальных условий деятельности Комитета.

А. ФАДЕЕВ

Верно.

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 458. Л. 55—57. Машинописная копия. Пометка рукой неизвестного: «В наш архив. 12/4».

№ 439
ВИРТА — ПОСКРЕБЫШЕВУ (ДЛЯ СТАЛИНА) О СВОЕМ РОМАНЕ «ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН»

Апрель 1949 г.

Уважаемый товарищ Поскребышев!

В течение десяти с половиной лет я работал над романом «Вечерний звон». В настоящее время после консультации в ИМЭЛ и окончательного редактирования роман готов.

«Вечерний звон» – первая книга из задуманного мною цикла романов – их будет семь, в их число войдут уже опубликованные романы «Одиночество» и «Закономерность».

Каждый из этих романов будет сам по себе самостоятельным и завершенным произведением, но все они связаны между собою историей крестьянской семьи Сторожевых. Таким образом, в окончательном виде цикл романов должен быть как бы художественной летописью русского крестьянства и связанных с ним классов и общественных групп и всех социальных процессов, совершавшихся на протяжении последних 60 лет – от конца прошлого века до наших дней.

В романе, о котором идет речь («Вечерний звон»[1]), в основном повествуется о том, как идеи Ленина в годы, когда он создавал большевистскую партию, проникали через представителей рабочего класса в сознание передовых людей деревни, о борьбе с эсерством, поповщиной и крепостничеством. Один из центральных образов романа — В.И. Ленин. Этим чрезвычайным обстоятельством и вызвано настоящее письмо к Вам.

Я обращаюсь к Вам с просьбой доложить об этом деле и о моем письме товарищу СТАЛИНУ и испросить у него разрешение для меня на посылку ему романа.

Это первая моя просьба такого рода, обращенная к товарищу СТАЛИНУ; поверьте, зная загрузку товарища СТАЛИНА, мне нелегко было решиться на это письмо, но иного выхода в данном случае у меня нет.

Прошу Вас, товарищ Поскребышев, если будет возможность, исполнить мою просьбу.

НИКОЛАЙ ВИРТА

Москва
Лаврушинский пер. 37, кв. 4
тел. В.1-36-41.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 717. Л. 107—108 Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Резолюция: «Сообщено т. Вирта о том, что т. Сталин не сможет просмотреть. Поск.». Пометка рукой неизвестного, возможно, Поскребышева: «Сообщить по телефону». Пометка: «апрель 1949 г.». Пометка: «11.4.49 г.».

[1] Название романа, заставляющее вспомнить знаменитый русский романс «Вечерний звон», — не лучший выбор для произведения о революции, среди персонажей которого к тому же выведен Ленин. Известность к Николаю Вирте пришла после опубликования романа «Одиночество» (1935) об антоновщине, ставшего одним из первых знаковых произведений сталинского культа в год двадцатилетия победы Октябрьской революции. За этот роман ему была присуждена Сталинская премия, по его мотивам написаны пьеса «Земля» (поставленная во МХАТе) и опера Т. Н. Хренникова «В бурю».

№ 440
ДЕДОВ — СТАЛИНУ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

25 июня 1949 г.

Товарищу СТАЛИНУ

Секретариат ЦК ВКП(б) рассмотрел материалы Хабаровского крайкома ВКП(б) в связи с проверкой работы парторганизаций Еврейской автономной области.

Разбором этих материалов установлено, что первый секретарь обкома ВКП(б) Еврейской автономной области т. Бахмутский и председатель облисполкома т. Левитин допустили серьезные политические ошибки в идеологической работе и хозяйственном строительстве.

Т.т. Бахмутский и Левитин установили связь с еврейским Американо-Биробиджанским комитетом, созданным в США, принимали от него мелкие по-

дачки, ориентировались в строительстве области на помощь этого комитета, чем способствовали распространению проамериканских и буржуазно-националистических настроений среди некоторой части населения области. Они не дали правильной политической оценки широко распространившимся личным связям граждан Еврейской автономной области с Америкой, — как каналу проникновения вражеской пропаганды, и фактам получения гражданами посылок, — как явлению, принижающему достоинство советских людей.

В Еврейской области в 1944 году проводилась кампания по сбору средств для оказания помощи детям-сиротам, пострадавшим от немецкой оккупации. Обком ВКП(б) и облисполком имели в виду организовать в области два детских городка для еврейских детей-сирот всего Советского Союза на 2000—2500 человек. Данное мероприятие не осуществлено, детские городки не были построены и дети-сироты в Биробиджан не направлялись.

Однако это было широко подхвачено еврейской зарубежной печатью и Американо-Биробиджанским комитетом и явилось началом установления широких связей «Амбиджана» с Еврейской автономной областью. Под видом оказания помощи детям-сиротам Американо-Биробиджанский комитет начал сбор средств и организацию подарков для еврейской автономной области. Несмотря на то, что существующие детские дома, с контингентом в 500 человек, находились на государственном бюджете и в подобной помощи безусловно не нуждались, Бахмутский и Левитин не посмели отказаться от протянутой им из-за океана «братской руки» и стали принимать подарки американских евреев.

В статье вице-председателя «Амбиджана» Будиша указывается, что «американцы покрывают примерно половину стоимости содержания и воспитания евреев — сирот войны», находящихся в Биробиджане и что «Еврейская автономная область делает больше чем ей положено, но многого из важнейших пищевых продуктов, одежды, медицины, школьных принадлежностей, оборудования и машин... просто невозможно достать в Советском Союзе. Это должно быть доставлено американскими евреями» («Нойе Лебен», март 1946 г.).

За период с 1945 по 1948 год в область прибыло подарков на сумму свыше 6 млн. рублей, в том числе более, чем на 5 млн. рублей различного тряпья и продуктов питания.

Кроме поношенного тряпья, которое засылалось в область в течение 4 лет, в 1948 году из Америки было прислано 5 стандартных сборных жилых домиков. Это было расценено руководителями обкома и облисполкома, как огромная помощь Американо-Биробиджанского комитета в строительстве области.

Оказываемая Американо-Биробиджанским комитетом «помощь» являлась подкупом и средством морально-политического разложения руководящих работников области. Основная масса американских вещей раздавалась по произвольно установленным заниженным ценам или совершенно бесплатно партийно-советскому и хозяйственному активу. Председатель облисполкома т. Левитин получил 12 метров полушерсти, 14 метров ткани «трико», 17 пар носок, 16 штук маек, 10 штук футболок, 7 детских костюмов, 4 пары обуви и ряд других вещей. Секретарь обкома т. Бахмутский получил 4 джемпера, 6 пар детских чулок и носок, двое трусов, 15 метров хлопчатобумажных тканей, трое брюк, один халат и 17,5 метров ситца. Второй секретарь Биробиджанского ГК ВКП(б) Кушнир получил вещей на 1542 руб. Работникам облсобеса было выдано вещей на 7172 руб., работникам облисполкома — на 3032 руб.; советско-

партийному активу Ленинского района — на 4789 руб., Сталинского — на 3691 руб., Спидовичского (*так в тексте*) — на 1000 руб.; облуправлению МГБ — на 6763 руб.; Сельхозбанку — на 2520 руб. Очевидцы рассказывают, что каждое поступление партии американского барахла сопровождалось позорным ажиотажем, увеличением количества «обиженных», создавало среди руководящих кадров нездоровую атмосферу.

Кроме того, деньги, вырученные от продажи подарков населению, раздавались руководящим работникам. Денежную «помощь» получили 34 руководящих работника, в том числе: т. Бахмутский — 8650 руб., секретарь ГК ВКП(б) т. Кушнир — 5500 руб., редактор газеты т. Фрадкин — 4500 руб., бывший зам. председателя облисполкома, ныне директор строящегося цементного завода т. Лапидус — 17 тыс. рублей, писатель Слуцкий — 4000 руб., заведующий особым сектором обкома т. Уздин — 3920 руб. и бывший московский писатель, разоблаченный ныне как враг народа, Дер-Нистер — 2700 руб.

Наряду с Американо-Биробиджанским комитетом посылки засылались в Биробиджан также всякого рода сомнительными частными лицами.

В препроводительной записке к одной из полученных партий поношенного тряпья говорится:

«Друзья! Все эти вещи были собраны и сложены в доме некоей мадам Роня Ливи. Муж ее положил всю свою жизнь и здоровье на вспомогательную работу для его соотечественников в России... Все эти вещи посланы вам в память усопшего господина Макса Ливи...»

«Американскую помощь» получали большое количество граждан Еврейской автономной области как по линии «Амбиджана», а также и по другим каналам — от родственников и знакомых, проживающих в Америке.

Получение этих подарков не только не вызывало отвращения у руководителей Еврейской автономной области, но они раболепски пресмыкались и всячески старались выразить чувство благодарности американским евреям за оказываемую помощь.

Председатель облисполкома т. Левитин в феврале 1948 года писал вице-председателю «Амбиджана» Будишу в Нью-Йорк:

«Уважаемый ответственный вице-председатель! Ваше письмо от 10 ноября 1947 года нами получено. Благодарим за проявленный вами интерес к развитию нашей области. С готовностью отвечаем на ваши вопросы».

И далее:

«Эффективно используем мы и вашу помощь. На городской электростанции областного центра и в районных центрах работают присланные вами дизельные электростанции. В колхозах, на предприятиях и лесозаготовках работают присланные вами автомашины. Присланные вами механизмы и оборудование полезно дополняют то, что в нашей области есть...»

По этому поводу в журнале «Най Лебен*» писали:

«Мы за последние несколько месяцев получили специальное выражение благодарности от правительства Еврейской автономной области за присланные продукты и материалы. Они особенно хорошо оценивают присланные транспортные средства, которые делают возможным обеспечить наши детские дома и школы».

---

* Так в тексте.

Бахмутский и Левитин систематически направляли «Амбиджану» через Еврейский антифашистский комитет просьбы о присылке им в неограниченном количестве стандартных домов, различных машин и другое.

В том же письме т. Левитин просил:

«...Вы спрашиваете, чем бы мог «Амбиджан» еще помочь делу развития нашей области.

Мы были бы вам очень признательны, если вам предоставится возможность прислать комплекты запасных частей к дизельным электростанциям... (перечень нужных запасных частей прилагаем к этому письму).

Ощутимую помощь оказала бы нам присылка комплекта оборудования для паротурбинной электростанции мощностью в 4–5 тыс. кВт. с запчастями, 100 автомашин марки «Студебеккер», из них несколько самосвалов и автоцистерн для нужд городского хозяйства, дорожное оборудование...

В текущем году наша область должна проделать большую работу... принять новые тысячи еврейских семей.

Примите наше пожелание наилучших успехов в вашей работе.

С уважением – М. Левитин председатель облисполкома».

Установившиеся связи с Американо-Биробиджанским комитетом использовались американской еврейской печатью в целях лживой пропаганды о том, что «американцы вкладывают огромные средства и силы в строительство Еврейской автономной области – будущего еврейского государства».

Помимо официальной связи областных организаций с «Амбиджаном» в области широко распространены личные связи граждан. Личные связи с Америкой имеют не только рядовые граждане Биробиджана, но и руководящие работники. При проверке оказалось, что личную связь с США имеют зав. отделом горкома ВКП(б) Эльгурт, зав. горфо Лауэр, второй секретарь Биробиджанского горкома ВЛКСМ Баренбойм, инспектор переселенческого отдела облисполкома Ликах, преподаватель школы № 11 Баренгольц, зав. областным методическим кабинетом Виленская, зам. директора музея Гринберг, зам. директора и парторг опытной сельскохозяйственной станции Шапиро, директор МТС Футорян, зам. директора Амураетской школы Систер и многие другие работники партийного, советского аппарата и идеологических учреждений области.

Все это наносило огромный вред делу воспитания трудящихся области в духе советского патриотизма.

О настроениях некоторых граждан области, имеющих связь с Америкой, было описано в статье Хаша Меламуда, помещенной в Уругвайском бюллетене «Биробиджан». В этой статье Меламуд описывает свою встречу с одним биробиджанским жителем, который ему говорит:

«Вы видите наш дом. Это нам прислал подарок «Амбиджан». Посмотрите, что за станки – это тоже подарок «Амбиджана». Таким образом, я со своей семьей с первых дней стал родственником этой организации. Мы живем в домах, которые они прислали, и будем работать в комбинате, который также является их подарком».

Бахмутский и Левитин примиренчески относились к фактам проявления буржуазного национализма и засорению идеологических учреждений сомнительными в политическом и непригодными в деловом отношении людьми, не вели борьбы с националистами, пропагандировавшими через печать и по ра-

дио свои буржуазно-националистические взгляды. Областная газета «Биробиджанер Штерн», альманах «Биробиджан», областной радиокомитет, музей и ряд других идеологических учреждений, где длительное время орудовали националисты Миллер, Керлер, Вассерман, Гринберг, Рабинков, Слуцкий и др., работали бесконтрольно.

В печати и по радио пропагандировались политически вредные, националистического характера произведения — повесть Миллера «Биробиджан», «Ода единству» Геллера, стихи Вассерман и др.

В «Оде единству», пронизанной национализмом, писатель Геллер призывает всех евреев мира к объединению:

«Мы можем быть друг другу снисходительны. / Мы знаем, кто наш общий враг. / Назло ему мы должны вдвойне жить / Единственные, которые теперь остались. / И пусть нас больше не разделяют моря, / И пусть нас не разделяют больше страны, / Вы можете быть сильными, / Если останетесь едиными».

На собрании интеллигенции Биробиджана в октябре 1947 года писатель Керлер выступил с антисоветским клеветническим выпадом против советского строя. Он говорил, что «в СССР проводится насильственная ассимиляция евреев, что только в синагоге евреи могут пользоваться еврейским языком». Обком и горком партии на это никак не реагировали.

В феврале 1949 года по указанию Бахмутского в местной газете «Биробиджанер Штерн» была напечатана передовая статья «Больше внимания пропаганде на еврейском языке», в которой говорится, что самым лучшим языком нужно считать еврейский язык, а поэтому пропаганду марксизма-ленинизма надо вести на еврейском языке, не учитывая того, что в области свыше 80% нееврейского населения.

Ошибки местной писательской группы, редакции областной газеты и радиокомитета обкомом ВКП(б) замалчивались, в газетах очень редко печатались статьи о национальной политике нашей партии и советского государства, о сталинской дружбе народов СССР, о выдающейся роли великого русского народа.

В Еврейской автономной области население составляет 109 тысяч человек, среди жителей области евреев насчитывается 17695 человек, или 15,5%, а русских свыше 70%. При этом положении по инициативе т. Бахмутского во всех школах области, где абсолютное большинство учащихся русские, было введено обязательное изучение еврейского языка.

По указанию обкома ВКП(б) в 1948 году в Биробиджане был расформирован детский дом, в котором воспитывались 102 русских и 55 еврейских детей-сирот. Всех русских детей вывезли в другие детдома области, а детей евреев из детских домов области переселили в Биробиджан, во вновь созданный еврейский детский дом. Воспитанники этого детского дома были зачислены в специально организованную еврейскую школу, хотя многие дети совершенно не знали еврейского языка.

В своих печатных и устных выступлениях т. Бахмутский утверждал, что Еврейская область строится и будет построена руками трудящихся евреев, замалчивая при этом роль советского государства и русского народа. Бахмутский пропагандировал прожектерские планы о преобразовании области в союзную республику, о необходимости распространения печатных изданий области на еврейском языке среди всех евреев Советского Союза, о том,

что Биробиджан должен стать центром еврейской культуры, отвлекая тем самым партийную организацию от решения насущных хозяйственно-политических задач.

На заседании президиума Еврейского антифашистского комитета т. Бахмутский призывал «советскую еврейскую общественность» содействовать строительству «еврейской государственности в Советском Союзе» (газета «Эйникайт» за 26 марта 1946 г.).

«Еврейская автономная область, — указывает т. Бахмутский, — имеет сейчас большие возможности устроить десятки тысяч еврейских переселенцев. Советская еврейская общественность обязана содействовать строительству области — еврейской государственности в Советском Союзе. Это дело чести и славы еврейского народа в СССР».

В статье «В единой семье советских народов» (газета «Эйникайт» от 10 апреля 1948 г.) т. Бахмутский «нарисовал» путь развития «еврейской государственности» от национального района до союзной республики.

В информационном бюллетене «Биробиджан», который издается в Уругвае (Монтевидео), в номере от 7 мая 1948 г., посвященном 14-летию Еврейской автономной области, помещена фотография т. Бахмутского и напечатана редакционная статья под заголовком «С увеличением еврейского населения Биробиджан превратится в Еврейскую республику».

В этой статье говорится:

«В Москве состоялось большое собрание видных общественных работников, еврейских писателей, журналистов, офицеров и солдат Красной Армии. Собрание, которое проходило в большом зале еврейского антифашистского комитета, с большим интересом заслушало доклады Александра Бахмутского и Шифры Кочиной, биробиджанских депутатов Верховного Совета СССР о росте Еврейской автономной области и о перспективе для ее развития.

Еврейская автономная область, — сказал Бахмутский, — занимает 37. 500 кв. километров вдоль государственной границы Советского Союза — реки Амур. Тот факт, что область расположена в пограничной линии, — сказал дальше Бахмутский, — говорит уже о том, почему эта территория избрана для еврейского поселения. Заранее предусмотрено, что развитие этого проекта примет следующий курс: сначала будет сформирован Еврейский национальный район, после — Еврейская автономная область, которая с увеличением еврейского населения вырастает в автономную республику, и, наконец, в Еврейскую республику Советского Союза... Мы заимели многочисленные просьбы евреев из разных концов Советского Союза, которые хотят переселиться в Еврейскую автономную область. Мы также получили просьбу, подписанную 120 евреями из Палестины, которые просили дать возможность переселиться в Биробиджан. Число заявлений растет с каждым днем. Область имеет сейчас возможность принять до 20 тысяч переселенцев, для которых мы имеем достаточное количество жилья. Кроме этого, мы начинаем строить завод стандартного домостроения».

Бахмутский закончил свой доклад следующими словами:

«Мы уверены, что Еврейская автономная область все время будет расти. Перед еврейской массой стоит задача помогать развивать область. В этом лежит разрешение проблемы еврейской государственности. Заселение и

развитие Еврейской автономной области — дело чести и гордости для еврейского народа».

В статье «Кардинальные вопросы дня» (газета «Эйникайт» от 28.III.47 г.) т. Бахмутский пишет:

«Вопрос организации образования еврейских детей на родном языке — одна из важнейших задач в развитии советской культуры. Уже в этом году мы расширяем сеть еврейских школ...

...Нам предстоит разрешить всю проблему образования на еврейском языке. В связи с этим необходимо уже сейчас начать подготовку по созданию в Биробиджане государственного университета и организовать политехническое образование на родном языке... Уже сейчас следует подумать об учебниках для университета, об их переводе, об организации профессуры и остального педагогического персонала. Что касается студенческого контингента, кажется нам, что их предостаточно имеется среди еврейского населения Советского Союза...

Еврейская автономная область такая, какой ее хотят видеть в ближайшем будущем советские евреи, должна быть построена и будет построена руками трудящихся евреев. Это дело нашей чести, нашего социалистического сознания».

Популяризируя имена лучших строителей области, т. Бахмутский во всех статьях говорит только о евреях, абсолютно замалчивает самоотверженный труд рабочих, колхозников и интеллигенции — представителей нееврейского населения, составляющего подавляющее большинство области. Вместе с тем, т. Бахмутский находит возможным рассказывать, как об активных строителях «еврейской государственности», о политически сомнительных, националистически настроенных и явно враждебных элементах — писателях Миллере, Слуцком, Рабинкове и других.

В статьях т. Бахмутского содержится ряд других явно националистических мотивов, перекликающихся с высказываниями американских евреев и являющихся по существу идейной платформой националистически настроенных элементов в области. В его выступлениях явно проскальзывает сионистская идея об общности интересов евреев всего мира. Всюду т. Бахмутский обращается к «еврейской общественности», к «еврейскому народу», к «еврейской массе».

На протяжении ряда лет т. Бахмутский, являясь членом президиума Еврейского антифашистского комитета, без разрешения ЦК ВКП(б) неоднократно выступал на устраиваемых этим комитетом различных совещаниях с докладами. Близко соприкасаясь с деятельностью этого комитета, он не информировал ЦК ВКП(б) о положении дел в нем, за что должен нести ответственность перед ЦК.

Ориентируясь на помощь Американо-Биробиджанского комитета, Бахмутский и Левитин безответственно относились к порученному делу, не мобилизовали областную партийную организацию на решение главных хозяйственно-политических задач и нанесли серьезный ущерб делу развития хозяйства и культуры области.

В Еврейской автономной области большинство предприятий работает плохо и не выполняет государственных планов, сельское хозяйство находится в запущенном состоянии, многие колхозы являются экономически слабыми,

имеют низкую доходность и ежегодно не рассчитываются с государством, в области происходит уменьшение количества колхозных дворов. Обком не принимает необходимых мер для создания нормальных жилищно-бытовых условий переселенцам. Партийные и советские органы области не организовали строительство жилых домов для переселенцев, ввиду чего часть семей колхозников находится в плохих жилищных условиях.

При разборе этих материалов в ЦК ВКП(б) т. Бахмутский вел себя неискренне, старался скрыть от ЦК действительное положение дел в области и существо своих ошибок. Только под давлением неопровержимых фактов т. Бахмутский вынужден был признать свои ошибки, изложив их в специальной записке на имя ЦК ВКП(б).

Первый секретарь обкома т. Бахмутский и председатель облисполкома т. Левитин в дальнейшей своей работе не способны поправить дела в области и обеспечить правильное руководство партийной организацией.

В связи с рассмотрением вопроса об ошибках т.т. Бахмутского и Левитина представляем Вам записку и телеграмму Хабаровского крайкома ВКП(б) «О грубых политических ошибках первого секретаря обкома партии и председателя облисполкома Еврейской автономной области» и объяснения т.т. Бахмутского и Левитина по этому вопросу[1].

Зам. зав. Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП (б) А. ДЕДОВ

25/VI-49 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1527. Л. 64—73. Машинописный подлинник. Подпись и дата — автографы.

[1] Приложено к постановлению Секретариата ЦК (прот. № 438, п. 100-с) от 16 июня 1949 г., утвержденному Политбюро 25 июня 1949 (прот. № 70, п. 45). Выписка из протокола № 438/п. 100 заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 16 июня 1949 г.

№ 441
АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ ПИТОВРАНОВА О ПОЛОЖЕНИИ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

9 июля 1949 г. (не ранее)

Совершенно секретно

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

На днях Н. ПОГОДИН в беседе со мной затронул вопрос о положении в Союзе Советских Писателей.

«Я сдал недавно антиамериканскую пьесу, – сказал ПОГОДИН, – но не знаю ее оценки. В Союзе Писателей мало интересуются моей работой. Для СОФРОНОВА я – чужой человек. На заседаниях комиссии по драматургии сейчас говорят только о пьесе КОЖЕВНИКОВА «Огненная река», а раньше все внимание уделялось исключительно пьесе СОФРОНОВА «Карьера Бекетова». Создается такое впечатление, как будто у нас больше нет ни драматургов, ни пьес».

На вопрос, чем он объясняет это, ПОГОДИН ответил: «Я скажу Вам откровенно. Дело в том, что СОФРОНОВ в Союзе Писателей – полный хозяин. Даже во время РАППа мы могли выступать с критическими замечаниями, а теперь за каждое слово о пьесах СОФРОНОВА или КОЖЕВНИКОВА приходится расплачиваться. У меня ведь были крупные ошибки, за которые ФАДЕЕВ меня покритиковал. Я признал эти ошибки, написал пьесу, сценарий. Но СОФРОНОВУ до всего этого нет никакого дела. А ведь все зависит от него».

Выслушав ПОГОДИНА, я спросил: Не преувеличивает ли он роль СОФРОНОВА? ПОГОДИН ответил: «Нет, я это хорошо продумал. Теперь я жду, пока кто-нибудь вмешается в это дело. Ведь в ЦК должны знать все, что у нас происходит».

Затем ПОГОДИН рассказал:

«СОФРОНОВ и КОЖЕВНИКОВ сосредоточили в своих руках все руководство подбором репертуара для всех наших театров. Начальник управления театров Комитета по делам искусств ПИМЕНОВ почти через день бывает у СОФРОНОВА на даче. Но к чему привела их политика? Какого нового драматурга они выдвинули? Какую новую пьесу показали нашему зрителю? Раньше считалось, что «Карьера Бекетова» — это огромная творческая удача СОФРОНОВА. Об этом говорили на всех совещаниях в Союзе Писателей. Но теперь все замолчали. После опубликования статьи в «Культуре и жизнь» СОФРОНОВ заявил своим друзьям, что эта пьеса будет поставлена позже, так как международная обстановка не позволяет нам говорить в настоящее время так открыто о наших недостатках, как это сделано в «Карьере Бекетова». Я лично сомневаюсь, правильно ли все это».

Возвратившись к вопросу о критике, ПОГОДИН сказал, что СОФРОНОВ находится вне сферы критики. По словам ПОГОДИНА, в писательской среде считают, что в «Правде» не упоминалось о «Карьере Бекетова» потому, что КОЖЕВНИКОВ, являясь другом СОФРОНОВА, убедил ПОСПЕЛОВА не писать о СОФРОНОВЕ.

«Что же касается «Литературной газеты», – продолжал ПОГОДИН, – то ЕРМИЛОВ никогда не выступит против СОФРОНОВА, поскольку это единственный человек, который еще поддерживает ЕРМИЛОВА. В результате получилось, что об ошибках ФАДЕЕВА и СИМОНОВА писали во всех крупных газетах, подробно обсуждали их ошибки в Союзе Писателей, а по адресу СОФРОНОВА нигде не было оказано ни одного критического замечания».

Я спросил ПОГОДИНА, почему он не поговорит обо всем этом столь же откровенно с ФАДЕЕВЫМ. ПОГОДИН ответил, что считает это бесполезным. «У всех создалось впечатление, – заявил ПОГОДИН, – что ФАДЕЕВ верит только СОФРОНОВУ. СИМОНОВ, после того, как СОФРОНОВ на собрании назвал его пособником космополитов, почти не вмешивается в эти дела. ФАДЕЕВ же почти не бывает в Союзе. Мне известен, например, такой факт. По возвращении из Барвихи ФАДЕЕВ сказал, что надо собрать драматургов и обсудить ошибки, допущенные в пьесе «Карьера Бекетова». Тогда СОФРОНОВ сделал все возможное, чтобы избежать этого. Накануне обсуждения его пьесы он приехал к ФАДЕЕВУ с какими-то приезжими с Дальнего Востока, оказавшимися товарищами ФАДЕЕВА. Было выпито много вина, и после этого ФАДЕЕВ больше не появлялся в Союзе Писателей. Ведь все мы знаем, что ФАДЕЕВА надо беречь и ни в коем случае не приглашать его вы-

пить. Это всем известно уже давно. У нас, старых писателей, создается впечатление, что СОФРОНОВ в нужный момент просто спаивает ФАДЕЕВА. После того случая ФАДЕЕВ уже не занимался делами, а СОФРОНОВ с 1 июля уехал на два месяца в отпуск.

«Все это очень странно, – продолжал ПОГОДИН, – так как, конечно, критиковать СОФРОНОВА в его отсутствие никто не будет. Это просто не принято».

Начальник 2-го Главного управления МГБ СССР
ПИТОВРАНОВ

РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 5. Л. 93—95. Машинописный заверенный подлинник. Подпись Питовранова — автограф.

9 июля 1949 г. министр государственной безопасности В. Абакумов переслал это «агентурное донесение источника МГБ СССР» в Совет Министров СССР, Сталину (№ 5644/а). Документ вместе с сопроводительной запиской отложился в фонде Маленкова.

№ 442
ПРЕДВАРЯЮЩИЙ КОММЕНТАРИЙ И «ИЗЛОЖЕНИЕ ТОВАРИЩЕМ ВАВИЛОВЫМ СОДЕРЖАНИЯ ЕГО БЕСЕДЫ С ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ О БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

19 июля 1949 г.

В 2003 г. в России объявлено о новом федеральном проекте: издании Большой *российской* энциклопедии. Уместно напомнить, что она станет наследницей трех изданий Большой *советской*. Каждая из них начинала публиковаться в момент наивысшего расцвета советского режима на разных этапах его существования. Первая — на волне хозяйственных успехов НЭПа в середине двадцатых, вторая — во второй половине сороковых после Победы в Великой отечественной войне, а третья — в конце шестидесятых, когда держава достигла своего апогея и вступала в застой. Но, пожалуй, замысел ни одного из этих трех изданий не нес на себе такой явной печати воли, вкуса и стиля одного человека, как в случае со второй энциклопедией (1949—1958). Человеком этим был, естественно, Сталин.

13 декабря 1947 г. великий энциклопедист вынес на заседание Политбюро вопрос о Большой советской энциклопедии. Заседание было пленарным, проходило в зале пленумов ЦК в Кремле. Вождь отдохнул на юге и был полон сил и замыслов. Совещание не свелось к утверждению заготовленных решений голосованием вкруговую или междусобойчиком в узком кругу «пятерок», «шестерок», «семерок», которые, по словам Хрущева, терминологией картежников подменяли высший партийный орган. Присутствовал весь состав членов Политбюро: девять человек. С Украины приехал и Никита Сергеевич Хрущев. Список кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК заключали персонально приглашенные члены ЦК: главный финансист Зверев, аппаратчик Кузнецов, сталинский министр госконтроля Мехлис, московский партийный босс Попов, верный «оруженосец» Поскребышев и Шкирятов — главный полицейский партии.

Обсуждали только три вопроса. Все они оказались судьбоносными и, по сути, эпохальными для Советской страны. Первый: об отмене карточной системы и о де-

нежной реформе. Он останется актуальным для России и после августа 1991-го. Второй: о ликвидации Госплана и о создании вместо него двух ведомств с громоздкими, в духе сталинского послевоенного монументального государственного строительства, названиями: «Государственный комитет снабжения народного хозяйства СССР» и «Государственный комитет внедрения новой техники в народное хозяйство СССР». Вопрос также был актуален и во времена косыгинской реформы, и для авторов программы «пятьсот дней», и для Гайдара с Чубайсом. Наконец, третий, — о Большой советской энциклопедии. Характерное и весьма символичное соседство.

Об энциклопедии постановили: «Признать ненормальным положение дел с изданием БСЭ в связи с допущенными ошибками в первом издании и отсутствии конкретных мер по подготовке второго издания БСЭ». Ненормальное положение должна была исправить комиссия под председательством главного идеолога режима Андрея Жданова и весьма представительная по своему составу: главный экономист Вознесенский, министр обороны Булганин, руководитель агитпропа ЦК Шепилов, старый большевик Петров, президент академии наук Сергей Вавилов, редактор «Правды» Поспелов и Мехлис. Последний, по-видимому, для обеспечения финансовой дисциплины в деле расходования «новых», менее деревянных рублей. Сталин поставил жесткие сроки: в течение пяти дней представить персональный состав главной редакции БСЭ. А в течение месяца совместно с главной редакцией подготовить предложения по организации второго издания.

Сама идея энциклопедии четко монтировалась в политико-экономическую модель стабилизации общества, упорядочения экономики и одновременно ее модернизации и прогресса, не в последнюю очередь обеспеченных трофейной немецкой технологией. Традиция и новаторство, воплощенные в пятидесяти томах БСЭ.

Энциклопедия должна была стать символическим памятником победоносному режиму, его вождю и народу, триумфально завершившему великую войну, своеобразным Дворцом Советов науки и культуры в пятидесяти монументальных томах. Стиль всего издания, его этика и эстетика изначально были сродни наземным павильонам станций Московского метро четвертой очереди, его кольцевой линии с мраморными храмами, гранитными колоннами и выгравированными словами из нового державного гимна «Союз нерушимый». Именно так и произойдет. Энциклопедия на четверть века вперед зафиксирует ту картину мира, которая, по словам старшего вождя, давалась нам в ощущениях.

29 декабря 1947 г. в строгом духе соответствия сталинского расписания и партийной традиции, по которой за политическим решением следовало решение кадровое, в стиле «Пленум ЦК КПСС рассмотрел организационные вопросы», Политбюро опросом, голосованием вкруговую, утвердило состав Главной редакции Большой советской энциклопедии. Партийная дисциплина и иерархическое сознание были соблюдены. Знакомство с подлинником протокола Политбюро говорит о том, что решение было принято единолично Сталиным. Итак, главным редактором стал академик, бывший генеральный прокурор, а в те дни дипломат — Андрей Вышинский. Заместителем — А. А. Зворыкин. О нем было оговорено особо: «2. Освободить т. Зворыкина от обязанностей заместителя председателя Комитета по изобретениям и открытиям при Совете министров СССР с тем, чтобы его

основной работой являлась работа в Большой советской энциклопедии». Члены редколлегии: А. И. Антонов, И. П. Бардин, С. И. Вавилов, А. Ф. Капустинский, П. И. Лебедев-Полянский, М. Б. Митин, К. В. Островитянов, Ф. Н. Петров, П. Н. Поспелов и А. Л. Сидоров (состав редколлегии будет меняться).

На этом Политбюро не остановилось. 10 февраля 1949 г. принято развернутое постановление «О втором издании БСЭ». В открывавшем первый том объявлении — обращении от редакции — будет особо отмечено, что второе издание выпускается по постановлению Совета Министров. Но это известный прием режима, который испытывал особую страсть к шифровальной работе. Выпускалось монументальное издание по воле Политбюро и лично вождя. Это они решили, что значительная часть статей в первом издании устарела, а «многие статьи содержат грубые теоретические и политические ошибки». Новая летопись «должна явиться систематизированным сводом знаний по социально-экономическим и естественным наукам, технике, военному делу и стать универсальным справочником для широких кругов советской интеллигенции». В предисловии упоминались «руководство партии Ленина — Сталина», «мудрое водительство великого Сталина», «сталинские пятилетки», «культурная революция», «дружба народов», «морально-политическое единство», «гениальные труды Сталина», «сталинский «Краткий курс» — «настоящая энциклопедия основных знаний в области марксизма-ленинизма», четвертое издание сочинений Ленина, собрание сочинений Сталина, победа материалистического учения в биологии, работы мичуринцев, «превосходство над деградирующей буржуазной культурой». Итог: «Советский Союз по праву стал центром мировой цивилизации». С такими посылками приступали к изданию. Из постановления Политбюро: «широко осветить всемирно-исторические победы в нашей стране», дать «партийную критику современных реакционных буржуазных течений в различных областях науки и техники». Предполагалось издать 50 томов. Тираж 300 тысяч экземпляров. Первое выходило 22 года. Второе было рассчитано на 6 лет.

10 февраля 1949 г. Сталин подписывает решение. Оно принимает силу закона жизни. Главную редакцию БСЭ подчиняют непосредственно Совету Министров СССР. Не остается без внимания и вопрос о гонорарах. Так как система полистной оплаты авторского текста приводила к разбуханию статей и заметок и к ухудшению их качества, ЦК отменяет эту систему как неправильную. Новая система заключается в том, что «статьи и заметки оплачиваются в зависимости от качества выполнения, важности и сложности темы, срочности задания, и только в том случае, если они признаны удовлетворительными по качеству». Оплата по 4 группам. Оплата редактора статьи или заметки — не выше 20%, а рецензента — не выше 10% от авторского гонорара. В материально-правовом отношении издательство было приравнено к Государственному издательству иностранной литературы, а за сотрудниками с учеными степенями и званиями сохранялись льготы работников НИИ.

Директором издательства БСЭ назначается А. И. Ревин. До этого недолго, всего год, он проработал на посту заведующего Объединением государственных издательств. Но он навел порядок в издательском деле в духе борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом, а по сути, очищал списки сотрудников от неблагозвучных фамилий. Вот отрывок из его представления на должность

директора от ноября 1947 года: «рекомендуем тов. Ревина А. И., работающего с 1937 года по настоящее время директором крупнейшего в Союзе издательства газеты «Правда». Тов. Ревин — русский, член ВКП(б) с 1928 года, окончил институт журналистики. Инициативный, настойчивый товарищ, хорошо знает полиграфию и книжное дело, имеет большой опыт руководящей хозяйственной работы».

Андрей Вышинский — этот великий сталинский юрист и дипломат — недолго поруководит работой по подготовке БСЭ. Сталин мудрой *рокировочкой* решает перебросить его на курирование внешней политики исключительно. 16 декабря 1948 г. президент академии наук Сергей Вавилов утверждается главным редактором БСЭ. Подготовка издания выходит на финишную прямую.

24 июня 1949 г. Вавилов обращается к Сталину с просьбой:

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! Прошу Вас, если Вы найдете возможным, принять меня для доклада по делам Академии Наук и Большой советской энциклопедии. С. Вавилов».

Сталин находит возможным и принимает Вавилова для доклада 13 июля 1949 г. Вавилов оставил уникальную, почти что стенографическую запись беседы, которая хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории в личном фонде Сталина. Ниже приводится ее текст.

ИЗЛОЖЕНИЕ ТОВАРИЩЕМ ВАВИЛОВЫМ СОДЕРЖАНИЯ ЕГО БЕСЕДЫ С ТОВАРИЩЕМ СТАЛИНЫМ О БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Товарищ Сталин принял меня 13 июня[1] в 10 часов вечера; во время беседы присутствовал тов. Маленков. Беседа продолжалась более полутора часов[2]. Первая часть беседы состояла из моего доклада по делам Академии Наук, обсуждения и рассмотрения различных дел Академии. К делам Большой Советской Энциклопедии я перешел во второй части беседы. Первый вопрос, который я поставил перед товарищем Сталиным, заключался в просьбе моей от лица Главной редакции разрешить напечатать в седьмом томе Большой Советской Энциклопедии 2-го издания на слово «ВКП(б)» работу Иосифа Виссарионовича «Краткий курс истории ВКП(б)», одновременно, я по этому вопросу передал письмо. Товарищ Сталин засмеялся и сказал: «Как же, целую книгу печатать? Да зачем, кому это нужно? А напечатать стоило бы не больше одной двадцатой части книги, остальное предназначено для партийных работников, имеет совершенно узкий интерес, да и устарело много, кроме того, не хватает последних десяти лет».

Я обратился с просьбой к товарищу Сталину в отношении последних десяти лет, указать, кому можно было бы поручить написать, но товарищ Сталин сказал: «Вообще не стоит печатать, тем более, что Вам едва ли придется печатать на слово «ВКП(б)», так как я собираюсь на съезде внести предложение переименовать Всесоюзную коммунистическую партию в Коммунистическую советскую партию, придется Вам печатать на букву «К», время еще есть, подумайте»[3].

Очевидно, действительно состоится переименование партии и большую статью придется подать под другим словом.

Второй вопрос, с которым я обратился к товарищу Сталину, был вопрос о макете. Должен заметить, что еще до начала моей беседы с товарищем Сталиным я говорил с тов. Поскребышевым. У него был уже целый ворох макетов. Тов. Поскребышев сказал мне, что товарищ Сталин не согласится с вашим форматом Энциклопедии, он не любит такие большие книги, а предпочитает маленькие. Я доложил товарищу Сталину. Он действительно сначала сказал: «Очень большой». Я ему тогда доложил, какие мотивы послужили нам при выборе: во-первых, получается полный разворот книги, она никогда не перелистывается обратно, страницы лежат свободно, плотно, во-вторых, каждая из двух набранных на странице колонок получается шире, что спокойнее, удобнее для глаза. Большие преимущества имеются и для иллюстраций, и красивее все-таки. Товарищ Сталин с этим согласился. Он сказал также, что можно оставить синюю окраску. Я здесь, Анатолий Алексеевич[4], на этом макете прямо написал, что макет одобрен лично товарищем Сталиным. Макет одобрил и товарищ Маленков.

Дальше я доложил товарищу Сталину о проекте постановления Совета Министров. Проект был прямо у меня под руками. Я читал, комментировал, мне задавали некоторые вопросы и товарищ Сталин, и товарищ Маленков. Проект вообще никаких возражений не встретил, так что я оставил этот проект постановления. Товарищ Сталин согласился со всем, вплоть до ВЧ и дополнительной вертушки. Вопросы решались коротко. О цене на книгу. Когда я назвал 50 рублей, товарищ Сталин сказал: «Не дешево ли? Надо делать так, чтобы была и некоторая прибыль». Я сказал, что это учли. Товарищ Сталин говорит: «Пятьдесят рублей это хорошо, но не надо ли больше?» Я сказал, что нет. Затем шел пункт об отчислении КОГИЗу[5]. Я сказал, что КОГИЗ берет за распространение книги 25 процентов, а мы просим установить отчисления 15 процентов. Товарищ Сталин по этому вопросу говорит: «Десять процентов надо дать, больше не надо». Доложил также я и о бумаге, сказал, что мы просим организовать выпуск специальных сортов бумаги и ледерина. Товарищ Сталин и товарищ Маленков это поддержали. Теперь пункт 5 постановления об изменении системы оплаты авторам. Тут я пояснил, что у нас утверждена система повышенной оплаты за небольшие статьи. За статьи меньше 20 тысяч знаков мы платим до 10 тысяч рублей за авторский лист. За статью более 20 тысяч знаков просим нам разрешить платить только по 5 тысяч рублей за авторский лист. Товарищ Сталин сказал: «Это правильно, что за большие статьи плата за авторский лист будет меньше». Относительно помещения. Товарищ Сталин спросил, как идут нам навстречу. Я сказал, что помещение получаем[6]. В этом нам помог тов. Маленков. Тут выступил тов. Маленков, говоря, что с помещением были трудности, которые сейчас преодолены. То же самое и с полиграфической базой для издания Энциклопедии[7]. Там был еще вопрос относительно новых редакций. На создание этих редакций товарищ Сталин тоже дал согласие и на увеличение штатов согласился. Вообще со всеми пунктами постановления согласился.

Затем я перешел к злополучному вопросу насчет отрицательных личностей (как Троцкий и т. д.) – надо ли давать о наших врагах и противниках статьи. Товарищ Сталин сказал: «Я лично считаю, что нужно давать статьи об отрицательных личностях, что это за редакторы, которые возражают против этого?» Он сказал, что нужно все включить, что это глупости. «Наполеон ведь у вас

будет, а ведь он был большим мерзавцем». Так что вопрос об отрицательных личностях решен вполне положительно.

Теперь относительно авторов, работы которых подвергались резкой критике. Я сказал, что у нас есть такие авторы, очень компетентные, которых в последнее время поругивали, давать ли им писать статьи? «Ну, что же, конечно, давать, если напишут хорошие статьи», – сказал товарищ Сталин. Я тоже считаю, что нужно давать. Да вот, когда я говорил об отрицательных личностях, я упомянул об Алексинском[8]. Товарищ Сталин сказал: «Конечно, нужно дать». Так что можете спокойно печатать.

Я спросил, целесообразно ли приглашать авторов-иностранцев из стран народной демократии. Товарищ Сталин сказал: «Конечно». Я сказал, может быть, будут препятствия. «Да нет, какие тут препятствия», – сказал товарищ Сталин, – «вполне можно договориться».

Затем товарищ Сталин спросил – справимся ли мы с делом. Я говорю – надеюсь, справимся. Самые трудные для нас первые три тома. Их нужно дать в этом году, а мы находимся еще в пусковом периоде[9]. Иосиф Виссарионович засмеялся. «Сами захотели, – сказал он, – это инициатива Академии наук». Я не стал опровергать, но что инициатива принадлежит Академии наук, это, по-моему, не соответствует действительности. Ну, вот, собственно, и все. Да-а. Отношение совершенно явно очень благосклонное. Во всем разговоре, во всех репликах, во всех замечаниях, так что ясно начинаем работать при большом покровительстве.

Да, еще один момент о характере материалов. Единственное замечание товарища Сталина было: «Вы постарайтесь, чтобы давали современного в науке побольше». Это указание для нас очень важно. Надо, чтобы были новые оригинальные статьи, а не перепечатка. Все старые статьи надо модернизировать, ссылаясь на новую литературу.

Вот, собственно, и все.

С. ВАВИЛОВ

19.7.49 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 717. Л. 111—114. Машинописный незаверенный экземпляр. Пометки в тексте рукой неизвестного. 24 июня 1949 года — записка Вавилова Сталину.

Там же. Л. 110. Рукописный подлинник.

Опубликовано: Источник. 2003. № 4. С. 40—44.

[1] Так в тексте, должно быть «июля».

[2] См.: Посетители кремлевского кабинета Сталина // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 56. 13 июля Маленков зашел в кабинет в 21.55, вышел в 00.35. Сергей Вавилов зашел в 22.00, вышел в 23.50.

[3] В девятом томе энциклопедии, подписанном в печать 3 декабря 1951 г., напротив словарной статьи «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), ВКП(б)» стояла пометка: «см. Коммунистическая партия СССР».

[4] А. А. Зворыкин (тогдашний зам. главного редактора БСЭ). – *Примеч. С. Вавилова.*

[5] Объединение книжно-журнальных издательств.

[6] Помещение для главной редакции было выделено в здании на Покровском бульваре, д. 8. Здесь редакция находится по сей день.

[7] Энциклопедия печаталась на базе Первой образцовой типографии имени Жданова в Москве.

[8] Статья об участнике российского социал-демократического движения, с 1905 г. — большевике, а с 1917 г. — меньшевике, Григории Алексинском была напечатана во втором томе энциклопедии (с. 94). В десяти строках Алексинский был назван: «мелкобуржуазным попутчиком» из «лагеря контрреволюции», «социал-шовинистом», сотрудником «монархической газеты», выступавшим с «гнусной клеветой» на Ленина и большевиков. Наконец, указывалось, что в 1918 г. он стал белоэмигрантом.

[9] К концу года будет сдан в печать только первый том.

Первый том подписан к печати 15 декабря 1949 г. — подарком к великому семидесятилетию вождя. Последний, 51-й, дополнительный том будет сдан в печать 28 апреля 1958 г. В этом томе заключительное слово «От редакции» не только не упомянет имени Сталина, но даже Ленина и Коммунистическую партию! Говорится лишь об обезличенных «партийных, советских и научных учреждениях». Идеологический догматизм и воинственная ксенофобия отсутствуют на страницах прощального слова, да и последних томов в целом.

Все это только подчеркивало, какой прогресс в деидеологизации, демифологизации и десталинизации прошло советское общество за пятилетие после смерти вождя.

Большинство указаний Сталина по содержанию книг, высказанных вождем в беседе с Вавиловым, выполнено не будет. Начиная с шестого тома стали давать иностранные термины. Из Китая, Албании и других стран народной демократии будет опубликовано всего 200 статей. Из 16 тысяч авторов и 96 тысяч статей поистине мизерное число принадлежало иностранцам. Биографию «большого мерзавца» Наполеона дали, а от указания Сталина дать биографию Троцкого ушли диалектически. Была дана словарная статья «Троцкизм» — по имени «Л.Д. Троцкого — непримиримого врага большевизма». Ни даты рождения, ни смерти, ни расшифровки имени отчества «Иудушки Троцкого» не приводилось. Лишь сообщалось, что «в 1929 г. Троцкий за подпольную антисоветскую деятельность был выслан заграницу» (БСЭ. Т. 43 (13 августа 1956 г.). С. 301—302). В этом шифровальном умолчании хрущевский режим следовал сталинскому наследию.

Однако главной проблемой и самой большой головной болью для руководства БСЭ и ЦК КПСС, который курировал проект, стало содержание статьи «Сталин» для очередного тома энциклопедии. После XX съезда и исторического доклада Хрущева давать биографию вождя в духе «Краткого курса истории ВКП(б)» или более «краткого» «Биографического очерка» было невозможно. Партийное руководство с его вечными шараханьями вправо и влево не могло решиться на что-то определенное даже с формулировками. Кто такой Сталин: видный, выдающийся или великий? Вопрос о статье рассматривался наследниками Сталина на нескольких заседаниях Президиума ЦК. В процессе обсуждения сами наследники один за другим впадали в немилость друг к другу. Приближалось празднование сорокалетия Октябрьской революции, китайские товарищи проявляли нервозность, а восстание в Будапеште ставило на сцену истории декорации миражей бархатных революций, казни Чаушеску и сноса Берлинской стены.

30 сентября 1957 г. переживший все пертурбации Анатолий Зворыкин подает на рассмотрение Суслова проект биографии Сталина для сорокового тома БСЭ. Под пером Суслова характеристики Сталина меняются в очередной раз: он не просто один из виднейших, а «виднейший деятель» и «выдающийся теоретик марксизма-ленинизма». Во фразе «Сталин фактически оказался вне критики» Суслов вычеркивает упоминание о том, что Сталин «отгородился от партии, от народа». 3 октября Зворыкин посылает в ЦК проект биографии Сталина, подготовленный главной редакцией БСЭ и ИМЛ при ЦК КПСС. Выход сорокового тома задержан более чем на полтора года (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1287. Л. 65—85).

Финал статьи, по сути, определит трактовку образа Сталина на тридцать лет вперед, вплоть до горбачевской перестройки, демократизации и гласности: «Предпринятый реакционными империалистическими кругами поход против выдуманного ими самими «сталинизма» на деле является походом против революционного рабочего движения. Выступление ревизионистов против так называемого «сталинизма» также по сути дела является формой борьбы против коренных положений марксизма-ленинизма».

4 ноября 1957 г. Президиум ЦК КПСС постановляет опубликовать биографию Сталина. В эти дни на международном совещании коммунистических партий в Москве Мао Цзэдун заявит, что империализм — это бумажный тигр, а победа социализма в атомной войне — желанна и возможна. Пока же побеждал не социализм, а аппарат. Ведь именно записка Суслова в 1947 г. вызвала сталинское решение начать печатать новую энциклопедию. Десять лет спустя непотопляемый Михаил Андреевич Суслов отредактировал статью о Сталине, ставшую данью памяти главному энциклопедисту советского двадцатого века — века просвещения (опубликовано: Максименков Л. Начинаем работать при большом покровительстве: Об участии И. В. Сталина в подготовке второго издания БСЭ // Источник. 2003. № 4. С. 40—44).

№ 443
ГРИГОРЬЯН — СТАЛИНУ О СОВЕТСКИХ ГОНОРАРАХ БЕРНАРДА ШОУ

2 августа 1949 г.

Копия
Сов. Секретно
Товарищу Сталину

Советский посол в Англии т. Зарубин сообщил, что писатель Бернард Шоу в беседе с сотрудником советского посольства заметил, что он не получает никакого гонорара за свои пьесы, идущие в советских театрах, и за книги, издаваемые в СССР.

Советские издательства опубликовали в 1946 г. однотомник избранных произведений Б. Шоу, а также отдельные его пьесы. В театрах Советского Союза в 1946—1949 г.г. были поставлены пьесы Б. Шоу: «Пигмалион», «Ученик дьявола», «Профессия миссис Уоррен» и другие. Одна из лучших пьес Б. Шоу «Пигмалион» шла более чем в 80 театрах СССР.

По сообщению Государственного издательства художественной литературы Бернарду Шоу мог бы быть выплачен гонорар за выпущенный в 1946 году однотомник избранных произведений в размере 92 тыс. руб. и за постановку пьес в Советском Союзе, по сообщению Комитета по делам искусств, около 750 тыс. руб.

Гонорар Бернарду Шоу, как и другим иностранным авторам, не выплачивался ввиду того, что Россия и Советский Союз не присоединились к Бернской конвенции 1886 г., которой определяется порядок оплаты гонорара писателям при переиздании их книг на иностранных языках в других государствах. Вследствие этого Советский Союз может издавать книги иностранных авторов без их согласия и без оплаты гонорара.

Учитывая заявление Б. Шоу в беседе с сотрудником советского посольства и дружественное отношение Шоу к Советскому Союзу, целесообразно было бы разрешить Государственному издательству художественной литературы и

Управлению по охране авторских прав Союза советских писателей перевести Бернарду Шоу гонорар за издание его произведений и постановку его пьес в советских театрах 10 тыс. фунтов стерлингов (213 тыс. руб.).

Перевод гонорара можно осуществить через ВОКС.

Проект телеграммы тов. Зарубину по этому вопросу прилагается.

Председатель Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б)
В. ГРИГОРЬЯН

2 августа 1949 г.

№ 25-с-3747

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1529. Л. 204. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Копии разосланы Молотову, Берии, Маленкову, Микояну, Кагановичу, Булганину, Косыгину. Пометки рукой Поскребышева: «Послать т. Григорьяна Вышинскому П.», «Утвержден».

В телеграмме послу Зарубину помимо указанных аргументов, переданных в сжатом виде, сообщалось: «Если со стороны Шоу не имеется возражений, он может сообщить адрес и номер текущего счета, на который будет переведен гонорар» (там же, л. 203).

№ 444
ФАДЕЕВ — МОЛОТОВУ О ПРОГРАММЕ ПРЕБЫВАНИЯ В СССР ЛУИ АРАГОНА И ЭЛЬЗЫ ТРИОЛЕ

16 сентября 1949 г.

Секретно
Товарищу МОЛОТОВУ В. М.

Находящийся в Москве вместе со своей женой Эльзой Триоле французский писатель Луи Арагон в беседе со мной рассказал о целях своего приезда в Москву и пожеланиях, которые он хотел бы осуществить за время пребывания у нас.

Кроме встреч с писателями и посещения театров, он желал бы:

1) Выступить в Центральном Доме Литераторов на тему о борьбе за мир. В этом выступлении он намеревается сказать о роли СССР в этой борьбе; о том, как ведется борьба за мир во Франции; рассказать о прогрессивной литературе Франции и значении этой литературы в борьбе за мир.

2) Выступить на открытии декады таджикской литературы. В этом выступлении он хотел бы говорить о дружбе народов в СССР и о положении колониальных народов под гнетом империализма.

3) Встретиться и побеседовать с академиком Лысенко, познакомиться с его работами на опытно-научной станции в Горках.

Луи Арагон — убежденный сторонник теории Лысенко. По его инициативе редакция журнала «Эроп» посвятила теории Лысенко специальный номер, в котором была помещена статья Луи Арагона. Целью этого выпуска была пропаганда учения Лысенко.

4) Совершить поездку по каналу имени 800-летия Москвы (недалеко);

5) посетить Кремль;

6) посмотреть старую архитектуру в г. Загорске и в Архангельском.

Секретариат Союза советских писателей СССР просит разрешения осуществить эту программу пребывания Луи Арагона в Москве.

Генеральный секретарь Союза советских писателей СССР
А. ФАДЕЕВ

Исх. № 366-с
16.IX-49 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 137. Д. 45. Л. 377. Машинописный подлинник. Резолюция Молотова: «Полагаю, что можно разрешить. В. Молотов. 17/9». Подпись Фадеева и резолюция Молотова — автографы.

18 сентября Маленков поручил председателю Внешнеполитической комиссии Григорьяну ознакомиться с письмом Фадеева и продумать меры по его реализации.

№ 445
ФАДЕЕВ — СТАЛИНУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕМИЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

11 ноября 1949 г.

В ЦК ВКП(б)
Товарищу Сталину И. В.

Прошу вновь рассмотреть вопрос о возможности и целесообразности учреждения международных премий Советского Союза за достижения прогрессивной науки, искусства и литературы во всех странах мира.

За последние годы мне приходилось много общаться с прогрессивными деятелями культуры разных стран, и мне кажется, что учреждение международных премий Советского Союза теперь особенно подчеркивает ведущее место СССР в культурном развитии человечества и послужит делу объединения и сплочения действительно прогрессивных людей разных стран вокруг СССР.

Следует отметить, что Нобелевские премии последних лет все более наглядно свидетельствуют об угодничестве людей, распоряжающихся этими премиями, перед англо-американскими империалистами.

Учрежденная ныне Постоянным комитетом Всемирного Конгресса сторонников мира международная премия мира не может — ни по характеру присуждения, ни по своим масштабам — приобрести такое всемирно-политическое значение, какое могла бы иметь международная премия Советского Союза.

Что касается нашего влияния на деятелей стран народной демократии и Китайской народной республики, то учреждение международной премии Советского Союза может особенно наглядно показать им, что Советский Союз является истинным другом и покровителем их национальной культуры, отечески заботящимся о ее прогрессивном развитии. Это тем более важно, что на устраиваемых до сих пор международных кинофестивалях, международных конкурсах музыкантов-исполнителей и на всякого рода спортивных соревнованиях мы выступаем, главным образом, как сила конкурирующая и благодаря нашему явному превосходству неизменно занимаем первые места, занимаем их в таком изобилии, что многие достижения стран народной демократии оказываются попросту вытесненными нашими достижениями.

По всем этим соображениям я вновь выдвигаю вопрос о необходимости учреждения международной премии Советского Союза за достижения прогрессивной науки, искусства и литературы во всех странах мира[1].

А. ФАДЕЕВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1377. Л. 2—3. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

[1] 15 декабря 1949 г. Сталин правит текст Указа Президиума Верховного Совета СССР об учреждении международных Сталинских премий. Сталин дописывает, что лауреатом могут быть граждане любой страны «независимо от их политических, религиозных и расовых различий». Денежная премия — сто тысяч рублей, диплом и золотая нагрудная медаль с изображением Сталина. Специальный комитет по награждениям образуется Президиумом ВС СССР из представителей демократических сил различных стран мира. Премии решено присуждать 21 декабря каждого года. Первые премии — в 1950 г. (прот. № 72, п. 37. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1538. Л. 94. Текст «В политбюро ЦК ВКП(б)» начинался словами: «Вносим на утверждение...»).

№ 446
КРУЖКОВ — ПОСКРЕБЫШЕВУ ОБ АЛЬМАНАХЕ «ГОД XXXII» И БОРИС ГОРБАТОВ — ПОСКРЕБЫШЕВУ О СЦЕНАРИИ «БИТВА ЗА УГОЛЬ»

16 декабря 1949 г.

Тов. Поскребышеву А. Н.

В письме на Ваше имя редакция альманаха «Год XXXII» просит Вашего разрешения на опубликование в альманахе сценария Б. Горбатова «Битва за уголь» и статьи А. Самойлова «Их направлял Сталин».

В сценарий Б. Горбатова были внесены исправления согласно указанию Отдела пропаганды; в настоящем виде сценарий можно было бы опубликовать.

В статье Самойлова «Их направлял Сталин» приводятся беседы товарища Сталина с работниками авиационной промышленности, а также материалы о советской авиационной промышленности.

Фамилия Самойлова — псевдоним. Автор статьи — Магид, журналист, в свое время снятый с работы в «Правде».

Ряд материалов, которые он приводит, нигде не опубликовывались, и, вероятно, нет необходимости в их публикации. Таковы, например, материалы на стр. 102—103, 106, 108 и др.

В ряде мест статья превращается в апологию бывшего директора завода Шенкмана. Неоднократно автор ссылается и на бывшего директора авиазавода т. Третьякова, получившего в последнее время строгое партийное взыскание.

В целом статья не дает полного и верного представления о той значительной роли, которую сыграл товарищ Сталин в деле нашего самолетостроения. Публиковать ее было бы нецелесообразно.

В. КРУЖКОВ

16.12.49

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1531. Л. 1. Машинописный подлинник. Резолюции и подписи — автографы.

Этапы прохождения бумаги в аппарате. Поскребышев: «На окончательное решение агитпропа». Кружков: «Т. Шепилову. К исполнению по предложениям в письме. В. Кружков». 29 декабря Кружков: «В Архив. Исполнено».

БОРИС ГОРБАТОВ – ПОСКРЕБЫШЕВУ

Уважаемый Александр Николаевич!

Редакция альманаха «Год XXXII» решила опубликовать сценарий «Битва за уголь», написанный мною, совместно с т. В. Алексеевым. Этот сценарий принят Художественным Советом Министерства Кинематографии СССР, одобрен Министерством Угольной Промышленности СССР и включен в план производства фильмов (согласно решению СМ СССР). Сейчас начата уже подготовка к съемке фильма.

В этом сценарии есть несколько сцен, в которых действует товарищ Сталин и члены Политбюро. Эти сцены отмечены в тексте красным карандашом.

Прошу Вас, Александр Николаевич, апробировать печатание сценария, в том, разумеется, случае, если он покажется Вам удовлетворительным.

С искренним уважением

БОРИС ГОРБАТОВ

Там же. Л. 2. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

15 декабря 1949 г. ответственный редактор альманаха Б. Галин переслал оба материала, о которых идет речь, Поскребышеву: «Эти материалы направлялись нами в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), откуда последовало указание внести ряд исправлений и направить сценарий и статью непосредственно Вам. Все исправления сделаны». Поскребышев переслал материалы Кружкову (там же, л. 3).

Приведем несколько фрагментов из сценария: «Кремль. Вокруг Сталина и членов Политбюро сидят знатные шахтеры нашей страны. Люди пытаются сидеть неподвижно перед фотоаппаратом, но их взволнованные взгляды невольно обращены в сторону вождя народов, разговаривающего со Степаном Павловичем Недолей.

Сталин. Так вы говорили, товарищ Недоля, что вам сорок восемь лет?

Недоля. Сорок восемь, товарищ Сталин... в июле стукнет.

Хрущев. И из них, товарищ Сталин, тридцать семь лет на шахтах Донбасса.

Недоля. Точно, Никита Сергеевич... три дюжины лет»...

И возникает новая фотография.

Донбасская железнодорожная станция со следами недавних боев и пожарищ. На путях, против обломков разрушенной станции, стоит эшелон. На деревянных дверцах теплушек выведено «Красноармейск», «Чистяково», «Боково – Антрацит» и т. д. На переднем плане – генерал-лейтенант Хрущев пожимает руку Степана Павловича Недоли. Фотография оживает, и сразу становится слышным гул голосов, гудки паровозов и звуки духового оркестра.

Хрущев. Из Караганды?

Недоля. Из Караганды, Никита Сергеевич!

Хрущев. Видел, что здесь враги наделали?

Недоля. Глаза бы мои лучше не смотрели – живого места не осталось...

Хрущев (*улыбаясь*). Что же теперь будем делать, Степан Павлович?

Недоля. Восстанавливать начнем, Никита Сергеевич, я так думаю. А? Рук своих не пожалеем, а будет наш Донбасс такой же, как и раньше был!

Хрущев. Нет, таким он не будет! Не должен быть таким! Богаче и красивее должен быть и будет наш родной Донбасс! Нам, Степан Петрович, вся страна помогает! <...>» (с. 15–16 сценария).

«И сразу – яркий, солнечный летний день. Москва. Кремль. Кабинет Л. П. Берия. В группе приглашенных к товарищу Берия горняков мы узнаем министра, старого Недолю, навалоотбойщика Серегина, Васю и многих других донбассовцев. Через раскрытые окна кабинета едва слышен шум Москвы. Товарищ Берия беседует с рабочими.

Берия. Сегодняшняя встреча с Вами, товарищи, еще раз подтвердила пророческие слова товарища Сталина, что придет такое время, когда в нашей стране исчезнут грани между физическим и умственным трудом!..» и т. д. (там же, с. 76).

№ 447
ГЕВОРК ЭМИН — ПОСКРЕБЫШЕВУ О СВОЕЙ ПОЭМЕ «ОТЕЦ»

21 декабря 1949 г. (не ранее)

Уважаемый товарищ Поскребышев!

К Вам обращается молодой армянский поэт Геворк Эмин. Я очень хорошо знаю, до какой степени Вы заняты, и все-таки я решил обратиться к Вам как к человеку, который имеет счастье находиться близко от Иосифа Виссарионовича Сталина и сможет дать мне ответ на вопрос, интересующий меня.

Я написал эту небольшую поэму, и ни я, ни читавшие ее товарищи, отнесшиеся хорошо к моей работе, не знаем — удобно ли такое личное обращение к сыну товарища Сталина[1].

Если бы Вы были так добры и сообщили мне свое мнение об этом, я был бы Вам бесконечно благодарен.

Прошу прощенья за свою смелость.

ГЕВОРК ЭМИН

Мой адрес: Москва, Спартаковская улица, д. 19, кв. 32.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1531. Л. 70. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Пометка рукой Поскребышева: «т. Кружкову». Пометка рукой Кружкова от 21 декабря 1949 г.: «В архив».

[1] Фрагмент из поэмы «Отец». Первая глава — «Рассказ отца 4 ноября 1920 г.». Третья глава посвящена «Василию Сталину».

Так твой отец меня укрыл от смерти
И моего отца он спас тогда же.
Вдруг услыхав — «Сын Сталина — Василий».
Прости, но мы тебе не уступаем
Такого счастья, нет, нам это не по силе, —
Его отцом мы тоже называем!

Отметка о публикации поэмы отсутствует.

№ 448
ЭРЕНБУРГ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ РАЗРЕШИТЬ ТВОРЧЕСКУЮ КОМАНДИРОВКУ ЗА ГРАНИЦУ

2 января 1950 г.

2 января 1950

Дорогой Иосиф Виссарионович,

простите, что решаюсь побеспокоить Вас просьбой, связанной с моей работой.

Я работаю над продолжением «Бури». На судьбах различных героев этой книги — советских людей, французов, американцев, немцев — я хочу показать историю послевоенных лет, борьбу за мир. Поездка в США в 1946 г. позволяет мне дать ряд американских глав[1]. Но мне не хватает материала для су-

щественной части романа, протекающей во Франции (во время Парижского конгресса я провел там всего десять дней)[2]. Поэтому я прошу разрешить мне поехать на полтора-два месяца во Францию и на две-три недели в Берлин. Если почему-либо невозможно во Францию, в одну из соседних с ней стран (Бельгию, Италию, Швейцарию), где я мог бы собрать материал.

Я осмелился Вас этим потревожить, потому что без такой поездки мне пришлось бы отказаться от книги, над планом которой я работаю последнее время.

Я не могу закончить это письмо, не высказав Вам того, о чем мы все сейчас думаем: не пожелав Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, здоровья и счастья.

С глубоким уважением

И. ЭРЕНБУРГ

РГАСПИ. Ф 558. Оп. 11. Д. 833. Л. 24. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Резолюция Сталина: «удовлетворить».

Опубликовано: «Я не понимаю литературы равнодушной» // Источник. 1997. № 2. С. 117—118.

[1] 11 апреля 1946 г. Политбюро приняло решение «О поездке в США т.т. Галактионова, Эренбурга и Симонова». Рукой Сталина написан пункт постановления: «Выдать на расходы уезжающих в США представителей советской прессы по 10 тыс. долларов, не считая расходов на поездку» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1481. Л. 299).

[2] 8 апреля 1949 г. Политбюро утвердило состав советской делегации на так называемый «Всемирный Конгресс Сторонников Мира» в Париже. В многочисленную делегацию вошли композитор Д. Д. Шостакович, кинорежиссер Г. В. Александров, балетмейстер И. А. Моисеев, писатели К. М. Симонов и И. Г. Эренбург. «Бюро делегации» возглавили: А. А. Фадеев (руководитель делегации) и философ П. Н. Федосеев (секретарь делегации). 6 апреля Молотов сообщил Сталину: «По рекомендации тов. Федотова П. В. от Комитета информации в состав делегации включаются т.т. Андреев и Порошин». В текст решения Политбюро также отдельной группой включались иерархи РПЦ (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1523. Л. 57). Однако в Париж поехали только Эренбург, академик Волгин, прообраз «настоящего человека» из повести Бориса Полевого — Алексей Маресьев, Л. Т. Космодемьянская (мать двух героев Советского Союза и автор воспоминаний в литературной записи Фриды Вигдоровой «Повесть о Зое и Шуре») и таджикский поэт Мирзо Турсун-заде. «Правда» сообщила, что «остальным членам делегации французское правительство отказало в предоставлении въездных виз» (19 апреля 1949 г.).

В начале октября 1949 г. Политбюро рассматривало вопрос «О посылке советских делегатов на бельгийский съезд в защиту мира». Учитывая любовь королевы Бельгии Елизаветы к советской музыке и к советским музыкантам, в делегацию помимо Фадеева и Эренбурга, включили скрипача Давида Ойстраха. Но ЦК оценил ситуацию по-иному: «Ввиду того, что т. Фадеев находится в настояшее время в Китае, а посылка делегации в составе т. т. Эренбурга и Ойстраха нецелесообразна, считаем возможным не направлять в Брюссель советскую делегацию, а ограничиться посылкой приветственной телеграммы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1532. Л. 188). В условиях обострения государственной антисемитской кампании по борьбе с космополитизмом запрет на поездку в капиталистическую страну двух «лиц еврейской национальности» виделся логичным решением. С другой стороны, он свидетельствовал о некоторой шаткости положения самого Эренбурга. Отныне на него падала тень «невыездного». Дождавшись окончания грандиозных торжеств по случаю семидесятилетнего юбилея Сталина, он лично обращается с данным письмом к вождю в надежде укрепить свой номенклатурный статус. Маневр оказывается успешным.

3 января 1950 г. Политбюро оформило резолюцию Сталина своим решением: «Удовлетворить просьбу писателя И. Эренбурга о разрешении ему поездки во Фран-

цию на 1,5—2 месяца и на 2—3 недели в Берлин для работы над продолжением романа «Буря» (см.: Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. С. 659). В подлиннике протокола заседания Политбюро решение написано рукой Поскребышева, который увязал сталинское «удовлетворить» с текстом письма (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1539. Л. 56). Французское правительство в визе Эренбургу отказало. Материал к роману писатель собирал в Бельгии и Швейцарии.

№ 449
ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ — СТАЛИНУ О НАЧАЛЕ РАБОТЫ НАД ФИЛЬМОМ «НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919-й»

20 января 1950 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Михаил Чиаурели сообщил мне Ваши отзывы о моей пьесе «Незабываемый 1919-й». Глубоко Вас благодарю.

Я приступаю с Михаилом Чиаурели к работе над фильмом «Незабываемый 1919-й». Прошу Вас принять меня для беседы, которая позволит углубить и расширить разработку названной темы.

С глубоким уважением

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

Лаврушинский переулок, д. 17, кв. 46
Тел. В 1-96-65.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 717. Л. 116. Рукописный подлинник.
Там же. Л. 117. Машинописная копия.

№ 450
МАРИЭТТА ШАГИНЯН — СТАЛИНУ О НОВОМ ИЗДАНИИ РОМАНА «ГИДРОЦЕНТРАЛЬ»

1 февраля 1950 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович, посылаю Вам только что вышедшую в юбилейной серии «Гидроцентраль»: это и старая, и новая книга. Для того, чтоб можно было ее переиздать, я написала 75% текста заново. Правка шла не за счет простой вставки новых кусков в старый текст, а за счет углубления всего романа, писанного 20 лет назад, — новым, накопленным мною опытом; я поставила себе задачей ярче и конкретней раскрыть основную тему романа, — тему критики и самокритики, как разрешения противоречий нашей действительности; отсюда выросла необходимость дать исторически точнее, глубже и конкретней историческую обстановку (28 год), углубить и раскрыть образы партийных работников, снять устаревшую шелуху сюжетной выдумки. Переработка велась в этом направлении и взяла у меня 11 месяцев напряженнейшего труда. Книга вышла в начале 1949 года в Гослитиздате и сейчас выходит новым изданием в «Советском писателе». Но, несмотря на необычность такой большой правки в нашей писательской среде и в то же время ее насущную необходимость (ведь за последнее время стало ясно, что надо переработать много новых книг, среди них — «Молодую гвардию» Фадеева, «За власть советов» Катаева, «Дым отечества» Симонова и т. д.), — опыт переработки, произведенный мною, не заинтересовал никого из критиков. Я ходила в «Правду»,

«Известия», «Литгазету», журналы, показывала черновики правки, говорила о принципиально важном для нас вопросе — правильно решить задачи такой правки, о важности критического разбора возможных ошибок, какие могут оказаться в моей работе, или удач, которые могут иметь профессиональное значение для всех нас, но все это по несколько месяцев лежало в редакциях (черновики и оба варианта для сравнения), а просьбы мои остались безответными. Между тем они имели в виду общую пользу для дела.

Дорогой Иосиф Виссарионович, 20 лет назад Ваше письмо спасло «Гидроцентраль» из-под сукна издателей, где она лежала в бездействии[1]. Это письмо дало мне силы и веру в себя для создания нового текста «Гидроцентрали». Прошу Вас опять — прочтите мой труд (ведь это — лучшее из всего, что я сумела сделать за всю жизнь), не дайте ему остаться нераскрытым, непроанализированным и потому — остающимся бесполезным для развития советской литературы.

Ваша МАРИЭТТА ШАГИНЯН

2.50 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 830. Л. 42—43. Рукописный подлинник. Пометка рукой Поскребышева: «пер.».

[1] См. документ № 158.

№ 451
ЛЯШКО — ПОСКРЕБЫШЕВУ О СУДЬБЕ СВОЕГО РАССКАЗА

28 февраля 1950 г.

Дорогой Александр Николаевич!

Минул светлый праздник трудящихся всего мира — семидесятилетие Иосифа Виссарионовича, — а мой рассказ «Кирик и Аленка», написанный мною для этого праздника, трудящиеся так и не смогли ни прочитать, ни услышать по радио. Целый десяток редакций и радиовещание приняли меры к тому, чтобы он не увидел света. Мне до слез горько было в больнице, что я со всеми трудящимися в дни праздника не мог выразить своего чувства любви к Иосифу Виссарионовичу. Но тепло, с каким я писал названный рассказ и переживал свою неудачу с ним, подсказали мне выход: я вспомнил годы, проведенные мною в царской ссылке, под Москвой надрал бересты, наделал из нее берестяной бумаги и на ней, борясь со слабостью тронутой болезнью левой руки, переписал для Иосиф Виссарионовича весь рассказ.

Взгляните на книжечку, что лежит в прилагаемом конверте. Верю, Вы поймете меня и передадите мой подарок Иосиф Виссарионовичу.

В заключение поздравляю Вас с успехом: Ваша статья в 1-ом номере журнала «Большевик» — заметный вклад в дело изучения жизни и деятельности Иосифа Виссарионовича — встречена писателями-коммунистами с радостью и вниманием[1].

Желаю Вам крепости, здоровья и сил.

Крепко жму руку

Ваш Н. ЛЯШКО

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1536. Л. 91. Машинописный подлинник. Подпись и последняя фраза — автографы. Резолюция Поскребышева: «Т. Кружкову».

[1] Программная статья А. Поскребышева «И. В. Сталин — великий учитель и друг трудящихся» опубликована в № 1 журнала «Большевик» (январь 1950 г., с. 17—39).

Из заключения В. Кружкова от 20 марта 1950 г.: «Как сообщила редакция журнала «Молодой колхозник» (т. Акинфов), т. Ляшко были высказаны пожелания доработать рассказ, устранив в нем недостатки. Однако т. Ляшко отказался выполнить требование редакции» (там же, л. 90).

№ 452
ЛЕОНИД ЛЕНЧ — ПОСКРЕБЫШЕВУ О СВОЕМ РАССКАЗЕ «ДОРОГОЙ ГОСТЬ»

1 марта 1950 г. (дата регистрации)

Уважаемый товарищ Поскребышев!

Я написал рассказ «Дорогой гость»[1], в котором попытался выразить горячую и трогательную любовь простых людей к товарищу Сталину.

Убедительно прошу Вас лично познакомиться с рассказом и сообщить мне, могу ли я дать этот рассказ в печать и может ли артистка Малого театра, заслуженная артистка РСФСР Л. В. Орлова, рассчитывать на получение разрешения исполнять этот рассказ с эстрады, в частности, на концертах на избирательных участках.

С глубоким уважением:

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1536. Л. 84. Машинописный подлинник. Пометка: «Л. С. Ленч (Попов)». Резолюция Логинова: «тов. Кружкову».

[1] Приведем финал рассказа старой русской женщины о встрече со Сталиным, который путешествовал по Подмосковью на машине. Ванюша прибегает к бабушке. «Бабушка, — кричит, — я сейчас с товарищем Сталиным на машине катался!» Бабушка побежала на сельскую площадь и действительно увидела Сталина.

«Я смутилась.

— Ничего, говорю, я такого не делаю, Иосиф Виссарионович! Живу, небо копчу!..

А он положил свою руку Ванюшке на голову и говорит:

— Вы нового советского гражданина воспитываете, а это уже большое дело! Ведь для нас человек — самый драгоценный капитал. Спасибо вам, Прасковья Дмитриевна, за Ваню Бессмертнова...

Сказал и уехал...

Народ не расходится, расспрашивает меня, поздравляет... Я отвечаю, а сама думаю: «Как же это все получилось?.. Мечтала ему спасибо сказать, а Он — сам приехал и сам мне спасибо сказал!..»

А Сталинский гостинец мы спрятали и храним как самое дорогое в доме» (там же, л. 89).

№ 453
КРУЖКОВ — ПОСКРЕБЫШЕВУ О РАССКАЗЕ ЛЕНЧА

20 марта 1950 г.

Тов. Поскребышеву А. Н.

В письме на Ваше имя писатель т. Ленч просит познакомиться с рассказом «Дорогой гость» и разрешить его печатание и эстрадное исполнение.

Рассказ «Дорогой гость» ведется от лица старушки-пенсионерки, которая случайно встретилась с товарищем Сталиным.

Рассказ носит сугубо «эстрадный» характер в плохом смысле этого слова. Автор стремится насмешить публику любыми средствами. Отсюда надуманность как ситуаций, так и языка рассказа. Образ товарища Сталина не раскрыт совершенно.

Разрешить печатать и исполнять на эстраде рассказ Л. Ленча «Дорогой гость» в представленном виде было бы нецелесообразно.

В. КРУЖКОВ

20.3.50 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1536. Л. 83. Машинописный подлинник. Пометка рукой Поскребышева: «т. Кружкову. Согласен. П.».

№ 454
ЛАХУТИ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ О ПРИЕМЕ

13 апреля 1950 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович.

Уже более тринадцати лет я испытываю жесточайшие страдания, не зная за собой вины.

Обращаюсь к Вам с просьбой принять меня лично на несколько минут.

Подписываюсь под своей готовностью понести тягчайшую кару, какой заслуживает человек, обманывающий партию и вождя, если после этих нескольких минут беседы Вы найдете, что для меня оставалась малейшая возможность добиться справедливости без того, чтобы отнимать время у Вас.

13 апреля 1950 г. *ЛАХУТИ*

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 760. Л. 41. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 455
ГРИГОРЬЯН — СТАЛИНУ О ЖЕЛАНИИ АНГЛИЧАНИНА ПРИТТА ПОСЕТИТЬ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО

12 сентября 1950 г.

Копия
Сов. секретно
Товарищу Сталину

Находящийся в Советском Союзе председатель английского общества культурной связи с СССР Д. Н. Притт просит Правление ВОКС оказать содействие в посещении одного из исправительно-трудовых лагерей.

Свою просьбу Д. Н. Притт мотивирует необходимостью издать в Англии книгу, разоблачающую клеветнические измышления англо-американской пропаганды о принудительном труде в СССР.

Д. Н. Притт сообщил, что он в 1936 г. посещал исправительно-трудовые лагеря в Советском Союзе, после чего написал книгу, которая была издана на восьми языках и сыграла положительную роль.

Правление ВОКС (тов. Денисов) обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить Д. Н. Притту посетить один из исправительно-трудовых лагерей СССР.

Министерство Внутренних Дел СССР (тов. Круглов) сообщило, что оно имеет возможность предоставить для осмотра Крюковскую исправительно-трудовую колонию (Московская область). Тов. Круглов сообщил тов. Суслову М. А., что Крюковская колония находится в хорошем состоянии и надлежащий показ будет обеспечен.

Считаю возможным удовлетворить просьбу Правления ВОКС.

Проект постановления ЦК ВКП(б) прилагается.

Прошу рассмотреть.

Председатель Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б)
В. ГРИГОРЬЯН

12 сентября 1950 года

Копии разосланы товарищам:
Маленкову, Молотову, Берия, Микояну, Кагановичу, Булганину, Хрущеву
№ 25-С-1613

П77/382 16.9-50 г.
Сов. секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б)
О ПОСЕЩЕНИИ Д. Н. ПРИТТОМ КРЮКОВСКОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ

Разрешить Министерству Внутренних Дел СССР (тов. Круглову) предоставить возможность председателю английского общества культурной связи с СССР Д. Н. Притту[1] осмотреть Крюковскую исправительно-трудовую колонию МВД.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1561. Л. 71—72. Машинописный подлинник. Подпись Григорьяна — автограф.

[1] Деннис Новел Притт был автором в том числе следующих книг: «Закон, класс и общество» (Law, class and society), «Нераскаявшиеся агрессоры: анализ западногерманской политики» (Unrepentant aggressors: an examination of West German policies) (1969), «Лейбористское правительство 1945—1951 г.г.» (The Labour government, 1945—1951) (1964), «Госдепартамент США и холодная война. Комментарий к публикации Госдепа «Нацистско-советские отношения» 1939—1941 гг.» (The State Department and the cold war; a commentary on its publication, «Nazi-Soviet relations, 1939—1941»), «Дело Мосли» (The Mosley case), «Падение Французской республики» (The fall of the French Republic). Сталинской России Притт посвятил, по крайней мере, три книги: «Свет над Москвой. Анализ советской политики с новой главой о Финляндии» (Light on Moscow; soviet policy analysed, with a new chapter on Finland), «На Московском процессе» (At the Moscow trial), «Суд над Зиновьевым» (The Zinoviev trial).

№ 456
СУСЛОВ, ФАДЕЕВ И ДРУГИЕ — СТАЛИНУ «О СЕРЬЕЗНЫХ ИЗВРАЩЕНИЯХ В ОПЛАТЕ ТРУДА АВТОРОВ ЗА ПУБЛИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ» И ПРОЕКТЫ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

17 октября 1950 г.

Копия
Товарищу СТАЛИНУ

Комиссия по поручению Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрела вопрос о серьезных извращениях в оплате труда авторов за публичное исполнение их драматических и музыкальных произведений и представляет на Ваше рассмотрение соответствующий проект постановления.

Оплата труда авторов драматических и музыкальных произведений складывается главным образом из процентных отчислений со сборов за публичное исполнение произведений.

Действующая в настоящее время система процентных отчислений предусматривает выплату драматургам, переводчикам и инсценировщикам за публичное исполнение их произведений 1,5 процента со сбора за каждый акт пьесы, идущей в театрах РСФСР, независимо от общего количества осуществленных постановок. В среднем за пьесу автор получает от 4,5 до 7,5 процента с валового сбора. Оперным композиторам в большинстве республик за 4-актную оперу выплачивается 5,25 процента от сбора, либреттистам — 2,75 процента; авторам симфонических и камерных произведений — 2 процента, авторам текстов и музыки массовых песен — по 1,5 процента. Такие отчисления авторы получают пожизненно, а после их смерти отчисления в течение 15 лет получают наследники.

Существующая система авторских процентных отчислений введена инструкциями Наркомпросов союзных республик свыше 25 лет тому назад и в настоящее время устарела.

Установленное пожизненное (с правом наследования) процентное отчисление дает возможность некоторым авторам получать в течение многих лет большие суммы гонорара за одно и то же произведение. Поактная же выплата гонорара приводит к тому, что авторы стремятся создать сценические произведения с возможно большим количеством актов, руководствуясь при этом не художественными соображениями, а интересами личной наживы.

Сложившаяся практика процентных отчислений приводила к непомерному обогащению отдельных драматургов, переводчиков и инсценировщиков. Так, драматург Барянов за публичное исполнение написанной им пьесы «На той стороне» получил только в 1949 году около миллиона (920,7 тыс.) рублей процентных отчислений. Драматург Софронов в том же году получил 642,5 тыс. рублей, братья Тур — 759 тыс. рублей. Писатель Симонов получил процентных отчислений за четыре последних года около 2.500 тыс. рублей; драматург Лавренев — около 1.200 тыс. рублей.

Получая из года в год за исполнение своих произведений огромные суммы, некоторые авторы перестают работать над повышением своего мастерства и не создают новых высокохудожественных драматургических произведений.

Еще большие извращения существуют в оплате труда переводчиков и инсценировщиков, которые получают процентные отчисления наравне с автора-

ми оригинальных произведений. Так, переводчица Мингулина за перевод пьесы «Глубокие корни» в течение трех последних лет получила 810 тыс. руб., Рубинштейн за переводы и переделки венских оперетт – 670 тыс. руб., переводчица Зубова за перевод «Пигмалиона» Б.Шоу получила за последние четыре года 588 тыс. руб., переводчик Желябужский за инсценировку романа «Овод» Войнича за два с половиной года – 650 тыс. рублей. Авторы слегка подновленного перевода либретто оперетты «Марица» – Спиро, Цензор и Ярон за три года получили 450 тыс. рублей. Автору инсценировок Волкову («Анна Каренина» и др.) за последние три с половиной года выплачено отчислений свыше миллиона рублей; Щепкиной-Куперник за переводы нескольких произведений Шекспира и Шиллера за последние четыре с половиной года выплачено в виде процентных отчислений около 1.300 тыс. рублей.

Переводами пьес, либретто опер и музыкальных комедий зачастую занимаются малоквалифицированные люди, во многих случаях даже не знающие иностранных языков. Пользуясь существующими старыми переводами, они вносят в них незначительные изменения и становятся авторами и соавторами произведений, получая большие суммы по процентным отчислениям. Эта группа авторов, не обладая талантами и способностями к созданию оригинальных произведений и занимаясь переделками переводов и инсценировками, зачастую низкого качества, ведет паразитическое существование за счет государства. Так, например, некий Архипов (Зайцев), не зная ни одного иностранного языка, получил крупные суммы за незначительные и ненужные переделки переводов пьес К. Гольдони «Слуга двух господ», «Трактирщица», пьес Шиллера «Коварство и любовь», «Разбойники» и других. Ежегодно выплачиваются сотни тысяч рублей процентных отчислений за недоброкачественные переводы Е. Геркену, В. Эльтону, Л. Сегаль, В. Марковичу и другим халтурщикам и бракоделам.

Существующая система процентных отчислений в то же время ущемляет интересы драматургов и композиторов тех союзных республик, в которых имеется сравнительно небольшая сеть театрально-зрелищных учреждений.

При нынешней системе оплаты авторского труда не стимулируется также творчество в области оперной и симфонической музыки, т. к. оперные и симфонические произведения исполняются значительно реже, чем произведения легкой, развлекательной музыки. Вследствие этого, например, композитор Шостакович за созданное им высокоидейное и художественное произведение – кантату «Песнь о лесах» получил авторских процентных отчислений за год только 144 рубля и 10 тыс. рублей за ее издание, в то время как авторы легкой, развлекательной музыки получают большие суммы авторских отчислений.

Всесоюзное управление по охране авторских прав проводит антигосударственную практику, выражающуюся в незаконной выплате авторского гонорара, в поддержке различного рода литературных халтурщиков из числа переводчиков и инсценировщиков. Директор управления Г. Хесин (1904 года рождения, член ВКП(б) с 1931 года, образование среднее), работая в этой должности с 1937 года, представляет из себя ловкого «дельца», сжившегося с лицами, примазавшимися к литературе, защищающего интересы рвачей, вымогателей и проходимцев.

Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР и его Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром на протяжении многих

лет вместо того, чтобы пресекать деятельность литературных халтурщиков и разрешать к публичному исполнению только наиболее высококачественные переводы произведений иностранных авторов, разрешал всякого рода неполноценные «переводы» и «переработки» существующих переводов, чем способствовал засорению репертуара театров и обогащению ловких дельцов.

Секретариат Союза советских писателей СССР пустил на самотек деятельность Управления по охране авторских прав, относился терпимо к пребыванию на посту директора управления Г. Хесина и, имея сигналы о творящихся в Управлении безобразиях, не принял мер к наведению порядка, к укреплению аппарата управления проверенными кадрами. У отдельных писателей-драматургов, занимающих руководящее положение в Союзе советских писателей (т.т. Симонов, Софронов, Лавренев), получивших из авторских отчислений большие суммы, создались с работниками Управления по охране авторских прав приятельские отношения, в силу чего они оказались не в состоянии объективно оценить грубые извращения в сложившейся практике выплаты авторского гонорара за литературно-драматические и музыкальные произведения.

В представляемом на Ваше рассмотрение проекте постановления ЦК ВКП(б) и проекте постановления Совета Министров СССР предусматриваются мероприятия по ликвидации извращений в оплате труда авторов драматических и музыкальных произведений и наведению порядка в этом деле. Основные из них следующие:

Отменяется существующая система процентных отчислений с валового сбора в театрально-зрелищных предприятиях в пользу авторов.

Вводится система единовременного авторского вознаграждения за драматические и музыкальные произведения в зависимости от их идейно-художественного качества. В связи с этим разработаны новые ставки авторского гонорара за музыкальные и драматические произведения, которые исключают возможность обогащения отдельных авторов и вместе с тем создают необходимые условия для творческой работы драматургов и композиторов.

Вводится дополнительная поощрительная оплата авторам в зависимости от идейно-художественной ценности произведения и его общественного признания.

При новой системе авторского вознаграждения драматургов и композиторов даже самые высокие заработки авторов не будут превышать 150—200 тыс. руб. в год за одну пьесу и 150—250 тыс. руб. в год за одну оперу. Если пьеса, опера, оперетта получат широкое распространение в репертуаре театров, автор в последующие годы может получить дополнительное поощрение в размерах: за первые два года — 50 процентов к основной ставке; за следующие два года — 20 процентов к основной ставке и за последующие 6 лет — 30 процентов ставки. По истечении 10 лет с момента постановки пьесы, оперы или оперетты в театрах выплата дополнительного денежного вознаграждения автору прекращается.

При новой системе ликвидируется уравниловка в оплате труда авторов оригинальных произведений и авторов переводов и инсценировок. Заработки переводчиков и инсценировщиков сократятся в несколько раз и будут значительно меньше заработков авторов оригинальных произведений. Так, например, переводчица Мингулина, получившая по авторским отчислениям за три года за переведенную ею пьесу «Глубокие корни» 810 тысяч рублей, при проектируемой единовременной оплате получила бы от 10 до 30 тыс. руб. Инсце-

нировщик Желябужский за инсценировку романа «Овод» получил бы единовременный гонорар даже по высшим ставкам в размере не более 30— 60 тыс. руб., вместо полученных им фактически только в 1949 году 393 тыс. руб. авторских отчислений.

При новой системе предполагается стимулировать композиторов, работающих в области оперной и симфонической музыки, а также драматургов детских театров и несколько поднять оплату их труда.

В связи с тем, что до настоящего времени не существует утвержденных Правительством ставок оплаты за издание музыкальных произведений и в этом деле нет должного порядка, разработаны новые ставки авторского вознаграждения за издание музыкальных произведений. При новой системе расчетов с авторами драматических и музыкальных произведений возрастает ответственность Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР и его учреждений на местах за развитие драматического и музыкального искусства в стране, в частности, за репертуар театров и концертных организаций.

Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР, Комитетам и Управлениям по делам искусств союзных республик, Управлениям по делам искусств автономных республик и областей, а также театрам, музыкальным коллективам и концертным организациям по списку, утвержденному Советом Министров СССР по представлению Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, предоставляется право приобретения от авторов драматических и музыкальных произведений.

Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР, Комитетам и Управлениям по делам искусств союзных и автономных республик, а также театрам, музыкальным коллективам и концертным организациям союзного подчинения разрешается заключать предварительные соглашения с авторами на создание драматических и музыкальных произведений и выдавать авторам по этим соглашениям авансы в размере 25 процентов гонорара.

При старой системе оплаты авторского труда все театрально-зрелищные и культурно-просветительные учреждения, проводившие спектакли и концерты, отчисляли в пользу авторов соответствующие проценты со сборов, составившие, например, в 1949 году 35 миллионов рублей. Из этой суммы непосредственно авторам было выплачено 28.300 тыс. руб., перечислено в Литературный и Музыкальный фонды СССР 4.200 тыс. рублей и истрачено на содержание аппарата Управления по охране авторских прав 2.500 тыс. рублей. Кроме процентных отчислений со сборов авторам драматических и музыкальных произведений было выплачено в 1949 году Комитетом по делам искусств и его учреждениями по договорам и заказам на новые произведения 13.800 тыс. рублей. Следовательно, всего в 1949 году авторам было выплачено 42.100 тысяч рублей.

При новой системе оплаты авторского труда предполагается отменить взимание с театрально-зрелищных предприятий и культурно-просветительных учреждений процентных отчислений в пользу авторов. Комитету по делам искусств ежегодно из государственного бюджета будут выделяться необходимые ассигнования на приобретение у авторов драматических и музыкальных произведений. В 1951 году намечается выделить на эти цели 38 миллионов рублей. В связи с этим Министерство финансов СССР предусмотрит в планах и сметах Комитета по делам искусств соответствующее сокращение ассигнова-

ний на содержание театров, а по концертным, цирковым и другим зрелищным мероприятиям соответственно увеличить на 3 процента налог со зрелищ.

В целях коренного улучшения дела создания репертуара для театрально-зрелищных предприятий страны и организации твердого государственного контроля за приобретением музыкальных и драматических произведений в составе главных управлений Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, Комитетов (управлений) по делам искусств союзных и автономных республик, автономных областей, а также в некоторых областных управлениях по делам искусств (по особому списку) намечается создать репертуарные отделы (секторы).

В связи с отменой системы процентных отчислений авторам упраздняется Всесоюзное управление по охране авторских прав при Союзе советских писателей и его органы на местах.

Представленным проектом отменяется распоряжение бывшего зам. председателя Совнаркома СССР Н. Вознесенского № 13957р от 1945 года. Это распоряжение незаконно разрешало расходовать на культурно-бытовые нужды драматургов и композиторов все суммы, образованные из невостребованного гонорара и разницы между сметной и фактической стоимостью содержания аппарата Управления по охране авторских прав, в то время как указанные средства подлежали зачислению в государственный бюджет.

За допущенные извращения и злоупотребления в выплате гонорара за публичное исполнение литературно-художественных и музыкальных произведений директор Всесоюзного управления по охране авторских прав Г. Б. Хесин постановлением Секретариата Союза советских писателей от 22 сентября с. г. с работы снят и Прокуратурой СССР привлечен к уголовной ответственности.

Проектом постановления предусматривается объявить выговор председателю Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР тов. Лебедеву за непринятие мер к ликвидации извращений в работе Главреперткома, а также в выплате авторского гонорара за публичное исполнение литературно-драматических и музыкальных произведений.

За халатное отношение к своим обязанностям и неправильную линию в работе бывш. начальнику Главреперткома т. Добрынину объявить строгий выговор, а нынешнего зам. начальника Главреперткома т. Болберга снять с работы.

Приложения: а) Проект постановления ЦК ВКП(б) «Об извращениях в выплате авторского гонорара за публичное исполнение литературно-драматических и музыкальных произведений».

б) Проект постановления Совета Министров Союза ССР «Об оплате труда авторов драматических и музыкальных произведений».

М. СУСЛОВ
А. ФАДЕЕВ
Г. САФОНОВ
А. СИНЕЦКИЙ
А. ПУЗИН
Н. БЕСПАЛОВ
Т. ХРЕННИКОВ

17 октября 1950 г.

Разослано: т. Берия Л. П., т. Булганину Н. А., т. Кагановичу Л. М., т. Маленкову Г. М., т. Микояну А. И., т. Молотову В. М.

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) ОБ ИЗВРАЩЕНИЯХ В ВЫПЛАТЕ АВТОРСКОГО ГОНОРАРА ЗА ПУБЛИЧНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНО-ДРАМАТИЧЕСКИХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ЦК ВКП(б) отмечает, что в оплате труда авторов литературно-драматических и музыкальных произведений за право публичного исполнения этих произведений имеются крупные извращения.

Установленное действующей системой авторского гонорара пожизненное (с правом наследования) процентное отчисление от сборов за публичное исполнение литературно-драматических и музыкальных произведений дает возможность отдельным авторам получать большие денежные средства и обогащаться за счет государства. Драматург Барянов за публичное исполнение написанной им пьесы «На той стороне» получил только в 1949 году 920,7 тыс. рублей процентных отчислений. Драматург Софронов в том же году получил 642,5 тыс. рублей, братья Тур — 759 тыс. рублей. Писателю Симонову выплачено процентных отчислений за последние 4 года около 2,5 миллиона рублей. Лавреневу — 1,2 миллиона рублей.

Получая в течение многих лет большие суммы за исполнение одного и того же произведения, отдельные авторы не работают над повышением своего художественного мастерства и не создают новых высококачественных произведений.

При выплате авторского гонорара допускается уравниловка, при которой переводчики и составители инсценировок получают за свои работы одинаковое с авторами оригинальных произведений вознаграждение. Это обстоятельство используется отдельными лицами в целях легкого обогащения за счет государства. Волков — автор инсценировок («Анна Каренина» и др.) за последние три с половиной года получил отчислений свыше миллиона рублей; Желябужский за инсценировку «Овод» Войнича* за два с половиной года — 850 тыс. рублей. Переводчик Мингулина только за перевод одной пьесы Гоу и Дюссо «Глубокие корни» получила за последние три года более 800 тыс. рублей процентных отчислений. Автор перевода пьесы Б. Шоу «Пигмалион» Н. Н. Зубова-Константинова за то же время получила около 500 тыс. рублей, Щепкиной-Куперник за переводы нескольких произведений Шекспира и Шиллера за последние четыре с половиной года выплачено в виде процентных отчислений около 1.300.000 рублей.

Существующая уравниловка в оплате труда, дающая возможность получения высоких гонораров при незначительной затрате труда породила группу литературных ремесленников и халтурщиков, которые, не обладая способностями к созданию новых оригинальных произведений, занимаются ненужным переделыванием имеющихся переводов пьес или инсценировками, зачастую низкого качества, получая за это большие суммы по процентным отчислениям. Некий Архипов (Зайцев), не зная ни одного иностранного языка, получил крупные суммы за незначительные и ненужные переделки уже существующих переводов пьес К. Гольдони «Слуга двух господ» и

---

* Так в тексте.

«Трактирщица», пьес Шиллера «Коварство и любовь», «Разбойники» и других. Авторам слегка подновленного перевода либретто оперетты «Марица» Спиро, Цензору и Ярону выплачено за последние три года 450 тыс. рублей; Рубинштейну за переводы и переделки венских оперетт — 677 тыс. рублей. Ежегодно выплачиваются сотни тысяч рублей процентных отчислений за недоброкачественные переводы Е. Геркену, В. Эльтону, Л. Сегаль, В. Марковичу и другим халтурщикам и бракоделам.

Все это противоречит социалистическим принципам оплаты труда, способствует проникновению в среду драматургов чуждых нравов, тормозит развитие драматургии и наносит ущерб интересам государства.

ЦК ВКП(б) отмечает, что Всесоюзное управление по охране авторских прав при Союзе советских писателей и его руководители допускали многочисленные злоупотребления, выражающиеся в незаконной выплате авторского гонорара и в поощрении литературных халтурщиков, жуликов, а иногда и политических проходимцев.

Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР, зная о грубых извращениях в выплате авторского гонорара за публичное исполнение литературно-драматических и музыкальных произведений, не принял мер к ликвидации этих извращений. Комитет и его Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром безответственно разрешали к публичному исполнению низкопробные инсценировки и слабые переводы пьес, засоряя этим репертуар театров и создавая условия для обогащения отдельных ловких лиц.

Правление Союза советских писателей СССР не осуществляло должного контроля за работой Управления по охране авторских прав и, имея сигналы о творящихся в этом управлении безобразиях, не приняло мер к пресечению антигосударственных действий его руководителей, к наведению порядка и укреплению Управления проверенными кадрами. У отдельных писателей-драматургов, занимающих руководящее положение в Союзе советских писателей (т.т. Симонов, Софронов, Лавренев), получивших из авторских отчислений большие суммы, создались с работниками Управления по охране авторских прав приятельские отношения, в силу чего они оказались не в состоянии объективно оценить грубые извращения в сложившейся практике выплаты авторского гонорара за литературно-драматические и музыкальные произведения.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Считать, что существующая система оплаты авторского гонорара за создание драматических и музыкальных произведений, а также за переводы пьес, либретто опер и оперетт устарела и тормозит творчество драматургов и композиторов.

Ввести с 1 января 1951г. новый порядок оплаты труда авторов драматических и музыкальных произведений.

В новой Системе оплаты авторов предусмотреть:

а) единовременное авторское вознаграждение за драматические и музыкальные произведения в зависимости от их идейно-художественной ценности;

б) установление дополнительной премиальной оплаты за произведения, выдающиеся по своим идейно-художественным качествам;

в) некоторое повышение оплаты за издание музыкальных произведений;

г) единовременное вознаграждение авторам за переводы пьес, либретто опер и оперетт, а также за инсценировку литературных произведений значительно меньшее по размерам, чем за оригинальные произведения;

д) предоставление Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР и его органам и учреждениям права приобретения и заказов новых литературно-драматических и музыкальных произведений;

2. Утвердить проект постановления Совета Министров СССР «Об оплате труда авторов драматических и музыкальных произведений».

3. Поручить Прокуратуре СССР расследовать антигосударственные действия, допущенные в Управлении по охране авторских прав, и виновных в злоупотреблениях привлечь к строгой ответственности.

4. За непринятие мер к ликвидации извращений в работе Главреперткома, а также в выплате авторского гонорара за публичное исполнение литературно-драматических и музыкальных произведений председателю Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР т. Лебедеву объявить выговор.

5. За халатное отношение к своим обязанностям и неправильную линию в работе бывш. начальнику главреперткома т. Добрынину объявить строгий выговор, а нынешнего зам. начальника главреперткома т. Болберга снять с работы.

6. Обязать Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР в 3-месячный срок пересмотреть ранее разрешенные к публичному исполнению переводы драматических произведений, либретто опер и оперетт, запретить недоброкачественные и восстановить лучшие переводы.

7. Обязать Комитет по делам искусств при Совете министров СССР (т. Лебедева) и Правление Союза советских писателей (т. Фадеева) к 1 января 1951 г. доложить ЦК ВКП(б) о выполнении настоящего постановления.

8. Поручить комиссии в составе т.т. Суслова М. А. (председатель), Кружкова В. С., Синецкого А. Я., Фадеева А. А., Пузина А. А., Грачева В. Г., Котова А.К. в месячный срок проверить систему оплаты труда авторов литературно-художественных произведений и свои предложения внести на рассмотрение ЦК ВКП(б).

Проект

СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ №.......
от «.......» 1950 г. Москва, Кремль

ОБ ОПЛАТЕ ТРУДА АВТОРОВ ДРАМАТИЧЕСКИХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В целях ликвидации извращений в оплате труда авторов драматических и музыкальных произведений Совет Министров СССР постановляет:

1. Отменить с 1 января 1951 года систему оплаты труда авторов драматических и музыкальных произведений в виде процентных отчислений с валового сбора за публичное исполнение их произведений.

2. Ввести с 1 января 1951 года систему единовременного авторского вознаграждения за драматические и музыкальные произведения в зависимости от их идейно-художественной ценности в размерах, согласно приложению № 1*.

---

* Приложения не публикуются.

Установить помимо единовременного авторского вознаграждения дополнительную оплату авторам за произведения, выдающиеся по своим идейно-художественным качествам, в размерах, согласно приложению № 2.

3. Установить ставки авторского гонорара за издание музыкальных произведений, согласно приложению № 3.

4. Предоставить право приобретения драматических и музыкальных произведений Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР, Комитетам и Управлениям по делам искусств союзных и автономных республик, а также театрам, музыкальным коллективам и концертным организациям по списку, утвержденному Правительством по представлению Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР.

5. Разрешить Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР, Комитетам и Управлениям по делам искусств союзных и автономных республик, а также театрам, музыкальным организациям и коллективам союзного подчинения заключать предварительные соглашения с авторами на создание драматических и музыкальных произведений крупных и средних форм и выдачу авторам по этим соглашениям авансов в размере 25 процентов гонорара.

6. Отменить, начиная с 1 января 1951 года, взимание с театрально-зрелищных предприятий и культурно-просветительных учреждений процентных отчислений с валового сбора в пользу авторов за публичное исполнение их литературно-драматических и музыкальных произведений.

В связи с этим обязать Министерство финансов СССР:

а) предусматривать в финансовых планах и сметах Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР сокращение расходов театрально-зрелищных предприятий и соответствующее уменьшение плановых убытков и ассигнований из бюджета;

б) увеличить на 3% налог со зрелищ, уплачиваемый театрально-зрелищными предприятиями и другими организациями с концертов, эстрадных и цирковых представлений, кроме театров и культурно-просветительных учреждений, освобожденных от уплаты этого налога;

в) предусматривать ежегодно Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР ассигнования на приобретение литературно-драматических и музыкальных произведений для пополнения репертуара театрально-зрелищных предприятий.

На 1951 год предусмотреть эти ассигнования в сумме 38 миллионов рублей.

Разрешить Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР выделять необходимые ассигнования Комитетам и Управлениям по делам искусств при Советах Министров союзных республик, а также театрам, музыкальным коллективам и концертным организациям, которым предоставлено право приобретения литературно-драматических и музыкальных произведений в соответствии с настоящим постановлением.

7. Разрешить Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР, по решению Комитета, оплатить по ставкам, предусмотренным п. 2 настоящего постановления, наиболее ценные в идейно-художественном отношении пьесы и музыкальные произведения крупных форм из числа ранее принятых Комитетом и его учреждениями и исполненных или находившихся в процессе подготовки в театрально-зрелищных предприятиях после 1 сентября 1950 года.

При выплате авторам указанного вознаграждения зачесть все суммы, ранее полученные ими по договорам (заказам) и по процентным отчислениям за публичное исполнение этих произведений.

8. Установить, что произведения, заказываемые или приобретаемые Комитетом по делам искусств при Совете Министров СССР и его учреждениями на местах, не могут быть авторами вторично проданы другим организациям или учреждениям.

9. Упразднить с 1 января 1951 года Всесоюзное управление по охране авторских прав при Союзе советских писателей и его органы на местах.

10. Отменить распоряжение Совнаркома СССР № 13957р от 1945 года за подписью Н. Вознесенского.

11. Поручить Министерству финансов СССР и Комитету по делам искусств при Совете Министров СССР совместно с Союзом советских писателей СССР и Союзом советских композиторов СССР разработать и представить на утверждение Совета Министров СССР инструкцию о порядке и размерах отчислений с театрально-зрелищных предприятий, культурно-просветительных и других учреждений, осуществляющих публичное исполнение драматических и музыкальных произведений, в Литературный и Музыкальный фонды СССР.

12. Разрешить Комитету по делам искусств создать в составе соответствующих Главных управлений Комитета по делам искусств при Совете министров СССР, Комитетов (Управлений) по делам искусств союзных и автономных республик, а также в некоторых областных (городских) управлениях по делам искусств (по особому списку) репертуарные отделы (секторы). Поручить Государственной штатной комиссии при Совете Министров СССР утвердить штаты и должностные оклады работников репертуарных отделов и секторов.

13. С изданием настоящего постановления считать утратившими силу установленные Комитетом по делам искусств при Совете Министров СССР, Советами Министров союзных республик, министерствами и ведомствами ставки и нормы авторского гонорара, за публичное исполнение драматических и музыкальных произведений и издание музыкальных произведений.

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 949. Л. 133—146. Машинописный текст. На л. 133 штамп о поступлении в секретариат Молотова 17/X 1950 г.

№ 457
ВИШНЕВЕЦКАЯ — СТАЛИНУ О БОЛЕЗНИ Вс. ВИШНЕВСКОГО

29 декабря 1950 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Мой муж Всеволод Вишневский очень тяжело болен (инсульт на почве гипертонии). Было уже совсем хорошо, но с 9-го декабря в Барвихе начались опять мозговые явления. Вчера в очень тяжелом состоянии его перевезли в Кремлевскую больницу.

Я верю в силу его организма, и хотя мне сказали, что в любую минуту все самое худшее может случиться, я думаю, что его можно спасти.

Твердо знаю и верю, что Ваше личное указание создать все условия и поставить его на ноги сыграет огромную роль.

Ни Всеволод, ни я никогда в жизни ни о чем не просили. Но он так хочет жить. Помогите мне. Он еще может написать так много нужного.

С. ВИШНЕВЕЦКАЯ

Главное, чтобы в палате было много воздуха.

29.XII-50 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 899. Л. 35—36 об. Рукописный подлинник.

Поступил в ОС ЦК 29 декабря. Указание «Пер.». На конверте написано: «Лично. Кремль. Иосифу Виссарионовичу Сталину. От жены писателя Всеволода Вишневского — С. Вишневецкой».

№ 458
ПАНФЕРОВ — СТАЛИНУ О ПОЕЗДКЕ НА ДОН

9 марта 1951 г.

Товарищ Сталин!

Я недавно вернулся из Нижне-Чирского избирательного округа, в который входили такие станицы, как Нижний Чир, Калач и т. д.

Вы эти бывшие белогвардейские крепости прекрасно знаете по временам гражданской войны.

Признаться, я чуточку трухнул, когда узнал о том, что именно эти станицы выдвинули меня кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР: ожидал, что столкнусь с людьми — теми далекими, которые когда-то яростно бились против Советской власти.

На самом же деле все оказалось иным: лампасники куда-то сгинули, руководящее положение заняло новое поколение — люди, преданные Советской власти и партии.

На собраниях и митингах я встретился не меньше как с сорока тысячами избирателей, и все они просили меня передать Вам сердечный поклон.

Вот я Вам его и передаю.

Федор ПАНФЕРОВ

9 марта 1951 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 786. Л. 30. Машинописный подлинник. Подпись — автограф.

№ 459
ФАДЕЕВ — СТАЛИНУ С ПРОСЬБОЙ ОБ ОТПУСКЕ

31 марта 1951 г. (не ранее)

Товарищу Сталину

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Прошу предоставить мне отпуск сроком на 1 год для написания нового романа.

Со дня выборов меня Генеральным секретарем Союза Писателей в 1946 году я почти лишен возможности работать как писатель.

Впервые в 1948 году мне был дан более или менее длительный отпуск — на 3 месяца, но он был нарушен. Мне был поручен одновременно большой доклад о Белинском к сотой годовщине со дня его смерти, а через некоторое время я был вызван из отпуска для проведения конгресса в защиту мира в г. Вроцлаве, в Польше.

В 1950 году мне был снова предоставлен более или менее продолжительный отпуск — на 4 месяца, который я использовал, как писатель, на все 100 %. За этот относительно короткий срок мною было написано около 10 печатных листов нового текста — «Молодая Гвардия». Срок этот был слишком мал, чтобы до конца, начисто отделать все эти 10 печатных листов (240 страниц машинописного текста). Я смог сдать в издательство только часть фактически написанного мною. Мне буквально не хватило одного месяца, чтобы сдать все. Дальнейшая общественная работа уже не дала мне возможности выкроить этот один месяц вплоть до нынешнего дня.

Таким образом, даже фактически выполненная работа повисла в воздухе на неопределенный срок.

Но дело не только в окончании «Молодой гвардии». Несмотря на то, что по роду своих занятий я искусственно оторван от жизни рабочих и колхозников нашей страны, голова моя преисполнена новых замыслов. Они возникли от реального соприкосновения с нашей жизнью, но чтобы осуществить эти замыслы, я, конечно, должен иметь время, чтобы глубже и разносторонней ознакомиться с этими областями жизни. Назову некоторые из этих замыслов.

1. Роман о молодежи крупного советского индустриального предприятия в наши дни. Фактически это роман о нескольких поколениях русского рабочего класса, роман о партии и комсомоле. Фактически это роман о победе индустриализации нашей страны. И я знаю, что смогу лучше, чем многие, показать подлинную поэзию индустриального труда, показать нашего рабочего младшего и старших поколений во весь рост.

2. Роман о современной колхозной молодежи. Тема эта, опять-таки много шире и глубже, чем простой показ жизни современной колхозной молодежи.

3. Мой старый роман «Последний из Удэге» давно уже внутренне преобразован мною. Прежняя тема приобрела третьестепенное значение. Название изменено. В роман должны быть введены исторические деятели, в первую очередь, Сергей Лазо, которого я близко знал лично. В романе будет широко показана японская и американская интервенция. Наша дружба с корейским и китайским народами.

Я не говорю уже о том, что мне хотелось бы ближе связаться с одной из гигантских строек коммунизма. Я смог бы написать о них не хуже многих — нет, не хуже.

Я не говорю уже о тех многих рассказах и повестях, которые заполняют меня и умирают во мне не осуществленные. Я могу только рассказывать эти темы и сюжеты своим друзьям, превратившись из писателя в акына или в ашуга.

Обязанности мои необыкновенно расширились за эти годы. Объем работы Союза писателей неизмеримо вырос. Прибавилась огромная сфера деятельности, связанная с борьбой за мир. Работа Комитета по Сталинским премиям

расширилась во много раз. Надо очень много читать, слушать и смотреть. На мне лежит редактура академического собрания сочинений Л. Толстого и весь архив А. М. Горького. Следует учесть и работу как депутата Верховного Совета СССР, а теперь и РСФСР.

Несмотря на присущие мне иногда срывы, я работаю с подлинным чувством ответственности и добросовестно. Если учесть, что я неважный организатор и слишком много делаю сам лично, не умея расставить данные мне силы, станет ясно, насколько невозможен для меня при этих обязанностях мой собственный литературный труд.

Работники отделов ЦК, отделов Совета Министров, мои товарищи по работе не всегда понимают этого глубокого противоречия и внутренних трудностей при выполнении мною всякой работы в ущерб моему призванию. Они частенько рассматривают меня как обычного руководителя обычного ведомства, привлекают к решению десятистепенных вопросов, которые могли бы быть решены и без меня. У меня есть и просто обязанности перед читателями, от которых я получаю буквально тысячи и тысячи писем.

В итоге я в течение вот уже 6 лет ежедневно совершаю над собой недопустимое, противоестественное насилие, заставляя себя делать не то, что является самой лучшей и самой сильной стороной моей натуры, призванием моей жизни. И это в пору наибольшего расцвета моего дарования. Я не имею права здесь скромничать, потому что мой художественный талант — не мое личное дело. Я вижу работу своих талантливых сверстников, работу замечательной литературной молодежи, и с высоты своего возраста и опыта не могу не видеть, что многое мог бы сделать не хуже их, а кое-что и получше.

Такое повседневное насилие над своим дарованием систематически выводит меня из душевного равновесия и истощает нервную систему. Дела, которые при нормальном использовании меня как писателя, были бы близки моему сердцу, превращаются в ненавистную обузу. И чем сильнее я натягиваю эту струну, тем хуже работаю уже и просто как общественный деятель.

В силу этих причин я прошу ЦК ВКП(б): предоставить мне отпуск для написания романа сроком на 1 год с полным освобождением на этот срок от работы в Союзе писателей СССР, а также от исполнения обязанностей председателя редакционной комиссии академического собрания сочинений Л. Н. Толстого и председателя комиссии по хранению и изданию архива А. М. Горького.

Если ЦК сочтет это полезным и необходимым, я мог бы в течение этого года выполнять свои обязанности во Всемирном совете мира, в Комитете по сталинским премиям в области искусства и литературы, и, разумеется, обязанности депутата Верховного Совета СССР, РСФСР и Московского совета.

Прошу Вас, Иосиф Виссарионович, поддержать мою просьбу.

А. ФАДЕЕВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1585. Л. 107—111. Незаверенная машинописная копия.

Письмо Фадеева Сталину было переадресовано Маленкову для прохождения по официальным партийным каналам по принятию решений. На письме Фадеева пометка Поскребышева: «Тов. Маленкову. П.». Регистрационный номер «С-318/31.3.51 г.».

Письмо зарегистрировано в ЦК 7 апреля. 7 мая 1951 г. Секретариат ЦК удовлетворил просьбу Фадеева о предоставлении ему творческого отпуска на один год начиная с 1 июля 1951 г. На время отпуска Фадеева обязанности генерального секретаря были возложены на Алексея Суркова. Политбюро утвердило это решение 15 мая (там же, л. 106). Вслед за этим, 16 мая, Политбюро утвердило решение Секретариата ЦК от 12 мая (564/29гс) о пополнении состава секретариата ССП. Секретарями писательского союза были утверждены Грибачев Н. М., Павленко П. А. и Федин К. А. При этом «т. Сурков А. А. утвержден первым заместителем Генерального секретаря ССП» (там же, л. 142). Черновой автограф письма, сверенный с идентичной машинописной копией, опубликован Н. И. Дикушиной в сборнике: Александр Фадеев. Письма и документы. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького. 2001. С. 139—142.

№ 460
ПОЭТ КОВАЛЕНКОВ — СТАЛИНУ. ПОКАЯННОЕ ПИСЬМО

23 апреля 1951 г.

Дорогой товарищ Сталин!

В статье «Неудачная опера», опубликованной в газете «Правда» от 19 апреля сего года, подвергается справедливой, всесторонне-обоснованной критике либретто оперы «От всего сердца». Являясь одним из авторов этого либретто и сознавая всю свою ответственность за плохие результаты недостаточно серьезной работы над созданием литературного текста оперы, я посылаю Вам, товарищ Сталин, это письмо и книгу стихов «Лирика» по следующей причине:

Не все из приведенных в статье «Правды» стихотворных строк написаны мною. Но, не ища себе оправдания, я хотел бы, чтобы была соблюдена истина и она стала известна Вам.

Опубликовать в печати или вынести на театральную сцену стихи, эстетическая ценность которых будет гарантирована не только редактором, но в первую очередь самим автором, крайне трудно. В особенности это относится к лирике. Написанное мною ко дню Вашего семидесятилетия стихотворение «Слово о Великом Человеке», открывающее книгу «Лирика», из-за робости некоторых редакторов было напечатано с запозданием в полгода.

Имевшая место при работе над оперой «От всего сердца» редакторская боязнь отклонения от лозунговых канонов в значительной мере содействовала подмене реальной действительности «видимостью современности», о чем пишет «Правда».

Не проявив достаточной твердости в своих авторских взаимоотношениях с дирекцией Большого театра, я опозорил себя как поэта. Но, испытывая жгучее чувство стыда, я не потерял мужества и в дальнейшей своей работе приложу все усилия, чтобы новые мои стихи, если Вы их прочтете, товарищ Сталин, — Вас порадовали, а не огорчили.

А. КОВАЛЕНКОВ

Москва, 23 апреля

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 879. Л. 33. Машинописный подлинник. Поступил в ЦК 23 апреля. Подпись — автограф.

Там же. Л. 32. Машинописный текст. Пометка рукой Поскребышева: «Сводку. Без книжки».

Позднее Коваленков руководил поэтическим семинаром в московском Литературном институте. См.: Зверев О. «Верный времени своему»// Огонек. 1971. № 12. С. 28. Зверев о Коваленкове: «оригинальный поэт, искусный чародей поэтического цеха». В некрологе Владимира Дробышева на смерть поэта было, в частности, сказано: «...хороший русский поэт, человек красивой и скромной души. После него остались светлые стихи, остались песни, которые поет народ...» (Огонек. 1971. № 47. С. 31).

№ 461
ГРОМЫКО — ПОСКРЕБЫШЕВУ О ПОДАРЕННОМ СТАЛИНУ АФРИКАНСКОМ ЛЬВЕ И О ЗАМЕТКЕ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ В «ВЕЧЕРНЕЙ МОСКВЕ»

7 июля 1951 г.

Секретно. Экз. № 1
Тов. Поскребышеву А. Н.

29 июня 1951 г. из Южно-Африканского Союза в Москву был доставлен африканский лев, подаренный тов. И. В. Сталину доктором Ван Ашвегеном, проживающим в Южно-Африканском Союзе. В связи с этим считал бы целесообразным поместить в газете «Вечерняя Москва» сообщение, в котором указать, что на днях из Южно-Африканского Союза на самолете[1] в Москву был доставлен африканский лев, присланный в подарок тов. И. В. Сталину доктором Ван Ашвегеном «в знак выражения искренних чувств генералиссимусу Сталину»[2]. Т. Сталин передал льва в собственность зоопарка[3].

Считал бы также целесообразным, чтобы на клетке, в которой помещен лев, была вывешена таблица, в которой будет указано, что лев прислан из Южно-Африканского Союза доктором Ван Ашвегеном в подарок тов. И. В. Сталину[4].

Прошу сообщить, являются ли приемлемыми вышеизложенные предложения[5].

А. ГРОМЫКО

7 июля 1951 года

№ 135/АГ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1431. Л. 12. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Резолюции — автографы. Пометка рукой Поскребышева: «т. Сталин передал льва в собственность зоопарка». Два последних абзаца зачеркнуты Сталиным. Пометка рукой Поскребышева: «Сообщено т. Громыко. П.»

[1] «На самолете» зачеркнуто Сталиным.

[2] Далее зачеркнуто Сталиным: «и что лев помещен в Московский зоологический парк».

[3] Исправленный вариант, написанный Поскребышевым.

[4] Абзац зачеркнут, т. е. это предложение Громыко не принято.

[5] 12 июля сообщение о льве в Московском зоопарке под заголовком «Подарок доктора Ван Ашвегена товарищу Сталину» опубликовано в газете «Вечерняя Москва» № 162. Во фразе «т. Сталин передал льва в собственность зоопарка» в газете слово «товарищ» напечатано полностью.

№ 462
ФРАГМЕНТ ДОКЛАДА МАЛЕНКОВА НА XIX СЪЕЗДЕ КПСС О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ, ВЫЧЕРКНУТЫЙ СТАЛИНЫМ

17 июля 1952 г.

Идеологическая работа партии должна сыграть важную роль в очищении сознания людей от предрассудков и вредных традиций старого общества. Надо и впредь развивать в массах высокое сознание общественного долга, воспитывать трудящихся в духе советского патриотизма и дружбы народов, в духе заботы об интересах государства, совершенствовать лучшие качества советских людей — уверенность в победе нашего дела, бодрость, жизнерадостность, готовность и умение преодолевать трудности.

В этой связи следует особо сказать об обязанностях работников литературы и искусства. Дело в том, что, несмотря на серьезные успехи в развитии литературы и искусства, идейно-художественный уровень многих произведений все еще остается недостаточно высоким. В литературе и искусстве появляется еще много посредственных, серых, а иногда и просто халтурных произведений, принижающих советскую действительность. Многогранная и кипучая жизнь советского общества в творчестве некоторых писателей и художников изображается вяло и скучно. Не устранены недостатки в таком важном и популярном виде искусства, каким является кино. У нас умеют делать хорошие фильмы, имеющие большое воспитательное значение. Но таких фильмов создается все еще мало. Наша кинематография имеет все возможности для того, чтобы выпускать больше хороших и разнообразных кинокартин, но эти возможности плохо используются.

В нашу эпоху идет гигантская борьба нового со старым. В этой исторической схватке важно не только видеть силы, которые являются творцом нового общественного строя, но надо постоянно растить эти силы, заботиться о всемерном их развитии, неустанно организовывать и совершенствовать их в интересах успешного разгрома враждебных социализму сил. Огромные обязанности в великой борьбе по выращиванию нового, светлого и выкорчевывания обветшалого и омертвевшего в общественной жизни ложатся на наших работников литературы и искусства. Художественное творчество должно становиться все более мощным идеологическим средством перевоспитания человека, орудием создания нового общественного строя. Сила и значение художественной литературы и искусства состоит в том, что они, бичуя в своих произведениях пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе, раскрывая в положительных художественных образах людей нового типа во всем великолепии их человеческого достоинства, способствуют воспитанию в людях нашего общества характеров, навыков, привычек, свободных от язв и пороков, порожденных капитализмом.

В нашей литературе есть немало произведений, в которых удачно показаны хорошие качества советских людей. Но чтобы целиком выполнить свою воспитательную роль, советская литература должна смело показывать жизненные противоречия и конфликты, уметь пользоваться оружием критики как одним из действенных средств воспитания, беспощадно разить пороки и

недостатки, умело и метко подвергать осмеянию пережитки отживающего прошлого. И в нашем обществе нужны Гоголь и Щедрин, которые огнем боевой сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед.

Враги социализма и всякого рода их подпевалы изображают социализм, как систему подавления индивидуальности. Нет ничего примитивнее и вульгарнее такого рода представления. Доказано, что социалистическая система обеспечила раскрепощение личности, расцвет индивидуальностей, создала условия для всестороннего развития талантов и дарований, таящихся в глубинах народных масс. Сила реалистического искусства состоит в том, что оно может отобразить широкий, могучий и неудержимый рост простых людей, выявить и раскрыть высокие душевные качества и типичные положительные черты характера рядового человека, создать его яркий художественный образ, достойный быть примером и предметом подражания для людей.

Наши художники, литераторы, работники искусства в своей творческой работе по созданию художественных образов должны постоянно помнить, что типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность данной социальной силы. В марксистско-ленинском понимании типическое отнюдь не означает какое-то статистическое среднее. Типичность соответствует сущности данного социально-исторического явления, а не просто наиболее распространенным, часто повторяющимся, обыденным. Сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее. Типическое есть основная сфера проявления партийности в реалистическом искусстве. Проблема типичности есть всегда проблема политическая.

Высокая и благородная задача, стоящая перед работниками литературы и искусства, может быть успешно решена только при условии, если мы поведем решительную борьбу с халтурой в работе наших художников и литераторов, если будет беспощадно вытравлена ложь и гниль из произведений литературы и искусства. Необходимо учитывать, что идейный и культурный уровень советского человека неизмеримо вырос, его вкусы воспитываются партией на лучших произведениях литературы и искусства, советские люди не терпят серости, безыдейности, фальши и предъявляют высокие требования к творчеству наших художников и писателей. Изгнать халтуру, дать дорогу лучшим достижениям художественного творчества – такова одна из главных задач деятелей литературы и искусства. Долг наших писателей, художников, композиторов, работников кинематографии глубже изучать жизнь советского общества, осмысливать величайший в истории процесс строительства коммунизма, создавать на основе метода социалистического реализма крупные художественные произведения, достойные нашего великого народа[1].

РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 6. Л. 68—70. Машинописный текст.

[1] См. документ № 468.

№ 463
ПОСЛАНИЕ КИМ ИР СЕНА СТАЛИНУ О ПОДАРКАХ КОРЕЙСКОГО НАРОДА «ДОРОГОМУ НАШЕМУ ОТЦУ, ДРУГУ И УЧИТЕЛЮ»

18 октября 1952 г.

Москва, Кремль

Глубокоуважаемый товарищ Иосиф Виссарионович.

В этом году корейский народ, ведущий третий год освободительную войну против американских захватчиков, несмотря на беспрестанные бомбардировки мирных городов и сел Кореи, добился значительных успехов в области сельского хозяйства и вырастил богатый урожай, по своим размерам равный самому высокому урожаю мирного времени.

Корейский народ, стойко переносящий все ужасы бактериологической и химической войны, полон трудового энтузиазма и решимости разгромить врага и изгнать иностранных интервентов с корейской земли.

Корейский народ хорошо знает, что его успехи не были бы возможны без той постоянной помощи, какую он получает от стран демократического лагеря во главе с великим Советским Союзом, и он высоко ценит непрестанную заботу, какую проявляете лично Вы, дорогой Иосиф Виссарионович, в это трудное для корейского народа время.

Воодушевленный Вашей любовью и вниманием, корейский народ с чувством глубокого уважения и преданности посылает вам свой скромный подарок из урожая этого года, любовно подготовленный для Вас нашим народом в искренней благодарности и любви к Вам и народам Советского Союза.

Корейский народ от всего сердца желает Вам, дорогой наш отец, друг и учитель, долгих лет жизни во имя мира и счастья народов всего мира.

КИМ ИР СЕН,
Председатель кабинета министров КНДР

Г. Пхеньян. 18 октября 1952 года[1]

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1431. Л. 27—28. Машинописный подлинник. Подпись — автограф иероглифами.

[1] Письмо переслано Я. Маликом Поскребышеву 4 ноября 1952 г. (№ 14/ям).

1 ноября 1952 г. Я. Малик докладывал Поскребышеву:

«Секретно. Экз. № 1.

Товарищу Поскребышеву А. Н.

1-го ноября в Москву прибыли поездом в изотермическом вагоне преподнесенные товарищу И. В. Сталину правительством КНДР следующие подарки: пять тонн риса, пять тонн яблок и груш, две тонны каштанов и пятнадцать коробок корня женьшень.

Корейский посол в Москве Лим Хэ посетил заведующего Протокольным отделом МИД СССР и просил оказать содействие в передаче этих подарков по назначению (запись беседы прилагается).

МИД СССР просит Вас дать указание соответствующим органам о принятии подарков.

Я. Малик

1 ноября 1952 г.
№ 3/ЯМ
Отп. 2 экз.
1 — в адрес.
2 — в дело» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1431. Л. 24).

3 декабря Малик пересылает Поскребышеву инструкции по приготовлению женьшеня:

«Товарищу Поскребышеву А. Н.

Направляю Вам присланные корейским посольством две инструкции, содержащие способы приготовления корня женьшень. Инструкции получены на русском языке.

Одновременно посольство сообщило, что указанные в инструкциях способы приготовления являются не научными, а народными, применяемыми с давних времен.

Я. Малик

3 декабря 1952 года
2-нс.
3/12.52 г.» (там же, л. 32).

«Копия
Перевод с корейского текста

СПОСОБ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКАРСТВА «ЖЕНЬ-ШЕНЬ»

Эффективной дозой для одного приема «Жень-Шень» является 150 гр. Существуют нижеследующие способы употребления:

1. 150 гр. белого «Жень-Шень» кипятят с 2 литрами воды до тех пор, пока вода не получится в количестве 0,4 литра. После этого все вместе выжать и полученную жидкость принимать или же принимать прокипяченную воду вместе с «Жень-Шень», не плохо было бы кипятить с прибавлением 15 гр. риса с большим содержанием клейковины.

2. 150 гр. белого «Жень-Шень», 2 литра воды, 10 шт. каштанов, 10 шт. фиников и 30 гр. *сукдихвана* (лекарства) вместе кипятить до тех пор, пока вода не будет 0,4 литра. После этого все вместе выжать, чтобы получилась однородная жидкость, и принимают.

3. 150 гр. белого «Жень-Шень» с одной курицей, очищенной и освобожденной от внутренностей, в 4 литра воды до тех пор, пока бульон станет 0,5 литра. Обычно принимают бульон с курицей, а детям рекомендуется только бульон, для этого курятину отжимают.

Для красного «Жень-Шень», 150 гр. кипятят с 2 литрами воды и довести до 0,4 литра, после этого выжать и принимать полученную жидкость.

Сладкий «Жень-Шень» является одним видом высококачественных сладостей и поэтому можно кушать в таком виде, каким он есть» (там же, л. 33).

Примечание: применение «Корня жизни» противопоказано при легочных заболеваниях — туберкулезе легких как в закрытой форме, так и открытой (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1431. Л. 32—34).

№ 464
ОБ ИНТЕРВЬЮ СТАЛИНА ГАЗЕТЕ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

25 декабря 1952 г.

Шифротелеграмма
Строго секретно
Снятие копий воспрещается
Из Вашингтона № 36313 пол. 9 час. 30 мин. 25. 12. 1952 г. Экз. № 3
Спец. № 1260
Вне очереди

905. Рестон уехал в Флориду в отпуск. Мы соединились с ним по телефону и сообщили о том, что хотели бы вручить ему ответы товарища Сталина[1].

Рестон попросил нас передать ответы товарища Сталина зав. Вашингтонским бюро газеты «Нью Йорк таймс» Артуру Кроку, что нами и сделано.

Ответы переданы в письменном виде.

Крок заявил, что ответы товарища Сталина будут опубликованы в газете «Нью-Йорк таймс» 25 декабря.

24. 12. 52 г. *ЗАРУБИН*

Справка: № 905–907 (исх. № 29675) от 24.12. 52 г. т. Вышинский сообщил для немедленной передачи корреспонденту «Нью-Йорк таймс» Джеймсу Рестону ответы товарища Сталина на поставленные Рестоном вопросы[2].

17 экз. аз

Отпеч. 25.12.10.30

Разослано 25.12. 10.45

Выпустил *Юрков.*

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1130. Л. 116. Машинописный подлинник на бланке шифротелеграммы МИД.

[1] 26 декабря 1952 г. в «Правде» опубликовано ставшее последним прижизненным интервью Сталина иностранным СМИ: «Ответы тов. Сталина на вопросы дипломатического корреспондента «Нью-Йорк таймс» Джеймса Рестона, полученные 21 декабря». Тема интервью: новая американская администрация и возможность встречи генералиссимуса с генералом Эйзенхауэром. Сталин: «Я отношусь к такому предложению положительно». Первоначальный ответ на вопрос о том, «будете ли Вы сотрудничать в каком-либо новом дипломатическом мероприятии, имеющем целью положить конец войне в Корее?», звучал так: «Да, я *готов* сотрудничать, так как СССР заинтересован в ликвидации войны в Корее». Стало: «Я *согласен* сотрудничать...» Вычеркнут вопрос об источниках современного международного напряжения (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1130. Л. 110).

[2] В отчете Пальгунова об откликах иностранных корреспондентов на это интервью, посланном Сталину 27 декабря, будет вычеркнуто замечание Рестона о том, что заявление Сталина «отличается от позиции советской делегации в ООН». Из корреспонденции Ассошиэйтед Пресс (Грин) из Вашингтона исключен комментарий: «предложение вызвало осторожный скептицизм в столицах западных стран». На с. 133 вычеркнуто: «Рестон в «Нью-Йорк таймс», воспроизводя ответы товарища Сталина, далее указывает, что «приведет ли поощрение в отношении встречи с Генералом Эйзенхауэром, которое содержалось в вышеприведенных ответах премьера Сталина, скоро, или вообще когда-либо, к переговорам с этой целью между аккредитованными представителями, а также даст ли плоды выраженная премьером готовность рассмотреть новый дипломатический подход в целях прекращения войны в Корее — это будет зависеть о того, как примет ответ новое правительство». На с. 139 отчета вычеркнуто: «Джон Фостер Даллес, который займет на днях пост государственного секретаря США, выступил против прямых переговоров И. В. Сталина с Эйзенхауэром, заявив, что для обмена мнениями имеются дипломатические каналы связи».

№ 465
НИНА БОНДАРЕВА — СТАЛИНУ О ПЛАГИАТЕ В ДОКЛАДЕ МАЛЕНКОВА НА XIX СЪЕЗДЕ КПСС

10 января 1953 г.

Копия

Глубокоуважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович!

Я осмеливаюсь беспокоить Вас лично по делу, которое отнюдь не является личным. Речь идет об отчетном докладе Центрального Комитета девятнадца-

тому съезду нашей партии. Я не могу не поделиться с Вами тревогой и замешательством, возникшими у меня при одном неприятном открытии, связанном с изложением в докладе эстетических проблем.

Скажу прямо: мною, как и многими другими, гораздо более эрудированными товарищами, литературоведами и критиками, чеканные формулировки о типическом, да еще поставленные рядом с Вашим указанием на то, что нам нужны советские Гоголи и Щедрины, восприняты, как Ваши формулировки, дорогой Иосиф Виссарионович. (Почти весь 17 абз. 2-го раздела доклада тов. Маленкова.)

К тому же в журнале «Коммунист» (№ 21 за 1952 г.) определение типического, данное в отчетном докладе т. Маленкова, характеризуется как «ясное и четкое, основанное на марксистско-ленинском знании закономерностей общественного развития и специфики искусства»[1]. А кто, кроме Вас, обладает знанием этих закономерностей в степени марксистско-ленинских знаний?

На эти формулировки сейчас ориентируется вся работа творческих организаций, учебные курсы литературоведения и марксистско-ленинской эстетики; они являются темой творческих дискуссий теоретических конференций, ими живет вся наша художественная интеллигенция. Наблюдаются даже некоторые крайности: мне кажется, намечается тенденция противопоставлять типическое «массовидному», тому, чего много; проблема типичности сужается до проблемы типа; право на заострение и преувеличение образа приобретает окраску непременного требования (т. о. чеховской традиции грозит полное вытеснение традицией гоголевской).

Но не это вызывает сейчас особую тревогу и озабоченность.

Изучая историю вопроса о реализме, я просматривала статью «Реализм» в 9 томе литературной энциклопедии (год изд. 1935). Нечаянно, на стр. 552–53, я натолкнулась на формулировки, буквально совпадающие с указанным 17 абзацем 2-го раздела доклада т. Маленкова. Изменен только порядок фраз[2].

Автор статьи – Д. Мирский, и она указана на титульном листе в списке важнейших статей 9 тома.

Первоначально меня изумило простодушие, с которым лицо, готовившее материал к этому разделу доклада Центрального Комитета, перенесло чужой текст в доклад, без кавычек и без какой-либо переработки. Мне известно, как тщательно должен отбираться материал для докладов и статей, для проектов резолюций и директив, какие такт, добросовестность и чувство ответственности необходимы тому, кто работает даже над предварительными формулировками (я работала в 1946–48 г.г. помощником секретаря ВЦСПС).

Поэтому меня огорчило и взволновало мое несчастное открытие.

Сознаюсь: имя автора статьи «Реализм» ничего мне не говорило. Осторожно я поинтересовалась у старших товарищей, кто такой Д. Мирский... Ответ гласил: Д. Мирский, бывший белоэмигрант, разоблачен и репрессирован как враг народа и шпион.

У меня нет возможности точно установить достоверность этих сообщений. Но меня они ошеломили.

Я мучительно колебалась в намерении писать Вам, но пришла к тому выводу, что промолчать я не имею права. Как член КПСС я несу свою долю ответственности за качество партийных документов. Я виновата уже в промедлении, дорогой Иосиф Виссарионович.

Тираж литературной энциклопедии превышает 25 тыс. экз., она во всех библиотеках, у частных лиц и, наверное, за границей. Каждую минуту это легкомысленное заимствование из сомнительного источника может стать достоянием общественности, поводом к злобному глумлению. Впрочем, нет нужды комментировать что-либо, когда говоришь с Вами...

Быть может, я чего-то не понимаю, мои тревоги неосновательны и это не так уж важно, поскольку формулировки Мирского по существу не противоречат марксистско-ленинским эстетическим установкам. Я буду счастлива ошибиться и только пожалею об отнятом у Вас драгоценном времени. Разумеется, я не претендую на ответ. Для меня важно только, чтоб факт этот был известен Вам. Тогда все будет как надо. Поэтому я хотела бы иметь подтверждение, что это письмо до Вас дошло.

Прощаясь, дорогой Иосиф Виссарионович, я хочу выразить Вам мою искреннюю дочернюю привязанность, преданность и уважение.

Н. БОНДАРЕВА

10.1.1953 г.

Мой адрес: Москва 1, Садово-Кудринская, 14/16, кв. 11.

Нина Александровна Бондарева (член КПСС, бил. № 7932772, парторганизация Литературного ин-та им. А. М. Горького).

Поступило в ОС ЦК 13. 1. 53.

РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 11. Л. 5—7. Машинописная копия. На л. 5 пометка рукой неизвестного: «т. Бондарева», «14-1-53 г. т. Маленкову».

[1] См. редакционную (без подписи) статью «Насущные задачи советской литературы» в названном Бондаревой журнале. Из критической части этой статьи: «...старший научный сотрудник Института Литературы Академии наук Армянской ССР — X. Саркисян во введении к учебнику армянской литературы постарался всячески смягчить те коренные различия, которые существовали между революционным демократизмом М. Налбандяна и буржуазным национализмом Ст. Назаряна».

[2] См. документы № 468, 471.

Раздел пятый

РАННЯЯ «ОТТЕПЕЛЬ»

(март 1953—1956)

№ 466

ЗАМЕТКИ ПОСПЕЛОВА О ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

10 марта 1953 г. (не ранее)

ВЫЗОВ НА ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК
(т. Суслов, т. Поспелов, т. Шепилов)

Т. Маленков

Мы вызвали товарищей для замечания и предупреждения по линии газет. Сегодняшний номер «Правды» по ряду обстоятельств является неправильным.

Неправильно расположены при печатании речи: первая — на всю полосу, остальные — на половину полосы. Надо было печатать одинаково[1].

Снимок на третьей полосе опубликован без ведома ЦК. Публикация такого снимка без ведома ЦК выглядит как провокация[2]. Такого снимка (Сталин, Мао Цзэ-дун, Маленков) вообще не было. Это (произвольный) монтаж. Был общий снимок при подписании договора с Кит[айской] Народ[ной] Республикой. Редакция «Правды» допустила и другие нарушения. Первый почетный караул — был не полностью опубликован. Последний почетный караул (снимок был утвержд[ен] в ЦК) был опубликован так, что фамилии разделили. При выносе не были упомянуты, т. Первухин и т. Сабуров (в очерке Суркова в описании послед[него] почетного караула — одни охарактеризованы как верные ученики и соратники, другие без такой оценки[3].

Тов. Маленков подчеркнул, что у нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности. И сейчас надо сразу поправить (тенденции в этом направлении). Было бы неправильным, скажем, цитировать выступление (на траурном митинге) одного[4].

Не можем цитировать одного, потому что это, во-первых, незаслуженно, а во-вторых, неправильно с точки зрения культа личности.

А в случае с публикацией без ведома ЦК произвольно смонтированного фото — это выглядит как провокация («услужливость»... и т. д.).

Считаем обязательным прекратить политику культа личности. Цитаты (только) одного человека — нельзя публиковать. Тов. *Поспелов* как секретарь ЦК обязан обеспечить необходимый контроль за газетами и журналами в духе указаний Президиума ЦК[5].

РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54. Л. 68—69. Рукописный подлинник — автограф Поспелова.

Опубликовано: Максименков Л. В. Культ. Заметки о словах-символах в советской политической культуре // Свободная мысль. 1993. № 10. С. 40—41.

[1] Речь Маленкова на траурном митинге на Красной площади была опубликована на первой странице. Речи Берии и Молотова и фотография траурного кортежа — на вто-

рой странице. В то время как речь Маленкова опубликована в ширину всей полосы, речи Берии и Молотова были напечатаны параллельно, вдоль газетного листа.

[2] Фотография Ф. Кислова «Товарищи И. В. Сталин, Мао Дзэдун и Г. М. Маленков» была напечатана с пояснением: «Снимок сделан 14 февраля 1950 г. во время подписания Советско-Китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи».

[3] В статье А. Суркова «Великое прощание» говорилось: «2 часа ночи. В почетный караул становятся верные ученики и соратники великого Сталина товарищи Г. М. Маленков, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. 3. Сабуров, М. Г. Первухин. В почетном карауле тт. Н. М. Шверник, М. А. Суслов, П. К. Пономаренко, Н. А. Михайлов, А. А. Андреев, А. М. Василевский, Г. К. Жуков».

[4] В статье Б. Полевого было процитировано два абзаца из речи Маленкова на траурном митинге. Писатель отметил, что «в этой речи дается ясная программа партии и правительства».

[5] На следующий день, 11 марта 1953 г., «Правда» во всех своих публикациях — от передовой статьи «К новым, победам в борьбе за великое дело Ленина — Сталина!» до небольшой заметки из Финляндии «Советский Союз идет по сталинскому пути» — писала исключительно о речах «товарищей Маленкова, Берия, Молотова», не цитируя в отдельности ни одного из руководителей. Единственным исключением была статья И. Г. Эренбурга, но версия о причине этого недочета представляет тему для особого разговора, связанного с «делом врачей». О речи Маленкова Эренбург написал: «Это были мысли товарища Сталина, его заботы, его воля, и произнес эти слова его соратник, глава Советского правительства. Эти слова дойдут до всех простых людей, и вместе с нами они скажут: «Сталин жив». Знакомство с подшивкой газеты «Правда» за 15 марта — 5 июля 1953 г. подтверждает, что за это время были опубликованы только две фотографии нового советского коллективного руководства: на заседании Верховного Совета СССР 15 марта и на трибуне Мавзолея во время военного парада и демонстрации трудящихся 1 мая. Указания Президиума ЦК скрупулезно соблюдались в текстах газетных публикаций. В марте — конце июня речь Маленкова не цитировалась отдельно, а программные речи Маленкова, Берии и Молотова на траурном митинге упоминались вместе, в перечислениях.

№ 467
КРУЖКОВ И ЕВГРАФОВ — ХРУЩЕВУ ОБ ИЗГОТОВЛЕНИИ СЛЕПКОВ С ГОЛОВЫ И РУК СТАЛИНА

11 апреля 1953 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. ХРУЩЕВУ Н.С.

Министр культуры Союза ССР тов. Пономаренко П. К. сообщает, что по заданию Комиссии по организации похорон И. В. Сталина народным художником РСФСР скульптором Манизером изготовлены оригинал слепков с головы и рук И. В. Сталина и десять копий.

Тов. Пономаренко предлагает оригинал и первый экземпляр копии передать на хранение в Центральный музей В. И. Ленина. Последующие копии передать в Государственную Третьяковскую галерею (3 экз.); в Государственный Русский музей в Ленинграде (2 экз.); в Государственный музей русского искусства в г. Киеве (1 экз.); в Государственный музей искусств Грузинской ССР в г. Тбилиси (1 экз.); в лабораторию при мавзолее В.И. Ленина и И. В. Сталина (1 экз.); скульптору Манизеру М. Г. (1 экз.).

Кроме того, тов. Пономаренко просит разрешения изготовить два экземпляра слепков в бронзе и передать их на хранение в Третьяковскую галерею, а также предоставить право Главному управлению по делам искусств Министерства культуры СССР выдавать из хранилищ музеев копии слепков скульпторам и художникам во временное пользование для творческой работы над произведениями, посвященными жизни и деятельности И. В. Сталина.

Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС считает целесообразным оригинал слепков с лица и рук И. В. Сталина и первый экземпляр копии передать на хранение в Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК КПСС; пять копий Центральному музею В.И. Ленина с последующей передачей одной копии Ленинградскому, Тбилисскому, Киевскому и Ульяновским филиалам Центрального музея В.И. Ленина, после того, как в данных музеях будет подготовлена соответствующая экспозиция; две копии — Третьяковской галлерее, одну копию лаборатории при Мавзолее Ленина и Сталина; одну копию оставить у автора работы — скульптора Манизера.

Считаем также возможным принять предложение тов. Пономаренко об изготовлении двух экземпляров отливов копий в бронзе, из которых один передать Центральному музею В.И. Ленина и один — Третьяковской галерее.

Тов. Пономаренко просит предоставить право музеям, с разрешения Главного управления по делам искусств Министерства культуры СССР, выдавать копии слепков скульпторам и художникам во временное пользование для творческой работы над произведениями, посвященными жизни и деятельности И. В. Сталина. Принимая во внимание, что практика выдачи копий слепков с головы и рук В. И. Ленина во временное пользование художникам и скульпторам привела к изготовлению ими большого числа собственных копий, во многих случаях низкого качества, считали бы целесообразным рекомендовать художникам и скульпторам пользоваться для своей работы копиями слепков с головы и рук И. В. Сталина в соответствующих музеях.

Тов. Пономаренко с данными предложениями согласен.

Зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС
В. КРУЖКОВ

Зав. сектором Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС
В. ЕВГРАФОВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1487. Л. 100—101. Машинописный подлинник. Подписи — автографы.

На л. 100 рукописные резолюции: «Тов. Хрущев ознакомился. «Согласен». «Спросить мнение т. Поспелова». 15/4». «Согласен. П. Поспелов. 15/4-53 г.» «Архив. С контроля снять. Суханов. 18/4-53 г.» (там же, л. 100 об.). Штамп ЦК «Подлежит возврату в канцелярию Президиума» № 649, 20-4-1953 г.» (там же, л. 102—103). Письмо Пономаренко Маленкову от 30 марта 1953 г. почти без разночтений повторяет текст докладной записки Кружкова и Евграфова за исключением упоминания о том, что в Третьяковской галерее хранятся «все оригиналы слепков умерших деятелей советского государства». 31 марта Маленков переслал это письмо Хрущеву с резолюцией: «т. Хрущеву Н. С. Г. Маленков. 31/3». Резолюция оприходована по сталинской традиции альбомного права «№ 80/31.III-53». Эта инвентаризация говорит о том, кто ока-

зался в эти весенние дни марта 1953 г. реальным и номенклатурно-доказуемым наследником Сталина. Ответ: Маленков, который с премьерским креслом унаследовал и так называемое *альбомное* право.

№ 468
МАЛИН — В ПРЕЗИДИУМ ЦК О ПРОЕКТАХ ОТЧЕТНОГО ДОКЛАДА ЦК XIX СЪЕЗДУ КПСС

29 апреля 1955 г.

Членам Президиума ЦК КПСС

В архиве Президиума ЦК КПСС имеются два проекта «Отчетного доклада XIX съезду партии о работе Центрального Комитета», подготовленные т. Маленковым и направленные т. Сталину 17 июля 1952 г. и 2 августа 1952 г.

В тексте проекта отчетного доклада, направленного т. Маленковым 17 июля 1952 г., в разделе «Партия» имеется абзац о типическом в литературе и искусстве. При просмотре текста доклада т. Сталин этот абзац вычеркнул.

В тексте проекта отчетного доклада, направленного 2 августа 1952 г., абзац о типическом в литературе и искусстве отсутствует. Более поздних проектов доклада в архиве Президиума ЦК КПСС не имеется.

В тексте отчетного доклада, зачитанного т. Маленковым на XIX съезде партии, абзац о типическом в литературе и искусстве включен в раздел «Дальнейший подъем материального благосостояния, здравоохранения и культурного уровня жизни народа».

13 января 1953 г. на имя т. Сталина поступило письмо члена КПСС т. Бондаревой Н. А. В этом письме т. Бондарева обращает внимание на то обстоятельство, что формулировки о типическом в литературе и искусстве, приведенные в отчетном докладе т. Маленкова на XIX съезде партии, взяты из статьи «Реализм» в 9 томе литературной энциклопедии. Автор этой статьи Д. Мирский, бывший белоэмигрант, разоблачен и репрессирован как враг народа и шпион.

14 января 1953 г. письмо т. Бондаревой было направлено т. Маленкову быв. зав. Особым сектором ЦК КПСС т. Поскребышевым.

По поручению т. Хрущева настоящая справка и письмо Бондаревой рассылаются членам Президиума ЦК КПСС для ознакомления.

Заведующий Общим отделом ЦК КПСС
В. МАЛИН

РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 11. Л. 4. Машинописный подлинник. Подпись — автограф. Имеется штамп: «Прот. През. ЦК № 139, п. XXVIII».

В протоколе заседания Президиума ЦК КПСС от 8 августа 1955 г. п. XXVIII отложилось решение «Об определении типического в литературе и искусстве в отчетном докладе т. Маленкова на XIX съезде партии». Было поручено Суслову, Поспелову, Шепилову и Маленкову «продумать, в какой форме исправить допущенную т. Маленковым в отчетном докладе на XIX съезде партии ошибку в вопросе об определении типического в литературе и искусстве, и свои соображения представить в ЦК КПСС» (там же, л. 2).

№ 469
ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС «О МУЗЕЕ И. В. СТАЛИНА»

2 сентября 1953 г.

Постановление
Секретариата ЦК КПСС
протокол № 40, п. 331 от 2.IX. 1953 г.

О МУЗЕЕ И. В. СТАЛИНА

1. Принять предложение Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, ИМЭЛС и Центрального музея В. И. Ленина об организации на подмосковной даче, где жил и работал И. В. Сталин, мемориального Музея И. В. Сталина по типу Музея В. И. Ленина в Горках, с подчинением Центральному Музею В. И. Ленина.

2. Утвердить директора Музея И. В. Сталина т. Бакулина И. С. заместителем директора Центрального музея В. И Ленина.

3. Обязать Центральный музей В. И. Ленина (т. Морозова) закончить всю работу по созданию экспозиции Музея И. В. Сталина к 15.X и открыть Музей для посетителей с 10.XI с.г.

4. Поручить Отделу пропаганды и агитации ЦК КПСС (т. Кружкову) и ИМЭЛС (т. Обичкину) рассмотреть экспозицию Музея И. В. Сталина и доложить об этом Секретариату ЦК КПСС 20.X с. г.

5. Утвердить представленные Отделом пропаганды и агитации и Управлением делами ЦК КПСС штаты Музея И. В. Сталина, согласно приложению.

6. Передать все служебные помещения, находящиеся при даче И. В. Сталина, в распоряжение Высшей партийной школы при ЦК КПСС для учебных целей.

Секретарь ЦК ХРУЩЕВ

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1487. Л. 107. Машинописный подлинник. Подпись Хрущева — факсимиле.

Пометка: «т. Суховой. С контроля снят. ДС. 4/9-53 г. Отмечено 4/9-53 г. Е. Сухова». Было утверждено количество работников музея: сорок. Фонд месячной зарплаты — 29 200 рублей. Пять рабочих по парку и саду. Директор с окладом 4 000 рублей (там же, л. 108).

№ 470
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ СМЕРТИ И. В. СТАЛИНА»

10 февраля 1954 г.

Копия
СЕКРЕТНО
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Коммунистическая Партия Советского Союза
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
№ П5О/IV
10 февраля 1954 года
Т.т. Хрущеву, Швернику, Суслову, Поспелову, Шаталину, Кружкову, Шелепину, Зорину – все;

Т. т. Румянцеву, Шепилову, Абалину, Пальгунову, Обичкину, Желтову, Чумаченко; редакторам указанных журналов; Обкомам, крайкомам партии, ЦК компартий союзных республик – п.п.1, 2, 3, 4;
Тов. Мельникову (УД Совмина СССР) – п. 4

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 50 ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК ОТ 8 ФЕВРАЛЯ 1954 ГОДА

О первой годовщине со дня смерти И.В. Сталина

1. Опубликовать 5 марта 1954 года в центральных, республиканских, краевых и областных газетах передовые и другие статьи, посвященные памяти И. В. Сталина. В связи с этим послать для республиканских, краевых и областных газет через пресс-бюро «Правды» соответствующие пропагандистские статьи. В журнале «Коммунист» опубликовать передовую статью, посвященную И. В. Сталину.

В передовых статьях, публикуемых в марте 1954 года, в журналах «Вопросы философии», «Вопросы экономики», «Вопросы истории», «Плановое хозяйство», «Молодой коммунист», а также в республиканских партийных журналах отметить роль И. В. Сталина как продолжателя дела Ленина.

В статьях, посвященных И. В. Сталину, показать его как великого продолжателя дела В.И. Ленина, осветить роль в связи с деятельностью Коммунистической партии и советского народа по строительству социалистического общества, отразить незыблемое единство партии и советского народа.

В качестве основных руководящих документов для подготовки статей использовать Обращение ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР «Ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза», опубликованное в связи с кончиной И.В. Сталина, Тезисы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС, Института Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза», решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС и последующие постановления Партии и Правительства.

2. Провести беседы, посвященные памяти И. В. Сталина, на предприятиях, в цехах, в колхозах, совхозах, МТС, в учреждениях и воинских частях.

3. В журналах «Огонек», «Советский Союз», «Смена», «Советская женщина», «Работница» и «Крестьянка», а также в газетах поместить портрет И. В. Сталина.

4. В день 5 марта на зданиях учреждений, предприятий, общественных организаций и домоуправлений вывесить траурные флаги.

5. В связи с запросами братских коммунистических и рабочих партий направить настоящее постановление послам СССР в страны народной демократии, КНР, КНДР, ГДР, МНР и Финляндии, поручив им информировать ЦК соответствующих партий.

Секретарь ЦК

13-кп

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1487. Л. 110—111. Ротационная выписка из подлинника протокола.

Пометка неизвестного: Серия «П» № П641 Основой для этого постановления стала записка от 4 февраля 1954 г. Суслова, Поспелова и Кружкова на имя Хрущева (там же,

л. 112). За день до этого, 3 февраля, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК Кружков послал инициирующую записку, которая была адресована «Товарищу Маленкову Г. М.» (в правом верхнем углу), но основным адресатом с указанием должности выступал «Секретарь ЦК КПСС тов. Хрущев Н.С.» (там же, л. 113—114).

№ 471
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 165 ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

21 октября 1955 г.

П. 3. ОБ ОШИБКЕ В ДОКЛАДЕ Т. МАЛЕНКОВА НА XIX СЪЕЗДЕ ПАРТИИ ПО ВОПРОСУ О ТИПИЧЕСКОМ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Президиум ЦК КПСС отмечает, что в докладе тов. Маленкова Г. М. на XIX съезде партии допущена ошибка, заключающаяся в том, что в текст отчетного доклада ЦК КПСС включена формулировка определения типического в литературе и искусстве из статьи «Реализм» Д. Мирского, опубликованной в 1935 г. в IX томе Литературной энциклопедии[1]. В силу этого высказывания Мирского в литературной среде стали принимать нередко как директиву, в то время как по существу эти высказывания являются схоластическими. Подобного рода ошибка могла произойти лишь в результате недобросовестности работников, подготовлявших предварительные материалы к докладу и некритического отношения к этим материалам докладчика т. Маленкова.

Президиум ЦК КПСС постановляет:

1. Принять к сведению заявление т. Маленкова о том, что он признает допущенную им ошибку, заключающуюся в том, что в тексте отчетного доклада XIX съезду оказалась включенной формулировка Мирского по вопросу о типическом в литературе и искусстве.

2. Предложить редакции журнала «Коммунист» опубликовать статью, в которой было бы разъяснено, что указанную выше формулировку об определении типического в литературе не следует воспринимать как партийную установку в понимании типического в литературе и искусстве.

3. Разослать настоящее постановление обкомам, крайкомам, и ЦК компартий союзных республик и редакциям центральных общеполитических газет, литературно-художественных и общественно-политических журналов[2].

РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 11. Л. 13—14. Отпечатанный на ротапринте текст.

[1] В проекте постановления написано: «Литературной газеты».

[2] 13 октября 1955 г. текст проекта постановления был представлен Сусловым, Шепиловым и Маленковым на рассмотрение Президиума ЦК, на круговое голосование членов Президиума ЦК. 21 октября 1955 г. было принято решение. Оно было разослано членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, Секретарям ЦК КПСС, заведующим отделами ЦК, Шелепину, Суркову, Румянцеву («Коммунист»), Михайлову, ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, райкомам партии, редакциям центральных и республиканских общеполитических газет, редакциям литературно-художественных и общественно-политических журналов.

№ 472
РУМЯНЦЕВ — В ЦК КПСС ОБ ОПУБЛИКОВАНИИ СТАТЬИ О ТИПИЧЕСКОМ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

26 января 1956 г.

Подлежит возврату в 1-й сектор
Общего отдела ЦК КПСС
№ П377
Ознакомить членов Президиума и Секретарей ЦК
Д. Шепилов

В Центральный Комитет КПСС

В соответствии с поручением ЦК КПСС редакционная коллегия журнала «Коммунист» опубликовала статью «К вопросу о типическом в литературе и искусстве» («Коммунист», № 18, 1955 г.). Статья вызвала в целом положительный отклик в творческих организациях, научных учреждениях, учебных заведениях и среди читателей.

В редакцию поступают письма по поводу этой статьи. Поступили письма от Б. Е. Платонова, А. А. Родькина (г. Ленинград), Н. Т. Мамонова (г. Владимир), Н. Г. Слободчикова (г. Рига), Я. Б. Крочек (г. Хмельницкий) и другие. Наряду с положительной оценкой статьи в этих письмах высказываются замечания и ставятся вопросы, о которых считаем необходимым довести до сведения ЦК.

Суть этих вопросов сводится к следующему: какая точка зрения на типическое в литературе и искусстве является точкой зрения партии: та ли, которая изложена товарищем Г. М. Маленковым в отчетном докладе XIX съезду партии о работе ЦК, или та, которая изложена в редакционной статье «Коммуниста»?

Так, Н. Т. Мамонов пишет, что статью о типическом он прочитал с большим интересом; вместе с тем, он просит разъяснить: «следует ли эту статью... рассматривать директивной в противовес определению этого вопроса в докладе т. Маленкова на XIX съезде КПСС», или «данная статья журнала является только материалом, опубликованным в порядке дискуссии?»

А. А. Родькин просит редакцию ответить на следующие вопросы, которые, по его мнению, «могут быть заданы любому из пропагандистов»:

1) «Кто является, — пишет А. А. Родькин, — действительным автором этих схоластических и ошибочных формулировок о типическом в художественном творчестве, т. к. еще ранее, до Великой Отечественной войны, мне приходилось в каком-то из справочников или какой-то энциклопедии читать такие же формулировки по этому вопросу?

2) Как могло случиться, что в такой ответственный документ, ставший руководящим для всей партии, — отчетный доклад ЦК съезду, могли попасть противоречащие духу марксизма-ленинизма формулировки?

3) Можно ли считать указанную передовую статью «Коммуниста» как документ, отменяющий неправильные формулировки доклада тов. Маленкова?

4) Было ли по этому вопросу решение ЦК КПСС и если было, то будет ли оно доведено до партийных организаций? Или эта передовая статья и является изложением решения ЦК?»

Н. Г. Слободчиков просит разъяснить ему:

«В каком из приведенных двух положений о типичности в литературе и в искусстве – в докладе ЦК на XIX съезде или в статье журнала «Коммунист» – заключается марксистско-ленинская точка зрения?»

Такого рода письма продолжают поступать в редакцию «Коммуниста».

Обращает на себя внимание и тот факт, что «Правда», «Комсомольская правда» и другие центральные газеты, а также печатные органы Союза писателей до сих пор не опубликовали статей о проблеме типичности в искусстве и выступление журнала «Коммунист» рассматривается только как точка зрения редакции.

Информируя о поступающих в редакцию письмах по вопросу о типическом, прошу Ваших указаний.

А. РУМЯНЦЕВ,
главный редактор журнала «Коммунист»

26 января 1956 г.

РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 11. Л. 20—21. Отпечатанный на ротапринте текст.

[1] На л. 20 автограф Чернухи «На рассмотрение Секретариата ЦК КПСС (указание т. Хрущева Н. С.) В. Чернуха. 6.3.56 г.». Пометка рукой неизвестного в нижнем правом углу на л. 20: «В архив. Вопрос рассмотрен на с[екретариа]те 15/3-56 г.». Решено принять меры в оперативном порядке соответствующими отделами ЦК (там же, л. 18—19).

№ 473
МАТЕРИАЛ ДЛЯ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС «О БИОГРАФИИ И. В. СТАЛИНА»

15 июня 1956 г. (не ранее)

1. В связи с решением XX съезда партии о ликвидации пережитков и последствий культа личности необходимо дать критическую оценку второму изданию книги «Краткая биография И. В. Сталина», получившей широкое распространение. Эта книга написана в чуждом марксизму-ленинизму духе культа личности Сталина и непомерного восхваления его заслуг; в ней искажаются исторические факты, принижается роль народа, партии и В. И. Ленина в социалистической революции и в строительстве социализма. Эта «Биография» не только не может служить делу воспитания членов партии и народа в духе идей марксизма-ленинизма, а, наоборот, она способна засорить и засоряет головы читателей чуждыми научному коммунизму взглядами и идеями.

Биография была написана авторским коллективом в обстановке процветания культа личности Сталина. Авторский коллектив не проявил объективности и в угоду культу личности принес в жертву историческую правду. Книга переполнена льстивыми характеристиками Сталина, как «гениального вождя», «несравненного мастера марксистского диалектического метода», «великого стратега социалистической революции». Сталину приписываются черты непогрешимого мудреца, сверхчеловека.

Первая часть биографии Сталина основана, в значительной мере, на книжке Л. Берия, фальсифицирующей факты и события истории закавказских с.-д. организаций. В биографии (см. стр. 11—23) проводится фальшивая идея о

двух параллельных центрах зарождения Российской социал-демократии: Петербургском союзе борьбы за освобождение рабочего класса во главе с Лениным и тбилисской с.-д. организации во главе со Сталиным. Сталин, который в 1905 году был известен лишь небольшому кругу людей, характеризуется как крупнейшая литературная и теоретическая сила партии, как политический вождь пролетариата (см. стр. 25). Его популярная брошюра «Коротко о партийных разногласиях» объявляется выдающимся произведением большевистской мысли и ставится в ряд с гениальной книгой Ленина «Что делать?».

Работа Сталина «Марксизм и национальный вопрос» в биографии характеризуется так, что Сталин будто бы впервые дал в ней марксистскую теорию нации, сформулировал основы большевистского подхода к решению национального вопроса, обосновал большевистский принцип интернационального сплочения рабочих (54–55 стр.). Такая оценка этой работы Сталина принижает значение классических произведений Маркса и Ленина по национальному вопросу.

В биографии обойден вопрос об ошибочной позиции И. В. Сталина, которую он занимал в период Февральской революции, до приезда В. И. Ленина из эмиграции в апреле месяце. Более того, в биографии сказано, что Сталин выступал против полуменьшевистской позиции условной поддержки Временного правительства, которую занимали Каменев и другие оппортунисты. В действительности же И. В. Сталин в то время стоял на позиции, сходной с Л. Каменевым.

В биографии неправдиво, в духе восхваления, вопреки историческим фактам, освещается роль И. В. Сталина в подготовке и проведении Октябрьской социалистической революции. В ней сказано: «Он непосредственно руководит всем делом подготовки восстания» (стр. 65). Таким образом, роль ЦК партии, Ленина в подготовке и проведении восстания оказалась в тени, — их заслонила фигура И. В. Сталина.

В биографии имеет место явное преувеличение роли И. В. Сталина в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Сталин «характеризуется как непосредственный вдохновитель и организатор важнейших побед Красной Армии, как творец важнейших стратегических планов» (стр. 82–83).

Исторически неправдиво показана роль И. В. Сталина в образовании Союза Советских Социалистических Республик (стр. 89), замалчивается тот факт, что вначале Сталин защищал идею так называемой «автономизации», т. е. вхождения всех национальных республик в состав РСФСР. Эта неправильная сталинская позиция была подвергнута В. И. Лениным решительной критике.

Бесспорно большое значение в защите ленинизма, в борьбе с троцкизмом имела известная работа И. В. Сталина «Об основах ленинизма». Это показано в биографии; однако в ней умалчивается о том, что в первом издании этой книги была допущена принципиальная ошибка. Сталин писал тогда: «Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства, усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, — для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран» («Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 142, 1952 г.).

Эта ошибка была признана и исправлена впоследствии самим Сталиным во втором издании работы «Об основах ленинизма».

В биографии не классические философские труды В.И. Ленина, а популярная брошюра Сталина «О диалектическом и историческом материализме» объявляется последним словом марксистской философской мысли.

В полном противоречии с духом и методом марксизма в биографии утверждается, что Сталин «создал цельное и законченное учение о социалистическом государстве» (стр. 171). Таким образом, эта формула, находящаяся в прямом противоречии с положением Ленина о разнообразии форм диктатуры пролетариата, заранее исключает возможность исторического творчества рабочего класса различных стран в создании новых форм своей государственности.

В духе культа личности И. В. Сталина в биографии освящена его роль в деле строительства социализма и в Великой Отечественной войне. По существу одному Сталину приписываются все победы, одержанные советским народом под руководством партии.

2. И. В. Сталин, подвергнув представленный ему макет биографии тщательному и радикальному редактированию, не только не устранил, а наоборот, усилил чуждые марксизму идеи непомерного возвеличивания его роли, прославления и восхваления его личности.

Вот некоторые примеры того, как И. В. Сталин «отредактировал» свою биографию. Так, И. В. Сталин собственноручно вписал в текст макета биографии, что он является «ведущей силой партии и государства» (стр. 105). Такая приписка является не только примером самовосхваления, но и отступлением от основ марксистско-ленинской теории, переходом на взгляды идеализма.

Марксизм признает ведущей, движущей силой государства тот или иной общественный класс, а не отдельную личность.

Ведущей силой Советского государства является рабочий класс и его авангард – партия.

В ряде своих выступлений Сталин давал правильные, в духе марксизма, характеристики роли народных масс и личности в истории, в строительстве социализма. Но говорил он одно, а делал другое, всячески поощрял и насаждал культ собственной личности, совершенно утратив всякое чувство большевистской скромности.

Ярким примером этого является следующая хвалебная автохарактеристика Сталина, вставленная им при редактировании своей биографии: «Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа и имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования».

В макете биографии было сказано: «Сталин – это Ленин сегодня». Не удовлетворившись этим, Сталин переделал фразу следующим образом: «Сталин – достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин – это Ленин сегодня» (стр. 240).

Сталин также внес в текст макета биографии дополнения, в которых он восхваляет самого себя как полководца, развившего советскую военную науку и мастерски осуществлявшего руководство военными операциями. Все эти поправки ярко характеризуют стремление Сталина преувеличить свою роль в истории партии за счет умаления роли Ленина. Такое «редактирование»

И. В. Сталиным своей биографии, вносившиеся им «поправки» сковывали составителей биографии, мешали им дать исторически правдивое, объективное освещение деятельности И. В. Сталина.

3. Всякая подлинно научная биография должна быть исторически правдивой, объективной. Она должна исходить из марксистского понимания роли народных масс, партии и вождей в истории, в общественной жизни. Этим основным требованиям не отвечает «Краткая биография И. В. Сталина» (второе издание).

В целях правильного воспитания наших кадров и полного преодоления культа личности Сталина необходимо составить для очередного тома Большой Советской Энциклопедии краткую биографию Сталина. В этой биографии следует показать действительную роль И. В. Сталина в истории нашей партии, в строительстве социализма в нашей стране, а также в международном рабочем движении.

При этом необходимо привести основные положения характеристики, данной Лениным И. В. Сталину, отметить его отрицательные черты, внушавшие серьезные опасения Ленину.

В биографии нужно подвергнуть критике культ личности Сталина, показать его ошибки, произвол и злоупотребление властью, допущенные им особенно в последние годы его жизни.

Следует осветить, что И. В. Сталин после XVII съезда партии стал грубо нарушать ленинский принцип коллективности руководства, допустил серьезные ошибки в руководстве сельским хозяйством, в военных делах, в области внешней политики, что привело к тяжелым последствиям для партии и страны.

В настоящее время еще не представляется возможным дать исчерпывающую оценку допущенным И. В. Сталиным ошибкам и нарушениям ленинских принципов. Это должно найти в свое время должное освещение при разработке истории Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства.

Следует отметить, что не все еще в нашей партии учитывают и понимают тот серьезный ущерб, который был нанесен нашей партии, ее идейно-политической жизни, нашему государству чуждым марксизму культом личности И. В. Сталина. Поэтому необходимо продолжать систематическую партийно-воспитательную работу по полному преодолению культа личности И. В. Сталина и его последствий, по более глубокому разъяснению марксистско-ленинского понимания роли народных масс в развитии общества, роли революционной марксистской партии, роли ее коллективного руководства. Марксизм-ленинизм осуждает как культ личности, так и мелкобуржуазное, анархическое отрицание роли руководителей, значение их авторитета.

Важнейшая задача идеологической работы партии на современном этапе состоит в том, чтобы во всей полноте показать величие основателя партии и Советского государства В. И. Ленина, показать всепобеждающую силу идей ленинизма, их торжество и всемирно-историческое значение.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1287. Л. 25—31. Машинописный текст.

Имеется пометка В. Н. Чернухи от 15 июня о том, что по указанию Хрущева текст разослан как материал Президиума ЦК (№ П1590) в качестве приложения к протоколу № 27 п. 47 членам, кандидатам в члены Президиума ЦК и секретарям ЦК.

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ВЫБОРОЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СМИ, АГЕНТСТВ, ИЗДАТЕЛЬСТВ*

* Указаны номера документов.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Агитмассовое искусство Советской России: Материалы и документы: Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918—1932 / Под ред. В. П. Толстого; Сост. И.М. Бибикова и др. М.: Искусство, 2002.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922—1991. Т. 1 (1922—1952) / Сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000.

Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953—1957: Документы / Под ред. В. Ю. Афиани: Сост. З. К. Водопьянова (отв. сост.) и др. М.: РОССПЭН, 2001.

Бабиченко Д. Л. ЦК ВКП(б) и советская литература // Проблемы политического влияния и руководства, 1939—1946 гг.: Диссертация кандидата исторических наук в форме научного доклада: 07.00.01. М., 1995.

Белов С. В. Энциклопедия «Книга». М: Большая российская энциклопедия, 1999.

Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927 гг. / Сост. А. В. Квашонкин и др. М.: РОССПЭН, 1996.

Власть и художественная интеллигенция / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999.

Во главе культурного строительства. Московские коммунисты — организаторы и руководители культурного строительства в столице. Кн. 1: Ноябрь 1917 г. — июнь 1941 г. М.: Московский рабочий, 1983.

Вопросы методики работы партийных архивов: Сб. статей / Под ред. Ю. Н. Амиантова. М.: ИМЛ, 1989, 1990.

Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР, 1917—1991. М.: РОССПЭН, 2002.

Горяева Т. М. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920—1930 годы: Документированная история. М.: РОССПЭН, 2000.

Диалог писателей. Из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920—1970 / Под ред. Т. В. Балашовой (отв. ред.). М.: ИМЛИ, 2002.

Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы / Под ред. К. Аймермахера; Сост. В. Ю. Афиани (отв. сост.) и др. М.: РОССПЭН, 2002.

Залесский К. А. Империя Сталина; Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000.

Зеленов М. В. ЦК РКП(б) — ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Н. Новгород: Волго-Вятская академия государственной службы, 2000.

Зубкова Е. Ю. Общественные настроения в послевоенной России, 1945—1953 гг.: Диссертация доктора исторических наук: 07.00.02. Центр изучения отечественной культуры Института российской истории РАН. М., 2000.

Идеологические комиссии ЦК КПСС, 1958—1964.: Документы / Сост. Е. С. Афанасьева и др. М.: РОССПЭН, 1998.

Из истории литературных объединений Петрограда — Ленинграда 1917—1930-х годов: Исследования и материалы. Кн. 1 / Под ред. В. П. Муромского. СПб.: Наука, 2002.

История советской политической цензуры: Документы и комментарии / Сост. Т. М. Горяева. М.: РОССПЭН, 1997.

История советской радиожурналистики: Документы. Тексты. Воспоминания. 1917—1945 / Сост. Т. М. Горяева. М.: Издательство МГУ, 1991.

Квашонкин А. В. Деятельность Московской городской партийной организации по политическому воспитанию рабочего класса (1926—1932 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Государственный комитет СССР по народному образованию. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1989.

Коммунистическая партия Советского Союза. Вопросы идеологической работы: Сб. важнейших решений КПСС. 1954—1961 годы. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.

Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / Под ред. П. Н. Федосеева и К. У. Черненко. 8-е изд. Т. 1—14. М.: Издательство политической литературы, 1970—1982.

Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. Т. 1—15. М.: Издательство политической литературы, 1983—1988.

Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС о культуре, просвещении и науке: Сб. документов. М.: Издательство политической литературы, 1963.

Коммунистическая партия Советского Союза. Отдел пропаганды, Общий отдел ЦК КПСС. Об идеологической работе КПСС: Сб. документов. М.: Издательство политической литературы, 1977.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001.

КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. 2-е изд., доп. М.: Издательство политической литературы, 1987.

Культурная жизнь в СССР. 1928—1941: Хроника / Сост. С. Н. Базанов, Н. П. Жилина, В. А. Козлов и др. М.: Наука. 1976.

Культурная жизнь в СССР. 1941—1950: Хроника / Сост. Т. С. Чанышева. М.: Наука, 1977.

Культурная жизнь в СССР. 1951—1965: Хроника / Сост. Н. П. Жилина. М.: Наука, 1979.

Культурная жизнь в СССР. 1966—1977: Хроника / Сост. М. Б. Кейрим-Маркус. М.: Наука, 1981.

Ленин и «Известия»: Документы и материалы. 1917—1922 / Сост. Р. А. Лавров, Б. В. Яковлев. М.: Издательство политической литературы, 1975.

Ленин и книга. М.: Издательство политической литературы, 1964.

Ленин и культура: Хроника событий. Дооктябрьский период / Сост. В. В. Горбунов. М.: Мысль, 1976.

Ленин и культурная революция: Хроника событий (1917—1923 гг.) / Сост. Л. В. Иванова, М. Б. Кейрим-Маркус, С. С. Тарасова. М.: Мысль, 1972.

В. И. Ленин: неизвестные документы / Сост. Ю. Н. Амиантов, Ю. А. Ахапкин, В. Н. Степанов. М.: РОССПЭН, 1999.

Литературный фронт. История политической цензуры 1932—1946 гг.: Сборник документов / Сост. Д. Л. Бабиченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994.

Лубянка: Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936 / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: МФД, 2003.

Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917—1991: Справочник / Сост А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2003.

Невежин В. А. Застольные речи Сталина: Документы и материалы. М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Невежин В. А. Культурные связи СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. Московский историко-архивный институт. М., 1990.

Невежин В. А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939—1941 гг. М., 1997.

Невежин В. А. Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне, вторая половина 30-х — начало 40-х гг.: Диссертация доктора исторических наук: 07.00.02. М., 1999.

Ортенберг Д. И. Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М.: МП «Кодекс», Объединенная редакция МВД России, 1995.

Писатели и цензоры // Советская литература 1940-х гг. под политическим контролем ЦК / Сост. Д. Л. Бабиченко. М.: Изд. центр «Россия молодая», 1994.

Письма во власть: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. 1928—1939 гг. / Сост. А. Я. Лившин. М.: РОССПЭН, 1998.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП (б) и Европа. Решения «Особой папки» (1923—1939) / Сост. Г. М. Адибеков и др. М.: РОССПЭН, 2001.

Русский драматический театр: Энциклопедия / Под ред. М. И. Андреевой. М.: Большая российская энциклопедия, 2001.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М.: Книга, 1990.

Советская жизнь, 1945—1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова и др. М.: РОССПЭН, 2003.

Советская повседневность и массовое сознание, 1939—1945 / Сост. А. Я.Лившин, И. Б. Орлов, М.: РОССПЭН, 2003.

Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. / Под ред. А. В. Квашонкина. М.: РОССПЭН, 1999.

Счастье литературы // Государство и писатели, 1925—1938: Документы / Сост. Д. Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997.

Торчинов В. А., Леонтюк А. М. Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000.

Федор Панферов. Воспоминания друзей / Сост. Б. Брайнина, Д. Дроздов. М.: Советский писатель, 1964.

Фонд документов В. И. Ленина. 2-е изд., доп. М.: Издательство политической литературы, 1984.

Фонд документов В. И. Ленина. М.: Издательство политической литературы, 1970.

Хижняков С. С., Хлевнюк О. В. XVIII партконференция: время, проблемы, решения. М.: Политиздат, 1990.

Хлевнюк О. В. 1937 год: противостояние. М.: Знание, 1991.

Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992.

Хлевнюк О. В., Козлов В. А. Начинается с человека: Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов. М.: Политиздат, 1988.

Хлевнюк О. В. Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930-е годы.: Механизмы политической власти в СССР: Автореферат диссертации доктора исторических наук: 07.00.02. М., 1996.

Хлевнюк О. В. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР, 1945—1953 / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2002.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996.

Хлевнюк О. В. Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. документов. М.: Изд. центр «АИРО-XX», 1995.

Хлевнюк О. В. Ударники первой пятилетки. М.: Знание, 1989.

Хлевнюк О. В., Козлов В. А. Первые пятилетки: люди, темпы, свершения. М.: Знание, 1987.

Хлевнюк О. В., Козлов В. А. Стахановское движение: время и люди. М.: Знание, 1984.

Цензура в Советском Союзе 1917—1991 гг.: Документы / Сост А. В. Блюм. М.: РОССПЭН, 2004.

Ermolaev, Herman. Censorship in Soviet Literature. 1917—1991. Lanham, Boulder: Rowman & Littlefield, 1997.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

«Амбиджан» — Американо-биробиджанский комитет.
АН СССР — Академия наук СССР.
АО — акционерное общество.
АОМС — Административный отдел Московского Совета.
АП — Александр Поскребышев.
АПО — Агитпропотдел, Отдел агитации и пропаганды.
АПП — Ассоциация пролетарских писателей
АППО — Отдел агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б).
АП РФ — Архив Президента Российской Федерации.
АРА — American Relief Administration.
АСО — антисоветская организация.
АХРР — Ассоциация художников революционной России.
Белгоскино — Белорусское государственное кинообъединение.
БМИ — Бюро международной информации ЦК.
б/п — беспартийный.
БСЭ — Большая советская энциклопедия.
Бумбюро — Бюро по бумажной промышленности и полиграфии при СНК.
ВАПП — Всероссийская ассоциация пролетарских писателей.
ВВС — Военно-воздушные силы.
Верхсуд — Верховный суд (РСФСР и СССР).
ВИЭМ — Всесоюзный институт экспериментальной медицины.
ВКИП — Высший коммунистический институт просвещения.
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.
Внешторг — Народный комиссариат внешней торговли.
ВОАПП — Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей.
вогру — военная группа.

ВОКП	— Всероссийское общество крестьянских писателей.
ВОКС	— Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.
ВОПКП	— Всесоюзное объединение пролетарско-колхозных писателей.
ВПЦ	— военно-политическая цензура.
ВС	— Верховный Совет.
Всерабис	— Всероссийский профсоюз работников искусств.
ВСНХ	— Высший совет народного хозяйства.
ВСФК	— Высший совет по физической культуре при ЦИК СССР.
вуз	— высшее учебное заведение.
ВУСП	— Всеукраинский союз советских писателей.
ВУЦИК	— Всеукраинский центральный исполнительный комитет.
ВЧ	— высокочастотная связь (правительственная).
ВЦСПС	— Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.
ГАБТ	— Государственный академический Большой театр в Москве.
Геолком	— Геологический комитет.
Главсевморпуть	— Главное управление Северного морского пути.
ГДР	— Германская Демократическая Республика.
ГИЗ, Госиздат	— Государственное издательство
Гипровато	— Государственный институт проектирования заводов автотракторной промышленности.
ГИХЛ	— Государственное издательство «Художественная литература».
Главбум	— Главное управление бумажной промышленности.
Главискусство	— Главное управление по делам искусства.
Главлит	— Главное управление по охране государственной тайны в печати.
Главпур	— Главное политическое управление.
ГО НКВД	— городской отдел НКВД.
ГОПБ МК РФ	— Государственная общественно-политическая библиотека Министерства культуры Российской Федерации.
ГОРТ	— городская торговля (сеть магазинов).
Госкино	— Государственное кинообъединение.
Госплан	— Государственный плановый комитет СССР.
ГПП	— Главполитпросвет.
ГПУ	— Государственное политическое управление.
ГРК	— Главный комитет по контролю за репертуаром при Главлите.
губисполком	— губернский исполнительный комитет.

ГУГБ — Главное управление государственной безопасности НКВД СССР.
ГУКФ — Главное управление кинофотопромышленности.
ГУМ — Государственный универсальный магазин.
ДВК — Дальневосточный край.
ДВКрайком — Дальневосточный крайком ВКП(б).
ЕАО — Еврейская автономная область.
ЕСДРП — Еврейская социал-демократическая рабочая партия.
жакт — жилищно-арендное кооперативное товарищество.
ж. д., ж.-д. — железная дорога, железнодорожный.
жургаз — журнально-газетное объединение.
ЗИС — Завод имени Сталина (автомобильный, Москва).
ЗиФ — «Земля и фабрика» (издательство).
изо — изобразительное искусство.
ИЗОГИЗ — Государственное издательство изобразительного искусства, основано в 1930 г., с 1963 по 1969 г. — «Советский художник», затем — «Изобразительное искусство».
ИКК — Интернациональная контрольная комиссия Коминтерна.
ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала.
ИКП — Институт красной профессуры.
ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма.
ИМЭЛ, МЭЛ — Институт Маркса — Энгельса — Ленина.
ИМЭЛС — Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.
Ино — Иностранный отдел (ОГПУ, газет «Правда», «Известия» и т. д.).
Инороста — Иностранный отдел Российского телеграфного агентства.
истпарт — история партии, комиссия по изучению истории партии.
ИФЛИ — Институт философии, литературы и истории.
КВЖД — Китайско-восточная железная дорога.
КИ — Коммунистический интернационал.
КИМ — Коммунистический интернационал молодежи.
КК — контрольная комиссия.
КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия (М., 1962—1978).
КНДР — Корейская Народно-Демократическая Республика.
КНР — Китайская Народная Республика.
КОГИЗ — Книжное объединение государственного издательства.

Комакадемия — Коммунистическая академия.
Компрод — Комиссариат продовольствия.
КПГ — Коммунистическая партия Германии.
КпДИ — Комитет по делам искусств при СНК СССР.
к.-р. — контрреволюционный.
КСК — Комиссия советского контроля при СНК СССР.
КСМ — комсомол, комсомольский.
Культпроп — Отдел культуры и пропаганды ЦК.
л. — лист (архивного дела, единицы хранения).
ЛАПП — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей.
лектехсырье — лекарственно-техническое сырье.
Ленгиз — ленинградский ГИЗ.
Ленжет — Ленинградский жировой трест.
Лечсанупр — Лечебно-санитарное управление (Кремля).
ЛИЯ — Институт литературы и языка Коммунистической академии.
ЛК — Ленинградский комитет ВКП(б).
ЛО — Ленинградское отделение.
ЛСПО — Ленинградский союз потребительских обществ
МАЛЕГОТ — Ленинградский Малый театр оперы и балета.
МАПП — Московская ассоциация пролетарских писателей.
методкабинет — методический кабинет.
МВО — Московский военный округ.
МГБ — Министерство государственной безопасности.
МГК — Московский городской комитет (ВКП(б), ВЛКСМ).
МГСПС — Московский городской совет профессиональных союзов.
МК — Московский комитет.
МНР — Монгольская Народная Республика.
МОПР — Международная организация помощи борцам революции.
МОРП — Международное объединение революционных писателей.
Моспс — Московский областной совет профессиональных союзов.
МОСХ — Московское объединение советских художников.
МСПО — Московский союз потребительских обществ.
МТС — машинно-тракторная станция.
МЭЛ — см. ИМЭЛ.
МХАТ, МХТ — Московский художественный академический театр.

Наркомздрав	— Народный комиссариат здравоохранения, нарком здравоохранения.
Наркомюст, НКЮ	— Народный комиссариат юстиции.
Наркомвнудел, НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел.
Наркоминдел, НКИД	— Народный комиссариат иностранных дел.
Наркомторг, НКТорг	— Народный комиссариат торговли.
Наркомтяжпром, НКТП	— Народный комиссариат тяжелой промышленности.
Нарпит	— профессиональный союз работников общественного питания.
НКВоенмор	— Народный комиссариат по военным и морским делам.
НКВТ	— Народный комиссариат внешней торговли.
НКЗ	— Народный комиссариат земледелия.
НКО	— Народный комиссариат обороны.
НКПС	— Народный комиссариат путей сообщения.
НКПрод	— Народный комиссариат продовольствия.
НКПрос	— Народный комиссариат просвещения.
НК РКИ	— Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции.
н. ст.	— новый стиль.
НЭП	— новая экономическая политика.
обком, ОК	— областной комитет (партии, комсомола, профсоюза).
облсобес	— областной отдел социального обеспечения.
о-во	— общество.
ОГИЗ	— Объединение государственных издательств.
ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление (ЧК — НКВД).
ОНО	— отдел народного образования.
ОП	— «Особая папка» протоколов Политбюро.
ОПК	— отдел политического контроля (цензура) ОГПУ.
ОБ	— Оргбюро.
орграспред	— организационно-распределительный (отдел).
ОРПО	— Отдел руководящих партийных органов ЦК ВКП(б).
ОСО	— Особое совещание.
Осоавиахим	— Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР.
ОС ЦК ВКП(б)	— Особый сектор ЦК ВКП(б).
ПБ, Политбюро	— Политическое бюро ЦК ВКП(б).
Петросовет	— Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов.
политконтроль	— политический контроль, отдел политической цензуры ОГПУ. См. также ОПК.
полпредство	— полномочное представительство (СССР за границей, ОГПУ в областях).

Помгол — Комиссия помощи голодающим при ВЦИК (1921–1922).
п/р — под руководством.
ПСС — Полное собрание сочинений (Ленина, Толстого и т. д.).
ПУР (ПУ) — политуправление.
рабкоп — рабочая кооперация.
рабфак — рабочий факультет.
Разведупр — Разведывательное управление Генерального штаба РККА.
РАПМ — Российская ассоциация пролетарских музыкантов.
РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей.
РВС, РВСР, Реввоенсовет — Революционный военный совет, Революционный военный совет Республики.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
РКИ (НК РКИ) — Рабоче-крестьянская инспекция, Наркомат РКИ.
РК и КД — Рабоче-крестьянские и красноармейские депутаты.
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия.
РКП — Российская коммунистическая партия.
РОПКП — Российское объединение пролетарско-колхозных писателей.
Роста — Российское телеграфное агентство.
РПЦ — Русская православная церковь.
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия.
Санупр Кремля — Санитарное управление Кремля (см. также Лечсанупр).
СВГ — Ставка Верховного главнокомандования.
СВУ — Союз вызволения Украины.
с.г. — сего года.
с.д. (с.-д.) — социал-демократ, социал-демократия (социал-демократический).
СНК, Совнарком — Совет народных комиссаров.
СНХ, Совнархоз — Совет народного хозяйства.
СП, ССП — Союз писателей, Союз советских писателей.
СПБ, СПб. — Санкт-Петербург, петербургский, петроградский.
Соцэгиз — Государственное издательство социально-экономической литературы.
СС — Собрание сочинений (Ленина, Сталина, Толстого и т. д.).
ст. — станция.
СТО — Совет труда и обороны.

СУ — собрание узаконений.
с.х., с.-х. — сельское хозяйство, сельскохозяйственный.
СШО — секретно-шифровальный отдел.
СЭ — Советская энциклопедия (издательство и издание).
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза.
тео — театральный отдел.
ТКП — Трудовая крестьянская партия.
ТРАМ — Театр рабочей молодежи.
ТЭЖЭ — Государственный трест высшей парфюмерии, жировой и костеобрабатывающей промышленности (Трест Жиркость).
УК — Уголовный кодекс.
уком — уездный комитет.
УОНО — уездный отдел народного образования.
УПК — Уголовно-процессуальный кодекс.
Уралмаш — Уральский машиностроительный завод.
Центроархив — Центральный архив.
ЦК ВКП(б) — Центральный комитет ВКП(б).
ЦКК ВКП(б) — Центральная контрольная комиссия ВКП(б).
ЦИК СССР, ЦИКС — Центральный исполнительный комитет СССР.
ЦО — центральный орган, «Правда».
ЦПА — Центральный партийный архив (ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)).
ЦУНХУ — Центральное управление народно-хозяйственного учета Госплана.
ЦУС — Центральное управление статистики.
ЦЧО — Центрально-черноземная область.
финплан — финансовый план.
ФСП — Федерация советских писателей.
ФОСП — Федерация объединений советских писателей.
хозотдел — хозяйственный отдел.
ЧТЗ — Челябинский тракторный завод.

«I.W.W.» — «Индустриальные рабочие мира» (*англ.*).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел второй. «СТАЛИН — ЭТО ЛЕНИН СЕГОДНЯ»
(1924—1929)

Раздел четвертый. МИР, ВОЙНА И МИР
(сентябрь 1939 — март 1953)

БОЛЬШАЯ ЦЕНЗУРА

Писатели и журналисты в Стране Советов
1917–1956

Редакторы В. Т. Кабанов, А. Б. Григорьев

Оригинал-макет подготовлен
ООО «БЕТА-Фрейм»

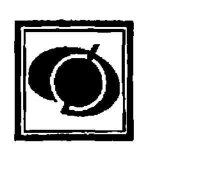
ЛР № 061660 от 06.01.97 г.

Подписано к печати 10.10.2005.
Формат 70×100$^1/_{16}$. Гарнитура Таймс.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 60,63. Тираж 3000 экз.
Заказ № 0514030.

ООО «Издательская фирма «Материк»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 24, стр. 3.
Тел./факс (095) 925-02-62
E-mail: materik@awax.ru
http://materik.info

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

RUSSIA. THE XX th CENTURY

D O C U M E N T S

THE GREAT CENSORSHIP

Writers and Journalists in the Land of Soviets, 1917–1956

Emergence and functioning of a rigid system of total control over content and orientation of all kinds of press and literary writings is chronicled by the documents included in this volume. This all-embracing control and actual direction of creative process not only related to all press writings, but also extended to interfere with private lives of writers and journalists and decide matters of their personal life and death. The system was initiated by Lenin, Trotsky and Stalin. Later on, for thirty years Stalin remained the main censor, editor, critic and a «model» author in the land of Soviets.